Повелитель гроз
Анакир
Белая змея

Повелитель гроз
Анакир
Белая змея

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

TANITH

LEE

The Storm Lord

Anackire

White Serpent

ТАНИТ

ЛИ

Повелитель гроз

Анакир

Белая змея

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Л55

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Tanith Lee

THE STORM LORD
ANACKIRE
WHITE SERPENT

Перевод с английского И. Тетериной («Повелитель гроз»), Т. Мининой, Е. Свешниковой («Анакир»), В. Маргович, Е. Свешниковой («Белая змея»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. & Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 20.07.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 50,4. Тираж 4000 экз. Заказ № 2505.

Ли, Т.
Л55 Повелитель гроз. Анакир. Белая змея: [фантаст. романы] / Танит Ли. — М.:АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. — 959, [1] с. (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-032666-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-0685-5 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-2735-5 (ООО «Транзиткнига»)

...Молва о славных деяниях Ральднора — мага и меченосца — летит из королевства в королевство.

Уже сейчас ему, герою-одиночке, незаконному сыну короля Перворожденных Висов и жрицы черной Богини-Змеи, нет и не может быть равных.

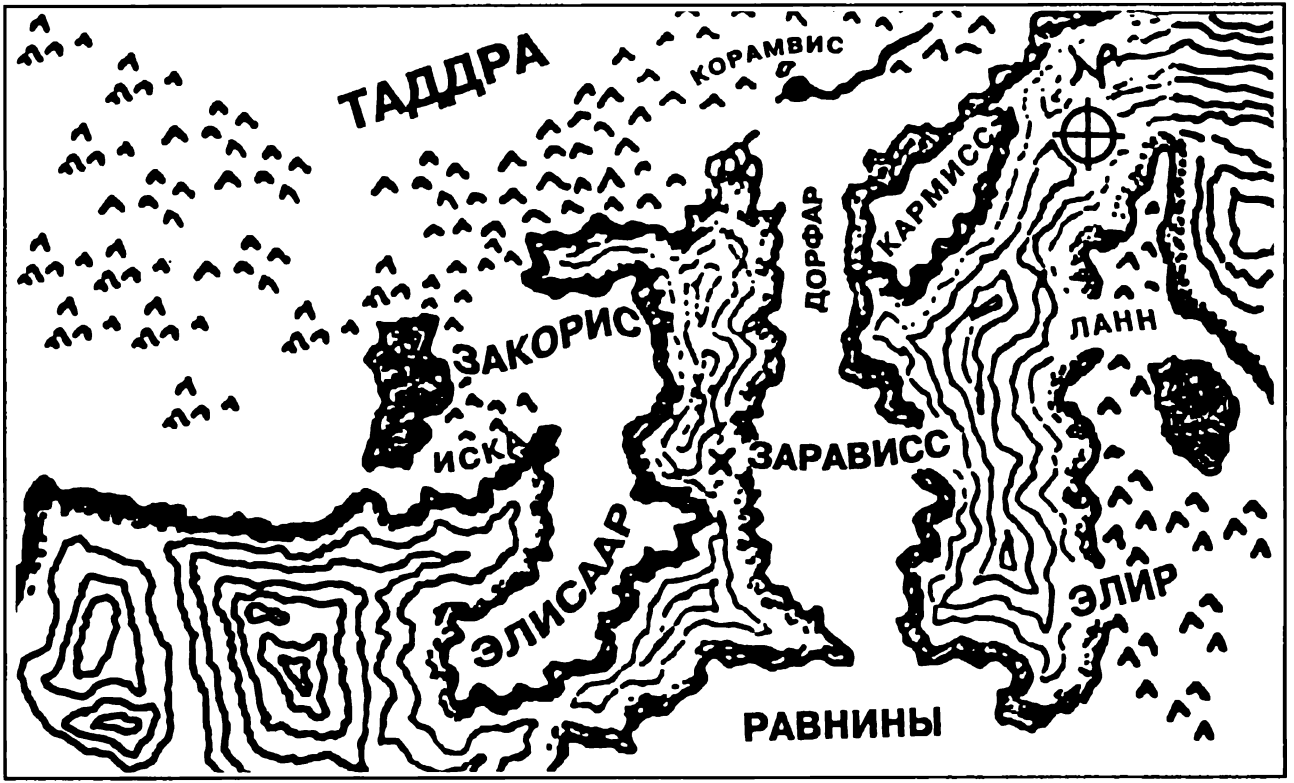
Но существует смутное предсказание — однажды Ральднор обретет ИСТИННОЕ МОГУЩЕСТВО.

И тогда содрогнется ВЕСЬ МИР!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Tanith Lee, 1976, 1983, 1988
© Перевод. И. Тетерина, 2004
© Перевод. Т. Минина, Е. Свешникова, 2005
© Перевод. В. Маргович, Е. Свешникова, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Повелитель гроз

ТАДДРА
КОРАМВИС
ДОРФАР
КАРМИСС
ЗАКОРИС
ЛАНН
ИСКА
ЗАРАВИСС
ЭЛИСААР
ЭЛЙР
РАВНИНЫ

ЯНТАРНАЯ ВЕДЬМА

1

Огромная перевернутая чаша небес над Равниной набухла закатной кровью. Солнце уже скрылось за Гранью Мира, но луна еще не взошла, и лишь одинокая алая звезда скалывала плащ сгущающихся сумерек.

По бесплодным склонам скакала группа примерно из двадцати человек — охотники, но не с Равнин. Они подгоняли своих чистокровных скакунов, часть из которых была запряжена в легкие охотничьи колесницы, похожие на заравийские. Но они не были заравийцами. Их поведение дышало той особой, почти специфической самоуверенностью, которая выдавала в них чужаков куда определеннее, чем даже их черные волосы и отливающая темной бронзой кожа. Но все же именно чешуйчатые насечки на их латах свидетельствовали о точном характере угрозы, которую они несли, ибо это были дорфарианцы, драконы, среди которых был и Верховный король.

Редон, Король Дорфара, Повелитель Гроз. Этот богоданный титул означал владычество над целым континентом Виса, этой планеты, на которую сейчас опускались сумерки. Король, властелин королей. Даже его охотничий шлем венчал драконий гребень, из-под которого смотрели на мерцающую алую звезду два змеиных глаза.

Застис. Замкнутые жители Элира, привыкшие говорить обиняками, звали так пору свадеб. Но все было гораздо примитивнее и прозаичнее. Это было время сильнейших сексуальных желаний, торжества плоти, чей голос властно звучал в каждом, но среди знати Дорфара не терпел прекословия ни в чем. По странной прихоти судьбы этим отличалась вся династия Рарнаммона.

Взошла луна. Свет звезды окрашивал ее красным.

Возница Редона оглянулся на хозяина. Это был грациозный худощавый мужчина с лицом, на котором не было возможности прочитать вообще ничего. Единственным исключением являлись длинные и узкие щелочки глаз, в которых светился холодный и расчетливый, как у машины, ум. Этого человека звали Амнором, он был Советником Короля, главой Высшего Совета Корамвиса и в определенном смысле вторым человеком в государстве.

— Амнор, мы сильно удалились от Зарара, — внезапно сказал Редон. У него был истинно королевский голос — низкий

и звучный. Вообще, с виду он идеально подходил на роль короля, но это впечатление было поверхностным. Амнору это было известно как никому иному.

— Мой господин тревожится? Здесь поблизости есть деревушка. Местный, которого мы допросили, упоминал о ней, если вы помните.

— Это все проклятое Междуземье. Почему мы охотимся так далеко от границ Зарависса?

— Я надеялся, что ваша светлость немного развлечется здесь, в Степи. На границе Зарависса уже перебили почти всю дичь.

— Всему виной это место, — опять повторил Редон. Звезда, как обычно, делала его беспокойным и раздражительным. — Как ты его называл?

— О, его местным названием. Равнины-без-Теней.

Местность резко пошла вниз. Всадники очутились среди чахлых полей, розоватых в свете луны. Среди колосьев мелькнул и исчез небольшой храм — скорее всего, алтарь местной богини Анакир, полуженщины-полузмеи. Амнору приходилось слышать о подобных вещах. Он снова оглянулся назад, на этот раз не на Редона, а туда, где со своими людьми скакал принц Орн. Орна, двоюродного брата Редона, не слишком заботил Зарависс с его роскошью. Он был бы вполне счастлив остановиться на ночлег здесь. Что же касается Зарара, визит вежливости Редона в его феодальные поместья уже почти подошел к концу.

Через некоторое время Амнор различил огоньки.

Это и на самом деле была одна из степных деревушек: разбитая дорога, жмущиеся друг к другу убогие домишки, темный храм, окруженный рощицей красных деревьев.

Охотники натянули поводья.

Из рощицы показались три или четыре женщины. В отличие от Висов, господствующей расы, Народ Равнин был бледным, светловолосым и желтоглазым. Ни детей, ни мужчин видно не было. Возможно, их унесла какая-то болезнь или же они отправились на охоту за равнинными волками, которых дорфарианцы безуспешно преследовали весь день — или за тиррами, обладателями ядовитых когтей, чьи пронзительные крики оглашали леса на Грани Мира.

— Где ваши мужчины? — крикнул им Амнор.

Женщины не сдвинулись с места, а их лица остались такими же пустыми, как и были.

— Мы — дорфарианцы, — раздался резкий голос. — Вы предоставите нам самый лучший ночлег и будете считать это огромной честью.

Амнор обернулся и увидел принца Орна. Его повелительная интонация забавляла Амнора, как и мощное массивное тело на угольно-черном скакуне, и символическая визгливая агрессия, которая явно ни к чему не приводила. Амнор повторил, более мягко:

— Нам нужна еда. Кроме того, нашу кровь волнует Красная Луна.

Женщины упорно не смотрели на них, но он полагал, что эта угроза, возможно, произвела на них впечатление. Говорили, что обитатели долин были невосприимчивы к Застис.

За спиной у него нетерпеливо переминался Редон. Змеиные глаза перебегали с одной женщины на другую, уже голодные, уже ненасытные. Он в раздражении отвернулся.

На глаза королю, точно изваяние в обрамлении храмовых колонн, попалась девушка.

Неподвижная, бесстрастная, она казалась высеченной из какого-то белого кристалла. Прозрачные глаза, точно плошки из желтого янтаря, были прикованы к нему; копна рыжеватых волос казалась облаком застывшего пара.

— Ты. Девчонка, — сказал он. — Подойди. — Его голосу, и так обладавшему величием грома, эхом отозвался громовой раскат где-то над темными склонами. Если для нее это и послужило знаком его могущества, она ничем не выказала этого, но все же повиновалась. — Сегодня ты разделишь ложе со мной, — сказал Редон. — На краткий миг повисло молчание, крошечная капля тишины, точно первая капля ливня.

— Да, — произнесла она. И, как ни странно, несмотря на то, что она и не могла дать никакого другого ответа, это короткое слово вместило в себя весь смысл, все согласие в мире.

Они расположились лагерем на краю деревушки, поставив небольшие походные шатры из шкуры оваров. Слуги и возничие должны были спать под открытым небом. По пути они позабирали всю еду и питье, какую пожелали, нимало не заботясь о том, что это лишит жителей деревни большей части их и без того скудного урожая. В храмовом дворике слуги-Висы забили коров и зажарили ее целиком над ямой с углями.

Но, в отличие от их короля, они не притронулись к женщинам, хотя страсть уже снедала и их. Даже самых неотесанных слуг пугала эта бесстрастная уступчивость и широко раскрытые глаза. Ходили слухи, будто женщины с равнин владели странными искусствами. И умели заглянуть прямо в душу, обнаженную и беззащитную в момент наивысшего наслаждения плоти. Поэтому женщины беспрепятственно исчезли, и ни один огонек не мерцал в их хижинах, ни один звук не нарушал ночную тишину.

В шатре Редона закончили ужинать. Амнор склонился вперед, наполняя королевский кубок хмельным горьким вином, украденным, когда они проезжали по степи. Место Орна пустовало — его скакун захромал и требовал заботы — так он сказал, но на самом деле ему было неприятно присутствие Амнора. Эта мысль вызвала у Амнора еле заметную улыбку. Орн эм Элисаар, прислуживающий деспотичному старику, который никак не умрет и не оставит свое королевство на растерзание многочисленным сыновьям. Орн предпочел искать власти у своего двоюродного брата, а Амнор, пронырливый Амнор ловко вклинился между ними. И не только между двумя братьями, ибо дело касалось и королевы Редона.

Показался часовой, поставленный охранять шатер.

— Повелитель Гроз, прошу прощения. Там деревенские жрецы просят аудиенции. — Выгнать их взашей, мой господин?

— Они все это время скрывались в своем храме, — сказал Редон. — Зачем им понадобилось обнаруживать себя?

— Из-за девушки, которую ваша светлость удостоил своим вниманием.

Амнор сказал:

— Возможно, они позабавят вашу светлость.

Редон, не способный думать ни о чем, кроме своей неутоленной страсти, кивнул стражнику.

Тот исчез за пологом. Через миг появились жрецы. Их было трое, в длинных черных плащах, со скрытыми под капюшонами лицами. Дорфарианские жрецы носили пышные одеяния и со своими оракулами, чудесами и вошедшей в поговорки алчностью были чрезвычайно колоритными фигурами. Эти ночные гости были окружены ореолом таинственности, они казались бесплотными, точно лишенными чего-то, присущего людям.

— Мы думали, что сегодня в деревне нет мужчин, — вкрадчиво заметил Амнор.

— У нас жрецы не считаются мужчинами.

— Мы так и поняли. Что ж, вы здесь. Что заставило вас потревожить Повелителя Гроз?

Даже не видя их лиц, он почувствовал, как три пары глаз впились в него. Он не был таким высокомерным, каким казался, зная, что даже эти холопы время от времени демонстрировали кое-какие способности и владели необычной магией. Он задумался, совещаются ли они сейчас мысленно друг с другом, как они, по слухам, обычно делали.

— Ваш господин пожелал разделить ложе с Ашне'е. Мы просим его выбрать любую другую женщину из деревни.

Значит, ее зовут Ашне'е. Достаточно распространенное имя среди женщин Равнин.

— Почему?

— Эта женщина из нашего храма. Она принадлежит нам. И Ей.

— Ей? Насколько я понимаю, вы имеете в виду вашу богиню-змею?

— Ашне'е была отдана богине.

— И что? Повелитель Гроз простит вам, что она больше не девственница. Полагаю, именно на это вы намекаете.

Он думал, что они заговорят снова, но они молчали.

— Убирайтесь обратно в свой храм! — внезапно рявкнул на них Редон.

В похожем на чашу небе пророкотал гром.

Не проронив ни слова, жрецы развернулись и один за другим беззвучно исчезли во тьме.

Костры уже почти догорели, растворившись в ночном мире, когда девушку привели в шатер Редона.

В полумраке ее черты казались нечеловеческими. Неровное пламя факела заливало один ее глаз расплавленным золотом, расцвечивая щеку так, что казалось, будто по ней текут огненные слезы.

Слуги бочком выбрались из шатра и ушли.

Редон дрожал от страсти. Он погладил край ее одеяния пальцами, вспоминая то, что сказал ему Амнор.

— Ты из храма, Ашне'е?

— Да. — Ее голос был совершенно бесцветным.

— Значит, ты знакома с постельной наукой храмовых женщин.

Он стащил с нее одежду, и она предстала перед ним совершенно обнаженная. Его рука скользнула по ее телу, задержавшись на прохладных грудях. Он подвел ее поближе к факелу, чтобы разглядеть получше. Мимолетная красота, чтобы уничтожить ее, нужно так мало! Высокая грудь, холодная, ибо соски покрывала позолота. Капелька желтой смолы в пупке. Эта смола невероятно возбудила его, она могла быть третьим глазом. Он коснулся ее невообразимых волос, жестких, точно проволока, которую они и напоминали.

— Ты боишься меня?

Она ничего не сказала, но глаза у нее стали еще больше, как будто налились слезами.

Не в силах противиться зову звезды, он увлек ее на ложе, но она как-то исхитрилась вывернуться и оказалась на нем сверху. Он увидел, что увеличение ее глаз — это всего лишь свечение, они горели, жуткие, словно глаза тирра или баналика, готового высосать из него всю душу.

Голова у него закружилась от страха, но еще через миг он обнаружил, что она знает все те хитрости, которые обещал ему Амнор. Он не мог уклониться от ее воли, беспомощно барахтаясь в ее змеиных кольцах, пока ночь не превратилась в жгучее море хмельного безумия, волны которого накрывали его с головой и между которыми вдруг мелькнула сумасшедшая мысль оставить ее у себя навсегда, чтобы она каждую ночь доводила его до сладкого и жуткого изнеможения, заставляя раз за разом погружаться в головокружительную бездну ее лона.

Птицы, перелетавшие с ветки на ветку, принесли с собой рассвет, упоительно прохладный, еще не отравленный дневной жарой.

Амнор откинул полог королевского шатра и на миг остановился на пороге, глядя на спящую девушку, уткнувшуюся лицом в подушки. Первые рассветные лучи солнца ласкали ее бледную, точно кость, спину.

Король лежал на боку, по-видимому, погруженный в глубокий сон, но все же, как заметил Амнор, его черные глаза почему-то были широко раскрыты. Амнор подошел к нему и наклонился, решительно тряхнув Повелителя Гроз за плечо, потом принявшись хлопать его по бескровным щекам. Остекленевшие глаза равнодушно взирали куда-то мимо этой вопиющей непочтительности. Редон, король

Драконов, чей новый наследник вот уже два месяца как подрастал в чреве его королевы в Корамвисе, а остальные, предыдущие наследники от младших королев дюжинами рыскали по дворцовым дворам, лежал мертвый, и причиной этого, по-видимому, стала случайная застианская ночь любви.

Амнор вышел из шатра. Его крик вспорол утренний воздух, разбудив людей, спавших вокруг своих костров. Два стражника с мутными глазами подбежали к нему.

— В шатре, — резко сказал Амнор. — Господин наш Редон мертв. Эта мерзкая ведьма еще спит. Выведите ее сюда.

Он увидел, как глаза стражников затопил ужас. Они вбежали в шатер, и полог так и остался бесстыдно задранным. Он увидел, как они замерли над телом Редона, потом наклонились и стащили с ложа Ашне'е. Она была похожа на безвольную куклу, но когда они бросили ее на землю у его ног, ее глаза распахнулись, взглянув прямо в его глаза. Она не сделала попытки ни подняться, ни прикрыться.

— Ах ты дрянь, — прошипел Амнор, — ты убила короля.

Один из стражников занес копье.

— Постой! — проскрежетал Амнор. — Здесь все не так просто.

— Вне всякого сомнения.

Амнор поднял глаза и заметил высокую фигуру Орна эм Элисаара, натянутого, точно струна, с зажатым в руке ножом.

— Что за переполох?

— Повелитель Гроз мертв, — сообщил Амнор, сузив глаза так, что они снова превратились в еле заметные щелочки.

— Типун тебе на язык. Я должен увидеть все сам.

— Я буду только рад, если милорд принц сам вынесет свое суждение.

Амнор отступил от распахнутого, точно раззявленная пасть, полога шатра, и Орн шагнул мимо него внутрь. Лорд-советник бесстрастно наблюдал, как принц тряс тело Редона, звал его, но в конце концов все же оставил в покое. Орн выпрямился, развернулся и вышел. Его сухие безжалостные глаза впервые пробуравили лежащую на земле Ашне'е.

— Кто такая?

— Шлюха из храма. Неужели ваша светлость забыли....

— Да. Я забыл.

Орн резко опустился на колени, ухватив ее за подбородок железной рукой, так что она была вынуждена взглянуть прямо ему в глаза.

— И что же ты сделала, храмовая шлюха? Ты знала, кто такой этот мужчина, когда убивала его? Это Повелитель Гроз, Верховный король... *Смотри на меня!*

Ее взгляд скользнул к Амнору, потом желтые глаза внезапно закатились, а веки начали закрываться, оставив приоткрытыми полоски белков, точно в припадке. Орн почувствовал, как похолодела ее кожа под его рукой, и отпустил ее, решив, что она потеряла сознание. Амнор так не думал, но тем не менее говорить ничего не стал.

Орн поднялся на ноги.

— Нам некогда с ней возиться, — сказал он. — Я прикончу ее. — Он поднял глаза на бледное, только что вставшее солнце, уже погасившее воспаленную звезду. — Красная Луна была проклятием Редона, — сказал он. — Он ведь был уже далеко не юношей. — Нож в его руке угрожающе блеснул.

— Однако, лорд принц, мы кое о чем забыли, — мягко возразил Амнор.

Орн взглянул прямо на него.

— Не думаю.

— О, это действительно так, мой господин. Возможно — только возможно — что в этом презренном теле уже растет дитя Редона.

Повисло более глубокое и напряженное молчание. Люди застыли в позах почти сверхъестественной тревоги.

— Возможно, она воспользовалась какой-нибудь из своих бабских хитростей, чтобы предотвратить это, — предположил Орн.

— Как мы можем быть уверены? Это никак не проверить, лорд принц. И позвольте напомнить вам, мой господин, что последний ребенок, зачатый перед смертью короля, становится, согласно законам Рарнаммона, его окончательным наследником.

— Только не ублюдок, рожденный от какой-то деревенщины, от одной из этого желтоглазого отребья Равнин...

— Воистину так, мой господин, но разве можем мы осмелиться принять такое решение единолично?

В глазах Орна блеснула сталь. Высокомерное отвращение, которое он питал к Амнору, окрасило его лицо румянцем.

— Моей власти вполне хватает...

— Лорд Орн! — внезапно крикнул один из солдат.

На невысоком обрыве в нескольких ярдах от них махал рукой часовой, указывая куда-то на поля.

Обернувшись, Орн увидел тучу пыли, клубящуюся над склонами.

— Ну что еще?

— Возможно, это возвращаются деревенские мужчины? — вкрадчиво предположил Амнор.

Орн в несколько широких шагов очутился на краю обрыва и встал рядом со стражником, а Амнор последовал за ним, хотя и не так стремительно.

Бледные лучи солнца серебрили пыль, не давая различить что-либо в этой колышущейся и слепящей мути.

— Сколько человек смогли поднять такую тучу пыли? — фыркнул Орн. — Пять десятков? Шесть?

— Но это всего лишь холопы, как вы справедливо заметили, лорд принц, — буркнул Амнор.

Орн не обратил на него никакого внимания. Он закричал стоявшим внизу солдатам:

— Капитан, поднимайте отряд по боевой тревоге!

Ответом на его приказ стало шевеление, начавшееся вокруг дымящихся костров.

— Здесь больше, чем было бы из одной деревни, — заметил Орн. — Почему?

— Возможно, их созвали жрецы, — предположил Амнор.

— Созвали? Из-за девчонки? — выругался Орн. — Ты хвастался, что хорошо знаешь это равнинное отребье, Амнор. Что они собираются делать, как ты думаешь?

— Они известны своей пассивностью, лорд принц. Возможно, ничего. Но в сложившихся обстоятельствах, полагаю, вы согласитесь, что вам не стоит марать об эту девчонку свой нож.

Орн ухмыльнулся, пряча клинок в футляр.

— На этот раз твой совет неглуп. Смотри, я убрал эту штуковину. И что теперь?

Было ясно, что он с большой неохотой подчиняется мнению Амнора, но, похоже, лорд-советник, как ни странно, действительно разбирался в этой непредвиденной ситуации.

— Я предлагаю вот что: сообщить жителям деревни о смерти Редона, не возлагая вину на девчонку. Скажем, что ей на самом деле выпала честь носить королевского наследника.

— Наследника! — выплюнул Орн. — Думаешь, хоть одна партия в Дорфаре поддержит подобное притязание?

— Это вряд ли нас касается, лорд принц. Это невежественный народ, как, насколько говорили, ваша светлость сами упоминали. Вполне возможно, что они проглотят эту басню. В этом есть что-то мифологическое, что должно прийтись им по вкусу. Когда прибудем в Корамвис, пусть Высший Совет решает, как быть.

— Ты хочешь отвезти ее в Корамвис?

— В подобных обстоятельствах всегда лучше всего вести себя как можно предусмотрительнее. Кто знает, какое истолкование может Совет дать любому поспешному действию?

Орн прищурился, глядя на облако пыли. Теперь он уже различал зеебов и скачущих на них людей.

— Тут есть одна небольшая загвоздка, — сказал Амнор. — Девушка должна казаться покорной.

Орн взглянул на нее с высоты своего роста, и его темные черты исказило отвращение.

— Это будет нелегко, когда она выглядит совершенно мертвой.

— Это просто состояние транса, мой господин. Некоторые жители Равнин изрядно поднаторели в такой магии. Полагаю, если вы позволите мне остаться с ней наедине, я смогу вывести ее из него.

— Я преклоняюсь перед твоей мудростью. Делай так, как сочтешь нужным.

В жаровне вспыхивал свет цвета опавших листьев.

Амнор вытащил оттуда пылающую головню, стряхнул с нее ослепительно-белые хлопья огня, тут же закружившиеся в воздухе вокруг обнаженного девичьего тела. Она лежала на его ложе,

куда два его слуги опустили ее, точно белое изваяние в тускло освещенном шатре.

— Ты чувствуешь жар от огня, Ашне'е? — промурлыкал Амнор, склонившись к самому ее уху. — Позволь мне рассказать тебе, что я собираюсь сделать. — Продолжая нашептывать ей на ухо, точно любовник, он опалил пушок вокруг ее пупка, но ничего больше. — Если я поднесу головню к твоему горлу, плоть обуглится до костей. Но ты осмелилась убить короля Виса, Ашне'е, поэтому, возможно, мне стоит заставить тебя помучиться. Начать с твоей груди...

На лбу девушки выступили бисеринки пота. Жизнь внезапно хлынула в ее обмякшее тело. Ее глаза раскрылись и в один миг сосредоточились на его глазах.

Амнор улыбнулся. Он перехитрил искру ее сознания, слепо цепляющегося за жизнь — стоило лишь пригрозить ее телу, как дух тут же вернулся, чтобы прийти ему на помощь.

— Думаешь, я действительно сделал бы это? Выжег бы эти восхитительные позолоченные соски с твоих белых грудей?

Впервые за все это время она заговорила.

— Ты сделал бы то, что доставило бы тебе удовольствие.

— Какая проницательность! Я именно так и поступил бы. Совсем недавно я получил удовольствие, спасая твою плоть от ножа принца Орна. Догадываешься, зачем? Нет, думаю, все-таки нет. Продлить твою жизнь будет куда сложнее. На самом деле, это зависит от того, зачала ты от Редона или нет. По законам Дорфара последний ребенок мужского пола, зачатый перед смертью короля, становится его наследником.

— Да, — сказала она. — Я ношу дитя Повелителя Гроз.

— Твоя храбрая самоуверенность побуждает меня помочь тебе.

Палатку заливал тусклый красный свет.

Он протянул руку и погладил ее покорное тело. Когда она взглянула на него, ему показалось, что у нее три глаза: два золотистых на лице и третий в пупке.

— Я же сказала тебе. Я ношу дитя Повелителя Гроз.

— Если и нет, у нас еще предостаточно времени.

Зов звезды неотвязно звучал в его ушах, но он был хитер, как и всегда. Однако его ласки, доводившие до исступления даже королеву Редона, с таким же успехом могли бы быть обращены к статуе. Девушка лежала под ним, точно мертвая, а ее волосы, казалось, освещали подушку, на которой покоилась ее голова. Поэтому он использовал ее, обнаружил, что это не доставляет ему никакого удовольствия, и отодвинулся от нее. Лишь по его глазам можно было догадаться, как все могло бы быть в другое время.

Облако пыли осело на поля, точно стая саранчи.

Мужчины неподвижно сидели на своих скакунах-зеебах. От них до дорфарианского лагеря не доносилось ни звука. Королевская гвардия выстроилась правильными рядами — бесстрастная ли-

ния обороны, не слишком многочисленная по сравнению с противником, но в высшей степени уверенная в превосходстве своей воинской выучки. В конце концов, с кем им предстояло столкнуться, кроме толпы сброда?

— Советник что-то не спешит, — нетерпеливо заметил Орн. Капитан развернулся, собираясь послать человека к шатру Амнора, но Орн поймал его за руку. Амнор потребовал полного уединения, заявив, что его эзотерическая работа — затея довольно опасная, и Орну ничего другого не оставалось, как полностью положиться на него.

В воздухе повисло гнетущее ожидание. Безжалостное солнце плавило воздух Равнин.

— У храма какое-то движение, лорд принц.

Орн бросил взгляд в ту сторону.

— Жрец.

Закутанная в покрывало черная фигура скользила по дороге, точно катясь по направлению к собравшимся мужчинам.

— Они замышляют что-то новое, — заметил Орн.

Он смотрел, как жрец с низко склоненной под черным капюшоном головой вступил в безмолвный разговор с первыми рядами всадников и почти сразу же из толпы вышел мужчина и встал рядом с ним. Мужчина и жрец пошли обратно, направившись прямо к лагерю Висов. Орн внимательно следил за их приближением. Насколько он мог видеть, мужчина был молодым и ничем не выдающимся: загорелый, худой, но жилистый, почти мальчишка, чье тело и дух с самого рождения были закалены суровой жизнью — будь он рожден среди Висов, ему была бы прямая дорога в солдаты. Жрец скользил за ним, черный и безмолвный, точно тень.

Когда они приблизились к лагерю, дорогу им заступил часовой.

Юноша остановился. Его янтарные глаза были прикованы к Орну.

— Повелитель Гроз, вчера вы взяли в свой лагерь женщину. Позвольте ей вернуться к своему народу.

Часовой презрительно-легонько ткнул его в грудь.

— На колени, когда обращаешься к принцу, равнинная собака!

Юноша немедленно преклонил колени, не глядя на часового.

— Я спрашиваю еще раз, Повелитель Гроз.

— Я не Повелитель, — рявкнул Орн. — Повелитель мертв.

— Это очень печально. Но я еще раз спрашиваю об Ашне'е.

— Ашне'е, возможно, носит наследника короля. Ты понимаешь? Ей придется отправиться с нами в Корамвис.

Юноша уставился на него своими бледными немигающими глазами.

— Вы убьете ее там?

— Если она носит дитя, ее ожидает почет.

— Что тебе за дело до того, что мы сделаем с Ашне'е? — раздался требовательный голос. Голос Амнора. Значит, лорд-советник наконец-то появился из своего уединения и, по-видимому, с успехом. —

 Она принадлежит этой вашей богине, а не тебе.

— Моя сестра, — медленно проговорил парень. — Она моя сестра.

— Отлично. Иди за мной и захвати с собой своего жреца. Ты будешь говорить с Ашне'е. Спроси ее, желает ли она большего счастья, чем вступить в город Повелителей Гроз.

Это заявление, резкое, повелительное, похоже, затронуло какую-то чувствительную и важную струну. Орн понял, что юноша сразу же признал и власть Амнора, и его слова. Амнор пошел вверх по склону, а парень последовал за ним. На вершине Амнор впустил его в шатер из шкуры овара, но сам внутрь не вошел.

Орн ждал, а получать от ожидания удовольствие было вовсе не в его характере. Скажет ли девчонка то, что велел ей Амнор? Проклятие, лучше бы ее прибили до всех этих разговоров о зачатии и до того, как Совет запутает это совершенно ясное дело. И какие у лорда Главы были во всем этом личные мотивы?

Парень вышел из шатра. Орн мгновенно уловил произошедшую в нем перемену — он казался поразительно постаревшим и слепым, плутающим в этой тьме — не в физической, в духовной. Он побрел по склону сквозь ряды дорфарианцев, направляясь к пестреющему разноцветными заплатами полю, с жрецом, держащимся у него за спиной, точно огромный черный ворон.

В рядах местных произошло какое-то одновременное шевеление. Строй внезапно рассыпался, зеебы развернулись и поскакали прочь, снова подняв тучу пыли, прикрывшую их отступление.

Капитан вполголоса выругался.

Орн взглянул на Амнора.

— Очень умно, Советник, очень.

И Амнор позволил себе миг ребячества, ответив на его невысказанную насмешку:

— Определенно слишком умно для вас, лорд принц.

Соблюдая непреложные правила этикета, в Зарар послали гонца. Поэтому Орн скрежетал зубами, когда они проехали под белыми Драконьими вратами и вступили в город, погруженный в глубокую поэтическую скорбь.

Ну, развели нытье, думал он, проезжая мимо женщин, оплакивающих Редона, чью особу они, скорее всего, уже благополучно забыли.

Их хозяин в Зараре, король Тханн Рашек, которого в определенных кругах звали Тханном Лисом, выслал процессию бальзамировщиков умастить и запеленать тело Редона. Многочисленные королевы Рашека, женщины из Зарависса, Кармисса и Корла, и полчища его дочерей носили темно-лиловый траур, а барды распевали баллады о выдуманных подвигах — полномасштабной войны, в которой лорд мог бы снискать или купить себе славу героя, не было со времен самого Рарнаммона. Этот балаган вызывал у Орна неукротимую ярость. Он с ожесточенной поспешностью принялся собирать вместе разобщенные группировки из окружения Редона. За четыре дня его уже начало тошнить от этой помпы, драматизма и нескончаемых

бледных лиц, постоянно готовых разразиться театральными рыданиями и поминальными песнями.

Он стремительно повел свой отряд прочь из Зарависса, прикрываясь мертвецом, и покинул ее хрустальные города, окутанные дымками жертвенных курений.

Они вступили на узкую землю Оммоса, везя свой печальный груз в закрытых позолоченных заравийских дрогах. Ашне'е, которую в Зараре держали в экзотическом заточении, точно дикого, но забавного зверька, — вне всякого сомнения, подглядывая за ней в щелочки в занавесях — теперь жила в серой комнате, где не было ни единого окна, являясь мишенью для плевков жителей низеньких лачуг, жмущихся с обеих сторон к дорогам. В сумерках в белокаменной крепости у моря ее смотритель собственноручно убил новорожденное дитя, произведенное на свет всего за несколько часов до их прибытия одной из его тусклоглазых жен. Он сделал это в знак своей скорби, объяснил он им, но все же то была девочка, а не мальчик, поэтому, в особенности для оммосца, потеря была не слишком велика.

Вскоре после этого до Орна донеслись вопли ее матери, воющей где-то в темноте, и по какой-то необъяснимой причине его мысли перескочили на королеву Редона.

Вал-Мала, дорфарианская принцесса из захудалого дома в Куме, возвысилась до положения Великой вдовы Корамвиса благодаря своей красоте и слабости Редона.

Теперь она будет ненавидеть эту девчонку с Равнин.

Орн позволил себе хмурую улыбку при мысли о тех мучениях, которые придумает для нее Вал-Мала. В определенных кварталах имя Вал-Малы уже стало олицетворением жестокости. Ни одной из женщин, осмелившихся перейти ей дорогу в ранние дни ее возвышения, теперь не было видно при дворе. Он вспомнил ее любимого зверька — белого калинкса, дикого кота неимоверной злобности с кисточками на ушах — который более или менее свободно бродил по ее покоям и для всего Корамвиса был символом ее чарующей и изобретательной злобы. Воистину, когда они возвратятся, за Вал-Малой будет небезынтересно понаблюдать.

А вдруг эта шлюха с Равнин действительно понесла? Вдруг внебрачная страсть правителя Виса получит публичное доказательство? Орн со злорадством, которое было не вполне праздным, задумался, станут ли объятия лорда Советника достаточным утешением для королевы.

2

Дорфар, земля драконов, Дорфар, голова дракона, горы — его зубчатый гребень, озеро Иброн — его белый глаз, Корамвис — его мыслящая жемчужина в центре, его сердце-мозг.

Город лежит в предгорьях скал, точно гигантская девственно-белая птица на гнезде из огня. Старый город, надвое разде-

ленный рекой, уходит своими корнями в самые дальние закоулки прошлого; как и Драконьи врата в Зарависсе, он отчасти является воспоминанием, физическим местом, обремененным грузом легенд, древним пепелищем, куда с небес сошли боги Гроз, скрытые в утробах бледных драконов.

В полдень, в первый застианский месяц над его сторожевыми башнями поднялись клубы жирного черного дыма, знака смерти, и Корамвис открыл ворота навстречу своему мертвому королю.

Покои Вал-Малы наполнял тусклый и дымный от многочисленных курильниц свет. Треща, мерцали огоньки свечей, ее фрейлины были одеты во все черное. По щекам девушки, проводившей их внутрь, струились нарисованные серебряные слезы.

Вал-Мала заставила их довольно долго прождать ее — Верховного Советника и Орна, принца Элисаара. Когда Орн начал проявлять признаки нетерпения, девушка бросила на него укоризненный взгляд и прошептала:

— Королева скорбит.

Орн насмешливо фыркнул, но в этот миг появилась сама скорбящая, и он проглотил насмешливые слова, вертевшиеся у него на языке.

Вал-Мала. Ее по-висски темная кожа была тщательно набелена, дорфарианскую смоль волос скрывал парик из гиацинтово-синего шелка. На ней было траурное платье, но его скорбный дух никак не отражался ни на ее лице, ни в калинксовых глазах, хотя они были черны, словно озера в безлунную ночь. Она была много младше своего почившего супруга и никогда его не любила. Даже ее беременность все еще была незаметна. Казалось, она искоренила все следы Редона, и ритуальная фраза «королева скорбит» прозвучала как-то непристойно, точно площадное ругательство, нацарапанное на заборе. И все же ее красота ни на йоту не утратила своей знаменитой пронзительности, своего ошеломляющего очарования, несмотря даже на то, что было в ней что-то неуловимое, выдававшее в ней высококлассную шлюху, какой-то легчайший налет вульгарности и порока.

Она взглянула на Орна, потом отвела глаза.

— Где мой повелитель Редон?

— Едет безо всякого присмотра по закоулкам дворца, поскольку вы, мадам, приказали нам явиться к вам, — прорычал Орн.

— Лучше бы, принц Орн, вы более усердно присматривали за ним, пока он был жив. Возможно, тогда сейчас он был бы среди нас.

— Сразу видно, мадам, как сильно вас потрясла эта утрата.

Его насмешка заставила ее вздрогнуть, точно от удара хлыста, и в ярости сжать унизанные кольцами тонкие пальцы.

— О, я действительно потрясена. Потрясена вашей злобой и бестактностью. Я слышала, вы привезли мне подарок.

— Подарок, мадам?

— Так мне сказали. То, что в вашем представлении является *подарком.* — Она возвысила голос. — Его шлюху! Эту грязную храмовую подстилку! Одну из этих распутных змеепоклонниц, которой он воспользовался, потому что не было рядом меня.

Эм Элисаар ничего не сказал, но его лицо окаменело от гнева.

Она выплюнула ему в лицо:

— И ни слова об этом мнимом младенце, которого она носит. Я не позволю ей остаться в живых! *Я* мать наследника короля — я, и никто другой.

— Вы и еще множество других, *мадам.*

Ее глаза внезапно расширились и опустели, точно она с ужасом увидела других, менее знатных детей, заявляющих свои права первородства. Она развернулась и, подойдя вплотную к Орну, взглянула прямо ему в лицо.

— Я, — сказала она. — Я одна. Ваш король здесь, Орн эм Элисаар. — Она схватила его за руку и положила его ладонь к себе на талию. Он почувствовал под своими пальцами небольшую еще выпуклость ее живота, острые грани какого-то драгоценного камня, вставленного в пупок, под тяжелыми складками траурного платья. Кровь тяжело запульсировала у него в висках, прихлынула к паху. Вал-Мала услышала его участившееся дыхание и грубо оттолкнула его руку. — Ваш король, которому бы будете присягать на верность, — сказала она, презрительно улыбаясь при виде того, как она и алая звезда возбудили его. — А теперь разрешаю вам удалиться. Полагаю, что Вдовствующая королева может отдать подобный приказ простому принцу Элисаару.

Орн замер, его губы угрюмо сжались. Он поклонился, бесстрастно, точно робот, и зашагал прочь. Огромная дверь из циббового дерева с грохотом захлопнулась за ним.

Вал-Мала взглянула на Амнора, стоящего в тени.

— Поделом этому выскочке.

— Воистину, моя богиня. Поделом.

— Я не совсем поняла, что ты хотел этим сказать, Амнор. Возможно, тебе стоило бы поблагодарить меня, — рассмеялась она, стаскивая с головы голубой парик. Черные волосы густой волной рассыпались по плечам. — Врач уже осмотрел ту девку?

— Осмотрит, как только она прибудет во Дворец Мира.

— И Редона, — сказала она. — И Редона тоже. Когда он умер?

— Почти на рассвете, насколько я могу судить. Девчонка была с ним.

— Глупый Редон, так сильно нуждался в женщинах и так сильно их боялся. Всегда боялся. Даже в страсти. Никчемный и нелепый король.

— Больше он тебя не потревожит.

— Нет. — Она склонилась к нему, и его плечо сжала неправдоподобно белая рука. — Как?

— Я подсыпал снадобье в терпкое вино, которое делают на Равнинах, — сказал он бесстрастно. — Красная Луна уже завладела его телом. Он не соображал, что пьет.

— Я бы хотела, чтобы он знал. — Жаль, что я не видела, как он выпил это и подох.

— Это было бы неразумно, моя королева.

— И плата тебя устраивает? — прошипела она.

— Более чем, — прошептал он, протягивая руку и касаясь ее тела, которое уже прижималось к нему в пробуждающемся желании.

По широкой галерее Дворца Мира поспешно шагал мужчина в черном одеянии. Позади него, почти под самой чашеобразной крышей одной из башен, горели желтым светом окна комнаты, которую он только что покинул. На тихие сады уже почти опустились сумерки.

Он миновал двух часовых, проводивших его цепкими взглядами.

Из мрака, окружавшего широкие ворота, вынырнула сильная рука, ухватившая его за локоть.

— Что вам от меня нужно?

— Новости о девчонке с Равнин.

— От чьего имени вы спрашиваете меня?

— От имени лорда Амнора.

Врач поколебался, потом все же сказал:

— Еще слишком рано, чтобы можно было с уверенностью судить о ее состоянии.

Голос из темноты настойчиво повторил:

— Ну же, доктор. Вы же что-то думаете об этом.

— Ну... Я считаю, что она понесла.

Рука выпустила его локоть, и послышались удаляющиеся шаги. Врач встряхнулся, точно пытаясь унять дрожь, и направился в бескрайний город, чьи фонари горели, точно звезды.

Ночь укрыла Корамвис своим милосердным покрывалом — его пышные дворцы и узкие опасные переулки. На темном небе запульсировала, померкла и скрылась звезда, сдавшись неудержимо наступающему рассвету.

Где-то настойчиво затрезвонил колокол.

Покорным эхом отозвались другие такие же колокола.

Над горизонтом показался краешек нового солнца, и от черного храма богов Грозы повалили клубы дыма, затянувшего пеленой реку Окрис. Этому едкому красному дню предстояло увидеть, как король наконец-то навсегда поселится в своем мавзолее.

Небесная голубизна сгустилась, превращаясь в непроницаемо-темное индиго.

Из Дворца Гроз, из храмов, из Воинской академии тянулись черные поблескивающие процессии, сливающиеся и объединяющиеся в одну на белой дороге, по сторонам которой высились гигантские обсидиановые драконы, увенчанные зубчатыми гребнями — аллее Рарнаммона.

«Верховный король мертв, солнце угасло, луна закатилась, земля пошатнулась».

Сотня жриц шла впереди со скорбной песнью; она казалась воплем из ада, такая в ней была пустота, отчаяние, боль. Зловеще багровели их одеяния цвета драконьей крови, из их глаз ручьями текли слезы от сока цитрусов, который они туда залили, их тела были изрыты и испещрены ранами, которые они сами себе нанесли. Следом за ними шагали жрецы в пурпурных одеждах, сопровождаемые тревожным гулом гонгов, с лицами, неестественно застывшими в масках скорби.

Драконья Гвардия Редона сопровождала набальзамированного мертвеца. В гуще их черных грозно бряцающих рядов обрамленную знаменами цвета ржавчины и развевающимися кисточками, везли золоченую клетку, внутри которой сидел человек. На нем были полные боевые доспехи. На его голове пламенел огромный острый гребень, глаза смотрели прямо перед собой. Он был как живой, однако все в нем источало смерть, издавало неощутимый запах тлена, а черные глаза сверкали и блестели, отражая солнце, поскольку теперь были сделаны не из живой ткани, но из оникса и хрусталя. За ним, точно рабы, шагали принцы, несколько королей, а за ними их наложницы и жены. И королева Редона, облаченная в свой черный бархат и увешанная фантастическими драгоценностями, с волочащимися по земле и поднимающими тучу пыли юбками. Ее глаза были столь же пустыми, как бездушные камни в глазницах ее мертвого и ненавистного супруга. Ее воля погубила его, но она была вынуждена тащиться через весь город, словно рабыня, на глазах у всех горожан оплакивая его. Она вспоминала приветствия закорианских принцев — «Да будет благословен наследник в вашем чреве» — и по ее языку разлилась желчь ярости, горькая, точно дорожная пыль.

В хвосте процессии маршировали бесчисленные ряды солдат. На улицах грохотали барабаны, а с одышливого неба глухим эхом вторил им гром.

Толпы трепетали, внимая этому приглушенному гласу разгневанных богов. Женщины с рыданиями валились на колени, провожая проезжающую мимо них погребальную клетку Редона. Вскоре послышались призывы убить ведьму, проклятую девку из Степей, убийцу Повелителя Гроз, Ашне'е.

Усыпальница королей возвышалась на крутом берегу Окриса, а входом в него была мраморная драконья пасть.

Шумная процессия, теперь расцвеченная огоньками факелов, исчезала между этими разверстыми челюстями. Небо за рекой почернело, то и дело раскалываемое надвое копьями мертвенно-белого огня, потом прорвалось огромными каплями дождя. Вода в реке точно закипела. То и дело слышались громовые раскаты.

Жрицы подняли к небу исхлестанные слезами и дождем лица, дрожа от ужаса и экзальтации.

В скорлупе гробницы дрожащий свет факелов высекал синие и алые искры из рубинов и сапфиров величественного мавзолея, из глаз резных чудищ и хиддраксов, струясь серебристыми ручейками по доспехам его металлических стражей.

Цепочка жрецов растянулась, обозначая путь к самому последнему склепу. В сладковатой дымке курений тело Редона извлекли из клетки и внесли в его разверстое чрево. Эхо молитв взметнулось между саркофагами и тут же заглохло.

Вал-Мала последовала за королями и принцами в безмолвие склепа. В былые времена ее замуровали бы в стену рядом с ее господином и повелителем, его собственность даже в вечности или тлении, и при мысли об этом со дна ее души поднялся холодный и липкий страх.

Он лежал перед ней на своем последнем ложе, на спине. Ее страх мгновенно сменился торжествующим презрением, стоило ей лишь вспомнить, что ему уже больше никогда в жизни не лежать перед ней вот так. Она склонилась, коснувшись его руки и прижавшись к ней губами в насмешливом ритуальном поцелуе скорби. И застыла, задохнувшись.

Там была змея.

Она стояла прямо на груди ее мужа, ужасающе тонкая, золотисто-желтая, оплетенная кольцами замысловатого черного узора.

Она была не в силах отдернуть ладонь. Она была не в силах закричать.

Она протянула змее руку, ожидая, когда острые иглы зубов вонзятся в нежную кожу и по ее венам растечется яд. Маленькая черная головка отдернулась, и она поняла, что настал последний миг ее жизни.

Молния. Казалось, молния ударила прямо через крышу мавзолея в склеп. Но это был всего лишь отблеск огня на мече, мече не чьем-нибудь, а принца Орна, оказавшегося на долю секунды проворнее змеи и отрубившего ей голову.

Вал-Мала вытащила руку, точно из вязкой неподатливой глины, и потеряла сознание.

Могильная тишина взорвалась криками и руганью, быстро воспламенившими стоящую снаружи толпу.

Орн стер с меча кровавую слизь и невозмутимо вложил его обратно в ножны.

— Найти главного каменщика, отвечавшего за строительство этого склепа. Он у меня ответит на кое-какие вопросы. — Стражник бросился выполнять его приказание, а Орн махнул фрейлинам Вал-Малы, потом равнодушно перешагнул через ее обмякшее тело и вышел прочь.

То, что ей не пришлось идти пешком по душным от назревающей грозы улицам обратно, не стало для Вал-Малы утешением. Она лежала, точно посетившее ее мимолетное видение ее собственной смерти, а после обморока пришли боль, дурнота и страх. Вокруг нее засуетились врачи, и различным снадобьям и молитвам не было числа. Но выкидыша, которого все так страшились, не произошло: она цеплялась за свое дитя с яростным и перепуганным упорством, и после того, как переполох немного улегся, не одному лекарю пришлось вопить под ударами хлыстов ее личной гвардии.

Она лежала в своей затемненной спальне под роскошным одеялом, расшитым рыжими солнцами и кремово-серебристыми лунами, и ее глаза пылали такой ненавистью, что, казалось, вот-вот выжгут весь мозг. Никогда прежде она не испытывала такого ужаса, и в будущем ей доведется испытывать его всего лишь раз или два.

— Приведите мне Ломандру, — велела она.

Ломандра Заравийка, ее главная фрейлина, появилась в темной комнате подобно грациозному стройному призраку.

— Я здесь, госпожа, — сказала она. — Не могу передать, как я рада, что опасность миновала.

— Миновала, как же. Я чуть было не потеряла ребенка, будущего короля, дитя Редона. Мою единственную надежду на почести — она хочет лишить меня ее — она послала змею погубить моего сына.

— Кто, госпожа?

— Та тварь, которую Орн притащил сюда, чтобы позлить меня. В Степях поклоняются змее, анкире. Та ведьма, та дьяволица — я молилась, чтобы она не сдохла. Клянусь, ей не жить.

— Мадам....

— Молчи. Это все, что тебе придется сделать. Ты отправишься во Дворец Мира.

— Мадам, я...

— Нет. Ты будешь делать то, что я говорю. Помни, я полностью доверяю тебе. Ты станешь прислуживать этой мерзавке, а там посмотрим. Возьми-ка это.

Ломандра взглянула на протянутую руку королевы и увидела, что Вал-Мала предлагала ей — кольцо с множеством драгоценных камней, очень красивое и дорогое.

Казалось, она заколебалась, потом осторожно стащила его с пальца госпожи и надела на свой собственный.

— Оно тебе идет, — шепнула Вал-Мала, тем самым обручая Ломандру со своими планами.

За окнами неистовствовали раскаты грома, черные звери грозы, не утихавшей вот уже три дня.

После долгого дождя утренняя жара, обрушившаяся на сады Дворца Мира, была не столь яростной.

Глаза стражников метнулись в сторону. По аллее, обрамленной искусно подстриженными деревьями, шла женщина в золотых украшениях и черном дворцовом одеянии. Они знали ее в лицо: то была главная фрейлина королевы, Ломандра Заравийка. Она прошла мимо них, поднялась по ступеням из светлого мрамора, вступила на галерею.

Нырнув в прохладу коридоров, она пошла по мозаичному полу. В комнате сидела девушка с безжизненно висящими волосами точного оттенка самого редкостного янтаря. Ее живот уже заметно увеличился, но остальное тело, казалось, ничуть не раздалось; наоборот, оно выглядело каким-то усохшим, точно вся ее плоть, все ее

существо сконцентрировалось в том месте, где росла новая жизнь, а остальное служило лишь оболочкой, простым обиталищем.

Ломандра остановилась. Она стояла совершенно неподвижно, и вся гордость и презрение Вал-Малы сквозили в каждой ее черточке, ибо сейчас она была точной копией своей госпожи.

— Меня послала к тебе моя хозяйка, королева эм Дорфара и всего Виса, вдова лорда Редона, — сообщила она холодно, нанизывая титулы один за другим, точно драгоценные жемчужины.

— Зачем?

Ее прямота ошарашила Ломандру, но всего лишь на миг.

— Чтобы служить тебе. Королева чтит дитя ее мужа.

Ашне'е повернулась и посмотрела на нее. *«Что за жалкое существо!»*, подумалось Ломандре с безжалостным отвращением. Ну, разве что кроме глаз. Они тоже были янтарными и совершенно необыкновенными. Ломандра обнаружила, что смотрит в их янтарную глубину, и быстро отвела взгляд, чувствуя себя до странности не в своей тарелке.

— Сколько тебе осталось до родов?

— Не очень долго.

— Мне нужен точный ответ. Насколько мы понимаем, женщины из Долины носят своих детей меньше, чем Висы.

Ашне'е не ответила.

Высокомерие Ломандры кристаллизовалось, превратившись в гнев. Она подошла к девушке вплотную, нависнув над ней.

— Я спрашиваю тебя еще раз. Сколько осталось времени до рождения твоего ребенка?

Да, эти глаза были совершенно.... Ломандра долго искала в памяти подходящее слово, но так и не нашла его. Возможно, всего лишь их необычный цвет, не свойственный ее собственной расе, заставлял их казаться столь... *сверхъестественными*. Тонкие сосудики, точно тропки, вели через белки в золотистые ободки радужных оболочек, оканчиваясь в омутах зрачков. Эти зрачки начали расширяться, отвечая на ее взгляд. Казалось, они затягивают ее в бездонную кружащуюся тьму. Уже падая в эту бездну, Ломандра ощутила, что ее охватывает странное, совершенно не знакомое ей ощущение — всеобъемлющий ужас, парализующий страх и нестерпимое страдание.

Задыхаясь, она отпрянула и была вынуждена ухватиться за кресло, чтобы не упасть.

Когда она вновь опустила взгляд, девушка сидела, низко опустив голову, а волосы падали ей на лицо.

Ломандра в смятении оглянулась вокруг. Я больна, подумалось ей.

— Мой ребенок появится на свет через пять месяцев.

Ломандра вспомнила, что задавала девушке какой-то вопрос; должно быть, это был ответ. Она спрашивала ее о родах. Внезапно она пришла в себя; ее охватило каменное спокойствие, а недавний короткий приступ истерической растерянности показался почти забавным. Пожалуй, стоит уделять себе больше внимания. Наверное, это все жара, или, возможно... Ломандра улыбнулась, вспомнив,

что сегодняшнюю ночь проведет с Крином, Четвертым Дракон-Лордом, командиром Речного гарнизона, чьи ласки никогда не оставляли ее равнодушной.

Ашне'е сразу стала незначительной, отодвинулась куда-то на задний план.

Ломандра не вспоминала о ней ни за высоким столом в гарнизоне, ни позже, когда красноватая тьма ночи просочилась сквозь приоткрытые окна и весь мир для нее сузился до горячего мужского тела рядом с ней да алой звезды на небосклоне. Но когда она заснула, ей привиделось, будто она лежит с огромным животом, ожидая неминуемо надвигающихся родов и чувствуя пугающие движения нерожденного младенца в своем лоне. Вдруг что-то изменилось, вокруг нее уже бушевала разъяренная толпа, а она сама, обнаженная, была распростерта на площади, под неумолимым небом, и ее вдруг пронзила невыносимая боль от клинка, входившего все глубже и глубже в ее лоно — самое древнее и страшное наказание Висов. Она закричала, она услышала немой крик эмбриона. Она увидела свой труп и поняла, что это не она. Это была мертвая Ашне'е.

Ее тряс Крин. Она уткнулась лицом ему в грудь и разрыдалась. Ломандра не плакала с тех самых пор, как, очень давно, покинула свою страну и отправилась в скалистый Дорфар. Сейчас из ее глаз лились неукротимые потоки, а потом она еще долго дрожала, испуганная, что сходит с ума.

Сначала она хотела признаться в своем страхе королеве, попросив, чтобы вместо нее приглядывать за ведьмой послали какую-нибудь другую придворную даму, но когда она предстала перед Вал-Малой, принеся той ответ на ее вопрос, то мгновенно потеряла всякую надежду на это. После чудесного спасения от змеи красота Вал-Малы постепенно померкла под игом того, кто рос в ее лоне; она сама не знала, чего хотела, стала капризной и вспыльчивой.

Поэтому Ломандра вернулась во Дворец Мира и нашла там лишь исхудавшую и истаявшую, точно свеча, девушку, прикованную к паразиту развивающейся в ней новой жизни.

Прошел месяц. Ломандра одевала девушку в дорогие шелка и бархат, висевшие на ней как на вешалке, причесывала ее тусклые безжизненные волосы и внимательно наблюдала за ней, никогда не глядя ей в глаза, которые теперь в ответ никогда не обращались на нее.

И Ломандра недоумевала. Она успела узнать это хрупкое тело до мельчайших подробностей, но при этом не знала ровно ничего. Душа, обитавшая в этом теле, оставалась для нее тайной за семью печатями.

Врач, который в своих черных одеждах, висевших на нем мешком, походил на скелет в лохмотьях, приходил и уходил. В конце месяца Ломандра снова подкараулила его в сумрачной колоннаде.

— Как идут дела, господин врач?

— Неплохо, хотя, на мой взгляд, она не создана для деторождения. У нее очень узкие бедра, а таз как у птички.

Ломандра спросила, как велела ей Вал-Мала:

— Ждать осталось уже недолго?

— Еще несколько месяцев, госпожа.

— Я думала, меньше, — солгала Ломандра, повторяя слова королевы. — Временами у нее из груди капает молозиво. Она жаловалась на сильные боли внизу спины. Разве это не предвестники?

У врача сделался удивленный вид.

— Я ничего такого не заметил. Она ничего не говорила.

— Ну, я же все-таки женщина. Она невежественная крестьянка и, возможно, стесняется разговаривать о таких вещах с мужчиной.

— Тогда может быть, что и скорее.

Когда он, точно потрепанная тень, развернулся и исчез за колоннами, вид у него был встревоженный.

Ломандра, уже положившая руку на занавесь, остановилась. Она уже давно догадывалась о намерениях королевы; но лишь сейчас, впервые за все это время, она почувствовала отвращение при мысли о том, в чем стала соучастницей.

В комнате девушка сидела перед овальным зеркалом, медленно проводя гребнем по своим неживым волосам. К горлу Заравийки подступила неожиданная жалость. Она подошла к девушке, ласково взяла у нее из руки расческу и продолжила ее движение.

— Ломандра.

Женщина вздрогнула. Этот голос ни разу еще не произносил ее имени. Он оказал на нее странное воздействие: на миг бледное исхудалое лицо в зеркале стало лицом королевы, которой она служила. Ее глаза встретились с глазами Ашне'е, отраженными от стекла.

— Ломандра, я не испытываю к тебе ненависти. Не бойся.

Эти слова так подходили образу царственного величия, вдруг возникшему в зеркале, что унизанные кольцами пальцы Ломандры вдруг затряслись, и она уронила гребень.

— Зарависс лежит рядом с Равнинами-без-Теней, Ломандра. Хотя ты из Висов, кровь наших народов давно перемешалась. Ты станешь моей подругой.

Внезапно сердце Заравийки сжала невыносимая боль. Лишь страх перед Вал-Малой удержал ее от того, чтобы не закричать во весь голос о том, что должно было произойти, о своем знании.

Казалось, девушка услышала ее мысли, но никакого удивления не выказала.

— Повинуйся королеве, Ломандра. У тебя нет другого выбора. Когда ее задание будет выполнено, ты выполнишь мое.

Луна, точно переспелый красный плод, висела на деревьях дворцового сада, когда Амнор, никем не остановленный, прошел мимо часовых, бросив им уклончивое:

— Я по поручению королевы.

Поднявшись по темной лестнице башни, он отдернул занавесь, прикрывавшую вход в покои Ашне'е. Лишь луна заливала комнату бледным светом.

— Я всегда вижу тебя такой, как сейчас. Лежащей на постели, Ашне'е.

Ее глаза были закрыты, но она произнесла:

— Что тебе от меня нужно?

— Ты отлично знаешь, чего я хочу.

Он уселся рядом с ней и положил ладонь ей на грудь. Даже в темноте он ясно видел, что ее красота безвозвратно ушла, но он искал не красоты.

— Я хочу, чтобы ты показала мне те штучки, которым научила Редона. Те убийственные штучки. Вот увидишь, я схватываю на лету.

— Во мне ребенок, — произнесла она раздельно. — Наследник Повелителя Гроз.

— Да. Там ребенок. Хотя я сомневаюсь, чтобы он был от Редона. Его семя было не слишком живучим.

Ее глаза распахнулись и застыли на нем.

— Думаешь, — спросил он, — что ты до сих пор осталась бы в живых, если бы я не снабдил тебя оправданием?

— Какая тебе разница, жива я или нет?

— О, ты зришь в корень, Ашне'е. Мне нужны твои знания. Не только наука о наслаждениях, которые ты даришь между своими белыми бедрами, но и те силы, с которыми твой народ играет на своих навозных кучах. Говорящий Разум — видишь, я даже овладел вашей терминологией. Научи меня, как читать мысли других людей. И Ее Храм — где он находится? Поблизости?

— Храмов много.

— Нет, я не о них. О святилище Анакир. Я знаю, что его руины лежат где-то в холмах Дорфара.

— Откуда ты знаешь?

— Время от времени я встречаюсь и с другими жителями Степей. У некоторых из них более длинные языки, чем у остальных. Но никто из них не был служителем Повелительницы Змей.

— Зачем тебе ее святилище?

— Чтобы завладеть сокровищами, хранящимися там. Сокровищами как денежными, так и духовными. Это, вне всякого сомнения, расстроит тебя, но уверяю, у тебя нет другого выбора. Я знаю миллион изысканных способов расстроить тебя еще сильнее, если ты откажешься помогать мне во всем, чего я хочу. Подстроить твою смерть будет легче легкого.

Он не ждал никакого ответа. Она ему его и не дала.

— А теперь я желаю получить то, зачем пришел.

Она не сделала ни единой попытки отказаться или протестовать, а просто потянулась к нему и обвила его руками, ногами и волосами, так что ему на ум тоже пришло воспоминание о клубке змей в пронизанной лунным светом тьме.

Королева вызвала Ломандру во дворец; самые доверенные из людей Амнора сменили на посту россыпь постоянной стра-

жи, охраняющей Дворец Мира. Амнор посадил девушку с Равнин в свою колесницу и окружной дорогой отправился вместе с ней к отрогам гор.

Серебристая заря сменилась безжалостной эмалью голубого неба, и городские башни остались далеко позади. Раскинув широкие крылья, в небесах парили птицы, отбрасывавшие зловещие тени.

— Остановись вон там, — сказала она ему.

В указанном ей месте в горе была расщелина; под ней виднелся драконий глаз, озеро Иброн, поблескивавшее белой водой.

— Тебе придется выйти из колесницы.

Он повиновался, задержавшись лишь для того, чтобы привязать беспокоящихся животных, и зашагал вслед за ней по костлявому хребту холма.

А потом она вдруг исчезла.

— Ашне'е! — закричал он. — Им овладела яростная уверенность в том, что она обвела его вокруг пальца, скрылась в каком-нибудь логове, точно дикий зверь. А потом, обернувшись, он увидел ее смутный силуэт, словно слабенький огонек свечи, горящий в скале позади него. Это была пещера с игольным ушком вместо входа. Он протиснулся внутрь и мгновенно почувствовал влажность воздуха, промозглость и властную, почти ощутимую тьму.

— Не ищи никакого подвоха, Амнор, — сказала она, и в том, как она разговаривала с ним сейчас, чувствовалась еле заметная, но все же разница. Здесь все, что осталось от храмовых ворот.

— Откуда ты знаешь, что это вход?

— Мне, как и тебе, рассказывали об этом месте.

Конец пещеры терялся в темном туннеле, в который она повернула, а он последовал за ней. Как только вокруг него сомкнулась тьма, ему тут же расхотелось идти дальше. Он высек из своего кремня искры, засветив сальную свечу и держа ее на ладони, но ее крошечный огонек, казалось, лишь усилил непроницаемый мрак.

Коридор уткнулся в каменный тупик. Ашне'е протянула руку и пробежала пальцами по узору на стене. Он попытался запомнить ее движения, но темнота помешала ему. Камни задрожали, сдвинулись со своего места, обрушив вековую пыль, и что-то старое, что не тревожили уже много лет, отозвалось жалобным стоном. В стене неохотно показалось отверстие, невысокое и узкое, простая щель.

Она проскользнула внутрь, как эфемерный призрак, и ему показалось, будто она медленно полетела в бездонную яму. Амнор втиснулся в щель следом за ней и обнаружил спуск, огромную кучу выщербленных ступеней, уходящих в непроглядную тьму, и в это чернильное море погружалась Ашне'е, точно какая-то немыслимая рыба.

Глядя на нее, он ощутил властный позыв повернуть назад. Это была ее стихия, она поглощала ее, принимала ее в свое сердце. Но от Виса она отворачивалась, изумленная, но не принимающая его алчности к материальным вещам. И все же его жажда храмовых сокровищ гнала его вперед.

Он последовал за ней.

Его слуха коснулись странные звуки.

Они походили на тихий звон, на журчание каких-то невообразимых инструментов, это была нескончаемая капель синей воды, падающей на серебряный камень. Дрожащие щупальца сырого тумана, извиваясь, гладили ступени. Амнор никак не мог отделаться от видения, вдруг посетившего его: исходящий криком человек, который бесконечно падал, падал, падал в бездонную тьму.

Но, дрожащий и замерзший, он добрался до низа и обнаружил еще одну арку-вход. Он вошел в нее вслед за девушкой, но все, что лепетали ему насмерть перепуганные и окровавленные невольники, ничуть не подготовило его к тому, что открылось его глазам. Из черноты вырвалось пламя — и ужас. Он почувствовал, как во рту у него пересохло, а руки и ноги внезапно стали мягкими, точно подтаявший воск.

Анакир.

Она вздымалась. Она властвовала. Ее плоть была белой горой, змеящийся хвост — огненным потоком в паводок.

Ни один колосс Рарнаммона не мог бы похвастаться подобными размерами. Рядом с ее чешуйчатым змеиным хвостом даже обсидиановые драконы казались простыми ящерицами. И этот хвост был золотым, из чистого золота, усыпанный бесчисленными фиолетовыми камнями, а его кольца венчало белое женское тело — плоский живот без пупка, золотые минареты сосков на куполах белоснежных грудей. Восемь белых рук простирались в традиционных жестах, не раз виденных им на маленьких статуэтках в окрестных деревнях, отбрасывая бескрайние чернильно-черные озера теней. Рука освобождения и рука защиты, утешения и благословения, а также четыре ужасных руки возмездия, разрушения, мучения и неотвратимых бедствий.

Наконец он с огромным усилием вынудил себя взглянуть на лицо богини. Ее волосы были золотыми змеями, извивающимися, кусающими ее плечи. Но само лицо было узким и бледным, с тяжелыми веками, прикрывающими пронзительные желтые глаза, которые могли бы быть высечены из топаза. Или янтаря.

Лицо Ашне'е.

Он обернулся и увидел, что они стоят в бескрайнем озере тени, падающей от анкиры, и вдруг до него дошло, что пещеру заливал яркий свет, хотя не было видно ничего, что могло бы быть его источником.

— Кто ее сделал?

Когда девушка ответила, он не смог сдержать дрожи, охватившей его.

— Говорят, Амнор, что это сама Анакир.

А потом он резко пришел в себя, увидев резную дверцу, устроенную в самом нижнем конце ее хвоста.

— Так вот из-за чего вся эта таинственность, — сказал он. —

Он прошел мимо девушки и направился к двери, не обращая внимания на то, что нависало над ним. Там не было никакого секретного механизма, и дверь подалась от его толчка. Проржавелый металл со скрипом сдвинулся со своего места, и Амнор очутился перед оком огромного озера. Еще одна, более глубокая пещера, наполненная водой, возможно, что-то вроде входа в озеро Иброн. Он огляделся вокруг, высоко подняв сальную свечу. Ни драгоценностей, ни религиозных амулетов, обещанных в многочисленных историях, здесь не оказалось, равно как и древних фолиантов, хранящих знание и магию духа и всех тех сил, которыми он управлял. Просто пещера, пахнущая водой и полная воды. Гнев многохвостой плеткой хлестнул его разум. Значит, его все-таки провели.

Он развернулся и уперся тяжелым взглядом в Ашне'е.

— Где мне искать то, чего я хочу?

— Никакого другого места нет.

— Ты знала, что здесь ничего нет? Что все эти ваши легенды — чушь собачья?

Его железные пальцы впились ей в локоть, оставляя синие следы, но ее лицо ничем не выдало, что он причиняет ей боль.

— Возможно, мне стоит изгнать из твоего чрева моего ребенка и отдать тебя на милость лорда Орна.

Как ни странно, на ее белом лице, словно заря, забрезжила улыбка. Он никогда не видел, чтобы она улыбалась, и никогда не видел подобной улыбки на устах ни одной из женщин. От нее у него кровь застыла в жилах. Рука, сжимавшая ее локоть, упала.

— Сделай это, Амнор. Иначе он будет моим проклятием тебе.

Его охватило странное ощущение, как будто он смотрит на нее не обычным взглядом, а третьим глазом, расположенным в центре лба. И видел он не ее. На ее месте стоял молодой мужчина, призрачный и расплывчатый, но Амнор различил, что его кожа отливает висской бронзой, но глаза и волосы светлы, как то вино, которым он отравил Редона в первую ночь Красной Луны.

Видение померкло, и Амнор отшатнулся от нее.

— Здесь тебе нечего искать, — сказала Ашне'е.

Она развернулась и зашагала по пещере к выходу, и он обнаружил, что вынужден последовать за ней, поскольку был не в силах больше выносить эту звенящую тишину и присутствие грозной богини.

Ему и в самом деле следовало тогда избавиться от нее. Она больше не была нужна ему, будучи напоминанием о его опасной затее, которая провалилась. Но его неумолимо влекло к ее раздавшемуся уродливому телу, раз за разом, долгое время спустя после того, как звезда Застис побледнела и исчезла с ночных небес. Дело было и в ее ребенке, который вполне мог бы быть и его. Интересно, если бы Ашне'е позволили произвести это дитя на свет, получил бы он какую-нибудь выгоду от этой нити его рода, вплетенной в правящую династию королей?

И тот храм тоже не давал ему покоя.

Через много месяцев после того, как он бежал оттуда, он обуздал свой ужас и вернулся обратно. К тому времени Высший Совет, который он держал в кулаке, назначил его на должность Главы Корамвиса, титул, который на совершенно законных основаниях давал ему полное право получить регентство. Он с кровью выцарапал это право у Вал-Малы, и ее паутина, сотканная из взяток и угроз, не подвела его. Пока он был в состоянии развлекать ее, ему нечего было опасаться за свое будущее, а Орн, теперь нежеланный гость во дворце, лишившийся всякого уважения и в большой степени и денег, доставлял Амнору изысканное, почти эстетическое удовольствие. Но все же сейчас ему не оставалось ничего другого, как ждать. А с ожиданием на него нахлынуло непреодолимое желание вернуться в то место.

Ночь уже затопила небо, когда он взял колесницу и через Речные врата выехал из Корамвиса. Горы, чьи вершины все еще золотило уходящее солнце, казались окровавленными. Бешеный ветер, предвестник грядущих холодных дней, тоскливо завывал в скалах. Доехав до расщелины, он, как и в прошлый раз, вышел из коляски и, держа в руке фонарь, пошел по тропинке, которую показала ему девушка. Он долго искал дорогу. На небе появилась луна, высыпали звезды. Узкая арка-вход ускользала от него. Все произошедшее тогда казалось какой-то фантазией, галлюцинацией или сном. Он вспомнил странный миг, когда увидел мужчину на том месте, где стояла Ашне'е.

Он повернул обратно к колеснице, но остановился, не дойдя до нее несколько ярдов. Его скакуны дрожали и были покрыты пеной. Амнор огляделся по сторонам. Возможно, ночь вывела какого-нибудь зверя из логова на охоту.

А потом он увидел это. Огромную тень, вдоль спины которой играл лунный отблеск. Она мелькнула над бортиком его колесницы и скользнула прочь. Скорее всего, змея, живущая в скалах и сейчас юркнувшая в какую-нибудь нору. Но Амнор, всегда с болезненным любопытством относившийся к суевериям, уже сам заразился этим суеверием, точно смертельной болезнью. *«Возможно, ее послала Она*, — подумал он со странным цинизмом, — *та женщина из-под земли?»*

3

Ломандра услышала голос, произносящий ее имя.

Она вгляделась в слабо освещенный коридор, который был пуст, и голос послышался снова — внутри ее черепа.

Ашне'е.

Ломандра торопливо взбежала по мраморной лестнице башни, отдернула занавеску и застыла. Девушка лежала на постели, и по ее бледному лицу ничего было нельзя сказать, но Ломандра увидела расплывающееся по тонкой сорочке пятно крови.

— Началось? — вскрикнула Ломандра хриплым от подступившего к горлу страха голосом.

Потом:

— Ребенку еще не время.

Но это были всего лишь ритуальные слова. Ломандра очень хорошо знала и ничуть не была этим удивлена, почему ребенок собрался появиться на свет раньше времени. Она уже три месяца подмешивала в еду и питье Ашне'е снадобье, которое дала ей королева.

— Проклятый ублюдок не удержится у нее в утробе, — промурлыкала тогда Вал-Мала, — и родится мертвым.

— Роды убьют ее? — шепотом спросила Ломандра.

И Вал-Мала ответила, очень тихо:

— Я буду молиться, чтобы именно так и произошло.

— У тебя схватки? — глупо спросила Ломандра.

— Да.

— Частые?

— Довольно-таки. Уже скоро.

О боги, пронеслось в голове у Ломандры отчаянное. *Она умрет, умрет в агонии, прямо передо мной. И все это дело моих рук.*

— Где врач? — безо всякого выражения произнесла Ашне'е.

— Во Дворце Гроз. Вал-Мала вызвала его еще позавчера.

— Так пошли за ним.

Ломандра развернулась и почти выбежала из комнаты.

Дворец Мира окружали мягкие голубоватые сумерки, последний отблеск заката.

Ломандра с минуту постояла, опираясь на балюстраду, силясь унять дрожь. Она различила девушку, показавшуюся внизу — коричневый мотылек, порхающий от лампы к лампы, зажигая каждую от свечи. Ломандра окликнула ее, и девушка замерла с расширенными глазами, потом с криком побежала по колоннаде.

Ломандра медленно поднялась по ступеням, страшась возвращения в ту комнату. На пороге она остановилась. Было очень темно.

— Я послала за врачом, — сказала она белому пятну на кровати.

— У меня отошли воды, — сказала Ашне'е, — только что, пока тебя не было. Скоро он придет?

Ломандра содрогнулась. Слова хлынули с ее губ прежде, чем она успела подумать, что ей ответить.

— Королева задержит его. Мы с ней отравили тебя. Ты потеряешь ребенка и умрешь.

Она почти не видела девушку, лишь размытое белое пятно там, где она лежала. Она не проявляла никаких признаков боли или страха, это Ломандру корежил ужас.

— Я все понимаю, Ломандра. Ты выполнила задание королевы, теперь ты должна помочь мне.

— Я? Я же не повитуха.

— Ты сможешь.

— Я ничего не сумею. Я только наврежу тебе.

— Ты уже мне навредила. Это сын Повелителя Гроз. Он появится на свет живым.

Внезапно тело Ашне'е выгнулось в неудержимом спазме. Она испустила безумный, совершенно животный крик, такой протяжный, нечеловеческий и отчаянный, что Ломандра сначала даже не поняла, кто издал его. А потом, желая лишь убежать из этой комнаты куда глаза глядят, она вместо этого подбежала к девушке.

— Сними кольца, — выдавила Ашне'е. Ее губы, борющиеся за каждый вздох, свело в трагическую гримасу, глаза над которой казались черными и пустыми, точно стекло.

— Мои... кольца?

— Сними кольца. Тебе придется сунуть внутрь руку, нащупать головку ребенка и вытащить его наружу.

— Я не могу, — простонала Ломандра, но какая-то сила вдруг хлынула в ее душу, совершенно лишив ее собственной воли. Кольца сверкающими искорками слетели с ее пальцев вместе с теми камнями, которыми Вал-Мала купила ее. Она обнаружила, что нагнулась, принимаясь за работу, как последняя крестьянка, ощутила, как вся ее поза и существо изменились; они принадлежали не ей, а кому-то бесцеремонному, умелому и безразличному, а загнанная в ловушку придворная дама, охваченная ужасом и отвращением, сжалась до скулящего крохотного комочка где-то глубоко внутри этого нового существа.

Под ее руками хлюпала горячая кровь. Девушка не кричала и не извивалась, а лежала совершенно тихо, как будто совсем ничего не чувствовала.

В узкие ладони Ломандры выскользнула бронзовая головка, мелькнуло пугающе сморщенное личико новорожденного, потом появилось тельце, соединенное с материнским пульсирующей пуповиной. В колышущихся сумерках Ломандра увидела, как девушка подтянулась и ухватилась за пуповину, перевязала ее и перегрызла, точно волчица Равнин.

Младенец немедленно разразился криком. Он кричал так, как будто сердился на несправедливый и грубый мир, в который его вытащили, еще недоразвитый, полуэмбрион, слепой и бессмысленный, но все же осознающий всю ту агонию и боль, через которую прошел и через которую еще должен был пройти.

— Это мальчик. Сын, — выговорила Ломандра.

Она закрыла глаза, и на окровавленные руки закапали слезы.

Врач поспешил во Дворец Мира с первым прохладным вздохом зарождающегося дня.

Из-за колонн, точно одетый в черное призрак, возникла женщина. Он не сразу узнал в ней главную фрейлину королевы, Ломандру. Его брови сошлись на переносице в ожидании плохих новостей (ведь какая-то безмозглая служанка вовремя не передала сообщение, и теперь он опасался самого худшего), и он спросил:

— Она мертва?

— Нет.

— Значит, роды все еще не закончились? Возможно, мне удастся спасти ребенка. Быстрее!

— Ребенок уже появился на свет. Живой.

Врач обнаружил, что его рука, точно наделенная собственной волей, сделала древний религиозный жест, а он сам, не веря своим ушам, потрясенно смотрит в лицо Заравийки.

Вал-Мала щелчком пальцев отпустила служанок, и Ломандра осталась в комнате с ней наедине.

Тело королевы было огромным, раздувшимся и утратившим последние следы былой красоты, и это делало ее еще более невыносимой. И Ломандре, которая слишком устала, чтобы бояться, при взгляде на нее стало страшно.

— Ты пришла с какими-то новостями, Ломандра. С какими?

Заравийка хрипло сказала:

— И мать и дитя живы.

Отекшее лицо Вал-Малы перекосилось в злобном спазме.

— Ты являешься ко мне и осмеливаешься заявить, что они живы. Ты осмеливаешься заявить, что ты была там, и они остались в живых, оба. Эта ведьма послала змею, чтобы лишить меня моего ребенка. Да поглотят тебя черные преисподние Эарла, безмозглая тупица!

У Ломандры отчаянно заколотилось сердце. Она встретила мечущий молнии взгляд Вал-Малы со всей твердостью, на которую была способна.

— А что я могла сделать, мадам?

— Сделать! Во имя богов Дорфара, ты что, вообще ничего не соображаешь? Слушай меня, Ломандра, и слушай внимательно. Ты вернешься во Дворец Мира и дождешься, когда врач уйдет от нее. Да не трясись ты так, можешь не беспокоиться о девке, я возьму ее на себя. Просто позаботься о том, чтобы этот щенок незаметно задохнулся в подушках в своей колыбели. Там и делать-то нечего.

Ломандра молча смотрела на нее, и вся кровь отхлынула у нее от лица.

— Я начинаю задумываться о том, могу ли доверять тебе, Ломандра. В таком случае, я требую от тебя доказательство того, что ты выполнила мое поручение. — Королева откинулась на спинку кресла, и ее лицо стало совершенно непроницаемым. Ломандра пришла в полное отчаяние, почувствовав, что в ее хозяйке не осталось абсолютно ничего человеческого и разумного и что она разговаривает скорее с дьяволицей из ада.

— Принесешь мне, — велела Вал-Мала, — мизинец с его левой руки. Вижу, что эта задача тебе еще менее по вкусу, чем первая. Считай ее наказанием за твою нерешительность. Полагаю, ты понимаешь, какая у тебя альтернатива. Только попробуй не подчиниться мне, и остаток своей жизни ты проживешь с таким разнообразием всевозможных шрамов на теле, какое мой палач только сможет изобрести. А теперь иди. Сделай то, что я тебе приказала.

Ломандра развернулась и вышла, разом превратившись в дряхлую старуху. Она едва понимала, что делает. Она испытала вялое удивление, когда очутилась у занавеси, отгораживающей комнату Ашне'е, и так и не смогла вспомнить, как она там оказалась.

Ребенок спал в колыбельке у кровати матери, она, казалось, тоже спала, а врач уже ушел. Ломандра подошла к колыбельке и остановилась, глядя в нее ничего не видящими красными глазами. Ее рука потянулась к краю подушки. Просто, это будет так просто. Подушка на полдюйма выскользнула из-под головы спящего ребенка.

— Ломандра.

Ломандра мгновенно обернулась. Желтые глаза девушки были распахнуты и смотрели прямо на нее.

— Что ты делаешь, Ломандра?

Заравийка почувствовала, как что-то непреодолимое сковало ее волю, принуждая ее ответить.

— Королева... Королева приказала мне задушить твоего сына. В доказательство того, что я исполнила ее желание, она хочет получить мизинец его левой руки.

— Дай мне ребенка, — велела Ашне'е. — Там, на столе, врач оставил снотворный сбор в черном пузырьке. Принеси мне его.

Ломандра, действуя как безвольный автомат, повиновалась. Ашне'е взяла младенца на руки, обнажила грудь и капнула на сосок немного темной жидкости, прежде чем вложить его в ротик ребенка.

— А теперь, — сказала она, — дай мне нож.

Никогда в жизни Ломандра не видела столь непоколебимой безжалостности. Рядом с этим злоба Вал-Малы показалась ей невинной детской шаловливостью.

Заравийке казалось, что она двигается, точно кукла, выполняя указания Ашне'е, как будто невидимый кукловод приводил ее в действия, дергая за серебряные ниточки.

Мужчина в ливрее королевы низко склонился перед своей госпожой.

— Мадам, леди Ломандра просит преподнести вам этот знак.

— Неужели? Какая милая шкатулка. Элирианская эмаль, если я не ошибаюсь.

Королева слегка приподняла крышку шкатулки и заглянула внутрь. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Расстроить ее мог лишь вид ее собственной крови. Принадлежность к правящей династии Висов наложила на нее свой отпечаток: она считала всех остальных, в особенности тех, кто был рожден в низших слоях, недочеловеками. Она захлопнула крышку.

— Можешь передать Ломандре, что ее подарок порадовал меня. Я запомню ее предупредительность.

Вал-Мала поднялась и уединилась в дальней комнатке, где выбросила что-то из шкатулки в курильницу.

Через некоторое время ее фрейлин поднял на ноги дикий вопль. У королевы начались роды — несколько преждевременно.

Были вызваны пять докторов и уйма повитух.

Роды были не слишком трудными, но Вал-Мала позабыла про свою королевскую гордость и вопила, как уличная девка, кляня все на свете и жалуясь богам на то, что ее мучения никак не кончатся. В конце концов ей дали какое-то снадобье, и ребенок появился на свет, когда его мать лежала без сознания.

На храмовых алтарях приносили в жертву белых птиц, дымки жертвенных костров, словно поднимающийся над водой туман, затянули реку Окрис, колокола звонили не переставая, а на дозорных башнях загорелись голубые сигнальные огни.

Королева очнулась.

Первая ее мысль была о собственном теле, избавившемся наконец-то от порабощавшего его уродства, вытолкнувшего маленького тирана наружу. Вторая — о короле, о мужчине, которого она создала и которому предстояло взойти на трон своего ненавистного предшественника, Редона. А она будет править от его имени.

У кровати стояло несколько фрейлин; тусклый вечерний свет выхватывал из сумерек их поблескивавшие украшения и, сколь бы слабым он ни был, его все же хватило, чтобы королева смогла разглядеть беспокойство на темных лицах своих женщин.

— Где мое дитя? — спросила она.

Они принялись нервозно переглядываться.

К постели приблизилась толстая повитуха.

— Ваше величество, у вас сын.

— Я знаю. — Вал-Мала начала проявлять нетерпение. — Дайте мне взглянуть на него. Сейчас же.

Женщина попятилась, уступив место мужчине в одежде хирурга, который наклонился над ней и выдохнул:

— Возможно, милостивая госпожа, вам стоило бы немного восстановить свои силы, прежде чем мы принесем вам ребенка.

— Я хочу увидеть его сейчас. *Сейчас,* болван, ты меня слышал?

Врач низко поклонился, сделал знак, и из дальнего конца комнаты подошла девушка с белым свертком на руках.

Вал-Мала со своих подушек смотрела на нее.

— Он мертв?

Этот вопрос отдался у нее в душе внезапным приступом ужаса. Он был ее единственным ключом к Дорфару и к власти над ним; если он родился мертвым.... о боги, что ей тогда делать? Она схватила ребенка, завернутого в расшитое драконами одеяльце. Он был теплым и слабо шевелился, но почему-то не кричал. Она развернула пеленки. Почему он не кричит? Это плохо? Нет, он лежал, голенький, у нее на руках, и она видела, что он безупречен. Но все-таки, в чем..?

Вал-Мала закричала. Отброшенный ребенок полетел с кровати, и повитуха с нянькой едва успели подхватить его.

Чудовище, она произвела на свет чудовище. Волны безумной ярости и страха сотрясали ее тело, точно бушующее море.

Белая птица, заколотая на алтаре во дворце Амнора, никак не желала умирать. Она исходила криком и трепыхалась, забрызгивая жертвенный камень кровью из рассеченной груди, пока все птицы в птичнике не обезумели, подняв невообразимый гомон и бросаясь на прутья своих клеток. Похоже, боги отказывались принимать жертву.

В полдень стайка белых голубей, промелькнувшая за окнами Дворца Гроз, с пугающей отчетливостью возродила эту сцену в его памяти. Знамение. Но разве могут какие-то знамения нарушить планы Главы?

Через миг в комнате появилась Вал-Мала.

Ее красота сияла с прежней силой. На это ушли месяц и объединенные усилия сотен фрейлин и рабынь, массажистов из Закориса, косметологов из Зарависса и Кармисса и ведьмы-астролога из Элира. Она была облачена в платье из аметистового бархата, по-прежнему тонкую талию стягивал кушак из белого золота, а в волосах и на руках переливались, вспыхивая, драгоценные камни.

— Приветствую вас, лорд-правитель.

— Я блуждал во тьме без светоча вашей прелести, — сказал он.

— Красивые слова, Амнор. Вы купили их у какого-нибудь менестреля?

Амнор напрягся. Он ощутил внезапно разлившийся внизу живота и вокруг сердца холод. Он должен сейчас действовать осторожно, очень осторожно. Он вспомнил кое-какие услышанные им толки, касающиеся рождения принца. И другие толки, касающиеся того, что определенных людей, присутствовавших при этом рождении, с тех пор будто бы никто нигде не видел.

— Я ищу вашего совета, лорд-правитель. В одном очень деликатном деле.

— Я всегда к вашим услугам, мадам, и вам это известно.

— Вот как, Амнор? Тем лучше.

В открытую дверь вплыла низкая белая тень. Это калинкс последовал за ней в комнату. Холодная рука сжала внутренности Амнора, как будто это существо предвещало какое-то бедствие. Оно потерлось мордой о ее ногу и опустилось на пол рядом с ней, а она, усевшись в низкое кресло, принялась поглаживать его голову. Ее хранитель.

— Я обеспокоена, — начала она, — очень обеспокоена. Я получила очень любопытные донесения о той девке с Равнин. Уже много дней никто не видел ее ребенка, а она ничего не говорит. Думаю, она убила его, а тело спрятала.

Его сузившиеся глаза бесстрастно изучали ее.

— И зачем же, моя несравненная королева, ей понадобилось это делать?

— Мне говорили, что она сильно страдала в родах. Возможно, у нее помутился рассудок.

Амнор рискнул.

— Возможно, ее ненавидит какая-нибудь прекрасная женщина. — И мгновенно понял, что этот ход был ошибочным. Она

взглянула на него черными глазами, в которых плескался яд, и сказала безо всякого выражения:

— Не стоит быть так сильно уверенным во мне.

— Мадам, я говорю лишь как ваш слуга, который будет защищать вас, пока это возможно.

— Неужели? Значит, ты стал бы меня защищать, да? Разве ты не знал, что эта ведьма пыталась погубить меня своим черным колдовством?

— Блистательная королева...

— Она колдунья и должна быть казнена за это, — внезапно взъярившись, сорвалась на крик Вал-Мала, а калинкс поднял голову и зарычал.

Овладев собой, Амнор попытался применить другую тактику.

— То, что вы делаете, опасно, — сказал он. — Любой, кто занимает высокое положение, наживает себе врагов. Берегитесь тех, кто воспользуется любой подвернувшейся возможностью уничтожить вас.

— И кто же это? — спросила она почти ласково. — Расскажи мне.

— Вам самой должно быть это известно...

— Мне известно куда больше, чем ты думаешь, Амнор. И почему это ты так заинтересован в том, чтобы эта девка осталась в живых? Разве тела королевы было тебе недостаточно?

«Неужели корень ее злобы кроется в банальной ревности? — подумал он. — *Но это опасная ревность».*

— Есть одна причина, по которой она нужна мне живой. Она владеет древним знанием. Оно обеспечит вам полную и неоспоримую власть. Никто не сможет оспаривать трон Дорфара у вас и вашего сына.

— Меня не интересуют твои причины.

От входа донесся шелест шелка.

— Ваше величество, лорд Орн все еще дожидается вас в передней, — доложила фрейлина.

— Можешь сказать ему, что я уже скоро.

Амнор затаил дыхание, прислушиваясь к своему внутреннему голосу. Вал-Мала поднялась.

— Можешь идти, — сказала она, улыбнувшись ему. — Иди, наслаждайся своей тощей маленькой шлюшкой с Равнин, пока еще можешь.

— Вы несправедливы ко мне, мадам.

— Не думаю. Я слышала, ты частенько наведываешься во Дворец Мира по ночам.

У него похолодело во рту, и он поежился. Но все же, зная, что уже проиграл, он решил бросить последнюю кость, тщательно сдерживаемым голосом сказал:

— Вы забываете услугу, которую я оказал вам, Вал-Мала, на Равнинах-без-Теней.

— Я ничего не забываю.

У него пересохло во рту, точно так же, когда он смотрел на бело-золотое кошмарное изваяние в пещере. Он поклонился,

молчаливо повернулся и вышел, отлично понимая, что она посулила ему. Проходя через переднюю, он миновал высокую фигуру принца Орна эм Элисаара, но не заметил ее.

Орн же отметил уход лорда-правителя и не стал больше ждать.

Он вошел в комнату, и калинкс, подняв голову, приподнял верхнюю губу и оскалил грозные клыки.

— Лежи, где лежишь, грязный урод, — приказал он ему, и калинкс прижался к полу, колотя хвостом и злобно сверкая глазами.

Вал-Мала обернулась.

— Я не позволяла вам войти.

— Думаю, мы вполне обойдемся без этих антимоний, мадам. Я вошел и я здесь, с вашего позволения или без него.

— Я слышала, Орн, что скоро мы наконец-то будем иметь удовольствие распрощаться с вами?

Он неожиданно ухмыльнулся, но это была волчья, угрожающая ухмылка.

— Распрощаетесь, мадам, всему свое время. Но, если мне не изменяет память, мадам, я оказал вам одну маленькую любезность, которая так и осталась неотплаченной.

— Ах, да. Принц спас меня от змеи. И что же вы хотите? Денег, как обычный наемник?

— Полагаю, то, о чем я думал, вы не растрачиваете на наемных солдат.

Глаза Вал-Малы расширились. Она сделала шаг назад, а он — несколько шагов вперед и, протянув свои огромные ручищи, схватил ее за шелковистые запястья.

— Прежде чем уехать, я кое-что себе пообещал. И, полагаю, вы в точности знаете, чего я хочу.

— Ваша наглость омерзительна.

— Я всегда вызываю у вас омерзение, но вы милостиво даровали мне эту аудиенцию. И так роскошно и элегантно оделись для нее. Или я заблуждаюсь? Вы прихорашивались не для меня, а для Амнора?

— Отпусти меня.

Он притянул ее к себе и запустил руку в вырез ее платья. Его пальцы сомкнулись на ее правой груди, точно пять когтей из раскаленного металла. Она протянула руку и острой гранью камня, переливавшегося в ее кольце, распорола ему щеку. Это заставило его на миг отпрянуть от нее, но потом он перехватил оба ее запястья одной ладонью и без колебаний наотмашь ударил ее по лицу. Пощечина чуть было не сбила ее с ног, и лишь его железная хватка не дала ей упасть. На щеке у нее, точно ожог, мгновенно вспухла багровая полоса.

— Да поглотит тебя за это ад! — завизжала она.

Он без усилия оторвал ее от пола, не обращая никакого внимания на ее попытки вырваться.

— До чего же нежный голос у моей госпожи, — сказал он насмешливо и понес ее. Она всю дорогу кричала и отбивалась от него, но он крепко держал ее руки, внимательно следя за тем,

чтобы они не оказались в опасной близости от его глаз. Ее злоба оказалась совершенно бессильной.

Небольшая колоннада вела к двери ее спальни. Он пинком распахнул дверь и так же захлопнул ее за собой, бросив королеву на покрывало, с которого потрясенно таращились на него вышитые луны и солнца.

— Только попробуй хоть пальцем меня тронуть, и я убью тебя, — прошипела она.

— Да пожалуйста, можешь попытаться. Я шестьдесят раз убивал в поединке, и каждый раз это были мужчины, вооруженные до зубов опытные бойцы. Не думаю, чтобы ты оказалась более удачливой.

Склонившись над ней, он начал расшнуровывать лиф ее платья, но она набросилась на него с когтями, точно дикая кошка. Он отмахнулся от нее, как от надоедливой мухи, и без малейших усилий разорвал плотный бархат и кружевное белье разом. Фальшивая бледность ее набеленных лица и шеи показалась еще более неестественной по контрасту с темной бронзой грудей. Его ладони скользнули к торчащим алым бутонам в центре упругих полушарий и ощутили, как они затвердели, превратившись в теплые камешки, под его пальцами.

— Сейчас уже не Застис, мадам, вам не удастся списать вот это на звезду. А ведь я так вам отвратителен. Позвольте, я сделаю вам еще неприятнее.

Он отбросил в сторону тяжелые складки ее юбки.

Когда он вошел в нее, она издала низкий горловой звук, который вряд ли можно было бы назвать гневным, а ее руки сомкнулись на его спине, но он оттолкнул ее и прижал к кровати, не давая ей двинуться под своим напором. Атака была непродолжительной, но яростной. Как только она закричала в исступленном экстазе, он перестал сдерживаться и отдался пьянящим судорогам наслаждения, сотрясшим его в такт содроганиям ее бронзового тела.

— Ты делаешь мне больно, — промурлыкала она. Ее нежная рука скользнула по нему, исследуя его крепкое мускулистое тело, его равнины и впадины, нащупала средоточие его мужественности, которое даже сейчас слабо шевельнулось под ее прикосновениями. — О, да ты неплохо оснащен для этого занятия.

— А ты — шлюха, — лениво отозвался он.

Она лишь рассмеялась, и вскоре он бросил ее на спину и вновь овладел ею.

Голубоватая пыль сумерек осела в углах комнаты.

Орн выбрался из постели и встал перед открытым окном, безупречный в своей мужественности, точно изваянная из темноты статуя. Вал-Мала, приподнявшись на локте, рассматривала его.

— Ты соблазняешь меня, а потом уезжаешь. В Элисаар?

Он ничего не ответил.

— Прежде чем покинуть меня, окажи мне одну услугу, — сказала она и заметила искорку в его глазах, обернувшихся к

ней. — Помоги мне избавиться от лорда-правителя Корамвиса. — Не видя его губ, она предположила, что он улыбается. — И от той ведьмы, которая пыталась погубить меня.

Он вернулся к постели и сел рядом с ней, и она увидела, что он действительно улыбается. Но он все так же молчал.

— Орн, может быть так, что ребенок этой девки — не от Редона... возможно, от какого-нибудь жреца, еще до того, как он использовал ее...

Он потянулся и накрыл ладонями ее груди.

— Вал-Мала, когда мы обнаружили Редона мертвым, девчонка впала в какой-то транс, и Амнор заявил, что сумеет вывести ее из него. Поэтому некоторое время он провел с ней в своем шатре наедине.

Она присвистнула.

— Вот как.

— Да. Думаю, я ответил на оба твои вопроса. А щенок, который так беспокоит тебя, всего лишь гнилой плод.

— Амнора нужно убить.

Орн пожал плечами. Она поймала мочку его уха зубами и с силой прикусила ее. Выругавшись, он оттолкнул ее.

— Делай, как хочешь, а ко мне с этим не приставай. Ты отвечаешь лишь перед богами.

— А ты? Чего ты хочешь — регентства или меня?

— Регентства. Ты, кошечка, бесполезный придаток к нему.

Белые звезды облепляли небо, колыхались в зеркале реки, по берегам которой тянулись к луне черные хижины. Немного поодаль, на противоположном берегу, отблеск храмовых огней освещал узкие ступеньки, ведущие к воде.

Ломандра пробиралась по узким проулкам, вымощенным раскрошенными булыжниками, между кишащими крысами остатками стен. Время от времени она нервозно оглядывалась по сторонам. И так уже из-за одной прогнившей двери вышел какой-то мужчина, решив, вероятно, что она проститутка, ищущая себе клиента.

— Дайте пройти. Меня вызвали в гарнизон, — задыхаясь от страха, выпалила она, и это обращение к имени закона отрезвило его.

На этот раз она пришла сюда пешком, перепачкав подол плаща грязной жижей из сточных канав, это она, которая всегда приезжала в занавешенном паланкине. Огромное здание казалось бесформенным, темные стены пятнали грязь и ночь. Часовой у ворот копьем преградил ей путь.

— Чего тебе здесь нужно?

У Ломандры уже совершенно не осталось никакого присутствия духа.

— Я пришла повидаться с Дракон-Лордом, Крином.

— Да неужели, красотка? Дракон занят, ему сейчас не до таких, как ты.

Она поникла, потеряв последние остатки надежды, но вдруг из мрака за воротами раздался голос другого мужчины.

— Эй, часовой! Пропусти даму.

Стражник обернулся, отсалютовал и отступил в сторону. Ломандра вошла в грязный и слякотный дворик. Она не видела лица мужчины, но голос показался знакомым. Он осторожно тронул ее за локоть.

— Леди Ломандра, если не ошибаюсь?

Он отвел ее к брызжущему каплями жира факелу, и она узнала его. Его звали Лиун, он был одним из капитанов Крина.

— Да, теперь я вижу, что не ошибся. — Его губы скривились в насмешке. — Должно быть, вы невыносимо по нему скучали, если осмелились прийти сюда в одиночестве. Придворной даме не место на этих улицах, в особенности после заката.

— Я... мне нужно его видеть... — Она запнулась, не зная, как он поступит, поверит ли ей. Если он сочтет ее влюбленной в Крина навязчивой идиоткой, то сделает все, чтобы не допустить ее до Драконлорда. Но в его голосе, когда он снова заговорил, прозвучала неожиданная теплота.

— С вашего позволения, у вас нездоровый вид. Пойдемте под крышу. Там довольно неприглядно, но зато туда не проникает речная сырость.

Они миновали шеренгу стоящих навытяжку часовых и вошли в массивную дверь циббового дерева.

— Он что, наградил вас ребенком? — спросил он у нее как бы между делом.

— Нет, — ответила она. Глаза у нее слезились от усталости. — Нет.

«И все же, — подумала она, — *я здесь из-за ребенка».* Из-за ребенка Ашне'е, в милосердной тьме унесенного из дворца и теперь спрятанного в одном из убогих домишек у реки. Старуха, снимавшая эту хибару, едва бросила взгляд на искалеченную ручку малыша, но, вне всякого сомнения, на своем веку повидала среди бедноты немало искалеченных сорванцов и их обезумевших матерей. Ломандра подавила неизвестно откуда вдруг взявшееся ужасное желание расплакаться. Ей казалось, что она не спала уже год. Она и сама не знала, почему сделала то, что велела ей девчонка, и не позволяла себе доискиваться ответа на этот вопрос, страшась узнать его.

Она почувствовала, как пальцы молодого лейтенанта сильнее сжались на ее локте.

— Вы нездоровы. Посидите здесь, я сам схожу за Крином.

Она почувствовала, что ее усаживают в крошечной комнатенке, освещенной лампой и тусклым отблеском огня, чадящего в камине.

Ожидание показалось ей нескончаемым, но в конце концов он все-таки пришел, высокий широкоплечий мужчина, одетый в коричневую кожу и темно-красный плащ гарнизона. У него было суровое проницательное лицо, покрытое шрамами, как и тело, еще с молодости, которую он провел в приграничных стычках в Таддрикских горах и морских боях с закорианскими пиратами. Но главными на этом лице были наблюдательные и замечательно спокойные глаза. Его улыбка была сочувственной и дружеской, но не более того,

поскольку в их отношениях никогда не было сентиментальности. Они были любовниками лишь в постели.

— Чем могу служить, Ломандра?

Она раскрыла рот, но не смогла произнести ни слова. Он мгновенно заметил, как вдруг постарело ее лицо. Глаза были покрасневшими и ненакрашенными, всегда ухоженные волосы висели сосульками.

— Лиун, похоже, решил, что ты забеременела от меня.

— Нет. И потом, это все равно ничего бы не изменило.

И снова она умолкла. Он подошел к столу и налил вина в два бокала. Она взяла кубок, и лишь после того, как она сделала несколько глотков, к ней вернулся дар речи.

— Мне нужна твоя помощь. Я должна бежать из Корамвиса. Если я останусь, королева, скорее всего, убьет меня.

Он внимательно посмотрел на нее, отпил из кубка.

— Я рассказывала тебе о той девушке с равнины. Об Ашне'е.

— О той колдунье, которая отравляет твои ночи дурными снами, — сказал он спокойно.

— Да, наверное... Ее ребенок появился на свет месяц назад.

— Я слышал об этом.

— Вал-Мала подмешивала в ее еду наркотик — она надеялась, что ребенок родится мертвым. Но он выжил, и тогда она приказала мне убить его — задушить. Она велела в доказательство принести ей мизинец с его левой руки.

Лицо Крина помрачнело. Он осушил кубок и выплеснул осадок в огонь.

— Совсем спятила стерва. Она что, решила, что ты ее мясник?

— Я не делала этого, Крин. Ашне'е... она отрезала палец... я... я никогда не видела такой свирепой решимости. Но ребенок жив.

Она поникла, сжавшись на узком солдатском топчане. Он отставил свой кубок и уселся рядом с ней, ласково обняв ее.

— И ты где-то спрятала этого ребенка.

Она была очень рада, что не пришлось ничего объяснять.

— Да.

— Ты очень храбрая женщина, если решилась пойти против Вал-Малы.

— Нет. Я схожу с ума от страха. Но Ашне'е — она попросила, чтобы я увезла младенца из Корамвиса и оставила его у кого-нибудь на Равнинах. Королева убьет ее, как только придумает, как, и ребенка тоже, если сможет его отыскать.

— Тогда она должна быть уверена, что он действительно рожден от Редона.

— У него кожа Виса, — тихо сказала Ломандра, — но глаза... глаза ее.

— Я помогу тебе благополучно добраться до Равнин, — сказал он. — Дам колесницу и двух солдат — большее количество вызовет подозрения. Я выберу самых надежных, так что можешь вполне им доверять.

— Спасибо тебе, Крин, — прошептала она.

— А ты, — спросил он. — Что будет с тобой, Ломандра?

— Со мной? — удивленно взглянула она на него, обнаружив, что совершенно не думала о себе, только о ребенке. — Наверное, вернусь в Зарависс. Никого из моих родных в живых уже не осталось, но у меня есть кое-какие драгоценности, которые можно продать. Возможно, выйду замуж в какое-нибудь благородное семейство. Я хорошо знаю придворный этикет.

Он легонько коснулся ее волос, снова поднялся на ноги и отошел, остановившись у коптящего огня.

— Я позабочусь, чтобы ты смогла уехать уже утром. Сегодня переночуешь здесь. Тут есть несколько отдельных комнат, можешь выбрать любую.

Она видела, что он предложил ей провести эту ночь в одиночестве из внимательности. Кроме того, возможно, он уже договорился провести ночь с какой-нибудь из гарнизонных женщин. Она слишком устала, чтобы не порадоваться этому обстоятельству, но в то же время ее кольнуло сожаление, потому что она знала, что никогда больше его не увидит.

4

В полночь город был разбужен зловещим заревом костров, мечущимися огнями факелов и тревожным боем колоколов. Облаченные в черно-рыжие ливреи Дворца Гроз люди мелькали во всех людных местах Корамвиса, всадники галопом носились по улицам и переулкам, во всю мощь своих глоток выкрикивая воззвания, как будто наступил конец света.

Наступала ночь огня и террора.

Измена. Святотатство.

Амнор, лорд-правитель Корамвиса, Советник покойного Повелителя Гроз, навлек на себя немилость богов. Он привез в город ведьму из Степей, чьи злые чары погубили Редона, и сделал из нее свою шлюху. Это его ублюдок, а не законный наследник Повелителя Гроз, вырос в ее греховном теле.

Все было продумано безукоризненно. Нелепая гордыня дорфарианской черни, считающей себя, даже в пучине нищеты и бесправия, произошедшей от богов, раздулась до болезненных высот. На улицах стояли вопли, требовавшие убить Ашне'е, вогнать кол в ее лоно, и примерно то же самое происходило и под воротами дворца Амнора, ибо толпа вообразила себя обманутой и получила право на отмщение.

Отряд солдат, шагавший во главе толпы, вломился во Дворец Мира, звеня обутыми в латные сапоги ногами по гулким коридорам. Двое из них подошли к комнате, где лежала девушка, и слегка нерешительно шагнули внутрь. Ведь она же была колдуньей, она могла обратиться в анкиру, попробуй они прикоснуться к ней. Болтали, будто бы она сожрала собственного ребенка.

Но она лежала совершенно неподвижно. Казалось, что огонь факела просветил ее насквозь, как будто она была сделана из алебастра.

Она их опередила.

Но солдаты все же вынесли наружу тело и показали его народу. На площади Голубок неумело, но с энтузиазмом сложили погребальный костер. Люди радостно выволокли из дворца мебель и одежду, швыряя ее на костер. Ухмыляющийся булочник втащил белое тело Ашне'е на самую вершину и бросил его поверх кучи. Поднесли факелы. В светлеющее небо взметнулся темный столб дыма.

Неистовствующая толпа взломала винные лавки и надралась. Когда обугленные подпорки погребального костра рухнули, она бросилась ко дворцу Амнора и принялась швырять горящие головни через стены во двор обманщика.

— Мой господин, — закричал слуга, — деревья у стены уже горят. Скоро займутся ворота. Как только они сгорят, этот сброд хлынет внутрь, и стража не сможет их удержать.

— Мою колесницу уже приготовили?

— Да, лорд Амнор.

Слуга поспешно зашагал перед своим господином, провожая его во двор. Рассветный воздух уже был пропитан едким дымом и запахом горелого дерева. Из-за стен доносился рев разъяренной толпы.

Амнор, никем не сопровождаемый, вспрыгнул на колесницу и схватил поводья. Его охватило угрюмое удовлетворение при мысли о том, что он смог так решительно и бесповоротно отказаться от всей своей власти и богатства, оставив его пламени и алчности дорфарианской черни.

— Ии-йя! — крикнул Амнор своей упряжке и погнал ее по аллее, обрамленной тлеющими деревьями прямо к воротам. Его стражники бросились врассыпную, и невольники распахнули перед ним тяжелые створки.

Огонь факелов, дым и толпа, тяжелый смрад и впечатление единого существа с тысячей вопящих глоток и рвущих рук. Он нырнул в нее на своей бешено несущейся колеснице, и передние ряды повалились и распростерлись перед ним, пронзительно крича. На миг показалось, что колесница вот-вот перевернется или хотя бы застрянет в месиве упавшей человеческой плоти, но быстроногие нервные животные, храпящие и перепуганные пожаром, понеслись вперед, увлекая за собой повозку, а Амнор направо и налево заработал ножом, нанося удары куда попало.

На него прыгнул какой-то человек, выкрикивая ругательства, но Амнор, стремительно полуобернувшись, перерезал его громогласное горло и отшвырнул его прочь. Отрубленная рука, зацепившись, повисла на бортике, пока неровная поступь скакунов не стряхнула ее. Женщины визгливо выкрикивали проклятия и вопили от боли.

В лицо ему ударил свежий ветер, и толпа осталась позади. Некоторые побежали за ним, тявкая, точно собаки, но он только

погонял своих скакунов, и преследователи скоро отстали. Колесница была забрызгана кровью и его руки тоже.

Внизу неслась белая дорога, сады и здания мелькали мимо, точно уносимые обжигающим ветром. Он оглянулся. Над горизонтом занималось зарево; должно быть, его уютные комнаты уже попали во власть жадного пламени.

Колесница прогрохотала по широкому юному мосту, и под ним, точно мутное вино, в первых лучах солнца блеснули воды Окриса.

Его преследовала одна из черных дворцовых колесниц.

Возница, человек в ливрее королевы, поднес руку к губам и закричал, приказывая ему остановиться. Амнор вытянул своих скакунов поперек спин хлыстом и увидел, как из-под их копыт полетели искры. Из-за поворота прямо на него вылетела еще одна черная колесница.

«Она достойная соперница», — подумал он, наливаясь свинцовым гневом, но повернул свою упряжку и обошел колесницу противника справа. Ее ось застряла в спицах его колеса, повозка накренилась и вывалила свое содержимое на землю. *«Но не вполне, миледи,* — подумал он, — *не вполне».*

Город стремительно уходил назад, а по обеим сторонам, точно соты, тянулись холмы. Одна черная колесница все еще преследовала его.

«Мне следовало быть готовым к этому», — упрекнул он себя.

Между растрескавшимися скалами внезапно жемчужно блеснула вода — это озеро Иброн плескалось далеко внизу.

Перед глазами у него мгновенно встала пещера. Ему ничего не оставалось, кроме как отыскать ее сейчас.

«Что я могу предложить тебе, Анак, чтобы убедить тебя открыть мне свои тайные тропы? — промелькнула у него в мозгу горькая ирония. — *Свою висскую душу?»*

Дорога резко вильнула. Их приближение спугнуло большую птицу, и хлопанье ее крыльев заставило скакунов шарахнуться в сторону. Колеса наткнулись на камни и взлетели в воздух. Амнор ощутил, как колесница под ним накренилась, небо и земля стремительно понеслись друг на друга, а потом осталось одно лишь небо.

Черная колесница затормозила. Оттуда выскочили двое и подбежали к краю дороги, глядя сверху на сплющенные останки разлетевшейся колесницы и упряжку, застрявшую на острых зубцах обрыва.

— А где лорд-правитель? — спросил один из них другого.

— В озере. Его ждет та же участь.

— Это более легкая смерть, чем та, которую уготовила бы ему она.

Пронзительно выл ветер. Его обжигающий хлыст ударил Амнора, чуть прояснив сознание. Он кувырком несся к огромному зеркалу, которое должно было вот-вот поглотить его.

В последний миг одна мысль пронзила его — это смерть.

Амнор из последних сил сражался с непослушной плотью, пытаясь подчинить себе свое тело до того момента, когда оно расколет эту водную гладь. Он силился набрать в легкие побольше воздуха.

Он точно влетел в раскаленную добела печь. Его кости мгновенно растеклись, словно расплавленное золото. Негнущиеся пальцы пытались пробраться в каждое отверстие. Не было слышно ни звука.

Глубоко под поверхностью воды Амнор замедлил свое падение — зародыш, запертый в чреве чернильно-черного сапфира.

Это смерть.

«Бороться бесполезно, — подумал он. — *Я больше не человек, а частица этой воды».*

В груди вспыхнула боль. Легкие бессмысленно боролись — ни за что.

Впусти внутрь воду и умри.

Но он не мог.

Облако пузырей с шелестом устремилось кверху сквозь тьму; он смутно ощутил какое-то новое течение и позволил ему захватить себя. Он закрыл глаза, медленно увлекаемый вверх толщей воды. Через некоторое время его век коснулся тусклый свет, а его безвольное тело уткнулось в какой-то камень. Он забился, точно пойманная в сеть рыба, и все его инстинкты сейчас были направлены на то, чтобы выбраться на этот свет. Его руки ухватились за камень, и в лицо ему ударил воздух.

Он лежал на краю огромного озера, тяжело дыша, совершенно обессиленный. Ужасный приступ раздирающих внутренности кашля и рвоты уже прошел, оставив в его теле безжизненную тяжесть, под которой еле трепыхались обрывки каких-то его мыслей.

Там дверь. Проржавелая дверь. Она вокруг меня. Я в Ее внутренностях, как Ее яйцо, ее дитя. Когда я доберусь до двери, пройду через нее и окажусь в пещере, я появлюсь на свет из чрева богини.

Некоторое время спустя он поднялся на ноги и, шатаясь, побрел к каменной стене, окружавшей озеро, вдоль которой ковылял, пока не нащупал дверь. Он потянул за нее, и дверь подалась, но он упал на колени, подкошенный этим усилием, и пополз, как мечтал об этом, из золотого хвоста Анакир.

Он раскрыл глаза и увидел узкую бледную маску глядящей на него со своей высоты богини, обрамленную золотыми извивающимися змеями. И он подумал: *«Это лицо моей матери».*

И ухмыльнулся при мысли об искайской потаскухе, зачавшей его в винной лавке от одного из мелких дорфарианских принцев. Его происхождение, пусть даже и незаконное, оказалось весьма кстати, как понял Амнор, карабкаясь по первым ступеням социальной лестницы. Она вполне могла бы родить его и от законного брака с каким-нибудь подручным каменщика.

Он поднялся на ноги. Мокрая одежда противно липла к телу, ледяная от пронизывающего холода, стоявшего в пещере.

— Значит, ты снизошла до того, чтобы спасти меня, Анак, — крикнул он статуе, — и теперь я твой первенец. Прими мою смиренную благодарность.

Ее глаза сверлили его.

— Какие дары ты принесешь мне теперь, Матушка, когда я оказался выброшенным в этот безжалостный мир без гроша?

Он подошел ближе и положил обе ладони на ее огненный хвост — миллионы чешуек из чеканного золота.

Решив попытать счастья, он попробовал выдернуть одну из них. Когда ее сделали? Слишком давно — она явно отчаянно нуждалась в ремонте. Золотая пластинка осталась в его руках, и Амнор разразился безумным смехом. Он дергал и дергал, и на него хлынул золотой дождь, и он принялся выуживать из этого потока фиолетовые камни, точно виноградины из вина.

Ободрав ее хвост до такой высоты, куда смог дотянуться, он свалил кучу своих сокровищ на плащ и сделал из него тюк.

— Значит, мне все-таки удалось обобрать тебя, Мать моя. Неразумно пригревать такого вора у себя за пазухой.

Он вообразил бессильную ярость белого лица и, стоя под аркой, обернулся и отсалютовал ей, обезумевший от водного плена и свалившегося на него золота.

В такой тьме он двигался с недостаточной осторожностью. Его тюк подпрыгивал и звякал. На этот раз у него не было ни кремня, ни проводницы. Ступени ему найти не удалось.

В конце концов он понял, что где-то во мраке ошибся поворотом.

Он принялся озираться по сторонам, но не мог различить почти ничего. В этот миг до его слуха донесся отдаленный высокий звук, похожий на пение, который он уже слышал раньше. Амнор вслепую двинулся на этот звук, и он будто бы стал громче, точно к незримому певцу присоединилось еще несколько.

— Анакир расхныкалась, — насмешливо сказал он вслух.

Но на лбу и ладонях у него выступил холодный пот. Он ускорил шаги.

Он был уверен, что не сможет найти лестницу. И что тогда ему оставалось? Возвращаться обратно? Почему-то даже мысль о том, чтобы вернуться в пещеру, казалась ему невыносимой. И звук — он стал громче. Он долбил его череп, точно нож.

Амнор обернулся, оглядываясь назад.

В узком проходе стоял человек, явно различимый в темноте. Человек с темно-бронзовой кожей и притом со светлыми глазами и волосами. Прямо на глазах у Амнора эти глаза и волосы начали расползаться и таять в воздухе, точно пламя; лицо расплылось, став лицом Ашне'е. Ее губы раскрылись, и из их безмятежной бледности вырвался звенящий крик пещеры.

И безумным эхом ему отозвался его собственный крик. Он побежал. Мешок в его руках казался вдвойне, втройне отяжелевшим — он чуть было не швырнул его на землю и не оставил его там, но почему-то не смог этого сделать, хотя и хотел. Он бился о стены, оставлявшие на нем синяки, а перед глазами у него мелькали разноцветные искры.

Внезапный свет.

Он бросился в него, ослепший и стонущий, земля ушла у него из-под ног, и он упал.

— Очнись, — коснулся его сознания настойчивый женский голос всего несколько, как ему показалось, секунд спустя.

Амнор повернул голову и увидел девушку, стоявшую на коленях рядом с ним. У нее было по-крестьянски загорелое лицо и большие простодушные глаза.

— Я уж подумала, что ты дьявол из горы, — затараторила она. — Как-то раз я зашла туда, увидела свет и убежала прочь. — Она бросила на него кокетливый взгляд. — Но ты же мужчина.

Он сел. Жаркое солнце уже высушило его одежду. Сколько он провалялся здесь под взглядом этой низкородной шлюхи? Он опасливо взглянул на свой тюк, но его, судя по всему, никто не трогал.

— Ты что, идешь через горы в Таддру?

— Да, — ответил он коротко.

— Тут скоро люди пойдут через перевал. Наша ферма совсем рядом, чуть ниже по склону. Если ты подождешь, то можешь пойти с ними.

Амнор бросил на нее взгляд. Путешествовать в компании было бы вполне разумно. У него не было никакой провизии, а ранние снегопады могли уже в самое ближайшее время сковать горы льдом. Кроме того, на этих горных склонах можно было легко наткнуться на бандитов.

Ферма почти ничем не отличалась от сарая. Тощая корова щипала жухлую траву, а у стены, точно засушенное насекомое, сидел старик без глаз.

Пока девушка ходила по своим делам, Амнор ждал в тени дома. Торговцы еще не проходили. Он задумался, не выдумала ли она их для того, чтобы задержать его здесь с какими-нибудь коварными намерениями, но для этого она казалась слишком безмозглой. Он попытался подступиться с вопросами к старику, но тот оказался не только безглазым, но еще и глухим.

Когда на ферму опустилась вечерняя прохлада, девушка дала ему хлеб с сыром и кружку разведенного водой молока. Когда он расправился с едой, она уселась рядом с ним и положила руку ему на бедро.

— Я буду ласкова с тобой, если ты хочешь. Если дашь мне что-нибудь, я сделаю все, что ты пожелаешь.

Так значит, она продавала себя, чтобы хоть как-то подработать на свое скудное житье. Он грубо схватил ее за плечо.

— Ты врала мне о путешественниках?

— Нет... нет... они придут завтра.

— Если ты сказала неправду, то пожалеешь об этом.

Он оттолкнул ее и улегся спать, кое-как примостив жесткий тюк вместо подушки.

Спал он долго и глубоко, усталый до мозга костей. Перед рассветом ему приснился сон.

Повелительница Змей вышла из горы и сползла по склону в хижину. Она обвила его своим хвостом, своими восемью руками и шипящими и поблескивающими змеями-волосами, и он играл с ней в игру страсти, которой обучила его Ашне'е.

Острые иглы солнечных лучей кольнули его глаза, разбудив его. Путешественники уже пришли.

— В городе волнения и пожары, — рассказал ему один из мужчин.

Амнор оглянулся на Корамвис — кукольные белые башенки между вздымающимся и опадающим морем холмов. Он отвернулся и впервые за все это время в его сердце забрезжила мучительная досада и горькое отчаяние. Лорд-правитель действительно покоился под водами Иброна.

Все погибло, подумал он. Лишь я остался. И я... меня больше не существует.

Гарнизонная колесница, снабженная сиденьем, с грохотом выкатилась из Степных Ворот Корамвиса в самый темный предрассветный час. Амун, возница, который некогда был победителем бегов на аренах Закориса, объехал мятежные кварталы, но до них все же донесся вой ветра и запах гари. Лицо Лиуна было суровым и непроницаемым, но он пробормотал:

— Иногда жалеешь, что боги создали тебя не кроликом или быком — да кем угодно, только бы не человеком.

Ломандра прижимала младенца к себе, но он даже не пискнул. Она чувствовала сгустившуюся над городом какую-то смутную, но грозную силу. *«Им еще придется расплатиться за это деяние»*, — подумала она. И взмолилась, чтобы девушка действительно была мертва, когда толпа придет за ней, как Ашне'е ей и обещала.

Они проехали по Дорфару, уже тронутому золотистым увяданием приближающейся осени, пересекли широкую реку, очутившись в Оммосе, где хорошенькие надушенные мальчики визжали при виде их колесницы, а статуи Зарока время от времени принимали в свои горны плоть нежеланных новорожденных девочек. Однажды у небольшой придорожной харчевни они увидели танцовщицу, за деньги полоса за полосой снимавшую со своего худенького тела еле прикрывавшую его одежду при помощи горящей головни.

«Это символ, — подумалось Ломандре. — *Символ моей жизни»*.

И все же, когда они въехали в Зарависс, напряжение и горечь отпустили ее. Она чувствовала себя освобожденной, почти умиротворенной. Как и до поездки, она часто наблюдала за ребенком, но впервые смотрела на него без страха. *«Кем он станет?»* — раздумывала она. Скорее всего, каким-нибудь простым тружеником — охотником или фермером — в поте лица зарабатывающим себе на жизнь и ведать не ведающим о своем происхождении и о драматических событиях, сопровождавших его рождение. Или, может быть, он умрет еще ребенком. Стоит ли ей оставить его себе, задавалась она вопросом, вырастить его и дать ему такое положение и благососто-

яние, которого она сможет добиться? Этот план вызвал у нее немедленное внутреннее противодействие. Несмотря на сострадание, которое она испытывала, это было давление чужой воли, что-то вроде обязательства, наложенного на нее. Этот ребенок был не заравийцем, инородцем. В ее жизни, какой бы она ни была, не было места для этого странного и пугающего незнакомца. И Ашне'е, казалось, знала этот факт и одобряла его.

На закате, когда они отъехали приблизительно десять миль от границы и уже были в Тираи, их настиг первый в этом году холодный дождь.

Она покормила ребенка молоком под шум грозы, бившейся в закрытые ставни ее комнатки на постоялом дворе. Когда непогода наконец утихла, в окно пробились косые алые лучи заходящего солнца. Послышался стук в дверь, и когда она открыла ее, на пороге стоял Лиун. Впервые за все это время один из ее попутчиков-мужчин заглянул к ней после дневного путешествия. Она решила, что что-нибудь случилось, и кровь тревожно запульсировала у нее в висках.

— Что-то не так?

— Нет, все в порядке. Прошу прощения, если встревожил вас.

Он вошел в комнату уверенно и в то же время робко, направившись к колыбельке, как будто именно за этим к ней и пришел.

— Какой тихий малыш, благодарение богам.

— Да, он всегда был тихим. Как и она.

— А вы? — спросил он вдруг точно так же, как спросил ее в ту ночь Крин. — Что будет с вами?

— Я поселюсь у себя на родине, когда исполню то, о чем она просила меня.

— В Зарависс. Да. Вам не стоило вообще уезжать оттуда.

— Может, и так.

Он открыл ставни, впустив в комнату свежий красный воздух. Потом ни с того ни с сего спросил:

— Вы никогда не задумывались, почему я стал вторым вашим спутником?

— Крин обещал мне дать провожатых, которым я смогу доверять.

— Я попросился сопровождать вас.

Она изумленно взглянула на него.

— Зачем вам это понадобилось?

— Наверное, я совсем глупец, если решил, что вы догадаетесь. В Корамвисе я даже не решался заговорить с вами.

— О чем?

Он слегка покраснел и печально улыбнулся, все так же не поднимая на нее глаз.

— Что я мечтал о главной фрейлине королевы. Все равно было без толку. Ведь я был простым капитаном, еле сводящим концы с концами на армейском жаловании.

Ее охватило неожиданное ощущение теплоты. Она обнаружила, что нечто такое, о чем она никогда раньше не думала, точно приподняло ее над землей. Она почувствовала себя юной де-

вушкой, призраком той себя, которая навсегда осталась в Зарависсе. Руки у нее задрожали, и она издала легкий смешок.

— Но теперь у меня ничего нет, — сказала она.

Он взглянул на нее, и лицо у него стало изумленным.

— Крин отпустит меня, — выпалил он. — Я отложил достаточно, чтобы купить небольшое поместье и нанять людей. Мы могли бы неплохо жить, здесь или в Кармиссе. Но для вас такая жизнь была бы невыносимой.

— Невыносимым для меня был Дорфар и тамошние обычаи. О да, Лиун, я могла бы жить такой жизнью, которую ты предлагаешь мне. И я могу достать деньги, чтобы помочь тебе.

И оба вдруг рассмеялись, глупо и счастливо. Он подошел к ней, и его глаза сияли — очень ярко.

«Что я делаю?» — спросила она себя, но в один миг ей перестало казаться важным все, кроме этого сильного молодого мужчины с такими блестящими глазами и надеждой, которую он дал ей. Он был младше ее, но и это вдруг стало несущественным. *«Ты же не тринадцатилетняя девственница, чтобы так трястись!»* — подумала она, когда он немного неловко, но очень нежно убрал за ухо ее густые волосы и поцеловал ее в щеку. Как она могла так мечтать об этом и сама не понимать этого?

— Ломандра, — произнес он и поцеловал ее — и в этом поцелуе не было совершенно никакой неловкости.

На следующий день они ехали по Зарару под металлическим небом. К полудню ветер стал густым от пыли.

— Будет буря, — сказал Амун. Он вообще был немногословен; а если и говорил, то в основном о погоде, о состоянии их колесницы или скакунов.

— Сделаем остановку? — спросил Лиун.

— Здесь есть небольшой городок, заравийское поселение всего в нескольких милях к западу от Драконьих врат. Думаю, мы успеем добраться дотуда до непогоды.

Они продолжили свой путь, оставив позади две белые колонны Драконьих врат, и перед ними под пурпурным пологом облаков уже расстилались бесплодные янтарные равнины Степей.

Скоро стало совсем темно. Налетевший ветер, яростно воя, неистовствовал в холмах. Ломандра прижимала младенца к себе, чтобы защитить от колючего песка, летевшего им в лицо. Казалось, они мчатся прямо в пасть к ненасытному, бушующему и ревущему зверю.

Небо расколола шипящая бледно-голубая вспышка. В ту же секунду ударил гром. Скакуны вскинули головы и заплясали от страха. Она слышала, как Амун бранит их:

— Проклятые полукровки! Вам только шлюх на прогулку возить!

Еще одна молния копьем полетела в степь. Колесница раскачивалась и дребезжала, а перепуганные скакуны неслись во весь опор, тряся развевающимися черными гривами. Лицо Амуна,

пытающегося удержать их, свело в гримасе гнева; вся его поза вопила, что в дни своего славного прошлого он привык совсем не к такому.

Внезапно прямо перед ними из сизого марева, окутывавшего горизонт, возникла рощица побитых непогодой темных деревьев.

— Сворачивай! — закричал Лиун.

— Думаешь, я уснул, щенок?

В этот миг мир с оглушительным треском раскололся пополам, превратившись в ослепительно-белую пустоту.

Ломандра ощутила приступ леденящего холода, нахлынувшего на нее, точно дыхание демона. Она не понимала, кто такая и где находится, она казалась себе пушинкой, летящей по воле ветра, пока ей в спину не ударила острая боль.

Она обнаружила, что лежит на земле, засыпанная опавшими листьями, с ребенком на груди. Ее тело смягчило ему падение, но маленькое личико сморщилось в плаче. Белое зарево ослепило ее и померкло, заслоненное силуэтом наклонившегося над ней Лиуна.

— Ты цела?

Она кивнула, даже не задумавшись над тем, так это или нет, и он потянул ее, поднимая на ноги. Она безумно огляделась по сторонам.

— Молния, — отрывисто сказал Лиун. — Она ударила в деревья и в упряжку. Нас с тобой отбросило и пацаненка тоже.

— А Амуна?

Лицо Лиуна стало угрюмым.

— Его боги дремали.

Ломандра отвела взгляд, не в силах вынести его сурового горя. Невыносимое чувство вины придавило ее со всей тяжестью ледяного дождя, который обрушился на них. Она обернулась и различила очертания коляски, застрявшей в черно-белой мозаике, в которую превратились горящие деревья.

— Не смотри туда. — Он положил ладонь ей на локоть. — Остальную часть дороги до города нам придется пройти пешком.

В непроницаемой сизой тьме один склон ничем не отличался от другого. Там и сям попадались островки грязи с чахлой влажной растительностью, хотя дождь уже прекратился. Лиун забрал у нее ребенка, но ее пригибал к земле тот, другой груз. Груз ее вины.

Возможно, именно ее вина и стала причиной того сверхъестественного чувства опасности, которое охватило ее. Долгое время она шла, дрожа от этого ощущения, но не говоря ни слова, пока наконец оно не стало невыносимым и неконтролируемым.

— Лиун, — сказала она тихо, — позади нас кто-то есть.

Она почувствовала изумление и странный болезненный укол, когда он сказал:

— Мне тоже так кажется. За нами уже примерно милю кто-то идет.

— Что это такое, Лиун?

— Кто знает? Возможно, просто кучка степных крыс.

Здесь подлесок уже стал гуще, над ним курились влажные испарения. Сквозь тонкие стволы она уловила внезапную призрачную вспышку — пару злобных глаз, сначала алых, потом золотых. Он услышал, как она ахнула, но лишь бросил на нее короткий взгляд. Потом очень буднично сказал ей:

— Забери малыша, Ломандра. И приготовься бежать.

Она послушно взяла из его рук сверток.

— Зачем?

— Наши тайные поклонники опасны.

— Что...

— Тирры, — сказал он безо всякого выражения.

Она почувствовала, как вся кровь в ее жилах застыла, и замерла, точно парализованная.

— Значит, нам конец.

— Не обязательно. Я могу попытаться задержать их, а ты попробуешь спастись бегством. Геройская смерть. Никогда не думал, что боги выбрали меня для этого.

— Лиун... Лиун...

— Нет, дорогая Ломандра. Они не оставили нам времени.

Он подтолкнул ее. Послышался шорох листвы, и с деревьев полетели какие-то тени. Тьму разорвал жуткий вопль, а ее ноздри наполнила омерзительная вонь. Она увидела безволосые бока, выпуклое лицо и ядовитые когти. Прозвучал второй крик, потом третий. Еще двое, боящиеся упустить свою добычу. И — хотя она знала, что он неминуемо погибнет, этот мужчина, пожертвовавший своей жизнью ради ее спасения, которого она так легко могла бы полюбить — она побежала.

Она бежала, как в кошмаре, ощущая смерть, преследовавшую ее по пятам, и слыша где-то вдали с каждым разом все более слабеющий и уже неузнаваемый голос, полный муки.

В конце концов она поняла, что не может больше бежать.

Она упала и лежала, ожидая запаха мертвечины и треска ее собственной раздираемой плоти, но ничего не произошло. Ребенок захныкал у ее груди, требуя молока, которого у нее не было.

Плечо саднило. Постепенно всю спину и предплечье охватила тупая парализующая боль. По ее боку стекал тоненький ручеек крови. Она не помнила ни удара лапой, ни царапанья когтем, но поняла, что вся ее борьба все равно была напрасной.

Заравийка поднялась на ноги, сжимая дитя в немеющих руках, в колыбели уже гибнущей плоти.

«Ты, — подумала она. — *Все ты».*

Но, как ни странно, она не испытывала особенной ненависти к ребенку.

«Где я умру? В каком месте свалюсь, и ты вместе со мной? И на сколько ты переживешь меня на этих мерзких и безлюдных Равнинах? *И снова она подумала:* — Он умрет ребенком». *И зашагала к безлунному горизонту.*

5

Жара уже схлынула до следующего года, и небо отливало тусклой бронзой, когда с десяток селян отправились провожать Эраз в храм. Она лежала на похоронных носилках, очень белая и неподвижная, похожая на любого другого покойника во всем, за тем лишь исключением, что ее волосы все еще отливали рыжиной, ибо она была женщиной средних лет.

Спереди носилки держал охотник. Как и все они, за исключением одного, он казался совершенно бесстрастным. Ни один житель Степей не мог рассчитывать на долголетие, ведь здешняя жизнь была суровой и по большей части тщетной. Но молодой мужчина, сжимавший задние ручки носилок, неотрывно смотрел на лицо усопшей, и его собственное мучительно кривилось в попытках не заплакать.

Все дело было в кусочках янтаря в ее ушах. Он так часто вспоминал, как они поблескивали у нее в волосах; пожалуй, это было самое первое из его детских воспоминаний. Сейчас они невыносимо бередили его душу, а он не хотел проливать слезы на глазах у этих людей. Они редко плакали по своим мертвым — если вообще плакали, потому что он лично никогда этого не видел. Они не выказывали никаких эмоций: ни боли, ни горя, ни радости. Они. Он ощутил во рту застарелую горечь, ибо несмотря на то, что отчасти он был одним из них, он все равно оставался для них посторонним, чужаком. Она понимала это, Эраз, его приемная мать, и дарила ему свою любовь, настолько демонстративную, насколько могла, и тщательно скрываемую от других нежность.

Они вошли в рощицу красных деревьев и направились к темному прямоугольнику храмовой двери. Появились два жреца. Они подплыли, точно сотканные из тьмы призраки, к носилкам, и забрали их у охотника и у молодого мужчины. Без единого ритуального слова жрецы понесли Эраз в темноту. Селяне немного постояли, не двигаясь с места, потом развернулись и медленно разошлись. Один охотник, проходя мимо него, буркнул:

— Теперь она у Нее, Ральднор.

Ральднор не смог выдавить ни слова в ответ. Он обнаружил, что его глаза мокры от жгучих слез и отвернулся, и охотник пошел прочь.

Скоро она превратится в пепел, который смешают с жирной черной землей за храмом. Или ее жизненная суть действительно покоится в объятиях Анакир? Горячие слезы сбегали по его лицу, и когда они иссякли, он почувствовал себя странно облегченным и опустошенным. Он развернулся и пошел обратно в Хамос, деревушку, где он вырос, прилепившуюся к холму.

Добравшись до крошечной двухкомнатной хижины, он захлопнул дверь и сидел в одиночестве, глядя в сгущающиеся вечерние сумерки. Раньше это место было его домом. Несмотря на все разногласия и душевный разлад, он никогда не сомневался в этом. Но теперь, теперь он усомнился. Естественно, он мог оставаться среди них, работать на их полях, как все предыдущие годы, охотиться вместе с ними в неурожайную пору, в конце концов связать себя женой и наплодить ребятишек. Пока что ему везло, и от нескольких случайных совокуплений на свет не появился никто. Тем лучше. Еще один убогий в своих рядах им не нужен.

Он резко поднялся и подошел к диску из отполированного металла, который Эраз использовала вместо зеркала, вглядевшись в свое отражение.

Вис.

Вис, несмотря на все свои светло-золотые глаза и добела выгоревшие на солнце желтые волосы. Об этом просто кричал темно-бронзовый отлив кожи, загар, который не сходил даже в холодные месяцы, и поразительно мужественное лицо, надменные губы и челюсть, которые ну никак нельзя было назвать крестьянскими. К тому же он был и выше, чем большинство мужчин из Степей, очень широк в плечах, узкобедр и длинноног. Все это безошибочно выдавало в нем по меньшей мере полукровку, в чьих жилах текла кровь сильных предков, которым никогда не доводилось голодать на бесплодных землях Равнин-без-Теней.

Внезапно он спросил у себя вслух:

— Почему меня так расстроила смерть женщины, которая даже не была моей матерью?

Ведь его матерью была заравийка, он знал это. Один из жителей Хамоса нашел ее перед рассветом, в нескольких милях от городка Висов, Сара, куда, скорее всего, она и направлялась. Очень красивая женщина, так он сказал. Она лежала на спине, и истончившийся серпик заходящей луны висел над ней, точно капля молока. На плече у нее обнаружили кровоточащую царапину, оставленную когтем тирра, а в мертвых руках она сжимала плачущего младенца.

В память о ней ему дали сарское имя. Но она и так оставила на нем свою неизгладимую печать. Это ее кровь в его жилах так отличала его от всех остальных. Но все же у него был отец с Равнин, ибо его глаза и волосы ясно свидетельствовали об этом. Он думал об этой женщине со смешанными чувствами. Должно быть, он появился от случайной ночи любви, что среди Висов было не большой редкостью, потому что обычно темнокожие расы сторонились степных жителей. И она оставила ему жуткое наследство. Свою висскую сексуальность,

к примеру. Он, как и они, с восходом Алой звезды чувствовал неодолимое возбуждение. Это было постыдным проклятием его детства, пока Эраз все не разъяснила ему. Позднее оно заставляло его рыскать бессонными ночами, точно волк, подгоняемого неутолимым слепым желанием, сходящего с ума от преследующих его горячечных снов. Деревенские девушки, бесчувственные в любое время года и совершенно невосприимчивые к звезде, доставались ему лишь ценой неимоверных усилий, и каждому соитию непременно предшествовало нескончаемое и невыносимое обольщение. Он понимал, что доставил им наслаждение, лишь по их почти ненавидящим приглушенным вскрикам, случайно срывавшимся с их губ. Он чувствовал, что они отдавались ему лишь из жалости, и поражался тому действию, которое он оказывал на них, и после каждого такого совокупления он ощущал ужасную горечь, потому что его страсть, по большому счету, так и оставалась неразделенной, и он сам казался себе скотиной, как только звезда меркла.

И все-таки это было не самое худшее из ее наследства. Труднее всего было перенести свою ущербность. Даже сейчас, вспомнив о нем во мраке убогой хижины, он в ярости грохнул кулаком по металлическому зеркалу.

Он был глух и нем. Ну, то есть, конечно, не физически, а мысленно.

Они, эти бледнокожие люди, окружавшие его, могли слышать мысли друг друга и передавать свои. Вокруг них всегда раздавался безмолвный шепот, точно гудение незримого пчелиного роя. А он, не слышащий и безгласный, был выброшен на обочину их общества, идиот, которого лишь терпели, отверженный — не ими, но своей собственной ущербностью.

Снаружи белый кувшин луны разливал по небу ночную тьму.

Где-то вдали раздался еле слышный волчий вой.

Скоро станет совсем холодно. Выпадет снег. Деревню огородят крепким частоколом, и они окажутся взаперти до второй оттепели.

Решение пришло к нему неожиданно. Он вытащил из сундука теплую волчью шубу, снял со вбитых в стену крюков свой охотничий нож и мешочек с медяками, который был единственным богатством Эраз. И тут же почувствовал себя вором.

Ночь была совершенно безлюдной. Он зашагал по петляющей дороге, вверх по склону, миновал храм и направился к югу.

«Куда ты идешь?» — спросил он себя.

Уж точно не в Зарависс. Казалось, он сам собой обиженно повернулся к северу спиной.

Что-то забрезжило у него в мозгу.

Где-то впереди лежал разрушенный город, их город, как говорила Эраз, след давно исчезнувшего прошлого. Так почему бы не отправиться туда?

Он чувствовал, как опасения и ощущение свободы мешаются в его душе в причудливую комбинацию, ибо, как бы то ни было, он был свободен. Ему больше не придется снова и снова терпеть одни и те же запертые от него лица; по крайней мере, теперь они будут другими.

И он усмехнулся этой безрадостной шутке.

* * *

Там, где ему это удавалось, он шел безлюдными местами, старательно избегая время от времени попадавшихся ему на глаза следов убогого жилья. Он шел на юг. Путешествие настраивало его на бездумный лад, ведь теперь он не был должен ни перед кем отвечать — и город в его представлениях разросся до необъятных метафизических размеров.

Примерно через девять или десять дней он набрел на хижину, в которой жила старая женщина. Она штопала одежду, и ее длинные бесцветные волосы почти совсем закрывали лицо. Он попросил у нее разрешения попить воды из колодца, а потом спросил о городе. Она без слов показала ему на юг. Он продолжил свой путь.

«Мираж, — думал он, — *призрак, которого я даже не вижу»*.

Дул пронзительный ветер.

Никогда еще он не был один так долго.

Опускались ранние сумерки, и деревья шевелили неживыми голыми ветвями. Он вышел из рощи и, взглянув вниз, увидел в склоне неглубокую впадину, в которой уже плескалась темнота. А в этой темноте тянулась вереница силуэтов — канавы, каналы, остатки фундаментов — точно какой-то ребенок построил из влажного песка. Город.

Сначала он не поверил своим глазам. Он начал спускаться в долину, ожидая, что город в любой миг исчезнет, оказавшись лишь игрой угасающего света. Но он с каждым шагом становился все материальнее, все более реальным. Черный камень, точно такой же, из какого были сделаны все храмы на Равнинах.

Примерно в полумиле от этого места до него дошло, что в городе не слышалось ни звука, не было видно ни огонька, ни единой струйки дыма. Значит, он был заброшен. Вполне возможно, учитывая его обветшалость. Но он продолжил идти. Вскоре он уткнулся в длинную полуосыпавшуюся стену и склеп беззащитно раскрытых ворот. Он вошел внутрь, и его сразу же охватило ощущение немыслимой древности и тайны — атмосфера города.

За аркой каменная терраса широкими ступенями спускалась к смутно видимой площади, на которой танцевали темные тени. Его башмаки гулко бухали по камням, а из-под ног у него вдруг вспорхнула в небо лиловая стайка птиц, испугав его.

Когда он переходил площадь, из-под арки внезапно мелькнул огонек. Женщина с коптилкой в руке и волосами, как пламя, набирала воду из колодца. На него она не смотрела. Значит, здесь все-таки были обитатели, живущие, точно дикие звери, в этих развалинах. Что ж, и он тоже может устроить здесь свое логово.

Он зашагал по холодным гнетущим улицам, глядя на проявляющиеся в небе угольки звезд. Больше никого живого на глаза ему не попадалось, хотя иногда с крыш древних домов доносилось хлопанье птичьих крыльев, а время от времени он замечал за занавешенными окнами бледный дрожащий огонек.

Когда он поднялся по ступеням темного дворца, уже всходила луна.

Усевшись спиной к колонне и разглядывая белые капли лунного света на выщербленном мозаичном полу, он доел последние остатки поджаренного над костром мяса. Крыши над этим залом не было, и по углам шептались черные тени. Они казались обманчиво безопасными, и прошло довольно много времени, прежде чем он заметил, что одна из них была человеком.

— Не пугайся, — произнесла фигура, выходя на освещенное луной место. — Твой нож тебе не понадобится.

Он был средних лет, закутанный в истрепанный, но еще вполне прочный плащ, а по пятам за ним неслышно ступал черный косматый зверь с горящими глазами.

— Сидеть, Мау, — приказал мужчина, и зверь сел. — Да, она действительно волчица, но со мной с самого рождения и не причинит тебе вреда.

— Значит, ты можешь не бояться, что я причиню вред *ей*, — парировал Ральднор. — Мне доводилось убивать волков.

— Да. Это видно.

Мужчина присел на корточки рядом со своей волчицей и вгляделся в лицо Ральднора. Хотя он явно был обитателем равнин, выражение его лица было необычайно открытым, а мимика обещала быть выразительной.

— Твой разум закрыт для меня, и у тебя темная кожа, — заметил он через миг. — Наверное, поэтому ты и здесь. В городе много полукровок. Мужчины со светлыми глазами и темными волосами, светловолосые и черноглазые женщины.

— Так вы даете прибежище выродкам? — сардонически осведомился Ральднор.

— Вы, — повторил мужчина, смакуя это слово. — В этом месте нет никаких «вы». Никакой Власти. В храмовых деревушках есть жрецы, но здесь — здесь есть только город. Мы все здесь разнородные, все чужие друг другу. Зачем ты пришел сюда?

— Чтобы поесть, — коротко ответил Ральднор.

— Это дворец Ашнезеа, княгини, правившей так давно, что никто и не помнит, когда это было. Видишь, ее кусочки до сих пор здесь, на полу, беседуют с богиней.

Ральднор ничего не сказал. Этот человек вызывал у него тревогу; кроме того, долгие дни одиночества сделали его еще более необщительным.

— По ночам, — внезапно заговорил мужчина, — в холодные месяцы по развалинам рыщут дикие звери. Будет лучше, если ты найдешь себе какое-нибудь местечко, где можно отсидеться.

— Большое спасибо за совет.

— Я не просил благодарности, а ты, думаю, в действительности ее и не испытываешь. — Мужчина поднялся, и черная волчица вместе с ним. — Меня зовут Орван, и я приглашаю тебя разделить наш очаг — то есть, очаг моей семьи, моих родных по моему выбору, а не по крови.

Ральднор колебался между смущением и нежеланием. И все же казалось более разумным провести эту ночь в приличных условиях, чем бродить по городу в поисках какой-нибудь промозглой щели. Он мгновенно почувствовал, что невыносимо устал, как будто все утомление его спонтанного бегства вдруг разом обрушилось на него.

— Идем, — сказал Орван.

— У меня есть немного денег. Я заплачу за все, что вы дадите мне.

— Деньги? О, в городе они никого не интересуют. Здесь процветает мена.

Ральднор поднялся на ноги и позволил новому знакомому отвести его вниз по лестнице вслед за скачущей впереди волчицей.

Проснулся он, когда ясное небо уже сияло холодной гиацинтовой синевой позднего утра, от странного нагромождения фантасмагорических снов. Он лежал на жестком тюфячке, набитом соломой, положив голову на выцветшую парчовую подушку и накрытый щедрой грудой мехов и одеял. Он вспомнил, что находится в доме Орвана, далеко не сразу. По крайней мере дом Орван себе присвоил. Что за семейство некогда обитало в этих величественных сумрачных комнатах и сновало вверх-вниз по широкой лестнице, ведала лишь Она одна.

Ральднор выбрался из постели и принялся одеваться. В комнате было морозно — сквозь сломанные ставни и трещины в потолке проникал холодный воздух. Он вспомнил, что прошлой ночью в камине большого круглого зала внизу пылал огонь, и его покормили горячим супом с ячменным хлебом. Парень с узким худым лицом и глубоко посаженными глазами сидел перед огнем, плетя корзины. В стороне на скамеечке стояла изящная, но еще не отполированная статуэтка стройной и гибкой девушки. Орван взял ее в руки, похвалив за красоту, и юноша покачал головой с отрицательной полуулыбкой.

— Это Рас, который не понимает собственного таланта. А это атрибут той жизни, которую мы ведем. Все мы здесь время от времени плетем корзины, чтобы обменять их на еду и прочую роскошь.

Позднее, когда они ели, откуда-то сверху донесся шорох, похожий на трепет большого мотылька.

— Йахейль, — сказал Орван. — Его отец был элирианцем, — добавил он нарочито грубо, — и он унаследовал от него их тягу к астрологии. Целыми днями торчит на чердаке.

Орван отвел Ральднору эту маленькую комнатушку и дал тюфяк с покрывалами и подушку, сделанную в Зарависсе, как сообщил ему Орван. Ральднор удивился, как она здесь очутилась.

В темноте лестницы мимо него промелькнула какая-то тень. Йахейль? Он уловил лишь впечатление какого-то призрачного шелестящего существа, но мельком увиденные темные волосы над черной мантией странным образом успокоили его. Возможно, астролог тоже мог разговаривать лишь при помощи губ.

Одевшись, Ральднор спустился по лестнице и очутился в зале. Небольшая змейка-альбинос из тех, что живут в каменных стенах домов, грациозно скользнула под дверь, чтобы понежиться на

солнышке. Больше никого не было. Ни Раса, ни Орвана было не видно, и Ральднор заметил, что куча корзин куда-то исчезла вместе с ними. На щербатом столе под салфеткой были оставлены несколько ломтей хлеба и кувшинчик с молоком. Ральднор поел и попил, хотя и не досыта, сознавая бедность этих людей, которая казалась еще хуже — пусть даже, как ни странно, и не настолько угнетающей — чем бедность деревенских жителей. Возможно, причина крылась в том, что они сами выбрали такую жизнь, предпочтя ее крестьянскому труду.

В камине все еще горел огонь, и он подбросил в него несколько прутиков. И вдруг остро ощутил чье-то присутствие. Он выпрямился и медленно обернулся, обнаружив зашедшую с улицы девушку. Она держала одну из их корзин, наполненную яйцами, а Мау, черная волчица, стояла у ее ног. Он был поражен, охвачен нелепым трепетом, ибо она показалась ему совершенно нереальной, чем-то вроде видения, сотканного из света, или статуэтки из молочного хрусталя. Она была сама белизна — даже поношенное платье, казалось, сияло отраженным от нее светом, и все это обрамляли волосы, похожие на развевающуюся на ветру блестящую мишуру.

Но и она тоже казалась изумленной, почти испуганной, прижимая к себе корзину.

— Орван дал мне приют, — сказал он, чтобы успокоить ее, раздумывая, не принадлежит ли и она тоже к орвановой «семье по выбору».

Она опустила глаза, ничего не сказав, и вошла в комнату, опустив корзину на стол. Когда она проходила мимо него, он ощутил властный прилив желания — но его привлекла скорее ее необычность, чем ее плоть.

— Меня зовут Ральднор. Могу я узнать твое имя?

— Аниси.

— Чудесное имя и очень тебе подходит.

— Это искаженное «Ашнезеа», — прошептала она, точно разволновавшаяся, но эрудированная ученица, — как и Ашне'е.

— Правда? Ну, твое имя нравится мне больше остальных.

Она мгновенно залилась краской, и этот румянец странно взволновал его. Он протянул руку и благоговейно коснулся пальцами пряди ее белых волос.

— Сначала я решил, что ты призрак. Или какая-нибудь богиня.

— Мне уже пора, — отозвалась она смущенно.

Он увидел, что она дрожит, и обнаружил, что та застенчивая робость, которую он вызывал у нее, необычайно возбуждает его, возможно, просто потому, что это было хоть какое-то ответно чувство. Он скользнул рукой к ее затылку и склонился к ее губам, но в самый последний миг сентиментальное уважение к ее явной невинности остановило его, и он запечатлел на ее губах исключительно целомудренный поцелуй, прежде чем отпустить ее. Но все равно заметил в ее глазах слезы. Его тело вполне внятно сообщило ей о его намерениях вместо него. Он с ленивой презрительностью проговорил:

— Прошу прощения. Ты произвела на меня слишком большое впечатление.

Она бросилась к двери, вызвав у него какое-то презрительно-веселое изумление. А потом, безо всякого предупреждения, голова у него вдруг закружилась, и он пошатнулся, словно пьяный. Череп его пронзила такая острая и невыносимая боль, что он даже вскрикнул. Она застыла на пороге, глядя на него широко раскрытыми глазами, и в этот миг он ощутил прикосновение ее разума.

Потрясенный, он привалился к каменному камину, почти с мольбой глядя на ее лицо, но маленькая щелочка в ее разуме тут же захлопнулась, и она исчезла за дверью.

Орван и Рас вернулись в полдень, обменяв все свои корзины, кроме трех, на провизию и шерстяную рубаху.

— О, Аниси приходила и принесла нам яйца, — заметил Орван. — А как мой гость? Ты видел беловолосую девушку?

— Да, — отозвался Ральднор коротко. Еще долго после ее ухода он сидел перед огнем, пребывая в состоянии какой-то оцепенелой досады.

— Полагаю, никого больше не было? Ну и отлично. Будет лучше, если я сам поговорю с оммосцем, когда он появится.

Они принялись за еду, которую принес Орван, а волчица у ног Раса деликатно грызла кость.

— Вот так мы и живем, — нарушил молчание Орван. — Иногда мы носим свои товары через границу в Зарависс, Зарар или Лин-Абиссу. Резьба Раса приносит хорошую прибыль, несмотря на его скромность, а Аниси — превосходная ткачиха. В холодные месяцы выручка дает нам хорошее подспорье. А теперь вдруг мы узнаем, что появился новый закон — ни один житель Степей не может покинуть Равнины без пропуска, подписанного каким-нибудь Висом. — Лицо Орвана, как и его речь, постепенно выполняло свое прежнее обещание выразительности — он нахмурился. — Здесь, в городе, есть один купец-Вис из Оммоса со своим домочадцами. Да, очень забавный феномен. Но, как ты, к несчастью, сможешь убедиться, за просто так он ни с кем даже разговаривать не станет. Кому захочется быть слишком гордым, когда умираешь с голоду? Теперь нам придется просить у него разрешения, за что он возьмет комиссионные с нашей выручки, насколько я понимаю, больше половины. Сегодня я жду его управляющего.

Ральднор ощутил, как где-то внутри него разгорается искорка гнева, и этот первый намек на расовую гордость удивил его самого.

— Почему вы позволяете ему наживаться на вас? Разве нельзя объединиться и выступить против него?

— У нас так не делается, Ральднор. Мы, жители Равнин, пассивное племя. Возможно, тебе будет не очень легко это понять.

— Из-за крови моей матери? Возможно. Не стану оспаривать тот факт, что если кто-нибудь даст мне в челюсть, я с радостью отвечу ему тем же.

— Здесь тебе представится не один такой случай, — сказал Орван.

— Возможно, именно твоя философия отпугнула Аниси. Обычно она дожидается нас.

Это были первые слова, произнесенные Расом, хотя с тех пор, как они вошли, он время от времени бросал на Ральднора внимательные взгляды. Ральднор встретил взгляд его глубоко посаженных мрачных глаз. Ему показалось, что в их глубине затаилась любовь, сводящая их обладателя с ума. Ральднор сказал презрительно:

— Похоже, она робкая девочка. Вне всякого сомнения, уже наученная горьким опытом.

— Аниси еще ребенок, — спокойно ответил Рас.

— И тебе очень хочется, чтобы она продолжала им оставаться.

Орван протянул к ним руки.

— Спокойно, друзья. Не надо устраивать раздор в моем доме.

— Приношу свои извинения, — натянутым голосом сказал Ральднор.

— Не за что, не за что, — сказал Орван, но в сердце у него болезненно кольнуло.

Ты Вис, подумал он. Как хамелеон, ты принял некоторые цвета своей ситуации, но под этой личиной ты так и остался темнокожим с черными волосами и багажом вожделения, гнева и высокомерия в твоей душе. А потом пришло сострадательное: *«Бедный мальчик, бедный мальчик, он разрывается надвое. По нему это видно, эта боль слепого и немого»*.

— Это Повелитель Гроз выдумал эти пропуска, — произнес он вслух, намеренно игнорируя короткую заминку в разговоре. — Он не слишком любит народ Равнин. Боюсь, мы еще наплачемся из-за этого.

— Повелитель Гроз, — сказал Ральднор. — Верховный король Висов.

— Йахейль говорит, — проворчал Рас, — что у него на руке змеиная чешуя, потому что змея напугала его мать, когда она носила его. — Его непроницаемые глаза сузились. — И еще у него, по словам Йахейля, лишний палец на левой руке. Думаю, ты оценишь эту иронию, Ральднор.

Ральднор ощутил укол злобы. Но прежде чем он успел что-нибудь ответить, во входную дверь громко постучали.

— Орклос, — негромко сказал Орван, поднимаясь на ноги.

Дверь раскрылась, обнаружив двух худеньких местных мальчиков, наряженных пажами, а за ними — высокую фигуру непрошеного гостя. Он направился в комнату и, казалось, моментально занял ее всю резким ароматом своих духов, раскормленным телом и кричаще пестрой одеждой.

— День добрый, Орван.

Его речь была забавно невнятной, с густым оммосским акцентом. В верхнем клыке поблескивал рубин. Черные глаза без интереса обратились на незнакомое лицо.

— Кто такой?

— Меня зовут Ральднор.

— Да? У меня весть для этого дома. От моего хозяина, Йир-Дакана. — Он зевнул и снова взглянул на Ральднора. Увидев

обрубленный мизинец левой руки, он немедленно ткнул в него. — Ты пожертвовал его богу?

— Нет.

— Нет. Так-так. В моей земле по обычаю мужчина посвящает что-нибудь ценное своим богам. Часто это бывает нечто гораздо более драгоценное, нежели палец. Хм-м... — Орклос обернулся, точно вспомнив об Орване. — Да, послание. Передай Орвану-корзинщику, что он приглашен на обед в дом Йир-Дакана завтра вечером.

— Благодарю вас, добрый господин. Но я просил пропуск.

— Так, так. Но от обеда не отказывайся. Возможно, пропуск будет тебе дарован после еды. Вы все приглашены. И та бледная девчушка тоже. И этот молодой человек. Сразу после заката.

Не дожидаясь ответа, Орклос развернулся и поплыл к входной двери, а мальчишки-пажи побежали за ним.

Весь день Ральднор бродил по улицам, охваченный унылой и тревожной тоской. Сначала он мог думать лишь об Аниси и о том ошеломляющем миге, когда его разум, казалось, раскрылся ей навстречу. Если бы только... о, богиня, если бы только... А вдруг эта Аниси — его ключ? И все же, глядя на то, как свинцовый закат сжимает в тисках вечернее небо, его мысли снова обратились к его приемной матери, Эраз. И эти мысли причиняли ему все более сильную боль. Как ни абсурдно, но он чувствовал, что покинул ее. Я должен найти ее, подумал он, безо всякой уверенности, кого представляет себе — Аниси или Эраз.

Он дал себе слово оставить свои медяки на столе Орвана и уйти от него, но тут же взял это слово обратно.

Ночью он без сна лежал на своем тюфячке, слушая унылый волчий вой, который временами, казалось, подходил к самому дому. Он вспомнил предостережение Орвана о том, что в холода дикие звери приходят в город.

Может быть, она снова придет утром, как сегодня. Может быть. Может быть, не переставал он надеяться.

В конце концов он поднялся с тюфяка и спустился в зал. Мау, лежавшая перед камином, приоткрыла щелки опаловых глаз, и он почесал ее между ушами, все еще не в силах подавить инстинктивной реакции на ее род. Они относились друг к другу с вежливой опаской.

Прошло еще какое-то время, прежде чем он осознал, что в комнате не один. Как и прежде, это было то слабое, похожее на шелест крыльев мотылька движение, которое выдавало присутствие Йахейля Элирианского.

Он сидел на скамье Раса, темные волосы почти закрывали восковое лицо.

— Ральднор, — прошептал он, и этот шепот отозвался мурашками, забегавшими по спине у Ральднора.

— Йахейль.

— Сегодня ночью звезды сложились в странные тропинки.

Ральднор вздрогнул, услышав эти невыразительные слова, но на него внезапно навалилась страшная сонливость.

— Предсказания бывают ошибочны, — сказал он, но Йахейль не обратил на него никакого внимания.

— Это ее рук дело. Ашне'е. Она протягивает руку сквозь время и будоражит мир.

Он или просто чудак, или совсем безумец, подумал Ральднор, впрочем, безо всякой убежденности.

Йахейль продолжал что-то бормотать, сонно, успокаивающе. В мозгу Ральднора точно кружил настойчивый мохнатый шмель.

— Иногда светловолосая девочка рождается с лицом Анакир. Ее судьба всегда предопределена заранее. Повелитель Гроз забрал ее из храма, провел с ней ночь и умер. Драконы забрали ее в свой город, который зовется Корамвис. Она произвела на свет дитя. Чье дитя? Короля? Или лорда-советника? Толпа растерзала ее, а о ребенке до сих пор ничего неизвестно.

Йахейль сложил бледные ладони и затих. Он видел, что гость заснул. О чем он говорил? Он не мог этого вспомнить. В Элире хотели, чтобы он постиг тайны оккультных наук, хотели морить его голодом, разрисовывать ему глаза и кормить его благовониями, чтобы он падал и, бессмысленно лепеча, рассказывал им о царствах духа. Но Йахейль оказался проворнее их, однажды ночью сбежав из Элира в страну Змеи, откуда происходила его мать.

Вспомнив все это, он собрал со стола какие-то чертежи и, неслышно выйдя из зала, поднялся по лестнице на башню, к своим звездам, оставив пришельца мирно спать внизу.

Дом Йир-Дакана располагался в верхнем квартале города — нагромождение потемневших от непогоды каменных глыб, как и все остальные, но, в отличие от остальных, ярко освещенный. Над портиком висел алебастровый фонарь, отражавшийся в позаимствованных откуда-то медных стойках ворот — бесформенных столбах высотой в восемь футов, увенчанных капителью в виде жутко искаженного лица Зарока, оммосского бога огня.

— Вот этому они приносят в жертву своих детей, — пробормотал Орван.

Все они послушно ответили на вызов Орклоса — даже Ральднор. Он и сам не знал, зачем здесь находится, разве что для того, чтобы еще раз увидеться со вчерашней девушкой. Когда они проходили через эти ворота в залитый светом вестибюль, он смотрел, как она идет совсем рядом с Расом. Эта близость разозлила его точно так же, как и то, что она закрыла от него свой разум, ибо он ощущал его, остро ощущал ее близость, но лишь так, как ощущают что-то надежно запертое — например, закрытую на засов дверь.

Кем эти двое приходятся друг другу, мучил его вопрос. Определенно не любовниками, хотя Рас явно обожает ее — или более уместным было бы слово «боготворит»? И в мозгу у него про-

мелькнул образ Раса, смиренно довольствующегося преклонением колен перед алтарем и даже не задумывающегося о том, чтобы прикоснуться к своему идолу, и еще одного мужчины с темной по-виски кожей, стаскивающего белую богиню с пьедестала и превращающего ее в женщину.

Привратник-оммосец ковырял в зубах. Древние камни стен оскверняла похабная фреска, изображающая сексуальные и каннибальские оргии оммосцев.

Появился Орклос, улыбающийся из-под тяжелых век.

— А, гости. Мы вас ждали.

Он провел их в круглый зал, залитый винно-красным светом ламп в рубиновых абажурах. В центре комнаты возвышалась статуя Зарока, в его разверстом брюхе пылал огонь.

Орклос незаметно коснулся локтя Ральднора.

— Ты смотришь на бога пламени. Наш обычай велит принести Зароку какую-нибудь жертву, иначе он может разгневаться. Обычно мы отдаем ему юную девушку, поскольку в моей стране, как ты, вероятно, знаешь, они не имеют особой ценности. Но теперь мы живем здесь и не практикуем подобных вещей. Народ равнин может счесть такие ритуалы оскорбительными.

Ральднор обнаружил, что бледен от гнева, и лишь признательность, которую он испытывал к Орвану, удержала его от того, чтобы не наброситься на этого человека. Он уставился в пустоту и не произнес ни слова.

— А Анакир, разве Анакир не требует дани?

— Анакир не просит ничего, потому что ни в чем не нуждается, ибо она — все, — натянутым тоном ответил Ральднор цитатой из храма.

Оммосец тихонько рассмеялся и покачал головой.

— Надо же, какая неприхотливая богиня.

За низеньким столом сидел тучный мужчина в алом одеянии, уже вовсю евший и пивший. По щелчку его пальцев Орклос подвел Ральднора и Аниси к нему.

Как рабов на рынке, подумалось Ральднору, и его ярость стала совсем нестерпимой. Но в этот миг он почувствовал еле уловимый трепет страха, исходивший от ее незащищенного разума теперь, когда она наконец стояла так близко от него. Страх не перед ним, а перед Даканом. Толстяк негромко рыгнул и осклабился. Он был почти совершенно лысым, а его лицо и тело свидетельствовали о нескончаемых кутежах и излишествах. Его похожие на осколки льда глазки впились в Аниси, и Ральднор почти пожелал, чтобы он протянул руку и попытался тронуть девушку, потому что знал, что тогда его самообладание с треском лопнет и он скорее всего прикончит этого мерзавца. Но жирные руки так и остались у тарелки.

— Добро пожаловать, Ральнар. И крошка Анси. — Оммосский акцент исковеркал их имена почти до неузнаваемости. — Вы будете сидеть со мной. Молодой человек справа. А ты — слева.

Они расселись, Орвана и Раса усадили напротив, после чего принесли еду. Орклос, управляющий, кошачьей походкой рас-

хаживал между слугами, покрикивая и раздавая оплеухи, если ему казалось, что они плохо работают. Их лица были непроницаемы, но Ральднор гадал, в какой же угол загнали их обстоятельства, если они были вынуждены продать свои души этому человеку.

Обед был очень хорош, вдвойне хорош, поскольку они были голодны, всегда недоедали, и теперь, когда их пригласили туда, где можно было наесться досыта, набили животы так, что чуть не лопались. Но все это время Ральднора мучил вопрос о том, какова же будет расплата за это.

За едой они не разговаривали. Наконец Дакан сделал знак — еще раз щелкнул пальцами — и последние блюда унесли. Вошли двое мужчин с полупрозрачной трехногой чашей, которую поставили рядом с Даканом. Внутри плескалась какая-то смутно видная небольшая водная живность.

Дакан поднялся и протянул руку. Орклос вложил в нее длинный узкий клинок.

Ральднор напрягся, ощутив новый приступ бессильного гнева. На Равнинах животных убивали лишь для еды или защищаясь. Эта жертва, приносимая у них на глазах, была способом не только запугать, но и унизить их, ибо кто отважился бы протестовать?

Оммосец ткнул ножом в чашу и вытащил ее, и из воды показалось извивающееся существо, кричащее так, как мог бы кричать раненый ребенок.

Дакан рассмеялся. Он подошел к брюху бога пламени и бросил свое подношение в огонь. Крики стали громче, но через некоторое время утихли.

— Моя дань тебе, о всемогущий Зарок, — сказал Дакан, вытирая нож о кушак.

Орван, Рас и Аниси смотрели в пол. Лицо у Аниси было серое. Ральднор поднялся.

— Господин Дакан, вы обещали нам пропуск, чтобы мы могли пройти в Зарависс, — сказал он твердо и очень холодно, мимолетно отметив про себя, что включил в это «нам» и себя самого.

Дакан обернулся и взглянул на него, и улыбка на его лунообразном лице слегка померкла.

— Ты забегаешь вперед, молодой человек.

— Ваш слуга сказал нам, что нам будет дано разрешение. Так это он лгун или вы?

Лицо Дакана совершенно изменилось. Его глаза сузились, но Ральднор уловил в них проблеск беспокойства.

— Вы получите свой пропуск. Это не к спеху.

— Очень даже к спеху. Ночью в городе будут волки. Чем скорее мы уедем, тем лучше.

Дакан махнул рукой.

— Принесите то, чего он просит.

Ральднор ощутил, как торжествующе заколотилось у него сердце. Похоже, он лишил этого толстяка самообладания — возможно, еще ни один обитатель Равнин никогда ни на чем не настаивал.

Орклос приблизился к Дакану и передал ему полоску красной бумаги. Положив ее на стол, Дакан украсил ее закорючками своей подписи и оттиском печатки на перстне.

— Вот. Все готово. Можешь умерить свое нетерпение. Говори, Орклос.

Управляющий улыбнулся Ральднору.

— Мой хозяин предлагает вам провести эту ночь под его гостеприимным кровом.

Так вот оно что. Надежно запертая в доме оммосца разгуливающими по улицам волками, девушка будет беззащитна перед домогательствами этого купца. Его вожделение было совершенно неприкрытым. И, если уж на то пошло, его слуга, похоже, заинтересовался самим Ральднором.

— Мы очень признательны вам, Дакан, — едко ответил Ральднор, — но мы и так слишком долго злоупотребляли вашим гостеприимством.

Он взял пропуск.

— Но там же волки... Орван, ты с ним заодно?

Побледневший Орван поднялся со своего места.

— Думаю, да, Дакан. Пожалуй, мы поблагодарим вас и пойдем.

Лицо Дакана стало очень уродливым.

— Будьте так добры. И не забывайте, если вы доберетесь до Зарависса, условия этого контракта. Я верю, что вы не наткнетесь на волков.

Они прошли через вестибюль в холодную ночную тьму.

Чья-то рука коснулась локтя Ральднора.

— Зачем тебе идти с ними? — прошипел с порога Орклос. — Ты пытаешься вести себя как один из этих низкородных обитателей Равнин, на которых Висы плюют, но ты — у тебя манеры Виса и лицо, которое я видел на статуях Рарнаммона. Что они могут дать тебе, эти людишки? Вонючие развалины, грязь, нищету. Уверяю тебя, мой хозяин может быть очень щедрым к моим друзьям.

Ральднор стряхнул его руку.

— Я тебе не друг, оммосец.

Дверь со стуком захлопнулась за ним.

Сначала они шагали по темным улицам в молчании. Маленький фонарь, который нес Орван, отбрасывал колышущийся бледный свет.

Ральднор, шедший чуть позади, не мог оторвать глаз на серебристый водопад волос Аниси. Оммосское вино и его победа слегка опьянили его.

— Возможно, ты слишком поспешил, Ральднор, — наконец сказал Рас, не оглядываясь на него. — Не стоит ссориться с Йир-Даканом.

— А ты предпочел бы остаться там и позволить этому слизняку затащить твою девушку в постель?

Рас обернулся и бросил на него странный взгляд: непроницаемый, но явно полный каких-то непонятных эмоций.

Вдруг где-то не более чем в двадцати ярдах от них завыл волк. Звук показался странно гулким, слишком громким для ночной тишины.

Они застыли.

— Это белый. Я знаю его голос, — негромко сказал Орван. — Прошлой зимой он убил на улицах пятерых человек.

Рука Ральднора потянулась к охотничьему ножу и вытащила его из-за пояса. Он чувствовал жгучее презрение к этим троим, замершим перед ним в пассивном отчаянии. Он обошел их и встал между ними и белой тенью, неожиданно возникшей откуда-то из-за осыпавшихся стен и остановившейся, не сводя с него глаз.

Значит, он охотился в одиночку. Ральднора поразила его неожиданная красота и небывалый размер, ибо этот один был как двое волков сразу. Он слышал охотничьи рассказы о подобных чудищах, мутациях силы, но никогда еще не видел ни одного собственными глазами. Массивная голова зверя достигала его солнечного сплетения. Но до чего же он был грациозен! Ральднор уловил тусклую расчетливую вспышку его глаз, а его оскаленная пасть уже казалась полной крови.

А потом он, казалось, вломился в его черный примитивный мозг. Темный, древний, неукротимый, темную чашу, полную безжалостных тварей, бездонных трясин и дремлющих потоков, где метались, вспыхивая, неожиданные побуждения и желания.

Чудище прыгнуло на него, но он уловил хищную вспышку его замысла. Его рука не дрогнула, когда роскошное звериное тело обрушилось на него, а от резкого волчьего духа перехватило горло. Он по самую рукоятку погрузил свой нож в горящее волчье око, которое мгновенно погасло.

Он лежал неподвижно, придавленный белой тушей, разрываемый внезапно накатившим на него невыносимым горем. Ему оставалось лишь скорбеть. Это было предчувствие. В голове у него металось эхо чьих-то далеких голосов. Он раскрыл глаза и увидел Аниси, стоящую перед ним на коленях на мостовой с лицом, перекошенным от страха — страха за него. Он улыбнулся ей и, столкнув с себя волчью тушу, сел и взял ее за руку.

«Значит, я все-таки тебе небезразличен?» — подумал он, и она повесила голову, ибо между ними больше не было запертой на засов двери и ее разум был открыт для него, открыт для всех тех мыслей и желаний, которые бродили в его душе и были готовы хлынуть в этот разум. У него было такое ощущение, что он вошел в расколотый кристалл, и на него накатила волна покровительственной нежности.

Он поднялся на ноги и, не выпуская ее руки, помог ей встать. Потом поднял убитого волка и взглянул на Орвана и Раса.

— Продадим его в Зарависсе. За этот мех дадут хорошую цену.

Лицо Раса было совершенно пустым; Орван взглянул на него, устало кивнув. Они чувствовали, что он завладел ими.

6

Свое путешествие он начал с того, что повернулся спиной к Зарависсу. Теперь его снедало нетерпение пересечь границу страны Висов, найти города, бурлящие жизнью, и темноволосых женщин, похожих на его погибшую мать. Оно охватило его внезапно, он

даже сам не понимал, почему, на следующий день после того, как он убил волка и освежевал его, лишив всей красоты.

Орвану понадобилось два дня, чтобы взять в городских предместьях напрокат повозку и двух зеебов. Рас с Ральднором сходили за пестрой тканью в дом Аниси — развалины дворца, где жила ее бабка. Здесь они оставили Мау, вынюхивающую крыс среди рухнувших колонн.

Старая женщина, похоже, отнеслась к Ральднору с подозрительностью. Она ухватила Раса за рукав и принялась о чем-то шептаться с ним, и лицо Ральднора запылало от гнева. Он пошел за Аниси в разрушенный садик и поймал ее за руку.

— Поехали с нами в Зарависс.

— Нет. Я не могу оставить ее здесь одну.

— Но ведь здесь же есть кто-нибудь, кто сможет приглядеть за ней, а Мау будет вполне надежной защитой.

Она заколебалась, опустив глаза. Он почувствовал, что она готова уступить, и сказал:

— Я очень хочу, чтобы ты поехала со мной.

Она взглянула прямо ему в лицо, и от ее красоты и невинности у него перехватило дыхание. Она была очень ему дорога; его способность проникать в ее раскрытый ему навстречу разум, любовь, сияющая в его взгляде, были бальзамом на его раны. Она была звеном, связывающим его с его народом. Он не хотел терять ее даже на месяц.

— Там, в третьем доме, живет одна женщина, — нерешительно проговорила она.

Потом, когда они с Расом шли обратно по пустым улицам, тот прервал свое молчание, чтобы сказать:

— Мы плохо разговаривали друг с другом, ты и я. Я видел, как она смотрела на тебя, и ревновал. Признаю свою вину, Ральднор. Я прошу, чтобы теперь между нами был мир, и желаю вам обоим счастья.

Неожиданная теплота в его голосе тронула Ральднора. Он тоже принес Расу свои извинения, после чего они общались вполне дружески, хотя дружелюбие Раса было отстраненным и сдержанным, в духе всех обитателей Равнин.

Они путешествовали под нахмуренным куполом небес, по ночам окружая свою повозку кострами. Однажды они видели тирра, крадущегося по плато под ними, и Ральднор ощутил, как в нем всколыхнулась былая неугасимая ненависть, вспомнив о погибшей заравийской женщине и о своем отсутствующем пальце, который, как он подозревал, могли откусить тирры.

Большую часть дня они ехали, по очереди сменяя друг друга на козлах, а в сумерках собирались вокруг костра, чтобы поесть. В ночной тьме он лежал без сна, прислушиваясь к дыханию Аниси за занавесью, которой она перегораживала повозку. Они все жили

слишком тесно, чтобы он мог пойти к ней. Он жалел, что им никогда не понять его желаний, ибо тогда это можно было бы попытаться устроить. Его висская часть жаждала ее, и этот голод разгорался все сильнее и сильнее с каждым днем, проведенным рядом с ней, с каждым взглядом, полным неприкрытой любви, который она бросала на него. Даже шорох ее легкого дыхания возбуждал его, отзываясь сладкой судорогой в паху. И все же он так и не получил от нее ничего, кроме нескольких нежных поцелуев, которых ему было совершенно недостаточно — ибо она была очень робкой и пугливой, и ему приходилось обуздывать свои желания.

Они переехали границу и добрались до Сара, того небольшого заравийского городка, поблизости от которого охотник из Хамоса нашел погибшую женщину с ребенком.

У ворот они показали свой пропуск, но часовым, казалось, было все равно, а по улицам ходило множество желтоволосых людей. В центре городка терраса поднималась к небольшой церквушке, посвященной богам ветра, который неумолчно свистел в холмах, и неподалеку оттуда они нашли себе дешевую гостиницу.

Ральднор лежал на спине в мужской спальне, в которую поселили их с Орваном и Расом, а две или три проститутки переходили от тюфяка к тюфяку, предлагая свои нехитрые услуги. Животные звуки и стоны, издаваемые Висами вокруг него, злили и возбуждали его одновременно. В конце концов, видя, что его спутники заснули, он поднялся и выскользнул из длинной комнаты, пройдя по узкому коридорчику в крошечную клетушку, где разместилась Аниси.

Он думал, что она наверняка заперла дверь, но она забыла.

Войдя внутрь, он долго стоял, глядя на спящую девушку. В лунном свете ее тело и разметавшиеся волосы казались сияющими. Он пробудил ее легчайшим прикосновением губ, но она уставилась на него со страхом.

— Что случилось?

— Ничего, милая Аниси. Ничего.

— Тогда что ты здесь делаешь?

Ее наивность только подхлестнула его желание. Он сел рядом с ней и погладил ее по щеке, потом обхватил ее лицо ладонями и поцеловал в губы, а не тем детским поцелуем, которым он был вынужден довольствоваться до сих пор.

Она не сопротивлялась, но ее начала колотить дрожь, а когда он отпустил ее, она тихонько заплакала.

— Мне страшно.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, Аниси. Я просто хочу, чтобы тебе было хорошо. Я хочу, чтобы ты почувствовала то же, что чувствую я. — Но слова — все те же избитые слова его тщетных ухаживаний в Хамосе, глупые, бессодержательные фразы, прикрывающие похоть, всегда слишком торопливые — сейчас застряли у него в горле. Он не мог снова произнести их, эти ритуальные слова, только не с этой девушкой, с которой у него были общие мысли. Он придвинулся к ней и начал ласкать ее дрожащее тело. Она лежала, словно

каменная, покорно терпя его ласки, и внезапно им овладела неконтролируемая ярость. Он схватил ее за плечи и прорычал:

— Ты вечно говоришь, что любишь меня. Думаю, ты просто меня обманываешь.

— О, Ральднор, ты ведь знаешь мои мысли... как ты можешь говорить такие вещи...

— Значит, ты ребенок. Тебя как-то умудрились вырастить сущим ребенком.

Слезы стекали у нее по щекам, и его терпение лопнуло. Он почувствовал, что презирает ее, ненавидит ее пассивную покорность. Он ощутил нахлынувшую на него страсть, превратившуюся почти в наваждение — висская часть его жаждала вырваться на свободу, и он ничего не мог с этим сделать.

Когда ее кулачки в ужасе ткнули его в грудь, он только сжал ее еще сильнее, и в его мозг хлынули ее обезумевшие от страха мысленные крики. Но теперь она была для него лишь предметом, который каким-то непостижимым образом воплотил в себе все разочарования, все мучения его жизни. Он почти не помнил, что она девственница, и поэтому, хотя вряд ли можно было сказать, что он взял ее силой, это все-таки было изнасилование, жестокое и кровавое. И ни единого разу она не вскрикнула вслух, лишь внутри своего разума, и именно эти крики в конце концов привели его в чувство. Его ужас перед тем, что он натворил, был тем сильнее, что он сам сделал это. Потому что, казалось, то был другой человек, человек, которого он собственно ручно отловил бы в закоулках постоялого двора и избил бы до полусмерти. Он обнял ее, пытаясь утешить, ошеломленный ее страдальческим видом и кровью. И чем сильнее он впадал в панику, тем больше она уходила в кокон опустошенного и угрюмого спокойствия.

— Что ты со мной сделал? — в конце концов спросила она. Трогательная печать ее простодушного неведения была сорвана.

Он стер с нее кровь и закутал в одеяла, и она в конце концов забылась глухим сном.

Он не отходил от нее почти до рассвета, когда ушел бродить по улицам Сара, глядя на восходящее солнце и чувствуя себя так, как будто в темноте убили человека, который был его другом.

Она почему-то удержалась от того, чтобы рассказать остальным, что он с ней сделал, но как-то отдалилась от него. А он обнаружил, что в ее присутствии чувствует себя, как пристыженный ребенок.

В Зарар они пришли в полдень, показали пропуск и были вынуждены укрыться в мрачной таверне от шквала бешеного града. Город казался странно замершим и опустелым.

Они сидели на скамье над своим дрянным дешевеньким вином, когда в дверь вошел молодой мужчина, отряхивая с плаща градины и в цветистых, хотя и не лишенных остроумия выражениях браня непогоду. Он уселся со своим стаканом в уголке у огня, но Ральднор ощущал его спокойный, темный, заравийский взгляд,

и через некоторое время заравиец поднялся и, прихватив с собой кувшин с вином, подошел и сел рядом с ними.

— Прошу прощения за вторжение, но я вижу, что наш друг продал вам самое скверное вино в таверне. Позвольте. — С этими словами он взял со стола стакан Ральднора, выплеснул его содержимое на землю и наполнил его из своего кувшина. После этого все то же самое по очереди повторилось и со стаканами его товарищей.

— Я вынужден возразить, — подал голос пораженный Орван.

— Ну, если вынуждены, то возражайте.

— Нам нечем заплатить вам, — просто сказал Орван.

— Мне уже заплатили, причем двойную цену, — сказал незнакомец, целуя руку Аниси.

Казалось, они в один миг оказались во власти пришельца. Он оказался совершенно очаровательным человеком с неистощимым чувством юмора.

Он заплатил за их обед и сообщил им, что его зовут Зарос. Он был агентом одного ростовщика из Лин-Абиссы, по крайней мере, так он им сказал. Похоже, он откуда-то знал, что они приехали сюда не из праздного любопытства, а продать кое-какие товары, и позже Орван захватил его с собой, взглянуть на цветные ткани, резьбу и несколько покрытых глазурью горшков, которые они привезли на продажу.

— В Зараре вы ничего не продадите, — вынес свое суждение Зарос. — Надо ехать в Лин-Абиссу.

— Мы уже вели здесь торговлю.

— Разве вы не заметили, мой друг, как опустели улицы? Вижу, в Степи почти не доходят новости. Повелитель Гроз гостит у Тханна Рашека в Абиссе, и вся Зарависс отправилась туда вслед за ним поглазеть. Поэтому в Абиссе сейчас уйма покупателей. Вдобавок ко всему, мой презренный хозяин даст вам лучшую цену, если вы будете торговать через него.

— Значит, вы выглядываете здесь торговцев из Степей, — заметил Ральднор.

— Откровенно признаться, — сказал Зарос, — я приехал в Зарар навестить одну даму, с которой немного знаком, в то время как мне следовало бы выполнять утомительные и весьма прозаические поручения моего хозяина. Если вы решите заключить с ним сделку, я воспользуюсь этим, чтобы оправдать свое отсутствие. В противном случае мне останется лишь пойти с протянутой рукой. Но только не думайте, что я пытаюсь как-то повлиять на ваше решение...

— Какую цену ваш хозяин может дать нам за нашу работу?

— А какую цену вы хотели бы получить?

Орван и Рас, посовещавшись, назвали сумму. Зарос издал презрительный смешок.

— Не сомневаюсь, вы славитесь своей благотворительностью, но на что вы живете? Вы получите втрое больше, даже после того, как старый сквалыга заберет свою долю. И, подозреваю, ваш пропуск подписал какой-нибудь грязный висский мерзавец, обби-

рающий вас до нитки — отрыжка Сара, или, хуже того, Оммоса. Подумайте, каким удовольствием будет отдать скотине всего лишь половину вашей предполагаемой выручки, оставив все, что выручите сверху, себе. Не дрейфьте. Я вам такую липовую купчую состряпаю — комар носа не подточит.

Путь в Лин-Абиссу занял два дня. Зарос ехал вместе с ними, на их повозке. В Зарар он прискакал на угольно-черном зеебе, но потом продал его, чтобы купить подарок своей «даме».

Его общество развеяло всю атмосферу сдержанности и угрюмости, охватившую их маленькую компанию. Он прямо-таки лучился легкомысленной радостью, оказавшейся на редкость заразительной. Ральднор обнаружил даже, что может общаться с Аниси безо всякой неловкости, а она, купаясь в безыскусных комплиментах Зароса, вновь начала робко улыбаться и снова превратилась в милое и простодушное дитя. Ральднор испытывал к Заросу теплую благодарность, но все-таки где-то в глубине души у него шевелился червячок встревоженной совести, понимание, которое он отказывался принять. Заравийская свобода передалась и ему. Теперь он задавался вопросом: а не было ли его место действительно здесь, в Зарависсе, среди заравийцев — его корни и все наклонности и устремления его духа и его плоти? И именно Зарос первым заговорил с ним об этом, на вторую ночь, когда они сидели у костра.

— Похоже, та часть тебя, которую ты унаследовал от своей матушки, чувствует себя здесь как дома.

Ральднор, глядя в языки пламени, сказал:

— До сих пор я не знал никакой другой жизни, кроме той, какую ведут в Долинах.

— Так и гусеница живет в коконе до тех пор, пока солнце не раскроет его. И тогда оттуда вылетает восхитительная бабочка, изумляясь и говоря себе: «Так-так, оказывается, все это время я жила в коконе!».

— Не так-то просто отбросить наследие своего отца, Зарос.

— Проще, чем ты думаешь. Равнины взращивают благородных и достойных людей. Давай отдадим им должное, но не будем кривить душой. Ты не принадлежишь к народу Равнин. Во-первых, как я вижу, ты не используешь их мысленный язык.

Ральдор невольно дернулся — новый знакомый вновь разбередил эту старую рану, которая и без того не думала заживать. Кроме того, он всегда слышал, что жители Степей пытаются сохранить свои способности к телепатии в тайне от Висов. Он ничего не сказал, а Зарос не стал допытываться. Но его мозг подхватил эту дискуссию и принялся терзаться.

Когда они въехали в широкие красные ворота Абиссы, с небес уже слетали первые бесплотные снежинки. Стражники с женщиной-драконом, эмблемой Тханна Рашека на груди, долго разглядывали их пропуск, передавая его по всей иерархии, пока он наконец

не оказался у капитана, который даже вышел на улицу и принялся разглядывать их лица. В конце концов он спросил Зароса:

— Ты возьмешь на себя ответственность за этих людей?

— Возьму. Но разве в этом есть какая-нибудь необходимость? Как вы можете видеть, они совершенно взрослые и давно вышли из пеленок.

Капитан хмыкнул и с каменным лицом махнул рукой, впуская повозку.

— Вот идиот, — сказал Зарос. — Он боится короля Драконов.

— Повелителя Гроз?

— Его самого. Всем известно, что Амрек терпеть не может обитателей Равнин. Говорят, что одна ведьма из Степей наложила на него проклятие, притом даже еще до его рождения.

— Ведьма из Степей?

— Девушка из храма, которая, как считают, убила его отца, Редона, постельными играми, а потом обратила гнев Анакир на нерожденного принца. Вот уж воистину женщина многих талантов. Я не отказался бы с ней познакомиться.

В мозгу Ральднора шевельнулась тревога. Девушка из храма. В городе кто-то что-то такое говорил. Или ему это приснилось?

— И что это было за проклятие? — спросил он, отчасти для того, чтобы заглушить свое беспокойство. — Рас говорил о змеиной чешуе.

— Не исключено, но бездоказательно. Кто знает? Зато у матерей есть чем пугать непослушных детишек.

Снег повалил, скрывая башни и мраморные просторы города и укутывая все неподвижные предметы в городе глухим белым покрывалом.

— Здесь поблизости есть одна сносная гостиница, — сказал Зарос, но когда они добрались до нее, оказалось, что мест нет.

Было уже довольно поздно. Наверху, коптя, потрескивали масляные фонари, освещавшие все города Висов. Они побывали еще в трех гостиницах, и у двери каждой висел малиновый флаг, свидетельствовавший о том, что все забито. В последней из них во дворе расположились солдаты. Там горели большие жаровни, озарявшие пятерых или шестерых из них, хохотавших над какой-то шуткой у крыльца. Все они были как на подбор высокими и широкоплечими, закованными в причудливые латы — одна черная мерцающая чешуйка поверх другой, в каждой из которых тускло отражался огонь костра — драконья кольчуга эм Дорфара. Рыжие плащи, осененные черными драконами, развевающиеся на ветру, точно воздушные змеи. Гребни и забрала шлемов придавали им какой-то сказочный облик. Люди-ящерицы.

Повозка продребезжала мимо, и один из драконов бросил в их сторону взгляд. Улыбка еще играла у него на губах. Он аккуратно и старательно сплюнул.

Ральднор ощутил, как им овладел ужас. Внезапно его заставили ощутить все свое бессилие и бесправие, не только перед этими доспехами и копьями, но и перед вот такой нерассуждающей ненавистью. За что этот человек мог так ненавидеть их? Просто

потому, что ненавидел его господин? Или это был какой-то первобытный страх, который было так легко вызвать у любого Виса просто в силу различия в пигментации и историй, которые ходили вокруг этого?

Ральднор бросил взгляд на Зароса. Тот, похоже, не заметил этот маленький инцидент. Вправду ли? Или и Зарос тоже был их потенциальным врагом?

В конце концов им все же удалось отыскать грязноватую гостиницу в узком переулке, носившем название Галечная улица. У камина в общем зале сидело несколько людей с Равнин. Драконы сюда не заходили, это было слишком далеко от дворца и их короля.

Зарос ушел в снегопад, пообещав вернуться утром с ценой, которую предложит его хозяин-ростовщик, и они, проглотив невкусный ужин — большая часть всей провизии в Лин-Абиссе уходила на то, чтобы прокормить дорфарианцев — поднялись по скрипучим ступеням в тесные спаленки. Ральднор, на которого опять напало былое стеснение, мимолетно коснулся руки Аниси в темноте и отошел от нее, не в силах разговаривать. Ночью он лежал, думая лишь о ней и о том, что он с ней сделал, и раскаяние причудливо мешалось в его душе с желанием. Его желание было гранитной стеной, разделявшей их. И Аниси, со своей стороны, видела обрывочные и пугающие сны о безликом мужчине с изуродованной рукой. Болтовня об Амреке и о его проклятии вновь оживили древний страх, уходящий корнями в ее раннее детство, когда она услышала от одной старухи, болтавшей с ее бабкой в развалинах дворца, упоминание о его имени, характере и его увечье.

А за окнами снег уравнивал весь мир своей сахарной бледностью.

Зарос вернулся утром, как и пообещал.

— Мой хозяин был вне себя от радости. Вы можете пригнать повозку к полудню на Косую улицу? Там в стене галереи есть дыра.

Орван хорошо знал это место.

— Я бы сказал, в этом районе нечасто встретишь в стенах дыры.

Зарон отмахнулся, пожав плечами.

— Да, вот еще что — придержите пока волчью шкуру. Она слишком хороша, чтобы продавать ее за бесценок. Потом попробуете сбыть ее меховщику.

Они уже почти договорились, что пока Аниси будет оставаться в гостинице, Орван и Рас — жители Равнин — поедут на повозке, а Зарос с его наполовину заравийским братом, Ральднором, пойдут вместе пешком, как граждане. Ральднор ощутил смутную тревогу, но трястись в повозке ему уже порядком надоело, поэтому он не стал спорить.

— Нашим бедным друзьям придётся тащиться в лучшем случае вдвое дольше, — заметил Зарос, когда они дошли до широких заснеженных улиц верхних кварталов. — Половина дорог пере-

крыта, вторая половина запружена зеваками. Из храма Ясмис во дворец движется процессия — Повелитель Гроз сегодня собирается молиться богине любви и брака. Похоже, дело пахнет помолвкой; Амрек и кармианка, Астарис. Ты, конечно же, ничего о ней не слышал.

— Ничего.

— Так я и думал. В один прекрасный день земля расколется надвое, а на Равнинах так ничего об этом и не узнают. Так уж и быть, невежда, я просвещу тебя. Астарис — дочь последнего короля Кармисса, ныне покойного. Ее мать была заравийской принцессой из выводка Тханна Рашека. Говорят — заметь себе, говорят — что она самая прекрасная женщина в мире. Она уже год живет в Зарависсе, в доме своего деда в Тираи. Однажды она приезжала в Абиссу, и с тех пор я, как и половина города, потерял покой души и чресел.

— Так значит, она красавица?

— Ослепительная. Ты когда-нибудь видел красноволосую висскую женщину? Ах, да ты же у нас с Равнин, значит, не видел. Так вот, это огромная редкость. А эта — у нее грива цвета рубинов. А это — Ламповая улица, — заметил он. — Здешний закон — закон волчьей стаи. Устало улыбайся проституткам и следи за своими карманами.

Когда Зароса заметили, на Ламповой улице поднялся невообразимый шум. Его здесь явно хорошо знали. Злодейского вида бородатые типы, грабители или бандиты с холмов, хлопали его по спине и, скабрезно посмеиваясь, нашептывали ему на ухо похабные анекдоты; хозяйки борделей посылали воздушные поцелуи и наперебой зазывали его вместе с симпатичным другом к себе, чтобы привить недавно привезенным новеньким-девственницам вкус к их ремеслу. В конце улицы танцовщица из Зора показывала представление, извиваясь своим гибким бронзовым телом в кольцах обвившего ее янтарного питона.

— Я вижу, кое-кто здесь здорово оголодал, — заметил Зарос. — Думаю, сегодня вечерком мы навестим Город наслаждений.

Ральднор слегка покраснел. Зарос сказал:

— Мой бедный мальчик, нескрываемое вожделение — клеймо всех Висов. Соглашайся. Твоя матушка взяла тебя за горло и поджаривает на медленном огне.

— У меня нет денег... всего несколько медяков.

— Ну так я одолжу тебе. Твоя волчья шкура должна принести тебе хорошие деньги, или я буду не я. Тогда и отдашь.

— Аниси... — начал Ральднор, потом запнулся.

— Аниси — восхитительное дитя, которое, как любая женщина, будет снисходительна к твоей маленькой слабости. Завтра купишь ей новое платье и какую-нибудь побрякушку, чтобы облегчить свою совесть и получить ее прощение.

— А Рас с Орваном?

— Мой хозяин пригласит их сегодня вечером к себе. Он любит хвастаться широтой своих взглядов и обстановкой, а они получат отличный обед — у него превосходный повар, несмотря на все остальные многочисленные недостатки.

До лавки они добрались чуть позже полудня, и она оказалась одной из самых крупных и изысканных в Галерее Золотой птицы. Сам хозяин был дородным, очень живым и столь же шутливо капризным, как и его отпрыск. Ибо Ральднор вскоре по нескольким намекам, поддевкам и проявлениям привязанности между этими двумя сделал вывод, что Зарос был его сыном.

Похоже, поделки жителей Равнин нынче пользовались спросом, и они неплохо заработали. Последовало и приглашение на обед, хотя Зарос быстренько отмазал Ральднора от него, заявив, что не желает, чтобы всех его друзей отравили в один присест.

Зарос остался в лавке, а Ральднор проулками повез остальных обратно в гостиницу. Но несмотря на это, на душе у него было легче, чем вот уже много дней.

Однако по пути произошло неприятное событие, испортившее ему все предвкушение.

Пытаясь обойти все прибывающую толпу и в то же время исполнить указания Зароса, он в конце концов свернул не туда и оказался на большом перекрестке Проспекта королей. Даже совершенно не зная Лин-Абиссы, он мгновенно понял, что оказался на краю маршрута, которым будет двигаться процессия Повелителя Гроз.

Широкая улица, обрамленная по краям рядами скульптур, величественными колоннадами зданий и башнями, сверкающими на фоне неба алмазным блеском, была расчищена от снега. С карнизов свисали сотни знамен. Повсюду толклись зрители, и повозка немедленно увязла в толпе. Где-то впереди слышалось отдаленное буханье барабанов и рев труб.

Внезапно из толпы — но не от толпы — раздался голос, грубый, повелительный, презрительный:

— А ну-ка убери свой драндулет с дороги, поглоти тебя ад!

Ральднор взглянул вниз, чувствуя, как сводит от знакомого страха живот.

Перед ним стоял гигант в чешуйчатых бронзовых латах, чье иссеченное шрамами медное лицо казалось сделанным из того же материала, что и забрало шлема. Черенком копья он с силой ткнул ближайшего к нему зеева в бок.

С пересохшими губами, не в силах что-либо ответить, Ральднор изо всех сил натянул поводья. Повозку повело назад.

— Живей! Пошевеливайся, безмозглая равнинная падаль!

Позади толпа бросилась врассыпную, поливая их бранью.

Солдат махнул рукой, сделав знак остановиться.

— Вполне достаточно. А теперь я хочу видеть ваш пропуск.

— У меня его нет, — начал Ральднор. Прежде чем он успел объяснить, что пропуск у Орвана, солдат протянул руку и стащил его с козел. Ральднор мешком упал на землю и ухватился за колесо, чтобы подняться. И тут же одетый в латную перчатку солдатский кулак полетел прямо ему в лицо.

Где-то закричали, а в следующий миг он обнаружил, что уклонился от удара и стоит перед дорфарианцем со своим охот-

ничьим ножом в руке, исполненный решимости убить его, несмотря на тяжелую броню. Потом произошло что-то непонятное. Между ними вклинились какие-то люди, и нож вырвали у Ральднора из пальцев. Солдат грубо раздвинул толпу, но на его губах играла улыбка.

— Ты вытащил ножичек, деревенщина? Так-так, поглядим-ка. Думаешь, тебе удастся проткнуть меня прежде, чем я успею переломать тебе шею? Кроме того, за сопротивление эм Дорфару можно отправиться и на виселицу.

Чей-то голос выкрикнул:

— Нет у него никакого ножа.

— Мы бы увидели, — поддержал его другой голос. — Тебе померещилось, дорфарианец.

Лицо солдата потемнело. Он бросился к толпе, зарычав от ярости, но в этот миг другой солдат что-то крикнул ему с проезжей части. Грязно выругавшись, дорфарианец обернулся и испепелил Ральднора злобным взглядом.

— Мы еще встретимся с тобой, жук навозный!

Он зашагал прочь, расшвыривая толпу.

Чья-то рука сунула ему в ладонь нож. Мимо проходило несколько человек, и он не разобрал, кто именно сделал это. Он забрался обратно на козлы, дрожа от безумной ярости, и увидел за пологом повозки белое, без кровинки, лицо Орвана.

Взревели трубы. Точно во сне, Ральднор увидел приближающуюся процессию. С его козел открывался отличный обзор, но эта возможность пропала даром. Он уловил лишь расплывчатое темное пятно солдатских рядов, цвета Дорфара и Тханна Рашека да жриц Ясмис в своих карминно-красных одеяниях, а в ушах у него стоял оглушительный звон литавр. Но потом он увидел колесницу.

По какой-то непонятной причине все его чувства вдруг обострились и сосредоточились на этой коляске — колеснице Повелителя Гроз, угольно-черной, металлической, увлекаемой такой же угольно-черной упряжкой скакунов. Возможно, именно эти животные сначала привлекли его внимание, ибо он никогда еще не видел такой породы.

У мужчины в колеснице была дорфарианская кожа цвета черной меди и черные волосы. Его лицо было необычным, странно искаженным — как будто за ним скрывалась какая-то тщательно подавляемая и грозящая вот-вот вырваться наружу жестокость — но внешне красивое и унаследовавшее большие темные глаза его матери, Вал-Малы. Он был весь в черном, с золотой цепью, пересекающей широкую грудь. Поводья он держал в правой руке, а в левой сжимал кнут с позолоченной рукояткой. И на этой левой руке была перчатка, а на мизинце тускло поблескивал дымчатый сапфир.

Это был Верховный король. Этот смуглый страннолицый человек был его царственным Врагом.

До этого мига он был всего лишь фантомом; теперь же, точно по неумолимой воле судьбы, вся ненависть Ральднора сосредоточилась на нем.

В розовом сердце Лин-Абиссы расположился Город Наслаждений, место, посвященное плотской стороне культа Ясмис, богини любви. Когда на город снизошли голубоватые сумерки, Зарос пришел за ним, и вскоре они покинули почти опустевшую гостиницу и бледную девушку, оставшуюся сидеть у огня.

Она не захотела идти в знатный заравийски дом. Этот обед почему-то ассоциировался у нее с тем страхом, который она испытала в доме оммосца, Йир-Дакана. Но оставаться в одиночестве в этой скрипучей сумрачной комнате с коптящим огнем в камине она тоже не хотела. На лестнице она нерешительно тронула Ральднора за локоть.

— Тебе очень нужно уйти с Зарос? — пролепетала она.

— Ты же знаешь, что да. Я ведь тебе объяснял — мы идем к меховщику, поговорить о волчьей шкуре.

— Но разве обязательно идти к нему именно сегодня?

— А почему нет?

Она не могла ему этого объяснить.

Вскоре он начал терять терпение. Она пыталась сдержать слезы, зная, что он не выносит ее плача. В его глазах появилось то выражение, которое всегда пугало ее. Она не доставляла ему удовольствия — да и разве она могла сделать это, если даже не знала, как? Поэтому ему не оставалось ничего другого, как искать это в другом месте. Она уже поняла, что он собрался в бордель.

Теперь слезы беспрепятственно текли по ее лицу, и она не утирала их.

Узкие улочки зазывно сияли огнями в окнах. Принаряженные женщины выставляли свои прелести на высоких помостах — огненные танцовщицы из Оммоса и Закориса, заклинательницы змей из Лана и Элира. Сутенеры во все горло расписывали достоинства своих самых дорогих шлюх.

— А груди...ммм... а бедра какие....

— Ага, по три того и другого, — заметил Зарос в толпу.

Они подошли к украшенной мишурой двери и зашли внутрь.

В центре комнаты возвышалась статуя обнаженной Ясмис, вокруг которой извивалась девушка-акробатка. Там и сям сидели многочисленные клиенты, потягивая напитки и наблюдая за ней.

Они уселись в нише, и бармен без приглашения принес им вино, заломив за него совершенно несусветную цену. Ральднору стало не по себе. Через некоторое время в комнате появились еще две девушки.

Они могли бы сойти за сестер — обе хорошенькие, меднокожие, с круто вьющимися иссиня-черными волосами и золотыми блестками в уголках глаз.

Их платья были из просвечивающего газа, искусно задрапированные так, на груди и бедрах становились непрозрачными, открывая при этом красный драгоценный камень, сверкающий в пупке, и золотые лучики, отходящие от него, на животе каждой из них.

Разом защебетав, они весело поприветствовали Зароса, но одна послушно уселась рядом с Ральднором и подлила ему вина.

— Ты очень красивый, — прошептала она ему поверх кубка жеманно. — Меня зовут Яйни. А ты с Равнин.

— Да.

— В этом вине любовь, — шепнула она. Он понял, что она имеет в виду добавленный в питье афродизиак и отставил свой бокал, даже не пригубив. Она заинтересованно взглянула на него, потом улыбнулась. — Наверху есть комнатка.

Он поднялся, смущенный этим сексуальным этикетом, о котором не имел ни малейшего понятия.

Он пошел вслед за ней в комнату, в которую помещалась лишь одна кровать. В приглушенном свете лампы она обняла его с нежной, искусно разыгранной страстью. Ее губы и легкие пальцы творили чудеса, а когда он принялся ласкать ее податливое, льнущее к нему тело, она, похоже, тоже возбудилась, хотя, возможно, это всего лишь было ее ремесло — казаться возбужденной.

Много позже, когда они лежали рядом в золотистой мгле, ему вдруг пришло в голову, что его мать тоже могла быть вот такой проституткой с солнечными лучами, нарисованными на животе золотой краской, и он недобро усмехнулся при этой мысли.

— Ты улыбаешься, — сказала она, приподнимаясь на локте и глядя на него. — Почему? Тебе было приятно со мной?

— Ну конечно же. Ты очень хорошенькая и очень умелая.

— Довольно жестоко говорить мне такие вещи после любви.

— Должно быть, ты считаешь меня очень наивным, — сказал он. — Я первый крестьянин с Равнин, которого ты развлекала?

— По тебе вообще не скажешь, что ты с Равнин. И что крестьянин. Ты презираешь меня за то, что я шлюха. И считаешь, что автоматически купил мое удовольствие.

Он взглянул на нее и понял, что она рассержена. Ее ответная пылкость, похоже, была действительно неподдельной. Он притянул ее к себе, целуя коралловые губы и окрашенные кармином соски.

— Снова и снова, — прошептала она, задохнувшись. — Ты неутомим, мой Повелитель Гроз. — Он будто и не услышал ненавистного имени. — Если я так понравилась тебе, может, ты как-нибудь заглянешь ко мне еще раз?

Но он ничего не ответил ей, если не считать того ответа, который дало его тело.

Ураган разметал тьму в его мозгу.

Он мгновенно проснулся, закричав, и девушка-заравийка схватила его за плечо.

— Что случилось? Плохой сон? Это был просто сон. Теперь ты проснулся.

— Нет, — сказал он. Его глаза были широко раскрыты. — Не сон.

В его мозгу бушевал тот чуждый, вторгнувшийся извне ужас, вызывая у него головокружение, дурноту и страх. Он выскочил из кровати, схватил свою одежду и поспешно оделся.

— Да что же это такое? — в отчаянии вздохнула она. — Позволь мне помочь тебе.

Но он уже скрылся за порогом. Опечаленная, Яйни сжалась в комочек на постели. Он стал первым мужчиной, который когда-либо доставил ей удовольствие. Она не ожидала такого напора, такой страстности и столь утонченной искусности от одного из спокойных и нетребовательных обитателей Равнин. А теперь он покинул ее — она не понимала, почему — как будто в него вдруг вселился какой-то демон.

Выбежав за дверь, он помчался к выходу, расталкивая проституток и их праздных клиентов. Зароса нигде не было видно. В голове у него бушевала буря. Он выбежал из борделя.

Ночь была черным бархатом, башни — золотой вышивкой на нем. Снег расчерчивали яркие полосы света из окон. Он мчался, задевая людей, которые смеялись или осыпали его бранью. Заплутав, он очутился в каком-то темном переулке, всхлипывая и хватаясь за голову, точно пьяный.

— Аниси, — стонал он. — Аниси, Аниси...

Он увидел высокий портик из сплетенного белого золота и силуэты людей и закричал, чтобы они отпустили ее. Точно слепой, он метался по переулку, потом по двору, крича, так что в окнах показались встревоженные лица.

7

Металлические колонны изгибались, точно причудливые леденцы, а из распахнутых железных ворот бил свет факелов. За ними темнела улица, окаймленная голыми деревьями, закутанными в плотную снежную вату.

Раздался визг колес.

Один из драконов протянул руку, сжав ее правую грудь.

— Как тебе нравится дворец Тханна Рашека, а, малышка?

Второй захохотал, повернув колесницу к временным казармам дорфарианцев. Копье с красным подсыхающим наконечником было прислонено к ограждению. Ночь обещала быть очень забавной. Но внезапно на дороге загорелись новые факелы, и прозвучал повелительный приказ остановиться. Солдат натянул поводья; его товарищ вполголоса выругался. Гвардия Драконов. Их черные плащи украшала личная эмблема Амрека, белая молния.

Капитан гвардии отделился от своих подчиненных и подъехал к колеснице. Взглянул на двух явно встревоженных солдат, на бледную, посеревшую лицом девушку.

— У вас здесь девчонка с Равнин, солдат.

— Да, сэр.

— Как вы ее заполучили? Только честно.

Солдат нахмурился.

— Сегодня на пути следования процессии застряла повозка недоумков с Равнин, сэр. Один из них был со мной непочти-

телен, но толпа — эти тупые заравийские бараны — толкались вокруг — не дали мне разобраться с ним. Я пришел сюда, чтобы поучить его хорошим манерам. Найти было нетрудно. В городе всего несколько гостиниц, которые осмеливаются принимать этих желтых крыс, когда король Амрек здесь.

— И вы нашли его, солдат?

— Нет, сэр. Не повезло. Но я нашел его подружку, как вы видите.

Капитан улыбнулся одними губами.

— Ну, солдат, у меня для вас хорошая новость. Все это время вы, сами того не зная, исполняли поручение Повелителя Гроз. Кто-то прослышал о ваших планах, проследил за вами и доложил Верховному королю. Он сам хочет увидеть девчонку.

Лицо солдата вытянулось в мстительной досаде, смешанной с беспокойством.

— Ладно, солдат. Давайте ее сюда. Да не переживайте вы так, он вернет ее вам, когда закончит.

Спорить с ним было бы опасно и бесполезно. Солдаты вдвоем вытолкали девушку из колесницы, а капитан поймал ее и поставил на ноги.

— Повезло же тебе, красавица, — осклабился он. — Такая честь выпала.

Повесив голову, она покорно пошла за одетыми в черное стражниками по дворцовым залам. Они оставили ее в ярко освещенной комнате, самодовольно прошествовав мимо нее. На какое-то время она оказалась в одиночестве, если не считать двоих гигантов, охранявших вход. Потом появилась высокая женщина в просвечивающих одеждах. Она больно ухватила Аниси за плечо острыми, точно орлиные когти, пальцами и куда-то повела ее по длинным коридорам и передним. Перед резной дверью из циббового дерева она остановилась. Ее дорфарианское лицо походило на маску — черные впадины глазниц, кроваво-красный вампирский рот.

— Повелитель Гроз ждет тебя. Ты будешь делать все, что он велит.

Орлиные когти побарабанили по деревянной створке, и она распахнулась. Она втолкнула Аниси внутрь.

Девушка стояла, словно статуя, ослепшая, оглохшая и онемевшая, чувствуя, как кружатся стены и пол уходит у нее из-под ног, но это землетрясение было вызвано ее страхом.

Из света материализовалась огромная тень. Она почувствовала, что задыхается в ядовитом тумане ужаса. Она протянула руки, силясь удержаться от падения в эту драконью западню, но они схватили лишь воздух.

— Значит, это наша маленькая путешественница с Равнин, — произнес голос. Она не могла понять, откуда он идет, казалось, отовсюду сразу. — Сними свои жалкие обноски и покажи мне, какая ты.

Но она все так же стояла, беспомощно хватаясь за воздух и задыхаясь. Теперь она видела его; по крайней мере, видела закованную в перчатку левую руку, которая тянулась к ней, и уже наградила ее признаками проклятия. Проклятия Анакир. В тот миг, когда

эта рука коснется ее, она умрет. Так всегда было в ее ночных кошмарах.

— О боги, неужто вот это погубило моего отца? Неужели ты не осознаешь оказанную тебе честь? Ты, родившаяся от безвестных недоумков с Равнин? Чего ты боишься? Этого? Ну, в этом есть какая-то справедливость. Порча, наведенная женщинами вашего желтого племени, вернулась обратно, к твоей, вне всякого сомнения, девственной плоти.

Он притянул ее к себе, и рука, таившая ее смерть, легла туда, где билось ее сердце. Огненный нож пронзил ее, точно то водяное существо в доме Йир-Дакана.

Амрек оторвал губы от ее кожи, чтобы взглянуть на нее. Стоило ему лишь отпустить ее, как она упала. В тускло рдевшем свете от жаровен она лежала, будто белая тень, тянущаяся через пол поверх его черноты. Он склонился над ней и обнаружил, что она мертва.

Ральднор открыл глаза. Он не знал, ни где находится, ни как очутился здесь.

Через некоторое время он слабо пошевелился, испуганный, что какое-то ранение лишило его возможности двигаться. Но оказалось, что он цел и невредим, и скоро он уже сидел. В хмуром небе что-то слабо сияло. Вокруг петляли темные замусоренные переулки. Он подумал:

«Я что, сошел с ума в этом Зарависсе?»

Похоже, он всю ночь пролежал в тени полусгнившей хижины.

Голова отозвалась тупой болью, и он внезапно вспомнил страшный удар, после которого он отключился. Значит, кто-то оглушил его — должно быть, какой-нибудь вор. Но его нож был на своем месте, за поясом, так же как и то, что осталось от денег, ссуженных ему Зарос ом — после того, как он расплатился с девицей. Он поднялся и зашагал по ближайшему переулку. Грязная старуха, высунувшаяся из окна с ведром помоев, ни за что ни про что обругала его.

Переулок снова повернул, и за поворотом на земле лежала на спине сломанная кукла с широко раскинутыми руками. В тот же миг, как он увидел ее, память внезапно вернулась к нему, и горло у него свело болезненной судорогой. Он прислонился к стене, дрожа и бормоча ее имя. Что случилось с ней и с отчаянными бессознательными призывами ее разума? И что, что погрузило его во мрак?

По переулку, шаркая, брел какой-то человек. Ральднор схватил его за руку, и прежде чем тот успел вырваться, спросил его:

— Как дойти до Галечной улицы?

Прохожий сердито заворчал. Ральднор сунул ему под нос монетку. Тот буркнул что-то невнятное, схватил монетку и поспешил убраться. Ральднор пустился бегом.

Взошло солнце, тускло-красный пузырь, а он все еще кружил и кружил по путаным лабиринтам Лин-Абиссы, то и дело обращаясь к прохожим за помощью. В конце концов он все же выбрался на знакомые улицы и ввалился на двор гостиницы.

И сразу стало ясно, что произошло непоправимое.

Две глубокие борозды — следы колесницы — четко отпечатались на снегу, а рядом с ними были и другие следы, как будто кого-то тащили в колесницу, и какие-то коричневые пятна.

Ральднор как во сне побрел через двор в гостиницу. Огни погасли, и в зале никого не было. Он усилием воли заставил себя пройти через зал и подняться по ступеням, остановившись перед дверью крохотной комнатушки, в которой она жила. Из-за двери не доносилось ни звука, но все же он ощутил чье-то присутствие. Он толкнул дверь, и она беззвучно распахнулась.

Было очень темно, потому что ставни так никто и не поднял. Но он различил тело девушки, лежащее на узкой кровати, и мужчину, сидящего рядом с ней. Мужчина поднял глаза и уперся взглядом прямо ему в лицо. Это был Рас.

— Она мертва.

— Нет, — не поверил Ральднор.

— Она мертва. Если бы ты пошел вместе с нами на обед к заравийцу, она бы тоже пошла. Если бы ты попросил ее, она пошла бы с тобой. Но ты ушел в бордель и оставил ее здесь одну, и они пришли за ней, пока ты развлекался со своей шлюхой. — Его голос был тусклым и невыразительным. — Мы с Орваном пришли слишком поздно. Его солдаты уже принесли ее обратно. Это он велел им. Амрек. Она должна была развлекать Амрека, но умерла, прежде чем он успел что-то с ней сделать. В детстве она всегда его боялась, я помню это. Ты отнял ее у меня, а я позволил тебе сделать это. Я не смог помешать тебе. Но зачем ты сделал это, Ральднор, если она была не нужна тебе? Она была совсем ребенком, Ральднор. Почему ты не оставил ее в покое?

Ральднор был не в силах оторвать глаз от Аниси, ему хотелось подойти к ней, прикоснуться, но она была такой ужасно неподвижной. Ее белое лицо было совершенно пустым, точно забытая кем-то маска. Он развернулся и стал спускаться по лестнице, пересек пустой зал и снова вышел во двор. Кто пытался защитить ее? Должно быть, какой-нибудь степняк пролил эту кровь.

Он вышел через ворота и зашагал, сам не зная куда.

В конце концов он очнулся, обнаружив, что сидит на невысокой каменной стене, а какой-то человек что-то настойчиво говорит ему, пытаясь заставить его подняться и куда-то идти. Он некоторое время тупо смотрел на этого человека, пока наконец не понял, что это Зарос.

— Это я виноват в ее смерти, — сказал Ральднор. — Это моя кровь должна была быть на том снегу.

Но Зарос поймал его руку и поднял на ноги, и они зашагали куда-то через толпу. Ральднор решил, что Зарос ведет его обратно в бордель, и начал кричать на него. Зарос подозвал какого-то мордоворота, привалившегося к дверному косяку:

— Сварл, мой приятель не в себе. Помоги мне с ним управиться.

Верзила коротко кивнул, и они вдвоем потащили его по лестнице в какое-то незнакомое здание. Открылась дверь в чье-

то экзотическое жилище, и его толкнули на кушетку. В комнату вошла худощавая темноволосая женщина.

— О, Зарос, ты же обещал мне, что будешь обращаться с ним ласково.

Ральднор не мог понять причину такой заботы, поскольку она не была ему знакома, но когда ее прохладная рука легко скользнула по его лицу, ее прикосновение, казалось, выпустило наружу всю его горечь, и она обнимала его, когда он плакал, и гладила по голове, как сестра.

Он не знал, кого оплакивает — Аниси или Эраз, призрачный образ своей матери, которая, несмотря ни на что, была очень ему дорога, или возлюбленную, с которой он делил мысли, и к которой, по сути, ничего не чувствовал. Ибо даже одурманенный этой болью, он понимал это, и понимал, что беловолосая девушка станет его вечной карой.

Аниси склонилась над ним, коснувшись его плеча. Он поднялся в темноте, и она стояла в ожидании, а ветер развевал ее серебристые волосы. Белая луна светила ей в спину, и он видел очертания ее хрупких косточек под прозрачной кожей. Когда он приблизился к ней, она подняла руки, и по ее телу побежали трещины, точно чернильная паутина на алебастре. В один миг она рассыпалась в золотистый прах, и ветер раздул его, унося к луне и оставив ему одну лишь тьму.

Вечера, ночи, рассветы, новые сумерки и восходы сменяли друг друга бесконечной чередой. Он уже привык к роскошному жилищу Зароса, в котором сидел, заживо разъедаемый бездумной апатией.

Через три или четыре дня зашел Орван, и на его выразительном лице сейчас читалась лишь нерешительная печаль.

— Ральднор... Скоро начнется оттепель. Завтра вечером или, возможно, послезавтра. Тогда мы отправимся на Равнины.

Ральднор ничего не ответил, но Орван так же безмолвно смотрел на него, и в конце концов он сказал:

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что нам нужно уезжать — пока снова не пошел снег. Ты же понимаешь, что после этого путешествие станет невозможным.

— Зачем ты мне это говоришь? — повторил Ральднор. — Я не поеду с вами.

— У тебя нет выбора. Ральднор, тебе придется поехать с нами. Неужели ты не видел, что здесь начинается? Амрек хорошо постарался. Даже заравийцы уже начали бояться и ненавидеть нас. Мы каждый день встречаем на рынке и на площадях людей, рассказывающих об извращениях и колдовстве, которые якобы процветают на Равнинах... Тебе придется ехать...

— Нет, Орван. Ты всегда считал меня Висом. И я и есть Вис. Она... она могла бы изменить меня, сделать из меня жителя Равнин, такого, как ты, будь она немного сильнее. И не надо укорять меня за эти слова. Я сознаю каждую каплю своей вины.

Он почувствовал легчайшее, еле уловимое прикосновение к своим мыслям, как будто разум Орвана, как и ее когда-то, коснулся его разума сквозь какую-то искажающую пелену.

— Возвращайся на Равнины, когда сможешь, — сказал Орван. — Когда тебе станет лучше. Ты ведь знаешь, что мы всегда будем рады тебе...

Ральднор покачал головой. Чувствуя, как разрывается от боли сердце, он сказал:

— Не стоит во второй раз звать к себе в дом вора и убийцу, Орван. Он может украсть и погубить кого-нибудь еще.

Орван опустил голову и вышел из комнаты.

После его ухода к Ральднору являлись всего двое. Первой была заравийская женщина, на чьей незнакомой груди он плакал в тот день. Когда он увидел ее в следующий раз после своего срыва, то ожидал, что в ее присутствии он будет смущаться и чувствовать себя неловко, но она своим ласковым и вежливым обращением как-то ухитрилась сделать так, что он принял свои действия. Похоже, она была любовницей Зароса, хотя и жила в другой квартире где-то в этом же здании. Она всегда была очень молчаливой, но ее присутствие всегда становилось для Ральднора невыразимым утешением. Она приносила ему поесть, а время от времени читала что-нибудь неторопливым звонким голосом. Ее звали Хелида, и ее интерес к нему был скорее материнским, чем просто женским, поскольку она явно очень любила Зароса за свой сдержанный и довольно сложный лад.

Вторая посетительница была куда менее приятной. Она являлась по ночам и проникала в его сны в пожирающем погребальном пламени. Он даже начал бояться спать. Орван в свой последний приход оставил ему волчью шкуру, и иногда в лунном свете белый мех казался ее волосами, разметавшимися по его кровати. Она так измучила его, что даже ее невинность стала казаться ему ненавистной.

Запертый в покоях Зароса, он не слышал никаких новостей извне. Даже пугающая безнадежность, охватившая Орвана, не подействовала на него, к тому же, по обыкновению чувствуя себя не таким, как его народ, и впервые подружившись с Висом, он ощущал себя настоящим заравийцем, единым целым с толпой в Лин-Абиссе.

Но на восьмой день его добровольного заточения какой-то мальчишка, кубарем взлетевший по лестнице, заколотил в дверь Зароса.

— Что ты безобразничаешь, маленький хулиган? — осведомился Зарос, и Ральднору показалось, что он узнал в маленьком посетителе сына хозяина дома, живущего со своей семьей этажом ниже.

— Зарос... там солдаты... Дорфарианцы...

— Естественно. Отдышись.

Мальчишка слегка восстановил дыхание, сглотнул и продолжил.

— Сварл видел на Косой улице дорфарианских солдат, которые спрашивали про мужчину с равнин без одного пальца на левой руке. Он велел мне сказать тебе, что кто-то отправил их сюда.

Зарос бросил мальчишке монетку и выпроводил его за дверь, потом, обернувшись к Хелиде, попросил:

— Милая, сходи-ка ты к старой Сольфине за ее краской для волос.

Хелида без единого слова исчезла.

— Я сейчас уйду, — сказал Ральднор, впавший в какую-то лихорадочную активность.

— И угодишь прямо в лапы к драконам? Не стоит, мой порывистый друг. С этого момента ты будешь делать в точности то, что я тебе скажу. О, Хелида, дорогая, ты так быстро обернулась. А теперь мы выкрасим эти желтые лохмы в пристойный цвет.

Когда Зарос принялся мазать его волосы угольно-черной пастой, а Хелида стала поливать его из кувшина чуть теплой водой, Ральднор запротестовал.

— Вертлявый, как угорь. Сиди спокойно, сейчас займемся твоими бровями.

— А она смоется? — осведомился Ральднор, ошарашенный и ставший почти послушным.

— Смоется? Боги и богини! Неужели ты думаешь, что все эти черноволосые дамы почтенного возраста, которых можно увидеть на улицах, стали бы выкладывать свои денежки, если бы первый же дождь раскрыл их маленькую хитрость?

Они посадили его перед камином и принялись усердно вытирать его голову полотенцем.

— Так себе работенка, — прокомментировал Зарос. — А теперь марш под одеяло, и закрой глазки. Правда, у некоторых дорфарианцев бывают желтые глаза — например, у их знаменитого короля Рарнаммона — но мне вряд ли удастся выдать тебя за него. И молчок, хотя, пожалуй, можешь изредка постанывать.

В этот момент на лестнице снова послышались шаги, на этот раз более тяжелые, и характерный звон кольчуг.

Через несколько секунд раздался повелительный стук в дверь. Зарос открыл дверь, очень убедительно изобразив изумление.

— Чем обязан подобной чести?

— Это никакая не честь, заравиец. У тебя здесь один человек...

— Ну да. Какая необычайная догадливость...

— С Равнин.

Зарос приподнял брови.

— Вот уж никогда, солдат. Я не якшаюсь со всяким отребьем.

— Неужто? И кто же тогда этот человек?

— Мой брат, сэр. Жертва неизвестного недуга. Врач в полном недоумении.

Два дорфарианца протиснулись мимо него и распахнули дверь в другую комнату. Они увидели черноволосого мужчину, спящего на кровати, и заравийскую женщину, притулившуюся у его постели в позе усталого отчаяния.

— Я вынужден просить вас, сэр, не тревожить беднягу. Вдобавок, — драматическим шепотом сообщил Зарос, — эта лихорадка очень заразна.

Солдат, подошедший было к кровати, шарахнулся.

— Ты доложил об этой болезни властям?

— Разумеется, сэр, — пробормотал Зарос.

— Проклятие, — выругался дорфарианец, оставшийся стоять у порога. — Ты происходишь из расы неисправимых лжецов, заравиец. Я сдеру шкуру с этих крыс на Косой улице, если увижу их.

— Да уж, лжецов здесь хватает, — глубокомысленно заметил Зарос.

Солдаты вернулись обратно к входной двери.

— А что такое этот парень с Равнин натворил, благородный сэр, что вызвал ваше неудовольствие?

— Это мое дело. Я кое-что ему должен.

Зарос проводил их и заботливо прокричал им вслед, чтобы были осторожнее на нижних ступенях, после чего захлопнул дверь — и прислонился к ней, самодовольно захлопав себе самому.

— Я обязан тебе жизнью, — сказал Ральднор. Оказалось довольно легко притворяться больным в этой комнате, столь близкой к смерти.

— Угу. Но, если говорить по существу дела, разве тебе не кажется, Хелида, что из него получился отличный Вис?

А потом, разглядывая себя в зеркальце Хелиды, Ральднор обнаружил, что оттуда на него смотрит совершенно другой человек. Произошло что-то необратимое — и это была далеко не случайность. Ибо ему казалось, что он перестал быть Ральднором — по крайней мере, тем Ральднором, которого он знал. И его новое лицо было своим, уютным, а его высокомерие выглядело очень естественным. Казалось, он просто наконец-то обрел самого себя.

«А мне очень легко с этим незнакомцем, подумал он. *Он никогда не знал ни ущербности глухого разума, ни несговорчивости девушек с Равнин, ни даже белой хрустальной девочки из моего сна. Теперь я Вис, настоящий Вис. Неужели это то наследие, которое хотела оставить мне моя мать? И всего лишь из пузырька краски, купленной у старой шлюхи?»*

Утром он взял волчью шкуру и отправился продавать ее. Началась обещанная оттепель, и на улицах стояла вода, но он не думал ни о повозке Орвана, пробирающейся через враждебную слякоть, ни о разрушенном городе. В каком-то смысле он отрекся от них. Он шел самоуверенно, никого не боясь. С тех пор, как он увидел дорфарианского солдата, плюнувшего им вслед, какая-то тайная часть его души жаждала вот так свободно пройти по этим улицам, хотя он и не признавал этого.

Но все же, уже почти дойдя до лавки меховщика, которого порекомендовал ему Зарос, он проходил по Красному Рынку и увидел пятерых женщин, выставленных на продажу в публичные дома.

У четверых из них были нахальные и вполне безмятежные лица, и они вовсю кокетничали с толпой, так что по одному их виду можно было сразу безошибочно определить их занятие. Пятой была женщина с Равнин, одетая в грубую рубаху.

Ральднор взглянул на это знакомое и непроницаемое лицо, которые он в таком изобилии видел в деревнях. И тогда, как ни невероятно, их разумы соприкоснулись, и она вскинула голову, оглядывая толпу. Но у него не хватило ни силы, ни навыка, чтобы удержать их случайный контакт, он не умел этого. А она, видя вокруг лишь смуглых черноволосых людей, снова впала в угрюмую неподвижность.

Но все же толпа, в основном простолюдины, среди которых было и несколько оммосцев и дорфарианцев, начала осыпать ее насмешками.

— Не меня выглядываешь, желтая кобылка? Ух, я бы тебя объездил!

На Ральднора внезапно навалился холодный страх. Его затрясло. Поддавшись приступу мучительного малодушия, он развернулся и пошел через площадь.

Когда он подошел к меховой лавке, ощущение страха все еще не отпустило его.

Лавка была просторной и сумрачной, пропахшей мехами. Ральднор взял колокольчик и позвонил в него, и тут же, словно призрак из какой-нибудь трещины в стене, появился купец.

— Мой господин? — проговорил он приторно-любезным голосом. Ральднор страшно изумился, поняв, что это к нему обращаются таким тоном.

— Вот, — сказал он, развернув ткань и разложив шкуру на прилавке, где она тут же заиграла льдистым блеском.

Торговец выдал себя, ахнув от неожиданности. Потом, взяв себя в руки, сказал:

— Первоклассная шкура. Да. Вы ее выбелили?

— Я и пальцем к ней не прикоснулся. Это был белый волк.

Купец тихонько рассмеялся, точно услышал что-то донельзя забавное.

— Ах, мой *господин*. Волчья шкура такого размера, и такая белая?

— Если вам не по вкусу мой товар, я пойду в другое место.

— Погодите, мой господин, погодите. Не спешите так. Возможно, все именно так, как вы сказали. Но на моей памяти никому уже долгие годы не удавалось поймать такого зверя в ловушку.

— Это была не ловушка. Я заколол его в глаз. Шкура не испорчена.

Торговец торопливо оглядел шкуру, потом, покачав головой, затараторил:

— Конечно, такую большую вещь продать будет ой как нелегко, все-таки времена сейчас пошли тяжелые. Я могу предложить вам пятнадцать анкаров золотом.

— Тридцать, и ни анкаром меньше, — уперся Ральднор, хорошо проинструктированный Заросом и раздраженный тем, что ему приходилось прикидываться.

— Он заслуживает большего хотя бы за свое нахальство, — раздался чей-то голос.

Ральднор обернулся и увидел мужчину, появившегося из дыры в стене. Он был дорфарианцем, в этом не было никакого

сомнения, однако он не был облачен в драконью кольчугу. Он облокотился на прилавок, глядя на Ральднора.

— Тебе следовало позвать меня раньше, купец. — Тот начал было что-то говорить, но незнакомец перебил его. — Расскажи-ка, где ты убил своего волка?

Ральднор, осторожно подбирая слова, ответил:

— На Равнинах.

— На Равнинах? Что-то далековато от дома. Ты ведь из городов Дорфара, разве нет?

От этой наводящей ужас иронии в ушах у Ральднора запульсировала кровь.

— Я не дорфарианец.

— Как ты быстро открещиваешься от верховной расы Виса. И откуда же ты?

— Я из Сара, — сказал Ральднор, — это недалеко от Драконьих Ворот.

Именно туда, как думали жители деревни, принявшей его, направлялась его мать, так что в его словах было какое-то зерно правды.

— Из Сара? Вот как. А волк, он был откуда?

— Из темноты.

Дорфарианец расхохотался.

— Пятьдесят золотых анкаров за этот мех, купец. — Купец судорожно сглотнул. — Но ты все равно опоздал. Его купит мой хозяин. Он лучше, чем все, что ты мне показывал. Отойдем в сторонку. — Он отвел Ральднора в полумрак, расползавшийся по углам лавки. Торговец, почему-то страшно перепуганный, не пошел за ними. — Ну, охотник, значит, ты умеешь убивать волков. А человека когда-нибудь убивать приходилось?

Ральднор уставился на него, потеряв дар речи.

— О, ремесло солдата очень почетно. Твоя мать была заравийкой, верно? А отца знаешь?

— Вы оскорбляете меня, — холодно проговорил Ральднор, ощутив подступившую к горлу едкую тошноту еще прежде, чем уловил ее причину.

— Я? И не думал даже. Бьюсь об заклад, твой отец был дорфарианцем. А это, парень, комплимент. Так как, хочешь стать солдатом у одного исключительно щедрого лорда, который занимает высокое место в Корамвисе?

— А почему я должен этого хотеть?

— А почему бы тебе этого не хотеть? Что, лучше всю жизнь сводить концы в концами в твоем Саре?

— Что это за лорд?

— Не так быстро. Возьми эти деньги и потрать их, и подумай о том, что сможешь куда более часто тратить такие суммы в Дорфаре. Приходи сюда завтра в полдень. Поговорим.

Ральднор взял тугой мешочек с деньгами, открыл его и увидел блеск золотых монет. И снова перед ним открылся новый поворот, который могла принять его жизнь.

— Ты очень уверен во мне, дорфарианец.

— Этим я зарабатываю *себе* на жизнь. Безошибочным чутьем на тех, кто может быть полезен.

Ральднор развернулся и зашагал между ворохами мехов, оставив волчью шкуру купившему ее незнакомцу. У самой двери его настигли слова дорфарианца:

— В полдень, охотник. Я буду ждать.

На улице все еще шел дождь, наполняя и без того уже вздувшиеся канавы, но темная тень перемен уже накрыла пейзаж. Ральднор принялся раздумывать:

«Я вернусь. Каково? Солдат в их гнилой армии. Я, самозванец, равнинное отребье. И Дорфар — зловонный склеп мертвых королей. Неужели мне найдется место среди драконов?»

8

Она въехала в Лин-Абиссу, столицу ее деда, на спине ржаво-красного великана.

Они с ним составляли отличную огненную пару в этот белый полдень, шествуя в процессии, замыкали которую ярко одетые акробаты, фантастические танцоры и танцовщицы и немыслимые существа, одетые в костюмы из заравийских легенд. Нареченная Амрека под песни, рев труб и приветственные крики ехала по улицам, точно какая-то богиня из незапамятных времен.

Скакун, везший ее, был гигантским палюторвусом из субтропических болот Закориса. Она восседала в золотом приспособлении с крышей из перьев. На ней было отороченное каштановым мехом тусклокрасное платье с глубоким декольте, а в ложбинке между грудями сиял оранжевый камень. С высокой прически, украшенной золотыми цветами, ниспадал дымчатый поток алой вуали. Ее волосы своим цветом в точности напоминали кровь.

Толпа переговаривалась и вытягивала шеи, чтобы получше разглядеть ее. И, как это всегда бывает со всеми безукоризненными вещами, она казалась нереальной. Они инстинктивно искали в ней что-то человеческое, хоть какой-нибудь крошечный изъян, но в ее красоте было что-то от саламандры, жгучее, мифологическое, не вписывающееся в рамки никаких канонов.

Она ехала, не глядя по сторонам. Она была точно изваяние самой себя.

Процессия остановилась у входа во дворец, и красное чудище согнуло передние ноги.

Какой-то мужчина с низким поклоном подал Астарис руку, помогая ей спуститься по позолоченным ступенькам.

— Мадам, я приветствую вашу светлость при дворе Повелителя Гроз в Лин-Абиссе. Я советник лорда Амрека, Катаос. Считайте меня своим рабом. — В его голосе звучал легкий акцент, вы-

дававший в нем оммосца или закорианца, но все же его плащ украшал треххвостый дракон, эмблема Элисаара.

Она не ответила на его любезное приветствие, и, встретившись с ней глазами, он утонул в их затуманенной бездне.

Амрек уже ждал ее на ступенях дворца, чтобы собравшаяся у ворот толпа могла хоть краешком глаза увидеть их встречу. Катаос подвел ее к королю и отступил в сторону. Женщина очутилась лицом к лицу с человеком, которому с этого момента предстояло стать ее супругом.

Его внешность была мрачной и жестокой, как и его эмблема и репутация. Он склонился к ней и запечатлел на ее губах ритуальный приветственный поцелуй, означавший его одобрение.

Ее губы были очень холодны, и она, похоже, не надушилась, несмотря на весь свой пышный наряд, как будто была простой куклой, позволившей нарядить себя. В ней было что-то такое, что пробудило его гнев. Он часто подвергался таким приступам гнева. Демонстративно игнорируя Советника, которого он ненавидел в силу множества разнообразных причин, он грубо схватил ее за руку и потащил за собой во дворец. Она ничем не выказала, что ей больно или неприятно.

— Мадам, я не привык разгуливать под ручку с женщинами. Думаю, я иду чересчур быстро для вас.

— Если вы так думаете, то вам следовало бы идти чуть помедленнее, — отозвалась она. — Ее замечание было остроумным и дерзким, но почему-то произвело на него впечатление случайности. Она просто сказала первое, что пришло ей в голову.

— Значит, у вас все же есть язык. А мне уже было показалось, что его откусила эта болотная тварь.

Они вступили в огромную комнату, оставив свиту за дверями. Он принялся показывать ей обстановку.

— Вы знаете, что случилось в этой комнате, Астарис эм Кармисс? Одна женщина умерла здесь от страха передо мной.

— Вас это огорчило?

— Огорчило? Нет, она была шлюхой с Равнин. Никем. А вы не хотите узнать, почему она боялась меня? Вот из-за чего — из-за этой перчатки. Но вам, Астарис, не нужно ее бояться. Я ношу ее, чтобы скрыть ножевой шрам — он не слишком красив с виду.

— Что такое красота? — сказала она.

Ее странные ответы сбивали его с толку, и она тоже, эта немыслимая жемчужина, вставленная в оправу его угрюмой жизни, чтобы сверкать там, точно комета.

— Вы, Астарис, прекрасны, — сказал он.

— Да, но я не эталон.

Он отпустил ее руку.

— Вам не было страшно на спине вашего зверя? Если так, то вините в этом Катаоса. Его идеи могли бы прийти в голову разве что хозяину какого-нибудь деревенского цирка.

— А чего я должна бояться?

— Возможно, несмотря на то, что я сказал вам, вам стоит немного побаиваться меня.

— Почему?

— Почему? Я же Верховный король, более того, я *ее* сын — сын стервозной королевы Корамвиса. Я унаследовал всю ее низость и жестокость. А теперь мне предстоит стать вашим супругом. Пока я буду доволен вами, можете считать себя в полной безопасности. Но только не тогда, когда я утрачу интерес — непревзойденная красота через некоторое время может наскучить — даже ваша. В особенности ваша. Ваша совершенная симметрия будет раздражать, мадам.

Она лишь улыбнулась. Ее улыбка была загадочной. Было ли все дело в ее надменности, в ее самоуверенности, или лишь в том, что она была не в состоянии понять смысл его слов? Она или немногословна, или просто слегка ненормальная. Возможно, вот он, ее недостаток — слабоумная королева, которой предстоит вместе с ним править Дорфаром.

Двигаясь с непостижимой грацией, она начала разглядывать фрески. На него накатило мимолетное ощущение нереальности всего происходящего.

— Астарис, вы будете меня слушать, — заорал он.

Она обернулась и испытующе взглянула на него, хотя ее глаза, как уже заметил Катаос, были двумя стеклянными озерами бездонного темного янтаря.

Когда над Лин-Абиссой уже начали сгущаться светлые сумерки, Катаос эм Элисаар отправился из главного дворца Тханна Рашека в примыкающий к нему особняк для гостей. Положение советника Повелителя Гроз было столь высоким, что ему и его челяди предоставили в пользование целый дом. Что, принимая во внимание нескромный, но при этом секретный характер его хозяйства, было совсем не лишним.

Во-первых, у него была личная гвардия. Не то чтобы это само по себе было такой уж редкостью; большая часть знати также держала собственную гвардию. И все же численность и боеспособность гвардии Катаоса, стань они достоянием общественности, непременно вызвали бы удивление. Собранные агентами эм Элисаара на улицах нескольких городов — метод, который позволил успешно избежать прямого внимания Амрека — они происходили из рядов искателей приключений, воров, мятежников. Однако, встав под знамена с желтым гербом Катаоса, они превращались в сплоченную армию, проходя специфическое обучение боевым техникам в Имперской академии в Корамвисе и вступая в коллектив, пусть даже и ведущий ничуть не менее опасный образ жизни. Немногие возмущались или злоупотребляли своей подготовкой. Те глупцы, что все-таки отваживались на это, загадочным образом исчезали. Те же, кто удерживались в новом ремесле, достигали в нем очень многого, почти незаметно для себя самих становясь частью сложной и хорошо смазанной машины.

Ибо целью Катаоса было создать наконец защиту столь же

согласованную, сильную, элитную и безупречную, какой была Драконья гвардия Повелителя Гроз.

У Катаоса были наследственные причины для подобного желания. Его отцом был Орн, король Элисаара. Хотя вообще-то поговаривали, что к тому времени, когда Орн получил власть над Элисааром из рук своего умирающего отца, он уже утратил к ней всякий интерес — ибо к тому моменту уже крепко держал в своих руках весь Дорфар. Катаос родился от одной из младших закорианских королев, с которой его отец провел ночь в какой-то из своих коротких наездов в Саардос, но он никогда не оставлял надолго свои обязанности регента и свою любовницу Вал-Малу. Лишь смерть положила конец этим бесконечным поездкам туда-обратно. А теперь, по иронии судьбы, именно Катаос был любовником Вал-Малы — что вряд ли можно было назвать неприятным, ибо королева прилагала все усилия, чтобы оставаться молодой как можно дольше, и благоволила к тем, кто ей нравился.

Он задумался, понравится ли ей Астарис, и пришел к твердому убеждению, что нет.

Галерея, соединявшая дворец с особняком для гостей, походила на лес колонн из малинового рифленого стекла, на котором сейчас рдели багровые угли заходящего солнца и метались тени цвета запекшейся крови.

— Похоже, у архитектора Рашека есть определенный талант, хотя и несколько вульгарный, — заметил Катаос.

— С позволения сказать, мой господин.

Начальник Гвардии Катаоса, Ригон, державшийся на полшага позади своего хозяина, обычно не был склонен к многословию.

Огромный закорианец, чьей истинной страстью была властная жестокость, выказывал ее в каждой черточке своего тела и своего лица. Его массивный нос был перебит так, что о его первоначальной форме судить теперь было совершенно невозможно, а челюсть рассекал длинный белый шрам, тянущийся до бычьей шеи. Страшный глава личной гвардии Катаоса, глава, которому невозможно перечить, в чьей непомерно развитой правой руке, превосходно владевшей мечом, силы явно хватило бы на шестерых. Катаос считал его непревзойденным.

Ригон устрашающе улыбнулся.

— Поверь мне.

На галерее закорианец нырнул во вторую, неприметную дверь и зашагал по коридору особняка в просторный зал, где его уже ждали новобранцы. Тусклый свет, просачивавшийся сквозь оконные витражи, отбрасывал за ним огромную тень. При его приближении гомон голосов утих, а на лицах собравшихся застыли самые разные эмоции, от нервозности до напускной храбрости. Это был один из тех немногих случаев, когда Ригону приходилось произносить сколько-нибудь длинную речь, и речь эта была отлично ему известна. Он уже произносил ее перед несколькими батальонами не испытанных еще авантюристов вроде этих, и на его рассеченных губах уже застыла неприятная улыбка.

— Значит, вот те слизняки, которых мне предстоит перековать в мужчин. Я сказал «перековать». Это слово выбрано не случайно. Видите эту руку? Именно ей я пользуюсь как молотом для ковки, если у меня возникает такая необходимость. — Он подошел к столу и налил себе вина. Вокруг стояла звенящая тишина. — С сегодняшнего дня вашей профессией становится охрана дома принца Катаоса эм Элисаара. Думаю, даже самый безмозглый из вас уже догадался, что все далеко не так просто. Но вы будете держать рот на замке, не то вам помогут это сделать. Надеюсь, вы меня понимаете. Если вам хочется маленьких золотых кружочков, вы получите их в изобилии. Если вам понадобится перепихнуться, вы прекрасно можете сделать это с теми шлюхами, которые здесь есть. Если у вас другие постельные пристрастия — с ними куда-нибудь в другое место, и молитесь, чтобы я вас за этим не застукал. Что касается остального, вы обнаружите, что дисциплина здесь беспощадная, а я далеко не нежный учитель. Делайте то, что я прикажу вам, и работайте до одури, тогда доживете до Корамвиса. — Он одним глотком осушил свой кубок и грохнул им по столу. — Если кому-нибудь из вас захочется устроить драку — только отыщите меня. Я с удовольствием окажу вам эту услугу.

Ригон легонько щелкнул по рукоятке короткого меча, заткнутого за пояс, потом развернулся и вышел из зала.

Стоявший сбоку от Ральднора парень сказал очень тихо:

— Закорианский помоечник.

Вечером над Лин-Абиссой замелькали первые белые мухи. Оттепель закончилась. Вскоре трехмесячные снега должны были надежно запереть всю восточную часть Виса за своей неумолимой печатью.

Новобранцы лорда Катаоса ели свой ужин за длинным столом, отдельно от закаленных воинов. Те не обращали на них никакого внимания, ибо их неписаный закон велел не выказывать к новичкам никакого интереса до того, как те пройдут подготовку и испытания. И за длинным столом царило угрюмое молчание, лишь изредка нарушаемое чьим-то тихим шепотом. Ригон уже поставил себя так, как хотел поставить — объектом всеобщей ненависти и страха.

— Да, он сюсюкаться не станет.

— Закорианское отребье.

— Придержи язык. У этих стен есть уши.

— Ты видал, какие у него руки? А шрам на лице? О боги!

После ужина они отправились на свои узкие койки в холодной спальне.

Ральднор долго лежал без сна на жесткой постели, прислушиваясь к их перешептываниям и к собственным мыслям.

За окнами серебристыми искорками падал снег. Затяжной снег.

«Значит, я связался с чужаками и с неизвестностью, вместо того, чтобы остаться в знакомой деревне с ее знакомой безнадежностью», — думал Ральднор. Он вспомнил утопающий в снегу Хамос, пурпурные снежные ночи и волчий вой и подумал об Эраз, лежащей под этим

пушистым белым покрывалом, вернувшись обратно в бесплодную землю Равнин.

Он расплатился со своими долгами. Он вернул Заросу все, что задолжал ему, хотя тот и пытался многословно протестовать, но не рассказал ни Заросу, ни Хелиде ни о человеке, встреченном им у меховщика, ни, уже позднее, о том, куда уходит. И они отнеслись к его скрытности с уважением, вероятно, решив, что он решил вернуться вслед за Орваном в разрушенный город, на Равнины. Где-то на задворках Абиссы он отыскал задрипанную лавчонку, где купил запас черной краски, которой потом выкрасил все волосы на своем теле. После совершения этого странного действа его душа и его жизнь, казалось, пребывали в каком-то непонятном подвешенном состоянии между прошлым и будущим, в неизвестности. Он сотворил над собой колдовское превращение и выпустил на свободу, точно волшебники былых лет, необузданные силы стихий. Теперь могло произойти все что угодно.

Но все же остатки древней магии рассеялись не до конца. Она пришла, впервые за много ночей, сюда, во тьму этого заравийского дворца. Белая луна светила ей в спину, и по разбитой вазе ее молочно-белого тела разбежалась паутина трещин, и она рассыпалась, разлетевшись в стороны, точно пепел — или как снег.

Кровать напоминала овал из чеканного серебра, сделанный в форме распустившегося цветка, ибо, как и процессия, которая привезла ее сюда, все вещи, окружавшие невесту Амрека, должны были быть сказочными.

И в сердце этого цветка Астарис в полночь открыла глаза.

Ей приснился сон. Непонятный сон. Женщина, рассыпающаяся в пепел на фоне полной, пугающе белой луны,.

Астарис выбралась из постели и подошла к окну, раздвинув все занавеси и раскрыв ставни и ступив на заснеженный балкон. Она почти не чувствовала зимнего холода, он был лишь каким-то намеком на задворках ее мыслей. Все ее существо сосредоточилось вокруг ее разума, как никогда прежде. Она прислушивалась, но не к звуку.

А потом она увидела перед собой мужчину, лежащего в темноте. И все же нельзя было сказать, что она действительно увидела или даже почувствовала его. Она ощущала его присутствие, но это скорее было какое-то постижение. Она не спрашивала себя, кто это такой. В этом не было необходимости. В этот миг она сама была им.

Она инстинктивно отстранилась, прервала этот контакт, и расплывчатый образ мужчины померк.

Разгадка тайны Астарис крылась вот в чем: она жила внутри себя, и никакая ее часть не пыталась выбраться из этого кокона, чтобы вступить в общение с другими. Причиной тому была не гордость и не страх, а всего лишь чистейшее, совершенно нечеловеческое самонаблюдение. Она не верила, или почти не верила, во внешний мир и его действующих лиц; она не верила даже в самое себя — в физическом смысле. Она была разумом, запертым внутри вос-

хитительной клетки из плоти, существом в раковине. Ссйчас ее случайно разбудил звук, но раздавшийся не снаружи, а внутри нее.

Точно осажденная крепость, она немедленно забила тревогу, но одновременно и покорилась тоже. Она не поняла ничего из того, что произошло, но ей это было и не нужно. Она и не задавала себе такого вопроса. Она поняла лишь, что на миг свернувшееся морское существо, живущее в оболочке ее тела и бывшее ей, отыскало чье-то чужое лунатическое сознание.

— Кто-то подошел ко мне, — подумала она в странном высокопарном удивлении. — Кто-то отыскал меня.

9

Запертые в белой утробе холода, восточные земли ждали в своем трехмесячном коконе. Практичная зима сменила их очертания на рельеф снежного мрамора, выглаженного ветром льда и суровую тишину пустыни. Но в конце концов солнце все же заявило свои права на эти обледенелые просторы. Внезапные яркие и шумные первые дожди висской весны обрушились и взломали эти алебастровые печати, как всегда обрушивались и взламывали их.

По сточным канавам Лин-Абиссы бежали пенистые потоки, а в нарядных садиках уже расцветала новая жизнь.

Сумерки омывали башни гостевого дворца Тханна Рашека, вызывая застарелую ностальгию у Яннула Ланнца, занятого чисткой своего снаряжения в прозаических и безликих казармах. Безликих даже несмотря на тот факт, что за три месяца новобранцы эм Элисаара наполнили их личными вещами — тупыми, но дорогими их сердцам ножами, подарками от своих девушек, трофеями, безделушками, милыми пустячками, оставшимися от прошлой жизни. Ибо Яннулу казалось, что все они странным образом перевоплотились в этих солдат, вставших под желтые знамена Катаоса, стали новыми людьми, отказавшимися от своего прошлого, о котором большинство из них предпочитало умалчивать. Взять вот хотя бы Ральднора Сарита. Они с Яннулом вроде бы считали себя друзьями, но что они рассказывали друг другу о своей былой жизни? Оба вышли из крестьян — Ральднор, как он говорил, из окрестностей Сара, Яннул — с колышущейся голубой груди Ланнских Холмов. Потом оба оказались в городах Зарависса: Яннул выступал с фокусами и акробатическими трюками на ярмарках, Ральднор занимался какими-то темными делами, о которых ничего не говорил — пока вербовщики Катаоса не приметили и не завлекли обоих под желтое знамя. Яннул озабоченно потер затылок. Солдатская служба означала стрижку длинных, до лопаток волос Ланнца.

— На *этой* службе варварам не место, — протарахтел словоохотливый цирюльник. Пришлось расстаться и с метательны-

ми ножами, а вместе с ними и с частью своей предполагаемой варварской гордости.

Он увидел Ральднора, глядящего на него из темноты, поэтому подавил приступ ностальгии и сказал:

— Скоро Корамвис.

— Да, — отозвался Ральднор, — город Рарнаммона, хранимый Грозовыми богами эм Дорфара.

Яннула часто озадачивало то явное усердие, которое Ральднор прилагал, чтобы по крохам и крупицам овладеть дорфарианской религией и мифологией, ибо под любопытством и напускным рвением крылось нечто другое — неприязнь. Кроме того, как-то раз произошел один неприятный инцидент — за столом пошли какие-то разговоры о том, что Катаос намерен свергнуть Амрека, Повелителя Гроз. Тогда они сидели с каменными лицами, держа свои мысли при себе из опасения перед шпионами Ригона. Но Яннул видел, как Ральднор сжал свою кружку с такой силой, что побелели костяшки, а на его губах появилась еле заметная, но самая мрачная и жуткая усмешка, которую Яннул когда либо видел — почти оскал безумца — прежде чем Сарит успел взять себя в руки.

— Им нравится так говорить, — беспечно сказал Яннул. — Думаю, Катаоса не страшат небесные силы.

— Значит, он храбрец.

— О, люди сами делают своих богов, — отозвался Яннул. — У моего бога толстое брюхо и дом, полный дорогих женщин, готовых тут же исполнить любую его прихоть, и я зову его Яннул-через-пять-лет. Ну вот, готово, — он отложил начищенные до нестерпимого блеска ножи. — Что будем делать? Сегодня ни мне, ни тебе не надо в дозор. Можно прогуляться по винным лавкам Лин-Абиссы.

Ральднор отложил свое собственное снаряжение и кивнул.

— Почему бы и нет? — Как и большинство людей, заключенных в строгие рамки, они старались при каждой возможности и под любым предлогом ускользнуть из них. — Но нам понадобится увольнительная, Яннул.

— Нет. На воротах стоит Ленивец Брсон. Не забывай, сегодня Ригон ужинает у Катаоса. За что ему моя глубокая благодарность.

Ни у кого из них не было особых причин любить Начальника Гвардии. Он оказался в точности таким, каким заявил себя три месяца назад. Но выучил он их на совесть. Сейчас, по прошествии этих трех месяцев, в них намертво въелась мудрость боевых академий Дорфара, Элисаара и Закориса, ибо Ригон вколачивал ее в них, кормил их ей вместо хлеба. Кроме того, у этого был и свой весьма существенный плюс: любая его отлучка, даже самая краткая, превращалась для них в праздник.

Но все же эти оттепельные сумерки, несмотря на все это, странно завладели ими обоими, и они лениво и медленно зашагали к внешнему дворику.

Катаос взглянул на сидевшего на другом конце ярко освещенной комнаты Ригона и сказал с иронией, слишком тонкой, чтобы она могла обидеть его гостя:

— Полагаю, ужин снискал ваше расположение.

Ригон хмыкнул.

— У вашей светлости великолепный стол.

— Мое везение позволяет мне это.

— Ваша светлость не верит в везение.

— Может, и так, но в этом мире эвфемизмов ты уж прости мне мой.

— Как будет угодно вашей светлости.

— Ну и отлично. У тебя есть какие-нибудь новости о моей гвардии?

У Ригона уже вошло в привычку после этих превосходных ужинов делать доклад. Повинуясь сигналу, он выложил свою опись. Все шло очень неплохо. Последние новобранцы из Абиссы продемонстрировали сносные способности и были разделены между первой и второй группами. К тому времени, когда они доберутся до Корамвиса, он доведет их до ума.

— Смотри, осторожнее, — сказал Катаос.

— Ваша светлость сомневается в моих способностях?

Катаос улыбнулся.

— Ты суровый учитель, Ригон.

— А разве я где-то говорил иначе? Не беспокойтесь, мой господин. Я в состоянии отличить зерна от плевел. Достается-то как раз плевелам.

— Среди них был парень со светлыми глазами — я вчера видел его на строевых учениях, — неожиданно сказал Катаос. — Что ты можешь сказать о нем?

— Сарит? — переспросил Ригон с коротким неприятным смешком. — У него ненасытность дракона. Женщины, которых поставляет ваша светлость, без дела не сидят. И похоже, им это тоже нравится.

— А какую оценку ты ему дашь как бойцу?

— Вполне приличный. — В терминологии Ригона это была высшая похвала. Катаос так это и воспринял.

— Интересно. Я хочу, чтобы ты приглядывал за ним. Он обладает пугающим сходством с правящей линией эм Дорфара.

— Я этого не замечал.

— А я и не ожидал, что ты заметишь. Однако, я все-таки лучше знаком с этим лицом. Тебе не кажется странным, что это дорфарианское семечко выросло в Саре?

— Незаконнорожденный. От какого-нибудь проезжего корамвисца.

— Тогда этот корамвисец должен был быть принцем.

— Маловероятно.

— Вот именно. Что наводит меня на мысль, что, возможно, твой Сарит был зачат в какой-нибудь более знатной постели, в самом Корамвисе.

 Глаза Ригона расширились.

— Утроба земли!

— Я, разумеется, могу и ошибаться, — сухо ответил Катаос.

— Должно быть, он знал, куда ваша светлость отправляет своих вербовщиков.

— Возможно, он действительно знает. Между Амреком и мной существует осторожная вражда, но я полезен ему, а свои дела не выставляю на всеобщее обозрение. Но если этот Сарит один из единокровных братьев Амрека, засланный к нам как королевский шпион. Думаю, ты понимаешь меня, Ригон.

Невесомые, еле различимые во тьме снежинки, похожие на белых мотыльков, порхали на ветру, бесцветной слякотью расползались на городских мостовых.

Все еще поглощенные печальными сумерками, Ральднор с Ланнцем шагали по слабо освещенным переулкам Абиссы. Первая винная лавчонка, попавшаяся им на пути, была незнакомой, но они вошли в нее, попав из снежной темноты в коптящий свет сальных свечей. Внутри никого не было.

Яннул тряхнул колокольчик, висевший у камина, и в ответ из безмолвной глубины лавки донесся шелест женской юбки. Но эта юбка оказалась сильно поношенной, а ее хозяйка — маленькой и худенькой, и к тому же совсем юной. Когда она вынырнула из полумрака, Ральднор увидел, что у нее желтые волосы.

Она ничего не сказала. Яннул попросил вина, она кивнула и вышла. Как только она скрылась, он сказал:

— Она с Равнин! — В его голосе слышалось изумление. — Она знает, в какой близости от гнезда Амрека находится? Как это она избежала гонения? Должно быть, она невольница.

Потом добавил неожиданно ласково:

— Бедная малютка, судя по ее виду, ей даже ложиться в постель с мужчиной еще рано.

Ральднор ничего не сказал. Как уже было с ним однажды, его охватил страх быть разоблаченным. Тогда это была та женщина на рынке в Абиссе, но в тот раз это было не так неожиданно и куда менее мучительно — та физическая перемена, которую он совершил над собой, была ему еще внове. Теперь он понял, что за эти три зимних месяца он уже начал считать себя заравийцем, и Висом, несмотря на свою маленькую хитрость с краской для волос. Верно, он питал застарелую ненависть к Амреку, но она стала почти абстрактной, эмоцией, которая была самодостаточной, перестала быть важной причиной. Даже когда она приходила к нему в его снах и он в холодном поту просыпался в постелях бесчисленных шлюх с мыслью, что снова оказался в Городе Наслаждений, и его череп пронзала острая боль отчаяния, смерть Аниси как-то не ассоциировалась у него с его расой. Ведь и заравиец мог любить девушку с Равнин и потерять ее по вине этого извращенного чудовища, короля. Ему доставляло горькое удовольствие изучать обычаи эм Дорфара, читать их легенды, и где-то в трясине их верований он утратил чистый монотеизм Равнин. В конце концов, было так легко

клясться богами, а не Ей, Повелительницей Змей, которая не просила ничего, сама будучи всем.

А теперь вдруг появилась эта девочка в своих обносках, призрак из его утраченного несчастливого прошлого, чтобы мучить его непрошеными воспоминаниями.

Она вернулась с чашами и каменным кувшином, которые опустила на стол, а потом загрубевшими пальцами взяла у них деньги. Ральднор отвернулся, но даже когда она ушла, в комнате повсюду чувствовалось ее присутствие. Яннул протянул ему налитую до краев чашу, и они принялись глотать жгучий крепкий напиток. Он заметил, что Ланнец не спускает с него глаз.

— Допивай вино. Это мрачное место, а здесь неподалеку есть один бордельчик, — сказал Яннул.

Снаружи послышался внезапный шум, который почему-то показался неуместным на этих улицах. Дверь с треском распахнулась, и ворвавшийся ветер взметнул пламя в камине. Вошли шестеро. На них были черные туники и черные плащи с капюшонами — обычная одежда Драконьей гвардии Повелителя Гроз, а на груди и спине каждого сверкала серебряная эмблема Амрека в виде молнии. Они мазнули взглядами по предыдущим клиентам, видимо, сочтя их не слишком важными. На эмблему Катаоса никто не обратил внимания. Один из них что-то сказал вполголоса. Остальные захохотали.

— Странное местечко для Избранных Амрека, — негромко заметил Яннул. — Почему именно здесь?

Драконы расселись по лавкам и, проигнорировав колокольчик, замолотили одетыми в латные перчатки кулаками по столешнице.

— Пойдем-ка отсюда, — сказал Яннул.

Но Ральднор обнаружил, что не может сдвинуться с места. Он сидел, точно каменный, глядя на внутреннюю дверцу, и через секунду появилась все та же девушка. Она спокойно подошла к сидевшей за столом шумной компании, точно ведать не ведая о том, что в мире может существовать какая-то враждебность.

Крикуны мгновенно умолкли. Все глаза были устремлены на нее. Один из драконов, самый высокий, сбросил свой капюшон.

— Вина, крошка. И, сделай милость, принеси его сама.

Девушка бесстрастно развернулась и ушла. Дракон расхохотался.

— Отродье змеиной богини. Значит, слухи не обманули.

Ральднор почувствовал, как Яннул сжал его плечо.

— Пора сматываться.

— Погоди, — отозвался Ральднор, опуская свою чашу. Кровь грохотала у него в ушах, во рту пересохло.

Девушка быстро вернулась, одной рукой прижимая к груди пузатый кувшин, а бокалы зажав за ножки между пальцами. Она разлила вино и застыла, ожидая платы.

Через некоторое время дракон развернулся, уставившись на нее.

— Чего тебе, красотка?

Один из его товарищей наклонился вперед.

— Она ждет денег.

— Каких еще денег? За вино? — Он осушил свой бокал и протянул его ей, совершенно пустой. — Видишь, ты мне ничего не наливала.

Все сидевшие за столом лениво засмеялись.

Девушка развернулась, наверное, чтобы идти за хозяином. Дракон проворно схватил ее, дернул к себе и толкнул на лавку.

— Если хочешь денег, крошка, тебе придется их заработать. Да пожалуйста, брыкайся, сколько хочешь. Все равно никуда не денешься. Кроме того, ты так мило сопротивляешься. — Без малейшего труда удерживая ее одной рукой, второй он расстегнул лиф ее платья, обнажив красивую, но еще почти совершенно неразвитую грудь. — Я слыхал, все ваши девки с Равнин — девственницы. У меня еще никогда не было девственницы. Как думаешь, это компенсирует мне то вино, которого ты так мне и не налила, сучка?

Но что-то вдруг словно клещами сжало его плечо и оттащило от девушки с такой силой, которая до крайности изумила его. Следующее и последнее, что он запомнил, был удар в горло, от которого мир на время перестал кружиться и померк. Великан рухнул на стол и затих.

Оставшиеся пятеро уставились на этого высокого светлоглазого гвардейца Катаоса эм Элисаара, который, по всей вероятности, просто спятил.

— Глупо, — пожал плечами один, растягивая губы в улыбке.

Они начали окружать его — двое зашли сзади, трое остались ждать спереди. Ральднор отлично понимал, что дал им право убить его, но сейчас он в каком-то смысле действительно был безумен. Как и их, его тоже охватила странная радость от перспективы драки, и в таком настроении эти великаны показались ему крошечными. Он разделается с ними, как с мухами. Откуда-то сзади послышался воинственный клич. Яннул, похоже, тоже решил вступить в бой.

Ральднор схватил со стола кувшин и выплеснул вино в лицо ближайшему дракону, предоставив Ланнцу разбираться с теми двумя, которые надвигались на него со спины. Воин выругался и схватился за глаза, а Ральднор бросился на него, сбив его с ног и толкнув на соседа. Откатившись от барахтающейся кучи, он с треском опустил кулак на отвисшую челюсть одного и ловко пнул другого с небрежной, но практически смертельной меткостью прямо в сердце. Сзади раздавались удары железных кулаков Ланнца, и под эту непрекращающуюся музыку третий гвардеец бросился на Ральднора с коротким кинжалом, хищно сверкнувшим у него в руках. Но еще прежде чем он успел добраться до тела Ральднора, дорогу ему преградила его нога, а вслед за этим он получил сильнейший удар под ребра, от которого, корчась и хватая ртом воздух, повалился на землю. Последним штрихом стал приземлившийся точнехонько на его голову каменный кувшин, и кинжал, не причинив никакого вреда, упал на плиты пола.

Ральднор, залившись неудержимым кровожадным хохотом, развернулся.

— Ригон отлично обучил нас нашему ремеслу, — крикнул он Яннулу. — Учитель он суровый, но превосходный.

Потом он пристальней приглядился ко второму гвардейцу, уложенному Ланнцем, и увидел, что его шея вывернута под неестественным углом.

Яннул растерянно стоял над телом, белый как мел.

— Он мертв, Ральднор. Мне не удалось сработать так же чисто, как тебе.

— Это я виноват, — резко сказал Ральднор. — Я ввязался в драку. Ты пришел мне на помощь. — Но над местом побоища уже повисла мрачная и гнетущая тишина. Кто лучше него знал, что любого, кто осмелился убить одного из Избранных Повелителя Гроз, ждала смерть? Таков был дорфарианский закон вот уже более тысячи лет. Но он взял Яннула за руку. — Уходим. Кто нас видел?

— Она.

Ральднор обернулся и увидел девушку, точно изваяние, стоявшую у камина.

— Она никому ничего не скажет. — Он грубо крикнул ей: — Возвращайся обратно на свои Равнины, прежде чем тебя заживо сожрут в этом вонючем городе!

Но ее золотистые глаза слепо смотрели в его, хотя он чувствовал в своем мозгу слабый трепет, точно там билась какая-то птица. Он развернулся, положил руку на плечо Яннулу и вытащил его на пустую и холодную улицу.

— Ну, Ригон, что у тебя за срочность?

— Прошу прощения, мой господин. В Лин-Абиссе произошла драка. Гвардейцы Повелителя Гроз. И двое моих парней. Один из драконов убит.

Лицо Катаоса было непроницаемым.

— Ты знаешь это из надежных источников?

— А иначе поверил бы я в это? Хозяин винного погребка доложил о происшествии. Трусливый пьяница, до смерти трясущийся за свою шкуру. Подглядывал за занавесью. Он описал ваших гвардейцев. Одним был ланнский акробат. Вторым — светлоглазый мужчина без левого пальца.

— Это... Сарит? Он убил?

— Пока не знаю, мой господин.

— Так узнай. Из-за чего началась драка?

— У того тупого заравийца, который держит погребок, в невольницах девка с Равнин. Драконы полезли к ней, а Ланнец и Сарит решили помешать им изнасиловать ее.

— Тебе, конечно, такое не укладывается в голову, — заметил Катаос.

— Вы знаете мои взгляды на баб, мой господин.

— Сейчас ее раса интересует меня больше, чем пол. Сколько Висов отважится заступаться за степняков, когда здесь Амрек?

— Заравийцы и ланцы питают слабость к степнякам.

— Но наш охотник вряд ли заравиец, как мы уже установили раньше. Куда ты поместил этих двоих?

— В подвал под дворцом.

— Пускай посидят там ночку. Приведешь ко мне охотника завтра в полдень. До этого времени вытянешь из него все, что сможешь, но руки особенно не распускай. От Амрека что-нибудь слышно?

— Ничего.

— Тем лучше. Но ничего удивительного. Вне всякого сомнения, ему не захочется, чтобы это происшествие получило широкую огласку. Ведь Гвардия королей считается непобедимой, а миф никогда не следует развенчивать.

После подвального мрака полуденный свет верхних комнат особняка резал ему глаза. Стражники оставили его в небольшой светлой комнатке, развязав руки, и через некоторое время появился Катаос.

Это был первый раз, когда Ральднор находился так близко от него, этого человека, бывшего его хозяином все три месяца этой суровой жизни. Ригон был грубым символом; сейчас же перед ним стояла реальность. Сдержанное лицо, явная смесь разных кровей, чтобы за этой привлекательной аристократической внешностью можно было угадать царственное происхождение.

Он уселся и принялся рассматривать Ральднора с непонятным выражением на лице, за которым могло скрываться что угодно и, бесспорно, скрывалось что-то.

— Ну, Сарит, что ты мне скажешь?

— Все, что вы захотите от меня услышать, мой господин, чтобы извинить мой проступок.

— Красивые слова ничего не исправят, Сарит, уверяю тебя. Ты знаешь, что натворил? Ты оскорбил короля. Из всех людей Драконья гвардия Повелителя Гроз может делать все, что им заблагорассудится. Их права уступают только его. А ты, охотник, перешел им дорогу. Не слишком разумно.

— Ваша светлость, полагаю, осведомлены о моих причинах.

— Какая-то девчонка из кабака...

— Совсем дитя, мой господин. Они убили бы ее.

— Она была с Равнин. Король не считает их чем-то важным.

— Но дитя... — вспыхнул Ральднор.

— Скажи-ка мне, — сказал Катаос, и его голос заледенел, — кто из вас свернул шею дракону?

— Это удовольствие имел я.

— Удовольствие, значит. А почему убил только одного, а остальных оставил в живых?

— Он был их главарем.

— Не был. — Катаос нарочито затянул паузу. — Хозяин погребка видел, как Ланнец сжал шею стражника руками и свернул ее, как куренку.

Ральднор ничего не ответил. В конце концов Катаос сказал:

— Твой альтруизм заходит чересчур далеко, а то, что заходит чересчур далеко, теряет свою ценность. Тем не менее, я не

собираюсь отдать тебя на растерзание Амреку. Для этого вполне сойдет Яннул Ланнец. Ригон проследит, чтобы его наказали за преступление. Ты получишь помилование.

Ральднор остолбенело уставился на него.

— Накажите и меня тоже. Это я начал драку.

Катаос позвонил в небольшой колокольчик, стоявший у его локтя. Двери распахнулись, и в комнату снова вошли стражники.

Опустошенное презрение лишило Ральднора последних остатков надежды. Придавленный грузом своей вины перед Яннулом, он не обратил внимания на то, что предлагал ему Катаос, сочтя это ничего не стоящим.

— Я благодарю вашу светлость, — сказал он спокойно, — за эту беспристрастную справедливость.

Этого с лихвой хватило бы для того, чтобы отправиться на виселицу, но ничего не произошло. Стражники просто отвели его обратно в темницу, в которой Яннула уже не было.

Но Катаос еще некоторое время сидел в комнате. Весь эпизод показался ему забавным; кто знает, что за ним крылось. С самого начала он решил, что не стоит бросать этого парня в горнило королевской ярости. Это означало бы подтолкнуть Амрека к действиям, а если Сарит действительно был шпионом, тогда его просто со временем заменят кем-нибудь другим, вычислить которого будет уже труднее. На этом этапе он стал чем-то вроде пешки в игре между королем и его Советником, и эту пешку вполне можно будет разыграть чуть позднее.

— И я не ошибся, — сказал себе Катаос. — Этот наивный петушок действительно один из принцев Корамвиса.

Именно неожиданный ледяной порыв имперского высокомерия убедил его в этом. Возможно, этот задира и мог быть настолько глуп, чтобы плевать в глаза своему господину, как это сделал Ральднор, но только не с такой невероятной самоуверенностью и презрением. Катаос очень хорошо знал это выражение. Он терпел его со своих самых первых сознательных часов. Отчасти оно был фундаментом, на котором стояла его жизнь, и сейчас, когда оно неожиданно мелькнуло в глазах человека, который по справедливости должен был бы ползать перед ним на брюхе и умолять, чтобы ему оставили жизнь, все барьеры, которые он так тщательно возводил, рухнули. Он, Катаос эм Элисаар, внутренне съежился, и этот факт скорее заинтересовал, чем расстроил его.

Ночь прошла как в черном бреду. Ральднор мерил шагами свою камеру, полуобезумевший от гнева. Еще одна вина. Ему что, и без того мало? Черные крысы мыслей хватали друг друга за хвост, глодали его.

Утром он стряхнул с себя остатки сонного дурмана и увидел, что железная дверь его тюрьмы открыта.

Он поднялся по лестнице в нестерпимый свет. Прошел мимо стражников и слуг с непроницаемыми лицами. В верхнем ко-

ридоре он наткнулся на одну из казарменных проституток, хорошенькую растрепу, которая обычно относилась к нему с теплотой. Он поймал ее за руку и спросил:

— Ты знаешь, где Яннул? — Она покачала головой и поспешила прочь.

В спальне, где жили они с Яннулом, он увидел небрежно царапавшего какое-то письмо парня, который при его приближении немедленно оторвался от своего занятия и спросил:

— Ты слышал, как наказали Яннула?

— Нет. Расскажи.

— Зря он напал на Избранного. И тебе тоже не стоило делать этого вслед за ним. Дружба дружбой, а голову на плечах тоже надо иметь.

Значит, вот как Катаос переиначил эту историю. Ральднор пропустил его дурацкий непрошеный совет мимо ушей.

— Ты говорил о Яннуле, — грубо напомнил он.

Парень покачал головой.

— Этот ублюдок Ригон велел притащить его в зал и приложить его правую руку к каминной трубе. Потом взял циббовую дубину и ударил по ней. Все кости до единой, должно быть, переломал. Вот тебе и все его закорианское правосудие.

— Ригон, — еле слышно сказал Ральднор, и это были все его слова.

Потом, помолчав, спросил:

— Где сейчас Яннул?

— Да боги его знают. Не здесь, это уж точно. Что ты будешь делать? — любопытно спросил солдат. Ральднор слишком хорошо знал его, чтобы болтать.

— Я? А что *я* могу сделать?

Весь день его корежил гнев. Причина этого гнева — Яннул — отошла на второй план. Хотя он и не анализировал этого, часть его знала, почему он больше не искал Ланнца и не спрашивал, где он находится. Но все-таки гнев не давал ему думать. Он был совершенно поглощен этим чувством.

Наступил вечер, и на длинных столах накрыли ужин.

— Берегись, Ральднор, — прошептал ему один заравиец. — Мои боги подсказывают мне, что Ригон еще не закончил с тобой.

— Мои боги тоже кое-что мне говорят.

Еще один взглянул в его сторону и сказал:

— Я не вижу никакого правосудия в том, чтобы сломать человеку правую руку, чтобы он не смог зарабатывать себе на жизнь. Он ведь был жонглером, да? Теперь уж он вряд ли сможет чем-нибудь жонглировать.

Повисла внезапная тишина. Задержавшийся Ригон только что вошел в зал, окруженный своими офицерами. Он не стал садиться, а ударил в колокол, висевший рядом с его местом, и последние шепотки и шорохи замерли.

— Я хочу кое-что вам сказать. Не сомневаюсь, вам всем известно о том, что двое наших сочли подходящим перейти дорогу Драконьей гвардии Амрека. За то, что они до сих пор живы, им следует благодарить лорда Катаоса и хорошее расположение духа, в котором сейчас пребывает король. Ланнца наказали. Сарит, как вы все видите, получил прощение. Лорд принц считает необходимым быть снисходительным к глупцам, но вы все получили примерное предупреждение о том, что я не люблю глупости. Можешь благодарить своих богов, Ральднор из Сара, что и я тоже сейчас в хорошем настроении. И впредь изволь работать вдвое усерднее и следить за своим поведением вдвое внимательнее, чем все здесь присутствующие. Понятно?

Тишина казалась нестерпимой. Ощущение неминуемой трагедии охватило всех в последний момент, и глаза всех присутствующих обратились на Ральднора, сидевшего в конце скамьи. Не поворачиваясь, он поднялся на ноги. Его лицо было совершенно непроницаемым, но он протянул руку и взял со стола большой мясной нож, и по залу пронеслось шипение, точно на раскаленные кирпичи плеснули ледяной воды.

После этого он развернулся и прошел по залу к столу Ригона.

— Положи это, Сарит, — сказал Ригон.

— Тогда верни мне мой нож, Закорианец.

— Ты получишь свой нож, когда принц Катаос сочтет нужным.

— Значит, я обойдусь и этим. Или ты будешь чувствовать себя в большей безопасности, если сначала перебьешь руку и мне тоже?

На лице Ригона заиграла жутковатая ухмылка.

— Похоже, ты обиделся на наказание, которое я назначил Ланнцу. Интересно, одна лишь дружба вас связывала или нет?

Начальник Гвардии обернулся, безмолвно приказав сидевшим на скамьях смеяться. Послышалось несколько смешков, но это веселье было фальшивым, и его мало кто поддержал.

— Слова, закорианец, — сказал Ральднор и, держась примерно в ярде от противника, нацелился зазубренным острием мясного ножа в грудь Ригона. — Ты собираешься кормить меня одними словами? Когда-то ты обещал угомонить тех, кому захочется драки. Мне ее захотелось. Угомоните меня, господин начальник стражи.

Чудовищная, непомерно развитая правая рука Ригона медленно легла на рукоятку меча. Этого должно было бы хватить.

— Я тебя угомоню, Сарит. Брось свою игрушку, и я дам тебе попробовать плети. Думаю, она понравится тебе больше, чем то, что у меня здесь.

Он уловил какое-то движение и качнулся, уходя от него, но не ожидал этого, и поэтому опоздал. Кромка мясницкого ножа Ральднора задела щеку закорианца — ту, на которой до сих пор не было шрама, — и из нее алой струйкой хлынула кровь.

Ральднор знал, что смерть подобралась к нему так же близко, как и сам Ригон, но им овладело такое безумие, что он жаждал ее приближения, потому что был уверен, что сможет перехитрить ее так же ловко, как только что перехитрил Виса.

Он казался легким, словно воздух, тогда как Ригон был громыхающей стихией повсюду вокруг него. Драконий меч в руке великана жаждал его. Ральднор отскочил в сторону, пригибаясь, и массивный клинок просвистел мимо, со звоном поразив одну из каменных колонн зала. У Ригона не было щита. Он крутанул меч как топор, посыпавшиеся один за другим стремительные удары были гипнотическими и парализующими. Он сражался с презрением, как машина, знающая, что непобедима и может не думать. *«Учителю стоило бы остерегаться своего ученика»,* — пронеслась в голове у Радона ясная мысль, но в своей ослепительной ярости он видел лишь репутацию, которую заслужил этот меч, нечто, что должно было быть пугающим, но почему-то было недостаточно страшным.

«Взгляни на меня, Ригон, — думал он, — *я умираю от страха»,* — и упал перед великаном навзничь, точно испугавшись, и оказался в центре бури, чьи зубы сверкали, точно молнии. Огромная рука подняла меч, и на острие его лезвия висела ральднорова смерть, болтающаяся, точно тряпичная кукла.

Ральднор ударил снизу вверх, навстречу этой грозно летящей вниз руке. Этот стремительный, почти случайный удар перерубил запястье начальника гвардии. Хлынули потоки крови, бычьи мускулы конвульсивно сжались, и меч вывалился из обессилевших пальцев Ригона.

Ригон рухнул на колени, прижимая к себе отрубленную руку, крича в агонии. Ни один человек не пришел к нему на помощь. Все безошибочно ощутили, что его власти пришел конец, но причина была не в этом. Зрелище этого чудовища на коленях, так просто и бесповоротно низведенного до суммы животных частей тела, лишившегося, точно разбитый кувшин, всей своей силы, привело их в смятение.

Но пылающий гнев Ральднора не утих. Он понял, что через миг они накинутся на него, и ему вновь придется испытать на себе правосудие Катаоса. И он понесся по залу, перепрыгивая через лавки, к входной двери. Никто не преградил ему дорогу; казалось, он двигается в другом времени, и в коридорах тоже оказалось пусто.

Он бежал в дымном свете ламп по мозаичному полу, ища выход. Он уже был не в силах рассуждать здраво — у него остались одни инстинкты. Наконец он увидел окно, даже не дверь — окно, от которого вниз тянулся сухой плющ, почти убитый морозом. Он ухватился за его сморщенные коричневые плети и спустился по ним во двор, окутанный мраком и заросший лесом колонн из маково-алого стекла.

— И что теперь? — спросил он себя, и ответом ему была черная всепоглощающая пустота.

Ничего.

Но что-то все-таки было. Свет. Он мелькнул где-то впереди, и там, где он просачивался сквозь стволы колонн, вспыхивал бледный сердоликовый огонь. Ральднор отпрянул, но пламя нашло его лицо.

Это была девушка, несущая лампу. За три месяца, проведенные им в этом дворце, он уже навидался таких девушек в аллеях

парка, окружавшего главный дворец, — величаво прогуливавшихся в отдалении, всегда в сопровождении слуг, всегда замысловато причесанных, с унизанными кольцами пальчиками. Но эта была одна. Она чуть склонила головку набок и улыбнулась ему опасной, любопытной улыбкой.

— И что это ты здесь делаешь, эм Катаос? Запрещенная интрижка с женой какого-нибудь Дракон-Лорда? И ты даже выбился из дыхания, спеша к своей возлюбленной?

Резкий переход от гнева, крови и бегства к этому кокетству оглушил его. Безумный план сошел с его губ еще прежде, чем успел полностью оформиться у него в мозгу.

— Я ищу аудиенции Повелителя Гроз.

— В самом деле? А ты честолюбивый.

— Где мне его найти?

— О, ты не сможешь его найти, — надменно отозвалась она. — Твое прошение должно пройти по надлежащим каналам, и это займет несколько дней. После этого, если повезет, тебе позволят минутный разговор с какой-нибудь мелкой сошкой. А я сомневаюсь, солдат, чтобы тебе повезло.

Ральднор чувствовал, как от утомления у него голова идет кругом. Он задумался, не прорваться ли ему в главный дворец, прикрываясь этим кукольным созданием, но куда ему было идти? Кроме того, в ее глазах он заметил то выражение, которое уже привык видеть на лицах висских женщин, когда они смотрели на него. Он решил испытать свою удачу с ней, поскольку иного выбора у него все равно не было.

— Я убил человека. Если стражники Катаоса найдут меня, мне конец.

— Если ты преступник, то, несомненно, заслужил кару, — сказала она, но перспектива увидеть, как его потащат на виселицу, не взволновала и не испугала ее.

— Это была самозащита, — сказал он.

— Ну, так все говорят. И что мне с тобой делать?

— Спрячь меня.

— Да неужели? А почему я должна это делать? Я главная фрейлина принцессы Астарис эм Кармисс, а ты кто такой, хотела бы я знать? Какой-то безродный оборванец с Заравийских улиц, вставший под знамена лорда-советника.

Позади него из гостевого особняка внезапно донеслись крики, а в колоннаде замелькали красные огни факелов.

— Решайся, дама принцессы, — сказал он. — Твое милосердие или их правосудие. Если меня схватят, к завтрашнему утру я буду годен только на корм червям.

— Иди за мной, — велела она.

И, развернувшись, она вместе со своим фонарем проскользнула между колоннами и нырнула в темные садовые аллеи дворца Тханна Рашека.

Наверху кремовой кляксой расплывалась луна, а в саду били фонтаны, перекрываясь арками над искусно обстриженными в

виде статуй кустарниками. После нескольких последних минут схлынувшего безумия и гнева эта сцена показалась ему настолько нелепой, что его охватило бешеное желание расхохотаться. Он обвил рукой тонкую талию девушки, и она оттолкнула ее, хотя и не сразу.

— Я не потерплю от тебя дерзости, солдат.

— Твоя красота делает бессмысленными все запреты, — сказал он. Она уловила в его голосе смешинку и бросила на него любопытный взгляд.

— Дразнишь меня? Это так-то ты боишься смерти? Дальше не иди. Вот это место.

— Место для чего? Неужели я буду удостоен такой чести...

На этот раз она не оттолкнула его, но сказала строго:

— Видишь ту аллею? Он пойдет по ней, когда будет возвращаться из покоев Астарис, а потом пройдет мимо тебя.

— Кто?

— Тот, кого, по твоим словам, ты ищешь. Амрек, Повелитель Гроз. Эта дорога известна лишь немногим. Рассказав тебе о ней, я рискую жизнью.

— Я сражен твоим безупречным мужеством, — сказал он, целуя ее. Когда он наконец отпустил ее, она дрожала, но все же выговорила спокойным и негромким голосом:

— У нас еще будет время, если ты переживешь эту ночь. И помни: ты никогда меня не видел.

И, унеся с собой фонарь, она ускользнула, оставив его в одиночестве в темном бархате сада с запахом ее дорогих духов на руках.

Амрек сидел, не сводя глаз с женщины, которой предстояло стать его женой.

Я зачарован, подумал он внезапно, таращусь на нее, как последний дурак. Но, как ни странно, ни эта мысль, ни аналогия, пришедшая ему на ум, не обеспокоили его. *«Что ж, на таких, как она, не просто смотрят, их пожирают глазами. Нескончаемый пир».* Он не мог представить, что она утратит хоть какую-то часть этой красоты, даже с возрастом. Она должна умереть в тридцать или уж быть бессмертной, чем-то вроде богини, по ошибке вырвавшейся на свободу. Эти красочные фантазии плавали у него в голове, не вызывая никаких особых эмоций. Все это в целом было очень странно; он с самого детства был подвержен яростным приступам неистовства — подарочек от мамаши, как он с горечью предполагал. Они накатывали на него раскаленными волнами, точно возвращающаяся раз за разом болезнь. Не раз его охватывал страх, боязнь того, что он сумасшедший, пока безмерная гордость его положения не загнала этот страх в самый дальний уголок его сознания. Но вместе с этой женщиной в его жизнь вошел покой. Простая возможность сидеть вот так, совершенно неподвижно, как и она в своем резном кресле, оказалась чем-то вроде долгожданного мира, снизошедшего на его душу. Что удерживало его в этом покое? Это торжество красоты? Или просто

какая-то часть ее неподвижности передалась окружающим ее вещам? Уж точно она не привезла ему этот подарок намеренно. Что бы она ни делала, все было на редкость безличным, как будто она совершенно не обращала внимание на то, что ее окружало. Его вдруг кольнула неожиданная ревность: а что если она точно так же не обращает внимания и на него, как и на все остальное?

— Астарис, — позвал он. Внутренние веки ее янтарных глаз, так похожие на кошачьи, приподнялись — но не полностью. Она смотрела на него, но вот видела ли? — О чем вы думаете?

— Мои мысли очень отвлеченные, мой господин. Как я могу выразить их вам?

— Вы очень уклончивы, Астарис. Когда я спрашиваю женщину, что она думала или делала, и она дает мне такой ответ, я неизменно заключаю, что она что-то скрывает.

— Мы все рождаемся в латах, — отозвалась она.

— Вы говорите загадками.

Она снова повернула голову, продемонстрировав ему профиль статуи. Казалось, он всегда видел ее такой — нереальной, искусственной.

— Ладно, я не стану упрекать вас в этом. Лучше расскажу, что думал сам, глядя на вас. Видите, я куда откровеннее вас. Я думал, что каждый день свободнорожденные мужчины и женщины делают из себя рабов, чтобы угодить мне. А вы одним своим присутствием, отказываясь открыть мне свои мысли, доставляете мне куда большее удовольствие, чем все вещи в мире.

Она снова взглянула на него, потом сказала:

— Когда вы так говорите, я задумываюсь, что вам от меня нужно.

Ее слова выбили почву у него из-под ног. Он так не привык ни к ее прямоте, ни к ее логике.

— Мне нужна королева, Астарис, женщина, которая подарит мне сыновей.

— Возможно, я не смогу выполнить ни одно из этих требований.

Ее спокойствие уязвило его. Он поднялся и подошел к ней, потом протянул руки и, приподняв ее, прижал ее тело к своему.

— Тогда, должно быть, мне нужны вы, не так ли? Вот эта кармианская плоть.

Но все-таки он еще ни разу не делил с ней ложе, несмотря на то право, которое дала ему их помолвка. Он не пытался анализировать свою сдержанность — его определенно удерживал не страх, а какая-то безмятежная нереальность, которой она дышала. Сейчас, даже возбужденный ее близостью и еле уловимым чистым запахом ее ненадушенной кожи, он тем не менее не почувствовал ни малейшего желания удовлетворить свою страсть с ней. Возможно, она разочаровала бы его, но он почему-то не думал, что это будет так. Пожалуй, она была для него скорее чем-то вроде бесценного дара, о котором мечтаешь, но при этом оттягиваешь его до последнего момента.

Он поцеловал ее, и его возбуждение еще усилилось, но он лишь отстранился от нее и заглянул ей в лицо. Она улыбнулась — необыкновенно нежной улыбкой.

— Ты вызываешь у меня нежность, — сказала она так, как будто ей было так же удивительно слышать эти слова из собственных уст, как ему — из ее. Но, как ни странно, они не только удивили, но и ранили его. Его желание переплавилось в неожиданную злобу. Бешено и слепо, чувствуя собственную беспомощность, он очертя голову бросился в бездну.

Отпустив ее, он помахал у нее перед носом одетой в перчатку левой рукой.

— А это? Это тоже вызывает нежность?

— Рука из легенд, — сказала она.

— Да. Ты поверила мне, когда я сказал, что ношу эту перчатку, чтобы скрыть шрам от ножа?

— Нет, — ответила она просто.

Он повернулся к ней спиной, и его лицо исказилось от внезапной боли. Все это время он неумолимо приближался к этому мигу, мигу ужаса и стыда, ибо знал, что она прочитает его ложь у него на лице в тот самый миг, когда он произнес ее, его невеста, эта немыслимая провидица.

— И шрамы, — пробормотал он, — и шрамы тоже. Мне было восемь лет, когда я молил богов снять это проклятие, и я искромсал свою собственную плоть в клочья ранним утром праздничного дня в Корамвисе. Потом пришел Орн. О, я очень хорошо помню Орна. Он взял меня и швырнул на кушетку в ее покоях. «У твоего нюни-щенка течет кровь», — сказал он ей. Она возненавидела меня за это. Я плакал, но помню, как она сначала послала за служанкой, чтобы смыть кровь с бархатной обивки, и только потом за врачом.

Амрек обернулся и взглянул на женщину, которой предстояло стать его женой.

— Она обольстила моего отца в Куме, это известно всем и каждому. Ей было всего тринадцать, но она была очень развитой для своего возраста.

— Вал-Мала, — негромко проговорила Астарис, но сейчас она была лишь золотистым силуэтом, выгравированным в свете ламп.

Дрожа от гнева и боли, он снова развернулся, на этот раз направившись к двери.

— Я покидаю вас, Астарис, — сказал он сухо. — Забудьте то, что я вам рассказал. Порочить короля очень опасно.

Для нее это была лишь пустая угроза.

Но все же перед тем, как уйти от нее, он уловил что-то, блеснувшее в ее глазах — в этих бездонных глазах — и увидел в них какой-то мгновенный трепет, как будто его мука затронула что-то в их глубине.

Он вышел в ночной сад, преследуемый по пятам своим безумием — монстр, темная тень из его собственных детских кошмаров, ибо это он сам являлся себе в своих снах.

А она осталась позади, охваченная каким-то слабым подобием отчаяния, ибо увидела в его глазах загнанное животное, корчащееся в муках, но не умела даже поговорить с ним.

* * *

Сад был темен, словно смерть, а луна спряталась за облаками. Два стражника-дракона шагали за ним, но он едва замечал их, а они держались от него на своем обычном почтительном расстоянии.

В конце аллеи дорогу ему вдруг преградила темная фигура. Сначала он едва ее заметил, но один из стражников пробежал мимо него с мечом наголо.

— Ни с места, кем бы ты ни был!

Зажгли фонарь, и первым, что увидел Амрек, была желтая эмблема дружины Катаоса, а потом из тьмы выплыло лицо дорфарианского принца. Немыслимое видение подействовало на него, точно ушат ледяной воды. Первой его мыслью было: *еще один ублюдок моего отца.*

Потом человек заговорил.

— Я взываю к милосердию Повелителя Гроз.

— Так взывай к нему на коленях, — рявкнул гвардеец.

Незнакомец не шевельнулся. Глядя Амреку в лицо, он сказал:

— Король Амрек знает, что я чту его. Ему не нужны доказательства.

Амрек ощутил, что реагирует на это явление не гневом, а странным волнением. Его помутившийся разум прояснился, и он снова стал человеком — и королем.

— Значит, ты чтишь меня. И взываешь к милосердию. Почему? Что ты натворил, если нуждаешься в защите?

— Я оскорбил вашего лорда-советника.

— И как же?

Человек на тропинке хищно и торжествующе ухмыльнулся. Он походил на пьяного, но пьяного не от вина.

— Ригон Закорианец с этой ночи будет однoруким.

Ближний к королю стражник пораженно присвистнул, дальний издал какое-то восклицание. В Драконьей гвардии Ригон пользовался определенной репутацией.

— Что заставило тебя прийти ко мне? — резко осведомился Амрек.

— Откровенно говоря, то, что ваша светлость обладает большей властью, чем Катаос эм Элисаар.

Луна бесшумно выскользнула из-за тучи и обрисовала смутные серые очертания между деревьями. Человек на тропинке замигал и потряс головой, как будто свет был неприятен ему, и Амрек заметил пролегшие на его необыкновенном лице глубокие морщины страшной усталости. И тут же на него накатила неожиданная осведомленность об этом человеке. Как и тогда, когда он впервые увидел Астарис, он почувствовал, что столкнулся с личностью, с одушевленным существом — в отличие от шелковых кукол, которые обычно окружали его, кланяясь и дергаясь, или же занятых своими собственными тайнами, вроде Катаоса. И он ощутил странное перемещение плоскостей как внутри себя, так и снаружи. Он почувствовал, что очутился лицом к лицу с частью своей судьбы. Это озарение было по-

разительным. Он пригляделся к страннику, этому простому солдату эм Элисаара, но странная убежденность не проходила.

Он сделал гвардейцам знак отойти на несколько шагов и указал незнакомцу на каменную скамью. Они уселись рядом, и Амрек с изумлением отметил, что это не возмутило его.

Ну, если он один из отпрысков моего отца, полагаю, он имеет право находиться рядом со мной. Неужели это то, что я чувствую? Смутное братство?

— Ну, солдат, — произнес он вслух. — Как тебя зовут?

— Ральднор, милорд, Ральднор из Сара.

— Вот как. Значит, я знаю тебя лучше, чем предполагал.

— Тот случай с вашими гвардейцами, милорд. Приношу свои смиренные извинения за то, что доказал свое превосходство над Избранными.

— Ты играешь в опасную игру, Сарит.

— А какая еще игра мне осталась, милорд? Или меня повесит ваш лорд-советник, или это сделаете вы. Я лишь хотел бы обратить ваше внимание на одну вещь, которой не заметил Катаос Элисаарский.

— Что это за вещь?

— Я доказал свое непревзойденное мастерство как боевой машины. Я вполне могу заменить Ригона, и не только, как в гвардии Катаоса, что представляется мне маловероятным, так и в гвардии вашей светлости.

— Это предложение пьяницы или глупца.

— И проигнорировать его — было бы выставить себя именно в таком свете, милорд.

— Выбирай слова, когда разговариваешь со мной, Сарит.

— В один прекрасный день, милорд, долгое время спустя после того, как вы отправите меня на виселицу, кто-нибудь может исподтишка вонзить нож вам в спину или подсыпать яд в ваш кубок, что, будь я рядом с вами, мне удалось бы предотвратить.

— Так ты предлагаешь себя мне в телохранители?

Ральднор ничего не сказал. Вокруг него плавали ароматы ночного сада.

— Как ты нашел это место? — спросил Амрек.

— Я пошел следом за одной из фрейлин леди Астарис. Думаю, она возвращалась со свидания и не заметила меня.

— Ты слишком хитер, солдат. И у тебя чересчур много врагов.

— Я в состоянии справиться со своими врагами, милорд, если останусь в живых. И с вашими тоже.

— Думаю, — медленно проговорил Амрек, — что у нас с тобой, Сарит, общий отец.

Лицо сидящего рядом с ним молодого мужчины на еле уловимый миг застыло, потом расслабилось.

— Вижу, тебе нечего на это ответить.

— Все мои предки заравийцы, милорд.

— Твои глаза свидетельствуют об обратном. На них печать Рарнаммона.

— Возможно, милорд, что мы, сами того не ведая, имели эту честь в одном из прошлых поколений.

Амрек поднялся; Ральднор последовал его примеру.

— С этого момента твое испытание началось. Нет, не виселица. Я дам тебе то, на что ты заявляешь свои права, и прослежу, чтобы ты отработал эту честь, и обещаю, тебе придется бороться за свою жизнь на каждом дюйме этого пути.

— Доброе утро, Катаос.

Катаос обернулся и поклонился, и ничто в его поведении не выдавало ни злобы, ни беспокойства.

— Я вызвал тебя, чтобы сообщить о местонахождении одного человека — Сарита. Думаю, ты понимаешь, о ком я.

— Несомненно, милорд.

— Несомненно, Катаос. Он здесь. Разумеется, ты так и предполагал. Твой охотник, которому под силу одержать победу над твоими людьми и над моими тоже. Ты можешь представить себе, какая судьба его ждет?

— У меня слабое воображение, милорд, — ровно сказал Катаос.

— О да, ты уже вполне убедительно это доказал. Что ж, я расскажу тебе. Я простил твоего Сарита, чтобы избавить тебя от хлопот. Последи за ним некоторое время, и увидишь, что он станет Дракон-Лордом.

— Ваши надежды, милорд, в большой степени основываются на удаче этого человека, которая в один прекрасный день может отвернуться от него.

Амрек улыбнулся.

— Любая удача, Катаос, подходит к концу. Вспоминай об этом иногда, когда будешь ложиться в постель к моей матери.

10

Ясным заравийским утром одного из теплых месяцев свита Повелителя Гроз и его невеста покинули Лин-Абиссу.

Путешествие обещало стать долгим — то был миниатюрный город на колесах, снаряженный не только всем необходимым, но и всевозможными предметами роскоши. Сумерки застигли их между Илой и Мигшей на пустынных склонах, и расставленные шатры казались стайкой пестрых птиц, опустившейся отдохнуть. Когда взошла луна, стада зеебов, скачущих под безмолвными звездами, далеко обегали красные мигающие огоньки их костров.

Гонец, всю дорогу из Корамвиса гнавший своего скакуна и привезший новости, вызвавшие неудовольствие Амрека, за едой принялся расспрашивать.

— А тот светлоглазый мужчина в шатре Повелителя Гроз — кто он?

— Да какой-то выскочка из Сара. Он искалечил человека и стал Дракон-Лордом. Вот как в нынешние времена делаются дела.

— Судя по его виду, он принадлежит к королевской династии, — заметил гонец.

— Возможно. Он отлично управляется со своими людьми — мне говорили, что он собрал в свой отряд самых отчаянных головорезов. И назвал их, как в былые времена — Волками. Его выучил Ригон, пес Катаоса, а потом его ученик пошел против него. Но Драконья Гвардия плюет на его тень. Он как-то задал им взбучку в Лин-Абиссе.

А Ральднор, о котором шла речь, вполне привольно чувствовал себя в шатре из шкуры овара — в шатре короля.

Первоначальное опьянение собственной властью давно уже схлынуло. Эти полтора месяца в Лин-Абиссе он был слишком занят, плетя паутину взяток, угроз и посулов, которые обеспечивают достигшим его нового ранга их безопасность. И он обнаружил в себе задатки командира, которыми, как он хвастался, он обладал. Та ночь в саду стала ночью его второго рождения. Он вошел в доверие к человеку, которого ненавидел, разговаривал с этим человеком так, как будто чтил его, как будто сам был Висом. И это было так. В том темном саду он *стал* Висом.

Сидя в шатре короля, он вновь прокручивал в памяти эту сцену — всего лишь во второй раз. Первый был в угаре опьянившего его успеха, сразу же после этого разговора, когда его охватило радостное возбуждение пополам с паникой. Теперь он спокойно вспоминал обвинение Амрека: «У нас с тобой один отец» и то, как бешено подпрыгнуло и заколотилось его сердце в этот безумный момент полного смятения. Ибо, на миг забыв о своем равнинном происхождении, он подумал, что и его безвестный отец тоже мог быть Висом, любым Висом — даже и королем.

Теперь его забавляли размышления о том, что следовало благодарить за его внешность — возможно, какую-нибудь интрижку одного из его прародителей, ставшую явной, как это иногда случалось, несколько поколений спустя. Значит, та заравийка все же оставила ему кое-какое наследство — королевскую кровь.

Амрек, его король и покровитель, сидел, глубоко задумавшись. Новости из Корамвиса раздосадовали его. Совет потребовал, чтобы он предоставил своей невесте путешествовать в одиночестве, а сам без промедления отправился на границу Дорфара с Таддрой, диким горным краем, источником постоянных раздоров и набегов. Там снова назревали беспорядки, и Повелителю Гроз следовало отправиться туда, явив свою недремлющую власть, а не ворковать со своей возлюбленной в Зарависсе. Так обстояло дело. Он был верховным правителем континента, но все же был обязан подчиняться своему Совету. А ему не хотелось покидать свою красноволосую невесту, Ральднор видел это. Так значит, он действительно любил ее? Ральднор, наблюдая за ней издалека, признавал, что ее красота была поразитель-

ной, но она казалась статуей, куклой, двигающейся, пусть и очень грациозно, на шелковых ниточках. Ему ни разу не доводилось приблизиться к ней настолько, чтобы услышать, как она говорит, но он мог представить себе ее голос — безукоризненный, но совершенно безо всякого выражения.

Внезапно, глядя на непроницаемое темное лицо короля, Ральднор задался вопросом: *«Я позволил этому человеку дать мне все до последней малости, чем я владею; испытываю ли я к нему столь же непримиримую ненависть, как и прежде?»* Белый призрак немедленно возник под крышей шатра, но не смог полностью материализоваться. Ральднор утратил половину своей крови, половину своей души. Двойственность его корней наконец-то разрешилась, и выходца с Равнин полностью затмил тот черноволосый человек, что сидел сейчас рядом с королем. Теперь ненавидеть было трудно, и бледная девушка, приходившая к нему по ночам, все так же являвшаяся ему, даже когда он проводил ночь на шелковых простынях Лики, стала лишь тягостным сном, утратив свой первоначальный смысл.

«Если бы сюда ворвался убийца, пытающийся лишить Амрека жизни, с внезапным изумлением подумал он, *— я убил бы его».*

— Что ж, Ральднор эм Сар, — нарушил молчание Амрек, — возлагаю ответственность за эту процессию на тебя.

— Это огромная честь для меня, милорд.

— Честь? Да ты с твоими Волками умрешь со скуки в пути. Но моя кармианка — береги ее для меня. Помни, я не беспристрастен. Если она попросит луну, достань ее с небес для моей Астарис.

Он поднялся и положил руку Ральднору на плечо. Это был жест понимания, не собственничества. Королю было легко с ним, а ему — с королем. И эта странная непринужденность между ними возникла с самого начала, с самой их первой встречи.

— Вы можете положиться на меня, — сказал Ральднор, зная, что каждое его слово — правда. — Когда Ваша Светлость отправляется?

— Завтра, как рассветет.

Один из светильников замигал и погас. Глядя на него, Амрек подумал: *«Вот в таком же шатре мой отец умер на равнинах. Бледная женщина с желтыми волосами убила его и оставила свою метку на моем теле еще до моего рождения. Это всегда казалось мне важным. А сейчас не кажется. Интересно, почему? Это дело ее рук, моей кармианской колдуньи? Я как будто вижу все сквозь прохладное темное стекло. Я поклялся стереть эту желтую мразь с лица Виса, но теперь я вижу одни лишь тени, а не демонов...»*

Он глянул на Ральднора.

— Значит, я передаю все в твои руки. Да радуйся, что я не увез тебя от твоей женщины.

Тело Лики лежало перед ним на черных простынях, распластанное, точно звезда. Тонкая полоска лунного света проникла сквозь щелку в шатре и высветлила ее кожу до сияющей белизны.

— Похоже, ты никогда не спишь, — прошептала она.

— Мне больше нравится лежать и смотреть на тебя.

— Амрек до сих пор позволяет тебе держаться с ним так же непочтительно?

— Думаю, Амрек догадывается, кто помог мне найти его в саду Тханна Рашека. От какого любовника ты тогда возвращалась?

— От мужчины, которого бросила ради тебя. — Она некоторое время лежала молча, потом сказала: — Так Амрек едет в Таддру. Значит, моя госпожа станет еще более капризной. Я уверена, что она не в себе; иногда она ведет себя, как лунатичка. Она говорит такие странные вещи...

Лики всегда отзывалась об Астарис в таком духе.

— Ты слишком строга к женщине, которая дает тебе кусок хлеба.

— Ах, до чего же неоригинальное заявление! Какое предательство твоих крестьянских корней, — колко сказала Лики.

Но через некоторое время, когда он принялся ласкать ее в темноте, она говорила ему уже совершенно другие вещи.

Перед рассветом над холмами пронеслась гроза. Он проснулся, выбравшись из затягивающей его бездны сна, и какой-то миг не мог вспомнить, где находится. Перед ним сидела темнокожая девушка, расчесывая волосы, и она обернулась к нему, сверкнув в тусклом предутреннем свете похожими на бездушные драгоценные камни глазами.

— Астарис тоже видит сны, — сказала она резко. Время от времени говорить ему резкости было в ее характере, в особенности когда он был уязвим, как сейчас. Она знала о преследующем его ночном кошмаре, хотя и не о его содержании.

— Так значит, принцесса обсуждает с тобой свои сны?

— Ах, нет, конечно. Но она как-то раз оставила у кровати лист бумаги, и на нем был очень подробно записан ее сон.

— И ты, разумеется, все прочитала.

— А почему бы и нет? Там было написано: «Мне снова снилась белая женщина, рассыпавшаяся в прах». Вот и все. Я очень хорошо это помню.

Он почувствовал, как по спине у него пробежал холодок, а волоски на шее встали дыбом. Он резко сел.

— Когда это было?

— Отпусти мое плечо. Ты делаешь мне больно. Это было день или два назад. Не помню. Значит, теперь ты хочешь не меня, а Астарис?

Он стряхнул с себя ледяные мурашки и толкнул ее на кровать.

— Сейчас я покажу тебе, кого я хочу, маловерная сучка!

И попытался избавиться от этого невероятного ощущения страха в ее медных объятиях.

Прощание состоялось на рассвете — приватное прощание между королем и его невестой и публичное между палаток. Войска стояли навытяжку, Волки тоже не ударили в грязь лицом.

Ральднор был в некотором роде пьян, когда просил разрешения создать свой отряд среди Драконьей гвардии — его про-

тивников — но зато после этого достаточно трезв. Он подбирал себе людей со всей серьезностью — а капитанов и с более чем серьезностью, и не из гвардии. Пребывание в дружине Катаоса научило его не только бойцовским приемам. Он выискивал своих рекрутов в обычной армии — зеленых новичков, молодых и неопытных. Им очень льстило быть отличенными от общей массы; несложно было подогнать этих новобранцев под его требования и произвести на них впечатление. Ибо он, как и Ригон, пользовался определенной репутацией, но в отличие от своего учителя использовал ее с большим толком. Они видели, как он управляется с мечом, топором и копьем, а когда Котон, попавший в отряд из Колесничных Войск, обучил его обращению с этим хрупким дорфарианским средством передвижения, они увидели, что он ко всему прочему еще и прекрасный возничий. Своих ветеранов он отбирал очень умело. Как и Котон, они были солдатами, достигшими высот в своем определенном ремесле, но только в нем одном; ограниченными людьми, вполне довольствующимися сытной едой и высокой платой, которую он им обеспечивал, и не испытывающими недовольства его все более и более длинной тенью, покрывавшей их. Ибо за довольно краткое время своего пребывания в Лин-Абиссе он провел с Амреком немало часов и сумел добиться поразительно многого. Когда-то его жизнь была неторопливой; теперь же он наверстывал все те потерянные бесполезные годы.

Повелитель Гроз в сопровождении небольшой свиты своей гвардии и слуг проскакал по холмам, миновав Мигшу, и скрылся из виду. Было еще слишком раннее время года, чтобы их путь отмечал шлейф густой пыли, а на пути процессии Астарис попадалось немало грязи.

Принцесса вновь обрела свое одиночество и наслаждалась им. Она ощутила, как в ответ на грусть Амрека в ее душе, удивив ее, шевельнулось какое-то материнское чувство, но даже это слабое переживание стало для нее утомительным. Она ощутила его тоску, но все же непроницаемые барьеры ее души не рухнули, отгораживая ее от него точно так же, как и от всех остальных. Он так сильно зависел от нее. Она испытывала странное чувство близости без интимности, понимания без знания, слепое соприкосновение сквозь многочисленные слои газа. А когда он уехал, она почувствовала себя лишенной даже той малости, которой она достигла с ним. Совершенно внезапно он снова стал для нее незнакомцем. Но этот незнакомец утомил ее.

Они миновали Мигшу, продолжая двигаться на север. Она сидела на всех празднествах, точно кукла, и рано уходила к себе. В коконе собственных ощущений она не замечала, что новый Дракон-Лорд Амрека временами очень внимательно наблюдает за ней, ибо, как и всегда, вряд ли замечала хоть что-то вообще.

На улицах прекрасных городов Зарависса девушки кидали им первые цветы, дождем осыпавшие процессию и сминавшиеся под ногами солдат, копытами вьючных животных и колесами повозок. Запах этих смятых, раздавленных цветов стал для Ральднора, ехавше-

го во главе своих Волков, символом всего путешествия через Зарависс — он да еще взгляды женщин, прикованные к его лицу.

Теплыми влажными вечерами женщины приходили к воротам гарнизона, облаченные в самые роскошные наряды, требуя удовольствия развлекать его. Часовые дразнили их, спрашивая, не устроят ли посетительниц они сами, и в конце концов утешали отвергнутых. Что-то из прошлого Ральднора восставало против этого, вызывая у него омерзение. Все висские женщины были шлюхами, дочерями Красной Луны. Легкие победы, которыми он поначалу упивался после годов непопулярности у женщин Равнин, уже начали приедаться. А эти меднокожие женщины были ревнивицами, что он частенько замечал и за Лики.

Они ступили на землю Оммоса, и здесь тоже в нем властно заговорило его прошлое.

Тесная земля с тесными городами, которой управляли жестокие и извращенные законы. Невеста Амрека не дождалась здесь почестей, ибо была всего лишь женщиной, сосудом для еще не рожденных мужчин. Процессия жила в своем собственном метрополисе, каждый раз разбивая лагерь. Они остановились лишь однажды, в Хетта-Паре, столице — подчинившись требованиям этикета. Угар, король, чем-то неуловимо напомнил Ральднору Йир-Дакана; это было неизбежно. Ральднор смотрел на пышные пиры, танцовщиц с огнем, на бесчисленных Зароков с огненным брюхом, хорошеньких жеманных мальчиков с хмурым лицом. Здесь его осаждали не женщины, а мужчины. Его передергивало от отвращения, но в числе прочего он научился и сардоническому такту.

В Хетта-Паре он спал очень скверно.

Во вторую и третью ночь в столице он поднялся и отправился по сумрачным открытым верхним галереям дворца, раскинувшимся под небесами, утыканными небывало огромными звездами. Он думал об Орклосе и об Аниси. На несколько коротких мучительных секунд он снова стал степняком. Наконец-то он понял здесь, среди камней Оммоса, какими жалкими должны были казаться Аниси ее жизнь и красота.

А потом он увидел нечто, что показалось знамением — непонятным, но могущественным.

Отделенная от него многочисленными стенами и пропастями, женщина с кроваво-красными волосами стояла на своем балконе, окутанная ослепительной снежной белизной. Астарис в плаще из цельной шкуры безупречно белоснежного волка, преподнесенной ей лордом Катаосом, который купил этот мех через посредника на рынке Абиссы.

Ральднор содрогнулся.

Он отвернулся и пошел по коридорам обратно. Она казалась ему призраком. И он не мог забыть, что им снились одни сны. Аниси стала странным мостом между ними.

В его отсутствие к нему в постель пришла Лики и лежала, ожидая его в своей полной надежды сексуальности. Он пожелал ее лишь потому, что она была под рукой.

Потом, лежа рядом с ним в темноте, она сказала:

— Мне кажется, во мне твой ребенок.

Избитость ее заявления вывела его из себя.

— С чего ты взяла, что он мой?

— Он не может быть ничьим другим, Ральднор, любовь моя. С другими я принимала меры, чтобы не зачать. Кроме того, я была верна тебе. А ты? Ты можешь сказать то же самое?

Он ничего не ответил. Многие висские женщины рожали детей без мужа, но все же он чувствовал в ней желание привязать его к себе своим материнством, показать другим женщинам, что он заронил в нее частицу себя, как будто он специально выбрал ее для этой цели.

— Ты злишься, — упрекнула она его. — Ну, теперь уж что сделано, то сделано. Я рассказала *ей*. — По ее тону он понял, что она говорит об Астарис. — Она посмотрела на меня очень странным взглядом, но вообще она всегда странная.

Через три дня караван переправился через реку и вошел в Дорфар.

В тот день солнца сияли ослепительно. Под добела раскаленным металлическим небом он различил землю, похожую на женские темные волосы, расчесанные гребнем голубых гор. К его собственному удивлению, сердце у него неожиданно забилось быстрее. Как ни странно, у него было такое ощущение, что он уже когда-то видел Дорфар.

Корамвис глубоко взволновал его. Какая-то часть него противилась этому впечатлению. Но все же из всего прочитанного он знал, что во всем Висе не было города красивее его. Не было города, который сравнился бы с ним по архитектуре, по изяществу, по блеску, по количеству легенд, окружавшему его.

На дороге их встретил гонец.

— Вал-Мала, мать Повелителя Гроз, приветствует свою дочь Астарис эм Кармисс.

И это были все приветствия, которые ей было суждено получить, пока Амрек был в Таддре.

Как и с городом, Ральднор ожидал и хотел чего-то иного. Он рисовал себе Вал-Малу в свете того, что о ней говорили: женщина средних лет, подверженная приступам ярости и склонная к невероятной жестокости, распутница и злодейка. Он представлял себе дракона в женском обличье с лицом, расчерченным морщинами возраста и злобы.

Его Волки проводили Астарис и ее спутников во Дворец Гроз. Так он впервые увидел Вал-Малу.

Она была вдвое его старше, но ее богатство и тщеславие продлили ее молодость. Она сияла роскошной, ослепительной красотой. В сравнении с Астарис ее красота могла бы показаться несколько вульгарной, но, напротив, рядом с Вал-Малой кармианка сильнее, чем когда-либо, казалась восковой статуэткой. На королеве Дорфара было ярко-алое переливчатое платье, а по обеим сторонам от ее трона были прикованы длинношеие алые птицы с пышными хвостами.

Особенно Ральднора поразила одна вещь, несмотря даже на то, что он слышал об этом: бледность ее набеленной кожи.

— Астарис, с этого момента тебе предстоит стать моей дочерью.

Она не потрудилась скрыть свою неприязнь, и ритуальные слова только подчеркнули ее. Она обняла кармианку с брезгливостью, будто заразную. — Мы отвели тебе помещения во Дворце Мира.

Это было оскорбление. По залу пополз шепоток. Этот дворец, а не захудалый Дворец Мира, должен был бы стать домом будущей супруги короля. Но король отсутствовал.

Астарис ничего не сказала. Ральднору только сейчас пришло в голову, насколько ее неподвижность может выводить из себя. Ему удивительно было видеть двух этих поразительных женщин, сошедшихся в смертельной схватке, которая была совершенно неинтересна одной из них.

Дворецкий попытался разрядить ситуацию, прошептав что-то на ухо королеве. Та тихонько ответила ему что-то, и он побледнел.

В этот день Ральднора преследовали непонятности. Когда они проходили сквозь ворота Дворца Мира, он почувствовал, как будто какая-то черная птица пролетела над его разумом. Котон, его возничий, ткнул большим пальцем в застарелые черные полосы на стенах.

— Видите, Командир? Это часть дорфарианской истории. Вы слышали о женщине с Равнин, Ашне'е, той желтоволосой ведьме, которая убила Редона?

— Я слышал о ней.

— Солдаты пришли, чтобы схватить ее, и обнаружили ее мертвой. Вслед за ними во дворец ворвалась толпа, и они вытащили тело на улицу и спалили его на Площади Голубок. Эти черные отметины оставили горящие головешки, которые они несли.

К горлу Ральднора подступила тошнота. Котон ничего не заметил.

«И такую же участь он готовит для них всех, для всех жителей Равнин, этот человек, которому я продал душу», — подумал Ральднор.

Между деревьями мелькнула светлая чаша дворца.

И он узнал его. Узнал бледный оттенок камня, проникающий за окна шелест листьев. Внутри — что там? Он в леденящем безумии рылся в своей памяти. Мозаичный пол — картины с пляшущими танцовщицами — и на самом верху башни комнатка... Нет, откуда он может все это знать?

Но когда он вошел внутрь, он увидел расстилавшийся перед ним пол. Комнату на вершине башни он искать не стал, ибо одна мысль о ней наполнила его зловещим страхом.

— Там, наверху, — сказал Котон, — та комната, где лежала *она,* женщина с Равнин. Там они нашли ее мертвой.

В покоях принцессы появилась незнакомая женщина. Она была высокой, с кислым выражением лица, а ее волосы безжизненного оттенка черного дерева были упрятаны на затылке в золотую сетку.

На вопрос Лики она ответила с сухой улыбкой.

— Я Дафнат, главная придворная дама королевы. Я пришла посмотреть, в чем нуждается ваша госпожа.

Она без лишних слов принялась за работу, и ее взгляд был таким же пустым, как и ее слова. Как только она ушла, Лики передразнила ее, сморщив лицо и сжав груди руками.

Дафнат была закорианкой, странной хранительницей красоты королевы. Лики предположила, что Вал-Мала держала ее не столько за таланты камеристки, сколько за острый слух и неприятный характер.

Ароматическая лампа горела приглушенным светом в спальне королевы.

Вал-Мала рано удалилась к себе. Две служанки, по одной с каждой стороны от ложа, полировали и разрисовывали ногти на ее руках и ногах, а Дафнат начала массировать ее тело. Она была искусной массажисткой, и крошечные предательские морщинки словно по волшебству расправлялись под ее железными пальцами.

Вал-Мала вздохнула.

— Кто тот мужчина, от которого посходили с ума все мои фрейлины?

— Дракон, которого нанял милорд, ваш сын, госпожа.

— У тебя прекрасный слух, Дафнат. Это тот самый человек из Сара? Фаворит Амрека. И что же они говорят?

— Они болтают о его теле и лице. Они рассказывают, что у него светлые глаза и ревнивая любовница, которая стережет его, словно кошка, хотя из ее слов они поняли, что он, — Дафнат с отвращением помолчала, — великолепен в постели.

Вал-Мала сонно засмеялась.

— Я его видела, Датнат. Я бы не усомнилась в оценке его дамы.

Когда служанки закончили свое дело, она долго сидела у зеркала. Она гордилась тем, что до сих пор могла делать это без страха. Да, она была достойной соперницей этой кармианке, пусть даже и вдвое ее старше. Она задумалась о новом Дракон-Лорде, о том выскочке. Что-то в его лице напоминало ей Орна. Она все еще сожалела об этой утрате. При мысли о нем она даже испытывала что-то близкое к печали. Когда слуги привезли его переломанное, израненное тело с охоты, она приказала содрать с них шкуру и пытать раскаленными докрасна щипцами, но так ничего и не вытянула. Как могло случиться такое, что он упал со своей колесницы, проволокшей его по земле до тех пор, пока он не испустил дух, он, который овладел искусством управления колесницами в десятилетнем возрасте — тогда же, когда и своей первой женщиной?

Как ни странно, в ту ночь она вспомнила и об Амноре тоже, впервые за долгие годы. Амноре слишком умном, чье тело покоилось на дне Иброна. Она не сожалела о нем. Тогда, много лет назад, сообщение о его гибели позабавило ее.

Дафнат склонилась над сундуком с одеждой, перекладывая платья надушенными мешочками. И вдруг перед глазами Вал-

Малы появилось странное видение. Ее фрейлина вдруг растаяла, уступив место фигуре другой женщины — молодой, изящной. Ломандра. Ломандра, которая бежала из Корамвиса, после того как выполнила поручение королевы и прикончила ублюдка, рожденного той желтоволосой ведьмой с Равнин. Ломандра, мягкотелая заравийская идиотка.

— Дафнат, тебе следовало бы завести себе любовника, — сказала Вал-Мала. Ей доставляло удовольствие дразнить фрейлину таким образом. Как она и ожидала, полуотвернутое от нее костлявое лицо залилось жгучим румянцем. — Кого-нибудь вроде Крина, из Речного гарнизона, например. Мужчину с плечами, как у овара.

В темном коридоре его ухватила за запястье женская рука. Ральднор обеспокоенно обернулся и увидел Лики, без кровинки в лице.

— Ральднор...

— Что тебе?

Ее глаза опасно сверкнули.

— Раньше ты не был со мной таким грубым.

— Раньше в том не было необходимости. Что тебе нужно?

Она прислонилась к стене.

— Мне передали... что у ворот ждет какой-то человек...

— Так это он растрепал тебе волосы? Если тебе хотелось провести ночь спокойно, то не надо было туда ходить.

— Ах ты..! — вскипела она внезапно. — Тебе плевать, что со мной. Ты сделал мне ребенка, а теперь и знать ничего о нем не хочешь!

— Судя по твоим словам, Лики, ты тоже приложила к этому усилия.

Она не смотрела на него, но и не уходила. Она стояла неподвижно, уставившись в пол. Когда она подняла глаза, в них сверкнула неожиданная злоба.

— Значит, я больше не нужна, *Дракон-Лорд?* Ты предпочитаешь проводить ночи в одиночестве, мечтая о той девчонке из Сара, которой ты был не нужен?

Она уколола его больнее, чем могла представить. Увидев выражение его лица, она отступила на шаг.

— Ты задержала меня, чтобы что-то сказать мне, Лики. Так говори.

— Хорошо же. Тот человек у ворот... Он поймал меня за руку и сказал: «Ты, Лики, подстилка Ральднора из Сара». У него такое страшное лицо, все в шрамах, и на правой руке нет кисти, так что, думаю, нет никакой нужды называть тебе его имя. Он сказал: «Передай своему любовнику, что я не заплатил ему за руку. Из-за того, что он сделал, у меня теперь нет в жизни никакого другого занятия, кроме как следить за ним и ждать, когда его боги отвернутся от него. И когда это случится, я буду неподалеку. Передай ему это. — Лики улыбнулась безжизненной улыбкой. — Потом он плюнул на землю. И отпустил меня.

Она повернулась и пошла прочь.

Больше она не приходила к нему в постель, но он не испытывал недостатка в любви, когда ему того хотелось.

11

Светская жизнь в Корамвисе была крайне насыщенной. Ральднор обнаружил, что он в моде, и богатые мужчины и красивые женщины наперебой пытались заполучить его к себе на ужин. Его сарское происхождение восхищало их. Он стал опытным лжецом. Он знал, что большинство считало его бастардом императорской династии — отпрыском Редона или кого-нибудь из его младших братьев. Они с их кивками и заигрываниями забавляли Ральднора, но тем не менее он сделал Котона своим телохранителем. Он, как и прочие люди его ранга, считал, что теперь у него есть в этом необходимость.

Его популярность вызвала непонятные странности.

За обедом во Дворце Гроз он познакомился с офицером личной гвардии королевы по имени Клорис — смазливым, но неумным хвастуном. Он ясно дал ему понять, что ненавидит Ральднора и его головокружительное возвышение и жаждет заполучить все то, что ему принадлежало — от его положения до его женщины. Весь месяц, что они провели в городе, он увивался за Лики в исключительно пошлой и избитой манере, но лишь потому, что она принадлежала Ральднору. Ральднор гадал, не утратила ли она теперь, когда они расстались, для Клориса всю свою прелесть.

После обеда ненадолго появилась королева. На ней было складчатое льняное платье и парик из золотого шелка. Издали она казалась белокожей и золотоволосой. Он был наслышан о вражде между Вал-Малой и ее сыном — была ли то скрытая насмешка над ним, на которую она не отважилась бы в ее присутствии, но которая непременно должна была дойти до него в Таддре?

Она грациозно прошлась среди важных гостей, а стайка ее фрейлин тянулась за ней, точно пестрый шлейф. Он увидел, что закорианки среди них нет, но она была не из тех, кого стоило показывать публике.

Котон за спиной у него вытянулся в струнку. Ральднор с некоторым удивлением понял, что Вал-Мала удостоила его своим вниманием.

— Добрый вечер, Дракон-Лорд.

Он поклонился.

— Вы хорошо охраняете принцессу?

Он встретился с ней взглядом, и ответ застрял у него в горле. На ее лице было написано совершенно ясное и недвусмысленное приглашение. Сексуальность так и била от нее горячей волной, и по спине у него пробежали жгучие мурашки.

— Корамвис — безопасный город, мадам, — сказал он, когда к нему наконец вернулся дар речи.

— Не слишком безопасный, полагаю. Мне говорили, что вы что-то вроде героя. Молодой герой не должен скучать.

Очутившись с ней вот так, лицом к лицу, многие мужчины, как он слышал, испытывали страх. Возможно, она была слишком могущественной. Но не для него. Он уже отреагировал на нее, и на обещание в ее глазах. Кроме того, она обладала властью в этой стране, такой же, как и Амрек. Он принял решение в один миг, и

холодная честолюбивая логика победила алогичное честолюбие его чресел.

— Одно слово королевы Дорфара навеки развеяло любую скуку.

Она рассмеялась притворным кокетливым смехом заинтересовавшейся женщины. Интересно, сколько же ей лет? Она казалась совсем едва его старше, даже со столь близкого расстояния. Она легонько коснулась его руки.

— Вы мне льстите. Одна женщина в сравнении с таким множеством, Дракон. Я слышала, вы можете позволить себе выбирать.

— Увы, нет. Боги подарили бы мне огромное счастье, если бы я мог.

— И кто же та, кого вы желаете? Та недоступная?

— Я не осмеливаюсь, мадам, произнести ее имя.

— Вот как. — Она улыбнулась ему, довольная этой маленькой игрой. — Не стоит отчаиваться, милорд, боги могут оказаться к вам милостивей, чем вы считаете.

На прощание она протянула ему руку для поцелуя. Он коснулся губами ее гладкой, надушенной, разрисованной кожи. Кольца захолодили ему губы.

В ту ночь он очень плохо спал в отведенной ему комнатке гостевого дворца. Ложе с ним делила какая-то девица в красном парике — половина из них носили красные парики с тех пор, как приехала Астарис. Он больше не хотел ее. Он хотел эту стервозную белокожую королеву. Близилась Застис, до нее оставалось меньше месяца. Сколько она заставит его дожидаться ее? Или передумает? Эта неопределенность заставила его почувствовать себя как в первые тревожные дни его возвышения, а дворец, который, как болтали женщины, кишел призраками, а точнее, одним призраком, подавлял его.

Но Вал-Мала, лежавшая в этот миг под умелыми ладонями закорианки, не собиралась откладывать.

Сама Дафнат могла бы рассказать Ральднору, сколь недолгим будет его ожидание. Она уже знала эту мягкость, эту тревожность своей госпожи. Она была ученицей Вал-Малы, и училась на совесть.

— Скажи-ка мне, Дафнат, — сказала она хрипловатым сонным голосом, — что ты думаешь о Ральдноре эм Саре?

— Ваше величество знает, что у меня недостаточно опыта, чтобы судить.

Вал-Мала рассмеялась. И ее злобность тоже всегда достигала своего апогея перед новым романом, а Катаос так долго был далеко — сначала в Зарависсе, теперь в Таддре.

Дафнат ненавидела королеву, но ее наследие закалило ее и сделало ее очень терпеливой.

Она подумала о питомце королевы, калинксе. Это существо некогда было таким прекрасным — и таким опасным. Оно рыскало по ее покоям, второе «я» Вал-Малы, которое в городе приравнивали к ее имени. Его боялись ее бесчисленные любовники. Теперь ледяная синева его глаз помутнела и слезилась, мех свалялся, зубы раскрошились от старости. От него воняло. Вал-Мала не могла вынести

его присутствия, но не позволяла и убить его. Дафнат понимала — даже если королева и сама не осознавала этого, — что для Вал-Малы одряхлевший кот олицетворял ее саму — старость, которую она обманула, и уродство, которое неминуемо должно было когда-нибудь обезобразить ее тело.

В глубине своей каменной души Дафнат улыбнулась. Богам, не давшим ей ничего, нечего было и отобрать у нее. Она была моложе своей хозяйки, и ей предстояло стать свидетельницей ее заката.

Она усердно трудилась над кожей королевы, стараясь своими железными пальцами отогнать неумолимую старость, но ее глаза жадно высматривали первые признаки возмездия, которое неминуемо должно было настигнуть ее хозяйку.

К нему подошел человек с эмблемой королевы.

— Дракон-Лорд, Вал-Мала, царственная мать Повелителя Гроз, приказывает вам явиться к ней в полдень, — сказал он. Его глаза говорили совершенно иное.

День выдался очень жарким. Дворец Гроз, казалось, поджаривался на сухом белом огне. Девушка с маской на лице, сквозь прорези которой поблескивали глаза, провела его в комнаты и покинула там.

Дымчатые занавеси пропускали солнечный свет, а из нарядных чаш поднимались кудрявые дымки благовоний. Из-за тяжелых занавесей вышла она, в простом платье, с распущенными черными волосами, рассыпающимися по плечам и груди. Она казалась невероятно юной и невероятно знающей, уверенной в том, что может с ним сделать, и у него в глазах на миг потемнело от нахлынувшей волны необузданного желания.

— Садитесь, прошу вас, — сказала она. — Нет, рядом со мной. Как вы напряжены. Я оторвала вас от исполнения какой-нибудь важной обязанности? Какого-нибудь... нового геройства?

— Ваше величество должно быть осведомлено о том, какой эффект производит ее красота.

— Значит, я волную вас? — Она налила вино в кубок и передала ему. Он не мог пить и отставил кубок в сторону. Раболепность ее жеста стала достаточным намеком. Он поднес ее руку к губам, поцеловав ее несколько более смело, чем прежде, и ощутил, как жилка на ее запястье запульсировала быстрее.

— Вы осмеливаетесь оскорблять меня? — спросила она.

Свою славу непревзойденного любовника он заслужил отчасти благодаря тому, что всегда, с любой женщиной, за исключением одной, мгновенно понимал ее нужды, ее желания и интуитивно на них откликался. И здесь тоже он почувствовал, о чем она просит его, и жадно завладел ее губами еще прежде, чем она закончила говорить, а когда она дернулась, удержал ее.

Но все же она была королевой. Через некоторое время он отпустил ее. Он не сомневался в том, что она даст ему то, чего они оба желали, но все же решение принять должна была она.

Она поднялась и протянула ему руку.

— Прогуляемся немного, — сказала она очень тихо.

В тени колоннады она пробежала губами по его руке.

— Как ты потерял этот палец, мой герой? В каком-нибудь бою?

Он лгал не только о месте своего рождения, но и об обстоятельствах. Они уже обросли самыми невероятными слухами. Но все же он старался как можно больше приблизить свою ложь к правде. Так было проще. Он ничего не знал о своем поврежденном пальце, поэтому сказал, как неоднократно говорил прежде:

— Я потерял его в детстве, мадам. Совершенно не помню, как.

Резная дверь бесшумно распахнулась; за ней оказалась спальня. Этот символ потряс его — то, что ему предстояло овладеть ею не на какой-нибудь простой кушетке, показалось ему залогом будущего постоянства. Но она застыла на пороге, и ее лицо, хотя и до сих пор улыбающееся, внезапно изменилось, как будто вдруг стало простой маской, забытой после праздника. У нее был такой вид, будто — он не был вполне в этом уверен — будто она неожиданно увидела совершенно другого человека, стоящего на его месте.

— В детстве, — повторила она, и ее голос стал странно бесцветным. — Я слышала, болтают, что в тебе течет кровь моего мужа. Ты думаешь, такое возможно?

Ее внезапная холодность передалась и ему. Все желание пропало, ладони покрылись липким потом. Он ощутил, что находится на краю такого страха, какого не мог даже предполагать.

— Вряд ли, мадам.

— У тебя желтые глаза, — сказала она. Она произнесла эти слова так, как будто говорила о чем-то совершенно ином, о чем-то ужасном, непристойном — об убийстве. В один миг она, казалось, как-то усохла, сморщилась. Он увидел в ее лице всю вереницу долгих лет, которые в конце концов настигли ее. Он больше не желал ее, она пугала его — он сам не мог бы наверняка сказать, почему. Но он был так близко к власти, которую она предлагала, все еще хотел этого...

— Мадам, чем я обидел вас?

— У тебя глаза обитателя Равнин! — прошипела она.

Кровь застыла у него в жилах. Он очутился в ловушке, каким-то образом оказавшись лицом к лицу с перепуганной старой женщиной, а рядом распахивало призывные серебряно-золотые объятия ложе любви.

— Что тебе от меня нужно? — завизжала она. — *Что?* Ты не можешь ни на что надеяться — ни на что, слышишь? Только выдай себя, и он убьет тебя.

Он невольно отпрянул.

— Да, да! Уходи! Убирайся с глаз моих!

Он развернулся, он почти бежал от нее, гонимый силой ненависти и страха, которых не понимал.

Вал-Мала бросилась в спальню и захлопнула за собой дверь. Комната полнилась тенями.

— Ломандра? — спросила они их. Ничто не шевельнулось в ответ. Нет, это не призраков ей нужно было бояться. Не призраков. Живых. Живых.

Странно, но она никогда не сомневалась, ни на минуту не допускала сомнений. Она считала, что Заравийка выполнила свое обещание и задушила ребенка Ашне'е. Она и представить себе не могла, что мизинец, который она швырнула в жаровню, был отрезан с руки живого ребенка. Когда Ломандра исчезла, она ничуть не удивилась. Глупая баба перепугалась и сбежала в Зарависс. Это уже не имело никакого значения, ибо она сделала свое дело.

Но все же сейчас, ни разу за все эти годы ни на секунду не усомнившись, она непоколебимо знала, *знала,* что этот ребенок остался жив и превратился в мужчину. Мужчину с лицом, телом и всеми повадками короля.

Она-то считала, что отделалась от Редона.

Но это Редона она внезапно обнаружила рядом с собой — Редона в молодости, в расцвете своей красоты и величия, каким она знала его в Куме, когда он ослепил ее, точно солнце. Она всегда верила, что дитя Ашне'е было от ее мужа, несмотря на все свои обвинения; теперь же боги сочли нужным доказать это ей. И одновременно он дал ей ключ к загадке своего происхождения.

Умерла Ломандра прежде, чем успела поведать ему его историю, или осталась в живых и раскрыла эту тайну? Похоже, все-таки нет. Неужели у него хватило бы глупости пойти напролом и объявиться перед ней, знай он о своем происхождении? Если, разумеется, в его намерения не входило напугать ее.

Его необходимо убить. Но как? Говорили, что Амрек любит его. До странности быстрое возвышение Ральднора, судя по всему, подтверждало это. Она не осмелится так сразу подослать к нему убийцу. Тогда, может быть, стоит сообщить Амреку, что его фаворит — один из желтоглазых степняков? Но это раскроет ее причастность ко всему этому, то, что она пыталась сделать. Она ненавидела своего сына — и боялась его. Кто знает, куда его бросит? Как бы ей не пострадать еще больше, чем этот желтоглазый ублюдок.

Ледяной ужас сжал ее сердце. Что он затевает? Казалось, земля разверзлась у нее под ногами. В черном зеркале у кровати она уловила отражение своего лица — лица, в этот миг лишенного всей своей красоты, и старого — бесконечно старого, точно пыль с древних могил.

Застис рдела на небе — красная рана на боку луны. В кварталах черни ходила шутка, касавшаяся Астарис, звезды и цвета, который, несомненно, должны были иметь волосы между ее бедер.

Имя Амрека тоже было у всех на устах. Теперь, когда волнения среди варваров Таддры были подавлены, он уже скоро должен был вернуться домой. Без пары-тройки стычек все же не обошлось. Нескольким женщинам предстояло оплакивать своих невернувшихся мужчин, но престижу Дорфара больше ничто не угро-

жало. Худшее было позади. Катаос уже приехал в город, занявшись различными обязанностями в Совете, которые необходимо было исполнить до королевской свадьбы. Ритуалы должны были быть совершены в традиционное для этого время — на пике Застис.

Катаос также выражал свое почтение невесте. Он всегда был очень внимателен в этом отношении, и при этом ни капли не вульгарен — два-три дорогих и уникальных подарка, как это и подобало. Теперь он занимался подготовкой к королевской охоте в лесистых холмах, поросших циббами, дубами и терновником землях к северо-западу от Корамвиса. Катаос питал определенные мысли касательно Астарис. Он был ценителем всего красивого и редкого. Детство, проведенное при дворе в Саардосе, научило его восхищаться подобными вещами и ценить их, но в то же время он постоянно был их лишен. Теперь он щедро платил за эмали из Элира и был готов терпеливо дожидаться хоть целый год, когда какой-нибудь сереброкузнец достигнет требуемого совершенства в изготовлении какого-нибудь канделябра или сервиза. Ему очень многого в жизни приходилось дожидаться, терпением и упорством добиваться того, чего ему хотелось. Он достиг в этом совершенства. Поэтому точно так же, как он видел в кармианке произведение искусства, он был готов ждать, чтобы заполучить ее. Он уже побывал в нескольких высоких постелях — и постель Вал-Малы среди них была не самой низшей. И наслаждался этим ожиданием ничуть не меньше, чем долгожданной наградой — а в некоторых случаях даже больше.

Сегодняшняя королевская охота была частью празднеств. Он не думал, что Астарис получит от нее какое-то удовольствие, если вообще ее заметит. Но будут и перерывы, когда он сможет осторожно завладеть ее вниманием.

Амрек был чересчур требователен к ней. По его наблюдениям, лишь нежностью и утонченностью можно было пробить глухую стену ее отстраненности. Это была одна из тех игр, в которые ему нравилось играть и в которых он знал толк.

Она казалась какой-то восхитительной охотничьей богиней, выехавшей на прогулку. Он задумался, кто же это так изысканно одевал ее; ее саму он не мог представить интересующейся подобными вещами. Возможно, Лики, бывшая любовница Сарита, подбирала ей гардероб.

И Сарит тоже был неподалеку. Сегодня его возничий Котон почему-то отсутствовал, и он сам правил своей упряжкой.

Этот человек до сих пор был занозой в боку Катаоса. Он установил за ним периодическую слежку, но Ральднор, вероятно, подозревал, что такое возможно, и поэтому был осторожен. Похоже, он не причинил особого вреда. Как и не раз прежде, Катаос задумался о его происхождении и намерениях и опять не получил никакого твердого ответа. Была еще и какая-то темная история с Ральднором и королевой. Но если интрижка и имела место, то она была довольно мимолетной. А теперь Вал-Мала заперлась, не принимая никаких посетителей, включая и самого лорда-советника. Он слышал, что она

заболела. Катаос ощущал, как множество нитей сплетается в какой-то очень продуктивный, но скрытый от него узор.

Он увидел, как Ральднор поднял руку, отдавая ему официальный салют. Повинуясь какому-то импульсу, Катаос нагнал колесницу Сарита.

— Надеюсь, вы наслаждаетесь охотой, Дракон-Лорд.

— Я здесь для того, чтобы сопровождать принцессу, а не развлекаться.

— Очень похвально, что вы с таким вниманием относитесь к своим обязанностям. Но заверяю вас, что принцессе нечего опасаться в этом обществе. — Светлые глаза, так напоминающие древнюю царственную династию, были озерами ироничного презрения на бесстрастном лице. — Ваш ранг подходит вам как нельзя лучше, — сказал Катаос. — Пожалуй, я, сам того не желая, оказал вам услугу. А как поживает королева?

Выражение желтых глаз изменилось, и Катаос понял, что затронул болезненную струнку. С вежливо-дружелюбным кивком, который служил для всяких полезных мелких сошек и купцов, Катаос развернул свою колесницу прочь.

Полдень обрушил на тихий безветренный день неожиданную жару. Облака уже собирались в мягкие кипы, предвещая грозу.

Егеря выкуривали оринксов из их неглубоких нор; спустили свору калинксов, и колесницы громыхали за ними.

Охота не доставляла Ральднору особого удовольствия. Ему снова не давали покоя глубоко въевшиеся в него обычаи жителей Равнин. Человек охотился лишь ради еды, одежды или самозащиты. Отнимать жизнь смеха ради считалось зазорным. Он назначил трех своих капитанов следовать за колесницей Астарис. В этих лесах он искал уединения. Когда-то одиночества было слишком много. Теперь он чувствовал, что ему некуда деться от этой толпы. От постоянно стоящего у его дверей часового, от вечно маячащего за спиной Котона, от злословящего двора, от ходящих среди солдат слухов. Даже от женщин в его постели с их неизменно следующими за любовью разговорами.

Как и все люди, вынужденные постоянно лгать, он чувствовал, что его постепенно поглощает та выдуманная личина, которую он натянул на себя.

Сквозь лесной купол пробивались палящие солнечные лучи. Он подумал о Вал-Мале и о том, что она вытянула из него. Желание в его душе странно перемешалось со страхом, став его частью. Ибо он боялся ее, боялся ее слов, обращенных к нему. По сто раз на дню опровергал их — за вином, на тренировках, лежа без сил в объятиях очередной женщины после бурной любви. И она ничего не сделала, эта белолицая дорфарианка. Неужели она сошла с ума? В худшем случае, даже если она и заговорит, Амрек все равно ненавидит ее и не доверяет ей. Думая об Амреке, он ощутил, что его раздирают противоречия. За время своего отсутствия король снова стал

для него незнакомцем, и все легенды, все истории о призраках встали между ними. Прилив пылкой верности, пережитый им в королевском шатре между Илой и Мигшей, он вспоминал теперь с какой-то неловкостью, почти со стыдом.

Внезапно небеса потемнели. Его упряжку била крупная дрожь, и в конце концов она остановилась. Весь пейзаж, казалось, застыл в беззвучной неподвижности. Это вывело Ральднора из глубокой задумчивости. Он взглянул наверх сквозь корявые сучья в неподвижное ржаво-коричневое облачное море. Ни дуновение ветерка, ни шелест листьев не нарушал эту заколдованную тишь. Ему вдруг пришло в голову, что нигде не видно птиц. Потом последние лучи света померкли и стало совершенно темно. Солнце точно бежало, изгнанное с неба чьей-то злой волей. В этой сверхъестественной тьме его охватил первобытный ужас. Он не имел ничего общего с обычным страхом. Это было что-то куда более древнее, куда более необычное.

В ушах у него зазвенело от тишины, он соскочил с колесницы и несколькими ударами ножа освободил свою упряжку от сбруи. Они тут же бесшумно умчались прочь.

И тут грянул гром. Не с небес. Он прозвучал из-под его ног.

Трава расступилась, хотя ветра не было. Деревья заскрипели, дрожа своими свинцовыми листьями. Земля застонала. Его швырнуло на железные сучья, но лесной пол содрогался и уходил у него из-под ног. Он беспомощно покатился по опрокинувшемуся набок ландшафту. Вековая цибба с оглушительным скрипом подалась и, подпрыгивая, понеслась по образовавшемуся склону. Деревья обрушивались рядами, точно подкошенные какой-то гигантской незримой косой. Он не мог подняться. Он лежал, цепляясь за дерн, точно смертельно испуганное животное. Было некуда бежать, негде спрятаться.

Последний спазм, сотрясший землю, был почти неощутимым. Подобно морской волне, он неспешно прокатился по земле и стих.

Ральднор лежал, держась за неподвижную землю обеими руками. Через некоторое время он все же поднялся на ноги и выплюнул изо рта набившийся туда песок. Он не узнавал это место. Драконьи дубы клонились в стороны, другие лежали, превратившись в мосты над огромными ямами, где совсем недавно находились их корни. Один из них всмятку раздавил задок его колесницы.

Он зашагал через выкорчеванный лес. Небеса просветлели, став светло-коричневыми. По пути ему приходилось перебираться через упавшие деревья и обходить места, где скалы раскололись и выплюнули наружу лежащий под ними гумус.

Перед ним открылась прогалина, которой не было здесь раньше. Он мельком взглянул на то, что осталось от чьей-то колесницы и упряжки. Рядом с ней на боку лежал мужчина — мертвый. Неподалеку от него стояла женщина. Было так темно, что он не смог различить цвет ее волос до тех пор, пока не подошел к ней вплотную.

Ее лицо было пергаментным, широко распахнутые глаза выглядели совершенно пустыми. Казалось, она тоже умерла, но все еще каким-то чудом держалась на ногах, как воины в древних висских

могилах. В миг разъяренного просветления он выругал капитанов, которых послал за ней следом. Остановившись в полуярде от нее, он позвал:

— Принцесса.

Она не ответила и даже не взглянула на него.

— Вы ранены? — спросил он.

Никогда еще она не была так физически близка к нему, никогда еще он не видел ее такой опустошенной. Прежде она казалась лишь отсутствующей, спрятавшейся, замкнутой в себе, но сейчас от нее осталась одна только оболочка. Должно быть, ее выжгло до самой души. С ней нельзя было больше обращаться как с царственной и неприкосновенной особой, хотя любой мужчина, дотронувшийся до нее пальцем без согласия Повелителя Гроз, неминуемо рисковал остаться без руки. Таков был закон. Но сейчас она была просто женщиной, живым существом, которому нужна была помощь. Он положил руки ей на плечо, но в глазах у нее ничто даже не дрогнуло.

Тщательно сдерживая силу, он ударил ее по лицу. Удар сбил ее с ног, и он еле успел подхватить ее. Он почувствовал, что все ее мышцы расслабились, и продолжил поддерживать ее. Ее ресницы затрепетали. Туман в глазах прояснился, и внезапно они наполнились жизнью.

— Я никогда прежде не видела смерть, — сказала она спокойным и вполне разумным голосом. — Они отвели ее от меня.

— Вы ранены? — снова спросил он ее.

— Нет. Я жива.

По ее тону он понял, что она имела в виду что-то совсем иное.

Раскат грома вздыбил разорванные в клочья облака. Небо нахмурилось и залилось длинной серой пеленой холодных слез.

— Кто вы? — спросила она внезапно.

— Командир личной гвардии вашего высочества, — с определенной долей иронии отозвался он.

Струи дождя хлестали их лица. В ее изумительных красных волосах, казалось, вспыхивали искры.

Ему никогда раньше не приходило в голову желать ее. Она была слишком прекрасной, слишком неживой. Но сейчас, все еще держа ее за плечи под проливным дождем, он впервые с головой погрузился в немыслимые колодцы ее глаз. И хотя ее лицо все еще излучало безмятежную рассеянность, в нем вдруг властно заговорило что-то, его «я», его реакция на нее. И внезапно он преодолел всю глубину ее глаз и оказался на их дне, и она была в его разуме, точно обжигающее пламя, а он — в ее.

На миг обоих охватило потрясение и парализующий страх, но за этот миг они полностью узнали друг о друге все.

— Как..? — произнесла она.

— Ты знаешь.

— Подожди, — вскрикнула она, — подожди. — Но ее лицо уже озаряла неудержимая радость, а разум был охвачен пожаром. Он знал, что она не должна этого делать, как знала это она, и как знала то, что он тоже не должен.

Он притянул ее к себе, и она с таким же пылом прильнула к нему. Желание всепоглощающим пламенем вспыхнуло в обоих, с каждой секундой разгораясь все сильнее и сильнее.

На черных развалинах леса, под бешено кружащимся небом, они отчаянно любили друг друга, изгоняя призрак пережитого ужаса, как будто оба ждали этого всю свою жизнь, как будто были последним мужчиной и последней женщиной в мире.

Напор дождя ослаб.

Он взглянул ей в лицо и сказал негромко:

— Это было безумие. Кто угодно мог прийти сюда и увидеть нас. Мне не стоило подвергать тебя такому риску.

Она улыбнулась.

— Тогда ты не думал об этом. И я тоже.

Слова были лишними. Их связывало единение их умов. Он поцеловал ее в губы и помог подняться. Казалось, они знали друг друга всегда. Видения из ее прежней жизни были туманными, замкнутыми; она не испытывала ни сильных страстей, ни сомнений. Его собственные амбиции, страхи, желания отступили. В этот миг она была всем, чего он желал. Она затмевала все остальное.

— Можно найти где-нибудь здесь какую-нибудь повозку и пересечь горы, как крестьяне. В Таддре мы были бы в безопасности, — сказал он.

— Они найдут нас, — сказала она.

— И как же быть? Как? Амрек заберет тебя, а я попусту растрачу свою жизнь в его армии.

— Пока, — сказала она, — мне этого достаточно. У меня нет богов, но Она, возможно, поможет тебе.

Зная о нем все, она знала и о его расе. Он не боялся ее знания и не стыдился этого. В каком-то смысле она возродила в нем того, кем он был, но это была лучшая его часть, а не худшая.

Откуда-то из-за деревьев донеслись крики. Они показались чем-то с другой планеты. Сначала он даже не поверил своим ушам. Но она бросила на него один долгий взгляд, полный грусти и сожаления. Они отодвинулись друг от друга, и она снова стала неподвижной, превратившись в икону, а тоска в ее глазах растаяла, растворившись в янтарной желтизне.

Четверо людей Катаоса нашли их. Они искоса поглядывали на Ральднора, смущенные тем, что знали его еще до его неожиданного возвышения. С ними был капитан Волков; два других погибли, раздавленные глубоко в чреве трещины в земле.

Выражение ее лица не изменилось, когда она взошла на колесницу и ее увезли прочь. Осталось лишь эхо ее мыслей, точно обрывок мелодии, принесенный ветром.

Перед алтарем богов Грозы закололи семь молочных коров. Укротила ли дымящаяся кровь их гнев? Никто не мог бы утверждать наверняка, хотя гадание, для которого пришлось ощупывать еще не остывшие внутренности, утверждало, что это так.

Пол-леса было вырвано с корнем, огромные скалы сдвинуты с места. Иброн вскипел, точно котел.

Корамвис по большей части уцелел. В нижних кварталах обрушились несколько домов и бордель, погребя под собой десять своих лучших девушек. На много дней Корамвис стал религиозным городом.

Катаос, сидевший в своем резном кресле с открытой книгой на коленях, заставил их немного подождать, переминаясь с ноги на ногу и шаркая, показал им, этим двоим драконам-солдатам, что не в его привычках тратить свое время на таких, как они. В углах украдкой собирались сумерки.

— Вы просили у меня аудиенции, — сказал он наконец, — вы ее получили. Насколько я понял, вас удручает какая-то проблема, касающаяся Ральднора эм Сара.

— Да, милорд, — заговорил один из них. Другой молчал, глядя в пол.

— Если это так, почему вы пришли ко мне? Разве вам не следовало обратиться к самому Дракон-Лорду?

— *Дракон*-Лорду! — Солдат чуть было не сплюнул, но вовремя спохватился, где находится. — Прошу прощения, милорд, но я не желаю иметь с ним никаких дел.

— Если ты хочешь обвинить его в чем-то, солдат, тебе лучше попытаться поговорить с прокурором.

— Я подумал, что лучше все-таки поговорить с вами, милорд. Поскольку Лорд Амрек в отлучке.

Дело становилось любопытным. Этот болван видел какую-то личную выгоду в том, чтобы искать у Катаоса помощи перед Амреком.

— Что ж, — сказал Катаос. — Я выслушаю тебя.

— Милорд, я подвергаю свою жизнь опасности, говоря об этом.

— Об этом нужно было думать раньше. Ты уже сказал вполне достаточно для того, чтобы я приказал арестовать тебя. Продолжай.

— Землетрясение, — неожиданно сказал дракон. На его лице отразилась злоба пополам с суеверным страхом. — Боги разгневались. Думаю... думаю, я знаю, почему. Я был с гарнизоном Повелителя Гроз в Абиссе, милорд. Эта равнинная шваль все еще беспрепятственно въезжает и выезжает оттуда — Рашека больше заботит торговля, чем чистота города...

— Не отвлекайся от дела, солдат. Твое злословие несуместно.

— Прошу прощения, милорд. Я буду краток. Когда я дежурил на улицах, я поймал одного мерзавца с Равнин, у которого не было пропуска. Он замахнулся на меня ножом, но проклятые заравийцы выхватили нож у него из руки и божились, что у него не было никакого ножа. Я вспомнил о нем потом и пошел искать его вместе с Игосом — ну, с ним. Мы забрали его девчонку, но король Амрек узнал об этом и отобрал ее у нас — и, думаю, оставил ее у себя, пока она ему не надоела. Нам никогда не был по вкусу...

— Ты собираешься рассказывать мне о своих солдатских горестях?

Солдат замялся и сказал:

— После этого я еще раз попытался разыскать того парня с Равнин. Проследил за ним до одного заравийского дома, но заравиец сказал, что там никого нет, кроме его родного больного брата. Тогда мне не удалось отыскать его, и я подумал, что он убрался обратно на свои вонючие Равнины. Но я узнал бы его, милорд. И Игос тоже.

— Вот как. И какое же отношение это все имеет ко мне?

— Он здесь, милорд. В Корамвисе. Он называет себя Ральднором из Сара.

Лицо Катаоса ни на миг не дрогнуло. Он сказал:

— Подобные обвинения столь же глупы, сколь и абсурдны.

— О, нет-нет, милорд. Я помню его. То же сложение, то же лицо — там не обошлось без висской крови. У того парня не было мизинца на левой руке. А у этого Ральднора светлые глаза, милорд — среди Висов такое редкость. А волосы перекрасить — плевое дело. Сначала я не был полностью уверен, но он все время у меня перед глазами с тех пор, как король принял его на службу. В конце концов я окончательно уверился, и Игос тоже. Если бы Повелитель Гроз узнал об этом...

— И вы пришли ко мне.

— Ваша светлость приняли его в свою гвардию первым — не зная. И он искалечил вашего начальника гвардии...

— Кто-нибудь еще об этом знает?

— Нет, милорд, клянусь...

— Тем лучше. Эта информация может отказаться очень мне полезной. Идите вниз, слуга проводит вас. Я прикажу, чтобы вас покормили. И заплатили за ваше время.

Слуга Катаоса отвел ухмыляющегося дракона и его мрачного товарища вниз, распознав быстрый знак, который его хозяин сделал ему. Этих двоих следовало опоить, а потом избавиться от них. Они были не первыми добровольными доносчиками, канувшими в неизвестность, и вряд ли их кто-нибудь хватился бы, поскольку солдаты, даже драконы, постоянно дезертировали.

Катаос сидел, погруженный в мысли. Он убил из предосторожности, из-за необыкновенной идеи, пришедшей ему в голову. Он помнил историю о желтоволосой женщине, Ашне'е, которая, как верила чернь, умертвила своего ребенка и сожрала его. В более просвещенных кругах в исчезновении младенца обвиняли многих — Амнора Советника, Вал-Малу, даже Орна. И все же, если он остался в живых...

Желтоглазый мужчина, в чьих жилах текла кровь Народа Равнин и кровь Висов — *царствующих Висов* — кровь Редона... Как часто это сходство тревожило Катаоса! Неужели он наконец наткнулся на недостающую часть головоломки?

Ральднор. Ральднор, незаконнорожденный сын Редона от ведьмы с Равнин.

Знал ли об этом он сам? Нет. И его действия, и его поведение свидетельствовали об обратном.

Катаос вспомнил о древнем законе — о законе, который гласил, что последнее дитя мужского пола, зачатое Монархом перед своей смертью, становится его наследником. Он представил себе трон Дорфара. Он зачаровывал Катаоса, сияя в недостижимой дали всю его взрослую жизнь. А теперь ему в руки сама шла возможность претворить этот мираж в реальность — безумная, но вполне осуществимая возможность, ключевым моментом которой будет Ральднор.

Даже мой отец, подумал Катаос, *довольствовался регентством.*

Ибо регентство было предпоследней ступенью перед самим троном. А в самом конце избавиться от короля, в чьих жилах текла презренная кровь Народа Равнин, будет проще простого.

12

Долгий ласковый закат жарких месяцев опустился на горы и холмы, раскрасив их в нежные розовые, лавандовые и золотистые тона. Ральднор гнал свою колесницу, катившуюся из Корамвиса по малоизвестным тропкам и окольным дорогам. Но он был слишком искусным возничим — управление колесницей не занимало весь его ум целиком. Он правил и думал о ней.

Амрека ожидали через три дня. Ральднор не приближался к ней с самого дня землетрясения. Он видел ее, как и прежде, лишь издалека, движущуюся на веревочках куклу. Временами, хотя и не часто, он ощущал в своем мозгу еле уловимые, точно трепет крылышек мотылька, шевеления ее разума. Она не доверяла ему среди чужаков — или же не доверяла себе самой. Иногда в темноте он чувствовал ее бесплотное присутствие, очень похожее на прикосновение. Даже в эти краткие минуты контакта их мысленный разговор простирался далеко за пределы слов, в те отвлеченные, но вместе с тем понятные обоим области, которые составляют душу разума.

Он сходил с ума по ней, а она — по нему. Он знал это. Звезда терзала их обоих. Теперь он не звал никого из женщин в свою постель, потому что не желал никого, кроме нее. Он почти не спал. Его сжигал какой-то внутренний пламень, как когда-то раньше. Она снова сделала из меня жителя Равнин, — думал он. Она была девственницей. Это не удивило его, ведь в тот короткий миг их мысленного единения он узнал всю ее жизнь. До него она никогда не желала ни одного мужчину. Теперь ее страсть была столь же всепоглощающей, как и его. Но ни один из них не пытался искать другого. Они были ограничены строгими правилами дворцового этикета — эти двое, подобных которым не было.

Он очутился за озером. Тропы стали ненадежными, потом непроходимыми. Он стреножил скакунов и пошел пешком. Какой-то инстинкт гнал его вверх. Солнце почти зашло, растекшись лужицей ослепительного прощального света на вершинах гор.

Неожиданно он наткнулся на хижину и чахлое поле. Дальше склон поднимался вверх, уходя в черноту пещеры. Он остано-

вился, глядя на нее. Ему приходилось слышать о людях, которых какая-то незримая сила приводила к краю обрыва и заставляла броситься в ущелье, на верную смерть. Что-то в черной пасти пещеры притягивало его с той же леденящей кровь неумолимостью.

Внезапно на пороге хижины показалась женщина. Похоже, она увидела его. Она помахала ему и поспешила по склону ему навстречу. Она двигалась, кокетливо покачивая бедрами, но когда она приблизилась к нему, он мгновенно заметил, какой грязной, старой и жалкой она была. И явно душевнобольной.

— Не хотите ли заглянуть ко мне в дом?

Он ничего не ответил, и она в жуткой и отвратительной пародии на обольстительность приспустила с плеч платье, продемонстрировав висящее на шее ожерелье из сверкающих драгоценных камней. Должно быть, она где-то украла его. Ничто ни в этой хижине, ни в ней самой не намекало на достаток, а эти фиолетовые камни... Она определенно не имела ни малейшего представления о том, какова их цена.

— Где ты нашла свое ожерелье? — спросил он.

Она мгновенно прикрыла руками горло.

— У меня нет никакого ожерелья... нет-нет, никакого ожерелья.

Он приблизился к ней на полшага. Она завопила, и из хижины выскочил здоровенный верзила, лишь отдаленно напоминавший человека. Он взбежал по склону, и женщина вцепилась в него, но он отшвырнул ее, и она упала лицом на иссушенное жнивье.

Ральднор вытащил нож.

— Я — человек Повелителя Гроз. Берегись.

Существо остановилось. С недоуменным упреком он сказал:

— Не стоило заставлять ее кричать.

— Я ничего не сделал. Просто спросил о ее ожерелье. Это ты украл его для нее?

— Я? Нет, господин. Она дурочка, совершенно безобидная. Придется отлупить ее...

Услышав эти слова, женщина захныкала.

— Спроси ее, где она его взяла.

Верзила подскочил к ней и рывком поставил ее на ноги. Потом взглянул на камни и ахнул от ужаса.

— Где ты взяла эти побрякушки, дрянь? — Там... там, наверху... человек вышел, а я взяла их, когда он спал.

Ральднор снова взглянул вверх, куда она тыкала, в чернильно-черную ноздрю скалы. И снова по спине у него забегали колючие холодные мурашки.

Была одна легенда. Эраз рассказывала ее ему еще ребенком. Камень богини, Змеиное Око...

Он вынул из пояса монетку и бросил ее верзиле. Потом медленно зашагал по склону в пасть тьмы.

Почти в полночь любовники, все еще прогуливающиеся по садам, и запоздалые прохожие, идущие по своим делам, могли

слышать шум проезжающей мимо них коляски. Женщины выглядывали из шафранно-желтых окошек и театрально вздыхали, ибо это Сарит проезжал по темным городским улицам.

На террасе Дворца Мира двое или трое часовых, с громким хохотом что-то обсуждавших, замерли и вытянулись в струнку. Когда он появился, вид у него был такой, что они не решились даже заговорить с ним. Впоследствии они обсудили это — возможно, какой-нибудь наркотик наслаждения из Зарависса, или женщина, оказавшаяся наконец не по зубам даже самому Ральднору эм Сару.

Во внутренней комнате скучал офицер гвардии королевы — Клорис. Ум Ральднора медленно шевельнулся. Он предположил, что Клорис снова волочится за Лики, но Клорис поклонился с нахально преувеличенной вежливостью и сказал:

— Ее величество послало меня освободить вас от вашей должности. То есть, от должности телохранителя принцессы Астарис. Вот бумага с печатью королевы. Мои люди сопроводили царственную кармианку на закате — теперь она занимает покои во Дворце Гроз. — Он улыбнулся с многозначительным видом. — Лорд Амрек, несомненно, ожидает найти ее там.

Внутри Ральднора что-то шевельнулось, оцепенение, владевшее им с самых гор, понемногу начало рассеиваться. Он ощутил, что ее здесь больше нет. Он взял узорчатый свиток, бросил взгляд на печать Вал-Малы. Котон уже давным-давно бы ее проверил. Он почти ожидал такой внезапной смены тактики из страха перед возвращением Амрека. Он сказал какие-то обязательные слова, но Клорис не уходил.

— Есть еще одно дело — с час назад, пока ждал вашего возвращения, я обнаружил оборванца, ошивающегося вокруг ваших покоев.

Мерзкая улыбочка Клориса слегка угасла под взглядом Ральднора.

— В общем, — сказал он, — я задержал его до вашего прихода. Он немой, но ваши... э-э, Волки... поняли по его жестам, что ему нужны были вы. Сейчас он у них.

Ральднор отрывисто кивнул ему и отправился в караулку. Клорис, которого вроде бы ничего больше здесь не держало, продолжил слоняться по комнате с видом полнейшего безразличия.

Точно тень из страны мертвых, немой таращился на него застывшими глазами. Он был нищим со стертыми до крови пыльными ногами, но в руках он сжимал крошечный мешочек с прядью кроваво-красного шелка — волос, которые могли принадлежать лишь одной женщине.

Ральднор, еще не полностью стряхнувший с себя дурман видения, посетившего его в пещере, действовал, точно во сне. Задержавшись лишь для того, чтобы набросить на плечи черный плащ и ни на секунду не задумавшись, он зашагал вслед за немым по улицам ночного города.

Они миновали Дворец Гроз и шли по широким белым бульварам, залитым светом цикламеновой луны.

Вскоре улицы стали более узкими, а фонари начали попадаться куда реже. В конце концов его охватило беспокойство. Ленивый женский голос, позвавший его из одного окна, чуть было не обошелся его обладательнице куда дороже, чем она могла себе представить.

От реки тянуло сыростью и плесенью. Проводник Ральднора свернул на улицу, застроенную особняками, на чьих высоких покосившихся воротах красовались утратившие былой блеск гербы древних семейств. Теперь эти рассыпающиеся дворцы населяли водяные змеи и крысы, да еще, возможно, грабители, головорезы и сводники.

Немой поспешил по мостовой и нырнул в черную дыру арки.

Идеальное место для убийства, подумалось Ральднору, но он все-таки последовал за своим провожатым.

За высокой стеной буйствовал сад. Он с изумлением смотрел на заросшие лужайки, на бледность давно упавших статуй. Немой резко остановился. Он протянул руку, показывая сквозь спутанные заросли деревьев на полуобрушенную громаду старинного особняка. Пустые глазницы выбитых окон слепо таращились на него, а за оплетенными плющом башнями серой сталью поблескивала река.

Проводник Ральднора скользнул куда-то в темноту и немедленно исчез.

Ральднор вытащил из-за пояса нож. Это были ее волосы, он не спутал бы их ни с чьими другими, но все же эти развалины наполняли его свинцовым недоверием. Он пошел вперед, путаясь в клонящейся под ночным ветром траве.

В саду было пусто. Единственные существа, которых можно было бы назвать убийцами, охотились на куда более мелкую дичь, чем она.

Он прошел между двумя рухнувшими колоннами. Сквозь местами обвалившуюся крышу просачивался бледный лунный свет. Впереди еле уловимым топазовым бликом блеснул лучик света от лампы.

Он пошел по развалинам в направлении этого света и очутился в четырехугольной гостиной, выходящей на Окрис и наполненную шумом реки ночь. На другом берегу горели храмовые огни, здесь же мрак разгоняла маленькая лампа, горящая на своем пьедестале. В углу комнаты виднелась кровать с прозрачными занавесями. Он подошел и коснулся их, и мелкая пыль рассыпалась под его пальцами вместе с бесплотным от времени газом.

Он ощутил легчайшее, точно трепет крыльев мотылька, нерешительное прикосновение к своему разуму.

И мгновенно обернулся. На пороге стояла женщина в плаще, с лицом, закрытым капюшоном. Он подошел к ней и, осторожно опустив капюшон, запустил руки в пламенеющие пряди ее волос.

— Как ты нашла это место?

— Я наконец-то стала прислушиваться к сплетням. Этот дворец многие годы служил местом любовных встреч. Его старый хранитель — слепой.

— Это он так говорит. Тебе не стоило подвергать себя такой опасности.

— У нас так мало времени, — сказала она спокойно.

В этих словах звучало отчаяние, но при этом они не были грустными. Возразить ему было нечего, и он промолчал. Потом она прикоснулась к его лицу и сказала:

— Твоя богиня говорила с тобой.

Он чуть отстранил ее от себя, и их окружила пронизанная шепотом реки тишина.

— Нет, Астарис.

Очень медленно он приоткрыл перед ней свой разум и позволил ей увидеть то, что видел он. Шок, леденящий тело ужас; охвативший его восторг он смягчил для нее, забыв, что силе своих впечатлений отчасти обязан воспоминаниям, унаследованным от своей расы. Он провел ее по темной, предательски обрывающейся под ногами пещере, дал ей услышать звон капель, срывающихся с сырых каменных сводов, и поющую тишину и увидеть внутреннюю полость, заливаемую неудержимым светом, становящимся все ярче и ярче, исходящим от какого-то немыслимого источника. А потом — ослепительную белизну великанши с извивающимся золотым хвостом. Анакир, Повелительница Змей. Его кости, казалось, размягчились.

Но жуткий экстаз продлился недолго. Он постиг ее истинную суть — величественного символа, но не самой богини. Даже ее змеиный хвост был разрушен, а часть золотых чешуй осыпались и пропали. И все же Она стояла в Дорфаре, в самом сердце, в центре Виса, стояла так бесчисленные века, эта желтоволосая и белолицая богиня Равнин. Сколькие, подобно ему, нашли ее и бежали? Немногие. Кто-то ограбил ее, но в Дорфаре не стало о ней известно — ходили лишь легенды о горных баналиках и демонах, схожие во всех землях.

Он ощутил, как женщина в его объятиях задрожала, и крепче обнял ее.

— Я думала, что тебе было даровано видение, — сказала она, — но и Она тоже была всего лишь изваянием.

— Нет, Она подарила мне кое-что, нечто пока слишком неуловимое для меня. Но со временем я пойму. Кроме того, мне нужна только ты. И мы найдем наш ответ. Я знаю это.

За террасой Застис заливала реку металлическим багрянцем. Она принесла им первое утешение страсти, а вслед за ним и ненасытное пламя, охватившее их. Особняк был тихим и укромным местом; он заглушал шепоты и вскрики влюбленных — и мучительное счастье, пересмежавшее каждое их соитие в эту нескончаемую ночь.

Клорис шагал по утихшим садам Дворца Мира. Он выпил изрядное количество вина, и было очень поздно — или, по его предположениям, рано — близился рассвет. У маленького декоративного пруда сидела девушка в просторном светлом платье.

Он все еще волочился за Лики — просто потому, что все еще не получил ее. Сейчас, после четвертого кубка крепкого вина, ему пришло в голову, что теперь у него есть кое-какая новость, которая может все изменить.

Он споткнулся о корень. В ветвях дерева, которому принадлежал этот корень, проснулась птица, издав серебристую трель. Люки обернулась.

— До чего же ты неуклюжий шпион, Клорис.

Он пьяно хихикнул.

— Когда-нибудь ты порежешь рот о свой язычок. С чего ты взяла, что я шпионю за тобой? Ведь мне это не нужно, не так ли, чтобы увидеть, как округлился твой живот?

Он был очень доволен, когда она вздрогнула и отвела взгляд. Приблизившись к ней, он одной рукой обхватил ее за талию, а другой ущипнул за грудь. Она оттолкнула его.

— Все еще надеешься, что твой драгоценный Дракон-Лорд будет это делать, Лики? — Она ничего не ответила. — Сарит, — продолжил Клорис вкрадчиво, — нашел себе другое лакомое блюдо. Странную эксцентричную даму, которая посылает немых оборванцев, чтобы проводили его к ней.

И тут же понял, что завладел ее вниманием.

— О чем это ты?

— Немой пришел, и Ральднор куда-то пошел вслед за ним. Куда еще они могли отправиться в застийскую ночь?

— Немой.., — протянула она. Казалось, она недоумевала.

Он небрежно прислонился к дереву.

— Немой, бессловесный, безъязыкий оборванец.

Двигаясь, как он думал, с неожиданной быстротой, он прыгнул на нее и прижал к себе, но она вывернулась и, прежде чем он успел остановить ее, расцарапала ему щеку острыми, как иглы, ногтями. Он с криком отшатнулся, а она бросилась бежать по ровно подстриженным лужайкам.

Возвращаясь обратно через сад, Клорис наткнулся на ночной патруль с фонарями.

Едва стоило ему миновать их, как один с ухмылкой повернулся к другому.

— Гляди-ка, нынче ночью Клорис в кустах наткнулся на калинкса!

Занялся холодный, точно прогоревший костер, рассвет, и Звезда подернулась пеплом.

С ледяными глазами Лики остановилась у ворот Дворца Мира.

Как она и думала, железная колесница стояла немного поодаль на белой дороге, ожидая ее. Все окутывала полупрозрачная пелена тумана, и колесница точно вырастала из него, тяжелая и черная, как застарелый гнев. Она положила руку на поручень и подняла глаза. Он научился управлять своей упряжкой одной левой рукой. Должно быть, это было очень нелегко.

— Как видишь, твой постреленок-посыльный отыскал меня, — сказал он. — Похоже, теперь тебе, на свой женский лад, хочется навредить Ральднору из Сара так же сильно, как и мне. Я так и знал, что мой час придет.

— Тогда я могу сказать тебе кое-что, что обрадует тебя, Ригон. После этого я выхожу из игры. — Она взглянула на свою руку, лежащую на поручне, потом снова подняла глаза. — Твой враг провел эту ночь с принцессой Астарис.

Шрам на щеке Ригона, казалось, блеснул. Гримаса не то боли, не то свирепой радости исказила его черты.

— Ты соображаешь, что сказала, женщина? Ты говоришь правду или то, что хочет твой гнусный язык?

— Правду. Неужели я осмелилась бы произнести подобное обвинение, если бы это было не так?

— Я припоминаю, — сказал Ригон. — Он и в Абиссе не вылезал из постелей разных шлюх. Похоже, он и здесь не утратил этой привычки.

— Я уже давно начала подозревать, что между ними что-то есть, — продолжила Лики, и ее глаза злобно сверкнули. — Вчера к нам пришел нищий, выпрашивая хлеба. Он был немым, и она случайно услышала об этом. Велела мне привести его, а потом отослала меня. Это было до того, как за ней пришел эскорт королевы, чтобы отвести ее во Дворец. Когда на закате она ушла с ними, то оставила всех фрейлин там, чтобы они позаботились о ее нарядах и драгоценностях. Это показалось нам необычным, но она всегда странная. Я не задумывалась об этом, пока не узнала, что немой оборванец пришел сюда в полночь и увел с собой Ральднора, как мы решили, в какое-нибудь любовное гнездышко.

— Какая же ты все-таки ревнивая сучка, Лики. Боги покарают тебя за это. — Он ухмыльнулся ей. — А теперь ты отправишься с мной и расскажешь все это лорду Катаосу.

Перепуганная, она рванулась прочь от коляски.

— Я же сказала, что с меня довольно.

— А я сказал, нет.

Она бросилась было бежать, охваченная внезапной паникой, но он легко ухватил ее за руку и дернул к себе. Украшенный драгоценными камнями гребень вывалился из ее прически, упав на дорогу.

Колесница, качнувшись, пришла в движение, и пламенеющие небеса понеслись в противоположную сторону.

Они добрались до виллы Катаоса, каменно-неподвижной над спящим еще городом, ранним утром.

Ригон дернул поводья, останавливая колесницу, и стреножил скакунов. За все это время он оглянулся на нее всего раз.

— Жди здесь. Если убежишь, я разыщу тебя, а я могу быть очень настойчивым.

Он прошел сквозь узкую калитку в стене, и дверца захлопнулась.

Она не осмелилась убежать, хотя ждать ей пришлось довольно долго. Она слишком хорошо помнила воспаленный шрам, вспыхнувшей собственной багровой жизнью. В конце концов она открыла вделанное в браслет круглое зеркальце и попыталась привести в порядок лицо. Потерянный гребень стоил уйму денег; вне сомнения, какой-нибудь вор отыщет его и будет вне себя от радости.

Наконец слуга в желтой ливрее Катаоса открыл дверцу и поманил ее. Она пошла вслед за ним по роскошным комнатам, пока не очутилась перед Катаосом, от которого ее отделяло несколько ярдов ледяного мрамора.

Он был совершенно бесстрастным, как и обычно, но слева от него стоял Ригон, явно вне себя от нетерпения.

— Ну что, мадам. — Холодность Катаоса была полной противоположностью безумному возбуждению человека, стоявшего рядом с ним. — Я слышал забавную историю. Полагаю, вы были любовницей Ральднора.

— Некоторое время назад, — сказала она резко.

— А теперь вы направо и налево рассказываете о вашем бывшем любовнике.

— Я здесь не по собственной воле.

— Вот как? Вы и с Ригоном не по собственной воле говорили, да? Что двигало вами, мадам — здравый смысл или злоба?

Твердо и с едким достоинством она проговорила:

— Думаю, что боги Дорфара не пощадили бы меня, если бы я позволила осквернить ложе Повелителя Гроз.

— Что ж. Я еще раз послушаю ваш рассказ. И советую быть осторожнее со словами, которые вы выбираете. Интересно, понимаете ли вы, на что обрекаете Ральднора. Вижу, что понимаете. Тогда помните, что если вы солжете мне, то сами отправитесь следом за ним.

Вал-Мала покрутила жемчужину, висящую в ложбинке у ее бархатистого горла.

— Бедный Катаос, — промурлыкала она, — я совсем тебя забросила.

Катаос улыбнулся.

— Это ваша привилегия, мадам, и мое несчастье. Но не причина, по которой я просил вашей аудиенции.

Она приподняла бровь. Утром вернулся Амрек, и все следы ее мнимого недуга с нее точно рукой сняло. Их встреча, насколько он слышал, вышла по обыкновению бурной. Разумеется, Вал-Мала не отправилась бы на нее, будь она в хоть сколько-нибудь уязвимом состоянии.

— До меня дошли некоторые странные сведения, которые, вне всякого сомнения, причинят вам большое горе. — Он сделал секундную паузу. — Эти сведения касаются невесты вашего сына. — Ага, она явно заинтересовалась! И даже не пыталась скрыть своего интереса. — Тем не менее, обстоятельства дела неясны. Я обращаюсь к вам, мадам, чтобы вы рассудили, правда ли это или ложь.

— Расскажи мне, что она сделала.

— Я слышал, что она назначила любовное свидание Ральднору из Сара.

Он не был готов к тому волнению, которое вызвало у нее его заявление. С горящими глазами она осведомилась:

— Ты хочешь сказать, что она отдалась ему, стала его шлюхой?

Он подавил улыбку. Как ни забавно, он предполагал, что она сама тоже стала «шлюхой» Ральднора. Похоже, она догадалась о его мыслях.

— Сарит никогда ничего для меня не значил, Катаос, — отрезала она. — Он наглый выскочка. Я не стану жалеть, когда Амрек избавится от него.

По лицу Катаоса никто не догадался бы о его мнении. Он-то как раз горько сожалел о необходимости смерти Ральднора — Ральднора, который мог бы дать ему в руки ключ к столь многому. Если бы только у него было время обдумать все как следует. Но обстоятельства и предательство оказались непредвиденными. Он был вынужден пойти на крайнюю меру — отдать Астарис на съедение Вал-Мале — из-за того, что человек, на которого он собирался поставить, оказался болваном. Он сожалел и о том, что восхитительное тело Астарис достанется лишь пламени.

— Ваше Высочество, если лорд Амрек поймет, что я действую против принцессы, он попытается остановить меня, возможно, даже найдет какой-то способ устранить меня. Если расследование будет предпринято от вашего имени, я смогу безнаказанно установить все факты измены.

Она кивнула головой в золотистом парике, выражая недвусмысленное согласие.

— Займись этим. Какие у тебя планы?

Он кратко перечислил ей их. Странно, но в этот миг он напомнил ей Амнора — Амнора, который пообещал ей устроить смерть Редона и наградой которому стала его собственная смерть. Но, выслушав его, она улыбнулась, ибо уже видела всех своих врагов поверженными, представляла себе это падение ярких звезд и изгнание старых призраков.

Человек поклонился Ральднору, сидевшему на террасе Дворца Мира, и сунул ему в руку драгоценный камень.

— Вам знаком этот камень, милорд?

— Это перстень принцессы Астарис — как он у тебя оказался?

— Не стоит гневаться, милорд. Моя госпожа заверит вас в этом. Она просит вас быть у нее сегодня вечером.

— Кто такая твоя госпожа?

— Вы хорошо знакомы с ней, Дракон-Лорд. Ее последний слуга передал вам ее послание без слов.

Ральднор взглянул на этого человека, и сердце у него сжалось от страха за нее. Слова были слишком дерзкими. На этот раз она выбрала не лучшего гонца.

— Ты чересчур болтлив. Осторожней.

— Прошу прощения, милорд. Я делаю лишь то, что мне приказано. Вы придете туда, где виделись с ней в прошлый раз?

— Она знает, что я там буду.

— Вы помните дорогу? На этот раз вам придется обойтись без проводника.

— Я ее помню.

— Тогда приходите через два часа после заката, когда она уйдет с пира.

Он снова поклонился и исчез.

Он сам, занимаясь определенным ремеслом на берегу реки, отлично знал заброшенный особняк на Водной улице. Похоже, они расспросили фрейлин принцессы о том, где те назначали свои свидания, а потом выжали из старого идиота хранителя все остальное — о женщине в плаще с капюшоном и о ее любовнике, о бесценных камнях, которые он получил в уплату. Потом главная фрейлина Астарис выкрала у нее перстень. Это было легче легкого, и злодей, пробираясь по саду, с презрением думал об их глупости, этих великих, у которых было все и которые считали себя столь любимыми богами, что полагали, будто никогда не хлебнут горя. Что ж, туда им и дорожка, этой парочке.

Ральднор почти догадывался о западне, устроенной для него. Не сознательно — это было какое-то покалывание в глубине его костей. Но он не стал ни анализировать его, ни колебаться, ибо все это время он, казалось, жил в пелене страсти. Кроме того, он уже опасался предательства прежде, но не столкнулся с ним.

Когда он вышел из ворот, вслед за ним от стены отделилась незамеченная никем фигура, закутанная в плащ с капюшоном, как и он сам.

В старых немощеных городских переулках его интуиция обострилась до предела. Когда он добрался до улицы особняков, по его телу без явных причин бегали мурашки. Он нырнул под арку, вытащив из-за пояса нож, и пошел через наполненный шорохами сад к портику огромного дома. Где-то впереди снова горела лампа. Но это не успокоило его натянутые нервы. Он остановился и потянулся к ней своим разумом через весь мрачный, пропахший речной сыростью дворец, но не уловил ответа.

На миг его охватил цепкий леденящий страх, что ее больше нет в живых, но Аниси говорила ему, что уж это-то он непременно должен был почувствовать. Он прошел сквозь мрачные залы в гостиную.

Лампа светила как и в прошлый раз, но более приглушенно, а за стеной плескалась река. На кровати лежала смутная темная тень, которая внезапно поднялась и высунула из-за полога ухмыляющееся лицо со страшным багровым шрамом.

— Сегодня тебе достался не столь лакомый кусочек, как ты предвкушал, Сарит.

Ригон. Он едва узнал его. Внезапно пришло понимание, что мрак в соседнем зале скрывает в себе множество людей. Единым прыжком он пересек комнату и узкую полоску террасы. Взвившись в воздух, он увидел гостеприимно раскрывший ему объятия Окрис.

* * *

В разгар лета, в неглубоких ручьях Равнин, он плавал, чтобы смыть с себя дневную пыль. Но эта река, сейчас, в Корамвисе, была медлительной и очень холодной под поверхностью. Когда он поднял голову, чтобы глотнуть воздуха, то уперся взглядом в каменную стену, липкую от оплетших ее слизких водорослей, где в грязной пене плавал старый кухонный горшок.

Терраса разрушенного дворца осталась позади, теперь ярко освещенная огнями. Они знали, что он в воде, но он плыл слишком быстро для них. Они решили, что он поплыл в другую сторону, поскольку именно туда и показывали. Их внимание привлекла полузатонувшая доска, и один из солдат метнул в нее дротик. Ральднор снова нырнул.

Свет красной луны просачивался в глубину, и речные боги по пятам преследовали его.

Он поднялся к поверхности второй раз; теперь особняк остался далеко внизу по течению. Из воды вели обломанные ступени. Он выбрался на заброшенную пристань, распугивая крыс. За пристанью начинались темные переулки. Он наугад выбрал один и двинулся по нему.

Вскоре до него донеслись мужские голоса и глухое звяканье чешуйчатых лат. Потом за рядами убогих лачуг слева от него показались факелы. Должно быть, они все же поняли, кто скрывался под той доской, и разбились на две группы. Он взобрался по фонарному столбу и перелез с него на крышу какого-то домишки, вжавшись в грязную глину, еще не остывшую после дневной жары.

Они прошли под ним, тыча копьями в темные места — двери, переулки — но не глядя на тротуар.

— Должно быть, он побежал к воротам! — прокричал кто-то.

Преследователи направились по узкой улочке на север.

Охваченный волнением, он лежал на крыше. Кроме него и его преследователей, все было неподвижно. Он все еще видел рыжеватые отблески их факелов, сместившиеся куда-то вправо, и хижины, выделяющиеся на их фоне, точно вырезанные из черной бумаги. А за ними, пробивающиеся, словно бледные сигнальные огни на однообразном фоне трущоб, он различил укрепления Речного гарнизона.

В мозгу у него забрезжил полуоформившийся план, план безумца, как уже однажды случилось с ним прежде. Если он доберется до Крина, то ему, возможно, удастся, воспользовавшись своим рангом, конфисковать колесницу и прорваться на ней через патрули ко Дворцу Гроз — кому придет в голову, что он отважится появиться там? Он должен найти какой-нибудь способ пробиться к Астарис. Теперь у него наконец-то, хотя и не при лучших обстоятельствах, появилась свободная минутка, чтобы осознать, что произошло, и представить, что будет с ней. Но он вытащит ее из любой темницы, куда бы они ее ни бросили, сколь бы ничтожны ни были его шансы и крепка ее тюрьма. Он отдаст за нее свою жизнь и свободу, если потребуется, без раздумий, ибо одна мысль о том, что он может потерять ее в огне, была совершенно невыносимой, и перспектива собствен-

ной гибели казалась ему неизмеримо более предпочтительной, нежели ее мучения. Это были совершенно новые, неизведанные доселе чувства. Как тогда в саду, в Абиссе, какой-то импульс подчинил его себе и погнал вперед.

Он перемахнул через парапет и бесшумно приземлился на булыжники мостовой.

И увидел — слишком поздно — патруль, затаившийся в ожидании его. Они выскочили из своего укрытия, и Звезда ярко раскрасила их обрадованные лица. Он бросился назад и услышал громкий крик. Замелькали огни факелов.

Он бросился бежать по узкому переулку, во второй раз свернул на улицу Свиданий и очутился на открытой и просматриваемой со всех сторон площади перед высокими воротами Гарнизона. Двое часовых в красных плащах, опираясь на копья, стояли на площадке перед воротами. Они явно скучали, не ожидая — до сих пор — от этой ночи ничего особенного. Крики преследователей Ральднора и огни факелов заставили их головы взметнуться. Они напряглись, крепко сжимая копья.

Внизу показалась бегущая фигура, а за ней — четырнадцать или пятнадцать гвардейцев королевы. Потом на миг все движение прекратилось, и люди застыли, точно актеры в живой картине, залитые колышущимся огнем факелов.

Ральднор взглянул на часовых на площадке. Набрав полную грудь воздуха, он приготовился заговорить со всей возможной властностью. Ему предстояло вновь бросить кости в этой игре со смертью, но перед глазами у него стояла лишь она.

За спиной у него что-то со свистом разорвало воздух, и он ощутил сильный толчок в спину. Сначала он решил, что в него запустили камнем, но боли не было. Он обернулся, чтобы взглянуть на них — еще в самом начале подготовки его учили никогда не поворачиваться к противнику спиной, но он забыл об этом. И в тот же миг понял, что больше не может видеть. Это произошло внезапно, слишком стремительно, чтобы он успел испугаться. Потом отключился слух, а после этого померкло все. Последнее, что промелькнуло у него в сознании, было женское имя, сияющее, точно алый камень, но он больше не мог вспомнить, кому оно принадлежала. Через миг он провалился в бессознательность.

Гвардеец, вонзивший нож в спину Ральднора, отошел в сторону, и Ральднор мешком свалился на землю. Он ухмыльнулся, глядя прямо в лица часовых, и наклонился, чтобы обтереть окровавленное лезвие об одежду беглеца.

— У вас есть право убивать? — крикнул один из часовых.

Стражник тщательно обтер свой нож и ткнул в эмблему Вал-Малы.

Вот мое право.

Часовой обернулся и закричал что-то во двор. Почти тотчас же зазвенел набат.

— Расскажете о своих правах Дракону Крину, когда он придет.

— И кто же задержит нас здесь? — выплюнул гвардеец.

Но ворота уже широко распахнулись, и оттуда выдвинулась фаланга солдат, полностью вооруженных, вплоть до щитов. Одного из них быстро послали за Крином.

Вскоре на галерее показался Дракон-Лорд, не выказавший ни неудовольствия, ни удивления тем, что его вызвали из-за какой-то стычки. Он спокойно оглядел всю сцену и в конце концов спросил, совершено ровным тоном:

— Кто этот человек?

— Он наш, — огрызнулся гвардеец, — по приказу королевы. Не чините нам дальнейших препятствий, Дракон-Лорд.

— Я так и не услышал ответа на свой вопрос, — подчеркнуто вежливо напомнил Крин, но в его глазах блеснула сталь. — Я спросил вас, кто этот человек.

— Сарит, называющий себя Ральднором. Военачальник короля Амрека.

— И какое же преступление он совершил?

— Это, Дракон, дело королевы.

Крин склонился над человеком, которого называли Ральднором, и осторожно перевернул его. Он явно недавно выбрался из реки, этот парень, и, судя по его виду, был одной ногой в могиле. Крен приподнял одно веко, коснулся безжизненного запястья. И со странным ощущением неотвратимости заметил, что на его левой руке не хватает мизинца. Он слышал о фаворите Амрека, но не прислушивался к этим разговорам. Но это лицо было лицом Редона. И псы Вал-Малы преследовали его. Крин не питал особой любви к королевы, а этот участок Корамвиса находился в его ведении. Он почувствовал слабо трепещущий под его пальцами пульс Сарита, но он быстро терял кровь.

Крин выпрямился.

— Вы превосходно справились с заданием своей госпожи, — сказал он резко. — Этот человек мертв.

Еле уловимый знак — и фаланга сомкнулась вокруг него и Ральднора. Двое солдат подняли Ральднора на щит и быстро унесли за ворота.

— Вы не имеете права! — закричал гвардеец королевы.

— Я хотел бы напомнить вам, господа, что вы находитесь на территории Речного гарнизона. Здесь я имею все права. Но если вам будет угодно дождаться нашего врача, он, вне всякого сомнения, подтвердит то, что я только что сказал вам.

Им не оставалось ничего иного, как подчиниться.

Его радушие было безупречным. Он даже приказал принести им вина, в то время как они, бранясь, расхаживали по залу. В конце концов появился старик в покрытом какими-то пятнами халате. Он бросил тревожный взгляд на Крина, потом буркнул:

— Мертв. Клинок пронзил легкое.

Гвардеец мгновенно вскинулся.

— Если бы было задето легкое, у него на губах выступила бы кровь. Думаешь, я ни разу не видел, как умирают? Ты не разбираешься в своем ремесле, Эарл тебя побери!

Врач вдруг вскипел. Ложь по приказу Крина далась ему нелегко, но нотация этого дилетанта вывела его из себя.

— Зато вы отлично разбираетесь в своем — уничтожать то, что создали боги! А мне приходится штопать, что могу, после ваших святотатств. Вы прикончили свою жертву, и если вам известен способ, как можно остаться в живых с остановившимся сердцем, я был бы очень рад узнать о нем. Что же касается Эарла, ему об этом месте известно куда больше, чем нам с вами.

13

Амрек повертел украшенное драгоценными камнями ожерелье в руках. Прекрасная вещица, достойная быть принесенной ей в дар. Но доставит ли она ей хоть какое-то удовольствие? Она, похоже, никогда не замечает, что носит. Он кивнул ювелиру и его помощнику, не отводя глаз от камней, вспыхивающих в свете лампы. Ему было не по себе. Он виделся с ней на пиру, и она показалась ему такой же далекой, как и прежде — но при этом странно изменившейся. Он не мог бы определить эту перемену, просто ощущал ее. Когда в вестибюле он обнял ее, то почувствовал в ней что-то странно-новое, как будто какой-то исходящий от нее бесплотный аромат. Но не он вызвал в ней эту перемену; она была не из-за него и не для него. Ему казалось, что он потерял все то, чего успел с ней достичь. Проклятая Таддра! Он тосковал по этой женщине каждую одинокую ночь в горах. Откуда теперь ему придется начинать снова?

Из-за приоткрытой двери донесся еле слышный шум. Амрек поднял голову и увидел Вал-Малу.

— Моя царственная матушка. Какая неожиданная радость.

— Отошлите своих людей, — сказала она. — То, что мне предстоит вам сказать, не для их ушей.

Он отложил ожерелье и поднялся.

— В чем дело, мадам? Что, Катаос сегодня оставил вас неудовлетворенной?

Она ничего не сказала. Ее лицо казалось маской бесстрастия, но она не умела носить эту маску. Под ней он различил еле сдерживаемое торжество. Он взглянул на нее пристальнее, и дурное предчувствие прошлось по его коже липкими и холодными пальцами. Он сделал знак ювелиру и его помощнику, все еще топтавшимся в углу, и они, кланяясь, попятились прочь. Он едва заметил это.

— Ну, мадам? Что у вас за новости?

— Сын мой, — начала она, — то, что я собираюсь рассказать вам, касается вашей невесты.

Он почувствовал, что в душе у него поднимаются волны черной ярости.

— Что с ней произошло? Что вы с ней сделали?

— С ней произошло многое, и я не сделала ничего, лишь раскрыла это.

Ненависть, клокотавшая в ней, искажала ее черты, делая ее уродливой. Он сжал ее плечо. Ему казалось невозможным, что когда-то он был заключен в ее теле, находился в ее полной власти — а теперь был свободен от нее, мог, если бы захотел, выдавить из нее жизнь, но все равно оставался перед ней беспомощным и хнычущим ребенком.

— Довольно игр, мадам. Рассказывайте, что хотели.

И увидел ее улыбку. Она не смогла удержать ее.

— Ваш Дракон-Лорд, Ральднор Сарит, взял на себя смелость учить вашу невесту постельным премудростям.

Он оттолкнул ее, как будто она обожгла его.

— Не лги мне, — выдавил он, прекрасно зная, что даже она ни за что не осмелилась бы солгать ему в подобном деле, и внезапно снова ощутив тот новый, безымянный, бесплотный запах, исходивший от кожи Астарис.

Вал-Мала снова спряталась за ничего не выражающей маской и принялась рассказывать.

Пока она говорила, он не отводил глаз от ее губ. Казалось, он следил за тем, как с них слетают слова, как будто смотрел на крыс, выбирающихся из какой-то зловонной подземной щели. Когда она закончила, его лицо стало совершенно застывшим и пустым, словно раскрашенная маска скомороха на карнавале.

Он отвернулся от нее, закрыв глаза, чтобы их не резал свет, но ее монотонный голос преследовал его, проникая в самые отдаленные уголки его сознания.

— Разумеется, Амрек, будет гораздо лучше, если ты узнаешь до свадьбы, а не после нее, какая дрянь твоя принцесса. Тебе что, нужна в твоей постели шлюха, которая каждую ночь будет приходить к тебе из койки какого-нибудь из твоих солдат?

Глаза у нее блестели, но все же что-то внутри у нее подрагивало, ожидая вспышки его гнева. Она отлично помнила, как он однажды набросился на нее еще ребенком, когда она отказала ему в чем-то. Он убил бы ее, окажись у него под рукой какое-нибудь оружие. Но ничего не последовало. Ее охватило злорадное торжество.

— Ты предпочитаешь, Амрек, чтобы тебя обманывали?

— Да, — сказал он безо всякого выражения.

— Похоже, другие больше беспокоятся о твоей чести и чести твоего положения, чем ты. Возможно, если бы ты воспользовалс своим правом жениха, Амрек, она удовлетворилась бы этим и не стала смотреть на сторону. Тебе дали женщину, а не хрустальную статуэтку.

Он вышел из круга света, отбрасываемого лампой. Она слышала его молчание, точно растекающееся в темноте.

— Размазня, — прошипела она. — Подумай о том, как эта кармианка надсмеялась над тобой. Позаботься о том, чтобы она заплатила за это.

Он шел по дворцу, полуослепший от приглушенного света ламп. В передней ее покоев фрейлины, увидев его лицо, в ужасе

разбежались. Он распахнул внутренние двери и очутился лицом к лицу с ней, как будто она ожидала его.

Он с грохотом захлопнул за собой двери и остановился, глядя на нее.

— Меня обручили с вами в Лин-Абиссе, мадам. Я пришел осуществить свои права.

— Как вам будет угодно, милорд, — отозвалась она без отвращения и без охоты. Он понял, что она примет все, что бы он с ней ни сделал, ибо он был лишним в ее жизни. Ярость подступила к горлу, словно горькая желчь. Он ощутил себя бессильным, сексуально и во всех прочих смыслах, перед ее безумной безмятежностью.

— Он принудил тебя? — спросил он.

И в тот же миг уловил ее отклик. Как и однажды в прошлом, он увидел, как в бездонной глубине ее глаз что-то мелькнуло — но это был не страх. Это было сожаление. Она жалела его — *она* жалела! Знала ли она, что ожидает ее?

— Нет, милорд. Я этого хотела. Простите, что причинила вам боль.

— Боль? Думаю, стоит кое-что разъяснить тебе, Астарис. По законам Дорфара за это ты отправишься на костер.

— А Ральднор? — мгновенно спросила она, как будто ее собственная судьба совершенно ее не занимала.

Ком в горле чуть не задушил его.

— С ним сделают то, что я прикажу. Самое меньшее, что ему грозит, это кастрация и виселица.

Она взглянула на нее, но в ее взгляде не было мольбы. Лишь покорность, за них обоих. Он представил, как ее будут привязывать к деревянному столбу, как жадное пламя начнет лизать ее ступни, пожирая ее хрупкие кости, точно трут, увидел как наяву распадающиеся лепестки ее золотистой плоти и черный пепел, носящийся на утреннем ветру, и облако ее пламенеющих волос, которые сами были пламенем, и издал нечеловеческий вопль, закрыв глаза руками, чтобы погасить миллион маленьких костров, в который превратился свет ламп.

— Я ничего не могу сделать, — закричал он, — *ничего!* — и понял, что плачет. Он схватил ее, но прикосновение ее волос было невыносимым. — Нет, — прошептал он, — я не позволю тебе умереть из-за традиции. Я найду какой-нибудь способ.

Смутно, точно откуда-то издалека, он ощутил легкое прикосновение ее руки, горький бальзам ее утешения, этой женщины, которая предала его и могла ожидать в отплату лишь смерти. Откуда-то вдруг пришла мысль о Ральдноре, за которым сейчас охотились по всему Корамвису, о человеке, которому он доверил охранять ее. Умрет ли он от ножа нетерпеливого гвардейца или доживет до веревки, которой ему удалось избежать в саду в Абиссе? Амрек немного помолчал, принимая ее сочувствие, потом отстранился.

— Я пришлю сюда кого-нибудь, — сказал он. — Уходи с ними. Я не могу дать тебе больше ничего, кроме твоей жизни. Ничего с собой не бери.

— Мне придется уйти одной? — спросила она.

Он ощутил, как вокруг него смыкается броня всех этих многих лет.

— Мадам, — сказал он, — не просите у меня слишком многого. Толпа тоже должна получить свое развлечение. Кроме того, ваш любовник скорее всего уже мертв.

Он не знал, собиралась ли она сказать ему еще что-нибудь. Он развернулся и вышел, оставив ее в залитой ослепительным светом ламп комнате. Будет легко обмануть пламя, но все же потерять ее. Он чувствовал свою ужасную, непоправимую правоту. Она не была предназначена ему, он всегда об этом догадывался. И его тело в своем воздержании тоже знало это. Теперь он вернулся в то время, когда еще не знал ее. Он снова стал самим собой, облеченным властью безумцем, чудовищем, калекой. Он снова натянул на себя свой образ. Все, что ему теперь оставалось, это жить в этой яростной тьме.

— Я должен быть верен себе, — решил он.

Перед рассветом пришел человечек, нервничающий и спешащий, который провел ее по нижним коридорам дворца, предварительно закутав в старый залатанный плащ.

В садах было темно и пусто, а у ступеней, ведущих к реке, покачивалась лодочка. Она прошла между двумя каменными драконами и ступила в нее. Стражников не было. И у ее двери тоже.

Встало солнце, затопив Окрис жидким золотом, и ее беспрестанно потеющий провожатый, неумело работая веслами, повел лодку по течению. По обеим сторонам проплывал белый утренний город. Она не спрашивала, куда они плывут. Это ее не волновало.

С тех пор, как они стали любовниками, она всегда чувствовала Ральднора в своем сознании, пусть еле уловимо, но он всегда был где-то там, смутно, но весомо, ненавязчиво, словно воспоминание. А перед тем, как Амрек пришел к ней, она почувствовала, что этот негасимый огонек потух. Это была смерть, она уже знала это. Его Аниси научила и ее тоже.

Теперь она тоже вернулась к тому, чем была, к тому внутреннему стержню, вокруг которого крутились пустые пространства ее жизни. Она не плакала. Ее горе было не настолько отчетливым, чтобы она смогла проанализировать его или руководствоваться им. Горе стало ее плотью.

Пугливый человечек все греб и греб, увозя подальше свой опасный груз. На берегах люди срезали тростник. Это был день, ничем не отличающийся от всех остальных.

Прошло пять дней.

На шестой лорд Катаос, закутанный в плащ, тайком появился в Речном гарнизоне. Печать, которую он показал у ворот, принадлежала Вал-Мале, но, оказавшись внутри, он снял капюшон и спрятал печать. Королева определенно не имела ни малейшего понятия о том, что он находился здесь.

Вышедший Крин поклонился ему, не выказав особого удивления — но подобное поведение вообще было очень в духе этого

Дракон-Лорда, насколько Катаос слышал. Этот человек был военачальником еще в эпоху Редона, но сумел удержаться на этом посту все эти годы после его смерти, что, несомненно, требовало большого ума.

— Ваше посещение, лорд Советник, делает мне честь. Мой солдат не узнал вас.

— Да. Что ж, всем нам время от времени требуется принимать меры предосторожности. В городе неспокойно.

— Я слышал, — сказал Крин.

— Полагают, что принцесса Астарис приняла яд, — буркнул Катаос. — Публичной казни не будет, хотя, насколько я понял, вчера в нижнем городе сожгли чучело. Чернь всегда жаждет зрелищ. Сарита они тоже потеряли. У самых ваших ворот, насколько я слышал.

— Люди королевы проявили нетерпение и ударили его ножом в спину. Его осмотрел мой личный врач, но было уже слишком поздно.

— И тело вы погребли здесь? — Катаос позволил себе самую безобидную улыбку. — Разумеется. В такую жару это было разумно. Полагаю, что королева послала кого-нибудь осмотреть могилу. — Катаос помолчал. — Видите ли, лорд Крин, ходят исключительно странные слухи о том, что Сарит может все еще быть жив.

Крин взглянул ему в лицо и сказал с точно такой же любезностью:

— Ваша светлость слишком добры, что передает мне эти беспочвенные басни. Естественно, чернь поверит всему что угодно.

Катаос оценил острый ум собеседника. Он понял, что ему придется выдать, по меньшей мере, часть правды, хотя ему этого очень и не хотелось.

— Незадолго до того, как Ральднора закололи у ваших ворот, лорд Крин, я получил определенную информацию. Будет ли вам интересно узнать, что в жилах Сарита течет кровь Народа Равнин?

Он увидел, как лицо Крина на миг дрогнуло и он тут же взял себя в руки, но это почти ничего ему не говорило.

— Лорд Крин, — сказал он. — Вы, вне всякого сомнения, должны помнить злополучный союз Редона с женщиной с Равнин, Ашне'е. Их дитя пропало и так и не было обнаружено. Если бы он остался в живых, интересно было бы посмотреть, насколько твердо Совет Корамвиса стал бы придерживаться закона и поддержал ли бы его притязания на трон Дорфара.

Крин ничего не ответил. На лице у него застыло заученное выражение.

— Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду, — сказал Катаос. — Потерять что-либо попусту всегда бывает очень огорчительно.

— Это воистину так, милорд, но, как вы, несомненно, слышали, никому из нас не под силу спорить со смертью.

Возвращаясь обратно через город, Катаос раздумывал над их разговором. Он остался недоволен, и к тому же так и не разобрался, лгал ему Крин или нет. В любом случае, похоже, Катаос вчистую проиграл эту игру в той ее части, которая относилась к Ральднору. Каковы бы ни были намерения Крина, в гарнизоне, этом маленьком государстве внутри Корамвиса, ему вряд ли сможет кто-то поме-

шать. Кроме того, он ясно дал понять, что не намерен помогать в других кварталах. Но все же он не выдаст открытые ему секреты. Он столько лет держался на своем месте не благодаря дружбе с какими-нибудь высокими лицами, а из-за своей силы и циничной целостности, столь очевидной в нем. Итак, с этим было покончено.

Катаос, привыкший ждать, снова приготовился к ожиданию. И его тоже отбросило в прошлое, но в его случае это прошлое не было недобрым. Он проиграл этот тур игры, вот и все. Впереди будут и другие.

В тесной комнатке на вершине башни Крин стоял, глядя на бесчувственного человека, которого он спас от смерти просто из чувства справедливости. Рядом позвякивал инструментами врач, а служанка убирала за ним. Он был очень сведущим, но неряшливым стариком, скрупулезно беспощадным к грязи в отношении ран — из порученных его заботам солдат лишь у единиц случались нагноения или воспаления — но при этом чудовищно неопрятным. Даже сейчас у него на воротнике красовалось пятно от супа.

— Ну, как у вашего пациента дела сегодня?

— Много лучше. Кризис миновал, и спина заживает очень неплохо.

Ни одна живая душа, за исключением этих троих в комнате, не знала о том, что Ральднор все еще жив. Гарнизон видел, как что-то хоронили в окровавленной простыне, и решил, что это было человеческое тело. Крин был здесь в своем роде королем; солдаты, оружейники, повара, конюхи и их жены с детьми жили в этих стенах точно в миниатюрном городе, и он правил ими на свой лад, то есть насаждал дисциплину, приспособленную к человеческим нуждам. Они же платили ему горячей преданностью, поэтому он похоронил в могиле ворох старых тряпок и тушу козла не из опасения предательства, а для того, чтобы защитить своих людей.

Что же касается того, что только что поведал ему лорд Советник, этим он не мог поделиться ни с кем — кроме, разве что, этого человека, лежащего на узенькой койке, ибо Крину было ясно, что тот не мог этого узнать.

Эта изувеченная рука, которая так обеспокоила Крина, хотя он и не мог понять, почему. Когда он наконец вспомнил женщину, которой помог бежать из Корамвиса, и младенца, которого она увезла с собой, ему и в голову не пришло связать этих двоих — этого мужчину и того младенца, которого он ни разу даже не видел — воедино. До того момента, когда Катаос эм Элисаар не перехитрил самого себя в своих интригах.

Теперь это бремя полностью лежало на Крине. И его тревожило, что скоро это ляжет еще более тяжким грузом на плечи Ральднора. С безошибочной уверенностью он уже оценил внутреннюю хрупкость Ральднора, не имевшую никакого отношения к его физической силе.

И этот груз действительно был бы тяжким бременем для любого человека, это знание о бесспорном прошлом, невыносимое

разочарование в будущем. Ибо это был король, который не мог надеяться ни на что.

Ральднор очнулся в темноте, и первым, что он увидел, было встревоженное девичье лицо.

— Лежите тихо, — прошептала она быстро, хотя он даже не шелохнулся. — Вы в Речном гарнизоне, — добавила она, хотя он ни о чем ее не спросил.

Вскоре появился врач. Он что-то бормотал себе под нос, и вид у него был вполне довольный собой. В конце концов Ральднор начал задавать ему вопросы, ибо не помнил ничего после того момента, как он выбрался из вод Окриса и спрятался на крыше хижины. Ему снились какие-то смутные крики и огни факелов. Теперь врач объяснил ему, почему.

— Но вы отлично поправляетесь. Хотя у вас и останется замечательный шрамчик, чтобы пускать пыль в глаза дамам.

Самым трудным теперь было переждать власть отвратительной слабости. Поскольку девушка и старый врач, видимо, все знали, он спросил их, не слышно ли чего-нибудь об Астарис. Девушка простодушно всплеснула руками:

— Ой, она же отравилась!

Врач схватил ее за плечи и затряс, обзывая всеми бранными словами, каких мог набраться в гарнизоне, полном солдат. Он слышал, как молодой человек бормотал это имя в бреду — имя алого кармианского цветка — и подозревал, что здесь замешаны более глубокие чувства, нежели простая похоть. Но Ральднор промолвил лишь:

— Все лучше, чем костер.

В его сознании поселилась странная ноющая боль; оно постоянно кружило в поисках, но он искал не мертвую. С каким-то странным предчувствием он ощущал, что она все еще жива, но далека, точно звезды. Когда они ушли, оставив его одного, он зарыдал, но скорее от болезни, чем от отчаяния. Он ощущал какую-то странную смесь надежды и опустошенности, ибо снова оказался в состоянии неопределенности.

Вскоре его стали отправлять на крышу башни подышать свежим воздухом. Его объявили братом служанки врача, приехавшим повидаться с ней.

Он гадал, когда же увидит своего спасителя, Крина. И недоумевал, что заставило того сохранить ему жизнь. Ничто не дается задаром — он отлично усвоил это правило за время своей жизни среди Висов. Поэтому он не был готов к визиту Крина.

Широкоплечий мужчина, далеко не молодой, но явно все еще крепкий умственно и физически, он появился на вымощенной террасе на закате и сдержанно кивнул ему. Ральднор увидел изборожденное шрамами и морщинами лицо, и совершенно невообразимые глаза. В них не было никакой нерешительности и глупости, и никакой скрытности тоже.

Ральднор попытался встать, но Крин сделал ему знак оставаться сидеть, и сам уселся рядом с ним.

— Ну что ж, сэр. Очень рад видеть, что мой гость чувствует себя намного лучше.

— Я обязан вам жизнью, милорд. К своему огромному стыду, сейчас я ничем не могу отблагодарить вас.

— А вот здесь вы ошибаетесь. Я хочу поговорить с вами о нескольких вопросах. Это может занять какое-то время, поэтому наберитесь терпения и выслушайте меня, и это будет мне лучшей благодарностью.

Крин налил себе и молодому человеку вина из кувшина, стоявшего между ними. Он пытался разговаривать с ним по-дружески, но обнаружил, что Ральднор тревожит его — слишком много призраков стояло у него за спиной. Крин внезапно вспомнил, как она поникла перед ним с запавшими ненакрашенными глазами, его бедная Ломандра, бегущая от злобы Вал-Малы. Его взгляд наткнулся на обрубок мизинца, и ему вдруг пришло в голову: *«Он отлично зажил. Никогда бы не подумал»*.

— Ральднор, — начал он. — Кто была ваша мать?

Молодой человек недоуменно взглянул на него.

— Нет, я не сошел с ума. Я попросил вас набраться терпения. Пожалуйста, послушайте меня. Это будет трудный разговор, но необходимый, уверяю вас.

Ральднор отвел взгляд, и его запавшие больные глаза странно блеснули.

— Она была заравийкой... Вы не могли не слышать разговоров, Дракон-Лорд.

— Пожалуйста, сэр, окажите мне честь, давайте обойдемся без моего титула. Вы ведь поражены тем же проклятием. Да, я слышал о ваших первых днях — мать умерла в родах в Саре, отец скончался немногим позже, потом вас усыновила ваша овдовевшая тетка. Это правда или просто удобное вам изменение фактов? Нет, прошу вас, я не собирался оскорбить вас. Могу я предложить иную версию вашей истории? Возможно, вас нашли в Саре, но вы не родились там. Какой-нибудь путник обнаружил вас в младенчестве на Равнинах... с заравийской женщиной. Она была жива или мертва?

Ральднор хрипло ответил:

— Мертва. Ваши догадки совершенно верны. Охотник нашел меня, завернутого в плащ моей матери.

— Это не просто догадки, Ральднор. Я знал твою... мать. Ее звали Ломандра. Она была знатной дамой и, довольно долгое время, моей любовницей. — Крин помолчал, уловив некоторую иронию в том, что только что сказал. — Но, разумеется, я тебе не отец. Один из твоих родителей, как ты знаешь, был с Равнин.

Горящие глаза перед ним, казалось, вспыхнули еще ярче из темных ям своих глазниц.

— Вы мой хозяин, милорд. Я могу лишь удивляться вашему чувству юмора. Ни один человек не может считать себя в безопасности, когда его причисляют к народу Равнин.

— Мне это известно. Ты же видишь, нас никто не слышит. Позволь мне продолжить, и многое станет ясным. У Ломандры были причины увезти тебя из Корамвиса. Она отправлялась на Равнины, и ей нужна была моя помощь, поскольку ее задача была очень опасной. Я дал ей провожатых — двух своих капитанов. Один из них любил ее; я счел, что это может принести им удачу. Она должна была послать мне весточку, когда окажется в безопасности; мы так договорились. Я ничего не получил. Поэтому я отправил человека проследить их путь через Зарависс до Равнин. Он нашел обломки колесницы и возницу на заравийской границе, а чуть дальше — то, что осталось от еще одного человека, хотя тирр обглодал его почти дочиста. Лишь по чистой случайности ему удалось обнаружить неподалеку неглубокую могилку, достаточно маленькую, чтобы в ней могла лежать женщина. Он раскопал ее по моей просьбе, чтобы удостовериться, и ребенка там не оказалось. Я не знал, убил ли ее тот, кто унес тебя, или нашел уже мертвой. Что же касается тебя, то я решил, что ты попал в руки какому-нибудь работорговцу. Их караваны ходят повсюду. Найти тебя надежды не было. Кроме того, я слишком горевал о ней.

Ральднор наклонился вперед и сказал:

— Вы знали мою мать. А кто был мой отец? Вы это тоже знаете?

Спокойные глаза Крина потемнели. В них плескалась нескрываемая тревога.

— Боги иногда играют с нами странные шутки, Ральднор.

Небо над ними темнело, наливаясь предзакатным сумраком, а над рекой носилась стайка птиц, ловящих на серебристые крылья последние отблески невидимого солнца. Ральднор отчетливо слышал, как они рассекают воздух.

— Ральднор, ты когда-нибудь слышал о девушке из степного храма, которую Редон взял в ночь своей смерти? В ту ночь он зачал с ней дитя, хотя ходили слухи, что это ублюдок тогдашнего лорда Советника, Амнора.

— Я слышал о ней. Ашне'е. Женщины вечно болтали, будто видели ее призрак во Дворце Мира.

— Ральднор, Ашне'е была твоей матерью. А Редон, Повелитель Гроз, был твоим отцом. Вал-Мала боялась твоего рождения, потому что это грозило статусу ее сына, а через него — и ее собственному положению. Она велела Ломандре убить тебя и потребовала в доказательство мизинец с твоей левой руки. Ашне'е отрезала у тебя палец заживо. Ломандра увезла тебя на заравийскую границу и погибла там, так что ты ничего не узнал о том, кто ты такой. — Крин вглядывался в лицо молодого человека, но не мог различить никаких эмоций. Он видел лишь пустоту в глазах, которая скрывала внутренний разлад, настолько неистовый, что он не мог даже выйти наружу, на физическую поверхность. — По традиции Висов последний ребенок, зачатый королем перед смертью, становится его наследником. Амрек был зачат прежде тебя. Ты — последний сын Редона. Ты Повелитель Гроз, Ральднор. И если ты покинешь стены этого гарнизона, твоя собственная Драконья гвардия разорвет тебя на куски.

14

Закат превратил горы в запекшиеся корки пламени.

Когда закат догорел, медленно опустились сумерки, чернилами разлившиеся по ущельям. Великанские вершины скрылись во тьме, и больше ничего не было видно, кроме далеких красных пятен охотничьих костров да время от времени поблескивавших глаз диких зверей.

Каждый раз, когда в горах наступала ночь, в ее сознании что-то слабо колыхалось. Но большую часть времени она была мертва. Однажды ей в голову пришла мысль: *Я рабыня.* Но вообще-то это почти ничего не значило.

Астарис никогда не задумывалась, не уготовил ли ей Амрек эту участь вместо сожжения на костре. В действительности, купец взял дело в свои руки.

В серый предрассветный час на базаре появился незнакомец, закутанный в плащ с капюшоном.

— Это ты купец Бандар?

— Ну а если и я?

— Тогда вот, если ты, — и в его руки перекочевал увесистый мешочек с золотом.

— И за что же мне это?

— Ты ведь ведешь свой караван через перевал в Таддру, теперь, когда беспорядки улеглись? У меня есть для тебя пассажирка. Придворная дама. Одна из фрейлин принцессы Астарис. Кармианка.

— К чему мне в караване лишний рот?

Человек в плаще поменял позу, и его плащ каким-то образом чуть приоткрылся, а под ним блеснула серебряная молния — эмблема Амрека. После этого Бандар прекратил пререкания.

Это было очень опасное поручение — пробраться по закоулкам дворца, сначала в одиночестве, потом с этой... с этой *придворной дамой.* Да уж. Он сразу понял, кто она такая, стоило лишь ему увидеть ее волосы. Сначала он сходил с ума от страха. Но как только они оказались на достаточном расстоянии от Корамвиса, его охватили иные чувства. К тому времени до него уже дошли слухи о ее неверности. Бандар и его жена, закрывшись с принцессой в своем фургоне, перекрасили ей волосы в черный цвет. У глупой бабы,

скорее всего, не хватило мозгов понять, в чем дело, но чтобы быть уверенным в ее молчании, он велел ей поклясться в том, что она будет держать язык за зубами, именем одного из десятка тысяч божков, в которых она верила. Теперь Бандар точно знал, какое сокровище приплыло ему в руки, и его ценность превышала стоимость мешка с золотом. Она безропотно покорилась судьбе, эта Астарис. Того, кто вывел ее из дворца — интересно, неужели это *действительно* был Амрек? — больше не интересовала ее судьба, а она... она, похоже, жила в каком-то безразличном сне. Наверное, потрясение оказалось для нее чересчур сильным. В любом случае, за такую красотку на базаре в Таддре должны отвалить кучу денег. За недостатком воображения он переименовал ее в Силукис, в честь своей матери-искайки, сочтя такое имя огромной честью для этой девки. Как бы то ни было, она послушно откликалась на него, как будто ее собственное имя ничего для нее не значило.

Переход через горный кряж занял целый месяц, и ни разу они не наткнулись на разбойников. Видимо, люди Повелителя Гроз на какое-то время уничтожили все их шайки. В общем, путешествие было благополучным.

В то утро, когда повозки спустились в Таддру, в горах было жарко и ясно.

Это была мрачная земля — влажные черные джунгли и душный зной почти без солнца. Когда-то Рарнаммон построил здесь город, но теперь от него остались одни развалины. Теперь у каждой области был свой собственный правитель или королек, каждый из которых притворно служил Дорфару и Закорису и грызся со своими соседями. Это была земля, где вполне можно было заблудиться и больше никогда не найтись. Воистину мрачная земля.

Они добрались до местности, называемой Тумешем, где вырос довольно крупный и уродливый город из темных приземистых домишек, до боли напоминающих своих обитателей. Тумеш был богатым по меркам Таддры городом, поэтому Бандар мог рассчитывать продать здесь свои товары — в основном, украшения и женщин — ибо драгоценные металлы, камни и красота были в Таддре большой редкостью.

Они остановились на рыночной площади, и в фургон, пыхтя, забралась тучная старуха. Она раздела Астарис и нарядила ее в платье из розовато-лилового газа и медные браслеты, а в черные волосы воткнула бумажные орхидеи. Астарис подняла руку и коснулась волос, слабо улыбнувшись. Она думала о Ральдноре и о краске, которая скрывала его тайну, как и ее. Толстуха, решив, что девчонка совсем спятила, закудахтала на нее и вытолкнула на площадь.

Посередине красовался помост с навесом. Астарис загнали под него вместе с дюжиной других девушек, которые кто плакали, кто глупо улыбались. Ее окружение трогало ее не больше, чем мимолетный туман, ибо она думала только о нем. Это было ее горе и ее утешение. Она жила лишь прошлым.

— Смотри, Бандар, — предостерегла купца толстуха. — За эту не стоит слишком долго торговаться. Может, она и красотка,

но явно не в себе, и они это заметят. Да еще и ребенок у нее скоро будет.

Последнее утверждение вызвало у Бандара любопытство. Интересно, это ребенок Амрека или ублюдок Сарита? Ладно, какая теперь разница. В цветастом платье ничего было незаметно, да и скорее всего она все равно его потеряет. Она казалась слишком тощей, чтобы выносить ребенка, а ела, хвала небесам, как птичка.

Торги начались около полудня.

Первой ушла парочка девчонок-иллумиток, шмыгающих носом, а следующей купили красотку из Марсака. Бандар уже начал тревожиться. Он вывел свою пленницу вперед и принялся расписывать ее достоинства толпе. У них что, глаз нет? Такое лицо, такие ноги, такая грудь... а скромница какая. Видали ли они когда-нибудь такую смирную и изящную женщину? Да она создана дарить блаженство!

Но покупатели, к его огромной досаде, все еще не решались. Ему никогда не приходило в голову, что она может быть слишком прекрасна, слишком совершенна, чтобы вызывать влечение.

В конце концов к помосту пробрался здоровый громила, растолкав толпу. Он был высоким для таддрийца и крепко сбитым, но под его спутанными волосами поблескивала золотая цепь, а плащ был сшит из добротной материи.

— Эй, сэр. Я вижу, вы знаете толк в красоте...

— Хватит голосить, купец. Я беру ее. Вот тебе три бара.

— Э нет, господин мой, так не пойдет. Эта девушка стоит куда больше. Только поглядите на эту прямую спину. Подумайте, каких крепких мальчуганов она сможет вам нарожать...

— Три бара — мое последнее слово. Больше тебе все равно никто не даст.

Цену действительно никто не набавил. Бандар уже начал подозревать, что этот верзила из бандитов, залегших на дне в Тумеше и живущих на то, что успели накопить, после набега Амрека. В конце концов, позорно сдавшись, он продал свою невольницу и получил ничтожную цену.

— Как ее зовут?

— Силукис, — буркнул Бардар.

— Селухис, — повторил верзила, коверкая имя на свой таддрийско-закорианский манер.

Бандар, теперь оскорбившийся еще и за мать, толкнул девушку к верзиле и, пряча в карман три серебряных бара, мысленно пожелал им обоим подцепить друг от друга какую-нибудь заразу.

Его звали Слат, и он промышлял разбоем, как и подозревал Бандар, а также нанимаясь на службу к многочисленным лордам Таддры. Девчонку он купил потому, что она напомнила ему старые фрески на стенах разрушенного города Рарнаммона, где он время от времени отсиживался, когда в других местах становилось слишком уж горячо. Он был романтическим злодеем, и к тому же импуль-

сивным, и понял, что сделал ошибку, купив ее, как только привел ее к себе в дом.

Но все же он не пожалел для нее вина и мяса, к которым она едва притронулась, а потом отвел в свою спальню. Но в этом деле она оказалась столь же никчемной, как и во всем остальном. Слат любил женщин с огоньком — чтобы повизгивали, ну или хотя бы чтобы у них хватало ума притвориться.

— Да уж, хорошо же ты даришь блаженство, клянусь Зардуком! Теперь придется тебе потрудиться.

Он понизил ее. Она чистила очаги и носила воду. Через три дня он выпорол ее за небрежность. Она оказалась дурочкой, а его ловко провели. Она даже не кричала и не плакала под розгами. Он задумчиво оглядел ручейки крови, струившейся по ее атласной спине. Она оказалась совершенно никчемной, годной лишь на то, чтобы на нее смотреть. Тогда, если уж учить ее хлыстом толку все равно не было, стоило обдумать другую возможность — не исключено, что ее купит какой-нибудь таддрийский лорд. Она будет неплохо смотреться у обеденного стола в каком-нибудь небольшом королевстве — красивая игрушка короля. Слат отложил хлыст и послал одного из своих подручных за целебной мазью.

В этих джунглях жил один лорд, во многих милях к северу. Слат был бы не прочь наняться к нему, если у него была нужда в людях. Он не любил долгое безделье, и, потом, у него была определенная репутация в своем кругу, которая могла сослужить ему неплохую службу. Как он слышал, этот лорд был великим завоевателем, человеком сомнительного происхождения, как и, похоже, все лорды Таддры, который построил свою власть на золоте, сместил своего королька и после этого завоевал еще пять соседних королевств. Подобная личность обещала неплохую поживу. Его влияние росло год от года.

Слат путешествовал не налегке, а со слугами, чтобы продемонстрировать свой высокий ранг. После четырехдневной скачки они добрались до одной из безымянных речушек Таддры и на плотах поплыли в густой сумрак влажного леса.

На этот раз Слат устроил Селухис на своем собственном плоте, под навесом, и следил, чтобы ее хорошо кормили. Она сидела, точно статуя, не шелохнувшись, и почти ничего не ела. С того, самого первого раза он и пальцем ее не тронул. Он холил и лелеял мерзавку, но тем не менее ожидал, что та, будь она проклята, все равно подурнеет. Но она как-то ухитрилась сохранить свою невероятную красоту. Она будто и не ощущала влажной жары, а как-то раз он видел, как бабочка спокойно сидела у нее на запястье почти час. И вообще, она вызывала у него непонятную тревогу, и он не мог дождаться, когда же отделается от нее.

По реке они плыли пять дней. На шестой им преградили дорогу. Слата, который как-то купил в разрушенном городе

один пароль за свой нож, проводили с оплетенной лианами пристани на вырубленную в джунглях дорогу.

К вечеру они добрались до стен большого таддрийского города, к которым жались грубые шатры из шкур и деревянные хижины. Вечерние сумерки разбавлял свет костров, на которых готовилась еда, а по грязным уличкам носились собаки и толпились женщины. В дальнем конце города возвышался дворец Правителя, величественное каменное здание с тремя башнями.

Астарис подняла голову, чтобы взглянуть на него. Казалось, оно что-то значило для нее, хотя она так и не смогла, как ни силилась, уловить это в сумерках своего сознания. Некоторое время назад она ощутила какой-то странный проблеск, какое-то беспокойство в своем мозгу, как будто он снова был с ней, снова был жив. Но этого не могло быть. Она почувствовала, как он ушел от нее, и поняла это. Ральднор. Поэтому иллюзия его возвращения мучила ее, как мучает боль в давно зажившей ране, для которой нет причины и которую ничем не уймешь.

В заросшем саду у подножия дворца рубиновые цветы клонили к земле тяжелые чашечки, а рубиновые птицы спали, спрятав головки под крылышки. Один из цветков раскрыл свои лепестки и упорхнул в лес.

Это был старый дворец, построенный без особых затей, зато на века. Потолок главного зала поддерживали массивные, но незатейливые, безо всяких украшений, колонны, а в крыше зияло отверстие для дыма над очагом, поскольку никакого камина не было.

Слата радушно приняли, отвели ему и его слугам пару сквозистых каморок и пообещали устроить после обеда аудиенцию у лорда Хмара. Слат не стал терять времени и весь предобеденный час прогуливался среди цветастых занавесей и рычащих собак, ненароком задавая вопрос то там, то сям. Когда подали еду, он очутился за одним из низших столов, а пища была простой, но обильной. Однако же никто не притронулся к еде до тех пор, пока лорд не уселся за своим высоким столом.

Слат внимательно оглядел его наметанным глазом. Хмар был худощавым, необыкновенно изысканно одетым мужчиной средних лет. Он ел с изяществом, совершенно не свойственным лордам Таддры, и, похоже, ожидал от сидящих за высоким столом того же; и впервые за последний десяток лет Слату пришлось вести себя за едой очень осторожно. У Хмара было очень странное лицо. Оно казалось выточенным из коричневой отполированной кости, слишком тонкое для таддрийца, и совершенно ничего не выражающее — за исключением его глаз. Они были узкими, и в них вспыхивали опасные искорки. Они словно ни на миг не прекращали искать что-то, как будто он ожидал кого-то увидеть в этом зале, какого-нибудь гостя, который мог появиться в любой момент. Слату они показались глазами человека, живущего в постоянном страхе или в невыносимой тревоге.

О нем ходило много разговоров. Слат слышал, что Хмар несколько раз заявлял, будто бы он — сын богини.

В общем и целом, Слату в лорде Хмаре понравилось два момента. Если он чего-то опасался, то сильный и безжалостный

человек, способный защитить его, придется ему очень кстати; а при его утонченности он не мог не оценить рабыню этого человека.

Потом он заметил женщину, стоявшую за спиной у Хмара.

Смуглокожая таддрийка, невысокая и широкобедрая, с жесткими черными волосами, заплетенными в две косы ниже пояса. Ни одной женщине в Таддре и Закорисе не позволено сидеть в присутствии ее господина, за исключением Верховной королевы короля Ханассора. Но одно то, что она стояла рядом с ним, свидетельствовало о ее высоком ранге.

— А кто та девушка сбоку от лорда? — поинтересовался он у соседа.

— Не твоего поля ягода. Ее зовут Паньюма, она наложница лорда вот уже пять лет.

Слат хорошенько пригляделся к ней. Она была из породы тех женщин, что нравились самому Слату, несмотря на мрачный надменный взгляд. Но на ее сандалиях и в косах мерцали золотые монетки, и она наполняла кубок лорда с видом собственницы.

— Аппетитная крошка, — осторожно заметил Слат, зная, что все сказанное им может дойти до ее ушей и что он может позволить себе быть дерзким, но не непочтительным. — Но разве лорд Хмар не может завести себе еще женщин? В этом нет ничего необычного.

— О, она у него не одна. Есть еще целый десяток, если не больше, насколько я слышал. Даже несколько этих тощих долговязых баб с юга. Но он не выставляет их напоказ. Паньюма — единственная женщина, которую видят рядом с ним.

Позже, когда Слата вызвали к лорду, он отправился к нему с легким сердцем. Разговор был кратким и по существу дела. Слат держался молодцом и предвидел, что в дальнейшем покажет себя еще лучше. В предстоящих походах продвижение обещало стать быстрым, а Хмар, судя по всему, оказался именно таким, каким ему представлялся. Слат подавил отрыжку из уважения к изящным манерам и внутренне ухмыльнулся при виде этих нервозно бегающих глаз. В конце концов он упомянул и о своей головной боли, девушке знатного происхождения, которая могла помешать ему в его службе.

— Разумеется, лорд Хмар, я без колебания вышвырнул бы ее, если бы не ее несравненная красота. Я увидел ее по чистой случайности на одних торгах... — И он принялся рассказывать, как сразу понял, что она сестра какого-нибудь аристократа из разорившейся семьи, и как заплатил за нее пятьдесят баров.

Хмар взглянул на него, и его беспокойные глаза на миг остановились.

— Мне уже рассказали о твоей девчонке. Если хочешь продать ее мне, приведи ее сюда, я посмотрю, что могу за нее предложить.

Потрясенный такой легковерностью, Слат позвал своих слуг, стоявших у двери, и Селухис поспешно привели в зал. Ее уже вымыли и приодели в платье из тонкого алого шелка, а от ее кожи исходил пряный аромат циббы.

Ее глаза поднялись и застыли на лорде Хмаре.

Слат поразился. Впервые за все время в ее лице промелькнуло что-то живое. На миг показалось, будто между Хмаром и девчонкой пробежала какая-то искра — разбойник уловил на обоих лицах узнавание.

— Да, — отрывисто сказал Хмар, но в его голосе звучала странная дрожь. — Можешь сказать моему человеку за дверью, чтобы отдал тебе пятьдесят баров.

Слат, которому уже было не по себе, ожидал, что придется торговаться; но столь безропотное согласие стало для него вторым потрясением. Суетливо кланяясь, он попятился к двери, оставив свою рабыню ее новому хозяину.

У нее было такое чувство, что, проплыв многие мили по безликому океану, она вдруг увидела в море какой-то ориентир. Не несущий ей ничего хорошего, ни радости, ни покоя — ибо все это для нее осталось в прошлом — но нечто странно узнаваемое. Она не понимала, откуда знает его. Она и не знала его, как знают человека. Она узнала его так, как любая вещь узнает свою смерть, и с таким же отчаянием.

Он сказал сдавленным голосом:

— Она здесь. Я чувствую, что Она здесь. Как Она может быть здесь из-за тебя, висская женщина?

По этим его словам она поняла, что и он тоже чувствует свою смерть — и его смертью была она. Они были смертью друг друга.

— Так тому и быть, — сказала она ему.

Он вздрогнул, потом, казалось, снова овладел собой — за исключением бегающих глаз, которые, вместо того, чтобы обегать комнату, теперь внимательно оглядывали ее.

— Ты вызываешь у меня страх. Это должно быть забавно. Ты никто. Рабыня. Падаль. Все то, чем ты когда-то была, уничтожено. Так это и происходит с нами со всеми. Когда-то и я был не тем, кто есть сейчас. Теперь я Хмар, сын богини, король-Правитель шести муравейников Таддры. Паньюма! — внезапно выкрикнул он, и практически мгновенно занавеси приоткрылись и в зал скользнула маленькая смуглая женщина в поблескивающих сандалиях. Она в упор взглянула на Астарис, и на ее ширококостном лице не отразилось ничего. — Паньюма, — негромко велел Хмар, — уведи ее и приготовь.

— Да, господин, — сказала Паньюма. Вид у нее был как у злобной няньки, потакающей избалованному ребенку. Но Астарис даже не хотела противиться тому, что должно было свершиться. Таддрийка взяла ее за локоть и повела прочь по длинной древней лестнице.

Последние металлические пятна заката уже слиняли с вечернего неба.

Женщина одела ее в черное платье, расшитое золотом, и вплела ей в волосы драгоценные камни. Ее шею, запястья, пальцы и уши увешали золотом. Астарис ощутила странное холодное покалывание в тех местах, где золото касалось ее кожи.

В золотистых сумерках Паньюма провела ее по пустынным коридорам к гранитной стене. В полу скрывался механизм, с которым таддрийка явно была хорошо знакома. Камни расступились, открывая полутемную галерею. Паньюма быстро толкнула ее в отверстие, и двери со скрежетом сомкнулись между ними.

Это было святилище мертвых.

Здесь почивших Правителей хоронили так, как с незапамятных времен было принято предавать земле висских королей. В просторных резных ящиках хранили их кости, поверх которых кучами были навалены серебряные кубки и бронзовые мечи, а повсюду вокруг в застывших позах стояли их воины, ссохшиеся в своих латах в черные мощи со стеклянными кристаллами, поблескивающими в пустых глазницах. В воздухе висели пыль и тяжелый запах древних бальзамических смол.

Но в дальнем конце галереи горел светильник, а на ложе сидел Хмар, поджидая ее. За спиной у него виднелась шеренга из десяти женщин с золотом на шеях и пальцах и фиолетовыми камнями в волосах. Астарис в один миг поняла сразу три вещи. Эти женщины были живы, но не шевелились и не шевельнутся никогда в будущем, и ей предстояло стать одной из них.

— Я вижу, ты понимаешь, — сказал ей Хмар. Он поднялся и подошел к ней, и в руке у него была золотая чаша. — Тебе предстоит стать даром моей матери. Я надел на тебя ее золото и камни, а теперь ты станешь такой же неподвижной, как она. Она преследует меня в темноте. Я разгневал ее. Но она все равно любит меня, моя матушка Анак. Любовь и страх. Вот, возьми чашу. Выпей. Это яд из джунглей, но он не причинит тебе боли. Живая смерть. И она принесет тебе бессмертие. У тебя нет выбора.

Когда она, улыбнувшись ему, протянула недрогнувшую руку за чашей, он побледнел. Она снова напомнила ему о той, другой женщине, которую он знал много лет назад и которую звали Ашне'е.

Астарис осушила чашу. Все еще улыбаясь, она спросила его:

— Сколько мне ждать?

— Недолго, — сказал он.

И это была правда. Она уже ощущала, как прохладная жидкость разливается по ее телу, а через некоторое время перестала моргать.

Теперь я стану той, кем всегда была на самом деле, подумалось ей.

Потом он подхватил ее неподвижное тело и устроил его на ложе; оно все еще было вполне податливым для его целей. Она откуда-то издалека наблюдала за его исступленным экстазом. Он опоил ее не для этого, и она ничего не чувствовала. Когда он закончил, то поставил ее у ложа, будто куклу, сложив ее руки точно так же, как и у всех остальных. Похоже, он говорил что-то, но она больше его не слышала, а скоро перестали видеть и его широко раскрытые глаза.

Она засыпала, она уже почти погрузилась в черный сон, который он подарил ей. Она думала: *«Теперь я икона, которой всегда была. Что ж, все совершенно верно; одна оболочка, внутри*

которой ничего нет. Потом что-то закопошилось в ее чреве, испуганно, ищуще. *Тихо,* подумала она. *Ты был его и моим, но теперь нас обоих нет. Тихо».*

Внезапно на нее нахлынула волна черноты и унесла ее с собой.

Ночью, как случалось очень часто, за ним пришла Анак. Он слышал сухой шелест ее чешуй, похожий на шорох мертвых листьев на полу. Белая луна ее лица озаряла подножие его кровати. На голове у нее шипели змеи, и он увидел, как ее змеиные зубы полыхнули неумолимым огнем.

Он закричал, призывая Паньюму, и проснулся.

Женщина держала его в своих смуглых объятиях, называя по имени, но сначала он даже не узнал его мертвую шелуху.

Я Амнор, лорд-правитель Корамвиса, — думал он недоуменно, вслушиваясь в ее отгоняющее злых духов бормотание. Но потом вспомнил, кто он такой, и что чары спасут его. Ибо теперь он и сам поверил в эти вещи, став вечным заложником их ужаса.

15

Всю ночь напролет слышался негромкий плеск воды под веслами. Ему он казался звуком смерти.

Они плыли на узенькой плоскодонке, везущей в Закорис нефть и железо. Ральднор, как и все случайные ее пассажиры, спал под брезентовым навесом на палубе.

Из Дорфара до закорианской части Лота он добрался за сутки, и все эти сутки он был полон лихорадочной надежды, он не прекращал поиска, потому что тогда еще знал, что она жива, и слышал невероятные истории, бродившие по Корамвису. Астарис не приняла яд. Могущественные друзья помогли ей бежать, а куда еще она могла отправиться, если не в Таддру, которая так часто скрывала людей и их прошлое? Да и сам Ральднор нуждался в убежище.

Крин финансировал его путешествие по тайным тропам Дорфара и из Дорфара в относительную безопасность, на запад. Из Закориса ему предстояло перебраться в Таддру, перейдя горный кряж. Его долги перед Крином были неисчислимы. Он собирался расплатиться с ним, когда сможет — и если только сможет. Но ему дали понять, что от него не ждут ни возврата долгов, ни чувства обязанности.

Что же касается того, что он потерял — мифическую корону, власть, о которой он прежде не мог даже и мечтать — после того, как схлынула первая волна смятения, все это показалось ничтожным рядом с мучительной, не дающей ему покоя потребностью найти Астарис.

Солнце нырнуло в воду, затуманенную сумерками. Примерно через час после заката он ощутил, как то почти неуловимое присутствие в его сознании вдруг колыхнулось и угасло. На этот раз он не ощутил насилия, как было с беловолосой девушкой; это была тихая, безмятежная смерть — черный сон принял ее в свои ласковые

объятия, из которых ей уже не было пути назад. Но она оставила его опустошенным.

И именно это он и чувствовал — не боль, не горе и не желание плакать. Одну лишь пустоту. Казалось, будто, покинув его, она забрала с собой его душу.

Наступил рассвет, который они встретили уже в Лоте. Он сошел с корабля, но идти ему больше было некуда.

За гаванью раскинулся вонючий рыбный базар и переплетение вымощенных булыжником уличонок, скользких от масла; с другой стороны к городу подступали пышные джунгли и черная патока болота.

Ральднор все утро просидел в душной хижине, где продавали вино и мясо. Повсюду шныряли сопливые ребятишки, а за соседним столом расположились два солдата-закорианца, мрачно задумавшиеся над своими кружками.

В полдень он присоединился к каравану оттского купца. Он шел в Ханассор, столицу, и там было так шумно, что на некоторое время пустота, образовавшаяся внутри него, стала не такой пронзительной. Он боялся отпустить их, снова остаться во влажной тишине города наедине со своей утратой.

Они шли по неровной лесной дороге, своим гомоном вспугивая тучи птиц, поднимавших оглушительный щебет.

Через три дня они добрались до мостов и гатей, проложенных через болото. В воздухе висел омерзительный запах, от которого яркие краски джунглей меркли и расплывались у него перед глазами.

Болотная лихорадка вцепилась в него мертвой хваткой. К тому времени, когда они добрались до Йилы, ему стало так худо, что он уже не чаял остаться в живых.

Он лежал в темной жаркой комнатушке на постоялом дворе, и кто-то из оттцев или йланцев привел к нему врача, видимо, опасаясь чумы. Это был дурно пахнущий костлявый старик, одетый в шкуру какого-то животного, вероятно, какой-нибудь странствующий праведник, но глаза и зубы у него были одинаково острыми и блестящими. Он оглядел Ральднора и сказал:

— Ты болен совсем недавно. Говорю тебе, на плече у тебя сидит бог смерти, и ты должен стряхнуть его.

— Я рад ему, — сказал Ральднор, но отвратительное на вкус лекарство все же проглотил. Он думал, что все равно не переживет эту ночь, и радовался этому.

Ему снился пещерный храм в окрестностях Корамвиса, но стоявшая там статуя была не Анакир, но Астарис, вся из золота и рубинов, с холодными неподвижными глазами.

Утром лихорадка отпустила его.

Оттский караван тоже ушел, не дожидаясь его выздоровления. Он оказался заперт в клетке своего отчаяния.

Он бродил по явно переживавшему не лучшие свои времена городку, заходя в омерзительного вида таверны со стенами цвета

желтой блевотины и справляясь о торговцах, уезжающих в любом направлении. Но вся его деятельность была деятельностью лунатика, а его беспрестанные поиски не имели никакого смысла.

В полдень, выбившись из сил, он, точно старик, присел на каменную скамью на площади и принялся наблюдать за йланцами. Вскоре площадь опустела, и остались лишь белая жара, черные тени да унылые крики птиц, доносящиеся из осаждающих город джунглей. Потом появилась высокая фигура, идущая легким неторопливым шагом и насвистывающая.

Ральднор окинул его взглядом — загорелый до черноты мужчина с длинными, до плеч, черными волосами — безо всякого интереса. Еще несколько шагов, и тот резко остановился.

— Во имя всех богов и богинь...

Ральднор взглянул ему в лицо.

— Ральднор! — ухмыльнулся незнакомец, показав белые, как соляные кристаллы, зубы.

— Прошу прощения, — настороженно сказал Ральднор, — похоже, вы меня знаете, но я...

— Яннул Ланнец. Мы служили вместе, ты и я, у этого желтого лиса, Катаоса эм Элисаара. Ну вот, я вижу, теперь ты меня узнал. А ты, должно быть, тот самый заболевший путешественник, который пришел сюда с оттским караваном. У тебя такой вид, как будто богини вытащили тебя из печи прежде, чем ты успел допечься. Все еще служишь Амреку?

Ральднор закрыл глаза и еле заметно улыбнулся.

— Пожалуй, нет.

— Ну, к нам сюда новости из Дорфара почти не доходят... Думаю, ты не откажешься от кружечки черного пива. Идем со мной. Я знаю одну неплохую таверну тут неподалеку...

Ральднор открыл глаза и уперся в него тяжелым взглядом.

— Зачем тебе мое общество, Яннул из Ланна? Из-за меня Ригон сломал тебе руку в Абиссе.

— Как видишь, — ухмыльнулся Яннул, — ему это не слишком удалось. Я выздоровел. Кроме того, ты сполна отплатил ему за меня, как я слышал. В тавернах Абиссы только об этом и болтали.

— О том, что я перешел на службу к Амреку, ты тоже в тавернах услышал?

— А где же еще? Забавная вышла шутка, хотя сомневаюсь, чтобы Катаос оценил ее по достоинству.

— А теперь, — сказал Ральднор, — я слишком долго испытывал свою удачу и безвозвратно впал в немилость. Из-за меня умерла одна женщина. Вторая по счету женщина, которая погибла потому, что любила меня. А я, Яннул, теперь изгой, у которого нет ни дома, ни очага. Если меня узнают, то убьют на месте, без суда и следствия. Тебе стоит быть более осмотрительным с тем, с кем пьешь, друг мой.

— У нас в Ланне, Ральднор, судят о человеке по тому, каким его видят, а не по тому, что он сам рассказывает о своих делах.

Я буду рад выпить с тобой, но если с тех пор, как мы в последний раз виделись, ты перестал считать меня своим другом, то так и скажи, и я оставлю тебя в покое, сарский упрямец!

На плоской крыше таверны, под черным навесом было прохладнее и почти пусто.

Сначала они пили молча, но к концу первой кружки Яннул поведал Ральднору о том, что случилось с ним в Лин-Абиссе. Бродя по ночным улицам в лихорадке и полубреду, он в конце концов привалился к калитке, ведшей во внутренний дворик одного дома в торговом квартале. Там его обнаружили две женщины — жены хозяина дома, возвращавшиеся с вечеринки, как выяснилось позже — и немедленно выразили желание оставить его у себя. Искусный врач, приглашенный хозяйками, вернул ему здоровье, сообщив ему потом, что кроме всего прочего его хозяин Катаос еще и отравил его.

— К счастью, мой железный организм избавился от этой дряни, хотя я и заблевал половину сточных канав в Абиссе, — заметил Яннул, — а снадобья старого лекаря помогли мне выздороветь окончательно. Пусть это тебя не тревожит. Ты же видишь, я жив и здоров.

Что же касается его руки, то врач сложил ее заново безукоризненно — за счет отсутствующего купца. Похоже, обе дамы что-то нашли в нем, и вскоре он очутился у них в постели, расплачиваясь с ними за то, что спасли ему жизнь. Однако, прослышав о скором возвращении своего невольного благодетеля, Яннул благоразумно покинул гостеприимный дом.

Он нашел место на корабле, отплывавшем в Закорис, а после того, как сошел на сушу, за какую только работу не брался, пока не наткнулся на одну акробатическую труппу. Они были не слишком умелыми, а к тому же еще и довольно вздорными, поэтому, проведя с ними несколько дней в дороге, решил дезертировать в первом же городке, которым и оказался Йила. Здесь он нанялся на работу к одному торговцу лесом, зарабатывая себе на проезд в Элисаар. Закорис казался Яннулу слишком суровым краем, хотя на родину он пока возвращаться не намеревался. Но в Элисааре жонглеров и танцовщиков очень любили. Кроме того, он знавал одну хорошенькую элисаарскую женщину-змею...

Первая часть этого рассказа вызвала у Ральднора гнев и смятение. Но потом он, к своему удивлению, обнаружил, что даже смеется над некоторыми наиболее забавными местами. Он-то считал себя совершенно эмоционально, если не физически, умершим. Яннул, в свою очередь, не стал настаивать, чтобы Ральднор рассказал ему о своей жизни, и тот промолчал. Его горе и так было велико; распространяться о нем было бы все равно, что без толку бередить рану. Но все же он обнаружил, что нуждается в Яннуле; человеческое общество притупляло его боль.

После обеда Яннул уладил все свои дела, державшие его в Йила. На следующее утро они уже были на пути в Ханассор,

к морю, сопровождая двоих или троих торговцев, везущих клетку со скалящимися черными болотными тварями.

В одной придорожной гостинице они услышали новости из Дорфара.

Амрек, казалось, умер вместе со своей вероломной невестой; теперь же он покинул ту эмоциональную могилу, в которой находился. Он был полон сил и решимости и приступил к плану всей своей взрослой жизни — очистить Вис от гнусной расы Равнин. Уже вышел эдикт: смерть всем до единого степнякам, находящимся в Дорфаре. Его драконы сбивались с ног, разыскивая их. Они прочесали все мелкие городишки и деревеньки в поисках своих жертв. Остались лишь немногие, да и те старые, больные и ничего не соображающие. Но эти немногие были поголовно перебиты.

Неожиданным поворотом истории — интересовавшим закорианцев в этой гостинице куда больше, чем истребление жителей Равнин — была реакция на него короля Зарависса, старого Тханна Рашека, которого иногда звали Лисом. Ведь лис уж точно должен был быть более хитрым?

Он известил Амрека, что не видит чести в этом деянии. «Значит, Амрек, сын Редона, ты собираешься прославить свое имя, проливая кровь? Начав со смерти моей дочери, Астарис эм Кармисс, которую ты умертвил без суда и следствия, продолжишь убийством девственниц и младенцев?»

Ответ не заставил себя долго ждать. Это грозовые боги Дорфара повелели Амреку начать эту священную войну — они не желают больше терпеть мерзких поклонников змеи-богини. Землетрясение, напугавшее Корамвис, было предупреждением для них. Действительно, Амрек отлично понимал, что Зарависс в свое удовольствие торговал с Равнинами, а его затея должна была в один миг положить этому конец. Что же касается обвинения Рашека в убийстве девственниц, относительно этого заравийцы могли не беспокоиться. Вряд ли отыскалась бы хоть одна убитая девушка, которая смогла бы с полным правом носить это звание после пребывания в плену у солдат-драконов.

В гостинице остроумие Амрека оценили, хотя в целом закорианцы считали его спятившим королем, гоняющимся за призраками, точно капризный ребенок.

Ральднору, съежившемуся у огня в прохладе лесной ночи, все споры и веселье казались каким-то далеким отголоском, криком отчаяния, донесенным ветром из его прошлого. Новая боль пронзила его поверх еще не утихшей старой. *Мой народ,* — думал он. — Мой *народ.* Полузабытые образы обступили его в холодной ночи: Эраз, его мать, мужчины и женщины из его юности, дракон, плюющий на снег, солдат, гнавшийся за ним по Лин-Абиссе, и, наконец, Аниси, белая, как зима, бескровная, как сама смерть. А он был заодно с Амреком — Амреком, его братом, убийцей и безумцем. А потом

нож в его ране провернулся еще один, последний раз. Он украл у этого человека женщину. Если бы он не сделал этого, может быть, Амрек в сени ее безмятежности позабыл о том, что хотел обрушить свою месть на Равнины? Но все это пришло слишком поздно — вина, понимание и стыд.

Он увидел, что Яннул внимательно смотрит на него в красных отблесках пляшущих языков пламени.

— Плохие новости для жителей Равнин, — сказал Яннул. — Может быть, их повелительница змей остановит Амрека.

Ральднор покачал головой.

— У нее есть зубы, но она, как и ее народ, никогда не пускает их в ход. И они ржавеют от неиспользования.

И, вспомнив, как утратил свою наивность и веру в Абиссе, когда читал о дорфарских богах, он улыбнулся про себя и подумал: *«А сейчас я утратил все».*

Ханассор. Черный улей Закориса, чьи пчелы славились не медом, но своими жалами.

Уходящий в чрево конических утесов, окруженный стенами, о которые разбивались красные на закате, точно вино, волны, скрытный и скрытый город, похожий на мозг в черном гранитном черепе.

Айгур, старый король, был мертв, а короткий траур окончен. Старшие сыновья оспаривали друг у друга престол, как обычно, ибо Закорис еще не расстался со своим военным наследием. Состязание выиграл Йил, перебив братьям спины. На престол вместе с ним взошли три сотни его жен, а свою первую королеву он короновал за то, что перерезала горло, будучи беременной его ребенком, болотному леопарду.

Все это они узнали еще у ворот.

Под скалами Ханассора царила вечная ночь, и свет факелов разгонял мрак.

Они пообедали в каменной гостинице, где танцовщица развлекала публику, снимая с себя прозрачные одежды при помощи двух рассыпающих алые искры головешек. На нежном бедре синел шрам. Видимо, как-то раз она оказалась недостаточно осторожной.

Они расспросили хозяина, который сообщил им о том, что один корабль готовится отплыть в Саардос, и предложил пригласить капитана за их стол. Через некоторое время загорелый дочерна мужчина с золотой серьгой, поблескивающей в левой ноздре, подошел и уселся рядом с ними.

— Я Дроклер, хозяин «Дочери Рорна». Слышал, вы хотите отправиться в Саардос. Я, как правило, не беру пассажиров, ну, кроме рабов, понимаете.

Около получаса они проторговались с ним по поводу платы за проезд. В конце концов согласие было достигнуто, и они позвали писца, чтобы составить договор, поскольку здесь, в Закорисе, жизнь и свобода обычно ценились довольно дешево. Дроклер мог написать лишь свое имя, но зато сделал это со зверским рос-

черком. Они сложили свои документы, расплатились с писцом и отправились спать.

На заре матрос пришел за ними, чтобы проводить в огромную пещеру, где стояли на якоре ханассорские корабли. Усадив их в лодку, он повел ее сквозь сводчатые пещеры, между ледяными белесыми сталактитами и тускло поблескивающими лесами мачт, в утро и широкий зев океана.

«Дочь Рорна» покачивалась на волнах, оказавшись кораблем-башней западных морей с тремя рядами весел, уже спущенных в хрустальную воду, наполненным свежим ветром парусом и блестящим гербом Закориса — двойной луной и драконом.

— Какая красавица! — восхитился Яннул.

Матрос лишь хмыкнул: он не был человеком сентиментальным и давно привыкшим к своему кораблю.

Он проводил их на борт и показал им их тесную каюту в глубине башни. Он сообщил им, что обедать они будут в каюте Дроклера, и вышел, бросив на них кислый поздравительный взгляд.

Спустя несколько минут палуба дрогнула и заколыхалась у них под ногами, свидетельствуя об отплытии. Ряды весел дружно заработали, и корабль величественно выплыл из бухты, точно гигантский деревянный зверь, вглядывающийся в океанский простор красными глазами, намалеванными у него на носу.

Путь в Саардос занимал две недели, и это было неспешное, небогатое событиями путешествие, единственными запоминающимися моментами которого были скрип шпангоута, треск паруса, крики морских птиц да время от времени перебранки матросов, под небом таким ясным, что оно напоминало расписную эмаль.

В команду входили и женщины, корабельные проститутки, ибо торговля не прерывалась и на время Застис. Это были видавшие виды своенравные создания, дравшиеся как дикие кошки. Волосы у них были того же самого тусклого серо-черного цвета, как и у моряков, от постоянных едких соленых ветров.

Днем Яннул с Ральднором наслаждались времяпрепровождением всех пассажиров с незапамятных времен — книгами, игрой в кости или вином — или прогуливались по палубе. На закате они ужинали за столом Дроклера, вместе с Джарлом, командиром гребцов, немногословным и грубым, и Элоном, палубным офицером, ничем не примечательным тихим человеком, который за едой изучал нескончаемые манускрипты, переплетенные в черную кожу и похожие один на другой, как близнецы.

По ночам в их каюту украдкой пробирались женщины. Яннул принимал то, что ему предлагали, а тех, которые казались ему неискусными, брался лично обучать ланнским методам. А Ральднор лежал в одиночестве, прислушиваясь к плеску воды и постаныванию, доносившимся до него со всех сторон. Их женщины были ему не нужны, а спать он не мог. Со временем он приобрел привычку по ночам бродить по кораблю. В свете луны вода казалась белой, как

молоко. Он думал о разрушенном городе на Равнинах, о белом волке и беловолосой девушке. Его словно что-то вело.

Где мой дом? Неужели все-таки там, после всего того, что я сделал, чтобы сбежать оттуда? Равнины и тень Амрека. А почему нет? Меня ненавидят, как и мою землю, и считают мертвым и беззубым, как и мою землю. Ашне'е, моя мать, кладет свою призрачную руку на мой мозг и поворачивает его к югу. Тогда, возможно, моя цель — не Саардос, а Равнины. Возможно, я вернусь домой.

За день до бухты Саардоса Дроклер почтил медного бога Рорна на носу корабля фунтом ладана.

Равнодушная маска бога смотрела на них сквозь пелену сладкого синеватого дыма. Она была уродливой и грубой, лишенной как страсти и изящества заравийской Ясмис, так и жестокого величия драконоголовых икон Дорфара. Он все с той же близорукой неподвижностью взирал на длинные волны, не обращая внимания на их слова, на их присутствие, на их щедрую жертву.

Ослепительное лиловое солнце, источая пар, опустилось в море. С юга надвигались черные груды кучевых облаков, а порывы ветра, точно гигантская рука, давили на трепещущий парус.

Узкая скалистая полоска суши, которой был Элисаар, исчезла в темноте.

За обедом Джарл за столом не было.

— Скверная погода для входа в гавань, — заметил Яннул.

Ветер снова налетел на корабль, и тарелки дернулись в своих углублениях. Испуганно звякнули подвешенные на цепях люстры, роняя горячий воск.

— Рорн животом мается, — сказал Дроклер.

Клок неба, видный сквозь высокое окошко башни, налился чернотой. Корабль, точно ощущая зреющие под его днищем незримые силы, метался, словно обезумевшее от страха животное.

— Вы сможете дойти до Саардоса в такую непогоду?

— О, разумеется. Мы идем по ветру и используем еще и весла. В этом месте нет подводных скал. Не стоит волноваться. Ешьте спокойно. Или, может быть, у вас пропал аппетит?

Элон встал и отложил книгу в сторону. Не говоря ни слова, он вышел, и когда дверь на палубу открылась, каюту наполнили пурпур бушующих волн и белизна внезапно сверкнувшей молнии.

Дроклер поднялся на ноги.

— Продолжайте обед, господа.

В этот миг «Дочь Рорна» завалилась на бок жутким, но при этом почти фривольным движением. По всему кораблю послышался грохот обрушившихся вещей, которые не были закреплены. Одна из низко висящих массивных люстр стремительно качнулась и с ужасающей силой полетела прямо в висок Дроклеру. Раздался тошнотворный хруст. Капитан без единого звука рухнул на стол.

Два младших офицера, поднявшихся вслед за ним, от души

выругались. Один побежал за корабельным врачом, и оставленная открытой в непроницаемую темноту дверь захлопала на порывистом ветру.

Яннул и оставшийся офицер уложили Дроклера на полу. Он хрипло дышал, но если не считать этого, казался мертвым. Офицер принялся делать неуклюжие религиозные жесты, призванные умилостивить одно из множества суровых и равнодушных морских божеств закорианцев.

Яннул поднялся.

— Загляни ко мне попозже, — пробормотал он, проходя мимо Ральднора. — Сейчас весь мой обед достанется морю.

Наполненная ревом неистовствующей воды тьма на палубе поглотила его. Ральднор двинулся за ним следом и на пороге столкнулся с врачом, на лице которого застыло плохо скрытое выражение ужаса. Потерять капитана, находясь в плавании, было очень скверно, ибо закорианцы не забывали обо всех своих распрях и войнах даже на кораблях. Молния копьем ударила в палубу. Ральднор увидел жуткие синеватые силуэты, копошащиеся вокруг паруса, и хлопья желтой пены, летящие из-под весел.

Весла.

Джарл все еще заставлял своих подчиненных грести, даже в такую бурю. Но разве можно было еще надеяться на что-то, кроме как перенести этот шторм? Кроме того, с каждой новой волной в люки заливалось все больше и больше соленой воды, и вскоре у гребцов должны были появиться сломанные ребра, если еще не что-нибудь похуже, из-за вихляющихся рукояток весел.

Ральднор свернул и протиснулся сквозь узкое и низкое отверстие, ведущее на нижние палубы.

Зловещую затхлую тьму усугубляли почти физически ощутимый запах страха и мерцающие фонари. С шипением плескалась вода — нижние места уже заливало — скрипели стальные лопасти весел и хрустели от напряжения мышцы гребцов. Джарл сидел на помосте, словно и не замечая пены, лизавшей его ноги, беспрестанно отбивая молотком ритм для гребцов, и его лицо было уродливой застывшей маской. Он был очень похож на Ригона. Они явно были родственниками. Ральднор сделал глоток ненависти из зловонного воздуха и прокричал:

— Остановитесь! У вас течь!

Не обернувшись и не сбившись с ритма, Джарл процедил сквозь зубы:

— Опорожняй свои проклятые кишки где-нибудь в другом месте, дорфарианец! Мы идем в Саардос.

Ральднор ощутил, как его люди напрягают слух, пытаясь расслышать его слова, несмотря на то, что их жилы трещали от физического напряжения.

— Остановись, Джарл, и задрай люки, пока не утопил корабль и не погубил половину своих гребцов.

— Не тебе мне приказывать, сопливый ублюдок! Убирайся, пока я не перебил тебе спину.

«Дочь Рорна» неожиданно закрутилась у них под ногами. Раздался оглушительный в своей какофонии гром, и потоки вспененной воды хлынули сквозь люки, расколов их, точно разбитое стекло. Люди, очутившиеся по горло в воде, с криками бросали весла, которые, выйдя из-под людской власти, поворачивались и били тех, кому не удавалось увернуться. Слаженный ритм распался.

Ральднор прыгнул на Джарла и с размаху воткнул кулак ему под ребра, потом, выхватив у него из рук молоток, обрушил между его шеей и ребром удар, вполне достойный его туши. Перекрывая смятенные крики и вопли, Ральднор велел им втянуть весла и задраить люки. Через некоторое время он спустился в этот хаос и взялся за работу вместе с ними. Эти гребцы были наемниками — только военные корабли да пираты сажали на весла рабов — поэтому у них не было ни четкой дисциплины, не беспрекословного послушания. Он чувствовал, что они находятся на грани вызванного паникой бунта, поэтому быстро выстроил их в цепочку и велел вычерпывать воду, пока они совершенно не вышли из повиновения. Вдруг чей-то голос выкрикнул:

— Ветер унесет нас за Саардос, в море ада! Мы упадем в Эарл!

— Все это россказни для баб и ребятишек! — крикнул в ответ Ральднор. — Никак у нас здесь появилась чья-то подружка, пытающаяся выдать себя за мужика?

Послышался грубый хохот, и после этого никто больше не жаловался. Ральднор уже знал, что больше всего пугало закорианцев, и это была не смерть.

Когда они вычерпали из трюма воду, он оставил их под командованием Элона и потащил Джарла, закинув его к себе на спину, в его каюту на корме.

Казалось, буря бушевала уже чуть менее яростно. В грозовых облаках появились просветы, хотя море швыряло их вверх-вниз, словно мяч. Оно слизнуло с палубы людей и припасы, а взамен оставила массу бьющихся и извивающихся морских тварей.

Яннула он обнаружил в башне с белым, точно мел, лицом.

— Возможно, моя жертва пошла нам на пользу, — пробормотал он. — Ох, оказаться бы в Ланне, где холмы синие и, что самое главное, неподвижные.

Волны выбили окошко, и осколки стекла и разбитых тарелок плавали на полу, примерно на дюйм залитом водой.

Пришедший с палубы Элон спросил:

— Судовой врач еще здесь? Кое-кому из моих людей перебило кости.

Врач быстро вышел вслед за ним. Дроклер больше в нем не нуждался. Он был мертв.

Волны улеглись, и море, казалось, дымилось. Этот дым превращался в серый сумрак, который, извиваясь, расползался над палубой. Они вычерпывали воду и жарили уснувшую рыбу на коптящих кострах, чтобы восполнить запасы провизии, унесенные морем.

— Сэр, ваша помощь очень помогла нам, — сказал Элон Ральднору. — Теперь, когда Дроклер погиб, нам нелегко будет вернуться в Саардос.

— Так Джарл будет вставлять вам палки в колеса, да?

— Ох, это точно. И ему вряд ли пришлось по вкусу то, что вы уложили его на глазах у его гребцов. Предупреждаю вас, сэр, будьте начеку, пока находитесь на борту «Дочери Рорна».

— Благодарю за предупреждение. Но ведь нам остался всего день пути, разве не так?

— Теперь нет, — покачал головой Элон. — Этот шторм сбил нас с курса, а где кончается этот туман, ведомо одним богам.

Вскоре серая пелена еще сгустилась, превратившись в кокон черного бархата, окружавший корабль. Ни луна, ни звезды не пробивались сквозь эту завесу.

Одна из женщин принесла им рыбу и графин с вином. Яннул, уже почти совсем пришедший в себя, оставил ее у себя на ночь.

Весь следующий день они плыли сквозь туман. Это был безмолвный призрачный мир. Он изменялся, превращаясь то в галеры, то в горы, то в стаю гигантских птиц, расползающиеся и перетекающие одно в другое.

В полированной металлической поверхности, служившей зеркалом, Ральднор видел, как быстро сереют его волосы. Некоторое время их еще нельзя будет отличить от волос всех членов команды, того тусклого черного оттенка, обычного для всех моряков. Причиной тому были соленые морские ветры. Скоро соль выжжет последние остатки черной краски, а замену разбившемуся флакончику, который он обнаружил после шторма в своих вещах, найти негде. Тогда он станет беззащитным среди своих врагов, желтоволосый человек, равнинное отребье. Но, как ни странно, в этом тумане все это казалось почти неважным. Его, как и корабль, несло по воле ветра в безбрежном море без руля и ветрил. Никакого выхода не было, и поэтому он почти не волновался об этом.

Матросы опустили тело Дроклера в стальную воду. Отзвучала короткая и суровая закорианская молитва. Он камнем пошел ко дну, увлекаемый грузом, привязанным к его ногам. Примерно через полчаса после этих импровизированных похорон их призрачная тюрьма начала разрушаться. Через час над волнами не осталось ничего, кроме ночной тьмы.

Со всех сторон, насколько хватало глаз, не было видно ни малейшего признака суши. Все корабельные инструменты, при помощи которых можно было определить его местоположение, смыло за борт. На черном небе не было ни луны, ни звезд.

Легкий ветерок подталкивал по волнам «Дочь Рорна».

В полночь тишину разорвал рог дозорного. Впереди по левому борту на горизонте что-то красновато поблескивало.

— Слава Зардуку, это маяки Саардоса! — воскликнул один из офицеров. На палубе поднялся радостный шум. Все опасались какой-нибудь беды, беспомощные в этом призрачном мире.

Ветер был против них, дуя с востока, поэтому они решили оставаться на месте и ждать утра. Открыли и осушили бочонки с пивом. Ральднор видел, как Джарл пьет под королевской мачтой, и понял, что он находится в том странном состоянии, когда можно пить, не испытывая от этого никакого удовольствия и не пьянея. Завтра его гребцы доставят их в Саардос, и он, вне всякого сомнения, спустит с них три шкуры.

Саардос. А за Саардосом — Равнины. Ральднор думал об этом во мраке своей каюты. И в этой тьме к нему пришло чувство незавершенности — такой конец был чересчур прозаическим. Это был намек судьбы, которого он не понял и не ответил.

Его разбудил рассвет, похожий на пепел розы. И звук, которому явно не было места в его сне.

Яннул все еще спал, в кои-то веки один. Над ними скрипели палубы корабля. Звук проникал сквозь дерево, плоть и кости, вызывая у него мурашки.

На палубе тот пепельно-алый свет, который проник в его каюту, был заревом, охватившим небо и море. Все остальное смутно чернело — огромная королевская мачта с обвисшим парусом, слабо трепыхавшимся на легком ветру, туша башни, широкий нос, группки жмущихся друг к другу мужчин и женщин, замерших, прислушиваясь и вглядываясь в алеющий горизонт. В воздухе висел негромкий зловещий гул, точно звук какой-то гигантской трубы, ревущей глубоко в сердце земли. Но определить, откуда доносился этот гул, было нельзя — он был повсюду вокруг, всеобъемлющий, как это утро.

Одна из женщин вдруг завыла, крича о морских дьяволах. Здоровый моряк, вразвалку проходивший мимо, ударил ее по лицу.

— Заткнись, потаскуха.

Это был Джарл. Не глядя по сторонам, он направился к люку, ведущему в трюм, и его угрюмо-насмешливое лицо казалось лишенным каких-либо чувств. Откуда-то с палубы прозвучала команда Элона. Мужчины тут же принялись за работу, женщины поспешили к канатам. Подняли якорь, поставили паруса. Огромный корабль точно по мановению волшебной палочки ожил — весла коснулись воды. Деревянный корпус, напрягшись, пришел в движение, подгоняемый легким теплым ветерком, словно живой. Но это была лишь иллюзия жизни. Рассвет замер. Солнце не поднималось, а темнота не рассеивалась; лишь розовато-серая дымка все так же висела над морем. И так же звучал этот дьявольский гул, казавшийся ее звуковым выражением.

Ральднор подошел к поручню.

Внезапно где-то под поверхностью воды раздался оглушительный грохот, который ничуть не удивил его, хотя внутри у него все заледенело от страха, над которым он был не властен. Дьявольские трубы умолкли. Море чудовищно вздыбилось, подхватив их беспомощный кораблик, и Ральднор кувырком покатился по палубе,

успев заметить вырвавшуюся из воды молнию. Свечение ширилось, превращаясь из малинового в зловеще-белое. Его лицо, руки и шею опалил обжигающий черный дождь. Люди кричали. На корабль трепещущими крыльями огненной птицы налетел ветер.

Вцепившись в поручень, Ральднор с трудом поднялся, глядя на вздымающееся и опадающее море.

Океан содрогался в родовых схватках, но дитя, выходящее из его чрева, было чудовищным, невообразимым: тлеющий черный конус, рвущийся к небу. Трещины в его расплавленных боках пыхали белым паром. Зияющий рот изрыгнул молнию и извергся жидким пламенем.

— Огненная гора!

Обезумевшие от страха моряки заметались по палубе. Все они знали легенду об Эарле, горящих горах, поднимающихся прямо из моря — драконьих глотках, изрыгающих огонь. Закорианцы кричали от ужаса. Они попали в ад, и начались их вечные муки.

Ральднор попятился по палубе назад и распахнул дверь, ведущую в башню. Он попытался крикнуть им, чтобы укрылись внутри, но люди лишь повернули к нему побледневшие лица и невидящие глаза и тут же отвернулись, не переставая кричать. Внезапно в самую их гущу полетел град раскаленных углей. Люди бросились к люкам, и лишь теперь некоторые побежали к башне. Они сталкивались, дрались и ругались, пытаясь протиснуться внутрь. Ральднор увидел, как над чревом морского пика небо раскололось пополам, а вода расцвела белыми цветами взрывов. «Дочь Рорна» встала на дыбы. Люди с дикими воплями катились по палубе и, вываливаясь за борт, оказывались в кипящих волнах. Парус, точно по волшебству, вдруг охватило пламя.

Он почувствовал, как под палубой дрогнули и остановились весла.

Перед его глазами с ужасающей четкостью встала картина паники, снова охватившей гребцов в маленьком аду гребной палубы. Он сквозь напирающую толпу пробился к двери, добрался до люка и каким-то образом спустился в зловонную тьму. Там царило смятение, а возвышение, на котором в прошлый раз отбивал ритм Джарл, пустовало. Спрашивать о том, куда он делся, сейчас было не время. Ральднор уселся на его место и взял молоток, как уже сделал когда-то. Оглушительными ударами он начал выбивать ритм. Наступила относительная тишина; в каком-то смысле они все были рабами этого неумолимого боя.

— Гребите! — прикрикнул он на них.

— Корабль горит! — завопил кто-то. Остальные подхватили его крик.

Он с грохотом опустил свой молот.

— Мне что, испробовать эту дубину на ваших головах? Давайте, по местам, ишь, распустили сопли!

Подчиняясь ему, они заняли свои места. Его тон и поведение сейчас почти в точности повторяли Джарла. Гребцы как один похватали свои весла.

 Сверху донесся грохот, приглушенные крики, полыхнул огонь.

Он ускорил ритм. Это была скорость, которую использовали в бою, для тарана или для бегства. Он не оставлял им времени на панику.

Лишь инстинкт подсказал ему, когда они очутились в относительной безопасности. Сквозь люки океан казался залитым кровью и чернилами, но корабль перестал содрогаться. Он замедлил ритм, потом вообще прекратил стучать. Они повисли на своих веслах, точно кто-то одним махом погасил в них жизнь.

Он поднялся по трапу вверх, но люк никак не хотел открываться. Когда Ральднору все же удалось приоткрыть его, оказалось, что его придавило мертвым телом.

Палуба тоже была усеяна мертвецами. Мертвецами и трепещущим фиолетовым пеплом. Кое-где еще виднелись бессильные языки пламени; но выбравшиеся из укрытия люди уже боролись с ними. Парус пылал. Ветер кружил искры, точно стаи светлячков. В воздухе висел удушливый дым.

Вулкан остался позади, полускрытый во мраке, озаряемом белыми и красными зарницами. Время от времени по морю пробегал отдаленный рокот.

На многие мили вокруг на воде покачивались обгоревшие предметы. Они скинули туда же своих мертвецов. На этот раз никаких молитв не было.

16

В заштопанных парусах пел ветер.

— Мы больше не держим курс, — сказал Элон. — Наши инструменты испорчены. Звезды указывают, что мы далеко от Элисаара, но их очертания очень странные, и доверять им совершенно нельзя. Таллат говорит, что по его мнению пыль от огненной горы искажает размер и очертания всего в небе. Кто может в этом усомниться? Прошлой ночью луна была огромной и цвета синей сливы. Нет, мы не можем определять путь по звездам.

— Нужно вернуться назад, — рявкнул Джарл, сидевший напротив него за столом Дроклера.

— И снова пройти через Огненныеврата? Буря и горящая гора унесли половину нашей команды, и еще десять гребцов. Они поднимут бунт, если я прикажу им снова пойти на такой риск.

— Ты слишком мягкий и безвольный, Элон. Они поднимут бунт потому, что знают, что ты спустишь им это с рук. Уступи свое место мне. Вот увидишь, я все улажу.

— Вообще-то, это ты уступил свое собственное место вулкану, — заметил Ральднор.

Джарл вихрем обернулся к нему.

— Почему эта сухопутная крыса сидит с нами на совете?

— Потому, Джарл, что он уже дважды доказал, что командует гребцами лучше тебя, — парировал Элон.

— Где ты был, Джарл, когда мы уходили от огня? — выкрикнул Таллат, младший из двух офицеров.

— У меня были дела внизу.

— Ну да, спасение твоей никчемной, вонючей и грязной шкуры!

Элон заколотил по столу, чтобы унять пререкающихся.

— Ветер несет нас на юго-восток, — сказал он серьезно и хладнокровно. — Дозорные видели стаи птиц, что должно означать какую-то сушу поблизости.

— В этих морях нет суши.

— Возможно, какой-нибудь островок, слишком маленький, чтобы наносить его на карту. Тем не менее, возможно, нам удастся найти там пресную воду и пищу. Да и люди отдохнут немного. Потом решим, что нам делать с нашим кораблем и нами.

Каждый вечер на закате они делали зарубку на притолоке двери, ведущей в башню. Море было невероятно, жгуче синим; время от времени на поверхности воды мелькали островки синего огня. Днем небеса принимали невообразимые цвета; по ночам люди делали суеверные знаки, отгоняющие зло, глядя на аметистовую луну и ядовито-желтые звезды.

Скудость пищи, которую после шторма выдавали строго ограниченно, уже начала сказываться на них. Обедов за столом Дроклера больше не было — лишь тушеная рыба и сухие галеты, одинаковые для всех.

Обожженные люди лежали на палубе под навесом, издавая стоны, бормоча, плача, умоляя дать им воды. Тусклоглазые женщины, как умели, ухаживали за ними. В серой предрассветной дымке на пятый после извержения день Ральднор очнулся от мертвецкого сна и, выйдя на палубу, обратил внимание на странную, зловещую тишину. Не было слышно ни вскрика, даже ни шепота.

Яннул, вышедший вслед за ним, остановился и сказал:

— Они что, все умерли?

— Ну да, — раздался насмешливый, почти веселый мужской голос. — Понадобилось лишь совсем немного помочь им.

Из-под навеса вышел Джарл, поигрывая своим ножом, с которого капала кровь. Вслед за ним выскользнула еще пара матросов, постаравшись сделать это как можно более незаметно.

— Ты прикончил их, — ахнул Яннул. Его рука потянулась к его собственному ножу, потом бесполезно упала.

— Они только зря проедали нашу еду, — выпалил один из дружков Джарла. — Все равно завтра подохли бы. А не завтра, так послезавтра. Лучше уж сразу.

— Заткнись, — рявкнул Джарл. — Мы что, еще оправдываться должны перед этой сухопутной крысой?

Он прошел мимо, и его приспешники прошмыгнули следом.

Рассвет уже тронул море своей кистью.

Яннул злобно выругался.

— Ты что, откажешься от лишней доли еды? — мягко сказал Ральднор, глядя на ободок солнца, поднимавшегося из

воды. — Как и сказал дружок Джарла, они все равно умерли бы, и в мучениях. А теперь они ничего не чувствуют, а мы сможем поесть.

Яннул обернулся к нему, но в свете зари новое удивление перекрыло старое.

— Ральднор, — сказал он. — Твои волосы... они... *белые.*

Ральднор не взглянул на него. Его глаза и лицо были совершенно пусты.

— Морская соль, — сказал он спокойно. — Она обесцвечивает лучшую краску. Я с Равнин, Яннул.

Яннул снова негромко выругался.

— Я думал в Абиссе... я *удивлялся*... Но, Ральднор, все это время в Корамвисе ты осмеливался обманывать *Амрека?*

— Ирония, достойная попасть в анналы старых мифов, которые я когда-то читал. Да, я был самым близким военачальником Амрека. Я был его правой рукой. Я чуть не переспал с его матерью и отнял у него невесту. Я потерял свое положение из-за собственной опрометчивости, а не из-за моей расы. Никто не знал о моем происхождении. Я был дорфарианцем, и все мои преступления были преступлениями дорфарианца. Я — брат Амрека.

— Его брат..?

— Сын Редона. Не от Вал-Малы, как ты можешь догадаться. Меня выносила Ашне'е, ведьма с янтарными волосами. Я появился из того же лона, что убило моего отца. — Слова неудержимо лились из него, но он не чувствовал ни облегчения, ни боли. На горизонте темные облака сливались с морем, скрывая невысокий еще солнечный диск.

— Значит, по закону Дорфара, ты его король, — сказал Яннул. В его голосе не было ни сомнения, ни вопроса. И ситуация, и странное, ничего не выражающее лицо рассказчика были очень убедительными. Кроме того, Яннул всегда чувствовал атмосферу загадочности, окружавшую человека, которого он называл своим другом.

— Король Дорфара.

Ральднор одними губами улыбнулся морю, своим мыслям.

— Вон там остров, который обещал нам Элон, — сказал он.

Яннул, вздрогнув, обернулся и увидел его. И в тот же миг с мачты раздался крик дозорного, и матросы гурьбой высыпали на палубу.

Это был крошечный клочок суши, со всех сторон атакуемый морем. Вид у него был неуютный. Но люди кричали и хлопали друг друга по плечам.

Лишь мертвые под своим навесом хранили молчание, как будто были мудрее, или просто были и так всем довольны.

Остров.

Он имел форму плоского блюда с крутыми скалами в центре, над которыми стояли облака белых брызг, водопадами обрушивавшихся на широкое плато. От пляжа иссиня-черными рядами тянулись джунгли, звенящие от птичьего гомона. Пестрые стаи носились в облаках, оглушительно крича в страхе перед пришельцами.

«Дочь Рорна» встала на якорь в бухте, и вскоре с нее спустили шлюпки Лишь женщины и горстка мужчин остались на борту вместе с офицерами, чтобы приглядывать за кораблем. Их отвыкшие ноги ступали по суше неуверенно. Взрослые мужчины катались по перламутровому песку и играли им, точно ребятишки.

Элон разбил их на группы, отправив искать воду и еду. Таллат и Ильрад смастерили рогатки и вернулись с подстреленными тушками каких-то пестрых птиц. Остальные плескались в сапфировых озерцах, набирая полные пригоршни этих жидких сапфиров и тут же с радостными воплями разбрызгивая их. Это был воистину край изобилия, край, где можно было ничего не беречь.

Остров был необитаем — по крайней мере, они не заметили здесь ни одной живой души.

Яннул сорвал орхидею и вставил ее в прореху в своей рубахе.

— Как думаешь, мне удастся заставить какую-нибудь из них прижиться на корабле? Дамы в Элисааре за такой цветок отдали бы полжизни.

Теперь очень многие из них упоминали в своих разговорах Элисаар и Закорис. Даже этот крошечный клочок земли вселил в них надежду. Даже жгучее, небывало синее море не так сильно занимало их мысли.

Когда они сидели с жареным мясом и свежей водой на берегу, из леса выбежала группа моряков, тащащих какие-то желтые плоды. Они все были немного не в себе от радости, но эти люди казались совершенно помешавшимися. На их шеях висели гирлянды из цветов, они неудержимо хохотали.

— Это что еще такое? — спросил у них Элон.

— Необыкновенный плод! Восхитительный плод! — воскликнул один из них. — Он дает в голову, точно заравийское вино!

Таллат неодобрительно прищелкнул языком.

— Вы ели его? Очень зря. Никто из нас не знает, что здесь растет. Он мог бы оказаться ядовитым.

— Мог бы... мог бы...

Моряки принялись кривляться, передразнивая его. Они были действительно пьяны, сок стекал по их щекам и подбородкам, капая на грудь. Они снова набросились на плоды.

Элон отвернулся. Матросы принялись веселиться на пляже.

Ральднор увидел, как из-за деревьев показался Джарл, а следом за ним вышли двое или трое его приспешников. Он подошел к куче плодов и принялся рыться в ней.

— Значит, это вкусно?

— Это еще не означает, что их можно есть, — сказал Элон. — Мне казалось, ты должен был остаться на корабле и приглядывать за своими гребцами.

— Только властители Эарла осмелятся потревожить дочурку Рорна в этом море. Я приплыл сюда на шлюпке, как и ты, палубный офицер. — Джарл откусил кусочек плода и прожевал, потом осклабился. — Твои матросы куда больше разбираются в еде,

чем ты, Элон. — Прихватив парочку плодов, он отправился с ними к другому костру, вокруг которого плясали пьяные моряки.

Постепенно, один за другим, кто с самодовольным видом, кто нерешительно, люди переходили к его костру. Одни подпадали под воздействие его жестокой властности, других привлекала его непоколебимая самоуверенность. Раздалось несколько одобрительных криков по поводу убитых раненых.

Вскоре собравшиеся вокруг Джарла разошлись не на шутку. Они принялись снова спускать лодки на воду, приплясывая и оглушительно хохоча.

— Они собираются увезти вахтенных с корабля. Палубный офицер, вахта необходима, даже в этом пустынном море.

Элон взглянул на белую кромку воды.

— Я могу остановить их своей властью, Таллат? Похоже, у этого костра не так много народу.

— Они опьянели от этих плодов...

Элон, не говоря ни слова, поднялся. Напряженный, он зашагал по берегу к буйствующим морякам и их лодкам. Ральднор тоже поднялся и пошел следом; Таллат, Яннул и еще несколько остальных последовали его примеру. Пестрые птицы медленно кружили в небе.

Внезапно Джарл отделился от толпы. Плод подействовал и на него тоже, хотя цветочной гирлянды на нем не было, и поведение его тоже отличалось от остальных. Поскольку он привык к вину, то опьянение не смазало и не изменило черты его характера, а скорее обострило, усугубило их.

— Что ты делаешь, Джарл? — спросил Элон.

— Собираюсь привезти на остров последних матросов, гребцов и шлюх. А ты что, не хочешь позволить им тоже побывать на острове?

— Везде они побывают. Скоро я пошлю им смену, когда люди отдохнут.

— На корабле не нужна вахта, Элон. Не здесь.

— Я не отдавал тебе приказа распустить вахтенных.

— Ты. Ты вообще не можешь больше что-нибудь приказывать или не приказывать. Идите жуйте свой хлеб с водичкой, миледи, пока мы, мужчины, развлекаемся.

— Ты ответишь за это в Ханассоре, — негромко пообещал Элон.

— Ханассор, — сплюнул Джарл. Он не разделял их уверенности. — Ты сначала доберись дотуда. И у меня тоже есть кого призвать к ответу. Эту сухопутную крысу у тебя за спиной, например. Во имя Зардука, дорфарианец, ты можешь не совать свой нос в чужие дела?

— Этот берег принадлежит мне ровно настолько же, как и тебе, — отрезал Ральднор, — а твой голос слышно очень далеко.

Рука Джарла метнулась к поясу и выхватила нож. Повисло напряженное молчание.

— Убери нож, — сказал Элон.

Кто-то из мужчин возбужденно хихикнул:

— Пускай подерутся. Ставлю десять дрэков на Джарла.

Поднялся одобрительный гомон.

— Ну, дорфарианец, пойдешь против меня? Ты уже видел, каков этот клинок в действии, — сказал Джарл. — *Беловолосый!*

Рука Ральднора словно сама по себе сделала привычное движение, и в ней сверкнул нож. Несколько человек заметили уверенную отточенность этого жеста, и веселье немного приутихло.

— Да, ты уже пускал в ход этот клинок — против полумертвых людей, — сказал Ральднор. Я принимаю твой вызов.

Джарл бросился вперед, но Элон как-то ухитрился вклиниться между ними. Джарл, разъяренно зарычав, ударил палубного мастера ножом. Белый песок оросила красная влага. На ноже Джарла вспыхнула алая полоса. Джарл прыгнул в ближайшую лодку, его люди последовали примеру вожака. Они оттолкнулись от берега и оказались на воде в считанные секунды после того, как Элон рухнул на землю.

Таллат бросился вперед и положил голову друга к себе на колени, но глаза Элона уже затягивала непроницаемая пелена смерти. Его кровь уходила в песок.

Они похоронили его, засыпав песком и галькой, на краю джунглей, но могила его была неглубокой. Их лопаты очень скоро зазвенели о камень. Кроме того, здесь явно водились дикие звери, незамеченные прежде и не показывающиеся сейчас, чье присутствие выдавали лишь легкие шорохи в лесу да яркие огоньки глаз. В темнеющем небе, жадно крича, кружили птицы. Поэтому они вырыли его из песка и положили на кучу хвороста и лиан и подожгли ее. Так было лучше, но запах горелой плоти преследовал их по всему берегу.

Таллат ушел от них и долго стоял в сумерках, глядя на тлеющие и дымящиеся угли, когда-то бывшие Элоном. Мужчине не пристало плакать, и если он все же не мог сдержать слез, то должен был горевать в одиночку. Ральднор с внезапно нахлынувшей болью вдруг вспомнил, как когда-то давно тоже еле сдерживал слезы, шагая за похоронными носилками Эраз в Хамосе.

Непомерно раздутая луна всплыла над деревьями.

На плато разгоралось красноватое зарево, слышались песни, шум дудок и громкие крики, заглушавшие шорох волн и приглушенный гул водопадов.

Пока они ходили за хворостом для погребального костра Элона, вернулись лодки. Хохочущие мужчины и визжащие женщины гурьбой бросились к деревьям с фонарями и бочонками пива из личного запаса Дроклера. Теперь они пили, поедали плоды и распевали песни, сидя вокруг своих костров у скал.

Таллат медленным шагом вернулся к ним. Его лицо было мрачным.

— Таллат! — один из матросов схватил его за локоть. — Таллат, давай возьмем шлюпку, поплывем на корабль и уйдем на нем. Должен быть какой-то безопасный путь до дома. Оставим их на их острове.

— Нет, — отрезал Таллат.

Волна наползала все дальше и дальше на песок, тихо шепча что-то, словно мать ребенку.

— Клянусь Зардуком, — сказал матрос, — я не расстроюсь, если они все отравятся этими плодами, как ты и говорил, Таллат. Это было бы справедливо. Я не стал бы о них плакать.

Море проглотило последние отблески солнечного света. Визгливый женский голос на плато затянул какую-то песню.

Яннул беспокойно поерзал.

— Они там тертые калачи — ну, большинство из них — и могут за себя постоять. Но среди них была одна девчушка — думаю, она из Элисара — закорианские пираты захватили ее в плен еще совсем крошкой. На палубе она еще держалась, но по ночам ей было страшно. Пожалуй, они там что-то чересчур развеселились. Ты не станешь возражать, если я пойду и заберу ее оттуда?

— Твоя галантность делает тебе честь. Но эта задача может оказаться потруднее, чем тебе кажется. Идем вместе. Двое ребят ригоновой выучки стоят двадцати пьяных закорианцев.

Они отделились от кучки сидевших на пляже и исчезли в черноте джунглей.

Их путь сквозь джунгли начался в атмосфере какой-то мрачной веселости. Она разрядила напряженность, охватившую обоих, и отчасти напомнила ту скрытность, которая связывала этих двоих в Лин-Абиссе. Но все же по мере того, как они неуклонно углублялись в темные заросли, окружение леса начало потихоньку оказывать на них влияние, подавляя их своим безмолвным мрачным присутствием.

В сердце джунглей царил мрак, и лишь луна серебрила листья жутковатой призрачной синевой. Бесчисленные глаза, сверкавшие на опушке, здесь, в зарослях, мерцали как звезды. Трава шелестела, склоняясь под неощутимым ветром.

— Повсюду шпионы, — прошептал Яннул.

Но ни один из них не улыбнулся. Ральднору казалось, будто весь лес подступается к ним вплотную, одушевленный, не спускающий с них глаз, враждебный. Впервые он ощутил холодность теней, которые не были холодными в физическом смысле, гнет, почти физический запах древности, чего-то гниющего. Этот остров, безмятежный в свете дня, с наступлением ночи ожил, наполнившись собственной темной жизнью, и обнаружил чужаков, без спросу ступивших на его землю и лишивших его девственности. Они потревожили его первобытную тьму. Он ненавидел их.

Внезапно за высокими зарослями папоротника вдруг открылось оранжевое плато.

На голых камнях моряки со своими женщинами кричали и пили, объедаясь и осушая вскрытые бочонки. Огромный костер пылал, облизывая трескучими языками небо. Две или три женщины танцевали голышом, держа в руках горящие головешки в подражание огненным танцовщицам из Зардука.

— Видишь свою девчонку? — спросил Ральднор.

— Нет. Придется подойти поближе.

Через несколько шагов навстречу им бросилась женская фигура.

— Янал из Лана... и Ральнар, — заплетающимся языком выговорила она, мгновенно узнав обоих, в особенности Яннула. Но это была не та, которую искал Яннул. Однако она отвела их к огню и угостила пивом, попытавшись повиснуть у Яннула на шее. Увидев это, один из лежащих вокруг пьянчужек, шатаясь, поднялся с налитыми кровью глазами.

— Ты же со мной, Ханот. Не трать время на этих сухопутных крыс. Джарл хочет быть уверенным, что ты решила присоединиться к нам, к *мастерам,* — ухмыльнулся он и завалился, увлекая женщину за собой.

— Вот она, крошка Релла... или Рилка, не помню, как ее там, — сказал Яннул. — Похоже, у нее неприятности.

Он бросился к нескольким фигурам, возившимся в темноте, и Ральднор следом за ним. Они быстро растащили четырех матросов и справились с ними поодиночке. Яннул подхватил брыкающуюся и царапающуюся девчонку, в конце концов все же убедив ее — едва не лишившись при этом глаз — что это не продолжение затевавшегося изнасилования, а Яннул, с которыми она делилась своими тайными страхами в темноте. Она была маленькой и хрупкой, с четким прямым профилем, очень нетипичным для закорианцев. Скорее всего, она действительно была из Элисаара. Она робко улыбнулась ему, но ее надежда тут же сменилась ужасом.

— Ага, значит, мы все-таки дождались этой неслыханной чести, — раздался у них за спиной голос Джарла. — Собаки пришли набить брюхо.

— Сражаемся спина к спине, — скомандовал Ральднор Яннулу, — как на тренировочной площадке в Абиссе. — Он почувствовал, как его лицо расплывается в неудержимой хищной ухмылке. — Но сначала закуска. Этот негодяй явно состоит в родстве с Ригоном, а у нас обоих с ним свои счеты.

Он не мог различить лицо Джарла, ослепленный огнем костра. Это ничего не меняло. Внезапно им овладела нестерпимая, жгучая ненависть. Он ощутил, что она не принадлежит ему, а просто наполняет его, как пустой сосуд. Ненависть — остров просто источал ее. Она проникала в его кровь, в его разум.

Он почувствовал, как давно затянувшиеся раны в его душе вдруг открылись, затопив его мучительной болью. Но теперь там не было места ни Аниси, ни Астарис — ни нежной женщине с мыслями, похожими на искрящийся кристалл, ни второй, которая была вся теплый огонь. Не сейчас. Это было совершенно чуждое, жуткое и неодолимое ощущение. Одержимость. Он чувствовал, как эта стихия собирается, фокусируясь в пурпурном оке джунглей и ища выражения через него. Он ощутил, как что-то внутри него прорвалось, выпуская это наружу. Страх. Ужас. Но это заставляло его ухмыляться и смеяться в безумном, невообразимом ликовании.

Джарл внезапно содрогнулся и обеими руками схватился сначала за горло, потом за живот. Из его губ вырвался пронзительный крик. Он упал, крича и извиваясь, и начал кататься по земле, пока не угодил прямо в костер.

Повсюду вокруг гуляющих охватила паника. Они умолкли, подняв головы и прислушиваясь к какому-то ощущению внутри себя, как животные, принюхивающиеся к ветру.

Возмездие обрушилось на них стремительно и неумолимо. Они корчились и кричали, как демоны, объятые болью и ужасом.

Яннул настойчиво спросил у девушки:

— Ты ела плоды?

— Они дали мне пива и кусочек плода, — прошептала она с огромными от страха глазами, — но у меня во рту целых три дня и маковой росинки не было. Меня вырвало.

— Вот и хорошо, — сказал Яннул. Лицо у него было очень бледным.

— Мы больше ничем не можем им помочь, — сказал Ральднор.

Он направился обратно в лес, дрожа, точно старик после лихорадки, и они зашагали следом за ним.

Когда они возвращались, было очень тихо. Они ни разу не заметили ничьих глаз. Слышалось лишь пение водопада да шум моря.

На пляже люди Таллата сидели, съежившись, вокруг костра.

— Все-таки эти плоды оказались ядовитыми, Таллат, — сказал Яннул.

Маленькая элисаарианка заплакала. Он принялся утешать ее.

Ночью они спали у костра. На рассвете Таллат с двумя своими людьми отправился на плато, чтобы посмотреть, не осталось ли там тех, кто пробовал плоды и остался в живых — как подружка Яннула. Они вернулись назад меньше чем через час и никому не рассказали, что они там видели. Вместе с ними не пришел больше никто.

Они забрали остатки жареной птицы и наполнили пресной водой бочонки, после чего отправились обратно на корабль. Дул крепкий ветер — теплый и ласковый. Скоро островок исчез из виду. Это их радовало. Десять мужчин и одна женщина — вот и все, что осталось от команды этого потрепанного, обугленного корабля, некогда прекрасного, гордо рассекающего воды западных морей. Их было недостаточно, чтобы сесть на весла; им оставалось лишь положиться на волю ветра и волн. Все были изнурены, ошеломлены и опустошены тем, что с ними произошло. Прошло много дней; они перестали делать зарубки и потеряли им счет. С небес на них смотрели звезды, незнакомые и равнодушные. Настал штиль.

— Мне конец, Ральнар эм Дорфар, — сказал как-то Таллат, обращаясь к нему по имени, которым стал сам называть его. — Еда вся вышла, ветер утих. Этому синему морю нет конца. Мы упокоились в аду. Это путешествие было проклято с самого начала.

— Вы везли проклятие с собой, — сказал Ральднор. — Разве у вас не говорят, что брать на борт преступника, которого разыскивают — к беде?

— О, это просто морские байки. Большая часть наших людей была преступниками, Ральнар. Думаю, они заплатили за это. У нас принято заключать договор со смертью. Это наш способ добраться до богов.

— В этом путешествии было слишком уж много смертей.

— Я знаю это, Ральнар. Элон был моим отцом. Он тебе не говорил? Он зачал меня от одной девушки в Ханассоре — по неосторожности, в Застис, но он позаботился о том, чтобы я получил образование, и купил мне должность на этом корабле. Проклятый корабль! Я слишком много унаследовал от него. Он был хорошим человеком, но мне досталась его слабость.

Ральднор сказал мягко:

— Я догадывался о твоем горе, хотя ты и очень хорошо скрывал его. И я тоже однажды сдерживал свое горе, чтобы никто не догадался о нем. Мужчине не зазорно плакать.

— Да, Ральнар. Но у нас другие обычаи. Как вышло так, что твои волосы побелели после огненной горы? Я слышал, что такое бывает от страха или потрясения, но ты храбрый человек. Куда храбрее, чем этот ублюдок Джарл.

— Это след другого страха, — сказал Ральднор. — Куда более старого. Страха признаться, кто я такой.

Таллат взглянул на него, но ничего не сказал. Он дружески взял Ральднора за руку.

— Что ж, поступай, как пожелаешь, Ральнар. И Яннул тоже, а Реша поступит так же, как и он, в этом нет никаких сомнений. У каждого из нас свой путь. Очень надеюсь, что удача повернется к вам лицом. Но очень в этом сомневаюсь.

Он спустился в трюм вместе с остальными закорианцами. Больше они наверх не поднимались.

Корабль смерти неподвижно покоился на волнах, а на закате над его мачтой пролетели три птички.

— Поблизости земля! — воскликнул Яннул. — Возможно, она окажется лучше, чем предыдущая.

На небо выплыла холодная луна, принеся с собой холодный ветер. Он дул всю ночь, а в воде резвились серебристые рыбы.

Реша заснула под боком у Яннула. В конце концов остался бодрствовать один Ральднор. Он увидел, как из океана, точно гигантский зверь, поднимается черная туша земли.

Когда взошло солнце, вершины окрасились кармином, а долины остались черными, точно не желая отпускать ночь.

Он подумал о Таллате.

«Ожидание не бывает слишком долгим. Боги или судьба — всем им нужно время». И, со всех сторон окруженный смертью, он ощутил, как в его душе проснулся росток надежды. Он наклонился и разбудил Яннула.

17

Пригнав корабль почти к самой земле, ветер покинул их. Побережье, изрезанное узкими бухточками и окаймленное темными лесами, щерилось скалами. Пейзаж казался суровым и безлюдным.

Дневная жара упала с небес и поднялась с поверхности океана.

Ральднор, в одиночестве сидевший на палубе, заметил в воде какое-то движение, решив, что это играют рыбы. Но рыбы резвились на поверхности, никогда не уходя в глубину. Вскоре он понял, что это узкая лодка, сделанная из выдолбленного ствола какого-то черного дерева, схожая с рыбачьими челноками Закориса. В ней сидела одна фигура — мужчина, без усилия двигающий веслами. Когда он приблизился, явно направляясь к кораблю, Ральднор увидел его загорелое лицо, на котором не было ни удивления, ни любопытства, лицо, странно замкнутое на себе, но при этом умиротворенное. У мужчины были очень длинные волосы, рассыпающиеся по плечам, груди и спине.

Они были пшенично-желтого цвета.

Кровь бешено застучала в жилах. Ральднор поднял руку, приветствуя гребца. Тот в ответ тоже поднял руку, но в ответ ничего не крикнул.

Узкая лодочка подплыла вдоль борта корабля к трапу, волочившемуся по воде. Мужчина поднялся на палубу и встал, глядя на Ральднора. Они были одного роста, но тело незнакомца, хотя и мускулистое, было таким худым, что казалось почти костлявым. На нем была лишь набедренная повязка; все остальное было обнажено и загорело, но тем бледным загаром, которым покрываются очень белокожие люди и который сходит с наступлением холодов.

— Ты степняк, — сказал Ральднор. Мужчина засмеялся.

Он явно не понимал его речь и не пытался говорить сам. Он указал на лодку и дал понять, что Ральднор должен идти за ним. Ральднор покачал головой, махнув рукой в сторону башни и позвав Яннула и девушку.

Незнакомец не выказал никакого беспокойства. Лодка казалась недостаточно просторной, но каким-то образом он уместил в нее всех троих и взялся за весла, работая ими с той же легкостью, что и прежде. Перед ними почти игриво плыли островки синего огня. Корабль остался позади — обглоданный скелет, чернеющий на фоне голубого неба. Суша становилась все ближе и ближе. Лодка, похоже, направлялась к вдающемуся далеко в море скалистому мысу, поросшему густым лесом. Там не было видно никаких признаков жизни, но над лесистыми склонами наверху курились голубоватые дымки.

Мужчина так ни разу и не заговорил и даже не шевельнул губами. Его рот казался каким-то неуловимо странным, как будто не привык выговаривать слова. Возможно, он был немым. Немой мужчина с Равнин, удивленно раздумывал Ральднор.

Челнок пристал к берегу. Незнакомец направился к первой линии деревьев. Там в тени стоял глиняный сосуд. Он напоил их водой, потом повел в лес.

* * *

Это был дом из дерева — высокое и просторное сооружение, построенное из глины, которой обмазали каркас из жердей, где опорами были стволы гигантских деревьев. Крышу покрывали толстый слой листьев и птичьи гнезда, чьи обитатели то и дело роняли на пол свой помет, издавали нежные переливчатые трели и беспрестанно носились туда-обратно сквозь высокие окна. Лесной народ жил в этом доме, купаясь в чистых ручьях и готовя на бесчисленных кострах на поляне. Они не ели ни мяса, ни рыбы, употребляя пищу в основном в сыром виде: фрукты и ягоды, растения, корни и листья, а также молоко, которое давало небольшое стадо черных коз. Все они были желтоволосыми и светлоглазыми. И ни один из них не говорил. В конце концов, когда они лежали в тени дома перед закатом, до Ральднора дошло, что они не говорят, потому что у них нет в этом необходимости. Они, как и обитатели Равнин, общались мысленно, а поскольку их жизнь была более спокойной и больше удовлетворяла их, они не видели необходимости изъясняться друг с другом какими-либо другими способами. Его охватило яростное разочарование при мысли о том, что этот способ общения, который должен бы был принадлежать ему по праву рождения, недоступен ему. Он снова ощутил себя калекой, глухонемым среди слышащих и говорящих.

Яннулу и девушке Реше, похоже, было еще больше не по себе, чем ему, хотя обо всех них очень заботились. Молчание беспокоило их, хотя и в силу других причин.

Ночь цвета индиго слетела, точно стая птиц, на глиняный дом, поблескивая белыми глазками звезд. Ральдор поднялся и ушел в ночную прохладу. Светлячки порхали от куста к кусту, плетя золотистый узор. Внизу глухо рокотало море.

Кто-то подошел к нему сзади из-за деревьев, легконогий, точно лесной зверь. Он скорее почувствовал, чем услышал ее приближение. Кожа у него почему-то пошла мурашками.

Это оказалась старая женщина.

Она была одета, по обычаю этого лесного племени, лишь в одну набедренную повязку, но тем не менее в ее теле не было ничего уродливого, хотя она не могла бы похвастаться ни гладкой кожей, ни упругой грудью молодой женщины. Ее волосы поблекли и поседели, но все еще остались густыми и очень длинными. У нее были очень странные глаза, большие и желтые, как у совы. Она уселась, поджав ноги, на траву, с гибкостью, которая дала ему паузу. Потом сделала знак, что ему тоже следует сесть лицом к ней.

Она посмотрела прямо ему в глаза. Через миг в мозгу у него что-то пугающе забрезжило. Он вздрогнул, на лбу у него выступил пот. На этот раз контакт оказался очень трудным, хотя и без боли.

Дрожа, он прислонился к стволу дерева, и вдруг услышал голос, который произнес:

— Не нужно ничего бояться.

Он удивился, почему понимает ее, ибо здешние жители не знали языка тех краев, откуда он был родом. За это он мог бы поручиться. Он попытался выразить свои мысли. Голос сказал:

— Я не использую слова, только силу мысли. Ты толкуешь ее таким образом, который больше тебе подходит.

Голос был бесполым. Он слепо попытался задать ему вопрос. И услышал ответ.

— В этом краю много людей. Не все из них живут так же, как мы. Но все могут мысленно разговаривать друг с другом — при необходимости. Некоторые из нас восприимчивее и сильнее остальных — мы исследователи. Мы ищем боль в страдающих умах и исцеляем ее. Меня послали исцелить твою боль, чтобы ты обрел способность разговаривать, которая принадлежит тебе по праву. Я вижу теперь, что были и другие. Женщины. Возлюбленные. Снежные волосы и огненные волосы. С ними ты мог разговаривать. Что ж, в этом есть своя логика. Не бойся меня, я вижу твое горе. Позволь мне увидеть все. Я помогу тебе стать собой.

Но его разум лишь закричал ей в ответ, мучимый яростной болью.

— Значит, есть другая страна, — сказал голос, — и темные люди, которые правят ей. У нас есть легенды об этом месте. Не бойся своей смешанной крови. В этом твоя сила, а не слабость. Я вижу твою мать глубоко в коридорах твоей памяти. Смотри, вот она. Ты ее видишь? Такой ты увидел ее новорожденным ребенком. Она исхудавшая и больная — твое рождение далось ей нелегко. Но до чего же прекрасная! В ней сила, настоящая сила, неколебимая, точно лесное дерево. Вспомни о том, каково было ее прошлое и ее будущее. Разве ты назвал бы эту женщину слабой? Думаешь, она не оставила тебе ничего своего? Да, плачь, бедное дитя. Плачь. Она твой дух, а вторая половина — король. — В голосе послышалась странная интонация, похожая на сожаление. — Ты кажешься себе таким незначительным, Ральднор, сын Ашне'е и Редона, короля Драконов. Таким незначительным.

В его черепе словно засело пылающее копье, но боли не было. Тьма клубилась там, бескрайняя, будто море, но не было и страха. Теперь голос, ведший его по незнакомым комнатам его собственного сознания, обрел пол и имя. Он принадлежал Ашне'е.

Яннул насвистывал, шагая по поляне за глиняным домом. Реша, по своему обыкновению, сидела под деревом, уныло глядя на мужчин и женщин, копошащихся в негустом лесу ниже по склону. Они прожили здесь уже десять дней и успели привыкнуть одеваться так же, как и этот народ. Реше это очень шло, к тому же, на борту «Дочери Рорна» на ней вряд ли было надето многим больше. Яннул легонько взъерошил ее волосы. Обычно он думал о ней примерно так же, как когда-то в далеком прошлом о своих сестренках — с ласковой снисходительностью, к которой изредка примешивалась нотка раздражения. Их сексуальные отношения нисколько не нарушали общей картины, поскольку в Лане, где хутора далеко отстояли друг от друга,

сестры нередко не только спали со своими братьями, но и выходили за них замуж, а иногда и вообще за своих отцов.

— Ну, Реша из Элисаара, я обещал тебе, что найду способ поговорить с ними?

— Обещал. У нас в Элисааре хвастунов порют.

— Правда? Ничего себе. Неудивительно, что ты прыгнула на закорианский пиратский крабль, а не осталась там... Эй, оставь в покое мое ухо! Выслушай меня. Я немного пообщался кое с кем из мужчин. Метод очень прост. Мы рисовали картинки на сланце и делали знаки. Я много чего узнал. Там, за холмами, есть города — большие города, с королями, дворцами и тавернами — и превосходными борделями. Ай! Теперь ты еще и кусаться вздумала, да? Послушай, маленький баналик, когда Ральднор вернется оттуда, куда он отправился с той старухой, мы с тобой и с ним отправимся искать удачи за холмами. Там разговаривают — по-человечески. Мы быстро обучимся их языку. Вообрази себе город, которым управляет желтоволосый король.

— Мы будем там чужаками, всеми презираемыми, — пробормотала она. — Они сожгут нас или закидают камнями — как Висы из Дорфара делают с народом Равнин.

— Нет, Реша. Сама подумай. Разве здесь мы изгои? Я заметил, что желтоволосые люди более справедливы. Ты знала, что Ральднор тоже с Равнин?

— Он смелый, — сказала она. — Я старалась изо всех сил, чтобы он заметил меня, но он был воздержан. Он хороший человек.

— И сын Редона, Верховного короля. Да, тут кто угодно удивится. Это еще больше тебя раззадоривает, да, бесстыдница? Вставай, я научу тебя ходить на руках. Нам понадобится ремесло, чтобы прокормиться, когда мы уйдем отсюда.

Сгустились сумерки, и между деревьями принялись носиться крошечные летучие мыши.

Яннул и Реша лежали под деревом. Она послушно подчинялась всем его командам, и ее тело — сильное и гибкое — училось очень быстро, хотя и было слишком соблазнительным. В косых красных лучах заходящего солнца он потянул ее на землю, чтобы преподать несколько другой урок.

Теперь, когда тени удлинились, сквозь лес к ним шел человек.

— Ральнар, — сказала Реша.

Яннул поднял глаза и вгляделся в фигуру. Да, она была ему знакома. Солнце обожгло кожу почти дочерна, а выгоревшие добела волосы теперь были почти той же длины, что и у Яннула. Но все же, когда человек подошел ближе, Яннул не стал торопиться приветствовать его и снова вгляделся в его фигуру и лицо, все еще не до конца уверенный. Все они многое пережили и изменились в этом кошмарном плавании, а потом было еще и это девятидневное отсутствие, когда Ральднор ушел куда-то с мудрой старухой. Но разве могло все это вызвать громадные, странно необъяснимые изменения, которые Яннул

заметил в Ральдноре? Он прошел по полянке и остановился рядом с ними, глядя вниз. Выражение его лица было отстраненным, как будто он видел их после долгой отлучки, неподвижным — как будто он совершенно не знал их. Его глаза были широко раскрытыми, горящими, ясными. Яннул с тревожным изумлением подумал: *«Эта старуха, похоже, она кормила его ароматическими листьями. В лесу у него были видения».* Но это как-то не вязалось с новым обликом его друга. И внезапно к Яннулу пришло понимание. *«Он был опустошенным, выжженным дотла, отравленным. А потом его словно наполнили заново. Чем-то лучшим».* Но вслух сказал лишь:

— У тебя странный вид. Ты был болен?

— Нет, Яннул, — покачал головой Ральднор. Даже его голос стал каким-то другим. Теперь это был голос... да, короля. Лес, окружавший их, зловеще притих. — Впервые за всю свою жизнь, — сказал Ральднор, — я примирился с самим собой. Это редкий и чудесный дар.

Реша прошептала:

— На нем печать богов.

Ее пальцы замелькали, сделав быстрый религиозный жест. Яннул выругал ее.

— Не будь дурочкой. Он пережил много бед. Наверное, старуха помогла ему примириться с ними.

— Нет. Я видела такой взгляд на лицах жрецов перед тем, как они прыгали со скал в море, чтобы почтить Рорна.

— Хочешь сказать, что он умрет? Молчи лучше, глупая девчонка!

Реша насмешливо глянула на него.

— С этого момента, Ланнец, все люди будут для него как пыль на ветру или соленые морские брызги. Никто из нас не сможет причинить ему зло. Он принадлежит богам. А боги защищают своих.

Утром в глиняном доме появились новые люди. И они тоже принадлежали к лесному народу, почти не отличаясь от остальных цветом и стилем своей одежды. Они привели с собой трех скакунов — молочно-белых зеебов необычного размера — и льняную одежду для двух мужчин и одной женщины.

Яннул недоумевал.

— Они привезли нам все необходимое. Как ты заставил их понять тебя, Ральднор?

— Теперь я могу разговаривать с ними, — сказал Ральднор.

Яннул ничего не ответил. Он слышал рассказы о телепатических способностях жителей Равнин, и теперь, собственными глазами убедившись в этих чужих лесах в том, что это правда, новость о том, что Ральднор тоже обладает ими, воспринял с легкой дрожью. Реша же раз и навсегда перестала удивляться чему бы то ни было, что делал Ральднор. Он принадлежал своим богам, и это все объясняло.

Они покинули глиняный дом еще до полудня, ведя белых зеебов по узкой лесной тропке вслед за одним из желтоволосых. Лесной полумрак сначала сгустился, потом рассеялся. Они дошли до

скалистой вершины, под которой тянулась заросшая травой охристая равнина под кобальтовым небом. Проводник показал вниз и вдаль. Ральднор кивнул. Проводник развернулся и исчез среди деревьев.

— Куда мы направляемся? — спросил Яннул, когда они миновали скалы и оседлали своих скакунов. — В какое-нибудь село? Или в тот город, о котором они говорили?

— Здесь, на Равнине, три города. Я отправлюсь в первый, но у вас, естественно, могут быть свои планы.

— Я собирался заняться своим старым ремеслом, — сказал Яннул, которого все больше снедала тревога. — Город подходит для этого лучше некуда. А ты?

— У меня есть дело к их королю, кто бы он ни был.

— К их королю! Ничего себе у тебя честолюбие!

— Я всегда был честолюбив, Яннул. У меня было положение, но не было направления. Теперь я знаю, куда мне идти и что делать.

— И что же?

— Вернуть себе то, что принадлежит мне по праву рождения. По второму праву. Эта страна уже дала мне первое.

— Верховный король Виса, — сказал Яннул. — Нелегкая задача.

— Нет, Яннул. Это, хотя и важно, все равно вторично. Мое королевство — Равнины. В прошлом у них были свои правители. Теперь у них есть новый правитель.

Яннул взглянул на него. Ральднор казался спокойным и отстраненным, а его пылкие слова не были тронуты никакими эмоциями. Ральднор обернулся в седле и взглянул прямо на него. Впервые за все время Ланнец ощутил поток невероятной личной силы, исходящей от товарища, точно свет — силы, которая казалась живой, непостижимой, нерушимой. Она казалась совершенно немыслимой в человеке, которого он знал лишь человеком, ибо сейчас Яннул видел, что, по капризу богов или нет, Ральднор стал чем-то большим.

— Что та мудрая старуха с тобой сделала? — спросил Яннул, пытаясь ухмыльнуться.

— Исцелила мою слепоту, пробудила меня от сна. Указала мне цель, ради которой я был рожден.

Этот бесстрастный голос, как ни странно, был исполнен, как и лицо перед Яннулом, безграничной силы.

— У тебя такой вид, словно ты готов съесть эти города, чтобы получить то, что тебе нужно, и выпить море, чтобы добраться до равнин Виса.

— Своеобразная закуска. И все же, что бы мне ни пришлось сделать, я это сделаю, — сказал Ральднор.

Яннул чуть отпустил поводья. Зееб Ральднора трусил впереди него. Что ж, в этом была логика. Беловолосый, похоже, обошел их всех. Яннул набрал полную грудь чужого летнего воздуха. То пламя, которое бушевало в душе Ральднора, опалило его. Он знал, что его товарищ больше не свободен. Если вообще хоть один из них теперь был свободен. Даже в этот тихий, напоенный жужжанием насекомых полдень, он ощущал разрушительные силы, силы возмездия,

пробуждающиеся под землей. Надвигался какой-то катаклизм, который сравняет все, ветер из первозданного хаоса. И все они попадутся, точно рыбы в невод. И здесь, перед ним, ехал этот незнакомец, его товарищ, которого он когда-то звал своим другом и которому предстояло стать тем самым рыбаком.

18

Путь занял три дня. Сначала они миновали россыпь деревушек и два небольших городка, платящих подати городу, который за это защищал их от разбойников. Хотя внешне и напоминающие степной народ Виса, желтоволосые жители Равнины совершенно отличались от них нравом. Они были деятельными, общительными, а иногда и хитрыми. У них не существовало загадочного негласного кодекса чести — у них были свои грабители и мятежники, да и стычки тоже случались. Всего пять лет назад город воевал со своим ближайшим соседом. Кто знает, сколько мертвых тел, покоящихся в земле, помогало ныне питать ниву?

Ральднор, похоже, умел бегло говорить на их языке. Яннул начал усердно ему учиться. Приучился он — как и Реша — и натягивать капюшон, приближаясь к населенным местам или встречаясь на дороге с другими путниками. Обитатели Равнины не проявляли никакой враждебности к обладателям невиданных черных волос, но их любопытство и удивление временами очень докучало. Мысленная речь, похоже, не была здесь в большом почете. Видимо, процветание и обилие земных благ понемногу приводило это искусство в упадок.

Они добрались до города вечером третьего дня. Обнесенная прочными стенами крепость с высокими башнями, возведенная на насыпном холме, словно парила в восьмидесяти футах над Равниной. Этот город не мог похвастаться красотой висских городов. Несмотря на башни, он казался каким-то съежившимся, приземистым. Он носил имя Ваткри. За его стенами по Равнине и склону холма стекали многочисленные дома и таверны, повсюду расхаживали солдаты в синей форме, которую они уже видели в городках. Несмотря на это, никакой проверки у ворот не было. Вежливые ответы на несколько кратких вопросов — и они уже внутри. Был День правосудия — день, когда король давал публичную аудиенцию, разрешал споры и судил преступников на площади перед своим дворцом.

— У нас в Лане тоже есть такой обычай, — сказал Яннул, — а в Дорфаре нас называют варварами.

Город ступенями поднимался к своей цитадели. Узкие, извилистые улочки были полны прохожих, виноторговцев и карманников. В сумятохе с головы Реши упал капюшон, и по толпе пробежал взволнованный шум. Девушка окинула зевак надменным взглядом и зашагала дальше. Толпа расступалась перед ней, глядя на нее с разинутыми ртами. Яннул тоже скинул свой капюшон, и после этого они передвигались по городу уже более свободно. Когда они добрались до площади перед дворцом, там уже была изрядная давка.

— Ох уж эти крестьяне, — с презрением протянула Реша. — Разве в Элисааре, Закорисе или Дорфаре король опустился бы до личного разговора с толпой всякого сброда?

Они спустились по ступеням и оказались на площади. Дворец, возвышавшийся за ней, вздымал к небу высокие шпили, а на его красных стенах пестрели яркие расписные фризы. Сам король восседал в кресле из слоновой кости, перед ним, преклонив колени, стояли двое просителей, а вокруг них толпились придворные, советники, писцы и офицеры. Что-то привлекло взгляд Яннула — стяг, колышущийся за креслом короля.

— Ральднор, — сказал он, — посмотри только....

На голубом фоне была вышита женщина с белоснежной кожей и золотыми волосами — женщина с восемью змеевидными руками, чье тело заканчивалось витками змеиного хвоста.

— Это их король? — спросила Реша, хотя это и так было очевидно.

— Похоже на то, — отозвался Яннул, не в силах оторвать глаз от стяга.

— А вон та женщина? Она что, его жена?

Яннул снова взглянул на возвышение и сразу понял, чем вызван ее интерес. Король оказался молодым и очень красивым. Справа и чуть позади от него, полускрытая в тени гигантского дерева, сидела женщина в белом одеянии. Уже собравшись было ответить, что это никто иной, как любимая и единственная жена короля, которой он поклялся хранить вечную верность, а за нарушение этой клятвы на него обрушится немедленное и ужасное божественное возмездие, Яннул прикусил язык, внезапно обнаружив, что Ральднор куда-то исчез. Яннул оглянулся по сторонам, потом взглянул вперед. Даже в этой белокурой толпе выбеленные морской солью волосы заметить было очень легко.

— Во имя богов... Он просит аудиенции у их короля!

Взяв Решу за локоть, Ланнец принялся пробираться сквозь толпу к возвышению, на котором сидел прекрасный король. Просители уже удалились, один с неудержимо расплывающейся по лицу улыбкой, другой мрачнее тучи, как и следовало ожидать. Теперь писец поспешно подскочил к королю, что-то сказал ему и попятился обратно. Король нахмурился. Его глаза прочесали толпу и остановились на Ральдноре. Король что-то сказал. Писец обернулся и поманил Ральднора.

Тот вышел из толпы и двинулся вперед. Толпа зашумела, послышались выкрики; потом все стихло. Даже среди такого сборища своих братьев по расе Ральднор был очень заметным. Не видя его лица, Яннул снова ощутил ту невероятную, почти физически ощутимую волну силы и уверенности.

— На колени! — рявкнул писец. Его слова гулко разнеслись над притихшей толпой.

— В той стране, откуда я пришел, — сказал Ральднор, — один король не преклоняет колени перед другим. — Его голос был тихим и очень спокойным, но в толпе не осталось ни одного человека, который не расслышал бы эти слова.

Толпа сдержанно зашумела, потом утихла.

— Значит, ты заявляешь о своем царственном происхождении, — сказал король. — И в каком же городе ты король? Полагаю, что Вардат и Тарабанн оспорили бы твои права.

— За вашими морями есть другая земля, король. Мои владения там.

Юный король улыбнулся.

— Интересно, ты просто мечтатель? Или безумец?

Повисла звенящая тишина. Стоя позади Ральднора и не видя ни его глаз, ни лица, Яннул тем не менее видел, какое впечатление они произвели на короля, глаза которого расширились, а потом сузились. Он процедил сквозь зубы, не то потрясенно, не то разгневанно:

— Ты осмелился испробовать на мне колдовские уловки! — И разъяренно накинулся на писца: — Кто этот человек?

Писец что-то зашептал. Король снова поднял глаза; на этот раз его взгляд уперся в Яннула и Решу. Их вид явно лишил его мужества. Он взглянул на Ральднора.

— Ты говоришь, что прибыл из другой страны, страны, где живут черноволосые люди. Эти мужчина и женщина — ты привел их сюда в доказательство твоих слов?

— Я сам — доказательство своих слов, король. Прочти то, что скрывает мой разум. Я открываю его для тебя.

Глаза короля снова сузились.

— Это искусство ведомо жрецам Ашкар. Ты просишь, чтобы они выслушали тебя?

— Мой господин, — сказал Ральднор, — мое королевство очень мало. Его народ похож на народ Ваткри. Но там живет и один черноволосый деспот, который ненавидит мой народ просто за их цвет. Каждый миг, потраченный нами здесь, продлевает их гонения и страдания.

Король закричал. Он выскочил из своего кресла. Стража бросилась к нему, но он оттолкнул их. Даже одетая в белое женщина вскочила на ноги.

— Не пытайся ворваться в мой разум со своими бредовыми снами! — завопил он. Стража бросилась к Ральднору; пробившись сквозь толпу, они схватили и Яннула с девушкой тоже.

Извиваясь в неумолимых руках одетых в синее солдат, Ланнец мельком заметил лицо ваткрианского короля. На нем были написаны ярость и ужас. Вокруг гудела и волновалась толпа.

Над полом красного дворца плавали пески сумерек.

Джарред Ваткрианский шагал сквозь них, расхаживая туда-обратно перед огромным камином. Он был молодым королем, очень молодым. Его отец умер в цвете лет, совершенно внезапно, оставив ему трон из слоновой кости прежде, чем он успел подготовиться к этому. Он правил уже полгода; теперь, столкнувшись с этим чужеземцем, он понял, что этого было совершенно недостаточно.

— Кто этот человек? — спросил он снова. — Откуда он?

Светловолосая девушка в белом платье, сидевшая под одной из многочисленных ламп, сказала ласково:

— Может быть, он тот, кем себя объявляет, и пришел оттуда, откуда говорит. Разве не стоит принять во внимание эту возможность, брат мой?

— Это невозможно, — отрезал Джарред. Ее рассудительная, неторопливая мудрость сердила его.

— Почему? Всегда существовали легенды о другой стране, стране темноволосых людей. И неужели ты не помнишь карты старого Джорахана Просвещенного — морские пути, которые ведут из Шансара на север?

— Он ворвался в мои мысли. Во времена нашего отца это стоило бы ему жизни — осмелиться мысленно говорить с королем — а он сделал даже больше. Я не смог закрыться от него. Он проломил все преграды — мысленно разговаривал со мной против моей воли. Скольким это под силу?

— Некоторым жрецам, — отозвалась она.

— Некоторые жрецы говорят, что им это под силу, — усмехнулся Джарред. — В способностях скольких из них ты убедилась лично?

Она сказала задумчиво:

— Говорят, что это величайший дар, данный нам Ашкар — разговаривать внутри нас. Сколькие из нас пользуются им, и могли бы мы воспользоваться им, если бы захотели?

— Мы с тобой, Сульвиан, — сказал он, — с детства.

— О, мы с тобой. И в этот самый момент мы с тобой говорим при помощи рта. Нет. Мысленная речь стала преградой для процветания, поскольку трудно быть нечестным, когда все твои мысли открыты, как на ладони, трудно красть, убивать и наживаться. Сейчас лишь лесной народ пользуется мысленной речью, брат мой. Должно быть, Она жалеет нас.

— Ашкар каждый день возносят почести в храмах этого и всех остальных городов. Сомневаюсь, чтобы Она возражала против этого или против даров, которые возлагают на Ее алтари.

— Кто знает, — проговорила Сульвина, — что бы предпочла получать от нас богиня. Наше золото или нашу честность.

Дверь открылась. Появился Верховный жрец ордена Ашкар Ваткрианской — очень худой и прямой человек в темном одеянии с фиолетовым Змеиным Оком на груди, какое носили все жрецы. Он не стал ни кланяться, ни падать ниц, поскольку его положение в некоторой степени было даже выше, чем у самого короля.

— Ну, Мелаш, ты пришел как раз вовремя, чтобы спасти меня от лекции моей мудрой сестрицы. Она чересчур серьезно воспринимает свои обязанности жрицы.

— И это очень радует меня, король. В грядущие дни нам понадобится мудрая рука Ашкар.

— О чем это ты, Мелаш?

— Я только что вернулся с допроса этого чужестранца и двух его спутников, король, как ты и просил.

— И?

— И, мой король, он тот, за кого себя выдает. И даже больше.

Лицо Джарреда побледнело.

— Ты ошибаешься, Мелаш.

— Нет, король, не ошибаюсь. Я прощаю то оскорбление, которое ты нанес мне, усомнившись в моих духовных способностях. Я понимаю, что этот чужестранец вломился в твое сознание и напугал тебя.

— Ничего не напугал! — разозлился Джарред.

— Напугал, мой король. В этом нет ничего постыдного. Он напугал и меня тоже. Он был с нами очень честен. Он доказал мне, что до того, как он ступил на нашу землю, у него не было ни цели, ни направления; его разум был закрыт. Теперь его разум обладает такими возможностями, каких я никогда не встречал и о каких даже никогда не слышал. И его цель, вероятно, нарушит равновесие нашего мира.

— Ладно, расскажи мне, что он доказал тебе. Все с самого начала. Посмотрим, можно ли верить его россказням.

Мелаш принялся рассказывать.

— Что за глупости ты несешь, Мелаш! — воскликну Джарред, когда жрец закончил. — Ты что, потерял рассудок? Он рассказывает нам какие-то небылицы, услышанные где-нибудь на базаре!

— Нет, король, — покачал головой Мелаш, — но если ты сомневаешься, то спроси его сам.

— Так приведи его, — с каменным лицом приказал Джарред.

Дверь за спиной жреца мгновенно распахнулась. Чужестранец вошел в комнату, но лишь его белые волосы оказались на свету. Все остальное тонуло во мраке.

— Ты вызвал его мысленно? — проскрежетал Джарред.

— В этом не было необходимости, — спокойно сказал Мелаш. — Он может читать все наши мысли, хотим мы того или нет.

Джарреда охватила дрожь, но он подавил ее. Он вернулся в круг света и уселся в свой трон из слоновой кости, рядом с Сульвиан.

— Как тебя зовут, чужеземец? — осведомился он холодным и неприветливым тоном.

— Ральднор, король.

— Подойди, Ральднор. Я хочу тебя видеть.

Жрец склонил голову и застыл, точно изваяние, безмолвно отрекаясь от слов своего повелителя.

Незнакомец сделал несколько шагов. Свет лампы заиграл на его лице и необыкновенных глазах. Эти глаза впились в лицо Джарреда.

— Мелаш, Верховный жрец Ашкар, рассказал нам все, что ты открыл ему, Ральднор. У тебя живое и богатое воображение, поздравляю. Ты ничего не упустил, даже богиню приплел, Ашкар, которой, по твоим словам, поклоняются в этой твоей... *другой стране*, пусть и под другим именем. Будь добр, расскажи мне, чего ты надеешься достичь при помощи этой невероятной чепухи?

— Помочь моему народу, — ответил странный незнакомец. — Я узнал о других городах Равнины, их реках и кораблях. И о Шансаре на севере.

— Не надейся, что тебе удастся одурачить нас! — выплюнул Джарред.

Рука Сульвиан внезапно сжала его локоть.

— Послушай.

Снаружи поднялся ветер; он стонал и выл в дворцовых башнях. Где-то вдали беспорядочно хлопали незакрытые ставни. Жрец поднял голову. Это был пыльный буран Равнин, но сейчас ему было совсем не время. Комнату внезапно наполнило предчувствие чего-то дурного.

Джарред зажмурился, но он уже все увидел, и тьма в его мозгу вдруг ожила, наполнившись яркими образами. Он видел дымящиеся руины, рабов, которых гнали сквозь снега в цепях, и ветер, треплющий желтые волосы мертвецов. Видения нахлынули слишком быстро, и он не смог сдержать их. Из ниоткуда материализовался черноволосый мужчина с горящими безумием глазами — мужчина, состоящий из ненависти и движимый этой ненавистью.

За стенами дворца ветер мел пыль по извилистым улочкам Ваткри. Мужчины ворчали, проснувшиеся дети в страхе плакали, женщины спешили в храмы. В огромном, с колоннами, святилище Ашкар, выходящем на священные рощи, змеи с шипением метались в своей яме. Сильный порыв ветра захлопал ставнями, загасил лампы на алтаре. Послышались крики суеверного ужаса, и переполошившиеся птицы, спавшие на крышах храма, тучами вились в воздухе.

Сульвиан поднялась с кресла.

Лампа, закоптив, угасла, но и в темноте она смогла найти дорогу. Она различила Джарреда, съежившегося в своем огромном кресле из слоновой кости, и жреца с серым лицом. Но чужестранца она *видела*, так ясно, как будто лампа все еще светила, но только не снаружи, а внутри его тела, откуда-то из его глаз.

— Ты заковал наш город в тиски страха, — сказала она. — Отпусти его.

— Вы сами себя заковали, — ответил он. — Тебе страшно, Сульвиан, жрица Ашкар-Анакир?

— Нет, — прошептала она. Потом: — Да. В твоих мыслях я видела свою смерть. Черный король убил меня.

— Не тебя, — сказал он. — Хотя она очень походила на тебя.

Внезапно она очутилась в его сознании; он показал ей, какой увидел свою возлюбленную: бледную, как лунный свет, с такими же белыми, как у него, волосами, обледеневшими на ветру.

— Аниси... — сказала она. — Но была еще и другая...

— Ее больше нет, — сказал он. — Амрек, Черный Король, виноват в смерти обеих.

— Должно быть, ты очень ненавидишь его, — прошептала она.

— Мне его жаль.

Она почувствовала в его голосе невероятную силу, столь неодолимую, что она могла жалеть врага, которого собиралась уничтожить.

— Это ты вызвал ветер? — спросила она его.

— Нет. Я не один из магов Шансара.

— Но ветер же поднялся.

— Да, Сульвиан. Он поднялся.

— Джарред.... — проговорила она. — По законам городов ты оспорил его право на королевскую власть.

Он ничего не ответил.

Ветер за окнами внезапно утих. Сквозь спутанные клочья облаков проклюнулся золотой серп луны.

В Тарабанн-на-Скале ветер прилетел с юго-запада. Жрецы, стоя на высоких минаретах Ашкар — выстроенных в виде разящих змей — увидели длиннохвостое облако, походящее на питона из пыли и бури.

Он свирепствовал над Тарабанном два дня и ночь. В ту ночь луна была темно-синей, будто сапфир, а дневное солнце приобрело цвет запекшейся крови. Вздымающиеся волны затопили солончаковые отмели, простиравшиеся на две мили от Скалы до моря. Корабли носило по бурным водам, точно щепки, с домов срывали крыши. К каким только молитвам не прибегали жрецы! Они раскуривали свои благовония и обнажали свой разум, и то, что они узнали, встревожило их. На следующий день после того, как ветер улегся, Верховный жрец Ашкар-на-Скале пришел к Клару.

— Похоже, повелитель, в Ваткри теперь новый король.

Клар, бывший королем Тарабанна, который бок о бок сражался со своим отцом в последней войне с Ваткри, закончившейся пять лет назад, отложил позолоченную книгу.

— Новый король, говоришь? А что случилось с тем сопливым щенком, Джарредом?

— Он жив, король. Не забывай, что мысль и все, связанное с разумом, покрыто пеленой и все это лишь наше понимание...

— Значит, эта задача оказалась вам не по зубам. Понимаю.

— Воистину, король, ты не понимаешь. Там, в Ваткри, какая-то... какая-то сила. Я не могу иначе объяснить то, что почувствовал. Безграничная сила. Бóльшая, чем королевская. Я бы сказал, что такая сила не может принадлежать человеку. Она как-то связана с ветром, но при этом происходит не от ветра.

— Ты говоришь загадками, — отрывисто бросил король, резко хлопнув застежками книги.

— Когда-то боги ходили по земле, король. Так говорят нам легенды. Когда-то Она говорила с людьми, как любящая сестра.

— Ты хочешь сказать, что по Ваткри разгуливает *бог?*

— Я не стал бы заходить столь далеко в своих суждениях, повелитель.

Клар остерегался магии жрецов. В нем скрывалось два человека: один был торговцем, другой солдатом, и ни у одного не было времени на мистику. Внутренняя речь умерла для него с тех пор, как его брат — единственный, с которым он мог разговаривать на ней — пал при осаде одного из ваткрианских городков. Тем не менее, он уважал жрецов, хотя и не любил, когда их дела перекрывались с его простым и незамысловатым мирком.

— Хорошо, — сказал он. — Я пошлю кого-нибудь в Ваткри. Посмотрим, что там такое стряслось, а, старый жрец? Не волнуйся. Молодец, что рассказал мне.

Но люди Клара отсутствовали всего два дня. На третий они вернулись вместе с шестью ваткрианцами, которых встретили по дороге. У этих ваткрианцев был очень странный вид. Клар не мог понять, в чем дело. Они принесли письмо, но, хотя его и запечатывала королевская печать, оно было не от Джарреда. Клар прочитал его и поднял пораженные глаза.

— В этой бумаге один человек смеет называть меня братом и приглашает на сбор на Площади королей в Пеллеа.

— Король, — сказал главный среди ваткрианцев. — Это древнее место сбора, которое использовали наши предки.

— Вот именно, — сказал Клар, — наши предки, и никто после них. Последний сбор состоялся сто—сто пятьдесят лет назад. Во имя Ашкар! И все остальное я тоже правильно понял? Мне надлежит решить, вместе с остальными королями, прийти или нет на помощь этой стране Степей, о которой никто прежде не слышал и которую никто не видел?

— Да, король. Лорд Джарред послал людей еще и в Вардат, и в Шансар тоже.

— Клянусь Ашкар! Я думал, что этот Ральднор послал тебя, а не Джарред.

— Они связаны, как братья, — сказал ваткрианец. — Ральднор тоже королевской крови, сын Верховного короля и жрицы. — Вид у него был не смущенный, а, напротив, очень гордый.

— Ну-ну, — сказал Клар. — Ну-ну.

Синеватые стены Вардата ветер штурмовал всего одну ночь, качая рыбачьи лодки на его широкой реке. В саду короля рухнуло дерево. Его посадили в час, когда он родился, и этот знак показался ему дурным. Его жена, Эзлиан, Верховная жрица Ашкар Вардийской, собственнолично отправилась к богине и вернулась к нему на заре, бледная, но улыбающаяся своей особой улыбкой.

— Не тревожься, Сорм, муж мой. Это знамение предвещало не твою смерть.

— А что же тогда, ради Ашкар?

— Грядут перемены. Ветер принес их. Мы не должны ни сопротивляться, ни горевать; и то, и другое излишне и совершенно тщетно.

— Перемены к худшему?

— Просто перемены, — сказала она, целуя его в лоб.

Сорм любил жену и безгранично доверял ей. Его нельзя было упрекнуть ни в недостатке мужества, ни в слабости, но все же в делах духовных он всецело полагался на нее. Еще с детских лет она обладала способностью мысленно разговаривать почти со всеми, кто этого хотел.

В юности она на год ушла жить к лесному народу, после чего, вернувшись, ни разу не ела мяса и проявила необычайные спо-

собности к исцелению, как физическому, так и духовному. Он своими глазами видел, как она каким-то образом разговаривала со львом на желтых холмах за Вардатом, тогда как он с ножом в руке дрожал от ужаса за нее. Змей из ямы в храме она называла своими детьми, и они, точно живые браслеты, обвивали ее щиколотки и шею и отдыхали в ее волосах.

Ваткрианские гонцы прибыли через десять дней после того, как рухнуло дерево.

Сорм задал точно тот же вопрос, что и все остальные.

— Кто этот человек?

У Эзлиан, углубившейся в себя, сделался озадаченный вид. Через некоторое время она сказала:

— Есть одна вардийская легенда о человеке, рожденном змеей, о герое. Его звали Ральданашем. У него была темная кожа и светлые волосы. Легенда гласит, что у него были Ее глаза.

— Да, жрица, — сказал ваткрианец, именуя ее титулом, который считался выше титула королевы, — этот мужчина темнокожий и очень белокурый. Его глаза опаляют.

— Так значит, он что-то вроде бога? — сказал Сорм, чувствуя, что во рту у него сухо, словно в пустыне.

— Мы должны отправиться в Пеллеа и выяснить это, — постановила Эзлиан. Потом, улыбнувшись своей улыбкой, добавила, — но, естественно, все будет так, как решит мой повелитель.

В Шансаре никакого ветра не было.

Горы отделяли его от плодородных равнин и лесов юга, и горы властвовали в нем. В Шансаре было много воды; то был край рек, озер и болот, из которых выдавались массивные каменистые выступы и пики, какой-то великан в незапамятные времена попытался устроить здесь переправу. У него было больше сотни выходов к морю. Джорахан, ваткрианский ученый, доживавший свои дни в каком-то захудалом южном городишке, оставил после себя карты, на которых были обозначены эти, большей частью никем не используемые, пути. В Шансаре было множество корольков и множество племен. Корабли они строили по необходимости. Иногда они отправлялись вдоль берегов на юг, пиратствовать. Они обожествляли магию, но и у них тоже лишь их святые могли общаться мысленно — и влюбленные или члены одной семьи. У них была своя богиня. Ее звали Ашара. У нее был рыбий хвост, а восемь ее рук представляли собой белые реснички, какие обычно бывают у озерных тварей.

Три ваткрианца, один из которых был проводником, вошли в горы, пересекли древний перевал, спустились в Шансар и выменяли длинную узкую лодку. С ними был еще и четвертый человек, не ваткрианец, высокий мужчина с белыми волосами. Они подчинялись ему, как королю, но он пришел сюда собственным гонцом, чтобы известить о себе в этом краю, который не отвечал на призывы с юга. Кроме того, место сбора тоже было здесь; Джохаран пометил его на

своих картах. Оно давно было заброшено и уцелело лишь благодаря силе традиций да ходившим вокруг него суевериям.

Они поплыли по бескрайней глади жемчужной воды, и этот чужеземный король садился на весла наравне с ваткрианцами — под небом, лиловым от зноя. Деревенские женщины, стирающие белье на берегах, глазели на их южную одежду. Мужчины задирались.

«Я направляюсь к Груди Ашары», — говорил им беловолосый. Так они называли древнее место сборов. Они беспрепятственно пропускали его. У них были какие-то непреложные древние законы, приказывавшие отпускать с миром людей, идущих на Грудь Ашары. Кроме того, стоило забиякам лишь поговорить с беловолосым, как они тут же исполнялись убежденности, что у него есть смысл и цель. Караван длинных лодок тянулся примерно на милю позади каноэ ваткрианцев, не из враждебности, а из желания посмотреть, что намерен делать беловолосый иноземец.

Они добрались до цели вечером и поднялись по его шероховатым, замшелым ступеням. Несмотря на свое имя, это место ничем не напоминало грудь, ни женскую, ни богини. Почти на самой вершине стояло обветшавшее жилище жрецов, где обитало пять или шесть стариков, которые с трудом передвигались, но о прибытии гостей откуда-то знали. Один из них встал на пути у беловолосого. Он поднял свой посох, потом швырнул его под ноги пришельцу. Посох содрогнулся и превратился в черную змею. Ваткрианцы с бранью шарахнулись; шансарцы, поднявшиеся на гору вслед за ними, принялись делать в воздухе магические и религиозные знаки.

Ральднор взглянул дряхлому жрецу прямо в лицо. Потом сказал, очень спокойно:

— Разве дитя боится рук, носивших его?

Он протянул руку и поднял змею, которая в его руках мгновенно распрямилась. Он подал жрецу его посох. Из глаз старца полились слезы. Он сказал:

— Чужестранец, ты объявляешь себя Ее сыном?

— Разве может человек судить о таких вещах? — вопросом на вопрос ответил Ральднор, глядя в выцветшие старые глаза. — Я предпочитаю говорить, что моя мать была Ее дочерью.

— Ты кощунствуешь, — дребезжащим голосом произнес жрец. Он дрожал. Потом закрыл глаза и пошатнулся. Ральднор осторожно взял старика под руку, чтобы не дать ему упасть.

— Теперь ты знаешь, кто я, — сказал он.

Старый жрец прошептал:

— Я заглянул в его разум. Он должен получить то, что хочет, чего бы ни попросил.

Поднялся ропот, словно ветер, поющий в горах.

— Здесь есть маяк, который созывает королей Шансара, — сказал Ральднор. — Я пришел засветить его.

Они проводили его на вершину холма. Там оказался глубокий кратер, со дна которого тянулось высокое мертвое дерево. Никто из них не знал, кто посадил его; оно явно прожило долгую

жизнь, прежде чем засохнуть. Его чахлые белые ветви, казалось, тянулись прямо к небесным вершинам. Ральднор высек огонь и поджег дерево. Языки пламени проворно разбежались по всему великану, охватив костлявые сучья. Казалось, будто мертвое дерево в один миг ожило, покрывшись чудесными алыми цветами. Люди сначала взволнованно забормотали, потом умолкли. В Шансаре была легенда о перемене, которая постигнет мир, когда на засохшем дереве распустятся алые цветы.

Наступила ночь, и горящее дерево казалось красным копьем, рассекающим тьму.

Потом поднялся ветер.

Он дул порывами, унося огненные цветы во мрак. Небо наполнилось дымом и яркими переливчатыми искрами. Ярко, видимый на бесчисленные мили окрест, горел маяк; ветер разносил пахучий дым.

Это был слишком древний, слишком магический знак, чтобы страна, поклонявшаяся магии, оставила его незамеченным. Племена приходили за советом друг к другу, забыв старую вражду и гордость. Короли встречались в бесплодных черных скалах или на берегах озер. Они собирались и шли к древнему месту, словно магнитом притягиваемые пылающим деревом. Ибо ночь, в которую на Груди Ашары сгорит дерево, сама по себе была мифом и пророчеством.

— Как он будет говорить с ними? Что скажет им?

Это была третья ночь, проведенная на Груди Ашары. Три ваткрианца сидели у своего костерка, чуть поодаль от дома жрецов. В ту ночь склоны озаряло множество костров, а под горой теплые искры сверкали миллионом рубиновых глаз, рассыпанных по всему темному плату. Дерево наверху все еще дымилось. Огню явно нравилась такая еда.

— Сколько уже пришло? — снова спросил ваткрианец.

— Только Ей ведомо, — отозвался другой. — По меньшей мере, половина королей Шансара и еще многие находятся сейчас в пути, как говорит Урл. Что же касается того, что он будет говорить — он король, и даже больше. Клянусь Ашкар, я пойду за ним. Мной овладела лихорадка, сам не знаю, почему. Вы тоже ее чувствуете, да и весь Ваткри чувствовал еще до того, как он уложил нас на обе лопатки. Это лихорадка, и все эти племена, собравшиеся вокруг горы, тоже подхватят ее.

— Я люблю его, — сказал кто-то.

Еще кто-то расхохотался и отпустил грубую шутку, вороша угли в костре.

— Нет, не той любовью, про которую ты подумал, дурья башка. Это как любовь к земле, к краю, где ты родился, что-то, к чему ты жаждешь вернуться, за что готов отдать свою жизнь, лишь бы только оно осталось и твоим детям тоже.

— Э, да ты романтик. Нет, я питаю к нему не любовь. Но ему нужна справедливость — только она одна. И он сын короля, но при этом в лодке или на подъеме работает наравне с нами — я очень ценю это в любом человеке. Он может помочь, но при этом не становится королем ни на йоту меньше. Таковы были короли встарь.

Кроме того... та страна черноволосых людей очень богата и сама просится к нам в руки. Они тоже поймут это, те пираты внизу.

Потом они завернулись в свои одеяла и заснули.

Ральднор обратился к ним, его голос разносился до краев кратера, но этот голос звучал не только у них в ушах. Он говорил с каждым из них в его разуме. Они встревожились; маги принялись бормотать заклинания и делать в воздухе пассы. В воздухе стоял гул заклинаний, точно жужжал пчелиный рой.

Потом наступила тишина — постепенно, не сразу. Их подхватил огромный вал, будто вода, вырвавшаяся из-под земли, вспучившая землю, заполнившая кратер, несущаяся вниз по склонам, увлекая за собой камни, на лежащее внизу плато. Сначала один человек, затем другой. У каждого была какая-то крошечная трещинка, какой-то разлом в непробиваемой броне, окружавшей их разум. Каждый почувствовал, что сквозь эту трещинку, сквозь этот разлом проникает что-то чуждое, но это проникновение было слишком стремительным, чтобы они успели почувствовать какой-то страх. В тот миг они не ощущали ни жадности, ни жалости, ибо он затмил их мысли своими собственными. На этот краткий миг он превратил каждого из них в самого себя. Они увидели его стремления и его цели, его боль, его страсть и его силу — так, как будто все это было их собственным. Они почувствовали его горе, гнев и решимость во что бы то ни стало добиться своей цели. Потом все померкло, слиняв, точно закатные краски с неба, испарившись, точно влага в жару.

После этого было много пересудов. Они перекрикивались друг с другом, пока колдуны занимались своим делом. Но буря пролетела и улеглась. Что бы они ни сделали, это уже не имело значения.

— Как можно одновременно разговаривать со столь многими, просто используя свой мозг? — поражался ваткрианец, который рассуждал о захвате земли Висов. — Он что, бог? Только посмотрите, как они спорят.

— Да и пускай. Они уже приняли решение. Он принял. Звери, бегущие к морю, чтобы утопиться, могут по пути обсуждать, что они делают, но море все равно получит их.

В святилище старый жрец сидел, положив посох в виде змеи на колени. Он тоже, как и все остальные, ощутил, как его сознанием завладел чей-то чужой разум. Но внутренняя уверенность и суровая выучка многих лет жречества позволили ему заглянуть в глубины души Ральднора и увидеть там его прошлое, его одиночество, вину и боль, теперь навсегда потерявшие свое значение, но все же оставившие свой неизгладимый слет, подобно глубоким шрамам.

«Мы спрашиваем: он что, бог, этот человек? — думал жрец. — *Но он теперь принадлежит тому, чему мы не можем дать имя. Он нашел свою душу, но утратил при этом себя самого. Ральднор, или Ральданаш из мифов. Он сказал, что его мать была Ее дочерью... Да, я вижу ее. У нее было Ее лицо. И его народ — я так явно вижу их перед своими глазами, когда он вызывает их лица в своей памяти. За бескрайними морями — но они поклоняются Ей...*

Как такое возможно? Странная раса, дремлющая ныне, но он разбудит их. И он принадлежит им, он дитя своего народа. Больше не человек, но собирательное существо. Да, вот что он. Не король и не бог, но их суть, их выражение».

Посох дрогнул у него в руках. Он улыбнулся, но его узкие губы остались неподвижными. Он так часто наводил эту иллюзию, что теперь она почти въелась в дерево. Посох верил в то, что он змея. Он сам именно так объяснял этот феномен.

За стенами домика день сгущался и уходил. Он ощутил, что они изменили линию поведения и начали склонять друг друга в том направлении, которое уже было за них выбрано.

«Но, кем бы он ни был, приходилось ли нам встречать другую такую силу? — подумал жрец. — *Под силу ли нам сдержать ее? Когда-нибудь борьба будет окончена. Он что, просто сгорит, как это магическое дерево? Что тогда сможет превратить его обратно в человека?»*

Лето уже потихоньку клонилось от своей золотой середины, когда три короля прибыли в Пеллеа вместе с домочадцами, лордами своих земель и городов. Они пришли каждый по своим причинам, каждый со своим любопытством, страхами и нетерпением. Они говорили с Джарредом и глазели на темноволосого мужчину и темноволосую женщину, разгуливающих в изысканных ваткрианских нарядах. Похоже, чужак, Ральднор, повез свои требования в варварский Шансар и отсутствовал уже два месяца по ваткрианскому календарю.

— Ты потерял его, — сказал Клар. — Колдуны уничтожили его, и это к лучшему.

Но Джарред уже не был тем юнцом, которого он помнил; теперь к его миловидности прибавилась еще и спокойная уверенность в себе. Клар заметил и то, какой стала Сульвиан.

— А она сохнет по этому чужеземному королю, кем бы он ни был, — удивился Клар. — Она будет горевать, если он не вернется.

Клар пробыл в Пеллеа два дня, когда с гор спустились часовые. Они видели на верхних перевалах всадников — в ваткрианской форме и с оружием, с белоголовым человеком во главе, следом за которыми тащились сотни две шансарцев на своих тощих болотных лошаденках. Клар заключил, что чужак вел вражескую армию, чтобы разбить цивилизованных людей юга. Он призывал к действию, но добился лишь одного. Эзлиан Вардатская посмеялась над ним — нет, не грубо, а ласково, и это было еще хуже. Он привел в боевую готовность горстку своих людей. Когда через четыре дня армия появилась на Пеллеанской равнине, он выехал ей навстречу. И тогда его череп, казалось, раскололся от впечатлений — ярких, аморфных, восхитительных. Казалось, это был какой-то наркотик. Это неумолимо напомнило Клару о погибшем брате, с которым он мог говорить в своих мыслях, и в глазах у него защипало. Он отогнал от себя эмоции и оглядел незнакомца.

— Вижу, ты действительно таков, как о тебе говорят. Хорошо выбрал место для своего похода — край магов. И, клянусь Ашкар, ты привел сюда своих братьев.

Но он въехал вместе с Ральднором, бок о бок, в Пеллеа. Что-то задевало его, глубоко задевало, но каким-то образом он успокоился.

Сбор назначили на утро.

Пятеро шансарских Королей, приехавших с Ральднором с озер, с угрюмыми лицами сидели за ним. Было ясно, что они уже приняли свое решение. Ваткрианцы рассказывали о неслыханном единении, о слиянии разумов, у того маяка в Шансаре, но если его кто-то даже ожидал или боялся, ничего не произошло. Ральднор говорил с ними как принц, умно и честно. Он показал им, что они могут получить, но не утаил и того, что могут потерять в том случае, если люди темных рас отыщут их, люди, горящие куда большим желанием развязать войну, чем они.

— Ну что, леди Эзлиан, — сказал Клар, — никакой мистики, на которую вы так надеялись, а?

— Мы уже видели свои знаки, — сказала она. — Она долго беседовала с Ральднором во время их прогулки с Сульвиан по старым запущенным садам разрушающегося дворца Пеллеа. Повсюду рыскали хищники и ползали змеи, но они вряд ли беспокоили эту троицу, как предположил Клар.

Когда наступили сумерки, в древнем зале запылали факелы. Свет озарил запавшие глаза и молчаливые лица.

— То, о чем ты просишь, Ральднор Висский, безмерно, — сказал Сорм Вардатский. — И не только в смысле битвы или власти. Я спрошу тебя лишь о том, что мы потеряем, когда полностью подчинимся тебе?

Эзлиан поднялась и легонько коснулась ладонью плеча Сорма.

— Если вам суждено потерять что-то, мой повелитель, то это уже потеряно.

Джарред тоже поднялся.

— Я передаю свою армию в твое полное распоряжение, Ральднор, король. Клянусь тебе здесь и сейчас, что твоя битва станет моей битвой.

Сорм подал голос:

— Эта женщина рядом со мной сказала за меня. Считай меня своим полководцем, Ральднор, король.

Клар оглянулся по сторонам. Внезапно он встретился взглядом с черноволосым мужчиной, сидевшим по правую руку от Ральднора, которого называли Яннулом.

— Ты, — крикнул Клар, — а что ты скажешь на то, что твой товарищ призывает нас напасть на твоих сородичей?

— Моя рука и мой меч принадлежат Ральднору, — сказал черноволосый, — как и мечи и руки нескольких моих земляков. Никто из нас не родня дорфарианцам.

— Ладно, мне плевать, — сказал Клар. — Я тоже с вами. Когда волк грызется с волком и клянет своего шакала, это лучшее предзнаменование.

* * *

Сульвиан бродила по темному саду, глядя на светлячков, отражавшихся в стоячей воде пруда. Перед разбитой урной она приостановилась, ощутив в своих мыслях легкий трепет, потом обернулась и увидела Джарреда.

— Тебе не следует гулять без сопровождения, — нахмурился он.

— О, здесь я в безопасности. Все кажется таким древним и безмятежным. Я рада, что ты сначала заговорил со мной в моих мыслях.

— Я все перезабыл. Думаю, со временем у меня будет получаться лучше. Клар все еще обдумывает поход вместе с Ургилом Шансарским, обсуждая морские пути Джорахана. В нижних залах шум такой, что ничего не слышно. Похоже, они столковались. Нужно начать призыв. Странно, что наши люди с такой охотой идут на эту войну.

— Ты ведь понимаешь, почему, — сказала она.

— А ты? — спросил он. — Ты счастлива, сестра?

— Счастлива? — Запутавшиеся в ее волосах светлячки еле заметно поблескивали. — Ты хочешь сказать, что я должна быть счастлива, потому что меня обручат с ним и выдадут за него замуж, чтобы скрепить союз между его страной и нашей? Или, может быть, счастлива оттого, что напоминаю женщину, которую он когда-то любил? — Джарред не произносил ни слова. Она сказала: — О, я знаю, он будет добр ко мне. Я знаю, что он будет дарить мне наслаждение, что я рожу ему ребенка. Странно, но я почему-то знаю все это. Знаю и то, что он не может полюбить меня. Это невозможно. Он выше любви. Я стану женой демона, как в сказке.

— Но, — возразил Джарред, — ты же любишь его.

— Да. А как же иначе? Теперь я не смогу полюбить никого другого. Он превратил меня в ту, другую женщину. В Аниси. Он возродил ее — в моем теле. Не нарочно — просто так случилось, когда я очутилась в его сознании.

— Это нелепо, — сказал Джарред. — Откажемся от этого брака. Пусть женится на какой-нибудь из дочерей Сорма.

— На восьмилетней девочке? Нет. Он должен оставить свое семя здесь, в этой земле, когда покинет ее. Думаю, он никогда больше не вернется назад. Нет, Джарред. Я хочу выносить его дитя. Это хоть что-то. О, хотя и не слишком много. Ах, эта земля! — сказала она. — Она сделала нас последним этапом его пути — всего лишь обломком, средством.

Появилась луна, вынырнув из листвы дерева и облив сад своим светом.

— В лунном свете есть что-то жестокое, — сказала Сульвиан. — Он стирает все тени. Ох, Джарред, когда все будет кончено, останемся ли мы с тобой, или неумолимый свет сотрет и нас тоже?

Где-то на заросших развалинах террасы запела ночная птица. Когда она замолкла, над Пеллеа повисла тишина. На пляжах бескрайней страны единственным, что нарушало ночную неподвижность, было море.

19

Приблизившись к городу, он увидел дымки, поднимающиеся над ним и сливающиеся в красное марево раннего зимнего заката. Несмотря на дым, повсюду витала атмосфера разрухи и запустения; городом уже владела тьма. Яннул заметил над воротами обрывок знамени — черный дракон Дорфара. Так значит, расплывчатые слухи, ходившие по Равнинам, оказались правдивыми и город действительно был занят. Развалины жили недоброй, чуждой жизнью. Яннул немедленно вспомнил о некоторых колдунах, горных шарлатанах, которые клялись, что могут оживлять мертвецов, вселяя в них демонов и заставляя их есть, пить, совокупляться и плясать.

Он негромко выругался, но его спутник ничего не сказал.

До последней деревушки каждый из них ехал на своем зеебе. После нее, вот уже примерно двадцать миль, Ральднор шагал пешком, а Яннул ехал верхом. Это было вполне логичным выражением их предполагаемых взаимоотношений — висский хозяин и невольник с Равнин. Однако же «невольник» казался полностью поглощенным своими мыслями, тогда как Яннулу было не по себе, все его тело было напряжено. Такая роль не вполне ему подходила, или, возможно, он просто слишком долго путешествовал с этим человеком с тех пор, как шансарский корабль высадил их на берегу темной серповидной бухты. Они добрались дотуда по другому пути, ведшему из далекой страны желтоволосых людей — пути, обозначенному на их древних картах, свободному от огненных гор и пылающей воды и испещренному крошечными островками. Яннул играл в кости с пиратами, откалывал шутки, пил и травил байки. В первобытной бухте на краю Равнин — почти не посещаемой, поскольку она находилась слишком близко от входа в море Эарла — он очутился один на один с человеком, который больше не был человеком в том смысле, который обычно в него вкладывают. Он чувствовал безмерную преданность этому существу. И сострадание, восхищение и даже желание служить ему — ту древнюю дань, которую, по легенде, собирали истинные короли. Но все же былой симпатии и дружбе пришел конец. Яннулу нелегко было путешествовать в этом безмолвии и трепете по холодным и одиноким Равнинам к городу отчаяния.

У ворот стояли солдаты.

Он снова выругался. Они казались здесь совершенно неуместными, и эта угрожающая неуместность подействовала на него словно удар хлыстом. Яннул сплюнул, чтобы избавиться от тошнотворного привкуса гнева во рту.

Они подошли к разрушенным стенам. Два часовых выступили вперед и прищурились, разглядывая их сквозь тусклую багряную мглу.

— Въезжай, путник. Что тебе здесь нужно?

— Не мне, моему хозяину. У него дела с оммосцем, Йир-Даканом.

— Правда? Не повезло тебе, парень. И кто твой хозяин?

— Киос из Зарависса, — ответил Яннул. Он вытащил из кармана фальшивое письмо с печатью.

— Твой хозяин что, не слышал о том, что Повелитель Гроз запретил всю торговлю с Равнинами?

— Я же уже говорил вам, сэр Дракон. Он ведет дела с оммосской свиньей.

Солдат расхохотался.

— А это что еще за обезьяна с тобой?

— Мой раб, — сказал Яннул, снова сплюнув, на этот раз под ноги Ральднору. — Дополнительное вьючное животное.

Солдат, все так же ухмыляясь, отошел в сторону.

— Проходи. Да хорошенько приглядывай за своей иголочкой в доме этой свиньи.

Ворота остались позади. На ланца обрушилась тяжесть лет и неизмеримого одиночества, но он тоже ухмыльнулся, довольный своей игрой.

Терраса и мостовая за воротами были склизкими и воняли гнилыми фруктами. Товары торговцев, отважившихся нарушить новые торговые законы Амрека, вываливали прямо у ворот. Драконы забирали все, что хотели, а остальное оставалось гнить. Сквозь эту вонь пробивался холодный, слабый, могильный запах — запах обреченного города.

На длинных неосвещенных улицах не было слышно ни звука, кроме цокота копыт его зеева. Яннул не заметил ни одного огня. Где-то в отдалении поднимались дымки — похоже, откуда-то из одного места. Это место, заключил он, было дорфарианским гарнизоном.

Нехотя загудел колокол.

— Здесь мы с тобой расстанемся, Яннул, — впервые за все время подал голос Ральднор. — Не забыл, как добраться до оммосца?

— Я помню. А ты? Что будет, если они поймают тебя на улицах после того, как отзвонит колокол?

— Здесь недалеко до дома Орвана, — ответил Ральднор.

Он развернулся и пошел по улице, превратившись в одну из многочисленных теней. Яннул поехал влево, по пустынным каменистым дорогам. Колокол замолк. Даже луна не спешила выйти, чтобы разогнать тьму.

Дом Орвана.

Светильники не горели. На ступенях темнели осколки разбитого глиняного сосуда.

Высокий человек кулаком постучал в дверь. Тишина, царившая повсюду, точно стала еще тише — человек с бешено колотящимся от страха сердцем прислушивался. Еще раз стучать он не стал: вместо этого он послал внутрь свой разум.

Наконец чья-то рука отодвинула засовы. Темная фигура чуть приоткрыла дверь и поманила его внутрь. Дверь за ним немедленно захлопнули и снова заперли на засовы, не пропустив ни единого.

Фигура, подавая гостю мысленные сигналы, в кромешной темноте перссекла круглый зал, поднялась по лестнице на второй этаж. Там в подсвечнике мерцали две или три свечи, разбавляя тьму слабым, почти призрачным сиянием. Его хватило гостю, чтобы разглядеть лицо хозяина — лицо глубокого старика.

Теперь старик заговорил вслух.

— Добро пожаловать, господин. У нас почти нечего предложить вам. Сами видите, мы скрываемся здесь, точно крысы, даже свет зажечь боимся. Но вам повезло, что вы постучались именно в этот дом. Наверное, это единственный обитаемый дом на всей улице.

Гость огляделся по сторонам. В темном углу сидела женщина. Ее пергаментное лицо внезапно стало призраком другого — юного, бледного, прекрасного.

— Орван, — сказал гость. Сняв капюшон, он прямо взглянул на старика и старуху. — Теперь вы узнали меня?

— Ты... ты.., — залепетал старик. На глазах у него показались слезы волнения — или потрясения, Ральднор не разобрал.

— Ты — убийца Аниси, — прошипела старуха. Она напряглась, трепеща, подобно хрупким крыльям бабочки; ядовитая боль ее мыслей, пульсируя, заполнила комнату. — Убийца дочери моей дочери. Я видела тебя лишь однажды, но запомнила на всю жизнь. — Она была не в силах встретиться с ним взглядом. Ее ненависть к нему внезапно угасла.

— Значит, теперь ты можешь говорить в мыслях, — сказал Орван, точно не слышал ее. — Ох, Ральднор, как это произошло с тобой?

— Меня хорошо учили, хотя и далеко отсюда.

— Ох, до чего же радостно тебя видеть. — Орван сжал его руку, еле сдерживая стоящие в глазах слезы. — Но... зачем ты вернулся в такое время?

— А куда еще я должен был прийти в такое время, как не к одному из нашей расы?

— Ральднор... Ральднор... ну да, куда еще. Куда еще. Ты видел драконов? — Орван отпустил его руку и уставился в черный угол комнаты. — Каждую ночь, когда отзвучит колокол, они разбиваются на группы и тянут жребий, кто куда пойдет. Они кидают в окна горящие головешки. Если они находят женщин, то выволакивают их на улицу и там насилуют их. Каждый день кого-нибудь забивают насмерть. Причины всегда находятся. Как-то раз они поймали одного после комендантского часа. Ему отрубили руки и ноги и прибили их повыше, чтобы он мог видеть их, пока не истек кровью и не умер.

Старуха из своего угла прошептала, точно выругалась:

— *Амрек Змеерукий!*

— Нет, нет, — возразил Орван, — Амрек лежит больной в Саре. Говорят, ему мерещатся черти. Нет, это корамвисская солдатня так развлекается. У них есть командир, из Дорфара. Он позволяет им делать все, что заблагорассудится. Абсолютно все. Мы — скот, безропотно ожидающий заклания. Еще до конца года все лачуги в городе опустеют. Стариков перебьют без сожаления. Молодых и сильных отправят на рудники в Иллум, на галеры и в мусорные ямы. Это пообещал нам Амрек. Мы станем его изобретением — расой рабов.

Сквозь щели в разбитых ставнях просочился отблеск далекого красного зарева.

Орван, поежившись, отвернулся от него, глядя на слабые мерцающие огоньки свечей.

— У нас есть немного еды... Тебе нужно поесть...

— Мне ничего не надо, — сказал Ральднор. — Вы в этом доме одни?

— Одни... да, Тира и я... Йахейль умер — от простуды, точно старик — там, на башне, глядя на звезды. Мы здесь одни.

— Тогда вы будете первыми в этом городе, кто услышит меня. В прошлом я причинил вам обоим много зла. Я не забыл об этом.

— Ох, Ральднор, у нас слишком мало времени, чтобы винить друг друга. Мы оставили прошлое в прошлом, правда, Тира?

Он ощутил, как в мозгу у него что-то шевельнулось.

«Я больше не знаю тебя, — внезапно подумал он. *Я не ошибся. Нет больше того истерзанного мальчишки, разрывающегося между двумя голосами его крови. Теперь передо мной незнакомец, способный подчинить меня своей воле, человек, которого я никогда не встречал».*

Старуха, уловившая что-то, прошелестела внутри своего сознания:

«Ты прошел долгий путь. Твоя вина где-то искупилась или исчезла. Значит, она обрела покой, моя беловолосая малышка, моя Аниси?»

Но пришелец уже начал говорить. Волна его мыслей унесла их собственные, точно ветер мертвую листву.

Оммосец оказался высокорослым крепко сбитым мужчиной, уже начавшим заплывать жирком. Пухлые пальцы унизывали многочисленные кольца, в одном из верхних зубов рдел кровавый рубин.

— Ну, ланнский путешественник, чего ты хочешь? — голос был ровным, не сдобренным даже каплей интереса.

Яннул, которому победа над привратником, не хотевшим пускать его в этот расписанный жуткими фресками зал, далась с большим трудом, ответил:

— Я уже говорил вашему человеку. Я хочу поговорить с вашим хозяином, Йир-Даканом.

— Господин Дакан обедает.

— Превосходно. Я присоединюсь к нему. У меня с самого утра маковой росинки во рту не было.

Оммосец улыбнулся, прищелкнул пальцами, и в зале тут же возникли два крепких охранника.

— Предупреждаю, ланнский путешественник, наше угощение может прийтись тебе не по вкусу.

Откуда-то с улицы донесся грохот падающих бревен, далеко разнесшийся по притихшему городу. Равнодушные глаза оммосца невольно метнулись к двери, и Яннул, отдернув занавесь, быстро шагнул в расположенный за ней зал.

Комнату затоплял красный свет. В центре возвышалась массивная статуя Зарока с огнем, пылающим у него в брюхе. У Яннула свело живот при воспоминании об омерзительных жертвенных ритуалах оммосцев.

Йир-Дакан, развалившийся за низеньким столиком, вздрогнув, оторвался от еды, а рука с недоеденным куском застыла на полпути ко рту.

— Это еще кто? Что, уже поесть спокойно нельзя?

Яннул остановился перед ним, сдержанно поклонился и передал ему письмо от несуществующего купца, скрепленное фальшивой печатью.

Йир-Дакан отставил блюдо и взял письмо жирными пальцами.

— Объясняй. Кто послал мне его?

— Мой хозяин. Киос эм Зарависс.

Дакан разломил печать в тот самый момент, когда между занавесями показался слуга. Прежде чем тот успел вымолвить хотя бы слово, Дакан повелительно махнул ему рукой, приказывая молчать. Пробежав письмо глазами, он хмыкнул и поднял голову.

— Ты знаешь, что задумал твой хозяин?

— Господин Киос обдумывал неминуемое прекращение всей торговли с Равнинами.

— Еще несколько месяцев, много сезон, и Равнин больше не будет.

— Как скажете, — улыбнулся Яннул, — и какая уйма хороших вещей пропадет понапрасну — предполагая, что дорфарианцы не найдут их.

— Как проницательно со стороны твоего хозяина. Вероятно, он имеет в виду деревенские храмы? Да. Что ж, я кое-что знаю об этом. Если он готов обеспечить транспорт и вознаградить меня за хлопоты... Он упомянул неплохую сумму, но я считаю, что мои услуги стоят большего. Посмотрим. Но я не желаю подвергать себя риску и связываться с этим дорфарианским сбродом — это вы должны понимать.

— Лучше некуда, господин Дакан.

— Орклос, — позвал Дакан, полуобернувшись к стоявшему у него за спиной слуге, — прежде чем вышвыривать гостей из передней, будь добр, интересуйся, зачем они пришли.

Орклос дернул уголком рта и поклонился.

Дакан махнул руками на многочисленные блюда.

— Поешь, если голоден.

Он снова склонился над письмом и еще раз перечитал его.

Яннул налил себе вина. Напряжение и усталость заглушили голод. А впереди была еще долгая ночь, в течение которой ему

предстояло обсуждать дела с жадным оммосцем, который будет требовать увеличить его долю и пообещать ему, что он никаким боком не будет замешан в операции — ибо торговец отлично понимал, что дорфарианцы презирали его расу почти столь же глубоко, как и жителей Равнин. Он не собирался надолго задерживаться в городе после того, как его заняли драконы. Однажды ночью они вполне могут поджечь и его жилище тоже.

Вино опалило горло Яннула. Дакан с его скользкой увертливостью, не осознающий, что шпион за его столом просто использует его, вовлекает его в заваруху, которая скоро должна была разгореться, начал забавлять его.

В полночь Дакан позволил ему удалиться в отведенную ему спальню на верхнем этаже. Слуга с лампой проводил его. По пути Яннул заметил нескольких слуг-степняков, да и этот человек тоже был одним из них. Яннул с беспокойным любопытством вглядывался в него. В этом мечущемся свете он казался почти бесплотным, в глубоко запавших глазах плескался мрак. Слуга вошел в одну из низких дверей, поставил лампу у кровати.

— Ты ведь служишь Йир-Дакану, да? — спросил Яннул. В этом человеке было что-то такое, что побудило его задать этот вопрос.

— Как видите, господин ланец.

— Думаешь, если о твоей шкуре заботится висский хозяин, то она будет целее? Хотя, конечно, той заботы я что-то не особенно вижу. Вас всех что, в этом доме голодом морят?

— Йир-Дакан добрый хозяин для всех, кто верно ему служит, — безо всякого выражения ответил слуга. Лампа внезапно осветила ямы его глаз, и Яннул, к своему удивлению, заметил в них явное смятение. Мысли мелькали там, словно рыбы — невидимые, но тем не менее выдающие свое присутствие движением. Яннул ощутил боль и глубоко скрытую, но готовую вырваться наружу ненависть.

— Как тебя зовут?

— Рас.

Глухой присвист, с которым он произнес свое имя, почему-то встревожил Яннула.

— Ладно, спасибо за лампу, Рас. Спокойной ночи.

— Не стоит благодарности, господин ланец. Я всего лишь раб.

Странное выражение, какая-то мертворожденная недоразвитая сестра настоящей улыбки мелькнула на губах слуги и исчезла, когда он скрылся в галерее.

Непроницаемая темнота посерела, превратившись в безрадостный зимний рассвет. Над городом разнесся звон дорфарианского колокола; комендантский час закончился до следующей ночи. На Равнинах не было ни колоколов, ни чего-либо другого, пригодного для этих целей. Этот медноголосый колокол привезли из Марсака, и городские стены тоже отремонтировали в своих целях, чтобы сделать из города тюрьму. По ночам звери все так же рыскали по городу, но

теперь они были двуногими. День, холодный и солнечный, выгнал городских обитателей из своих логовищ. Маленькие домашние змеи-альбиносы, которых дорфарианцы при каждом удобном случае старались придавить ногой, ползали по залитым бледным солнцем руинам. Светловолосые люди жались к стенам домов, отступая в тень, когда по улицам проходили солдаты. Торговля пока еще не замерла окончательно — обмен, и только самым необходимым — но шла совершенно безмолвно. Весь город задыхался под ватной пеленой этого безмолвия. Одни дорфарианцы позволяли себе шуметь.

Представители других рас — полукровки с Равнин, в чьих жилах текла кровь элирианцев, заравийцев, ланцев — частично вернулись в эти страны, которые открывала для них их смешанная кровь, и жили там в хрупкой безопасности, чужие их жителям и терзаемые ночными кошмарами. Другие залегли в норы по безвестным равнинным деревушкам или сидели в глубоких подземельях в городе, словно крысы. Некоторых под различными надуманными предлогами убили солдаты. Они были олицетворением величайшего бесчестия и не имели права оставаться таковым. Некоторые умерли без посторонней помощи. Как Йахейль, элирианский астролог, умерший перед выходящими в звездное небо окнами в промерзшей насквозь башне. Отчаяние, а не лихорадка погубило его — но это было безличное, духовное отчаяние, ибо небеса ясно предрекали геноцид Амрека и хаос, который неизбежно должен был наступить вслед за ним.

С наступлением дня у старых колодцев начали потихоньку собираться женщины с кувшинами, привнеся в утро ноту некоторой нормальности.

Столпившись на ступенях у колодца в северной части города, они расступились, пропуская старую женщину. Они всегда позволяли ей набрать воды первой из уважения к ее возрасту и ее горю — ибо Тира пережила свою дочь и внучку и потеряла всех своих товарищей-ровесников, угасших от болезней жарких месяцев и недугов, причиной которых был страх. Ее заросший сорной травой двор больше не шелестел под их пугливыми, похожими на трепет крыльев мотылька шагами, сухие, надтреснутые голоса старух больше не оглашали его. Да и самого двора вообще больше не существовало, поскольку драконы давным-давно спалили его.

Казалось, что тот пожар дотла выжег и ее душу, но этим утром Тира как-то неуловимо изменилась. Она двигалась по-другому, а ее разум испускал волны незнакомой и странной силы. Добравшись до колодца, она отвела готовые помочь ей руки более молодых женщин и набрала воды самостоятельно. Потом обернулась, придерживая на бедре вот-вот готовый пролиться кувшин исхудавшими до костей руками. Она обвела женщин взглядом, и внезапно сознание каждой оросила одна-единственная сияющая капля, точно слеза из жидкого золота, упавшая в темную воду колодца.

Послышался скрип колес. По узкой улочке мчалась легкая колесница с двумя дорфарианцами, затормозившая у колодца. Солдаты набросились на женщин с грубой бранью, и те разбежа-

лись врассыпную. Лишь старуха с полным до краев кувшином осталась стоять у колодца.

— Дай нам напиться, старая кляча!

Солдат осклабился, когда она, спустившись по ступеням, протянула ему кувшин. Он небрежно схватил его, притворившись, что не смог удержать, и бросил сосуд на дорогу, где он разлетелся вдребезги. Вода вылилась на землю. Солдаты залились грубым хохотом. Щелкнул бронзовый хлыст, и колесница умчалась прочь.

Тира не двинулась с места. Они не заметили ее странной улыбки. Когда-то в прошлом она отлично разбиралась в символах, и теперь, измененная этим вынырнувшим из ночи человеком, видела дорфарианскую кровь, а не воду, ручейком бегущую по улице.

Четыре ветра, словно демоны, завывали на улицах Сара.

Чтобы умилостивить их, на вершине холма закололи черного быка. Жрицу из храма, которую поймали за воровством жертвоприношений, притащили на уходящую в небо вершину и выпороли. Ее кровь смешалась с кровью мертвого быка, но ветры продолжали буйствовать. Так прошел день.

На закате Правитель города отправился поклониться Повелителю Гроз в зал, где он сидел — сидел с тех самых пор, как приехал сюда. Стены были задрапированы толстым тускло-малиновым бархатом. Ставни на окнах были закрыты, но ветер все равно проникал внутрь, и огоньки мраморных свечей пугливо трепетали. Глаза Правителя робко оглядели его царственного гостя. Лицо Амрека казалось восковым, застывшим в своей бледности, а во всем его облике сквозила пугающая, болезненная худоба. Он горбился в своем кресле, точно сломанная кукла, но в его глазах горел тот огонек, который теплится в глазах хищника, глядящего из своей клетки. Правитель в тысячный раз выбранил судьбу, которая поразила его Верховного короля недугом в Саре, разом положив конец такой мирной и спокойной жизни.

— Милорд, — отважился наконец Правитель, — осмелюсь скромно спросить, как вы себя чувствуете? Мой лекарь говорит, что...

— Твой лекарь — болван, и изо рта у него воняет кислятиной, — отрезал Амрек. — Ты хочешь, чтобы я поскорее убрался отсюда, да? Из этой помойной ямы, которую вы по ошибке именуете Саром. В жизни не видел такой дрянной погоды, как здесь. Вой ваших мерзких ветров не дает мне спать.

— Мой лекарь готовит снадобье, которое поможет вам заснуть, милорд — редкостные травы из Элира...

— Пропади его зелья пропадом! Пусть сам примет их и не просыпается, пока я не уеду! Кроме того, бессонница все же лучше, чем мои сны. — Тени и отблески свечей метались по его лицу, точно призрачные птицы. — Боги, — сказал Амрек, — мучают нас в наших снах. Тебе никогда это не приходило в голову, правитель?

— Мой лорд, я... я...

— Они потешаются над нами, Правитель. Прошлой ночью мне удалось заснуть достаточно надолго, чтобы успеть увидеть небо, набухшее кровью. Кровавый дождь, падающий на башни твоего глупого дворца.

Правитель, онемев, потрясенно глядел на него.

— Может быть, послать за жрецом, чтобы он растолковал этот сон, милорд?

— Растолковал? Он не значит ничего, кроме очевидного. Люди видят в своих снах не то, что должно произойти, а то, что было, что прошло. — Его голова упала на грудь, как будто была слишком тяжела для него. — Боги насмехаются над нами. Они миллион раз показывают нам то, что нам больше всего хотелось бы забыть, что мы всем сердцем хотели бы повернуть вспять, но что изменить бессильны. Так они делают это, правитель.

Правитель Сара прошаркал прочь. Он понимал, что всем происходящим с его городом обязан насмешке судьбы, по которой соблазнитель Астарис назвался саритом, пусть даже это и был обман. В коридоре он поймал себя на том, что сделал древний жест, разгоняющий злые намерения, и его впалые щеки тут же окрасил румянец стыда и страха, что кто-то из его подчиненных мог видеть его.

Город затопили желтоватые зимние сумерки. Зловеще загудел колокол. Материализовавшиеся на рассвете, как и маленькие змеи, обитатели Равнин вместе со змеями растворились при первых признаках потемнения — лишь кони и факелы дорфарианцев двигались по пустынным улицам. Теперь они играли в свои кровавые игры куда более редко, ибо в этих развалинах почти уже не осталось добычи.

В здании гарнизона коптили костры и звучали шумные голоса. Они расположились в старом дворце. Просторные залы как нельзя лучше подходили под казармы. Но здесь на них все же давила древность — неумолимое присутствие времени, повсюду оставившего свои жестокие следы. Люди напивались до бесчувствия, а игра в кости служила постоянным поводом для драк. Скучающие, они становились легкой жертвой для ночных кошмаров. Старые суеверия давно уже подняли голову. Как нужно бить степняка, чтобы он подал голос? А их бледные женщины, лежащие в лужах собственной крови с затянутыми пеленой смерти глазами, похожими на незрячие бельма слепцов? Во имя всех богов Дорфара, они были бы рады увезти рабов на рудники и галеры и сами уехать вместе с ними. Страх, прародитель любой ненависти, возрождал в их памяти старые легенды о равнинном колдовстве. Все они помнили дьяволицу Ашне'е и проклятие, висевшее над родом Редона. Здесь, в этой черной тюрьме, слушая неумолкаемый плач ветра в ее башнях и чувствуя ледяные пальцы сквозняков, ласкающие их, драконы метались и вскрикивали во сне, колотили шлюх, деливших с ними постель, заболевали и грызлись между собой.

Через три дня после того, как один из дорфарианцев разбил кувшин с водой у какой-то старухи из северного квартала, в восточном квартале патруль заметил с десяток желтоволосых мужчин, собравшихся на ступенях дома с обвалившейся крышей. У этих оборванцев был прямо-таки дар стремительно и неожиданно исчезать, растворяться в воздухе. Некоторым образом дорфарианцы научили их этому искусству. Лишь один мужчина остался на месте. Они сбили его с ног и отволокли в гарнизон к Рийулу, их командиру.

Рийул был марсакцем, вот уже четырнадцать лет продававшим свое воинское умение тому, кто дороже за него заплатит. Командование Равнинным гарнизоном свалилось на него совершенно неожиданно после того, как заболел Амрек. Это сделало его деспотическим и неуверенным в себе одновременно. Он покорил город террором частично из уважения к ненависти Амрека, частично потому, что это не представило для него никакого затруднения.

Он допрашивал желтоволосую крысу примерно час, перемежая вопросы ударами хлыстом, когда за окном замелькали первые снежинки. Собираться больше чем по двое было запрещено. Этот запрет до сих пор был чем-то самим собой разумеющимся, что до сих пор соблюдалось и о чем говорить не было нужды. Мерзавец истекал кровью, но ничего не говорил. В конце концов Рийул велел бросить его в подземелье дворца, из которого вышла отличная тюрьма, и оставил его там гнить. Больше никаких сборищ не было, по крайней мере, дорфарианцы не заметили ни одного. Похоже, не стоило беспокоиться. Народ Равнин был пассивной и покорной расой — все это знали! — чей дух был столь же бледным, как и кожа.

В ту ночь в зале появился ланнский циркач, предприимчивый малый, завязавший знакомство с солдатом, стоявшим на часах у ворот гарнизона, и колесом вкатившийся внутрь. Рийул бросил ему серебряную монетку.

Похоже, у него были какие-то вполне законные дела с оммосцем, Даканом, но Рийула заинтересовал разговор, который тот завел о шлюхах с Равнин. Они ни разу еще не видели ни одной, но хитрый ланец божился, что переспал с уймой тощих белокурых мерзавок, которые за небольшую плату или ложное обещание безопасности учили всевозможным забавным постельным фокусам.

Рийул был заинтригован. При одной мысли об этом в паху у него пробегала сладкая дрожь. Разве не ходили слухи о храмовых шлюхах?

Именины Рийула выпадали на унылую пору оттепели. Он собирался отпраздновать их импровизированной пирушкой в дворцовом зале, на манер завоевателя. В отсутствие Амрека он играл в опасную и глупую игру собственного величия. Захмелевший и внезапно ощутивший желание побаловать себя белым мясцом, он велел передать циркачу, что если тот дорожит гарнизонными сборами, то ему лучше доказать, что его россказни — не пустое хвастовство, и на праздничный вечер привести во дворец несколько желтоволосых шлюх.

* * *

Всю ночь Яннул крепко проспал в душной казарме. Чем дольше он продолжал свою сумасшедшую игру, тем сильнее им овладевало бесшабашное безумие. Смутные мысли об ужасе, о неизбежной крови он задвинул куда-то в самый угол сознания. У него не было выбора. Он знал об этом еще когда ехал по этой чужой, выжженной летним солнцем земле за Ральднором и чувствовал где-то глубоко зреющий хаос.

С отяжелевшей от вина головой он тоже думал о женщинах, хотя и в более умеренном ключе. К примеру, о Реше, его элисаарской подружке, уехавшей с одним ваткрианским вельможей в непривычную жизнь, полную порядка и роскошных нарядов. Она, когда-то боявшаяся расовой неприязни, удивила Яннула, прибегнув к маскировке. Ваткрианец начал ухаживать за ней в ее последний месяц в Вардате, когда ночами не угасало красное зарево от кузен, а земля гудела от колес повозок, везущих на верфи столетние деревья. Должно быть, она рано постигла науку выживания и привыкла не упускать ни единой возможности на борту закорианского пиратского корабля. И теперь, умело пользуясь обстоятельствами, она приняла ухаживания своего воздыхателя, несмотря на все препятствия и на его достаточно зрелый возраст, который в ее глазах сделал его лишь более надежной партией. Однако же, если его привлекла в ней новизна, то бедного вельможу ждало суровое испытание, поскольку как только их союз начал казаться реальностью, Реша изменилась, словно хамелеон. Она выбелила волосы и начала пользоваться краской для лица, очень напоминавшей знаменитые белила дорфарианки Вал-Малы. Яннул только диву давался и надеялся, что ее шаткий замок устоит. Между ними не было никакой любви, одна только симпатия. Он лишь надеялся, что ее дородный любовник сможет не отстать от нее в темноте.

Как бы то ни было, он считал, что его бывшая подружка сможет быть счастливее, чем бледноволосая девушка, сестра Джарреда, которую обвенчали с Ральднором перед алтарем Ашкар-Анакир. Она была похожа на женщину, которая полюбила безоглядно и навсегда, но так и не добилась взаимности. Ральднор был ласков с ней, вне всякого сомнения, но это была безличная, механическая вежливость. И всего через месяц он покинул ее, скорее всего, не собираясь возвратиться никогда. А жаль, ибо на нее стоило бы взглянуть попристальнее, на Сульвиан Ваткрианскую.

Во сне Яннул видел свою ферму в Ланне. Холмы, укрытые пушистыми сугробами, искристые сосульки, щетинящиеся с крыш. Его мать, с нетерпением ожидающую очередного ребенка, в каковом состоянии, она, похоже, пребывала беспрерывно; сестренок, поющих и болтающих за прялкой или выхаживающих полумертвых от холода птиц, упавших у их двери. Троих большеглазых девчушек, во вторую оттепель выпускающих с ладоней своих крылатых питомцев. Белоснежных птиц, взмывающих в небо без единого слова благодарности, белоснежных птиц, превращающихся на фоне синего неба в черных.

Яннулу, мирно спящему на своей узкой койке, снился дом. Духи дворца не тревожили его.

Над городом светильником из слепящего льда горела снежная луна. Часовые расхаживали вдоль стен гарнизона, ежась и бормоча себе под нос ругательства.

— Слышал этот звук? — спросил один другого.

— Какой еще звук? Я слышу только, как мои обледеневшие кишки друг о друга стучат.

Но он тоже ощущал напряжение воздуха, скорее не звук, а вибрацию, глухой гул под их ногами, звон безмолвной арфы.

Где-то, разорвав тишину, завыл волк.

Часовой ухмыльнулся.

— Помнишь того старика с ручной волчицей, ну, которую еще Ганлик прикончил своим копьем? Повезло этому Ганлику, из ее шкуры, должно быть, вышло славное одеяло.

— Я слышал, Ганлик захворал, — отозвался другой.

Они разошлись в разные стороны. Луна запуталась в вате облаков.

А Амреку в Саре снилась Астарис на спине у гигантского белого скакуна. Ее волосы кровавой волной растеклись по плечам, а лицо было золотой маской.

20

Снег пылал на ветру. Ветер полыхал снегом.

Когда снегопад прекратился, Равнины в своей девственной белизне распростерлись под выдохшимся пурпурным небом.

Отряд солдат черным шнурком вился по ослепительно белой земле. Свою задачу — сбор провианта для гарнизона — они костерили на все лады. Наспех сколоченные загоны, когда-то полные отнятого за летние месяцы у обитателей Равнин скота, стремительно пустели по мере того, как длилась оккупация. Вот уже выпал снег, а Амрек все еще прохлаждался в Саре, а второй Затяжной Снег уже был не за горами. Ходили слухи, что им, возможно, даже придется зазимовать здесь, в этой вшивой вонючей дыре.

Капитан гаркал сердитые приказы, потирая руки одна о другую. Промерзший до костей, он думал о женщине, которую оставил в Дорфаре, о мерзавке, которая — он был в этом совершенно уверен — найдет себе развлечения на время его отсутствия и у которой теперь будут все холодные месяцы, чтобы подцепить какую-нибудь дрянь, которой она, разумеется, по возвращении непременно наградит и его. Вдобавок они встретили на пути одну ферму и одну деревушку, каждая из которых оказалась совершенно пустой.

Вторая деревня показалась через два часа после полудня, когда небо уже начало безотрадно темнеть.

Ворота стояли нараспашку. Они въехали внутрь, двинувшись по широкой улице. Солдаты разбежались веером, копьями открывая двери и вглядываясь в мускусную тьму конюшен и амбаров. Не было видно ни единого животного, ни единого человека. Ставни на окнах скрипели и хлопали.

Копыта скакунов размесили дорогу в грязь, качающиеся жаровни плевались розовой слизью.

Внезапно между домами промелькнула темная тень с горящими глазами. С хриплыми криками люди ощерились на нее частоколом копий.

— Волк!

Но существо исчезло, точно призрак.

— Едем дальше! — рявкнул капитан.

Они никого не заметили и не нашли на белом снегу никаких следов.

Следующая деревушка, уже третья, оказалась ближе — всего-то в миле.

На дороге валялись разбитые тарелки, чуть припорошенные снегом. Навстречу им поднялась тяжелая волна тишины. Они быстро обыскали всю деревню, но так ничего и не нашли. Один раз послышался скрип колеса прялки, но оказалось, что им играл ветер.

— Они сбежали, — буркнул капитан. — Куда?

На этот раз некоторые солдаты разбежались по сторонам, решив взглянуть, нельзя ли здесь чем-нибудь поживиться — люди, которые убегали в столь явной спешке, не могли не оставить никаких ценностей. Но они не нашли ни единого железного колечка. В мрачном здании храма не осталось ни одной золотой чешуйки.

Покинув брошенную деревеньку, они принялись до боли в глазах вглядываться в бескрайнюю белизну Равнин, выискивая хоть какое-то движение.

С неба сочилось сумеречное сияние.

Далеко-далеко, у самого горизонта капитан заметил на темном зеркале земли какой-то силуэт, который мог бы быть двумя мужчинами на зеебах, а мог — лишь игрой обманчивых сумерек. Снова повалил снег.

Капитан чихнул и шмыгнул носом. Он приказал своей колонне возвращаться обратно в брошенную деревню и разбивать лагерь, не обещавший ни тепла, ни удобного ночлега.

На краю обрыва два светловолосых человека неподвижно сидели на своих зеебах, глядя на дорфарианцев, протрусивших обратно за частокол. Вскоре над покинутой деревенькой начали подниматься розовато-лиловые дымки.

Снег не тревожил их. Оба провели детство на Равнинах, а потом переселились в разрушенный город. Чтобы заработать себе на кусок хлеба, они нанялись в слуги к Дакану Оммосцу. Они были привычны к лютому холоду и постоянному недоеданию, как и к еще сотне всевозможных лишений.

Они переглянулись, переговариваясь без слов. Потом развернули своих скакунов.

Оммосец считал, что они заняты работой, собирая золото для несуществующего купца из Зарависса вместе с Яннулом Ланнцем. Поэтому он снабдил их пропуском, который позволял им покинуть город и свободно передвигаться по Равнинам. В их седельных сумках болтались крошечная бесценная статуэтка и пригоршня драгоценных камней — в доказательство их предполагаемых трудов. Но сейчас они выполняли совершенно иное задание.

Когда-то старая женщина уронила в темную воду одну-единственную сияющую мысль. От этой капли по черной стоячей воде города разошлась золотистая рябь. Лишь горожане знали, что значила для них эта золотая мысль, но она в своей безупречности могла быть полностью передана другим. В каждой деревушке, на каждой ферме два гонца передавали их обитателям свое видение, видение Ральднора, неизмененное, все столь же совершенное, посредством незамутненного эфира мысленной речи, передавали его, точно искру от факела к факелу, пока всю поверхность равнин не охватил пожар. Перемены там, где они происходили — а вскоре они должны были произойти повсюду — были ошеломляющими. Спящая змея, свернувшаяся кольцами в сознании желтоволосых людей, всегда присутствовавшая там, но ни разу до этого не пробуждавшаяся, очнулась от своего сна, как это было предсказано. Выступ улегся в углубление, паз совпал с пазом, и головоломка судьбы внезапно сложилась, превратившись в единое целое.

Сквозь снегопад два желтоволосых человека безмолвно поскакали прочь от обрыва, унося с собой свой незримый огонь.

Древние городские ворота от рассвета до заката пропускали сквозь себя людской поток. Обитатели Равнин приезжали со своими повозками, скотом и всеми пожитками, нагруженными на подводы. Дорфарианцы даже удвоили число часовых, и те срывали свой гнев на лютую зимнюю стужу на желтоволосых, сдирая с шей женщин кусочки янтаря и тоненькие золотые цепочки.

Они решили, что это снег виной такому внезапному наплыву, и страх перед солдатами из отряда снабжения. Этот сброд уж всяко должен был привезти с собой достаточно припасов, чтобы их хватило гарнизону. Если здесь кто-то и будет голодать, то уж точно не эм Дорфар.

В тот день Яннул вернулся в дом Йир-Дакана, а два желтоволосых слуги ехали за ним следом с сумками с драгоценными камнями. Оммосец жадно осмотрел сокровища. Он пробежал жирными пальцами по грудям статуи Анакир, но их холодность, похоже, вызвала у него отвращение.

— Камешков маловато, — подвел он итог, — но Она... Она — нечто стоящее.

— Киос тоже согласится с этим, — ответил ланец.

— И когда же твой хозяин ждет тебя?

— Не раньше весенней оттепели, когда Снега сойдут. Кроме того, там могут оказаться еще кое-какие вещички, на которые мне удастся наложить руки — на дне всех этих повозок, приехавших в город.

— Не забудь, что это я помог тебе, ланец.

— О, господин Дакан, в этом вы можете быть совершенно уверены.

В городе, укрытом снегами, время остановилось.

В надевших белые шапки развалинах повозки грудились вокруг пылающих в каменных кругах костров. Дымков в городе стало больше, поскольку теперь дорфарианцы редко тревожили ночную тьму. Стужа Равнин была для них слишком невыносимой. Кроме того, они впали в уныние, закованные в этой тюрьме вместе со своими пленниками, и на некоторое время недовольство лишило их радости от их садистских развлечений.

Настала ночь, и небо пронзили стальные звезды.

Комендантский час уже давно был объявлен, но ночную неподвижность вдруг нарушило какое-то движение. Это был какой-то сгусток тьмы, словно призрак; стараясь держаться подальше от маршрутов дорфарианских патрулей, он в конце концов скользнул на темное крыльцо орванова дома, и его разум, точно мерцающее лезвие, проник сквозь древние каменные стены.

Вышедший вскоре Орван проводил силуэт в верхнюю комнату, где теперь был разведен небольшой огонь. Беспокойные отблески пламени упали на костяные углы рук, шарахнувшись от скрытого под капюшоном лица. Это был жрец.

— Ральднор, — позвал Орван.

Под черным капюшоном полыхнули искры — глаза жреца устремились к фигуре, сидевшей прямо перед ним, столь же темной и загадочной, как и он сам.

— Ты зовешь этого человека Ральднором, — негромко сказал жрец, — который объявил себя нашим королем.

Фигура заговорила.

— Назови любого человека королем — это не изменит его. Назови короля любым другим названием — он все так же останется королем.

— Я разговариваю с тобой из уст в уста, — сказал жрец, — потому что твой разум слишком выразителен и передает слишком многое. Ты заронил мысль и пробудил змею в сознании нашего народа. Они никогда не видели тебя, но для них ты миф, полукороль-полубог. Я не собираюсь оспаривать ничто из этого. Равно как и образ другой страны, который дошел и до меня по цепочке, что протянулась от твоего разума. Все эти века наша раса была пассивной, покорной, скорее подчиняющейся законам войны, чем соблюдающей их. Мы столетиями склонялись под пятой Висов, попиравшей нас. Эта пята давила нас, но научила нас терпению. Ты раскрыл нашу тайну — змею, дремлющую в наших душах. Этой абстрактной, но

совершенной мыслью ты внушил нам, ты сказал вот что: кто больше терпел, тот более закален, кто больше страдал, тот может достичь большего. Кто преодолел себя, может одолеть и других. Кто владеет говорящим разумом, не должен склоняться под игом глухих, слепых и немых. Ты подарил нам достоинство. Это оно было той нерожденной змеей в нашем сердце. Ты разбил то яйцо, где дремала эта змея, ты пробудил нас. Но это обоюдоострый меч. После того, как ты научил нас быть жестокими, сумеешь ли ты вовремя научить нас снова стать кроткими, вновь уместить нас в разбитой скорлупе и запечатать ее, прежде чем мы начнем грызть друг друга?

— Нужно жить настоящим, — сказал ему голос, — а не прошлым и не будущим. Если мы не пробудимся сейчас, то будем истреблены навеки. Те, кто спят, будут убиты во сне. Коса Амрека скосит всех без разбору.

— Ты — дитя обоих наших народов. Это очень заметно.

— Я — та амальгама, которая в конце концов должна была появиться, — отозвался голос. — Эпоха породила и меня, и Амрека, черного тирана. Мы — порождения судеб каждый своего народа. И ничего более.

— Те, кто называли себя твоими глашатаями, вызвали нас сюда с Бестеневых Равнин. Они сказали, что сегодня ночью ты будешь говорить с нами и твой разум войдет в сознание каждого из Народа Равнин в этом городе. Ты действительно можешь это сделать? Я тоже почувствовал, что это так.

Уголь внезапно вспыхнул ярким пламенем, на миг выхватив из тьмы лицо, казавшееся отлитым из темного металла, и два горящих глаза из странно бесцветного ледяного золота. Казалось, за этими глазами нет души. Одна лишь решимость, одна только сила.

Воистину, подумал жрец, ты больше не человек.

«Я — перчатка на руке богини», — пришел ответ, и разум жреца затопила ужасающая насмешливость. Он опустился перед огнем и стал ждать.

В полночь городом овладела какая-то странная напряженность, скрытая под внешне спокойной поверхностью, какой-то незримый трепет, предшествующий буре.

Дорфарианцы на улицах переговаривались громким сорванным шепотом. Солдаты в гарнизоне ругались и накачивались вином. В воздухе стоял гул. Яннул Ланнец, натянутый, точно струна, лежал в постели в доме оммосца, чувствуя, как город приходит в движение, словно захлестнутый неукротимым потоком.

Дождь хлынул преждевременно, как когда-то снег пошел слишком поздно. Но все же это была не настоящая, ненадежная оттепель, снежинки все еще кружились серебристыми спиралями, хотя по сточным канавам уже бежала грязная вода.

Эти яркие пружинки били в ставни покоев Йир-Дакана, по которым бесшумно скользил Рас, гася свечи в огромном колесе

люстры. Эротическая фреска в виде прекрасного юноши на полу в переливчатом свете фиолетовой лампы казалась живой, дышащей.

Йир-Дакан лежал в постели, поглощая сладости. Иногда рядом с ним лежала девушка, ожидая, когда он решит, чего хочет, или юноша, а временами и оба сразу. Сегодня место рядом с ним пустовало.

Рас подошел к кровати и остановился, глядя в пол.

— Чего тебе? — раздраженно осведомился Дакан.

— Господин Дакан, — негромко начал Рас, — с тех пор, как я поступил к вам, я был вам послушным слугой.

— Не будь это так, ты у меня быстро отведал бы плети, — лениво отозвался Дакан.

— Господин Дакан, — прошептал Рас, не поведя бровью, — завтра ночью один из ваших людей убьет вас.

Дакан вздрогнул, уронив недоеденное лакомство.

— Кто? — прохрипел он. Его глаза сверкали от потрясения. — Кто?

— Один из нас, господин Дакан. Может быть, Медаси, девушка, которая печет вам хлеб. Может быть, Аним, который приглядывает за вашей конюшней. Может быть, и я.

Желчная ярость бросилась в землистое лицо Дакана.

— Должно быть, Зарок прожег дыру в твоих мозгах. Ты спятил. Завтра же прикажу тебя выпороть.

— Хорошее решение, господин Дакан. Не жалейте плетей. Отрубите мне руки, чтобы я не мог взять в них нож и зарезать вас.

Дакан отвесил Расу оплеуху.

— Завтра я прикажу Орклосу разобраться с тобой.

Рас сказал безо всякого выражения:

— Ходят слухи о короле. Помните Ральднора из Хамоса? Он велел нам убивать каждого виса в городе, господин Дакан. Завтра по его сигналу, в седьмом часу после захода солнца.

— Зарок опалил тебя, — повторил Дакан, но его одутловатое лицо уже исказил страх. В конце концов он спросил: — Откуда тебе известно все это?

Мертвая улыбка едва тронула губы Раса.

— Мой разум. Разве вы никогда не слышали, что народ Равнин разговаривает друг с другом в своих мыслях? — Он развернулся и двинулся к занавешенным дверям, но оглянулся назад. — Перебейте всех своих слуг с Равнин, Йир-Дакан, — сказал Рас. — Перебейте нас прежде, чем в нас шевельнется змея. Потом заприте свою дверь на засов.

Все еще стоял страшный холод.

Два солдата, которых каждые пять дней отправляли в терзаемый ветрами Сар с донесением Рийула Повелителю Гроз, подгоняли взмыленных лошадей, кляня свои кольчуги, липшие к ним, словно вторая кожа изо льда. Те, кто остались в гарнизоне, в ту ночь спали очень скверно. Днем они повесили на древней рыночной площади нескольких желтоволосых.

Утром в день именин Рийула облака покрывал тонкий золотой налет, как будто на них пролилось вино из расколотого кувшина.

Йир-Дакан вышел к завтраку позднее обычного.

— Надеюсь, вы в добром здравии, — сказал Яннул.

Дакан, вид у которого был неважный, буркнул что-то невнятное.

— Расскажи-ка, — пробормотал он, — тебе не кажется, что в моем доме что-то затевается... какой-то заговор против меня?

— Кто осмелился бы пойти на такое?

— Мои рабы... мои рабы с Равнин.

Яннул расхохотался.

— Лорд Дакан — у меня просто нет слов. Эти трусливые недоумки не способны на насилие. И потом, как они могут надеяться избежать наказания, если вынашивают такой план? Солдатам Амрека только дай предлог для того, чтобы расправиться с кем-нибудь из горожан.

— Один из моих слуг сказал мне, что этой ночью будет покушение на мою жизнь, — возразил Дакан.

— Кто? — Яннул мгновенно понял, что задал вопрос слишком быстро. И быстро добавил: — Тот, кто мог сказать вашей светлости такую глупость, просто спятил.

Почему-то в его мозгу мгновенно всплыл облик худого слуги со странными глазами, который провожал его в спальню в его первую ночь в городе.

«Неважно, — подумал он. — *Кто бы ни проболтался, теперь уже ничего не изменить».*

Лицо Дакана расслабилось.

— Да, парень, который рассказал мне об этом, сумасшедший. Я давно уже это подозревал. Я запру дверь на засов, — добавил он себе под нос, — просто из предосторожности... да, а где ты будешь сегодня после заката?

Яннул, никогда не рассказывавший своему хозяину о том, что частенько наведывается и в гарнизон, озорно подмигнул.

— Да тут кое-кто из Элира, — прошептал он, намеренно не упоминая пола своего вымышленного знакомого, — предложил мне сегодня ночью поразвлечься.

К полудню дорфарианцы уже заполонили улицы, отбирая желтоволосых девушек для праздника Рийула. Со времен своих бесчинств они перестали бояться хваленой сексуальной магии женщин с Равнин. Да и чего там бояться — кожа да кости, безразличные вялые сучки. Но часть бочонков вина, которые Рийул выкатил в честь своих именин, уже разошлись по гарнизону, и это несколько воодушевило солдат.

Женщины с неожиданной жалкой покорностью тянулись к колесницам. Некоторые беззвучно плакали. Дорфарианцы не заметили, что их глаза блестели кристальной решимостью, как цирконы.

Хмельные солдаты задирали им юбки, шлепали и смеялись над ними, в конце концов отдав их на милость гарнизонных шлюх, которые плевали им в лицо, вплетая похожие на разноцветные водоросли ленты в их желтые волосы.

В конце концов они сбились в кучку, точно безвольные тряпичные куклы в своих пестрых ножных браслетах и стеклянных бусах, с пустыми лицами и дрожащими телами. И непреклонными, ледяными, мудрыми и страшными глазами, уставившимися в пол.

Настала ночь. Улицы покрывал полупрозрачный слой снега. В пятом часу после заката он превратился в тонкое ледяное стекло.

Во дворце еще с вечера пылали факелы, а над огромными очагами на вертелах поджаривались сочащиеся жиром бычьи туши. Присутствовало три четверти гарнизона, развалившись за столами и уже изрядно набравшись вина и пива. В сумерках на улицах поймали труппу танцоров смешанной полуэлирианской-полуравнинной крови. Приведенные сюда ради развлечения гостей, они с испуганными глазами крутили сальто, а их девушки робко звонили в колокольчики. Они отлично понимали, что сегодня вечером они могут заработать, а завтра утром превратиться в кровавое месиво под плетью палача. Амрек был безжалостен к таким, как они.

Рийул сидел на своем месте в выплядевшем довольно убого наряде — паре мятых золотых браслетов, взятых в качестве трофея в давней войне в Таддре, и заляпанной жиром алой рубахе. Прошлой ночью умер один из солдат, и Рийул, присвоивший себе его пожитки, нашел среди них роскошную волчью шкуру, которая сейчас красовалась на его спине. Он был сильно пьян — как и его солдаты. Когда он вспомнил о том, что на этом празднике хотел не только напиться, было уже довольно поздно.

Он оглянулся по сторонам, выискивая циркача.

— Эй ты, Ланнец! — крикнул Рийул, заметив того за одним из столов, — ты тут жрешь нашу еду, а обещание свое сдержал?

— Обещание, лорд Рийул?

— Те храмовые девки, которыми ты похвалялся — где они?

Ланнец ухмыльнулся.

— За дверями, милорд.

Грянули нестройные крики радости. Солдаты заколотили кубками о столешницу.

Один из приспешников Рийула, шатаясь, направился к выходу из зала. Когда большая дверь распахнулась, в духоту зала ворвался холодный ночной воздух. Факелы затрепетали и задымили.

— Веди их сюда! — рявкнул Рийул.

Пирующие любопытно примолкли.

Юные желтоволосые девушки, подносившие еду, повернулись к двери. Гарнизонные проститутки принялись обмениваться злобными замечаниями.

Три женщины, которых подпивший офицер втолкнул в зал, были облачены в шафраново-желтые платья, разрезанные по бокам от щиколоток до бедер. Их обнаженные руки и ноги блестели молочной белизной, обвитые золотистыми нарисованными змеями. Льняные волосы женщин кольцами ниспадали по спинам, губы и

веки покрывала золотая краска. Они с усмешкой подошли через весь зал к Рийулу, выпятив грудь. Ни один из присутствующих в этом зале никогда еще не видел проститутки с Равнин. В их блёдных лицах, сладострастно изогнутых губах и мерцающей коже было что-то странно порочное.

Ланнец подобрался к креслу Рийула.

— Служительницы храма, — прошептал он. — Я сказал им, что ваша светлость может спасти их от рудников, если они очень вам понравятся. Спасать или не спасать — дело ваше, но не сомневайтесь, сегодня ночью они покажут вам все, на что способны.

Рийул пьяно хохотнул.

— Соблазнительные штучки.

Первая девушка подошла к столу. Опершись о столешницу, она легко подскочила и уселась прямо между залитых жирной подливой подносов. Несмотря на ее полные груди, сама она была довольно худой. Яннул видел, как под ее полупрозрачным платьем на миг обозначились острые кости бедер. Этот контраст странно взволновал его, и даже в этот отнюдь не располагающий к тому момент он почувствовал, что жаждет получить ее. Всколыхнувшееся вожделение привело его в замешательство, поскольку он знал, что должно было произойти в этом зале.

Она сидела на столе, улыбаясь, а Рийул тем временем шарил у нее под юбкой. Внезапно она подняла вверх тонкие руки и начала соблазнительно извиваться всем телом, потягиваясь и изгибаясь, точно змея. Две другие девушки вытащили откуда-то из своих платьев тонкие дудки. Бесформенная, блуждающая мелодия полилась из-под их пальцев, расползаясь по всему залу.

В доме Дакана бог Зарок ждал, точно голодный зверь, требующий кормежки.

Йир-Дакан решил есть у себя в спальне, и в зале было темно, лишь тускло рдели угли в разверстом чреве Зарока. Озаренное их отблесками, изваяние светилось во мраке, а длинные острые зубы, казалось, сочились кровью.

Вошел Орклос с подносом с едой; следом за ним появилась Медаси с кувшином вина в узких руках. Отблески из жаровни расцвечивали ее волосы рыжим золотом, как витражи в окнах дворца. В их свете был хорошо заметен синяк, багровевший у ее губ, и поблескивавшие глаза, буравившие спину Орклоса.

Каменным совком Орклос поворошил угли и дождался, пока угасшее пламя не разгорелось вновь, весело потрескивая. Потом швырнул в огонь остатки от хозяйского ужина, глядя, как огонь жадно набросился на них. Орклос повернулся и взял кувшин, сунув совок в руки Медаси.

Он принялся лить вино в огонь, неторопливо, не думая ни о чем, кроме своей задачи. Стоя к ней спиной, он не видел внезапной дрожи, пробежавшей по телу девушки.

Она подняла совок и с силой опустила его на темя Орклоса.

Оглушенный первым ударом, оммосец пошатнулся, и кувшин с вином упал ему под ноги, разлетевшись на куски. Приподнявшись на носках, Медаси второй раз ударила его изо всех сил, потом еще раз, и еще, до тех пор, пока не хлынула кровь. Тогда, увидев, что управляющий вот-вот упадет, она бросила совок и обеими руками толкнула его. Орклос упал лицом на горящие угли.

Со второго этажа неслись грохот и треск разлетающегося дерева.

Сидя на столе, желтоволосая девушка не отрывала золотистых глаз от Рийула.

Капитан изо всех сил старался быть добродушным.

— Гляди, гляди на меня сколько влезет, сучка, — подбодрил он ее. — Попозже я покажу тебе еще кое-что.

Он поднял свой кубок и принялся жадно глотать вино, когда тонкая девичья рука с размаху вонзила кинжал ему в грудь по самую рукоятку. Рийул глупо хрюкнул, поперхнувшись вином, и упал на колени, забрызгивая все вокруг темно-красным.

Яннул попятился от стола. Он знал, что должно было произойти, но это ему не помогло. Во рту у него стоял невыносимый привкус желчи, ибо у него на глазах разворачивался кошмар. Драконы привели на свой пир одних женщин, собираясь закончить его оргией, на манер древних пиршеств Рарнаммона. И эти женщины ударили все разом — кинжалами, схваченными со стола ножами, тяжелыми каменными кубками. Густая кровь хлынула на плиты пола, брызнула на стены.

Те, кто еще остался в живых, были слишком пьяны и слишком ошарашены, чтобы дать отпор. Они смотрели, как желтоволосые люди Равнин бегут на них, и не могли сделать ничего, чтобы остановить эти пикирующие ножи, рвущие их плоть, точно клювы кровожадных птиц. Все произошло слишком внезапно, слишком ужасно и слишком неожиданно. Их лица были посмертными масками удивления. Те, кто, шатаясь, пытался добраться до единственной выходной двери, спотыкались о валяющиеся на полу тела своих командиров и подчиненных. Те, кому удавалось вырваться в коридор, кричали от разочарования и страха.

Желтоволосые перебили часовых в тот самый миг, когда женщины начали свою атаку на гарнизон, и теперь метались по закоулкам зданий, выискивая себе новую добычу.

Все это время Яннул стоял, не в силах сдвинуться с места. В зрелище этих девушек с Равнин с перекошенными от ярости лицами, перепачканными в крови руками, убивающими виса за висом, без раздумья, без тени сомнения, как машины со стальными глазами, было что-то невыразимо жуткое.

Но все же их ярость была избирательной. Они не тронули ни его, ни группу элирианцев в центре зала. Они обходили их, как будто они были чем-то вроде мебели, на которую важно было не наткнуться.

На самом деле, ни он, ни элирианцы вообще не шевелились. Он ошарашенно следил за их оцепенением.

Ни разу в жизни он не прятался от драки, но этот бой был не его боем. Долго еще он помнил каждую его мельчайшую подробность и, как казалось ему, все до единого залитые кровью мертвые лица.

Гарнизонные часовые, которые, в отличие от своих товарищей на пиру, были в доспехах, лежали с перерезанными горлами. Мягкий снежок падал на неподвижные тела, залетая в широко раскрытые глаза и рты.

Наступила внезапная тишина.

В зале Рийула дорфарианские шлюхи были чересчур перепуганы, чтобы оплакивать эту предсказанную знамениями гибель. Они сбились к очагам, совершенно обезумевшие от страха.

В паутине улиц, расходящейся от ворот, солдаты-драконы лежали лицом вниз, точно сломанные игрушки, а снег все падал и падал, укрывая их белым саваном.

Яннул в одиночестве возвращался в дом Йир-Дакана. Ему то и дело попадались мертвые с выпавшими из рук факелами, дымящимися на залитой кровью мостовой.

Время от времени, но не слишком часто, мимо него проходили желтоволосые люди, безмолвные, точно волки в снегу. При виде его глаза у них полыхали ледяным пламенем, но они не трогали его.

Ему было тошно до безумия. Не только из-за того, что он видел в эту ночь, но и потому, что он участвовал во всем этом. Он ненавидел и презирал дорфарианцев. Сейчас же за конечной целью он внезапно увидел убийство пьяных несмышленышей и вдруг вспомнил о цвете собственных волос и кожи в этом царстве желтоволосых людей. И начал бояться обитателей Равнин, кого еще столь недавно так жалел — бояться их жуткой уверенности, и деловитости, и единения их разумов.

Когда он пришел к дому Дакана, стражники валялись у крыльца. Двери стояли нараспашку, но лампы в передней не горели. Из покоев Дакана просачивался слабый свет, предположительно, из брюха огненного бога.

Он вошел под арку и поднялся по лестнице на второй этаж. Там лежал еще один оммосец, злобный мальчишка, в котором Яннул узнал одного из любимчиков Дакана.

Дверь спальни Дакана, запертая, как он и пообещал, на засов, была выломана, а железный засов вырван из гнезда. Сам Дакан лежал поперек кровати, а мертвые глаза осуждающе смотрели в потолок.

Яннул развернулся, прихватив небольшой прикроватный светильник, отбрасывающий на стены мечущиеся тени. Если не считать мертвецов, дом казался опустевшим.

Потом откуда-то из передней донесся шум — протяжные давящиеся рыдания — и Яннул внезапно почувствовал густую тошнотворную вонь, стоявшую у входа в зал.

Он вошел туда, отодвинув опущенные занавеси и поднял лампу, чтобы рассмотреть, в чем дело.

Что-то неописуемое висело на краю жаровни Зарока, все еще дымясь. Неподалеку, сжавшись в комочек у стола, сидела Медаси, кухонная прислуга. Ее руки сжимали живот, глаза были закрыты, пока в них не ударил свет от лампы. Она уставилась на него безумным взглядом, потом вскочила на ноги и метнулась к двери, пытаясь убежать от него в переднюю. Когда он поймал ее за плечи, она завизжала, хотя он изо всех сил старался не сделать ей больно. Через миг безумие покинуло ее глаза. Похоже, она вспомнила, кто он такой. Она прижалась к нему, уткнувшись лицом ему в грудь, но он еле чувствовал ее рядом с собой, такой худенькой она была.

— Зачем меня заставили убить его? Зачем Ральднор заставил меня убить его? Он вошел в мое сознание, и я все била и била каменным совком...

Яннул погладил ее по голове, и она разрыдалась, как ребенок, увидевший плохой сон и ищущий утешения.

— Так надо было, — сказал он. Слова сами пришли ему на язык, отвечая и на его вопрос тоже. — Все уже позади, ты в безопасности.

— Не оставляй меня, — сказала она, цепляясь за его руки.

Помнила ли она, как помнил он, о цвете его кожи и глаз? Или после этой бойни все это стало для нее несущественным?

Когда он почувствовал, что она обмякла в его объятиях, он вывел ее на улицу, посадил на одного из зеебов Дакана и отвез в дом к Орвану.

Единственный оставшийся в живых солдат до боли всматривался в светлеющее небо. Он провел ночь, привязанный к колонне в подземелье под зданием гарнизона, где единственное узкое окошко выглядывало из земляной насыпи на мощеный двор. Ночью сквозь щели немилосердно дуло, и его рвали на части окровавленные руки — он так и не мог бы поручиться, была ли то галлюцинация или реальность. Он видел, как его товарищи погибали в пиршественном зале, и в хмельном ужасе помчался по каменным коридорам, пытаясь убежать от преследующего его жуткого грохота. Он спрятался под койкой одного больного солдата, чье горло, как он успел заметить, было перерезано от уха до уха. Там его вырвало вином Рийула, и он лежал в луже собственной блевотины, не решаясь шевельнуться или поискать какого-нибудь оружия.

Примерно через час два желтоволосых мужчины вошли в комнату и вытащили его из-под койки, заикающегося от потрясения. Похоже, все это время они знали о том, что он там прячется.

Он думал, что они пырнут его ножом, да и дело с концом, но вместо этого его оттащили в подземелье и привязали к колонне. У соседней колонны лежал желтоволосый мертвец.

Когда сквозь мутное окошко просочилась заря, он услышал за дверью шаги. Тусклый свет озарял их бледные волосы, их

глаза казались горящими лучинами. Их лица были непроницаемы, но он понял, что они больше не рабы.

Один из них отвязал его.

— В такой день приятно быть повешенным, — заметил он, подавляя дурноту.

— Ты не умрешь, — сказал желтоволосый. — Повелитель Гроз зовет тебя.

— Амрек? — не веря своим ушам, солдат решил, что, видимо, от всех потрясений ночи выжил из ума.

— Ральднор, — ответил желтоволосый, — сын Редона.

Они отвели его в темный дом и оставили в круглом зале. Он задумался было о побеге, но не мог придумать, где скрыться в этом враждебном городе. Он видел, как они стаскивали окровавленные трупы на площадь и поджигали их. На Равнинах всегда сжигали своих мертвецов.

Когда в зал вошел высокий мужчина, солдат чуть не утратил дар речи. *Вис,* подумал он сначала, пока не увидел волос. Потом что-то вломилось в его сознание — имя, а за ним и лицо. Он впился взглядом в искалеченную руку.

— Дракон-Лорд! — воскликнул он.

— Ты меня знаешь.

— Ты — Ральднор из Сара, который был у Амрека... у Амрека... — солдат в ужасе запнулся. Перед ним стоял мертвец, ибо Амрек приказал убить этого человека, он не мог не убить его — соблазнителя Астарис эм Кармисс.

— Ты окажешь мне одну услугу, — сказал ему воскресший из мертвых.

Солдат задрожал и зашевелил губами, но с них не сошло ни единого слова.

— Ты передашь послание моему брату Амреку. — Ледяные глаза остановились на солдате, пригвоздив его к полу и точно каленым железом выжигая в его мозгу слова. И солдат, против всякой логики и собственных намерений, вдруг неколебимо понял, что, какое бы поручение ему ни дал этот человек, оно будет исполнено. Это было неизбежно. — Скажи Амреку, что его отец Редон был и моим отцом тоже, а моей матерью была Ашне'е, женщина с Равнин. Напомни ему о законах Дорфара, по которым, поскольку я был зачат на два месяца позже, чем Вал-Мала зачала его, Повелитель Гроз — я. Скажи ему, что я любезно отдаю ему месяцы вторых снегов на то, чтобы привести все дела в порядок и освободить трон. Если он не отдаст престол мне к тому времени, как сойдет снег, я утоплю Корамвис в крови его народа.

Солдат содрогнулся и всхлипнул. Этот человек вовсе не был призраком, раз мог требовать такого от живых.

— Если я скажу ему то, что ты от меня требуешь, он... он убьет меня...

— Дракон, — сказал ему этот ужасный человек, — твоя смерть меня не волнует.

Солдат съежился и прикрыл лицо ладонями, защищаясь от этих колдовских глаз. В них не было ненависти, не было и сострадания — ничего. Этот человек не искал мести. И испытывать жалость тоже не мог.

Люди толкались на заснеженных башнях Сара, глядя вниз, на белые поля.

Ветры немного ослабли, но развлечений в городе больше не стало, когда половина театров была благопристойно закрыта, а винные лавки переполнены гвардейцами Амрека. Теперь еще начали ходить какие-то слухи, какая-то совершенно дикая история — они видели, как одинокий Дракон въехал на площадь перед дворцом Правителя, сопровождаемый свитой из примерно двух десятков солдатских шлюх. Внезапно на крыльце появился Амрек — пугающая черная фигура на фоне слепящего снега.

— Какие новости, дракон?

Солдат бросился на колени.

— Повелитель Гроз... Равнинный гарнизон уничтожен, все кроме меня убиты.

— *Что?* — холодный голос обжег неуверенной, фальшивой насмешкой. — Весь гарнизон перебит, и лишь одному червю удалось выползти из него? И кто же сотворил это диво? Баналики?

— Милорд, клянусь... это — это были желтоволосые люди с Равнин. Они напали всем скопом одновременно.... Откуда нам было знать, милорд, что у них появился вожак?

— Вожак. — Кулаки Амрека судорожно сжались, рот искривился. Он медленно спустился по высокой лестнице на площадь.

— Они пощадили меня, чтобы я мог принести вам их послание, — закричал солдат. Амрек замер. Тишина была такой, что, казалось, было слышно, как падают снежинки. — Они отвели меня к этому человеку. Он сказал... сказал... что у вас с ним один отец — Редон, Верховный король. Его мать — ведьма с Равнин. Он говорит... говорит, что был зачат после вашей светлости... что по старым законам это... это делает его Повелителем Гроз — он требует трон Дорфара, а не то... — И дракон, точно бросившись в омут, одним духом выпалил ужасную угрозу, которая вдруг показалась такой непреложной, такой окончательной. — Милорд, он клянется, что утопит Корамвис в крови его жителей, если его не признают Повелителем Гроз к концу зимы.

Амрек расхохотался. Этот звук показался мелодраматическим, безумным в этой мертвой тишине.

— Этот человек... этот *король*, — хрипло проговорил Амрек, жутко ухмыляясь, — кто он, этот предводитель желтоволосого сброда?

— Ральднор из Сара, — выдавил солдат. — Ральднор из Сара, ваш Дракон-Лорд...

Оплеуха Амрека разбила ему губу. Рот наполнил вкус крови.

— Ты лжешь! — крикнул Амрек. — Кто заплатил тебе, подонок, за эту ложь?

Солдат лежал ничком. Амрек метнулся в одну сторону, потом в другую, крича высоким стенам:

— Вы лжецы! Вы все лжецы! Будь вы прокляты! Будь прокляты ваши лживые душонки!

Он кружил по двору, крича на них, колотя воздух кулаками. Внезапно его глаза закатились. Он упал на землю, корчась в судорогах, извиваясь и дергаясь посередине пустого пространства. Никто не подошел к нему. Все слишком боялись. Казалось, им словно овладел какой-то могущественный и непобедимый демон.

Потом припадок внезапно кончился. Он лежал совершенно неподвижно.

Тем, кто смотрел с башен, он казался черным крестом на белом снегу.

21

Во дворце на Аллее Рарнаммона поспешно собрали Высший Совет. Многие не пришли, оставшись в этот промозглый и зловещий день в постелях и сославшись на своих лекарей, которые якобы запретили им подниматься с постели. Матон, Глава Совета, нервозно потирал заледеневшие руки. Это был дряхлый старик, выбранный на эту должность за свою удобную нерешительность и полное отсутствие честолюбия — а эта ситуация была явно ему не по зубам.

Осунувшийся, с совершенно больными глазами, Амрек сидел на кресле с ножками в виде лап дракона. Он оправился от своего ужасного припадка, настигшего его в Саре, лишь для того, чтобы тут же с неистовством безумца броситься в Дорфар. Предательская оттепель закончилась, и к тому времени, когда он добрался до Мигши, уже снова валил густой снег. Снегопад не испугал его. Он скакал через караванные пути Равнин и через холмы, останавливаясь на ночлег в отсыревшем шатре и упрямо прорываясь сквозь бураны, которые на два дня заперли его в оммосском городишке Гопарре, потому что его колесница увязла в снегу. Его гвардия осталась позади. Он опередил их, бросив на произвол судьбы сражаться с волками и лютым морозом. Он перешел границу Дорфара с десятком человек. Никем не узнанный, он проехал через весь Корамвис и немедленно отправился во Дворец Совета. Заляпанный грязью плащ валялся на полу за креслом.

— Значит, мы все согласны, — подытожил Амрек. — Ни одна армия не может выступить в поход, пока не сошел снег. Необходимо послать гонца в Зарависс. Они все страшные лентяи, но зато у них достаточно войск, чтобы усмирить этот сброд с Равнин.

— Милорд, — осторожно заметил Матон, — боюсь, что Зарависс уклонится от этой задачи.

— Они — наши вассалы, — сказал Амрек, — они подчинятся нам. Пошлите гонца.

Совет безмолвствовал. Слухи с Равнин уже дошли до них, опередив даже безумную гонку Амрека. Они не хотели еще больше раздражать его.

Из дальнего конца зала послышался голос, не узнать который благодаря его густому закорианскому акценту было совершенно невозможно.

— Тут есть одна небольшая закавыка, которая меня беспокоит.

Собравшиеся беспокойно заерзали. Похоже, Катаос эм Элисаар бесцеремонно затронул больное место, которое до сих пор все так старательно обходили.

— Солдат вашей светлости клялся, что этот равнинный «король» никто иной, как Ральднор Сарит.

Черные глаза Амрека невидяще сверкнули.

— Этот болван ошибся.

— Это ошибка в корне все изменяет, милорд. — Катаос сделал паузу, давая Совету понять, что Амрек допустил, чтобы его суждениями руководили ревность и стыд. — Милорд, стоит непременно принять во внимание, что если Сарит все еще жив, подозрение падает на командующего теми самыми армиями, которым мы все доверяем защищать наш город. Если вы помните, Крин, Дракон-Лорд Речного гарнизона, уведомил нас, что Ральднор мертв.

— Я помню.

— Тогда, милорд, несомненно...

Амрек вскочил на ноги.

— Мы вызовем Крина сюда и потребуем ответить на твои обвинения.

Члены Совета точно примерзли к своим местам.

— Матон, шевелись же, чтоб тебе провалиться! Прикажи стражникам Совета привести Крина сюда!

— Повелитель Гроз, вы так и не отдохнули....

— Плевать мне на отдых. Делай, как я приказал.

— А если он откажется прийти? — вкрадчиво осведомился Катаос.

— Тогда я заставлю его силой.

Однако это Амреку не удалось. Гарнизон был выстроен как крепость задолго до того, как вокруг него выросли хижины и причалы, для защиты от нападения с реки. Изнутри здания окружали массивные зубчатые стены с бойницами; запасов еды и питья там было достаточно, чтобы пересидеть любую осаду, а подчиненные Крина, как мужчины, так и женщины, были всецело ему преданы. Одним словом, гарнизон мог выдержать годичную осаду, тогда как об окружающих его улицах и домах вряд ли можно было бы сказать то же самое.

На требование Амрека Крин ответил безукоризненно учтивым посланием, в котором говорилось, что он захворал и не может вставать с постели, но Повелителю Гроз в гарнизоне всегда будут рады, в какое бы время он ни пожелал появиться у ворот.

Услышав такое, Матон побледнел, испугавшись, что город вот-вот охватит какая-нибудь бесконечная распря.

— Нужно послать к Дракон-Лорду делегацию советников. Нужно попытаться убедить его одуматься.

Амрек прошагал мимо них к выходу и со своим импровизированным эскортом поскакал к воротам гарнизона.

Он стоял перед воротами в своей коляске, точно проситель, с желтым от усталости лицом. Часовой в красном плаще отсалютовал ему и провел внутрь.

Крин был на ногах и ожидал его, даже не пытаясь прибегнуть к каким-нибудь уловкам.

— Мне кажется, вы находитесь в добром здравии, Дракон-Лорд, — заметил Амрек.

Крин улыбнулся.

— Скажем так, милорд: вид столь знаменитого посетителя пошел мне на пользу.

— Катаос полагает, что ваше нежелание предстать перед Советом полностью доказывает вашу виновность.

— Мне кажется, любые предположения стоит тщательно обдумывать, милорд. Вы считаете, что Сарит жив?

Взгляд Амрека затрепетал, точно пламя свечи.

— Я жду ответа на этот вопрос от вас, Крин.

— В этих стенах есть одна могила, милорд.

— Да. Полагаю, моя мать послала своих людей убедиться в этом. В то время ее очень заботили вопросы моей чести. Так это могила Сарита?

Крин, не дрогнув, встретил его взгляд.

— Вне всякого сомнения, милорд. Какие доказательства я могу предоставить вам?

— Вашего слова будет вполне достаточно, насколько я слышал.

— Я его вам даю, милорд.

Он и в самом деле похоронил здесь Сарита — ту выдумку, что была маской человека, которому он открыл глаза и исцелил, одновременно уничтожив.

Когда его царственный гость удалился, Крин еще некоторое время стоял в полутемной комнате в одиночестве.

Ранние сумерки смягчали безжалостную белизну дворцовых мостовых. Горы маячили на горизонте, точно грозные тучи.

Снег слепил глаза Амрека. Сойдя с колесницы, он споткнулся и словно повис над зияющей чернотой, но один из гвардейцев вовремя подхватил его под локоть.

По комнате, где уже зажгли лампы, к нему направлялась женщина, шурша юбками из мерцающей парчи. Вздрогнув, он вышел из оцепенения и увидел свою мать, Вал-Малу.

Он оттолкнул поддерживающего его локоть солдата и метнул сердитый взгляд на ее белое накрашенное лицо. До чего же она была все еще красива, его мать. Стали бы ее объятия утешением для него, раскрывай она их ему хотя бы на миг, когда Катаос, Орн и прочие покидали их?

— А, мадам. Я вижу, вы уже слышали.

— Да, я все слышала. Я слышала, что эти желтоволосые равнинные крысы с позором выгнали вас со своих навозных

куч. Я слышала, что вы, как простой крестьянин, скакали через всю страну, а после этого на брюхе поползли к Крину. Хорошенького же сына я произвела на свет! Должно быть, повитухи во время родов повернули меня так, что я легла вам на голову и передавила ваши мозги!

Он смотрел на полыхающие в ее волосах и ушах алмазы. От их нестерпимого блеска у него закружилась голова, к горлу подступила тошнота.

— Вы рассказываете мне, что слышали все эти вещи, мадам, и при этом ни разу не слышали, что бывает с женщинами с такими белыми лицами. Чтобы на вас больше не было этих белил, когда я в следующий раз увижу вас, мадам.

— Ты так убежден в моей послушности, Амрек. Я же все-таки твоя мать, — сказала она сочащимся ядовитым медом голосом.

— А я, мадам, ваш король, сколь бы сильно вас это ни печалило. Если мне взбредет в голову, я могу отправить вас на костер за ваше распутство.

На миг на ее лице отразился страх. Горькое ликование разлилось по его венам, точно ядовитое, но бодрящее зелье.

Но она все же оставила последнее слово за собой.

— Нет, Амрек. Это все твоя болезнь. Ты с кем-то меня путаешь.

В черных развалинах на Равнинах, не умолкая, звенели наковальни, и наспех сооруженные кузницы окрашивали ночные облака багрянцем. В переплавку шли чугунные котелки, медные чаши, любое завалявшееся в деревнях железо, даже дверные засовы; туда же отправились латы, снятые с тел убитых драконов, всех восьми сотен человек, погибших за один-единственный час. В пустых домах росли штабеля новых мечей — а также щитов и металлических пластин для защиты груди, спины и рук.

Все это время снег, их молчаливый союзник, падал и падал в чашу Равнин.

В первые снежные дни из города выехали шесть человек. Трое из них отправились на северо-восток, в Ланн.

День за днем они ехали по Равнинам. Снег сильно затруднял передвижение, но полностью невозможным все же не делал. Два желтоволосых спутника стоически переносили все трудности. Яннул Ланнец, доведенный до белого каления их молчаливостью, бранился и распевал песни. В целом он чувствовал себя не так уж плохо, если бы еще не нервничал, как мальчишка, собирающийся к своей первой женщине, возвращаясь на родину со столь своеобразным поручением.

Когда они проезжали маленькую страну Элир, снег валил густыми хлопьями. За несколько миль они проехали пять или шесть темных башен — наблюдательных пунктов астрологов — на вершине каждой из которых горел одинокий тусклый огонек.

Путь через Элир занял не слишком много времени. Перед рассветом, на границе с Ланом, Яннул увидел двух волков, терзающих только что убитую добычу. Почуяв путников, они подняли окровавленные морды, сочащиеся дымящейся слюной, сверкая красными угольками глаз. В сознании Яннула трепыхнулась неприятная мысль о дурном предзнаменовании.

Король оказался очень молоденьким, совсем мальчиком. Он держал на коленях дётеныша калинкса, с серьезным видом слушая Яннула, а рядом с ним сидела его сестра-жена, слушавшая с такой же внимательностью. На самом деле, Яннул говорил не для них, а для королевских советников, стоявших за костяным креслом, играя кусочками кварца.

Тем не менее, когда он закончил, они дождались, пока не выскажется мальчик.

— Ты — Ланнец, — сказал юный монарх высоким мальчишеским голосом, — но сражаешься на стороне короля Равнин. Почему так вышло?

— Человек, пославший меня, король, привлек меня на свою сторону.

— Как? Посулив награду?

Яннул криво улыбнулся, видя, что этот мальчишка умен не по годам.

— Нет, мой король. Его дело правое, как я объяснил вам. Кроме того, он был моим другом.

— Был?

— Теперь он король, как и вы. Это затрудняет дружбу.

Мальчик кивнул. Что-что, а это он явно уже успел уяснить. Потом сдержанным, но заинтересованным тоном попросил:

— А та, другая страна... расскажи нам о ней, Яннул.

Потом, когда его советники удалились, чтобы обсудить свой курс, мальчик завел с Яннулом серьезный разговор, а маленькая королева безмятежно улыбалась. Сердце Яннула переполняла странная гордость за них обоих. Когда он будет стариком, да если даже и не доживет до старости, эта пара, повзрослев, будет мудро править Ланном.

— Ты должен понять, Яннул, — сказал ему король, — что, будь я постарше, то повел бы мой народ в сражение за короля Равнин. Но я знаю, что будут говорить. Скажут, что не только дорфарианцы, но и закорианцы, и элисаарцы тоже ненавидят Народ Равнин и тоже будут сражаться против них; что Дорфар — наш сосед, которого отделяет от нас лишь узкая полоска воды. Он нападет на нас и уничтожит, а армии у нас нет.

— У Народа Равнин тоже нет армии, но они создают ее. У них не было другого выбора.

— Да, — сказал король. Глаза его сияли. — Многие Ланнцы будут сражаться на их стороне. Я слышал на лестнице

двоих или троих, обсуждающих это. Амрека не слишком сильно здесь любят. Королева считает, что он демон.

Безмятежная девочка опустила ресницы и хихикнула.

Политика Ланна в этом вопросе должна была быть такой, как сказал король, но насаждаемой не слишком ревностно. Что же касается прохождения чужестранных кораблей мимо берегов Лана, то им обещали не причинять никакого вреда. Кроме того — хотя прямо об этом никто не говорил, лишь намекали — тем, кто отправится на равнины, никаких препятствий чинить не станут. За ужином, накрытом в парадном зале, к Яннулу подошли два молодых вельможи с горящими глазами и принялись рассуждать о справедливости и борьбе — и ни один из советников даже ухом не повел. Двух его желтоволосых спутников также засыпали вопросами. До сих пор атмосфера была довольно сдержанной, но все же обитатели Равнин показались Ланнцам странными и неразговорчивыми. Их расспрашивали не слишком долго.

Когда-то давно в этих голубоватых холмах Яннул с братьями похвалялись, что будут сидеть за одним столом с королем. В тот день воспоминания так и одолевали его. Окруженный такими знакомыми вещами, он еле сдерживался, чтобы не задержаться в этой стране на некоторое время, отправившись навестить родных. Но времени на это не было.

Трое других отправились в Зарависс, в Зарар, где одиннадцать лет назад из земли вдруг забил горячий источник. Вокруг него возвели новый дворец — зимний дом, где король со своими женами мог обогреться в холода.

Тханн Рашек, которого в определенных кругах до сих пор именовали Тханном Лисом, подремывал у роскошного камина, а две молоденьких красавицы играли на восьмиструнных лютнях и напевали нежные мелодии Тираи. Он был стариком, любившим окружать себя всем красивым, изображал из себя праздного лентяя и казался обманчиво уступчивым. Когда слуга наклонился и прошептал ему на ухо новости, глаза Тханна Рашека расширились, и он начал проявлять признаки поразительной бдительности.

Три закутанные в плащи фигуры вошли в комнату и одновременно поклонились, точно куклы.

— Дети Равнин. Как интересно, — заметил Рашек.

— Мы привезли письмо от нашего короля, — сказал один.

Слуга Тханна Рашека взял бумагу и передал ему. На воске, скреплявшем ее, не было никакого оттиска. Сломав печать, Рашек начал читать, потом поднял глаза.

— Ваш король подписался именем Ральднор эм Анакир. Он утверждает, что является потомком Повелительницы Змей?

— Так теперь все мы называем себя. У нашей страны нет имени — поэтому мы заявляем, что произошли от Нее.

Рашек улыбнулся.

— Неплохо придумано. Поэтично, но вполне годится. — И тут же, не меняя тона, спросил: — Так ваш король считает,

что я должен ради него рассориться с Дорфаром? Поставив под угрозу мою слабую и праздную страну?

Он уже отправил Амреку примерно такое же послание, касающееся города на Равнинах: «Увы, у меня неважные войска: любители удовольствий и хвастуны. Они не выживут в снегах».

Ответ Амрека не заставил себя ждать.

«Ваше открытое нежелание помогать сердит нас. Мы не забыли ни ваших прошлых слов относительно моего решения избавить Дорфар от равнинного сброда, ни того, что вы торговали с Равнинами еще долго после того, как мой эдикт запретил это. Вам придется привести свое хозяйство в порядок к весне, милорд.

Казалось, желтоволосый посланник прочитал мысли Тханна Рашека. Впрочем, это было вполне возможно, ведь умели же они читать мысли своих сородичей, разве не так?

— Вас могут вынудить вступить в войну на стороне Дорфара, господин король.

— Могут. Но исключительно силой, как мне кажется.

— Значит, в этом случае вы выступите против Равнин?

— Я? — Рашек улыбнулся. — Я никогда не был особенно воинственным, сэр. А моя страна — куртизанка, интересующаяся лишь роскошью и любовью.

— После оттепели, господин король, — сообщил посланец, — мы сами выступим против Дорфара, и наш путь будет лежать через Зарависс.

— Я никому не отказываю в проходе. Мы — дружелюбный и гостеприимный народ. Вне всякого сомнения, вы не найдете здесь отказа ни в чем, особенно у наших свободомыслящих женщин.

Посланник поклонился. За этими беспечными словами подразумевалось очень многое.

— Да, еще кое-что, — спохватился Рашек. — Я слышал, ваш король — тот самый Сарит, возлюбленный моей внучки Астарис. Я думал, приспешники Вал-Малы убили его.

— Да, это он, Лорд Рашек. Он не погиб в Корамвисе.

— Какая насмешка судьбы, — сказал заравиец. — Тогда может быть, он отомстит, ваш король, за красноволосую женщину, которую Амрек погубил.

Но посланцы короля Равнин ничего ему не ответили.

Он думал об Астарис, когда они ушли. Из всех прекрасных вещей, окружавших его, она была самой прекрасной. Странная, редкостная женщина. А за высокими окнами снег падал в отверстия обледенелых фонтанов, и он почувствовал, как этот леденящий холод просачивается в его кости.

Еще до окончания третьего месяца снегов разрушенный город снова заполнили Висы.

Они приезжали в колесницах, повозках, телегах, верхом на зеебах и пешком, не для того, чтобы поселиться здесь, но из вдруг вспых-

нувшей преданности едва знакомому делу и еще менее знакомому народу. Спокойные Ланнцы, красивые заравийцы, элирианцы, оказавшиеся замкнутыми и по большей части неразговорчивыми. Страна превратилась в бурное море, по которому на север и восток катились волны. Приходили даже солдаты — наемники из Зарара и Тираи вместе со своими офицерами, по ночам тщательно спарывавшими знаки отличия со своей формы, чтобы не компрометировать имя Тханна Рашека. Даже неразборчивый акцент Корла можно было услышать в эту пору на улицах, а в лагере, разбитом у его стен, среди прочих обитали два странствующих элисаарца, которые не испытывали горячей любви к своей родине. Кроме того, почему-то вернулись и многие из тех, в чьих жилах текла смешанная кровь, мужчины со светлыми глазами и темными волосами и белокурые и черноглазые женщины. Возможно, они чувствовали себя еще более одиноко, глядя на этого короля, который когда-то ничем не отличался от них, но взлетел столь высоко. Но давно подавляемая гордость и яростное недовольство уже кипели в них. Они были столь же готовы к борьбе, как любой из чистокровных заравийских наемников или мечтательных звездочетов-элирианцев.

Пришельцы принесли с собой свои собственные распри и раздоры. Они воровали друг у друга скот, зеебов и снаряжение. Они слагали каждый свои баллады и ностальгически тосковали по дому, который теперь перестал быть для них безопасным и скучным.

Это было странное время, ибо разрушительные силы уже пробудились, и люди чувствовали, как они все больше и больше овладевают их родными краями и их душами. Даже сейчас, в самом начале, ничто больше не могло оставаться таким, каким было. Вскоре все должно было измениться, исчезнуть с лица земли, и единственной возможностью остаться были либо невиданные перемены, либо полное перерождение.

Третий месяц Корамвис выдерживал осаду неумолимых снегов.

В эту лютую стужу фрейлина королевы, Дафнат, не обращая внимание на собственное саднящее от холода и стянутое в деревянную маску лицо, еще усерднее трудилась над королевским телом, умащая его кремами. Вал-Мала, чувствовавшая в снеге серьезного противника, почти не выходила из своих покоев. Теперь она больше не белилась. В беспощадном бледном свете зимнего дня ее золотистая кожа казалась хрупкой, точно старый пергамент. Ничто не радовало ее.

Я начинаю жить воспоминаниями, как старуха, думала она. — Это я-то. Я.

Она думала о Редоне, не как о человеке, а как о воплощении ее в нем разочарования. Воспоминания о том, как он впервые приехал во дворец ее отца в Куме, оставляли у нее во рту кислый привкус.

Ее отец был Правителем этого городка, небольшого и не слишком важного купеческого поселения с приземистыми башнями, больше всего напоминавшими раздавленные пирожные. В каком-то из путешествий короля он оказался у Редона на пути, в противном случае ему, вне всякого сомнения, никогда бы не пришло в

голову побывать там. Вал-Мала ненавидела Куму, как ненавидела свою ревностно оберегаемую девственность. Ее бесчисленные любовники, как могли, старались ублажить ее, и после каждого месяца Застис няньки с умелыми пальцами приходили ощупывать ее, чтобы убедиться, что она не зашла чересчур далеко. Таковы были обычаи ее дома.

В вечер перед приездом Редона ее фрейлины невыносимо раскудахтались, сходя с ума от нетерпения. Каких только историй о нем они не рассказывали! Истории о его власти и о его красоте, о его жгучих глазах, которые могли совершенно буквально раздеть женщину — волшебство, которое, в чем они были совершенно уверены, он как-то раз совершил. По случаю его визита Вал-Мале сшили платье из какого-то прозрачного материала, расшитого золотыми цветами, а волосы убрали в двадцать тугих косичек, густо вплетя в них жемчужины.

Встало солнце. Пробудившийся раньше обычного дворец просто обезумел от ожидания, и Вал-Мала в сопровождении тринадцати придворных дам в платьях из розовато-красного шелка отправилась на городскую стену. Оттуда, как ей сказали, она могла смотреть вниз и осыпать колесницу Редона цветами, как того требовали приличия. Ей дали все указания, но она ждала на стене, затаив дыхание в ожидании того, что он поднимет на нее взгляд.

Длинная бронзовая людская река нескончаемо лилась сквозь ворота Кумы. Наконец она разглядела его колесницу, украшенную узором, который нельзя было спутать ни с чьим другим. Она склонилась и осыпала его цветами, позвав его по имени, чего, как оказалось, было достаточно.

Перекрыв гул толпы, ее звонкий и чистый девичий голосок достиг его ушей, и он поднял голову и взглянул ей в глаза. В те дни Редон, хотя и много старше ее, был настоящим великаном — прекрасным, почти богоподобным, великолепным представителем своего рода. Его вид ошеломил ее. Ее мгновенно потянуло к нему всем существом. Такого дикого желания она не испытывала еще никогда.

Потом, лежа в темноте и глядя на отблески факелов проходящих мимо часовых, дрожащие на потолке, она с неукротимой страстью представляла то наслаждение, которое она испытывала бы в объятиях Редона, возьми он ее себе в жены. Она поклялась себе, что если ей только удастся заставить его пожелать ее, он женится на ней и увезет ее из унылой провинциальной Кумы в блистательный Корамвис.

Вскоре ей стало очевидно, что Редон очарован ею. Он часами не сводил с нее глаз, а она притворялась, будто не замечает его внимания. В конце концов она ухитрилась как-то остаться с ним наедине в мраморном зале, уставленном грубыми изваяниями ее предков, куда слуги, уже успевшие разобраться в ситуации, не осмелились бы войти.

— Ах, милорд, — вздохнула она. — Как прекрасно, должно быть, жить в Корамвисе! Вы, наверное, жаждете вернуться туда.

Его глаза, как обычно, ласкали ее лицо и тело, и когда она приблизилась к нему, он схватил ее руки в свои.

— Ты хотела бы увидеть Корамвис, Вал-Мала?

— О да, — шепнула она. — Всем сердцем, милорд.

Он обвил ее руками.

— Ты совсем еще ребенок, Вал-Мала.

Она прижалась к нему.

— Я умоляю вас научить меня быть женщиной, милорд.

Он мог бы взять ее прямо там и тогда. У него было достаточно денег, чтобы расплатиться за то, что лишил ее девственности. Но ее необыкновенная красота сводила его с ума, и ее доверчивость, которая на самом деле была лишь бездумной глупостью. В каком-то смысле он был сентиментальным, к тому же, не слишком хорошо понимал женщин и их реакцию на него.

Она настолько свела его с ума, что он женился на ней и поставил выше всех предыдущих супруг. В его чудесном белом дворце у подножия Драконьего Гребня Дорфара он осыпал ее миллионом подарков, но замужество обмануло все ее ожидания.

В своей огромной затканной золотом постели он набросился на нее, как зверь, но Вал-Мала была такова, что боль, которую он причинил ей, доставила ей куда большее удовольствие, чем все остальное, что он мог бы сделать. Ее так долго терзали любовными ласками, не давая достигнуть кульминации, что эта боль сама по себе стала для нее наслаждением. Когда все было кончено, она еще не насытилась, и эта ее жадность напугала Редона. Он не был особенно искусен и предпочитал быть соблазненным, а не соблазнителем, что и было главной причиной ее легкой победы над ним. И теперь он навязал своей ученице эту роль, которую она должна была играть, тем самым внушив ей ненависть и презрение к себе. Однако же, несмотря на все это, она была опытной и искусной, и скоро он уже не мог обходиться без нее. Через некоторое время она стала его главной королевой.

Через десять месяцев после свадьбы она начала потихоньку лишать его своих милостей. Когда он сильнее всего хотел ее, она ускользала от него. Она заставляла его вымаливать ее ласки, она сделала его робким, получая от этой затеи злорадное удовольствие и все это время ненавидя и презирая его еще сильнее за то, что он безропотно подчинялся всем ее прихотям. Она была четырнадцатилетней девчонкой, а он — мужчиной и королем. Ей хотелось, чтобы он заставил ее умолкнуть, взял ее силой и использовал, хотя она вряд ли и сама отдавала себе отчет в своих желаниях.

В конце концов она отвернулась от него, принявшись использовать преимущества своего положения, поддавшись искушению власти и меняя любовников как перчатки — любовников, самым изобретательным из которых был Амнор. Он оказался очень полезным ей, и не в последнюю очередь как убийца. Но больше всех ей нравился Орн эм Элисаар, ибо он обращался с ней как со шлюхой и тем самым, как ни странно, полностью ее удовлетворял.

На четвертый месяц снега сошли под натиском дождей. Через девять дней под набухшими желтыми дождевыми облаками из Корамвиса выступила готовая к войне армия.

Возглавлять ее выбрали Атулла Йллумского — Дракон-Лорда, который прежде командовал одной из горных крепостей на границе с Таддрой. Это был довольно опытный, закаленный и прямолинейный человек, привычный к сражениям, но обладавший несколько сомнительной репутацией. На роль усмирителя бунта равнинной черни его кандидатура подходила лучше некуда.

Возможность того, что карательную операцию возглавит Амрек, всерьез не рассматривалась. Короли не разменивались на подобные мелочи. Возможно, причиной тому было еще и то, что Амрек часто бывал болен (о чем редко упоминали), а его власть была довольно шаткой. Некоторым даже казалось, что он боится возвращаться на Равнины. Был ли виной тому давний позор, рога обманутого жениха? Или он верил в россказни о равнинной магии и страшился проклятия давно мертвой желтоволосой ведьмы, Ашне'е? Верил в то, что король Равнин действительно был сыном его отца?

Амрек, стоя на лестнице и глядя на уходящую армию, ощущал смутный ужас и отчаяние, шевелившиеся где-то в глубине его души. Я бессилен перед этим призраком, думал он. Он взглянул на женщину, стоявшую у него за спиной.

— Итак, матушка, наш бравый капитан отправляется в поход.

— Мы будем молиться богам за его успех, — сказала она бесцветным голосом.

— Ты считаешь, что Атулл потерпит поражение, — сказал он, подходя к ней почти вплотную. На лбу у нее прорезались тонкие, еле заметные морщинки, что встревожило и обрадовало его одновременно. — Не надейся, что эти желтоволосые равнинные крысы в конце концов убьют меня.

Она повела головой.

Ей вспомнились Ральднор и светловолосая женщина, наславшая на нее змею в склепе Редона.

Неужели я во второй раз приняла живого за мертвого? На ум ей пришла могила в Речном гарнизоне. Нет. Она не станет разрывать их могилы, что бы там ни лежало. Она больше не хотела знать этого, ибо если она снова упустила его... В ее спальне всю ночь приглушенно горели лампы. Она начала бояться темноты.

Войско Атулла двигалось через Оммос. Оммосцы повадились бросать в пылающие чрева своих Зароков тряпичных кукол с желтыми волосами. В небесах глухо ворчал гром.

Когда они вошли в Зарависс, их стала преследовать одна неудача за другой. Колеса отваливались, деревья падали, преграждая им путь. Между Абиссой и Тираи, как раз в тот момент, когда они переправлялись через реку, вздувшуюся и мутную от дождей, бревна под ними треснули. Колесницы, люди и животные беспомощно барахтались в бурном потоке, не в силах сопротивляться ему. По ночам в лагере то и дело поднималась тревога; нарушители, никем не пойманные, скрывались в холмах. Провиант разворовывали, скакунов отвя-

зывали. Периодически точно сам собой загорался какой-нибудь шатер, и ветер разносил искры.

Атулл рассылал своих гонцов. Скоро до Тханна Рашека дошел приказ: «Ваши люди препятствуют нашему продвижению. Остановите их».

Ответ Рашека был исключительно учтивым. Зарависс пострадал от суровой зимы, да еще и урожай в этом году выдался на редкость скудным, и голод заставлял бедных людей идти на преступления. Если бы Рашек знал способ повлиять на бандитов, он был бы счастливым человеком, он умолял Повелителя Гроз подсказать ему, как справиться с этой напастью.

Полки Атулла добрались до Сара, страдая от проливных дождей, и обнаружили, что город охвачен беспорядками. Сарские дозорные башни полчаса назад зажгли сигнальные огни. На рассвете пастухи заметили войско, двигающееся по Равнинам на север.

Обитатели Сара были вне себя от страха — как перед солдатами Атулла, так и перед войском с Равнин. Толпы беженцев покидали город, уводя плачущих детей и блеющий домашний скот. Даже если все слухи были правдой, они были уверены в том, что Ральднор, сколько бы он ни объявлял себя одним из сынов Сара, не пощадит город.

Драконы двинулись к Равнинам и пересекли границу ранним вечером. Никаких следов передвижения армии они не заметили.

— Те пастухи, должно быть, хлебнули лишку, или им все приснилось, — заметил один из капитанов Атулла. — Думаю, эти крысы все еще сидят в своих развалинах.

С наступлением сумерек они разбили лагерь на берегу неширокой речушки, в леске, который хоть как-то защищал от дождя. Вскоре в темноте замелькали светлячки их костров. Часовые обходили лагерь. Они даже не тревожились. Они не ожидали ничего необычного.

Перед самым рассветом часовой на западной границе лагеря услышал шорох мокрой листвы и пошел посмотреть, в чем дело. Обратно он не вернулся.

— Пожар!

Крик заметался по узеньким проходам между шатрами. Люди вскакивали, кашляя и ругаясь, животные кричали и метались у привязей, срываясь и убегая прочь, взмыленные от ужаса. Ночью дождь ослабел, но почти ничего сухого, что могло бы гореть, уже не осталось. Тем не менее пропитанный водой подлесок тлел. Лагерь окутывал густой удушливый дым.

Атулл на ощупь выбрался из шатра, протирая слезящиеся глаза. Никакой надежды на упорядоченное отступление не было. Люди и животные врассыпную бросились из леса.

За деревьями, подсвеченные первыми бледными лучами солнца, неожиданно материализовались человеческие фигуры. Глухо лязгнули мечи, засвистели копья. Дорфарианцев, в своей гордыне и злополучной надменности ничего подобного и не ожидавших, разбили наголову, пока они в панике выбирались из дымящейся западни. Враг вдвое уступал им в силе и в численности и по сравнению с ними

вооружен был из рук вон плохо. Однако дым и внезапность сыграли ему на руку. Гибель дорфарианцев была быстрой и бесславной. Сам Атулл тяжело рухнул на землю с ругательством на устах, зажимая засевшую в его кишках стрелу.

Их выкурили из логова, точно оринксов, обитающих на холмах вокруг Корамвиса. Эту хитрость отлично запомнил человек, однажды охотившийся вместе с корамвиссцами в тот день, когда дрожала земля.

Нескольким солдатам удалось уклониться от окровавленных клинков и бежать. Это было постыдное бегство, и им все равно не удалось избежать смерти. Некоторые без вести исчезли в Зарависсе. Тех, кому удалось добраться до Дорфара, повесили — всех до единого.

Так же неожиданно, похожие на черных лебедей, с севера появились корабли.

Они покачивались на морских волнах — суда из Шансара и Ваткри, плывущие вдоль темных берегов Лана в Оммос, огромный шансарский и вартадский флот, проскользнувший мимо варварской Таддры, направляясь в Элисаар и Закорис. И, пока еще далекие, скрытые Драконьим Гребнем, с тыла к Дорфару подбирались тарабаннские галеры с кроваво-красными парусами.

Их постройка заняла долгое время. Ваткри лишила свои леса всех вековых деревьев, превратила свою сухопутную армию во флот, которым командовал Джарред. Шансарцы, жаждущие заполучить земли Висов, скакали вокруг своих черных парусов, осененных гербами бесчисленных королей, и горланили пиратские песни. Белокурые богини с загнутыми птичьими клювами и оскаленными пастями водных змей склонялись к воде с задранных кверху корабельных носов.

Воодушевление, покинувшее их вместе с беловолосым мужчиной, все еще двигало ими в разнообразных направлениях. Они остановились в нескольких милях от Виса, ожидая, точно тень вечернего солнца. Время еще не пришло. Они должны были получить сигнал, их жрецы должны были узнать его — мысль, Послание. Оно могло прийти от святого с Равнин — магическое причастие, передаваемое от одной группы восприимчивых к другой. Многие верили, что он один отдаст этот приказ, этот человек, которого звали Ральднором. Особенным трепетом это имя наполняло пиратов. В некотором смысле они даже обожествляли его.

Шли дни. Разразился шторм, и несущие алые паруса корабли Тарабанна отошли чуть дальше от берега.

— Он в Зарависсе, — сказал Мелаш, Верховный Жрец Ваткрианской Ашкар. И широкие палубы охватило безмолвное, тревожное веселье.

Первое указание получили сорок шансарских пиратских кораблей.

Жрецы с побледневшими лицами выкрикивали приказы. Паруса надулись, железные весла вздыбили стеклянную поверхность моря и погнали корабли в бухту Саардоса, столицы элисаарских королей со времен Рарнаммона.

На палубы выкатили орудия. Ложки катапульт, со звоном сорвавшись с кожаных тетив, обрушили на прибрежные особняки и торговые кварталы шквал белого огня. Пламя, треща, лизало здания и рвалось к небу. Пираты, неистовствуя, соскочили на полыхающую пристань, разбежавшись по тлеющим рыбачьим лодкам и причалам, принявшись убивать ничего не подозревавших солдат, высыпавших из стен гарнизона.

В ту ночь Саардос сгорел дотла — жуткое предостережение всем темноволосым расам. От древних дворцов не осталось и камня на камне; гарнизон сдался на рассвете. Воющая и рычащая толпа захватчиков бросилась терзать труп павшего города. Король через задние ворота бежал в крепость Шао, чтобы собрать там войско. В панике бегства и пылающей тьме его военачальники так и не узнали своего противника. Они сочли, что на них напал Закорис или Таддра и мир сошел с ума.

Равнинная армия оставила Сар нетронутым, но тем не менее совершенно опустелым.

Над заравийскими степями стоял теплый, с легким оттенком зловония запах лета. По пути им то и дело попадались городишки; они проходили их чуть ли не через каждую милю. Зарар они обошли стороной, и над башнями его гарнизона не поднялся сигнальный дым, хотя дозорные заметили их. Время от времени к ним подъезжали люди, вливаясь в войско — по двое, по трое, реже в одиночку.

Придорожные поля были пустынными, а фермы безмолвными, но полными встревоженных глаз. Желтоволосые степняки брали совсем немного и совсем ничего не воровали. Близ Тираи луга алели цветами, а жители останавливали их, привозя подводы, груженные пивом и хлебом для войска Ральднора. Были там и женщины, бросавшие солдатам красные цветы. Желтоволосые невозмутимо смотрели. Ланнцы смеялись. Заравийцы кланялись и втыкали цветки в петлицы. Цветы валялись под ногами животных, издавая пьянящий аромат. Для Ральднора это лето ничем не отличалось от прошлого.

Темноглазые девушки все еще заглядывались на него. Но теперь он был другим, не искателем приключений из Сара, а богом в теле героя. Их вздохи немного изменились, но меньше их не стало.

Тханн Рашек был в Лин-Абиссе, в белом дворце с витыми золотыми колоннами. Он велел передать вошедшим в его страну войскам следующие слова: «Мой город безоружен перед вами. Мы открываем свои ворота и взываем к милосердию Ральднора, Сына Анакир».

В тот вечер в Городе Наслаждений царило оживление, хотя и не из-за гостей с Равнин. Ланнцы и заравийцы правили бал, вкушая щедро предлагаемые этим городом плотские удовольствия.

— На Равнинах не слишком любят женщин, — жаловались хорошенькие дочери Ясмис. — И мужчин тоже, — вторили им ее смазливые сыновья в Оммосском Квартале. Сдержанность этой белокурой расы, хотя они и всегда о ней подозревали, стала для них большим разочарованием.

В тот вечер Ральднор ужинал у Рашека.

— Итак, нас все-таки завоевали, — сказал заравиец. — Какая жалость, что мы не смогли оказать вам никакого сопротивления.

Он был сам не свой от любопытства. Теперь с ироническим удовольствием он наблюдал за манерами, достойными дорфарианского принца, но заметил и то, что та сила, которая управляла этим человеком, опустошила его душу. Но кто мог бы усомниться в том, что он был плотью от плоти Редона? *Разумеется, он погибнет в «Дорфаре,* — думал Рашек. — *Драконы Амрека намного превосходят его численностью, превосходят настолько, что невозможно даже оценить. Им не повторить сарской удачи. Скоро они будут разбиты. А этого необыкновенного человека в золотых цепях проведут через весь Корамвис и умертвят каким-нибудь изощренным способом, выдуманным Амреком, ибо кто не согласится с тем, что Амрек ненавидит и страшится моего удивительного гостя? Ну что ж, возможно, Ральднор отправится вслед за ней. Если только духи способны любить».*

Когда войско Ральднора на следующее утро покинуло Абиссу, всадник на черном зеебе галопом поскакал вслед за ними. Заравийский полк с радостью принял его в свои ряды, но на закате, когда они снова устроились на ночлег под открытым небом, пришелец появился у тускло-коричневого шатра Ральднора, безликого потрепанного шатра, который пристал бы какому-нибудь младшему зарарскому офицеру.

Ему во что бы то ни стало необходимо было попасть внутрь. Ланнец, о котором он слышал, с двумя капитанами из наемников пили вино. Ральднор стоял у лампы, читая свиток из тростниковой бумаги.

— Ну, друг мой, — сказал заравиец, оглянувшись по сторонам, — кто бы мог подумать?

Ральднор обернулся. Заравиец, впервые за более чем год увидев его лицо, запнулся.

— Зарос, — сказал Ральднор. — Ты очень кстати.

Он протянул руку, раздвинув губы в том, что у обычных людей обозначало улыбку.

Зарос тревожно засмеялся.

— В общем, я пришел, чтобы увеличить твою армию на одного человека. Это необычайно громадный вклад.

Позже, сидя у дымящего костра в зябкой ночи, Зарос писал письмо Хелиде, которой даже в голову не могло бы прийти, что он способен на нечто подобное.

«Ох, клянусь богами, любовь моя, до чего же он изменился. Полагаю, чего-то в таком роде следовало ожидать, но только не этого. Я испытывал к этому человеку сентиментальные чувства, как ты знаешь. Но я с тем же успехом мог бы пожать руку иконы. Нет, он обращался со мной как нельзя лучше, когда я вполне удовольствовался бы неприветливым ворчанием, поскольку, как ты знаешь, я совершенно не из тех, кому по вкусу солдатская жизнь. Но он абсолютно не такой, каким я его помню. Можешь ожидать меня обратно в любой день, хотя я постараюсь добить это дурацкое

дело, если получится. В тот самый миг, когда я пишу это письмо, этот чертов зееб, которого я спер у твоего дядюшки, уже сожрал половину моей еды. Я пообещал ему, что съем его самого, если мы когда-нибудь доберемся до Дорфара».

В Корамвисе Амрек и пальцем не шевельнул. До них дошли слухи о пожаре и о кровавой бойне на западе — Саардосе, разоренном светловолосыми пиратами. Но все же это был всего лишь слух, подобный множеству диких россказней, которые в изобилии рождались из уст перепуганных Висов.

И снова в Зарависс поскакал гонец, вернувшийся обратно кружным путем из страха перед войском короля Равнин.

Ответ Тханна Рашека был, как обычно, учтивым, но на этот раз таил в себе острый шип.

«Еще раз заявляю о том, что у меня нет войска, способного противостоять армии Народа Равнин. Хотя и неизменно пекущийся о чести Дорфара, я всего лишь старик. Можно ли меня обвинять в том, что мои города капитулировали в ужасе перед дикими степняками, когда даже собственные солдаты вашего Величества были вынуждены бежать?»

— Он просит войны, и он ее получит! — процедил Амрек.

Совет хранил молчание. Степняки тоже просили войны, но Амрек почему-то не сделал ни единого шага, чтобы разделаться с ними.

— Повелитель Гроз, разве можно оставлять всю защиту на оммосцев? Необходимо послать солдат...

— Так позаботьтесь об этом, — проскрежетал Амрек. Его глаза постоянно возвращались к письму, которое он все это время держал в руках. Он поднял его, показав им малиновый воск с оттиском дракона с женской головой, символа Зарависса.

— Анак, — прошипел он.

Совет все так же молчал. Глаза у всех бегали.

— Анак! — завизжал Амрек. — Он осмеливается изображать на своей печати змеиную богиню! — Он выскочил из кресла, ткнув в направлении шестерых личных телохранителей, плечом к плечу стоявших у него за спиной. — Заравийца... Найдите мне в Корамвисе какого-нибудь заравийца и приведите его сюда.

Два закутанных в красные плащи солдата с непроницаемыми лицами вышли.

Они отыскали в бедном квартале какого-то заравийского портного. Его жена бежала за ними, причитая и умоляя их, всю дорогу, пока они волокли бедолагу по узким переулкам до широких белых улиц, а потом мимо обсидиановых драконов Аллеи Рарнаммона. Избранники Амрека ухмылялись, а прохожие откровенно смеялись, ибо заравийцев, которые должны были прижечь гнойную язву восстания народа Равнин, но не справились с этим, в городе не жаловали.

Драконы втащили испуганно лепечущего портного в Зал Совета и поставили его перед Амреком.

Амрек вытащил из-за чьего-то пояса кинжал и распорол ветхую рубаху портного.

— Твой хозяин, Рашек, вонючий Лис с заравийской помойки, послал мне один подарок, который ты отнесешь ему обратно.

Он ударил ножом. Хлынула кровь. Портной дико закричал и не прекращал кричать, пока Амрек вырезал на его спине схематичное изображение восьмирукой женщины со змеиным хвостом.

Наконец, дрожа, Амрек уронил нож на плиты пола. Заравиец потерял сознание.

— Уберите эту падаль. Отправьте его в Абиссу, живым или мертвым.

Тишина, стоявшая в зале, казалась такой густой, что была почти осязаемой. Старое лицо Главы Матона было серым и морщинистым. От вида крови ему стало дурно.

Катаос, не двигаясь, сидел в полумраке.

Больше не было никаких сомнений в том, что Амрек совершенно безумен.

В Оммосе свирепствовал мор.

Он пришел вместе с летней жарой. Люди мучились болью в животе, потом чернели и умирали. Из целого гарнизона в тысячу дорфариан-цев, расквартированного в Хетта-Паре, которому пришлось хуже всего, осталось в живых всего двести, да и те в большинстве своем еле держались на ногах.

Желтоволосые степняки к тому времени уже взяли Уткат, где батальон оммосских солдат, сражавшихся с ними на оршской равнине, непостижимым образом обратился в паническое бегство. В конце концов сошлись на том, что виной всему губительное действие недуга и некоторые глупые предрассудки. Своих желтоволосых кукол оммосцы жечь перестали. Некоторые, как утверждали нерешительные слухи, вместо этого жгли восковые изображения Амрека. Все поголовно степняки были колдунами, заключившими сделку с адом и его порождениями — с баналиками, анкирами и демонами.

В конце концов новости дошли даже до Оммоса. Саардос действительно был разорен, а элисаарский король убит в Шао беловолосыми берсерками, в бою впадавшими в неистовство и, похоже, совершенно неуязвимыми. Элисаар по меньшей мере не мог больше снабдить Амрека войсками для его ожидаемого наступления, хотя Закорис и прислал щедрый верноподданический дар в три тысячи человек — с радостью и презрением. Они не боялись пиратов. Ханассор, недосягаемый в сердце своей скалы, смеялся над морским сбродом, кем бы они ни были. Пускай сотрут с лица земли Элисаар и двигаются дальше. Но все же, кто они были такие? Оммосцы знали это. Они были дьяволами, вызванными из Вод Эарла колдуном, который поразил *их* мором.

Армия короля Равнин добралась до Гапарра и приготовилась к осаде. Примечательно было то, что, несмотря на эпиде-

мию, свирепствовавшую в осажденном городе, ни один человек из армии Ральднора, будь он вис или степняк, не заразился.

В тягучей жаркой синеве ночи стрекотали сверчки, шелестя хрупкими крылышками.

На склоне у стен осажденного Гопарра лежал желтоволосый мужчина. Время от времени он вздрагивал, не просыпаясь. Сверчки тревожили его сон.

К нему пришло ее лицо, ее забытое лицо. Оно было белым, совершенно белым, и прозрачным, точно кристалл. Оно висело в воздухе, будто маска.

— Аниси, — пробормотал он.

Никого не было в достаточной близости к нему, чтобы услышать его лихорадочный шепот или проникнуть в его спящий разум. Он всегда очень тщательно заботился о том, чтобы спать в одиночестве.

Далеко вверху небо распорола фиолетовая молния.

Рас резко проснулся, точно от толчка. Пробуждение каждый раз становилось для него мучением, ибо наяву он знал, что она мертва, а он — жив. Наяву он забывал ее лицо, помня лишь смутный образ.

Когда копье раскололо его череп и он убил Йир-Дакана в его верхней комнате, ему вдруг неожиданным откровением пришла уверенность в том, что должно быть сделано.

Он должен убить Ральднора.

Никогда прежде ему не приходил в голову такой способ исцеления его боли, но тогда, лишив жизни Йир-Дакана, он понял, как легко и как благотворно для его безжизненной души пролить чужую кровь.

Но Ральднор больше не был земным человеком. Теперь он стал големом, бездушным, как и он сам, могущим умереть, но для палача из плоти и крови — неуязвимым. Лишь судьбе, а не чьим-то рукам, под силу остановить то сверхъестественное существо, в которое он превратился.

Рас поднялся на ноги и направился к загону с зеебами. Миновав двух часовых-степняков, он накрепко закрыл и запер на замок лихорадочный огонь, пожиравший его душу.

Перед его мысленным взором проплыли черные лебеди, на всех парусах спешащие в Закорис, поджидающие у дорфарианских и оммосских берегов. В его мыслях завертелся калейдоскоп возможностей. Как когда-то тот, другой, он в последнее время прилагал все усилия, чтобы изучить дорфарианцев. Но при этом не видел в них своих врагов. Они были для него средством достижения цели.

Он вывел зееба из загона и вспрыгнул на него.

Мускусная листва расступилась, обнажив побледневшую луну. Никто не остановил его. Единство степняков было таким, что это казалось ненужным.

Отъехав на три мили от лагеря, он наконец вспомнил о своих волосах и коже и натянул капюшон.

Корамвис, когда он подошел к нему, показался ему сотканным из белого пламени.

Застианские месяцы уже начались. Днем стояла небывалая жара, такая оглушающая, что казалась дурным предзнаменованием, что для Раса не значило ничего. Стражники у огромных ворот, не ожидавшие ничего необычного от одинокого пешего путника и одуревшие от солнца и неба, едва взглянули на него.

Через несколько миль от Хетта-Пары Рас влился в большую группу оммосцев, намеревающихся оставить между собой и степняками как можно больше миль. К тому времени он уже выкрасил волосы и кожу едкой черной краской. Делая это, он не ощущал предательской насмешки судьбы — даже тогда, когда вошел в Корамвис. Он не вспоминал прошлое Ральднора, ибо для него Ральднор стал просто целью — не больше и не меньше.

Краска оказалась слишком едкой; его кожа покрылась мокнущими язвами, которые он едва замечал. Оммосцы, однако, старались держаться от него подальше, считая его струпья какой-то новой разновидностью чумы.

Благодаря эпидемии караван задержали на границе Дорфара. Солдаты грозили им копьями, прижимая к реке, служившей естественной границей. Они не хотели, чтобы недуг распространился по их земле. Рас спустился по течению, под покровом ночи перешел реку вброд и продолжил путь в одиночестве.

Путешествие не отложилось у него в памяти, и лишь город заставил его очнуться — не ради себя самого, но ради своей цели. Белоснежная голубка Корамвиса, сидевшая на своем огненном гнезде, не тронула его чувств. В его сознании не было места для любознательности, а наблюдательность давно увяла на бесплодной почве его души. Поэтому он не увидел ничего прекрасного, как не увидел и беспокойства, подтачивавшего эту безмятежную когда-то белизну.

Почти на каждой оживленной улице можно было увидеть солдат — главным образом, наемников из Иски и Корла или черных закорианцев. В других кварталах, на более узких и бедных улочках, целые семьи укладывали свои пожитки, готовясь бежать. Кухонная утварь, тюки с одеждой и мебель шаткими грудами громоздились на подводах. У порога, прямо под палящим солнцем, возчик получал свою плату с толстомордой шлюхи.

Везде чувствовалось ноющее напряжение, даже ребятишек, обычно играющих на улицах, не было видно. Винные лавки закрыли ставни, точно поджали губы.

Рас не улавливал всего этого. Он ехал, глядя прямо перед собой, медленно и безмолвно — уродливый призрак, живое воплощение внезапного суеверного страха, охватившего Корамвис. Ибо его жители уже начали верить в колдунов.

В полдень он перебрался через Окрис и начал спрашивать дорогу. Люди смеялись и плевали на раскаленные мостовые.

— *Катаос!* Слыхал, Йулл, *ему* нужен Катаос!

Женщина, сидевшая на ступенях храма, откуда в небо поднимались сладковатые дымки, в ответ на его невыразительный вопрос взглянула на него и махнула рукой. Чуть позже какой-то мальчишка проводил его к стене роскошной виллы, попутно обчистив его карманы от мелочи, завалявшейся там.

Над воротами распростерся бронзовый дракон Элисаара. Два стражника лениво обшаривали улицу узкими щелочками глаз.

Рас заколебался. Его разум видел лишь необходимость проникнуть туда во что бы то ни стало. Он вернулся на улочку, где недавно заметил колодец.

Через несколько минут два часовых эм Катаоса с бранью очнулись от своей ленивой полудремы, ибо на мостовой перед ними стоял желтоволосый выродок с Равнин, глядя на них студенистыми глазами.

Лики разогнулась и начала лениво покачивать колыбельку, в которой лежал ее ребенок. Ее ребенок, сын Ральднора. Его няньки взяли привычку называть его Рарнаммоном, и она подозревала, что они делали это из желания досадить ей. Его головку покрывали завитки темных кудрей, похожие на цветочные бутоны. У него были необыкновенные глаза — ни темные, ни золотые, но какая-то странная смесь того и другого — а маленькое сердитое личико то и дело багровело, точно помятый плод, когда он заливался плачем.

Лики бесстрастно качала колыбель, и малыш смотрел на нее с отчужденным недоверием под стать ее собственному.

На ее пальцах сверкало несколько драгоценных камней. Платье ее было из дорогого расшитого шелка. Ее положение с тех пор, как исчезла Астарис эм Кармисс, значительно улучшилось. Она пользовалась, как уже заметил весь Корамвис, личным покровительством лорда Катаоса. Не многим из камеристок Астарис повезло так же.

Сама Лики была не слишком уверена в своем положении. Пока она носила дитя, Катаос не делал ей никаких предложений, за исключением предложения остаться в его доме, и она чувствовала, что обязана этой галантностью не его участием к ней или ее состоянию, но просто тем, что в данный момент он не нуждался в ней, но при этом предвидел, что в будущем она может зачем-либо ему понадобиться. Она знала, что он использует ее так, как сочтет нужным, и это знание лишало ее присутствия духа, хотя никакой альтернативы она не видела. Как только ребенок появился на свет и Катаос хорошенько все обдумал, он принялся добиваться ее со сладострастной настойчивостью влюбленного. И снова она отчетливо поняла, что в его действиях не было искренности, и он делал это лишь потому, что это забавляло его. И действительно, как только он достиг своей цели, его интерес к ней тут же угас.

Она убрала руку с колыбели. Ребенок брыкался в своих пеленках. Каждый раз, глядя на него, она со странной и горькой радостью отмечала, что он не унаследовал красоту Ральднора.

Во внутреннем дворике внезапно поднялся какой-то шум. Лики услышала топот бегущих ног и голоса, зовущие Катаоса. В приступе мгновенного ужаса она уже представила себе вражескую армию, стоящую у ворот, но спокойствие Корамвиса подсказало ей, что произошедшее, что бы это ни было, касалось лишь этого дома.

Она подошла к длинному окну и выглянула вниз.

Центр вымощенного белыми и черными плитами четырехугольного двора занимал необычный фонтан. Вода и брызги были выточены из ограненного кристалла, в который были вставлены лилии из слоновой кости. Вне всякого сомнения, подобный обман был совершенно в духе Катаоса. Иногда птицы подлетали к поверхности и пытались пить, щелкая когтями по мертвым цветам.

У фонтана стояли два стражника в желтой форме Катаоса, а между ними съежился тощий скелетообразный человечек с покрытыми язвами лицом и шеей. У него были желтые волосы степняка.

У Лики все поплыло перед глазами, и она ухватилась за подоконник, чтобы не упасть. Такое воздействие на нее оказал не человечек внизу, а образ другого человека, внезапно возникший у нее в мозгу.

Через секунду на пороге двери, ведущей во двор, появился Катаос.

Он был совершенно спокоен, и все происходящее его явно не интересовало. Она ничего другого и не ожидала.

— И что тебе здесь нужно?

Желтоволосого била дрожь. Его голос, когда он наконец раздался, оказался холодным и глухим, как будто доносился из могилы.

— Я могу рассказать вам кое-что интересное, лорд-советник. О Ральдноре, сыне Ашне'е. Это встревожит Корамвис.

Лики ощутила, как к горлу подступил обжигающий страх, страх и что-то еще. Вцепившись в подоконник, она вспомнила Ральднора Сарита. При дворе и на этих улицах короля Равнин никогда не назвали никаким другим именем. Нижний город знал его как Ральднора Похитителя Невест, ибо они еще не забыли Астарис. Умолкали они лишь в присутствии Амрека. При нем никто не решался даже упомянуть о Саре. Многие капитаны и командиры между собой перемывали кости Крину, Дракон-Лорду, приютившему у себя врага Дорфара, но их оружие, как и их злоба, не могли быть пущены в ход.

— Чтобы заставить Корамвис бояться, нужно кое-что побольше, чем нашествие крыс, степняк, — сказал Катаос.

— Но там больше крыс, чем вы полагаете. Вспомните Саардос и Шао. Ральднор действует не в одиночку. У него есть корабли и люди, пришедшие ему на помощь из-за моря, о чем Дорфар в своем величии не ведает.

— Для доносчика, — негромко пробормотал Катаос, — ты чересчур заносчив. Зачем предавать свой народ? Может быть, это Ральднор послал тебя сюда? По какой-нибудь неясной мне причине — например, для того, чтобы раздуть панику?

Человечек улыбнулся — но это был оскал черепа.

— Я больше не принадлежу ни к какому народу. У меня есть одно желание. Я хочу, чтобы Ральднор умер, и как можно

скорее, а когда он умрет, я хочу, чтобы вы убили меня, лорд-советник.

— Уж это, по крайней мере, я могу твердо тебе обещать. — Катаос обернулся к стражникам. — Ведите его во дворец.

Они скрылись за дверью, а Катаос сказал, не поднимая глаз на ее окно:

— И ты тоже приходи, Лики. Я буду тебя ждать.

Но когда она повиновалась ему, дрожа от непонятного страха, то очутилась перед запертой дверью, дожидаясь, видимо, когда степняк закончит говорить.

Как-то раз, уже живя в этом доме, она слышала историю, будто бы Катаос давно знал о том, что Ральднор — сын Редона. Ох, как же мало она знала этого человека, который сейчас держал в руках всю ее жизнь.

В конце концов ей все-таки позволили войти. Желтоволосого уже не было, и она не имела представления о том, куда его увели — то ли за наградой, то ли на смерть.

Катаос тут же осведомился:

— Как сегодня ребенок?

Она непонимающе уставилась на него, удивленная этим странным вопросом.

— Спасибо, неплохо.

— Отлично. — Катаос улыбнулся. — Думаю, то, что Ральднор до сих пор так и не увидел своего сына, большое упущение.

И мгновенно, хотя все еще ничего не понимая, она ощутила захлестнувшую ее волну ужаса.

Улицы Карита были пустынны. Хотя мор пока не добрался досюда, три дня назад до них дошла весть о падении Гопарра, и оммосцы жали, напуганные тенью колдуна. Лишь несколько брошенных домашних животных бродили по улицам, ища крова и пищи.

На дозорной башне дорфарианский солдат обгладывал кусок жареного мяса, обшаривая взглядом горизонт. Здравомыслие Катаоса вызывало у него большие сомнения, что бы там ни думал по этому поводу Совет в Корамвисе. Он бы еще стал ждать, что корабли выплывут из облаков, а не из этой воображаемой страны за морем. Он очень сомневался в существовании чего-то подобного. Да и мысли об обреченном гарнизоне Хетта-Пары тоже не давали ему покоя. Кто знает, не успели ли уже болезнетворные миазмы проникнуть и сюда? Проклятому Катаосу уж точно не было никакого дела до рядового, который вечно был вынужден отдуваться за дурацкие идеи других.

Он ненавидел этот покинутый город, полнившийся эхом и призраками. В башне было жарко, но время от времени его охватывала дрожь. Застис кровавой раной висела в ночном небе, и ему хотелось женщину; желание было мучительным и неотступным. Он не мог дождаться, когда же закончится его дежурство. Время от времени до него доносился женский крик. Скорее всего, она рожала, а ее муженек-оммосец счел ее слишком неуклюжей, чтобы взять с

собой, и оставил здесь на волю Зарока. Солдата не слишком заботили ее мучения и явный ужас, но каждый раз, когда крики начинались снова, они невыносимо действовали ему на нервы. Ему страстно хотелось пойти и разыскать ее — и хорошенько отлупить, чтобы заткнулась наконец.

Он доел мясо, выкинул кость из окна и услышал, как она стукнулась о камни внизу. До него донеся лихорадочный топоток чьих-то лап, и какая-то маленькая зверюшка уволокла добычу в темноту. За двором приблизительно футов на сорок тянулась скала, переходившая в бледную кляксу берега, где волновалась небольшая зыбь. Он различил на песке темную линию катапульт, а в самом море — покачивающиеся на якорях оммосские рыбачьи лодки, уходящие параллельно берегу насколько хватало глаз.

Он лениво взглянул дальше, на горизонт. Там двигалось что-то темное, смутно дымящееся.

На миг паника сжала его горло. Он вспомнил Элисаар, захваченный ночью врасплох флотом, взявшимся буквально из ниоткуда; потом вскочил на ноги и, перескакивая разом через три ступени, бросился наверх, где висел гигантский колокол.

Над водой разносился смутный, еле слышный звон колокола.

Среди них были солдаты из Ваткри и вардатские моряки, плывущие на огромных носатых кораблях, некогда бывших лесными деревьями; были и шансарские пиратские корабли с черными парусами, в свете Звезды казавшимися еще чернее. Они прошли многие мили ради того, чтобы увидеть этот клочок суши, этот укрепленный городишко, и еще долго ждали сигнала от беловолосого человека, которого звали Ральданашем.

Джарред Ваткрианский вглядывался в темный берег.

— Корабли, капитан!

— Это так, милорд. Но на них никого нет.

Напрягая глаза, они пытались уловить на этих низких палубах хоть какое-то движение. Вместо этого движение произошло на скалистом берегу.

— Катапульты! — закричал Джарред. Им уже овладела какая-то чуждая, неведомая сила. Он приказал своему кораблю стрелять, но струя белого огня не достигла цели, с шипением погрузившись в море.

— Клянусь Ашкар! — закричал капитан. — Милорд... их боги поразили их безумием! Они целятся не в нас, а в свои собственные суда!

Сгусток рыжего пламени, расцветшего на берегу, обрушился на крошечные кораблики, лениво покачивавшиеся на спокойной воде.

Люди ругались и недоумевали. Шансарцы хохотали и выкрикивали оскорбления в пылающую тьму.

Оммосские лодки вдруг взлетели на воздух, разметанные чудовищным взрывом, словно в море вдруг пробудился какой-то подводный демон.

Столб ослепительного пламени взметнулся вверх и наружу, достигнув восьмидесяти футов в высоту, а вслед за ним на передние ряды ваткрианских галер обрушился ливень обжигающей черноты. Водоворот пронизывали красные огни, следом за которым мчалось пламя. Следом за первым взрывом грянул второй, а за ним и третий, и четвертый, и с каждым новым взрывом следующий срывался с цепи все быстрее и быстрее, как будто пылающее инферно перекидывалось с судна на судно. Все море ходило ходуном и кипело.

— Масло..! — капитан, рухнув на колени, рыдал на палубе, ослепленный.

Люди исходили криком, глядя, как от жара лопается их кожа, обнажая плоть.

Корабль Джарреда заполыхал первым.

Его парус распался на сморщенные черные клочья, точно крылья глупого мотылька, влетевшего в пламя огромной свечи. Фигура Ашкар на носу начала оплывать, сочась расплавленной слоновой костью, точно подтаявшим воском. Занялся шпангоут. Море казалось озером жидкого золота.

Люди спрыгивали с охваченных огнем палуб и тонули в пылающей воде. В воздухе стояли дым и вопли.

Шансарские корабли, шедшие последними, отступили назад, подобрав всех, кого могли, и оставив гордость Ваткри догорать.

На берегу больше не предприняли никаких действий. В этом не было необходимости. Бушующая стена огня разбежалась во всех направлениях.

Бочонки с маслом на оммосских лодках продолжали взрываться, скрывая небо. Пожар не утихал всю ночь.

В розовом дымном тумане, опустившемся на море вместе с рассветом, крошечные морские существа вынесло на песок у подножия Карита, а обнаженные тела мертвецов плавали, стучась о его скалы обгорелыми до костей руками. Одно из этих тел еще вчера было Джарредом. От вражеского флота не осталось и следа, если не считать этих все еще дымящихся деревьев с их странными обугленными носами, лежащими на песке на боку, точно переломанные шеи лебедей.

— Откуда он все это знает, друг мой Яннул? Неужели тот Ральднор, с которым мы вместе ходили по шлюхам, стал колдуном из книг?

Яннул пожал плечами. У них с заравийцем Заросом завязалось что-то вроде осторожного товарищества, отчасти для того, чтобы убедить разобщенных Ланнцев и заравийцев в лагере в том, что это возможно. На закате в висских подразделениях армии царило приподнятое настроение. Гопарр пал, и это была первая крепость, которую они разграбили. При первой капитуляции гопаррцы решили попробовать схитрить, и Ральднор отдал город на разграбление с безжалостной справедливостью, которую они уже привыкли ожидать от него. Степняки не принимали участия в грабежах. Они молча сидели у своих костров, вне всякого сомнения, переговариваясь в своих

мыслях, как мрачно заключил Зарос. Он тоже чувствовал тревожную неуверенность в народе Равнин и их механических, бесстрастных способностях.

А потом еще пришло это Послание, или как там его. Каким-то образом Ральднор теперь знал, что часть союзнического флота изгнали из Оммоса, а большую его половину уничтожили.

— Как бы там ни было, ясно одно, — заключил Зарос. — Дорфарианские и оммосские солдаты выйдут нам навстречу, а помощи от ваших заморских друзей ждать больше не приходится.

— Их юный король погиб в том море, — сказал Яннул. Это расстроило его — по многим причинам. Он почему-то отождествлял Джарреда с мальчиком, сидевшим на престоле Лана.

— Плохо. Это касается всех нас. Мне очень жаль, что я больше никогда не увижу мою Хелиду. Она чудо что за женщина. Одна из очень немногих, кто думает головой, а не задницей. Ах, ностальгия, Яннул. Интересно, она устроит для меня склеп или просто прыгнет в постель к одному из богатеньких и смазливых младших братцев моего папаши? А кто та девчушка, к которой ты так стремишься по ночам? Ах да, желтоволосая Медаси.

Яннул ухмыльнулся.

— А что там с этим Тара... Тарабан... — как там его? — флотом, плывущим к Дорфару? Если драконам известен наш план, там нас тоже не ждет ничего хорошего. Нет, погоди, я догадался. Ральднор *послал* этим кораблям предупреждение.

— Это так.

— Ох, клянусь богами. Полагаю, он разделается с каритским войском тоже при помощи колдовства.

— Кто знает, Зарос. Этот мор в Оммосе кажется мне очень странным. И я рассказывал тебе о пыльной буре в Ватқри.

— Предполагая, что нам следует приберечь наши жалкие силы для Корамвиса, что теперь стоит между нами и Дорфаром, если не считать Карита?

— Хетта-Пара прямо на севере, где почти не осталось жителей. И небольшой дорфарианский гарнизон на том берегу реки, чтобы препятствовать распространению мора.

— У меня есть один план, — сказал Зарос, — невероятный в своей гениальности. Пойдем со мной к Ральднору и покажем ему, что честные ребята могут сделать при помощи одной словесной перепалки.

Когда они закончили с этим, в лагере уже ярко горели костры и расхаживали оммосские женщины, несмотря на то, что Гопарр остался в нескольких милях позади. Похоже, они были единственными, кто предпочитал ланнское и заравийское вторжение оммосскому миру.

Форгис из Оммоса, здоровый, как вол, капитан смешанных войск из Карита, потея на ярком солнце, вглядывался туда, куда указывал его разведчик. Он терпеть не мог эту жару и пять сотен

дорфарианцев, насмехавшихся над ним — и не за его спиной, хотя она была достаточно широка.

— Ну и? Что мне искать?

— Всадник, на склоне, скачущий по направлению от лагеря степняков, сэр.

— Из равнинных?

— Нет. Видите, сэр, он темный.

Форгис утер со лба пот, заливающий глаза, но так никого и не увидел. Но тем не менее стукнул копьеносца по плечу.

— Поезжай, болван, и подстрели его.

Тот сорвался с места, подняв тучу пыли. Но его усердие оказалось ненужным. Всадник внезапно наткнулся на какое-то неожиданное препятствие, его скакун споткнулся и упал, и человек скатился наземь, полетев по склону вниз, приземлившись в пыль у подножия.

Форгис без излишней спешки подъехал к нему. Незнакомец пошевелился, застонал, сел и принялся осторожно растирать лицо длинными загорелыми пальцами. Зеев беспечно отошел в сторону и пощипывал травку. Форгис издал смешок. Незнакомец обернулся и взглянул на него с отсутствующим видом. Похоже, падение изрядно встряхнуло его.

— Заравиец, да? Откуда ты? Из лагеря степняков?

Заравиец обеспокоенно зашевелил губами.

— Нет... я... — он замялся, судя по всему, пытаясь отыскать какое-нибудь правдоподобное объяснение своему присутствию здесь.

Форгис сплюнул.

— Мы перерезаем горло собакам вроде тебя и скармливаем их зверям. Если хочешь жить, поторопись. Куда ты ехал? И почему убегал?

— Я.... боги Корамвиса....

— Боги? — Форгис недоуменно нахмурился. — При чем здесь боги?

— Они мертвы, — неожиданно выговорил заравиец.

— Мертвы? Кто мертв? Эти боги? Боги не умирают.

— Часовые, сидящие у костров. Все мертвы.

Разведчик спросил хрипло, не в силах сдержать возбуждения:

— Ты говоришь о равнинной армии?

— Армии больше нет, — сказал заравиец.

— Если они мертвы, кто же их убил? — пробурчал Форгис.

Разведчик попятился.

— Вероятно, мор, сэр. Эй, заравиец, держись от нас подальше. Ты мог подхватить заразу.

Заравиец отступил в сторону.

Форгис принялся выкрикивать приказы, потом повернулся и сказал:

— Ты поведешь отряд в сотню дорфарианских пехотинцев и покажешь, где увидел это. — Он ухмыльнулся, гордясь собственной хитростью. Если дело было в болезни, пусть эти проклятые дети Зарока подхватят ее.

Заравиец в ужасе начал возражать, но занесенный меч быстро заставил его умолкнуть.

Через час дорфарианцы, показавшись на подъеме старой гопарр-ско-каритской дороги, увидели своих врагов, распростертых перед ними в мириадах жутких поз мучительной смерти.

Драконы не стали подходить ближе и не задержались, не захотели и забрать своего проводника, который вдруг схватился за живот и начал стонать.

Вздымая тучи пыли, они зашагали по дороге обратно в лагерь, а оттуда — в Дорфар и его белую столицу, нижние кварталы которой охватило буйное веселье.

Веселье царило и в лагере бывших мертвецов, после того, как они растерли затекшие руки и ноги, потушили горящий шатер и поймали несколько отбившихся зеебов. Это была последняя и самая лучшая шутка всего похода, и Зарос ходил героем, утверждая, что когда-нибудь про него сложат не одну сагу и провозгласят королем обмана.

— Вот и вся магия, — заметил Зарос. — Хотя, конечно, мне очень повезло, что они не решили заколоть меня мечом, чтобы не мучился.

Веселье в Дорфаре быстро утихло.

До города доползли новости о пожарах на закорианском побережье и осажденном Ханассоре, а также об остатках флота, изгнанных из Оммоса и теперь бесчинствующих в Кармиссе.

Донесения из речного гарнизона на границе Оммоса приходили с большим опозданием. В конце концов единственный человек добрался до Дорфара и умер от ран на улицах Корамвиса, точно предостерегая его беспечных жителей.

Равнинная армия была жива, он видел ее собственными глазами. Они камня на камне не оставили от Хетта-Пары и перешли реку, без труда перебив небольшой лагерь.

Ни волнения, ни предрассудки не подготовили Висов к этой неожиданности. Это казалось немыслимым. Желтоволосые отродья Женщины-Змеи попирали землю Дорфара своими ногами, дышали воздухом драконов. Несмотря на все препоны, они в конце концов все-таки превратились в реальность.

23

Катаос улыбнулся гостю.

— Надеюсь, вино вам нравится, лорд Матон. Изысканный сорт из Кармисса, где, боюсь, уже никогда не будет расти виноград. Надо наслаждаться им, пока еще можно.

Матон поежился и отставил вино, которое внезапно показалось ему солоноватым, как кровь.

— Да, похоже, ничто уже не остановить.

— А это, лорд Глава, оттого, что были предприняты неверные шаги.

— Но это чернь, и их так немного... В конце концов они должны отступить перед силой дорфарианского оружия, — жалобно заключил Матон.

— Я рад, что вы тоже так думаете, милорд, — сказал Катаос. Потом небрежно добавил: — Вы слышали? Два дня назад висские отряды Сарита поехали на восток и разграбили Куму. Как я убежден, просто ради провизии и забавы.

— Куму? Родной город королевы?

— Вот именно. Небольшой, но процветающий городок, а принимая во внимание тот факт, что из него произошла особа королевской крови, требующий возмездия. Но лорд Амрек все же полагает, что не стоит встречаться с армией Равнин в бою. — Эти слова были произнесены бесцветным голосом, но Матон дернулся, чувствуя, что разговор свернул в щекотливое русло.

— Значит, они уже совсем рядом. Не исключена осада.

— Подобный оборот кажется немыслимым. Но да, милорд, я считаю, что дело может дойти даже до этого. Я знаю, что несколько самых наших выдающихся горожан собираются в Таддру, а отребье из нижнего города уже сбежало. К тому же, у нас есть солдаты, которых Йл эм Закорис столь любезно одолжил нам, околачивающиеся на каждом углу. Солдаты маются от безделья и затевают ссоры. И едят они тоже немало.

— Я уверен, лорд Советник, что Амрек сделает свой ход, когда придет время, — с тревогой в голосе сказал Матон.

Катаос снова улыбнулся ему.

— О да. Кроме того, у нас ведь есть собственный гарнизон, верно?

Этот намек на Крина окончательно добил старого Матона. Оправдавшись каким-то неотложным делом, он поднялся и вышел.

«Я старый человек, думал он. *Чего он от меня хочет? Да, он спас нас от пиратов и куда умнее Амрека. Могу я сделать его королем Дорфара? Он уже и так взбаламутил Совет. Ох, ну почему Амрек не может встряхнуться?»*

В тавернах, по которым они были расквартированы, наемники Йла бахвалились и бранились, ковырялись в зубах и плевались вином, которое было им не по вкусу. Время от времени они схлестывались с солдатами Амрека, превращая переулки в боевые арены. Их командиры обивали пороги во дворце, пытаясь пробиться на аудиенцию к Повелителю Гроз. После наступления темноты на улицах становилось небезопасно. Одну двенадцатилетнюю девочку из благородного семейства изнасиловал на речном берегу в верхней части города закорианский капитан, но дело поспешно замяли. Дорфару не хотелось оскорблять своего благодетеля, Йла, устраивая публичную порку.

Медная жара теплых месяцев стала невыносимой. Небо пульсировало, точно туго натянутая кожа; облака, будто нарисованные на ней белой тушью, не двигались с места. Полноводный обычно Окрис пересох, превратившись в грязный стоячий ручей и обнажив дно, заваленное мусором и старой мебелью, выброшенной владельцами. От мутной воды исходило зловоние, а речные обитатели выползали из вонючего ила и умирали на мостовой. Рабам было

приказано убрать обломки, прежде чем гниющие деревянные тарелки и постельное белье не стали источником заразы.

Жрецы в храмах вздымали к небу руки, проливая на алтарь кровь черных быков и белых птиц. Впадая в транс, они возвещали, что засуха была признаком грядущей бури. Грозовые боги готовились поразить степняков.

На полях горел на корню урожай. Рабы по ночам собирались стайками и убегали в Таддру, хотя время от времени среди них затесывались и их хозяева. Вдоль всей дороги, ведущей из Корамвиса, на столбах были распяты мужчины и женщины, повешенные умирать.

Корамвис, мыслящая жемчужина, сердцемозг, стал мусорной ямой для умирающих.

В последний месяц Застис над дозорной башней на равнине взвился алый сигнал.

По кричащим улицам проехал слуга в ливрее Катаоса.

У ворот катаосовой виллы собралась толпа просителей, умоляющих его о помощи, выпрашивающих транспорт, чтобы покинуть город. Многочисленные стражники стояли плечом к плечу, сдерживая толпы частоколом копий. Отчаявшиеся люди кулаками барабанили по стене. Всадник пробился сквозь толпу во двор, соскочил наземь и вбежал в дом.

Катаос встретился с ним в полосатой тени колоннады, и его глаза вдруг стали свирепыми, точно у леопарда. За полупрозрачной занавесью гонец заметил женщину, стоявшую, прижав руки ко рту.

— Ну?

— Милорд, они в полудне перехода от нас.

— А Амрек...

— Болен, милорд, не может встать с постели.

Катаос кивнул, без единого слова развернулся и отдернул занавесь. Лики подняла на него взгляд. Краска на ее глазах вдруг показалась чересчур яркой, ибо она внезапно стала очень бледной.

В крошечную комнатушку, где он сидел, вползли сумерки, полные теней и неслышных звуков. Они растекались по углам и плескались вокруг его кресла, точно море. За высоким окном вырисовывались лишь смутные горы — огромные далекие глыбы, почти сливавшиеся с темнеющим небом.

— Ты наш, — шептали ему горы. — Сын нашего утра, зачатый в сени наших костей. Приходи к нам, приходи под покровом тьмы. Мы скроем тебя, мы убережем тебя.

— Нет, — сказал Амрек вслух. Трепещущие и шелестящие сумерки всколыхнулись и вновь улеглись. — Нет. Я — король. И плата за это — то, что завтра мне придется сражаться с этими демонами, с первенцем ведьмы-змеи. Да, я послал ему весть, что мы будем сражаться, что я поведу на него свои войска. Но я боюсь, боюсь, *боюсь*. И не могу отделаться от мысли: это мой рок, моя судьба. Трус. Да. И что потом? Последний из династии Рарнаммона, и у меня

даже нет сына, который продолжил бы мой род. Подожди, Ральднор. Погоди, пока я не женюсь и не произведу на свет сына.

Амрек негромко засмеялся и закрыл глаза. Комната внезапно превратилась в темный сад, напоенный ароматом деревьев. Голос у него за спиной произнес:

— В один прекрасный день, милорд, долгое время спустя после того, как вы отправите меня на виселицу, кто-нибудь может исподтишка вонзить нож вам в спину или подсыпать яд в ваш кубок, что, будь я рядом с вами, мне удалось бы предотвратить. Я в состоянии справиться со своими врагами, милорд, если останусь в живых. И с вашими тоже.

— Давай, Ральднор, — вслух сказал Амрек. — Давай. Враг стоит у ворот, уйма народу, и все с ножами. И как же ты собираешься защитить меня?

В сумерках на краю равнины под Корамвисом армия Ральднора разбила лагерь.

В миле от них красноватые дымки все еще вились в неподвижном воздухе над дозорной башней. Дорога, начинавшаяся среди сгоревших дотла садов, петляя, уходила к низким холмам и далекой, смутно видимой короне из башен там, где был город. На равнине не было ни огонька, но они все же различали, что уходящая вдаль линия столбов была увешана мертвыми рабами, гниющими в дневном зное.

В лагере царило молчание. Степняки, как и обычно, двигались в своей безразличной бесстрастной манере, а Ланнцы, элирианцы, заравийцы и полукровки вдруг притихли. До сих пор этот поход был для них чем-то вроде приключения — приятно щекотавшего душу, где можно было надеяться на удачу — и на возвращение домой. Теперь перед лицом этого последнего оплота неприятеля, воплощения его духа, Корамвиса, они поняли, что натворили, и, как и дорфарианцы, были поражены этим. Они достигли своей величайшей, немыслимой цели. И тем самым дали ей власть уничтожить их.

Корамвис, прекрасный и неодолимый.

Яннул, в свете потрескивающего костра точивший лезвия длинных мечей, представил, как завтра эти широкие ворота распахнутся, изливая дорфарианскую мощь.

«Они лениво ждали, позволяя нам приблизиться к ним, думал он. *Мы считали, что с нами будут корабли из Шансара и Ваткри, что тарабаннцы перейдут через эти горы, чтобы напасть на драконов с тыла. Но нас предали, и больше никто не поможет нам. Утром нас всех ждет смерть. Всего через несколько часов. Смерть под копытами скакунов и колесами повозок. Мы сгнием, превратившись в удобрения для их оскудевших полей, а их птицы будут рвать на клочки нашу мертвую плоть. Ох, золотогрудая Анак Равнин, зачем понадобилось заводить нас так далеко, если все мы все равно обречены на смерть?»*

Яннул огляделся по сторонам. За спиной у него стоял степняк.

— Идем, — сказал он.

— Идем куда, и зачем?

Степняк махнул рукой. Люди покидали свои костры. Ланнцы и заравийцы, бросив своих женщин и добычу, награбленную в Куме, уходили за деревья, скрываясь из виду.

— Да что там затевается? — спросил Яннул, ощутив непонятное покалывание в голове.

— Мы идем молиться.

— Молиться? Ну уж нет. Я предпочитаю провести последнюю ночь своей жизни за другими занятиями, благодарю.

Степняк больше ничего не сказал и зашагал вслед за остальными. Яннул вернулся обратно к куче с оружием.

Потрескивание костра стало очень громким. Небо потемнело, и последний отблеск света во всех горах угас.

У Яннула по спине забегали мурашки. Выругавшись, он бросил меч, поднялся на ноги и оглянулся. Теперь ушли даже женщины. Остался лишь безлюдный склон, испещренный черными точками кострищ.

Он пошел вслед за ними к деревьям. В темноте люди стояли, объединенные бескрайним безмолвием.

Молятся, подумал Яннул. *Кому? Анак?*

И вдруг почувствовал странный шелест в своем мозгу.

Он вздрогнул. Неужели теперь они могли проникнуть и в мысли висов тоже? Но нет, ощущение было другим — как будто все вокруг напряглось, точно ожидая чего-то.

Воля. Зачем понадобилось называть это молитвой? Молитва была их инструментом, они использовали ее как ткань, чтобы создать наряд, как тот камень, которым он точил свои клинки.

Хм, и я тоже могу высказать волю пережить завтрашний день.

Ему показалось вполне естественным эта связь сознаний с теми, кто окружал его, в слитном порыве самосохранения, хотя воздух шипел и гудел, как перед грозой.

Из ворот Корамвиса выехал крытый экипаж, покатившийся по равнине.

В его мускусной темноте, зажмурившись, сидела Лики. Она знала, что для Катаоса все это игра — затеянная скорее ради забавы, чем с надежной на успех. Охваченная внезапным страхом, она закусила губу. Да проклянут его боги! Она чувствовала, как сердце у нее сжимается от страха и гнева.

Открыв глаза, она увидела на деревянном сидении напротив Раса. Его лицо казалось белой эмалью, и она задумалась, видел ли он ее темное лицо в этом мраке так же хорошо, как она его.

— Зачем ты это делаешь? — она попыталась скрыть мольбу, но голос подвел ее. Сначала ей показалось, что он не ответит, но потом он сказал, совершенно спокойно:

— Я ненавижу его. Ненавижу Ральднора.
— И меня тоже ненавидишь?
— Тебя? — Он уставился на нее, как будто впервые увидел.
— Если мы сделаем то, чего хочет Катаос, я умру. Они убьют меня.
— Мне все равно, — сказал он, но в его голосе не было злобы.
— А ребенок? Ребенок ведь тоже умрет.
— Это ребенок Ральднора.

Точно обороняясь, Лики внезапно прижала ребенка к себе, прикрывая его руками. Она носила его в своем чреве и мучилась, производя его на свет, мучилась сильнее, чем за всю свою предыдущую жизнь, а теперь мужчина, ничего не знающий ни о беременности, ни о родах, одним мановением руки собирался поставить точку в его короткой жизни. Она взглянула на смуглое сонное личико, обрамленное спутанными черными кудряшками над широким и низким лобиком. Ему дали какого-то снадобья, чтобы усыпить его, чтобы закрыть эти странные осуждающие глаза и заставить замолчать требовательный ротик. Она склонилась над ним, снова погрузившись в собственные горькие мысли.

Много лет назад другая придворная дама, которую звали Ломандра, ехала тем же путем, по этой бледной дороге, из Корамвиса, с ребенком на руках.

Прошел почти час. Лишь тихонько поскрипывала коляска да грохотали колеса. Они свернули с дороги на холмистую тропу, петляющую среди циббовых рощиц и сожженных засухой фруктовых деревьев.

Наконец коляска остановилась, и тишина, стоявшая на равнине, точно сгустилась вокруг нее. Возница спрыгнул на траву, отдернул полог и остановился в ожидании. Он протянул руку, чтобы помочь Лики сойти, и его рот презрительно скривился. Ей страстно хотелось плюнуть ему в лицо, вложив в этот плевок всю свою злость. Она отпихнула его руку и закуталась в плащ, укрывший и ее, и ребенка. За деревьями виднелись красные отблески костров. Внезапно ноги под ней подогнулись, и она почувствовала себя такой слабой, как будто смерть дыхнула ей в лицо — но не только от страха.

Степняк взял ее за руку — прикосновение было небрежным и неумолимым. Они зашагали вперед.

На первый взгляд вражеский лагерь казался опустевшим. Ни движение, ни случайный звук не намекали на присутствие людей. Потом внезапно над склоном раздалось пение, хлопки в ладоши, отбивающие ритм заравийского танца, и смех.

Она поразилась их самоуверенности накануне гибели.

Неожиданно в ночной дымке перед ними вырисовался силуэт часового. Он стругал палку.

— Кто здесь?

— Спокойно, друг. — На желтую голову Раса упал луч света. Ланнец расслабился, оскалив зубы и отступив в сторону. Потом подмигнул в сторону отвернутого лица Лики.

— Что ж, тоже способ убить время до боя. Ничем не хуже других.

Как ни абсурдно, но Лики ощутила приступ ярости из-за того, что этот часовой вообразил, будто она отдалась этому щуплому рябому человечку. Они очутились в лагере. В воздухе висел запах готовящейся еды, над железными котлами, подвешенными над огнем, поднимался пар. Теперь в лагере происходили какие-то смутные копошения, слышались приглушенные голоса, поднимались дымки, животные щипали травку у своих колышков, и все это сливалось в одну большую темную массу в расплывчатом свете от костра.

С ними никто не заговорил.

В начале одного из проходов между шатрами в каменном круге горел забытый костер. Вокруг него плотно росли циббы, отбрасывая густую тень. Рас подошел к огню и уселся. В траве белели кости и валялись хлебные корки. Лики на миг подумалось, что она могла бы ускользнуть от Раса, когда тот отведет от нее свои холодные глаза. Но она знала, что он ни за что не отведет от нее взгляд, никогда не позволит себе отвлечься.

— Чего мы ждем? — спросила она в конце концов.

— Сейчас у него в шатре люди — Яннул Ланнец и его друг заравиец; возможно, еще кто-нибудь. Когда они уйдут, я провожу их.

Она оглянулась вокруг в поисках шатра военачальника, но все шатры были совершенно одинаковыми.

— Где его шатер? — прошептала она.

— Вот он.

Ее сердце сжалось, и несмотря на духоту ночи, по коже у нее пробежали мурашки.

Когда полог открылся, оттуда хлынул желтый свет, ослепив ее. Люди пошли прочь через лагерь. Двое из них чему-то смеялись.

Рас поднялся.

— Пойдем.

Лики только смотрела на него. Она вцепилась в ребенка и обнаружила, что не в силах сдвинуться с места.

— Пойдем. — Он подошел к ней и взял ее за локоть, медленно, без злобы и без сочувствия потянув ее за собой.

— Там должен быть стражник, — негромко предупредил Рас. — Подойдешь к нему, а я схвачу его сзади.

Она молча кивнула. Спотыкаясь, она пошла между циббовыми деревьями. Теперь она увидела стражника, степняка, бесстрастно опиравшегося на копье.

Он сразу же заметил ее.

— Чем могу помочь?

Лики открыла рот, но в голове у нее было пусто. Она знала, что ужас, овладевший ей, должен ясно читаться в каждой черточке ее лица. Пока она беспомощно стояла на месте, показавшийся из темноты Рас ударил стражника по голове камнем.

— Теперь больше никто тебя не остановит, — прошипела она Расу. — Войди в шатер и убей его, а меня отпусти.

Он поднял на нее глаза — глаза баналика, опалившие ее ненавистью, и она мгновенно поняла, что умолять его бесполезно.

— Убить его придется тебе, — сказал он. Он улыбался, но без веселости, возможно, даже сам не сознавая, что улыбается. — Он никогда не позволит мне убить его. Он войдет в мой разум и остановит меня. Это придется сделать тебе.

— Ох, но он же колдун, — с презрением огрызнулась она. — Разве он не сможет прочитать и мои мысли тоже?

— Ты — Вис. Ваши мысли заперыты, даже для Ральднора.

Она отвернулась и схватила полог, и это поразило ее — реальность кожи, которую она держала в пальцах. Она чуть приоткрыла его и скользнула внутрь. Полог с хлопком опустился за ней.

В шатре был только один человек, читавший при свете лампы. Он медленно поднял голову, ничему не удивившись, и свет лампы упал ему на лицо.

Она не знала, сможет ли взглянуть на него, но обнаружила, что не в силах отвести от него глаз. Она не знала, покажется ли он ей другим, но обнаружила, что он изменился, абсолютно, но при этом остался неуловимо тем же. Его разящую физическую красоту она помнила очень хорошо, но все же, похоже, недостаточно хорошо, ибо сейчас она ошеломила ее. Она не могла поверить, что с этим человеком она когда-то делила ложе, оставляя на этих широких плечах следы поцелуев — и зубов и ногтей тоже. Эти воспоминания о страсти, мучившие ее все застианские месяцы, стали ужасными, совершенно невыносимыми в этом тусклом коричневом шатре, как будто она осмелилась похваляться тем, что делила страсть с богом.

— Лики, — сказал он.

— Да, — прошептала она. — Это Лики. — Она откинула капюшон и сбросила плащ с плеч. На ней было простое черное платье, а ребенка она крепко прижимала к себе, завернутого в шаль. Теперь она подняла свой груз и механически протянула его Ральднору. — Я принесла тебе твоего сына.

Несмотря на уверенность Раса, он, казалось, видел, что творится в ее душе, безжалостно буравя ее мозг. Наконец он подошел к ней, и его близость испугала ее — и его глаза тоже. Он легко поднял ребенка из ее рук.

— Твой сын, — повторила она. — Я так и не дала ему никакого имени, но мои служанки зовут его Рарнаммоном. Не сомневаюсь, ты оценишь эту шутку.

Очутившись у него на руках, ребенок проснулся, но не заплакал, и ее вдруг охватила нестерпимая ревность. Ей захотелось отобрать его и снова спрятать под плащом.

— Разверни шаль, — сказала она. — Он принес тебе подарок.

На груди младенца лежала крошечная позолоченная коробочка, привязанная золотой лентой.

— Этот?

Он поднял крышку. Она заметила, как внутри сверкнула золотая цепь. Кровь запульсировала у нее в черепе.

Ральднор повернулся, протягивая ей коробочку.

— Окажите мне честь, мадам. Возьмите цепь и наденьте ее мне на шею.

— Я? — Она отшатнулась. — Я не могу....

— Старый элисаарский трюк, — сказал он. — Лезвие, покрытое ядом. От Катаоса? — Он захлопнул коробочку и отставил ее в сторону. — Ты уже во второй раз предала меня, Лики.

— Не убивай меня! — закричала она. — У меня не было выбора... Катаос заставил меня повиноваться ему... Оставь мне жизнь, ради своего сына...

— Если бы я сказал тебе, Лики, что я сохраню тебе жизнь при одном условии — что я возьму твоего ребенка и разрублю его этим мечом, ты позволила бы мне сделать это, ибо такова твоя сущность.

Она шарахнулась от него. Он протянул ей ребенка, и она схватила его и уткнулась лицом в шаль.

— Твоя смерть ничего не дала бы, — сказал он. — Поэтому ты не умрешь.

Ей хотелось разрыдаться, но ее глаза были сухими, как будто засуха выжгла их. Она больше не могла взглянуть на него.

За два часа до рассвета Яннул и Зарос; возвращаясь из шатра двух милашек, заметили нечто, медленно покачивающееся на высоком суку циббы.

Подойдя поближе, они поняли, что это человек, повесившийся ночью.

— Это тот чудак из дома Йир-Дакана, — вспомнил Яннул. — У него еще было такое странное имя, как будто шипение змеи — Рас. Но зачем ему понадобилось...

— Возможно, это и есть тот, кто нас предал, — предположил Зарос. — Они перерезали веревку и отнесли тело подальше, ибо после странной молитвы на холме настроение в лагере было слишком хорошим, чтобы позволить испортить его.

За час до рассвета единственным прохладным местом были сожженные сады Дворца Гроз. Над обмелевшей рекой, где догнивали лилии, уже поднималась белая дымка, а по ведущим к воде ступеням, перед дворцовым храмом, из последних сил ползло гибнущее речное существо.

Мужчина, облаченный в черные чешуйчатые латы, остановился взглянуть на него, прежде чем свернуть на галерею.

В огромном пустом нефе все еще плавал дымок. Амрек стоял неподвижно, глядя на черных мраморных монстров, маячащих в полумраке. Их удлиненные зрачки казались пятнами тусклого сияния, драконьи черты несли на себе смутный отпечаток какого-то древнего кошмара, подсвеченные чашами с огнем.

— Не бойтесь, великие, — негромко сказал Амрек, — я здесь из уважения к традициям, не более. Я ни о чем не попрошу вас, ибо точно знаю, что вы ничего мне не дадите.

Он думал о мальчике, в праздничное утро кромсавшем свою плоть ножом, неумело и остервенело. Боль, отвращение и ужас. Та рука, рука в ее слоистых серебряных чешуях, которую он полосовал снова и снова, умоляя этих черных богов принять его кровь, но снять с него проклятие змеиной богини. Его крики взлетали под крышу, отражаясь от нее эхом, превращавшим их в один протяжный крик. Потом пришел Орн, любовник его матери, живой ужас и презрение, а потом чешуи отрасли снова, кое-как прикрыв рваные шрамы.

Амрек коснулся своей руки, скрытой черной перчаткой, с темно-синим камнем в перстне, неумолимо охватывающем слишком толстый мизинец. Он уже в восемь лет знал, как могущественна Повелительница Змей и как мало боги Дорфара любят его.

— Вы не любите слабых, — укорил он их.

Даже их тень сокрушала его, давила не него, уничтожала его.

Он раскрыл глаза и увидел фигуру женщины, стоявшей через широкий вымощенный плитами двор лицом к нему. Ее изящно накрашенное лицо было белым пятном — и ее поблескивающая шея и руки. Он ощутил аромат духов, перебивающий запах храмовых благовоний.

— Я же запретил вам краситься этими белилами, — сказал он.

— Правда, Амрек? Я и забыла.

Он взглянул на богов.

— Вот как. Моя мать предстает передо мной в день битвы с белым лицом моего врага. Чего вы хотите?

— Мне нужен транспорт и свита. Я намерена покинуть Корамвис.

Он повернулся к ней лицом. Она улыбалась, но в ее глазах плескался страх, хотя она очень постаралась скрыть его.

— Мне понадобятся услуги вашей гвардии, мадам. Для войны. Я не могу выделить вам опахальщиков.

— Тогда я забираю своих фрейлин и еду одна.

— Не смею задерживать. Желаю благополучно пробиться сквозь давку у городских ворот.

Теперь в ее глазах плескался яд — и в его тоже. Каждый видел в другом телесное сходство, но ни капли духовного.

— Какой пример вы подадите армии Корамвиса, мадам! Королева бежит через задние ворота, когда военачальник выезжает из парадных!

— Ты! — выплюнула она. — Военачальник! Командующий! Тебе не место ни на войне, ни на троне! Тебе следовало бы стать жрецом, сын мой, которые только и делают, что тянут руки к богам и умоляют их о пощаде. — Она помолчала, потом сказала с чем-то большим, чем простая злоба, в голосе: — Ральднор убьет тебя, Амрек.

Он почувствовал, как вся кровь отхлынула у него от сердца, не от ужаса или удивления, но от безупречности предзнаменования, сорвавшегося с ее губ.

— Да, матушка, — сказал он, — я давно знал, что он принесет мне смерть. Я избегал его. Теперь обстоятельства лишают меня возможности бежать. Да и вас, судя по всему, тоже.

— Трус! Ты смирился с собственной гибелью и увлекаешь за собой как можно больше людей!

— Похоже, тот день, когда вы разделили ложе с Редоном и зачали меня, все-таки оказался неудачным.

Он пошел прочь, но она позвала его, и ее голос внезапно стал безумным и срывающимся от волнения:

— Постой!

Он остановился, не поворачиваясь к ней.

— Пожалуйста, мадам. Я стою. Только зачем?

— Чтобы услышать от меня правду, — выдохнула она.

Когда он повернулся к ней лицом, то увидел в ее глазах то же самое выражение, которое было в них тогда, когда она сказала ему, что единственная дорогая ему женщина и единственный дорогой ему мужчина любят друг друга наперекор ему.

— Так почему бы вам не сказать? — спросил он.

В ее глазах мешались ликование и смятение. Слова потекли из нее, торопливые, обгоняющие друг друга.

— Хорошо. Я скажу. Говорили, что Ральднор — не сын Редона, а ублюдок Амнора, его Советника. Но кто из нас усомнится, что Ральднор принадлежит к роду Редона? Это ты, сын мой, ничем не напоминаешь своего родителя.

Его губы зашевелились.

— Я вас не понимаю, мадам.

— Неужели? Значит, придется объяснить понятнее. Редон боялся меня и не мог зачать ребенка, без которого я в конце концов утратила бы свое высокое положение, уступив место какой-нибудь более молодой и плодовитой девице. Ты всегда называл меня шлюхой. Можешь радоваться доказательству этого. Я разделила ложе с Амнором, и, сам того не зная, он зачал со мной тебя. — Ее глаза опустели при воспоминании о былой ненависти. — А потом мой царственный муженек, в чьих чреслах не горел огонь для меня, переспал с маленькой бледной сучкой с Равнин и отдал ей то, что по праву должно было принадлежать мне. Какова ирония, а, Амрек? Ты, недалекий калека, отпрыск Амнора. Ральднор, а не ты, Ральднор должен был быть моим сыном.

Она взглянула на него, и в этот миг на ее лице были ясно написаны все ее годы. Обманом лишенная всего, как она считала, она должна была взамен получить власть уничтожить. Но его лицо ничего не выражало. Ничего. Его глаза смотрели в одну точку, как у слепца.

С таким же успехом он мог бы быть мертв уже сейчас.

24

Медные глотки корамвисских труб взревели, исторгнув призыв к битве — нечто, вот уже несколько столетий в этих местах неслыханное. Каждый камешек в городе, казалось, отозвался на него. Он вспугнул белых птиц с их насиженных мест на крышах Аллеи Рарнаммона. Лишь облака остались недвижимы — полупрозрачные, съежившиеся облака, сморщенные зародыши нерожденного дождя на индиговом почти до черноты небе.

По полупустым улицам шагали солдаты с барабанами, трубами и трещотками, ряд за рядом; солнце горело на их чешуйчатых латах, начищенных конских сбруях, металлических частях колесниц; пламенели алые флаги. Катапульты грохотали по выщербленной брусчатке мостовой. Из окон выглядывали мужчины и женщины, которых это зрелище немало приободряло. Магу с Равнин противостояла намного более превосходящая его численностью и умением армия. Печатала шаг личная Гвардия Амрека, сверкая белыми молниями на плащах, а вслед за ними в своей колеснице ехал Верховный король, Повелитель Гроз. В черных с золотом кирасах с широкими воротниками и шипастыми драконьими шлемами они будто самим себе напоминали о Рарнаммоне и своей истории, полной победоносных войн. Некоторые женщины сбрасывали вниз гирлянды, уже чуть пожухлые от жары. На лице Амрека не было никакого выражения, но большинство смотрело лишь на его латы. Следом за ним шагали закорианцы, которым уже простили неосмотрительный поступок одного из них, с восьмифутовыми палицами и в черненых доспехах.

На широкой площади перед Степными вратами Корамвиса на мраморном алтаре закололи трех быков.

Катаос, закованный в тяжелые латы, стоял в своей колеснице рядом с колесницей Амрека. Лорда-советника донимало множество мыслей. Он не знал, преуспела ли Лики в своем поручении; это был вопрос везения, зависевший от того, как выпадут фишки в этой игре, и она тоже, как и все остальное, была фишкой в этой игре, о потере которой он не стал бы даже особенно сожалеть. Совет одобрил его план, хотя одобрения Амрека они не получали — от него все это скрыли. Если ничего не получилось, это не будет иметь никакого значения. Столкнувшись с настолько превосходящей их армией, степнякам все равно не останется ничего иного, кроме гибели. Но если его план увенчался успехом, Катаос станет героем города, это несомненно. Корамвисцы до сих пор опасались нападения пиратов, но верили, что Дорфар, ступив на тропу войны, сможет уничтожить этих разбойников; кроме того, в настоящий момент пираты были проблемой Закориса и Кармиса, которые, вполне возможно, избавят Дорфар от этих хлопот. Даже те, кто говорил о демонах из-за моря, отлично понимали, что их вызвал Ральднор — что если будет уничтожен он, то им тоже придет конец. Но все же это Ральднора больше всего боялись, его неслыханной удачи, его репутации и его матери — всего того, что превратило его в фигуру, овеянную зловещей славой.

Последний бык истекал кровью.

Голубоватый дымок поднимался вверх, белый на темном небе.

А если в предстоящем бою Амрек падет, я возьму Совет в свои руки.

Он почувствовал на себе острый взгляд Амрека.

— Где Крин, милорд? — быстро спросил он. — Вы ожидаете, что войска Речного гарнизона присоединятся к нам здесь?

— Я оставил Крина охранять город, — сказал Амрек. — Его голос был совершенно бесцветным, пустым.

«Он уже распрощался с жизнью, — подумал Катаос. — *Он думает, что Амрек убьет его».*

— Но, милорд, Крина окружают некоторые подозрения. Если он откроет неприятелю ворота...

В глазах Амрека сверкнула крохотная искорка жизни.

— Ты такой же слепец, Катаос, как и я. Для меня большое утешение знать это.

Они стояли под плавящимся солнцем, образуя строй, казавшийся неизмеримо маленьким на почерневшей от засухи равнине.

На холме из ворот хлынули дорфарианцы, своими сверкающими каре усеяв склон.

Солдаты смеялись и злословили. Если это и была равнинная армия, как же им удалось дойти так далеко?

Закорианцы бушевали:

— Неужто для того, чтобы прихлопнуть муху, не обойтись без жернова?

Но никаких новых команд не поступало. Бесчисленная масса солдат двинулась к равнине, а с высоты послышался голос первых дорфарианских катапульт, плевавшихся огнем. Сухие деревья немедленно занялись. Долину затянул дым. С неожиданным криком первые ряды дорфарианской кавалерии сломались, галопом поскакав вниз, в этот туман. Сомкнув копья, за ними устремилась пехота, а замыкали колонну колесницы.

Амрек ощутил, как чудовищная судорога движения подхватывает его, увлекая за собой. Вокруг колыхалось бескрайнее море сверкающих солдат, кричащих во всю мощь своих глоток и несущих его в пылающую тьму садов.

— И-йя! И-йя! — подхлестывали скакунов возницы.

Дым плотной вуалью окружал его лицо.

Слева от него, внезапно вскрикнув, солдат повалился замертво, хватаясь руками за стрелу, торчащую из шеи.

Амрек не мог отвести от него глаз.

Воздух прорвали новые сгустки огня, освещая себе путь. Амрек увидел желтоволосого человека, несущегося из мглы навстречу ему с оскаленной маской вместо лица и занесенным мечом.

«Мой первый степняк, — подумал он. — *Первый степняк, которого я вижу с такого близкого расстояния».* Но нет, это было не так. Ральднор тоже был с Равнин. И та беловолосая девушка, погибшая буквально от его прикосновения, как будто он был воплощением ее смерти. Как Ральднор был олицетворением его собственной гибели. *«Этот человек, летящий на меня, это он должен был быть Ральднором, несущим мне гибель»,* — подумал он неожиданно, но лицо было незнакомым, а занесенный меч уже стремительно опускался на него.

Какой-то из его гвардейцев сбил степняка с ног. Тот повалился прямо под его колеса.

* * *

Придворные дамы Вал-Малы бестолково метались по ее покоям, собирая роскошные наряды и бесценные украшения.

Королева сидела в кресле, ломая руки от ярости и досады.

Амрек.

Ее снедала невыносимая ненависть к собственному сыну, сводила когтистая судорога ярости при воспоминании обо всем — как она носила его, мирясь с бесчисленными неудобствами и утратой красоты, ушедшей в угоду его нуждам, как она в муках и унижении рожала его, как развернула пеленки и увидела непоправимую насмешку Ашне'е.

Ей было все равно, что она окончательно растоптала его. Она никогда не видела в нем человека, это шло вразрез с ее удобством.

Сегодня, представляла она, он умрет, а после его смерти перед ней разверзнется пропасть. Трон могут занять сыновья других, младших королев, а на их головы вкупе с головами их матерей она обрушивала весь свой яд, всю свою злобу с того самого утра, когда она стала женой Редона. Она воображала, что они сделают с ней, как только тело Амрека ляжет в усыпальницу королей. Она уже ощущала на губах вкус яда, чувствовала удушающую бархатную подушку на своем лице. Этот город перестал быть ее домом. Она должна покинуть его, как сделала чернь.

Под стрельчатыми окнами расстилался плавящийся и изнемогающий от жары город. Казалось, что во всем мире не слышно ни звука, кроме гвалта, стоявшего вокруг нее в этой комнате.

Под аркой появилась закорианка Дафнат.

— Как вы и приказывали, во дворе вас ждет крытый экипаж, мадам, — доложила Датнад. Ее тон, как обычно, был четким и невыразительным. Видеть, что эта женщина совершенно равнодушна, было для Вал-Малы каким-то тревожным утешением. Смятение и волнение, казалось, покинули ее, боясь, что она сочтет их неприемлемыми.

— Эти клуши! — сказала Вал-Мала. — Они не в состоянии сделать ничего путного. Что за куриные мозги! Скажи им, чтобы пошевеливались. Скажи, что каждая из них получит по великолепному драгоценному камню, если они поторопятся.

— Как прикажете, мадам. — Глаза Дафнат на миг скрестились с ее глазами. Вал-Мала увидела в них ненависть, которая когда-то забавляла ее и которая сейчас вонзилась ей в грудь как шип холодного металла. Меня окружают одни враги, подумала она, считая это не слишком справедливым.

Внезапно комнату наполнил запах гнили. Одна из слабонервных девушек взвизгнула. Вал-Мала обернулась. В проходе стоял белый калинкс. Королева вздрогнула; он показался ей духом смерти.

— Уберите его от меня! — завопила она. — Почему его не заперли во дворе? Какая идиотка выпустила его?

Фрейлины опасливо приблизились. Он зарычал на них и подполз к ногам Вал-Малы, глядя на нее тусклыми побелевшими от старости глазами. Он потерся об нее, но она отпихнула его ногой.

Калинкс снова зарычал — ни на кого, демонстрируя коричневые зубы, похожие на гнилые орехи. Он был слишком стар, чтобы защищать обрывки своего существования.

Гной струился по его облезлым щекам, точно слезы.

Степняки отказывались умирать.

Дорфарианцы проклинали беглый огонь и дымовую завесу, созданную их же собственными катапультами. Равнинные войска использовали дымку как прикрытие, нападая из-за нее на небольшие группки солдат, отрезанные от остальных, и ускользали обратно, когда дело было сделано.

— Они дерутся как тирры, эти ублюдки. Сколько у нас убитых? — спросил капитан у своих связных. Ответить ему никто не смог. Они перешагивали через желтоволосые тела, но каждый раз из-за деревьев каким-то образом появлялись все новые и новые враги, как будто на место мертвых по волшебству тут же вставали другие.

— Баналики приходят и надевают латы их мертвых!

В горящей рощице обнаружили вопящего дорфарианца.

Он хныкал что-то насчет того, что видел проходящее мимо нечто — полуженщину-полузмею. Перед битвой он изрядно хлебнул для храбрости, но тем не менее кто-то оглушил его ударом по голове, чтобы не сеял панику.

Откуда-то со склона трубы проревели сигнал к отступлению.

Закопченные чешуйчатолатые солдаты медленно выползли из-за деревьев. Закорианцы угрюмым строем появились следом за ними.

Военачальники Амрека сгрудились вокруг него.

— Повелитель Гроз, мы потеряли некоторое количество солдат. Противник, должно быть, понес тяжкий урон, но в таком котле трудно судить наверняка. Если мы заставим огонь распространиться, то сможем выкурить их на открытое место с другой стороны и возьмем их голыми руками.

— Давайте, — сказал Амрек. Его Гвардия сослужила ему отличную службу, на нем не было ни царапины. И все же, казалось, он пребывал в каком-то трансе.

Последняя катапульта обрушила на деревья заряд пламени.

Драконы пили вино, дожидаясь, когда огонь достаточно распространится.

Глядя в иссиня-черное небо, кто-то сказал:

— Что-то стервятников не видно. Очень странно.

— Наших там недостаточно, чтобы насытиться, а кости степняков встанут им поперек глотки, — отозвался его сосед.

Мальчишка, разливающий вино, вдруг замешкался, заглядевшись на что-то.

— Эй, копуша! Давай, шевелись живее.

— Оно пошевелилось, — сказал мальчик.

— Что пошевелилось, недоумок?

— Вон там! Глядите... — мальчишка показал рукой, и сержант, глядя вниз, увидел рябь на поверхности алой жидкости, пробежавшую и замершую сама по себе. Он расхохотался.

— Да туда просто какой-нибудь жучок попал, парень. Давай, разливай. Какому-нибудь счастливчику достанется больше, чем он рассчитывал.

Яннул Ланнец выпрямился и вытащил свой клинок. Закорианец, не ушедший вместе со своими, рухнул в кусты.

Яннул огляделся по сторонам. Дым скрывал слабо видимые фигуры, двигающиеся в одну сторону. Похоже, драконов отозвали, чтобы поджарить противников прямо на своих позициях. Он развернулся и вместе с общей волной побежал между огнями, вынырнув на возвышенности, где дым был не таким густым. Позади потрескивали горящие деревья, за ними мелькали безупречные ряды висских войск, выстроившихся в ожидании.

Поле боя окутала тишина, хотя до него доносились еле слышные крики и радостные возгласы с дорфарианского конца долины и потрескивание горящих деревьев в садах.

— И что теперь? — сказал он своему соседу, утирая покрытое кровью и копотью лицо.

Тот обратил к нему пепельно-белое лицо.

— Теперь они все умрут, — сказал он.

У Яннула волосы на голове встали дыбом.

— Ты хочешь сказать, что это *мы* умрем — как только они закончат напиваться и веселиться и снова пойдут в атаку.

И в этот миг небо потемнело, как ночью.

Из висских подразделений армии Ральднора понеслись вопли и проклятия. Степняки стояли, точно незрячие изваяния.

А потом долину наполнил новый шум. Шум, напоминающий гул великанского гонга где-то под землей.

Тень черного неба накрыла драконов, и их победные крики утихли. В густой тишине, охватившей их, послышался чей-то бессвязный лепет. Животные мотали головами, закатывали глаза и потели.

— Идет гроза, — хрипло сказал один из солдат. — Гляньте, как деревья качаются.

В садах деревья раскачивались, словно танцоры. Люди тыкали в них пальцами и делали религиозные знаки, ибо никакого ветра и в помине не было.

Потом откуда-то из под земли под их ногами послышалось оглушительное мычание. Животные в ужасе повскакали на дыбы, люди взывали к своим богам. По склону сверху, скрипя, скатилась катапульта и, пылая, обрушилась на дорфарианские ряды. Но, перекрывая все, позади них раздался голос — голос города, где разом начала бить тысяча колоколов

Они развернулись, с трудом удерживая скакунов, и поскакали обратно к белым башням Корамвиса, и в этот миг увидели, как огромная скала под его стенами бесшумно рассыпалась в пыль, фонтаном хлынув вверх, после чего холмы сплылись, и город, точно жертву, бросило в чернильно-черное небо.

Над городом, в пещере у озера Иброн, пески, накрепко спаянные бесчисленными веками, распались. Глубоко внизу, где кровавые цвета превращались в благородный пурпур, древний баланс еле уловимо изменился, и потайные пещеры смыло приливной волной.

На Корамвис обрушился первый толчок. Его грохот казался низким металлическим гулом, биением чудовищного сердца. Молния обратила небеса в стекло.

Второй удар вздыбил брусчатые мостовые, паутинкой разбежались неудержимые трещины. В нижнем городе рассыпались стены, фонарные столбы валились рядами, точно подкошенные гигантской косой. Река бушевала в своих берегах, заливая доживающие последние секунды хижины водой красной, как кровь. Повозки беженцев переворачивались или выходили из-под контроля возниц.

Величественный мост, соединявший берега реки на юге, переломился ровно посередине, точно расколотый гигантским топором, сбросив человеческий груз в бурлящую муть.

На Аллее Рарнаммона статуи Драконов обрушивались со своих пьедесталов, усеивая улицу дождем обсидиановых осколков.

Башни кренились и падали.

В городе расцвел белый цветок пожара.

Исходя криком, умоляя беспомощных богов спасти их, охваченные ужасом люди выли и визжали в агонии.

Точно возвещая о гибели, тысяча колоколов Корамвиса звонили и звонили.

Вал-Мала стояла, вцепившись в кресло, в раскачивающейся комнате. С потолка то и дело срывались золотые лампы.

— Дафнат! — закричала она.

Эти колокола, казалось, звонили внутри ее черепа. Ее ноги превратились в немощные ноги старухи. Она не могла осмелиться перейти комнату. Перед аркой лежало мертвое тело девушки с окровавленными волосами, а через миг она тоже бросится вперед, и крыша рухнет прямо ей на спину.

Вдруг волшебным образом она ощутила железные пальцы, поддерживающие ее под локоть.

— Дафнат... потолок сейчас рухнет...

— Обопритесь на меня, мадам, — сказал холодный голос, в котором не слышалось ни тени страха.

Ослабевшей от ужаса, Вал-Мале ничего другого не оставалось.

Дафнат почти волоком протащила ее по вставшему дыбом под невозможным углом полу под арку. В коридоре было полно дыма — в нижних комнатах начался пожар. Сверху хлынула струя охры.

— Нам нужно найти выход, Дафнат. Быстрее, Дафнат.

Закорианка огляделась по сторонам, потом взглянула вперед. Похоже, коридор перекрывало пламя, и им уже было не успеть выбежать во двор, пока не рухнут верхние этажи дворца. Но все равно боги были к ним не совсем уж несправедливы. Остановившись перед открытой галереей, Дафнат махнула рукой.

— Смотрите, Корамвис горит, мадам.

— Дафнат, ты... ты что, совсем спятила? Найди мне выход отсюда, пока крыша не упала и не придавила нас обеих.

— Это и есть выход, мадам, — сказала Дафнат.

Вал-Мала взглянула вниз. Она увидела террасу, выложенную разноцветными плитами, с высоты казавшуюся не больше шахматной доски.

И тут же пришло знание, мгновенное и непреложное.

— Дафнат! — завопила она.

Закорианка одним быстрым и неотразимым ударом столкнула королеву с разбитого края галереи. По крайней мере, милостивые боги оставили ей достаточно времени хотя бы для этого. Она злорадно смотрела, как Вал-Мала, визжа, кувырком летела вниз, навстречу каменным плитам. Еще миг — и она замолкла.

В глубине скал ворочалась Анакир.

Границы скрытого внутри нее озера уже давно расширились и заняли всю комнату, сорвав с петель дверь и затопив каменный храм. Теперь пенящаяся вода немного приподняла ее и бросала на свод пещеры.

Ее золотая голова царапала гранит. Огромные расселины над этим местом на поверхности уже разгладились благодаря землетрясению, разрушившему структуру холмов. Теперь земля начала осыпаться и соскальзывать. Из пропасти показалось массивное молочно-белое туловище с горящими глазами и волосами.

Третий, последний, толчок, разрушивший Корамвис до основания, изрыгнул Иброн в пещеру. Вся масса воды хлынула из расколовшейся скалы, увлекая за собой богиню.

Хлещущая вода поднимала ее все выше и выше. Она достигла высшей точки холмов и поднялась в черное, как смоль, небо — чудовищная луна из ослепительного льда и пламени.

На равнине драконы, мечущиеся между кратерами и горящими деревьями, стали свидетелями этого последнего и самого абсолютного знамения. С горящими, будто звезды, глазами, Анакир царила над равниной, сокрушая их восьмикратным проклятием своих змеиных рук. Теперь все известные законы их мира, поддерживавшие их всю жизнь, предали их, обратив все вокруг в Хаос.

Их постигло неумолимое возмездие. Их миру пришел конец.

Богиня сияла, словно метеор, в черном воздухе, потом исчезла, точно смытая волной, в разорванном зеркале озера.

Но Катаос был все еще жив и ничуть не изменился. При виде золотого изваяния в небе он ничего не вообразил. Даже в самом разгаре конца света он был рационалистом — и циником. Она была символом. Он знал это, хотя ее происхождение в тот момент было для него неважно. Ибо, несмотря на всю свою логику, он вполне понимал, что то, над чем он трудился, в этом изменившемся пейзаже не имеют ни значения, ни надежды.

Значит, осталось лишь одно. Одно дело, которое подобало ему, пусть даже больше и не несло никакой пользы.

Он гнал свою колесницу вдоль разбитых рядов, мимо людей, цепляющихся за враждебную землю, сквозь пылающий огонь и лиловый дым, мимо плачущих и молящихся.

В конце концов он добрался до Амрека. Амрека, Повелителя Гроз, который благодаря вмешательству Хаоса стал уязвимым. Он безучастно взглянул на Катаоса, и в его взгляде не было ни трепета, ни злобы.

— Прошу прощения, милорд, — сказал Катаос. В два шага он приблизился к нему и всадил нож ему в бок, где в кольчуге, словно специально проделанная ради его удобства, зияла дыра. — Этот поступок как нельзя лучше вписывается в наши обстоятельства.

Катаос вспрыгнул на колесницу и погнал скакунов к первому и единственному просвету в небе.

Амрек лежал в темноте, не шевелясь. Он был еще жив. Лишь бесформенные мысли тревожили его. Он был безмятежен, пока из земли внезапно не вышел ужас.

У ужаса были мерцающие глаза, и он, узкий и гибкий, выскользнул из своего темного логовища под камнем. Имя ужаса было змея.

Тело Амрека беспомощно дернулось.

Змея то свивалась кольцами, то развивалась, ее голова неистово металась из стороны в сторону. Она тоже была напугана; землетрясение разрушило и ее мирок тоже. Она свернулась клубком на лице Амрека, потом перетекла к нему на шею. Он почувствовал, как ее сильный пульс приник к его угасающему. И внезапно ужас ушел. Прижатая к его плоти, кожа змеи была сухой и прохладной, точно камея.

«Как мог я бояться ее? — подумал он совершенно отчетливо. — *Она же так прекрасна!»*

Потом змея, поняв, что земля прекратила содрогаться, покинула приютившее ее тело мертвого человека и прошуршала по склону прочь.

25

Огромное тускло-красное солнце, балансирующее на краю горизонта, покрыло горы коралловыми пузырями. Черный язык тени уже слизнул изломанный под немыслимыми углами холмы и развалины города, когда-то бывшего Корамвисом.

Настал сезон снегов и дождей — вслед за сезоном зноя, когда плодородными северными почвами владела одержимость ростом. И плоды земли были в городе как нельзя кстати. Опустевшие сады ломились под тяжестью урожая, осыпая его на землю; между вывороченными из земли булыжниками мостовой пробивалась молодая поросль. Очень скоро на труп блистательной столицы властно заявила права буйная растительность. В разрушенных дворцах кричали птицы, под вздыбленными плитами широких дорог устраивали свои логовища оринксы и дикие кошки. Что же касается людей, то в Корамвисе остались лишь мертвые. Их могилы были случайными и разнообразными. Другие, откопанные из-под обломков любимыми или найденные на поле боя у подножия холма, получили мавзолеи из земли и каменные надгробия. Королевского кургана нигде не было видно. Никто не знал, предали ли Амрека земле. Возможно, земля все-таки в конце концов проглотила его, или по иронии огонь воздал ему последние почести на манер степняков. С уверенностью можно было утверждать лишь одно: ни одна женщина и ни один мужчина не провожали его со слезами в уединение могилы. Такова была его судьба.

Люди жили и работали внизу, в городке из деревянных домишек, среди которых выделялись немногочисленные грубо сложенные каменные здания — неуклюжем и уродливом наспех выстроенном местечке. К западу от него, на невысоких лесистых склонах, первым делом выстроили храм — висский храм из белого камня, с высокой башней и множеством колонн и ступеней. На алтаре возжигали курения, раскладывали фрукты и сладкий виноград, разбрызгивали кровь. Они никогда не забывали совершать служения и приносить Ей дары, ибо теперь Она принадлежала им. Принятая ими в минуты ужаса, Она приобрела их черты. Дорфарианская Анакир. Они собирались назвать свой городок в Ее честь, когда он будет достроен, а Ее жрецы были темнокожими, молившимися Ей с огнем, курениями и

цимбалами, переживавшими видения и творившими волшебство в Ее честь.

Теперь в Дорфаре были и степняки тоже.

В одном из каменных зданий заседали два совета. В первый входили дорфарианцы. Крин, некогда бывший Дракон-Лордом в городе, тоже был среди них. Матон, старый глава, чудесным образом спасшийся от смерти под странным нагромождением рухнувших во время землетрясения балок, до сих пор занимал свою старую должность в новом окружении. Во втором совете заседали Ланнцы и заравийцы, а также желтоволосые из Степей и прочих мест. По улицам свободно расхаживали воины из Тарабанна и Ваткри, пираты из Шансара в одночасье стали политиками и героями. Сорм Вардатский задержался в Закорисе, в капитулировавшем черном улье Ханассора, подъевшего все припасы из самых глубоких погребов; а в Кармиссе шансарский карательный флот, напившись крови и вина, провозгласил Ашкар богиней острова и начал превращение Ее сынов в королей. Кармисс был покорной и податливой страной. Он раскрывал перед завоевателями свои многочисленные удовольствия и наслаждения, грациозно склоняясь под игом. За решетками из слоновой кости шептались, что завоеватели — красавцы и храбрецы, и женщины, как и одна их сестра в Вардате, начали выбеливать волосы и подкрашивать их золотым и белить свое смуглые лица, как некогда делала дорфарианская королева. А янтарь, обладавший для народа Равнин бесконечной мистической ценностью, теперь стал столь же дорогим, как черные кармианские жемчужины.

На висских просторах начали образовываться союзы плоти. На втором закате лета появились на свет первые ребятишки, зачатые от таких союзов. Ничем не примечательное сарское имя «Ральднор» стало самым популярным, которое давали новорожденным мальчикам смешанной крови.

А разговоры о короле, который носил это имя, звучали все настойчивей. Он взял в жены ваткрианскую женщину, но возьмет ли он себе вторую жену из темных рас, на манер Висов? И останется ли он жить под разрушенным Корамвисом или предпочтет вернуться в его разрушенный побратим на Равнинах-без-Теней? И жив ли он вообще? Ходили слухи, что он погиб в бою, ибо после того, как земля содрогнулась и разрушила Корамвис, видели его собственными глазами очень немногие.

Красное солнце соскользнуло за горы, и на деревянных улицах потянуло ознобным дыханием ночи. Двойной совет, заседающий в темном каменном зале, переговаривался: Висы с Висами, а степняки, по своему обыкновению, сидели молча.

Зажгли лампы. В комнату вошел человек и занял место среди них. Он никогда не одевался как король, а сейчас на нем был темный плащ, как будто он собирался в путь.

Он выслушал их дело. Решения были приняты, все улажено. Но в зале витало какое-то предчувствие. Наконец он рассказал им об их обязанностях и объявил, кого оставит вместо себя в

качестве регента светловолосого сына, которого Сульвиан родила ему за морем.

В рядах Висов поднялся шум. Люди повскакали с мест.

— Повелитель Гроз... Страна все еще находится в состоянии постоянных перемен... Куда, во имя богини, вы уходите, что решили бросить нас?

Степняки молчали, уже зная ответ.

— Я сделал свое дело, — сказал он. — Оно закончилось, когда пал город.

Он обвел их взглядом. Его лицо странно переменилось. Былой величественный и ужасный свет в нем погас, но в глазах, где прежде не было ничего, кроме огней решимости и власти, теперь поселилась непроницаемая тень. Сущность, вытеснившая его душу и овладевшая им, теперь отпустила его. Он снова стал самим собой.

Он не обращал внимания на их пререкания. Крин, Дракон, увидел в глазах Ральднора что-то такое, что сказало ему то же, что могли бы сказать степняки, ибо он был превосходным знатоком человеческих душ, избранных богами или нет. Яннул Ланнец, знавший Ральднора с давних времен, увидел его помыслы так ясно, как будто на него вдруг снизошел дар телепатии. Зарос находился в Лин-Абиссе, чествуемый за его хитрость в Оммосе заравийцами, которым очень хотелось, чтобы про их вклад в победу не забыли. Когда он услышал, как король несколько дней прожил затворником, а после этого пришел на Совет и отрекся от королевства, он тоже догадался.

Они так и не узнали, что же случилось с Ральднором. Но для них его разум был сверкающим механизмом, который можно повернуть куда угодно. И перед ними на миг мелькнул этот сложный клубок мыслей — этот мозг, такой нечеловеческий, такой чуждый, погруженный в тайную и взвешенную пучину поиска. Что инициировало этот поиск, тоже осталось для них скрытым — какой-то неуловимый толчок или побуждение. Возможно, это была простая надежда или укол глубоко упрятанной, но неисцелимой боли. Ибо он все-таки до сих пор был человеком. Видевшие его на Совете больше не могли в этом сомневаться. Зрелище развенчанного бога лишало их присутствия духа. Они предпочитали вспоминать все что угодно, только не это.

За окнами стояла прохладная неподвижная ночь, освещенная булавками звезд. Немногочисленные провожатые смотрели ему вслед, глядя, как он углубляется в развалины Корамвиса, направляясь к горам.

Часом позже, в своей деревянной хижине Яннул сказал Медаси:

— Значит, она все-таки жива. В Таддре. Красноволосая Астарис. И он поехал за ней.

Он слышал детский голос, голос, взывающий к нему с другой стороны черной бездны, пронзающий его мозг своей потерянной мольбой.

В его мозгу мелькнула мимолетная мысль о сыне Сульви-

 ан, оставшемся в Ваткри, еще более мимолетная — о черно-

волосом малыше, которого родила и принесла ему Лики. Плоть от его плоти взывала к нему — не словами, ибо он не умел говорить, но смутным, интимным мысленным языком, на котором он разговаривал лишь с одним человеком. Все части уравнения встали на свое место.

Его дитя.

Дитя Астарис.

Астарис.

Когда эта мысль дошла до него, расплывчатая сущность покинула его мозг и исчезла. Он был свободен от всех долгов, от движущей им духовной силы, которую люди считали Анакир, этого олицетворения расы, к которой он принадлежал. Как в былые времена, мысль о женщине с кроваво-красными волосами овладела им, затопив его мозг, точно рассвет, и не оставила места ничему другому.

Сначала его поиск был всего лишь поиском ума. У него не было никаких других способов найти ее или то существо в ее теле, которое позвало его. Следуя за эмбрионом, он пересек смутные континенты и безбрежные плато темноты и в конце концов вышел к мерцающему маячку, безошибочному в этой безликой ночи.

Позже нематериальный пейзаж превратился в дороги, горы и леса. Магнит, влекущий его к себе, находился в Таддре, как он когда-то и предполагал.

Возрождение расы, символ разрушенного города стали чем-то далеким. Он покинул их без колебаний и сожаления. Ведь на исходе борьбы его божественная суть не поглотила его, ибо что-то снова превратило его в обычного человека, в мужчину.

По заросшему саду дворца Правителя ползли темные тени, точно длинные холодные пальцы. В буйном лесу, подступавшем к самой стене, злобно кричали птицы. Поднималась рыжая таддрийская луна.

К стене у старых ворот привалился мужчина.

Вскоре между деревьями проскользнула приземистая смуглая женщина, направившись к нему.

— Ну, Паньюма, — сказал он, хватая ее за грудь. Она отпихнула его.

— Ты глупец, Слат. Если Хмар услышит об этом, он убьет нас обоих. Он знает множество медленных и ужасных ядов...

— Тихо, потаскушка. Ты ведь знаешь, что пришла потому, что сама хотела этого. Он не тот мужчина, который способен удовлетворить тебя, а я тот, и не говори мне, что тебе это не нравится. Кроме того, он считает, что ты защищаешь его от той женщины-змеи, которая, как он говорит, преследует его, а я... я защищаю его от его *смертных* врагов. Кто в последней войне принес ему головы двух лордов?

— Ты, — сказала она, ухмыляясь.

Он толкнул ее к стене и задрал ей юбку, и недреманное око луны следило за развитием и завершением их игры.

— А теперь мне пора возвращаться, — прошептала она хрипло. — Он будет звать меня. В последние несколько меся-

цев он сам не свой от страха — с тех пор, как через горы пришла эта история.

— Что? О Дорфарианской войне? Почему это должно его тревожить?

— Думаю, что он из тех мест. А женщина-змея? Ведь желтые люди поклоняются богине со змеиным хвостом. Бродячие торговцы рассказывают, что желтые люди взяли Элисаар и Закорис и разрушили Драконий Город, а их богиня сидела на горах и смотрела на них, — пробормотала Паньюма нараспев, как будто произносила одно из своих лесных заклинаний.

Слат оправился и презрительно сплюнул на ночные тени.

— Басни для ребятишек.

Паньюма возразила:

— Но все-таки есть всякие странные вещи, о которых говорят старые легенды. Помнишь рабыню, которую ты продал Хмару?

Слат кивнул. Год назад Паньюма, не сумев совладать с искушением продемонстрировать свои тайные силы, показала ему секретный мавзолей, и несмотря на его обычную безжалостность, при виде ряда не живых и не мертвых кукол в роскошных одеждах у него свело живот.

— Помню. Жаль ее. Редкостная была красотка моя Селухис.

— Он ходит туда, чтобы смотреть на них, — прошипела Паньюма. — Иногда и меня с собой берет. У них до сих пор растут ногти, и волосы тоже, и мне приходится обрезать их, как будто я камеристка. Когда на твою рабыню упал свет, оказалось, что у нее отрасли красные волосы.

Слат выругался.

— Клянусь Зардуком! — Он порылся в памяти, потом спросил: — А невеста Повелителя Гроз... разве у нее были не красные волосы?

— Насколько я слышала, торговцы говорили, что красные. Ты знаешь, что тогда сделал Хмар? У него на лбу выступил пот, он что-то залепетал и выставил меня оттуда. Потом, когда наступила ночь, он покинул наше ложе и отправился туда с железным прутом. Я шла за ним, и он меня не заметил. Та штуковина на полу, которая раздвигает камни — он разбил ее прутом.

— Может быть, он боится, что она выйдет и задушит его своими красными волосами, как его змеиная женщина.

— Теперь он почти не выходит из комнаты, — сказала Паньюма. — У него лихорадка, и он все время вскрикивает во сне.

— Так уже бывало и раньше.

— Да, — сказала она. В ее черных глазах что-то блеснуло. — Когда ты приехал сюда, то был простым наемным головорезом, — сказала она, — а теперь ты капитан солдат Хмара. После той войны они пойдут за тобой в огонь и в воду.

— Что ты задумала, хитрая сучка?

— Я ничего не говорила. У нас, женщин, длинный язык. Мужчины думают сами — если они, конечно, мужчины.

Золотинки холодно блеснули в ее косе, взметнувшейся, когда она развернулась и поспешила обратно по заросшему деревьями дворцовому саду.

* * *

Почти через целый месяц человек по имени Ральднор спустился с гор в Таддру под линялой голубизной равнодушного неба. Это была высохшая, но живая земля, задушенная черными джунглями и чахлыми полями, на которых ничего не росло.

Он проехал через Тумеш, где на шумном базаре продавали рабов, и, двинувшись на север, добрался до одной из безымянных речушек, где сменял своего скакуна на плот. По реке он отправился в одиночестве, собственноручно выгребая против течения.

На шестой день его остановили.

Пароля он не знал: он просто стоял, глядя на троих мужчин и видя их не только глазами, прощупывая их всеми чувствами сразу, более тонкими и более многочисленными, чем у них — и в их душах обнаружил еле уловимый запах того, что он искал.

При виде его волос они разразились бранью. Что-то в его поведении и лице заставило их опустить ножи, которыми они обычно подгоняли тех, кто явился сюда незваным. Они сказали ему, что отведут его к Хмару, правителю восьми королевств, и он поблагодарил их.

А потом они каким-то образом потеряли его на заросшей лесной дороге. Наступала ночь, и они принялись кричать и искать его. В конце концов они бросили это занятие, решив, что его схватил леопард, настолько быстро, что они просто этого не заметили, утащил его куда-нибудь в кусты и там сожрал целиком.

К тому времени Ральднор уже добрался до таддрийского городка и шагал по замусоренным улицам к каменному особняку Хмара.

Амнор, Советник короля, Глава Высшего Совета Корамвиса, открыл глаза в спальне, наполненной дымом факелов. Амнор, зачатый искайской девушкой от одного из дорфарианских принцев, который овладел ей против ее воли. Амнор, деливший ложе с Вал-Малой, королевой Повелителя Гроз, но так и не узнавший о том, что стал отцом ее ребенка; Амнор, убийца Редона, Верховного короля Виса.

— Хмар, — сказал он, — меня зовут Хмар.

Он подумал о своей потайной комнате и о женщине, стоявшей там в ожидании со своими кроваво-красными волосами. Дело рук Ашне'е. Анакир отвергла его дар.

— Ох, Мать моя, — протянул он. — Я горько сожалею о том, что обидел тебя, — и безумно расхохотался, охваченный ужасом.

Он видел Ее и в Дорфаре, в небесах, сияющую, словно солнце, которое потемнело. Город был разрушен до основания — это обрадовало его. Но все же то была ее месть — Ашне'е, Анакир — тень ее возмездия уничтожила Корамвис. Теперь она пришла за его жизнью...

— Кто здесь? — выкрикнул Амнор. В преждевременной темноте комнаты он уловил холодны шаги. Неужели убийца уже прятался где-то здесь? Дрожа и потея, Амнор напряг глаза и в тусклом свете факелов разглядел Паньюму. В одной руке она держала квар-

цевый фиал, украденный из неподъемного сундука у дальней стены, пока он метался в своем безумном сне. Но она спрятала фиал между круглых темных грудей, прежде чем он успел заметить его.

— Всего лишь Паньюма, лорд. Вы встаете?

— Да. Сегодня я буду есть внизу. В моем зале. Ты будешь мне прислуживать.

— Я ваша рабыня, лорд.

Он тщательно вымылся из каменного кувшина, и она принесла ему одежду и золотые украшения.

Когда она подошла к окну, чтобы выплеснуть грязную воду, то незаметно извлекла из ложбинки между грудями фиал и через несколько секунд выбросила его из окна. До земли он не долетел. Его перехватила пара рук.

Паньюма зашагала за Хмаром, спускаясь по лестнице в зал. Когда он уселся, она встала за спинкой его кресла, прислуживая ему.

Слат, капитан и телохранитель Хмара, сидел на другом конце стола, чему-то смеясь. Он усвоил хорошие манеры, которых требовал от своих подчиненных Хмар, и усвоил отлично. Он даже выучил темы застольных разговоров, распространенные когда-то в Дорфаре.

— Это вино обладает особенно тонким вкусом, лорд Хмар. Я выдерживал его в погребе больше года. Могу ли я предложить вам бокал?

Бегающие глаза Хмара, шныряющие по всему залу, сосредоточились на фляге. Он высокомерно кивнул. Паньюма выплеснула опивки из его кубка и сполоснула его водой. Она подошла к Слату, протянувшему ей флягу. Потом наполнила кубок, оставив на дне капитанской фляги всего несколько капель, и отнесла полный до краев кубок обратно Правителю.

Хмар сделал глоток и снова кивнул.

— Горьковато, но неплохо.

Он потягивал вино, держа кубок за тонкую ножку. Его глаза снова пришли в движение. Лицо Паньюмы ничего не выражало. Слат шумно хлебнул пустоту. Тревога сделала его излишне веселым. Они отравили своего господина, но тот, похоже, этого не заметил. Яд был исключительно медленным. Если им повезет, он умрет во сне.

За высоким и узким окном истаял последний свет дня.

В дальнем конце зала открылась небольшая дверца. На пороге показался человек — безликая фигура в плотном плаще с капюшоном. Солдаты Хмара изрядно шумели за обедом, поэтому незнакомец не выдал своего присутствия ни звуком, ни чем-либо еще ощутимым. И все же Слата охватила странная, еще более сильная тревога. Взглянув на Хмара, он забеспокоился, что зелье все-таки действует быстрее обещанного. Ибо безумные глаза Хмара внезапно прекратили свой нескончаемый поиск и были прикованы к незнакомцу. Лицо у него стало землистым. Он залился хриплым кашлем, похожим на карканье. Похоже, им овладело леденящее чувство неотвратимости, как бывает с человеком, долгие месяцы ожидающим исполнения смертного приговора и в конце концов оказывающегося перед виселицей.

Амнор вспомнил. Когда-то он был в пещере поющей воды. Женщина заманила его туда обманом, и он схватил ее за руку.

— Возможно, мне стоит изгнать из твоего чрева моего ребенка и отдать тебя на милость лорда Орна.

Как ни странно, на ее белом лице, словно заря, забрезжила улыбка. Он никогда не видел, чтобы она улыбалась, и никогда не видел подобной улыбки на устах ни одной из женщин. От нее у него кровь застыла в жилах. Рука, сжимавшая ее локоть, упала.

— Сделай это, Амнор. Иначе он будет моим тебе проклятием.

Амнор уставился на стоящего в другом конце зала незнакомца, слыша лишь журчание воды. Пришелец не стал садиться, так и оставшись стоять у одного из более низких столов. Под капюшоном его лица не было видно, и Амнор не смог разглядеть его ответного взгляда.

Его охватило странное ощущение, как будто он смотрит на нее не обычным взглядом, а третьим глазом, расположенным в центре лба. И видел он не ее. На ее месте стоял молодой мужчина, призрачный и расплывчатый, но Амнор различил, что его кожа отливает висской бронзой, но глаза и волосы светлы, как то вино, которым он отравил Редона в первую ночь Красной Луны...

«Он здесь, — подумал Амнор. — *Это она послала его. Вестник Анакир... мой сын...»*

Он угрюмо засмеялся. Нет, не его сын. Все-таки сын Редона. Редона, которого он отравил степным вином.

К Амнору пришло видение. Он увидел Вал-Малу, стоявшую, положив руку ему на плечо, жадными глазами пожирающую жидкость, которую он собственными руками перегнал, чтобы оборвать жизнь Редона — яркая камея с женой короля и мужчиной, его правой рукой, сговаривающимися убить его. И внезапно перед его глазами уже была не Вал-Мала и не он сам. Вместо них были таддрийка Паньюма и наемник Слат с вином, в которое они подмешали яд.

Амнор издал хриплый крик. Схватив пустой кубок, он швырнул его об пол. Потом выскочил из кресла.

— Меня отравили!

Люди оторвались от еды и подняли на него глаза.

— Отравили! — закричал Амнор с наливающимися кровью глазами. Он метнулся к Паньюме и ударил ее по лицу. Она упала, съежившись. — Эти двое убили меня. Эта дрянь и Слат, мой капитан...

За каждым столом люди повскакали на ноги. Они не считали вероломство слишком уж большим грехом. Они похватали со стола кинжалы и обеденные ножи. Наемники Слата закричали, поддерживая его; остальные принялись размахивать клинками направо и налево, охваченные страхом и гневом. В один миг завязалась драка. Кровь и вино лились рекой, факел, выбитый из подставки, поджег гобелен, которым была обита стена. Женщины принялись визжать.

Слат, рыча от ярости, выхватил кинжал, но Амнор увернулся и побежал — под арку за помостом, а оттуда в лабиринт коридоров и лестниц.

Пришелец в черном плаще, о котором все позабыли, начал пробираться по залу к арке, проходя между дерущимися, точно незрячий. Когда он был уже почти у помоста, на спину ему с диким воплем ярости прыгнул человек. Незнакомец сделал странный полуоборот, как будто покачнулся, и когда нападавший свалился с него, безжалостным и точным жестом перерезал ему горло. Больше за ним никто не побежал. Лишь Паньюма следила за ним глазами. Его тень упала на нее, забившуюся под стол. Она сделала магический знак, пытаясь защититься от него, но он уже ушел, молча, преследуя умирающего Хмара в темноте особняка.

Он без труда отыскал это место.

Незримый свет, неслышный звук, неощутимая нить под его пальцами — все это вело его. Коридор тускло освещали натыканные безо всякой системы факелы и слабый звездный свет, проникающий в окна.

В конце концов Ральднор добрался до глухой каменной стены и каких-то обломков на полу. Он понял, что пришел.

На земле, всхлипывая, лежал узкоглазый человек с унизанными кольцами пальцами. Он прекратил всхлипывать и сказал буднично:

— Значит, ты все-таки пришел.

Ральднор взглянул на него. Человек улыбнулся.

— Долго же я тебя ждал, сын Редона. Ты пришел за ней? За красноволосой женщиной?

— Да.

— Воздаяние, — пробормотал человек на полу. Ты замечаешь, столкнувшись с совершенной неизбежностью, я стал вполне здравомыслящим. Сюда нельзя войти. Механизм сломан. Я сам сделал это — в приступе ужаса. Но потом я услышал, что ты устроил в Корамвисе землетрясение. Возможно, ты сам сможешь открыть камень.

Ральднор опустился на колени у сломанных рычагов, внимательно оглядывая их. Капюшон соскользнул с его головы. Амнор впился в него взглядом. Он начал говорить что-то, касающееся Ашне'е, но внезапно его слова прервал грохот — Ральднор сбоку стукнул кулаком по механизму, потом еще раз, и камень, заржавело протестуя, начал раздвигаться.

— Так-так. У него еще и руки умелые.

Ральднор прошел мимо Амнора в темную, хоть глаз выколи, галерею склепа.

Царство смерти, в котором господствовал запах старых бальзамирующих масел. Погибшие воины и каменные шкатулки с костями. В дальнем конце комнаты, застывшие в безжизненных позах, стояли десять женщин. Их кожа превратилась в дерево, волосы — в проволоку. Осталось совсем немного до того, как их плоть начнет разъедать настоящая смерть.

Его руки коснулись их и тут же покинули их. Он подошел к последней, одиннадцатой фигуре. Это была она. Ее кожа

осталась такой же, какой он помнил ее, и волосы тоже, только теперь в них были вплетены камни, Змеиное Око Анакир.

В открытом склепе воцарилась еще более гробовая тишина.

У двери в бреду что-то лепетал Амнор.

Дворец сотряс глухой подземный взрыв. Внезапно завязавшаяся битва выбралась на улицы истерзанного городка, распространяя огонь и дым, затуманивающие восходящую луну.

Ее разум был тьмой, необитаемой бездной, островом цитадели, обглоданным неподвижными ветрами времени. Но почему-то ее суть до сих пор сохранилась — последний призрак в этих развалинах, и далекий шепоток жизни, ее ребенок.

Астарис.

Он вошел в ее разум, призывая ее, но не получил никакого ответа.

Потом из небытия возник образ.

Он сформировался и затвердел — знакомое очертание, изменившееся перед новым ужасом.

Астарис стояла перед ним, ожидая; ветер развевал ее алые волосы. Красная луна, застианская луна светила ей в спину. Она подняла руки, и по ее телу побежали длинные трещины — чернильные линии на янтаре. В следующий миг она уже рассыпалась, превратившись в пылающий пепел, а потом дуновение ветра унесло этот пепел к луне.

Он уничтожал этот образ, но он снова и снова возникал из тьмы.

Он попытался заслонить его другими образами. Образами любви, страсти, образами ее желанного тела, образами своей тоски.

Сначала ее мозг заполняли лишь одушевленные им сущности. Потом, словно призраки, ее воспоминания поднялись откуда-то из глубин ее разума навстречу его воспоминаниям.

Ее разум наполнялся, медленно, по капле, словно чаша. Потом вернулись мечты, мысли, одиночество, и все это неудержимой волной, в тот миг, когда окончательно рухнули двери. Она сама вошла туда последней, замыкая вереницу силуэтов и фантазий. Ее внутреннее «я», точно жемчужина, или поднимающееся солнце, открывающее единственный глаз и разглядывающее его.

Ральднор?

В могильной тьме он ощутил, как физическая жизнь вернулась в ее тело. Она пошевелилась в его объятиях.

— Ты здесь? — спросила она вслух.

— Я здесь.

Где-то далеко над лесом забрезжил рассвет, просочившийся между поднимающимися к небу дымками. Он принес в эту черную галерею намек на цвет, через открытую дверь, поперек которой лежал человек.

Ральднор взял Астарис за руку. Они прошли по каменной комнате, переступили через мертвеца и пошли по пустому коридору.

В ту ночь большая часть дворца сгорела. Многие комнаты выгорели дотла. По улицам, повизгивая, бегали собаки. Солнце раскрасило все размытыми золотыми и рубиновыми пятнами.

Лишь один ребенок видел удалявшуюся повозку. Ему еще предстояло вспомнить это позже, через двадцать лет, когда под давлением различных побуждений он перешел через горы и принял желтые одеяния Дорфарианской Анакир.

Беловолосый мужчина и аловолосая женщина. Он решил, что они оба слепы, ибо ни один из них, казалось, не видел ничего вокруг, однако же, когда они одновременно посмотрели в сторону, друг на друга, он понял, несмотря на юный возраст и все пережитое в эту ночь, что каждый из них все-таки кое-что видел: другого.

Повзрослев, ребенок — тогда уже мужчина — обнаружил множество легенд, окружавших Ральднора и то, как он покинул этот мир. Повелительница Змей забрала его, или он ушел под землю, ибо боги не могут оставаться богами, они могут лишь превзойти самих себя или же в каком-нибудь инферно мифологии забыть о своей власти и погибнуть.

И таддрийский жрец рассказал о том, что он видел, ибо это затрагивало какую-то логическую струнку его души, полагавшую, что божественность необязательно должна идти рука об руку с гипотезами и легендами.

Ральднор, сын Ашне'е и Редона, Ральднор, которого звали эм Анакир, Повелитель Гроз, уехал вместе с Астарис Кармианской, самой прекрасной женщиной на Висе, в бескрайние буйные леса Таддры, уехал, как простой крестьянин, на шаткой повозке.

И не легенда, а джунгли поглотили их. Хотя именно легенда сохранила их имена, пока последний хаос — не изменяющий, но уничтожающий — не погрузил Вис в воды океана и не обрушил наземь его небеса.

Анакир

N
Анкабек
Тьис
Иоли
Истрис
Ксан
КАРМИСС
Йилмешд
ДОРФАР
ЗАКОРИС-В-ТАДДРЕ
Город Рарнаммана
озеро Иброн
река Окрис
Корамвис
Кума
ТАДДРА
Анкира
Тос
КАРМИСС
Хетта-Пара
ЗАКОРИС
Карит
ЛАНН
Ханассор
ОММОС
ОПП
ИСКА
КОРПУ
Амлайн
ЗАРАВИСС
Илах
Зор
Ольм
Лин-Абисса
Саардос
ЭЛИСААР
Зарар
ЭЛИР
Мойя
Хамос
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
Континент-Побратим
СТЕПИ (Равнины-без-Теней)
Разрушенный город
МОРЕ ЭАРЛА

Оливеру Коттону

Предисловие

С самого начала, в том виде, в каком дошли воспоминания о нем, темные расы воцарились на главном континенте планеты и нарекли его своим именем — Вис.

На север, запад и восток простирались земли Висов, населенные людьми с медной и темной кожей, земли жестокие и зачастую притягательные, и владели ими притягательные и зачастую жестокие народы, поклонявщиеся множеству самых разных богов. Народы, покорные странному чувственному зову Алой звезды, Застис, которая каждый год на несколько месяцев появлялась в ночных небесах. Народы, обретшие мир и покой после нескончаемой эпохи войн и, согласно легенде, объединившиеся под властью верховного короля — Повелителя Гроз, правителя Дорфара и драконьего города Корамвиса, самое имя которого, означавшее «Сердце Виса», говорило о его избранности. Корамвис и в самом деле считался самым могущественным и прекрасным из всех величественных городов Виса. Белый Корамвис с его тянущимися к небу башнями, сердце-мозг Дорфара, осененный драконьим гребнем гор. И менее чем за полчаса Корамвис пал, обратившись в развалины и так и оставшись ими, точно разбитое стекло.

На крайнем юге континента простирался край, по большей части бесплодный, прозванный Равнинами-без-Теней за то, что был почти совсем лишен растительности, край, пределом которого был недлинный лабиринт джунглей на самой Грани Мира. За ним начиналась водная пустыня, прозванная Морем Эарла — морем ада. Меж Гранью Мира и королевствами Висов, на бесплодных просторах Равнин, располагались владения степных людей. Когда-то давно этот народ обладал некоторым величием. Доказательства тому можно было видеть, по крайней мере, в одном темном разрушенном древнем городе далеко на юге. Но со временем Висы совсем перестали считаться с народом Равнин. Раса светлокожих и светловолосых людей с желтыми глазами стала объектом ненависти, которую породил постоянный страх перед ее предполагаемыми способностями к телепатии и неутихающее презрение к ее кротости. У этих людей не было ни королей, ни каких-то иных правителей. Они жили в далеко отстоящих друг от друга деревушках или в развалинах города. Они были невосприимчивы к Алой звезде, сдержанны в своей чувственности, покорны, недружелюбны, чужды. Монотеисты, они поклонялись лишь одному божеству — восьмирукой и змеехвостой богине Анакир, и к тому

же совсем не так, как поклонялись своим богам Висы, — не принося кровавых жертв и не воскуряя благовоний. Их поговорка гласила: «Анакир не просит ничего, потому что ни в чем не нуждается, ибо Она — все». Подобные ценности нисколько не впечатляли Висов. Каковы люди, таковы и их боги. Боги Висов были требовательны.

Несколько веков презрительная неприязнь Висов к степнякам не утихала, но и не разгоралась — до тех пор, пока на трон не вступил Повелитель Гроз Амрек, сын Редона. Он считал, что над ним довлеет особое проклятье Анакир, богини Равнин, ибо с самого рождения его левая кисть была до запястья покрыта чешуей, — змеиная мета. Этот Верховный король взялся стереть с лица земли всю светлую расу до последнего человека*.

Однако к тому времени на Равнинах наконец-то появился свой король. Он тоже был сыном прежнего Повелителя Гроз, Редона Дорфарианского. Матерью его стала жрица из степного храма, Ашне'е, женщина с лицом Анакир. Этому человеку, Ральднору, волею судьбы пришлось какое-то время жить среди Висов, прикидываясь одним из них. Сделавшись начальником личной гвардии Амрека, в конце концов он навлек на себя гнев своего повелителя и был вынужден бежать на корабле, идущем в Закорис. Но неумолимый перст судьбы сбил судно с курса, заставил его пройти сквозь бурю и пламя и выбросил в неведомый океан, который считали морем ада. И там обнаружился второй, меньший по размеру континент планеты, принадлежащий расе, чей облик в точности повторял степной, нрав же до странности отличался, ибо эти люди были страстными и воинственными. Вскоре магнетизм Ральднора сподвиг их последовать за ним на помощь его народу — ради справедливости, но будем честны, и ради добычи тоже.

Так после долгого мира Вис снова оказался объят войной. Ральднор, на котором, как всем казалось, лежала печать самой Анакир, пробудил Равнины от их летаргического сна. Пока его армия подтягивалась к Дорфару, корабли с Континента-Побратима напали на соседние страны. Звенели мечи, катапульты изрыгали огонь. Закорис и Элисаар лежали в осаде, терзаемые голодом и огнем, Кармисс пал, а Оммос, окруженный врагами со всех сторон, сдался. Страны, дружественные Равнинам — Зарависс, Ланн и Элир, — пощадили. Степняки оккупировали их как союзники, вошли в них лишь для торговли — но окончательно и бесповоротно. Дикая и воинственная Таддра, надежно укрытая горами, пропустила всю войну, если не считать наплыва беженцев и более позднего удара от потерпевшего поражение Закориса.

Последняя битва войны Равнин разыгралась на равнине у подножия холмов Корамвиса. Армия степняков, преданная и в конце концов отрезанная от союзной армии Континента-Побратима, осталась один на один с армией Дорфара, превосходящей ее численностью во много раз, и казалась обреченной на полный разгром. Но Ральднор пробудил в своем народе грозные внутренние силы, которые в легендах назы-

---

* См. роман «Повелитель Гроз».

вались Спящей Змеей. Одной лишь силой воли — по крайней мере, так утверждали впоследствии все предания — люди Равнин вызвали чудовищное землетрясение, сотрясшее и полностью разрушившее Корамвис Прекрасный прямо на глазах потрясенных дорфарианских солдат и знати. А из потаенной пещеры в горах поднялась сама Анакир, возвышаясь над поверженным городом, точно золотая луна в черном небе.

Корамвис пал, вместе с ним рухнула вековая мощь Дорфара, и господству Висов пришел конец.

А Ральднор, сын Повелителя Гроз и жрицы, избранницы богини, выиграв последнюю битву, ушел прочь. Женщина, которую он когда-то любил и считал мертвой, воззвала к нему голосом своего разума — или, скорее, искоркой разума их нерожденного ребенка, ждавшего своего часа в ее чреве. Он отказался от престола, от власти, от своего народа и своей богини, ушел искать свою возлюбленную и свое дитя — и исчез для мира. Больше его не видели — он остался жить лишь в преданиях. Он стал одним из немногих легендарных героев, как древний король Висов, Рарнаммон, чей призрак появлялся в самой гуще боя и вел своих воинов к победе. Кроме того, он остался жить в сонме тех, кого назвали в его честь, в мириаде маленьких Ральдноров, появившихся на свет в тот год и еще многие годы спустя.

Прошло двадцать висских лет, омраченных лишь мелкими стычками тут и там, но по большей части это были годы относительного покоя.

На равнине, немного ниже руин Корамвиса, вырос новый город, сияющий такой же белизной и, возможно, даже более прекрасный, чем прежняя столица, хотя Корамвис, разумеется, давно уже стал мифом и в качестве такового был непревзойденным. Нарекли юный город Анкирой. Среди прочего там был десяток храмов Анакир, которая теперь стала главной богиней Висов. Они присвоили Ее, и теперь белые быки умирали на Ее алтарях. Храмовую науку любви, ранее являвшуюся достоянием лишь избранных жриц с Равнин, дополнили и видоизменили в соответствии с обычаями Висов. Дочери Анакир делили ложе с любым, чьи финансовые возможности позволяли ему сделать дар богине, — таково было их служение.

В Анкире был коронован молодой король, сохранивший за собой все древние титулы. Впервые за всю известную историю волосы священного Повелителя Гроз Дорфара были белыми, как соль. Им стал Ральданаш, сын Ральднора, рожденный от его союза с беловолосой Сульвиан Ваткрианской, принцессой одного из королевств Континента-Побратима. Но теперь белокурые головы под висскими венцами встречались не так уж редко.

Шлем-корона Кармисса крепко держался на золотоволосой голове шансарского князя, захватившего там власть. Вместе с кармианской короной он принял и кармианское имя, нарекшись Сузамуном в честь одного из овеянных славой правителей этого островного королевства. Теперь в его столице, Истрисе, поклонялись Ашаре-Ашкар, шансарской и вардийской Анакир.

А между побережьями Дорфара и Кармисса лежал крошечный клочок земли, который когда-то был известен под именем Обек, а теперь звался Анкабек. По иронии судьбы именно он стал оплотом наиболее ортодоксально верующих в Анакир среди висской части Виса. Маленький островок был полностью занят Ее храмом, зданием из черного камня, точно таким же, как степные храмы. Его окружали искривленные красные деревца с Равнины-без-Теней, которые на тучной северной почве разрослись, став высокими и пышными.

1

Рассвет пришел в Истрис с серебряного моря. Над стройными башнями столицы, одновременно являющейся главным портом Кармисса, замелькали стайки птиц, на воде показались косяки вертких рыбачьих лодок. Под высоким куполом храма Ашары зазвенел рассветный колокол — обычай, пришедший из Шансара-за-Океаном.

Кесар эм Ксаи, стоя у окна, взглянул на восход солнца и выругался. Уловив его слова, девушка, все еще лежащая на огромной постели, прошептала:

— Мой господин?

— Поднимайся и пошла вон, — Кесар даже не взглянул на нее. Он стоял неподвижно, обнаженный, спиной к ней. Она молча повиновалась.

Смешение кровей проявилось в нем очень ярко — матовая светлая кожа, едва тронутая загаром, длинные черные волосы, темные глаза. Он был поразительно красив, а молодое лицо светилось изрядным умом и властностью. Высокое и худощавое, но при этом полное силы, его тело было совершенством, изящное даже в своей наготе. За тело стоило благодарить его родословную, хотя оно было единственным, за что та заслуживала благодарности, ибо все остальное было куда хуже. Среди множества незначительных принцев Кармисса он был одним из последних. Одна из младших принцесс старинной королевской династии Кармисса зачала его, старшего из двух близнецов, от какого-то заезжего шансарца в безумный год, последовавший за окончанием войны Равнин. Второй на свет появилась девочка. Они были совершенно разными, Кесар и его сестра, хоть и появились на свет из одного чрева, которое делили в течение столь долгого времени. Вал-Нардия казалась всего лишь красивой куклой со светлой кожей и глазами оттенка свежего меда. А ее волосы, как это иногда случалось у полукровок, пламенели тем самым алым цветом восходящего солнца, который сейчас разливался по Истрисской бухте.

Этот рассвет напомнил ему о ней — поэтому он и выругался.

Девица, которую он выбрал себе на прошлую ночь, уже исчезла. Кесар отвернулся от окна и принялся одеваться, попутно допивая остатки вина из кувшина.

На пороге он остановился, глядя на стражника, стоящего на часах. Возмужав, Кесар решил, что ему нужна стража у дверей покоев. Однако этот часовой привалился к стене и самым возмутительным образом дремал, несмотря даже на проскочившую мимо девицу. Кесар выхватил кинжал и, стремительно обхватив часового за шею, прижал к его горлу острое как бритва лезвие. На коже стражника выступила кровь, и тот, испуганно выругавшись, очнулся.

— Вот так и убийца прирежет сначала тебя, а следом и меня, — прозвучал над ним голос хозяина.

— Мой лорд, я услышал бы... и проснулся...

— Разумеется. Так, как сейчас. С ножом в горле, — Кесар отпустил незадачливого стражника, и тот выпрямился, зажимая порез на шее, которую не прикрывала кольчуга.

— Выбирай сам, солдат, — уронил Кесар. — Либо ты отыщешь сержанта и скажешь ему, что я велел дать тебе десять ударов кнутом. Когда придешь в себя, сможешь вернуться ко мне на службу. Либо верни оружие и одежду, которые получил от меня, и сгинь в своих закоулках, или откуда ты там появился.

— Есть, мой лорд. — Солдат поклонился, кривя губы. Он был кармианцем, с темными волосами и медной кожей. Глаза у него были светлее, чем обычно, но это вполне могло быть унаследовано и от Висов. Пожалуй, такой предпочтет порку.

Кесар зашагал по коридору. Настроение у него улучшилось, невзирая на почтительную ненависть солдата, которая так и била ему между лопаток.

В скромных покоях его сестры уже было людно. Уложенные сундуки громоздились один на другой в передней. Взволнованный щебет женщин и окружающая суматоха мгновенно вывели Кесара из себя, и он, раздвигая шелестящую юбками толпу, под быстрыми взглядами больших подведенных глаз прошел прямо в ее спальню.

Вал-Нардия стояла, как и он чуть раньше, у длинного окна, но смотрела в комнату. Увидев его, она мгновенно застыла. Он тоже остановился как вкопанный. С самого детства он привык видеть ее в самых роскошных шелках и бархате, какие только позволяло их положение, с вплетенными в волосы драгоценностями и с неизменным ожерельем, когда-то принадлежавшим их умершей матери, — золотым, с тремя черными кармианскими жемчужинами. Сейчас же по случаю надвигающейся жары на ней было простое платье из небеленого льна. На коже в кои-то веки не было ни краски, ни украшений, а распущенные волосы сбегали по плечам одним длинным языком пламени.

Что-то остановило его — что-то такое, чему сам он вряд ли смог бы дать определение. Не глядя, он махнул рукой в сторону двух женщин, находившихся в спальне:

— Отошли их.

Вал-Нардия сделала глубокий вдох. Однако ей не пришлось ничего говорить женщинам — те и без того двинулись к двери. Прошелестел занавес, дверь бесшумно закрылась, и в передней вдруг стало очень тихо.

— Ты пришел проститься со мной? — спросила Вал-Нардия. Ее глаза были опущены, а лицо заливала бледность — на столь светлой коже она была предательски заметной. Сейчас она казалась даже моложе, чем была на самом деле.

— Если тебе так этого хочется. Прощай, дорогая сестрица.

— Не надо, — сказала она, напряженно сглотнув. Он заметил, как дернулось ее горло. — Не брани меня, Кесар. Этот день должен стать для меня очень радостным, и тебе тоже следует радоваться вместе со мной.

— Радоваться, глядя на то, как ты уезжаешь, чтобы попусту растратить свою жизнь? Что ж, я рад за тебя, безмозглая корова.

Вспышка гнева, казалось, разрушила оцепенение обоих. Вал-Нардия испуганно смотрела, как Кесар приближается к ней. Остановившись менее чем в шаге от нее, он внезапно схватил ее за руки. Ее глаза мгновенно увлажнились — и непохоже, чтобы от слез. Она взглянула на него и покачала головой.

— И все это достанется Ашаре-Анакир. Будет заживо похоронено на Анкабеке.

— Я стану жрицей богини! — выкрикнула она. — Неужели здесь я могу рассчитывать на что-то лучшее?

— Здесь буду *я*.

— Ты... — прошептала она. Тяжелые капли — слезы или что-то иное — скатились из ее глаз.

— Это из-за меня ты покидаешь двор.

— Нет, Кесар.

— Да, Кесар. Ты боишься ростков своего чувства ко мне — и себя самой, когда мы вместе. Скажешь, не так, сестрица?

Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Отпусти меня, — выговорила она наконец.

— Почему? В Ланне подобные вещи признаются вполне допустимыми.

— Кесар...

— Отец с дочерью, брат с сестрой. Там они могут не только делить ложе, но даже жениться, — он усмехнулся. Она смотрела на него, испуганная и зачарованная одновременно. — Давай сбежим в Ланн и поженимся. Будем жить в холмах и нарожаем кучу детей.

Она забилась в его руках, потом перестала бороться, опустив не только взгляд, но и голову.

— Дело не в том, что я так сильно тебе нужна, — выговорила она. — Просто ты решил, что непременно должен заполучить меня. Ты хочешь получать все, что пожелаешь.

— У меня почти ничего нет. Титул, который ничего не значит. Шкаф, который кто-то по ошибке назвал комнатой, в нижнем дворце. Клочок земли в Ксаи, не рождающий ничего, кроме

гнилых тыкв и болезней. Но если ты останешься, то мне, возможно, удастся чего-нибудь добиться. Ради нас двоих.

— Я хочу лишь покоя.

— И непременно подальше от меня?

— Да, — она снова подняла глаза, встретившись с ним взглядом.

— А через несколько ночей на небе снова зажжется Застис. Что тогда? Ты не настолько белая и не настолько желтая, моя сестричка-полукровка, чтобы не слышать зова Красной Луны.

— На Анкабеке практикуют разные вещи из храмовой науки Равнин...

— И ни одна из них и вполовину не столь действенна, как мужчина в постели рядом с тобой. У тебя ведь уже были любовники в Застис, Вал-Нардия, даже если среди них не было того, кого ты действительно хотела.

Она наконец вырвалась из его рук, и он негромко рассмеялся. Теперь на его лице было лишь неприязненное презрение.

— Нет, — кивнула она. — По крайней мере, этот грех ты так и не смог совершить.

— Но ты считаешь, что в конце концов я все-таки возьму тебя силой? Поэтому и бежишь?

— Да, именно поэтому, если тебе так надо это услышать. Я бегу от тебя. О, не просто от твоей страсти и твоих желаний — от всего того, что есть ты. От твоих греховных снов, от твоих планов, от твоего изощренного разума, который понемногу превращается в выгребную яму...

На этот раз он ухватил ее за волосы и грубо притянул к себе, прервав ее страстную речь поцелуем.

Сначала она сжимала зубы, изо всех сил стараясь не впустить его язык, но от его поцелуя у нее перехватило дыхание. Вскоре ее губы разомкнулись, чтобы глотнуть воздуха. Зов Застис уже начал неуловимо волновать кровь тех, кто был восприимчив к ней. Кесар ощутил, как внезапно ушла ее напряженная дрожь, и ее руки внезапно сомкнулись у него за спиной. На бесконечный и вместе с тем мимолетный миг он растворился в душистой прохладе ее губ, наслаждаясь ответной реакцией и чувствуя маленькие руки, судорожно прижимающие его к себе. Затем вдруг она снова начала сопротивляться — с силой оттолкнула его, впилась ногтями в его плечо, и он отступил, пьяный от ее близости и совершенно потерявший голову.

К его ошеломленному, растерянному и яростному изумлению, Вал-Нардия схватила со стола маленький нож для фруктов.

— Убирайся, — задыхаясь, выговорила она. Ее голос прозвучал сдавленно, но тонкое лезвие в маленькой руке грозно сверкнуло.

Кесар развернулся и пошел к двери, но у самого порога остановился и оглянулся на нее. Она мгновенно выставила нож, явно собираясь метнуть его.

— Прощай, милая сестрица, — бросил он. — Вспоминай меня жаркими алыми ночами, лежа в одиночестве на своем аскетическом тюфяке.

Лишь когда дверь за ним захлопнулась, Вал-Нардия осторожно положила нож на блюдо для фруктов. Это получилось у нее не сразу, ибо глаза ей застилала пелена слез.

* * *

В каменном дворцовом подземелье сержант личной гвардии Кесара, засунув большие пальцы за пояс, оглядел крытый двор с высоким столбом в центре.

— Да, он на это способен, наш лорд Кесар. Значит, велел тебе самому решать? В любом случае ты здесь не первый, солдат. Перебрал пива, не так ли? Или кое-чего другого?

Часовой-кармианец — год назад он представился как Рэм — ничего не ответил. Да сержант и не ждал от него ответа. Ожидание десяти ударов кнутом, который солдаты называли меж собой Шкуродером, мало кого располагало к шуткам или философским беседам.

Гвардия Кесара состояла из десяти солдат, дозволенных принцу низкого ранга — бастарду, которому драгоценная кровь светлой расы и королевская кровь достались от разных родителей. Бастардам шансарского короля-завоевателя и его братьев повезло куда больше. Однако каким-то загадочным образом, непостижимым для здравого рассудка, десять солдат Кесара все время менялись. Номер, к примеру, седьмой сегодня мог быть коренастым, с лицом, покрытым шрамами. На следующий день он оставался коренастым, но лицо его становилось совершенно чистым, а еще через день он к тому же сильно прибавлял в росте. Таким образом, под каждым номером на самом деле тайно значился целый десяток солдат. В общей сложности это составляло сотню, девяносто из которой служили в личной гвардии Кесара неофициально. Такую практику нельзя было назвать необычной, но Кесар действовал более тонко, а потому имел более многочисленную гвардию, чем большинство других. Кроме того, у него было еще одно несомненное и довольно незаслуженное преимущество. Обычно предводитель или обладает обаянием, или нет. Принц эм Ксаи был наделен им в полной мере и беззастенчиво пользовался этой странной, темной и беспощадной магией. Она-то и держала его людей в безоговорочном подчинении, невзирая даже на то, что он давал им немало поводов для недовольства, ибо его понятия о правосудии зачастую были странными, а иногда и вовсе несправедливыми.

И как раз сейчас этому солдату предстояло на собственной шкуре испытать убийственно несправедливое правосудие Кесара.

— Кого же мы приставим приглядывать за тобой после того, как выпорем? — задумчиво спросил у самого себя сержант.

Больные и наказанные отлеживались не во дворце. Вся гвардия, кроме десятка, занятого на дежурстве, была размещена в городе. Иногда кто-нибудь дезертировал, но на его место неизменно находился новый. Этот Рэм, он в прошлом был разбойником, не так ли?

— У меня никого нет, — бесцветным тоном сообщил солдат.

— Как, неужели совсем никакой жалостливой шлюшки на примете?

— Сейчас — нет.

— А родня?

Солдат лишь взглянул на него искоса.

— Я спрашиваю не из пустого любопытства, — пояснил сержант. — Если у тебя есть какие-то родственники, их помощь тебе не помешает.

Солдат, назвавший себя Рэмом, взглянул на столб для порки с висящими на нем кандалами.

— Вообще-то есть кое-кто.

— Кто же?

— Одна женщина, — нехотя выговорил Рэм. — Красный дом на Косой улице, у самой гавани, — он невесело усмехнулся. — Только она может отказаться. Она любовница торговца пенькой. Он сейчас в отъезде.

— Ладно, солдат. Раздевайся до подштанников — сам знаешь порядок. Бить буду быстро и сильно, так меньше почувствуешь, да и потом легче будет. Разрешаю ругать меня как угодно, пока я тебя деру. Двадцать лет назад в Закорисе я был мастером этого дела, и не из худших.

Они подошли к столбу. Рэм вставил руки в кандалы и услышал, как они щелкнули. Двое стражников, выбранных в свидетели, что-то сочувственно пробормотали. Сержант дал ему глотнуть неразбавленного спирта, дравшего горло не хуже хлыста.

Потом на его спину опустился Шкуродер.

Рэм, как все и подозревали, было ненастоящее его имя. Но то имя, которое досталось ему от его сумасшедшей матушки, было крайне тяжело носить. Даже укоротившись со временем, оно все равно наводило внимательное ухо на лишние мысли. Росший сначала в городских предместьях, а после в трущобах, среди белых песков жары и серых снегов холода, в то время как десять из одиннадцати мальчишек вокруг него звали в честь Ральднора из Сара, героя с Равнин, — Рэм не имел от своего имени ничего, кроме неприятностей. Все его детство прошло в драках, а когда он возвращался домой, там его снова ждали оплеухи и зуботычины. Покровителям матери было плевать на него, да и сама она не питала к нему ни любви, ни интереса.

Под конец он пришел к мысли, что именно побои, которые сыпались на него все детство, и виноваты в том странном, что за последние пять лет случилось с ним целых пять раз. В том, что происходило как раз в тот миг, когда Кесар эм Ксаи вышел из своих покоев и обнаружил его.

Придя в себя с кинжалом хозяина у горла, он счел за лучшее притвориться. Принц явно решил, что Рэм задремал на часах, как последний болван. Служба в гвардии человека с таким честолюбием и злопамятностью, как у Кесара, вполне могла стать для него ступенью к

возвышению. Рэм чувствовал в Кесаре некую особую силу, вкус к власти. Кроме того, это место приносило ему регулярные деньги и кое-какие привилегии. Рэму совершенно не хотелось возвращаться к своему прежнему занятию — разбою. Солдатская служба отличалась от него лишь немногим, но была законной. А получать наилучшую плату за то, что умеешь делать лучше всего, — вполне логичное стремление.

Но если бы Кесар узнал, *что* произошло с Рэмом у его дверей, шансов не оставалось. Его ждало неминуемое увольнение. Снова оказаться на улице, вернуться к старому ремеслу и утратить единственную цель в жизни...

Рэм успел заметить девушку, которая, дрожа, выскользнула из комнаты. Сквозь спутанную массу темных волос проглянуло соблазнительное округлое плечо. А потом мозг Рэма копьем пронзила боль. Он понимал, что с ним происходит, но сделать ничего не мог. Девушка ничего не заметила. Дворцовый коридор затуманился и померк, заслоненный картиной, пылающей у него в мозгу. То, что он видел, было совершенно отчетливым, — как и все эти его видения. Перед его мысленным взором встала женщина. Ему не удалось рассмотреть ее одежду, но он уловил мерцание фиолетовых камней. У нее были красные волосы — того кроваво-красного оттенка, который когда-то был очень редким, но теперь перестал быть таковым из-за смешения светлой и темной рас. Но он не только видел ее облик — он проникал взглядом прямо в ее тело, в ее лоно. Там в своем серебристом пузыре таилось крошечное существо, спящее и бесполое. Вокруг него была странная аура пульсирующего сияния. Он ощущал эту жизнь, скрытую в ее теле, словно напряжение воздуха перед грозой. В обычном состоянии рассудка он счел бы такие ощущения смехотворными. Мысленные образы, которые преследовали его со времени взросления, он тоже высмеивал, едва они отступали. Ему и в голову не приходило счесть себя чтецом чужих мыслей или провидцем. То, что он видел, было каким-то символом, непонятным знаком и, насколько он понимал, не имело ни малейшего отношения к его собственной жизни. Или же это стоило считать разновидностью безумия, в котором он до сих пор никому не признавался и до сегодняшнего дня ни разу не был в нем уличен.

И надо же было случиться такому, чтобы Кесар лично застал его во время одного из этих приступов!

Но в его лжи никто не усомнился. А к побоям Рэм давно привык.

Когда его сняли со столба, он был в сознании, да и не рассчитывал на иное. Поэтому он сильно удивился, когда уже в повозке, в которой его по Косой улице везли к гавани, утонул в кружащемся небытии. Очнувшись, он увидел своего товарища, приставленного к нему сиделкой на время дороги, с мехом вина. Рэм глотнул, и его едва не стошнило. У него даже ничего не болело — но лишь до тех пор, пока он не делал хотя бы мельчайшее движение, и тогда боль раздирала его тело на клочки.

— Приехали, Рэм. Вот дом, о котором ты говорил.

Рэм ухитрился выдавить из себя какое-то подобие усмешки и с помощью второго солдата кое-как выбрался из повозки.

Ворота в желтоватой кирпичной стене были заперты, но на стук явился привратник. Это был тот же угрюмый старик, который служил здесь год назад, когда Рэм в последний раз появлялся в этом доме. Сам дом тоже ничуть не изменился — узкое строение без единого окна на улицу. Разве что вьющиеся растения, оплетавшие стены, стали чуть гуще.

Привратник оказался несговорчивым. Хозяин в отъезде, а хозяйка ни о чем таком его не предупреждала. Его убедили доложить ей. Рэм начал смеяться. Второму солдату явно было скучно и противно, а повозка тем временем уехала.

— Можешь оставить меня здесь, — выговорил Рэм, привалившись к воротам.

— Почему бы и нет? Она обязана пустить тебя. Только последняя сука способна прогнать человека в таком состоянии.

— Тогда она вполне может выставить меня. Она — сука из сук, какой еще свет не видывал.

Солдат пожал плечами и, сочтя свой долг выполненным, отправился в винную лавку.

Рэм ждал у ворот. Полуденный зной выпивал остатки его сил, и он уже начал терять сознание, когда вернулся привратник и впустил его.

Он пересек двор, вошел в дом и добрел до комнаты, которую указал ему старик. Все плыло у него перед глазами, поэтому комната, претендующая на роскошь, но на самом деле выглядящая довольно убого, не произвела на него никакого впечатления. Однако женщина в самом центре поля зрения была видна до странности четко, неожиданно напомнив об отчетливой резкости его видений. Долгая молодость Висов уже начала покидать ее, но не это, а разочарования и обиды изрезали ее лицо глубокими линиями. Она постоянно твердила ему об этих разочарованиях и обидах — изредка с подробностями, чаще в общих словах, перечисляя причиненное ей зло. Как она когда-то была в милости у особ королевской крови Дорфара. Как с ней несправедливо обошлись и втянули в интриги двора в Корамвисе в последние дни его былого могущества. И самое главное — как его отец покинул ее. Она всегда ненавидела Рэма из-за его отца. Она не уставала повторять ему о том, что нисколько не сомневается — сын никогда не любил ее, даже в младенчестве.

Он ощутил к ней что-то вроде жалости. Ее темные волосы были аккуратно уложены в прическу служанкой, которую она стегала розгой, когда девушка чем-то вызывала ее неудовольствие. Прическа выглядела немного старомодно — вне всякого сомнения, так укладывали волосы там, в Корамвисе, исчезнувшем с лица земли. Шпильки блестели фальшивой позолотой, а уши оттягивали тяжелые черные жемчужины — искусственные, получавшиеся, когда вместе с песчинкой в тело моллюска впрыскивали черную тушь.

Она взглянула на него, и ее переносицу прорезали глубокие складки, уголки сухих губ дернулись вниз.

— Я не видела тебя уже больше года, а теперь ты вламываешься сюда в таком виде и с таким позором. И я еще должна

ухаживать за тобой? Как, скажи на милость? Что он скажет мне, когда вернется?

— Твой дружок-купец не скажет ничего, если у него есть хоть немного ума. Кроме всего прочего, он получит денег из сундуков принца, которому я служу.

— Да, это может ему понравиться, — сказала она язвительно.

— Или он может взять одну из своих веревок и повеситься.

Сквозь рубаху, которую кое-как набросили ему на плечи, он чувствовал, как сочится, запекаясь коркой, его кровь. Комната закружилась, и прежде чем Рэм успел что-либо сообразить, он рухнул на колени, и его стошнило прямо ей под ноги.

Она брезгливо отскочила, осыпав его бранью. Под конец, видимо, исчерпав все ругательства, она выговорила его имя — с таким презрением, на какое только была способна.

— Даже королей иногда тошнит, матушка, — отозвался он, сплюнув.

— Рармон! — завизжала она, давясь злобой. — Рарнаммон...

Он поднялся, и боль, пронзающая тело, наполнила его отчаянием. Судя по всему, дела здесь шли неважно, поскольку торговец пенькой, недавний покровитель его матери, и двое из трех слуг были в отъезде. Сырая кладовая, которую те занимали, стояла пустая, и Рэм мог отлеживаться там. От щедрот Кесара его будут кормить и, возможно, даже проследят за тем, чтобы он остался в живых.

Рэм терпеливо дожидался, когда поток ее жалоб иссякнет, зная, до какой степени бесполезно взывать к ее милосердию. Ребенком он уже раз или два тщетно пытался делать это, когда Лики била его головой о стену или когда, поймав его на воровстве из ее кармана, сунула его руки в кипяток.

Когда-то она была очень хорошенькой, но в какую же уродину превратилась сейчас! Его чуть было не стошнило еще раз, но каким-то чудом он сдержался, зная, что она сочтет это новым оскорблением, и все это будет тянуться до бесконечности.

К середине дня колесница преодолела изрядный отрезок белой дороги, ведущей из Истриса в Иоли и занимающей двое суток. К исходу дня предполагалось добраться до берега узкого пролива, в котором лежал островок Анкабек. Ночевать собирались в скромных придорожных гостиницах, которые были заранее оповещены. Дорога была прекрасной, а в жаркую пору вряд ли что-то могло задержать небольшой караван, пусть даже его скорость и без того была невелика. Хиддраксы, чистокровные скакуны, обычные в сердце Виса, были далеко не столь свойственны Кармиссу, а лошади из Шансара-за-Океаном совершенно не выдерживали долгих путешествий и встречались еще реже. Поэтому колесница была запряжена породистыми зеебами, способными идти вскачь, но весьма недолго.

Принцесса сидела в подушках, читая или просто глядя по сторонам на подсвеченную солнцем дымку. Девушка, ее спут-

ница, флиртовала с одним из двух всадников, сопровождающих колесницу. Если повезет, небольшой кортеж вполне мог вернуться обратно в столицу еще до того, как на небе вспыхнет Застис.

Золотистый день полыхнул огненным закатом, клонясь к сумеркам. Они ехали по холмистой местности, которая завтра должна была плавно перетечь в Иоли, выйдя к северному взморью. Показались башенки постоялого двора, а над их крышами уже загорались первые звезды.

Прежде чем войти во двор, Вал-Нардия прикрыла лицо покрывалом. Ее мантии, эскорта и служанки было вполне достаточно, чтобы внушить уважение, не вызвав при этом ненужной суматохи. Одна из младших принцесс, она путешествовала просто как знатная дама. Так ее и приняли на постоялом дворе.

В комнатке, которую ей отвели на верхнем этаже второй башни, она поужинала тем, что ей принесли. Вино было желтым — такое делали на Равнинах. Виноградники Кармисса, сожженные двадцать лет назад, когда его побережья обстрелял флот из-за океана, до сих пор не вошли в полную силу. Напитками этого края стали пиво и жгучее белое пойло из раздавленных и перебродивших ягод.

За открытыми ставнями безраздельно властвовала ночь. Вал-Нардия отослала девушку и осталась одна.

Она уселась в кресло, раскрыв книгу, но ее боязливые мысли бродили где-то далеко. До нее донеслись звуки музыки — мелодия была неистовой и завораживающей. Пели песню, и против воли она вслушалась, пытаясь разобрать слова. Ей удалось различить всего одно или два, долетевшие до нее сквозь толстый пол и через открытые окна нижнего этажа, но внезапно она уловила имя — «Астарис». Значит, это была песня о Ральдноре, сгинувшем герое-полукровке, и о кармианской принцессе, его возлюбленной, красноволосой Астарис, которая, как говорили, была прекраснейшей женщиной в мире.

Вал-Нардия невольно коснулась своих густых волос. Когда песня кончилась, девушка отправилась в постель.

Она лежала на подушках с широко раскрытыми глазами. Шумный постоялый двор уже утих, а Вал-Нардия еще долго смотрела в ночь за окном, время от времени вполголоса бормоча известные ей ритуальные молитвы Анакир, Повелительнице змей — ибо она одна стояла между Вал-Нардией и ее снами, полными ужаса и страсти. Наконец она все-таки уснула, и ей привиделся брат, стоящий на высоком холме у моря, которое волновалось под порывами ветра. Она поняла, что позвала его, — он придет к ней, и тогда ей не будет спасения. И в ее сне все так и было.

Они охотились, и охота вышла удачной. Возвращаясь обратно в сумерках по городским улицам, полным грохота колес и цокота копыт, король, как всегда, выделялся из своей свиты — золотая смеющаяся фигура на янтарном коне. Звенели приветственные крики, женщины, свешиваясь с балконов, бросали вниз цветы. Сузамуну эм Шансару нравилась грубоватая шумная простота его прежнего

двора среди родных болот и скал, и он перенес ее и сюда. Болтали, что в молодости, годы спустя после того, как присвоил корону Кармисса, он переодевался то нищим, то гончаром, то скотоводом и бродил по городам, как когда-то делали боги, играя с человечеством. Тех, кто был добр к нему, он впоследствии награждал — любезным дамам жаловал ларцы с драгоценностями, какому-то конюху, бросившему несчастному попрошайке монетку, подарил жеребца. Тех же, кто плохо обходился с ним в его странствиях, он вызывал к себе во дворец и открывал страшную правду, лишая бедняг дара речи. Наказание было заслуженным, ибо те, кто не узнавал своего короля по цвету волос или кожи, должны были понять, что это он, хотя бы по резкому акценту и ломаному языку Висов.

Однако в последние десять лет он немного смягчился, предпочитая, чтобы его знали тем, кем он был, — аристократом и повелителем. Былой титул «Король-пират», прежде забавлявший Сузамуна, теперь мог заставить его нахмуриться и прикрикнуть на того, кто произнес это вслух. В жены он брал только своих соотечественниц, а его немногие висские любовницы как одна осветляли волосы и белили кожу.

Процессия ввалилась во дворец, и веселый шум тут же разнесся по всем его уголкам — топот ног и лязг оружия, собачий лай и шипение охотничьих калинксов, но все перекрывал гомон людей, желающих веселиться. Сузамуну был по душе почти любой шум. В длинный зал, сверкающий огнями, вбежали менестрели, и он наполнился пением смычков и грохотом барабанов.

Неожиданно Сузамун, только что оглушительно хохотавший, умолк. Его светлые брови грозно сдвинулись.

В зал вошел Кесар эм Ксаи с парой совершенно одинаковых черных калинксов, шествующих перед ним на поводке, и одним из своих солдат за спиной.

Казалось, что Кесар, которому не повезло родиться с черными волосами Виса, надменно выставляет напоказ эту черноту. Его гвардия — ни для кого не было секретом, что ее число далеко превышает дозволенный десяток, — на всех церемониях появлялась исключительно в черных кольчугах. Сам он обычно, как и сегодня, одевался в черное, оживленное лишь роскошным оплечьем с ало-золотой огненной ящерицей, которую эм Ксаи избрал своим гербом. Амрек, проклятый тиран и угнетатель Дорфара, тоже носил черное, точно подчеркивая предпочтение, отдаваемое своей расе. А Кесар... даже его калинксы были черными, как ночь. И, разумеется, великолепными. Где только он брал деньги на покупку или разведение таких зверей? Мать почти ничего не оставила ему после себя, а отец-шансарец и вовсе не озаботился такими мелочами.

Сузамун изучал калинксов — их холодные голубые глаза источали злость, но рука, держащая поводок, непререкаемо правила ими. На сегодняшней охоте они преследовали добычу вместе со всеми и первыми загнали зверя, действуя слаженно и в то же время отдельно от прочей своры, что было большой редкостью. Сузамун тут же испытал острое желание заполучить их, но королю было непри-

лично и неудобно требовать чего-либо от младшего принца. Почему-то эм Ксаи постоянно вызывал у него беспокойство.

Король остерегался Кесара — и не любил его. То, что столь незначительная персона привлекает к себе такое внимание, уже само по себе было предосудительно.

Кесар неторопливо дошел до конца зала, где среди своих братьев и фаворитов стоял его повелитель. С появлением принца зал выжидающе притих, так что стала слышна мелодия, которую наигрывали музыканты. Кесар в упор посмотрел на короля — ленивым, непроницаемым и бесстрастным взглядом — и лишь потом отвесил изящный легкий поклон.

Два калинкса, камнем застывшие на плетеных поводках, прижали увенчанные кисточками уши. Злобные твари восприняли злость короля и теперь показывали ее всем собравшимся.

— Мы весьма вовремя устроили охоту, — рассмеялся Сузамун. — Ты приятно провел время, Кесар?

— Да, мой повелитель, — принц чуть усмехнулся. Оба они говорили на языке родины Сузамуна, нынешнем языке кармианского двора.

— Тебе стоит поблагодарить за это своих котиков.

— Верно, мой повелитель. Дорфарианские калинксы обычно бывают лучше всех.

Сузамун метнул на них жадный взгляд. Во имя янтарных сосков Ашары, почему такое ничтожество владеет столь великолепными зверями?

— Дорфарианские, говоришь? Должно быть, они обошлись тебе недешево.

Кесар снова усмехнулся.

— Несомненно, мой повелитель. Но я купил их не ради своего удовольствия. Сегодня я желал испытать их в деле, чтобы убедиться, действительно ли они стоят таких денег. И, поскольку это так, я буду счастлив, если ваше величество окажет мне честь, приняв их в дар.

Толпа негромко ахнула, послышались смешки, потом аплодисменты.

Потребовать их было неудобно — теперь же стало неудобно отказаться от них.

Теперь усмехнулся Сузамун. Он щелкнул пальцами, и мальчишка-грум тут же подскочил, чтобы принять поводок у Кесара. Выученные в совершенстве, коты не издали ни звука протеста, хотя уши у обоих встали торчком. Их торжественно вывели из зала. Сузамун взял себя в руки, подошел к Кесару и обнял его.

Придворные снова зааплодировали.

Подали ваткрианское вино, и Кесар выпил с королем и его братьями. Уль склонился к уху Сузамуна.

— Я не забыл, — кивнул король. — День — забавам, вечер — делу. Господа, следуйте за мной наверх. Ты тоже, эм Ксаи. Можешь оставить здесь своего солдата.

Поднявшись по лестнице, они вошли в один из залов Со-
 вета. Там уже горели светильники. Стену украшала выложенная

мозаикой карта мира, включающая и очертания второго континента. Названия наиболее значительных стран и их главных городов были выложены золотом, и сильнее всего бросалось в глаза слово «Шансар». В разделяющих их морях резвились мозаичные рыбы, а подводные вулканы изрыгали киноварь.

Сузамун направился прямиком к карте и встал, разглядывая ее. Когда он обернулся, его лицо было самодовольно-царственным и напыщенным. Он быстро обвел взглядом собравшихся, точно убеждаясь, что никто не насмехается над ним. Но среди них не нашлось такого глупца. Даже заносчивый Кесар принял непроницаемый вид, время от времени чередуя его с вежливой улыбкой или столь же вежливым выражением внимания.

— Сегодня твоя сестра отбыла на Анкабек, — произнес король.

— Да, мой повелитель.

— Мы с удовольствием исполнили ее желание посвятить жизнь Ашаре, единственной истинной богине.

Кесар поклонился.

— Вал-Нардия так и лучилась благодарностью, мой повелитель.

Король бросил недоверчивый взгляд на молодого человека, но его поведение было безукоризненным.

— А ты? — спросил Сузамун. — Как мы поступим с тобой?

— Мой король знает, что может распоряжаться мною, как посчитает нужным.

Сузамун ткнул рукой в карту.

— Закорис, — произнес он. — Все мы помним, не так ли, как мой собрат из Вардата взял черный Закорис и как тот пал? И как потом потерпевшие поражение закорианские лорды вторглись в Таддру? Теперь они обосновались на северных побережьях Таддры и оттуда нападают на Дорфар. Мой собрат из Дорфара, король Ральданаш, сын Ральднора, уведомил меня, что эти пираты опустошают его северные берега. Гарнизоны северо-восточных городов Кармисса также послали мне известие, что там были замечены так называемые вольные закорианские разбойники, а на берегах Дорфара — костры.

Пятнадцать лет назад все это вполне могло позабавить Сузамуна, Короля-пирата, но сейчас он ни словом, ни жестом не упоминал о своем прошлом.

— Ради безопасности Кармисса и дабы проявить заботу о землях Повелителя Гроз, — важно изрек он, — я решил послать войско и флот, чтобы разбить этих пиратов. Я лично участвовал в морской битве при Карите, когда Висы подожгли воду, и волны побелели от костей желтоволосых людей.

Похоже, его братья тоже вспомнили это. Их лица были неподвижными. Немногие советники-Висы, находившиеся в зале, опустили глаза. Один лишь Кесар в своих черных одеждах не отвел взгляда, и его глаза встретились с глазами короля.

— Командование этими силами я намерен поручить человеку молодому и решительному, который пока не слишком известен в Кармиссе, но отнюдь не потому, что лишен достоинств, —

если в его словах и крылся сарказм, то король никак не подчеркнул его. — Принцу из старинного королевского рода, в чьих жилах течет кровь народа богини. Кесар эм Ксаи, я предлагаю этот пост тебе. Ты примешь его?

— Вы делаете мне честь, повелитель, — лицо Кесара осталось неподвижным. Он просто продолжал смотреть в глаза королю. Сузамун пожал ему руку, а присутствующие в зале члены Совета сердечно поздравили его.

Вольные закорианцы плавали небольшими группами, но было очевидно, что флот, который отправит против них Сузамун, будет ничуть не больше. Кроме того, это будет флот, расслабившийся за мирное время и по большей части висский, поскольку те шансарцы, кто хотел остаться под парусом, вернулись на родину. К этому стоило прибавить отсутствие подготовки, небольшие размеры кораблей, обленившееся флотское командование, а в довершение всего — поставленного во главе захудалого принца, опытного в морских сражениях ничуть не больше, чем огненное существо с его герба, саламандра.

Все это можно было представить как блестящую возможность выдвинуться. Но с равной вероятностью это могло стать верной дорогой к бесчестью и бесславной гибели.

Долгий северный закат почти догорел, когда, разрезав розовую воду, к каменному берегу Анкабека со скрежетом пристала барка. Им все-таки не удалось избежать задержки — один из зеебов потерял подкову, пришлось на несколько часов остановиться в блистательном Иоли. Но, разумеется, барка дождалась их, так что их прибытие на место стало лишь делом времени. Море было спокойным, и таинственный островок, вырастая перед ними из путаницы света и теней, казался зачарованным, священным — каким ему и полагалось быть.

Вар-Нардия смотрела на него со странной тоской, тронутая красотой открывшегося вида в последних болезненных отблесках зари.

На пригорке над пристанью приютилась деревушка. К песчаному берегу двигались мужчины с факелами в руках, среди которых виднелась единственная женщина, похожая на призрак. Сумерки почти сомкнулись над островом.

Свита принцессы уже вернулась на барку, лишь девушка-горничная, задержавшаяся с вещами, вдруг расплакалась и кинулась целовать руки Вал-Нардии. Принцесса принялась ласково утешать служанку, но все ее внимание было приковано к женской фигуре, идущей среди факельщиков. Потом та подошла, и служанка упала на колени.

Женщина была с Равнин. В этом не могло быть никакого сомнения. Ее волосы под дымчатой вуалью были светлее утреннего неба. На льдисто-белом лице горели глаза, золотые в свете факельных огней.

Она оглядела Вал-Нардию, казалось, пронзая ее насквозь. Принцесса не противилась этому взгляду, наоборот, глазами, разумом и душой раскрылась ему навстречу, не чувствуя никакого страха, лишь безмерное изумление. Неужели Равнинная жрица прочла ее

мысли? Что ж, тем лучше. Пусть все ее грехи и печали выйдут наружу. Тогда она может со временем надеяться на исцеление.

— Мы ждали вас, госпожа, — сказала женщина ровным негромким голосом. Эта фраза заключала в себе всю учтивость той, кто, будучи дочерью богини, могла позволить себе великодушие.

— А я, — тихо произнесла Вал-Нардия, — жаждала оказаться здесь.

Жрица бросила взгляд на факельщиков, которые подхватили скудный багаж Вал-Нардии. Они зашагали обратно, мимо деревушки, поднимаясь выше по склону. Не сказав больше ни слова, жрица двинулась за ними, и Вал-Нардия последовала ее примеру.

Барка уже почти скрылась за краем воды.

Темная тропинка перед ними уходила в еще большую тьму, теряясь меж высоких деревьев. Их листья, выхваченные из темноты танцующими огнями факелов, оказались красными — то были священные деревья из храмовых рощ Равнин. Налетевший вечерний бриз наполнил рощицу звенящим шелестом, играя тонкими дисками из светлого металла, свисающими с веток. Они шли уже почти час.

Храм Ашары, она же Ашкар, она же Анакир, стоял на самой верхней точке островка. Черный в черноте ночи, без единого огонька, без каких-либо украшений, он отличался от храмов Равнин лишь размерами. Вертикальная щель двери была очень высокой. Процессия ни звуком не обнаружила своего присутствия, но черные двери распахнулись внутрь. За ними забрезжил тусклый свет — единственный признак жизни, теплившейся в храме.

Факельщики аккуратно опустили свою ношу прямо на пороге, развернулись и двинулись обратно. Они были Висами или полукровками, кармианцами с примесью шансарской или ваткрианской крови, но обученными или вообще выросшими в другой традиции. Они вообще едва ли походили на людей.

Жрица встала на пороге.

— Ты входишь в Святилище богини, — произнесла она. — Всех, кто ищет Ее, она ждет. Тем же, кто не ищет Ее, нет пути сюда.

Казалось, что-то запело прямо в сердце Вал-Нардии — словно перезвон тех дисков, что висели на деревьях. Она быстро вошла в Святилище, и двери без чьего-либо видимого участия захлопнулись у нее за спиной.

2

Церемония проходила на широкой приподнятой террасе перед храмом. В прошлом это здание принадлежало кармианской богине любви, Ясмис, но она была ниспровержена и изгнана в маленькие святилища Города Наслаждений. Теперь здесь был храм Ашары, водяной Анакир. Ее небольшую статуэтку вынесли наружу, и теперь она стояла на золотом рыбьем хвосте с восемью руками, простертыми, как лучи.

Личный маг-жрец короля принес в жертву белого теленка. В Шансаре было принято всегда чтить Ее кровью перед сражением.

Небо над их головами было ясным и чистым, но Звезда уже появилась на нем и по ночам горела рядом с луной. В эту пору все имело чувственный подтекст — даже колдовство и религия, не говоря уже о войне. Такое время совершенно не подходило для сражений, и это ни для кого не было тайной. Светловолосые обитатели второго континента заявляли, что невосприимчивы к Застис, но было замечено, что на самом деле они не вполне безразличны к ней, и со временем их чувствительность только возросла — по крайней мере, у тех, кто долго жил на землях Висов. Лишь бледный народ степи, эманакир, в пору Красной Луны оставался столь же холоден, как и всегда.

Рэм переминался с ноги на ногу, позвякивая кольчугой. Другие тоже переминались, толпа волновалась и перешептывалась.

Жрец выкрикнул пророчество о победе, зазвенели кармианские гонги, и толпа с облегчением завопила.

Так много церемоний — и так мало кораблей! Точнее, всего три. Три корабля с неполной командой и гребцами, не желающими грести. Пришлось пообещать им двойную плату, которая оставалась пустым обещанием, пока Кесар лично не нашел где-то недостающие деньги. К тому же корабли эти были уже немолоды — элита кармианского флота тридцатилетней давности, кое-как подлатанная, но в любой момент готовая дать течь. Капитаны тоже присутствовали на церемонии, готовые отправиться в гавань и взойти на борт. Им предстояло плыть вдоль берега к выходу из пролива. Принц эм Ксаи с двадцатью своими людьми — ко всеобщему потрясению, он признался в том, что численность его гвардии вдвое превышает дозволенную, — должен был выехать вперед и ожидать свой крошечный флот в Тьисе, городке, откуда пришли последние сведения о подозрительной активности закорианцев.

Это был фарс, и все эти религиозные украшения лишь делали его еще более мерзким.

Рэм снова переступил с ноги на ногу, растревожив шрамы, и подумал о Дорийосе.

Рэм, когда-то носивший имя Рармон, отлеживался после порки шесть дней. Врач, которого за плату привел к нему один из слуг торговца, отлично знал свое дело, и он быстро шел на поправку. Но в бесконечно долгие часы, лежа на животе во влажной жаре подвальной кладовой и слушая плеск моря о стену, Рэм был исполнен смутной ненависти ко всему вокруг. Раз или два к нему приходила Лики. Не то чтобы она обходилась с ним очень дружелюбно, но хотя бы присылала слугу с супом, хлебом и пивом. К счастью, пиво и прописанные врачом лекарства служили отличным снотворным, тем более действенным, чем меньше терзала его боль.

На шестой день перед самым рассветом Застис зарделась губительным багрянцем. Рэм выбрался из своей кладовки, воспользовался удобной ванной комнатой, имевшейся в доме торговца, и отправился на поиски матери. Она еще не вставала. Торговец должен был появиться дома уже завтра. Рэм оставил Лики два серебряных кармианских анкара, бросив их поверх дешевых украшений, рассыпанных у ее зеркала. Она не могла не понять, что это значит.

На улице у самых ворот Рэм столкнулся с одним из своих товарищей-солдат.

— Меня послали за тобой. Нашему принцу велено покончить с Вольными закорианцами в Тьисе, и нам с тобой предстоит отправиться на смерть вместе с ним.

Они посмеялись, и Рэм согласился прийти во дворец к вечеру. То, что Кесар позвал его в столь необычный поход вскоре после того, как отправил к палачу, вызвало у него странное чувство. Возможно, это ничего не значило. Эм Ксаи мог просто наугад назвать номер, который у Рэма был девятым, остальные же девять Девятых по каким-то причинам не подошли или что-то вроде этого...

В любом случае визита в Город Наслаждений было не избежать, и его толкал туда не просто страх погибнуть в этом походе. Днем квартал выглядел не столь роскошно, как ночью, но, разумеется, посетителей там все равно хватало. Повсюду било в глаза ослепительное сияние солнца на дешевых блестках. Свернув под небольшую причудливую арку, ведущую в Оммосский квартал, он вскоре очутился в Доме Трех вскриков, в который раз поморщившись от этого названия, и постучал в дверь.

Дряхлый оммосец, которого Рэму всегда хотелось придушить, тут же высунулся из приоткрытой щели, точно черепаха из панциря, и впустил его.

— Проходите, дорогой господин. Он свободен. Он ждет вас с тех самых пор, как Звезда раскрыла свое око, — так сильна его любовь к вам.

Рэм бросил монетку старому мерзавцу и зашагал по спиральной лестнице, грязной и бесконечно длинной. Она составляла сильнейший контраст с помещением наверху, куда он вошел, постучавшись. Эта просторная комната на последнем этаже была чистой и тихой, напоенной запахом цветущих кустов, которые Дорийос выращивал в двух керамических вазах у окна. Сам Дорийос сидел сейчас между ними, занятый одним из бесчисленных сломанных музыкальных инструментов, которые он собирал, чинил, какое-то время играл на них, а потом продавал, а чаще просто дарил кому-нибудь.

Однако, увидев гостя, он широко улыбнулся, отложил свое занятие и пересек комнату. Приподнявшись на носки, он слегка поцеловал Рэма в губы.

— Я-то думал, что ты хранишь себя для меня, — добродушно произнес Рэм. — А ты, оказывается, пускаешь в комнату кого попало.

— Я узнал твои шаги еще на лестнице, а когда ты постучал, и вовсе не осталось никаких сомнений.

Дорийос был прекрасен — чистокровный кармианец с кожей цвета меда, глазами как два черных оникса и великолепными темными волосами, отливающими густой медью. Одет он был очень просто, зато украшений на нем было в избытке. Золотая цепь, висевшая у него на шее, попала к нему от Рэма в те не столь давние дни, когда тот промышлял разбоем. Но золотая капелька в его ухе была подарком от другого.

Привычный к целительной боли и поглощенный лишь своей страстью, Рэм тут же забыл об этом. Сбросив одежду, он услышал восклицание и удивился, что могло вызвать его.

— Твоя спина! Кто это...

— Ах, это... У меня вышла размолвка с лордом Кесаром. Ничего страшного, все уже почти прошло.

— Ничего страшного?!

— Мне стоило предупредить тебя.

— Стоило. Кто тебя лечил?

— Врач.

— Чей?

— Я отлеживался в доме у Лики. Пожалуй, это было ошибкой. Но ей доставляет такое удовольствие питать отвращение ко мне!

— Надо было прийти сюда, — сказал Дорийос так мягко, что Рэм воззрился на него широко открытыми глазами.

— Ты был... ты мог быть занят.

Дорийос улыбнулся.

— Когда тот старик у входа говорит, что я люблю тебя, он не лжет. Я позаботился бы о тебе и не стал никого пускать.

— Никаких других клиентов.

— Я зарабатываю этим на жизнь с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать и меня продали в дом простых радостей, — пожал плечами Дорийос. — Но я больше не раб и занимаюсь этим лишь потому, что умею это делать.

— Да, тут ты прав, — кивнул Рэм, и на этом разговор прекратился.

Звезда сделала их первую близость лихорадочной, быстро завершив ее пронзительным, задыхающимся наслаждением, но, едва оторвавшись друг от друга, они возобновили ласки, на этот раз уже более медленно, растягивая удовольствие.

В углах уже собрались тени цвета степного янтаря, когда Рэм вернулся к постели и положил на ладонь Дорийоса кольцо. Камень в нем был того же цвета, что и тени на стенах.

— Эй, — произнес Дорийос. — Я же не беру с тебя платы.

— Это подарок.

— Я знаю, сколько стоит янтарь. — Повисла пауза. Потом Дорийос спросил: — Ты уходишь воевать с этими проклятыми закорианцами, не так ли? Я слышал на рынке. Вместе с твоим принцем Кесаром, который приказал спустить с тебя шкуру.

— Похоже на то, — Рэм не говорил о предстоящем походе. Но, как шансарцы хвастались тем, что могут читать мысли родных и любимых, так и они с Дорийосом время от времени чувствовали друг друга столь хорошо, что это превращалось почти в связь разумов.

— Я не стану говорить, чтобы ты был осторожен. У тебя нет выбора. Я не стану даже говорить, что люблю тебя, ибо вижу, что тебя это не трогает.

Рэм пожал плечами. В глазах Дорийоса плескалась странная боль, которой не было даже тогда, когда он увидел его едва зажившую спину. Черные волосы, крупными завитками сбегающие по шее,

упали ему на низкий широкий лоб. На миг он стал пронзительно красив, каким бывал лишь в отдельные мгновения.

Из комнаты снизу донеслись какой-то шум, бормотание и вскрики, а потом шлепок мягкого хлыста, непохожего на Шкуродер до такой степени, до какой вообще можно представить.

— Слава богине, у Гхила снова появилось занятие, — благочестиво произнес Дорийос, и оба юноши рассмеялись. Так что их расставание было если и не радостным, то по крайней мере веселым...

Напряжение толпы заставило Рэма очнуться от воспоминаний. Похоже, должно было произойти еще что-то.

Кесар в своей угольно-черной кольчуге стоял перед алтарем. Вся эта суета с жертвами и молитвами привлекла к нему людское внимание. Он казался полным достоинства, но одновременно натянутым, как струна — сильный, впечатляющий и изысканный.

Принесли огромную чашу чеканного серебра, в которой с шипением извивался клубок змей. Толпа мгновенно утихла в ожидании излюбленного колдовского трюка шансарцев. Маг-жрец запустил руку в чашу и вытащил, сжимая в кулаке, громадную змею длиной больше человеческого роста. Змея извивалась, ее чешуя отливала металлическим зеркальным блеском, — и вдруг она расплющилась, став прямой и твердой, и неподвижно застыла в руке мага.

Толпа ахнула. Змея, как все и ожидали, превратилась в меч.

Король Сузамун прошел по террасе. Все уже отметили, что ни его братья, ни законные наследники не появились на этой церемонии. Он взял меч, в который превратилась змея, и вручил Кесару эм Ксаи.

— Ты отправляешься исполнять нашу волю. Так иди же, и да будет с тобой наше благоволение — и Ее тоже.

Кесар принял меч, безошибочно ощущая настрой толпы, и вскинул вверх, чтобы все его увидели. Когда он заговорил, его голос, прозвучавший впервые за всю церемонию, был поразительно холодным и низким. Он взлетел над толпой с такой легкостью, словно его хозяин был актером, привычным к игре перед многотысячной публикой.

— В честь моего короля и во славу богини... — Кесар сделал паузу и в тот самый миг, когда толпа уже приготовилась разразиться приветственными воплями, выкрикнул с внезапной звонкой страстностью: — И за Кармисс, Лилию морей!

Толпа мгновенно с жаром подхватила его клич. Это была стрела, пущенная прямо в сердца Висов.

«Хорошо сказано, мой лорд», — подумал Рэм, криво усмехаясь внутри себя. А потом пришла удивительно ободряющая мысль: «Похоже, что он вовсе не намерен положить нас всех в этом Тьисе».

Это было восьмидневное путешествие по путаным прибрежным дорогам. Каждый день двоих из двадцати отправляли вперед маленького отряда, чтобы не упускать из виду три кармианских корабля. Рэм, в первый же день попавший в такой авангард, заметил и еще кое-что:

желая избежать открытого объявления войны Закорису-в-Таддре,

корабли шли не под Лилией Кармисса и не под шансарской богиней-рыбой. На их чистых парусах горела алая саламандра.

Через пару дней отряд верховых вырвался вперед. Теперь двоих посылали следить за кораблями не вперед, а назад, и их доклады были совершенно однообразными. Три корабля держались на плаву, паруса не спускали, все еще питая какие-то надежды, весла лениво трогали воду. Погода была знойной и почти безветренной. Солдаты перешучивались меж собой по поводу того, что лучше — весь день трястись на зеебе или страдать на веслах. Они знали, что сначала должны добраться до Тьиса, туда и стремились. Но на последнем ночлеге перед тем, как, по расчетам, должен был показаться город, из сумерек выехала пара всадников, причем с совершенно неожиданной стороны — от самого Тьиса.

— В чем дело? — осведомился у гонцов Кесар. Он сам правил своей колесницей, только что сошел на землю и теперь снимал перчатки, одновременно слушая доклад.

— Мой лорд, король не послал нам никаких предупреждений... С вами лишь этот крошечный отряд?

— Есть еще корабли примерно в дне пути позади нас, — сообщил Кесар.

— Благодарение богам... то есть богине... если только их можно поторопить.

— Возможно. Полагаю, вы ожидаете личного визита пиратов Вольного Закориса?

— Да, мой лорд. Прошлой ночью они напали на Кармисс к западу отсюда. Мы видели горящие деревни. Бедные деревни, мой лорд. Они подожгли их просто из злобы. Мы боимся за Анкабек...

Кесар, и так поразительно собранный, казалось, подобрался еще сильнее, и его люди знали, почему — на Анкабек только что отправилась любимая сестра принца.

— Но в таком случае на острове зажгли бы сигнальные костры, — торопливо продолжил гонец, почуяв неладное, — а мы ничего не замечали. Кроме того, закорианцы с суеверным страхом относятся к святым местам.

— Только не к святилищам богини-женщины, — возразил Кесар. Лицо у него было страшное.

— Они появились с другой стороны, мой лорд, — быстро сказал гонец. — С востока, далеко от священного острова. Днем над дозорной башней под Тьисом поднимался красный дым. Перед самым закатом прибыл человек, который видел их своими глазами. Они стоят на якоре в нескольких милях от берега.

— Сколько у них кораблей?

— Семь, мой лорд, — уверенно, почти пренебрежительно ответил гонец, еще не знавший подробностей о флоте, посланном из Истриса.

Лишь один из солдат Кесара посмел выругаться.

— Полагаю, у вас есть веские причины считать, что они не собираются нападать на вас немедленно, — после некоторой паузы сказал гонцу принц.

— Сейчас Застис, мой лорд. На закорианских кораблях обычно есть женщины. А деревни, которые они ограбили, славятся своими пивоварнями. Должно быть, сейчас они празднуют. Если нам повезло.

— Прямо скажем, вам не слишком-то повезло, — уронил Кесар.

Кесар отправил одного всадника обратно к кармианским кораблям. Приказ слышали все. Галеры должны были идти на полной скорости, сажая на весла матросов, когда гребцы будут нуждаться в отдыхе. Это было неслыханно, и вряд ли такой приказ мог обрадовать моряков. Кесар ожидал, что корабли войдут в бухту к юго-востоку от Тьиса на рассвете следующего дня. Нетрудно было представить себе реакцию на это распоряжение. Закончив, он отозвал в сторону сержанта своей гвардии, велел ему что-то и снова взобрался на колесницу. Они двигались быстро, но не на пределе сил, и зеебы вполне могли выдержать еще несколько часов скачки в теплой красной ночи.

— Эй, Девятый и двое Четвертых, у ваших скакунов самый свежий вид. Следуйте за мной.

Трое солдат побежали к своим животным. Рэма, к его крайнему изумлению, мучило нестерпимое любопытство. Через минуту они уже неслись за колесницей по разбитой дороге во всю прыть своих зеебов.

Кесар был в Тьисе за два часа до полуночи. С его упряжки летела пена, удила покраснели от крови, а трое его солдат, проделавшие путь верхом, едва дышали. Скачка была жестокой.

Распахнулись ворота, а следом за ними — двери скромного особняка. Вис, правитель городка, лично ввел принца эм Ксаи в богато украшенный зал, где ему подали вполне приличный ужин со сладким и ароматным вардийским вином.

— Невозможно выразить, как мы благодарны королю, — произнес правитель.

— Еще бы вы могли это выразить, — отозвался Кесар, отрезая себе кусок жаркого. — Он послал три полусгнивших лохани с экипажами, которые, добравшись сюда, слишком устанут за время пути, чтобы еще и сражаться. И в любом случае это произойдет слишком поздно. Если ваш городок переживет это приключение, вам надо будет благодарить за это меня.

Правитель изумленно уставился на высокого гостя, но тут же взял себя в руки.

— Вы поняли? — уточнил Кесар.

Правитель, побледнев, кивнул и плеснул себе вина. Эм Ксаи посмотрел на дрожащие руки, унизанные дорогими кольцами, по которым струилось вино, пролитое мимо кубка.

— Каковы запасы вина в Тьисе? — лениво спросил он.

— Что вы имеете в виду, мой лорд? — недоуменно уставился на него правитель.

— Дело пойдет быстрее, если вы будете отвечать на мои

сар с пугающей усмешкой. — Сколько бочонков, мехов и кувшинов вина, по вашей оценке, находится в Тьисе на сегодняшний вечер?

Правитель сглотнул, прикинул что-то в уме и дал ответ.

— Превосходно, — подвел итог Кесар. — Я заметил, что вы предотвратили паническое бегство. Продолжайте действовать в том же духе. Поднимите вашу гвардию, а также всех остальных, у кого есть руки и ноги, чтобы носить вино. В качестве места сбора вполне сойдет площадь перед этим домом.

Правитель, совершенно ошеломленный, не двинулся с места. Кесар придвинул к нему флягу с вином, чуть не забрызгав его:

— Можете подать своим подчиненным благой пример.

Очень медленно правитель поднялся и побрел к выходу с флягой в руках.

Сначала город, поднятый среди ночи, решил, что Вольные закорианцы уже напали, и воцарился хаос. Лишь Кесар, разъезжавший по улицам на одном из зеебов правителя в сопровождении его же гвардии, вносил в эту сумятицу безжалостный и непререкаемый порядок.

Через некоторое время его странный приказ был выполнен. Сосуды с вином со столов, полок и из погребов собрали на площади.

Рэм, таскавший вино вместе с остальными, видел, как город охватывает веселье. Перед лицом опасности любые действия, пусть даже столь безумные, были лучше, чем пассивное отчаяние. К тому же посмеяться действительно было над чем. Старушки катили бочонки, в утешение то и дело затевая перебранки с приятельницами, а солдаты время от времени прерывались, чтобы прижать в укромном уголке у стены какую-нибудь девушку, ничего против этого не имеющую. На небе горело око Застис, и страх смерти, несомненно, добавлял остроты любым ощущениям жизни.

Тьис был висским городом — Кесар не заметил ни одного обладателя светлой кожи или белокурых волос, хотя вряд ли они совсем тут не водились. То, что Кесар был темноволосым, вполне могло ободряюще подействовать на жителей. Да и трое его солдат тоже были кармианцами.

Рэм понимал в происходящем ничуть не больше, чем любой в Тьисе, — пока горожане не начали приносить иные вещи. Тогда он осознал все, и его охватила злобная радость — он был уверен, что план провалится. А впрочем, не так уж и уверен. Закорианцы уже были пьяны и к тому же преисполнены спеси и презрения. Кроме всего прочего, это был единственный шанс, оставшийся Кесару — иначе следовало бежать, поджав хвост.

Они стояли, чернея на фоне рассветного неба, — три у входа в небольшую бухту, еще четыре чуть ближе к берегу. Здесь было достаточно глубоко для них — корабли были большими, но при этом маневренными. Двойные ряды гребных люков сейчас пустовали, черные

паруса были спущены. Будь они подняты, на каждом из них можно было бы различить серп луны, расколотый оскаленным драконом, — герб старого Закориса. По обеим сторонам остроконечных носов таращились нарисованные красные глаза. Стремительные, мощные и низкие, корабли глубоко сидели в воде. Они уже успели поживиться на южном побережье Дорфара и вдоволь натешиться в деревнях Кармисса визжащими женщинами и янтарным пенистым пивом.

Однако, несмотря на оргию, на каждом носу стояли вахтенные — люди со свирепыми закорианскими профилями и черной или темно-бронзовой кожей. В их краю ненавидели светлую расу еще до Амрека и задолго до того, как Ральднор, этот ублюдок из Сара, почти столь же темнокожий, как они сами, поставил на колени их столицу Ханассор. Теперь они считали справедливым возмездием нападение на Кармисс, да и на любое другое место, где приветствовали вторжение желтоволосых или покорились ему, — а желтая раса, надо сказать, проникла повсюду. Сейчас Закорис находился в Таддре, но пока не имел достаточных сил, чтобы вести войну против всего мира. Но дни Черного Леопарда еще вернутся. Ибо такова воля Зардука, и Рорна, и прочих мужских богов Вольного Закориса.

Когда заря уже целовала губы бухты, перед ними, точно видение, возник большой корабль.

На рассвете в пролив меж Дорфаром и Кармиссом вошла приливная волна. Только она и могла принести сюда этот корабль, ибо рассветный ветерок едва шевелил его паруса, на которых горела алая ящерица, а гребные люки были наглухо задраены.

Взревел сигнальный рожок. Эхом отозвались остальные.

Вскоре после этого две черные биремы — всего две, ибо они не отнеслись к противнику всерьез, — двинулись на корабль-призрак.

Рабы, прикованные к веслам, были вполне работоспособны, поскольку им выдали лишь по одной кружке пива, а женщин им не полагалось вообще. На протяжении веков пытка Застис считалась дополнительным изощренным стимулятором для таких, как они. В эту пору, скованные и не имеющие никаких возможностей утолить свой телесный голод, кроме самых грубых и простейших, некоторые из них доходили под светом Звезды до безумия. Зато остальные тратили на веслах энергию, не имеющую иного выхода, добавляя кораблю скорости.

Мгновенно утратив сонный и ленивый вид, биремы бросились в погоню за жертвой, точно две поджарые черные гончие. Они настигли ее меньше чем через милю и не стали нападать, поскольку она явно была покинута и плыла по воле волн.

Подобные вещи не были редкостью. Пиратствуя, они не раз натыкались на такие суда. Заплывшие жиром торговцы со своими изнеженными экипажами прыгали в лодки или добирались до земли вплавь при одном взгляде на превосходящую численность морских разбойников. Так случалось довольно часто, и, как результат, легкая добыча тоже не была редкостью, поскольку, спасая свои жизни, купцы бросали груз на корабле.

Вскоре пираты зацепили находку крюками, хлынули через борта и убедились, что под палубой никто не таится, — корабль был пуст, как перевернутый вверх дном кувшин.

Но, с другой стороны, как раз кувшины-то и были полны.

Их добычей стала ни более ни менее, как плавучая винная лавка — трюмы были забиты бочонками из циббового дерева, кожаными мехами, каменными и глиняными кувшинами. В них плескались душистые хмельные вина Ваткри, Вардата и Тарабанна — единственное благо, которое способен породить этот проклятый континент за адскими морями Эарла.

Они знали, что Тьис лежит в нескольких милях от берега, но он мог и подождать, — долгое ожидание развязки лишь придаст остроты его страху. Кто-то пошутил, что, похоже, корабль выслали навстречу сами горожане, желая задобрить их, и это вызвало немалое веселье.

В конце концов в порыве братского единения было решено забрать груз с корабля и вернуться к своим, чтобы разделить его с остальными пятью биремами. Галеру с саламандрой подожгли и, отплывая, увидели, как за их спиной отразилась в воде новая заря.

Разумеется, вина оказалось недостаточно, чтобы просто пустить его по кругу. В традициях их края было драться друг с другом за различные блага. В драке нескольких человек искалечили, иных приложили до потери сознания, а двух-трех и вовсе прикончили. Однако веселое хмельное буйство было общим, бурным и безоглядным, поэтому, когда закорианцы поняли, что их провели, было уже слишком поздно.

Когда первые жертвы ощутили признаки недомогания, их немедленно принялись дразнить слабаками. Пьяные, валяющиеся без чувств или катающиеся по полу, хватаясь за живот и извергая содержимое желудка, считались явлением одного порядка. Но через некоторое время тот же недуг поразил моряков на всех кораблях. Страшные спазмы терзали их горло и внутренности, в глазах мутилось, они не могли ни двигаться, ни говорить. Людей рвало кровью, и даже самые недоверчивые в конце концов прозрели. В вино явно был подмешан какой-то сильнодействующий яд. Они не знали, убивает ли он наверняка — в некоторых случаях это казалось весьма вероятным, в других даже произошло. Но весь их ужас и бессильная ярость были напрасны. К тому же капитаны и офицеры тоже пили это вино — даже больше, чем все остальные. Корабли охватило смятение, и в самый разгар этого смятения две кармианские галеры обогнули мыс за Тьисом и незаметно пробрались в бухту.

Те немногие, кто не пил или пил, но совсем чуть-чуть, побежали или поползли к своим местам. Хорошо помня свою выучку, эта горстка людей попыталась пустить в ход огнеметные машины, которыми были оснащены два из семи кораблей Вольного Закориса. Но огонь погас, а вместе с ними угас и боевой дух людей. Единственный выпущенный снаряд не достиг цели и с шипением утонул в море. Те из пиратов, кто еще был способен стоять, не смогли оказать никакого достойного сопротивления. Некоторые, кому удалось прочистить

желудок, кое-как добрались до бортов, выхватив ножи и мечи. Тут и там мелькали стрелы, выпущенные из лука, или брошенное кем-то копье. Но большая их часть пролетела мимо цели, и закорианцы совсем пали духом.

Первое кармианское судно, в отличие от Вольных закорианцев, было вполне готово к бою. На его палубе от щедрот Сузамуна установили одну из огромных катапульт, приспособленных шансарцами для морских сражений. Кесар эм Ксаи, расположившись на носу, отдал приказ стрелять. В тот же миг катапульта загремела и ударила. С ревом и свистом рассекая воздух, пламенный шар обрушился на ближайший черный корабль. Теперь расчет катапульты мог стрелять более прицельно, и гигантская ложка снова и снова с грохотом пружинила, выбрасывая пылающий заряд.

Пламя объяло Вольных закорианцев. Те, кто мог, бросались в море, где кармианцы одного за другим добивали их копьями и пиками, точно рыбу острогой. Те, кто все еще не оправился от отравления, помутившись рассудком, пытались взывать о помощи к кораблям с саламандрами на парусах. Из плотного облака жирного дыма доносился треск ломающихся снастей на пиратских биремах. Мачты рушились, взметая снопы искр. Но и среди этого шума кармианцы, даже находясь на изрядном удалении, слышали вопли гребцов, оказавшихся в смертельной ловушке под пылающими палубами вражеских кораблей.

Капитан первого кармианского судна обернулся к принцу эм Ксаи. В его жилах тоже текла смешанная кровь, но в модном сейчас стиле героя Ральднора он обладал очень темной кожей и золотистыми волосами.

— Мой лорд, всем известно, что закорианские пираты сажают на весла только рабов.

Кесар лишь взглянул на него, равнодушный и далекий.

— Мой лорд, те, кто сейчас горит там заживо — элисаарцы, искайцы, таддрийцы. Мы не воюем с их землями.

Кесар одарил его такой завораживающей улыбкой, что капитан улыбнулся в ответ прежде, чем успел спохватиться. Но уже через миг принц перестал улыбаться.

— Если это так заботит вас, капитан, можете отправиться туда и вызволить их. Разумеется, при условии, что отправитесь туда в одиночку.

Честно говоря, немногие испытывали сострадание к мукам закованных рабов. Слишком уж ничтожны были в самом начале кармианские шансы на успех, сейчас ставший несомненным. Кто-то начал кричать, остальные подхватили, снова и снова повторяя: «Эм Ксаи! Эм Ксаи!» И этот ликующий шум постепенно почти заглушил другой — от гибнущих кораблей и людей.

К середине утра лишь угольно-черные разводы на воде, обгорелые обломки да поднимающийся к небу дым напоминали о том, что здесь затонули закорианские пираты.

Тех, кому удалось добраться до берега — не более тридцати, — добивали конные гвардейцы Кесара и кучка вопящих матросов, жаждущих крови. Это была бойня — даже не убийство. Не исключено, что кому-то удалось бежать, поднырнув под корабли и добравшись до берегов Дорфара, но эта возможность была совсем невелика. Даже если огонь и копья пощадили их, море и яд, скорее всего, оказались не столь милосердны.

Долго еще после этого в Тьисе поднимали тосты во славу своего вина. Городской летописец поспешил занести в хроники все, что было добавлено в вино той ночью. А это было все, что угодно, чем можно отравиться — ядовитые травы, соединения опия, масло для светильников, рвотные и слабительные средства, даже мази для зеебов, — лишь бы обладало слабым вкусом и еще более слабым запахом, либо было сладким на вкус. В бочки и кувшины пошли даже духи. Для Вольных закорианцев все вина южного континента были невиданно ароматными и сладкими, поэтому они отнесли необычную густоту и неожиданную реакцию ноздрей, нёба и желудка на счет отсутствия привычки — и стали пить дальше. Может быть, вино и не убило их само по себе, но все равно стало причиной их смерти.

Кесар возвращался в Тьис, и золотое сияние дня гасло на его потемневшем мече. Это был не тот меч, в который маг превратил змею, а его собственный клинок, выкованный год назад, когда он еще не задумывался ни о каких сражениях. Но закорианцы, которых он настиг на холме, не были первыми людьми, убитыми принцем.

Тот меч был у Рэма, которому тоже прежде доводилось убивать. Сверкали белые зубы, оскаленные в застывшей усмешке, но глаза оставались неподвижными и холодными, и в них жила смерть.

Болтали — Рэм не раз слышал об этом, — что Кесар, еще пятнадцати или шестнадцати лет от роду, время от времени запирался где-нибудь с вооруженным преступником и бился с ним насмерть, оттачивая мастерство. Принцы северного Виса иногда упражнялись подобным образом, пусть даже не в королевских академиях боевых искусств, — но за дверями всегда стояла вооруженная стража, готовая в любой момент прийти хозяину на помощь.

Они потеряли всего пятерых, и ни один из них не был гвардейцем Кесара.

Женщины Тьиса наперебой предлагали себя победителям, и экипажи кармианских кораблей, стоящих в бухте, рыскали по городу, нанося, пожалуй, не меньший ущерб, чем могли бы Вольные закорианцы.

Правитель дал пир, пусть и без вина, в честь принца и его капитанов. Четыре девушки танцевали для них под музыку арф и барабанов. Девушки были висские, и когда они выгибали смуглые спины, длинные черные волосы рассыпались по полу.

— Моя дочь, — с гордостью сказал правитель, указав на самую соблазнительно выгнутую спину. Когда Кесару вежливо предложили ее на ночь, он скромно согласился.

Комната для гостей оказалась тесной, с траченными молью занавесками.

Рэм обнаружил, что его назначили дежурить у двери на вторую половину ночи. Это была, как он решил, неплохая шутка.

Девушка не хотела уходить от него, не то решив извлечь из этого какую-то выгоду, не то просто не насытившись, а может, по обеим причинам сразу. Он взял ее снова, на этот раз небрежно, почти грубо, и выставил за дверь. Униженная, она набросила свой полупрозрачный наряд и удалилась.

Кесар лежал на постели, глядя на сводчатый потолок комнаты.

Из окна доносился разгульный шум, время от времени мелькали лихорадочные отблески огней, хотя уже меньше чем через два часа должно было взойти солнце. Принц задумался, много ли разрушений успеют произвести к рассвету солдаты с его кораблей. То, что его гвардия непричастна к этому, не должно было вызывать сомнений ни у кого. В любом случае происходящее в Тьисе совершенно не интересовало никого за его пределами.

Они хотели немедленно послать в Истрис известие о своей победе. Он приказал им подождать...

Внезапная вспышка фонаря или факела выхватила из темноты обнаженный церемониальный меч, прислоненный к стене.

Кесар пристально взглянул на него. Меч лишь немного не доставал до половины роста высокого человека и был тяжелым, сделанным лишь для красоты. Сегодня он таскал его на этот провинциальный пир вместе со своим знаменем Саламандры — подобное оружие годилось лишь на это. Да еще на то, чтобы под прикрытием иллюзии и манипуляций фокусников выдать его за живую змею.

Он стал понемногу погружаться в сон, довольный и насытившийся. Слегка притупились глухая ярость и глухая тоска по тому, что он утратил, терзающие его душу, хотя тело и было расслаблено. Интересно, как там сейчас Вал-Нардия? Опаляет ли ее плоть жгучее застийское желание?

И вновь на лезвии меча блеснул огонек блуждающего факела.

Кесар не заметил на тонущих пиратских биремах ни одной женщины, по крайней мере, не помнил этого. Возможно, все они были в мужской одежде, не позволяющей различить их в этом дыму, или просто задохнулись под палубами, а их воображаемые крики утонули в общем шуме.

Он отмахнулся от этой праздной мысли, мало-помалу успокаиваясь.

Отблески все играли и играли на мече. Сквозь полусмеженные веки Кесару казалось, будто металл плавится, покрываясь золотистой рябью и ручейком сбегая по стене... Он перевернулся на живот и заснул.

Разбудило его легкое прикосновение чьей-то руки к щиколотке. Он мгновенно стряхнул с себя сон и весь подобрался, но железным усилием воли заставил себя лежать тихо и совершенно неподвижно, словно ничего не почувствовал.

Может быть, девушка решила вернуться? Нет, прикосновение было не женским. Значит, убийца. Но как? На окне решетка. Тогда номер девятый у дверей — как там его, Рэм? — предал или просто оказался слишком беспечным и погиб, ничему не наученный поркой.

Чувство осторожного касания ушло со щиколотки, но не исчезло вовсе — продвинулось вдоль икры, затем по бедру...

Внезапно он понял, *что это*. Убийца, вполне возможно, — но не человек. Его мгновенно бросило в пот — это не было подвластно его контролю. Тяжелое липковатое змеиное тело мгновенно замерло, наверное, почувствовав его пот, его страх. Ибо он действительно боялся. Он разделял подспудное отвращение всех Висов к этим тварям, и его вряд ли можно было назвать иррациональным. Судя по размеру, не большому и не маленькому, змея, которую он так остро ощущал на своем теле, с немалой вероятностью была ядовита.

Она уже проскользнула по его ногам, мягко прошуршала по ягодице, задержавшись в ложбинке у основания хребта.

Кесар прикусил язык, прижимаясь к кровати в ужасающем напряжении, которое, однако, не должно было выдать себя ни единой дрогнувшей жилкой.

Тварь лежала у него на хребте, приподнимаясь и опускаясь в такт его дыханию, которое участилось, но едва-едва заметно. Она мбгла броситься на него в любой миг. Даже если он будет лежать неподвижно, достаточно любого резкого звука из города.

Она поползла снова.

Теперь она была у него в волосах, на миг запутавшись там, потом скользнула к левому плечу.

Чем ближе укус к горлу или голове, тем он губительнее. Казалось, змея раздумывает. Он лежал лицом к другому плечу, отвернувшись от нее. Она коснулась его предплечья — так легко, что это показалось почти лаской, потом стекла по руке, задев бок лентой своего тела.

Змеиная голова была совсем рядом с ладонью Кесара. Он так остро ощущал ее присутствие, что почувствовал, как она приподняла голову, и невольно и неизбежно напрягся, ожидая броска. Если ее зубы вонзятся в плоть, действовать нужно будет молниеносно — вырезать ножом место укуса, потом прижечь... Тем временем змея положила голову ему на ладонь и замерла.

Он тоже замер, ожидая. Змея не шевелилась. Казалось, она может лежать так вечно... или до тех пор, пока ее не потревожат.

Усилием воли Кесар заставил себя забыть о страхе. Прикинул положение змеи, не видя ее, при помощи одного лишь осязания, постарался определить угол, который плоская голова образовала с его пальцами — рукой спящего, развернутой ладонью вверх, беззащитно раскрытой, ставшей колыбелью для змеи. У него есть лишь одна секунда...

Единым судорожным движением он сжал кулак, и череп змеи оказался в стальных тисках.

Хвост мгновенно забился, заметался, больно хлеща его по боку, груди и бедру. Но хватка сильных пальцев воина не по-

зволяла разомкнуть смертельно опасные челюсти. Теперь он мог даже различить ее — чешуйчатое тело, еле видное в темноте.

Подняв руку, Кесар с силой швырнул змею о стену, и голова, едва освободившись из захвата, в следующий же миг расплющилась о штукатурку. Оглушенная змея упала на плиты пола. Молниеносно схватив меч, лежащий рядом с кроватью, Кесар обрушил его на змею. Лезвие слегка притупилось о сегодняшних закорианцев, но все же перерубило тварь почти пополам.

Мертвая, все еще содрогающаяся в агонии, но уже безопасная, она лежала у его ног.

И тут дверь с грохотом распахнулась, и в спальню с занесенным мечом ворвался солдат по имени Рэм, черный на фоне освещенного прямоугольника двери. Кесар смутно вспомнил, что издал громкий хриплый крик в тот миг, когда разрубал змею.

— Мой лорд...

Кесар приподнял окровавленную змею кончиком меча и показал Рэму.

— Здесь оказалось на одну танцовщицу больше, — выговорил он. — Принеси сюда один из тех канделябров и посвети. Только закрой дверь, а не то весь Тьис притащится посмотреть, что случилось.

Рэм подчинился, вернувшись с источником света и плотно закрыв за собой дверь.

В тусклом свете оплывших свечей Кесар увидел, что церемониальный меч исчез со своего места у стены. Принц швырнул останки мертвой змеи туда, где тот стоял.

— Колдовство, — произнес он задумчиво. — Тут поневоле поверишь в него. Интересно, это Ашара-Анакир ополчилась на меня, заставив все это время считать змею клинком? Никогда не доверяй женщинам! — Он сел на кровати. — Но ты им и не доверяешь, не так ли, Девятый?

Рэм недоуменно взглянул на него. Кесар пожал плечами.

— После порки ты отправился к матери. Если у тебя нет любящей женщины, которая будет ухаживать за тобой в таком состоянии, значит, ты больной или урод, если только не родом с Равнин. Или же предпочитаешь мальчиков.

— Или моя женщина просто не из тех, кто любит нянчиться с больными.

На это Кесар не стал возражать, взял со столика кувшин и принялся жадно пить прямо оттуда. Этой ночью там было пиво. На него накатила запоздалая реакция, и тело, еще минуту назад полностью подчиненное воле, начало бить дрожью. Это было все равно что расплакаться. Но он не стал обращать на это внимание.

— Ты бросился мне на помощь, словно калинкс, Девятый. А вдруг ты застал бы меня в руках четверых, вооруженных до зубов? Или ты просто решил, что мне приснился застийский сон?

Рэм ничего не ответил.

— Думаю, что могу тебе доверять, — продолжил Кесар. — Разумеется, если я узнаю, что это не так, то тут же прикажу убить тебя. А если что, я обязательно это узнаю, мой Рэм.

— Я совершенно в этом уверен, мой лорд.

— Каким бы образом ни проделали этот трюк со змеей, за этим кто-то стоит. Может, даже сам Сузамун.

— Или один из наследников, позавидовавший вашему внезапному взлету. Кто-нибудь из его братьев. Или принц Джорнил.

— Не лишено проницательности. Но это значит, что я должен был погибнуть в бою с пиратами, не так ли? Уловку со змеей предусмотрели на случай, если я все-таки не погибну.

— Вы еще не послали в Истрис гонца с вестью о победе, — заметил Рэм.

— Тоже верно. Можно послать его прямо сейчас. С вестью о победе... и о том, что я при смерти из-за укуса змеи. Я хочу скрыться от дальнейших покушений, которые вполне возможны. Это очень надежное убежище, но я смогу взять туда лишь одного спутника — и там мне понадобится искренность... Тебе когда-нибудь приходилось выдаивать яд из змеи, Рэм?

— Нет, мой лорд.

— Ничего, сейчас попробуешь. Тварь в самом деле ядовитая, но она уже мертва. Это совершенно безопасно, если у тебя на руках нет царапин или ссадин.

— Ни единой, мой лорд.

— Тогда делай то, что я скажу тебе. Возьми нож, — Рэм приблизился, и принц улегся обратно на кровать, указав на кувшин с пивом. — Выпей, если хочешь.

Рэм сделал глоток.

— Побитый ребенок, — произнес Кесар с закрытыми глазами, — все время пытается задобрить своего жестокого родителя и завоевать его благосклонность и любовь. Ты тоже собираешься вести себя так?

— Я старше вас, мой лорд. Года на два, думаю, — Рэм склонился над змеей и ножом широко раскрыл ее челюсти, как велел ему принц. — Что это за место, где вы собираетесь скрыться?

Глухой голос, раздавшийся из постели, был еле слышен:

— Анкабек, остров богини.

Их отъезд был обставлен со всеми предосторожностями. В Тьисе должны были узнать обо всем лишь после того, как они покинут город. Вне всякого сомнения, молва разнесет историю о том, что произошло. Принц, судя по его облику, Вис, внезапно ставший героем, чья жизнь столь же внезапно оказалась в опасности. Мысль о предательстве будет слишком очевидной, чтобы отмести ее.

Правитель, осведомленный о беде, уже обронил несколько неосмотрительных фраз, выдающих подобные подозрения.

Корабль был легким парусным суденышком, пропитанным запахом рыбы. Они захватили с собой четверых гребцов из Тьиса. Вместе с принцем эм Ксаи на борт поднялись сержант его гвардии и один солдат. Все это произошло на рассвете. Принц не мог идти сам, поэтому на корабль его пришлось нести. Поняв, как плох эм

Ксаи, правитель встревожился. Он видел тело змеи и был почти уверен, что его недавнему спасителю не жить, несмотря на пресловутое целительское искусство жрецов Анак.

Корабль отчалил от берега и скрылся за мысом.

Они шли полным ходом — ветер был довольно свежим, гребцы изо всех сил нажимали на весла. Им заплатили золотом. Кроме того, все они кое-что задолжали тому человеку, что сейчас скрывался в тени навеса, натянутого над палубой.

С левого борта плавился в мареве зноя темный берег, на вспененной веслами воде играли солнечные зайчики. Позже, когда они свернули к северу, на горизонте показалась еле видная кромка дорфарианского побережья, далекая, сапфирово-синяя, чуть светлее моря. Где-то в проливе имелось течение, сворачивающее к маленькому островку. Они поймали его, и оно понесло их к цели.

Тьисский кораблик подошел к пристани священного Анкабека незадолго до заката, в том же месте и почти в тот же час, что и храмовая барка, доставившая сюда Вал-Нардию.

Вот только его здесь не ждали.

Пока гребцы без сил висели на веслах, из каменной деревушки на склоне показалась группа мужчин. После кратких переговоров один из них склонился взглянуть на лорда, лежащего под навесом.

Затем мужчины удалились, и Кесар зло обругал их. Однако еще прежде, чем солнце окунулось в море, они вернулись обратно с плетеными носилками. Храм согласился принять больного. Остальным было дозволено переночевать на берегу, но утром они должны были вернуться в Кармисс.

Светлокожее лицо Кесара было белым, как мел, глаза, обведенные темными кругами, запали, кожа блестела от пота, пропитавшего всю одежду, роскошные волосы слиплись. В волнении он начал восклицать нечто бессвязное, повторяя, что его жизни грозит опасность, и кто-то должен оставаться с ним.

Видя, в каком он состоянии, и не желая волновать его еще больше, носильщики согласились, чтобы Рэм тоже пошел с ними.

В угасающем вечернем свете смотреть было почти не на что: красное небо, красные листья на высоких деревьях. Надвигалась ночь. Наконец показался угольно-черный храм, темневший на вершине среди догорающей меди заката. Свернув в сторону, носильщики двинулись по тропинке, ведущей к группе строений. Там кое-где виднелись огоньки, а храм, безглазая и бездушная масса, оставался далеким во всех смыслах этого слова.

Носилки внесли в хижину с белеными стенами. Кесар, которого переложили с носилок на соломенный тюфяк, казалось, был без сознания.

— К вам придут.

Один за другим носильщики вышли из хижины и исчезли в зарослях деревьев.

Рэм бросил взгляд на постель, и Кесар усмехнулся ему. Хижину освещал фитилек, плавающий в жире. Его неровный свет и болезнь, куда менее опасная, чем казалось со стороны, придавали нечто демоническое лихорадочному взгляду принца.

Примерно через минуту на площадке перед строениями показался жрец.

Рэму приходилось слышать о жрецах и жрицах Анкабека. Очевидно, они во всем копировали своих собратьев с Равнин-без-Теней. Если в их намерения входило казаться черными призраками, то это им отлично удавалось.

Фигура, чье лицо скрывал капюшон, склонилась над принцем.

— Кто ты? — отчетливо спросил Кесар. — Ты моя смерть?

— Здесь нет твоей смерти, — отозвался жрец.

По спине у Рэма пробежал холодок.

Жрец не задал ни одного вопроса, а лишь легко коснулся лба Кесара, его горла и паха. Кесар оттолкнул руки. Они были светлыми — куда светлее его собственных.

— Змеиный яд почти покинул тебя, — сказал жрец. — Я приготовлю лекарство. Спи. Ты поправишься.

— Нет, — прохрипел Кесар с отчаянной яростью. — Я умираю. Думаешь, мне не понятно?

— Жизнь священна. Тебя вылечат.

— Слишком поздно.

Жрец развернулся, собираясь уходить.

— Здесь моя сестра, — громко и отчетливо прошептал принц. — Моя единственная родная кровь. Принцесса Вал-Нардия из Истриса.

— Да, — кивнул жрец.

— Я должен увидеть ее, — взмолился Кесар. — Поговорить с ней перед смертью.

Спине Рэма снова стало холодно. Ему сделалось настолько не по себе, что он даже отошел к двери, подальше от своего хозяина.

Жрец ничего не ответил.

— Неужели ты откажешь мне? — воскликнул Кесар. — Скажи ей, что я здесь, и почему. Скажи ей, что я умираю, слышишь, жрец?

Казалось, что яд в его крови вдруг обратился в острые лезвия. Он упал навзничь, раздирая тюфяк ногтями. Глаза слепо уставились в потолок. На его левом предплечье, бесцветные и воспаленные, виднелись следы змеиных зубов, очень отчетливые в желтом свете.

Когда яд из желез змеи был выдавлен почти до капли, Кесар поднял ее с пола и проткнул свою плоть острыми зубами. На них оказалось достаточно ядовитой слюны, чтобы добиться нужного результата, но недостаточно, чтобы причинить какой-то серьезный вред. Ему, как он сам сказал, действительно нужна была искренность, чтобы воспользоваться покровительством священного острова. По крайней мере, боль, несомненно, была настоящей, как и лихорадка — небольшая жертва во имя плана. Но теперь, похоже, к этой боли примешивалась какая-то иная.

Рэм прислонился к косяку. За дверями хижины расстилался равнодушный пейзаж, не имеющий к ним никакого отношения.

Деревья источали дурманящий аромат. Мерцали запутавшиеся в листве звезды. Красная Луна плыла в туманной дымке. Где-то заиграла свирель, мелодия была нежной и призывной. Рэм вспомнил Дорийоса.

За спиной у него Кесар, хрипло дыша, бился на кровати, призывая на голову жреца все напасти Эарла, — представление, которому, похоже, не верил ни один из них.

Рэм сделал шаг в сторону, пропуская жреца на молчаливую площадку, в призрачно реальную ночь.

3

Вал-Нардия стояла неподвижно, окруженная темнотой, а перед ней в стеклянном подсвечнике трепетала тонкая храмовая свеча.

Если не считать свечи, храм был пуст.

Это делалось для того, чтобы послушница могла вызвать в воображении важный образ. Если ей очень хотелось, это могло быть даже явление Самой богини.

Вал-Нардия прожила на Анкабеке уже двадцать дней. Сначала она была натянута, точно струна, страстно желая броситься в безопасные объятия этой религии, столь загадочной и всеобъемлющей, и раствориться в ней. И одновременно она страшилась, что руки богини не удержат ее, и она сорвется, попав в когти собственных мыслей и снов, которые набросятся на нее, подобно кровожадному тирру. Но вскоре ее лихорадочные метания и сомнения уступили место безмятежности. Она погрузилась в удивительно светлую незримую атмосферу, присущую огромному храму. Неожиданно для нее самой все возвышенное, что имелось в ее душе, всколыхнулось непрошеной музыкой.

Даже зов Застис можно было направить в иное русло, использовать другим образом, заставить это пламя гореть в других сосудах. Она начала постигать восхитительную свободу человеческого духа, вдруг с изумлением открывшего, что посредством самого себя можно достичь единения с бесконечностью.

Но это знание и состояние сейчас были для нее главнее всего. Она еще не успела постичь до конца, что может владеть или миром, или духом, однако ее душа способна переживать столь же увлекательные приключения, как тело, а возможно, и более увлекательные.

Поэтому она оказалась не готовой и беззащитной. Пришла жрица, висская женщина, но несущая на себе печать храма, и принесла ей новость.

И теперь единственный образ, который Вал-Нардия могла представить за пламенем этой свечи, был образ ее брата. Образ Кесара, которого уносило к берегам смерти менее чем в миле от этой комнаты.

Фонари на площадке почти не горели. Темное пятно, движущееся по ней, было неотличимо от окружающей тьмы, пока не попало в тусклый луч света, пробившегося из хижины. Стройная женская фигура, закутанная в плащ.

Рэм поднялся навстречу, ожидая.

Никакая охрана здесь была не нужна. Только не здесь. Никакой убийца, даже подосланный самим королем, не отважился бы осквернить это святилище. Но Кесар не мог полностью поверить в это и требовал охраны. Человек, сам способный на вероломство, редко верит кому-то другому. Рэму снова вспомнилась исходящая криком пылающая бухта Тьиса, но он отогнал это воспоминание. Он сам натворил вполне достаточно, чтобы найти, чем казнить себя, если ему так этого захочется.

Он решил, что это жрица, и приготовился к осторожному учтивому противостоянию, когда в свете масляной лампы под ее капюшоном вдруг вспыхнули красные блики.

— Госпожа...

Принцесса Вал-Нардия взглянула на него широко раскрытыми глазами, точно собираясь что-то спросить, но потом вопрос явно стал не нужен. Она прошла мимо него в хижину.

Рэм посмотрел ей вслед и увидел Кесара. Лекарство не слишком его успокоило. Настоящая или преувеличенная, лихорадка все еще била его, заставляя метаться на тюфяке из стороны в сторону. Подпертая грубыми подушками, его голова запрокинулась. Вид у него был жуткий, как у мертвеца, еще не понявшего, что он мертв, и по инерции продолжающего жить. Она не могла не испугаться.

Рэм хотел что-то сказать, но в этот момент живой мертвец подал голос, коротко приказав ему уйти прочь. Потом он велел Вал-Нардии задернуть занавес.

Шаги солдата замерли вдалеке. Повисла долгая тишина, не нарушаемая ни единым звуком.

— Кесар, — прошептала Вал-Нардия.

— Подойди поближе. Змеиный яд не заразен.

Она не шелохнулась.

— Тебе передали то, что я просил?

— Что ты можешь умереть, — проговорила она. — Мне сказали.

С мертвенно-бледного лица на нее смотрели затуманенные глаза.

— Ты им поверила?

Она не сняла капюшона, и сейчас он скрывал ее склоненное лицо.

— Я проснулась на рассвете. Мне показалось, что это был сон — какая-то бескрайняя мертвая тишина вокруг меня... А потом вечером мне сказали, что ты здесь... и почему.

— Ты должна была знать, что меня отправили сражаться с закорианскими пиратами в проливе.

— Я ничего об этом не слышала. Здесь, на Анкабеке, мы отрезаны от мира.

— *Мы?* Получается, моя славная победа ничего для тебя не значит. Как и моя смерть — по приказу Сузамуна.

— Король... — Голова поднялась, и черный капюшон наконец-то стремительно слетел с ее пламенных волос. Она увидела, что он не отрывает от нее глаз, и умолкла.

— Король догадывается, — проговорил он медленно, — чего я могу достичь вопреки всем его уловкам. Может быть, он

понял, что мне мало клочка болота в Ксаи и десятка солдат за спиной. — Казалось, Кесара отпустило напряжение, которое владело им все это время. — Но это больше не имеет значения. Если я умру, то перестану быть угрозой для него.

Не видя ее, он услышал шелест ее плаща. Потом аромат, не то каких-то духов, не то запах самой ее кожи, волос, души, хлынул в его сознание. Он не поднимал век. Почему-то в черноте перед ним стояло пустое пространство на месте меча, прислоненного к стене его спальни в Тьисе, меча, превратившегося в змею, — или при помощи какой-то немыслимой хитрости украденного сквозь прутья оконной решетки перед тем, как впустить туда змею.

Затем пальцы Вал-Нардии, точно невесомые птички, опустились на его воспаленный лоб. Их прохладная нежность вырвала у него вздох.

— Не говори о смерти, — сказала она. — Поверь в свое исцеление, и ты выздоровеешь. Тебя никогда не оставили бы здесь одного, если бы думали, что ты при смерти.

— Почему? — прошептал он. — Со мной мой солдат. И потом, они прислали тебя.

— Меня никто не присылал. Мне просто передали, что ты зовешь меня.

— И ты из жалости и сострадания преодолела отвращение и заставила себя прийти к умирающему.

Она отняла руку от его лица, и он тут же сжал ее в своей. Потом открыл глаза и посмотрел на нее, прямо в ослепительное сияние ее красоты, в которой, казалось, сосредоточился весь свет крошечной комнатки. Она была бледна и явно боялась за него, а потому пока не помнила о том, что боится его самого.

— Кому еще мы с тобой могли доверять с самого детства, кроме друг друга? — произнес он.

Ее ресницы затрепетали. В глазах блеснули слезы.

— Кесар...

— Если ты хочешь, чтобы я жил, я буду жить — ради тебя. Яд, болезнь, рана в любом бою — все это ничто. Я пройду сквозь огонь и воду и выйду целым и невредимым. Ты можешь сделать меня неуязвимым.

Она заплакала. Но даже заливаясь слезами, не отняла руки.

Потом, когда лихорадка отступила, он уснул. И во сне заговорил с ней, назвав ее так, как когда-то в детстве, — Улис. Так назывался редкий алый цветок, сейчас произраставший только в садах Кармисса.

Рэм вернулся и остановился в десяти шагах от занавешенной двери. Его отослали, а больше заняться на острове было нечем. Темнота под деревьями не таила в себе угрозы. Не таила вообще ничего.

Чувство, гнетущее его, исходило от самой хижины. Скорее всего, его источником был принц Кесар эм Ксаи. Рэм не собирался лезть в чужие дела и с радостью ушел, не испытывая даже

любопытства. Он не мог понять, что это за чувство. Оно было смутным, но угрожающим, точно шаги неизвестного, услышанные слепым.

Во второй раз оглядев площадку, Рэм снова отошел в темноту, на этот раз к невысокому выступу, на котором стоял храм.

Анкабек затопила мертвая тишина. Человеку, привыкшему к ночам в Истрисе или в походных лагерях, подобная тишина была неведома и казалась пугающей. Казалось, она вот-вот разорвется зловещим шепотом.

Перед храмом деревья расступились, и сквозь полупрозрачное кружево облаков проглянуло воспаленное око Застис. Тьма налилась багровым.

Рэм остановился, разглядывая храм с огромными закрытыми дверями и стенами, в которых не было окон.

Зачем он сюда пришел? Чтобы взглянуть на все это?

Как ни странно, он явно не был первым, кому пришла в голову эта мысль: белые люди Равнин строят свои города и храмы из черного камня, а темнокожие Висы — из хрусталя и камня белее соли.

Рэм снова двинулся вперед. Его охватило до странности неодолимое желание коснуться этих дверей, у которых был такой надежный, такой неизменный вид, может быть, даже ударить по ним кулаком. Все равно его не пустят внутрь. Он ведь не был ни верующим, ни прислужником. Ашара, Ашкар, Анакир — его мать почитала других богов, главным образом Ясмис.

Когда он был уже почти у самых дверей, величественные створки качнулись внутрь с еле слышным шумом. Должно быть, ими управлял какой-то механизм, скрытый под порогом. Войти мог любой, у кого хватало ума приблизиться. Разумеется, именно так об этой богине и говорили: кто ищет Ее, найдет, кто не ищет, для того Ее нет.

Слабое сияние, такое неуловимое, что его едва ли можно было назвать огоньком, теплилось внутри храма. Он мог войти — или уйти прочь.

Рэм, которого когда-то звали Рарнаммоном, вошел в храм. После того, как он сделал несколько шагов, двери так же почти бесшумно захлопнулись за ним, и он заколебался, оглянувшись. Но они должны открыться снова, когда он будет возвращаться. Они не таили в себе ловушки. Он двинулся дальше.

Галерея была величественной, но без каких-либо украшений, из простого темного камня, который, против ожиданий, ничуть не усиливал звука его шагов. Даже эха не было. Источник слабого света, казалось, был где-то впереди. Но постепенно он различил, что впереди нет ничего, кроме пустой и безликой стены. Однако он продолжил свой путь и в конце концов заметил, что в самом конце галерея разделяется на два коридора. В каждом из них свет горел уже более уверенно, и они, изгибаясь, уходили вдаль. Он наугад свернул в левый и двинулся вдоль него. Свет определенно стал ярче, но и здесь тоже не было никаких украшений — ни росписи, ни резьбы. Все достояние покоренного шансарцами Кармисса пошло на то, чтобы создать это место, как и дары Дорфара, и дань из Зарависса, Элисаара и Ланна. Оно могло бы

стать одним из роскошнейших чудес континента, невиданной сокровищницей, на страже которой стоял бы храм, — но на Анкабекс не было стражи. Были только тайны.

Коридор повернул наружу, потом снова внутрь, закругляясь, но свет начал неутешительно меркнуть. Потом стена впереди закончилась, и Рэм, завернув за угол, оказался точно в таком же месте, как то, где был несколько минут назад, — у гладкой стены в месте слияния трех галерей, в одной из которых он и стоял, самой просторной, ведущей к высоким запертым дверям. Они как две капли воды напоминали входную дверь.

Рэм зашагал к этому новому выходу, но теперь двери никак не отреагировали на его приближение. Поэтому он вернулся назад и ступил в левый изгибающийся коридор. Пройдя по нему, он, как и ожидал, очутился в правом коридоре у входа.

Он вполголоса выругался. Должно быть, здесь был какой-то секрет, хранящийся в самом сердце каменного мешка, к которому вели эти бесконечно кружащие коридоры. Однако добраться до него было не так-то просто. На черном камне не было никаких знаков.

Внезапно этот нескончаемый круг, лишенный окон и смысла, наполнил его сомнениями. Свет, у которого, казалось, не было никакого источника, начал тревожить его. Он снова проделал весь долгий путь обратно, к первым дверям, и...

Боль копьем расколола его череп.

Он прижался к стене, потрясенный и обессиленный, — прошлый раз был совсем недавно! Потом мир померк, и нахлынуло видение.

Из темноты выступила маска, одна половина которой была изваяна из черного мрамора, а другая — из белого. Потом ее сменила вторая, наполовину золотая, наполовину серебряная. А за ней третья — полуогонь-полуснег...

Из-под маски показалось лицо. Это был закорианец, кричащий и бьющийся в агонии. Его отравили вином — нет, не вином, а плодом, желтым плодом, валяющимся у него под ногами. За его спиной рвалось к небу пламя костра. Вдруг огонь растекся, и оказалось, что это полыхают корабли, отражаясь в черной воде. Пылал и сам воздух — там, где рдела Застис. Потом пламя улеглось. На его месте стояли три женщины. Волосы одной были словно снег, у другой — как смоль, а у третьей — будто кровь. Он заронил семя в лоно каждой из них, и в каждой начал всходить росток новой жизни. Женщина со смоляными волосами подняла кулак, ее лицо исказилось, став уродливым. Это была его мать, Лики. Она метнулась к нему с занесенным прутом, и он вскинул руку, прикрывая голову.

— Нет!

Собственный голос изумил его. Это был голос не ребенка, а взрослого мужчины.

Перед ним стояла женщина. Это была не Лики, а незнакомка, висская женщина в храмовых одеждах. Ее руки были спокойно опущены вдоль тела. За спиной у нее маячили две призрачные тени — мужчины-жрецы.

Два припадка за такое короткое время... Это было почти забавно. Когда оно случится в следующий раз? В будущем году? Завтра? Может быть, в гуще сражения, и он будет убит, потому что из-за видения не сможет управлять собой. Нет, не из-за видения. Из-за безумия.

— Простите меня, — выговорил Рэм. — Я пытался отыскать внутреннее святилище. Я очень устал. Голова кружится...

Темные глаза жрицы встретились с его светлыми, и мгновенно он понял — так отчетливо, как если бы та сама сказала ему об этом, — что она не поверила его словам. Она все знала, и мужчины у нее за спиной тоже знали, что он одержим. Висы переняли у людей Равнин их дар мысленной речи. Неужели она заглянула внутрь его черепа?

— Ты хотел найти Святилище богини? — переспросила она.

— Оно хорошо спрятано.

— Я покажу тебе.

Рэм заупрямился. Его мутило, в мозгу мгновенно всплыли все суеверия, а в душу закрался смутный страх.

— Нет.

— Идем, — сказала она, и его глаза последовали за ней, хотя он сам не двинулся с места.

Она подошла к гладкой стене меж тремя галереями, опустилась на колени и склонилась, словно хотела поцеловать камень. Тяжелая глыба задрожала, часть ее медленно откинулась назад. Оттуда хлынул поток света. Значит, здесь был такой же механизм, как и в дверях, пусть и не столь послушный. Возможно, на стене все-таки имелись какие-то знаки, понятные тем, кого учили распознавать их.

Ему больше не хотелось войти в их храм. Слишком долго он метался в лабиринте, и слишком дорого это обошлось ему. И все же, наверное, у него не было выбора.

Рэм зашагал следом за жрицей, а два жреца, точно стражи, двинулись следом за ним. Возможно, несмотря на все это действо, он совершил святотатство, и они намерены покарать его. Неожиданно ему пришло в голову, что он ожидает наказания в каждом закоулке своего жизненного пути, ожидает и больше не протестует против этого, — и, возможно, здесь кроется его роковая ошибка.

Открывшаяся часть стены образовала наклонный мостик, который соединился с пролетом ведущих вверх ступеней. На самой его вершине открылась арка, из которой и лился свет.

Жрица скользила перед ним. Встав под аркой, она превратилась в темный силуэт, потом отступила в сторону и исчезла из виду. Рэм двинулся к арке.

Сердце храма, о чем можно было догадаться по бесконечным поворотам, было круглым. Там не было никаких колонн — и опять-таки никаких украшений. По всему периметру пола из отверстий вырывались струи огня, наводящие на мысль о вулкане, но явно искусственного происхождения. Они озаряли высокие своды огромного черного зала и рассыпали каскады бликов по самому полу, выложенному невиданной мозаикой. Цвета переливались, сплетаясь один с другим, точно нити в замысловатом узоре; тут и там вспыхивали

драгоценные камни. Казалось, здесь изображены мириады легенд и снов — фигуры людей и зверей, крылатые твари, колесницы, корабли и несущиеся по небу золотые звезды. Он окинул это великолепие взглядом и тут же забыл о нем. Ибо здесь было еще кое-что, захватившее все его внимание.

В дальнем конце просторного зала на фоне золотого занавеса резко выделялись четыре черных колонны. Отсекая от зала область в форме полумесяца, занавес был не менее шестидесяти шагов в длину, а в высоту неизмеримо больше. Он сбегал вниз тяжелыми складками, и отблески огня, игравшие на нем, превращали его в поток раскаленной лавы. Он состоял из чешуек чистейшего золота, из бесчисленных тысяч таких чешуек. При взгляде на него переставал беспокоить вопрос, куда ушли щедрые пожертвования Висов.

— Все храмы Равнин были устроены подобным образом, — подал голос один из жрецов.

— И столь же изысканно убраны? — в изумленном гневе бросил Рэм.

— Да, века назад, — ответила женщина. — Столь же изысканно, даже еще изысканнее.

— А что там, за этим занавесом? — спросил Рэм.

— Там Она.

— Ваша богиня, — он пожал плечами, чтобы унять дрожь.

— Анакир.

Внешний храм и все эти галереи были лишь уловкой, защитной мерой. Никто не смог бы попасть сюда без приглашения. И все же они зачем-то привели его сюда, ибо почувствовали в нем нечто запредельное. Он должен сопротивляться — или утратит себя. Эта мысль заставила его поморщиться, ибо была нелепой. Но странное чувство никак не проходило. Рэм уже собрался уйти, когда заговорил один из мужчин у него за спиной — тот, который до сих пор ни разу не нарушил молчания.

— Пройди по мозаике, — сказал он негромко. — Когда твои ноги ступят на летящих драконов, занавес откроется.

— Опять хитрости. И все для того, чтобы поразить легковерных?

Скрытая капюшоном голова жреца поднялась. Глаза, взглянувшие прямо в его собственные, оказались одного цвета с чешуйчатым занавесом.

— Только логика, — возразил человек с Равнин. — Приблизившись к Ней так сильно, ты выражаешь желание увидеть Ее. Но нельзя увидеть Ее сразу же и видеть все время. Как тогда мы сможем помнить, что есть Она? Для того, чтобы приблизиться к Ней, нужно очень этого захотеть. То, что дается легко, никто не ценит.

Рэм снова обернулся и оглядел занавес. Его роскошь и переливы пламени на чешуях притягивали против воли.

Он не искал на мозаичном полу никаких драконов, но, должно быть, наступил на них шагов за двадцать до занавеса, — тот улетучился, подобно сверкающему ветру. Меж двумя центральными колоннами возвышалась статуя, и это зрелище остановило его, точно удар.

Статуя была совсем небольшой, всего раза в три выше, чем он сам. Может быть, лишь самую чуточку больше. Ее красота, совершенство всех ее черт заставляло забыть, что Она всего лишь изваяние. И при этом Она была причудливой, нечеловеческой и грозной. Было странно думать, что люди и прочие существа мира могут считать Ее своей матерью. (Он криво усмехнулся, вспомнив, какая мать досталась ему самому.)

У ее подножия — явное потакание слабостям второго континента — в бронзовом корыте, точно вода, колыхались змеи. Они свободно заползали туда и покидали его сквозь отверстия, ведущие в их норы под полом. Их золотые чешуйки мерцали точно так же, как крупная чешуя на занавесе и как извивающийся кольцами хвост богини, ибо ниже пояса Она тоже была змеей. Восемь Ее рук были в традиционной манере подняты вверх или простерты вперед. Он не знал, что они означают, но некоторые из них казались милостивыми, а другие — жестокими. Ее глаза, казалось, встретились с его глазами. Светлые глаза Равнин.

Возможно, в его жилах тоже течет немного Равнинной крови — но тогда Лики непременно гордилась бы этим. Для него же не было никакой разницы.

Ему случалось мельком видеть образы этой богини в храмах Ашары в Истрисе и Иоли, но они очень отличались от изваяния, которое сейчас высилось перед ним, невзирая даже на то, что рыбий хвост Ашары превратился в хвост водяной змеи. Да и ваткрианская, и вардийская Ашкар тоже не вполне походили на эту статую. И все же, когда Рэм увидел Анакир эм Анкабек, слепленную с Повелительницы Змей, таинственного божества Равнин-без-Теней, в глубине его души поселилась уверенность в том, что он уже видел Ее, безмерно давно и очень далеко. Может быть, даже до своего рождения.

Выше площадки, к западу от храма, красные деревья уступали место дубам, меж которых проглядывало синее море нескончаемого дня. В траве стояла небольшая статуэтка Анакир, явно сделанная чьей-то неопытной рукой. Перед Ней не было никаких приношений, ибо они были на Анкабеке, и Она ни в чем не нуждалась.

С тех пор, как его отпустила лихорадка, Кесар почти все время спал. Жрецы приходили и уходили, как дни и ночи. Рэм дежурил у двери или где-нибудь поблизости, если только Кесар сам не отсылал его прочь. Оставалась только Вал-Нардия. Проснувшись прошлой ночью, Кесар обнаружил, что она сидит на низкой скамеечке, измученная и забывшаяся сном. Ее голова покоилась рядом с ним на его подушке. Раньше их объединяла лишь кровь — брата и сестру. Теперь, все так же оставаясь братом и сестрой, они вместе приходили сюда посмотреть на гладь моря. У него было время, чтобы спокойно выздоравливать. Перед отъездом он приказал двум своим кораблям вместе с командами оставаться в Тьисе, где они и сами рады были остаться, вос-

 хваляемые и обожаемые, хотя городу, пожалуй, уже не суждено

было оправиться от пережитого. А пока требовалось время, чтобы гонцы добрались до Истриса, — тот, которого он отправил к королю, и другой, отправленный с иными целями, на следующее утро после нападения змеи.

Вал-Нардия, сейчас еще бледнее, чем Кесар, сидела рядом с ним. С глазами, устремленными на океан, она вслух вспоминала об их детстве, проведенном в Истрисе, о старой башне в нижних садах, с которой они смотрели на далекую гавань, о вылазках в холмы. И о летнем Празднике Масок пять лет назад, когда они нашли друг друга в огромной толпе и мгновенно узнали один другого. Кесар прихлебывал из фляги разбавленное водой вино и ел фрукты, которые она уговаривала его попробовать. Он купался в ее любви, позволяя ей видеть лишь слабость, которая уже почти покинула его, и ничего больше. А она — он сознавал это — позволяла ему вводить себя в заблуждение.

Но, говоря об Истрисе, она вдруг, точно случайно обмолвившись, упомянула о его отъезде — и тут же побледнела еще сильнее.

— Когда ты сможешь вернуться без опаски? — спросила она. — Неужели в Кармиссе тебе постоянно придется бояться за свою жизнь?

— Я всегда за нее боялся. Именно так мне удалось избежать куда худших вещей, чем та змея. Но я предвидел это — морское сражение с закорианцами, попытку убийства... Понимаешь, Улис, рано или поздно такие вещи должны были случиться. И очень важно быть готовым к этому.

— Значит...

— Значит, мои люди в столице шепнут кое-что кому надо. Пойдут слухи. Мой героизм будет у всех на устах, и вероломство, которым мне отплатили за него, — тоже. Когда я вернусь, под копыта моих скакунов будут бросать цветы, и король не осмелится снова покуситься на меня.

— Я стану молиться Ей, чтобы все так и случилось. И чтобы Она хранила тебя.

— В Тьисе богиня стала его оружием против меня. Ее меч, Ее змея.

— В этом виноват он, а не воля богини. — Вал-Нардия в замешательстве отвернулась от брата. — Ты уверен, что это был король?

— А кто еще?

— Какой-то другой недоброжелатель.

— Ты думаешь, у меня их столько, что я могу выбирать?

— Твое честолюбие пугает меня, — сказала она тихо. — И не оно одно. Это оно наживает тебе врагов. Почему ты не хочешь измениться?

Она ступила на опасную тропинку, и Кесар уклонился от ответа — лег на траву и заявил, что у него разболелась голова.

Потом, уже начиная дремать рядом с нею, он проговорил:

— Я рад, что ты уехала сюда. Здесь тебе ничто не угрожает, а там тебя могут использовать для воздействия на меня. Ты — мое единственное уязвимое место.

— Ты пожертвуешь мной точно так же, как всем остальным, — сказала она отстраненно, без малейшей обиды или негодования.

— О нет, — возразил он. — Только не тобой.

Не тобой...

Кесар пробыл на Анкабеке десять дней, когда из Кармисса пришла лодка. Уже совсем стемнело, и на небе рдела Звезда. Из деревушки прибежали мужчины, и прибывший ступил на прибрежный песок, пристально глядя на них.

— Меня прислал к принцу Кесару эм Ксаи король Сузамун.

Эта маленькая ложь помогла незнакомцу в конце концов оказаться в храмовом приюте, в той бедной хижине, где сейчас стоял Кесар, исцелившийся и грозный в тусклом свете коптящего фитиля.

— Добрый вечер, Третий.

Прибывший, один из десятка Третьих гвардии эм Ксаи, отсалютовал.

— Мой лорд, у меня новости для вас.

Солдат принялся рассказывать. Принц и сержант его гвардии редко доверяли подобные вещи бумаге. Когда доклад был закончен, выражение лица Кесара совершенно не изменилось. Разумеется, удивляться тут было нечему. Все шло по плану. Всадники, не останавливаясь и меняя скакунов на свежих, проделали обратный путь вдвое быстрее. Свое дело они сделали лучше некуда. Висская часть Истриса только и говорила, что о нем. Вернуться сейчас было столь же мудро, как прежде — скрываться.

— А корабли в Тьисе?

— Получили приказ возвращаться. Капитаны и несколько избранных людей приняли в подарок от правителя колесницы и зеебов и по суше отправились к самой юго-восточной деревушке на истрисско-иолийской дороге. Там они будут ждать вас.

— А после этого въедут со мной в Истрис, — прибавил Кесар, широко усмехаясь.

Корабли идут слишком медленно. Нельзя допустить, чтобы его триумфальное возвращение в столицу запоздало или было испорчено. Эти придирчивые светловолосые слизняки-полукровки, дрожавшие на своих кораблях, которые слишком перетрусили, чтобы сражаться, зато потом мямлили что-то о правах рабов — пусть плетутся по улицам позади него, с его калинксами и собаками. И пусть все кармианцы-Висы видят его и слышат о нем!

— На рассвете мы поплывем обратно. Где спят гребцы?

— На берегу, мой лорд.

— Можешь остаться в этой хижине. Разделишь ее с Девятым. Уверен, что он не станет возражать.

Солдат отступил в сторону, Кесар вышел в дверь и направился вверх по склону, к храму. Озадаченный, номер третий решил, что принц отправился возносить благодарность Ашаре.

* * *

Маленькие металлические диски на ветвях деревьев трепетали, издавая еле уловимое зловещее гудение, от которого все волоски у него на коже вставали дыбом.

Он миновал огромные храмовые двери и зашагал вдоль черной стены. Во время их бесконечных разговоров сестра как-то ненароком упомянула о том, где живут послушники. И так же, словно ненароком, по мере того, как его здоровье улучшалось, она проводила с ним все меньше времени.

Вскоре в стене показалась арка. Он прошел сквозь нее во внутренний двор. Над дверью, коптя, неровным пламенем горел единственный факел, вставленный в какой-то розоватый камень. Ветер над морем окреп. Завтрашнее плавание могло стать нелегким испытанием.

Кесар постучал в дверь. Решетка поднялась, и в тусклом сиянии светильника показалось смуглое лицо.

— Кто здесь?

— Принц Кесар эм Ксаи. Я пришел попрощаться с сестрой. Впустите меня.

— Вам нельзя внутрь.

— Или ты меня пустишь, или я выломаю дверь.

— Это священное место.

— Так пусть оно таким и останется. Не стоит осквернять его насилием.

Послышалось перешептывание, и лицо за решеткой исчезло. Кесар ждал. Сила, которая переполняла его и не потерпела бы отказа, похоже, была уверена, что в конце концов отказа не будет. Через минуту до него донесся скрежет засова, и дверь открылась.

Он ступил в сумрачный коридор и тут же ощутил на своем запястье бесплотную руку. Оглянувшись, он увидел женщину с Равнин, причем, судя по ее виду, чистейших кровей. Ее узкая ладонь прикрывала огонек свечи от ветра, рвущегося в приоткрытую дверь.

— Вы увидите Вал-Нардию. Она здесь. Следуйте за мной.

Он так удивился, что едва не рассмеялся. Слишком уж они наивны — или куда более хитры, чем он думает.

Кесар пошел за женщиной и огоньком — оба были бледными и в этих мрачных коридорах казались призрачными. Они тянулись с милю — извилистые, как змеи, с уклоном то вверх, то вниз, и все, как один, лишенные освещения. Время от времени свеча выхватывала из тьмы какое-то ответвление или дверную нишу. Он заподозрил, что весь этот мрак предназначен для того, чтобы сбивать с толку незваных гостей или непосвященных посетителей вроде него.

Женщина резко остановилась. Они стояли перед еще одной дверной нишей.

— Это келья Вал-Нардии, — обернулась к нему жрица. — Она рядом, в святилище. Не стоит тревожить ее. Ее медитация скоро закончится. Она вернется и сама найдет вас.

На миг он заподозрил, что это какая-то хитрость, но потом жрица сказала:

— В этих стенах наверху есть щели, выходящие в небо. В предрассветных сумерках здесь будет сносная видимость, и принцесса сама сможет указать вам дорогу.

Ее невозмутимость заставила его приподнять бровь.

— Вы полагаете, что я проведу здесь всю ночь?

Она лишь взглянула на него. Лицо ее было непроницаемо. Только желтые глаза придавали ему какой-то цвет, да еще фиолетовый камень во лбу — Змеиное Око, камень богини.

— Вообще-то я намерен покинуть остров еще до рассвета, — произнес он.

— Тогда она зажжет вам фонарь.

Внезапно Кесар рассмеялся.

— Сколько вы хотите за это? Или просто нужно принести что-нибудь в дар храму?

— Мой лорд, — отозвалась жрица, — единственный дар, который требуется, будет принесен.

— Сплошные загадки. Так сколько?

— Мой лорд, — повторила жрица, ничего более не прибавив. Он увидел, как она склонилась над огоньком, и услышал змеиное шипение — она задула свечу. В непроглядной тьме он не видел и не слышал, как она ушла. Из щелей наверху, если они и были, не просачивалось ни капли света. Должно быть, луна и Звезда стояли на другой стороне неба.

Кесар нащупал дверь и почувствовал, как она подалась. В комнате горел светильник, и он вошел, захлопнув за собой дверь, точно желал отгородиться от тьмы, стоящей за ней. Этот разговор разозлил его. Он огляделся и сейчас же заметил занавешенный проход. За отдернутым занавесом оказался еще один неосвещенный коридор, ведущий, судя по всему, в то самое святилище, о котором упомянула жрица. Выругавшись, он снова задернул занавес и принялся разглядывать пустую комнату.

Маленькая и строгая, она показалась Кесару некрасивой. В углах лежали и стояли вещи Вал-Нардии — сундуки, которые он видел в день ее отъезда из Истриса, ларец элирианской эмали и скромный плащ, который она носила здесь. Постель была узкой и низкой. На подушке лежал увядший цветок, который он сам накануне воткнул ей в волосы. Кесар поднял его. Тот еще сохранил остатки аромата, но теперь от него больше пахло Вал-Нардией, и он смял его в руке.

До него донесся шелест занавеса — и протяжный вздох.

Кесар обернулся. Она была боса и обходилась без свечи в этой темноте. Сейчас вид у нее был полуослепленный — то ли светом в комнате, то ли им самим.

— Как ты здесь оказался? — спросила она.

— Твои жрицы пустили меня. Я пришел попрощаться. Завтра на рассвете я отплываю.

— Но... — выговорила она растерянно. В отличие от лица жрицы с Равнин, на прекрасном лице Вал-Нардии можно было читать, как в раскрытой книге. Она бежала сюда в поисках убежища, но ее убежище оказалось с ним заодно. Ее предали.

— В этой комнате нет окон, — сказал он. — Отсюда не видно неба. И звезд. Даже Застис.

Она шагнула к нему.

— Ты должен уйти. Сейчас же.

— Когда ты верила, что я могу умереть, то была полна горя и страха. А теперь вышвыриваешь меня отсюда, может быть, на смерть, словно куклу, которая тебе надоела. Неужели ты так и относилась ко мне все эти годы, с самого детства? Я был для тебя игрушкой. Удобной и полезной. Деревянной или тряпичной.

— Нет, — прошептала она. — Это *ты* так относишься ко мне. — Ее медовые глаза расширились. — Как к чему-то полезному. К восхищенной рабыне. Это ты играл со мной. Ты пользовался мной в своих целях.

— Что ж, тогда я воспользуюсь тобой и сейчас, — произнес он. — А ты, Вал-Нардия, воспользуйся мной.

Она открыла рот, и он понял, что сейчас оттуда вырвется крик. Но прежде чем она успела издать хотя бы звук, он одним прыжком преодолел расстояние, разделявшее их, и схватил ее. Ни газовое платье, в которое она была одета, ни рубашка под ним не были для него препятствием. Ему казалось, что он чувствует все ее тело до мельчайших подробностей, как будто оба они уже обнажены. Руку, зажавшую ей рот, он убрал, и ее место заняли его губы. Она принялась отбиваться, как в прошлый раз, но сейчас намного более яростно. Даже пыталась укусить его — за губы, за язык, сражавшиеся с ее губами. Но это ни к чему не привело — она просто не могла заставить себя причинить ему боль, даже сейчас. Его охватила пронзительная жалость к ней, но эта жалость тоже была любовью. Он отстранился от ее губ, боясь, что вот-вот разрыдается. От его поцелуя у нее перехватило дыхание, и сейчас она вряд ли смогла бы закричать. Кроме того, кто здесь может услышать ее?

Ее руки продолжали колотить его по груди, царапать его. Она вцепилась ему в волосы, попыталась разодрать горло, но снова не смогла пересилить себя. И все это время она продолжала повторять слова мольбы и протеста — нет, нет, нет — перемежая их с его именем, он же повторял ее имя или детское прозвище — Улис. Это превратилось в литанию, бесцельную и лишенную всякого смысла.

Он поднял ее на руки, отнес к убогой кровати, положил на постель и сам лег рядом.

Ее плоть мгновенно отозвалась в мучительной агонии Застис. Он и сам не заметил, как одну за другой расстегнул застежки ее платья, распустил грубую шнуровку. Нашел ее груди, накрыл их ладонями, касаясь, пробуя их на вкус, упиваясь их сладостью. Она все еще отбивалась, хотя ее руки хватались за него, словно она была утопающей. Но он безжалостно втолкнул ее обратно под воду и сам пошел ко дну вместе с нею. Комната казалось алой от ее волос, шелковистых, как лепестки улиса, — не только на голове, но и между бедер тоже.

Когда он взломал последние врата, ее глаза широко раскрылись, встретившись с его глазами. Пальцы сжали его плечи,

губы жадно приникли к его губам, позабыв наконец все слова. Почти мгновенно она превратилась в водоворот, затягивающий его в свою бездонную глубину, растворяющий его. Она закричала, громче и громче, исступленно, нескончаемо. Казалось, она умирает в его объятиях, но где-то там, в ее смерти, была и его смерть тоже. Он отпустил ее, но ее суть осталась с ним — теперь уже навсегда.

В мертвой тишине, наступившей после, он усмехнулся, ощущая под собой ее волосы, ее тело, и подумал, что это еще одна его победа, причем весьма убедительная.

4

Первый из наследников Сузамуна, старший законный сын, проснулся на ложе любви и толкнул девушку, лежащую рядом с ним.

— Что это еще за шум?

Девушка не знала. Не смогла ответить на этот вопрос и вторая, когда он толкнул ее.

Принц Джорнил встал с кровати в страшном бешенстве. И отец, и мать его были шансарцами, но, рожденный и выросший в Кармиссе, Лилии океана, он превратился скорее во вьющееся растение, чем в дерево. У него не появлялось даже минутных сомнений в себе или своем будущем. Сбить с него спесь мог лишь отцовский гнев.

Он встал, безупречно красивый в утреннем золоте, льющемся из окна, и, не веря своим ушам, прислушался к реву, доносившемуся с улицы. Он ничего не мог понять. Этот шум не имел к нему никакого отношения.

Когда слуга доложил Джорнилу, что это гул толпы, собравшейся полюбоваться на возвращение принца эм Ксаи в Истрис, наследник громко рассмеялся.

Нанятые распространители слухов отлично отработали свою плату. Потом в игру вступили настоящие слухи, искусно переплетенные с истиной. Став лагерем на восточных холмах над городом, возвращающиеся герои задержались, отправив вперед гонца, чтобы тот привез им лучшие наряды для пышного въезда в город. Каким-то образом принцу Кесару удалось убедить всех, что Сузамун одобрит торжественную встречу победителей, а про один погибший корабль никто даже не вспомнит. Он был умен, поэтому три его капитана со своими офицерами тоже считали себя умными, и убедить их не составило никакого труда.

На самом же деле Сузамун эм Шансар отнюдь не собирался привлекать всеобщее внимание к их подвигам. Получив новости от гонца, которого послал Кесар, король приготовил вялую одобрительную речь, которую должен был зачитать перед Советом лорд-правитель. Сам король собирался спустя какое-то время лично принять принца эм Ксаи, поблагодарить его, кинуть подачку в виде какого-нибудь незначительного дара и мягко, с великодушной краткостью, распечь за

потерянную галеру. Что же до въезда в Истрис, то Кесар с двумя десятками своих людей были вольны въехать в любое время. Корабли тоже могли свободно войти в гавань.

Вся эта затея была театральной, придуманной лишь ради того, чтобы выказать заботу Сузамуна о чистоте берегов. Сам он считал опасность, исходящую от Вольных закорианцев, меньшей, чем та была на самом деле, — иначе отправил бы сражаться с ними своих капитанов на кораблях, построенных в Шансаре, и под командованием своего брата Уля.

Но Сузамун не принял в расчет висскую часть Истриса. Да, шансарцы тоже питали слабость к действам, но то были действа иного рода, зачастую магические или мистические, почти всегда символические. Из неважных событий редко раздували что-то большее. Когда толпы выходили на улицу встречать короля с охоты, Сузамун не понимал, что люди радуются самому событию, нарушающему размеренный ход вещей, а вовсе не его венценосной особе.

К тому же все упиралось в организацию. Люди начали выходить на улицы еще на рассвете: имелось положение, по которому улицы должны быть свободными, поэтому толпа собиралась по обеим их сторонам. Женщины, собиравшие и покупавшие цветы, сплетничали о лорде, которому собирались их бросить. И были другие, которые с самого начала говорили: наконец-то появился темноволосый человек, который защитит их честь и безопасность.

К полудню нетерпение достигло предела. Люди все прибывали и прибывали, ими уже были заполнены все улицы и проспекты от Белых ворот Истриса до самого дворца. Вытащенные из сундуков знамена развевались, свисая из окон. Лоточники продавали длинные цветные вымпелы, колокольчики и визгливые дудочки вперемешку с вином и сладостями. Лишь храм Ашары, последний бастион на пути к дворцу, казалось, не проявляет к происходящему ни малейшего интереса.

Через несколько минут после полудня начали разноситься слухи о приближении шествия.

И сразу же за этими глашатаями со стороны Иолийской дороги в Белые ворота въехал принц эм Ксаи, со всех сторон окруженный своей процессией.

Первыми шли барабанщики — шестеро, в вороненых кольчугах, задавая бодрый ритм. Прямо за ними двигались музыканты, играющие на бронзовых горнах и трещотках, а следом за ними несли высоко поднятое знамя с Лилией Кармисса. Затем, соблазнительно покачивая бедрами, шли две девушки, едва ли не единственной одеждой которых были цветные ленты, с лилиями в волосах. Они вели на веревках, свитых из цветов, двух черных кастрированных бычков, тихих и смирных. Толпа быстро уловила намек, хотя, возможно, тут не обошлось без помощи.

— Вольный Закорис! — поднялся крик.

Вольный *кастрированный* Закорис, идущий на поводу у нежной Лилии. Девушки кокетничали с толпой, то и дело зали-

ваясь румянцем. Они были местные и получили за этот выход столько, сколько им и во сне привидеться не могло. Бычков тоже нашли у местных крестьян.

Проехал десяток верховых солдат, за ними прошли еще двое, несущие гордо развевающееся знамя с гербом Кесара — золотой саламандрой на алом фоне. Одобрительный ропот сменился горячими приветственными криками. Толпа принялась выкликать его имя, точно так же, как во время морского боя в Тьисе: «Эм Ксаи! Эм Ксаи!».

Они уже видели его, стоящего на бронзовой колеснице. Сегодня он был одет в темно-красное — цвет вина, при помощи которого он обманул и перебил пиратов. Зеебы в его упряжке были черными, совсем как его волосы. Несмотря на гул, он превосходно удерживал своих скакунов в повиновении, к тому же одной рукой. Вторая почти праздно лежала на поручне колесницы, небрежно сжимая хлыст с золотой рукояткой. Все символы были точными. Лишь немногие не уловили их, хотя большинство и не смогло бы облечь их в слова. Поза, исполненная непринужденной силы и изящества, и воинственная мужественная красота, которой дышал Кесар, окруженный своими людьми в черных доспехах, вызывали ощущение, что ему подвластно все в этом мире. Образ короля. Короля Висов.

Толпа впала в неистовство, и цветы посыпались на него дождем.

Время от времени он поворачивался, благодаря их легким поклонам. В нем не было ни несдержанности Сузамуна, ни прикрытого фальшивой улыбкой презрения его наследников. Кесар был совсем иным. Его учтивость и исходящая от него уверенность покоряли. У всех было ощущение, что их заметило — и по праву — какое-то божество.

Таково было воздействие, оказываемое Кесаром на людей. Он осознавал его и пользовался им искусно и беззастенчиво, ибо ему пришлось терпеливо ждать такой возможности.

За Кесаром скакали еще двадцать гвардейцев — все Вторые и Пятые из сотни. В общей сложности в этой процессии шествовало почти сорок его солдат.

Герои с кораблей, ехавшие следом, были разодеты куда пышнее и, разумеется, мгновенно вызвали в толпе небывалое оживление. Но они отчетливо ощущали привкус уксуса в этом меду. Даже светловолосый и темнокожий капитан, носивший, как множество других, имя Ральднор и ехавший на дорогом скакуне, знал, что не он сегодня герой дня.

Когда принц добрался до храма Ашары, толпа уже была вне себя, и за одуряющим запахом раздавленных цветов никто не заметил того, что над священной террасой не поднимаются дымки курений.

Эм Ксаи ступил на площадь, и люди бросились к нему. Его гвардия добродушно сдерживала их, ибо никто не хотел ничего дурного, желая лишь приблизиться к своему кумиру.

Черных бычков на цветочных веревках подвели через площадь к храму и заставили подняться по ступеням. За ними последовали принц с гвардией, а следом хлынула толпа.

Жрецы, которые подглядывали в глазки, явно встревожились, но никто из них не вышел навстречу.

Кесар стоял, безупречно владея собой, в спокойном ожидании, всем своим видом показывая, что здесь нет его вины, и он не придает этому особого значения. Однако толпа разразилась криками по адресу служителей богини. В конце концов один-единственный взволнованный жрец поспешно сбежал с крыльца и тут же был встречен оскорбительными аплодисментами. Он был шансарцем, по крайней мере, вполне шансарцем, чтобы выполнять строгие ограничения храма Ашары.

Он поспешил к Кесару. Но прежде чем жрец успел хоть что-то сказать, Кесар заговорил своим хорошо поставленным голосом:

— Я здесь для того, чтобы перед лицом всех этих людей принести жертву богине в благодарность за мою победу в Тьисе.

Жрец огляделся, принял какое-то решение и убежал.

Толпа зашумела, протестуя, потом умолкла, с нетерпением ожидая, что же предпримет Кесар.

Тот немного поколебался, точно в раздумьях, а затем направился прямо к мраморному алтарю на террасе. Он ничего не сказал, но, повинуясь движению его руки, черные бычки пошли к нему. Теперь их вели мужчины, а девушки куда-то делись.

Кесар вытащил нож. Лезвие было отточено до бритвенной остроты — он ожидал подобного исхода. Молниеносно, с поразительной и грозной точностью он взмахнул рукой, одним ударом перерезав оба бычьих горла.

Кровь хлынула густой алой струей. Огромные головы повисли, черные тела забились в агонии и почти одновременно рухнули на землю. Вымокшие в крови цветочные гирлянды расплелись, пачкая ступени алым. Но Кесар оказался настолько быстр, что на его великолепный наряд не попало ни капли. Даже его руки остались незапятнанными.

Так приносили жертвы короли — века назад, в далеком прошлом...

Жрец, всего-навсего побежавший за помощниками, выскочил на террасу вместе с собратьями. Но в нем уже не было никакой надобности.

Король, обнаженный, если не считать набедренной повязки, только что закончил упражняться на мечах и шел принимать ванну. Именно в это время и в таком виде он намеревался принять Кесара. Это было важно, ибо короля давно так не оскорбляли. Было совершенно необходимо, чтобы молодой человек в темно-красном прочувствовал всю меру этого оскорбления.

— Ну, — обратился к нему Сузамун, в конце концов небрежно позволив рабу набросить ему на плечи мантию. — Каковы будут твои объяснения?

— Объяснения чего, мой повелитель? — Кесар эм Ксаи воззрился на короля с безграничным недоумением.

— Твоего пышного шествия по моим улицам, вот чего.

— Мой повелитель, вы позволили нам войти, когда нам будет угодно. Ваши подданные решили поприветствовать нас от вашего имени.

— От *моего* имени? Да вы вели себя так, будто снова завоевали Закорис, а не потопили горстку каких-то жалких лодок!

— Семь кораблей, мой повелитель.

Сузамун завернулся в мантию, сел и глотнул вина. Больше никому выпить не предложили. В комнате хватало народу, с интересом наблюдавшего за этой сценой. Старший сын короля, принц Джорнил, жевал инжир и разглядывал наряд Кесара. Как почти месяц назад его отец позавидовал калинксам, так теперь сын возжелал этот изысканный костюм. Джорнила выводил из себя тот факт, что человек, у которого не было никаких доходов (и который ничуть не заслуживал их иметь) мог позволить себе таких портных и такую ткань — шелк, похожий на тончайшую искусно выделанную кожу.

— Семь кораблей, — повторил король. — Ты хочешь сказать, что у тебя не двоилось в глазах?

Повисла долгая пауза. Оскорбительный вопрос явно требовал ответа.

— Их было семь, мой повелитель, — твердо сказал Кесар. — Если вы не доверяете моим подсчетам, спросите у капитанов, которых сами назначили. У Лиоса или Ральднора эм Иоли.

— Не собираюсь ни о чем у них спрашивать. Я лишил их своей милости. Вместе с тобой.

Снова повисла долгая тишина. Кесар не поднимал глаз, отчетливо сознавая, *что* может увидеть в них Сузамун.

— Прошу прошения, мой король. Когда вы посылали меня в Тьис, я счел, что с вашего благословения еду добыть себе немного славы.

— Вот как? Тогда тебе следовало дождаться, когда я прикажу тебе это. Тебя, висская собака, послали сжечь кучку мусора в море. Не более того.

По комнате пробежал слабый шепоток. Сузамун поднял глаза, точно призывая дерзких говорить громче, и все смолкли.

До дворца дошли слухи, ходившие по улицам: якобы Кесар был послан в прибрежный городок благодаря проискам какого-то недоброжелателя, весьма высокопоставленного, который позавидовал ему. Лишь искусство жрецов Анкабека спасло принцу жизнь.

То, что король не упомянул о пребывании Кесара на Анкабеке, тоже очень бросалось в глаза.

Кесар молчал. Он ждал, когда король поймет, что его немилость в данном случае отдает низостью. Но тот не понял — или не захотел понять.

— Ты вступил в мой город, как молодой леопард, — бросил Сузамун эм Шансар. — Теперь ты уползешь обратно, как мышь. Немедленно отправляйся в свое имение в Ксаи.

Кесар поднял голову, и его глаза сверкнули, точно занесенные ножи.

— Да, моя саламандра, — усмехнулся Сузамун. — Твой огонь погас.

• • •

Оборванец низко поклонился — уже в третий раз с тех пор, как вошел.

— Они продают пряди черных мужских волос, выдавая их за ваши, мой господин. Поэт сочинил превосходную хвалебную песнь и сейчас распевает ее по всему восточному городу. А женщины — хотя им-то никто ничего не платил — просто сходят с ума по вам, забыв про всех своих любовников...

— Хорошо, — отозвался темный силуэт в кресле. И добавил, обращаясь к другому человеку, к несказанной радости оборванца: — Заплати ему, сколько я говорил.

Когда наемник удалился, Кесар поднялся и наполнил стеклянный кубок водой. Для вина сейчас было совсем не время.

Его ошибка заключалась в недопонимании того, что он играет против полного болвана. Сузамун оказался настолько глуп, что не догадался сделать правильный ход — ход, который сложил бы все кирпичики один на другой...

Кесар глотнул горькой воды.

— Что там еще?

Сержант его гвардии передал ему какой-то пакет. Его открыли и проверили, после чего Кесар изучил содержимое.

— Третье любимое кольцо Ральднора эм Иоли. Знак любви?

— Лучший, чем если бы он написал об этом, мой лорд, — сержант оскалил зубы в усмешке.

— Согласен. Отповедь Сузамуна пришлась ему не по вкусу. Но вместо того, чтобы винить меня, он винит короля. Еще один дурак. Только, пожалуй, более удобный, ибо держит свои обещания. Твои люди готовы выезжать?

— Да, мой лорд. Одна пятая, как вы приказали. Те, кто прослужил вам дольше остальных.

— В Ксаи им не понравится. Впрочем, и мне тоже... Да, кстати, есть еще кое-кто. Один из Девятых, Рэм. Кармианец со светлыми глазами, у которого имеются приятели в Оммосском квартале.

— Знаю такого. Недавно мы отделали его Шкуродером.

— Отыщи его и прикажи выезжать. Король велел мне убраться из Истриса до рассвета.

За дверями поднялся какой-то шум. Часовой ударил копьем в пол. В следующий миг дверь распахнулась настежь. На пороге появился слуга и пропел по-шансарски:

— Первый наследник волей Ашары, принц Джорнил Истрисский.

Джорнил быстро проскочил мимо него и вошел в комнату.

Кесар глянул на него. Джорнил ответил ему таким же взглядом. Тусклый вечерний свет ласкал его, точно влюбленная женщина. Дверь за его спиной закрылась.

— Польщен, — отрывисто бросил Кесар. — Вы явились помахать мне на прощанье?

— Я явился приказать тебе оставить здесь это одеяние, когда ты будешь уезжать.

Секунду Кесар недоуменно глядел на него, потом внезапно рассмеялся. Он взял еще один кувшин с вином и сделал знак сержанту. После того, как дверь закрылась в третий раз, Кесар налил вина наследнику Сузамуна.

Джорнил отставил чашу из дымчатого стекла, даже не пригубив.

— Берите, — подбодрил Кесар. — Неужели вы опасаетесь, что я что-то подсыпал туда?

Джорнил просиял. Это было сказано на языке Висов. Несмотря на то, что слуга объявил о его приходе по-шансарски, Джорнил с большим трудом разговаривал на языке своих предков.

— Нет. Но мне не нравится твое вино.

— Оно с виноградников Кармисса.

— В самом деле? Однако вернемся к одежде.

— Разумеется, мой принц, — отозвался Кесар, взявшись за застежку туники. — Прямо сейчас?

— О, можешь просто оставить ее здесь. Я пришлю за ней кого-нибудь.

— Прикажите хорошенько выстирать ее. Я проехал в этом по меньшей мере три мили.

Джорнил поднял чашу с вином, оглядел ее, снова отставил.

— А правда ли то, что говорят? Что мой отец пытался убить тебя?

Кесар задумался.

— Это не так. Но мне интересно, откуда вы взяли, что кто-то об этом говорит?

— На улицах только об этом и болтают. Ядовитая змея в Тьисе...

Кесар рассмеялся. Джорнил засмеялся тоже, хотя и не собирался делать этого.

— Так, небольшая рана в бою. Никакая не змея. И совершенно не вижу, зачем Сузамуну убивать меня, — добавил он, — если в его власти услать меня в Ксаи и обречь на смерть заживо. Это куда хуже.

Джорнил, который не очень-то любил Кесара, но тем не менее неодолимо к нему тянулся и с самого детства регулярно завидовал ему как проклятый, изумленно фыркнул.

— Я могу приехать навестить тебя там.

— Ради богини, не делайте этого. Приезд члена королевской семьи в Ксаи убьет вашего отца на месте. Не стоит. Лучше помните обо мне здесь. Носите мой наряд вместо меня. Говорят, в эту краску добавили кровь тринадцати девственниц, чтобы добиться нужного оттенка.

Разрываясь между доверием и насмешкой над застийским возбуждением, Джорнил поднял чашу с кислым молодым вином и осушил ее.

Ксаи находился на равнине к юго-западу от Кармисса, очень далеко от столицы. Путь туда занимал от пятнадцати до семнадцати дней, в основном из-за скверных дорог или вообще полного их отсутствия. Постоялые дворы там тоже были скверными или вообще отсутствовали. Стада диких зеебов носились по плоской равнине, как

будто сами не желали где-то задерживаться. На землях поместья ютились две деревеньки. Сама усадьба была настоящей развалиной. Островки тропического леса, плавающие в заболоченном озере, придавали дому особую атмосферу и запах.

В детстве Кесар провел в этом забытом богами месте вполне достаточно, чтобы отдавать себе отчет, как сильно ненавидит его.

Он метался в своем заточении, как раненый лев. Ночами, а время от времени и в ослепительные дни, Засгис овладевала им, заставляя искать облегчения у жалких женщин, бывших его собственностью. Он ездил верхом, упражнялся с оружием и пытался охотиться на этой бесплодной земле. Солдаты, которых он взял с собой, упивались дрянным местным пивом, а потом извергали его наружу, на все лады проклиная Сузамуна, Кесара и всех богов сразу.

Он пробыл там не меньше месяца, прежде чем получил известие. Оно пришло оттуда, откуда он его отчасти даже ожидал, — от капитана-полукровки Ральднора эм Иоли.

Двенадцать дней спустя тот сам появился в Ксаи в сопровождении всего лишь троих человек. Добрый знак.

Они устроились на плоской крыше виллы, под навесом. Солнце клонилось к островкам леса на озере, стаи галдящих птиц то опускались на воду, то вновь срывались с нее.

— Я все больше и больше прозреваю, — с мягкой настойчивостью объявил Ральднор эм Иоли. — Нас просто использовали. Меня, моих товарищей-капитанов и вас, лорд принц. Нас собирались принести в жертву. А потом Сузамун послал бы кого-нибудь из своих фаворитов очистить моря от врагов, и тот прославился бы за наш счет. Мы, как те слуги, что пробуют угощения на королевском пиру, должны были умереть, испытав на себе силу яда.

Кесар еле заметно усмехнулся. По его знаку служанка вновь наполнила кубок иолийца.

— Так что ничего удивительного, что вместо награды нас ждало наказание, — продолжил эм Иоли. — Меня разжаловали из капитанов. И оштрафовали — *оштрафовали,* клянусь Ашкар, за то, что устроил недозволенное представление для толпы! — Он сделал глоток. Кровь светлой расы досталась ему не из Шансара, а из Вардата, поэтому он назвал богиню вардийским именем. И это было очень кстати, поскольку можно было не опасаться, что в нем вдруг пробудится солидарность с земляками. — Сузамун что, совсем спятил?

Кесар пожал плечами.

— Король верит в превосходство своей желтой расы. Те, в ком течет смешанная кровь — пусть даже воплощенная в столь славных цветах, как у тебя, — пятно на безупречной чистоте его народа. Признаюсь, что до Тьиса я не вполне осознавал это. А теперь, Ральднор, я гадаю, долго ли вообще мне осталось осознавать что бы то ни было.

— Значит, вы все еще опасаетесь за свою жизнь?

— Если я сгину в Ксаи, никто этого не заметит.

— Вы не правы. Столица до сих пор восхваляет вас, даже сейчас.

— Значит, я могу быть спокоен до тех пор, пока толпа помнит меня. А потом — возможно, еще одна змея.

— Он может дотянуться до любого из нас.

— Безусловно.

Они снова выпили. Ральднор эм Иоли грохнул о стол пустым кубком.

— И какой у нас выход, кроме как бежать из Кармисса, словно преступники?

— Вряд ли я смогу выбраться с острова, раз сам король заточил меня здесь, — возразил Кесар. — Возможно, он только и ждет, чтобы я это сделал. Тогда можно будет обвинить меня в измене и казнить — все по закону.

— Все-таки он безумец.

— Одержимый, несомненно. Но разве после войны Равнин у людей темной крови осталась хоть какая-то надежда?

Ральднор, которому стало не по себе, инстинктивно пригладил волосы. До недавних пор его внешность, которой он был обязан своим блистательным именем, была ему скорее на руку, чем наоборот. Сам богоподобный Повелитель Гроз Ральднор был полукровкой.

Солнце уже плескалось в воде, догорая и уходя ко дну, как корабли Вольных закорианцев. Вино тоже почти кончилось.

— Беринда, — повелительно обратился принц к служанке. Та бросила на него робкий и забитый взгляд человека, рожденного рабом, и ускользнула, чтобы вновь наполнить кувшин.

— В любом случае я удивлен, что ты счел меня достойным своей заботы, — раздумчиво произнес Кесар. — После того нашего спора на море...

— Из-за рабов на галерах, которых вы оставили гореть заживо? — Ральднор бестрепетно встретил его взгляд. — Этот поступок показался мне омерзительным, мой лорд. Но именно ваша безжалостность, хоть она и воистину отвратительна мне, сулит вам в моих глазах — как бы это выразить? — великое будущее. Блестящее будущее. Вы уничтожите все, что встанет у вас на дороге.

— И ты, — заключил Кесар, — решил, что разумнее будет рискнуть и остаться рядом со мной, чем оказаться у меня на пути.

Ральднор кивнул с немалой долей иронии. Он был поразительно умным и восприимчивым человеком, и именно эти качества время от времени толкали его на опрометчивые и неразумные поступки.

— Ты спрашиваешь, можно ли как-то противостоять злой воле короля, — снова заговорил Кесар. — Думаю, что да. Нужно нечто, столь явно показывающее всем его причастность к этому, чтобы он никогда больше не осмелился снова покуситься на нас. Нечто, проникнутое такой насмешливой справедливостью, чтобы Истрис до конца жизни помнил это. И обидное, если ты предпочитаешь, чтобы твоя месть была болезненной.

Ральднор вздрогнул. Сейчас он находился рядом с тем же человеком, что и тогда, на борту кармианской галеры. Но он

хорошо чувствовал обстоятельства и умел к ним приспосабливаться.

— Прошу вас, мой лорд, просветите меня, — сказал он с недрогнувшим лицом.

Кесар в двух словах обрисовал свой план.

— Клянусь всеми богами, разрази их гром! — выдохнул Ральднор, чья висская мать была шлюхой, довольно известной в иолийском Городе Наслаждений.

По крыше, выделяясь на фоне бронзовеющего вечернего неба, возвращалась с вином служанка Беринда. Она не слышала ни слова из того, о чем говорилось, да это ее и не интересовало. Ее занимали куда более существенные вещи. Наклонившись, чтобы наполнить кубок Кесара, она вспомнила ночь, проведенную с ним на ложе, и вдохнула его пряный мускусный запах, тут же ударивший ей в голову.

Он не обратил на нее внимания.

Жрица Эраз ощутила, что в Святилище бесшумно вошел кто-то еще, скрываясь за занавесом из золотой чешуи. Своим внутренним зрением Эраз заглянула туда — и мгновенно узнала пришедшую, не только по ней самой, но и по крошечному, еле уловимому второму существу внутри нее, теплившемуся слабее, чем остывший уголек.

Была пора, когда огоньки храмовых светильников еле мерцали, а занавес перед богиней не поднимался от простого наступания на летящих мозаичных драконов. Стоял час между полуночью и зарей, в древних мифах Равнин-без-Теней зовущийся Часом Волка. Час бессонницы, сомнений и ненависти к себе, а иногда и смерти.

Равнинная жрица вышла из-за занавеса и очутилась в сердце Святилища. По мозаичному полу она прошла туда, где стояла принцесса Вал-Нардия — одна, с низко склоненной головой, в молчании.

— Ты ищешь богиню?

— Ищу, — Вал-Нардия запнулась. — Но Ее не найти.

— Да. Так всегда бывает.

Опущенное лицо Вал-Нардии отвернулось в сторону.

— Я согрешила. Я недостойна Ее.

— Если б ты считала себя недостойной Ее, то не пришла бы к Ней, Вал-Нардия Истрисская.

— Я согрешила... согрешила... Позвольте мне признаться в своем грехе и наложите на меня кару.

— Это обычай народа твой матери. Анакир не карает, не приносит страданий. Ее простертые руки, являющие собой возмездие, разрушение, мучение и неотвратимые бедствия, — всего лишь символы. Мы сами навлекаем на себя пытки. Мы сами караем себя.

— Мой грех...

— Твой грех лишь потому грех, что ты его так называешь.

— Нет же! Помогите мне! — вскрикнула Вал-Нардия, вскинув на жрицу глаза и цепляясь за ее одеяние.

— Помощь в тебе самой, — отрезала Эраз. — Ты сама должна помочь себе. То, что мы совершили — прошлое. Мы либо вновь и вновь переживаем его, либо позволяем ему уйти.

Вал-Нардия ахнула.

— Вы ненавидите меня! — выдохнула она вдруг. — Ваш народ ненавидит всех нас, тех, в ком течет кровь Висов. Мне здесь не место. Это *ваша* богиня, а не моя.

Эраз даже не взглянула на нее. Ее глаза казались двумя горящими светильниками, а она сама — кем-то отличным от человека.

— Твоя, если ты примешь Ее. Тебе не нужны мои утешения, принцесса. Именно этому мы пытаемся научить тебя. Тебе нужна лишь Она. Ты должна почувствовать в себе Ее силу.

— Вы не хотите даже выслушать меня. Мое преступление...

Золотые глаза обратились на нее.

— Сначала попытайся найти силы в себе. Потом, если не сумеешь, можешь прийти ко мне.

Вал-Нардия бросилась прочь. Она пронеслась по мозаичному полу и, добежав до одного из потайных выходов, выскочила на улицу.

Эраз осталась стоять. Она разделила свое сознание на две разных личности, как ее учили. Первая сказала ей: у этой девушки не хватит силы духа перенести все испытания. Она ничего не понимает. Эраз ответила: у каждого из нас достаточно силы духа, чтобы вынести все, что угодно. Долгие века мой народ верил, что он — жертва, обреченная терпеть страдания и гибнуть, а в конце концов и вовсе исчезнуть с лица земли. Потом он поверил, что ему суждено стать властелином мира, как в глубокой древности, и теперь идет по этому пути. Все, что происходит с Вал-Нардией, в руке богини. Она должна постичь это. Но я думаю, что ее судьба не позволит ей сделать это.

Далеко-далеко она ощутила Вал-Нардию, бегущую по подземелью храма, окутанную черной пеленой стыда, и крошечную, совсем недавно зажженную свечу новой жизни в ее чреве — гораздо более темную и неразличимую для нее, чем все остальное.

Над Истрисом бушевали сухие грозы без дождя. В городе уже начали поговаривать о возможной засухе. Потом набухшие тучи прорвало ливнем и ярким летним градом, высекавшим искры там, где он падал на камень или металл.

В последнюю четверть Застис наступал кармианский Праздник Масок. На закате по мраморным мостовым все еще бежали ручьи дождевой воды, но небеса уже полностью очистились от туч, от самого зенита до пурпурного моря.

Город загудел, как огромный барабан, улицы вспыхнули блуждающими огоньками, которые вихрем разлетелись во все стороны. Флюгеры из цветного стекла, укрепленные на уличных фонарях, окрашивали тутовые деревья на бульварах в янтарь и индиго, цвета Эарла, — пока их не разбили. Зажиточные горожане и наиболее богатые из простонародья прогуливались в немыслимых одеяниях, скрываясь под масками солнца, луны, Алой звезды, зверей, демонов и баналиков.

Сам дворец, который и без того редко бывал неосвещенным после наступления сумерек, сверкал, точно костер, и оттуда неслась какофония музыки и шуток.

Ходили слухи, что поздно ночью в город может выйти сам король, скрывшийся под золотой маской, как, если верить преданиям, он любил развлекаться в былые годы. Скольким нищим сегодня достанутся лошади? Сколько тринадцатилетних девственниц десять месяцев спустя станет хвастать, что Сузамун эм Шансар имеет отношение к громко вопящему младенцу, болтающемуся на пружинистой пуповине?

Ходила и другая молва, зародившаяся где-то в портовых кварталах — будто Кесар эм Ксаи вернулся без разрешения короля. Еще до того, как кончился дождь и небо прояснилось, об этом говорили повсюду. О слухах доложили даже самому королю, но тот презрительно высмеял их.

— Кто такой Кесар эм Ксаи? — осведомился Сузамун. — Я уже когда-то слышал это имя?

Ночь плыла, вино лилось не хуже дождя, любовники, охваченные томлением Застис, уединялись на порогах, на крышах, в увешанных бубенцами повозках, лихорадочно целуясь не скрытыми под маской губами, либо приподнимая маски и тут же вновь опуская их. У выпивших больше, чем следовало, случались видения. То один, то другой хвастался, что видел принца эм Ксаи, делил с ним кружку пива в переулке Светильников или обсуждал пиратов в нижнем городе. Или он якобы показался где-то, закутанный в плащ, с несколькими своими солдатами, по какому-то не очень секретному делу, но в маске, как и все остальные. Он стал новым призраком.

Вообще-то Истрису было не привыкать к призракам на Празднике Масок. Сам героический Ральднор эм Анакир не раз проносился по его улицам в колеснице вместе с красноволосой кармианкой Астарис, а люди валились на колени и в подпитии падали в обморок. Разумеется, скорее всего, кто-то просто наряжался так, желая разыграть горожан, — какой-нибудь темнокожий мужчина в светлом парике и превосходной подделке под старинный дорфарианский чешуйчатый доспех. А постоянное смешение крови привело к тому, что теперь красноволосых женщин вокруг было не счесть.

Джорнил, Старший сын, Первый наследник короля, уже не помнил, откуда изначально взялась эта идея. Он считал ее целиком и полностью своей, и она ужасно нравилась ему с его тщеславием, склонностью к злым выходкам, завистью и недалеким умом.

Все началось с того, что изысканный наряд изумительного кроваво-красного оттенка потребовалось слегка переделать. Кесар был тоньше Джорнила в талии и бедрах, и к тому же более длинноногим. Когда же костюм подогнали под нового владельца — под тем предлогом, что более широкие плечи Джорнила требовали немного расставить его, — появилось мнение, что Сузамун может не обрадоваться, увидев своего наследника в облачении опального принца.

Джорнил остерегался отца. Прочие наследники были еще детьми, поэтому нечего было бояться попасть к нему в немилость или лишиться хотя бы части своих привилегий. Дело было скорее в чем-то неуловимом, в более сильной личности его родителя, которая пугала Джорнила с самой колыбели и в какой-то степени — даже больше, чем жизнь в Кармиссе — сделала его таким, каким он был сейчас.

Так что он не стал сразу же облачаться в доставшийся ему наряд Кесара, подыскивая удобный случай надеть его так, чтобы это сошло ему с рук. А потом, незадолго до праздника, появилась еще одна идея.

На самом деле предостережение насчет костюма исходило от одного из тех портных, что перешивали его. Надеть же его в ночь карнавала предложила девушка, искусная не только в постели. Оба получили щедрую плату за эти услуги принцу Джорнилу из рук молодого человека с круто вьющимися черными волосами — Виса, но более светлоглазого, чем большинство. Лишь девушка узнала в нем одного из тех, кто раньше появлялся в обществе принца эм Ксаи, но у нее хватило ума тут же забыть об этом.

Слухи о том, что Кесара видели в Истрисе, немало позабавили Джорнила. Когда он покинул шумный пир во дворце и отправился переодеваться в красные одежды Кесара, маска в виде солнца оказалась как нельзя кстати, чтобы скрыть его возбуждение.

Повзрослев, Джорнил начал очень болезненно относиться к Кесару. Эм Ксаи сам позаботился об этом, зачастую применяя нечестные приемы. Теперь же появилась возможность на одну ночь *превратиться* в Кесара, и это было так упоительно! В этом крылся некий вызов. Вдобавок то, что, появившись в городе в чужом обличье, он продолжит легендарную традицию своего отца, придавало затее дополнительную остроту.

Сузамун сойдет с ума, если когда-нибудь узнает об этом. Но Джорнил, хотя и опасался своего отца, не питал ни малейшего почтения к его способности рассуждать.

Переодевшись в красный костюм, он скинул маску-солнце. Та, которую он надел взамен, была ничем не примечательной, если не считать того, что одна ее половина была черной, а другая — белой. Светлые волосы принца скрыл густой черный парик.

Джорнил оглядел себя в зеркале, вышел из комнаты и двинулся по коридору для слуг во внутренний дворик, стараясь широко шагать в подражание Кесару. Там он вскочил на черного зееба, а свита из пяти солдат в зачерненных кольчугах развернула небольшое знамя с огненной ящерицей.

Они поспешили в город.

Была уже почти полночь. В одних кварталах карнавал был в самом разгаре, в других, наоборот, сошел на нет.

Когда раздались первые крики: «Эм Ксаи! Это принц эм Ксаи!» — Джорнил широко усмехнулся под своей маской.

Он усмехался еще долго, пока у него не свело челюсти. И даже ни на миг не задумался, почему его, явно имевшего все,

чего был лишен Кесар, так тянет влезть в его шкуру, почему это доставляет ему такое наслаждение.

Его удовольствие и возбуждение неизбежно переплелись с зовом Застис. Он начал желать женщину и принялся оглядываться по сторонам в поисках подходящей.

Как он, так и его свита к тому времени были уже изрядно пьяны. Выехав на площадь, где все еще кипело празднество, он решил сойти с зеева и двигаться дальше пешком. Телохранители расчищали ему дорогу. Процессия вилась по площади, крича и распевая песни, а уличные артисты жонглировали горящими головнями. Он обернулся поглядеть на это, когда из толпы вдруг выступила девушка и бросилась к нему.

Ее лицо скрывала маска калинкса, но выбивающиеся из-под нее надушенные волосы рассыпались по почти ничем не прикрытым плечам и груди. Это была темнокожая висская женщина. Она прильнула к нему.

— Господин мой Кесар, — проговорила она хрипло, — закорианские пираты убили моих братьев. Вы отомстили за меня и за других таких же, как я. С тех пор я полюбила вас. Ясмис услышала мои молитвы и привела вас сюда, рискуя навлечь на вас гнев короля. Я шла за вами многие мили, не осмеливаясь заговорить. Умоляю, не гоните меня.

Джорнил учащенно задышал. Протянув руку, он сорвал с нее маску, как, по его мнению, непременно поступил бы Кесар. Она была очень хорошенькой и даже чем-то напоминала ту девушку, что когда-то жила во дворце у эм Ксаи.

Он прошептал что-то ей на ухо. Она приникла к нему, искусно прижимаясь к его телу сквозь наряд Кесара.

Девушка повела Джорнила через площадь, его пятеро солдат потащились следом. Они свернули в проулок, потом в какой-то дворик перед темным полуразрушенным домом.

Расстегиваясь на ходу, Джорнил поспешил в темноту за дверью, шумно дыша, и прижал девушку к стене. Его солдаты отирались под дверью в надежде, что когда принц натешится, им тоже удастся поразвлечься.

Запрокинув голову, чтобы допить вино из почти опустевшего меха, пятый солдат поперхнулся. Со стены на него падало небо, и почему-то с ножом, который оказался у него в горле вместо вина.

Повозка, увешанная лентами и бубенчиками, со звоном прогрохотала по улицам, увлекаемая тройкой насмерть перепуганных зеебов. Когда она увязла в густой толпе, и люди забрались на нее, чтобы взглянуть на поклажу, то обнаружили только один груз.

Это было тело принца Кесара эм Ксаи, одетого в красный наряд, цвет которого все же не мог скрыть множества ран. Его кололи и резали, пронзали и рвали на части, оставив нетронутым лишь лицо под маской. Когда же маску сняли, то лицо, открывшееся под ней, оказалось лицом королевского наследника, Джорнила.

* * *

Ночь медленно ползла к утру, но в комнате без окон этого не было видно, как не было видно ни луны, ни звезд, ни даже самой Алой звезды. Он был прав, ее брат Кесар.

Ей стоило лишь подумать об этом, чтобы вновь ощутить его руки и губы на своей коже, его тело на своем теле и внутри него, снова пережить то исступление, до которого он неоднократно довел ее за недолгие часы, проведенные ими вместе в ту ночь. Каждая близость изнуряла ее, опустошая, выпивая все силы до капли. Она больше не могла думать, не могла бороться с этим — ни физически, ни душевно. Она лежала под ним, рядом с ним, сливаясь с его телом, распластанная по своему аскетическому ложу, в колыбели его рук, в упоительном заточении. И внутренний голос снова и снова упрекал ее, напоминая, что ее плоть жаждала его столь же сильно, как он сам жаждал ее. Отпираться бесполезно — это не было насилием. Все так, как сказал Кесар, — он воспользовался ею, а она им. Они пытались уничтожить один другого, разбиваясь, точно волны, о берега страсти и жизни друг друга. По крайней мере, так ей казалось.

Потом он покинул ее, чтобы вернуться в Истрис, — не просто ушел. Он был уверен. Его уверенность и сила сияли жгучим темным огнем в этой тесной неосвещенной комнатке, и она не хотела, чтобы он уходил. Она боялась, ибо с его уходом оставалась совсем одна. Ей некуда будет деться от осознания того, *что* они наделали.

Кесар поцеловал ее и отстранил от себя, на этот раз очень ласково.

«Я вернусь. Я заберу тебя из этого каменного мешка, когда смогу, когда ты будешь в безопасности. А пока жди меня здесь».

Он поцеловал ее еще раз, поцелуем любовника, и она снова упала на простыни. Он вышел из комнаты и ушел, а она стала для него очередной победой, оставшейся позади, утратившей свою первостепенную важность. О, никто не знал этого лучше, чем она.

Для нее же...

Он превратился в исполина, заслонившего собой все ее горизонты. Она сбежала от него, но он ее настиг. Богиня Анкабека дала ему средство, поэтому свет богини померк для Вал-Нардии. Теперь в ее душе безраздельно властвовал Кесар. Его черные помыслы. Его сила. Тень поверх тени.

Как вообще могли они появиться на свет, близнецы, но воплощения совершенно противоположных принципов, да еще разного пола? Вал-Нардия — сама робость, бегущая от мира. И он — охотник, разрушитель.

Кесар был злом. Она знала это. Она знала это еще с детства. Жестокий и безжалостный, он обладал душой, в которой недоставало какой-то важной частицы.

Она так долго противилась этому — но так и не нашла никакого средства. И все же такое средство было. Она осознала это вместе с другим неумолимым осознанием.

Сначала она пыталась вести себя так, словно все течет по-прежнему. Но ее тело, которое вероломно предало ее в его руки,

насмехалось над ней, довольное тем, что натворило, принявшее на себя его мету. Ибо в ее теле был ребенок. Ребенок ее брата.

Вал-Нардия решила, что совершила глупость, обратившись к жрице с Равнин. Народ Равнин очень отличался от Висов, но ничем не напоминал и расу Континента-Побратима. Он был неповторим и в своем бесстрастии безжалостен почти так же, как Кесар.

Она поднялась. В бегстве от мира она очутилась на перекрестке трусости и отваги и сама выбрала свой путь.

Она спокойно встала на скамеечку. Проведя слишком много ночей без сна, она страшно устала. Одной рукой она безразлично накинула себе на голову петлю из алого шнура, свисающую с потолочной балки.

То, что должно было случиться, пугало ее лишь самую малость. Шея у нее была очень хрупкой. Именно так окончила свои дни ее собственная мать. И точно так же, как Вал-Нардия, девочка восьми или девяти лет, обнаружила ее, войдя в комнату, кто-то другой скоро войдет в эту комнату и обнаружит Вал-Нардию.

Еле слышно вздохнув, она с необыкновенной грацией соскользнула со скамеечки.

Кесар допоздна засиделся над вином, потом прихватил с собой в спальню его остатки и ту девушку, что приносила его.

Легкий запах заболоченного озера раздражал его, как и все, что происходило этой ночью, но о чем он пока не мог узнать. Праздник Масок подарил ему занесенный кинжал, Ральднор эм Иоли помог нацелить клинок, а Наследник короля, если Джорнил остался верен себе, сам бросился на него.

Этот план начал вызревать в сознании Кесара в тот самый миг, когда Джорнил приказал ему отдать свой парадный наряд.

Люди Ральднора распустили слухи о возвращении Кесара — ложные, разумеется. Рэм, которого видели портной и девушка, предложил использовать заброшенный дом. Он сам когда-то устраивал такие засады и знал в городе несколько подходящих домов еще с тех времен, когда занимался разбоем.

Убийство совершили люди эм Иоли. Если совершили. Если все пошло по плану. *Если.* Вот что не давало ему покоя. Кесар обязан был сидеть здесь в неведении, и все должны были знать, что он сидит здесь в неведении. В этом-то и была вся суть.

В конце концов вино и девушка все же помогли ему расслабиться. Он провалился в глубокий сон — куда глубже, чем сердце земли, которой он владел.

И в этом сне темноту внутри его сознания вдруг разметал ураган. С криком он проснулся, и девушка схватила его за плечо.

— Это сон, мой господин, всего лишь сон, — бормотала она, пытаясь успокоить его.

— Нет, не сон, — он отпихнул ее, выскочив из постели. Она робко протянула руку, но Кесар ударил ее.

Она упала, тихонько заскулив, а он выбежал по лестнице на плоскую крышу. Там он стоял в ночи, залитой красной кровью Звезды, ощущая ее пульсацию в своей крови и глядя на темнеющий лес. Внутри у него была пустота. Словно отмер какой-то важный орган, а он все равно продолжал жить.

Он не знал, что это такое, но постепенно, насилуя себя, выдрал это ощущение из своего сознания. И отшвырнул прочь. И еще дальше...

Когда он вернулся, девушка так и лежала, распластавшись по полу.

— Иди сюда, — приказал он. — Ты была права. Это всего лишь сон.

Она подползла обратно к кровати и ласкала его до тех пор, пока он не захотел ее. Взяв ее, Кесар снова заснул, а Беринда свернулась в клубок, как кошка, прижимаясь к его спине с улыбкой ребенка, получившего прощение.

5

В синих сумерках, более не окрашенных Застис, мелькали руки мага, испуская потоки света. В неглубокой чаше поблескивали белые кости недавно убитого животного. За окном над бухтой висели звезды. На самой высокой дворцовой крыше тоже дымилась звезда, ужасный маяк для всего Истриса — погребальный костер в честь покойника королевской крови, горевший, по обычаю Шансара, уже больше месяца.

— Ну? — проскрежетал наконец Сузамун. — Что ты видишь?

Личный маг Сузамуна поднял голову, и таинственное мерцание вокруг костей померкло.

— Вы мудро поступили, мой король, вызвав его из Ксаи.

— В самом деле? Эту мысль подал мне мой Совет. Черные народы, желтые народы... Наш маленький герой сделался знаменитостью. Мой Вис не очень-то переживает по поводу своего изгнания. И эти слухи, будто я пытался убить его, да еще дважды — сначала в Тьисе, а теперь здесь, в столице, но мои убийцы по ошибке напали на моего собственного наследника... Клянусь Ашарой! Это здешние мерзавцы, черный и коричневый сброд, напились и убили его, моего мальчика, узнав его даже в этих проклятых краденых одеждах. Или, может быть, Вольные закорианцы. Лазутчики, которые решили отомстить Кесару и ошиблись... — Его голос сорвался. Сузамун действительно оплакивал сына, однако делал это в тайне от всех. Глаза его были сухи, но когда ему доставили тело, он в ярости разрыдался. Помимо всего прочего, Джорнил был символом неколебимости шансарского владычества в Кармиссе, продолжением династии королей-завоевателей. Теперь старшему из законных наследников Сузамуна было всего семь лет. Прочие были бастардами-полукровками или дочерями. Бесполезными.

— Мой король, — заметил маг Сузамуна, — даже Верховный правитель должен иногда прислушиваться к желаниям народа. Вы не могли поступить иначе, кроме как вернуть принца эм Ксаи к своему двору.

— И теперь я должен ласкать его, любить его, ублажать его, чтобы он сидел тихо. Хотя это из-за него погиб мой сын. А ведь я ни разу даже на собаку руки не поднял. Никогда! Все эти истории о Тьисе — сплошная ложь.

— Вы полагаете, что принц Кесар тоже может быть причастен к убийству Наследника?

— Не знаю. Вольные закорианцы, чернь, Кесар — почему бы и нет? Будь мы в Шансаре, я подверг бы его проверке, Трем Испытаниям — огнем, водой и железом. Но я не осмеливаюсь поступить так же здесь, в этой стране лгунов.

— Вы правильно делаете, что потворствуете ему, мой король. Созвездия, под которыми он родился, просто поразительны. И еще здесь сказала свое слово богиня, негромко, неразличимо, но бесспорно.

— Что ты имеешь в виду? — Сузамун, нетерпеливый и испуганный, замедлил шаги.

— Судьба принца Кесара отмечена Печатью богини. Нет смысла сопротивляться ему, мой король.

Сузамун вздохнул. Ему хотелось вина и шума, шансарской тризны длиной в десять ночей, громких погребальных песен и тостов в честь ушедшего, которые утолили бы его печаль. Но все это уже случилось. А этой ночью за его столом будет сидеть Кесар.

Сегодня в полдень он без лишнего шума прибыл обратно, проехав по городу неузнанным, таясь, как вор. Как, возможно, один из подосланных им убийц.

Связать Кесара с гибелью Джорнила не было никакой возможности — если не считать одежды, в которой погиб наследный принц. Но, невзирая на Печать богини, дипломатию, магию и прочие пустяки, Сузамун видел все происходящее под странно искаженным углом, с точки зрения того, кем он был когда-то — вождя племени из края знамений и саг. Если Кесар решил, что король пытается убить его и в отместку подстроил убийство принца, переодетого в его костюм, чтобы обвинение в этом пало на Сузамуна, то по шансарским меркам это была месть высшего разряда. И король, расценивая это как месть, отнесся к ней с должным почтением.

Однако он не усматривал в этом никакой существенной угрозы лично для себя. Это было бы совершенно нелепо. Кесар был никем и ничем, он лишь на краткий миг завладел умами Висов. И даже после смерти главного наследника Сузамун и пять его братьев продолжали стоять между всеми остальными и престолом Кармисса.

* * *

Пламя на крыше дворца понемногу меркло. Огонь угасал, как угасала Застис в небесах, пламя любви, жизни и смерти, и тем показывал, что меж всеми этими вещами нет особой разницы.

Лето тоже вспыхнуло перед тем, как окончательно умереть. На деревьях шелестели листья, подобные язычкам пламени.

Тростник на прудах и озерах пожелтел, затем почернел, закаты стали долгими и тягучими.

После Тьиса и Анкабека Рэм, повинуясь планам своего хозяина, ждал продолжения. Во второй половине дня, перед тем, как отправиться в Ксаи, Кесар вызвал его к себе. Впервые Рэм оказался внутри этих скромных покоев вместо того, чтобы стоять на страже у их дверей. Судя по всему, способности юноши были замечены, и их хотели использовать еще раз — те самые способности, о которых Рэм уже почти год был счастлив не вспоминать... Аккуратно сочетая смутные угрозы и как бы ненароком врученные деньги, он сделал нескольких людей зависимыми от Кесара и вынудил их исполнять его волю. В результате Джорнил стал горстью праха, а Кесар возвратился в Истрис и обосновался в новых, куда более роскошных покоях, что явно доказывало его близость к королю.

Сложившееся положение не переставало смущать Рэма. Живущий за счет человека, чей холодный клинок ненависти, хоть и убранный до поры в ножны, всегда был готов нанести удар в спину, Кесар был сама безмятежность. Лишь напряженный застывший взгляд изредка выдавал истинное состояние его души. Эм Ксаи отдавал себе полный отчет во всем, что творится вокруг, и всегда был настороже. Его мозг не прекращал работать ни тогда, когда он пил вино Сузамуна, ни тогда, когда на улице к нему подбегали девушки, желающие поцеловать его. Такое положение, поддерживаемое ироническим осуждением Сузамуна и славой жертвы, могло продлиться долго — до тех пор, пока Висы Истриса мало-помалу не забудут и о хитрости Кесара, и о его роскошном въезде в город. Это лишь вопрос времени. И тогда, только тогда, ему будет подстроена какая-нибудь случайность. Кесар понимал это едва ли не более отчетливо, чем король.

Однако сам Рэм был весьма далек от спокойствия. Снова и снова он подумывал о том, чтобы оставить службу у принца. Это означало потерю приличного жалования, но Рэм прекрасно понимал, что при таком положении дел ему приходится опасаться и за свою жизнь тоже. Однако свободный полет без постоянного заработка ничуть не привлекал его. Имелось и другое обстоятельство, удерживающее Рэма, — сам факт выполнения подобных заданий для кого-то привязывает исполнителя к этому человеку гораздо сильнее, чем страх или расчет.

Но, помимо всего этого, Рэма беспокоила еще одна вещь.

Это был второй припадок с видениями, случившийся с ним в Анкабеке почти сразу же после первого, так что теперь он днем и ночью пребывал в напряженном ожидании новых приступов. Даже сейчас он был готов к чему-то подобному. И в придачу — ночь в храме и статуя женщины-змеи, образ, столь необъяснимо знакомый ему...

В город пришли грозы, хлещущие, словно бичи. Ночи из прохладных сделались весьма холодными. Кесар вручил щедрые дары королевскому Совету и его главе, однако надо было придумать что-то еще, дабы обезопасить себя на время холодов — настроение в городе стремительно менялось. Буря повредила часть крыши храма Ашары. В ветреную погоду куски черепицы падали на улицу и разбивались. Шансарцы

и Висы в равной степени были напуганы таким предзнаменованием, которое всегда можно истолковать в дурном смысле.

Скромно, но открыто, в своем обычном черном, сопровождаемый лишь двумя телохранителями, Кесар посетил храм, чтобы помолиться Ашаре о счастливом упокоении души Джорнила. Истрис, настороженный случившимся, наблюдал за этим не без одобрения.

Тоскливое письмо Лики каким-то чудом отыскало Рэма на квартире, которую он снял к тому времени. Торговец пенькой ослабел и стал капризен. Сама Лики тоже жаловалась на здоровье. Судя по всему, она нуждалась во враче, а ее покровитель, расстроенный из-за своих потерь, не желал посылать за ним. Плохо скрытая мольба о помощи была приправлена рассуждениями о том, как она всегда была добра к своему нелюбимому сыну. Всей душой ненавидя ее, но не умея поступить иначе, Рэм послал ей денег.

Спустя час его вызвали в нижний дворец.

Стрелы дождя без промаха били по улицам и по открытому двору. Кесар подошел к нему торопливо, спасаясь от ливня. Над их головами то и дело сверкали причудливые сполохи лиловых молний.

— Он придумал кое-что, чему не откажешь в разумности, — без предисловий начал Кесар, и Рэм понял, что речь идет о короле. — Он желает вернуть ко двору мою сестру. Я весьма дорожу ею. Поэтому ее легко можно использовать против меня.

Рэм кивнул. Кесар протянул ему запечатанный пакет.

— Отвези ей это письмо. Именно ей, понятно? И как можно быстрее. Твой скакун вон там, а в сумке хватит денег, чтобы купить другого, если загонишь этого.

— Анкабек, — протянул Рэм. Ему совсем не хотелось возвращаться в это место.

Кесар взглянул на него, и Рэм понял, что у него нет выбора. И снова он испытал нечто вроде страха. Его облекли доверием, большим, чем он способен был снести, и это доверие могло обернуться смертью, стоило лишь промедлить еще миг.

Весь путь пришлось проделать под дождем. Высокое небо над горной страной ревело и грохотало, а Иолийская дорога была липкой, как патока.

На побережье волны с неистовством обрушивались на берег. Поначалу никто не хотел перевозить Рэма, но когда он сунул рыбакам денег, те согласились, не переставая проклинать его. Правда, с берега волны казались куда страшнее, чем были на самом деле.

После обычного набора действий, сопровождающих высадку, его провели к храму по длинной, ведущей в гору дороге, под проливным дождем, красным от облетающей листвы священных деревьев.

Рэм провел в каменном здании три часа, пытаясь развести огонь пожарче, чтобы обсушиться, и время от времени делая попытки разыскать кого-то, кому можно сообщить, что он привез срочное послание для принцессы Вал-Нардии. В конце концов он ос-

тавил оба эти занятия и задремал — тогда-то за ним и пришли, и ему снова пришлось выйти под проливной дождь.

Его провели в храм, и в одном из двух изогнутых коридоров перед ним снова предстали магически открывающиеся двери. Он сам был поражен тем, до какой степени не желает вновь попасть под своды храма. Однако на этот раз коридор вел вниз, возможно, даже под центральную часть строения. Путь закончился в какой-то незначительной комнатке, которую внезапно озарил призрачный свет. Рэм понимал, что все это призвано произвести на него впечатление, но тем не менее не чувствовал ничего особенного.

Она была жрицей, белокожей жительницей Равнин с фиолетовым Змеиным Оком на лбу. Все остальное было золотым — волосы, глаза, чешуйчатые одежды, подобные памятному для Рэма занавесу. Золотом были покрыты также ее веки, губы и ногти. Никто не предупредил о ее появлении, и теперь она спокойно стояла, внимательно изучая Рэма, и под этим пристальным взглядом он ощутил, как его покидает большая часть воли.

— Тебя прислал принц Кесар?

— Да, — негромко ответил он. Ее голос звучал не по-человечески. Он был словно эхо — и не снаружи, а внутри него самого.

— Ты привез письмо для принцессы.

Так он и знал заранее.

— Что случилось? — спросил он. — В чем дело?

— Рарнаммон, — произнесла она в ответ. Именно так, не иначе.

Это напугало его, ибо не было объяснения тому, что она знает его истинное имя. Страх не позволил ему спросить об этом. Все, что он смог — лишь повторить свой первый вопрос:

— Так что же случилось?

— Ты пойдешь со мной и сам увидишь, что случилось, — ответила она. — Потом ты вернешься к ее брату, расскажешь ему о том, что увидел, и передашь все, что будет тебе сказано.

Они прошли по длинному коридору, слабо освещенному узкими, слишком высоко расположенными окнами, пока перед ними не оказалась железная дверь, похожая на вход в тюрьму. От этой двери вниз вели ступени, и вскоре два жреца в капюшонах распахнули перед ними еще одну дверь.

Как и в прошлый раз, Рэм чувствовал себя беспомощным и лишенным воли, увлекаемым куда-то в бездну. В голове его возник звон, он вновь ощутил себя во власти непонятной стихии, как незадолго до того в рыбацкой лодке, — мир вокруг стал хаосом.

Теперь вокруг тянуло дымом благовония, непохожего на те, что использовались в храме Ашары, — более неуловимое, более темное, пропитывающее все вокруг. Прежде ему доводилось слышать, что здесь вообще не воскуряют благовоний. Прозрачный занавес откинулся в сторону, за ним второй. Все эти благовония и завесы окутывали происходящее таинственностью. Рэм ощущал странную пустоту в глубине тела, словно был голоден. Откуда-то донеслось пение — монотонные звуки, сгустившиеся вокруг него, одно и то же

повторяющееся слово, а может быть, это лишь чудилось ему — «*Астарис, Астарис, Астарис...*».

Внезапно звуки замерли, дым благовония развеялся. Рэм и жрица вошли в самое обычное помещение без окон, освещенное факелами. В центре комнаты стояла то ли кровать, то ли кушетка, накрытая тканью. Золотая жрица, сверкающая в свете факелов, потянула за шнур, и драпировки соскользнули.

На кровати лежала молодая женщина, которую Рэм несколько раз мельком видел в Истрисе и более отчетливо разглядел здесь — принцесса Вал-Нардия. Она спала, ее волосы рассыпались по подушкам, придавая им глубокий кровавый цвет. В следующий миг он заметил кое-что еще: под черной рубашкой ее живот высоко вздымался, своей округлостью оповещая о ранней беременности.

— Да, — кивнула жрица на его мысленное замечание. — Теперь подойди ближе, но ничего не касайся.

Против воли Рэм повиновался. Теперь он отчетливо видел ужасные отметины на шее. Каким-то немыслимым образом здешним обитателям удалось придать лицу вид живого — язык принцессы не вываливался изо рта, а глаза из глазниц.

— Кто это сделал? — пересохшими губами спросил Рэм. То, что это работа людей короля, он не заподозрил и на миг.

— Вал-Нардия сама ушла из жизни. Она отчаялась. Она так и не успела ничему научиться.

Непроизвольно скривив губы в презрительной усмешке, Рэм резко повернулся к жрице. Ее лицо вовсе не было безмятежным, наоборот, оно выражало искреннюю печаль, — но эта печаль относилась исключительно к последней из произнесенных ею фраз.

Тогда он спросил:

— Когда она сделала это с собой? Вчера? Или даже сегодня?

— Несколько месяцев назад, — спокойно ответила жрица.

Он хотел возразить, что это невозможно, но смешался и замолчал. Наконец он задал другой вопрос:

— Как вам удалось сохранить ее... такой?

— Настоящие лекарства, настоящие травы. И конечно, кое-какие приемы из тех, что считаются магией среди Висов. Способы, известные в древних храмах. Однако это сделано не для того, чтобы надругаться над нею, Рармон. Ее тело пусто, ее дух свободен. Мы сохраняем тело лишь для того, чтобы выжил младенец в ее чреве. Когда наступит срок, мы извлечем ребенка из материнской утробы, и тогда ее тело обретет свободу смерти.

То, что жрица употребила это сокращение его имени, потрясло Рэма едва ли не больше, чем его полное древнее имя из ее уст. Его бросило в пот, хотя в комнате было холодно.

— Этот ребенок важен, — выговорил он. — Важен для вас.

— Разумеется, важен.

— Но почему? Как вы узнали об этом?

Она улыбнулась, и Рэм снова был удивлен — чистокровные представители ее расы улыбались не так уж часто. Может быть,

потому, что слишком много страдали в течение долгих веков. Ее улыбка мягко и вместе с тем насмешливо говорила: «Ты знаешь наши возможности». Но, воздев руки грациозным движением, словно в висском театре, вслух она произнесла лишь одно слово:

— Анакир.

Он еще раз бросил взгляд на мертвую принцессу и тотчас отвел его в сторону. В его мозгу словно раздавался некий шепот, смутно напоминающий о том, что он хотел забыть. Его внутренний взор видел трех женщин — со светлыми, темными и красными волосами — и ясно различал чрево каждой из них, как и то, что находилось в чреве...

— А отец? — спросил он, как о само собой разумеющемся.

— Вернись к нему и расскажи о том, что видел, и о том, что я тебе поведала, — ответила жрица.

— Значит, вы знаете, что отец ребенка — ее брат.

— Так же, как и ты знаешь это, Рармон.

— Не называйте меня так.

— Это твое имя.

Он ощутил слабость. Ему захотелось немедленно покинуть эту комнату, и он кинулся к двери.

— Больше не могу, — бросил он на ходу.

В соседней комнате оказались несколько женщин, которых он не заметил раньше. Невзирая на тошноту, сейчас он немного успокоился, словно от дуновения ветра или ледяной воды.

Когда они поднялись наверх, он сказал жрице, желая, чтобы кто-то подтвердил для него реальность и нормальность всего увиденного:

— Тогда я отвезу письмо назад, ему.

— Да, — ответила она, — так же, как было отправлено назад другое послание.

— От Сузамуна? — так и замер Рэм.

— От короля.

— Его гонец был тут раньше меня?

— Да, он уехал вчера. Секретное поручение. Но мы умеем хранить свои секреты ничуть не хуже. Посланец короля знает далеко не все из того, что я рассказала тебе. Однако король получит весть о ее смерти раньше, чем об этом узнает принц.

Хотя подземелье храма осталось позади, сейчас Рэм уже бежал. Он мчался через весь остров под струями дождя. На берегу он набросился на хозяина лодки, повалил его наземь и в кровь разбил ему губы, чтобы заставить снова спустить лодку на воду.

Возвратившись на материк, он едва не загнал насмерть сперва одного зеева, а затем и другого, которого ему пришлось украсть, ибо продать его отказались.

По дороге в Анкабек из головы у него не выходило, что вот она, возможность уйти со службы у Кесара. Вдоль берега располагалось немало других портов. Он мог рискнуть и наняться на какую-нибудь старую торговую посудину, чтобы перебраться через пролив в Дорфар. Но нет, только не сейчас. Между приступами безумных

видений и размышлениями о странностях храма Рэм все время видел Кесара с его сестрой — то в подземелье, то на вершине холма. Изгнанник из мира обычной, разнополой любви, он был очарован образами их близости, словно некими таинственными обычаями, которых он никогда не знал и не желал знать. В них таилось безумное очарование совершенно чуждых ему вещей. Их близкие отношения не затрагивали его расчетов, хотя, возможно, могли объяснить причину самоубийства Вал-Нардии.

Больной или здоровый, Кесар всегда смотрел на нее таким взглядом, какого Рэм не замечал за ним ни в каких других случаях. И теперь король получит весть о ее смерти раньше, чем брат.

Мимолетно Рэм подумал, что Сузамун может этим воспользоваться.

У каменщика была тусклая нездоровая кожа — казалось, на нее отбрасывают тень его светлые волосы, которыми тот втайне гордился и носил их длинными, согласно велению моды. Двое солдат пришли к нему домой и привели его сюда с массой предосторожностей, окольными путями, вынуждая молчать и обещая щедрую награду, а острия их мечей так и сверкали в свете факелов. Человек, сидящий перед ним в кресле, был Кесар эм Ксаи. Каменщик никогда не видел его, но ему доводилось слышать, как описывали принца. Похоже, что Кесару тоже было известно о нем кое-что. Парочка таких вещей, о которых сам каменщик предпочел бы забыть...

— Должен ли я считать, что за мной следили, мой господин?

— На твоем месте я считал бы именно так.

— Но какой интерес может испытывать ваша светлость...

— Храм Ашары, — уронил Кесар эм Ксаи. Каменщик так и разинул рот от изумления. — Тебе поручается ремонт кровли вокруг Восточного купола.

Каменщик кивнул. Он был рад такой ответственной работе, которая, будучи хорошо выполнена, принесет ему почет и приличное вознаграждение. В нескольких местах кровля съехала с места из-за бурь, сделавших очевидной ее ненадежность. Однако Восточный купол был ее самой головоломной частью — слишком велик был его вес, слишком много украшений требовалось сохранить.

— Есть мнение, что, оставшись неукрепленной, эта часть кровли может полностью обрушиться, — произнес Кесар. — К примеру, во время снегопада.

— Да, господин принц, в самом деле. Весьма вероятно. Тяжесть снега и холод сделают всю конструкцию хрупкой, расшатают ее. Это очень опасно. Часть перекрытия может упасть прямо внутрь храма.

— Когда? — спросил Кесар.

— Что «когда», мой господин?

— Когда это может произойти, если оставить все как есть?

— Уже начато восстановление...

— Отвечай на вопрос, который я задал.

— Будьте уверены, принц Кесар, даже если сейчас вообще не трогать кровлю, это произойдет не раньше, чем через несколько лет.

Каменщику не хотелось встречаться взглядом с темными висскими глазами принца, однако пришлось. С замирающим сердцем он услышал слова Кесара:

— Вот увидишь — не только перекрытие, но и весь Восточный купол упадут внутрь храма раньше, чем закончится первый месяц снегов.

Каменщик едва не лишился сознания. Он смутно ожидал чего-то, но уж никак не этого.

— Но, мой господин...

— И случай для этого представится, — ровно продолжал Кесар, — во время какого-нибудь религиозного ритуала, когда будет присутствовать весь двор. Разумеется, и сам король, и его братья.

Каменщик упал на колени. Ноги отказывались держать его, он едва не обмочился. Услышанное означало, что с этого мгновения он под неусыпным наблюдением и под угрозой быстрой смерти от рук людей Кесара, если выдаст или хотя бы попытается раскрыть замысел принца. Невозможно было сообщить об этом яснее. Восточная часть храма считалась традиционным королевским местом — прямо напротив статуи богини. Если купол упадет, то сокрушит все под собой в пыль... в месиво...

— Вижу, ты обдумываешь мои бесхитростные слова и то, что должно за ними последовать.

— Вы убьете меня в любом случае, — прохрипел каменщик. — Даже если мне удастся сделать это, разве могу я рассчитывать на жизнь после *такого*?

— Булочник, который подсыпает яд в свое тесто, быстро остается без покупателей. Позволь удивить тебя: если могу, я веду честную игру. Те, кто служат мне, не остаются без награды. Боль в уплату получает лишь тот, кто навлек на себя мой гнев. Твой выбор прост: согласишься — будешь в выигрыше, откажешься — получишь возмездие за все свои грехи. Если мне покажется, что меня хотят предать, ты рискуешь потерять свое положение и, может быть, найти конец на дне залива.

По-прежнему стоя на коленях, каменщик начал всхлипывать. Кесар внимательно наблюдал за ним.

— Но разве возможно обрушить все в такие точные сроки?

— Тебе помогут. Завтра кое-кто зайдет к тебе домой, чтобы обсудить подробности. Ошибки быть не должно. А теперь убирайся. Твои слезы и моча, которой ты залил пол, ничего не изменят.

Когда каменщик ушел — потайными путями, имевшимися в новых покоях, — Кесар направился к себе в спальню. Девушка, которую он привез из Ксаи, рассматривала лежащую перед ней раскрытую книгу с золотым обрезом. Разумеется, читать она не умела.

При звуке его шагов она вскинула глаза и поклонилась ему. Она была не лишена привлекательности, здорова и еще больше похорошела от питательной и полезной еды, которую ей давали

теперь. Кроме того, она была слабоумной. Такое сочетание свойств вполне устраивало Кесара. Сейчас ему не был нужен никто, включая шлюху в постели, кому он не мог бы всецело доверять.

Он подумал о Вал-Нардии. Ей должно было хватить здравого смысла, чтобы поступить так, как он велел ей в письме — притвориться больной и не допустить, чтобы ее увезли из святилища.

При мысли о ней он ощутил непонятную пустоту, точно отмер какой-то воспаленный нерв. В Анкабеке он напился с ней огня. Та единственная ночь стоила всей поры Застис. Почему же сейчас, когда он вспомнил о ней, пришло ощущение потери? Неужели он пресытился, как пресыщался всеми остальными? Нет, здесь было что-то иное.

Он отбросил задумчивость и сделал несколько шагов к своей надежной девушке, что когда-то приносила ему вино. Вроде бы еще осталось время до того, как, согласно придворному распорядку, начнется обед...

Времени не осталось. Снаружи о мраморный пол ударили копья, раздался стук в дверь. Его вызывал Сузамун.

Опасений у Кесара было не больше, чем в любое другое время. Он жил, оберегаемый своим незримым внутренним часовым, все время чуя возможную опасность, как зверь. Это не доставляло ему ни неудобства, ни удовольствия — он просто пользовался этим чутьем, ибо таков был его образ жизни. Тех, кто жил иначе, Кесар считал бездельниками или дураками.

Цвет светлого двора Сузамуна собрался не в обеденном зале, а в одном из боковых покоев с расписанными стенами. Зрелище было вполне обычным — бродили слуги, королевские приспешники небрежно взирали на окружающее, прихорашивались или хмурились. У фонтана двое советников обсуждали столь легкомысленную тему, как гонки колесниц в Иоли. Кесар кивнул им, они поклонились. Рядом с королем стояли его братья — Уль и еще один, сводный, со шрамом на лице, тоже из числа фаворитов. Однако что-то было не так, и в следующий миг Кесар понял, что именно, — не слышалось громкой музыки, которая доставляла такое удовольствие шансарскому двору.

— Иди сюда, Кесар! — внезапно крикнул Сузамун через всю комнату.

Его тон казался доброжелательным, как и все время после вызова из Ксаи. Обычное прежде обращение «висская собака» больше не употреблялось. Но сейчас в оклике короля имелся другой оттенок. В его голосе звучала глубина, какая бывает у жреца, произносящего слова священного ритуала.

Кесар направился вперед. Он выглядел невозмутимым, однако его настороженность возросла до немыслимых пределов.

Он был еще шагах в тридцати от короля, когда Сузамун опять заговорил в необычном тоне:

— Кесар, сегодня я получил плохие новости. Очень плохие.

В мозгу Кесара мелькнуло предположение, что его посланец встретился по дороге с секретным гонцом короля. То есть Вал-Нардия уже получила приглашение ко двору и отказалась от него, и

теперь речь идет о доверии к нему, Кесару, — обвинение, замаскированное сожалением, возможно, вежливый приказ уговорить сестру вернуться.

Теперь Сузамун сам шагнул навстречу ему. Его лицо прорезали морщины, на нем не читалось ничего, кроме оцепенения. Толпа в покоях затихла, превратившись в глаза и уши.

— Очень плохие новости, — снова повторил Сузамун. Кесар замер в ожидании.

— Я скорблю, слыша это, мой повелитель.

— О да. Увы, у тебя есть несомненный повод для скорби. Не прошло и двух часов, как из Анкабека доставили эту весть. Твоей сестры... — Королевский голос дрогнул, в нем послышалось колебание. Кесар продолжал ждать. — Твоей сестры, принцессы Вал-Нардии, больше нет в живых.

Те, кто стоял ближе к принцу, увидели, как все краски исчезли с его лица, точно порыв ветра загасил светильник. Но и только. Он не произнес ничего. Король подошел к нему и взял за руку в знак соболезнования. По комнате из конца в конец пронесся шепоток, и вновь стало тихо.

— Мне претит еще больше отягощать твою потерю, однако я обязан это сделать, — громко произнес король. — Вал-Нардия повесилась. И еще... она ждала ребенка. Она убила себя и его. Одна богиня знает, что заставило ее пойти на такое.

Разумеется, они говорили по-шансарски. Но теперь Кесару показалось, что он никогда не знал этого языка — фразы долетали до него без всякого смысла. Комната наполнилась туманом, пол ушел у него из-под ног. Так вот откуда явилось ощущение пустоты, гибели нерва, вот что вызвало ночной кошмар в Ксаи...

Он словно утратил контроль над своим сознанием, и сквозь него одно за другим поплыли видения: маленькая девочка смеется; юная девушка поет, краснеет от смущения, расчесывает волосы; молодая женщина обнимает его и прижимается своими губами к его губам.

Наверное, можно уйти отсюда... Нет, невозможно. Обманчивый туман предательски полон народа. Враг в волнении сжимает его руку. Действо продолжается. Сейчас надо выказать страдание, приличествующее случаю, — и ничего более.

Она повесилась. Вал-Нардия убила себя. И ребенок, их... его ребенок...

Наверное, его руки похолодели, словно он сам уже был мертв. Сузамун не мог не ощутить этот холод, ибо все еще сжимал ладонь принца. Но, по крайней мере, ладонь эта была тверда и не дрожала.

Кесар ответил на пожатие королевской руки.

— Мой повелитель, — произнес он. Голос его был выразительным, хотя и приглушенным, словно был специально поставлен для сцены. — Вы проявили слишком большую заботу, взяв на себя труд лично донести до меня эту весть. Я недостоин вашей доброты. Что до моей сестры, то я ничего не знал о ребенке и не берусь судить, почему она сделала это с собой. Богиня забрала ее к себе. Сейчас Вал-Нардия с Ней,

в Ее всезнающих и прощающих руках. Моя печаль иссякнет лишь вместе с моей жизнью. Едва ли можно выразить, мой повелитель, насколько поддерживают меня в этот миг ваши утешения.

В тумане вокруг принца перешептывались на его счет. Он даже смог улыбнуться. Сузамун выпустил его руку, но их взгляды оставались скрещенными, и Кесар знал, что его глаза кричат громче, чем лицемерие короля. Что ж, пусть Сузамун читает в его взгляде все, что ему вздумается. Скоро это перестанет иметь значение.

Она пронеслась по воздуху, словно музыка, ее светлые одежды и кроваво-красные волосы отражались в полированном полу. Она летела с цветами, ей было десять лет, ее маленькая грудь едва проступала под платьем, за руку она тащила куклу. «Кесар, где ты? Я не могла найти тебя».

Вал-Нардия...

Он пил вино с этими людьми и отправился с ними к столу. Он даже ел вместе с ними. Он разговаривал с ними на отвлеченные темы. Эти люди выражали сочувствие его потере. Они произносили соболезнования, превозносили ее красоту, и он благодарил их с огромной учтивостью.

Ему хотелось растерзать их на куски, содрать кожу, раздробить кости.

Не будет ничего странного, если король отпустит его немного раньше — но не слишком рано. Она была всего-навсего женщина, даже не его жена или мать, много меньше, чем друг, отец, брат, сын... Хотя, возможно, он потерял и сына тоже, но этого им знать уж точно не следовало.

Выждав подобающее время, он испросил позволения уйти и покинул королевские покои.

За два часа до рассвета Рэм оказался у дверей новых покоев принца. Показав двоим часовым-Седьмым бумагу с подписью Кесара, он вошел. Рэм слишком много времени провел в седле, а не спал еще дольше. Он не сомневался в том, что прибыл слишком поздно, хотя изо всех сил пытался двигаться быстрее.

Оказавшись в первой комнате, он огляделся. Светильники все еще горели на своих подставках. К стене прижималась девушка из Ксаи, Беринда, ее телячьи глаза были полны неизъяснимого страдания. Она ничего не сказала. Рэм подошел к внутренней двери и постучал. В ответ не донеслось ни звука. Тогда Рэм распахнул дверь и вошел в спальню.

Здесь не горели светильники, лишь слабый свет луны проникал через окно. Напротив окна был отчетливо виден стройный мужественный силуэт Кесара.

— Мой лорд, это я, Рэм.

— Я знаю, что Рэм. Будь ты кем-то другим, ты не прошел бы мимо часовых. Они не спят. Никто из вас не спит после порки, — голос его звучал ровно и спокойно.

— Мой лорд, я пытался добраться до вас прежде, чем король...

— Нисколько не сомневаюсь.

Повисла пауза. Потом Кесар спросил:

— Где ее похоронили?

Рэм не был уверен ни в чем. Он слишком устал и не имел сил оценивать обстановку. Но надо было говорить.

— Мой лорд, кто-нибудь упоминал о ее беременности?

— Да. Мне сообщили об этом.

— Тамошние жрецы считают, что могут сохранить ее до нужного срока.

Кесар не шевелился и молчал.

— Каким-то образом им удалось удержать ее тело на грани жизни и смерти. Они утверждают, что могут какими-то магическими зельями поддерживать ее в таком состоянии, пока не родится младенец. Может быть, это ложь. Однако все выглядело очень убедительно, и вполне может случиться именно так, как сказала мне та женщина.

— Отлично, — отозвался Кесар так, словно все изложенное было вполне вероятно. Чуть помолчав, он продолжил: — Я отправлюсь туда. Он только и ждет этого, он доволен тем, что у меня горе. Он думает, что моя поездка будет напрасной, но я хочу сам убедиться во всем. Ты сделал все, что мог. Теперь убирайся.

— Мой лорд, поняли ли вы...

— Нет. Это полная бессмыслица, как и все остальное. Убирайся.

— Мой лорд...

— Во имя несуществующих вонючих бездн Эарла — убирайся. Иди развлекайся со своим мальчиком-шлюхой или выпусти кишки своей сварливой мамаше. Все, что угодно, только прочь от меня, — Кесар слегка возвысил голос и повернулся. В руках он держал нижнюю половину разбитого кувшина, снова и снова крутя ее в пальцах. На дне черепка плескалась темная жидкость — то ли вино, то ли кровь. Лунного света хватало, чтобы разглядеть: Кесар плачет. Не скрытно, хотя ни поза его, ни голос не выдавали этих слез, но горько и безутешно, как ребенок.

Рэм отступил на шаг, повернулся и вышел из спальни. Закрыв за собой дверь, он услышал короткий смешок Кесара, в котором звучало презрение.

В конце концов никто не попытался расследовать то, что произошло в Анкабеке. Король, похоже, желал держать Кесара возле себя, обеспечивая принца удобствами и поддерживая его. Даже если то, что Кесар быстро пришел в себя, раздражало Сузамуна, он ничем не выдал этого. Король разобрался в правилах игры — по крайней мере, так ему казалось, — и теперь играл со всем азартом интригующего увлечения.

Кесар не говорил о Вал-Нардии на людях, да и в частных разговорах не задавал вопросов о месте ее захоронения и не слушал сказок о Равнинном колдовстве, будто бы позволяющем ребенку

развиться в утробе мертвой матери. Посланцу короля показали скромный камень, якобы установленный на месте ее сожжения близ храмовой ограды. Для почитателей богини самоубийство не было ни грехом, ни почетным уходом из жизни. Ни о каком позоре не было и речи. Для мелкой аристократки было сделано все необходимое.

Кесар, казалось, безропотно принял и королевскую благосклонность, и глухую стену смерти. Многие считали его нынешним королевским фаворитом. Его достойное переживание столь очевидно тяжелой утраты вызывало восхищение.

Спустя несколько дней после своей безумной скачки из Анкабека, проходя нижним городом, Рэм встретил Дорийоса под охраной старика-черепахи из Дома Трех вскриков. Дорийос подошел к нему — тонкий, изящный, с безукоризненными манерами, — остановился и произнес:

— Я давно уже не виделся с тобой.

Рэм улыбнулся, но эта улыбка относилась скорее к красоте Дорийоса, сияющей, как светильник в ненастный день.

— Мне жаль, что так получилось.

— Жаль меня — или себя самого?

Рэм снова улыбнулся.

— Значит, теперь ты влюблен в него, — просто сказал Дорийос. Улыбка на лице Рэма тут же погасла. — Я говорю о твоем господине, — пояснил юноша. — О твоем принце.

— Очнись, — ответил Рэм. — Перестань говорить, как невинная девица. Это именно то, чего я всегда избегал.

— Ты уже научился речам влюбленных, — Дорийос опустил ресницы.

Рэм пошел прочь, оставив бывшего любовника стоять, где стоял. Свет его красоты медленно поблек для него, как блекнет небо на излете лета.

Небо стало свинцовым, задули сильные ветры. Потом все стихло, сделалось серым и спокойным. Теперь небо превратилось в низкий потолок из тонкой слоновой кости, наглухо скрывший солнце и вот-вот готовый просыпаться снегом.

Ральднор эм Иоли с привычной небрежностью опирался о колонну крытой прогулочной галереи, втайне любуясь собой, яркостью своих белокурых волос, оттененной темным мехом плаща и соперничающей со слепящей белизной заснеженного сада.

Когда на Истрис упали первые снежинки, он осознал, что вновь стал изгоем для высшего общества. Первая оттепель принесла ему положение на периферии двора. Теперь пришла пора второго снегопада, снега, который лежит не менее трех месяцев, — город затянуло Равнинной белизной, в гавани потрескивал лед. Ральднор же сейчас гулял по королевским садам, дружески беседуя с влиятельным чиновником. Остановившись среди колонн, он заметил лорда-правителя, главу королевского Совета, который медленно и задумчиво бродил,

сопровождаемый своей свитой. Когда они поравняются друг с другом, то волей-неволей обменяются несколькими вежливыми словами.

Ральднор был доволен собой. Он помогал Кесару, многим рискуя ради него, однако все было очень аккуратно продумано. Кесар был словно особо отмечен печатью истинного превосходства. Его безжалостность и магнетическая сила его личности, отточенная постоянным применением, были приметами величия.

Создатель королей. Вот титул, с которым заигрывал Ральднор.

Он вложил часть собственных доходов, чтобы помочь подкупить совет. Сейчас все его члены стали сговорчивы и легко склоняемы к любым решениям. Золото Кесара, так изумляющее всех, кто считал его погрязшим в нищете, приумножалось благодаря аккуратному обращению надежных банкиров, а также благодаря рискованным торговым предприятиям, приносившим постоянный, хотя и тайный доход. Кесар начал заниматься этими делами еще в тринадцать лет. Уже одно это достаточно впечатляло, как и то, что, даже будучи мальчишкой, он ничего не расточал понапрасну и жил так, словно на самом деле был беден, позволяя деньгам умножаться и не выставляя их напоказ, пока не понадобится.

Лорд-правитель был уже почти рядом, полу-Вис, полу-вардиец, как и сам Ральднор, но с темными волосами и более смуглой кожей — одна из подачек Сузамуна для ублажения народа.

— Добрый день, лорд-правитель.

— Доброе утро. Только очень уж холодное.

— Придется терпеть до весны, мой лорд.

Лорд-правитель остановился, за его спиной встал секретарь, чуть поодаль — телохранитель. Остальные участники прогулки не могли не заметить, кто остановил лорда-правителя Истриса.

— Должен поблагодарить тебя за вино, Ральднор. В такую погоду вино этого урожая просто великолепно.

Ральднор поклонился. Два кувшина, о которых не упомянул собеседник, были богато отделаны драгоценными камнями и металлами.

— Завтра мы возносим благодарение за нового наследника, — продолжил лорд-правитель. — Хвала Ашкар, что плач по сыну столь быстро сменится гимнами радости в честь рождения другого!

— Да, это так.

Они продолжали стоять, восхваляя благость Ашкар.

В первый день снегопада у одной из надменных шансарских жен Сузамуна родился мальчик. По древнему дорфарианскому поверью это значило, что вернулась душа Джорнила. Завтра весь двор должен был сквозь снегопад проследовать на колесницах к храму Ашары, где как раз сейчас была приостановлена до весны работа по ремонту кровли. Строительные леса поднимались до самого верха, как фантастический лес, и вся конструкция надежно удерживалась рычагами и кронштейнами.

— Перед тем, как отправиться в храм, непременно выпью чашу твоего доброго вина, — произнес лорд-правитель. — Думаю, что в храме будет не слишком тепло.

Он направился дальше, оставив Ральднора эм Иоли в полном удовлетворении. Сам Ральднор не должен был присутствовать на церемонии в храме. Для его отсутствия не было никакой причины. Создателю королей просто ничего не сообщили.

Над заливом гулял сильный ветер, по улицам клубилась снежная пыль. Сквозь нее пробирались члены королевского дома. Шансарские лошади вязли в снегу и скользили на ледяных коврах.

Как и ожидалось, внутри храма не было тепла, сквозняки заставляли дрожать пламя светильников. Но Ашара, стоящая в восточной части храма на сверкающем рыбьем хвосте, укрытая лишь резными волосами, не чувствовала холода.

Младенца грели не кровь, а благовония. Разноцветные стекла в высоком окне окрашивали своими отсветами дым курильниц, сквозь который сейчас несли нового наследника, успокоенного сонными зельями, чтобы показать его богине.

Сузамун стоял в тени ее четырех правых рук, позади него — Уль и младшие братья со своими сыновьями, избранная знать. Многие ожидали, что принц Кесар будет находиться рядом с королем. Однако Кесар снова повторил ту же самую ошибку. До недавнего времени скромный и достойный, он в конце концов выказал столь же ясно, как и после возвращения из Тьиса, насколько мало ценит королевскую милость. После этого последовало особое распоряжение, относящееся к его месту в храме. Сузамун, к этому времени мягкий как бархат, лично проследил, чтобы принц Кесар стоял как можно дальше от него.

Медленно тянулась церемония, которую в Шансаре полагалось проводить на голой скале или в какой-нибудь хижине перед идолом.

Среди песнопений сверху послышался невнятный треск, на который почти никто не обратил внимания. Из членов королевской семьи один принц Уль инстинктивно бросил взгляд наверх, прочие, обратив взоры к королю, увидели, как тот улыбается и кивает. Как и большинство остальных, он принял этот шум за одинокий порыв ветра, налетевший на какую-то плохо закрепленную подпорку. Перед церемонией придворные чиновники обследовали состояние крыши и признали его безопасным.

Среди нескольких человек, вскинувших головы наверх, не было принца Кесара. Он тоже слышал этот странный звук, однако отлично знал, что это такое.

Спустя пять или шесть минут послышался другой звук, вынудивший жрецов прекратить пение. Поначалу едва различимый, но постепенно нарастающий, он напоминал шум водопада. Сверху посыпалась пыль, заклубилась в воздухе и осыпала алтарь.

Теперь вверх посмотрели уже почти все, кто был в храме. Чистый бледный свод над головой богини выглядел вполне прочным. Затем раздался оглушительный грохот. Заплакали женщины, послышались крики. На площади перед храмом кричали еще громче. Огромный пласт снега соскользнул с крыши и обрушился наземь.

Народ немедленно осознал, что происходит, хотя обычно подобных вещей не случалось до весны. Волна понимания накрыла присутствующих с головой. Все увидели, как Сузамун улыбнулся еще раз и шагнул вперед, под прикрытие рук богини.

И тут раздался пронзительный женский вопль.

На своде появилось множество трещин, покрывших его, словно гигантская паутина. Затем он раскололся, как скорлупа яйца. С громом, в вихре белой пыли восточная крыша рухнула в храм. Многотонная кладка полетела вниз с быстротой стрелы, осколки ее ударились оземь и разлетелись во все стороны, поражая камень и плоть. Огромное многоцветное окно раскололось.

Долгое эхо сильнейшего грохота смешалось с криками ужаса и агонии. Устрашающий столб пыли встал от земли до самых небес. Сквозь эту пыль было почти невозможно разглядеть что-либо, кроме беспорядочно мечущихся фигур и отдельных бликов огня от раздавленных светильников. И среди всего этого виднелось жуткое, невозможное зрелище — силуэт богини Ашары с наполовину снесенной головой напротив разбитого цветного окна, сквозь которое в храм врывался холод.

Лоб принца Кесара кровоточил, задетый осколком камня, однако он первым призвал своих людей к немедленным действиям. Пренебрежение Сузамуна обеспечило ему место в стороне от главных разрушений. Теперь он, казалось, был потрясен тем, что остался жив, но остальные вокруг него могли лишь бессмысленно взирать на происшедшее. Кто-то пытался отползти, многие взывали к своим богам (и далеко не все — к Ашаре).

Кесар повел два десятка своей гвардии, находившихся в храме, прямо в глубину столба пыли. Тут же из углов на помощь им бросились стоявшие там люди. Знать наравне с простыми солдатами вытаскивала из-под немыслимых завалов окровавленные, задыхающиеся, покрытые пылью тела. Сам Кесар работал наравне со всеми в какой-то леденящей лихорадке. Некоторые из блоков кладки оказались не под силу людям, нужно было привлечь зеебов. Рабы в ужасе бежали из храма. Повсюду стоял ужасающий общий крик.

Поначалу из-под камней удавалось извлечь только мертвых. Уль лежал на алтаре с расколотым черепом, рядом с ним — главный жрец. Младенец, новый наследник, оказался раздавлен этими двумя телами.

Когда люди Кесара освободили лицо Сузамуна от битого камня, тот был все еще жив. Кесар быстро подошел к нему и опустился на колени. Грудь короля придавил камень непомерной величины. Изо рта у него струйкой бежала кровь. Его глаза медленно обратились к принцу.

— Держитесь, мой повелитель. Сюда ведут зеебов, чтобы поднять этот камень.

Столб пыли постепенно рассеивался, сквозь него стали видны совершенно не задетые или легко раненые люди, столпившиеся вокруг. Ужасающий общий крик перешел в не менее ужасающие приглушенные стоны без слов.

Кесар не отходил от короля, пока в разрушенный храм не привели животных, презрев святость места. После этого он поднялся и принялся помогать работам по разбору завалов.

Как и предполагалось, никто из тех, кто находился в центре под Восточным куполом, не уцелел. Четверых младших братьев короля с трудом опознали. Сводный брат короля со шрамом на лице лежал, убитый упавшей рукой Самой богини. С груди Сузамуна сняли камень, он пытался взглянуть на свои раны, однако никто не сомневался в том, что он не протянет долго. Было непонятно, как вообще он смог столько продержаться под такой тяжестью.

Его голову приподняли и осторожно положили на подушки, чтобы он мог видеть небосвод над собой. Подошел едва держащийся на ногах жрец и зашептал молитву. Кесар снова опустился на колени. Толпа молча наблюдала, а в разбитое окно врывался снежный ветер.

Через несколько мгновений Сузамун умер.

Если он и понял, что произошло, то был не в состоянии вымолвить ни слова. А Кесар, перепачканный своей же кровью, с таким изяществом и таким непоколебимым упорством продолжал стоять на коленях перед человеком, которого убил. Никто из тех, кто видел его, не смог бы забыть, как он выглядел в своей судорожной попытке спасти короля, и в каждой его черте сквозил врожденный аристократизм.

Однако в конце концов все увидели знамение в том, что случилось. Все выглядело так, будто сама Ашара предала проклятию Сузамуна и весь его дом. Это было более чем понятно любому.

Правда была известна только инженерам. Полость под верхним слоем кровли, скрытая от посторонних глаз, и маленький огонек, оставленный рядом с горшочком нефти, были придуманы и просчитаны далеко отсюда. Вся эта схема математически выстраивалась опытными людьми, знакомыми с величинами и архитектурными формами, а также людьми, сведущими в убийстве. Когда загорелась нефть, огонь перекинулся на точно сбалансированные опоры купола. Все было тщательно продумано, оставалось лишь привести план в исполнение, дождаться момента, когда куполу должно неминуемо обрушиться. Исполнению замысла способствовали небрежение чиновников и погода, а может быть, сама судьба. Или Ашара.

Тем не менее имело смысл побеседовать с каменщиком и теми людьми, которые работали на восточной крыше. Но ни одного из них не удалось найти. Было решено, что они бежали от руки правосудия.

* * *

Совет расположился в комнате с картой на стене, прямо под мозаикой.

По городу все еще разносился траурный звон колоколов, а над дворцовой крышей снова озаряло полночную тьму красное око погребального маяка. Вторая жена Сузамуна, мать ребенка, погибшего вместе с ним, лишила себя жизни часом позже. Они были

отважными и порывистыми, эти женщины Шансара. Ее положили рядом с мужем, ребенок покоился у нее в руках. Братьев поместили в нескольких шагах от короля. Семья собралась вместе в последний раз — и навеки.

Теперь Истрис и весь Кармисс ждали известия о том, кто примет бразды правления. В том, кто станет королем, сомнений не было — старший из оставшихся наследников, семилетний принц Эмел. Однако учитывая то, что он был еще ребенком, следовало назначить регента и прочих охранителей его статуса. Уль с братьями и всеми их законными старшими сыновьями погиб вместе с Сузамуном. Это была самая настоящая катастрофа, из тех, что остаются в легендах. Теперь предстояло сделать выбор из множества полукровок или младших сыновей, которые сами были слишком молоды и никому не известны. Они не принимали никакого участия в политической жизни города.

Уже разгорались споры. Обсуждалось, что лорд-правитель сам может предпринять шаги к регентству, оставив прочих далеко позади. Из углов, где сидели люди, купившие место в Совете и поддерживающие то ту, то другую позицию, доносились короткие презрительные насмешки. Однако по большей части эти выходки исподтишка были возмущением спокойствия и не более того. Лорд-правитель заставил их умолкнуть и заявил, что у него нет склонности к регентству, даже не возникало подобного желания.

В этот момент в центр протиснулся человек, жестом показавший, что желает говорить.

Шансарские обычаи племенных советов сильно размыли стандартные кармианские установления. Во времена Висов подобное было невозможно. Однако лорд-правитель сделал знак:

— Мы согласны предоставить вам слово, Ральднор эм Иоли.

Ральднор шагнул вперед и огляделся. Он привык командовать кораблями, когда ему поручали это; данное собрание совершенно не вдохновляло его.

— Мой лорд-правитель и вы, господа, — слушайте. Когда взошла Застис, семь закорианских пиратских галер разоряли берега Кармисса и Дорфара. Король Сузамун, мудрый и осторожный правитель, послал человека, которому доверял, освободить моря от разбойников. Не отдавая себе полного отчета в силах Вольных закорианцев, король дал этому человеку для выполнения его миссии три корабля не из самых лучших. Мне это известно — я был капитаном на одном из них. Когда стало ясно, сколь силен враг, против которого нам предстоит бороться, я предложил вернуться домой. Однако мой командующий, Кесар эм Ксаи, удержал нас там, где мы находились, и с большим искусством и доблестью, пожертвовав одним из помянутых кораблей и потеряв пятерых людей — всего пятерых, господа! — одержал победу.

По залу прокатился одобрительный шум, в основном с тех мест, где сидели Висы.

— Простите мое воодушевление, — продолжал Ральднор. — Тот эпизод произвел на меня сильнейшее впечатление. Принц

Кесар — зрелый вождь, известный в Истрисе как один из элиты общества. Более того, он королевской крови. Его отец был шансарским офицером, а его мать — принцессой кармианского королевского дома, чьи корни уходят во времена Рарнаммона...

Ральднору пришлось прерваться, ибо зал наполнился криком. Это был старый клич — «эм Ксаи!». Стоя в центре этого неистовства, Ральднор задумался. Он плохо слышал, что творится вокруг, вспоминая вопли рабов, прикованных к веслам и горящих заживо. Об этом следовало помнить. Однажды, когда ты станешь бесполезен для него, он и тебя оставит гореть.

В совете воцарилась сумятица, все совещались. Без сомнения, всем было все известно, просто ждали подходящего случая. Трое из этих людей были попросту куплены.

Вскоре члены Совета удалились в соседнюю комнату, чтобы вынести окончательное решение.

Ральднор по-прежнему пребывал в задумчивости и не разгуливал по коридорам, подобно остальным. В одном из покоев даже играли музыканты, специально приглашенные по такому случаю, их музыка то сливалась с колокольным звоном, то оттеняла его.

Несчастный случай привел к концу династию Сузамуна. Было ли это волей Ашкар?

Ральднор, веривший в случайности, никак не мог поверить именно в *эту* случайность. То, что он оказался в стороне от этого ошеломляющего заговора, злило его и одновременно приносило некоторое облегчение. Но он считал, что имеет достаточно здравого смысла, чтобы не выказывать никаких эмоций.

Колокольный звон прекратился. Около полуночи по залам пробежала вереница гонцов.

Зал с картой снова заполнился встревоженными советниками. Лорд-правитель поклонился им всем.

— За принцем-королем Эмелом уже послали. Время для ребенка, конечно, позднее, но по законам Континента-Побратима, его родины, он обязан присутствовать. — Последовала пауза, затем лорд-правитель продолжил: — Мы также послали за принцем эм Ксаи.

Немного времени спустя няньки подвели к дверям сонного светловолосого мальчика, и два стража ввели его в зал совета. Принц-король Эмел занял предложенное место и снисходительно принял леденец от лорда-правителя.

Кесар появился целым часом позже.

Он вошел в зал совета, и толпа расступилась перед ним. Он был словно воплощение немой грозы, в своих черных одеждах, с черными волосами, развевающимися от быстрой ходьбы, с застывшей на лице скорбью. Все это время он провел возле королевского погребального костра вместе с другими скорбящими, которые должны были оставаться там всю ночь.

— Просим прощения, принц Кесар, за то, что оторвали вас от караула смерти.

— Я могу вернуться обратно, — произнес Кесар.

По залу пронесся шепоток. Ральднор Иолийский прислушивался, против воли охваченный благоговейным трепетом. Этот человек был неподражаемым актером. Его вход, его взгляд, самый звук его голоса заворожили всех.

— Да, мой лорд, вы можете вернуться. Но сначала я обязан спросить вас, во имя богини и волей совета Истриса — согласны ли вы стать регентом Эмела, сына Сузамуна, до тех пор, пока он не достигнет надлежащего возраста, чтобы принять трон Кармисса?

Ответа не последовало. Все замерли. Кесар стоял посреди зала, прямой, как клинок.

Тишина разбудила ребенка, заснувшего на своем месте. Он открыл глаза и увидел наискось от себя высокого человека, подобного тени. Тень сдвинулась с места и направилась к принцу Эмелу. Спустя мгновение она опустилась на колени у его ног.

Пока звучали слова согласия, Эмел, ожидая момента, чтобы отправиться назад в постель, сонно разглядывал блестящую черную гриву человека, которому суждено было стать его смертью.

6

Холодный, белый, точно мраморный мир.

Тянулись месяцы долгого снега, пейзаж, казавшийся неизменным, был преображен, заново вылеплен из этой белизны. Безветрие, сверкание, серебристая ледяная поверхность заливов — Кармисс лежал, как во сне, скованный зимой.

Рэм снял новую квартиру, хотя и большую, но отлично хранящую тепло. Здесь нашлись даже миловидные и искусные ночные друзья, которых при желании можно было нанять в ближайшей винной лавке. Про себя Рэм молился, чтобы прошла тоска по Дорийосу. То и дело он представлял себе возвращение в Дом Трех вскриков, в то же время зная, что этого никогда не случится.

Переменилось и положение Рэма в личной гвардии принца эм Ксаи. После Праздника Масок его жалование чудесным образом увеличилось. Чуть позже, чрез пять дней после бешеной скачки из Анкабека, произошло изменение в его статусе — Рэм перестал числиться под номером. Существовало уже тринадцать Девятых, но он больше не был одним из них. Внезапно он стал старшим над пятьюдесятью людьми, которые именем принца должны были подчиняться только Рэму. Это продвижение дало ему особое место в иерархии гвардии, которая возросла уже почти до двухсот человек. Сержант, когда-то поровший Рэма, теперь раскланивался с ним уважительно и на равных.

Сознавая все особенности своего нового положения, Рэм был далек от благодушия. По большей части от него требовалось организовывать эскорты.

Он регулярно тренировался в подвале дворца — меч и щит, борьба без оружия или иные упражнения, требующие четкой координации обеих рук. Несколько раз он заставал за подобными упражнениями самого принца. В первый же день снегопада Кесар вы-

звал Рэма ко двору вместо одного из наемных мастеров боя. Почти полностью обнаженные, они сражались полчаса. Чувственный оттенок, столь же свойственный подобным единоборствам, сколь неуместный, злил Рэма. Наконец ярость завладела им настолько, что он сбил с ног почти ошеломленного Кесара.

Того это, казалось, позабавило. Рэм знал, что принц просто позволил себе ослабить внимание. Ему приходилось видеть, *как* умеет сражаться Кесар — даже в учебных поединках. Эта победа была несправедливой. Почти оскорбительной.

Когда восточная часть крыши храма Ашары погребла под собой Сузамуна и его родню, Рэма не было в здании, он даже не дежурил на площади. Он понимал, что готовится нечто, знал — что-то должно произойти. Однако размеры случившегося потрясли его.

Ему было приказано командовать отделением гвардии Кесара во время похоронной процессии и страшного шансарского караула смерти. Медленно двигаясь сквозь снежную пелену следом за укрытой пурпуром колесницей, он испытывал такое же чувство неловкости, как после той ошеломительной победы в тренировочном зале. Как-то слишком легко все это произошло. Когда появились гонцы, оскальзываясь на льду в свете факелов, чтобы позвать Кесара на совет, Рэм продолжал стоять, ничем не выражая своих чувств, но желая рассмеяться, выругаться, сделать хоть что-то, дабы провозгласить грандиозную и зловещую сущность всего происходящего.

Но теперь эм Ксаи был регентом. Его секретная гвардия стала официальной вплоть до последнего солдата. Его покои стали еще более роскошными и теперь находились в верхней части дворца.

За несколько месяцев он проделал огромный путь. В конце концов он стал нести ответственность лишь перед расположенным к нему Советом и перед семилетним ребенком, который, если верить слухам, обожал его.

Он должен убить ребенка. Это было очевидно.

Как долго он позволит ему существовать? Год? Два? Сколько жизни познает принц-король Эмел, прежде чем какое-нибудь неведомое и непредсказуемое несчастье не сделает все бесполезным? Любые чувствительные мысли о детстве или кровном родстве стали теперь нелепостью.

С той самой ночи, когда он вернулся из Анкабека, у Рэма не осталось и следа беспокойства за своего хозяина. Публичные стенания по Вал-Нардии были безупречны и уже в силу этого насквозь притворны. Или все же где-то оставались муки, которые прервало появление Рэма? О существовании червя терзаний мог знать лишь сам Кесар.

На таинственное же колдовство Анкабека Кесар, казалось, вообще не обратил внимания — в отличие от самого Рэма.

Вопреки всем рассуждениям и объяснениям Рэм твердо верил во все, о чем сказала ему золотая жрица. В то, что за милями снегов и холодной воды, под промерзшей землей, в холодном мертвом чреве бессознательно подрастал для пробуждения плод кровосмешения Кесара и Вал-Нардии, плод их мучительной любви.

Ожидая в передней принца, Рэм знал, что находится там из-за Анкабека. Воздух был наполнен чем-то тяжелым, некой гнетущей неотвратимостью.

Кесара не было еще некоторое время.

Через переднюю прошел врач, вышедший с женской половины. Бсринда, девушка, которую Кесар привез из Ксаи, зачала во время Застис. Рэм видел ее, когда она шла мимо — с гордостью и одновременно стесняясь своего большого живота. Вчера, задолго до срока, у нее начались схватки. Пошли слухи, что она потеряет ребенка, что он будет мертворожденным. Возможно, из-за своего слабоумия она была не приспособлена для вынашивания детей. Все это напоминало некое извращенное знамение, искаженное эхо того, что ждало на острове.

Сквозь длинное окно Рэм видел колоннаду в широком дворе внизу. Вскоре он увидел Кесара, идущего рядом с принцем-королем. Эмел был возбужден, хихикал, его бледное лицо раскраснелось. Скривившись, Рэм отвернулся от окна.

Через несколько минут Кесар вошел в переднюю. Его матовая, чуть смуглая кожа казалась бледнее из-за траурного кармианского пурпура, надетого в знак скорби по Сузамуну. После известия о смерти Вал-Нардии он не облекался в этот цвет.

Они прошли во внутренние покои. Едва закрылись двери, Кесар мгновенно изменился. Рэм понял, что видит истинное лицо принца.

— Анкабек, — произнес Кесар. — Ты помнишь? Несколько месяцев назад.

— Да, мой лорд.

— Расскажи мне снова то, что рассказывал той ночью.

— Вы не поверили этому, мой лорд.

— Нет. Расскажи еще раз.

Рэм принялся более подробно, чем прежде, рассказывать о жрице, о том, что она сообщила ему, и о том, что ему было показано. Слушая рассказ, Кесар внимательно наблюдал за ним. Истинное лицо принца было спокойным и одновременно угрожающим. Стоит ли бояться?

Когда Рэм закончил рассказ, повисло молчание. Потом Кесар подошел к комоду, отпер ящик, достал бумагу и, обернувшись, протянул ее Рэму:

— Прочти это.

Рэм исполнил приказ.

— Они прислали...

— Человека, не назвавшего своего имени. Он пришел к моему сержанту и оставил это ему. Похоже, он знал верные пути. Откуда?

— Не от меня, мой лорд.

— Я и не считаю, что от тебя.

— Здесь говорится...

— Здесь говорится, что мой ребенок родится на рассвете в день Львиного праздника по шансарскому календарю.

— Девятое утро от сегодняшнего дня.

— Дорога туда займет не меньше семи дней. Если вообще найдется дурак, который пустится в такой путь по снегу.

— Это дает вашей светлости день на то, чтобы принести подходящие извинения.

— Ничего это не дает. Все вполне ясно. Они определенно ждут моего прибытия.

Рэм промолчал.

Кесар налил себе вина и осушил кубок до дна. Он пил так же взахлеб, как в Тьисе, после нападения змеи.

— Я хочу, чтобы ты остался здесь, не дремал и был настороже, — произнес он, отвернувшись от Рэма. — Ральднор может какое-то время поиграть в свои игры в Истрисе. Ради него же самого я надеюсь, что он не осмелится на это. Мое место займет лорд-правитель. Ты расставишь своих людей везде, где необходимо, чтобы сохранить надлежащий порядок. И обращай внимание на все, о чем я мог забыть. Ясно?

— Да, мой лорд.

— Как повезло однажды главарю маленькой, но многообещающей шайки головорезов, — Кесар опять повернулся к Рэму с самой чарующей из своих улыбок. — И как повезло мне, что ты оставил их ради меня!

Рэм стоял, как каменный. Разговор по непонятным причинам ужаснул его. Конечно, Кесар уже скрыл свое истинное лицо, хотя в нем еще оставался сероватый оттенок. Впрочем, этот оттенок мог быть просто реакцией на погоду. Шансарская кровь плохо переносила здешние жгучие морозы, а Кесар, хоть и вспоминал об этом крайне редко, все же был наполовину шансарцем.

— Я возьму десять или двенадцать человек. Этого достаточно, чтобы управиться с лодкой. Я предпочел бы иметь тебя рядом с собой, но мне очень нужно, чтобы ты остался здесь в мое отсутствие.

Опять эта безошибочная попытка выказать случайное и убийственное доверие...

Неожиданно откуда-то из-за стен донесся ужасный крик. Рука Рэма потянулась к кинжалу, но Кесар сделал беспечный жест:

— Это всего лишь та маленькая сучка из Ксаи. Должно быть, ей сказали, что ее ребенок мертв.

Кесар колебался. Что-то мелькнуло в его глазах и в тот же миг исчезло.

Путешествие к могиле сестры было по меньшей мере странным для этого времени года, однако вполне извинительным и, возможно, достойным уважения. Оно показывало абсолютное простодушие принца.

Он никогда не пошел бы на это, рискуя потерять все, что выиграл, даже не будь вокруг снежной пелены. Нелепость. Невзирая на то, что он знал о ее смерти, он так и не постиг это до конца. Для него она продолжала жить где-то вдали, ее жизнь не погасла. Анкабек опровергал оба эти чувства — непреложность ее смерти и внутреннее неприятие этой смерти.

Какими бы колдовскими чарами они ни опутали ее, он должен был положить этому конец. Или каким-то чудом она вновь была жива, словно не случалось ничего иного? Эти мысли не покидали его, проделав весь путь вместе с ним, высовываясь из-за его плеча, словно демон, до самого побережья.

Покончив с собой, она победила его презрение, его ужас и ненависть. Их мысленная связь, случайно унаследованная с шансарской стороны, осталась неразвитой, хотя с самого рождения была частью их самих. Он не умел распознать ее и никогда не принимал в расчет — даже тогда, когда проснулся в Ксаи от собственного крика, и после, когда пытался вспомнить то пробуждение. И тем не менее самим фактом этой связи Вал-Нардия вынудила его участвовать в своей смерти.

Совсем другим делом была вина за ее смерть. Ее он принимал, и она жгла его, точно клеймо от раскаленного железа. До конца своих дней он будет жить с этим чувством, вспоминая ее полет, который теперь все время стоял у него перед глазами.

Его проводили в неказистую комнату под храмом.

— Ну? — вопросительно произнес он.

Перед ним стояла женщина Равнин. Казалось, что она — одна из тех, о ком рассказывал Рэм, однако сейчас она была одета иначе. Ее украшения были просты, и лишь фиолетовый драгоценный камень над ее бровями что-то означал.

— Вы прибыли вовремя, лорд принц, — произнесла она.

— К завтрашнему рассвету, согласно вашим указаниям. А если бы я опоздал?

— Не думаю, что это могло случиться.

Сидеть было не на чем. Кесар прислонился к стене, с его плаща стекал снег, таявший на плечах. Этот снег осыпался на принца с деревьев, когда он шел по острову, хотя воздух был совершенно спокоен, как и море.

— Я хотел бы знать ваше имя, — сказал он, чтобы хоть как-то поддержать беседу.

— Эраз, мой лорд.

— О, имя кормилицы героя Ральднора.

— Я родилась в Хамосе.

— Еще и деревня, в которой вырос герой. Я имел в виду — не в большом городе...

— Для вас приготовлена комната на территории послушников.

Внезапно Кесар сам вспомнил ее. Это была та самая сука, которая той ночью проводила его к сестре, как самая настоящая хозяйка публичного дома. «Сколько вы хотите за это? Или просто нужно принести что-нибудь в дар храму?» — «Единственный дар, который требуется, будет принесен». Он должен был вспомнить раньше, но его глаза были ослеплены восьмидневным созерцанием снежных равнин, болели от этого и от недостатка сна, а все тело ныло от усталости.

— Прежде всего, — произнес Кесар, — я хотел бы видеть мою сестру, принцессу Вал-Нардию, — он запнулся и без всякого выражения спросил: — Почему вы сказали Сузамуну, что она умерла? Чтобы защитить ее?

— Она умерла, мой лорд.

— О нет. Мертвые женщины не вынашивают детей.

— Прошу прощения за то, что продлеваю ваше горе, лорд принц...

— Не беспокойтесь о моем горе. Беспокойтесь лучше о том, решу я или нет сделать факел из вашего проклятого храма.

— Вы не поступите так, — мягко ответила она. — Вы слишком долго поднимали вашу репутацию в Кармиссе на недосягаемую высоту. Столь непопулярное деяние может разрушить все, что вы создали.

— Хорошо. Тогда сами. Официальное сожжение или другой погребальный ритуал, принятый на ваших Равнинах. Когда будет обнародовано ваше не слишком-то святое колдовство.

— Лорд Кесар не верит в колдовство.

— Это так. Но вы можете попытаться разубедить меня.

— Тогда идемте.

Он снова позволил проводить себя. Когда они вошли в помещение, оно оказалось перегорожено полупрозрачным расшитым занавесом.

— Не дальше, мой лорд.

— Что же удерживает меня по эту сторону занавеса?

— Немногое. Но вы можете убить своего ребенка.

— При условии, что я допускаю, будто там есть ребенок.

— При условии, что вы допускаете, будто там ребенок, — кивнула жрица.

Сквозь полупрозрачный занавес можно было разглядеть очертания кровати, но что лежит на ней, оставалось скрыто. Вокруг ложа стояли жаровни, как, впрочем, и во всех остальных помещениях, через которые им пришлось пройти. Жрецы впустили их в комнату, жрицы совершенно бесшумно сновали меж дымками курений и тонкими полотнищами завес. Все было необычным, но не имело особого значения. Пока что не подтвердилось ничего из страстных рассказов Рэма.

— На этой завешенной кровати может лежать кто угодно, — заметил Кесар. — Может быть, там крестьянская девушка, которой пора рожать, напичканная вашими зельями.

Эраз вскинула левую руку, и занавес, скрывающий кровать, внезапно начал сворачиваться и подниматься наверх. Эффектный колдовской трюк. Вероятно, в полу или где-то еще находился какой-нибудь невидимый рычаг.

Занавес исчез, не оставив даже тени, и кровать открылась.

Кесар не сказал ничего. Долгое время он стоял неподвижно, глядя на лежащее тело сестры в черном одеянии, на ее красные волосы. Ее вздымающийся живот казался огромным из-за заключенного в нем пленника, руки, как белые цветы, ниспадали с обеих сторон, из-под черного одеяния виднелись обнаженные ступни.

Эраз легонько коснулась его руки. Он посчитал этот жест знаком того, что должен подойти к кровати, и порывисто шагнул вперед.

— Не сейчас, мой лорд.

— Что тут творится? — спросил он, и эти ненужные, неумные слова повисли в пустоте.

— Магия, если угодно. Мы исполняем волю богини.

— В бездну вашу богиню. Она умерла... вы говорите, что она мертва?

— Она мертва. Но ребенок жив, и в нужный срок, на рассвете, появится на свет.

— Почему?

— Потому что таково желание Анакир.

— Но почему именно ребенок Вал-Нардии? И мой? — Он слышал звук своего голоса. В его вопросах не было смысла. Кесар спрашивал о том, что не имело для него значения. Значение имело нечто другое, но он не умел спросить об этом.

— Дети одного лона, рожденные вместе, — отозвалась жрица. — Двойня соединилась и создала третьего. Врата. Если говорить в духовном смысле, то по большому счету это не ваше дитя, мой лорд. Это другое дитя, оно старше. И все же это порождение двойни, двоих, ставших одним. Одно, в котором слились двое. Но я не могу донести этого до вашего сознания, мой лорд. Пусть кто-нибудь проводит вас в приготовленную комнату. Отдохните там.

— Я останусь здесь, — уронил он. — Велите принести сюда постель и немного еды. Именно сюда. Я не сойду с этого места, пока вы не сотворите свое колдовство.

— Вы устали. Пусть будет так, как вам угодно.

Он ухватил жрицу за запястье. Этот жест должен был причинить ей боль, и Кесар хотел этого. Сквозь пелену снежной слепоты, туманившую его взгляд, ее глаза сверкали, как далекие огни.

— Как бы вы ни служили вашей богине, попытайтесь вспомнить, кто я такой.

Однако она не ответила, каким-то образом освободилась от него и исчезла, словно задула свечу. Это было нелепо. Все казалось нереальным. Но даже оставшись один и видя перед собой Вал-Нардию, он не мог преодолеть тонкой газовой преграды.

Ему принесли кресло, еду и питье. Своих людей Кесар оставил в деревне, а потому потребовал, чтобы жрецы сами попробовали принесенную пищу и вино. Этот ритуал давно стал его привычкой, и на самом деле сейчас он не считал необходимым соблюдать его.

Он упрямо восстанавливал силы, не имея ни малейшего желания заснуть. Наконец его тренированное тело, словно послушный пес, подчинилось его требованиям. Вернув себе бодрость, Кесар сел и стал смотреть на Вал-Нардию сквозь муть в глазах и занавес.

Около полуночи, как ему показалось, в комнату стали входить люди в черных одеждах, скрытые капюшонами. Они молча выстраивались вдоль стен и замирали в молитве, точно сонные

птицы. Затем вошли женщины. Они молча прошли за занавес и скрыли от него все.

Кесар поднялся, однако ему тотчас же преградили путь. Он шагнул обратно и встал перед занавесом.

Появились жрицы, и среди них — другая женщина, не из храма, скорее из ближайшей деревни или другого поселения на острове. Она была из Висов — достаточно было взглянуть на нее, чтобы это понять. Возле занавеса она остановилась, сняла башмаки и сбросила перед всеми платье, под которым больше ничего не было. Женщина вступила в пору поздней зрелости и была не слишком привлекательной, но крепкого сложения. Занавес раздвинулся. Кесар не видел прохода, но женщина прошла сквозь него. Только она одна. Ее обнаженная плоть выглядела на редкость неуместно среди атрибутов утонченного колдовства.

Вокруг послышалось монотонное пение и сразу же вызвало раздражение Кесара. Назойливо повторялось одно слово, или несколько одних и тех же слов — снова и снова. Свет погас, и все погрузилось во мрак.

Женщина подошла к его сестре. Принц наконец понял, кто это такая — повивальная бабка для мертвой.

Стоя возле занавеса, он продолжал смотреть, но ничего не происходило.

Так продолжалось около часа. Кесар подошел к столу и выпил вина, чтобы и дальше держаться на ногах. Он хотел стать свидетелем тому, как после какой-нибудь чудовищной магической вспышки меж раздвинутых мертвых ног его сестры покажется чужой младенец, которого вскоре предъявят ему как его собственного сверхъестественного отпрыска.

Предчувствие рассвета разбудило одного из двенадцати людей Кесара, и он вышел из холодной деревенской лачуги, где их разместили, желая помочиться.

В глубине обнесенного стенами двора был проход наружу. Там, внизу, море накатывалось на каменистый берег. Облегчившийся солдат, проклиная холод, все же был захвачен странной, незнакомой красотой рассвета. Он подошел к низкой стене и посмотрел вдаль на восток.

На горизонте, как клубы пара от дыхания на морозе, нависали облака цвета молочного янтаря. Сквозь этот янтарь прокладывал себе путь золотой луч.

Бесплотное мерцание облаков приглушило яркость солнечного диска. Солдат мог смотреть прямо на него, пока он поднимался, — круглый, светящийся, загадочный, точно в мире родилась новая планета. И в самом деле, этот восход был подобен рождению ребенка, чья круглая головка пробилась из чрева облака.

Солдат не знал, зачем их притащили в Анкабек. Говорили, что это вызвано какой-то обязанностью по отношению к могиле сестры принца, но такое дело вполне могло подождать оттепели.

Но восход все так же держал его на месте, посреди снежного безмолвия, и солдат ощущал, что он — единственный человек на земле, который встал, чтобы увидеть явление солнца.

Пение прекратилось. Что-то произошло, но Кесар не был в этом уверен. Неужели он все-таки заснул стоя и пропустил самое главное? Затем он увидел, как склонилась женщина из деревни. Ему показалось, что комната содрогнулась от беззвучного грома, но он не знал, что это была сама Сила.

Равнодушные руки находились теперь внутри неподвижного тела Вал-Нардии — повитуха исполняла свою обязанность.

Появилась кровь. У Кесара перехватило дыхание. Он ожидал, что девушка закричит или шевельнется, но она лежала спокойно... словно ничего не чувствовала.

В руках у женщины оказался младенец. Принц видел это. Окровавленная дергающаяся веревка еще привязывала ребенка к телу его сестры, но вот блеснул нож, и веревка упала вниз, точно мертвая змея в Тьисе. Повитуха что-то сделала с ребенком, потом повернулась и вытянула руки, показывая его тем, кто находился за занавесом.

Не раздалось ни звука.

Руки и головка ребенка медленно двигались, он жил, но не кричал. Кожа его была такой белой, словно он светился. С глаз Кесара словно упала пелена, и он смог определить, что плод его семени и мертвого лона Вал-Нардии был девочкой. Дочь.

В дверях на его пути мгновенно оказалась жрица Эраз.

— Да, — вырвалось у него. — Я видел, что это случилось. Я свидетель вашего колдовства.

— Теперь вас проводят в комнату, где вы сможете отдохнуть.

Он с трудом удержался на ногах, хотя видел ее очень отчетливо.

— Когда я проснусь, я могу свернуть вам шею, — выговорил он.

В деревне на берегу отлично вымуштрованные солдаты Кесара нетерпеливо ждали его возвращения и, как им было приказано, пытались расплатиться за принесенную еду. Однако плата осталась нетронутой. Кроме того, они даже не пробовали заигрывать с местными женщинами, хотя больше здесь было решительно нечем заняться. Пока разгорался день, они сожалели о том, что и вторую ночь им придется провести как на помойке.

Однако у Кесара имелись другие планы на их счет.

Он уже проснулся, оделся для дороги и допивал оставленное вино, когда к нему вошел жрец.

— Прекрасно, — произнес Кесар, завидев его. — Найди Эраз и приведи ее ко мне.

Жрец, принадлежащий к темной расе, взглянул на него. Его взгляд был точно таким же, как и у всех обитателей Равнин. Кесар не обошел это вниманием и добавил:

— Или ты это сделаешь, или этим займусь я сам. Мне кажется, ты предпочтешь первое.

— Прямо скажем, жрица Эраз не относится к разряду простой прислуги, — ответил жрец, размышляя.

— А я, прямо скажем, не намерен дожидаться.

— Мой лорд, — прошелестел жрец, — в нашей религии служитель богини равен королю, если не более того.

В два шага Кесар пересек комнату и ударил жреца так, что тот отлетел в угол, капюшон свалился с его головы. На миг в углу комнаты оказался просто поверженный Вис.

— Ты убедился, что мне нет дела до вашей религии? — произнес Кесар. — Теперь иди и исполни то, что я велел. А по дороге распорядись принести еще вина.

Эраз сама принесла ему вино, словно решив поиграть в его служанку. Это был вардийский ликер того же сорта, какого не знали Вольные закорианцы.

— Вероятно, вы не любите вина Равнин-без-Теней, — произнесла она.

— Верно. Я не люблю ничего, что исходит оттуда.

Он полностью восстановил силы, по крайней мере, так ему казалось. Внешне в нем не было никаких признаков упадка, ни намека на боль или сердечную тяжесть.

— Вы скоро покинете нас.

— Как только вы подготовите тело моей сестры для дороги.

Эраз глянула ему в глаза. Ее лицо не выражало ничего.

— Вы не доверяете храму исполнить погребальные ритуалы над ней?

— Вы сожжете ее, не так ли? На ваших Равнинах принята кремация.

— Как и в Шансаре, кровь которого течет в ваших жилах и текла в ней самой. Однако там останки следует предать земле, а не развеивать по ветру, и отметить камнем место захоронения.

— Она будет похоронена в Истрисе, по старому обычаю.

— Очень хорошо, мой лорд. Я подумаю об этом. Не надо бояться разложения. Наши снадобья сохранят ее красоту нетленной, пока вы не доберетесь до столицы, и даже еще дольше.

— Я начинаю думать, что прежде всего ваши снадобья могли убить ее.

— Вы не должны так думать, мой лорд. Вы знаете правду. Если вы снимете золотое ожерелье с ее горла, то увидите...

— Да, — произнес он. — Но в таком случае вы обязаны понимать, насколько я ошеломлен вашими достижениями.

— А как же ребенок? — мягко спросила Эраз.

— Она пополнит ваши святые ряды, — отозвался принц. Он пил вардийское вино и вновь наполнял кубок, чтобы опять осушить его одним глотком.

— Это не так, мой лорд. Она не наша.

— Мне нет дела до этого.

— Она ваша дочь, — возразила Эраз.

— Маленький белый слизень. Оставьте ее себе.

— Нет, мой лорд, — бесстрастно произнесла она. — Ребенок должен ехать с вами.

— Только потому, что он мой? Плод кровосмешения? На побережье Ланна это вообще ничего не значит.

— Тогда отправьте ее в Ланн, мой лорд. Но оставаться здесь она не должна.

— Из-за кровосмешения?

— Анакир, — только и произнесла жрица.

— Эта ваша вонючая женщина-змея. Наверное, она хочет, чтобы мой ребенок погиб. Одного дня от роду, в снегу. Не думаю, что кто-нибудь из моих людей сможет кормить ее грудью. Почему бы вам самим не убить ее? Задушить, уморить голодом или холодом — но здесь? Почему вы вообще позволили ей появиться на свет?

— Наши снадобья, которые так смущают вас, могут сохранить и ребенка. Она будет спать до самого Истриса, не чувствуя голода. И останется теплой, даже если будет лежать непокрытая рядом со своей матерью.

— Это невозможно.

— Так же невозможно, как и то, чему вы были свидетелем на рассвете, мой лорд.

Люди, которые принесли на берег деревянный ящик, помогли разбить лед, и лодку снова можно было спустить на воду.

Солдаты Кесара не выражали ни малейшего недовольства, хотя солнце уже опускалось в океан, и весь запад, и вода, и небо, окрасился зловещим пурпуром.

Лодка двигалась среди заката по ледяной каше, покрывавшей море. Подул легкий ветерок, и команда поставила парус, желая воспользоваться этим. Не было слышно ничего, кроме шелеста паруса, легкого шума волн и плеска весел. Остров Анкабек исчез вдали, последний луч на миг высветил его причудливые очертания — словно плавучий череп.

Кесар сидел на носу перед парусом, рядом с длинным ящиком. Ящик был надежно закреплен и закрыт, и в нем спал живой ребенок, словно все еще заключенный в чреве матери. В крышке ящика были проделаны отверстия для воздуха. Он стоял возле ног Кесара, и принц не смотрел на него.

Последний закатный луч исчез, и на море опустилась тьма. Звезд на небе не было, лишь платиновым блеском мерцал вдали заснеженный берег Кармисса.

Спустя час после отплытия, в полной темноте, солдаты Кесара услышали, как со скрежетом выдранных гвоздей открылась крышка гроба. Однако никто не произнес ни слова, все продолжали грести.

С самого начала службы у Кесара они твердо усвоили: все, что касается принца, не имеет к ним никакого отношения.

Под прикрытием паруса Кесар вглядывался в лицо Вал-Нардии. Ее горло было прикрыто ожерельем их матери с черными жемчужинами. Жрица не солгала, красота его сестры не померкла — ее ужасная, бессмысленная красота... Ему казалось — будь она жива, все, что произошло между ними, непременно повторилось бы.

Он поднял ее тело из ящика, оставив спящего ребенка, завернутого в покрывала, среди тряпья, которым был устлан гроб. Ему не было дела до того, что случится с этим созданием.

Кесар держал сестру на руках, ее голова покоилась на его плече, лавина ее волос закрывала их обоих. Сейчас, во тьме, ее волосы казались столь же темными, как его собственные.

Так они и двигались к Кармиссу по безмолвному блестящему морю, точно корабль призраков.

Открыв дверь, Рэм пропустил в свою квартиру двоих гостей. Еще двое заняли посты в проходе, и дверь захлопнулась.

На улице стояла оттепель, мокрый снег облеплял дома, дребезжали ставни. Плащ гостя промок насквозь, и он небрежно бросил его поперек кресла.

— Смею думать, что деньги и документы уже отправлены, — произнес Кесар.

— Да, мой лорд.

— И ты со своими людьми уже наготове.

— О да.

— Ты сбит с толку всем этим, мой Рэм?

— Ровно в той мере, в какой вы потребуете, мой лорд.

— Мои требования — это особые условия. Корабль, которым ты воспользуешься, называется «Лилия», хозяина зовут Дхол. Когда ты прибудешь в порт Амланна, то вместе с людьми Дхола отправишься к моему торговому агенту в столице. Она ничего не понимает, — прибавил Кесар, заметив, что Рэм взглянул на девушку. — Решительно ничего. Она считает, что ее собственный ребенок, который умер, вернулся к жизни, и никто пока не лишает ее этой иллюзии.

Кесар выжидающе посмотрел на Рэма. Беринда стояла рядом в мокром плаще и улыбалась младенцу, которого держала на руках. Она выглядела куда более вменяемой, чем когда бы то ни было.

— Значит, я должен передать агенту в Амланне ваше письмо и ребенка, — продолжил Рэм. — А потом?

— Возвращайся назад морем. Он найдет для ребенка уединенный дом и даст мне об этом знать. Где-нибудь, докуда Анкабек не доищется даже со своей поганой магией. Как знать, вдруг в один прекрасный день девчонка принесет мне пользу? А если нет, пусть хотя бы будет бесполезной для моих врагов.

— Это ребенок вашей сестры, — поколебавшись, заметил Рэм.

— Нет. Она отказалась выносить ребенка. Они заставили носить ее мертвое тело, вот и все.

— А колдовство для вас ничего не значит.

Кесар усмехнулся, но в его глазах был лед. Сам того не желая, Рэм встретился с ним взглядом.

— Я здесь не для того, чтобы рассуждать о своих чувствах, а для того, чтобы вручить тебе это отродье и его сопливую няньку. Я достаточно долго думал, можно ли оставить его на берегах Кармисса. Твоя же работа — переправить его из моих нелюбящих объятий в Ланн. Понятно?

— Да, мой лорд.

— Да, мой лорд. Ты всегда ведешь себя как принц, а не как разбойник, мой Рэм. Да и выглядишь ты тоже скорее как принц. Одна из моих девиц однажды заявила мне, что ты чем-то похож на старые статуи Рарнаммона.

Рэм хорошо вышколил себя. Его сердце неровно забилось, но внешне он остался бесстрастным. Отвернувшись, Кесар подхватил свой плащ.

— На корабле ты будешь чем-то вроде мелкого аристократа, который путешествует с охраной, любовницей и любимым бастардом, — заметил он. — Судно отплывает с утренним приливом.

Когда Кесар вышел, два телохранителя, сопровождавшие его, спустились вслед за ним по лестнице, звеня оружием. Рэм замер и продолжал стоять на месте, как прикованный, пока по аллее не пронесся удаляющийся стук копыт зеебов.

Он снова взглянул на Беринду, желая понять, как она отнеслась к тому, что ее земное божество покинуло ее. Но теперь ребенок был ее новым божеством. Своим помраченным умом она верила, что это ее дитя, что жизнь, исторгнутая смертью из ее чрева, смогла вернуться от ее крика, и теперь ребенок живет и дышит. В конце концов, это касалось лишь ее одной.

Рэм усадил девушку в кресло и принес ей подогретого вина с пряностями, о котором не побеспокоился Кесар эм Ксаи. Отхлебнув вина, Беринда рассмеялась над ребенком. Рэм чуть приподнял одеяло. Под ним спал младенец с белой кожей, на его головке паутинкой росли белые волоски. Все шансарское, разве что глазки окажутся темными...

Когда он объяснил Беринде, что им пора отправляться в путь, она послушно поднялась с места, и одеяло соскользнуло с детского личика.

Сердце Рэма снова сильно забилось, и тому была единственная причина — глаза младенца вовсе не были темными. Они напоминали затуманенные золотые солнышки.

Путь через море должен был занять девять или десять дней, но мог быть и короче при благоприятных сезонных ветрах. Когда же по левому борту покажется берег Ланна, следовало держаться вдоль него и идти до порта Амланна еще от шестнадцати до восемнадцати дней.

«Лилия» была торговым судном, тяжелым кораблем с огромными парусами. Его владелец Дхол в прошлом работал на деловых агентов принца, теперь же отошел от дел. Он разместил Рэма

в своей личной каюте, отнюдь не блещущей роскошью. Трое солдат Рэма спали под навесом на палубе, заливаемые потоками дождя, — впрочем, как и сам капитан. В каюте Рэм устроил ложе для девушки и ребенка, а сам ложился на полу, что несказанно удивило бы Дхола, вздумай он посмотреть, как устроились его пассажиры.

Время года было не лучшим для плавания, однако Дхол, жадный до денег, всегда выходил в море задолго до остальных торговых судов Истриса. На этот раз погода благоприятствовала плаванию, невзирая на дождь и ветер. Направление ветров оказалось вполне подходящим, и к полудню девятого дня за пеленой дождя уже проступила смутная тень ланнского берега.

— Нравится вам наша еда? — поинтересовался Дхол за праздничным ужином в каюте, который был устроен для гостей, чтобы отметить приближение к Ланну. Рэм сдержанно поблагодарил хозяина за угощение.

Сидя на кровати, девушка играла с малышкой, что-то говорила ей. Пока Дхол пытался завести беседу, поминая недобрым словом погоду на море, мысли Рэма свернули на ребенка.

Девочка действительно была не вполне нормальной. Рэм задумался, не привел ли этот кровосмесительный союз к какому-нибудь пороку. Но не к чему-то обычному, вроде глухоты — девочка реагировала на звуки. И не слепота — она явно видела их, хоть и по-своему, по-младенчески. И явно была способна сама издавать звуки, хотя он еще ни разу не слышал, чтобы она плакала. Смутно он догадывался, что она не кричала даже в миг своего рождения. Но тогда что в ней было такого непохожего на других младенцев? Может быть, лишь игра его собственного воображения. Пожалуй, ему доводилось видеть меньше младенцев, чем другим мужчинам, и прежде он никогда не находился рядом с женщиной и ребенком.

— Клянусь богами и Ашарой, главная мачта так трещала...

Эти слова Дхола прервал какой-то шум снаружи. Внезапно раздались неясные крики, не имеющие отношения к вседневной корабельной жизни. Дхол бросил взгляд на дверь.

— Что это? — спросил Рэм. Девушка даже не обратила внимания на крики.

— Пойду посмотрю. Может, кто-то увидел большую рыбу. Обычно они пытаются достать таких рыб гарпуном, — Дхол поднялся на ноги. — Продолжайте ужинать, господин.

Голова Рэма закружилась, внутри образовалась пустота. Приступ был не похож на другие — не было ни головной боли, ни полной реальности видения. Однако внезапно Рэму почудился на месте Дхола другой человек, и один из железных светильников, сорванный с подвески чьей-то злой рукой, с огромной силой отлетел в сторону и ударил этого человека по голове. Рэм встал, и видение отступило. Дхол как раз выходил и ничего не заметил.

Почти бессознательно Рэм последовал за ним.

На палубе шумели, и причина криков была очевидна. С северо-востока сквозь пелену дождя приближался большой черный корабль с красным пятном на носу. Он был уже так близок, что его бортовые огни превратились в два огненных глаза, пылающих во мраке, а над ними в вышине ясно различались двойная луна и дракон Старого Закориса.

— Пираты! — Дхол задрожал от страха.

— От них можно уйти? — быстро спросил Рэм.

— Нет, нечего и пытаться. Мы никогда не видели, чтобы кто-то из них заходил так далеко на юг...

Пока матросы носились мимо него с криками, Рэм вглядывался в сумрак. Черный корабль был словно неупокоенный призрак, вернувшийся из Тьиса, чтобы отомстить.

— Какие будут приказания, ваша честь? — К Рэму пробились трое его солдат.

— Хозяин корабля сказал, что не сможет уйти от них, и, похоже, это правда. Биремы Вольных закорианцев хорошо приспособлены для гонки. А этот корабль довольно неуклюж. Однако, без всяких сомнений, попытается уйти.

— Это уже чувствуется, — бросил один из солдат.

Гребцы и в самом деле заняли все места внизу. Весла заработали в новом, бешеном ритме — люди гребли, спасая собственные жизни.

— Если это нам не удастся, что вероятнее всего... — Рэм взглянул на призрак за завесой дождя. Сквозь шум, стоящий на «Лилии», он уже мог различить отдаленные голоса, радостные крики Вольных закорианцев. — Поскольку сейчас у нас недостаточно вина, чтобы отравить их всех, — при этих словах трое солдат усмехнулись, — вот там, впереди, корабельная шлюпка. Отвяжите ее и спустите на воду. Ваша забота — ребенок и девушка.

— Да, ваша честь.

Через минуту закорианцы протаранили их корабль.

Торговца охватила дрожь. Крики радости и ужаса смешались и заглушили плеск шлюпки, спущенной на воду. Один из людей Рэма спустился в нее по веревке, сражаясь с качкой и едва не сорвавшись. Рэм уже вывел девушку, но она, прижимая к себе ребенка, отшатнулась с криком «Нет!».

Вольные закорианцы кинулись на матросов, как бушующее море, заполнив всю палубу. Над суматохой взлетели первые крики умирающих.

— Заберите у нее ребенка и бросьте в шлюпку, — приказал Рэм двум оставшимся солдатам. Третий, в лодке, уже стоял наготове, чтобы поймать младенца. — Да не промахнитесь. Вы знаете, *чей* это может быть ребенок.

Второй солдат кивнул, шагнул к Беринде и вырвал ребенка из ее рук. Беринда начала кричать.

Оставшийся солдат резко развернулся, поднял меч, и пиратская кровь хлынула на палубу, мешаясь с дождем. Рэм обернулся как раз вовремя, чтобы перехватить нож, направленный ему в спину. Он

ударил закорианца между глаз и, когда тот покачнулся, всадил собственный нож в его подмышку, на которой была огромная дыра. Противник упал, но еще четверо, переступив через умирающего, набросились на Рэма. Второй солдат выдернул свой клинок из массы волос и сухожилий. Рэм осознал, что девушка перестала кричать.

— Малыш в безопасности, в лодке, — произнес торопливым полушепотом второй солдат. — Девушка тоже...

Едва он выговорил это, как один из закорианских ножей, направленных ему в горло, достиг своей цели, заставив его умолкнуть. Как только он упал, второй кармианец свалился, точно подкошенный, на его тело, и пират склонился над ними, чтобы вытащить свой кинжал.

На Рэма напали двое закорианцев, к ним на помощь спешил третий. Казалось, что у этой неравной борьбы может быть лишь один исход.

Рэм занес меч и отсек ухо одному из противников. Выбросив вперед нож, он вонзил его в чье-то запястье, перехватил за руку с ножом ближайшего закорианца и, продолжая удерживать его, поставил пирата перед собой. Выкрикивая проклятия, закорианец пытался высвободиться из железного захвата, а другой тем временем снова и снова пытался нанести удар Рэму в спину. Рэм устремился к борту корабля, таща с собой захваченного закорианца. Ему удалось выбить нож из руки пирата, но при этом он на миг ослабил хватку, хотя тут же снова прижал противника к себе. Теперь Рэм чувствовал спиной борт. Он с силой оттолкнулся, в ушах у него засвистел ветер. Он все еще сжимал закорианца в тисках своих рук, но мгновение спустя оттолкнул его от себя.

Когда Рэм вошел в воду, холод, казалось, отнял у него сразу все силы. Вынырнув, он услышал плеск неподалеку — это упал пират.

Теперь Рэм пытался разглядеть шлюпку.

Его пальцы коснулись дерева — и в тот же миг руки закорианца обвились вокруг его тела. Одна из них поднялась, и Рэм понял, что в ней зажат второй нож. Он попытался ударить снова, однако в ледяной воде это получилось плохо. Но тут над ним склонился его третий солдат, и убитый закорианец обмяк, освободив Рэма.

Солдат втащил Рэма в шлюпку.

— Ты мог бы уже отплыть, — выговорил Рэм. От холода его зубы лязгали, и слова звучали невнятно. — Хвала богам, что этого не случилось.

Однако оставшийся в живых солдат, ткнув мечом куда-то в море, снова склонился над водой. Из его глаза торчало черное древко стрелы.

Рэм поднялся и подтащил непослушное тело к стонущей девушке и молчащему ребенку, прикрыв их собой.

— Все хорошо, — произнес он. — Замри и не дергайся. Все в порядке, — и нервно рассмеялся.

К лодке летели новые и новые стрелы, но безуспешно. Океан стал неспокойным, и шлюпку относило все дальше от кораблей.

Наконец Рэм осмелился подняться. Никто их не преследовал, лишь несколько тел беспорядочно плавало на поверхности

воды. Корабли, сцепившиеся, как калинксы в драке, были уже в полумиле от них. «Лилия» горела.

Рэм взялся за весла и начал грести. Память подсказывала ему, что земля на востоке.

Лодка набрала воды, однако чудом удержалась на плаву. Время шло, Рэм греб, не чувствуя ничего, кроме напряжения мышц, скрипа лодки и леденящей хватки холода. Он продолжал грести, словно во сне или кошмаре, и очнулся, лишь когда лодка ткнулась носом в обледенелый берег. Дождь прекратился.

Он слышал, как вслед за ним вылезла на землю девушка, и постарался получше спрятать шлюпку на случай, если Вольные закорианцы все-таки решат погнаться за ними. Во впадине на склоне невысокого холма он развел огонь. День постепенно начинал рассеивать ночную мглу, и Рэм увидел лицо Беринды. Ее глаза были полны страха, который, казалось, поселился в них навечно. Она смотрела на него и боялась его, боялась всего на свете. Крепко прижимая к себе ребенка, она, несмотря на нестерпимый холод, обнажила грудь, чтобы покормить его. Это несколько успокоило девушку и порадовало Рэма.

Он распластался на твердой земле и окинул взглядом далекие холмы, голубеющие под снежным покровом. За холмами виднелись горные вершины, которых коснулись первые рассветные лучи. Надо было как можно скорее пускаться в путь. Северный Ланн был необитаем. Они находились за много миль от места, где можно было найти хоть какую-то помощь. Земля была пуста, как чистая синяя чаша.

Из-за округлой женской груди на него смотрели глаза малышки. Казалось, что они отчетливо видят его. Меж сном и явью он вновь ощутил странность ребенка. «Что это?» — подумалось ему. В какой-то миг Рэму показалось, что он начинает понимать... Девочка звала его. Каким-то непостижимым образом она говорила с ним, но без слов. Постепенно он стал думать о чем-то мудром, о каких-то чисто духовных высотах, заключенных в крохотном и беспомощном тельце...

В этих глазах была душа. Она помещалась в теле младенца, но не была душой младенца.

Потом его свалил сон, и сознание ушло. А когда оно вернулось, девушки с ребенком нигде не было.

Беринда шла вперед, склонившись над малышкой. Она рассказывала ребенку сказки. Собственные неудобства теперь ничего не значили для нее. Она испытывала надежду. Ночные беды стали ошибкой. Она избавилась от них, оставив позади погасший огонь и спящего мужчину. Теперь она будет искать своего господина, своего темного и прекрасного лорда, который заботился о ней, который стал отцом ее ребенка и еще раз сделает все для их безопасности.

Она не ощущала, что все это уже было однажды. Никакая тень другой висской женщины, идущей со светловолосым ре-

бенком на руках, не возникла в спутанных фантазиях Беринды. Ей никогда не рассказывали о Ломандре, которая унесла ребенка по имени Ральднор от злобы Корамвиса... А если и рассказывали, то Беринда это забыла.

Солнце стояло высоко, она спокойно продолжала путь, когда что-то шевельнулось на скале над ее головой. Это был белый волк, казавшийся огромнее неба, а за ним виднелись еще три его сородича.

Беринда закричала. Но она ушла слишком далеко, чтобы быть услышанной.

7

После дождей родилось молодое лето и зашагало по холмам.

Светлым вечером из леса вышел охотник с добычей на плече и остановился, чтобы окинуть взглядом землю, долину, расстилавшуюся внизу, и деревню, где он жил. В деревне было не более десятка домов, однако в каждом из них жило много людей. Ближайший город располагался в семи днях пути верхом, а в деревне было лишь два зееба. Многие жители никогда не видели этого города.

Охотник был невежественным, но жил мирно. Теплые тени, бегущие по холмам, и яркое окончание дня очаровывали его без всяких слов, не требуя знания. Кроме того, его семья должна была хорошо поужинать этим вечером, еды хватало даже на то, чтобы поделиться с соседями.

Что-то заставило его оглянуться — то ли яркие лучи солнца, то ли шепот травы на холмах.

Охотник замер, не дыша. Его рука потянулась к ножу, висящему на поясе, но больше он ничего не сделал.

По холму, прямо под ним, двигались три существа — одно из тени, два других из света. Пара волков, черный и белый, оба одинаково эффектные и по цвету, и по размерам. А между ними был еще кто-то. Ребенок — девочка, как понял охотник, разглядев едва проступающие бугорки груди. Она явно была дочерью народа Равнин — более белого волка, а ее волосы, струящиеся до самой земли, но взлетающие при каждом ее шаге, казались бледно-золотыми, как рассвет.

Застыв на месте, охотник мог только смотреть. Ему доводилось слышать о подобных вещах, о диких детях, воспитанных зверями. Но замереть его заставил обычный страх. Если волки увидят добычу, которую он несет, они непременно нападут на него. И ребенок вместе с ними, ибо девочка была их сестрой и больше не принадлежала людям.

Черный волк остановился и повернул голову. Охотнику было хорошо видно, как расширились ноздри зверя. Тут же заволновался белый волк, обернулся и посмотрел на человека. Последней взглянула на него девочка.

Как только она повернула голову, страх охотника одновременно уменьшился и усилился, но теперь это был страх иного рода. Девочка была обнажена, но голову ее украшал венок из цветов. Охотник испугался едва ли не больше, чем поначалу, ибо ее взгляд вызвал в нем какое-то странное чувство. Доселе ему не приходилось испытывать ничего подобного.

Угасающий свет дня стал совсем зыбким. Некое новое ощущение проскользнуло в сознании охотника, подобно тому, как волна омывает камень, и его страхи исчезли. Он без всякой боязни стоял перед огромными волками и нечеловеческим ребенком и продолжал смотреть на них, пока они не повернули головы и не направились дальше по холму, в сумрак.

Когда охотник вернулся домой, его жена сидела за ткацким станком, однако тотчас же вскочила с места и с радостным возгласом бросилась навстречу мужу. Он разделал мясо, она быстро приготовила его, а немного позже отнесла часть жаркого в закрытом блюде в соседнюю хижину, где прилег отдохнуть ее муж, которого она не хотела тревожить.

Еще немного позже под свисающим с потолка уютным светильником охотник с женой сели играть в настольную игру на самодельной доске, переставляя забавные фигурки, вырезанные охотником из кости. Жена выиграла, как это нередко случалось, и оба изрядно позабавились.

А еще позже, когда они уже легли в постель, в темноте, он сказал:

— Сегодня я видел на холме волчьего ребенка.

— Так и знала, что случилось что-то необычное, — отозвалась его жена. — Я думала об этом весь вечер.

— Почему же ни о чем не спросила?

— Я знаю, что ты сам все расскажешь мне, когда придет время.

Он действительно рассказал ей об увиденном. Потом оба они заснули и спали до рассвета. Разбудило их блеяние рыжей овечки со двора — она тоже проснулась и теперь просила есть.

Жена охотника поднялась и оделась, поцеловала мужа.

— Ты спи, а я пойду к Баббии.

Он с улыбкой повернулся на бок, а молодая женщина вышла из спальни, на ходу заплетая свои черные волосы. Она очень любила своего мужчину, несмотря на то, что он был двенадцатью годами старше нее. У нее были для этого свои причины. Он был замечательным человеком, а кроме всего прочего, еще и ее отцом.

Солнце уже стояло над холмом. Рыжая овечка резвилась во дворе. А на склоне холма стояла, застыв в ожидании, волчья девочка, и лицо ее было обращено к двери их домика.

У жены охотника перехватило дыхание, как у него самого вечером. Это был чистый трепет благоговения. Фигурка на холме, не старше десяти лет, казалась похожей на костяные игрушечные фигурки из настольной игры.

Волков нигде не было видно — только волчья девочка с цветами в золотых волосах.

Жена охотника скользнула обратно в дом. Быстро положив на одно блюдо кусок пирога и горсть ягод, а на другое поставив кружку вина из деревенских погребов, она снова вышла из дома, поклонилась и отнесла угощение за деревню, поставив оба блюда неподалеку от склона. Девочка внимательно наблюдала за ней. Молодая женщина вернулась в деревню, вошла во двор и поцеловала в нос рыжую овечку:

— Тебе нужно оставаться здесь, а то могут прийти ее братья и съесть тебя.

Девочка никак не могла слышать то, что говорила женщина, но неожиданно на ее лице появилась улыбка. Она спустилась по склону и подошла к блюдам. Она вела себя совсем не как волчий ребенок и, похоже, знала, для чего предназначены блюда. Изящным движением она взяла с одного блюда ягоду и положила ее в рот. Затем подняла кружку со второго блюда и отпила из нее. После этого девочка аккуратно отошла от угощения, повернулась и убежала, словно призрак, носимый ветром.

Жена охотника весело рассмеялась — красота движений девочки доставила ей удовольствие.

— Она вовсе не волчий ребенок, — сказала она мужу, когда тот окончательно проснулся. — Она баназ. — Так назывались сказочные ланнские духи, хранители деревень.

— Значит, это степная баназ.

— Почему бы и нет? С тех пор, как их король сделал их всех господами, они ходят по всему Вису, как им хочется, а их духи не отстают от них.

Около полудня в деревне раздались крики. Хозяева четвертого и пятого домов увидели волка, сидящего на склоне холма и смотрящего на деревню. Мужчины выбежали на улицу, громко топая башмаками. Охотник тоже вышел из дома и узнал черного волка, который спокойно сидел, вывалив язык.

— Неси свои копья! — окликнули его соседи.

— Нет-нет, — возразил охотник. — Этот зверь знаком с баназ.

— Ерунда. Это волк, и мы должны убить его, пока он не напал на нашу скотину или на нас самих.

Один из чьих-то младших сыновей размахнулся и бросил в волка разбитый глиняный горшок, но не попал. Волк часто и шумно задышал, как делают в жару собаки, — а может быть, засмеялся.

В этот миг жена охотника вышла на склон, направляясь к волку с блюдом вчерашнего мяса. Люди закричали.

— Погодите, — осадил их охотник. — Моя дочь-жена кое-что смыслит в этих делах. — Однако, несмотря на это, сам положил руку на рукоять ножа, так же, как вчера вечером, когда стоял на холме.

В нескольких шагах от зверя женщина поклонилась и поставила на землю блюдо. Волк подошел и начал есть, она же спокойно спустилась вниз.

Когда волк покончил с трапезой, он повалился на спину и стал кататься в пыли, потом встал — уже серым волком — и умчался.

Деревня загудела.

Целый месяц, почти до самой Застис, все так и продолжалось. На окраине деревни появлялся волк или сама волчья девочка. Они не приносили никакого вреда ни домашним животным, ни детям. Всякий раз им делали подношения — теперь уже не только жена охотника, но и другие жители деревни. Женщины, работающие на виноградниках, стали смотреть на волков, как на пару больших собак. Мужчины оставляли для гостей часть добычи, и часто можно было услышать что-нибудь вроде: «Белый волк сегодня не приходил, я не видел его на склоне».

Обитатели холмов были простодушны и в то же время обладали знаниями. Они допускали подобные вещи.

Для девочки они соорудили маленький алтарь и стали класть на него все, что могло ей понравиться — цветы, мед, бусы. Однако все это оставалось нетронутым.

В одно прекрасное утро жена охотника отворила дверь своей хижины и увидела перед собой волчью девочку. Она молчала, а может, и вовсе не умела говорить, ибо провела среди диких зверей те годы, когда складывается речь. Но она улыбалась, и улыбка эта была вполне дружелюбной. Женщина отступила назад, и волчий ребенок вошел в дом.

Жена охотника не имела ничего против, однако не знала, что ей теперь делать. Она изучающе смотрела на девочку-баназ. Девочка задержалась возле занавески, отгораживающей постель, потом повернулась и показала ослепительно белым пальцем на круглый железный котел.

— Позволь мне поучиться у тебя, — сказала она.

Молодая женщина застыла на месте. Ее несказанно изумило то, что ребенок заговорил с ней. Когда изумление прошло, она с радостным чувством осознала, что баназ вообще не произносила слов — это было только впечатление. Она говорила, как умеют люди Равнин, словно изнутри ее головы.

Девочка оставалась у них лишь несколько дней и ночей. Она быстро поняла, как быть человеком. Казалось, она всегда это знала, и ей нужно было лишь напомнить.

Впервые в жизни она оделась в красивое платье, которое отдали хозяева шестого дома, родители юных дочерей. Теперь она могла всегда оставаться одетой. Она с одинаковым интересом наблюдала за работой ткацкого станка, прислушивалась к бульканью пищи, варившейся в горшках, и блеянию Баббии. Она заплетала волосы и расплетала их. Она мылась в ручье, хотя жена охотника заметила, что от настоящей баназ, какой была девочка, всегда пахнет чистотой и каким-то естественным цветочным ароматом.

Она знала язык Висов, хотя не слишком-то нуждалась в этом знании, потому что с необыкновенной деликатностью брала любые сведения прямо из сознания людей. Однако никто, кроме жены охотника, не разговаривал с ней, да и это бывало редко.

По ночам возле двери хижины спали два волка.

Деревенские жители оставили алтарь неприкосновенным.

За эти несколько дней жена охотника привязалась к девочке и полюбила ее, как полюбила бы дочь-сестру, которую боги пока что ей не даровали. Однако в деревенской одежде, с убранными волосами девочка казалась намного старше. Она выглядела не ребенком, но маленькой женщиной.

На пятый день жена охотника плакала, а девочка расчесывала ей волосы заботливыми руками, и ее глаза напоминали два солнца, затуманенных отдаленной добротой.

— Ты должен одолжить зеева, — сказала жена охотнику. — И отправиться на юг.

Он нахмурился, жена печально смотрела на него, а девочка молчала.

— Зачем?

— Она хочет, чтобы ты отвез ее в город и продал там как рабыню.

— Есть закон, запрещающий продавать людей Равнин, — отозвался охотник.

— Сегодня она собирала травы в холмах, чтобы выкрасить кожу и волосы.

Охотник в изумлении уставился на девочку, будто видел ее впервые. В его душу проник неясный страх. При свете лампы он разглядел, что волосы девочки стали темно-каштановыми, как кора дерева, а кожа потемнела, хотя до сих пор на ней не было даже легчайшего загара.

На голубоватых холмах появились волки, черный и белый, и несколько миль бежали рядом с повозкой и зеебом. Девочка заботливо смотрела на них, но не произнесла ни звука. Однако волкам, судя по всему, было приятно то, что она говорила им мысленно.

Когда волки убежали, охотник произнес:

— Ты уносишь с собой удачу из моей деревни.

Однако он уже знал, что эти слова несправедливы, в чем сам смог убедиться в недалеком будущем.

Город Ольм располагался в туманных приграничных землях, там, где Ланн смыкался с Элиром. Над городом возвышались горные вершины, составляющие основу пейзажа. Когда-то между горными хребтами находилось древнее королевство Зор, теперь оставшееся без правителя и попавшее в зависимость от короля в Амланне. Все эти века Зор сохранял свою старую народную религию: там поклонялись женскому божеству, которому были посвящены змеи.

Повозки, трясущиеся по дороге на рынок Ольма, были полны самых разных товаров на продажу. Иногда на городском рынке продавали даже рабов, хотя в Ланнелире, как и в коренных ланнских землях, рабство было отменено. Редкое исключение составляли светловолосые выходцы из Шансара и Вардата, которые возродили ослабевшую было торговлю. Сейчас на втором континенте было без счета рабов-Висов, принадлежащих светловолосым хозяевам. Вот и сейчас на рынке Ольма стояли несколько белокурых вардийцев, торгующих плотью всех видов, и, прихлебывая вино из чаш, любовались женщиной на помосте. Это была танцовщица со змеями из Зора. Серебряные кольца огромной змеи обвивали ее бронзовое тело, а она проскальзывала сквозь них, чарующе выгибаясь.

Сафку, дочь ланнского наместника в Ольме, наблюдавшую за этим зрелищем сквозь занавески носилок, оно только злило. Впрочем, ее злило все: весь мир, собственная молодость и полное отсутствие каких-либо видов на будущее. В своих фантазиях она иногда представляла, что в один прекрасный день какой-нибудь лорд, путешествующий по Ланнелиру, увидит ее, прельстится и увезет прочь, в другой замечательный мир. Однако она знала, что слишком невзрачна, чтобы произвести на кого-то такое впечатление.

— Идите дальше, — равнодушно бросила она носильщикам.

Сопровождавший ее верховой склонился к носилкам и объяснил девушке очевидное: на их пути стоят вардийцы, которые вполне могут отказаться пропустить носилки, пока не закончился танец. Неужели ей так нужен скандал?

— Что ж, раз я должна ждать здесь, то хотя бы взгляну на прилавки, — вздохнула Сафка. С понурым выражением на лице она выбралась из носилок, сверкнув эмалевыми бусинами в волосах, и направилась вдоль торговых рядов. Телохранитель спешился и пошел за ней, привычно держа руку на рукояти меча.

Девушку везде узнавали и приветствовали со всей возможной учтивостью. Лишь вардийцы не обратили на нее никакого внимания.

Капризная и упрямая, Сафка эм Ольм без особой цели подошла к клеткам с разноцветными птицами, которые оказались прямо перед ней. Притворившись, будто внимательно разглядывает птиц, девушка исподтишка бросала взгляды на торговцев у помоста. Ей не нравилась ни белая кожа завоевателей, ни их язык, но сквозь всю неприязнь пробивалась мысль, что кто-нибудь из них мог бы счесть ее интересной, хотя бы потому, что она темна, а они светлы — красивый контраст...

Однако никто из них не обернулся в ее сторону.

Танцовщица на помосте закончила исполнять свой ритуал — для нее этот танец был ни больше ни меньше как ритуалом — и ушла прочь, опутанная змеей. Вскоре стало ясно, что теперь возвышение будет использовано для проведения невольничьего аукциона.

Дочь наместника стояла под палящими лучами солнца, собираясь понаблюдать за торгами.

Вардийцы так и притягивали ее, в особенности один из них. Девушка задумалась, можно ли будет развлечься с этим чужезем-

цем. До восхода Застис оставалось совсем немного. Может ли этот человек оказаться хорошим любовником? Поговаривали, что мужчины из другого мира невосприимчивы к Застис, но разве так бывает?

Первые владельцы показали свой товар. Пока оценивали и продавали эту партию, вардийцы и пальцем не пошевелили. Вслед за ней на помосте оказались рабы из коренных земель Ланна — скованные одной цепью трое мужчин и несколько женщин. В них не было ничего исключительного, все имели неряшливый вид. Несомненно, до нынешнего положения их довели долги.

Один из вардийцев, тот самый, который привлек внимание Сафки, указал на последнюю из женщин.

О ней никак нельзя было сказать, что она неряшлива. Это была девочка лет одиннадцати или двенадцати, с длинными пышными волосами, с кожей, слишком светлой для чистых Висов, но чересчур смуглой, чтобы считаться одной из желтого народа.

— Двадцать медных парингов за ребенка, — выкрикнул вардиец.

— Двадцать, хозяин? Это не...

— Вардийская медь, а не грязная ланнская.

Сафка тут же перенесла свою злость на этого человека, говорившего с акцентом, позорившего ее страну... и даже не взглянувшего на нее!

— Десять парингов серебром, — выкрикнула она звонким, как колокольчик, голосом. — Отличное серебро из дома наместника. Ничего чужеземного.

Тут и там в ланнской толпе послышался смех.

Вардиец обернулся. Его взгляд был открытым, влекущим и одновременно таил угрозу. Девушка выдержала этот взгляд, хотя лоб ее покрылся потом. Невольно ее пальцы накрыли счастливый браслет, который она носила на левом запястье и никогда не снимала. Не торопясь, вардиец снова повернулся к помосту.

— Пятнадцать парингов вардийского серебра, во имя Ральднора.

— Во имя Ральднора и Яннула Ланнского, одного из его капитанов! — закричала Сафка, совсем потеряв голову. Толпа зашумела еще сильнее. — Двадцать серебряных парингов!

Вардиец снова обернулся. Теперь в его глазах не было ничего, кроме желания уничтожить ее на месте. Оставив недопитое вино, без единого слова он вместе с товарищами направился по рынку прочь от торгов. Девушка почувствовала себя глупо, совершенно дурацки, и ей захотелось поскорее оказаться в одиночестве.

Ланн, оставшийся нейтральным в войне Равнин, отдал герою Ральднору для сражения с дорфарианскими угнетателями многих своих сыновей — и не последним среди них был Яннул, замечательный акробат, который вместе с Ральднором учился солдатскому мастерству в Зарависсе, а после применял эту науку, пройдя бок о бок с героем и его армией по всем землям Виса. И именно Яннул, никто иной, совершил вместе с Ральднором путешествие, которое закончилось на поросших лесом берегах Континента-Побратима. Одни считали, что друг героя остался в Анкире, столице

Дорфара, при ваткрианском короле, сыне самого Ральднора. Другие говорили, будто Яннул вернулся в Ланн. Сафка пожалела о том, что его здесь не было. Желтые люди ходили по всему Ланну, как по своему дому, и давно напрашивались на то, чтобы кто-нибудь поставил их на место. Только ради этого, честно говоря, она и затеяла торг с ними...

Тут она наконец вспомнила о том, что купила рабыню.

Следуя за носилками Сафки, девочка дошла до каменного дома наместника с единственной башенкой. В руках хозяина торгов остался счет, который требовалось оплатить. Волосы у этого человека доходили до самых лопаток, что выдавало в нем жителя холмов. В городах мужчины обрезали волосы строго по линии шеи — по моде Ваткри и Вардата. Не исключено, что этот житель холмов продал ей собственного ребенка.

Расстроенная Сафка едва взглянула на свое приобретение. Во дворе дома она велела прислуге хорошенько вымыть девочку, а затем накормить и переодеть, чтобы рабыня пришла к ней в спальню еще до вечерней трапезы.

Однако тени были еще короткими, когда две девушки Сафки в ужасе вбежали к ней. Когда смуглая девочка погрузилась в воду, им показалось, что она сверкает, как звезда.

— Белая кожа... желтые волосы... Ох, госпожа, конечно же, она с Равнин...

— И еще она немая, госпожа, — добавила вторая служанка. — Не может вымолвить ни слова.

Сафка быстро вышла из спальни и отправилась сама взглянуть на ребенка.

Девочка сидела в воде, где ее оставили служанки, и выглядела совершенно спокойной. Конечно же, она была с Равнин — даже кровь второго континента не давала столь ослепительной белизны. Сафка мгновенно осознала весь ужас положения, в котором оказалась. За продажу выходцев с Равнин полагались штраф и порка, а за покупку такого раба могли назначить любое наказание, какое сочтут достаточно строгим. Что же ей теперь делать?

— Малышка, ты можешь меня слышать? — ласково спросила Сафка.

Девочка с необычным и очень серьезным лицом взглянула на нее и кивнула.

— Тебя взяли по ошибке, — твердо произнесла Сафка. — Я отпущу тебя, как только явится чиновник, чтобы получить деньги. Есть ли у тебя такое место, куда ты хотела бы вернуться? Может быть, на Равнины? — Сафка все больше и больше ощущала дикость своего положения. — Должна ли я отправить тебя туда? Слишком дорого, я этого не смогу!

Девочка покачала головой.

Это было очень странно — она не произнесла ни слова, однако Сафка была уверена, что ее жест не означал безусловного «нет». Скорее — «Пока нет».

* * *

Застис заливала небо кровавым светом.

Сафка взяла в любовники одного из своих носильщиков. Другого выбора у нее не было. По крайней мере, такое соглашение нельзя назвать неразумным — мужчина был привлекателен, здоров и, самое главное, подчинялся ей. Сафка, отнюдь не красавица, в душе негодовала из-за того, что вынуждена покоряться силе Красной Луны. В то время как она, насытившись, должна была отпустить любовника из своей постели, ее братья проводили целые ночи с женами и наложницами, а ее хорошенькая сестра, занимавшая в доме более значительное положение, — со своим знатным избранником. С тех пор, как Сафка поняла, что не в ее власти выбирать, с кем получать удовольствие, она решила, что лучше уж вообще обходиться без близости. Потому-то нынешней ночью она не пустила в свою постель никого и горела там в одиночестве.

В полночь, так и не заснув, она в гневе спустилась вниз, надеясь успокоиться в прохладном дворе возле фонтана. Дойдя до небольшой колоннады, она замерла на месте.

Желтая медь, которой был украшен фонтан, казалась сейчас красноватой, вода переливалась, как нити стеклянных бус, а все остальное было погружено во мрак. Почти все. Возле бассейна стояла белая девочка с Равнин, и с ней было что-то еще...

В груди Сафки перевернулось сердце. В первый миг она не поверила своим глазам. Вокруг хрупкого детского тела обвилась несколькими кольцами огромная змея, очень похожая на ту, с которой танцевала на рынке девушка из Зора. Но для той девушки такой танец был вполне обычным, ведь ее с детства обучали обращению со змеями. Эти огромные гадины, хоть и не были ядовиты, с легкостью могли переломать кости небольшому животному — и даже раздавить грудь сильного мужчины, если бы пожелали проверить таким образом силу своих смертоносных объятий. Что же говорить о тоненькой, как тростинка, девочке?

Каким образом эта тварь пробралась во двор — влезла в какую-то дырку на кухне или переползла через высокую стену, — сейчас не имело значения. Рука Сафки сама потянулась к шее, туда, где висел в ножнах небольшой кинжал, украшенный элирианской эмалью. Слишком маленькое лезвие — надо целиться точно в глаз змее. Может быть, после смерти твари ее тело ослабеет, и кольца разожмутся.

Если бы девочка не была немой, она могла бы позвать на помощь.

Но почему же тогда не закричала сама Сафка?

В тот миг, когда у нее в голове мелькнула эта мысль, Сафка услышала звуки — низкое, мелодичное воркование, исходящее от немого ребенка. В этот же миг девочка подняла голову и взглянула Сафке в глаза. Они смотрели друг на друга — и дочь наместника медленно поднесла к шее руку с кинжалом и опустила его обратно в ножны.

Служанки Сафки говорили ей, что девочка, кажется, может подзывать к себе птиц прямо из воздуха, рассказывали, как с ней играли две забавных мартышки из Корла. Но такое...

Искусство девушки из Зора ничего не значило в сравнении с тем, что видела сейчас Сафка. Девочке незачем было бояться. Она повелевала огромной змеей или, по крайней мере, общалась с нею. Кольца змеи свободно обвивали детское тело, а плоская голова медленно двигалась среди золотых волос.

Кроме того, девочка вовсе не была немой. Звуки, которыми она обращалась к змее, это гипнотическое воркование, были на удивление членораздельны. Имея развитое голосовое устройство и отлично зная язык Висов, девочка не пользовалась ими только потому, что считала речь излишеством. В один миг Сафка поняла все это и сразу приняла, как должное. Без всякого протеста она стояла и невидящим взглядом смотрела на свою рабыню с Равнин. Никто не дал девочке никакого имени. Все звали ее по предполагаемому месту рождения, и всех это устраивало. Она не привлекала к себе внимания. Наместник не удостоил ребенка даже взглядом.

Девочка переменила позу, змея скользнула вперед, ее голова легла на маленькие раскрытые ладони. Глаза обеих, и ребенка, и змеи, были бледно-золотыми, и казалось, что они светятся.

Сафка решила, что девочка предлагает ей змею, подносит ее, как подарок, со всей ее ужасающей силой. Может быть, все и впрямь было так. Сафка прикоснулась к своему счастливому браслету и попятилась. Брызги фонтана прохладным поцелуем легли на ее плечо.

— Она не сделает ничего дурного, — сказала девочка.

Сафка уже открыла рот, чтобы закричать, — и не закричала. Ее сердце гулко забилось, она шагнула вперед и приняла змею с рук девочки в свои собственные.

Она была тяжелой, одновременно влажной и сухой — ни с чем не сравнимое ощущение. Сафке казалось, что поднялся каждый волосок на ее теле, но не от страха, а от чего-то другого. Она вздрогнула, но тут же расслабилась. Змея слегка сжала ее кости, и Сафка осознала все величие ее силы, которая не могла причинить ей никакого вреда, — ведь она находилась под защитой девочки.

«Как я могла бояться ее? — отчетливо подумала она. — Она же так прекрасна!»

Все продолжалось лишь несколько мгновений. Потом змея сползла вниз, словно утекла, оставив Сафку, которая вся трепетала, но через миг успокоилась. Змея исчезла прежде, чем девушка успела это заметить.

Сафке хотелось поговорить с девочкой, задать ей множество вопросов, но теперь та молчала, как обычно. Сколько ей лет? Она выглядела и старше одиннадцати, и вместе с тем моложе.

«Откуда ты пришла?» — снова и снова мысленно спрашивала Сафка, уверенная в том, что девочка услышит ее, если захочет, и в том, что девочке понятно: своим вопросом она имеет в виду не какую-то землю или народ, но что-то другое, более определенное.

Однако девочка, как поняла Сафка, не ответила.

8

Засады на амланнской дороге ни для кого не были новостью и никого не могли удивить. Прошлой ночью в придорожной таверне получили не совсем обычное, но достаточно серьезное предупреждение, из которого все стало понятно. Если отвлечься от проблем, то само по себе место было красивое — холмы, поросшие густой высокой травой, спускались прямо к дороге. Люди выскочили словно из-под земли, подобно демонам, крича для пущего устрашения, и обрушились на всадников и пять грохочущих фургонов.

Однако фургоны оказались полны обнаженных мечей. Кровь брызнула и запачкала винные бочки и тюки шелка, с которых сбились защитные покрышки из шкур овара.

Рэм извлек меч из путаницы чьих-то кишок, ударом кулака отбросил тело прочь и тут же отвесил следующему разбойнику такого пинка, что тот кувыркнулся через голову, перелетел через фургон и нашел свой конец под острыми копытами зеебов.

Схватка закончилась. Тела разбойников лежали вдоль дороги, кое-кто свешивался с фургонов. Троим или четверым удалось улизнуть, и теперь они продирались сквозь густые заросли на склоне холма, причем тому, который карабкался последним, даже удалось прихватить кое-какой товар.

— Вот этот, — показал Рэм. — Сними-ка его оттуда.

В воздухе просвистело копье, и разбойник замертво свалился в траву. Остальные даже не оглянулись и вскоре исчезли из виду.

В прежние времена, еще пару лет назад, по этой дороге можно было ездить, не опасаясь подобных приключений. Однако с тех пор, как Вольные закорианцы вошли в проливы между Дорфаром, Оммосом и Ланном, несколько пиратских кораблей бросили якоря в гавани Амланна, а их команды устраивали наземные вылазки. То же самое творилось близ южных портов Элира. Таким образом, торговый путь в столицу перестал быть столь безопасным, как прежде. Любой ценный груз, ушедший от закорианцев, становился добычей ненасытных ланнских грабителей.

Однако Рэм неплохо знал обычаи разбойников — ему и самому когда-то доводилось грабить на больших дорогах. Организуя сопровождение столь ценных грузов, какие лежали сейчас в фургонах, он обеспечивал себе полную финансовую независимость. Под его началом ходило два десятка отчаянных и сообразительных головорезов, и он мог бы нанять и больше, возникни в этом необходимость. Может быть, это было меньше, чем те пятьдесят человек, которыми он командовал в Кармиссе, под Саламандрой лорда Кесара. Но дела сложились так, что возвращаться туда не имело ни малейшего смысла. В любом случае Кесар больше не нуждался в нем. Шесть лет назад по Истрису прокатилась чума, и как ни оберегали принца-короля Эмела, он все же заразился и вскоре умер. Менее чем три месяца спустя короновали Кесара эм Ксаи. Он взял себе двух королев — шансарскую принцессу из дома Сузамуна и висскую женщину.

Но все это происходило в другом мире. Сюда новости доходили с опозданием и вызывали лишь слабые отголоски эмоций.

С той далекой поры минуло восемь лет, плюс месяцы жары и власти Застис. Сейчас тому ребенку должно быть чуть меньше девяти. Однако не было оснований предполагать, что девочка осталась в живых. Впрочем, невзирая на это, все эти восемь с лишним лет Рэм пытался разыскать ее и ту девушку, Беринду, кочуя по Ланнелиру с севера на юг и обратно, но не находя никаких следов.

Рэм продолжал заниматься охраной торговцев, которой с самого начала занялся именно потому, что этот промысел давал ему возможность путешествовать по всему Ланну, но сейчас он уже перестал понимать, зачем продолжает поиски. Может быть, просто по привычке. Девочка не могла остаться в живых. Неизвестно где, ветер гулял над ее маленькими косточками, а ее необычная взрослая душа, должно быть, парила над ними.

Радовало Рэма лишь то, что за все эти годы с ним не случилось ни одного видения.

Иногда ему вспоминалась Лики, и он гадал, живет ли она по-прежнему с торговцем пенькой или сменила его на кого-нибудь другого. Даже память о Дорийосе порой пролетала по мыслям Рэма, как опавший лист. Но думать слишком часто о Кесаре он себе не позволял.

— Рэм, у этой грязной свиньи есть золотые пряжки. Они тебе нужны?

— Нет. Делите между собой все, что найдете.

Люди занялись дележом, обыскивая трупы перед тем, как оттащить на обочину. Рэм оставлял за собой такие следы по всему Ланну. Кто-то поднялся по склону холма и подобрал товар, который пытался унести грабитель.

Потом фургоны снова двинулись в путь. Охрана, соблюдая полный порядок, прятала обретенное добро и попивала вино до самого города.

Король и королева жили в Амланне, во дворце с красиво расписанными стенами и пятью башнями, связанными между собой. Раз в несколько месяцев они выходили на лестницу, усаживались в кресла из слоновой кости под небольшими зонтиками и в окружении стражи и знати вершили правосудие для всех, кто в нем нуждался. Этот обычай, тоже пришедший из Ваткри, Вардата и Тарабанна, смущал Рэма. При всей симпатии к правителям его солдатское сознание ясно видело возможную опасность. Ему так и мерещился убийца, притаившийся на лестнице, между красными и голубыми колоннами. Меж тем для народа гибель владык обернулась бы большой печалью. Брат и сестра, согласно ланнской традиции, оба они были молоды, прекрасны и справедливы.

Всего за две улицы от Дворцовой площади имелась неплохая таверна. Когда Рэм вошел, помещение озарял желтый свет, несколько жонглеров перебрасывались факелами и колокольчиками, и все дышало уютом.

Рэм устроился в темном углу на месте, оставленном специально для него, и сидел, потягивая ланнское вино в ожидании заказанной еды. Здесь он должен был встретиться с торговым агентом. Фургоны отправились на склады товаров, и уже разнесся слух о засаде и о том, каким отчаянным храбрецом показал себя Рэм из Кармисса. За приключение в дороге полагалась дополнительная плата, и он радовался за своих людей. Что же до него самого, то он разглядывал темное вино и размышлял так, как позволял себе лишь изредка, — о том, почему занимается тем, чем занимается, о никчемности своей жизни и отсутствии других путей. Рэм твердо знал, что в его жизни не было ничего такого, что заслуживает особого внимания несуществующих богов или даже его собственного.

Подняв голову, он увидел двоих, входящих в таверну. Они остановились, чтобы посмотреть на жонглеров, и по таверне пронесся легкий разноголосый шумок, означающий, что эти двое — важные персоны.

Рэм с любопытством принялся разглядывать вошедших. Старшего из них он не знал. Это был ланнский Вис средних лет, однако крепкий, как человек, которому довелось повоевать, и с исключительной координацией движений, которая угадывалась даже тогда, когда он стоял спокойно. Он был одет исключительно изящно, чтобы не сказать — экстравагантно, и в отличие от большинства амланнских мужчин, носил очень длинные волосы, как было принято в старину. Рэм много раз бывал в Амланне и мог узнать большинство придворных в лицо — он часто встречал их неподалеку от дворца, а город был не так уж велик. Однако вошедший не вызвал у него никаких воспоминаний.

В этот миг один из жонглеров прошелся колесом и встал на ноги перед гостем. Тот рассмеялся и бросил ему обязательную монету, затем двинулся вперед по просторной комнате, поглядывая по сторонам. Тут и там поднимались приветственные чаши, и он благодарил легким наклоном головы. Второй гость шел рядом с ним, улыбаясь, с гордым и важным видом.

Этот второй был юношей лет девятнадцати. Едва взглянув на него, Рэм уже не мог оторвать глаз. Юноша был полукровкой с матово-смуглой кожей, светлее, чем обычно у Висов, и волосами чернее воронова крыла. В глазах его ободок из темной бронзы окружал топазовую сердцевину. В общем, до смерти красив...

Вскоре оба гостя оказались у стола Рэма.

— Добрый вечер, — заговорил старший. — Мы не помешаем твоему обеду, если устроимся здесь?

Рэм продолжал вглядываться в незнакомца, сидя в тени колонны. Он уже готов был ответить что-нибудь неподобающее — но тут таверна внезапно перевернулась и встала вниз головой.

Перед ним по-прежнему сидел мужчина, только теперь он был на тридцать лет моложе, а юноша исчез, и все вокруг было залито солнечным светом, в котором клубились пылинки.

— Прошу прощения, — осторожно произнес Рэм, — похоже, вы меня знаете, но я...

 — Яннул Ланнец. Мы служили вместе, ты и я.

Таверна вновь вернулась на место. Рэм сглотнул. Как быстро на этот раз...

— Что случилось? — спросил гость с несколько озабоченным видом.

— Вас зовут... — Рэм торопливо прокашлялся. — Яннул.

— Я предпочел бы отрицать это, но вижу, что ты узнал меня.

— Яннул Ланнец, один из капитанов героя Ральднора.

— Когда-то был, — видимо, приняв это за разрешение, Яннул присел к столу. Юноша сделал то же самое.

— А говорят, что вы в Дорфаре.

— Тоже был когда-то, а теперь тут. Вот мой сын, он родился здесь. А ты — Рэм эм Кармисс, охраняющий караваны, который когда-то был солдатом короля Кесара.

— Откуда вам это известно?

— Я спрашивал о тебе кое-кого. То, как ты разделался с разбойниками на дороге, выдает хорошую школу обращения с оружием. А сегодня днем ты задержался, я так считаю, чтобы поднести костяные шпильки богиням.

Подошел слуга.

— Кувшин вашего лучшего вина, я плачу, — бросил Ланнец.

— Господин, если вы окажете нам честь, платит таверна...

— Если я буду слишком часто оказывать вам честь, вы окажетесь на улице. Возьми деньги. И за еду для этого господина тоже.

Слуга удалился.

— Чего вы хотите? — спросил Рэм.

— Мой сын, — коротко ответил Яннул.

Рэм взглянул на улыбающегося юношу и снова перевел взгляд на Яннула.

— Не понимаю.

— Ты видишь, что творит Вольный Закорис. Через год или около того разразится страшная война, и ее не миновать.

— Если вы так говорите, значит, вам что-то известно.

— Да, кое-что. Лар-Ральднор, который сидит рядом со мной, хочет, когда наступит подходящее время, набрать войско и отправиться к Верховному королю в Анкиру.

— Повелитель Гроз, без сомнения, будет благодарен за такую поддержку.

Яннул, прищурившись, смотрел поверх головы Рэма, словно что-то отыскивая взглядом.

— Мой отец считает, что я мог бы отправиться, будь у меня хоть небольшой запас боевых навыков, — вдруг произнес юноша, и голос у него оказался под стать внешности. — Это возможно. Он сам научил меня многому, но мне нужно больше. Мы хотели спросить, не могли бы вы...

— Оставить прибыльное дело, чтобы натаскивать тебя в искусстве убивать. Так, да?

Юноша по имени Друг Ральднора — никак иначе его звать и не могли — взглянул в глаза Рэму.

— Я знаю, что убийство — это не игра. Отец выучил меня этому, как и всему остальному. Но новое королевство Йила эм Закориса в Таддре — всего лишь база, и всему миру известно...

— Нет, — снова перебил его Рэм. — Прошу прощения, но нет.

Принесли вино. Яннул поднял кувшин, но Рэм накрыл ладонью свою чашу.

— Выпей, — сказал Яннул. — Мы еще разговариваем.

Рэм позволил вину пролиться в сосуд.

— Я считаю, что разговор окончен. Вы можете купить другого учителя для своего сына.

— Где, здесь? Здесь нет даже армии.

— А шансарцы?

— Они неистовы в сражении. Это не лучший вид боя — если человек не рожден для такого неистовства, он неминуемо будет убит.

— Он не хочет, чтобы я уходил, — вставил Лар-Ральднор. — Я только что пытался его уговорить. Что ж, если вы отказываетесь, я справлюсь сам.

— Ланн — вполне приятное место, — заметил Рэм.

— Он перестанет быть таким, если однажды ночью придет Вольный Закорис и захватит его.

Яннул выругался.

Рэм понял, что отец видит в сыне самого себя, такого же неукротимого духом, как тот молодой капитан, который рядом с Ральднором эм Анакир сражался со всей ненавидящей мощью Виса. Что-то странное проснулось в душе Рэма. У него никогда не было сына, к добру или нет, но ему не было дано испытать подобные чувства. Но сейчас впервые за последние пятнадцать лет ему захотелось знать своего отца или, по крайней мере, его имя.

В противоположном углу Рэм заметил торгового агента, с разинутым ртом глядящего на Ланнца. Яннул перехватил его взгляд и поднялся со скамьи. Поднялся и юноша. Он больше не протестовал, но казался чересчур спокойным.

— Если вдруг переменишь свое мнение — здешний хозяин знает мою усадьбу и дорогу к ней. Всего четыре мили от Амланна, и виноград у нас замечательный. Подумай об этом еще раз.

Волки на склоне скользили по льду, выхватывая друг у друга какие-то клочья. Рэм знал, что это такое. Ребенок.

Рядом с ним стоял Кесар и смотрел на волков. «Это ничего не значит для меня», — сказал он.

Волки лежали, завывая. Кровь проточила во льду дымящиеся канавки. Кесар исчез. На его месте теперь стоял сын Яннула и мягко говорил:

— Ничего страшного. Это просто сон.

Рэм проснулся весь в соленом поту, словно выплыл из ланнского океана. Его знобило, хотя ночь была жаркой.

Уже несколько лет ему ничего не снилось, хотя поначалу сновидения стали для него кошмаром. С того самого первого утра в Ланне он стал просыпаться от того, что видел во сне, как исчезли девушка и ребенок. В то утро, не найдя их, Рэм прошел по холмам и встретил людей из маленькой деревушки, которые возвращались с охоты на волков. Они взяли его с собой и позаботились о нем. Однако им не встречались ни женщина, ни младенец. Скорее всего, во время снегопада на них напали волки. Воображение быстро дорисовало картину, и больше он никого не расспрашивал.

Съедена заживо — это хрупкое, совершенно беспомощное создание...

Рэм встал с постели, подошел к окну и взглянул на Амланн, на его поздние огни, на пять башен дворца.

Сын Яннула, возникший в его сновидении, — вот что было необычно.

Сын Яннула... В возрасте этого мальчишки Рэм сворачивал шеи для того, чтобы воровать кошельки. Лар-Ральднор хотел научиться сворачивать шеи для того, чтобы спасти мир.

Вернувшееся этой ночью безумие с видениями потрясло Рэма. Он думал, что уже навсегда освободился от него. Странным было то, что в этот раз у видения имелся какой-то смысл. Кем он был в тот момент на бурлящей площади, краем глаза видя за спиной черные джунгли, каким человеком, который служил с Яннулом? И где? Ответ был очевиден и уже в силу этого невозможен: он был Ральднором, сыном Редона и Ашне'е, Ральднором эм Анакир, мессией Равнин.

Дни шли за днями, а работы все не было. Никто не отправлял товары в порт Амланна. Отдельные караваны уходили на юг, но у них имелась своя постоянная охрана. Пятеро из людей Рэма попросили отставки и ушли в том же направлении — в Ланнелире их ждали семьи. Что до другого дела — неустанных безрезультатных поисков, — то сейчас во дворе таверны напротив Рэма стоял человек.

— Я слышал, что вы ищете следы женщины и ребенка, господин.

— Да, это так.

— Я свернул со своего пути, чтобы зайти сюда.

— Не сомневаюсь.

Наступило продолжительное молчание, после которого обескураженный человек произнес:

— Далеко на севере живет кармианская женщина.

— Да?

— У нее есть ребенок около семи лет, смешанной крови и очень хорошенький.

Рэм не пошевелился. Ему и прежде рассказывали подобные истории, часто попросту лгали. Иногда это заставляло его сдвинуться с места, однако он никогда не находил того, что искал.

— И этот ребенок — мальчик, — сказал он.

— Нет, девочка.

— Вы разговаривали с этой женщиной?

— Да. Но я не сказал ей, что вы ее разыскиваете.

— Как она вам показалась?

— Немного глуповата, — отозвался человек. — Медлительная. Но, в общем, добрая. А ребенок просто сияет.

Рэм почувствовал, как напряглись его мышцы.

— И вдобавок прихрамывает, — сказал он.

— Ребенок? — нахмурился человек.

— Или женщина, — невозмутимо добавил Рэм.

Человек облизал губы и решился:

— Да, господин.

Рэм рассмеялся. Так было лучше, чем напускать на лицо мрачно-отсутствующее выражение, перенятое от Кесара. Человек, который немного знал о том, что разыскивает Рэм, но не был в курсе подробностей, еще побормотал что-то, нахмурясь, но вскоре поспешил исчезнуть.

Рэм прогулялся по улицам, по рынку, отстраненно взглянул на дворец. Когда-то Яннул, капитан Ральднора, проскакал всю дорогу по глубокому снегу, чтобы уговорить своих короля и королеву, бывших тогда еще детьми, заключить союз Ланна с Равнинами.

Говорили, что Яннул женился на женщине Равнин. А теперь у них вырос славный сын, который хочет отправиться в Дорфар.

Дорфар. Земля дракона. Теперь земля богини.

Улицу перешел молодой человек, на миг показавшийся Рэму похожим на сына Яннула. В последнее время Лар-Ральднор занимал слишком много места в сознании Рэма. Даже ночью оно не отвлекалось ни на какие другие образы. Рэм был осторожен. Юноша находился в том возрасте, в котором появляется чувственность, порой подавляемая, а порой подпорченная. А Рэм за всю свою жизнь (за исключением нескольких подвернувшихся случаев) не делил компании ни с кем, кроме тех, кто делал это за плату...

Однако прошли еще ночь и еще день, прежде чем он узнал дорогу и выехал из Амланна, направляясь к усадьбе Яннула.

Этот дом ничуть не походил на простую деревенскую ферму, скорее его можно было назвать виллой, выстроенной, как решил Рэм, на дорфарианский лад. Его окружали голубоватые холмы, так же, как окружали они все в Ланне, а вдали за домом в лучах восходящего солнца мерцали горные вершины. Возле дома раскинулись плодовые сады и виноградники. В долине, по которой бежал ручей, паслось стадо оринксов, многие из которых плескались в воде. Из небольшого загона выглядывали зебы, а по внутреннему двору с пронзительными криками бегали серые бисы, хлопая крыльями и вытягивая длинные шеи.

— Великолепно, — произнес Яннул, встретив Рэма в прохладе дома. — Мы здесь рано завтракаем. Ты успел как раз вовремя.

Они обменялись несколькими ничего не значащими фразами и сели за обеденный стол. Равнинная жена Яннула, в платье под цвет своих волос, говорила тихо, но так и сияла. Она помогла двум служанкам накрыть на стол, а потом села за него вместе с семьей. Лар-Ральднора не было — он ушел на охоту за диким котом, который уже несколько раз нападал на стада оринксов. Второй сын Яннула был намного моложе и удался в мать — весь золотистый, лишь глаза черные. Он внимательно прислушивался к разговору и без всякого смущения участвовал в нем. Судя по всему, он очень тянулся к старшему брату.

Яннул и Рэм закончили этот день, сидя на террасе и играя в ланнскую настольную игру. Когда почти совсем стемнело, Яннул помог слугам зажечь светильники. Высоко в небе уже горела Алая звезда.

— У меня создалось впечатление, что мать часто била тебя, — заметил Яннул после того, как Рэм выиграл первую партию.

Рэм застыл.

— Прости мою бесцеремонность, — извинился Яннул. — Просто я заметил, как ты вздрогнул, когда мальчик в четвертый раз потянулся за сливами, и Медаси шлепнула его по руке. Обычная шутка, ласковый шлепок, не более того.

Рэм растерянно промолчал, а Яннул продолжил:

— Ей сейчас тяжело. Она любит обоих сыновей, но Лар-Ральднор ее первенец. Мы даже не надеялись, что Медаси сможет выносить ребенка после всего, что ей пришлось пережить в старом городе, в этих Равнинных руинах. Очень долгое время у нас не было никого. Поэтому он и она часто бывают нежны друг с другом, словно любовники... я не имею в виду наши ланнские обычаи, любовь и близость совсем не одно и то же. Если он уедет в Анкиру, она зачахнет. И в то же время она хочет, чтобы он отправился туда и сражался против наползающей тьмы. Но, конечно, она очень боится. Мы ведь помним, на что это было похоже.

— А на что это было похоже?

— Ты хочешь, чтобы я в двух словах рассказал тебе всю историю войны?

— Хотя бы попытайтесь.

— Как ты думаешь, почему я здесь прячусь? — вздохнул Яннул. — Год я воевал, после этого долгие годы играл в политику в Дорфаре. С меня хватит. Однако я вовсе не рассчитывал, вернувшись, превратиться в памятник ланнскому героизму. — К лампе подлетел мотылек, чтобы погибнуть в ее пламени, но Яннул, с величайшей осторожностью и ловкостью жонглера, которым когда-то был, перехватил его и выпустил обратно в ночь. — Ральднор придумал лучше. Он просто исчез.

— Почему?

— А почему бы и нет? Он исполнил все, о чем его просили, потеряв при этом все человеческое в себе. Он стал богом. Боги же либо уходят в запредельное, либо низвергаются. Либо исчезают. После него остался сын, Ральданаш Ваткрианский, нынеш-

ний Повелитель Гроз. Был еще один сын, но дорфарианцы что-то сделали с ним или попытались сделать. Его мамаша была дурой и сукой. По-моему, тот ребенок умер.

По телу Рэма прошел холодок. Ему вновь представились волки, рвущие...

— А что ты скажешь о последней битве под Корамвисом? — спросил он. — Колдовство, землетрясение, вмешательство богини? Что из этого правда?

— Правда и неправда здесь перемешаны. Я могу рассказать тебе кое-что о жителях Равнин. Можешь мне поверить, они не принадлежат этому миру. Однако это относится не ко всем из них. Медаси не такая. Когда мы выбили драконью гвардию Амрека из города руин, я думаю, только она стояла между мной и безумием. Я пришел туда, не ведая печали, в надежде на справедливость. Я умел убивать, и это удавалось мне без труда. Потом мне стала понятна суть жителей Равнин. — Блеск в глазах Яннула погас, точно он всматривался в далекое прошлое. — Я помню, как они ходили по заснеженным улицам после избиения гарнизона Амрека — те самые люди, которых мы пришли спасать от тирании. Они были похожи на молчаливых волков, их глаза сверкали, как льдинки, — в них не было ничего человеческого. Тогда моя душа ослабела. Прежде я никогда не видел такого. Люди второго континента совсем другие, по сути, это светлые Висы. Но эманакир — это только они. Их можно встретить в Зарависсе, в Дорфаре. Они почти сплошь белые — волосы, кожа, даже желтые глаза бледнеют и горят ледяным огнем. — Яннул усмехнулся. — Так вот, о последней битве под Корамвисом. Через посредство Ральднора они осознали в себе Пробудившуюся Змею. Висы в Корамвисе тоже осознали, что это такое. Эти люди вызвали землетрясение силой своей воли, хотя, может быть, это россказни. Но тогда нам так не казалось. Нас должны были победить, и никакие неожиданности не представлялись возможными. Даже выманив их армию из Корамвиса, мы были обречены на уничтожение. Что ж, если победа силой оружия была невозможна, пришлось призвать на помощь иные силы. Они хотели жить. Мы тоже. Это было что-то вроде молитвы — без слов, но воздух на многие мили был так напряжен, словно кто-то непрерывно дергал за какие-то незримые нити. Единственным нашим шансом было чудо. И чудо случилось, Корамвис пал. А что до явления богини — да, было и оно, однако ему есть вполне разумное объяснение.

На гребне ближайшего холма появились горящие факелы. Охотники возвращались домой.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Рэм.

— В потаенном подземном храме близ Корамвиса стояла гигантская статуя богини. Землетрясение подняло ее в воздух. Она была достаточно большой и яркой, чтобы мы увидели ее с огромного расстояния, даже сквозь дым и сумрак. Потом она упала в озеро в низине. Вот и все.

Спустя полчаса на террасу вошел Лар-Ральднор с двумя хвостами диких котов, хищников, которые зверски убивали оринксов, но никогда не ели их мяса.

— Я даже не думал, что вы согласитесь, — произнес юноша, вступая в свет лампы, и с нескрываемой радостью взглянул на Рэма.

«Как он радуется возможности отправиться в Дорфар», — подумал Рэм, ответив Ральднору усмешкой.

Боевые занятия оказались самой легкой частью его жизни. Так он занимался с большинством всадников охраны, находившихся в его распоряжении, да и сам постоянно упражнялся, едва для этого представлялась возможность, гоняя своих людей или в одиночку. А Лар-Ральднор, выносливый и сильный юноша, привычный к охоте и верховой езде, с раннего детства обучавшийся у Яннула самым разным акробатическим трюкам, проявлял способности и интерес к новым упражнениям и видел в них смысл. Сам Яннул обучался в Зарависсе, чья Воинская академия славилась не меньше, чем аналогичные заведения в Элисааре, Кармиссе и Дорфаре. Более того, его наставником был жестокий закорианец, уроки которого считались одними из лучших. Сам Яннул считал себя чересчур старым для того, чтобы передавать кому-либо свои навыки. Однако его сын, с которым занимался Рэм, был отнюдь не новичком и нуждался скорее в шлифовке своих умений.

Но и все остальное было легко. Слишком легко. Домоправитель принял Рэма в общий круг, надев ему на голову что-то вроде обруча, означающего право входить в дом.

В усадьбе Яннула Рэм чувствовал себя как дома, хотя какой-то частью себя старался отстраниться от излишних удобств и душевной близости с домашними. Однако он привязался даже к Медаси с ее замечательной улыбкой — такой она была скромной и простой. Однажды, войдя на террасу, он увидел их с Яннулом — они стояли, взявшись за руки и склонив головы так, что соприкасались лбами, словно юные любовники. Увидев Рэма, они не отпрянули друг от друга в смущении, а просто разняли руки, продолжая улыбаться друг другу.

Не возникало проблем и с Застис. Никто не запрещал ему короткие поездки в Амланн, а в тамошнем Городе Наслаждений тоже имелся Оммосский квартал. Он постарался со всей мыслимой вежливостью избежать общения с тремя юными служанками, предоставленными Яннулом в его распоряжение, которые заигрывали с Рэмом с самого его приезда. В городе он находил другие объекты для удовлетворения своих желаний.

Однако Рэм подозревал, что Яннулу известны его пристрастия, и занятия с юношей не должны были иметь к этому никакого отношения. Сын Яннула был впечатлительным и благородным. Рэм дал себе слово соблюдать предельную осторожность.

Лар-Ральднор встречался с девушкой из соседской усадьбы. Возможно, ее родители надеялись на брак дочери с сыном капитана героя. Девушку же и юношу заботили лишь их ночи под Застис, пылающей над холмом.

Нередко, возвращаясь под утро из Амланна, Рэм видел, как Лар-Ральднор спускается по склону холма. Возможно, это было для юноши своего рода скрытностью. В такие минуты Рэму одновременно делалось очень легко и невыносимо тяжело.

Практика в ударах и захватах, соприкосновение железных или деревянных мечей — или просто кожи — все это было невинной физической провокацией, доступной Рэму. Нагрузки, если они достаточно велики, хорошо лепят мышцы. Обычно они сражались, обнаженные по пояс, благо здесь не было излишне приличных дам, которых это могло шокировать. Однако в настоящем бою спина, руки и ноги, как правило, защищены доспехами, значит, требовались и занятия в настоящих доспехах.

Лар-Ральднор собирался уехать по окончании месяцев Застис. Ему предстояла долгая дорога в Дорфар через элирианский порт Хлика. Это дело было уже наполовину решено. Уже ушли письма, разумеется, адресованные самому Повелителю Гроз.

Медаси подолгу смотрела на старшего сына, и ее лимонные глаза в эти мгновения были такими застывшими, словно слезы замерзли на них.

Однажды утром на подсохшей грязи вокруг загона бисов обнаружились волчьи следы. Ни одна из птиц не пропала. Никто из животных не поднимал ночью шума. Тем не менее было решено выследить незваных гостей. В такой близости от города волки в Ланне обычно делались прожорливыми и беззастенчивыми ворами. Кроме того, у них хватало хитрости и осторожности, чтобы не попасть в западню.

Яннул, вместе со слугами занятый заготовкой леса, послал двоих из них в усадьбу, чтобы подготовиться к охоте. Он выбрал людей, опытных в таких делах, угрюмых, но не выказавших неудовольствия. Увидев, как они седлают зеебов, Лар-Ральднор тут же решил, что сегодня вместо упражнений с мечом отправится на охоту.

— Присоединяйтесь ко мне, — предложил он Рэму. — Вы охотились на волков в Кармиссе, не так ли?

Рэм действительно охотился на волков в истрисских холмах в одну чересчур долгую зиму и даже ел их мясо. Однако вот уже восемь лет волки были для него чем-то иным — воплощением ужаса, ночным кошмаром. Даже здесь, в доме Яннула или на перинах амланнского Города Наслаждений, ему несколько раз снился тот самый сон.

Но невзирая на это, они взяли зеебов, оружие, еды в кухне и вместе с людьми Яннула отправились на охоту.

Собака сразу взяла волчий след и не теряла его всю дорогу, однако он оказался слишком длинным. К полудню они проскакали немало миль вверх и вниз по холмам, но нашли лишь одну покинутую пещеру.

На землю спустилась жара. Охотники заехали в лес, чтобы подкрепиться в тени деревьев. Двое слуг ели с сонным видом. Даже собака отдыхала, прикрыв глаза и вывалив язык. Пока солнце так пекло голову, двигаться дальше было бесполезно.

Среди деревьев под холмом обнаружилось большое чистое озеро. Прежде, чем он сам осознал, что делает, Рэм уже плыл по нему вместе с юношей. Легкий завтрак не мешал им, но вскоре оба перевернулись на спину и отдались во власть воды, то закрывая глаза, то поглядывая на солнце сквозь листву.

— Этот волк должен быть где-то поблизости, — сказал Лар-Ральднор. — Мы выйдем на него еще до захода солнца, — и тут же прибавил: — Я еще ни разу никого не убил сам, и доволен этим. Конечно, сейчас это нужно и будет сделано, но мне это неприятно. И об убийстве людей я думаю то же самое.

— Людей убивать легче, — отозвался Рэм.

— Вы хотите сказать, что люди глупее животных?

— Нет. Но убивать их легче.

— Может быть, вам и в самом деле легче, — произнес юноша после долгого молчания.

Разговор прервался. Тишина стояла такая, что в воде было нетрудно заснуть.

Наконец Лар-Ральднор поплыл к берегу. Рэм видел его загорелое тело, золотую полосу среди темных деревьев. Властное плотское желание заставило Рэма снова пуститься вплавь, ныряя и выныривая. Он не собирался выходить из воды, пока не утихнет зов Застис. Но тот опалял его не хуже солнца.

Когда в конце концов Рэм выбрался на берег, Лар-Ральднор лежал на животе с закрытыми глазами, подложив под голову скрещенные руки. И вдруг, когда он подошел к своей одежде, раздались проклятья, сделавшие бы честь солдатским казармам в Истрисе.

— ...Анак! Кто это с вами сделал?

— Что именно?

— Следы от кнута на вашей спине. От кнута с шипами.

Рэм совсем забыл об этом. Прошло так много времени с тех пор, как кто-то последний раз обращал на это внимание. И этим «кем-то» был Дорийос...

— Восемь лет назад на службе у моего короля я заснул на посту, — ответил он, смутившись про себя и удивляясь горечи, прозвучавшей в его словах.

Без предупреждения — он не услышал, как подобрался к нему Лар-Ральднор, — Рэм ощутил на своей спине теплую и ласковую руку юноши. Не приглашение — самое обычное прикосновение, сопереживание...

— Не надо, — не успев взять под контроль свою реакцию, Рэм оттолкнул его.

— Прошу прощения, — голос юноши дрогнул. — Вам же не было больно, правда?

— Нет, не было.

Рэм торопливо оделся. А Лар-Ральднор за его спиной так и остался обнаженным.

9

За одним холмом открывался другой. Они толпились друг за другом, а дальше виднелись горы.

Рэм вернулся обратно через лес, кивнул слугам, играющим в кости, вскочил в седло и поехал прочь. Он намеревался дать себе полчаса, а потом снова вернуться. После этого все должно было пойти своим чередом.

Одна из гор двигалась. Точно огромный корабль, она плыла к нему, закрывая собой горизонт. Ее вершину уже несколько часов озаряли лучи предзакатного солнца. Ниже, в скалистом склоне холма, зияла черная дыра — может быть, волчье логово? Нет, не оно.

Неподалеку в полях виднелась хижина. Неожиданно из нее вышла женщина. Казалось, она заметила его — помахала рукой и поспешила навстречу. Она двигалась, кокетливо покачивая бедрами, но когда она приблизилась, он мгновенно заметил, какая она грязная, старая, жалкая и вдобавок явно душевнобольная.

— Не хотите ли заглянуть ко мне в дом?

Мир раскололся, как разбитое зеркало. Видение по кускам исчезало.

— Не хотите ли заглянуть ко мне в дом?

Он снова обрел нормальное зрение. Он видел далекие горы, незыблемо стоящие в прежнем порядке, холмы, озаренные послеполуденным солнцем. Пещера исчезла, но ни поле, ни хижина, окруженная плодовыми деревьями, никуда не делись.

— Господин! — позвала его женщина. — Господин?

Женщина тоже никуда не делась. Однако она вовсе не была ни старой, ни грязной. Ее взгляд был прямым и располагающим, а черные волосы стягивал красный шарф, украшенный бусинками.

Рэм глянул на нее внимательнее. Ее приветливость не была наигранной. Но еще более естественным показалось ему то, что внезапно приветливое выражение ее лица сменилось ужасом. Она повернулась и с криком побежала прочь от него.

Из хижины выскочил звероподобный верзила. Он пробежал по полю, женщина бросилась к нему, а он поймал и крепко обнял ее, нехорошо глядя на Рэма.

— Что ты с ней сделал? — прорычал человек-зверь. — Она ничем не могла тебе повредить. Она должна была предложить тебе гостеприимство, вот и все. Прочь отсюда!

— Я не знаю, почему она закричала, — ответил Рэм. Холмы медленно двигались, однако сейчас причиной этого было не видение — просто у него кружилась голова.

— Наверное, ты ударил ее. Он ударил тебя, Беринда? — с неподдельной нежностью спросил хозяин хижины. — Ты только скажи мне, а уж я его проучу!

Холмы перестали двигаться. Теперь они врезались в небо, будто ножи.

Рэм спешился и направился к мужчине.

— Она удивила меня своим криком. Может быть, у меня чересчур свирепый вид? Но неважно. Она ведь кроткая, не так ли? — Этим мягким словом в Ланне называли слабоумных. Услышав его, мужчина немного смягчился, хотя и не утратил защитного пыла.

— Что ж, какая есть. Но мне она вполне подходит. Она нарожала мне целый выводок детей, и ни один из них не слаб на голову.

— Мои извинения, — Рэм подошел ближе и протянул горсть монет, но мужчина оттолкнул деньги. Они были не так уж желанны для жителей холмов, чаще здесь использовался натуральный обмен. И все же примирение состоялось.

— Видишь, Беринда, ты ошиблась. Теперь улыбнись, сердечко мое, улыбнись ради меня.

Беринда с готовностью посмотрела на него и улыбнулась во весь рот.

Рэм столько лет искал ее — а теперь не узнал. Хотя она-то вспомнила его, точнее, какую-то мрачную тень из своего несчастливого прошлого. Конечно, он был причиной того ужаса, который она испытала. С ним было связано падение с корабля, ледяная вода, неприветливый берег... А теперь она жила здесь, где ее любили и ценили, всего в одном дне езды от Амланна. Все эти годы...

— Беринда? Кармианское имя.

Мужчина лишь махнул рукой — его это не волновало.

Вместе они направились к хижине, где она родила целый выводок детей. Был ли один из них...

Нет. Боги могут дать много, но не более того.

— Беринда, — негромко позвал Рэм. Она повернулась к нему, и он улыбнулся ей, дружелюбно, но не выдавая себя. Похоже, она уже забыла, что он значил в ее жизни.

— У нас есть вино, — сказала она. — Сладкое вино из спелых груш.

— Она редкая мастерица принимать гостей, — мужчина тоже улыбнулся, гордясь ее хозяйственностью.

Рэм забыл про волка, про охоту и даже про сына Яннула.

Он сидел в чистом маленьком домике, куда то и дело вбегали и снова выбегали двое детей — странно, что он не слышал их звонких голосов, спускаясь по склону холма. Еще один малыш ползал в тряпье, а четвертого ребенка Беринда кормила грудью.

Именно такой он видел ее в последний раз — кормящей младенца. Но теперь у нее на руках лежал другой младенец. Ни один из ее детей не был тем ребенком.

Беседа никак не завязывалась, время текло медленно, однако хозяева не собирались указывать ему на дверь. Сам же он не мог уйти. В конце концов у них с хозяином нашлась тема для разговора. Рэм упомянул о том, что оказался здесь, выслеживая волков. После этого случилось нечто странное: мужчина бросил взгляд на свою жену и ответил:

— Да, здесь в округе есть волки, но нам от них нет никакого вреда.

Когда солнце стало клониться к закату, мужчина потребовал ужин. Она со смехом положила сопящего младенца и побежала готовить еду, сама словно ребенок, забавляющийся с игрушками. Однако, когда на столе появился ужин, все было очень вкусно, — но Рэму все равно кусок не лез в горло.

— Угощайтесь, — подбодрил его муж. — Мы не так бедны, как кажется.

Но он не мог есть, так же, как не мог уйти. И самое главное — не мог расспросить ее о прошлом.

Тени сгустились, и Беринда зажгла огонек над бурой плошкой с маслом. Муж ее лег спать. Женщина взяла на руки младенца, остальные дети сбились в кучу возле ее юбок, словно голуби, ждущие зерна.

— Расскажи сказку про волков, — попросила старшая девочка.

Рэм, закаленный в схватках, привыкший жить в нескольких шагах от смерти и прекрасно владеющий собой, ощутил, как замирает у него сердце.

Беринда начала рассказывать.

Она делала это так, как делают дети, не всегда связно, — он же видел отчетливые картины. Появились образы, навеянные ее бормотанием, звуки и запахи, все вместе. Все...

Когда над ней на скале появился белый волк, словно вылепленный из снега, она закричала, но помощь была далеко, и никто ее не слышал.

Спустя мгновение волк направился к ней. Она попыталась бежать, однако волк и его сородичи легко догнали ее и окружили плотным кольцом. Все это время она не выпускала ребенка, и все это время, пока она кричала, плакала, пыталась бежать, падала на колени, младенец оставался спокойным. В конце концов волки стали легонько подталкивать Беринду, и она поняла, что ей надо подняться на ноги. Так она и сделала. Они снова начали подталкивать ее, и она догадалась, что они хотят увести ее в какое-то другое место.

Объятая ужасом, она повиновалась. Слюна капала из волчьих ртов, пачкая ее одежду. Так они и шли, спускаясь, поднимаясь, кружа, пока волки не привели ее к пещере. Это было волчье логово, здесь они жили и сюда приносили добычу. Однако начался дождь, а в пещере можно было укрыться от дождя. Беринда вошла в пещеру, села и тут же погрузилась в дремоту.

Когда она очнулась, волки лежали рядом с ней. Некоторые из них спали. Тепло их тел приятно согревало ее. Она уже почти не чувствовала неприятного запаха, ударившего ей в нос, когда она входила. Беринда выросла в трущобах Ксаи и провела свои первые годы среди отвратительных человеческих запахов, порождаемых нуждой и болезнями. Но сами волки не пахли ничем, они были здоровыми зверями. Вот в чем была разница.

Позже в пещеру пришли другие волки, и Беринду снова охватил страх. Что, если вновь прибывшие не проявят к ней

такого внимания, как первые? Однако казалось, что волкам нет до нее никакого дела. Более того, они принесли добычу, которую разорвали на части с рычанием. Ей тоже поднесли кусок сырого мяса. В первый день она не могла его есть, но на второй день голод взял свое, и когда ей опять что-то принесли, она поела.

Потом она кормила ребенка, сидя в их кругу. Волки, похоже, проявляли уважение к этому занятию, некоторые внимательно наблюдали, виляя хвостами, как собаки.

Через некоторое время, подталкивая и дергая за одежду, они показали ей дорогу к ручью. Когда пришла весна, освобождая землю от снежного плена, Беринда нашла подо льдом опавшие плоды и съела их. Она предлагала плоды и волкам, и те ели их из ее рук.

Она испытывала благодарность за тепло, которое они дарили ей холодными ночами. Ее успокаивала их жизненная сила. Она уже давно забыла все свои страхи.

Для «кроткой» Беринды все это не было дико. Как прозрение, к ней пришло осознание того, что она и волки — это что-то одно. Она воспринимала происходящее с детской невозмутимостью.

Ребенок, тоже принятый в братство, спокойно лежал в середине пещеры или спал на руках у Беринды под слабыми лучами солнца на склоне холма. Иногда она даже ненадолго оставляла ребенка с волками, полностью доверяя им.

Когда пришло лето, четверо волков показали ей, что они покидают пещеру, и она с ребенком должна идти с ними.

Ей было жаль уходить, но зов летнего волчьего гона передался и ей, и она не пыталась повернуть назад. Они направлялись на юг. (Этого не было в ее рассказе, но иначе быть не могло. Расстояние, которое они прошли, впечатляло.)

В течение всего пути волки кормили и сопровождали ее, как обычно. Из ее рассказа можно было понять, что волки стали ей приятнее, чем люди. Порой она даже забывала, что сама человек.

Поэтому, когда однажды один из волков привел ее на такое место, откуда была видна деревня в окружении засеянных полей, у Беринды не возникло желания идти туда. Однако волк явно хотел дойти до деревни, так что они отправились вместе, играя по дороге — подкрадываясь друг к другу в густой траве. Ребенка она оставила на склоне холма.

Вскоре волк и Беринда оказались в толпе народа. Люди кричали, одни разбегались, другие швырялись в волка всем, что попадется под руку. Волк убежал. Беринда тоже хотела убежать, но ее схватили и затащили в ближайший дом, чтобы она нашла убежище в деревне.

Напрасно пыталась она освободиться, напрасно пыталась объяснить людям, как ей нужно уйти за волком, к своему ребенку. Слишком сбивчива была ее человеческая речь, и ее причитания приняли за простую истерику. Потом, когда коренные области Ланна стали такими, какими они были теперь, ее, наконец, поняли и поверили ей — но было уже слишком поздно. Волки и ребенок исчезли навсегда. Она с криками и плачем бегала по холмам, звала их, но не слышала отклика. С нее начисто смыли волчий запах, в ее руках больше

не было любви. Беринда рыдала на улице и спала под открытым небом, отвергая всякое участие.

Тут-то ее и нашел мужчина. У него не было ни семьи, ни жены, и близился восход Застис. В Беринде его привлекло не только непривычное кармианское очарование — возможно, его тронула глубина ее отчаяния. Каким-то образом ему удалось пробиться к ее душе, может быть, благодаря осторожной заботе, предназначенной лишь ей одной.

Она вошла в его дом, поначалу очень робко. Однако он, несмотря на зверовидный облик, и в самом деле был хорошим человеком. А потом случилось чудо, какое однажды сотворил для нее Кесар, даже лучше, потому что на этот раз ребенок родился живым. Ее руки вновь наполнились любовью.

И вот теперь она жила здесь, ее блестящие глаза переполняло счастье, а вокруг губ от смеха разбегались веселые морщинки.

— А когда ты снова нашла меня? — спросила старшая девочка, заглядывая в лицо Беринде.

Видимо, это был обычный вопрос. Смуглая девочка верила в то, что именно она была ребенком, унесенным волками, который чудесным образом вернулся в материнское лоно и родился во второй раз.

— Когда моя утроба снова наполнилась, в ней была ты, — из ответа Беринды можно было понять, что сама она думает точно так же.

— А где же я была до этого?

— Летала в воздухе, — ответила Беринда и рассмеялась вместе с детьми.

Что-то в последней фразе приковало внимание Рэма, несмотря на все, что он услышал. Душа, рожденная воздухом и томящаяся в ожидании, — это напоминало дорфарианское поверье о том, что некоторые души возвращаются на землю в еще не рожденных детях от их плоти, либо в детях их кровной родни. Отсюда брала начало безумная традиция Повелителей Гроз, провозглашавшая наследником не старшего, а последнего сына, зачатого королем перед смертью. Традиция, которая дала Ральднору эм Анакир право на трон Корамвиса.

Смуглая девочка посмотрела на Рэма, безошибочно угадав, что он внимательно слушает и верит всему невероятному, что рассказывает мать.

— Зимой волки приходят к нашей двери, и мы кормим их, — сказала она. — Прямо с рук. Мы не боимся, и они нас не боятся.

Он поверил и этому. Все встало на свои места. Кормить волков как домашних животных было уже сущим пустяком.

— В поле кто-то есть, — произнес старший мальчик.

Беринда повернулась и безмятежно выглянула в дверной проем.

Рэм вышел из дверей и на фоне лилового неба, которое на востоке окрасилось малиновым в отсветах поднимающейся звезды, увидел всадника, держащего под уздцы второго зеева.

— Рад, что отыскал вас, — сказал Лар-Ральднор. — Мы так и не нашли волка, хотя здесь повсюду чувствуется волчий запах. Собака прямо-таки обезумела от него, — лицо его при этих словах было неподвижно, как камень.

— Долго ли ты искал меня?

— С тех пор, как нигде не увидел вас после купания. Собака помогла.

— Но ведь отсюда не так уж далеко... — неуверенно начал Рэм.

— Около двух часов верхом. Мы искали дольше, кружили, я пытался заставить собаку идти по вашему следу, не отвлекаясь на волчий.

— Я и не думал, что заехал так далеко.

— Конечно, нет.

— А где люди твоего отца?

— На том же месте. Я думаю, нам надо скорее уезжать отсюда. Они сильно напуганы.

— Мне кажется, что ты напуган еще больше.

— Что такого я сделал, чтобы обидеть вас? — произнес Лар-Ральднор после паузы, опустив глаза.

— Ничего такого ты не делал. Дай мне еще минуту, и я отправлюсь с тобой.

Перемена настроения юноши смутила Рэма — он словно увидел себя со стороны в своих попытках закрыться от всего, что может (или не может) случиться.

Он чувствовал себя опустошенным. Теперь даже забота о юноше не имела для него особого значения, но все еще оставалось что-то, ради чего он был обязан сдерживаться.

Рэм вернулся в хижину, может быть, ради того, чтобы попрощаться с хозяевами, как любой случайный путник. Однако все, казалось, уже забыли о его существовании. Старшая девочка играла волосами матери, остальные дети и сам хозяин спали.

Покинув их, Рэм вскочил на зееба и двинулся вверх по склону рядом с очень учтивым и очень рассерженным сыном Яннула.

Все кончилось. Но в том числе кончилась и уверенность в смерти, и каким-то образом это ощущение было связано с легендами. Ребенок мог остаться в живых. После того, что рассказала Беринда, такое вполне можно предположить. Однако в этой земле ему приходилось слышать о тех, кого люди называли «волчьими детьми». В Кармиссе тоже были подобные легенды, может быть, они были везде. Истории о сиротах, воспитанных волками, которые сами становились волчатами — выли, как волки, бегали и охотились с ними.

Значит, если девочка выжила, то теперь она стала тем, кем стала. Вероятнее всего, бдительные охотники наткнулись на нее, когда она пыталась утащить овцу или оринкса — а может, и человека, — и убили. Давным-давно.

Конечно, он может попытаться продолжить поиски, но даже если он найдет ее, девочка останется волком.

Восемь погибших лет. И после этого — такой итог...

Все кончилось.

В холмах они устроили что-то вроде стоянки, поспали немного и отправились дальше. За всю дорогу Лар-Ральднор с Рэмом не обменялись и словом. Говорить было не о чем. Поиски, которыми занимался Рэм, оставались его личным делом.

Едва на рассвете в поле их зрения появилась усадьба Яннула, он осознал, *что* может случиться дальше. Был только один шаг, которым можно как-то отвратить это.

— Наверное, они беспокоятся, — сказал он Лар-Ральднору. — Может быть, нас даже искали этой ночью.

— Пожалуй.

— Это моя вина. Я прошу прощения. Я поговорю с твоим отцом.

— А вам не кажется, что я сам могу с ним поговорить? — резко ответил Лар-Ральднор, и Рэм впервые услышал металл в его голосе.

— Как тебе будет угодно, — пожал он плечами.

— Ему больше незачем учиться у меня, — сказал Рэм Яннулу чуть позже. — Вы сами уже достаточно вложили в него. Так или иначе, в нем есть сила духа, и у него светлая голова. Мне думается, вы ожидаете от Ральданаша, что он поставит вашего сына командовать. Что ж, мальчик справится с командованием лучше, чем кто-либо другой.

— И все это ты выяснил во время вашей несостоявшейся охоты на волка? — спросил Яннул, поднося ему чашу вина. Рэм поблагодарил, сел, но не обратил внимания на вино.

— Вы и без того щедро заплатили мне. Не стоит выбрасывать деньги, если в этом нет нужды. А для партнерства в поединках ему хватит того молодого слуги... забыл, как его зовут.

— Ты настроен против моего сына, — сказал Яннул. Он говорил серьезно, не спеша. Рэм ничего на это не ответил, с беспокойством глядя на дверь. — Я знаю о твоих пристрастиях, но мне казалось, что его они не коснутся.

— Мой лорд, — холодно отозвался Рэм, — он воссияет для вас в Дорфаре, как яркий факел. Но у меня есть свои дела в Амланне...

— Я доверяю тебе, — перебил его Яннул. — Отчего же ты не доверяешь сам себе?

Рэм замер. Все вокруг застыло.

— Или ты считаешь, что столь хорошо воспитанный юноша не сможет достаточно громко сказать «нет»? — продолжал Яннул. — Он сможет сказать «нет», Рэм. В моем сыне нет оммосской крови.

У Рэма перехватило дыхание, словно его ударили.

Имя Оммоса, узкого клочка земли, когда-то жестоко попиравшего Равнины, давно уже имело отвратительное значение — мерзость, отбросы. В то же время в этом краю существовал культ близости мужчины с мужчиной, поэтому его имя стало привычным обозначением порока мужеложства. Логично и нелогично. Люди Равнин ненавидели Оммос. Яннул тоже должен был его ненавидеть. Для него он был сплошным извращением и грязью.

— Я лишь высказываю свое мнение, — вновь заговорил Яннул. — Подумай. Ты совсем недолго живешь в моем доме, рядом с моим сыном. А мне все было известно с самого начала.

Дух Рэма был сломлен, он чувствовал себя побежденным.

— Да, большая честь, — произнес он. — Что ж, будьте довольны тем, что я останусь.

— Если ты останешься, я стану считать это своей победой.

— Почему же, во имя богов?

— Есть причины. Ты мне кого-то напоминаешь. Может быть, мою молодость и все, что в ней было наилучшего и наихудшего.

Не видя ничего перед собой, Рэм направился к двери.

— Нет, — через силу сказал он. — Я не приму вашего предложения. До сих пор я принимал все, но теперь не могу. — Он хотел еще что-то сказать, но не смог подобрать нужных слов. Ему вспомнилась давняя порка в Истрисе, дом Лики, рвота от боли, когда он стоял перед ней, не в силах совладать с собой. Здесь было почти то же самое. А кроме этого, не было ничего. Товарные фургоны и голодные, как волки, разбойники, ночи Застис, проведенные в домах простых радостей. Теперь ему не светила даже рассветная звезда ребенка, ему оставалось только идти, не зная куда, без надежды, в пустоту.

— Рэм, — окликнул его Яннул.

— Я уже принял свою долю побоев, — отозвался Рэм. — Так же, как принимал все побои до сих пор. От Кесара. От защитников Лики с их жирными руками. Пинки самой Лики и ее проклятый кипяток...

— Что ты сказал? — переспросил Яннул.

Рэм усилием воли приказал себе молчать. Сорвался, надо же...

— Ничего, — уронил он, уже подходя к дверям.

— Я расслышал имя Лики.

Почему бы не ответить? Он никогда не говорил о ней, но сейчас уже наговорил слишком много для того, чтобы что-то скрывать.

— Женщина, которая была моей матерью. Она блистала при дворе Корамвиса и была любовницей какого-то Дракон-Лорда. Но в дни моего детства все это было уже в прошлом — и она отыгрывалась на мне. Она все время била меня. А зачастую это за нее делали ее приятели, чтобы поберечь ее нежные кулачки, — он опять помолчал. — Судя по всему, мой отец бросил ее. Понятия не имею, почему. Но я никогда не знал его, и это мой позор.

Он повернулся и уже вышел во двор, когда услышал крик Яннула.

— Подожди, во имя бездн Эарла!

Что-то заставило Рэма оглянуться.

Яннул стоял в дверном проеме, его лицо стало серым, невзирая даже на темный цвет кожи. У Рэма промелькнула мысль о внезапной болезни. Тем не менее он очень спокойно отозвался:

— Правда, мой лорд. Вы не можете сказать мне ничего, что вынудит меня сейчас остаться здесь.

— Ничего? А если я скажу, что ты сын Ральднора эм Анакир, бога и героя, истинного Повелителя Гроз всего Виса? — На лице Яннула появилась усмешка. — Это может вынудить тебя остаться?

* * *

С аллеи, обсаженной кустами, на террасу залетали светляки. Рэм, который на самом деле был Рармоном, сыном Ральднора, сына Редона, стоял, наблюдая за ними.

Разговор длился целый день. Он был ошеломлен и в конце концов почувствовал оцепенение, будто от очередной порки. Такое оцепенение наступало перед агонией. Ему рассказали все, что только можно. Слишком много. Он был переполнен новым знанием. Не иметь ничего и неожиданно получить *такое*...

В конце концов, наверное, боги все же существуют где-то и, если верить сказаниям, играют с людьми в свои настольные игры.

Лики. Как часто она бормотала себе под нос о своем страстном любовном приключении с членом королевской семьи. Любовница героя Ральднора, которая утомила его. Он предпочел ей нареченную невесту короля. Спустя год Лики вступила в заговор против его жизни — так ненавидела она Ральднора эм Анакир, отца своего сына.

Отчего эта сука никогда не говорила ему об отце? Из-за своей злобы? Или она слишком тяжело переживала это? Для такой женщины, как его мать, эта история должна была стать очень сильным ударом, за который она тяжело поплатилась.

После того, как все было сказано и сделано, Ральднор охотно позволил забрать от себя этого сына — зачатого без желания и отринутого вместе с женщиной. Может быть, как сказал Яннул, богиня использовала Ральднора, задушив в нем все человеческое и заставив выполнять свою волю. Но даже если это так, Ральданаша в Ваткри он завел с любовью и с определенной целью. Бастард же, рожденный Лики, не значил для него ничего.

Вот она, ступенька на гладко вымощенной дорожке. Рэм знал об этом. Все его тело напряглось, но вскоре напряжение схлынуло. Он прекратил сражаться с собой.

— Я могу уйти с террасы в один миг, — произнес Лар-Ральднор.

— Не сомневаюсь.

— Если вы хотите остаться в одиночестве...

— Мы все и всегда в одиночестве.

Лар-Ральднор («названный так в честь моего отца!» — пронеслось в голове у Рэма) рассмеялся своим серебристым смехом.

— Все тот же Рэм, несмотря ни на что. — Юноша сделал шаг и остановился неподалеку от Рэма, но все же не рядом с ним. — Должен ли я теперь называть вас «мой лорд»?

Рэм ничего не ответил на этот выпад.

— Что вы собираетесь делать? — Лар-Ральднор был настойчив.

— Ничего. Мало что изменилось.

— Изменилось все, и вы это отлично знаете.

— Об этом знают только я и твоя семья.

— Мне кажется, что отец знал это с самого начала, — сказал Лар-Ральднор. — В тот первый вечер, когда мы вернулись домой, он сказал мне: «Этот человек похож на Ральднора. То, как он вел себя перед Анак, делает ему честь». Я думаю, отец ждал вас, чтобы

вы дали ему ключ к разгадке тайны, даже если сам он не до конца понимал, в чем эта тайна.

Рэм наблюдал за светляками. Он чувствовал себя молодым и испуганным, словно вернулись его пятнадцать лет. Слишком поздно для того, чтобы принять этот груз. Он должен был знать обо всем с самого начала — или не знать никогда.

— У вас есть полное право поехать со мной в Дорфар, — снова подал голос Лар-Ральднор. — Представьтесь Повелителю Гроз от имени моего отца, а я смогу все подтвердить. Ральданаш приходится вам сводным братом. Вы хотя бы видели его?

— Наверное, нет, — отозвался Рэм. Он направился прочь вдоль террасы, но сын Яннула последовал за ним.

— Поедем со мной в Анкиру, Рэм, — настаивал Лар-Ральднор. — Там не просто война, там происходит что-то совершенно особенное. Это место не похоже ни на одно другое место на земле из-за того, чем оно было, и из-за того, что там теперь. Вы должны его увидеть. Походите по этому городу. По законам Дорфара вы ничем не угрожаете положению Ральданаша, ведь вы — первенец, пусть и незаконный... ох, простите! Однако вы — часть легенды, существующей в этом мире.

В красочных выражениях Рэм объяснил, куда он готов засунуть эту легенду.

— Путь до Хлики займет четверть месяца. Еще шесть дней — через море до Зарависса. Дорога в Дорфар отсюда представляется мне длиннее любой другой. — Рэм оглянулся и оказался лицом к лицу с юношей. — Как ты думаешь, за все это время я смогу удержаться от того, чтобы протянуть к тебе руки? Мы можем закончить этот путь заклятыми врагами.

— Видимо, я чего-то не знаю... — Лар-Ральднор выглядел растерянным.

— Если твой отец знает обо всем, должен знать и ты. Сможешь ли ты быть готовым к неожиданным поворотам и достаточно громко сказать «Нет»?

— Я люблю отца, — ответил Ральднор. — Люблю и доверяю ему во всем. Он тратит на меня много времени и способен подолгу говорить со мной — но все-таки не все свое время.

— Ты хочешь сказать, что способен отнестись к себе как... как к моей подстилке?

— Нет. Этого я не говорил.

Занятый собственными мыслями, Рэм посмотрел вдаль.

— Когда моя мать была моложе, чем я сейчас, — произнес юноша, — она убила человека. Он — ваш отец — заставил ее сделать это своей мысленной речью и силой своей воли. Это случилось, когда освобождали разрушенный город на Равнинах, захваченный Амреком. Она никогда не забудет об этом.

— С этим надо что-то делать.

— А что? Никто из нас не знает, что таится в нашей крови, в душе, в сознании. Но мы обязаны понять, на что мы способ-

ны — или не способны. Не надо всю жизнь бороться с этим, но не надо и отпускать это на волю. Это как дыхание, Рэм. Если оно нам нужно, мы дышим и не задумываемся об этом. Так лучше — не задумываться.

Светляки повисли на кустах, словно крохотные фонарики в дворцовом парке.

— Поедем со мной в Анкиру, Рэм, — повторил юноша после долгого молчания.

Волк, который оставил следы вокруг загона бисов и так измучил охотников в тот памятный день, больше не возвращался. О нем никогда не вспоминали. Даже спустя много лет, если заходила речь о нем, его называли исполнителем воли Анакир, Ее посланцем. Один лишь Рэм никогда не позволял себе говорить о нем в таком духе.

В конце концов небольшой отряд отправился из усадьбы под Амланном в Дорфар еще до захода Застис.

На холме разыгралась сцена между Лар-Ральднором и его ланнской девушкой, обвинившей его во всех грехах. Было сказано все, что обычно говорится в таких случаях. Они расставались, и даже торопливая близость не смягчила их горечи. Медаси вела себя куда более сдержанно. Она не плакала, хотя слезы стыли в ее глазах. Да и у самого Яннула глаза увлажнились.

Рэм ничего этого не видел. Он ждал своих попутчиков в городе. Это расстояние было для него не только географическим, но и психологическим.

10

Они еще не успели выехать из города, когда он забурлил от избытка новостей. Все эти новости были такого свойства, что, едва успев попасть в гавань Амланна, тут же становились известны всем жителям города и успевали долететь до самых его окраин. Черный Леопард Закориса-в-Таддре разорил берега Кармисса и Оммоса. Кесар эм Кармисс собрал флот в Истрисе и готовился дать достойный отпор бесчисленным Вольным закорианцам. Пиратских кораблей насчитывалось уже около пятидесяти — целый флот, хотя, возможно, это число было завышено. Они отступили от юго-западных берегов Кармисса, переключившись на грабеж оммосского Карита, города, который когда-то пытались взять, но не взяли ваткрианцы.

Флот Кесара, выстроенный в согласии с давними традициями Висов и использующий шансарское знание моря и кораблей, тоже неимоверно возрос и по количеству, и по мощи. Создавалось впечатление, что он готовился к этому дню все последние семь лет, пока Дорфар, гнездо Равнинных победителей, пребывал в дремоте.

Впрочем, как водится среди людей, эти сплетни воспринимались как далекие от ланнской жизни или проходили по разряду излишне дурных прогнозов. Морские сражения — еще не война, по край-

ней мере, живущих на суше она не касается. Однако все это предвещало ужасное продолжение. Кармисс, Оммос и даже восточный Дорфар могли противостоять главному удару, но под силу ли им выгнать закорианцев из ланнских вод? Побережью Ланна угрожала серьезная опасность. Несмотря на мелкие победы, порт Амланна оставался чрезвычайно уязвимым и представлял собой лакомый кусок для пиратов. В один отнюдь не прекрасный день на рассвете королевская гвардия вышла из города в порт — скорее наблюдатели, чем реальные защитники. А уже в полдень гавань и дорога в порт были обстреляны.

Рэм успел узнать большую часть этого, еще сидя в таверне. Когда он встретился с Лар-Ральднором, они почти не обсуждали сложившееся положение — так, перебросились парой фраз. Юноша был в курсе дел, но его мало беспокоило то, что он покидает город в столь тревожное время. И сам он, и даже его слуга разделяли мнение Рэма, что боевой флот Истриса выполняет свои задачи весьма умело, и разбитые Вольные закорианцы скорее нанесут удар по восточным окраинам Дорфара, которые ближе к их дому, — если у них еще остались силы наносить удары где бы то ни было.

Рэм считал, и не без основания, что Кесар эм Кармисс попросту не предпринимает никаких действий, пока не будет уверен в их полном успехе. Слухи гласили, что король сам командует своим флотом. Что ж, у него уже имелся кое-какой опыт в этом деле.

Казалось, что грозная тень войны отдалилась в никуда за раскаленные дни и запредельные ночи их путешествия на юг. По мере их продвижения эта тень блекла сама собой. Когда они достигли Ланнелира, слухи о неминуемой войне поддерживал лишь караван, к которому они присоединились, и слухи эти были столь фантастичны, что почти никто не верил в их правдивость.

* * *

Непредвиденная помеха обрушилась на путников, когда они добрались до Ольма.

Разъездные обязанности Рэма уже пару раз приводили его в этот небольшой городок. Пять лет назад он даже провел несколько дней, объезжая здешние предгорья. Он тогда разыскивал очередную лже-Беринду, однако когда нашел ее, она оказалась полукровкой, как и ее дочь. В этих местах его беспокоил неистребимый дух Зора, старого забытого королевства с его черноволосой висской версией Ашары-Анакир.

На сам Ольм он тогда обратил мало внимания, как, впрочем, и на этот раз. Однако по городку таинственным образом разнеслась весть, что в его ворота въехал сын самого Яннула. Так что не успели они как следует расположиться в таверне, как появился гонец и передал им просьбу наместника перебраться в его более чем скромный дворец.

В бархатисто-темном небе мерцали искры звезд и багровела Застис.

Ужин был подан в парадном зале дворца, в крыше которого открыли отверстия — через них виднелось небо и поступал свежий воздух.

С каким-то легким удивлением Рэм осознал, что его истинная суть так и осталась известна лишь ему самому, и его позабавило то, что за этим длинным столом он сидит на куда более низком месте, чем Лар-Ральднор. Женщина, которую усадили рядом с ним, была младшей, незаконной дочерью наместника. Это было странное создание — то непроходимо упрямое, то глуповато-капризное и переменчивое, словно застигнутое в разгар причудливого изменения внешности и сути. Кое-кто шептал, что в ее жилах течет кровь дорфарианских аристократов, однако ее мать была простой незнатной ланнелирской женщиной. Мысли девушки блуждали где-то далеко от зала, и Рэма это только радовало.

Проникнувшись тем, о чем говорилось на усеянной светляками террасе Яннула, и соблазнившись этим в своей претензии на самоконтроль, Рэм стал еще больше беспокоиться, пытаясь обрести покой. Невозможно — однако есть вероятность, что все-таки случится, притом совершенно неожиданно... Тут было от чего растеряться. И одновременно ему дали понять, что чрезвычайно ценят его как человека и как друга.

А впереди ждал Дорфар, цель, заполнившая его внутреннюю пустоту, которая образовалась после прекращения поисков ребенка Кесара. Дорфар приводил его в замешательство, но при этом обещал что-то неясное, какое-то вознаграждение за всю пережитую боль.

Он с головой ушел в самокопание. Скучный обед и необщительность леди Сафки весьма способствовали этому.

Прежде чем гостям показали их спальни, в зале состоялось представление. Это было запутанное аллегорическое действо о победе Ральднора эм Анакир над Повелителем Гроз Амреком. В нем то и дело появлялись разнообразные боги и вестники судьбы, один неубедительнее другого.

Сын Яннула сидел рядом с привлекательной законной дочерью наместника. К всеобщему удовольствию, молодые люди были заняты друг другом и уделяли мало внимания ужасающе нудному действу. Зато леди Сафка выглядела очень заинтересованной, чем немало изумила Рэма. Вскоре он понял, что ее внимание поглощено лишь одним человеком — девочкой-полукровкой лет двенадцати.

Считалось богохульством играть роль самой Анакир, поэтому девочка воплощала некую символическую идею, сидя во время всего представления на маленьком позолоченном троне. Она была одета как ланнская жрица, с головой, окутанной молочно-белой вуалью, открывающей лишь ее высокий лоб и обведенные краской глаза. Рэм сидел слишком далеко и не мог разглядеть их цвета, однако прядь волос, выбившаяся из-под вуали, была темной. Но самым интересным в ней были две живые змеи, которые оплели ее обнаженные белые руки, извиваясь и скручиваясь в кольца. При этом девочка не

выказывала ни малейшего отвращения. Висы, даже полукровки, даже те, кто поклонялся богине, всегда избегали прикасаться к змеям, так что было понятно, почему девочка оказалась в такой роли.

Может быть, именно по этой причине Сафка так взволнованно наблюдала за ней. Наверное, девочка была ее любимицей, что бы за этим ни скрывалось. Рэм заметил, как на пальце девочки сверкнуло кольцо, то ли золотое, то ли янтарное.

Наконец представление завершилось, и вскоре все смогли отправиться спать.

Рэм пожелал спокойной ночи своей необщительной соседке. Видимо, его сочли слишком незначительной персоной, чтобы предложить девушку для постели. Однако темный коридор, ведущий к предназначенной ему спальне, освещал слуга, идущий впереди Рэма с факелом.

Неожиданно впереди, откуда-то со стороны, появился еще один огонек. Это оказался небольшой бронзовый светильник, свет которого выхватил из темноты тонкое белое лицо с опущенными глазами, все еще обведенными краской. Сейчас девочка была без змей, хотя руки ее оставались обнаженными. Ноги ее тоже были босы, а голову и лицо больше не скрывала вуаль.

Рэм решил, что девочка — попросту служанка, идущая с чьим-то поручением, и больше не обращал на нее внимания. Но когда он поравнялся с ней, тонкие пальцы коснулись его ладони, и он непроизвольно сжал в ней какой-то маленький предмет.

Без единого звука девочка исчезла. Рэм знал это, даже не оглядываясь.

Только оставшись один в комнате, он разжал ладонь. Там оказалось колечко с ее пальца. Оно было янтарным, гладким, прозрачным, как вино Равнин, и еще хранило тепло ее руки. И от него исходил некий странный внутренний трепет, словно оно было живым. Рэм тут же уронил кольцо на пол, будто прикоснулся к одной из ее змей.

Чуть позже он понял, в чем дело. Так призывала его леди Сафка. Видимо, кольцо, выданное служанке на время представления, впитало в себя зов Застис.

От всей души он пожелал избегнуть этой ловушки. Едва ли было удобно отсылать кольцо обратно и огорчать ее. Пожалуй, лучше забыть его где-нибудь, к примеру, во дворе. Скорее всего, дворцовый слуга, который найдет вещицу, не отважится присвоить ее.

Все, что могло в нем заключаться, было простейшим магнетизмом, которым янтарь обладает даже сам по себе. Или еще чем-то, исходящим от Звезды, взятым взаймы отголоском ее силы.

Рэм разделся и лег в постель. В голове у него была полная пустота.

Сафка... Какое-то знание, относящееся к ней, или к тому, что произойдет с ее участием, почти лежало в руках, но не давалось, ускользало, металось, как путаница света и тени.

Рэму снились белые волки, бегущие по холмам с янтарными склонами. За ними ехал на колеснице человек, одетый во все черное. Правой рукой он держал поводья, а в левой у него был хлыст с золотой рукояткой, постепенно превратившийся в змею.

* * *

— Где ты была? — спросила Сафка девочку с Равнин, когда та вошла к ней в спальню.

Девочка кротко взглянула на нее и покачала головой. На языке жестов, которым они пользовались между собой, это означало, что вопрос не требует ответа.

— Мне не хочется, чтобы ты показывалась в зале, — произнесла Сафка.

Виновен в этом был один из ее братьев. Он вошел к ней в комнату без предупреждения и сразу же увидел девочку.

Ему немедленно захотелось уложить ее к себе в постель. Ялеф любил совсем юных женщин, обеим его женам едва исполнилось тринадцать лет. А эта девочка была столь утонченна — она уже умела держаться и двигаться так, как может не всякая придворная дама. И куда изящнее, чем Сафка, ее сестра и обе жены Ялефа, вместе взятые.

Сафка не знала, сколько лет девочке, однако не сомневалась, что та еще не достигла брачного возраста. Когда Ялеф отмахнулся от этого довода, она попыталась напомнить ему, что белая кожа и светлые глаза — признак холодной крови эманакир. Она также поставила его в известность, что девочка немая, отстает в развитии и имеет привычку брать в постель змей. Последнее обстоятельство поубавило напор Ялефа, и он отступился.

Однако когда пришла весть о прибытии сына Яннула и уже шла подготовка к приему, Ялеф вернулся и заявил, что девочка должна показать свое искусство в играх со змеями.

Сафке было нечего возразить.

В конце концов белокурые волосы снова были выкрашены в каштановый цвет по просьбе самой девочки. Она написала эту просьбу своей рукой, так что никаких сомнений возникнуть не могло. Умением писать она была обязана Сафке. Или не была... Женщина, которая занималась с ней, заметила, что девочка необыкновенно быстро выучила все буквы. Сафка, пришедшая на второй и последний урок, была изумлена. У нее создалось впечатление, что девочка с Равнин всегда знала, как следует писать, и ей нужно было лишь немного напомнить...

А сейчас девочка подошла к ней и принялась расчесывать ее волосы.

Сафка тотчас же успокоилась, ее мышцы расслабились. Она полуприкрыла глаза, поглядывая в зеркало, где плавно двигались маленькие руки и пряди ее собственных волос.

Но покой оказался недолгим. Вскоре Сафка заметила, что с пальца девочки исчезло янтарное кольцо. Кольцо подарили Сафке, и она владела им, хотя небольшие изящные украшения, прямо скажем, совсем ей не шли. Теперь же оно было потеряно или украдено. Сафка уже открыла рот, чтобы спросить, где и когда оно пропало... «Или было передано кому-то другому», — вдруг мелькнуло у нее в голове. При этой мысли губы девушки сжались в строгую тонкую линию.

Неужели она спасла девочку от Ялефа лишь затем, чтобы та заключила соглашение с кем-то другим, у нее за спиной?

Полная ревности и порожденных ею подозрений, она напряженно застыла под успокаивающими движениями гребня.

На следующее утро юный, но знатный гость отбыл, оставив старшую дочь наместника досматривать сны в постели. Возможно, результатом этой ночи станет ребенок — в таком случае это будет гордость для всего Ольма.

Сафка, в которой темперамент преобладал над всеми остальными свойствами, швырнула через всю спальню глиняную вазочку, с мрачным удовольствием услышала, как та разбилась, после чего громко приказала подать носилки.

Тот, другой человек, друг сына Яннула, так мало интересовался Сафкой, словно она была прокаженной! Обида кипела и клокотала в ее душе. Сафка забыла ту ночь, когда огромная змея нежно обвила ее кольцами. Вместо этого ей припомнилось смертное ложе матери, отсутствие близких, отсутствие даже разговоров... Сафка стиснула браслет на запястье и приказала носильщикам прибавить шагу, погнав их, как калинксов.

Когда она вернулась, в углу наружного двора ее встретил Ялеф. Рядом с ним стоял высокий светловолосый человек. В своем внутреннем неистовстве Сафка сначала даже не узнала его — а когда узнала, сердце ее упало.

— Этот господин из Вардата сказал, что у тебя есть девочка, которую он хочет купить.

— Нет, — вырвалось у Сафки.

— Увы, — произнес Ялеф. — Я уже привел ее и отдал ему. Его слуга увел ее с собой. Здесь ее больше нет. Она не приносила тебе пользы, Сафка. Да и никому другому в нашем доме.

— Ваш брат получил ровно столько, сколько вы заплатили за нее, висская госпожа, — усмехнулся вардиец. — Двадцать парингов настоящего ольмского серебра.

У Сафки не было сил ни двигаться, ни говорить. Кто она такая? Незаконная дочь. Может быть, даже не от семени наместника. И если эм Вардат знал ее историю с самого начала, то мог с легкостью плевать на ее интересы.

Она изо всех сил старалась сдержать слезы. Ей трудно было даже представить, почему так хочется плакать. Был ли причиной этому приступ ревности, связанный с потерей чего-то, что она так и не сумела понять, — или одно лишь осознание невосполнимой потери? Но кем же, в конце концов, была эта девочка? Волшебницей, умеющей заклинать змей?

— Зачем она нужна вам? — наконец прошептала она, обращаясь к вардийцу.

— Когда я видел ее в последний раз, выяснилось, что ее висский загар — обман, маскировка для рабских торгов. На самом деле ее кожа белая, а глаза желтые. В ее жилах течет изрядная доля степной крови. Если высветлить ей волосы, она будет выглядеть без-

упречно. А степняки дают хорошее вознаграждение тому, кто вызволяет их детей от злых хозяев-Висов. В конце концов, жители Равнин — избранный народ, — усмехнулся он. — Так же, как и мы — отмеченные Богиней.

Ялеф нервничал, но вместе с тем испытывал удовольствие от переживаний Сафки. Девушка опустила голову.

«Больше я никогда ее не увижу», — думала она.

В Хлике не было ничего интересного, лишь корабли заходили в гавань и снова уходили, перевозя товары из Зарависса, Ланнелира и Ланна. На холме среди жмущихся друг к другу хижин и палаток возвышалась стройная башня из темного камня, одна из тех, что во множестве строились в Элире для наблюдений за небесами. Астрология, магия, мистика и отстраненность от мирских забот — такова была сущность Элира. Здесь не было королей, а основным ремеслом считалось производство украшений из эмали. Вассальная верность этого края (если здесь вообще знали, что значат эти слова) была навеки отдана Ланну. Храмы Элира, встречавшиеся редко, в отличие от астрологических башен, строились, на Равнинный лад, из черного камня и были очень древними.

Корабль вышел из Хлики еще до рассвета и взял курс на Зарависс.

Рэм стоял на палубе и смотрел на восход, когда в его ладони вдруг оказалось янтарное кольцо.

У этого было простое объяснение. Той ночью в Ольме он сбросил одежду на пол. Утром он вспомнил о кольце и начал искать его, в том числе и на полу — но не нашел. Лишь сейчас он понял, что кольцо закатилось в складки одежды и скользнуло в обычные для одежды авантюриста потайные ножны в рукаве, а теперь от случайного движения выкатилось прямо ему в ладонь. Воровской карман. И сам он невольно оказался вором.

Рэм взглянул на кольцо. В нем больше не ощущалось никакой жизни. Просто ободок из янтаря.

Однако у него не было никакой возможности вернуть эту вещицу в Ольм. Тогда Рэм решил отдать кольцо Лар-Ральднору — пусть подарит его какой-нибудь девушке.

Невольно в памяти всплыло кольцо с янтарем, которое он когда-то подарил Дорийосу. А из воды тем временем всплывало янтарное солнце.

Ночью он проснулся от того, что кольцо горело в его ладони, точно живой уголь. А может быть, он только вообразил, что проснулся. Так или иначе, сновидение все еще длилось. Крики, шум, красное зарево, и сквозь все это он видел мирную палубу, парус, наполненный ветром, навесы и людей, спящих под ними. На носу корабля дремал вахтенный — а сквозь него, сквозь ночь, багровую от Застис, сверкали лезвия мечей, и двери рушились с громким треском...

— Что это? — заслышав голос Лар-Ральднора, видение отступило, а затем и вовсе померкло.

Рэм был не в состоянии ответить. Неожиданно он ощутил, как его пальцы разжимаются, услышал проклятие Лар-Ральднора, и кольцо исчезло из его ладони.

Ночь прояснилась. Теперь он видел только море, небо и корабль.

— Янтарь, — произнес Лар-Ральднор. — Он горячий и красный, как уголь.

— Анкабек, — отозвался Рэм. К нему вернулось дыхание. Он слышал собственные слова и понимал только то, что их подсказывает ему кто-то другой. — Кесар выиграл сражение. Вольные закорианцы разбиты.

— Откуда вы знаете? — спокойно спросил Лар-Ральднор.

— Просто вижу. Картины, возникающие в сознании. Со мной случается такое время от времени. Я долгие годы живу с этим, но не знаю, откуда оно взялось. Может быть, от моего отца. — Рэм невидяще уставился в спокойную, безмятежную ночь. — Закорис. Побежденный, но яростный в отчаянии, как раненый тирр. И эта ярость пала не на Ланн, Дорфар или Оммос. На Анкабек.

Водон эм Закорис проиграл сражение — и вместе с ним свою жизнь, хоть и уцелел в бою.

Тридцать восемь кораблей, повернувших домой с тяжелым грузом добычи, взятой на юго-западных берегах Кармисса, оставив позади маленький, но богатый оммосский порт Карит, встретились с флотом кармианского короля, качавшимся на волнах, словно плавучий город.

Корабли Закориса-в-Таддре до сей поры оставались пиратскими, однако их паруса всегда несли символы Старого Закориса. Против них плескались паруса с кармианской лилией, а на носу у каждого развевался штандарт с алой Саламандрой — вызов против вызова. Объявив войну закорианцам, Кесар оказал им честь.

Корабли сошлись. Черные биремы с перепуганными рабами на веслах и бешеными леопардами Йила на палубах, готовыми к бою. И небольшие маневренные кармианские суда шансарского образца, легкие, как лебеди, что очень нравилось Кесару (единственное из шансарского, что вообще нравилось ему). Их гребцы сидели на веслах ради денег и славы. Пятьдесят три кармианских корабля, огромное количество огнеметных машин, чуть меньше — громадных баллист, посылающих гигантские железные стрелы на шестьдесят локтей. Эти стрелы пробивали борта, расщепляли мачты, а с более близкого расстояния с легкостью могли сделать из небольшого судна два еще более маленьких. И еще шесть громадных катапульт, одиннадцать безоткатных бомбард, плюющихся нефтью, — и почти пять тысяч бойцов на палубах.

До сих пор никто не выходил против Вольного Закориса с таким вооружением и в таком числе. Неистовые, как было известно всем, закорианцы почти всегда одерживали победу, используя

фактор внезапности, либо устраивали сокрушительный разгром, либо, на худой конец, уходили от врага с небольшими потерями. Но сейчас дело было не столько в силе и преимуществе, сколько в планомерной подготовке к решающему сражению. Почти сразу же их суда были плотно окружены. Когда заработали пиратские метательные машины, их встретили огнем заградительные орудия передовых галер, так что каждые два из трех закорианских снарядов, столкнувшись в воздухе с встречными, летели совсем не туда, куда были нацелены — многие на свои же корабли. Этот прием применялся не так уж часто, однако люди Кесара овладели им в совершенстве. Все кармианские машины были тщательно построены и прекрасно отлажены, а их ложки делались с расчетом на немалый вес снарядов. Первый удар Вольных закорианцев был отбит без труда, а затем последовал ответный залп с кармианской стороны.

Пока над морем поднимались клубы дыма, а кармианские клинки из огня и ветра разили без промаха, Водон направил свою галеру на захват королевского корабля под знаменем Саламандры, отошедшего к северу. Гибель кармианского короля могла переломить весь ход боя.

Однако судну Водона не удалось вовремя догнать Саламандру — раньше до нее добрались две другие закорианские биремы. Водон видел, как они взяли ее на абордаж — что-то уж слишком легко... В следующий миг все стало ясно — на палубе королевского корабля стояли всего лишь чучела в матросской одежде.

Шутка посреди кровавой бойни. А за ней последовала другая шутка, весьма памятная многим по событиям двадцативосьмилетней давности. Нападавшие все еще стояли в растерянности на борту «захваченного» корабля, когда Саламандра взорвалась. Корабль был начинен нефтью и теперь медленно горел. Точно так же загорелось море под Каритом в дни войны Равнин, погубив флоты Ваткри, Вардата и Шансара.

Водон бросился бежать, преследуемый горящими обломками и бегущим по воде пламенем. Два других корабля, охваченные паникой и огнем, пошли ко дну вместе с фальшивой Саламандрой. Вдобавок из произошедшего Водон сделал вывод, что сам Кесар вообще не принимает участия в сражении, и это удручило его еще больше.

Ко времени заката над морем горело лишь солнце.

В тучах дыма пять обожженных и потрепанных закорианских кораблей уходили от места сражения. Точнее, удирали — иначе это назвать не получалось. Судно самого Водона, сохранившее большую часть абордажной команды, было третьим из них. Их гнал лишь инстинкт. После такого поражения, после выказанной слабости для закорианцев не осталось места, куда они могли бы сбежать.

Они шли сквозь ночь с безумной скоростью, никто их не преследовал, однако два судна из пяти были в таком жалком состоянии, что вскоре затонули. Оставшиеся на плаву три корабля бросили гибнущих на волю океана, не переживая об их судьбе. Были и другие, скончавшиеся от ран, — эти тоже пошли на дно, прямо ко двору Рорна.

Но Рорны на корабельных носах, получившие щедрые подношения после Карита, сейчас снова были голодны.

Когда над морем занялся рассвет, бросили якорь, чтобы дать рабам передышку — не из жалости, но по необходимости. Некоторые из рабов были уже мертвы, и их тела тоже получило море. Таддрийцы, элисаарцы, отты, искайцы, корлы — вода приняла всех. Среди них был даже один раб со светлыми волосами, полукровка из Старого королевства, ныне именуемого Вардийским Закорисом.

Водон стоял на палубе с двумя своими офицерами — палубным и тем, что командовал гребцами, — и двумя их заместителями.

Все лица были отмечены печатью страшного знания. Возвращение в Закорис-в-Таддре означало потерю чести, влекло за собой забвение и мучительную смерть — таково было обычное воздаяние проигравшим. Иным выбором было традиционное самоубийство, обычный выход в непреодолимых обстоятельствах. Водон, как предводитель, обязан был казнить четверых, стоящих перед ним, а потом лишить жизни себя самого. Лишь таким путем они могли спасти от позора свои семьи, сохранив им то немногое, что у них было. По крайней мере, их имена останутся чистыми.

За ночь кораблям не удалось уйти далеко — течение подхватило их и отнесло в узкий пролив между Дорфаром и Кармиссом.

Мужчины с темной кожей стояли, глядя на волны. Волосы их были черными, чего не могло быть, плавай они в западных и южных океанах. Их обесцветила бы соль тех морей — прямое следствие близости к великому морю Эарла, где вулканы выплевывают пламя, словно рыбы — фонтанчики воды.

Наконец Водон вернулся к действительности и жестом показал, что остальные могут спуститься вниз.

— Подожди, — схватил его за руку палубный офицер.

— Чтобы быть публично выпоротым, медленно расчлененным на части и выпотрошенным? Ну уж нет.

— Ты не понял меня. Прежде чем уйти, я предлагаю тебе еще одно дело.

— Какое?

Палубный офицер показал рукой куда-то в сторону пролива.

— Нам все равно идти если не к Зардуку, то к Рорну, так давай сделаем им подарок. Разрушим одно из жилищ женской богини желтых людей. — При этих словах обожженные лица слегка оживились. — Храм Анак.

— Разве их король К'сар не защитит его?

— Никогда не слышал, чтобы он заботился о нем. К'сар хочет вернуть назад мужских богов Кармисса, а Анак жертвует одни отбросы.

Оба рассмеялись. С двух соседних кораблей донеслись сигналы вахтенных рожков.

С приливом все три корабля повернули к Анкабеку.

В лучах заката три корабля выглядели точно три зловещих тени наступающей ночи. К счастью, на острове богини отда-

вали себе отчет в том, что даже полная неприкосновенность священного места не всегда способна уберечь от вторжения. Порядок действий на этот случай был жестко определенным, и все жители острова знали его.

Прибрежная деревня молниеносно опустела. Остальные разрозненные обитатели острова были предупреждены сигнальными кострами на скалах, и к храму поспешили первые беженцы.

Приближаясь к острову, Вольные закорианцы не видели в окружающей тьме ничего, кроме этих костров, однако вид пламени, обычной приметы катастроф, лишь вдохновил их.

Причалить к Анкабску не получилось — глубина у берега не была рассчитана на осадку бирем. Корабли встали на якорь в миле от берега и спустили на воду шлюпки. Но еще задолго до того, как они высадились, все живое на острове — мужчины, женщины, дети и даже их домашние животные — укрылось в недрах храма.

Само собой, Вольные закорианцы обыскали деревню и, прежде чем лезть вверх по склону к храму, подожгли ее.

* * *

Жрица Эраз в своих золотых одеждах шла к Святилищу подземными коридорами. С тех пор, когда она последний раз нуждалась в ауре подобного облачения, прошли годы. Более восьми лет. Но одеяние все так же блестело и перливалось, да и сама Эраз казалась ничуть не старше, чем тогда, когда в этом самом золоте принимала молодого солдата из гвардии принца Кесара — Рэма, которого на самом деле звали Рарнаммон, и замысел богини лежал на нем, подобно отсвету факела. В тот миг он был посланником не просто по названию, и послание, передаваемое через него, не могло быть выражено словами либо действиями — лишь отчеканено в душе самой Силой. Эраз умела понимать и передавать веления Силы, у него же была способность воспринять их.

Жизнь его тела продолжалась, его будущее лежало на гранях незримого бриллианта, образованного скрещением планетных сил. А жизнь ее тела должна была завершиться этой ночью. Ее слегка печалило это — она привыкла и научилась любить свое тело, как вместилище и зримый облик души, обитающей в нем. Ей было странно и немного страшно представить, как она покинет тело и останется один на один со своей душой, встретившись с прежней памятью, как с кем-то незнакомым. Это был страх беспамятства — но после смерти память возвратится. Ей незачем было бояться, что, умерев, она станет чужой самой себе.

Эраз собралась с духом и прошла в последнюю дверь, ведущую в Святилище. Она вошла туда последней. Дверь тут же закрылась за ней и отлучила ее от всего земного.

Золотой занавес, скрывавший статую богини, еще не поднимался.

В зале осталось сколько-то свободного пространства, хотя здесь уже собралось все население острова — мужчины и женщины из деревни, послушники, жрецы и жрицы. Домашние животные тоже были здесь. Мычали коровы, попирая копытами древние мозаичные изображения героев, ручные грызуны сновали туда-сюда, развлекая детей.

Увиденное снова опечалило Эраз. Однако души зверей и людей не могли погибнуть. Все они должны были обрести новую жизнь, если не в этом мире, то где-то еще. Ничто не могло произойти из ничего.

Все взгляды обратились к ней, и она ощутила, как сила ее ауры касается, обнимает, окутывает их. Они не могли знать обо всем. А если бы и могли, то не способны были уверовать. Теперь ей, их духовной матери, предстояло держать в своих руках их души, подобно тому, как Анакир держит земную твердь, или тот извечный критерий, который они тоже именовали Анакир, держит все и вся в этом мире. Эраз чуть усмехнулась, но в этой усмешке не было ни капли высокомерия.

А снаружи на них уже мчался, готовый прыгнуть, Черный Леопард.

Ауру Вольных закорианцев она тоже ощущала — она была подобна наползающей грозовой туче. Смерть, душевные мучения и презрение к мукам других.

Неужели ей, Эраз, наделенной той же силой, что и Ральднор, сын Редона, и собранным здесь людям Равнин, насквозь пропитанным этой силой, суждено повторить единожды случившееся, чтобы не стать безвинными жертвами? Однако то место, где герой применил свою магию, вызвав землетрясение, разрушившее Корамвис, находилось по соседству с мощнейшим источником Силы — потаенным пещерным храмом, созданным древними предшественниками Эраз, теми, кто установил там огромную статую Богини. Именно на эту накопленную веками энергию наложилась личная мощь Ральднора. Анкабек же отнюдь не являлся местом силы, несмотря на то, что сам остров лежал на одной из тех силовых линий, которые, как шрамы кровью, набухали судьбами планеты, — той, что пролегла к Корамвису из потаенного королевства Зор.

А впрочем, она не вправе сидеть без дела, погрузившись в символьные расчеты. У тех, кто здесь, нет сил, чтобы противостоять врагам, — ни физических, ни душевных. А у их врагов силы вполне хватает — и эта сила все ближе и ближе.

Когда она подняла голову, вокруг стоял ужасающий шум.

Из толпы слышались женские крики. Здесь не было никого, кто не понимал, что за звуки доносятся снаружи: Вольные закорианцы добрались до наружных дверей храма и начали выламывать их. Имея кое-какое представление об устройстве Анкабека, они не поленились ради этой цели снять тараны со своих кораблей.

Но невзирая на это, страшный шум пока еще доносился издалека.

— Мы хорошо защищены, — начала свою речь Эраз. — Наружные двери не так уж легко вынести, хотя в конце концов их все-таки вынесут. Святилище надежно закрыто, и непохоже, чтобы закорианцы смогли пробить камень или сломать механизм, даже если им очень повезет...

Она заглянула в лица людей и поняла, что не имеет права длить их беспочвенные надежды.

— Однако им может прийти в голову сунуться сюда через территорию послушников, — продолжила Эраз. — Тамошние коридоры идут под храмом и ведут к лестнице, проходящей между внешними и внутренними стенами нашего зала. От нее нас отделяют лишь одни металлические двери. Сейчас вы все видели, как я вошла через них. — На миг она осеклась. В груди у нее холодело каждый раз, когда она заглядывала в эти лица. — Эти двери достаточно сложно устроены, и чтобы пробить их, надо знать их слабое место. Любые другие захватчики побились бы о них лбом и в конце концов отступились от сердца храма. Однако эти Вольные закорианцы — не любые другие. Впереди у них не осталось ничего, кроме смерти и позора. Они поистине безумны в своей жажде разрушать и убивать, и эта жажда не позволит им отступить. Они найдут способ пробиться к нам. Может быть, у них уйдут на это часы, но рано или поздно мы услышим, как подается внутренняя дверь, ибо вечных дверей не бывает.

Заплакали женщины. Охваченные общим страхом, заплакали и дети. Даже животные начали беспокоиться. В зале воцарился ужас. А она была обязана сказать им все до конца...

— Всем нам хорошо известно, сколь жестоки Вольные закорианцы. Но эти безжалостны даже по их собственным меркам. Для нас у них найдутся самые изощренные пытки, которые мне не под силу описать. Вспомните сами, что слышали о них. Они не пощадят никого из нас, но смерть наша будет долгой. Даже детей и зверей они убьют непредставимо ужасным образом и будут пить нашу кровь, смешанную с вином. И наконец, сожгут все, что останется. — Эраз снова осеклась, но заставила себя продолжать: — Статую Анакир вытащат, разобьют и утопят в море, перед тем ободрав с нее все драгоценности и вырвав ей глаза, а драгоценный занавес порвут в клочья, деля добычу на всех. В Закорисе-в-Таддре они будут хвастаться этими трофеями, но еще сильнее — тем, что пресекли жизнь одного из Ее воплощений.

Эраз умолкла, ожидая, пока не утихли стенания и не спустилась ледяная тишина отчаяния. В этой тишине стало слышно, как трещат наружные двери. Звук был омерзительный, он привел в оцепенение даже саму Эраз.

Жрица хотела жить сама и желала жизни всем этим людям — но не собиралась длить жизнь до того мгновения, когда раздастся такой же жуткий треск внутренних дверей. Оглядев стоящих перед ней, она ощутила, как сквозь нее течет Сила и передается от нее всем остальным.

— Души не умирают, — произнесла Эраз. — Смерти нет. Таковы законы Богини. Смерть — лишь переход. Плоть остается на земле, а душа возрождается, очищенная от всей суеты. Именно этому учит нас Богиня через свой символ и образ — змею, которая, сбросив кожу, очищается от бренного и остается жива. И мы тоже останемся живыми, живыми и прекрасными, как звезды в небесах.

Она ощущала их всех. Каждое сознание было как пламя, горящее без всякой ее поддержки. На лицах уже не было страха.

Эраз взмахнула рукой — занавес поднялся, и статуя богини предстала во всем своем величии. Она выждала, когда все обратят на нее свои взоры.

По полу расползались змеи. У них имелись свои потайные пути. Единственная жизнь на Анкабеке, которой суждено уцелеть...

Снаружи в треск подающейся двери вплетались приглушенные вопли. Ничего другого различить было невозможно, да и отголоски воплей казались абсолютно нечеловеческими.

Эраз вновь сделала жест, и к ней подошел молодой жрец с огромной чашей. Она приняла сосуд из его рук. Все взоры обратились на чашу. Тогда Эраз снова начала говорить.

Снадобье в чаше было таддрийским, однако известным и в других местах Виса. Оно приносило оцепенение и даровало смерть без боли, обращая тела в подобие камня. Те воины-Висы, что вечной стражей стояли в могилах своих королей, с очень большой вероятностью подвергались его воздействию. Сейчас оно было разведено и перемешано в такой пропорции, чтобы смерть, оставаясь безболезненной, наступила почти мгновенно. Легкий уход, подобный сну — достаточно сделать один маленький глоток из чаши.

— Если кто-то хочет отказаться от этого снадобья, — сказала она в заключение, — пусть заявит об этом сейчас. Еще осталось время, чтобы укрыться в нижних коридорах — закорианцы пока не обнаружили их. Есть небольшая надежда отсидеться в каком-нибудь закоулке и потом сбежать. Не могу вам обещать, что вас так никто и не найдет, и в любом случае этот выход доступен немногим. Но я обязана предложить вам выбор.

Из толпы донесся глухой ропот, но никто не тронулся с места.

— Тогда пусть каждый из вас, кто способен на это, подойдет ближе к Богине. Выпив сами, дайте выпить и своим животным. И не надо бояться. Мы уйдем все вместе, и наши души полетят, как стрелы, выпущенные из одного лука.

Жрец, рожденный на Равнинах, первым отпил глоток из чаши, не выказав при этом ни страха, ни растерянности. Выпив, он улыбнулся всей толпе и передал чашу в другие ладони. Какой-то миг все смотрели на него — молодого, прекрасного и спокойного, с глазами, полными света.

Чаша пошла по кругу. Висы и степняки, жрецы и жители деревни — все пили по глотку. Пили дети, маленькие ручные зверьки и домашняя скотина. Не отказывался никто. Губы сталкивались у краев чаши, и это ощущение было словно поцелуй — поцелуй смерти. Снадобье не имело вкуса — даже вкуса простой воды.

Последняя из жриц, принявших чашу, заглянула в нее — и, не выпив, поднесла Эраз. Это была совсем юная девушка с черными волосами. Она всхлипнула. В чаше остался лишь осадок на дне.

— Пей, — велела Эраз. — А потом коснись моих губ своими. Мне этого хватит, я не лгу тебе.

Девушка послушно выпила последний глоток снадобья и впилась влажным ртом в губы Эраз.

Шум снаружи прекратился. Зато из-под пола донеслось что-то вроде рокота пробуждающегося вулкана. Пиратам удалось найти подземные коридоры. Скоро они будут у внутренних дверей.

Наступил покой, пока еще хрупкий, как пыльца на крыльях бабочки. Эраз ощущала, как одна за другой гаснут искры чужих сознаний. Маленький огонек в ее собственном мозгу замерцал, дрогнул и начал меркнуть. Рядом с ней лежал молодой жрец с Равнин, уже давно мертвый, а она не могла даже повернуть головы, чтобы взглянуть на него.

Уходить из жизни было сладко, словно засыпать. Все они верили ей и тому, что лежало вне ее. Все печали уплыли прочь. Сердце Эраз было полно радости.

Наконец погасли все огоньки до единого. А затем и Эраз погрузилась в миг или век забвения, по ту сторону которого ее ждала новая жизнь.

Когда люди Водона сокрушили последнюю дверь, жажда крови, так долго сдерживаемая и отвергаемая, была единственным, что осталось в них. Каждый из них стоял на грани безумия.

Они вломились в двери с воем и боевыми кличами, задние в нетерпении напирали на передних. И вдруг все замерло.

Они ждали чего угодно, оставлявшие за собой разоренные деревни и города, вопящих женщин и устрашенных мужчин, приученные без страха смотреть на что бы то ни было — но не на *такое*.

Свет факелов тысячей отблесков отражался в мозаике на полу. В этих отблесках на другом конце зала возвышалась огромная статуя демоницы желтых людей, опираясь на хвост и вздымая змеиные плети рук. А у ее подножия недвижно застыли все жители Анкабека. Многие смотрели в глаза ворвавшихся пиратов ясным, немигающим взглядом. Их лица были спокойными, кое-кто даже улыбался.

И еще здесь были звери — на руках у детей или стоящие рядом со своими хозяевами. И дети, и звери — все смотрели спокойно...

Еще одна дверь рухнула внутрь. Еще одна волна неистовых мужчин хлынула в Святилище — и тоже остановилась на бегу, словно споткнувшись.

Прошла минута.

Затем раздался крик. Кричали Вольные закорианцы. Брошенные в панике копья упали к ногам людей Анкабека, не породив ни малейшего отклика. Лишь от движения воздуха, вызванного полетом копий, шелохнулись складки одежды и волосы нескольких женщин.

— Что это?! — выдавил кто-то из пиратов.

— Клянусь Зардуком, не знаю, — подался вперед Водон. — Наверное, какой-то транс...

Внезапно один из младших закорианцев кинулся через весь храм. Он протиснулся через неподвижную толпу к высокой женщине в одеянии, золотом, как хвост ее богини, и с криком нанес ей удар ножом под правую грудь. Точнее, попытался нанести — скользнув

по ее груди, как по мрамору, клинок с треском выломился из рукояти. Теперь в крике закорианца слышался ужас. Он отшатнулся от неуязвимой женщины, от улыбающихся статуй со светом в глазах, от пегой коровы, от шелковистой крысы на плече девочки — от всей этой плоти, переставшей быть плотью.

— Колдовство! — завопил он и бросился прочь из храма.

— Если это и колдовство, то они обратили его против себя. — Водон не без труда овладел собой. — Обдирайте драгоценности. Статую вынесите и бросьте в море. И все сожгите — деревьев снаружи полно. Не оставляйте ничего тем, кто высадится здесь после нас! — Он отвернулся и сплюнул.

Под бесстрастными взглядами живых изваяний он перерезал горло сначала своим офицерам, затем их заместителям и в заключение полоснул длинным ножом по своей шее.

И почти тут же его люди бросились бежать, переступая через его тело.

Ночь наполнилась багрянцем, более жарким, чем свет Застис. Священные деревья с листьями цвета пламени обратились в черный пепел.

Когда пираты, оставшиеся без главаря, дотащили свергнутую статую Анакир до края утеса, то вознесли хвалу своим богам. Она стала их подарком Рорну — лишенная всех драгоценностей, словно нагая, и слепая, ибо они выдрали ее топазовые глаза.

Затем они вернулись на пепелище и принялись пить храмовое вино над дымящимися трупами.

На рассвете поднялся ветер. Он безжалостно гнул обгорелые стволы деревьев, вздымая в воздух тучи золы и пыли.

Вольным закорианцам сразу же не понравился этот ветер. Некоторые шептали, что он полон каких-то кружащихся силуэтов — призраки совершали свой полет, как стрелы, выпущенные с одного лука...

Корабль мертвого Водона затонул вскоре после того, как взял курс на север.

Лишь одному из желтых глаз богини удалось достичь Вольного Закориса.

Жарким элирианским полднем вардийский купец объявил привал. Примерно в миле от них на фоне тусклого неба вздымались скалы, а на них — две башни, вырастающие до самых облаков. Здесь же низвергался с огромного валуна небольшой водопад, впадая в образованное им самим озерцо.

Двое слуг вардийца и погонщик скота устроились перекусить в стороне. Отара буйных ланнских овец блеяла неподалеку, пощипывая сухую траву. Тут же кружили на привязи двое калинксов, черных, как базальт. Этих сторожевых зверей начинали обучать еще детенышами — ягнят подкладывали к кошкам рядом с котятами,

они сосали одно молоко и несильно отличались по характеру. В Вардате такие твари не водились. Там даже не загоралась Алая звезда, как и нигде над Континентом-Побратимом.

Степняки-эманакир не были подвержены чувственному воздействию Звезды. Раса второго континента тоже претендовала на это. Но вардийский купец давно уже знал, что его народ лишь уклоняется от этого влияния, не следует ему, — и то же самое подозревал за людьми Равнин.

Он сидел у входа в самодельный шатер, только что поставленный им собственноручно, и разглядывал девочку-полукровку. Она несла вино погонщику и слугам, как ей было поручено, но вела себя отнюдь не как прислуга. На вид ей было лет тринадцать. Тонкая гибкая талия, легкий изгиб бедер, изящные холмики грудей — и великолепная белая кожа, которой словно никогда в жизни не касалось солнце.

Вскоре девочка и ему принесла кувшин вина, как всегда, опустив глаза. Еще ни разу он не встречался с ней взглядом. Желтые глаза, да... Он обратил на них внимание с самого начала.

— Сегодня слишком жарко, чтобы двигаться дальше, — бросил торговец. — Мы останемся здесь до завтрашнего утра.

Он знал, что девочка немая. Пожалуй, оно и к лучшему. Она наполнила чашу хозяина и покорно остановилась перед ним, все так же не поднимая глаз.

— Ты ведь не боишься меня? — спросил торговец. — Конечно, не боишься. Я помогаю тебе добраться до родных мест, спас тебя от жадных Висов. Почему бы тебе не отблагодарить меня?

Он выждал, но она даже не шелохнулась.

— Ложись со мной, — приказал он наконец.

Девочка не выказала ни радости, ни страха. Она просто стояла, и все.

— Не беспокойся, — торопливо прибавил вардиец. — Я вижу, что ты еще совсем молода, и буду осторожен. У тебя уже кто-то был до меня?

Она снова никак не ответила. Он прикинул, имеет ли смысл силой вынудить ее к подчинению. Ему не очень хотелось так поступать.

— Иди к воде и вымойся. За скалой тебя никто не увидит. А потом возвращайся в мой шатер.

К его облегчению, девочка развернулась и пошла к водопаду. Может быть, она и не девственница. Тогда ее безразличие — знак покорности, а не страха.

Солнце еле проникало сквозь ткань шатра, и в нем царила густая красноватая полутьма. Но когда девочка вошла туда, вместе с ней вошел свет — и остался там. Какой-то миг торговец не мог понять, в чем дело, а потом так и вскочил с изумленным восклицанием:

— Клянусь Ашкар! Эти скоты из дерьмового городишки в холмах выкрасили тебе волосы!

Теперь светлые пряди, сбегающие по плечам девочки, отливали золотом. Она была чистокровной дочерью Равнин.

И она была красива, более того — запредельно прекрасна, словно белоснежный мрамор, украшенный золотом. Ее глаза блестели, словно от слез, но это был их собственный внутренний свет.

Медленно приблизившись к ней, вардиец ощутил трепет неодолимого желания. Кончиками пальцев он коснулся края ее одежды. Снять ее не составило никакого труда, и она оказалась перед ним — совершенно обнаженная.

И снова он был потрясен. Ее высокая грудь была увенчана сосками, покрытыми позолотой. В ее пупке блестела капля желтой смолы. Волосы меж ее бедер напоминали путаницу металлической нити.

— Не бойся меня, — пробормотал торговец.

— *Это ты боишься...*

Услышав ее голос, он едва не подскочил. Девочка не могла говорить — и не говорила. Слова прозвучали прямо у него в голове. Вардиец был знаком с мысленной речью, ему самому доводилось пользоваться ею в кругу семьи — правда, по большей части в детстве. Так что поразила его не мысленная речь сама по себе, а то, насколько непохоже это было на все, к чему он привык.

Торговец содрогнулся. Казалось, глаза девочки затмили весь мир. Тогда вардиец упал на колени. Он припал к земле в благоговейном поклоне, прежде чем успел сообразить, зачем это делает — и лишь тогда его накрыло пониманием.

От сияния, испускаемого девочкой с Равнин, за ее спиной на раскаленно-красной стенке шатра встала тень. Тень, намного выше, чем сама девочка, но тоже с длинными волосами и высокой грудью. Множество рук тени простирались в разные стороны, а нижняя часть тела представляла собой скрученный в кольца длинный хвост.

— Ашкар! — еле выдавил вардиец.

Он застыл в поклоне. Волны наслаждения и священного ужаса катились через него одна за другой, отражаясь на лице, пока он не провалился в беспамятство.

11

Тихим вечером заравийский корабль вошел в родную гавань. Наутро Рэм и Лар-Ральднор верхом направились в столицу, лежащую в глубине континента.

Лин-Абисса была первым настоящим городом, в котором оказался Рэм за последние восемь с лишним лет, а для Лар-Ральднора — вообще первым в жизни. Амланн был не в счет — очарование этого славного раскрашенного городка заключалось именно в его небольших размерах.

Высокие стройные башни, чьи хрустальные окна так и вспыхивали на солнце, мощные стены с бастионами, бойницами, крытыми переходами — сочетание утонченного изящества и непреклонной силы. В этом был весь Вис с его красотой и превосходством, все теми же — даже в изменившемся мире.

Рэм и Лар-Ральднор вступили в город через Ворота Тыкв, над которыми развевалось знамя с заравийской женщиной-драконом. Рассказывали, что во время войны Равнин тиран Амрек обвинил заравийцев в том, что они используют Анакир в качестве эмблемы. В самом деле, между ними имелось некоторое сходство.

При нынешнем неспокойном положении на морях всем так и мерещились повсюду закорианские шпионы. В воротах требовали бумаги, которые имелись далеко не у всех. Восторг от лицезрения первого висского города изрядно поблек в долгой очереди на входе. Наконец Лар-Ральднор смог предъявить свою верительную грамоту — письмо Яннула с печатью Совета послевоенного Корамвиса, которую тот все еще имел право использовать. Им тут же предоставили эскорт для сопровождения в королевский дворец.

Оба они рассчитывали на подобное обхождение (а слуга так и вовсе был уверен в нем), и Лар-Ральднор тут же в шутку предложил назваться вымышленными именами.

Люди на широких улицах оборачивались им вслед. Мимо проносились колесницы, запряженные быстрыми, как молнии, скакунами Междуземья.

Однако когда Рэм с Лар-Ральднором выехали на угол Красного рынка Лин-Абиссы, их глазам предстала весьма впечатляющая картина перемен.

В Амланне встречались и представители светлой расы, и полукровки, но все они происходили из Вардата или Шансара. В Зарависсе им довелось взглянуть на тарабинского купца, следующего через порт в носилках; их откинутые занавески позволяли всем видеть, как он смеется и ест сладости вместе со своей висской подружкой.

Но до сих пор ни ланнцам, ни самому Рэму не приходилось видеть иных чистокровных людей Равнин, кроме кроткой Медаси.

Красный рынок лениво шевелился, придавленный полуденным зноем. Под навесами с бахромой были разложены самые разные товары. Здесь даже можно было купить рабов, выставленных на продажу в увитой цветами клетке. Десять солдат эскорта добродушно расталкивали в стороны толпу, прокладывая дорогу важным гостям, когда все вокруг неожиданно замерло. Лишь стадо вьючного скота с ревом продолжало ломиться в проход между палатками.

Капитан эскорта вскинул руку в кольчужной перчатке, чтобы остановить их, и продолжал держать, словно рука застыла в воздухе. На рынок вошел кто-то, еще более важный, чем даже гости из Ланна.

— Кто там? — поинтересовался Лар-Ральднор.

— Из Степей, — капитан наконец-то опустил руку.

— Но кто именно? — удивленно вскинул брови юноша.

— Не имеет значения, — уронил капитан, ничего тем не разъяснив.

— Вы хотите сказать, что остановили движение, желая освободить путь одному из...

— Одному из чистокровных порождений богини. Именно так.

Лар-Ральднор глянул на Рэма, пожал плечами и усмехнулся.

— Тоже мне повод для гордости!

Рэм ответно рассмеялся, но никто его не поддержал. В нахлынувшей тишине он окинул взглядом обстановку: носилки, верховые, рабы с опахалами и зонтиками — совсем как в Кармиссе...

Затем в поле его зрения возникло «порождение богини», медленно идущее вдоль улицы простых смертных. Женщина — одна, без спутников и провожатых.

Она была одета очень просто — но в платье из шелка. Волосы ее были самыми светлыми, какие только доводилось видеть Рэму, — белыми, как снег, и почти столь же ослепительно белой казалась кожа. Обе руки женщины были унизаны рядами янтарных браслетов — единственные ее украшения. Правда, вокруг ее шеи обвивалось ожерелье в виде змеи из белой полированной эмали, но вот ожерелье шевельнулось, и Рэм понял, что змея живая.

Женщина-эманакир шла, не обращая внимания на толпу вокруг. Она даже не смотрела по сторонам. Лишь раз взгляд ее обратился на окружающий мир — в ту сторону, где, не сходя со своих скакунов, замерла в ожидании стража. Глаза женщины были отнюдь не золотыми, они, как и волосы, казались почти бесцветными, вылинявшими до белизны, словно у змеи-альбиноса. Рэм ощутил, как вдоль его спины пробегает холодок. Капитан почтительно поклонился.

В следующий миг остановилась и сама женщина, обернувшись к торговцу фруктами. Тотчас же продавец и его помощник

забегали, выставляя перед эманакир корзины с апельсинами и гроздьями винограда. Присмотревшись, она выбрала один плод и молча указала на него. Его тут же обтерли и поднесли женщине. Так же молча, без благодарности и платы, она приняла дар и удалилась.

— Я начинаю понимать, почему мой отец покинул Дорфар, — задумчиво сообщил Рэму Лар-Ральднор, когда они продолжили путь к витым металлическим колоннам, отмечающим вход во дворец.

Сейчас в Зарависсе правил Тханн За'ат, старший из одиннадцати внуков Тханна Рашека.

Гостям была назначена аудиенция, но в ожидании ее пришлось провести целых два часа в очаровательной комнате с фонтаном. О да, это был совсем не Ольм... Наконец слуга провел их в другое помещение — больше размером и с куда более роскошным фонтаном. Король праздно сидел в окружении пары телохранителей, двух девушек-менестрелей и рассеянных по всему залу придворных. Здесь также были двое людей с Равнин — не столь льдисто-бесцветные, как женщина на рынке, но все же сидящие отдельно под декоративным деревцем и не участвующие в общей беседе.

Король приветствовал сына Яннула Ланнца, равно как и его спутника. Стайка придворных зааплодировала.

Встав с места, король подвел Лар-Ральднора к людям Равнин. После должной паузы, призванной выказать незаинтересованность, те поднялись и поклонились сыну Яннула.

— Мы прекрасно помним всех союзников, сражавшихся рядом с нами, — произнес один из них. — Имя вашего отца никогда не изгладится из нашей памяти.

Тханн За'ат безропотно проглотил это. Намек был весьма неприкрытым: хотя Зарависс и называл себя союзником Равнин, но, по сути дела, всего лишь оставался нейтральным.

— Вы прибыли в удачное время, — сообщил он сыну Яннула. — Сейчас при дворе находится сын второго из знаменитых капитанов Ральднора эм Анакир — нашего собственного Зароса.

Этот намек тоже был очевиден — король желал напомнить степнякам, что во времена войны не все заравийцы отсиживались дома.

Положив руку на плечо Лар-Ральднора, Тханн За'ат стал прогуливаться по комнате. Один из телохранителей неслышной тенью следовал за ними.

— Вы тоже направляетесь в Дорфар? — обратилась к Рэму одна из дам. Тот ответил утвердительно. — Как и я. Я поеду туда вместе со свитой принцессы. Долгое и довольно утомительное путешествие. Вы что, не знали об этом? — Дама усмехнулась. — Откуда же вы прибыли? Ах, из Ланна? Ну разумеется, до Ланна никогда не доходят последние новости. Как раз сейчас дочь короля отправляют к Повелителю Гроз. Этикет неумолим — даже Верховному королю положено забирать свою невесту из отцовского дома. Но, увы, Ральданаш вынужден оставаться в Анкире, пока не прекратятся все эти

разговоры про войну... — Ее покровительственная усмешка сделалась еще ярче, а подведенные глаза внимательно смотрели на Рэма. — Их первая близость не застанет Застис. Хотя я думаю, что это не имеет значения. Говорят, Ральданаш холоден. И это — сын героя Ральднора! Вы думаете, такое возможно?

— Как вы справедливо заметили, мы в Ланне живем совсем без новостей, — ответил Рэм и, вежливо извинившись, отошел, чтобы наполнить чашу вином.

Однако и в самом деле имело смысл присоединиться к громоздкой свадебной процессии, которая должна была отправиться в Дорфар в ближайшие пять дней.

Дочь За'ата была помолвлена с Повелителем Гроз еще в шесть лет, но это являлось простой формальностью. Ральданаш, вступив на престол Дорфара в тринадцать, годом позже обзавелся своими первыми тремя королевами. Теперь же у него был целый выводок жен — почти из всех стран Виса, а также из Шансара и Вардата. Увы, Зарависс не имел принцесс, достаточно взрослых для постели и достаточно молодых для замужества, и до сих пор отставал в этом вопросе.

Но, похоже, Улис-Анет эм Зарависс наконец-то вошла в долгожданную пору. От матери она унаследовала кармианскую кровь — та же заравийско-кармианская смесь, которая даровала миру легендарную Астарис.

— Что ж, по крайней мере, у нее красные волосы, — пару дней спустя заявил Лар-Ральднор. Он стоял, опираясь о перила, и беседовал с Рэмом. — И очень светлая кожа. Во всяком случае, так говорит одна из ее дам. Вы ее знаете, такая молодая, с которой я...

— Знаю.

— Я слышал и еще кое-что.

— Ты научился сплетничать, как самый настоящий заравиец, — раздраженно бросил Рэм.

— А чем еще здесь заниматься? Мы до сих пор не познакомились с Айросом, сыном Зароса. А именно он назначен командовать личной гвардией Улис-Анет, которая будет сопровождать ее в пути и в Дорфаре. Что, кстати, не слишком-то мудро.

— Почему же?

— Потому что Айрос — ее любовник.

— Я считал, что обычай требует вручать королю его невесту с невзломанными печатями.

— Можно делить ложе и избежать потери девственности.

— Если этот Айрос столь сдержан, то, полагаю, сумеет обуздать свою ревность в Дорфаре, — заметил Рэм.

— Или сумеет сохранить прежние отношения. Улис-Анет — всего лишь второстепенная жена, у нее нет шансов стать Верховной королевой. Так что к ней не будут иметь никаких претензий, если только она не обзаведется ребенком.

В тот вечер Айрос все время был на виду. За обедом он сидел рядом с королем, а после был замечен запросто играющим в кости с двумя сыновьями Тханна За'ата.

Даже одетый в обычную форму старшего офицера, сын Зароса был исключительно красив. О его отце можно было сказать то же самое — и не только в молодые годы, но и до сих пор. Однако характер Айроса был совсем иным. Зарос имел репутацию хитроумного авантюриста, умеющего пользоваться любой благоприятной возможностью и одержавшего одну из убедительных побед в войне Равнин лишь благодаря своей ловкой выходке. Айрос же умел шутить и смеяться, выказывал незаурядный ум, но наряду с этим часто проявлял совершенно павлинье высокомерие и гнев. Знакомясь с Лар-Ральднором, который был моложе его на несколько лет, Айрос коротко блеснул улыбкой и тут же спросил:

— Нам весь вечер надо вешаться друг другу на шею во имя дружбы наших отцов? Или я могу с чистой совестью вернуться к своей игре?

— Пожалуйста, — сдержанно ответил Лар-Ральднор. — Я даже не мечтаю о том, чтобы задержать вас.

Айрос вспыхнул, чего не могла скрыть даже его по-заравийски смуглая кожа.

— Рад, что вы понимаете простые солдатские удовольствия, — сказал он, скривив губы. — Хотя сами вы еще не солдат, не так ли? Уже присмотрели себе что-нибудь в Дорфаре?

Лар-Ральднор вскинул на него свои Равнинные глаза.

— Простите? — переспросил он.

— Вы хотите сказать... — нахмурился Айрос.

— Я хочу сказать, что ваши кости ждут вас.

Айрос нехорошо усмехнулся — но и только. Он в самом деле развернулся и ушел. Следующие три броска были им проиграны, и Рэм с Лар-Ральднором услышали это через весь зал, даже сквозь музыку, под которую танцевали девушки.

Что ж, так или иначе, но с Айросом они повидались. Принцессу же Улис-Анет Рэму удалось увидеть лишь перед самым отъездом свадебной процессии.

— Что случилось? — спросил сын Яннула, выходя на балкон.

— Я думал, ты сейчас с дамой принцессы, — отозвался Рэм.

— Там я уже был. Скоро рассвет, надо бы прилечь хоть ненадолго. Мы отбываем через несколько часов.

Рэм сквозь зубы пробормотал, что точное время королевского выезда до сих пор непонятно, и это просто подлость.

— И все-таки вы не ответили, в чем дело. Это из-за...

— Нет, — отмахнулся Рэм. — Время Застис кончилось. К тому же здесь полдворца не брезгует заниматься этим по-оммосски. Иди спать.

Лар-Ральднор кивнул и, помедлив, исчез.

Предрассветный воздух был свеж и прохладен. Чуть синеватая тьма казалась идеальной грифельной доской, на которую так хорошо ложатся образы и мысли.

Попытаться вспомнить, когда *это* случилось впервые. Боль, пронзающая череп, — а затем образ, видимый как наяву и затмевающий остальной мир...

Годы юности. Рэм восстановил в памяти даже время и место — Истрис, винная лавка на Кувшинной улице, где он тогда как следует напился. Тогда он выбросил *это* из памяти, списав на опьянение, теперь уже и не вспомнить... И следующих двух или трех видений, свалившихся на него, — тоже не вспомнить. Имели ли они какое-то отношение к его жизни или к чему-то еще? Очень может быть. В конце концов, пророческие, сверхчувственные, какие бы то ни было — все они имели смысл. Даже то видение, которое застило ему глаза у дверей Кесара и тем подвело под порку.

Как раз его он мог вспомнить вполне четко: женщина с красными волосами, застывшая, словно камень — и мерцание новой жизни в ее чреве.

И Кесар, ступивший на путь, закончившийся тем безумным и роковым прощанием с сестрой — сестрой, которую он любил плотской любовью, Вал-Нардией, ставшей его возлюбленной в Анкабеке. Возлюбленной и матерью его ребенка.

И второе видение в глухом кольце храмовых коридоров Анкабека, от которого сейчас осталась лишь обгорелая скорлупа. Три женщины — с белыми волосами, с красными и с черными как смоль. И три зародыша внутри них, словно серебристые пузырьки...

Рэм припоминал прочие подробности, и все они, подтверждая недавно услышанное, имели отношение к Ральднору эм Анакир. Его — да, отцу.

Уже видение в Анкабеке дало ему подсказку, кто он такой. Ему показали трех женщин, носивших семя Ральднора. Беловолосая Сульвиан Ваткрианская — мать Ральданаша, нынешнего Повелителя Гроз. Черноволосая Лики, его собственная мать — разве сам Рэм не узнал ее *по удару*? И третья в этом раскладе, женщина с красными волосами — несомненно, Астарис.

Сколько людей знает, что она носила третьего ребенка Ральднора? Ни в одном предании об этом не говорилось ни слова. Даже Яннул не ведал о том.

Вне всякого сомнения, этот ребенок потерян. Ральднор и Астарис ушли неведомо куда. Их потомок, если он выжил, имел достаточно времени, чтобы обнаружить себя — но этого не произошло. Однако почитатели Анакир в Анкабеке как-то узнали о его бытии и об утрате этого бытия, и установили точное соотношение этих двух факторов. Они искали правильное сочетание плоти и крови. Может быть, странно и нелепо, но они предвидели и предсказали то, что случилось между Кесаром и Вал-Нардией. Плоть от плоти людей, в которых кровь Висов смешалась с иной, колдовское соединение близнецов, и еще — знамение знамений...

Неудивительно, что Анкабек удерживал от смерти тело Вал-Нардии, чтобы ребенок родился в срок...

«Верю ли я хоть во что-то из этого? Допускаю ли саму возможность вмешаться в священное таинство?» — Рэм затряс головой. Нет. Это лишь кислый осадок перегоревшей похоти и бессонница. Для чего им было выводить ее, как племенного

скакуна — для того, чтобы их магия позволила ей сгинуть в волчьей стае?!

С той ночи, когда Рэм увидел нападение на Анкабек сквозь зримую реальность заравийского корабля, он прятал янтарное кольцо среди своих вещей, остерегаясь новых приступов. Достать его сейчас, подержать в руках, надеть — может быть, тогда все разъяснится? Но как раз полной ясности Рэм и не хотел.

В конце концов ему был дан еще один знак, чтобы испытать на прочность его безумие.

В свою последнюю ночь во дворце отца она пришла на пир. Еще до ее появления весь зал перешептывался, сколь прекрасна эта поздняя дочь королевского рода — и как похожа она на Астарис, красивейшую женщину в мире!

Рэма все это нисколько не впечатляло. Как правило, женщины не нравились ему. Если они были красивы, то вызывали в нем чувство мрачной отчужденности, но чаще он просто не замечал их.

Улис-Анет вошла в зал вместе со своими дамами.

Ее блестящие волосы были ярко-красными, как и говорилось ранее, и тот же оттенок повторялся в ее платье с поясом из красного золота. На ее шее сверкало ожерелье из полированных аметистов — камней, наиболее почитаемых в Зарависсе, ибо аметист был драгоценностью, сильнее всего напоминающей цвет Змеиного Ока.

Она была тоненькой и изящной. И тут Рэм осознал, что ее фигура и походка напоминают ему кое-кого другого...

Потом она приблизилась, и он увидел ее лицо.

Улис-Анет, по слухам, похожая на Астарис, была почти точной копией Вал-Нардии, сестры-возлюбленной Кесара.

Йеза, чья кожа благоухала травами, в которых она возлежала с Лар-Ральднором, была слишком умна, чтобы шуметь у дверей спальни своей госпожи. Однако она вполне могла остановиться и немного послушать.

Из-за дверей доносились два голоса, но отнюдь не сливающихся в песне любви. Прислушавшись, Йеза покачала головой и пошла прочь, все так же беззвучно.

За дверью стоял Айрос, не снявший ни единой детали своего изысканного наряда. Горел единственный светильник, и под ним сидела Улис-Анет, одетая для сна, хотя еще и не думала ложиться.

— Итак, мадам, я покидаю вас, — холодно произнес юноша. — И это конец.

— Ты вообще не должен был приходить сюда.

— Потайная дверь осталась незапертой и без охраны. Если вам так хотелось избавиться от меня, надо было поставить там нескольких людей. Они могли бы убить меня и тем освободить вас.

Девушка вздохнула. По ее шее, все еще украшенной аметистами, заметались лиловые сполохи.

— Ты знаешь, Айрос, что я желаю тебе добра. Но тебе стоило бы как следует подумать, прежде чем наносить мне ночной визит.

— Значит, мне надо дождаться, когда мы выйдем в путь, и нахально войти в ваш шатер на глазах у всех? Или ждать до самого Дорфара, пока ваш король с белыми волосами не устанет от вас? Судя по тому, что я слышал, это случится весьма быстро. Если он вообще удосужится лечь с вами в постель.

Улис-Анет уронила голову на руки. Она устала от этого спора, который за последние несколько месяцев повторялся снова и снова.

— Даже если в Дорфаре я буду жить как девственница, между нами все равно ничего не будет, — сказала она глухо.

— Значит, я ничуть вам не дорог.

Вся сдержанность разом покинула принцессу, и она резко поднялась.

— Не будь дураком, Айрос. Ты думаешь, я желаю этого союза? У меня нет выбора, и никогда не было. Как и у тебя. Ты не даешь мне покоя...

— Я и сам не знаю покоя!

— А что еще я могу сделать? Сбежать с тобой, словно сельская девица, которую против воли выдают замуж за крестьянина? Я была обещана Повелителю Гроз еще до того, как мы встретились. Ты знал об этом. И знал, что из этого следует.

В глазах Айроса сверкнула ненависть.

— Я люблю вас! — воскликнул он. Если бы Йеза решилась подслушивать у дверей именно сейчас, то осталась бы довольна.

— Любовь? Что ж, в твоей власти выбирать, кого любить. Но не в моей.

— Однажды вы уже выбрали меня, — чуть более мягко напомнил Айрос.

— О да, — она закрыла глаза.

— И если Беловолосый возьмет вас, то узнает, как далеко вы зашли в своем выборе.

— По-моему, это не имеет значения, если прошло достаточно много времени, — возразила Улис-Анет.

— Он так высоко вас ценит!

Улис-Анет отвернулась. Она подошла к зеркалу и увидела в нем свое очаровательное лицо и ласкающие глаз линии фигуры. А за спиной — прекрасного и разъяренного демона, который вторгся в ее и без того неприятный мир. Она не любила Айроса, но привыкла к его нежности и страсти. Теперь Улис-Анет усомнилась — в самом ли деле она так много значит для него? Не будь принцесса связана обязательствами с Дорфаром, она могла бы выйти замуж за Айроса, чтобы упрочить положение его семьи. Наверняка он ценил бы ее взгляды и ее королевское происхождение — и изменял бы ей часто и неприкрыто, с кем попало.

Не дождавшись ответа, Айрос шагнул к драпировке, скрывающей потайную дверь, в ярости сорвал занавес с колец и швырнул его на каменный пол.

Держась все так же прямо, принцесса подошла к двери и заперла ее, затем села у окна и стала смотреть на восход солнца. Ложиться спать было уже слишком поздно.

12

Караван принцессы, как во сне, медленно брел сквозь летнюю жару. Порой казалось, что он и вовсе не движется. Под небесами, усыпанными звездной пылью, равнины сменялись холмами, а холмы — новыми равнинами. Они попадали в какой-нибудь замечательный город, окунались в его жизнь — и снова двигались дальше, к новому городу, который манил их своими огнями с другого края ночной долины.

Для Рэма это путешествие стало порой странного безвременья. Лар-Ральднор не так уж часто бывал рядом с ним — с наступлением темноты юноша шел к Йезе, юной главной даме принцессы, днем же был принят в круг королевских приближенных. Сама Улис-Анет заметила его и явно выказала свою симпатию. Это еще больше разжигало гнев Айроса, командующего ее охраной, в то же время удерживая его на расстоянии. С закаменевшим лицом сын Зароса ехал во главе строя своих людей. Его отношение к своей царственной избраннице было столь безупречно вежливым, что поневоле наводило на подозрения. Вокруг не было никого, включая последнего конюха или пажа, кто не догадывался бы, каковы истинные отношения королевской дочери и начальника ее гвардии. В один не слишком-то прекрасный день один из солдат был высечен в сотне шагов от стоянки и брошен полумертвым на полуденной жаре. Вина его заключалась лишь в том, что Айрос услышал, как тот насвистывает некую песенку двусмысленного содержания, и отнес это на свой счет.

По ночам он устраивал у себя в шатре грубые и шумные приемы или носился по окрестностям на колеснице, освещенной факелами, оглашая ночь хриплыми криками. В городах он подцеплял самых ярких и доступных женщин и в течение всего обеда напоказ домогался их.

Как-то раз на одной из возвышенностей от кромки горизонта донесся нарастающий шум — это мчалось стадо диких зебров. Лишь в последний миг животные свернули в сторону, прочь от огней стоянки.

Гуляя в сумерках по холмам, вдалеке от шатров, Рэм наткнулся на мужчину и женщину, которые сплели объятия в зарослях папоротника. Это были Лар-Ральднор и его девушка. Стараясь не шуметь, Рэм поспешно удалился, оставшись незамеченным.

Застис ушла с небосклона, и наверное, лишь это родило в нем непонятную отрешенность. Недавние ланнские переживания словно стали не его, а чьим-то чужим воспоминанием. Теперь сын Яннула казался таким далеким — просто приятный молодой человек, хороший товарищ... моложе Рэма лет на сто. Он с трудом узнавал его.

* * *

Оммос, край с дурной славой.

Они увидели Уткат на равнине Орш, где Ральднор эм Анакир когда-то разгромил армию Висов, потом — руины Гопарра, который тот же Ральднор эм Анакир стер с лица земли за измену. Однако история все еще продолжалась. Меньше месяца назад флот Вольных закорианцев сжег Карит, и по всей местности тут и там двигались войска, пропускающие караван лишь после выяснения, в чем заключается его миссия. Уроженцы Оммоса были темноволосыми, темнокожими и говорили с таким сильным акцентом, что, казалось, создавали новый язык из знакомых слов. Не считая войск, все королевство казалось голым и пустынным, и города по ночам выглядели темными.

В Хетта-Паре им устроили прием. Старую столицу разрушила война Равнин, а новый город еще не поднялся — сейчас это был всего лишь небольшой поселок на краю развалин. Правил в Оммосе не король, а человек родом с Равнин, зовущий себя Хранителем. Двор, если его можно так назвать, тоже был полностью Равнинным.

Три или четыре часа невеста Ральданаша и ее свита высидели среди незатейливых публичных развлечений. Затем всех разместили в тесных покоях, если можно обозначить этим словом то, что был способен предложить им этот городок. Те же, кто решился взглянуть на убожество новой Хетта-Пары и развалины старой, вернулись с рассказами о храме Анакир из черного камня, чьи входы охранялись степной стражей; о древних танцах с огнем в тавернах на развалинах, где юноши и женщины снимали с себя одежду огнем горящего факела — и об огненном боге Зароке, которого люди с Равнин бросили в яму. Оммосцы раболепно мочились на него, словно исполняли некий ритуал перед захватчиками, и при этом украдкой делали священные жесты, прося у бога прощения.

Между Хетта-Парой и границей пришлось сделать еще бессчетное число остановок. Лишь через пять дней они подошли к реке и увидели восстановленный пограничный форпост, тоже некогда перемолотый войной. Увенчанная чашей дорфарианская сторожевая башня в знак приветствия взметнула сиренево-голубое тусклое пламя.

Дорфар.

«Мой отец пришел сюда, не зная, как знаю я, ни о своем происхождении, ни о сомнительных правах на престол, ни о своем наследии. Скрывающий беспокойство под дерзостью, чувствующий опасность, влюбленный в эту землю и ненавидящий ее, ее символы и тень, распростертую над нею...» — Рэм огляделся.

Земля. Горы. Небо.

«Что же значит Дорфар для меня?».

Для въезда в Анкиру Лар-Ральднору предоставили колесницу и упряжку чистокровных скакунов, а из дорожного сундука был извлечен его лучший наряд.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он Рэма.

— Как договорились. Сначала тебя представят ко двору. В подходящий момент ты сунешь ему письма Яннула. Он их прочтет.

— Если верить тому, что я слышал о нем, — может и не прочесть.

Рэм кивнул — он и сам собирал сведения о Повелителе Гроз, где только мог.

— Тогда вежливо, но настойчиво ткни его носом в печать Корамвиса.

— Но разве вы сами не будете рядом со мной в зале для приемов?

— Если удастся.

— А где вы будете во время торжественного въезда?

— Где-нибудь позади колесниц. Не на виду.

Лар-Ральднор внимательно посмотрел на Рэма.

— Вы сами знаете, что ваше безразличие происходит не от скромности, — наконец произнес он. — Это гордость. Вы словно говорите: *мне* известно, кто я такой, а *он* пусть выясняет это сам. Не так ли?

Этот разговор происходил близ старой белой дороги, пересекающей равнину под Корамвисом. Стояли сумерки, шатры уже были разбиты — в последний раз. Завтра им предстояло войти в новую столицу. Внизу, в долине, над древними сторожевыми башнями повисло легкое перышко дыма, чуть темнее вечернего неба.

— Даже выяснив все, что должно, он может оттолкнуть это знание, — сказал Рэм. — Это вполне вероятно.

— Если я хоть сколько-то разобрался в нем, он не захочет так рисковать. Вы нужны ему как друг, а не как враг. Подумайте, сколько неприятностей вы сможете доставить ему, будучи отвергнутым.

— Я-то подумал. Но Ральданаш тоже способен подумать. Боюсь, он сочтет меня достойным аккуратного убийства.

— Здесь вам не Кармисс, — усмехнулся Лар-Ральднор.

Рэм почувствовал, что захвачен врасплох. Неужели юноша настолько хорошо осведомлен о его службе у Кесара?

На склоне над равниной, где землетрясение взметнуло землю холмами причудливой формы, замерцали ночные огни нового города. Когда Лар-Ральднор удалился, призванный в шатер принцессы, Рэм остановился и долго смотрел на город.

Раньше здесь были фруктовые сады и циббовые рощи, но потом их сожгли или вырубили. Именно на этой земле случилась последняя битва той войны. Весь день Рэм обращал внимание, что чем ближе к городу, тем чаще люди суеверно перешептываются.

Он вдруг подумал: тем, кто в одиночестве ночует на этих холмах, должно казаться, что они слышат звуки войны и стоны боли, и чувствуют, как начинает содрогаться земля. Он был почти готов к приходу нового видения. Но ничего не появилось. Лишь сверкание далеких огней Анкиры — и никаких следов призраков.

Принцесса Улис-Анет была одета во все белое. Когда про-

 шло первое ошеломление, Рэм отметил, что кожа у нее все же

темнее, чем была у Вал-Нардии. Белизна одеяния символизировала ее пригодность для Верховного короля светлой расы. Для этого она была немного смуглее, чем надо, но это лишь добавляло ей притягательности — она казалась статуей из светлого золота. Ажурная сетка с вплетенными рубинами прикрывала ее рубиновые волосы.

Перед ее колесницей и следом за ней скакали люди Айроса, слепя глаза полированным металлом оружия и доспехов. На их копьях трепетали знамена Зарависса и сверкали гербы Тханна За'ата.

Караван принцессы стал всего лишь еще одним обязательным элементом действа.

Танцовщицы, весь наряд которых состоял из сверкающей росписи по телу и ошеломляющих крохотных зеркал в паху, акробаты, чародеи, достающие из воздуха светящиеся шары. Двенадцать молочно-белых калинксов — трудно представить, где их нашли, скорее, просто выкрасили — тащили три золоченых повозки, с которых девушки в алых одеяниях Ясмис, заравийской богини любви, бросали в толпу цветы, сладости и мелкие монетки. До принятия закона Анакир во время обручальных и свадебных шествий полагалось провозить статую самой Ясмис. Теперь этого не было.

Колесницы катились. Музыканты играли.

Там, где новая дорога шла среди полей и садов, ее обступали крестьяне. Они поднимали детей, чтобы те могли рассмотреть процессию. Девочки-подростки осыпали проезжающих цветочными лепестками и во все глаза любовались на солдат.

Примерно в четверти мили от ворот процессию встретил почетный эскорт во главе с посланником Ральданаша.

Рэм впервые увидел белые знамена Анкиры, и среди них — эмблему своего сводного брата, законного сына героя Ральднора. Личным символом Ральданаша была бронзовая змея, свернувшаяся кольцами вокруг черной грозовой тучи. Обуздание мощи — такова была идея этого герба, доступная любому, кто его видел.

Корамвис считали чудом Севера. Анкире, выросшей на его руинах, было на что опереться.

Яннул покинул город прежде, чем тот был достроен. Послевоенный Совет, состоящий вперемешку из Висов, степняков и выходцев с Континента-Побратима, вполне сохранял единство под началом своего прежнего главы, Матона. Старик, чудом уцелевший во время землетрясения, получил эту должность именно из-за своей старости, делавшей его безопасным. Под его началом возрождался город над долиной и насаждались леса на западных склонах. Он пережил уход Яннула и смерть еще одного, кто в своем роде тоже был другом Ральднора — Дракон-Лорда Крина. Крин умер как раз в тот год, когда юный король въехал в Анкиру. Матон прожил до ста двенадцати лет — не такой уж запредельный возраст для Висов, но примечательный на фоне потрясений его эпохи. Он застал первые годы правления Ральданаша и успел увидеть Анкиру достроенной. До самого конца Матон сохранял свой ум и, как говорили, свою бесполезность. Теперь главой Совета Анкиры стал ваткрианец, троюродный брат короля.

* * *

Высокие и толстые стены — в этом крылся некий смысл. До недавнего времени вокруг королевского дворца вообще не было никакой ограды.

Белый камень, украшенный светлым золотом и хрусталем — символ Белого Огня. Столица была молода — моложе Рэма — и, конечно же, прекрасна. В нее вложили всю славу и величие послевоенного времени. Десять храмов богини сверкали под солнцем на ее террасах.

Однако Анкира не оставляла ощущения молодости, или красоты, или даже старости, скрытой под молодостью и красотой, как под вуалью, — древний Вис гневно кричал в ее оковах. Она вообще не имела вкуса, как пресная лепешка.

Хотя, пожалуй, что-то все же ощущалось.

Непривычно ранняя жара, и еще — какой-то терпкий привкус в воздухе. Рэм похлопал по шее своего зееба, желая унять его дрожь. Вероятно, животному передалось его собственное напряжение.

Однако вокруг воцарился совершенно невозможный покой — с тех пор, как они въехали в ворота, вокруг них, на обочине дороги, на крышах и балконах домов, толпились люди. Их крики, лязг доспехов, музыка — все вместе прямо-таки оглушало. Но сейчас этот шум, который поначалу казался невыносимым, словно засосало в какую-то воронку или огромную вязкую пещеру без эха.

В Анкире, как и в Корамвисе, имелась аллея Рарнаммона, но здесь она была гораздо длиннее, а ширина ее позволяла проехать в ряд десяти колесницам. Вдоль всей аллеи высились огромные статуи: драконы, змеи, реже — человекоподобные исполины. Там, где она вливалась в дворцовую площадь, на тяжелом постаменте, возвышаясь над прочими изваяниями, стояла гигантская статуя самого Рарнаммона на колеснице, сделанная из золота и позолоченной бронзы. В глазницах, затянутых стеклом цвета шафрана, пылали светильники, что создавало потрясающий эффект. И в тени этого изваяния стоял Повелитель Гроз, публично встречая свою заравийскую невесту.

Теперь тишина стала тяжкой, словно огромное одеяло, накрывшее площадь.

Процессия двигалась вперед: колесницы, сверкающие стражи Айроса, женщина с рубиновыми волосами в увитом цветами экипаже...

— Идет гроза, — произнес кто-то позади Рэма. — Гляньте, как деревья шатаются!

Рэм невольно оглянулся. Деревья над стеной стояли неподвижно. И за спиной у него никого не было — по крайней мере, столь близко, чтобы сказать и быть услышанным.

— Магия, — снова послышался хриплый голос, теперь уже прямо перед ним. Рэм почти ощущал чье-то дыхание на своем лице — но рядом с ним по-прежнему никого не было. — О боги! Что это?

Рэм поднял взгляд на холмы над городом. Там показались белые башни — но лишь на миг. Сверкнула красная вспышка, и скала под стенами Корамвиса беззвучно рассыпалась в пыль, фонта-

ном хлынув вверх. Затем холмы снова сдвинулись, и белые башни, точно жертву, швырнуло в чернильно-черное небо.

Но даже когда это случилось, Рэм отдавал себе отчет, что на самом деле этого нет. Он чувствовал под собой зееба и по-прежнему сжимал поводья в руке. Его глаза были широко открыты, и он отчетливо знал, где находится. Затем все замерцало; холмы были совершенно неподвижны, свет летнего утра мягко струился меж ними...

Спокойно, без суеты, Рэм подумал: «Это знак. Грядет землетрясение».

Зееб вскинул голову и натянул поводья. И не он один. Насколько можно было заметить, все животные в процессии начали беспокоиться. Люди, вынужденные сдерживать их, невольно заражались этим непонятным волнением.

Рэм отмечал это без малейшего ужаса, лишь с уже знакомым чувством отрешенности. Твердой рукой смиряя своего зееба, он оставался настороже.

Аллея расширилась, переходя в огромную площадь. Впереди, за спиной у подавляющей своей мощью статуи Рарнаммона, высился Холм Верховных королей, уступами поднимающийся к дворцу, а еще выше в обрамлении деревьев сверкал старейший храм Анакир Дорфарианской. На переднем плане — знамена, блеск снаряжения, фигуры Повелителя Гроз и его придворных. По всей площади толпились люди, а сзади напирали опоздавшие, народ стекался на площадь, где и так было не протолкнуться. Некоторые даже взбирались на постамент Рарнаммона и устраивались среди колес бронзовой колесницы.

Внутри самой процессии и то было больше свободного места. Рэм медленно пробирался меж колесницами, раздвинувшими свой строй, пытаясь выбраться.

Однако прежде чем ему это удалось, он ощутил, что под его ногами словно бьется пульс самой земли. И снова все замерло. Дрожь земли — или его собственная? Затем, перекрывая шум и гул голосов, раздался низкий глубокий рев. Сначала люди не поняли, в чем дело, если вообще услышали новый звук, — но тут зазвонили колокола, привезенные из Корамвиса. Причудливо нанизанные на общую веревку, они чувствовали поступь землетрясения и отвечали на нее своей дрожью. Казалось, что колокола плачут, предупреждая о беде. И их услышали.

Крики радостного возбуждения тут же сменились воплями ужаса. Началась давка. Тут и там взывали: «Анак! Анак!» Заравийцы из окружения принцессы были еще более напуганы, чем городские Висы. Это была не их страна, и они не хотели умирать здесь. Все вокруг стало неуправляемым: животные метались и вставали на дыбы, волочились перевернутые колесницы, люди падали, а толпа по обеим сторонам процессии билась, как раненый зверь, но не могла сдвинуться с места. Зато двигалась сама земля.

Зееб под Рэмом плясал, пытаясь удержать равновесие, и, только смиряемый железной рукой хозяина, подавлял желание кинуться прочь, лягая всех окружающих. Рэм поднял глаза к небу.

Сверху, со статуи Рарнаммона, с воплем рухнул человек, врезавшись в самую гущу толпы. Счастье, что сама огромная статуя пока не пыталась сдвинуться с места — лишь вздрагивала, угрожая сбросить и остальной человеческий груз.

Сквозь нагромождение колесниц Рэм кое-как пробился к центру процессии, где в окружении солдат Айроса находился церемониальный экипаж Улис-Анет. Однако здесь не осталось и следа прежнего стройного порядка.

Одна из повозок богини любви перевернулась, юная служительница Ясмис лежала мертвая, а над ней стоял калинкс, порвавший свою упряжь. Получив полную свободу среди окружающей паники, он вырвал сердце девушки и теперь стоял среди ее крови и рассыпанных сладостей, разрываясь между страхом и желанием убивать. Никто не решался прикончить его, хотя все понимали, что, едва земля перестанет дрожать, зверь снова бросится на людей. Рэм изогнулся, заглянул в холодные глаза калинкса и одним движением перерезал ему горло. Переступив через тело зверя — зееб всхрапнул, но повиновался, — Рэм протиснулся в самую гущу конных всадников.

Заравийцы кричали, взывая к своим богам. Чей-то неожиданно взлетевший меч — не иначе, его владелец пытался с его помощью прорваться в какой-то иной мир, где земля не трясется, — задел плечо Рэма, не защищенное доспехом. Показалась кровь. Рэм обернулся и нанес ответный удар обезумевшему меченосцу. Когда тот тяжело осел наземь, взору Рэма открылась увитая гирляндами колесница принцессы. Знамена упали, возничий исчез неизвестно куда. Охваченные паникой скакуны рвались прочь из упряжи, их ржание ничем не отличалось от женских криков из толпы. Улис-Анет оставалась в колеснице, но не могла подхватить упавшие поводья — впрочем, в любом случае не с ее весом было сдерживать упряжку. Неподалеку снова блеснул металл — теперь мечи вылетали из ножен со всех сторон. Айрос и его капитаны прокладывали дорогу к принцессе сквозь толпу, не щадя ни своих же людей, ни обнаженных танцовщиц.

Тем временем землетрясение почти сошло на нет. Твердь едва заметно подрагивала, как человек, которого только что стошнило. Для того, чтобы полностью пресечь панику, требовались лишь несколько минут и некоторая доля хладнокровия. Тяжесть ушла из воздуха, на толпу мало-помалу нисходило облегчение. Животные ощутили бы это первыми.

Но прежде чем наступило спокойствие, лихорадочные усилия солдат Айроса освободили дорогу перед колесницей принцессы. Таким образом, скакуны наконец-то смогли сделать то, чего так жаждали все это время, — рванули вперед и понеслись с неистовыми криками, летевшими за ними, как обрывки флагов. Гвардия, только что так стремившаяся к принцессе, мгновенно кинулась прочь от взбесившейся упряжки. Рэм видел, как Айрос метнулся в сторону, как его меч обрушился на плечи ближайших солдат, — но это лишь подхлестнуло их безумие.

Рэм слегка ударил каблуками в бока своего зееба — этого оказалось вполне достаточно — и во весь опор бросился за колесницей.

Та неслась впереди, набирая скорость, девушка в ней судорожно вцепилась в борта. По пути колесо намотало на себя длинные волосы одной из упавших танцовщиц и какое-то время волокло тело несчастной по мостовой. Танцовщица не издала ни звука, ибо была мертва. Столь же безмолвна оставалась и Улис-Анет.

Колесница летела прямо на короля и его свиту. Стоя у постамента, зажатые со всех сторон, они могли лишь следить за приближением своей смерти.

Звон колоколов умолк.

Рэму доводилось бывать в подобных переделках, и он знал, как себя вести.

В его сознании мелькнула лишь одна, довольно неуместная, мысль: «Кесар мог бы спланировать это». Затем он поравнялся с неистовой упряжкой.

Размахнувшись, Рэм обрушил меч на голову одного из скакунов. Удар был столь силен, что пробил череп. Животное рухнуло на полном скаку, вырвав меч из его руки, но остальные продолжали нестись, не в силах остановиться. Инерция движения закрутила скакунов вокруг мертвого товарища, колесница начала опрокидываться — и все это прямо на пути Рэма. Он едва успел рвануть своего зееба в сторону. В глаза Рэму плеснуло вулканической лавой волос Улис-Анет, и в тот же миг он выхватил девушку из экипажа и перекинул через седло.

Колесница помчалась дальше, мимо них. Однако упряжка уже была сбита с направления — не прошло и секунды, как животные упали, окончательно запутавшись в вожжах и постромках, ломая ноги и шеи.

Это хорошо, что он все еще не утратил воинскую выучку Кармисса, насмешливо подумал Рэм, с жалостью глядя на погибших скакунов. Жалость и насмешка — вот и все, что ощущал он в этот миг.

Он остановил зееба, соскользнул вниз и осторожно снял принцессу.

— Благодарю тебя, — выговорила она, глядя в глаза Рэму.

— Это честь для меня, мадам.

Оба осознавали бессмысленность своих слов. Стоя на площади, на залитой кровью белой мостовой, среди мертвых тел и обломков колесницы, они горько рассмеялись.

Вокруг повисло напряженное безмолвие — и вдруг оно сменилось безудержным ликованием. Заравийцы, блистательно провалившие свою работу, кинулись поздравлять чужеземца, который сумел спасти их главное достояние..

От дворца навстречу им двинулась группа людей.

— Вы ранены? — спросил Рэм у принцессы.

— Нет. Но ты весь в крови.

— Пустяки. Какой-то дурак зацепил мечом.

— Это не выглядит как пустяк.

— Я солдат, госпожа, — веско произнес Рэм. — Я знаю, когда ранен, а когда нет. Но ваше беспокойство столь великодушно.

— Землетрясение... уже кончилось? — неожиданно спросила она. Его мнение по поводу спасения, ран, землетрясений и всего прочего разом стало для нее непререкаемым. Рэм с улыбкой кивнул.

Невероятно, но их обмен любезностями казался вполне уместным среди окружающего кошмара. Хотя это ничего для него не значило, Рэм не мог не оценить красоту Улис-Анет, ее величественную осанку и самообладание. Но вот ее взгляд скользнул по мертвой танцовщице — и тут же сместился в сторону.

— Наверное, это знак, — голос принцессы дрогнул. — Я слышала, что когда король, мой будущий супруг, еще мальчиком входил в Анкиру, земля тоже ужасно тряслась.

Что-то происходило с ними — невидимое, неощутимое, но всеобъемлющее, как смертельная болезнь.

— Что это? — успела спросить девушка.

Но тут группа людей, идущая от дворца, подошла к ним.

Улис-Анет тут же окружили. Рэм обнаружил, что его отделила от принцессы целая толпа народу — Висы, ваткрианцы, но выходцев с Равнин среди них не было. Затем перед ним возник еще один человек, одетый во все белое, как и Улис-Анет. Его белоснежный плащ скрепляла золотая змея, чьи чешуйки сверкали, как монетки. Волосы мужчины казались еще белее, чем его одежды, однако лицо было смуглозолотистым, словно кора молодого деревца. Он был потрясающе красив той же красотой юного бога, какой, если верить слухам, был наделен Ральднор эм Анакир. Но рост их был совершенно одинаков — и Рэм глянул ему прямо в глаза, того же цвета, что и стекло в глазницах статуи Рарнаммона. Того же цвета, что и глаза самого Рэма...

— Кто он? Откуда взялся этот герой-Вис? — зашептались вокруг.

— Кто ты? — властно спросил его Ральданаш, Повелитель Гроз.

Город, неважно, потрясенный знамением или нет, вложил факел в его руку. И теперь он не мог погасить его, не уйдя прочь.

— Мое имя Рармон, — ответил он. — Я сын твоего отца.

В темноте над равниной ярко горели глаза статуи Рарнаммона, затмевая прочие огни города.

— Откуда мы знаем, что лорд Яннул не ошибся? — спросил Венкрек. — Или не был сознательно введен в заблуждение? — Он посмотрел на сына Яннула и усмехнулся.

— Вы знаете, мой повелитель, что это не так, — спокойно ответил Лар-Ральднор. — Он сообщил это вам через меня.

— Ваша преданность достойна вашего отца. Но после стольких лет...

— Повелитель, мой отец еще не старик, память его крепка. Он провел немало времени рядом с Ральднором эм Анакир и хорошо знал его. И снова увидел Ральднора в этом человеке, его сыне. В письме Яннула ясно сказано, что лорд Рармон ничего не знал о своем происхождении. Его мать не потрудилась просветить его на этот счет.

— Его мать, о да... Ее имя — не такая уж редкость среди кармианских Висов. Думаю, в тех краях можно отыскать не одну Лики с... прошу прощения, с сыном-бастардом.

— Но она прислуживала Астарис при корамвисском дворе.

— Это она так говорила. Или же *лорд* Рармон, — Венкрек сделал ироничный акцент на титуле, — утверждает, что говорила.

Рэм, ставший Рармоном, отвел взгляд от глаз своего тезки там, внизу, и быстро сжал плечо Лар-Ральднора.

— Вам не кажется, что для этого разговора еще не время, пока здесь нет короля? — обратился он к Венкреку. — Если, конечно, ваше мнение не важнее того, поверит ли мне Повелитель Гроз.

Улыбка Венкрека стала холоднее, затем и вовсе исчезла. Он был лордом-правителем Анкиры, а потому его благорасположение можно было завоевать, или вынудить к нему силой, или даже купить. Ваткрианец с волосами цвета масла, он являл собой чистейший образец тех, кого Яннул называл светлыми Висами второго континента. Рэм частенько встречал в Истрисе эту породу людей, причем как светлых, так и темных.

Прочие люди в маленьком зале были членами Совета. По традиции, все они происходили из разных народов. Два дорфарианца, кто-то из Тарабанна, шансарец, еще один ваткрианец. Похоже, ланнцы и заравийцы, которые во времена Яннула занимали почетные места, теперь оказались не в чести и отправились по домам. Впрочем, людей с кровью Равнин в этом зале также не было.

«За исключением меня, — иронически подумал Рэм-Рармон. — И сына Яннула».

Раздался давно знакомый звук — стража ударила древками копий в мрамор пола. Двери распахнулись, и вошел король в сопровождении двух телохранителей. Согласно обычаю, Повелителя Гроз охраняла особая избранная гвардия. Она носила старинные чешуйчатые доспехи времен Ральднора, но покрытые золотом и украшенные гербом Ральданаша — неумолимой змеей, сжимающей грозовую тучу.

Пока прочие сгибались в поклоне, Ральданаш бросил пристальный взгляд на своего новоявленного брата. В ответ Рармон ограничился медленным вежливым наклоном головы.

Повелитель Гроз уселся, члены Совета последовали его примеру. Но прежде чем Венкрек взял слово, Ральданаш вскинул руку.

— Сын Яннула, — он произнес это по-висски, как и тогда, на площади. Видимо, не в пример Кармиссу, такова была здешняя мода. Даже Венкрек пользовался этим языком.

Лар-Ральднор вышел вперед, снова поклонился и был удостоен ответного кивка. Было заметно, что юноша сильно впечатлен, и неудивительно: появление короля выглядело просто ошеломляюще, словно вошел оживший герой мифа, облик же его был воистину совершенством. Даже когда он молча сидел, вокруг него распространялась аура чего-то запредельного, не вполне присущего смертным. Скупые жесты, почти всегда бесстрастное лицо — красота и орсол власти с не меньшим успехом сообщали значимость каж-

дому его слову. Ральданаш был на год младше Рармона, и по дорфарианским законам это обеспечивало ему неотъемлемые права.

Нельзя сказать, что Рэма не задевала нелепость такого положения вещей. Но после землетрясения он считал, что обязан воздерживаться от скептицизма.

Надо сказать, что потери оказались невелики: погибло всего шесть человек. В Корамвисе это были бы тысячи. С утра до ночи толпы людей приходили в храмы Анакир возблагодарить богиню и помолиться о том, чтобы толчки не повторились. По сути, это служило единственным доказательством того, что катаклизм в самом деле имел место.

Однако у Рэма имелось собственное доказательство. Вымывшись и переодевшись, как подобает, в свой лучший, сдержанно роскошный наряд, он достал кольцо из Равнинного янтаря. Вещица налезла ему лишь до второго сустава на мизинце левой руки. Именно этого пальца, и именно от этого места, с младенчества не хватало у его отца...

Честно говоря, у него не было никаких разумных причин надеть это кольцо. Дурацкий подарок, сделанный женщиной в Застис, у которого непонятно откуда взялись некие странные свойства. Кольцо хранило температуру его кожи, и Рэм вообще не ощущал его на руке.

— Я напишу Яннулу о том, как порадовал меня твой приезд, — сказал король Лар-Ральднору. — Завтра у нас будет возможность побеседовать наедине. А сейчас будь как дома в моем городе и моем дворце. От тебя потребуется лишь одно.

Отвлекшись от своих мыслей, Рармон пристально взглянул на собеседников. Он угадал — или предвидел, — что должно произойти, и напрягся в ожидании.

— Из самых лучших побуждений Яннул Ланнец назвал тебя в честь своего повелителя, — произнес Ральданаш. — Сейчас имя Ральднора употребляют повсюду. Но для меня это в первую очередь имя моего отца. Таким образом, здесь и во всех прочих местах, где мне потребуется твоя служба, ты откажешься от его имени, — Лар-Ральднор так и раскрыл рот, воззрившись на короля, однако счел за лучшее промолчать. — Вместо него ты можешь пользоваться блистательным именем своего отца, которое все помнят столь же хорошо. Отныне ты — Лар-Яннул.

Юноша понял, что возражения бесполезны. Он поклонился в третий раз и отошел. Видно было, как побледнел он под своим легким Равнинным загаром. Венкрек невольно дернулся, но король уже смотрел только на Рармона.

— Теперь ты, — произнес он.

Рармон ждал, снова глядя в глаза королю, и не мог оторвать взгляда — его глаза были двумя бездонными колодцами, испускающими свет из своей глубины. Глаза мага...

— При множестве свидетелей ты заявил, — продолжал Ральданаш, — что являешься сыном моего отца от его кармианской любовницы.

— Его бастардом, — ровно произнес Рармон.

— Именно так. Следовательно, ты не претендуешь на Дор-

— Я не претендую ни на что, мой повелитель. Кроме правды о том, кто я и что я.

Ральданаш поднялся.

— Следуй за мной, — приказал он Рармону, и они направились к дверям — король с телохранителями и его сводный брат. Венкрек тоже устремился за ними, да и все прочие поднялись со своих мест, но король остановил их одним взглядом.

— Лорд-правитель Венкрек, и вы, господа — благодарю вас за присутствие, но в этом вопросе я буду разбираться по-своему. Доброй ночи.

Они прошли в двери, которые тут же захлопнула стража, оставив по другую их сторону всех любопытствующих.

Здание Совета стояло напротив Холма Верховных королей. От дворца через неглубокую расселину к нему вел крытый переход, богато украшенный резьбой.

До сих пор Рармон видел лишь покои для гостей. Личный дворец короля отличался сложной и тяжеловесной архитектурой — множество башен и галерей, собранных вокруг бесконечных внутренних двориков. Говорили, что дворец полностью повторяет устройство того, который разлетелся в пыль и прах на холмах Корамвиса.

Сейчас они вошли в длинный зал, озаренный факелами на колоннах. В их свете Рармон отчетливо увидел тех, кто ждал их.

Их было семеро, и все словно светились изнутри нестерпимым накалом — очень светлые кожа и волосы, ослепительно белые одежды. Сейчас Рармон осознал, что их пристрастие к белому было в немалой степени нарочитым. Не все они выглядели столь обесцвеченными, как женщина с заравийского рынка. Кроме них, в зале находился мужчина, Вис с достаточно темной кожей, в желтом одеянии дорфарианской Анакир. Он сидел на корточках чуть поодаль от прочих, но выглядел столь же безучастным, как и они. Несомненно, он находился здесь неспроста.

Телохранители удалились. Ральданаш прошел в зал, Рармон проследовал за ним мимо степняков, подобных белым свечам.

Никто не поклонился, не встал на одно колено по обычаю Висов. Вместо того каждый приложил руку ко лбу, затем к груди — знак почтения, присущий лишь аристократам, к тому же весьма древний. Очень странно, поскольку это был жест гордых людей — а Рармон хорошо знал историю и помнил, каким был этот народ еще не так давно. Изгои, гонимые и презираемые, обреченные на уничтожение и не желающие сопротивляться... пока Ральднор не указал им иного пути. И теперь — *такое*...

Трое из них были женщинами. Все посмотрели на вошедшего короля, затем перевели взгляд на Рармона.

Он ощутил, почти услышал нечто неуловимое — но не ушами. Они разговаривали мысленно, и, возможно, король тоже участвовал в этой беседе. Какая-то особенность крови Ральднора, которой

сам Рармон, увы, был лишен. Он чувствовал на себе взгляд семи пар глаз, цвет которых разнился от прозрачно-лимонного до льдисто-бесцветного. Змеиных глаз.

— Это твои судьи, — обратился к нему король.

— И в чем мое преступление?

— Ни в чем — если только ты сказал мне правду.

Рармон невольно передернулся от холодка, пробежавшего по спине. «Моя кровь на четверть такая же, как у них. Ровно на столько же, что и у короля — только на четверть».

— Мой разум открыт для них, — произнес он вслух.

— В тебе слишком много крови Висов, — подал голос один из семерых. — Тебя нельзя прочесть.

Слова прозвучали так отчетливо, но были столь неожиданными по смыслу, что Рармон заподозрил: они вырвались нечаянно.

— Ваши адепты умеют читать мысли Висов, — сказал он.

Эта его реплика была оставлена без внимания. Все повернулись и двинулись через зал за Ральданашем. Рармону оставалось лишь последовать за ними, выказывая тем свою добрую волю. Жрец-Вис остался на месте, но почтительно простерся на полу, когда они проходили мимо. Такое проявление вежливости было свойственно Таддре.

За дверями расстилался сад, взбегающий вверх по склону холма. Звезды ярко мерцали на небе там, где их не закрывало здание. Аромат деревьев казался смутно знакомым. Священная роща, а в ней — храм из черного камня.

Он был не больше обычного святилища в какой-нибудь Равнинной деревушке. Изнутри храм освещался подвесным светильником. Ни статуй, ни других украшений — только камень, запотевший от холода, несмотря на минувший жаркий день.

Двери захлопнулись. Ральданаш прошел к центру храма, похожего на гробницу.

— Встань рядом со мной, — коротко приказал он.

Рармон повиновался. Его снедало странное предчувствие. У каждой из религий есть свои тайны и обманы. Что должно произойти здесь? Семеро людей с Равнин встали вдоль стен — снежные силуэты на черном фоне.

Раздался звук. Беззвучный звук, вызвавший в памяти то незримое движение воздуха, которое предшествовало земным толчкам. Но это было не просто предчувствие.

Ральданаш стоял лицом к нему. С некоторым опасением Рармон отметил, что оба они приняли одну и ту же позу (причем сам он сделал это совершенно непроизвольно) — ноги расставлены, левая рука свободно отведена в сторону, правая протянута вперед. Почти стойка бойца. Янтарное кольцо начало понемногу нагреваться. Здесь явно имелся источник Силы. Мимолетно Рармон заметил, что в легком жжении, исходящем от янтаря, нет ничего неприятного, но был готов скинуть кольцо, если оно вдруг раскалится докрасна, как на корабле из Хлики.

Затем новый свет хлынул прямо из камня у них под ногами, круговерть исходящей ниоткуда бесцветной энергии. Он окутывал их, медленно прибывая, как вода в бассейне. Колдовство?

Сквозь этот свет Рармон увидел лицо Ральданаша, сделавшееся полупрозрачным. Однако вместо костей черепа сквозь него проступили другие лица — призрачные, с размытыми чертами. То же самое видел и Ральданаш в лице Рармона. Вот призрак Лики, вот черты, могущие принадлежать лишь Ральднору, наследие долгой линии королей и жриц. И множество образов его собственной жизни, слитых воедино, — вор и головорез, капитан гвардии Кесара, любитель мальчиков.

Кольцо раскалилось, казалось, что оно сделано из расплавленного металла. Это пугало Рармона, так что он едва не сорвал его и не отбросил прочь. Но странным образом боль не приходила, словно он был саламандрой в пламени...

Потом свет ушел. Кольцо снова стало не теплее руки, на которую надето. Ральданаш сделал шаг назад, прочь от него.

— Ты не лжешь, — раздался за спиной Рармона голос одного из семерых. — В тебе частица мессии Ральднора, а через него — и Ашне'е. Более того, богиня оставила мету на твоей душе.

Рармон никак не отреагировал на эти слова. Он продолжал смотреть на короля.

Эманакир по одному покинули храм. В открытую дверь проник холод ночи, и Рармон ощутил, как прохладный храм делается для него близким и теплым.

— Что теперь? — спросил он у Ральданаша.

— Ты тот, кем себя назвал, — был ответ. И более ничего.

Как ни в чем не бывало они приблизились к двери.

— И что это дает мне, мой повелитель?

— Все, что угодно. В рамках моей власти.

Снаружи блестели чешуйчатые доспехи — телохранители с факелами стояли на лужайке перед храмом.

— Может быть, начнем с небольшого подарка? — предложил Рармон.

Ральданаш замер. Рармону стало интересно, что подумала Улис-Анет, когда впервые увидела своего невозможного супруга.

— Речь идет о сыне Яннула, — пояснил он. — Для некоторых людей, мой повелитель, имя значит очень много. Это магия, ключ к их личности. Ваши отцы были друзьями. Почему бы не позволить мальчику носить то имя, которое ему дано?

— Он больше не в Ланне, — возразил Ральданаш.

— Он уже уяснил это. Вы заставили его стыдиться. Вы хотите, мой повелитель, чтобы из-за вашей причастности ни у кого не осталось желания носить имя вашего отца?

Ральданаш, выглядящий совсем как уроженец Равнин, похоже, теперь решил предъявить висскую часть своей крови. Он бросил взгляд в сторону телохранителей.

— Ты говоришь «ваш отец», хотя обращаешься ко мне, как к брату, — уронил он.

— Я прошу вас о милости. И эти люди, которым вы доверяете, сказали, что я на самом деле ваш брат.

Последовало долгое молчание. Ветерок донес из общего храма выше по холму обрывок какого-то гимна — пение, перемежаемое ударами в литавры и хоровыми вскриками. Воистину, Дорфар сделал Ее своей.

— Он не может носить имя Ральднора, служа мне, — наконец выговорил Ральданаш.

— Вот как? А если бы на него претендовал я?

— А ты претендуешь?

— Если бы такое случилось? — настаивал Рармон.

Они снова смотрели в глаза друг другу, как тогда, в комнате из черного камня. Время повернуло вспять. Рармон пришел на встречу с королем, не собираясь задавать ему вопросы. Такой вызов не мог быть ни брошен, ни принят, ибо они не были равны. Для низших достаточно приказов.

— Да, — внезапно произнес Ральданаш. — Мне было сказано в храме, так, как ты не можешь слышать, — из разума в разум. Моя душа не отмечена богиней. Я всего лишь король.

— Не понимаю вас, мой повелитель.

— Я не боюсь тебя, Рармон. У меня есть внутренняя сила, которой ты лишен, и права, которых нет у тебя. Кроме того, я видел, что ты вор, которому сейчас нечего украсть. Но мне показали и кое-что еще: ты станешь чем-то большим, чем мог бы стать я.

— Я так ничего и не понял, мой повелитель, — послушно кивнул Рармон. — Если вы захотите изгнать меня из Анкиры, должен ли я принять это?

Но Ральданаш молча побрел прочь. Его особая гвардия, среди которой были и люди темной расы, просверкала за ним блестящими доспехами. Рармон же так и остался стоять во дворе, пока его не разыскал там дворцовый смотритель. Он желал обсудить с гостем, какие покои отвести ему во дворце, и прочие подобные вопросы.

Все это время с холма по-прежнему доносилось пение. Рармон и понятия не имел, что причиной этого является он сам.

— Еще вина?

Таддриец вежливо отказался. Если перебрать живительной влаги, пусть даже из погребов верховного жреца, завтра это обернется тяжелейшим похмельем.

Где-то позади роскошного зала, в глубине храмовой рощи, затихали песни и крики. Время близилось к полуночи. Хозяин давно отослал слуг и теперь сам наполнял свой кубок.

— Ты в самом деле уверен? — отрывисто спросил он. Таддриец собрал все свое терпение. Благословенный уже четырежды задавал ему этот вопрос, причем в последний раз — два часа назад. Что ж, по крайней мере промежутки не сокращаются.

— Добродетельный отец, вы послали меня туда, как своего свидетеля, и я послушно ждал в зале. Факелы горели ярко. Они

вошли. У меня было меньше минуты, прежде чем король и эманакир увели его в личный храм Повелителя Гроз. И все это время я видел его не ближе, чем вон те светильники слева от нас.

— Тем не менее, — настаивал верховный жрец. Само собой, он был дорфарианцем. Когда-то давно *они* стали расой хозяев, и эта нить тянется до сих пор.

— Тем не менее я, как уже сказал вам, а вы передали прихожанам, лично убедился в том, что человек, называющий себя Рармоном, — воистину сын Ральднора.

— Однако ты говоришь, что он не вполне похож...

— Тот Ральднор, которого я удостоился лицезреть... о, немного мужчин могли бы сравниться с этим! Так же, как немного женщин могли бы сравниться с *нею*. И все же сходство очевидно. В своем роде этот Рармон весьма хорош собой. Под определенным углом его черты напоминают лицо статуи Рарнаммона. Сам Ральднор, говорят, выглядел именно так.

Верховный жрец кивнул и снова принялся за свое вино.

Таддриец решил, что сейчас не время озвучивать мысль, пришедшую ему в голову, когда в зал вошел король, а следом за ним — мужчина с более темной кожей. Внезапная, отчетливая и очевидная мысль: «Теперь *это* разделено между двоими». Беловолосый ваткрианец получил красоту — но вместилищем силы стал другой.

Он был еще ребенком, когда ему довелось увидеть Ральднора эм Анакир. Это случилось на рассвете, в мятежном таддрийском городке. Дым пожарищ и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облака. И вдруг среди этого хаоса показалась самая обычная крестьянская повозка, какие делают в джунглях. Однако те два создания, что сидели в ней, ни в коем случае нельзя было назвать обычными. Бог и богиня. Лишь годы спустя он узнал, что это были Ральднор, сын Редона, и Астарис — женщина, которую он любил. Сочетание банальности их отъезда из городка с величием их сверхъестественного облика, по сути, и создало таддрийского жреца — вместе с его привычкой все оспаривать. Его не устраивали некоторые особенности культа богини. Мифологии следовало бы управлять жизнью людей, а загробное бытие лучше предоставить ему самому. Религия призвана помогать смертным в их бренном существовании, а не дурманить их надеждой на запредельное будущее. Разве правильно жить лишь грезами о смерти?

— Так или иначе эманакир испытают его, — произнес Благословенный, подавляя отрыжку.

— Без сомнения, Добродетельный отец.

— Но ты — *ты* уверен?

О милосердная Анак! Промежутки между вопросами снова уменьшаются.

— Наидобродетельнейший, как я уже говорил...

— Да-да, — верховный жрец явно злился на таддрийца, но и на себя самого тоже. Благополучный исход землетрясения, безусловно, пополнил казну храма. Наверное, Благословенный желал пойти и пересчитать прибыль. Самое богатое подношение сделал

молодой заравиец, начальник личной гвардии принцессы-невесты. Он был совершенно ошеломлен историей со скакунами, которые понесли во время землетрясения, но уже достаточно пришел в себя, чтобы посетить храм этим вечером. Однако таддриец усомнился, что лорд Айрос здесь лишь для того, чтобы возблагодарить Анакир за спасение жизни. Было видно, что его раздирают гнев и отчаяние. По всем признакам Айрос влюбился в принцессу, и ничего хорошего из этого выйти не могло. Как известно, Ральднор эм Анакир тоже был любовником нареченной своего Повелителя Гроз.

— Несомненные знамения, — заключил верховный жрец, поднимаясь. В самом деле, пора было расходиться. — Сыновья героев стекаются сюда, в сердце Виса. Если грядет война, это благая примета для нас.

Таддриец простерся перед Благословенным, поднялся и ушел.

Если грядет война? Тут и ребенок мог бы сказать — не «если», а «когда». Собственно, уже сказал — игры анкирских детей превратились в одно сплошное сражение, причем нижние улицы предпочитали играть за Вольных закорианцев. Война, проклятие людей... А эта война хуже любой другой. В своем изгнании Закорис сделался хищным демоном. Ради своей мести он пытается разобщить всех Висов, и если ему удастся победить, то не останется камня на камне, а каждый клочок земли почернеет от огня и крови.

Но степняки не уклонялись от этого. В их жизни уже был один необыкновенный триумф. Кроме того, разве их богиня не учит, что душа живет вечно? Так что тут такого, если умрет плоть? Смерть — всего лишь сброшенная кожа. Когда-то эта философия делала людей пассивными — сейчас же оправдывает их неистовство и отсутствие жалости.

Проходя через храм, таддриец коснулся губами позолоченных чешуек богини. Ему была по душе сама идея богини-змеи, уставшей от людей.

Далекая, едва слышная гроза бормотала над горами. Прозрачные молнии были словно разбавленное молоко, но все же подсвечивали здесь и там потоки воды — дождь, стоящий стеной, наполнял разбитые бассейны и пересохшие лужи. Сполохи играли над рекой, освещая ее вместе с уличными фонарями, огнями храмов и окнами домов.

На другом берегу реки лежал мертвый Корамвис, раздробленный на кусочки.

Рармон оставил колесницу в миле отсюда, привязав зеебов. Сегодня он счел нужным запрячь именно зеебов, не желая рисковать хрупкими и ненадежными скакунами.

Он сам не знал до конца, зачем приехал сюда. Сейчас, когда все уже случилось, это, возможно, было чем-то вроде попытки бегства. Его отец наверняка ощущал то же самое, попав в ловушку своей блистательной личины — первого среди людей Амрека.

С удивлением Рармон отметил, что без ошибки пролагает путь по разрушенным улицам — наверное, его вело нечто, пе-

решедшее от отца. Хотя он сомневался, что после землетрясения даже Ральднору удалось бы отыскать дорогу туда, куда нужно.

Единственным надежным ориентиром служила река Окрис, озаренная молниями. Огромный мост рухнул в воду. Сквозь разбитую и вздыбленную мостовую буйно проросли трава и кусты — скоро уже тридцать лет, как ничто не мешало им расти и процветать. Кое-где сохранились остатки зданий, башня, колоннада — но и они были сплошь оплетены ползучими растениями и молодой древесной порослью. Рармон слышал, как орут в ночи дикие коты, устроившие себе логова в развалинах.

Порывы ветра гнали вдоль переулков пыль пополам с мраморной крошкой. От реки шел запах гниения. Повсюду ржавел металл. Весь город проржавел, как сломанный меч.

Пройдя еще немного, Рармон остановился и посмотрел через реку.

Когда слева от него возникло неясное движение, он не спеша обернулся, вытаскивая нож. Не исключено, что разбойники, как и звери, устраивают здесь свои убежища. Но тут кольцо вспыхнуло, и Рармон насторожился. Не угроза — однако нечто странное... Он помедлил, вглядываясь в темноту. За разрушенной аркой из белого висского камня тенью стояла еще одна — тоже разбитая, но черная. А под ней шевельнулся кто-то... Девушка.

Рармон медленно направился к ней. Собственно, для такой осторожности не было причин, он же не мог порвать видение, как паутину.

Вокруг стояла ночь, но под черной аркой было светло, как днем. Не глядя на Рармона, девушка доставала воду из колодца. Совсем юная, лет тринадцати или четырнадцати, но прекрасная отнюдь не только своей юностью. И волосы, и кожа — безупречно Равнинные.

Наполнив кувшин, девушка поставила его на бедро и подняла голову. Рармон встретился с нею взглядом — чему она не позволила случиться в доме наместника Ольма, — и затрепетал, осознав, *кто это*.

Он громко окликнул ее, но пустые развалины поглотили его голос.

13

Когда-то, в незапамятные времена, городом правила королева. Ее звали Ашнезеа, и от этого имени пошли многие другие, такие, как Аниси или Ашне'е. Древний, как мир, он многое повидал — легендарное величие, упадок своего народа, завоеванного и угнетенного, гонения со стороны Висов, беспощадное преследование Амрека. Его подчиняли, наводняли войсками, которые ненавидели и боялись как самого города, так и его жителей. Затем на его черные камни ступил спаситель, и город увидел низвержение Висов и пробуждение Змеи Равнин. И первый укус Змеиных зубов.

Теперь он лежал в руинах, этот город на Равнинах-без-Теней. Он утратил все, даже свое имя — если вообще когда-нибудь имел его.

Сквозь его обветшалые стены пробегали звери, путники входили и выходили, когда хотели. Все в мире изменилось —

но только не эти руины. Тому, кто входил сюда через незащищенные ворота, ложился на плечи тяжкий груз минувших веков и загадки города.

Хойт рассчитывал заехать в один из двух или трех крупных степных городов, поднявшихся на Равнинах. Может быть, в Хамос. Тогда, в Элире, лежа в шатре и ожидая девочку, он решил оставить ее себе, если она ему понравится. Конечно, сначала он дал бы ей свободу, чтобы не обижать эманакир, и привязал ее к себе лишь силой любви. И вот она пришла. Он увидел ее волосы, ее глаза, а затем — Тень богини.

Когда сознание вернулось к Хойту, девочки — девушки — уже не было в шатре. Все еще дрожа, он вылез наружу, желая убедиться, что ему ничего не приснилось. Погонщик и слуги спали, а девушка сидела подле сторожевых калинксов, охраняющих овец.

Хойт со страхом приблизился к ней. Она не прогнала его, не поразила мгновенной смертью. И тогда он опустился перед нею на колени и попросил простить его.

После этого девушка продолжила путь в крытой повозке, которую Хойт приобрел в ближайшей деревне. Иногда он подходил спросить, не нужно ли ей чего-нибудь, но девушка лишь улыбалась. Ее улыбка прямо-таки завораживала, и, во всяком случае, лучше уж так, чем швыряться молниями. Ее тень в дорожной пыли теперь была просто тенью обычной девушки. Слуги Хойта, вардийцы, как и он, с уважением относились к ее светлым волосам. Они приписывали его заботу о ней обычному деловому благоразумию и сами опекали ее из тех же побуждений.

Хойту доводилось слышать немало историй о воплощениях в смертных того или иного божества. Война Равнин закончилась до его рождения, но еще была свежа в памяти людей — не в последнюю очередь благодаря народной фантазии, измышлявшей новые и новые ее подробности. Эпоха чудес все еще длилась. Поэтому причастность к чуду не столько беспокоила, сколько волновала и возбуждала Хойта. К тому же в Вардате, где по сей день жрицы свободно расхаживали среди львов и даже беседовали с ними, а мысленная речь между близкими родственниками была нередким явлением, сама жизнь вынуждала людей проще относиться к чудесам.

Вступая на Равнины, Хойт вдруг осознал, куда должен направиться. Она не говорила с ним на эту тему — он просто стал знать, и все. Купец был слегка разочарован, так как город руин не обещал никакой деловой выгоды и, как ему казалось, никакой славы для девушки. Однако он повиновался без слова.

Темный древний город, притаившийся в неглубокой лощине, не вызвал у Хойта никаких теплых чувств и не удивил его. Единственной неожиданностью для него стало то, что здесь до сих пор обитает немало людей. Имелся даже заравийский торговый квартал, населенный людьми хитроумными и склонными к риску. Они восстановили

старую рыночную площадь и вернули ей древнее Равнинное название — Лепасин. Дома вокруг площади тоже отремонтировали и укрепили. Жизнь в этом квартале отнюдь не казалась бледным призраком себя самой, как в прочих местах города, — тут она была яркой и полнокровной, и вардиец снял жилье именно здесь. Фасад его дома выходил окнами прямо на рынок, задние же окна смотрели на склон, уступами взбегающий ввысь. В отдалении темнели два заброшенных дворца, скорбно хранящие тайну своего упадка и разрушения. Весь остальной склон порос травой и мелким кустарником. Здесь паслись те овцы Хойта, что еще не были проданы, на ночь укрываясь во внутреннем дворике.

По утрам женщины отправлялись за водой к древним колодцам. Они наполняли свои кувшины и болтали, создавая видимость нормальной жизни.

Основным населением города по-прежнему были полукровки, ибо еще не так давно, когда ни Висы, ни светлая раса не желали признавать их за своих, руины являлись их единственным убежищем. Чистокровные степняки в основном подались в молодые города Равнин, такие, как Хамос или Мойя, или в мир Висов, где для них теперь стали открыты все дороги. Здесь же остались люди с обочины жизни, более кроткие духом, пусть и носители чистой крови. Их было не так уж мало, но все равно лишь незначительная доля от всего народа. Люди Степей обрели себя и по большей части стали совсем не такими, как были — точнее, стали такими, как были вечность назад.

Когда девушка появилась на Лепасине, кучка болтающихся без дела, а может быть, просто самых услужливых тут же бросилась показывать ей дорогу. Даже в этих местах люди всегда выказывали огромное почтение к эманакир, а с ее внешностью девушка не могла быть никем иным.

Едва она подошла к старому колодцу, как тут же две или три женщины поспешили к ней, желая предупредить.

— Не трудитесь, молодая госпожа, — колодец пуст. Идите лучше к другому, на Южной террасе. Мы покажем вам, где это.

Девушка остановилась и посмотрела на советчиц. Несомненно, она услышала их, так как наклонила голову и чуть улыбнулась, но тем не менее взошла по ступеням, ведущим к колодцу. Стоя в оправе полуразрушенной арки, она казалась видением или сном.

Женщины начали переговариваться. Они были полукровками и не любили силой навязывать свое мнение. Поэтому они спокойно ждали, когда девушка убедится во всем сама, чтобы проводить ее к действующему колодцу на другом конце Лепасина.

В этот час на рыночной площади шла оживленная торговля или просто обмен товаров. Но те, кто оказался рядом, с интересом наблюдали за девой-эманакир у пересохшего колодца. Молодой человек наполовину заравийской крови, оставив на брата прилавок с овощами и расписной керамикой, поспешил к кучке женщин у

колодца. Девушка-степнячка заинтересовала его до такой степени, что он поднялся по ступеням и заговорил с ней.

— Вода ушла отсюда еще во времена моего отца. Неужели эти безмозглые куры не сказали вам? Позвольте, я провожу вас к другому колодцу.

— Подожди, — мягко ответила девушка.

Юноша хотел возразить, но вдруг осекся и поднес руку ко лбу. Именно там, в голове, прозвучал этот мягкий голос. В силу своей смешанной крови он крайне редко слышал мысленную речь, да и то с трудом разбирал услышанное. Столь четкий ответ девушки потряс его до глубины души. И, как когда-то герой Ральднор, он сразу же проникся любовью к женщине, подарившей ему этот миг чистого слияния разумов.

Когда степнячка опустила ведро в колодец, он без возражений позволил ей сделать это. Вытянув ведро назад, она опрокинула его в кувшин. Юноша не смотрел на ведро — только на нее, — но не мог не услышать плеска. Бросив взгляд на кувшин, он увидел, что тот и впрямь мокрый.

Женщины внизу тоже увидели это и заволновались, указывая друг другу на капли влаги. Кто-то вскрикнул.

Тем временем степнячка протянула кувшин юноше.

— Пей.

Слово — если это было слово — возникло у него в мозгу, ясное, как стекло. Он обнаружил, что его руки дрожат, принимая кувшин и поднося его к губам. Затем дрожь ушла, и он не смог сдержать восхищенного возгласа. Все лица тут же обратились к нему.

— Это вино! — В голосе юноши слышалось недоверие и одновременно восторг, почти исступление. Со всех сторон начали сбегаться люди, вопрошая и перекликаясь. Раздались возгласы: «Обман! Колдовство!»

Девушка отступила в сторону, не мешая людям опускать ведро в колодец и снова вытаскивать. Жидкость пробовали, восторгались, переливали в свою посуду — и опять опускали и доставали ведро, пробовали и выкрикивали что-то неразборчивое.

Наблюдая за этой картиной из окна, вардиец Хойт тоже ощутил невольный трепет. Он знал, что колодец пересох, — заравиец, сдавший ему жилье, предупредил его еще вчера. Слыша крики, Хойт понимал, что девушке не угрожает никакая опасность. Однако что-то заставило его подняться и выйти на площадь, чтобы принять участие в происходящем.

По большому счету это был один из традиционных религиозных трюков, присущих его континенту, особенно Шансару. Символические превращения: посох или меч становился змеей, дерево — камнем, или камень извергал воду, которая обращалась в кровь при проклятии и в вино при благословении. Так что чудо, совершенное девушкой, было вполне обычным для его родины. И все же, непонятно почему, Хойту так хотелось попробовать этого вина, чтобы вместе с другими издать восторженный вопль...

Когда он вышел на порог, один из слуг поймал его за рукав.

— Вы знаете, что творится, господин? — возбужденно спросил он. Хойт кивнул. — Так вот, они пытаются *покупать* у нее вино!

Хойт от души рассмеялся — это чрезвычайно позабавило его, торговца до мозга костей. Разве можно купить чудо?

Суматоха вокруг колодца с вином продолжалась до самого полудня. С наступлением жары активность на рынке улеглась или, по крайней мере, поутихла. Вновь прибывшим рассказывали о происшествии и предлагали проверить самим. Колодец не пересыхал.

Что до девушки, то она спокойно сидела на верхней ступеньке у колодца и вглядывалась в лица окруживших ее людей. Иногда взгляд ее скользил над толпой. Казалось, она чего-то ждет, но не знает, откуда явится знак: из толпы, изнутри ее самой, с неба?

Те, кто знал, что Хойт имеет отношение к девушке, засыпали его вопросами:

— Она никогда не разговаривает?

— Она не говорит вслух. Только изнутри. Она эманакир.

— А откуда она взялась? Из-за моря?

— Вы имеете в виду — из моей страны? Нет. Я нашел ее в Ланнелире.

Он чувствовал себя именинником, ибо имел честь сопровождать ее. Машинально он потянулся и зачерпнул из ведра. Вино было желтое, очень чистое — настоящее вино Равнин. Все пили его, выпил и вардиец. Наверное, что-то в нем изменилось...

С легким удивлением он обнаружил, что дремлет на скамейке, удобно прислонившись к стене. Было очень жарко. Случилось что-то очень странное, но в этом не было ничего неприятного или неправильного. Все происходило как должно.

Вся площадь Лепасин была забита народом. Даже на террасах холма сидели люди — на битых камнях или прямо на траве, прячась от солнца под самодельными зонтиками. В окнах и дверных проемах виднелись лица. Те, кто имел крепкие руки, взобрались на развалины древних дворцов. И в довершение всего Хойт увидел важные бородатые морды нескольких своих овец, выглядывающие из-за колонн.

Солнце перевалило через зенит.

И вот девушка поднялась со ступеньки.

Все наблюдали, как она спускается и идет через весь рынок. А затем сотни людей добровольно, послушно снялись с места и последовали за ней.

Она прошла через весь разрушенный город, по его маленьким дворикам и пыльным улицам. В двадцати-тридцати шагах за ее спиной следовала толпа народу. В некоторых местах, где каменная кладка грозила обвалиться и перекрыть дорогу, девушка останавливалась и, казалось, раздумывала, не стоит ли свернуть. Но тут же молодые

мужчины во главе со светловолосым заравийцем забегали вперед и с криками и смехом, вздымая густую пыль, расчищали ей путь.

Похоже, девушка была хорошо знакома с историей.

Она подошла к дому, который когда-то принадлежал человеку по имени Орван и служил своеобразным приютом отверженных. В свое время там нашел убежище Ральднор, а также Рас, будущий предатель. Девушка в одиночестве вошла в дверь, миновала круглый зал, помедлила и снова вышла. Шествие продолжилось. Она свернула к дому в верхнем квартале, где прежде жил оммоссц Йир-Дакан, но заходить туда не стала. Столбы у входа, увенчанные ликами Зарока, давно пали под ударами молотов. Пройдя через весь город, девушка подошла к заброшенному дворцу, откуда дорфарианский гарнизон правил Равнинами. Именно здесь колокол вызванивал комендантский час, здесь задумывались зверства и грабежи — и именно здесь в ночь Пробуждения по слову Ральднора весь гарнизон погиб, захлебываясь кровью.

Девушка ступила под холодные своды дворца и задержалась там. Лишь немногие последовали за ней, чтобы не упускать ее из виду и, в случае чего, защитить. Люди вообще редко отваживались зайти в это здание. Среди Висов и полукровок оно пользовалось недоброй славой, а для чистокровных степняков до сих пор оставалось средоточием боли и горя.

Были и другие места, которые посетила девушка. Еще один дом, где жил Ральднор; импровизированная кузница, в которой был выкован первый дорфарианский меч с грубым, но страстным изображением Анакир (он и сейчас висел на одной из ее опор, медленно ржавея); улица, где, по преданию, Ральднор убил огромного белого волка.

Солнце клонилось к горизонту, наливаясь предзакатным золотом.

Толпа по-прежнему следовала за ней по пятам. Некоторые возбужденно переговаривались. Иные утратили понимание происходящего, гадая, что заставляет их двигаться за легкой фигуркой девушки, которая даже ни разу не оглянулась на них.

Тени по-вечернему удлинились, когда она снова привела их на Лепасин. Черные разбитые колонны древних дворцов пронзали рдеющее небо.

Последние из задержавшихся на рынке торговцев уже прибрали на ночь прилавки, собираясь домой. Тут и там горящие факелы отмечали бдение горожан на площади. Многие окна окружающих домов тоже были освещены — люди желали видеть, что будет дальше.

Девушка поднялась по ступеням на северо-восточную террасу, где находился действующий колодец. Сияние закатного неба очерчивало ее силуэт, так что на фоне темных камней она сама казалась светящейся.

Меж небом и землей повисло тяжелое безмолвие. Умолкли птицы, утих ветер, даже вечернее солнце словно замерло. Вот-вот произойдет нечто совершенно невероятное, невозможное по меркам обычной жизни... Висов на площади охватило нетерпеливое ожидание пополам со страхом, их души словно привстали на цыпочки. Люди Равнин чувствовали смутную боль в душе, как будто там открывались старые раны.

Девушка воздела руки.

Хойт Вардиец, торговец самой различной живностью от овец до рабов, испытал запредельное парящее чувство, знакомое по храмовым башням Континента-Побратима, где душа отделяется от тела и отправляется в свободный полет. Толпа вокруг раскачивалась в экстазе, накаляя воздух своими эмоциями. И вот родился звук, слышимый даже не ушами, но всем телом, словно кто-то вновь и вновь трогал незримую струну гигантской арфы. Казалось, что девушка наполнилась огнем, как светильник из алебастра. Ее волосы мерцали, шевелились, дрожали, словно пламя на ветру, которого не было.

Толпа застонала. Не от страха — это было что-то вроде крика, исторгнутого наслаждением.

Того, что случилось дальше, не ожидал никто.

В небо рванулся свет, башня света, в основании которой стояла девушка. Вернее, должна была стоять, поскольку свет был столь силен, что совершенно растворил ее силуэт. Какой-то миг не было ничего, кроме света. Затем он обрел форму.

И этой формой была Анакир.

Она вздымалась, как башня. Она парила. Ее плоть была белой горой, змеиный хвост — огненной рекой в половодье. Золотая голова касалась зенита — и там, в вышине, плескались Ее змеиные волосы, подобные молниям и молнии порождающие.

Ее нечеловеческое лицо было едва видно — так высоко и далеко, что казалось недостижимым, даже когда Она склонилась к потрясенным зрителям. На Ее шее лежало ожерелье из тронутых солнцем облаков, некоторые из них отрывались от него и медленно плыли прочь. Ее глаза были ярче, чем два слепящих солнца. И восемь рук, простертых в том же жесте, какой сделала девушка, невесомо парящие в воздухе — лишь запястья и длинные пальцы чуть шевелились. Струящийся змеиный хвост сгибался и разгибался.

Она была — живая. Она смотрела на людей, и, не имея сил выдержать Ее взгляд, они падали ниц, а некоторые — сразу в обморок.

Пять бесконечных мгновений стояла пред ними Анакир. Наконец Ее сияние стало нестерпимо ярким, а затем обжигающая белизна погасла, оставив лишь что-то вроде тени в закатном небе. Еще через миг не стало даже тени.

Придя в себя, Хойт увидел девушку, которая стояла у колодца, словно никак не затронутая той сущностью, которую только что воплотила. Она выглядела спокойной и полной сил. Вардиец с трудом нашел в себе силы, чтобы взглянуть ей в лицо — и оно было лицом Анакир. Оно всегда было им.

Оставив свою госпожу в опочивальне, Йеза с надеждой помедлила в передней. Ей так хотелось услышать стремительные шаги Повелителя Гроз! Но комнаты, озаренные свечами, были тихими и спокойными, как стоячий пруд. Как всегда... Никто не распахивал дверей перед прекрасным беловолосым королем, сгорающим от желания.

Йеза вздохнула. По большому счету, он мог прийти к невесте уже сегодня ночью — обряд обручения допускал это. Однако вмешались непредвиденные события — сначала неожиданно явивший себя миру принц Рармон, а затем прибытие посла из Кармисса, предвещающее серьезные изменения в королевских планах. Тем не менее свадьба, невзирая ни на что, должна была состояться завтра. Йеза нагрузила работой всех дам Улис-Анет — достать и подготовить роскошное одеяние, драгоценный головной убор, ароматические масла из цветов, способных вызвать желание. Завтра вечером покои принцессы будут перенесены в другую часть дворца. Она станет одной из пятнадцати младших жен Верховного короля. Неужели она, изысканное воплощение Зарависса, не удостоится даже одной ночи со своим супругом? Всем было хорошо известно, что каким-то несчастным образом ни у одной из жен Ральданаша — как младших, так и старших, светловолосых королев с другого континента — не получалось зачать. Правда, некоторые наложницы имели детей, но они считались незаконными, и никто из них не обнаруживал сходства с ваткрианским королем.

Возможно, он поражен мужским бессилием? Всем было столь же хорошо известно, что он даже не держит мальчиков для удовольствия.

Но ведь не могут же боги — особенно богини — желать, чтобы прервалась законная линия героя Ральднора!

Йеза вышла наружу, в один из внутренних садов дворца, — и тут же какой-то мужчина железной хваткой сжал ее запястье. Девушка взвизгнула. Однако ночной дворец всегда был полон любовных вздохов и вскриков, и чтобы привлечь стражу, требовался совсем другой шум. Но не успела Йеза набрать в грудь побольше воздуха, как разглядела знакомые точеные черты в свете, падающем из полуоткрытой двери.

— Лорд Айрос?!

— Он у нее? — отрывисто бросил тот.

— Ты имеешь в виду короля? Это его право, — вызывающе ответила Йеза.

— Я спрашиваю тебя не об этом, шлюха.

— Я не то, чем ты меня...

— Отвечай, или я сломаю тебе руку!

Йеза тут же поверила ему. Прежде Айрос мало занимал ее, хотя его пылкие взгляды и волновали воображение девушки. Но за время долгого пути ее безразличие понемногу переросло в интерес.

— Нет. Она одна. Но, мой лорд, ты не можешь войти туда.

— Еще как могу. Я подкупил семь человек, чтобы быть уверенным в этом. Как, по-твоему, мне удалось пробраться незамеченным так далеко?

— Если кто-нибудь застанет тебя с принцессой, она умрет. Так же, как и ты.

— Кто может застать нас? Во всяком случае, не ее жених. Разве что ты сама выдашь меня.

Йеза заглянула в его сверкающие глаза — и дрогнула. Когда Айрос привлек ее к себе, целуя, она растаяла в жаре его тела, хотя и знала, что он предназначен совсем другой женщине. Затем он оттолкнул

ее, и Йеза едва не рухнула в траву. Дверь захлопнулась. Взволнованная и оскорбленная, неожиданно она обнаружила, что когда Айрос прижимал ее к себе, то сунул ей меж грудей золотую монету.

Отношение короля по-прежнему было далеким от братского дружелюбия. Ничего не изменилось, и было ясное ощущение, что и не может измениться.

— Добрый вечер, Рармон.

— Добрый вечер, мой повелитель. Сожалею, что задержался.

— Вижу, ты явился на мой зов прямо с колесницы. Прогуливался в холмах?

— В руинах, мой повелитель.

— О да, Корамвис... Нам всем случалось съездить взглянуть на него. Но мне кажется, что ты бывал там уже неоднократно.

Рармон промолчал. Не исключено, что его сводный брат-король приказал следить за ним. Сам Рармон возвысился слишком недавно, чтобы позволить себе аналогичные действия в отношении короля. Его гвардия полностью состояла из солдат Ральданаша. В своем нынешнем положении он даже не мог просто набрать для себя людей с улицы.

С той удивительной ночи правосудия эманакир Рармону не доводилось оказываться наедине с Повелителем Гроз. Разумеется, время от времени он видел Ральданаша, поскольку, к ужасу Совета, был официально признан его братом. Лорд-правитель Венкрек даже затеял собственное тайное расследование, менее мистическое и более прозаическое. Тем временем поднялся такой шум, что трудно было услышать самого себя.

Вызов короля не слишком удивил Рармона — он не мог не знать о прибытии кармианского посла. И хотя прошлое возникшего из ниоткуда сына Ральднора не афишировалось и даже не уточнялось, Рармон счел нужным обрисовать его в общих чертах. Ральданаш знал, что его сводный брат служил Кесару по меньшей мере два года. Вполне достаточно для того, чтобы...

— Похоже, я должен ехать на восток, — произнес Ральданаш. — Это будет официальная поездка. Король Кармисса послал в Дорфар своего человека, весьма ценного советника. Я должен лично встретить его близ Кумы. Предполагаются военные учения. Ты помнишь, как кармианцы потопили корабли Вольного Закориса?

— Разумеется.

— Мне интересно твое мнение по поводу предполагаемой стратегии, ибо ты имеешь представление о целях Кесара и его способе мышления. Поэтому ты поедешь со мной.

Рармон неохотно кивнул. Он подумал, что у короля могут быть свои причины для такого решения. Хотя бы то, что ему станет спокойнее, если брат-бастард все время будет у него на глазах.

— Наша поездка должна храниться в тайне. У Вольных закорианцев есть лазутчики в Дорфаре. Я выезжаю завтра, и чем большим сюрпризом это станет для столицы, тем лучше.

— Я полагаю, мой повелитель, что сначала вы все-таки женитесь на заравийской принцессе.

— О да. Оскорблять Зарависс не входит в мои планы. Я возьму ее с собой. Кстати, это будет прекрасным оправданием поездки — показать новой жене свои владения. Тханн За'ат будет польщен. Ни одна из моих женщин не была удостоена такой чести. — Ральданаш не улыбался. Казалось, что его немыслимо отстраненный взгляд сосредоточен на вещах, не имеющих отношения ни к женитьбе, ни к войне. — Так что я намерен возложить на тебя еще одну обязанность — стать моим посланцем. Сегодня же вечером зайди в покои Улис-Анет и все ей расскажи. Она должна быть готова к отъезду сразу после утренней церемонии.

— Не поздно ли? — произнес Рармон, помедлив пару мгновений. — Скорее всего, она уже отдыхает.

— Если ты возьмешь с собой двух стражников и дворцового смотрителя, твой визит будет вполне официальным. Подожди, пока женщины вызовут принцессу, и лично расскажи ей обо всем. За исключением кармианских проблем, естественно, об этом я подумаю позднее. И конечно же, принеси извинения. Тебе понятно, почему я прошу об этой услуге именно тебя?

— Нет, мой повелитель, — ответил Рармон, хотя у него имелись кое-какие предположения.

— Потому что этикет требует в этом случае кого-нибудь высокопоставленного, и в то же время он должен быть причастен моим планам. Мне хочется, чтобы ты дал понять это моей невесте.

— Да, мой повелитель. — Рармон снова помедлил и очень мягко заметил: — Но, боюсь, принцессу удивит, что вы не явились к ней сами, дабы сообщить о своих секретах.

— Если я явлюсь туда сам, — ответил Ральданаш, — то принцесса решит, что я пришел осуществить свои супружеские права.

Искренность, с которой король произнес эти слова, могла бы показаться забавной, если бы не обеспокоила Рармона. В поведении Ральданаша не было и следа смущения или уныния.

Пожалуй, умнее всего было промолчать. Так Рармон и сделал.

Выйдя от короля, он вызвал двух стражников и послал за дворцовым смотрителем, а сам попытался связать воедино открывшиеся ему факты. Итак, король не слишком-то желает свою последнюю жену — если вообще способен желать хоть кого-то. Ему было бы исключительно удобно свести ее со своим столь драматически объявившимся сводным братцем. Позже можно будет застигнуть их вдвоем и как следует покарать обоих. Рармон не имел оснований думать, что королю известны его постельные предпочтения, даже после того, как эманакир порылись в его сознании. Во всяком случае, ситуацию, которую можно поставить в вину, нетрудно и подстроить. С другой стороны, Рармон не мог с уверенностью подозревать Ральданаша в подобных намерениях. По сути, в отношении короля не было уверенности ни в чем — ни в дурном, ни в хорошем. Он обладал потрясающим очарованием, но не было никакой ясности, как

он может использовать это свойство в личной жизни и в делах правления.

Когда маленькая процессия во главе с дворцовым смотрителем свернула из одного роскошного коридора в другой, путь ей преградил не кто иной, как сын Яннула.

— Нельзя ли вас на пару слов? — вежливо, но твердо обратился он к Рармону.

Лар-Ральднор, более известный во дворце как Лар-Яннул, являл собой зрелище совершенного спокойствия. Однако его глаза, казалось, кричали: «Это жизненно важное и срочное дело». Рармон отошел от эскорта, и они уединились в амбразуре окна.

— Он придет сегодня ночью к Улис-Анет?

— Если ты имеешь в виду Ральданаша, то не придет. Я несу ей послание от него.

— Кто-то пустил по дворцу рискованные слухи. Якобы сегодня ночью король намерен осуществить свои супружеские права. Йеза случайно подслушала эти россказни.

— Я так понял, что принцесса не одна?

— Этот проклятый шут Айрос подкупил все, что попалось ему на пути, и пролез через сад. Но чтобы уйти, ему придется пробраться через переднюю, поскольку стража сменилась. А передняя полна людей из королевского окружения.

— Ясно.

— Если возникнет хоть малейшее подозрение, что этот мужчина идет от принцессы... вы знаете, что гласит закон Дорфара по поводу супружеской измены. Ральднор промахнулся всего лишь на длину клинка, не так ли? — Сын Яннула улыбнулся, потом рассмеялся. Рармон был впечатлен его актерским талантом. — Вы можете что-нибудь сделать?

— Может быть. При условии, что никто из них не ударится в панику.

Они обменялись улыбками и расстались. Рармон двинулся дальше со своим эскортом и через несколько минут подошел к покоям принцессы. Стража отсалютовала ему. Кроме нее, в коридоре отиралось несколько придворных прихлебателей.

Когда двери отворились, Рармон увидел, что передняя в самом деле полна народу — заравийские слуги, даже писцы, словно в столь поздний час принцессе могло прийти в голову отправить письмо. Все они, похоже, были разочарованы, увидев в дверях Рармона, а не самого Ральданаша. Дамы Улис-Анет, по крайней мере, большая их часть, тоже толкались здесь. К счастью, невзирая на свой испуг и неопытность, Йеза успела вернуться.

С совершенно излишней пунктуальностью дворцовый смотритель уведомил о прибытии принца Рармона, прибавив, что он здесь по поручению Повелителя Гроз. Его слова возымели действие — лица у всех тут же сделались очень серьезными. Выражаясь театральным языком, публика застыла в ожидании.

Рармон счел за благо вмешаться — поблагодарил всех собравшихся и отпустил их. Его личный авторитет вкупе со славой подействовал на толпу — менее чем через минуту передняя опустела. Тогда Рармон обратился к Йезе, попросив ее войти и доложить госпоже о его приходе.

Повисло напряженное молчание. Зная вспыльчивый характер Айроса и его любовь к эффектности, можно было ожидать, что он выскочит из комнаты с обнаженным мечом, и солдатам Ральданаша придется вступить с ним в схватку. Однако тихое бормотание за дверью не давало оснований для беспокойства. Йеза выскользнула из комнаты, плотно притворив за собой дверь. В ней тоже совсем не чувствовалось отчаяния.

Рармон ожидал, что Улис-Анет выйдет следом за ней, оставив доказательства своей вины за дверью. Поэтому он был весьма удивлен, когда Йеза сообщила:

— Мой лорд, принцесса еще не ложилась. Как брат короля и ее сиятельный родственник, вы можете войти.

Это настолько противоречило здравому смыслу, что на миг Рармон заподозрил, нет ли здесь какой ловушки. Он прошел в спальню, гадая, не прячется ли Айрос в шкафу для одежды. У него было сильное ощущение, что здесь разыгрывается один из традиционных театральных фарсов.

Однако Айрос стоял у дальней стены, на всеобщем обозрении. Улис-Анет, несмотря на разложенное ночное одеяние, повернулась к Рармону. Йеза закрыла дверь и на всякий случай прислонилась к ней.

— Как видите, мы в вашей власти, — выговорила принцесса. Ее голос был тихим, но не дрожал, как у Йезы.

— Я здесь по поручению короля, — уверенно произнес Рармон. — Мне надо сообщить вам кое-какие новости. Затем я удалюсь. На то, что Повелитель Гроз посетит вас сегодня ночью, можно не рассчитывать. Так что в ближайшие пятнадцать минут этот господин может без страха покинуть ваши покои через переднюю — я позабочусь, чтобы там никого не было. Для полной безопасности пусть он накинет какой-нибудь скромный плащ, который принесет ему Йеза. Кому будет интересен еще один бездельник-писец?

Айрос выругался, но ему хватило ума не повышать голоса.

Улис-Анет не отводила взгляда от Рармона.

— Благодаря вам я не погибла и осталась цела во время землетрясения. Наверное, вы возмущены, застав меня в таком глупом и опасном положении?

— Вы сами придумали себе опасность. Ко мне это не имеет никакого отношения.

— Мой лорд, ко *мне* это тоже не имеет отношения, — вскинула голову принцесса. Во взгляде и плотно сжатых губах чувствовалось напряжение. Рармон снова невольно поразился тому, как она до невозможности похожа на Вал-Нардию. Но лишь внешне — внутреннего сходства было куда меньше. — Я чувствую, что могу вам доверять, принц Рармон. Так будьте же свидетелем, что я не

приглашала сюда этого мужчину и не желала видеть его здесь. По сути, мой лорд, я прошу у вас защиты от него.

Айрос издал какой-то невнятный звук, причем довольно громко. Он явно был готов закричать или разразиться гневной речью. Поэтому Рармон бросился к нему и наотмашь ударил по лицу. Айрос отлетел к стене.

— Тише, будь ты проклят! — прошипел Рармон, сдавив ему горло. — Она отреклась от тебя, разве ты не слышал? Ты втянул ее в эту авантюру против воли.

Айрос продолжал сопротивляться, но было видно, что его пыл почти угас, и Рармон рискнул выпустить его.

— Эта сука всего лишь оговаривает меня, чтобы отпереться самой, — уронил он.

— Не смей бросаться подобными словами. Стоит этой женщине захотеть, и она может обвинить тебя в попытке изнасилования. Если ты хоть сколько-то ценишь ее, призови на помощь свои хорошие манеры. И свои мозги — дабы признать очевидное.

Айрос потрогал свой подбородок. Он терпеть не мог, когда что-либо наносило ущерб его красоте.

— Жду тебя на Северной аллее, за Лисьим садом, — твердо продолжил Рармон. — Если задержишься здесь, я буду вынужден вернуться. После чего ты будешь обвинен в том, что проник сюда ради насилия, и ответишь перед моими людьми.

— Да как ты смеешь! Ты, кармианский выскочка! — Айрос чуть не плакал от досады. Что ж, ему не довелось служить у Кесара, и он еще многого не знал о жизни.

— Постарайся усвоить, мальчишка, — отчеканил Рармон, — кем стал я, прибыв сюда, и кем остался ты. Ты болван и хвастун, но, по крайней мере, живой. Однако, если ты будешь упорствовать в своей глупости, мне ничего не стоит исправить это положение.

Немного позже они встретились на Северной аллее. Разговор был очень краток — видимо, Айрос и впрямь начал осознавать, кто такой теперь лорд Рармон.

Когда начальник заравийской гвардии скрылся среди аккуратно подстриженных садовых зарослей, Рармон перевел дух и прислонился к колонне. Он следил за луной, медленно катящейся к горизонту, и вдруг почувствовал, что янтарное кольцо у него на пальце начинает остывать. Оно было горячим с того момента, как сын Яннула заговорил с ним в коридоре. Но почему? Какое-то новое предостережение?

Подумав о кольце, он невольно обратился мыслью к той, что подарила его. Он видел ее дважды: во плоти в Ольме и призраком на развалинах Корамвиса. На самом деле ей не больше девяти — так почему же она предстала перед ним четырнадцатилетней девушкой?

Где она? Очевидно, что больше не с волками. И что ей надо от него? Когда он устремился к ней, она попросту исчезла. Чары рассеялись от приближения или неосторожного вскрика. Но

осталось ощущение какого-то вопроса. Или просьбы. И еще эта связь через кольцо...

Странно, но Рармон больше не верил в нее. Как и в ее богиню.

14

После ухода короля Улис-Анет осталась сидеть под гаснущими светильниками, такая же неподвижная, как любой другой предмет в ее шатре.

В этот день они выехали в Куму и долго тряслись по узкой дороге меж холмов. Улис-Анет пустилась в путь прямо в свадебном наряде, даже цветы в ее волосах все еще были свежими. Вечером они разбили лагерь на поляне среди холмов, освещенной факелами и звездами, к которым она уже начала привыкать. Именно тогда ей поднесли свадебный дар от супруга — ожерелье в виде золотых целующихся птиц, перемежаемых гроздьями плодов из розового кварца и сапфиров, а к нему — тяжелые серьги той же работы. Очень достойный подарок — и более чем уместный. Улис-Анет знала, что сегодня ночью король обязан прийти к ней. Так и случилось.

Светильники догорали, в воздухе висел густой запах благовоний, кувшины с вином стояли наготове. Служанки нарядили ее для первой брачной ночи.

Король прибыл в сопровождении эскорта. Мужчины с факелами распевали дорфарианские свадебные песни, мешая их с ваткрианскими, — время от времени среди чужеземных слов можно было уловить вполне родные непристойности. Затем мужчины удалились, вслед за ними удалились ее дамы, и она впервые осталась наедине с Ральданашем в ароматном полумраке шатра.

Тогда, на Холме Верховных королей, среди царящего вокруг хаоса, Улис-Анет впервые увидела, насколько красив ее будущий супруг. Однако ничто в ней не отозвалось на эту красоту, как на что-то желанное. Красота Ральданаша не была влекущей, она ничего не обещала. Принцесса знала, что он пришел сюда не для того, чтобы любить ее, и была совершенно права.

— Я вижу, вы все понимаете, Улис, — сказал наконец король.

Ей следовало выбирать слова, но она злилась — даже не на него лично, а вообще на все. Сдержанная и учтивая ярость переполняла ее.

— Не совсем, мой повелитель. Но я знаю, чего вы от меня ждете.

— Ничего.

— Вот именно — ничего.

— Мне очень жаль, если это ввергает вас в уныние, — произнес Ральданаш. — Поверьте, наш бесплодный союз — вовсе не мой выбор. Мы оба жертвы политики. — Он сел и с безучастным видом продолжил свою речь: — Лишь по этой причине я обязан какое-то время побыть с вами этой ночью, а также всеми остальными ночами нашего путешествия. Будет довольно странно, если я не стану так поступать — в глазах людей это прямое оскорбление для вас. Понимаю, что такой подлог может показаться обидным, но, смею надеяться, вы

покоритесь неизбежности. Когда мы вернемся в Анкиру, у вас будет право распоряжаться своими ночами, как вам угодно. Я не буду возражать, только соблюдайте приличия и не порочьте мое имя.

— Значит ли это, что я могу заводить любовников, мой повелитель?

— Если пожелаете, Улис. Это будет только честно, ибо я никогда не возлягу с вами.

В общем, она уже не ожидала, что это когда-то случится, — и все же была до глубины души потрясена его холодностью.

— Вы попираете все брачные установления и традиции Дорфара, — вырвалось у нее.

— Возможно.

— Но почему? Или вы так преданы вашим светловолосым женам, королевам из Шансара и...

— Я не предан ни одной из женщин, — перебил ее король и, чуть усмехнувшись, добавил: — И ни одному из мужчин.

Против воли Улис-Анет содрогнулась. У нее было чувство, будто она погружается внутрь себя, в самые глубины — и что-то толкало ее все глубже и глубже...

— Не будет ли дерзостью, мой повелитель, если я спрошу, в чем причина этого?

— У вас есть право спрашивать о чем угодно. Беседа — единственное, чем я способен скрасить часы вашего одиночества. По крайней мере, я могу быть честным с вами. — Ральданаш сделал паузу и снова заговорил: — В землях за океаном существует обычай посвящать себя богине. Он предполагает полное воздержание, в том числе и в чувствах. Человек не занимается любовью и никого не любит — он верен лишь богине и ее земле, которая есть воплощение богини. По большей части это относится к жрецам. Но так случилось, что я тоже призван. Не то чтобы меня вынудили или научили — просто однажды я почувствовал, что принадлежу к этим избранным. В Ваткри таких людей называют Сыновьями Ашкар, они считаются святыми и время от времени могут творить чудеса. К несчастью, настала пора, когда мне пришлось покинуть родину, чтобы стать Верховным королем здесь, на севере. Помимо всего прочего, в мои обязанности входит продолжить династию отца. Однако это ничего не меняет. Внутренний голос всегда сильнее, чем любой крик снаружи, надо лишь прислушаться к нему... Род Ральднора закончится на мне.

— Но вы могли не заставлять себя...

— Мне знакомо вожделение, — просто сказал он. — Прежде оно часто одолевало меня в Застис. Но это в прошлом. Теперь я обуздал свои желания.

— Это какая-то загадка, мой повелитель, — Улис-Анет не могла сдержать изумления.

— Никакой загадки. Просто у Висов не существует организованного культа безбрачия как источника Силы. У людей Равнин, эманакир, он был всегда. В известной степени это относится и к моему народу. Поверьте, подавление половой энергии — вовсе

не ужасная кара бессилием и бесплодием, которую жрец-Вис может обрушить на грешника. Плотское влечение — это мощь, которая способна перерождаться, накапливаться, использоваться в иных целях. Эманакир долгое время славились тайной храмовой наукой любви. Со временем они научились управлять близостью и превращать взрыв наслаждения в сияющий ключ к магической энергии. Накопленная и направленная, такая энергия способна на многое. Разве странно, что механизм зарождения жизни как таковой можно использовать для созидания и иными способами?

Откровенность речи Ральданаша в сочетании с его бесстрастием смутила принцессу. Она более не осмеливалась говорить на эту тему — король же, еще раз удивив ее, перевел разговор на Зарависс. Целых два часа они вели беседу, в ходе которой король объяснил ей истинную цель поездки в Куму. Теперь она знала — там должно произойти что-то важное.

После его ухода Улис-Анет ощутила себя усталой и подавленной. Но когда это оцепенение прошло, она ошеломленно поняла, что возбуждена до жара и покалывания в теле, словно в пору Застис. Она была обманута в своей жажде близости — и сейчас сила желания, о которой рассуждал король, казалось, заполнила весь ее шатер.

Кума тоже изрядно пострадала во время войны. Теперь следы давних пожаров на скорую руку маскировались цветами, яркими лентами и вымпелами. Городок был потрясен блеском королевской свиты в той же мере, в какой Анкира — отъездом короля из столицы. На следующий же день после прибытия была объявлена охота на восточных холмах. Наместник города пытался протестовать, не уверенный в успехе затеи, — в прошлом году всю область накрыла сильнейшая засуха, и дичи в лесах было очень мало. Но Повелитель Гроз проявил твердость в своей прихоти: ему хотелось ощутить вкус преследования. Вместе с охотничьей командой из города отправилась едва ли не треть прибывших повозок, королевские шатры и даже королева вместе с небольшим отрядом заравийской стражи и придворными дамами. Если Кума и мыслилась как место для неких более значительных событий, то ее наместника в известность об этом не поставили.

Высоко в холмах, на выжженной солнцем равнине, королевская команда разделилась. Оставив шатры на берегу неглубокой речки, король со сводным братом и двумя дюжинами гвардейцев во весь опор рванули вверх по склонам. Грохот колесниц и поднятая ими пыль разносились далеко по окрестностям. При столь ревностном отношении к охоте это была, прямо скажем, на редкость неудачная тактика.

С вершины бурого холма можно было охватить взглядом мили и мили пространства до самого моря, сверкающего, как змеиная чешуя, под кобальтовым небом. А еще взору открывалась до-

лина внизу, на которой расположилась другая охотничья команда. Темный шатер, а вокруг него снуют туда-сюда люди и зеебы.

Король взмахнул рукой, и на ветру заплескалось знамя Анкиры.

Те, внизу, в ответ подняли свой флаг. И это была не Лилия Кармисса — на черном полотнище полыхала ярко-алая Саламандра.

Рармон, прежде звавшийся Рэмом, почувствовал, как деревенеет его спина. Он уже начал оборачиваться к Ральданашу — и тут полог темного шатра откинулся. Оттуда вышел человек и застыл, глядя вверх, в их сторону. Это был Кесар.

Колесницы начали спускаться.

— Мой повелитель, — наконец решился Рармон, — никакой это не советник. Это их король.

— Ты узнаешь его? — спокойно спросил Ральданаш. — Я подозревал что-то в этом роде. Говорят, что он нередко сражается на своих кораблях в одежде простого солдата. Ему нравится быть в гуще событий.

Их группа перевалила через гребень, и колесницы мягко покатились в долину.

Было ли в запасе у Ральданаша что-то, кроме подозрений? Это знал только он сам.

Рармону ничего не оставалось делать — с тяжелым сердцем он начал готовиться к неминуемому противостоянию.

В двадцати шагах от шатра колесницы остановились. Белый знаменосец выступил вперед, воткнул в землю свой штандарт и провозгласил:

— Мой лорд, перед вами Ральданаш, сын Ральднора, сына Редона, нынешний Повелитель Гроз Дорфара, Король Драконов всего Виса.

С противоположной стороны такого действа не последовало. Кесар просто шагнул вперед и отдал честь Повелителю Гроз. Тот приветствовал его легким наклоном головы, как подобает при встрече двух королей.

Минувшие восемь лет прибавили физической силы человеку, которого помнил Рармон, при этом не нанеся ни малейшего ущерба его изысканности. Как и у Рармона, у него было сложение воина — гибкое, стройное тело, словно отлитое из стали. На правой скуле, под глазом, появился маленький шрам не больше детского ногтя. Никаких иных отметин время не оставило. Разве что глаза сделались чернее и глубже, взгляд их стал непроницаемым, при этом пылая силой и цепкой наблюдательностью. Последние остатки юношеской угловатости исчезли без следа — Кесар стал таким, каким должно.

Как всегда, он был одет в черное, без гербов и знаков. Черноволосый, в черных одеждах, он застыл напротив белокурого Ральданаша в светлом одеянии. Снова любимая им театральность. Они были словно две фигуры на игральной доске.

Ральданаш сошел с колесницы.

— Смею надеяться, что в ваше отсутствие с Кармиссом ничего не случится.

— Вижу, меня узнали, — едва заметно усмехнулся Кесар.

— Мой брат помнит вас, — отозвался Ральданаш.

Рармон в свою очередь слез с колесницы и направился к королевскому дуэту. Похоже, одна из фигур решила использовать его в качестве пешки. Следуя указующему жесту Повелителя Гроз, король Кармисса обратил взгляд на Рармона. Да, это были истинно глаза Кесара — под их взглядом невольно хотелось упасть на колени. Рармон подошел ближе. Несомненно, Кесар признал его, но не собирался подавать виду. Это не удивило Рармона — так и должно было произойти.

— Ваш брат, мой лорд? — небрежно переспросил Кесар, когда его бывший солдат встал рядом с Повелителем Гроз. Ральданаш воздержался от ответа, предоставив это право самому Рармону.

— Незаконнорожденный сын Ральднора эм Анакир от его кармианской любовницы, — произнес тот, стараясь избежать как вызывающего, так и оправдательного тона.

Кесар, не отрываясь, смотрел на него. На Рармона, которого знал как Рэма. Того, кто получил десять ударов кнутом по прозвищу Шкуродер, кто выдоил яд из змеи в Тьисе. Того, кто скакал без отдыха, чтобы доставить весть о смерти Вал-Нардии — слишком запоздавшую, чтобы чем-то помочь. Того, кто поднялся на борт корабля Дхола с его новорожденной дочерью на руках. И не вернулся обратно.

Кесар ничего не забыл. Рармон прочел это в его глазах.

Затем губы кармианского короля тронула тонкая улыбка, придавшая ему немыслимое очарование, и он решился признать своего прежнего слугу.

— Да, что-то кармианское тут, несомненно, есть, — бросил он и повернулся к Ральданашу: — Мой лорд, не лучше ли нам войти в шатер, чтобы обсудить наши дела?

Передний полог был откинут, и послеполуденное солнце заливало шатер. В тридцати шагах от него несли караул двое стражей — белый и черный.

Кесар пригласил за стол переговоров одного из своих помощников, а также писца, чтобы фиксировать разговор. Двое людей Ральданаша сидели позади своего повелителя. Рармон устроился в отдалении, как требовала его роль молчаливого наблюдателя.

Подали кармианское вино. Отпив, Рармон признал, что тамошние виноградники уже почти оправились от ущерба, нанесенного войной.

Совещание длилось больше часа. Они разобрали в деталях и одобрили победу флота Кесара, потом речь зашла о резне в Анкабеке. «Малодушное и нечестивое деяние. Богине должно быть уплачено кровью», — заметил по этому поводу Кесар. При этом он старался не смотреть в сторону Рармона, который хорошо знал всю глубину любви Кесара к Анакир и вполне мог поделиться этим знанием с остальными.

В свою очередь по указанию Повелителя Гроз его помощники доложили о набегах Вольных закорианцев на дорфарианское по-

 бережье. В связи с этим была восстановлена и приведена в по-

рядок система обороны северного и восточного берегов, бездействовавшая со времен войны. Этот факт ни для кого не стал открытием.

Далее стороны занялись подробным рассмотрением Старого Закориса, уже двадцать девять лет лежащего под властью Вардата. Как предмет торга край не представлял решительно никакого интереса. Ваткри и Вардат состояли в незыблемом союзе, и претензии Вардата, безусловно подтвержденные битвой, осадой и капитуляцией, нельзя было сбросить со счета. Но, так или иначе, Йилу эм Закорису удалось вернуть свой венец. И все говорило о том, что он с жадностью поглядывает в сторону остального континента, накапливая силы для его захвата.

Пошел второй час переговоров.

Получив знак от Ральданаша, один из его помощников поинтересовался, как много кораблей осталось у Вольных закорианцев после того гибельного рейда.

— Согласно докладам, от нас ушли всего десять, — ответил истрисский помощник. — Это были те самые демоны, что разрушили Анкабек. На момент, когда священный остров оказался под защитой короля Кесара, в наступлении участвовало не менее десяти кораблей.

— Я слышал, что Анкабек вообще не имеет военной защиты. Считается, что святым землям она не нужна, — с наивной улыбкой заметил помощник Ральданаша.

— У вас неверные сведения. На острове размещено воинское подразделение. Кроме того, морской гарнизон на кармианском побережье занимает очень выгодную позицию, чтобы наблюдать за порядком в этом месте. Если на то будет соизволение богини, он готов выступить в любую минуту.

Звучный голос Кесара прервал зарождающуюся перепалку:

— К тому же в том сражении участвовали далеко не все корабли Йила. Немалая их часть стоит в Закорисе-в-Таддре. Как известно, Таддра богата лесом, и пиратам есть из чего строить свой флот.

— От наших таддрийских лазутчиков мы получили сообщение о наличии второго флота не менее чем в сотню кораблей, — вставил помощник Ральданаша.

— Мои собственные источники подтверждают, что два флота Йила стоят на рейде в заливах северо-западного побережья, — кивнул Кесар. — Та сотня, о которой вы упомянули, является частью меньшего из них.

Это стало новостью. Помощник Ральданаша нахмурился и бросил взгляд на Повелителя Гроз.

— Ваши источники славятся своей безупречностью, — заметил Ральданаш.

— Безупречных источников не существует, — отмахнулся Кесар. — Но этим я склонен доверять.

— В таком случае, что они сообщают по поводу Южной дороги?

Кесар улыбнулся и подлил вина себе и Повелителю Гроз, заставив покраснеть второго дорфарианца, в чьи обязанности входило следить за кубками.

— Вы имеете в виду пресловутый путь, который Йил прокладывает сквозь джунгли к Вардийскому Закорису?

— Именно. А через него — и к западным пределам Дорфара.

— Безнадежное дело. Йил использует эту работу как каторгу для осужденных. Им приходится выгрызать у джунглей каждый кусок земли — за десять лет удалось проложить лишь десять миль дороги. Да и то, если команды рабов не будут трудиться там день и ночь, поддерживая расчистку, лес снова все поглотит.

— Пограничные посты Вардийского Закориса видят в джунглях огонь и дым, — подал голос помощник Ральданаша, осекся — не остановят ли его? — и, не дождавшись, продолжил: — Они ждут дождливой погоды и затем поджигают деревья. Дождь не дает случиться лесному пожару, однако там, где надо, земля расчищена превосходно.

Лицо Кесара осталось неподвижным, и это бесстрастие лучше всяких слов дало понять Рармону, что тот знал об этом и раньше.

— Ваше величество понимает, — высказался наконец Кесар, — что Кармисс, как один из ближайших соседей Дорфара и ваш преданный вассал, без промедления выступит на вашей стороне.

— Благодарю вас от имени Дорфара, — склонил голову Ральданаш.

— А через Кармисс, — вкрадчиво добавил Кесар, — вы можете получить поддержку Ланна и Элира.

Это было ошибкой.

— У Ланна нет армии, — громко заявил помощник Ральданаша, бросив взгляд на своего повелителя. — А Элир — вообще дикая местность.

— Тем не менее в обеих областях хватает молодых людей, жаждущих вступить в армию, и можно объявить военный призыв.

— Эти сведения передал вам ланнский король? — уточнил Ральданаш.

— Король Ланна внял моему братскому совету, — ответил Кесар.

В шатре повисла тишина. Казалось, она сгустилась в нечто осязаемое у стенок из шкуры овара, пологом перегородила выход наружу. Кесар отхлебнул из кубка и кивнул своему истрийскому помощнику.

— Король Ланна опасался вторжения Вольных закорианцев и обратился к нам в поисках защиты, — пояснил истриец. — Спустя пятьдесят четыре дня после рейда закорианских кораблей король Кесар великодушно пришел на помощь своему собрату.

Еще одна ошибка.

Помощник, сидевший рядом с Ральданашем, резко вскочил на ноги. Он был полукровкой, но темнее своего товарища, пожалуй, на добрые три четверти дорфарианец. Бросив молниеносный взгляд на Кесара, он громко и раздельно произнес:

— Повелитель Гроз, только что нас оповестили об оккупации Ланна Кармиссом.

— Сядь, — приказал Ральданаш, оставаясь все так же спокоен.

Помощник сел. Руки у него тряслись. Кесар предложил Ральданашу еще вина, и тот, кивнув, придвинул кубок.

— Лорд Кесар, — проговорил он затем, — что бы ни значили ваши слова, мы желаем услышать пояснения.

Рармон наблюдал за профилем Кесара. Он был совершенно невозмутим. Казалось, идет обсуждение какой-нибудь торговой сделки.

— Я ваш покорный слуга, Повелитель Гроз, и не могу ослушаться приказа. — Он выдержал значительную паузу и продолжил: — Ланн, не имеющий собственных средств обороны, что вообще-то странно, обратился ко мне с просьбой о защите. В данный момент мои корабли патрулируют береговую линию, чтобы предупредить нападение с моря. Также я ввел в страну некоторое количество сухопутных сил на случай, если морское заграждение будет прорвано.

— И каковы эти силы, мой лорд?

— Достаточно серьезные, — Кесар не сумел скрыть усмешку.

— Таким образом, это вторжение в Ланн, — подвел итог Ральданаш.

— Ни в коем случае, Повелитель Гроз. Меня пригласили туда войти. Полагаю, что теперь Ланн займется созданием собственной армии. Когда опасность минует, Кармисс сможет убрать свою крепкую руку.

Никто не рассмеялся.

— Это сделано без всяких ухищрений, — продолжил Кесар. — Кармианские маневры проводились открыто, любой мог их наблюдать. Возможно, морское патрулирование, введенное после анкабекской трагедии, смутило иных наблюдателей, и они неправильно истолковали нашу миссию милосердия в Ланне. Однако поверьте — я не ставлю своей целью кого-то обмануть. Я сам излагаю вам эти события, мой лорд, прежде чем ваших ушей достигнут искаженные слухи.

— Что скажешь? — спросил Ральданаш.

— Все так повернулось, что вам вряд ли требуется мое мнение, — пожал плечами Рармон.

Колесницы медленно поднимались по склону. Солнце уже клонилось к закату.

— Ты прав, нужды нет. Но допустим, что мне просто интересна твоя точка зрения.

— Кесар так долго играет в свои игры, что это вошло в его плоть и кровь — собирать сведения, интриговать и захватывать. Он хотел Кармисс и получил его. Но на этом он не остановится. Он наслаждается самим процессом приобретения. И он большой мастер этого дела. — Ни разу еще Рармон не позволял себе столь откровенно высказаться о своем бывшем хозяине. Он никогда не испытывал особой верности Ральданашу и теперь спрашивал себя, в чем же тут дело. Возможно, в духе соперничества с братом-королем?

— И чего же он хочет теперь? — спросил Повелитель Гроз.

— Всего. В перспективе — весь мир. Однако это дело будущего. Сейчас же он опасен для нас тем, что может выбирать...

— Между Закорисом с одной стороны и Дорфаром и Междуземьем — с другой, — закончил Ральданаш.

— Да, мой повелитель. Именно так. Кесар может объединиться с вами или же направить послов к Йилу. У него достаточно сил, чтобы нарушить равновесие. Дорфар же, будучи заперт между Вольными закорианцами и кармианским Ланном, не сможет спокойно развиваться. Кесар показал вам кулак в надежде, что вы все поймете правильно и предложите ему выгодную сделку.

— О да.

— Вам остается надежда, что у Закориса не найдется для Кесара ничего интересного.

— Йил завел себе нового советника в Таддре. Это блестящий стратег, к тому же умеющий манипулировать людьми. Боюсь, он сумеет изобрести достойную приманку для Кесара. Разумеется, помимо основной — объединения сил во имя завоевания мира.

— Да, это лакомый кусочек, который они всегда держат наготове.

— Кесар кажется тебе таким ненасытным?

— У него была голодная юность, — пояснил Рармон. — Сузамун швырял ему кости и корки, как собаке. Поэтому голод Кесара превратился в болезнь, и потребуется целый мир, чтобы насытить его.

— Ты очень уверенно судишь о Кесаре, — заметил Ральданаш. — Как я и думал.

— Вы знали, что увидите здесь именно его, а не кого-то из младших принцев.

— Я предполагал это.

— Нет, мой повелитель, — покачал головой Рармон. — Вы знали наверняка.

Королевский возничий хлестнул скакунов, и колесница Ральданаша поспешила вперед, к черному экипажу, который резко выделялся на фоне наползающей грозы.

Сейчас вокруг находилось больше людей Кесара, чем прежде. Должно быть, раньше они стояли на дальних холмах. Даже так, сохраняя расслабленный и непринужденный вид, они выглядели угрожающе. Можно не сомневаться — лорда Кесара никто и пальцем не тронет. Его даже не посмеют отравить во время роскошного ужина на лоне природы, куда он приглашен в качестве официального союзника Дорфара. Полная беспечность Кесара свидетельствовала, что он, как всегда, все досконально рассчитал, и самая возможность случайного злодейства исключена начисто.

Гроза началась, когда они перевалили за первый холм.

Но еще до того, как ударил гром и хлынул дождь, мысли Рармона неожиданно повернули в другом направлении. И теперь, направляя колесницу сквозь потоки воды, он гадал, не стоит ли ему предупредить Ральданаша. Затем у него возник мгновенный порыв заранее известить обо всем Кесара. Но по здравом размышлении он отверг оба варианта.

Прошло уже восемь с половиной лет. И если за праздничным столом напротив Кесара окажется красноволосая копия Вал-Нардии, то, скорее всего, это не будет иметь никакого значения.

* * *

Солнце уже давно село. Дождь по-прежнему хлестал, изливаясь на небольшой лагерь, на скорую руку разбитый у речки.

В большом королевском шатре было сервировано пятьдесят шесть блюд. Взор гостей услаждали дорфарианские танцовщицы, девушки из Кумы подливали гостям вино. Но этим женское общество и ограничивалось — офицеры не привели своих дам, младшая супруга Повелителя Гроз тоже отсутствовала. Распоряжение пришло, когда уже зажгли светильники, — Ральданаш вежливо попросил ее покинуть шатер, ибо поводом для пира был всего лишь небольшой праздник, не имеющий общественного значения.

Когда доели первую перемену блюд и подали вторую, а из ярко освещенного шатра донеслась громкая музыка, принцесса подслушала разговор помощников Ральданаша, которым не терпелось поделиться с кем-нибудь тем, что они услышали на совещании. Новостей накопилось много, и весь Дорфар должен был немедленно узнать их.

Улис-Анет не интересовалась политическими раскладами, ибо ей отводилась в них слишком незначительная роль. Поэтому имя Кесара эм Кармисса оставалось для нее не более чем именем. То, что она слышала об этом человеке — тиран и возможный враг, — не вызывало желания общаться с ним, но даже это не имело для нее особого значения.

Однако ее снедало беспокойство. Заснуть не получалось, а необходимость сидеть в закрытом шатре, куда ее отвела одна из дам, ничуть не радовала принцессу.

Снаружи, под дождем, стоял на часах один из солдат Айроса.

Принцесса окинула мысленным взором жизнь, которую ей отныне придется вести, и то, что она увидела, заставило ее расплакаться. В своем унизительном положении Улис-Анет не ждала от будущего ничего хорошего. Но мудрость подсказывала ей, что нет ничего глупее слез.

Человек встал у входа, стряхивая дождевые капли с плаща.

— Добрый вечер, Бийх, — произнес Рармон.

— Великие боги, Рэм! Ни за что бы не подумал, что ты меня вспомнишь!

— Мне кажется, Бийх, что ты и сейчас не думаешь. Теперь я уже не Рэм.

Сначала истрисский солдат решил обидеться, но затем смирился.

— Да, вы высоко поднялись в этой жизни. Прошу прощения, мой лорд.

— Итак, — кивнул Рармон, — ты здесь по поручению Кесара. Что ему надо от меня?

— Он хочет увидеться с вами.

— Мы виделись во время ужина.

— Увидеться наедине, лорд Рэм... то есть Рармон.

— Нет.

Бийх уставился на старого товарища. Он был еще одним из Девятых в тайной гвардии Кесара, но, в отличие от Рэма, так и не поднялся по жизненной лестнице, оставшись простым солдатом и посыльным.

— Но, мой лорд...

— Твой король мог бы подумать, как будет выглядеть со стороны, если я тайно прошмыгну в его шатер, а потом назад, — внушительно произнес Рармон. — Будь добр, напомни ему, что я больше не состою у него на службе.

Бийх помедлил, видимо, не веря своим ушам, затем развернулся и скрылся за стеной дождя. Рармон уселся на стул и приготовился ждать.

Не исключено, что Кесару придет в голову банально убить его. Но вряд ли это случится прямо здесь, на нейтральной земле для дипломатических переговоров. Сейчас все слишком остро и нестабильно, чтобы решиться на такой шаг, как убийство... Рармон ощущал, что до сих пор не знает чего-то существенного, что не должно ускользнуть от него.

Однако он знал, что сделает Кесар.

Ждать пришлось менее получаса. В плеске дождя раздался шум шагов и вспыхнули дымные огни двух факелов. Пришельцы перебросились словами с дежурившими снаружи людьми Рармона — один из них порывался войти в шатер с докладом, но был вежливо отстранен. Вместо него появился солдат Кесара, поставил на пол большой кувшин вина и удалился. Следом за ним вошел сам Кесар.

Казалось, что он наполнил шатер наэлектризованной тьмой. Это было что-то нематериальное, но чрезвычайно мощное.

Совсем так же, как восемь лет назад, когда Рармон прощался с ним в Истрисе, Кесар сбросил мокрый плащ, на котором играли блики от светильников и тени.

— Наш приход сюда был ярким и шумным, — сказал он вместо приветствия. — Твой король обязан знать, что я здесь. По крайней мере, мы приложили для этого все усилия.

— Отравлено? — Рармон указал на кувшин с вином. — Или я достоин лишь ножа в спину?

Кесар пристально взглянул на него.

— Встань, — приказал он.

Медленно, без видимого усилия Рармон поднялся. По лицу Кесара нельзя было прочесть никакого намека, никакой разгадки происходящего.

— Теперь расскажи, где ты оставил ребенка моей сестры.

Рармон внутренне собрался. Тот человек, которым он был, и тот, которым мог быть сейчас, — он соединил их и велел им отвечать.

— В Ланне, мой лорд.

— Где именно в Ланне?

— Пираты захватили корабль Дхола — вы должны были слышать об этом. Я доставил их на берег. И там девушка сбежала от меня и унесла ребенка.

— Значит, ты признаешь, что подвел меня тогда. Пытался ли ты искать ребенка?

— Да, мой лорд.

Кесар помолчал, но продолжения не последовало.

— И что же ты нашел? — спросил он наконец.

— Волков, — произнеся это слово, Рармон почувствовал, как когти непостижимого рока сомкнулись на его плече. Почему он пошел по неверному пути? Не оттого ли, что сверхъестественный вариант событий был неприемлем для него? А может быть, оттого, что ненавидел Кесара — или оттого, что все еще был привязан к нему?

Вероятно, самого Кесара не так уж заботило все это. Для него ребенок был просто болтающейся нитью, которую можно обрезать или привязать — ничего иного с ней не сделаешь. И точно такой же болтающейся нитью был Рармон, которого можно убить или забыть. Или сначала убить, а потом забыть.

— И ты не соизволил явиться ко мне с рассказом, — наконец сказал Кесар.

— Я же подвел вас, как вы справедливо заметили.

— А теперь, после всего, ты нашел себе убежище. И как-то сумел обработать Ральданаша. Я слыхал, что он равнодушен к женщинам. Это так?

Неужели они снова в Истрисе? Ни в каком ином месте этот разговор просто не мог происходить.

Рармон не ответил. Кесар взял со столика одну из золотых чаш и наполнил ее вином из кувшина. Однако пил он без всякого удовольствия.

— Я все сильнее подозреваю, что уже тогда, в Кармиссе, тебе было известно, кто ты такой, — задумчиво произнес он. — Очевидно, тогда ты занимался сбором разных сведений, чтобы преподнести их в дар своему равнинно-ваткрианскому королю.

— Это не так, — коротко отозвался Рармон.

— С другой стороны, — продолжал развивать свою мысль Кесар, — ты вполне мог бы остаться в Дорфаре и собирать разные сведения в дар мне, — с этими словами он протянул Рармону недопитую чашу.

Дождь немного приутих. В наступившей тишине громовой раскат прокатился по небу и унесся куда-то вдаль, за двадцать холмов.

— Лорд Кесар, кажется, я уже доказал, что слуга из меня плохой, — твердо сказал Рармон. — И не забывайте, кем еще я являюсь. Мы с ним братья.

— О да, ты всегда был принцем, мой Рэм. Вором, головорезом, наемником — и принцем...

— А также сыном Ральднора эм Анакир, — добавил Рармон.

Взгляд Кесара скрестился с его взглядом. Затем эм Кармисс дотянулся до чаши, из которой так и не отпил Рармон, и нарочно выплеснул вино на ковер. Швырнув чашу обратно на столик, он вышел из шатра.

Кесар, владыка Кармисса и лорд-протектор Ланна, прошел через дорфарианский лагерь, направляясь к более скромной кармианской стоянке на другом берегу реки. Его факелы больше дымили, чем освещали путь, хотя дождь уже совсем прекратился.

Большой шатер Повелителя Гроз стоял возле узкого каменного мостика. Поодаль от него был возведен другой шатер для его последней, явно избыточной жены. В отсветах факелов поблескивали доспехи заравийцев. Полог был откинут, чтобы впустить дождевую прохладу. Внутри сидела женщина и читала при слабом освещении догорающих ламп.

Ее неясный силуэт чем-то смутил Кесара, но он тут же выбросил из головы это видение.

На исходе ночи, в час, который на Равнинах называют Часом Волка, Кесар внезапно вынырнул из сна и теперь лежал, уставившись во тьму широко раскрытыми глазами.

Ему приснился ребенок — колдовская дочь Вал-Нардии, а может, всего лишь умерший принц-король Эмел. Припомнить точнее Кесару не удавалось, сон уже отлетел. Но он чувствовал во всем теле напряжение, как от неистовой яростной борьбы.

Он поднялся, хлебнул из кувшина разбавленного вина.

Делая это, Кесар представил в темноте лицо умирающего мальчика со светлыми волосами и вгляделся в него — без всяких угрызений совести. Эмел был напуган. Несмотря на свои девять лет, мальчик, похоже, понимал, что умирает, и не от чумы, а от чего-то куда более изощренного.

Толпы перед дворцом уже выкрикивали имя Кесара. Когда мальчик впал в кому, регент покинул его на смертном ложе. В следующий раз он увидел Эмела уже в ящике с пряностями, куда поспешно поместили тело. Погода стояла исключительно жаркая. С мрачным удовлетворением Кесар приказал соорудить сыну Сузамуна висский склеп в Кармианской королевской усыпальнице вместо того, чтобы предать тело огню по шансарскому обычаю. Понадобился закрытый гроб. Бальзамировщики, нанятые Ральднором эм Иоли, шептались, что тело начало разлагаться слишком быстро и неестественно, словно после яда, и это делает их работу почти невозможной. Но эти разговоры очень быстро пресекли. Как бы то ни было, когда Кесар произносил надгробную речь, толпа рыдала. Месяцем позже она посадила его на трон Истриса.

Память об Эмеле быстро заглохла.

Таков был второй ребенок, который подстерегал его во сне.

Когда Кесар покинул свой шатер, небо уже тронула предрассветная бледность. Скоро начнут просыпаться люди. С восходом кармианцы собирались в обратный путь. Цели достигнуты. Дорфар был оценен и, кажется, готов оказаться соблазненным.

Кесар побрел по берегу, прочь от обоих лагерей. Вокруг него высились деревья и шуршал пышными метелками тростник. Ночь цепко держала землю в своих объятиях. Речка, слегка вздувшаяся после грозы, журчала по камням. Кесар остановился под деревом, глядя на бегущую воду.

Память о пропавшем ребенке не желала уходить. Забавно, ему ведь совершенно не было дела до этого. Исчезнувшая девоч-

ка причинила ему даже меньше боли, чем убитый им Эмел. Даже колдовство утратило свое значение, став неважным после стольких лет. Еще тогда, годы назад, услышав о гибели корабля Дхола, Кесар решил для себя, что его ребенок мертв...

Что-то мелькнуло в тени на противоположном берегу. Кесар поднял глаза — и в полумраке над низкой водой увидел свою сестру Вал-Нардию.

Сперва он испытал лишь смятение, легкое, как порыв ветра — не более. Это мог быть просто призрак, порожденный его воображением. Но затем в пустоту захолодевшего сердца хлынуло понимание. Женщина была отчетливо видна в предутреннем сумраке, вода дробила на куски ее отражение. Она существовала. Вторая волна смятения стала куда сильнее — она накатилась на Кесара быстро и мощно, совсем как тогда, при известии о *ее* смерти. Отхлынув, она оставила его опустошенным, и в этом опустошении он шагнул с берега в речку.

Улис-Анет в оцепенении смотрела на идущего к ней мужчину, невольно отступив на полшага — и понимая бессмысленность этого отступления. Бегущая вода, как и переход через нее, была знаком, символом. Не в ее власти было уйти, и она осталась на каменистой отмели, наблюдая за незнакомцем. Он вышел на берег и остановился менее чем в шаге от нее. Осторожно взял ее руки в свои, ощутив шелк кожи и живое тепло плоти. Свет падал на нее сквозь кружево ветвей, и пламя ее волос, красное, как кармианский цветок, было первой краской, подаренной миру рассветом.

— Улис, — сказал он.

Услышав свое имя из уст незнакомца, Улис-Анет смогла лишь растерянно взглянуть на него. Ее словно парализовало или сковало чарами — у нее не было сил даже попытаться освободиться от этого прикосновения...

Она всю ночь пролежала без сна в душном шатре, слишком возбужденная, чтобы заснуть, и слишком усталая, чтобы подняться. Где-то за час до рассвета что-то погнало ее прочь из шатра и королевского лагеря. Это был необдуманный, ребяческий поступок. Она даже отослала своего телохранителя, и солдат, решив, что она идет искать короля, не стал спорить. В полном одиночестве, беззащитная, Улис-Анет достигла берега этой символической реки — и тогда из темного леса на другом берегу вышел мужчина, одетый во все черное. Поначалу она решила, что это один из кармианских офицеров, и осознала весь ужас своего положения. Она уже хотела без промедления броситься в бегство, но затем увидела его глаза — ни темнота, ни расстояние не помешали этому.

Именно так он и удержал ее — своим взглядом. Его напряжение вкупе с какой-то скрытой силой личности обрушились на девушку, полностью лишив ее воли. Она лишь тупо стояла и ждала, пока он не вышел из воды и не взял ее за руки.

Это прикосновение наполнило жизнью нереальную сцену. Замирая от ужаса, Улис-Анет уступила своим желаниям и открылась той ошеломляющей силе, что струилась от незнакомца. Она не

видала его прежде, но ей вспомнилось подслушанное вчера описание, и она вдруг поняла, что перед ней — король Кармисса. И в этот миг он назвал ее по имени.

Его голос прозвучал хриплым измученным стоном. Против всякой логики, полуосознанно Улис-Анет поняла, что если он для нее — незнакомец, то она для него — нет.

Без слова, без движения стояла она перед Кесаром.

— Ты не призрак, — произнес он. — Как ты оказалась здесь?

«Не призрак... Значит, я для него — кто-то давно умерший?» — подумалось ей. По-прежнему не находя слов, она молча покачала головой и почувствовала, как он еще сильнее сжал ее пальцы.

— Она лежит в истрисском мавзолее, — снова произнес мужчина. — Ты не можешь быть ею, — затем голос его стал мягче, и он спросил почти обычным тоном: — Так кто же ты тогда?

— Вы назвали меня по имени, — слова вырвались у нее, прежде чем она осознала, что способна говорить.

— Улис, — повторил он. И хлынули слова и титулы, ничего не значащие в этот миг: — Улис-Анет эм Зарависс, дочь Тханна За'ата, жена Ральданаша.

«Это все про меня?» — мелькнуло в голове у принцессы.

Мужчина словно обрел цвет. Сила, по-прежнему исходящая от него, опаляла Улис-Анет, как темное солнце. Но тень безумия, лежавшая на всем его облике, куда-то отступила.

— Одна из жен Повелителя Гроз, — уронил он, все так же держа ее в плену своих рук и глаз.

— Но кто же та, за которую вы меня приняли? — спросила она.

— Я не принимал. Это ты и есть.

— Нет, — испугалась она, и это была первая ее попытка сопротивления. Но он все так же не спускал с нее взгляда и не ослаблял своих рук — и она снова сдалась.

— Ты была еще ребенком, когда она умерла, — сказал король. — Сейчас тебе столько же лет, как ей тогда, Улис-Анет, жена Ральданаша Дорфарианского.

— Пустите меня, лорд Кесар, — попросила она.

Он едва заметно улыбнулся и выпустил ее руки — ослабевшие, будто разом лишенные костей.

Было почти невозможно отвернуться от него... С огромным усилием Улис-Анет все же сделала это и двинулась прочь сквозь лес. Но и теперь, спиной, она ощущала его взгляд — он завораживал ее, даже когда она его не видела. Поднявшись на гребень холма, Улис-Анет не выдержала и обернулась.

Солнце уже взошло, и теперь силуэт мужчины казался темнее, чем тени деревьев. Ей чудилось, что этот человек получил странную власть над ней, непонятным образом привязав к себе ее душу.

Улис-Анет еще раз собрала все силы, чтобы заставить себя идти дальше.

Совершенно обессиленная, на свинцовых ногах, она двинулась к лагерю Повелителя Гроз.

* * *

Грозы не прекращались всю обратную дорогу до Анкиры.

Горячие новости, дошедшие до слуха Ральданаша в черном шатре на холмах Кумы, теперь горячо обсуждались в столице. С одной стороны — Закорис-в-Таддре, с другой — кармианский Ланн... Два этих клинка грозили сомкнуться на Междуземье, как ножницы.

Через двенадцать дней после возвращения Ральданаша в Анкиру небольшой конвой из трех кораблей вышел во Внутреннее море из маленького порта Тос на западе Дорфара. Его целью был Континент-Побратим, а ценным грузом — вести. Но путь туда и обратно требовал долгого времени — не один месяц, да и то, если ничего не случится.

Грозы терзали небо Анкиры, обрушиваясь прямо на здание Совета.

Сын Яннула стоял посреди княжеских покоев Рармона.

— Значит, он намерен оставить Ланн смешанным с грязью под каблуком Кармисса? — выговорил он со спокойствием отчаяния.

— Основной враг Ральданаша — Вольный Закорис, — отозвался Рармон. — У Дорфара не хватит мощи, чтобы воевать еще и с Кармиссом. Да и духу не хватит. Стоит нам двинуть войска в Ланн, и флот Йила обрушится на Дорфар, как прибой на берег.

— Понятно. Ланн остается в рабстве. Что ж, Рэм, вы можете гордиться своим прежним хозяином.

Рармон предпочел оставить без внимания этот выпад в свою сторону.

— Что ты собираешься делать? — спросил он вместо этого.

— Возвращаться в Ланн, что же еще? Письма не ходят ни туда, ни оттуда. Моя семья в Ланне, а здесь я не очень-то нужен. И ведь отец предупреждал меня! Надо было слушать его советы.

— Почему бы тебе для начала не послушать меня?

— Вас? — Во взгляде Лар-Ральднора сквозило юношеское пренебрежение. — Я теперь не знаю, на чьей вы стороне, мой лорд.

— Ни на чьей.

— Однако Кесар заявился к вам в шатер с большим шумом.

— Я не оставил ему другого выбора. И шум он устроил специально для того, чтобы ты и король были в курсе дела.

— Возможно. Прошу простить мою несдержанность — сейчас я слишком злюсь. Но я знаю, что делать. Ральданаш может лишить меня имени, но не крови. Я должен уехать, и я возвращаюсь домой.

— Когда же?

— Завтра, — Лар-Ральднор тяжело вздохнул и заговорил о другом: — Вы даже не попали бы в этот уголок земли, если бы не тот наш давний разговор.

Его взгляд был тверд и чист. Рармон снова почувствовал очарование той далекой ночи Застис. Терраса у дома Яннула, мерцающие светлячки и неясное чувство, которое ушло и больше не вернется...

— Рэм, — обратился к нему Лар-Ральднор, но теперь это была оговорка без всякого сарказма. — Вы понимаете, что именно вы, а не я, воздвигли преграду меж нами? Я пытаюсь услышать вас с самого Амланна. Вам стоило лишь позвать меня. Но вы этого не сделали.

— Но ты никогда не говорил со мной об... об *этом*. Я был уверен — ты не можешь дать мне то, чего я желаю.

— *Этим* все не исчерпывается. Есть и другие вещи — но, возможно, они совсем не желанны для вас. Похоже, вас интересует только близость, во время которой не надо смотреть мне в лицо и вообще принимать в расчет. Помнить, что я могу мыслить. Что я живой человек, такой же, как и вы. Я все еще не забыл, как вы сказали тогда: человека убить легче, чем зверя.

Они застыли, молча глядя друг на друга, пока Лар-Ральднор не повернулся к двери:

— Если отплыть из Зарависса, путь займет целую вечность. Но говорят, что теперь корабли снова заходят в Карит.

15

Ланн под пятой Кармисса так и сверкал оружием, непривычным для этой земли. Проход войск «миссии милосердия» разбил дороги в пыль, из которой дожди с успехом сделали грязь. Главный гарнизон расположился в Амланне, временно заняв крупнейший портовый склад, второе подразделение разбило палаточный городок в королевском парке. Повсюду, в любом хоть сколько-то значимом городе, были размещены кармианские части. Дороги тщательно патрулировались под тем предлогом, что Вольные закорианцы, если им вздумается напасть, могут появиться в любом месте и под любой личиной. В деревнях мужчин грабили, а над женщинами издевались, мотивируя тем, что эти люди якобы поддерживают Вольных закорианцев или просто симпатизируют им. Подобные случаи выявлялись и сурово карались кармианским верховным командованием — если их удавалось доказать, а это случалось весьма редко.

Все корабли, совершающие рейсы между Амланном и другими городами, снабжались военным эскортом, чтобы защитить их от нападения закорианцев. Восточные порты северного Зарависса и даже Оммоса снова были открыты. Из политических соображений кармианские эскортные галеры даже не подходили к Междуземью ближе ограничительной зоны в пять миль.

Однако имелось и другое ограничение. В Ланне был введен комендантский час — по официальной версии, чтобы упорядочить движение и торговлю.

Звук колокола, разносящийся в сумерках, заставлял стыть кровь в жилах Яннула. Когда впервые раздался этот звон, Медаси прибежала к мужу и целый час, как ребенок, рыдала в его объятиях. Этот звук был прекрасно знаком выходцам с Равнин-без-Теней. В городе руин каждый день на закате отзванивали комендантский час Амрека — и после этого звона кулак и сталь на всю ночь вступали в свои права.

Сейчас, в полдень, в старинном зале расписного амланнского дворца, Яннул снова перебирал в памяти опасные эпизоды своей боевой молодости. Его мучили тяжелые предчувствия. С годами он стал тяготеть к мирной жизни и так надеялся найти ее дома...

В зал быстрым шагом вошел его новый хозяин, главнокомандующий армии Кесара в Ланне. Он был полукровкой того типа, который вошел в моду благодаря Ральднору Сариту — смуглый, со светлыми волосами, — и вдобавок носил имя в честь героя. Однако он предпочитал выставлять на обозрение лишь свои висские черты.

Подали вино и печенье. Они уселись перед окном, из которого открывался роскошный вид на парк: облетающие деревья, промокшие палатки и кармианский взвод, марширующий в грязи.

— Думаю, не надо объяснять, зачем вас попросили сюда явиться, — начал разговор Ральднор эм Иоли.

Яннул вежливо посмотрел на командующего.

— Вы великий ланнский герой, — продолжал эм Иоли. — Нам было непросто разыскать вас, хоть вы и живете совсем близко. Но в конце концов короля убедили раскрыть вашу тайну.

— И как здоровье короля?

— Его врачи уверяют, что лихорадка пошла на убыль.

— Как вы могли заметить, — произнес Яннул, — в отношении к своей королевской семье Ланн — весьма варварская страна. Король и королева имеют для ланнцев особое, мистическое значение. Их внезапная смерть станет... крушением всего.

Ральднор эм Иоли рассмеялся.

— Дорогой Яннул, неужели вы считаете, что мой повелитель Кесар способен отдать приказ об убийстве ваших короля и королевы? Это как-то не пристало благодетелю. Не забывайте, что ваш король сам просил лорда Кесара ввести войска в Ланн.

— О да, — съязвил Яннул. — Наша признательность изливается на вас дождем.

Однако кармианский Ральднор тоже не был лишен остроумия.

— А дождь-то прекратился, — спокойно заметил он, выглянув в окно.

Конечно же, никакого приглашения не было. Приглашением стала сама эта безоружная страна, которую любому хищнику нетрудно было положить под себя. После победоносного морского сражения, достойного войти в историю, кармианские корабли встали на ремонт в ланнском порту, где их приняли с почестями. Уходить они не торопились, ссылаясь на то, что какие-нибудь грабители из Вольного Закориса могут мимоходом заглянуть сюда. Некоторое время спустя небольшая часть войск встала под стенами Амланна и предложила свои услуги королю. Тот отнюдь не страдал излишней наивностью, но кармианцы уже стояли на пороге, и не было способа не пустить их внутрь. Ликующий народ приветствовал их и осыпал цветами. А еще через десять дней тысяча кармианских пехотинцев и четыре сотни кавалерии с колесницами высадились на берег и быстро направились в столицу. Там на воротах уже стояли свои люди, так что войска беспрепятственно вошли в город. Прошли экстренные переговоры, и за какой-то день Ланн перестал быть Ланном.

Сам Кесар не участвовал в этой высадке — в это время его видели в каком-то другом месте. Вторжение было всего лишь проявлением его доброты.

— Итак, — произнес кармианский Ральднор, — все, что нам от вас нужно, это маленькое представление.

— Увы, я давно уже не акробат.

— Это как сказать, — они обменялись усмешками, после чего эм Иоли продолжил: — У нас возникло небольшое затруднение, и мы не хотим, чтобы положение усугубилось. Ваш король, как только он выздоровеет, должен обратиться к своим подданным. Мы хотим попросить вас о небольшом одолжении: присутствовать рядом с королем и сказать ему несколько ободряющих слов.

— И по какому же поводу я должен его ободрять?

— Вы уважаемый человек, Яннул, — вздохнул Ральднор эм Иоли. — Почти мифическая личность. Вы сведущи в политике. Убедите свой народ. Объясните, что Кармисс — его друг, и покажите, что вы сами верите в это.

— Да, дождь прекратился, — произнес Яннул. — Это несомненно.

Повисла тягостная пауза.

— Подумайте о радостях жизни, уважаемый, — решил зайти с другого конца Ральднор эм Иоли. — Ваша усадьба, ваши угодья. Ваша жена — если я ничего не путаю, она из эманакир. Ваши сыновья. Сокровища. Было бы очень жаль лишиться всего этого...

— Вы угрожаете мне? — перебил его Яннул.

Кармианский Ральднор ничего не ответил.

— Как вы изволили заметить, — снова заговорил Яннул, — я здесь что-то вроде народного героя. Тут уже говорилось о любви ланнцев к королевской семье. Так вот, нечто подобное существует и по отношению ко мне. Уничтожьте меня — и получите большие проблемы повсюду, вплоть до Ланнелира. Кроме того, позвольте напомнить вам, что в нашей стране хватает шансарцев, вардийцев и других народов второго континента. В войне они сохранили нейтралитет по отношению к Ланну, а после нее развернули на нашей земле процветающую торговлю. Думаю, они будут очень недовольны, если вы поставите ее под угрозу.

— Лорд Кесар сам наполовину шансарец.

— Лорд Кесар не склонен вспоминать о шансарской половине своей крови. Но, смею думать, то, что Континент-Побратим не виден с нашей земли, не отменяет его существования.

— Я полагаю, что теперь вы угрожаете нам? — выпрямился Ральднор.

— Ни в коем случае, — отозвался Яннул. — Я лишь сообщаю, что когда король публично скажет то, что вам угодно, я заявлю о своем несогласии.

Ральднор эм Иоли вернулся в свои хорошо охраняемые дворцовые покои, испытывая легкое раздражение.

По большому счету, такой камень преткновения, как Яннул, не имел особого значения. Но именно здесь и сейчас об этот камешек можно было споткнуться и больно расшибиться. Ральднор наме-

ревался произвести впечатление на Кесара — но отнюдь не ради того, чтобы тот еще раз повысил его в воинском звании. Он не забывал потаенную мысль, посетившую его в истрисском зале Совета: однажды, когда ты станешь бесполезен для него, он оставит гореть и тебя.

Со своим соглашательством Ральднор эм Иоли уже слишком давно следовал к зениту за темной планетой Кесара. Слишком много приложено усилий, и весьма мучительных, чтобы укрепить свою удачу. К тому же он усвоил несколько важных уроков от самого Кесара и, в порядке подстраховки, готовился нанести смелый удар в его же стиле. Когда его послали с миссией в Ланн и Элир, Ральднор решил, что его отсутствием в Кармиссе воспользуются для проведения рутинной, но исчерпывающей проверки. Поэтому он привел все дела в полнейший порядок, а единственную опасную улику забрал с собой. Это было исключительно простое и в то же время гениальное решение.

Такой поворот мыслей принес некоторое облегчение, и проблему Яннула было решено отложить на потом.

Ральднор вышел в закрытый коридор, который привел его в скромную комнату с разбросанными по ней ланнскими подушками. Посреди комнаты сидела сердитая девочка и дразнила котенка калинкса. Ее длинные светлые волосы были убраны лентами, светлая кожа — разрисована изысканным узором, поверх которого сверкали украшения.

— Мелла, если ты будешь дразнить этого кота, он тебя цапнет.

Девочка подняла глаза, и на ее лице появилась недовольная гримаска.

— Как ты смеешь...

— Ты же знаешь, что я забочусь о твоем благополучии.

Мелла оскалилась. Она дернула котенка за хвост и в награду за это получила кучу острых когтей и зубов. Оставив свою жертву визжать над царапинами и укусами, котенок прошмыгнул мимо Ральднора в коридор и выскочил в крошечное окошко, оставленное открытым специально ради него.

Разъяренное создание зализывало раны. Люди Ральднора знали Меллу как юную любовницу хозяина, которую тот привез из поместья в Иоли. На свой лад она была вполне хорошенькая, хотя грудь у нее была совсем маленькой, а ступни, наоборот, великоваты. Но, в конце концов, Ральднор имел право на собственные вкусы в отношении постели.

— Сколько мы еще пробудем здесь? — капризно спросила Мелла.

— А что, ты скучаешь? Мои нижайшие извинения. Но ты знаешь, зачем я привез тебя сюда. И, надеюсь, понимаешь, как мне приходится крутиться, чтобы усыпить бдительность Кесара.

— Кесар! — Голос Меллы стал пронзительным от отвращения.

— Да, что касается бдительности Кесара: тебе следует проявить терпение. Я уже предупреждал — будь поаккуратнее со своей ненавистью к нему.

— А что мне делать с моей ненавистью к тебе?

— С какой стати тебе меня ненавидеть? — спокойно возразил Ральднор. — Я твой спаситель, тебе полагается благодарить меня.

— Благодарить за то, что со мной сделали *это?* — внезапно расцарапанные руки Меллы рванули лиф платья. Ральднор отвел глаза. Это зрелище до сих пор вызывало у него отвращение, хотя однажды ему довелось путешествовать в Оммос, обитель женоненавистников, где подобное приходилось созерцать с утра до ночи.

— Да, благодарить, — подтвердил он, разглядывая роспись на стене. — Потому что это сохранило тебе жизнь.

— Жизнь — прекрасная штука, — скривилась Мелла с презрением, какое возможно лишь в пятнадцать лет. — Но как насчет моих прав?

— Тише, пожалуйста! Снаружи под окном кармианские часовые.

— Нет, ты скажи! — прошипела Мелла и истерически расхохоталась.

— Объясняю тебе снова и снова: такие вещи, как права, надо заслужить. Но сейчас твоя сдержанность — главный залог твоей безопасности. Или ты хочешь вдобавок лишиться еще и языка?

Мелла побледнела. Слезы хлынули у нее из глаз вместе с краской. Она униженно ползала у ног Ральднора. Чего только не намешано в этом существе!

Медаси вышла из маленького садика. Скупое осеннее солнце играло на ее волосах.

— А по-другому нельзя? — спросила она.

— Думаю, нет.

Она уселась подле мужа, и Яннул взял ее за руку.

— Все это кажется таким странным, — протянула она.

— Прости. Я обещал тебе здесь мирную жизнь...

— А разве она существует хоть где-нибудь?

Какое-то время они еще сидели и беседовали, вспоминая былые времена. Яннул понимал ее тревогу. Ему хотелось крикнуть ей: «Мы пережили многое, значит, можем пережить и это».

Но как же тяжело было уходить отсюда, бросить усадьбу и землю, оставить Ланн! В юности он сделал это без колебаний, веря, что всегда может вернуться. Сражаясь рядом с Ральднором из Сара, Яннул уже не был столь уверен в этом. Но все-таки он выжил и в конце концов вернулся домой через Внутреннее море, да не один, а с золотоволосой девушкой. А дома его ждало потрясение. Старая ферма в холмах стояла пустая, с рухнувшей крышей, и птицы вили гнезда в ее стенах. За колодцем он обнаружил камень над могилой своей матери. Разыскав одну из сестер в другой долине, куда она вышла замуж за чужака, он услышал печальную повесть о тяжелых временах. Две других его сестры умерли, причем одна — родами. Один из братьев отправился наниматься в армию Равнин, но так и не добрался туда, а если даже и добрался, то погиб где-нибудь в Оммосе или Дорфаре — известий от него не было. Скорее всего, в этом стоило винить грабителей или кораблекрушение. Другие братья ушли на север, охотиться и осваивать дикие земли, и больше Яннул с ними не встречался.

Все эти потери оставили шрамы на его сердце. Пока он каждый день подвергался опасности, ему и в голову не приходило усомниться в безопасности своей семьи. Темными холодными ночами его грела память о родных, и Ланн был для него далеким маяком, который никогда не погаснет. Мать, как всегда, с ребенком под сердцем; сестры распевают песенки, толкаясь возле ткацкого станка, или нянчатся с бедными замерзшими птичками; братья хвастаются, что в один прекрасный день будут есть за одним столом с королем в Амланне. Да, Яннул создал прекрасную грезу. Теперь воспоминания об этих наивных картинках разбивали ему сердце.

Утешила его Медаси. Не только словами или прикосновениями — самим своим присутствием. Она давала ему, разом лишившемуся всех родных, ощущение семьи. Прежде Яннул испытывал к Медаси чувственное влечение, ему нравилось быть ее защитником, но лишь в те дни горьких откровений он начал любить ее по-настоящему.

А затем его земля стала давать первые плоды. Его усадьба среди голубоватых холмов, которые, как годы спустя заметил Рэм, являются фоном для любого ланнского пейзажа, ожила и расцвела. Теперь в их доме рядом с любовью уживался достаток. Вскоре появились и сыновья — жизнь радовала их своими щедрыми дарами.

Когда со стороны Вольного Закориса начала надвигаться тень, они осознавали угрозу — но именно осознавали, а не строили вокруг этого всю свою жизнь. Никакая тень не способна заслонить весь свет разом.

Но кармианское вторжение было совсем иным — оно обрушилось на них подобно снегу среди летнего зноя. Так приходит конец света.

— Басьяр хороший человек, — произнес Яннул. — Наполовину заравиец, финансовый гений и пройдоха, но заслуживающий доверия. Он сохранит хозяйство в лучшем виде, если, конечно, ничего не случится. Если же оправдаются худшие ожидания, он спасет, что сможет, и сбережет до нашего возвращения.

Медаси улыбнулась. Басьяр, управляющий Яннула, всегда оказывал ей знаки внимания на свой заравийский манер. Ей нравился этот добрый человек, опасный лишь для своих врагов.

— Еще одна удача — то, что мы нашли вардийцев, согласных взять нас с собой, — продолжал Яннул. — Кармисс все еще предупредителен с желтоволосыми народами.

Они выработали план отъезда еще вчера, как только Яннул получил приглашение во дворец. Он сразу понял, что это значит, и нисколько не ошибся. Вряд ли светловолосый кармианец промедлит с выводом: если герой Ланна не слушается по-хорошему, пора применять другие рычаги воздействия.

Вардийский караван выходил к югу завтра на рассвете, и Яннул с женой и младшим сыном должны были присоединиться к нему. Медаси была эманакир, мальчик, светлый, хоть и с темными, как у отца, глазами, тоже имел на себе достаточную мету Равнин. По дороге в Ланнелир к ним будут относиться с заботой и уважением. В Элире кармианское владычество все еще было достаточно условным. Если же им удастся добраться до Равнин-без-Теней — они ока-

жутся на территории Междуземья, куда еще не дотянулись жадные руки Кармисса. Пока не дотянулись...

— А если вернется Лар-Ральднор? — вдруг спросила Медаси, когда они уже все обсудили.

— Из последнего письма видно, что в Дорфаре он в полной безопасности. У короля должно хватить здравого смысла не отпускать его. Ральданаш позаботится о нашем сыне.

— Он может не послушаться короля.

— Он послушается. Лар-Ральднор знает, что мы не пропадем. Он останется там, где есть, и подождет вестей от нас. А мы дадим ему знать, как только доберемся до Равнин.

— Ты прав, — ответила Медаси со вздохом. Она не плакала. Лишь глаза ее кричали, не в силах оторваться от сада, где цвели лилии, а по ночам на кустах пламенели светлячки.

И снова на Яннула нахлынули воспоминания: разрушенный Равнинный город под снегом, кровь и мертвые тела дорфарианцев на его улицах — и эманакир, скользящие мимо, как молчаливые волки с горящими глазами. И еще — дом Йир-Дакана со своими собственными мертвыми, на этот раз оммосцами. Круглый зал и что-то непонятное, неописуемое, наполовину свисающее из чрева-печи Зарока, а чуть в стороне — Медаси, вцепившаяся в стол. Она взглянула на него, вскочила и бросилась к двери, пытаясь сбежать. Когда Яннул схватил ее за плечи, девушка завопила, а затем распростерлась у него на груди. «Зачем, зачем меня заставили его убить?» — кричала она, и ее слезы жгли ему кожу даже сквозь ткань одежды.

Той ночью она спасла его рассудок своим вопросом. А он, вероятно, сделал то же самое с нею.

Однако Яннул знал: даже сейчас, спасаясь от новых притеснителей, она боится возвращаться на Равнины.

Тем временем началось создание ланнской армии.

Любой Вис или достаточно темный полукровка старше двенадцати лет оказывался годным, точнее, уязвимым. Рекрутов заманивали, а где надо, и принуждали.

В Амланне и других городках был объявлен всенародный призыв. Всех подходящих кандидатов обязали явиться на местный вербовочный пункт. Тем, кто не желал подвергать этому себя или своих сыновей и при этом не мог откупиться, наносили визит кармианские солдаты. Три-четыре разнесенных в щепки верстака, упряжка зеебов, изъятая для военных нужд, несколько разбитых пивных бочонков — этого хватило, чтобы преподать урок. Мужчины и юноши потянулись на призывные пункты, где зачислялись в ланнское ополчение. Над каждой из наспех возведенных казарм пылал факел — символ Ланна — под огромной ярко-алой Саламандрой.

Войска Кесара добрались даже до маленьких деревушек, разбросанных по предгорьям. Их они попросту завоевали. Мужчин вытаскивали с полей или из постелей, ударами валили наземь,

вязали и тащили к солдатской жизни. Дома оставались рыдающие женщины и дети, обреченные голодать без кормильцев.

Такие картины можно было наблюдать по всему югу. На севере, по слухам, творились еще худшие дела.

Когда вардийский караван достиг границы с Ланнелиром, он наткнулся на сожженную деревню. На ближайшем холме лежали два трупа женщин, замученных насильниками до смерти. Неподалеку были брошены убитые старики, не представлявшие интереса для призыва. Остальных женщин и домашний скот угнали для прокорма и ублажения доблестных кармианских воинов.

Вардийцы не стали вмешиваться — все равно тут уже ничем не поможешь. Мертвых не поднять, а кармианцев слишком много.

А на заднем плане, окружая Ланн стеной, стояли горы и слепо глядели в небо.

* * *

В Ланнелире, в доме наместника Ольма, спала Сафка. Ей снилась Равнинная девочка. Она стояла под окном, и полная луна золотила ее волосы.

«Подойди и посмотри», — сказала она, как всегда, без слов.

Сафка недоверчиво приблизилась к окну. Она даже не надеялась, что когда-нибудь снова увидится с девочкой. Пытаясь разглядеть, где та стоит, Сафка вдруг заметила, что во сне вид за ее окном совсем не такой, как наяву. Она разглядела горы, которые вздымались за городом, а вверх по горам ползла, извиваясь и сверкая, громадная змея. Затем девушка разобрала, что это не змея, а просто потоки света.

— Куда они направляются? — спросила Сафка, и девочка с Равнин объяснила ей.

Сафка снова не поверила.

И тут она увидела, как на вершине горы лунный свет сгустился в ослепительный женский силуэт с хвостом змеи. Непонятно почему, но это очень обрадовало Сафку, и она рассмеялась.

Она проснулась, все еще смеясь. И поняла, что теперь знает имя девочки.

В Ольме было размещено всего пятьдесят солдат короля Кесара. Они заняли два каменных дома, чьи владельцы попросту сбежали. Для себя и приближенных офицеров капитан потребовал квартиры во дворце. Вербовка началась в первое же утро. Наместник сам вышел на рыночную площадь и обратился к жителям Ольма с просьбой о сотрудничестве. Кармисс, говорил он, уже помог Ланну создать собственные силы самообороны, в которых он так нуждался. Население не противилось. Несколько дней на призывной пункт текла мужская река, в результате чего население Ольма изрядно уменьшилось. Остались лишь те, кто уже совсем ни на что не годился.

Кармианский капитан остался доволен наместником. Помимо всего прочего, он делил ложе с его законной красивой дочерью. Этот человек очень гордился тем, что поднялся до такой высоты из низинных и нездоровых портовых районов Истриса, и не был способен говорить ни о чем, кроме своей карьеры. Законная дочь наместника не возражала — казалось, похвальба любовника даже забавляет ее.

Ялеф, старший сын наместника, сбежал в Элир с шайкой похожих на него друзей и несколькими девушками-акробатками.

Каждый раз, глядя на Саламандру, пламенеющую над воротами дворца, Сафка вспоминала, как прежде злилась на людей из Шансара и Вардата, мечтая, чтобы вернулись времена Висов. Вот они, вернулись! Ее терзали стыд и отвращение.

Тому была и еще одна причина. Ее третий брат имел наглость предложить ее, Сафку, одному из кармианских сержантов на время пребывания в городе. На что тот ответил: «У этой суки нет ни груди, ни зада, одни ноги. Кстати, где я мог видеть ее лицо? Ах да, на горшке без ручек».

Весь вечер она проплакала, мечтая убить этого человека. В конце концов она уснула — и увидела во сне Равнинную девочку, горы, огни и Анакир.

Утром, не имея ни дел, ни планов, она принялась обдумывать свой сон.

Если не считать кармианского вторжения, самой популярной темой в Ольме на тот момент была магия Равнин, толпы в венках из цветов, бродящие по черному городу руин, неземной свет и прочие знамения. Одна такая история, рассказанная торговцем, привела в восторг всю рыночную площадь. Там упоминались волки, бегающие рядом с этими странными людьми, дружелюбные и безопасные, и змеи, обвивающиеся вокруг них вместе с цветочными гирляндами. Сафка припомнила, как вокруг нее самой обвивалась огромная змея, которую дала ей девочка, и затрепетала. Значило ли это, что девочка добралась до Равнин-без-Теней и показывает там свои чудеса? И может ли быть такое, что она, умея передавать мысли и обладая силой, послала Сафке видение?

Но почему? Это было полным безумием.

В конце концов Сафка призвала к себе толковательницу снов, беззубую старуху, которая жила в хижине у городских ворот, так легко распахнувшихся навстречу Кармиссу. Когда-то давно Сафка уже обращалась к старухе, хотя, будучи по природе скептиком, так и не поверила ей до конца. Однако старая женщина знала все городские сплетни и была весьма умна. Причем, как выяснилось, свой ум она прилагала не только к ремеслу, поскольку до сих пор не привлекла к себе внимания чужеземцев.

Нетрудно было разгадать ту часть сна, где потоки огня поднимались в горы. Даже без объяснений девочки Сафка знала, что наверху, в сердце гор, лежит древнее королевство Зор. Редко кто отваживался добраться туда по узким извилистым тропам, которые зимой становились и вовсе непроходимыми.

Что-то странное начало происходить с Сафкой, словно в ее крови родилась какая-то беззвучная дрожь. Она понятия не имела, что это такое, но вспомнила, что уже ощущала нечто подобное в присутствии девочки с Равнин.

Однако теперь Сафка прислушалась к трепету своей души где-то внутри костей.

И вдруг комната, где она сидела, начала меркнуть и куда-то поплыла. Испугавшись, девушка попыталась вернуть ее на место. Но струна незримой арфы вздрагивала снова и снова...

Снаружи на площади равняли строй новобранцы из Ольма. Если они ошибались, кармианский офицер мог ударить их палкой, словно рабов. А несколько дней назад одного из них с исключительной жестокостью выдрали кнутом.

Этажом ниже ее сестра ворковала, угощая засахаренными фруктами своего кармианского любовника. Две обезьянки из Корла, боявшиеся офицера, верещали в углу.

До Сафки вдруг дошло: она видит и слышит то, что никак не может видеть и слышать, находясь у себя в комнате!

«*Ашни*», — прошептала она. То было имя девочки. Оно осталось с ней после сна, как и еще что-то, о чем Сафка пока не догадывалась.

Комната снова начала плыть. В приступе странного восторга Сафка отбросила сопротивление и позволила ей истаять.

Женщину под покрывалом, появившуюся у дверей солдатской казармы, тщательно обыскали на предмет оружия. При этом двое часовых развлекались, отпуская сальные шуточки и призывая женщину разделить их удовольствие. Будь сейчас время Застис, она не отделалась бы так легко. Ее закрытое лицо не вызвало у них ни капли интереса, и вряд ли они узнали в ней дочь наместника. Зато предложенные ею деньги были приняты с большой благодарностью. У нее хватило ума оставить дома все украшения, кроме счастливого браслета на левом запястье, который она никогда не снимала. Но в общем, ее пропустили без всяких проблем. Обычное дело — женщина пришла к своему мужчине.

В низком каменном зале, куда направилась женщина, сидело взаперти около двухсот мужчин — две трети всех рекрутов, набранных в Ольме.

Те из них, кто постарше, были равнодушны, понимая, что для кармианских начальников жестокость всего лишь развлечение. Иные же, совсем молодые, почти дети, чувствовали себя несчастными. Некоторые из них лежали ничком и плакали. Все это была не более чем пища для мечей. Однако в этом мясе имелась и кость — закаленные охотники, погонщики караванов, строители и даже собственная ольмская гвардия. Эти сильные люди день ото дня наливались яростью.

Сафка достала огарок, который разрешили ей пронести часовые, и зажгла его, затем подняла с пола пустой светильник и тоже зажгла.

Мужчины вокруг забеспокоились.

Когда волна стихийного возбуждения докатилась до дальнего конца зала, из-за колонны вышел кармианский офицер — еще один враг, на которого она не рассчитывала. Разумеется, этот полукровка принадлежал к армии Кесара — в Ольме не так уж много людей со светлыми волосами. Этот был как раз светловолосый, что сильно осложняло задачу.

— Что ты тут делаешь? — спросил он, хватая ее за руку.

Сафка, не видя ничего от страха, приподняла свое покрывало и улыбнулась. Свободной рукой она начала вынимать шпильки из прически, освобождая волосы.

— Ваш благородный капитан прислал меня, чтобы скрасить вам ночь.

Голос у нее так дрожал, что было чудо, как он вообще расслышал ее. Даже сейчас Сафка сжалась, боясь, что офицер найдет ее совсем неаппетитной и прогонит. Однако тот лишь проворчал что-то и прижал ее спиной к стене позади колонны.

— Вот и славно. Только зачем тебе свет, безмозглая кобыла?

Он сразу же перешел к делу, запустив руку ей между ног. Сафка собралась с духом и заставила себя сделать то, что должно, — воткнула шпильку прямо в ухо мужчине. Воздух с хрипом вырвался у него из груди — приглушенный, но все равно отвратительный звук. Все закончилось очень быстро. Это был прием убийц, о котором она когда-то давно слышала от Ялефа.

Мужчина рухнул на землю, Сафка упала рядом, и ее стошнило. Она корчилась, словно пытаясь извергнуть душу из своего тела. Когда она пришла в себя, один из ланнских рекрутов поддерживал ее голову. Сафка отшатнулась.

— Мы все видели, госпожа, — произнес солдат. — Неужели наместник послал вас на такой позор — играть шлюху в нашей казарме? Не беспокойтесь, мы скажем, что это наша работа, — раздался гул одобрительных голосов. Она огляделась, прижав покрывало к губам. Вокруг нее толпилось человек тридцать. — Они хотят скормить нас Вольному Закорису. Лучше уж умереть здесь.

Она увидела, что на плечах ланнца пламенеют рубцы от кнута, и поняла, почему он слишком возбужден, чтобы спать, и слишком обижен, чтобы хотеть жить.

Опираясь на колонну, Сафка поднялась на ноги. Ей поднесли воды, и она выпила.

— Умирать незачем, — сказала она. Люди глядели на нее с опаской, уже зная, еще до того, как услышали, чьим посланцем является девушка. — Будь у вас чуть больше мужества, вы могли бы захватить кармианцев врасплох и попросту перерезать их.

— Это не поможет, госпожа. Избавимся от этих — придут другие. Нас затравят собаками, изловят. И убьют наши семьи без всякого милосердия.

— Есть место, где нас не достанут, — проронила Сафка. Мужчины напряглись в ожидании. — Это Зор.

Повисла совершеннейшая тишина. Первым решился заговорить сын купца:

— Это невозможно. Дорога туда слишком трудна. Сколько из нас сможет пережить ее? И что ждет в конце? Руины. К тому же близятся холодные месяцы. Мы замерзнем насмерть и потеряем все.

— Вы и так уже все потеряли, — возразила Сафка, удивляясь самой себе. — Кесар эм Кармисс отнял у нас все. Давайте вернем себе хотя бы свободу. Или вы предпочитаете пасть в бою — с Леопардом Закориса, или с Дорфаром, или еще с кем-нибудь, кого пожелает завоевать Кесар Черный?

Шум вокруг нее усилился.

— Она рисковала жизнью, чтобы высказать нам это, — произнес один из мужчин, снедаемый лихорадочной дрожью.

И тогда Сафка медленно заговорила. Ее голос стал глубже, вызывая трепет не только у окружающих, но и у нее самой:

— У меня было видение. Богиня Анак послала меня к вам.

В этот миг все они принадлежали ей. Мужчины окружали ее, некоторые из них были молоды и благородны. Они смотрели только на нее, и их лица были озарены исходящим от нее светом. Никогда в жизни ни один мужчина не смотрел на нее *так*.

Кто-то вытащил меч у убитого офицера. Минутой позже на яростный вопль Сафки в зал ворвались часовые, и девушка испытала сомнительную радость, увидев, как они упали замертво.

Больше не встречая препятствий, ланнцы толпой выбежали из каменного дома. Вновь и вновь сверкали мечи — они убивали любого кармианца, который попадался им на пути. Часть солдат, осознав, куда дует ветер, засела во втором каменном доме, расположенном напротив, и выстроила баррикады. Однако, пока те ланнцы, что были снаружи, методично выносили двери, рекруты внутри второго дома, каким-то таинственным образом узнав о том, что происходит — не исключено, что с помощью мысленной речи, — выбили кармианцев из здания.

«Вот так оно и случилось тогда, на Равнинах», — подумала Сафка, стоя посреди этой ночи, наполненной криками, стонами и пламенем. Но прежде, чем она успела удивиться нелепости своей мысли, уравнявшей ланнцев с эманакир, испачканные кровью люди подхватили ее и понесли на рыночную площадь, озаренную светом факелов. Кто-то ударил в комендантский колокол, и весь Ольм, покинув свои дома, вышел в ночь.

Когда из дворца прибыли остальные кармианцы, их перебили до последнего человека.

Сафку поставили на перевернутую повозку. Ей надо было что-то сказать людям, которые собрались вокруг нее. Она смотрела в испуганные или разъяренные лица тех, кто снова обрел свободу, и думала: «Что я должна говорить?»

Но она уже знала. Сафка простерла руки к толпе и ощутила, как эта ночь, огни и та глубина, что открылась в ней самой, поднимают и влекут ее.

— Анакир, — сказала она, и у толпы вырвался единый вздох. — Анакир пришла к нам, так же, как долгие годы приходит ко всем, кто угнетен. Она в горах — Анакир, черноволосая змеиная богиня Ланна.

* * *

Не прошло и пяти дней, как они собрались и выступили в путь. Люди и провиант прибывали из окрестных деревень, тех самых, что казались вымершими с начала кармианского вторжения. Большая часть горожан тоже двинулась в горы. Удалось даже отыскать девушку из Зора, танцовщицу со змеей, чтобы она стала их проводником.

Тем, кто не решился уйти, нанесли легкие раны, чтобы помочь им оправдаться перед кармианцами. Одним из этих людей был наместник. Даже когда Ольм опустел в результате мятежа горожан, он продолжал писать донесения в ставку Кесара в Амланне. Делал он это левой рукой, ибо на правой была повязка. Он специально попросил ланнца с мечом не жалеть его и резать глубже. Теперь рана отлично загноилась, а значит, наместника никто не посмеет обвинить.

Дороги, ведущие к подножию гор, были ровными и отлогими. Даже дождь поначалу приутих. Двигаясь к Зору, Свободные ланнцы собирали поздние цветы, плели венки и время от времени пели песни.

Когда вардийский караван остановился в холмах на ночлег, дождь вернулся опять, за что никто в Ланне не был ему благодарен. К нему добавился холодный ветер. Лето кончилось — вместе с миром.

Все уже слышали о волнениях в Ольме. Прямо перед закатом их обогнал отряд кармианских солдат, которые направлялись как раз в ту сторону, бряцая доспехами и оружием. Из осторожности караван исключил Ольм из числа возможных стоянок.

Ночь стояла отвратительная.

Свалив в одном углу фургона свои нехитрые пожитки, Яннул сидел и наблюдал за Медаси, которая, взяв тоненькую костяную иголку, вышивала бисером. Их младший сын сидел под навесом у огня и играл в кости с вардийским мальчишкой.

Вдруг раздался цокот еще чьих-то копыт. Трое всадников приблизились к лагерю, эффектно выхваченные светом костра из косых штрихов дождя.

На миг Яннулу показалось, что это преследователи из Кармисса, и рука его потянулась к ножу. Затем они услышали мужской голос:

— Мы не причиним вам вреда. У меня сообщение для ланнцев, если они тут есть, — он выждал и, не увидев никаких ланнцев, все же продолжил свою речь: — Сообщение таково: часть Ланна остается свободной. Тех, кто желает присоединиться к Свободному Ланну, мы ждем в миле к востоку отсюда, у скалы с четырьмя деревьями, в течение одного часа. Предупреждаю — мы ждем только друзей.

А это, — человек вытянул из ножен меч, блеснувший под дождем, — ждет кармианских тирров и иных предателей!

Снова зацокали копыта зеебов — всадники удалились, оставив вардийцев обсуждать происшествие. Сын Яннула подбежал к фургону от костра.

— Это был кармианский клинок, — заметил Яннул. — А на нем самом — кармианская кольчуга.

— И что это значит? — спросила Медаси.

— Не знаю. Похоже на небольшое восстание. Помнишь, что говорили про Ольм?

Она посмотрела на мужа. В ее прекрасных глазах отражались пламя костра и дождь.

— Что ж, иди и взгляни, — сказала она.

Мысленная речь между ними была довольно редкой и всегда удивляла Яннула, но сейчас Медаси явно прочла его мысли. Он поцеловал ее и ушел, оставив их с сыном под охраной вардийцев.

Пустившись вдогонку за тремя ланнцами, он нагнал их в четверти мили от лагеря. Мечи наготове, лица хмурые. Горько усмехнувшись, Яннул направился к ним с мыслью: «Вот и опять вернулись времена Ральднора».

— Стой! Кто ты?

— Меня зовут Яннул. Я ланнец, как и вы.

Они переглянулись.

— Возраст вроде подходит, — сказал один из них с сомнением. — И волосы длинные. Говорят, он носит длинные волосы. Но ведь он должен быть в Дорфаре.

— Не будь дураком! — возразил другой. — Конечно же, это он. В Застис я видел в Ольме его сына и разговаривал с ним. Это Яннул.

Они обступили Яннула и засыпали его вопросами.

— Да, — ответил он. — Я сражался вместе с Ральднором, сыном Редона.

Трое, натянутые, как струны, разглядывали Яннула сквозь пелену непрекращающегося ночного дождя, словно всё еще не веря.

— Теперь я хочу услышать *вашу* историю, — добавил Яннул.

Они укрылись от дождя под выступом скалы. Яннул слушал их рассказ о том, что случилось в Ольме на самом деле — о знатной девушке, которая оказалась жрицей, потому что Анакир послала ей вещий сон. Они шли в Зор. Большая часть народу уже ждала в предгорьях, но ольмские всадники все еще разъезжали по деревням, призывая людей следовать за ними.

Их пыл в какой-то момент увлек Яннула, но затем искра в его душе снова погасла. Ланнцы уговаривали его поддержать их начинание, укрепив его своим авторитетом. Но Яннул думал: «Все это уже было в моей жизни — герои, чудеса... Сейчас я хочу только тепла, безопасности для моей семьи и покоя».

— Скажите, — спросил один из всадников, — а ваша женщина... ваша жена — она из эманакир?

Яннул ответил что-то, что почти сразу же вылетело у него из головы, но изрядно поубавило их горячность. Он объяснил, что желает их делу всего самого наилучшего, но сам отправится в Междуземье.

— Он нужен Ральданашу, — пробормотал кто-то из них. — Там ведь с одной стороны — Черный Леопард Вольного Закориса, а с другой — эта проклятая Саламандра.

Последовал прощальный обмен любезностями. Вскоре Яннул уже ехал назад, к вардийским фургонам.

Медаси тоже переместилась под навес у костра, к сыну, темные глаза которого так и сияли. Кивнув им, Яннул уселся перед огнем и начал пересказывать то, что ему удалось узнать, а также то, что он думает по этому поводу. Никто из вардийцев не подходил, чтобы не мешать их разговору. Торговцы были любопытны, но отнюдь не стремились узнать что-то лишнее — это вполне может не довести до добра.

— Там чуть больше тысячи человек, и я уверен, что по большей части женщины и дети. Если снег выпадет рано и застанет их в горах, они просто погибнут. Это, конечно, более возвышенно, чем смерть за Кармисс. Но все равно это смерть.

— Но, Яннул... — вздохнула Медаси. — Как же твоя страна?

— Моя страна — вот это все. А не глупое мятежное бегство в скалы.

— Твоя страна — это все, что ты есть. Это как твоя душа, Яннул.

— О да. Именно поэтому я покидаю ее. И поэтому сражался с Ральднором за *твой* народ, раз уж мой собственный не желал обнажать меч.

— И так же, как твоя душа, она повсюду с тобой, — продолжала Медаси. — Куда бы ты ни поехал, где бы ты ни сражался.

— Тогда она пребудет со мной и на Равнинах. Или в Зарависсе, или еще где-нибудь.

— Нет, — возразила она. — В тот день, когда в Амланне ударил комендантский колокол, ты обнял меня и сказал: «Ланн перестал быть Ланном».

Яннул отвел взгляд. Слезы застилали ему глаза.

— Но сердце Ланна осталось свободным, — произнесла Медаси, и что-то в ее тоне заставило снова взглянуть на нее. — А вот у нас нет своей земли. Мы — эманакир, люди Равнин — раса, живущая на чужой земле, на земле Висов. Нам негде пустить корни, у нас нет воплощения нашей души. Ничего, кроме скитающегося духа народа и звезды богини.

Яннул ждал, затаив дыхание. Она никогда не говорила с ним *так* — за все эти годы, в которые он был рядом с ней, ложился с ней, видел, как она носит и нянчит его сыновей... любил ее...

— Но ты сделал мой народ своим, Яннул, — продолжала Медаси. — Ты сделал меня своей сестрой и женой. И потому твоя земля стала моей, — она перешла на шепот: — Зор, Свободный Ланн, горы... Давай пойдем с ними!

Она снова выглядела, как девушка — не старше, чем в тот день, когда Яннул впервые увидел ее в доме Йир-Дакана. Он

все еще ошарашенно смотрел на свою жену, когда услышал голос сына:

— Если Анакир позвала их, она не даст им пропасть. Разве ты не понимаешь, отец?

— Да, — тихо сказал Яннул. — Кажется, понимаю.

Остаток ночи и весь следующий день они провели в пути. Яннул выбирал дороги и тропинки, все время забирая наверх, к предгорьям. Местами они ехали на зеебах, но кое-где приходилось спешиваться и вести животных в поводу. Он не знал здешних мест, но опыт скитаний юности научил его запоминать и никогда не забывать новую дорогу.

Из своей поклажи они оставили только самое ценное или то, что было дорого сердцу. Остальное пришлось бросить, как и при отъезде из усадьбы. Кое-что удалось продать, чтобы купить еды в дорогу. Некоторые вардийцы из каравана подумывали отправиться с ними, но товарищи их отговорили. Провожали Яннула очень тепло, желая ему успехов. «Ашкар да пребудет с вами!» — произнес кто-то им вслед. Выучив язык второго континента во время пребывания в тех местах, Яннул мог поговорить с любым из каравана на его родном наречии и за это пользовался особенным уважением.

На вторую ночь они нагнали трех ланнцев, которые приезжали в их лагерь. Те устроили стоянку в высокой горной пещере. Их миссия оказалась не бесплодной: к ним присоединились пять-шесть деревенских мужчин, семь женщин и ужасно вздорная свинья. Все, кроме свиньи, сердечно встретили семью Яннула и не стали доискиваться до причин их решения.

С рассветом они снова вышли в путь. Осенняя погода — дождь и порывистый ветер — затрудняла продвижение, но была надежда, что в той же мере она помешает и их преследователям. А то, что кармианцы уже идут по их следу, было весьма вероятно.

На рыночной площади наместника Ольма раздели до нижнего белья и отвесили ему четыре удара розгой. Прямо скажем, это не улучшило его характера.

Вскоре показался первый горный склон. Иссиня-серый, похожий на шкуру окаменевшего древнего чудовища, он устрашающе протянулся перед путниками. За ним вставали другие горы, стеной перегораживая небо.

Им удалось разыскать тропинку, такую же старую, как сами холмы, местами заваленную обломками валунов. Выше тропинка переходила в тот самый легендарный путь в Зор: природа сама прорезала сотни футов в камне, людям пришлось лишь чуть подравнять ее творение. Дорогой пользовались зорцы, хоть и редко — маги, бродячие торговцы, танцовщицы со змеями и сами змеи.

Люди и зеебы бились целый день, чтобы одолеть этот первый подъем. Свинья отказалась карабкаться наверх, и после

долгих споров деревенские женщины решили отпустить ее на волю. Яростно хрюкая и визжа, она припустила по осыпающемуся склону.

На закате путники достигли перевала. Дождь, видимо, решил немного передохнуть. Багровое сверкающее светило опускалось за перевал, озаряя новые вершины впереди. Когда же солнце ушло, отсветы его еще долго горели на верхушках скал.

Наконец они ступили на нижнюю дорогу, которая привела их в лагерь Свободного Ланна.

* * *

Во время первой встречи с героем Яннулом Сафка очень нервничала, а потому вела себя несколько вызывающе. На миг ее даже посетила недостойная ревность — до этого она была для своих людей предводителем и талисманом в одном лице. Она пыталась бороться с собой. Порой ей казалось, что внутри нее бесконечно ссорятся два разных человека. Но в конце концов Сафка научилась урезонивать и утихомиривать свою вторую половину.

Надо отдать должное, Яннул и впрямь был впечатляющей личностью. Его жена-эманакир очень понравилась беженцам из Ольма и сразу завоевала их глубокое уважение. С этим Сафке было легче смириться — Медаси чем-то напоминала ей пропавшую девочку, хотя, если не считать цвета кожи, глаз и волос, они были очень разные. Дочь наместника никому не рассказывала о той, чье имя было Ашни. Ей казалось, что для этого еще не пришло время.

— Вы столько сделали и столь многим рискнули лишь из-за своего сна? — спросил у нее Яннул почти сразу же после того, как их представили друг другу.

— А разве вы поступали не так же, лорд Яннул? — парировала Сафка, с вызовом глянув ему в лицо поверх костра.

Тот не ответил на вызов — отвел глаза. Он выглядел усталым и побитым жизнью под своим внешним великолепием.

— Похоже, что я не меняю своих привычек, — сказал он с усмешкой.

Яннул ощущал смутное беспокойство в присутствии этой женщины, какое-то непонятное противостояние с ней, хотя не мог объяснить, в чем тут дело. Она выглядела вполне искренней и глубоко взволнованной, воздавая ему так много почестей, что в ответ он мог лишь улыбаться.

— Мы привыкли, что Анак — богиня мира, — сказал Яннул чуть позже, свернувшись рядом с Медаси под самодельным навесом. — Но в последнее время она сделалась воинственной. Теперь она учит женщин, как использовать для убийства шпильки и ножи.

Он почувствовал, как передернулась Медаси, и пожалел о сказанном. Ему очень не хотелось, чтобы ее беспокоили призраки с Равнин-без-Теней. А то, что творилось сейчас, до дрожи напоминало тогдашние события. Жители Ольма тоже вырезали

свой оккупационный гарнизон и теперь искали убежища в разрушенном городе...

— Это толкование Сафки, — отозвалась Медаси. — И оно как две капли воды похоже на то, что когда-то предложил нам Ральднор. Ответить силой на силу. Может быть, мы не правы. Наверное, Анакир показывает нам и другой путь, но мы его не видим.

Медаси умолкла, и Яннул подумал, что она заснула, но спустя какое-то время вдруг снова послышался ее голос:

— Знаешь, когда-то моя бабушка рассказывала мне одну историю. О том, почему богиню изображают с восемью руками, хотя на самом деле их у нее всего две.

— Я слышал, что это по аналогии с пауками, — ответил он. — Восьмирукая, потому что самка паука сильнее самца.

— Да нет же! — чуть рассмеялась Медаси, и ее смех порадовал Яннула. — А история такова. Как-то один простак случайно забрел в священную рощу и столкнулся там с Анакир. По простоте своей он не испугался, да и богиня была добра к нему. Они разговорились, и он спросил: почему у Ее статуй восемь рук. Он же видит своими глазами — у нее две руки, как и у всех. И Анакир ответила: «Это потому, что невинность способна смотреть на Меня только так. А статуи ваяют те люди, которые видят Меня не глазами». Простак извинился и попросил объяснить еще раз — он не понял. Богиня ответила: «Ты никогда не поймешь Моих слов. Но мне хватает и того, что ты просто знаешь Меня».

Яннул долго лежал, обнимая жену и вслушиваясь в тихие звуки засыпающего лагеря. Ее рассказ распускался у него в душе теплым цветком. И снова он услышал, как, засыпая, она пробормотала «Лар-Ральднор». Но вскоре он тоже уснул и все позабыл.

Они шли уже пять дней, обходя огромные валуны, протискиваясь в узкие щели, карабкаясь на высокие скальные кручи, понукая и уговаривая своих зеебов и прочий домашний скот. Наконец они вышли на открытую каменную платформу, с которой можно было обозреть уже проделанный ими многотрудный путь. Этот день оказался несчастливым для беженцев. На одном из участков пути каменная осыпь, которую им пришлось преодолевать, подалась под ногами, и один из мужчин свалился в ущелье. Зеебы, которых он держал, получили свободу, и вслед за ним полетела повозка с мукой и вяленым мясом. Им стоило большого труда сдержать крики отчаяния. Жена погибшего несколько миль оглашала ущелье жалобными причитаниями, пока Сафка на своих отекших ногах не вернулась к ней и не попросила горевать немного потише.

Когда в сумерках разожгли костры, несколько ольмийцев снова подошли к краю платформы, чтобы осмотреться. Отсюда был виден даже самый первый склон, который им пришлось преодолевать. Но, кроме этого, они различили вдали множество огней лагеря, разбитого внизу у входа на горную дорогу.

— Кармианцы, — озвучил очевидное Яннул.

— Они отстают от нас дней на пять, — прикинул ланнец, который прежде был офицером стражи ольмского дворца, а теперь считался капитаном в их невоенном походе.

— Да, но им легче двигаться, — возразил Яннул. — У нас женщины, дети, животные и поклажа. И еще... мне довелось иметь дело с человеком, который служил у Кесара эм Кармисса. Он рассказывал не так уж много, но его реакции говорили сами за себя. В общем, будь я солдатом Кесара, я просто не посмел бы подвести своего повелителя.

За два часа до рассвета они подбили итоги.

Яннул переговорил с зорской девушкой-проводником. Это было странное создание, с черными волосами, извивающимися, как плети — или как змеи, да и в движениях ее было нечто змеиное. Из суеверного страха — говорили, что из храмов Истриса давно исчезли змеиные гнезда, — кармианцы изрубили на куски ее любимую змею в Ольме. До сих пор было очень мало известно об отношениях зорской танцовщицы с ее партнером-змеей, но, скорее всего, это было то, что в ученых книгах именуется духовным родством. Змея могла быть для нее членом семьи, практически другом. Так или иначе, девушку переполняло горе и молчаливая ярость, что отнюдь не делало проще общение с ней. Говорила она на языке Висов, но то ли на весьма архаичном, то ли на независимо развившемся диалекте. Ее акцент был более приятен для слуха, чем придыхательное бормотание оммосцев, элисаарцев, или, того хуже, закорианцев, вечно глотающих гласные, но едва ли не сильнее затруднял понимание. Положение усугублялось еще и тем, что сама девушка никогда не бывала на своей родной земле. Ее мать родила девочку в Ланне и, когда она подросла, обучила танцу со змеей. Так что Вашту (так ее звали) хоть и знала умозрительно, как пройти в Зор, но сама прежде не ходила этой дорогой.

— Верхний туннель... Вашту, сколько до него осталось?

— Десять дней и еще десять дней, — отозвалась девушка. Или ему только послышалось?

— И как мы найдем его?

— Пещера. Сквозь всю гору.

Снова пошел дождь, затем перешел в град. Льдинки мелькали в воздухе, как стремительные кинжалы, и так же больно секли. Там, где градины ударялись о камень, рождались маленькие мертвенно-бледные вспышки. Теперь склоны отвесными стенами поднимались по обеим сторонам прохода. Время от времени сверху падали камни, награждая людей ссадинами и вызывая сильнейшую панику.

Все понимали, что кармианцы висят у них на хвосте. Они гнали их, как добычу. Правда, оба отряда не видели друг друга — извилистый путь мешал обзору.

Хотя теперь люди шли почти без остановок и отдыха, они понимали, что оторваться от погони им не удается.

Ланнский офицер собрал пятьдесят человек, чтобы перекрыть дорогу, в надежде задержать, а если повезет, то и унич-

тожить преследователей. Они обратились к Яннулу, который дипломатично привлек к обсуждению Сафку.

— Мы видели кармианские костры, — сообщил ей Яннул. — Но это лишь то, что мы смогли разглядеть. Пятьдесят человек способны удерживать проход не более пятнадцати минут. Надо сразу приготовиться к тому, что нас станет на пятьдесят человек меньше.

Сафка посоветовалась с Яннулом и, ссылаясь на его авторитет, приняла решение отказаться от этого опасного деяния.

На двадцать третий день похода люди были измучены, многие больны, и почти все — во власти уныния. Вдобавок снова пошел град, который нещадно колотил по лицам и спинам. И никаких признаков обещанной Вашту пещеры. Только скалы по обе стороны дороги да вдалеке — мрачные пики, больше не отливающие синевой. Но хуже всего было ощущение травли, сознание, что люди Кесара — за их спинами.

На двадцать четвертый день, вскоре после рассвета, перед ними выросла новая гора, стоящая прямо у них на пути. Оползень, очевидно, вызванный снегопадом, случился здесь около года назад. Эту громаду невозможно было ни обойти, не преодолеть. Единственное, на что она могла сгодиться — стать опорой для их спин, когда они встретятся лицом к лицу с кармианцами.

* * *

— Мне снился сон, — сказал сын Яннула. — Я видел другую сторону горы — там, за ней, огромная долина. Наверное, это Зор. Думаю, мой сон значит, что мы найдем проход.

Яннул ничего не ответил. Единственное, что он мог сказать: «Мой сын, ближе к Зору ты уже не подойдешь». Сейчас его занимали совсем другие мысли. Он хотел знать, сможет ли в случае крайней опасности сам убить жену и сына, чтобы спасти их от кармианского надругательства. Конечно, слышать о таком приходилось нечасто (Вольные закорианцы не в счет), да и женщина-эманакир в принципе священна. Но очень может быть, что сейчас, когда кармианцы не намерены оставлять живых свидетелей, об этой святости никто не вспомнит. Как известно, Кесар изгнал Ашару-Анак из храмов Истриса. К тому же Яннул припомнил сожженную деревню, мимо которой шел их караван. Нет, эманакир не будут здесь священными.

Но убить ее, убить мальчика... при одной мысли об этом горло Яннула сводило судорогой. Он не знал, что делать, а потому продолжал молча слушать.

— Еще там есть город, виднеется вдалеке. Он очень большой, но совсем заброшенный. Из черного камня, как на Равнинах. Ты говорил, что степные города черные, да, отец?

— Говорил, — кивнул Яннул.

— Но сама долина плодородная. Там растут фрукты, я видел овец и оринксов. И реку.

— Говорят, покинутый город похож на сломанный меч, — вмешался ольмский офицер. Яннул и не заметил, как тот подошел. — Будто бы он портится, ржавеет вдалеке от всех. Но тот город не такой. Я чувствовал — он жив. Там был свет. Ты тоже видел свет?

— Да, — ответил сын Яннула. — Когда темнеет, в руинах видно какое-то пламя.

— Тогда это город огня, а не ржавчины, — произнес еще кто-то.

Яннул почувствовал, как у него внутри что-то сжалось.

— Вы хотите сказать, что оба видели тот же сон, что и мой сын?

— Может быть. А вы, лорд Яннул?

Он помедлил с ответом. На дне его сознания шевельнулось нечто. Да, он видел сон, но решил, что это известный ему город на Равнинах — правда, очень удивлялся тому, что долину пересекает река...

В сотне шагов от них стояли Медаси и Сафка. Позади них вдоль дороги, от нижнего ее конца, бежал человек. Яннул поспешил к нему.

— Мой зееб пал замертво... Мне пришлось бежать несколько миль, — еле выговорил тот, задыхаясь. — Они уже совсем близко. Сто человек или даже больше. Они увидели моего товарища и пронзили его копьем. Меня не заметили, но это уже неважно... Госпожа, это снилось мне всю прошлую ночь, пока я трясся в седле. Я видел долину. Но мы никогда не попадем туда.

По толпе пронесся вздох. Оказалось, что все видели один и тот же сон, но обнаружилось это только сейчас. Ланнцы не способны воспринимать мысленную речь. Такая же всеобъемлющая связь умов была вообще запредельной и, стало быть, магической. А значит, на каком-то немыслимом уровне — допустимой и принятой.

Сафка взобралась на обломок скалы. Стоя на возвышении, она вскинула руки.

Яннул глядел на нее, не отрываясь. Одна часть его души, философская, благоговейно трепетала, в то время как простая человеческая была очень смущена.

Когда Сафки коснулась благодать богини, и она, по сути, стала ее жрицей, эта совсем не красивая женщина совершенно изменилась. Словно где-то внутри нее — в ее теле, за ее лицом — взошло солнце и пробивалось сквозь нее наружу. Именно так думали люди, глядя на Сафку в ту ночь, когда убивали кармианцев в Ольме. Преображенная.

Внезапно Яннул услышал внутри себя голос женщины из прошлого: «*Никто из нас не сможет причинить ему зло. Он принадлежит богам, а боги защищают своих*». Эти слова относились к Ральднору. К Ральднору, вышедшему из леса на втором континенте, отмеченному Анакир.

Сафка начала что-то выкрикивать. Она говорила людям, что богиня рядом и спасет их. Внезапно погода улучшилась, ветер утих. Теперь Сафку было хорошо видно и слышно. Она не впадала в транс, не закатывала глаза, не дергалась, пуская слюни и завывая. Она по-прежнему имела полную власть над собой, но интуитивно организовывала себя так, чтобы чудесная энергия могла беспрепятственно идти сквозь нее к людям.

Это была не ее сила. Кто-то направил ее на Сафку. Или по-

Она была очень похожа на ту, что исходила от Ральднора. Он вполне мог передать ее сыновьям... Однако Рэм тоже был сыном Ральднора. Его аура была потрясающей, царственной, но почти совершенно человеческой. Он не умел ничего запредельного или ничем не выказывал, что умеет. Ральданаш, которого Яннул помнил совсем мальчишкой, пожалуй, имел больше сходства с отцом, но был холоден, как остывшие угли. Ральднор, даже ставший богом, никогда не был таким.

Яннул любил Ральднора, как брата, даже сильнее, чем своих братьев по крови. И эта любовь никуда не делась, хотя Ральднор ушел из их жизни еще поколение назад.

Но что толку сейчас думать об этом?

Сафка тем временем продолжала говорить с возбужденными, наэлектризованными ольмийцами. Но Яннул больше не слушал ее, ибо услышал нечто иное. Что-то беззвучное.

Он уже слышал такое прежде — на Равнинах под Корамвисом, в ночь перед последней битвой. Какая-то безмолвная дрожь воздуха и земли, повсюду...

Сила.

Внезапно он снова ощутил себя молодым — как тогда, и, как тогда, был напуган, но теперь каким-то новым страхом. Яннул твердо знал, не умея объяснить, почему — что-то вот-вот случится. Энергия, сила... и смерть. Возможно — горный обвал, который погребет под собой кармианских солдат, преследующих беженцев лишь потому, что им отдали такой приказ. Возмездие падет на их головы, ибо они трусы, а малодушие всегда порождает зло.

Яннул полуобернулся. Теперь все люди стояли так, чтобы видеть нижний конец дороги, откуда должны были появиться кармианцы.

Он бросил взгляд на сына. Юное открытое лицо было полно какой-то дикой силы — лицо мужчины, нет, лик демона. Яннулу хотелось кричать. С чем бы они ни столкнулись, это не несло им ответа. Встретить меч мечом, упредить смерть иной смертью... Они убили Корамвис, сломили мощь Виса и изменили мир. И что принес этот новый мир? Еще больше убийств, еще больше боли — до бесконечности. Огненный круг...

— Нет, — услышал он голос. Чей на этот раз? Рука, стиснувшая его ладонь, была тверда и прохладна. — В степном городе Ральднор заставил нас убивать. Я помню это слишком хорошо. Каждую ночь во сне я переживаю это снова и снова. Но сейчас все будет иначе.

Медаси. Теперь Яннул чувствовал себя маленьким ребенком и вцепился в ее руку, словно в материнскую.

Снова поднялся ветер.

И вот из-за плавного поворота горной дороги показались вражеские солдаты.

Кармианцы проделали тот же нелегкий путь наверх, но у них обошлось без потерь. Они знали, что от них ждут осмотрительности.

Их капитан, не так давно назначенный на эту должность лично Кесаром, все еще находился под впечатлением встречи с королем и сумел заразить солдат своим воодушевлением. Согласно его плану никто из мужчин Ольма не должен был остаться в живых. Женщин предполагалось отправить рабынями в Кармисс или использовать тем же способом на месте для нужд оккупационной армии.

Выехав из-за поворота, капитан увидел людей, сгрудившихся впереди. Они стояли, чуть ли не вжавшись спиной в стену. Капитан придержал зеева, решив подождать, пока подтянутся остальные солдаты. Отсюда будет удобно командовать копьеметателями. А сейчас можно присмотреться к бунтовщикам и произвести отбор, пока основные силы не приступили к расправе.

Но прежде, чем все это начало выполняться, капитан заметил мужчину, стоящего на дороге как раз между солдатами и беженцами.

Странно, но не было похоже, что он вышел из рядов восставших. И конечно, он никак не смог бы незаметно вскарабкаться по склону. Может, вылез из какой-то пещеры?

Капитан поднял руку, останавливая строй. Похоже, назревала проблема. Мужчина был полу-Висом, с очень темной кожей, однако роскошная грива его волос казалась серебристо-белой, а светлые глаза даже с такого расстояния сверкали, как бриллианты.

За спиной у себя капитан уловил приглушенные возгласы и проклятия, ему даже почудилась испуганная молитва. Впрочем, его собственной спине тоже стало холодно, и он не сразу понял, почему, пока не разглядел на мужчине драконью кольчугу старого Корамвиса. Он был высок, этот мужчина, и выглядел, словно король, но лицо — лицо его было ликом божества.

Некоторые из солдат упали на колени. Зеебы испуганно ржали, офицеры выкрикивали приказы, но голоса их срывались от страха.

Перед ними на дороге стоял Ральднор эм Анакир.

Капитан пытался совладать с собой. Надо было срочно что-то делать — но что?

Затем все окончательно вышло из его власти.

Воздух за спиной героя-бога наполнился огненным сиянием. Мир вокруг постепенно померк, осталось одно это сияние, достающее до неба. Оно сложилось в силуэт, который нельзя было спутать ни с чем, — змеехвостая богиня, Ашара-Ашкар-Анакир, Повелительница Змей.

Крики стихли. Кармианцы смотрели на нее, застыв в безмолвии и неподвижности. Капитан пребывал в том же странном оцепенении. Страха он не ощущал. Он чувствовал ужас, переходящий в экстаз.

Гигантское видение не полностью уплотнилось, оставшись полупрозрачным. Но все же можно было разглядеть, что богиня выглядит не совсем так, как доводилось раньше слышать солдатам. Ее волосы были черными, а кожа — темной бронзой Ланна. Ее хвост, черно-чешуйчатый с золотыми отметинами вдоль всех колец, мерцал и шевелился. Лишь глаза, взирающие на солдат откуда-то из поднебесья, были янтарными, как положено.

В них не было проклятия. Скорее они направляли кармианцев.

И вдруг все стало легко и просто. Они развернулись, переседлали присмиревших зеебов и двинулись обратно.

Примерно мили три кармианцы возвращались назад по своему прежнему пути, пребывая в покое и умиротворении. Лишь потом капитан, ехавший последним, не без усилия пришел в себя...

...только для того, чтобы услышать грохочущий звук обвала. Каменная масса обрушилась на дорогу, надежно отрезав восставших от их гонителей.

16

Когда от колоннады отделилась какая-то фигура и бросилась к нему, Рармон отреагировал быстрее, чем его телохранитель. Однако незнакомец с поклоном упал на одно колено — знак почтения в висском Кармиссе.

Подошел телохранитель Рармона, держа руку на эфесе меча.

— Встань, — он слегка подтолкнул коленопреклоненного человека.

— Только когда мне велит лорд Рармон.

Телохранитель вопросительно глянул на хозяина.

— Вставай, — приказал тот. — И объясни, что тебе надо.

Мужчина поднялся. Он был Висом, причем очень темным. Даже более того. Хотя он говорил без акцента, весь его облик выдавал закорианское происхождение.

— Мой лорд, я хотел бы сказать вам несколько слов наедине.

Рармон возвращался с тренировки через главный двор перед дворцом Анкиры. Это было весьма оживленное место, где пересекалась большая часть дворцовых путей. К тому же фонтан, увитый диким виноградом, всегда привлекал толпы знатных бездельников. Более неподходящего места для беседы наедине невозможно было представить. Даже не оглядываясь, Рармон был уверен, что на них уже обратили внимание все, кто только мог.

Он велел телохранителю отойти в сторону и обратился к незнакомцу:

— Из какого ты народа?

— О да, лорд принц, во мне есть закорианская кровь. Но наполовину я дорфарианец. Я занимаюсь тем, что прощупываю военных советников Повелителя Гроз. Платный поставщик сведений, но работаю против Йила.

— Иными словами, перебежчик.

— Нет, лорд принц. Я родился в Вардийском Закорисе. Мой король, Сорм Вардийский — союзник Дорфара, и я служу Дорфару.

— Кто послал тебя ко мне?

— Тот, кого вы предали, лорд принц.

— Интересно, кто бы это мог быть? — Рармон внимательно глянул на собеседника. Тот на мгновение отвел взгляд, но тут же снова посмотрел ему в глаза.

— Могущественный повелитель, по-прежнему помнящий вам цену, хотя вы и забыли его щедрость.

— Все понятно. Вардийский закорианец, помогающий Дорфару и представляющий Кесара эм Кармисса. Ты сам не путаешься во всем этом?

— Мой лорд, я передаю сообщения тех, кто мне платит.

— И какое сообщение ты приготовил для меня?

— Пока никакого. Я здесь, чтобы спросить вас: не будете ли вы так любезны принять вестника от лорда Кесара?

— Он прекрасно знает, что нет. Я уже говорил ему. После чего возникает вопрос: зачем он вообще тебя прислал? Не для того ли, чтобы мой сводный брат увидел, как я беседую с закорианским шпионом?

Темнокожий Вис очень осторожно отступил на шаг.

— Стоять! — приказал Рармон. Тот остановился. — Поскольку слухи об этом эпизоде немедленно пойдут по всему дворцу, я обязан позаботиться о чистоте своей репутации. Иди за возмещением к Кесару, если останешься без пары зубов. — Развернувшись с кошачьим проворством, он от души заехал незнакомцу в челюсть и, возвысив голос, объявил на весь двор: — Вот все, что найдется у меня для Закориса.

Не оглядываясь, Рармон продолжил путь к колоннаде и далее — в свои покои.

Венкрек, подозрительный, как и положено хорошему лорду-правителю, мог заранее подготовить этого человека. Всесторонняя проверка — нынешняя верность Дорфару, былая верность Кармиссу. Очень хотелось верить, что это всего-навсего проверка, а не начало дискредитации.

Обсуждение будущей войны длилось весь этот месяц. Кесар, захвативший Ланн и Элир, получил весьма выгодные предложения, но отвечать на них не спешил, отделываясь вежливыми, ничего не значащими посланиями. Создавалось впечатление, что по каким-то причинам он решил отказаться от предлагаемого союза. Дорфару, который уже почти успокоился в отношении своих восточных границ, теперь снова приходилось заниматься этим вопросом. Таким образом, ни переговоры, ни военное искусство не дали никаких плодов. Хладнокровие Ральданаша все больше походило на безразличие или обычную Равнинную пассивность.

Что до выходцев с Равнин, то, когда их удавалось где-то встретить, они поражали своим полным отчуждением. Они скользили по улицам или дворцу, ни во что не вмешиваясь, ничего не замечая. Люди кланялись им и отстранялись, стараясь держаться поодаль. Детям не разрешали играть поблизости от домов эманакир. Их не столько уважали, сколько боялись, а уж больше или меньше, чем Вольного Закориса, Рармон судить не брался.

Шел дождь, с деревьев сыпались листья. Анкира была полна мрачных прогнозов и совершенно идиотской показной храбрости.

В прошлом году на излете лета Рармон еще звался Рэмом и прочесывал холмы Ланна в поисках ребенка Кесара...

Если вдуматься, Дорфар дал ему слишком мало. Роскошь, власть, титул — все это обесценилось и ничего не значило для него. Случись война, он получит армию честных восторженных солдат и верный шанс умереть. Снова пусто. Нет, Дорфар ничего не дал Рармону.

Раз или два он подумывал, удалось ли сыну Яннула добраться до родины. Но теперь и Яннул, и Лар-Ральднор стали для него обитателями страны по имени Прошлое.

Человек, который поджидал Йезу, старшую даму Улис-Анет, не был закорианцем.

Он перехватил ее, когда она вместе с прочими придворными дамами возвращалась из храма Анакир на Холме Верховных королей. Стояли ранние сумерки, дождь утих, хотя резкий порывистый ветер с северных гор заставлял гнуться деревья священной рощи. Однако стоило мужчине заговорить с Йезой, всегда полной надежд на новую связь, как та охотно отошла в сторону. Остальные дамы, приняв это за любовное свидание, продолжили свой путь.

Несколькими часами позже, готовя госпожу ко сну, Йеза выдернула маленькую прядку кроваво-красных волос под тем предлогом, что ее никак не удается уложить. Затем, когда королева удалилась в спальню, Йеза прихватила один из серебряных шнурков, которые были вплетены в прическу Улис-Анет во время обеда.

Сначала, когда ей предложили стащить что-нибудь из вещей хозяйки, девушка оскорбилась. Но посредник, с которым она беседовала, был так очарователен и убедителен... В конце концов, человек, пославший его, был готов вскоре вернуть безделушку, да еще с вознаграждением. Причем вещице вовсе не надо быть ценной — лишь бы по ней можно было сразу же опознать королеву.

Шнурок, по мнению Йезы, был хорошим выбором — уместно и со вкусом. Даже если посредник соврал, и она не получит никакого вознаграждения, все равно оказать такую услугу ее бедной одинокой госпоже и прекрасному лорду Рармону — само по себе удовольствие.

После отъезда Лар-Ральднора Йеза откровенно скучала. Ее уныние усугублялось еще и тем, что теперь Айрос крайне редко появлялся в покоях Улис-Анет. А Йеза имела несчастье внушить себе, что влюблена в лорда Айроса. Она бы не усомнилась в своей победе — разве он не бросал на нее заинтересованные взгляды? — но не с такой соперницей, как королева.

С другой стороны, она жалела свою госпожу, томящуюся без мужского внимания. Йеза, как главная смотрительница ее покоев, прекрасно знала, что хотя Ральданаш и уединяется время от времени с женой в ее спальне, но так ни разу и не возлег с ней. После охоты в Куме Улис-Анет сделалась очень странной, замкнутой и безразличной ко всему. Казалось, она наблюдает образы внешней жизни, но не желает их осознавать. Королева вела себя, как человек, приходящий в себя после долгой и тяжелой болезни — с той только разницей, что здесь об улучшении говорить не приходилось.

Что же до лорда Рармона, то с той самой ночи, когда он избавил Улис-Анет от позора, Йеза была совершенно уверена, что он любит ее госпожу. Разве не он героически спас ей жизнь, когда задрожала земля и скакуны понесли? Разве не он изгнал лорда Айроса из ее окружения? Да и с Улис-Анет, по мнению Йезы, все было понятно — она явно испытывала страсть к сводному брату короля. Она доверила ему свою честь, позволив войти в спальню, где прятался Айрос. И из Кумы, где они все время могли видеться, королева вернулась сама не своя, словно оставила душу на тех холмах.

Посредник, с которым Йеза встретилась в сумерках, убедил девушку в том, что ее выводы правильны. Его хозяину, лорду Рармону, объяснил он, нужен какой-нибудь подарок от королевы. На прямую просьбу она ответит отказом из верности Ральданашу. Хотя, откровенно говоря, Рармон — именно тот любовник, который защитит Улис-Анет и будет беречь ее честь лучше, чем свою собственную.

Естественно, должна соблюдаться строжайшая секретность.

Почему бы не заручиться какой-нибудь мелочью без ведома королевы? Тогда в этом не будет никакой ее вины, но лорд Рармон посчитает себя вправе явиться к ней в покои. А если двое таких людей окажутся наедине в комнате, где имеется кровать, неужели природа не возьмет свое?

Йеза в этом не сомневалась. Более того, она даже подозревала, что все это организует сам Повелитель Гроз. Ей доводилось слышать, что все его жены обречены проводить ночи в одиночестве, но им не возбраняется решать эту проблему своими средствами.

К тому же Йеза обратила внимание, что покои королевы через сад для прогулок соединены с цепью бесконечных внутренних двориков, обычно пустынных и приводящих в конце концов к внешним окраинам дворца. Очень удобно для тайных посетителей.

Ни на минуту не забывая о знаке любви, переданном на хранение слуге Рармона, Йеза оставила незапертой дверь, ведущую в этот сад.

* * *

Айрос эм Зарависс, начальник личной стражи одной из младших жен Повелителя Гроз, сидел у подножия Холма Верховных королей и пытался напиться. Настроение у него было отвратительное. Сегодня вечером он попробовал раздобыть себе должность в армии, готовый перебить всех до единого Вольных закорианцев, лишь бы забыть язвительные упреки из уст Улис-Анет. Однако его взятку с пренебрежением отвергли, и теперь Айрос чувствовал себя оскорбленным и никому не нужным. Оттолкнуть его, сына Зароса, героя войны Равнин! Дорогое вино из дорогой таверны лилось рекой, но не утишало ноющей обиды.

Высоко в небе пылали огненные глаза статуи Рарнаммона.

Неожиданно из тени с поклоном выступил человек и что-то протянул Айросу.

— Вы узнаете этот локон, мой господин?

Айрос честно взглянул, благо городское уличное освещение вполне позволяло это сделать.

— И еще шнурок. За ужином вы могли видеть его вплетенным в прическу.

— Где ты взял это?! — воскликнул Айрос.

— Не надо волноваться, мой господин. Моя хозяйка была бы рада успокоить вас. Она просила, чтобы вы посетили ее этим вечером.

Айрос качнулся вперед, и человек отпрянул.

— Улис! — язык и голова были тяжелыми, но сердце изо всех сил пыталось совладать с ними.

— Вам надлежит явиться в место, указанное в записке. Будьте там в полночь, мой господин.

Даже не взглянув в записку, Айрос тупо смотрел вслед слуге. Волны сильнейших чувств захлестывали начальника заравийской гвардии. Но сегодня любовь исцелит его душевные раны.

Он никогда не сомневался, что она позовет его обратно, как только сможет позволить себе это. Айрос поднес локон к губам, вдыхая знакомый аромат. Страсть накатила на него, словно в Застис, и он уже воображал, что скажет своей возлюбленной и что будет делать с ней.

Наконец он прочитал зажатую в кулаке записку. Путь ему был назначен длинный и запутанный — видимо, ради соблюдения секретности.

* * *

Среди ночи Улис-Анет внезапно проснулась от смутного страха, не имевшего никаких оснований. В ее спальне царил привычный покой. Горели, потрескивая, ароматические лампы, в золоченой клетке сонно встрепенулась птичка.

Ей приснилась лодка под парусом, чернеющая на фоне закатного моря. Она медленно приближалась к заснеженному берегу. В лодке сидел всего один человек, но она не могла разглядеть его лица.

И он держал ее на руках.

Королева встала с постели. Она чувствовала страх. Или это был не страх?

В тот же миг из дверного проема донесся мужской голос. Улис-Анет была настолько потрясена, что смогла лишь молча обернуться — медленно, почти спокойно. Там стояли двое в белых плащах особой гвардии Ральданаша.

— Простите, госпожа, вы должны пойти с нами, — сказал один из них. — Одевайтесь скорее, у нас мало времени.

Улис-Анет, все еще во власти своего оцепенения, не пошевелилась.

— А в чем дело?

— Повелителю Гроз донесли, что на королевскую землю проникли убийцы из Вольного Закориса. Находиться во дворце небезопасно. Всех королевских женщин приказано переправить в более надежное место.

— Очень хорошо.

Они удалились, задернув за собой занавеску.

Ее сердце все еще бешено колотилось в груди, но не от страха — она до сих пор находилась под действием своего сна. Тем не менее Улис-Анет быстро оделась, прихватила накидку и вышла в прихожую к белым плащам.

В коридорах было темно и тихо, как всегда в этой части дворца. Мужчины шли по обе стороны от нее, напряженные и настороженные. Убийца мог притаиться в каждом углу, за каждой колонной. Они дошли до стены парка, где их ждали открытые ворота. Прямо в их проеме стоял крытый экипаж. Удивляло отсутствие часовых у одного из входов на территорию дворца.

— Куда меня повезут? — спросила она.

— Садитесь, госпожа. И скорее, во имя вашей безопасности.

Она повиновалась. Белые плащи остались снаружи. Дверца торопливо захлопнулась, и экипаж немедленно тронулся с места.

Они неслись быстрым галопом, причем куда-то в гору — может быть, к храму Анакир? Видеть дорогу Улис-Анет не могла — окна были закрыты наглухо, и открыть их не получалось. С возрастающей тревогой она обнаружила, что и дверца заперта снаружи.

Королева была пленницей, которую мчали навстречу неведомой судьбе. «Неужели Ральданаш решил меня убить?» — внезапно мелькнуло у нее в голове.

Ночью руины Корамвиса выглядели пустынными и жуткими. Айрос сошел с колесницы и пешком направился к берегу Окриса. Указания в записке были четкими и подробными — одиноко стоящий дом, а рядом, во дворе, высокое дерево. Он поднялся на крутой берег, спотыкаясь об обломки известняковых плит, и толкнул разбитую дверь. За ней обнаружилась лестница, на верхнюю ступеньку которой ложился топазовый отсвет светильника.

Айрос усмехнулся с облегчением и ощутил, как вожделение теплом разливается по его животу.

Поднявшись по лестнице, он оказался в полутемной комнате. И в свете единственной бронзовой лампы обнаружил, что окружен людьми в угольно-черных кольчугах и с нехорошими ухмылками.

— Не совсем то, чего ты ждал, да, заравиец? — бросил один из них.

Айрос попытался выхватить меч, но ему не позволили. Сам он был без доспеха, и ничто не помешало кому-то ткнуть его ножом под ребра, достав до самого сердца.

Он еще не умер, когда его стаскивали вниз по лестнице. Но это был уже не тот надменный офицер и самодовольный красавец. Он снова стал мальчиком, плачущим в душе о Зарависсе, где отец со смехом катал его на плечах, о свете, о жизни...

Но все, что он увидел в эту последнюю минуту, были жестокие звезды Дорфара и ненасытный зев черной дорфарианской реки, распахнувшийся, чтобы поглотить его.

* * *

Зеебы неслись во весь опор, Улис-Анет трясло и швыряло из стороны в сторону. Казалось, безумной скачке не будет конца. Но в конце концов дверца экипажа отворилась, и Улис-Анет увидела, что дорфарианские предгорья стали куда ближе. Беспорядочно сгрудившиеся строения прояснили все остальное. Она находилась на окраине Корамвиса, вдали от равнины, на которой стояла Анкира. Неподалеку виднелись развалины пристани, за ними угадывалась древняя река.

Экипаж был окружен солдатами. Торопливо подскакали еще двое — те, кто сопровождал ее во дворец, но уже не в белых плащах и без эмблем особой гвардии.

Улис-Анет стояла и молча смотрела на них. Она не боялась, а скорее испытывала перед ними холодный почтительный трепет, словно ребенок перед взрослыми.

Один из солдат приблизился к королеве и предложил ей кубок с вином. Это не укладывалось у нее в сознании. Она не взяла кубка и поинтересовалась:

— Это яд?

— Нет, госпожа. Мы не намерены вредить вам. Наоборот, нам приказано о вас заботиться. Но часть пути нам придется проделать по реке, и это поможет вам уснуть.

— Я вовсе не хочу спать.

— Да, госпожа. Однако путешествие утомит вас. И вы можете поднять шум.

— Вы служите не Повелителю Гроз. Куда вы хотите меня везти?

— Сейчас не время для вопросов, госпожа. Пейте, будьте так добры.

— Или мы погрузим вас в сон другим способом, — раздался сзади еще один голос.

— Но вы же не намерены вредить мне, — холодно напомнила королева, удивляясь, как вообще сохранила способность разговаривать.

— Вам и не будет вреда от этого. Просто легкое нажатие сбоку на горло. Но неприятное. Лучше сделайте, как вас просят.

Она сделала шаг назад, огляделась. Бежать было некуда. Пришлось взять кубок. Сквозь запах вина проступал аромат каких-то трав, не более того. Наверное, яд должен пахнуть по-другому? А впрочем, какая разница?

Выпив, она уронила кубок. Один из мужчин поднял его, другой — подхватил королеву. Снадобье подействовало: Улис-Анет была безвольной и беспомощной. Она припомнила, когда ей довелось испытать подобное состояние, сообразила, куда ее тогда заставляли идти, и испытала смутный стыд.

К тому времени, когда женщину опустили на дно лодки, она полностью потеряла сознание. И хотя она была молода, прекрасна и соблазнительна, мужчины хорошо знали, почему не имеют права позабавиться с ней.

Они гребли вверх по течению.

Когда занялась заря, они были уже за много миль от старой пристани.

* * *

Ральданаш спокойно слушал лорда-правителя.

— Повелитель Гроз, факты прямо-таки вопиют, — рассуждал Венкрек. — Часовые уверяют, что ничего не видели — должно быть, кем-то подкуплены. Двое из вашей особой гвардии найдены в кустах убитыми и раздетыми донага. Очевидно, заравийцы воспользовались их одеждой для маскировки. Следы экипажа, как мы обнаружили, ведут в холмы, к руинам Корамвиса. Мои люди обыскали всю эту местность, но ничего не нашли. Похоже, что это ложный след для отвода глаз. Мы также исследуем пути, ведущие на юг — в Оммос и Зарависс...

— Ваши выводы, лорд-правитель? — прервал его Ральданаш.

Венкрек бросил на него пристальный взгляд. Говорить или нет? Они знали друг друга еще детьми в Ваткри. К тому же Венкрек был слишком взбешен, чтобы следовать этикету.

— Ральданаш, эта висская сука выставила тебя на посмешище!

Король оставил выпад без ответа. По нему вообще нельзя было ничего прочесть — ни ревности обманутого супруга, ни страсти, ни даже удивления.

— Простите, мой повелитель, — взял себя в руки Венкрек, — просто мне чрезвычайно дорога ваша честь. Вам нужны мои выводы? Очень хорошо. Вывод здесь может быть только один: ваша супруга, королева Улис-Анет, подло сбежала с начальником своей гвардии Айросом. Всем известно, что они были близки еще до вашей свадьбы. Заравиец сообщил об этом всему городу, оплакивая разлуку с любовницей по кабакам и публичным домам Анкиры.

Несколько советников, которые разделяли точку зрения лорда-правителя, приглушенно зашумели. Один из них, Вис по происхождению, взял слово:

— Вашему величеству следует утешиться тем, что эти двое не сумеют скрыться — их обнаружат, куда бы они ни сбежали. Мой совет — последуйте старинным законам Дорфара. Этого Айроса надлежит публично оскопить и затем повесить. А женщину...

— Я помню наказание для оступившихся жен короля, — перебил его Ральданаш. — Колья и костер.

— Снисходительность здесь неуместна, — настаивал Венкрек. — Будь она из народа богини — с Равнин или с континента, где вы родились, — тогда еще может быть. Но она Вис.

Висский советник заметно изменился в лице.

— Вы еще не поймали ее, — напомнил Ральданаш. Его царственно-прекрасная голова развернулась, и он взглянул через всю комнату на сводного брата. — А что скажешь ты, Рармон?

— Вам нужно мое согласие или мое мнение, повелитель?

— То, что будет полезнее.

— Повелитель Гроз, — вмешался Венкрек, — прежде лорд Рармон сам должен ответить на несколько вопросов Совета.

— Что еще за вопросы? — обернулся к нему Рармон.

— По поводу ваших переговоров с Вольными закориан-

— Какие переговоры имеются в виду? — заинтересовался Ральданаш.

— Боюсь, Повелитель Гроз, сейчас не время... — попытался увильнуть Венкрек.

— Лорд Венкрек, если вы пытаетесь в чем-то обвинить меня, то для этого сгодится любое время, — возразил Рармон.

Ральданаш поднялся, и все посмотрели на него.

— Лорд-правитель, соберите Совет в два часа пополудни. До этого времени все свободны. Благодарю вас за те усилия, которые вы прилагаете к моей пользе. До свидания, господа. — И небрежно прибавил уже от двери: — Идем со мной, Рармон.

В одной из роскошно убранных дворцовых комнат Повелитель Гроз опустился в кресло и указал Рармону на другое.

— Итак? — произнес он.

— Надеюсь, ваше величество получило мой доклад? — поинтересовался Рармон.

— О закорианском шпионе, который подстерег тебя во дворе с фонтаном? Да. Я знаю этого человека, он желает работать с нами. Но, помимо этого, имеют место другие вещи. Письма от Вольных закорианцев, которые ты получаешь. Знаки, которыми обмениваешься на прогулках. Некоторые шпионские донесения, которые касаются тебя, пусть и косвенно.

— Неужели вы считаете меня столь безмозглым, чтобы проделывать все это у вас на виду?

— Все может быть, — ответил Ральданаш. — Но лично я в этом сомневаюсь. Возможно, здесь замешан кто-то еще?

— Значит, я не потерял вашего доверия? — склонил голову Рармон.

— Я чувствую, что против тебя работают могущественные силы.

— Вы позволите мне разоблачить их?

— Если сможешь. Но, возможно, эти силы принадлежат не только людям.

Рармон, казалось, колебался. Пока он не позволял себе обратиться к янтарному кольцу, не желая испытывать его обжигающее, пусть и безболезненное воздействие.

— Так что насчет Улис-Анет? — чуть мягче спросил король.

Рармон сосредоточился.

— Бегство заравийской королевы случилось очень кстати, — уронил он.

— Согласен. К тому же оно перекликается с историей Ральднора и Астарис.

— Было бы слишком идеально свалить его на Айроса. Однако она порвала с ним.

— Я довел до сведения королевы, что она может приглашать к себе, кого ей вздумается, при условии соблюдения приличий, — сообщил Ральданаш, и даже в эту минуту его лицо ничего не выражало.

Сдавшись, Рармон судорожно сжал кольцо правой рукой — и тут же отдернул ее. Кольцо не обжигало палец, на который

было надето, но другую вторгшуюся руку прямо-таки опалило. От Ральданаша это не ускользнуло, но он не стал делать никаких замечаний.

— То, что Айрос был одержим вашей женой, знали все вокруг, — твердо сказал Рармон. — И кто-то мог этим воспользоваться. Таким образом, этот кто-то с большой вероятностью увез королеву помимо ее воли. А отсутствие ее офицера подстроили, чтобы навести умы на версию совместного бегства. Слишком уж удачное совпадение. Не удивлюсь, если сейчас тело Айроса кормит птиц-падальщиков или рыб на дне реки.

— И кому же до такой степени нужна моя жена?

— Такой человек есть. Насколько мне известно, он никогда ее не видел, но я могу и ошибаться. Это Кесар эм Кармисс.

— То есть он решил пожертвовать дружбой с Дорфаром? — Ральданаш принял версию Рармона без возражения, даже не спросив его о причинах таких подозрений.

— Если вам так нужен этот союз — что ж, у вас на руках есть готовое объяснение. Продолжайте считать, что ее похитил заравиец.

— Понятно.

— Я могу заняться поисками тела Айроса и других улик. А вам следует послать наперехват людей на колесницах. Я думаю, они поплывут на восток по Окрису. Кесар наверняка держит за пределами Дорфара корабль, готовый в любую минуту сняться с якоря. Разумеется, если вы схватите его людей, о союзе с Кармиссом придется забыть. Но не сомневаюсь, что и это он предвидел заранее.

До заката оставалось еще около часа. Храм Анакир утопал в темно-золотом сиянии. Принц Рармон пришел сюда заранее по двум причинам, связанным с официальным культом, в том числе и по той, что имела отношение к Повелителю Гроз. Весь церемониал здесь был висским — шумным и экзотическим. Даже пышность мистических действ Ашары не шла с ним ни в какое сравнение. Но сейчас храм стоял, погруженный в глубокую тишину, пахло благовониями и циббовым деревом, а перед гигантской статуей горел лишь один светильник.

Карабкаясь по горбатым улочкам заросшего лесом холма, Рармон вспоминал Анкабек. Однако между этими священными местами не было ничего общего. Хотя наиболее значимые ритуалы обычно не проводились так близко к дворцу, а священная проституция практиковалась в других храмах города, тем не менее это место впечатляло своей роскошью, красотой тленных вещей. Изумительная мраморная статуя, украшенная золотом и драгоценными камнями, была выше анкабекской Анакир. Но обращалась она в основном к уму и вкусу людей, а не к их сердцу.

Из-за перегородки вышел жрец в желтом одеянии и низко поклонился, чего никогда не сделал бы служитель Ашары.

— Мне очень жаль, лорд Рармон. Молодая женщина умерла. Этот яд действует медленно, но наверняка. Мы смягчили ее боль и придали ей мужества, но предотвратить смерть не смогли.

Бедняжка Йеза попалась в ловушку, увязнув в чужих интригах слишком глубоко, чтобы выбраться назад. В последний момент, уже слабея, она пришла в храм за помощью, и это было ее единственным мудрым решением. Теперь Рармон мог восстановить ход событий. Они стащили какую-то вещицу Улис-Анет, чтобы выманить Айроса на свидание, и, несомненно, расплатились с Йезой. Похоже на старый элисаарский прием — монета с острым краем, а на нем яд. Девушка не замечала мелкую царапину на пальце, пока не стало слишком поздно.

— Мне тоже очень жаль, — сказал Рармон. Однако смерть Йезы подтверждала его умозаключения столь же несомненно, как если бы та рассказала обо всем сама. — Вы правильно сделали, послав за мной. Я распоряжусь о богатых приношениях для Анакир.

— Благодарю вас, лорд Рармон.

Внезапно Рармон вспомнил маленького смуглого жреца. Это был таддриец, который присутствовал среди эманакир в ночь его испытания. Тот самый, которому в детстве довелось увидеть, как Ральднор и Астарис ушли в джунгли.

— Собственно, я уже принес подарок богине, — сообщил Рармон. — Или вам, — он достал янтарное кольцо, сейчас совершенно холодное, и протянул жрецу.

— Нет, мой лорд, — покачал головой таддриец. — Я не могу взять его.

— Почему же? Янтарь с Равнин — ценная и, несомненно, святая вещь.

— Так же, как и вы не можете подарить его, мой лорд. — Даже коренастая крестьянская фигура не умаляла достойного, почти благородного вида жреца. — Это ваша мета, принц Рармон. Вы не можете сложить ее с себя. Снять ее может лишь тот, кто ее возложил, и никто иной.

— Но это же всего-навсего кольцо.

— Не совсем. В нем сила. Это дар лично для вас, который нельзя передать другому.

— Мне казалось, что вы признаете лишь практическую сторону культа.

— Да, мой лорд. Магия сама по себе — очень практическая вещь.

— Тогда я просто положу кольцо на Ее алтарь.

— Нет, — возразил таддриец. — Это не просто украшение, от которого вы пытаетесь избавиться, — это ваш рок, которого не избежать.

Рармон вдруг осознал, что все это время слегка теребит свое кольцо.

— Правильно ли я чувствую, что вокруг меня в воздухе висит нечто вроде грозы? — задыхаясь, спросил он. — Я не верю в Анакир. Я вообще не верю в богов.

— Мой лорд, Анакир — всего лишь символ, олицетворение той Силы, которая есть в каждом из нас, — ответил таддриец. — Она — лицо, внешняя форма, в которую мы облекаем красоту, силу, любовь и мудрость. Так же, как письменность — видимая форма звуков речи, которые мы лишь слышим.

— Вы стоите под Ее изображением и говорите мне это?

— И заметьте, Она не поразила меня насмерть, — на лице жреца появилась обезьянья усмешка. — Истина не может быть богохульством, если бог является воплощением истины.

Рармон повернулся и пошел меж колонн храма, а затем меж деревьев священной рощи. Грозное предупреждение судьбы гремело над его головой, словно набат.

Прошел дождь, и все следы, оставленные какими бы то ни было повозками, оказались смыты. Рармон отправил пятерых своих людей на юг вдоль темного берега реки. Им попадалось все, что угодно — заброшенный разбойничий притон, чье-то гнездышко для любовных свиданий, но только не то, что они искали. В конце концов они растревожили логово диких кошек и были вынуждены отступить. Рармон видел, как пляшут среди руин отсветы факелов.

Разбирательство в Совете задержало его до полудня. Ему пришлось на это пойти, чтобы отвести от себя обвинения Венкрека в сношениях с Вольными закорианцами. Но откладывать поиски до утра Рармону не хотелось — это значило потерять даже те следы, которые пока сохранились. Наконец близ какого-то старого дома одному из его людей попалась на глаза нераспряженная колесница с совершенно измученными скакунами. Дверца колесницы была украшена эмблемой Зарависса.

В доме на верхнем этаже обнаружилась лампа с остатками масла. В ее свете Рармон разглядел на полу черные пятна уже засохшей крови. Они привели на берег реки.

— Он на дне, мой лорд, — заметил один из солдат.

— Да, — кивнул он. — Я тоже так считаю.

— Несчастный сукин сын.

Рармон отослал заравийскую колесницу назад в город в сопровождении двух человек. С ним остались трое, один из которых отошел по нужде к дереву во дворе. Обратно он не вернулся.

Двое оставшихся солдат рвались выяснить, что с их товарищем, однако Рармон сдержал их. С края склона им удалось разглядеть торчащие из-за ствола ноги в башмаках. Если их владелец и прилег отдохнуть под дерево, то явно вечным сном.

— Проклятые грабители, — пробормотал один из двоих.

— Грабители не посмели бы убить солдата королевской гвардии так близко от города... — в этот миг совсем близко от себя Рармон услышал чей-то резкий выдох, как перед прыжком, и тут же отскочил в сторону.

Из темноты выскочил человек, вскрикнул, ударившись об угол каменной террасы, но успел достать своим клинком одного из гвардейцев. Второй дорфарианец крутнулся на месте, одной рукой выхватывая меч, а другой, в которой был горящий факел, ткнув в лицо новой фигуре, появившейся из тьмы. Волосы нападающего вспыхнули, он с воплем кинулся прочь, но тут возникли еще двое с мечами и взяли дорфарианца в клещи.

Видимо, кто-то заткнул рот вопящему хорошим ударом — его крики разом стихли, и в наступившей тишине Рармон услышал, как хрустнули шейные позвонки дорфарианца. Другой солдат тоже не подавал признаков жизни.

— Бросайте меч, принц, — раздалось сзади. — Сами видите, он вам не поможет.

В свете уцелевшего факела Рармон увидел, что окружен более чем десятком вооруженных людей в вычерненных кармианских кольчугах, но без эмблем.

— Мы ждали, что вы придете сюда, — пояснил голос, показавшийся знакомым. — Ваш прежний хозяин, Кесар, способен читать ваши мысли не хуже степняка.

Говорящий выдвинулся вперед. На нем тоже был черный доспех, но не кольчуга, а плотный панцирь из шкуры овара. Это был тот самый закорианец из двора с фонтаном.

— Да-да, — усмехнулся он. — После всех своих отступничеств я в конце концов решил вернуться к старому хозяину — королю Йилу эм Закорису. Ваш Кесар немало укрепил меня в этом решении. Вижу, вы потрясены, лорд Рармон?

Он сделал повелительный жест в сторону кармианцев:

— Отберите у него меч, нож и прочее оружие. Любые драгоценности отдавайте мне. Для начала я возьму вот это кольцо.

Помощи ждать не приходилось. Двоих на колеснице, видимо, тоже перехватили и прирезали. Сражаться в таких условиях означало верную смерть, а к этому Рармон был совсем не готов.

Его швырнули на колени перед тем, как сорвать с него пояс с оружием. За этим последовал удар в спину — сродни раскату грома. Рармон упал лицом в черную грязь и почувствовал, как из одной его руки выхватили меч, а с другой сдернули кольцо-мету. Тут же раздался вопль — разумеется, кольцо обожгло руку похитителя. Очевидно, его поспешно отбросили, ибо раздался звук удара о камень и приглушенный звон, с каким обычно бьется очень толстое стекло. Вольный закорианец грязно выругался.

На этот раз Венкрек не успел выступить с обвинением. Его опередил пергамент, доставленный к воротам залов Совета. Он гласил: «Властители Дорфара, больше вам не травить волка. Он сбежал к своим братьям из Вольного Закориса со всеми сведениями о ваших военных планах и на бегу смеется над вами и вашей глупостью».

Путешествие по реке сменилось долгой поездкой в колеснице. Затем другая лодка доставила ее на борт черной галеры, возвышавшейся, как ночь, над утренним морем. Улис-Анет видела это урывками, поскольку ее продолжали опаивать дурманящим снадобьем. На корабле она была даже рада этому, ибо шторм не прекращался почти все время их короткого плавания.

Когда королева наконец очнулась, она снова была на земле. Определить, что это за земля, ей не удалось.

Однако ее последнее пробуждение заставляло заподозрить, что сон все еще длится. Она находилась в пышно украшенном доме, окна которого выходили в заросший сад. За ним до горизонта раскинулась возделанная долина.

Когда полностью ушла слабость, вызванная снадобьем, Улис-Анет начала присматриваться к тому, что ее окружало. Обстановка вполне соответствовала рангу пленницы — она получала все, к чему привыкла во дворце, включая изысканную и красиво сервированную еду, дорогие притирания и шкатулки с драгоценностями.

Ей прислуживали две женщины. Они справлялись со своими обязанностями не хуже, чем ее собственные дамы, охотно и подробно отвечали на все вопросы Улис-Анет, если дело не касалось места заточения, а также таинственной личности, поместившей ее в эту роскошную клетку.

«Но я все-таки в Кармиссе?» — спрашивала королева. И слышала в ответ: «Взгляните на этот жемчуг, госпожа. Не правда ли, он идеально подходит к бархату?»

Жемчуг был черным — традиционная кармианская драгоценность. Это могло сойти за косвенный ответ, если уж нельзя было получить прямой.

В общем, Улис-Анет и не хотела знать — ее вопросы были продиктованы лишь остатками гордости. Куда проще притвориться несведущей и напуганной, в том числе и перед самой собой.

Дом, который скорее хотелось называть виллой, охраняла вооруженная стража. Она могла беспрепятственно перемещаться по башне, в которой пришла в себя первым утром, но остальная часть виллы была недоступна. Садом она тоже наслаждалась лишь с балкона. Вдалеке Улис-Анет видела людей, работающих на полях, но никаких слуг, кроме ее собственных, в доме не появлялось. Это радовало ее. Окажись кто-нибудь поблизости, она была бы обязана позвать на помощь, и неизвестно, чем бы все кончилось.

Так прошло четыре дня, по ощущениям Улис-Анет — вдвое больше. Она плохо спала по ночам, ее тело было истерзано — но не болезнью. Порой, пытаясь что-нибудь читать, сидя на балконе или бродя по своим покоям, она чувствовала в доме какое-то движение — едва слышные разговоры, чьи-то шаги, — и ее сердце на миг замирало в надежде. Она ждала Его. Но ее ожидания ни разу не оправдались.

Однако на пятый день незадолго до заката она убедилась, что Он уже близко. Дамы доставили ей новые пышные одежды и изысканные украшения. Укладывая ее волосы, они выглядели взволнованными. В комнате, которая служила ей столовой, поставили жаровни и воскурили благовония, принесли и зажгли дополнительные свечи.

— Будем надеяться, — едко бросила Улис-Анет прислужницам, — что лорд Кесар не заставит себя ждать.

Когда те ушли, она принялась нетерпеливо расхаживать по комнате.

Будучи пленницей, она не имела выбора, принимать гостя или нет. Однако эта простота была обманчивой. Все выглядело так, будто от нее ничего не зависит, но Улис-Анет вдруг поняла, что не хочет лгать самой себе. К соответствующей жизни ее готовили с детства. После того, как шесть лет назад ее отдали Повелителю Гроз, она ждала от судьбы лишь то, что причиталось ей по праву рождения и положения. Увы, она оказалась не нужна Ральданашу. Улис-Анет вняла предостережениям и честно старалась быть терпеливой, готовясь провести в смирении всю свою жизнь. А затем из предрассветной темноты близ Кумы возник Кесар и, как в древнем сказании, перешел черную реку, отделяющую жизнь от призраков. Он привязал ее к себе тенью, павшей на ее лицо, пожатием рук, терпким желанием на дне глаз. В отличие от Ральданаша, Кесар неистово жаждал ее. А она... Да, ей нравилось быть желанной для этого мужчины.

И тут ее честность взбунтовалась.

Что ж, прекрасно, она примет его. Но не такой! Не нарядной и усыпанной золотом, приготовленной для него, словно еще одно изысканное блюдо на стол!

Она подбежала к зеркалу и принялась оттирать лицо от краски, разрушила сооружение на голове и тряхнула рассыпавшимися волосами. Отшвырнув бархат и самоцветы, Улис-Анет надела платье, в котором ее привезли сюда. По ее просьбе его постирали и вернули обратно — тогда она еще не знала, зачем ей это надо. За время путешествия платье потерлось, потускнело, кое-где даже порвалось.

Она едва успела.

Пока она стояла перед зеркалом, оценивая свое преображение, наружная дверь открылась и снова плотно притворилась. Улис-Анет осознала, что не может пошевелиться.

Так она и увидела его — в зеркале. Он прошел через всю комнату с ее свечами, жаровнями, накрытым столом и встал в проеме внутренней двери, как в раме.

«Он уже здесь, — уговаривала она себя. — Обернись и встречай его, как хотела. Не бойся, это всего лишь отражение в зеркале». Но от одного вида этого человека она забывала, как надо дышать. Каким-то образом она все же обернулась, стараясь смотреть сквозь него, расширив зрачки, лишь бы не встретиться с ним взглядом...

— Я думал, что женщины оденут вас, как подобает, — произнес Кесар. Уши не глаза, их не закроешь, и самый звук его голоса пронзил ее насквозь.

— Они сделали все, как вы хотели, — ответила Улис-Анет. — А затем я сделала то, что хотела я сама.

— Пусть так.

В его голосе не было ни раздражения, ни радости. Вообще ничего. Он снова вышел во внешнюю комнату, и ей пришлось последовать за ним, чтобы спросить:

— Могу я, наконец, получить объяснения по поводу того, что сделали со мной по вашему приказу?

Он был во всем черном. В Дорфаре она слышала, что это его обычная манера одеваться. Кесар казался воплощением тьмы,

особенно на фоне пламени свечей. Он налил вина и предложил ей. Она отказалась. Тогда он выпил сам — залпом, до дна.

— Вы находитесь в имении моего советника Ральднора, в Иоли, — пояснил он. — В ближайшее время вас перевезут еще куда-нибудь. Приношу свои извинения, что пока не могу принять вас в своей столице, Истрисе.

— Значит, я ваша заложница для воздействия на Дорфар?

— Нет, — ответил он. — Вы просто — моя.

— Такое оскорбление Повелителя Гроз повлечет за собой войну.

— Война случится так или иначе. Подобные вещи не становятся предлогом, если под ними не лежит более серьезной причины.

— Но почему вы...

— Вы знаете, почему.

Невольно она взглянула ему в глаза. Теперь их разделяло всего несколько шагов. Улис-Анет отвела взгляд, чувствуя, как кровь стынет у нее в жилах.

— Я напоминаю вам какую-то женщину, которая умерла.

Кесар не ответил.

«Мне тоже придется умереть, прежде чем я покорюсь», — мелькнуло в голове Улис-Анет. Пустая мысль, глупый ритуал. Даже ей самой это казалось до отвращения неприемлемым.

За дверью раздались голоса. Получив разрешение хозяина, незнакомые слуги внесли обильный ужин и удалились. Кесар жестом пригласил ее за стол.

— Благодарю вас, мой лорд. Я не горю желанием отведать нового зелья.

— Вы собираетесь морить себя голодом во имя добродетели?

— Не рассчитывайте, что я с радостью приму от вас хоть что-нибудь, — бросила Улис-Анет.

Кесар медленно подошел к ней, пересекая освещенную комнату, как раньше темную и безмолвную реку, но не коснулся ее.

— Голодовка — медленный и неприятный способ, — произнес он, вытащил из-за пояса кинжал и протянул ей изящным движением, как прежде протягивал кубок с вином. — Она убила себя, почему бы вам не сделать то же самое?

Улис-Анет даже не взглянула на кинжал. Он ничего не значил для нее, ибо она хорошо знала, что ни при каких обстоятельствах не совершит самоубийства. Его слова значили гораздо больше.

— Кем была эта женщина? — спросила она.

— Моей сестрой.

Улис-Анет отшатнулась.

— Вы предлагали кровосмешение своей сестре? И она предпочла смерть...

— Что еще?

Теперь она смотрела на него во все глаза, пытаясь разглядеть насмешку, гнев или боль. И ничего не увидела. Он был такой же, как Ральданаш. Вот только под этим черным холодом таился неистовый огонь — единственное и страшное отличие.

«Нельзя напрашиваться на крайние меры, подталкивать его к жестокости или насилию», — твердила Улис-Анет, как заклинание. Это опять же было бы слишком просто. Лучше мягко уступить силе и снять с себя вину.

— Позвольте мне удалиться, — попросила она.

Даже это могло показаться излишне вызывающим. Она потупила взгляд, старалась выглядеть холодной и смиренной. Бесцветной. Это было нелегко.

— Совсем не обязательно, — ответил Кесар с убийственной учтивостью. — Я поем где-нибудь в другом месте.

Он направился к двери. Улис-Анет по-прежнему не отрывала глаз от пола. Она не знала и не могла знать, что в этом скромном платье, с распущенными волосами и без краски на лице была более, чем когда-либо, похожа на Вал-Нардию в то утро, когда та объявила о своем отъезде на Анкабек.

У дверей Кесар обернулся.

— Завтра я переведу вас в дом поближе к столице. Вам в нем понравится, к тому же там очень приличная дорога. Вы сможете получить все, что захотите.

— Тогда разрешите мне вернуться в Дорфар, — произнесла Улис-Анет, обращаясь к мозаичному полу Ральднора эм Иоли.

— Забудьте о Дорфаре. Когда закончится война, я подарю вам Кармисс.

В изумлении она снова, не удержавшись, подняла глаза на него.

— Да, — подтвердил Кесар. — Моя первая супруга, Верховная королева Кармисса, Ланна, Элира и всех земель, которые я завоюю. Или вы думали, что я привез вас сюда лишь для того, чтобы предложить вам вина?

И снова дверь отворилась и так же плотно закрылась за его спиной. Кесар удалился, оставив ее наедине с обедом и мыслями.

Далеко отсюда, этой же ночью, Ральднор эм Иоли стоял в своей амланнской спальне и читал донесение, пока под одеялами беспокойно ворочалась ланнская девушка.

Донесение гласило, что мятежники в Ланнелире вырезали оккупационный гарнизон, укрылись в горах и сейчас находятся в полной безопасности благодаря исключительно своевременному обвалу. К этому добавлялись очень странные подробности о каких-то мистических явлениях. Что ж, придется искать момент, чтобы лично заглянуть туда...

«Я становлюсь тяжелым на подъем», — подумал Ральднор.

Единственное, в чем он по-прежнему не терял бдительности — это постельные утехи с местными девушками. Ту, что сейчас лежала в его кровати, доставили с великими предосторожностями и так же тайно уберут еще до рассвета. Он не хотел, чтобы об этом знали его солдаты, ведь у него имелась официальная любовница, которую он повсюду возил с собой, — но никогда не спал с ней.

Могли найтись те, кто захочет воспользоваться этим обстоятельством. А кое для кого Мелла и сама по себе была весьма привлекательна.

Размышляя о своей подстраховке, самом рискованном предприятии в его жизни, Ральднор отложил донесение в сторону.

Мелла...

Рано или поздно настанет день, когда Кесар перехитрит сам себя, и небеса рухнут. И вот тогда Ральднор Создатель королей достанет из навозной кучи свою жемчужину.

Бальзамировщики, которые вовсе не были бальзамировщиками, прибыли из Оммоса и с честью выполнили свое задание. Их рассказы о якобы имевшем место отравлении, пресеченные лично Кесаром, предназначались лишь для его ушей и были насквозь лживы. Мальчика и вправду кормили зельями, но не совсем теми, какими указывал регент. Под их действием принц потерял сознание, однако смерть за этим не последовала. Кесар смотрел на пустой ящик, смердящий прахом совершенно постороннего человека, в самом деле умершего от чумы. Заглянуть в него он не пожелал. Да и с какой стати? Ральднор и раньше совершал чистые убийства по поручению повелителя, его репутация была безупречной. В Усыпальницу Королей лег пустой, искусственно утяжеленный гроб.

Ребенок же был очень аккуратно и умело прооперирован, став евнухом. Он воспитывался на задворках Иоли и вскоре стал достаточно женственным, чтобы сойти за девушку, — разумеется, кроме интимных ситуаций.

При умелом содействии принц-король Эмел вполне мог в один прекрасный день вернуть себе трон Истриса. Однако, зная, чем он стал, нетрудно было предсказать, что долго он там не задержится. Ужасная правда могла вскрыться, и тогда Ральднор, так долго прозябавший в стороне, шагнет через него к своей славе.

Кесар освободил Ральднора от многих моральных ограничений. Эм Иоли не задумывался над этим, но он давно уже не был тем, кто пришел в отчаяние, слыша крики рабов на горящих галерах в Тьисе. Урок оказался усвоен, и скрытая жестокость стала чертой его характера. Он выучился бессердечию у своего повелителя — но для Кесара оно было лишь средством достижения цели, и сами по себе чужие страдания никогда не забавляли его.

Ральднор же получал удовольствие, причиняя боль другим, о чем и предстояло сейчас узнать ланнской потаскушке.

17

Должно быть, в Дорфаре уже идет снег...

Здесь снега не было и в помине. Лето длилось гораздо дольше, а зима так и не наступала.

Они прошли через горы по древнему ущелью. С дорфарианской стороны этот проход хорошо охранялся. Тут и там на скалах виднелись сторожевые башни, из скал же и высеченные, ощетинившиеся копьями. Даже вступив на землю Таддры, путники еще долго натыкались на дорфарианские посты. Однако Каал Закорианец был известной личностью — он уже не раз ходил этой дорогой, и всегда с правильными паролями и бумагой с печатью совета Анкиры. Там его держали за шпиона Повелителя Гроз. Что ж, это было почти правдой. В Вольном же Закорисе считали, что Каал работает на короля Йила. Таким образом, он мог беспрепятственно ходить туда и обратно, иногда в одиночку, иногда со слугами. На этот раз с ним были два телохранителя и раб.

Телохранители были довольно светлыми Висами — такой оттенок кожи часто встречался в Зарависсе или Кармиссе. Раб выглядел чуть-чуть темнее — возможно, из дорфарианцев. Похоже, он часто бывал ленив, непослушен или попросту неосторожен, за что его приходилось непрерывно бить. Его лицо покрывала корка из ссадин и запекшейся крови, а на спине сквозь дыры в лохмотьях виднелись старые следы кнута. На щиколотках у него болтались цепи, достаточно свободные, чтобы переставлять ноги. Он тащил поклажу, перед ним шел первый телохранитель, а сзади — второй охранник и сам Каал, который время от времени щелкал раба по спине хлопушкой с длинным языком, вообще-то предназначенной для мух.

Пройдя ущелье, они добрались до Тумеша, затем резко свернули на запад. Лучшим способом передвижения по джунглям Таддры всегда считался сплав на плотах по рекам. Увы, эти пути постоянно зарастали водяной зеленью. До того, как Йил со своими войсками вторгся в Таддру, реки регулярно очищались и были вполне удобны для сплава. Однако в последние десятилетия эта земля предпочитала быть непроходимой со всех направлений. Итак, найдя реку и плоты, Каал и его люди продолжили путь.

Солнце почти не показывалось из-за крон деревьев, увитыми лианами и гигантскими папоротниками. Речная вода, цвета патоки и густая, как суп из рептилий, была совершенно не годна для питья. Горные хребты северного Виса почти скрылись из виду, лишь изредка мелькая в просветах меж деревьями.

С утра до вечера они погибали от жары. Ночь была прохладнее, но все равно не позволяла расслабиться, пугая звуками ночной жизни джунглей.

А в Дорфаре, должно быть, уже холодно и идет снег...

Самое первое избиение предназначалось для маскировки.

— Сами понимаете, мой лорд, кто-нибудь может вас узнать, — с усмешкой заявил Каал, когда они поднялись в холмы за Корамвисом, — Но под синяками и кровью это будет непросто даже для вашего сиятельного брата.

Его сковали, тем не менее пятеро кармианцев на всякий случай вцепились в него со всех сторон. Даже из такого положения Рармон смог применить пару приемов, так что один из солдат заорал и отлетел прочь с выбитой коленной чашечкой. Но оковы на ногах сказывались очень сильно. В конце концов Рармон смирился и позволил Каалу избить себя — зачем оттягивать неизбежное?

Каал обрабатывал Рармона без всякой жалости, даже ногами — это была плата за удар, полученный от него во дворце.

Когда маскировочные отметины начали подживать, избиение повторилось. Позже к этому добавились и другие развлечения. Каждую ночь, разбив лагерь, они привязывали Рармона поодаль от костра. В первый же вечер Каал принес ему лепешку с куском сушеного мяса и положил так, чтобы до нее нельзя было дотянуться. После нескольких попыток Рармон бросил это дело и больше не обращал на еду никакого внимания. Закорианец остался недоволен. Ему заплатили за то, чтобы он доставил пленника в Вольный Закорис, как подарок Йилу от Кесара. Кармианцы же намекнули ему, что если Каал будет так вести себя и дальше, то рискует привезти своему королю лишь мертвое тело. Поэтому пленника надо было хоть иногда нормально кормить, и Каал делал это, скрипя зубами.

Рармон не оправдал его ожиданий. Каалу пришлось прибегнуть к менее утонченным пыткам, но и здесь он был вынужден сдерживать себя, боясь уменьшить ценность подарка слишком сильными повреждениями. Любимой его выходкой было нанести неглубокую рану где-нибудь на руке или бедре и останавливать кровь солью. Когда порез немного заживал, Каал снова вскрывал его, причем следил, чтобы линии идеально совпадали. Иногда вместо соли он использовал уксус.

Кармианцев, которых Рармон прежде никогда не видел, все это ничуть не трогало. Сидя у костра, они играли в кости и не обращали ни малейшего внимания на развлечения Каала. Они рисковали жизнью, отправляясь в королевство Йила, но таков был приказ Кесара.

— Ты, наверное, хочешь, чтобы я тебя отвязал? А еще, я так думаю, мечтаешь убить меня, — говорил Каал. По мере приближения к Вольному Закорису к нему вернулся его закорианский выговор. Поэтому он больше не называл раба Рармоном, выговаривая его имя как что-то вроде «Рурм» с невнятным придыханием на конце. — Мечтаешь убить меня медленно, да, Рурм? Кусочек за кусочком?

Но он ошибался. Рармон не испытывал желания убивать своего мучителя. Он ощущал лишь привычную серую ненависть, смешанную с омерзением, и внутренне сжился и с тем, и с другим. Сжиться с болью было даже проще — к этому его приучила еще Лики. Он не сопротивлялся даже в мыслях. Весь его прежний опыт подсказывал — в случае отречения побои заканчиваются скорее.

День ото дня вокруг было одно и то же — свет, приглушенный массой листвы; густая потеющая растительность, среди которой все реже и реже попадались хижины на сваях и скудные поля; реки и лесные тропы, где ему, солдатам и Каалу приходилось ножами прорубать себе путь; даже пытки были одни и те же. Рармон потерял счет времени. Он был уверен лишь в том, что в Междуземье и на восток уже пришла зима. Наверное, их путешествие длилось месяца два...

Затем начали появляться выжженные поляны в джунглях, стража на деревянных башнях, охраняемые броды и узкие, грязные, но вполне проходимые дороги. Время от времени у них спрашивали пароль. Часовые были все больше черными или темно-бронзовыми, с рублеными чертами лиц и тонкими губами. Их маленький отряд приближался к внешним пределам Вольного Закориса.

Йил, сын Айгура, получил право на престол обычным закорианским путем — сразившись с прочими сыновьями своего отца. Ценой победы стали переломленные хребты его братьев. Вместе с ним на престол взошли его триста жен, а Первой королевой стала та, что, будучи беременна его ребенком, перерезала глотку болотному леопарду. Таков был Закорис, таким он остался и здесь, на северо-западе.

Когда Ханассор сдался Сорму Вардийскому, Йил во главе девяти тысяч мужчин с их женщинами и потомством проложил путь через закорианские болота, через невысокие горы, южную границу Таддры, и дальше, в глубь джунглей. В пути он потерял три тысячи мужчин — в тыловых схватках с войсками Сорма, от болотной лихорадки и прочих превратностей пути. Детей и женщин вообще погибло без счета. Закорианское отношение к жизни повелевало безжалостно избавляться от слабых и больных.

Таддра была землей, не знающей закона. На протяжении веков она лизала пятки и Дорфару, и Закорису. Главным залогом ее безопасности являлась ее бедность — здесь не было ничего, что привлекло бы захватчиков. Однако сейчас это место стало предметом иного вожделения. Ни один из здешних мелких царьков, слишком бедных и слабых, не смог оказать сопротивления Йилу.

Строя планы на будущее, он захватил прибрежную область и прилегающие к ней обширные леса. Это обеспечило ему неограниченное количество строевого леса и выход на океанские

просторы — широкую дорогу к берегам Дорфара и других земель к югу и востоку. Закорис всегда был страной кораблей. Морские сражения и пиратство считались его традицией, причем последнее сохранялось и в мирное время.

Отдыхая от постройки галер и походов за ценной добычей и рабами для гребли, закорианские мужчины возлежали со своими женами и рабынями и делали сыновей. Каждый мужчина Вольного Закориса был воином. Мальчиков обучали этому с десятилетнего возраста. Для дочерей тоже находилось занятие — вынашивать новых сыновей. Женщин не подпускали ни к сражениям, ни к кораблям — они были ценными сосудами для выращивания потомства. Мужеложство по закорианским обычаям считалось страшным грехом — нельзя тратить семя там, где не может быть приплода, — и каралось разнообразными, но одинаково страшными способами. Калек в Вольном Закорисе не держали — как только человек переставал приносить пользу, его лишали жизни. Та же участь ждала и больных детей — их просто относили в джунгли на съедение диким зверям. Бесплодных женщин забивали до смерти на огненных алтарях Зардука, жертвуя ему кровь, вытекающую из тела вместе с жизнью. Перед каждым же значительным начинанием в жертву богу полагалось принести столь же значительный дар — прекрасного юношу, сжигаемого заживо.

Сердцем Закориса-в-Таддре был город на западной оконечности северного побережья. Сделанный из дерева, камня и кирпичей, в которых грязи было куда больше, чем глины, Йилмешд был полностью лишен великолепия Ханассора. Он вырастал из джунглей, окутывая закат клубами дыма. А за его спиной, над глубокими водами трех заливов, высился еще один лес — лес мачт, и вечернее солнце умирало на его перекрестьях.

Перед тем, как войти в Йилмешд, Каал извлек из своих вещей одеяние, подобающее дорфарианскому принцу, и заставил Рармона надеть его. Для этого пришлось освободить его от оков на ногах, но у Рармона не возникло и мысли о бегстве. Впрочем, когда он оделся, оковы тут же были возвращены на место, словно последнее необходимое дополнение к наряду.

Над городскими воротами горели факелы. Арка над ними, как и вся стена, была сложена из камней, кое-как скрепленных плохим раствором, зато каждую створку ворот целиком вырезали из огромного ствола.

Йилмешд вообще не походил на настоящий город ничем, кроме своих размеров. Лачуги лепились друг к другу, подобно сотам в улье. По пыльным улочкам взад-вперед маршировали солдаты в доспехах из плотной кожи — кольчуги были лишь у тех, кому удалось взять их в бою. На каждом перекрестке пылали и грохотали кузницы. Ни женщин, ни детей на улицах не было видно, хотя из-за каждой плотно завешенной двери раздавался детский плач.

Проходя по городу, Каал обратил внимание кармианцев на два храма: Зардука и морского бога Рорна. Оба были не более

чем пещеры с массивными дверями, выдолбленные людьми или природой в прибрежной скале. Королевский дворец стоял на скальном возвышении, море и тьма плескались у его подножия. Каменная башня, глухая каменная стена — город в городе. Часовые на стене выяснили, что у них за дело к королю, после чего сбросили им лестницу — других путей во дворец не было.

Над дворцом развевались знамена Старого Закориса — Двойная луна и Дракон. Однако перед входом стоял деревянный столб, на вершине которого красовался леопард в прыжке — знак нынешней власти. Фигурка была довольно грубо вырезана из черного металла и дребезжала на морском ветру.

Внутри дворец освещался лишь редкими факелами, толком не разгоняющими тьмы. Они прошли в Королевский зал. Деревянный потолок опирался на деревянные колонны, даже не украшенные резьбой, грязный пол был кое-как прикрыт шкурами.

В дальнем конце зала возвышался помост с великолепным троном из черного дерева, который Йил прихватил с собой, отступая из Ханассора. Статуя бога тоже явно попала сюда издалека. Рармону доводилось видеть оммосский вариант Огненного бога, и он отметил сильнейшее сходство. Тело этого идола было бесформенной колодой, увенчанной судорожно скалящимся лицом — застывшая маска то ли ярости, то ли экстаза, а может быть, агонии. Его разверстое чрево полыхало огнем. Неистовство пламени и запах паленой шкуры наводили на мысль, что совсем недавно тут приносили жертву.

Им пришлось подождать, пока Йил эм Закорис не вышел откуда-то из-за трона и не занял свое место.

Его бронзовая кожа была довольно светлой по закорианским меркам, но узкая щель рта и перебитый плоский нос не давали усомниться в чистоте его крови. Тонкая золотая цепочка тянулась от его правой ноздри до цирконовой подвески в правом ухе. Йил производил впечатление грузного и некрасивого человека в возрасте, однако в нем не было заметно какой-то усталости или недостатка силы. Когда он усмехался, по залу прыгали отсветы — зубы его сплошь покрывали коронки с драгоценными камнями.

За спиной короля тенями столпилась его свита. Даже в здешнем скверном освещении было видно, что одна из теней сильно отличается от остальных.

Каал, как истинный закорианец, простерся ниц. Двое кармианцев преклонили колени. Рармон остался стоять, ибо никто не догадался толкнуть его. Наконец кармианцы решили исправить упущение, но Йил остановил их:

— Пусть стоит, как стоит. Дайте мне разглядеть его как следует. Значит, вот он, сын короля, этого змеиного отродья Ральнара? — с этими словами король сплюнул на пол и не торопясь подошел ближе к пленнику. Он был высоким — но не выше Рармона. Это змеиное отродье Ральднор в полной мере передало сыновьям свой рост.

— Знаешь ли ты, кто прислал тебя сюда? — спросил Йил.

— Мне сообщили, — кивнул Рармон. — Кесар эм Кармисс.

— Так и есть. Послание, которое я получил, тоже подписано К'саром. Дружеский подарок перед тем, как мы зажмем Дорфар между нами двоими и сотрем в порошок. А еще мне сообщили, что ты можешь принести пользу Вольному Закорису, рассказав о военных планах своего короля. Вон тот, на полу, — доверительно произнес Йил, указывая на распростертого Каала, — может лишь мечтать подобраться к ним так близко. А ты... ты был приближен к Повелителю Гроз и его советникам. Если ты в самом деле его брат, как уверяет К'сар в своем письме, — Йил подошел еще ближе, так что его зловонное дыхание коснулось лица Рармона. — Наверное, нам придется испытать на тебе наши закорианские умения, чтобы заставить тебя расстаться с секретами Дорфара?

— Вовсе не обязательно, — ответил Рармон. — Но прежде я скажу вам кое-что другое. Возможно, Повелитель Гроз и не знает, сам я удрал сюда или меня увезли, зато прекрасно понимает, чем это обернется. Он тут же изменит свои военные планы, и любые мои сведения окажутся совершенно бесполезны.

Тень за троном, непохожая на все остальные, негромко рассмеялась.

— Правильно, — обернулся к ней Йил. — Иди сюда, Катус, и тоже взгляни. Это *его* посев?

Человек спустился с помоста. Он, как и король, был уже на излете зрелости, но стройнее, более легкого сложения, изящнее одет и с прекрасными манерами. Все в этом человеке — его движения, даже сама походка — выделяло его из королевской свиты. Он взглянул на Рармона — и даже взгляд у него был не закорианский.

— Очень может быть, — произнес он. — Определенно Дорфар принял его как должно.

Речь Катуса оказалась еще более удивительной — в ней не было ни придыханий, ни исковерканных гласных, лишь едва уловимый намек на закорианский акцент.

Двое кармианцев, решив, что изъявили почтение в достаточной мере, поднялись, готовые вручить Йилу новые послания. Каал так и остался лежать.

Йил сделал знак, и закорианские стражники увели Рармона.

* * *

— Пей, Катус. Пей до дна.

— Благодарю, мой повелитель, — Катус едва притронулся губами к вину. Сам же Йил выпил до дна, видимо, желая подать пример советнику.

— Думаешь о Дорфаре, Катус? Кровь, потроха и пепел...

— О мщении, — спокойно поправил Катус. На его лице почти не было морщин, словно он с самого раннего возраста приучил себя к бесстрастному выражению. — И, конечно, о вашем обещании, что я буду править Дорфаром от вашего имени. Посмотрим, много ли от него тогда останется.

— А теперь ты думаешь, что К'сар Кармианский уведет Дорфар у меня из-под носа, когда мы с ним выжмем дерьмо из этого беловолосого ублюдка?

— Я думаю, Кесар полезен для нас вне зависимости от того, чего он желает.

— Так может, убить его и отдать все тебе?

— Мой повелитель, я умею терпеть, — спокойно сказал Катус. — Мы оба обладаем этим свойством. Кесар же молод и делает много резких движений, так недолго и споткнуться.

Йилу нравился Катус эм Элисаар, который когда-то был принцем и плел интриги в Дорфаре, нравился так же, как новое оружие, женщина или умное животное, способное выполнять трюки. Катус был мудр. Он оказывал неоценимую помощь в столь необходимой вещи, как дипломатическая переписка, на которую у Йила никогда не хватало дотошности. Он сплел и постоянно усложнял шпионскую сеть Закориса. Король знал цену этому человеку. Ни один из прежних закорианских советников Йила не уцелел при отступлении в Таддру, значит, и жалеть о них не стоило. Теперь Катус был самой сложной и изощренной деталью его королевства.

— Что ж, давай советуй, — произнес король с ноткой снисходительности.

— Вы отправите обратно послов Кесара и повторите свою фальшивую клятву, что восстановите Анкабек. Мы-то знаем, что ему плевать и на Анак, и на Анкабек, но он простит ваших людей за то, что они разграбили остров, а вы поддержите игру и выразите свои сожаления по этому поводу. Не забывайте, он может проявить себя и с другой стороны — как тогда, когда уничтожил ваш флот у берегов Кармисса. Также вы поблагодарите его за подарок — этого Ральднорова ублюдка. Письмо уже готово, можете с ним ознакомиться. Военные предложения пойдут отдельно, их содержание мы обсудили с вами раньше. Кстати, а что вы намерены делать с Рармоном, сыном Ральднора?

— Мы принесли бы его в огненную жертву Зардуку, — вздохнул Йил, — но К'сар сообщил, что этот Рурм спал с мужчинами. Я не могу предлагать богу такую мерзость.

— Как неприятно.

Йил что-то проворчал.

Они покинули тронный зал и перешли в покои короля. Глаза Йила тут же с неудовольствием остановились на нише, в которой покоился огромный топаз. Это был глаз богини из Анкабека.

— Наблюдает, сука. Ищет свое золото, — заметил Йил и обратился к глазу: — Можешь не искать. Теперь твое золото носит Зардук. — Он не сводил взгляда с драгоценности и, казалось, позабыл и о советнике, и о разговоре.

— Мой повелитель, позвольте сделать предложение насчет Рармона, — напомнил о себе Катус. — Поскольку вы не можете сжечь его заживо, давайте используем его иначе. Чтобы поднять дух в войсках, а также в назидание рабам и тем, кто за нами

наблюдает, надо публично объявить, кто он такой, и подвергнуть позору и осмеянию. Пусть он станет символом бесчестия. И не забывайте, что у него есть сведения, которыми он может поделиться с нами.

— Бесполезно. Беловолосый поменяет свои планы.

— Он, несомненно, сделает это, мой повелитель, — возразил Катус. — Но изучение изначального плана поможет нам предсказать возможные изменения.

— Вот как! Умно, что и говорить. Тогда Рурм будет допрошен сегодня же ночью.

— Доверьте мне эту честь.

— Ты полагаешь, что мои капитаны слишком грубы? — усмехнулся Йил.

— Не уверен, что Рармон хранит верность кому-нибудь, даже Ральданашу. Но он отказался помогать Кесару — и тот не стал искать иных способов воздействия. Тому должны быть причины. Этого человека не так просто дожать.

— Это еще почему? — В Йиле проснулось какое-то звериное любопытство. Если в такой момент король не оказывался во власти жестокости, то порой ему в голову приходили дельные мысли.

— В прошлом его жестоко выдрали кнутом, а побои он терпит вообще всю свою жизнь. Думаю, тут требуется что-то иное. К тому же следует помнить, что Кесар даже не сделал попытки убедить его. Очевидно, он считает его непоколебимым.

Катус, убийца короля, медленно спускался по боковым коридорам, прорытым под дворцом Йила. Ему всегда было интересно, почему король Вольного Закориса сделал свой дворец более неприступным, чем город. Стена без ворот, спускающаяся лестница... А под дворцом полностью задействована система естественных пещер в скале, вызывающая в памяти Ханассор. Корабли, стоявшие в пещерах под Ханассором, были в куда большей безопасности, чем в открытой гавани. Разумеется, те два флота из двухсот тридцати кораблей, что стоят в заливах, понесут какой-то ущерб еще до того, как наступление лета позволит начать войну. А война уже совсем близко...

Давным-давно Катусу довелось поскитаться по миру и увидеть, как изменился тот после войны Равнин. Неудивительно, что средства, припасенные им еще до катастрофы, быстро иссякли. Он вернулся в Элисаар, прочно захваченный Шансаром, но пробыл там недолго. Какое-то время он занимался различными махинациями в Иске и Корле, завоевал кое-какой авторитет в крошечном городке Оттамит. Но все это было слишком мелко. В Катусе имелось немного закорианской крови, и в конце концов он добрался до Таддры и Закориса-в-Таддре. Посвящать Йила во все подробности своей жизни он не стал, рассказав лишь то, что могло поднять его цену. И конечно, ни словом не упомянул, что убил, пусть даже на поле боя, Повелителя Гроз Амрека.

Сейчас, через столько лет, это деяние заставляло его чувствовать себя неловко, ибо было каким-то надуманным, даже поэтическим, и, как свойственно всему поэтическому, совершенно бесполезным. Тогда он был моложе и, несмотря на самотренировку, тщеславен. В той кошмарной обстановке, после землетрясения и поражения, когда трубы судьбы звучали над темнеющей равниной, он, возможно, желал оставить свой след в истории. Но Катус не был поэтом ни в коей мере. Насмешливое предположение Йила о жажде мести само по себе было поэтическим, а потому — ошибочным. Единственное, к чему стремился Катус — это иметь свои собственные владения. Вот чего он желал всегда.

Наконец он добрался до группы пещер, которые использовались как узилища.

Катус переговорил со стражником. Когда тот отодвинул камень, советник смог заглянуть в узкую расселину. Там, примерно на глубине семи футов, виднелись голова и плечи человека, которого здесь звали Рурмом. Расселина была недостаточно широка для того, чтобы узник мог сидеть в ней. Даже упереться коленями и спиной, чтобы слегка разгрузить ноги, смогли бы ребенок или маленькая женщина, но не крупный мужчина.

Элисаарский принц, теперь известный под именем Катус, отступил в сторону, и камень снова скользнул на место. Расселина погрузилась в темноту — единственный свет проникал через решетку, когда отодвигали камень. Через эту же дыру узника спустили на крючьях, зацепив за веревки, которыми он был связан, и откинув не только камень, но и решетку. Таким же образом спускались еда и питье, хотя пока до этого не доходило.

Рурм провел в расселине ночь, день и часть следующей ночи. Это время должно было показаться ему вечностью.

Катус был впечатлен. Обычно после такого узники, едва заслышав звук отодвигаемого камня, визжали и молили, ловя скудный свет и карабкаясь вверх в безумной надежде. А Рурм даже головы не поднял.

— Завтра в полдень, как тебе велено, — приказал Катус стражнику. — Все ясно?

— Да, советник.

В задумчивости Катус побрел обратно, пить кислое таддрийское вино. И ждать.

После кромешной тьмы его камеры и полумрака подземных переходов яркий полуденный свет в верхних комнатах резал глаза. Стражник оставил его, несвязанного, в маленьком зале и удалился. Почти сразу же появился Катус.

Рармон осознавал, что это не простая передышка. В подземелье ему позволили воспользоваться примитивной ванной и бросили свежую одежду. Он запрещал себе расслабляться от такого контраста, понимая, что это еще не конец его мучений.

В расселине сопротивляться было труднее. Узилище и было задумано так для того, чтобы неудобства постепенно —

минута за минутой, час за часом — превращались в боль. Но Рармон обладал физической выносливостью. Труднее было держать в порядке сознание. В таком заключении человек сам становится своим мучителем. Мысли, воспоминания — словно маленькие демоны, запертые в мозгу. Рармон не знал, как долго сможет справляться с собой, сколько времени ему потребуется, чтобы сдаться и сойти с ума.

Катус сел и принялся разглядывать пленника с немалым изумлением, затем указал ему на стул.

— Благодарю, не надо.

— Понимаю, — кивнул Катус. — Лучше не давать ногам передышки, чтобы не лишать их силы поддерживать ваш вес. Похоже, вы ожидаете, что вас отошлют назад.

Рармон не ответил.

— Еда тоже призвана укрепить ваши силы, — Катус повел рукой в сторону блюда с фруктами и кувшина с вином, но Рармон снова не двинулся. — Вы отказываетесь?

— Это выглядит довольно бесполезным.

— Вы могли попытаться покончить с собой еще по пути в Закорис, но почему-то воздержались от этого.

— Недосмотрел.

Катус усмехнулся.

— Когда-то давно ваш отец вот так же стоял передо мной, как пленник. Возможно, вас позабавит то, что он показался мне куда менее изворотливым, чем вы. Правда, он тогда был моложе.

Катус хлопнул в ладоши — закорианцы считали себя не столь избалованными, чтобы пользоваться звонком. Вошедший слуга принес с собой принадлежности для письма, поставил на стол и снова удалился.

— От вас требуется обрисовать мне план военной кампании Повелителя Гроз против нас. Достаточно сделать это в общих чертах. Детали мы обсудим позднее.

Рармон подошел к столу, обмакнул перо в чернильницу и быстро написал одну строчку. Катус поднялся и прочел: «Сейчас вы мне еще не поверите, что бы я ни написал».

— Чувствуется, что вы привыкли к плохому обращению, — проговорил Катус. — Это началось еще с вашей матери, нет никаких сомнений. Я знал ее. Я видел вас еще в колыбели, когда ее служанки называли вас Рарнаммоном. Честно говоря, вы и родились-то у меня под крышей, и, надо сказать, с большим шумом.

Он позвал стражника, и Рармона отвели обратно в расселину.

Чуть позже ему спустили фрукты и вино. Спустили и оставили висеть.

Искушение было слишком велико — не столько соблазн поесть, сколько желание хоть чем-нибудь занять себя. Когда Рармон взял еду, его посетило страшное отчаяние, прежде незнакомое ему. После еды он задремал, но хотя сон его был не более чем сном, да и то неглубоким, он избегал его.

* * *

Его снова вынули из расселины, когда ноги совсем онемели, а шипы в позвоночнике поднялись до самого черепа. Снова ванна и чистая одежда. Рармону пришло в голову, что Катус, чьи покои отличались совсем не закорианским изяществом, всего лишь желал почистить его предварительно, чтобы не осквернять свое жилище.

Кое-как он проковылял вверх по лестнице. Появился Катус. Разговор на этот раз был коротким, бумага и чернила уже ждали его. Сидеть теперь казалось большей мукой, чем стоять, но Рармону пришлось воспользоваться стулом — иначе, склонившись к листку, он рисковал попросту упасть.

У него была подготовлена ложная, но убедительная теория развертывания войск Дорфара. Скорее всего, в нее не поверят, но он не имеет права забывать ее — судя по всему, ее еще не раз придется излагать по самым разным поводам.

Рармон никогда не собирался выдавать истинные планы Дорфара — зная правду, его мучителям будет легче воссоздать изменения. Он не испытывал особой преданности Дорфару, дела этой страны мало трогали его. Родство с Ральданашем тоже не имело для него особого значения. Но Вольный Закорис в его понимании был редкостной мерзостью. Даже сквозь кровавый туман крайнего напряжения перед глазами Рармона вставали маленькие скелеты отвергнутых детей, кучками мусора валяющиеся у дороги. Сама мысль о Висе под пятой Вольного Закориса была глубоко отвратительна ему. Впрочем, его мотивы были одновременно и более, и менее глубокими. В этом состоянии его натура противилась всему, что только можно, и чтобы не путаться, он сосредоточился на неприятии Закориса, переросшем в одержимость.

Когда его стали спускать назад в расселину, он поймал себя на том, что извивается всем телом, пытаясь помешать этому, остановить неизбежное. Он силой загнал свою интуицию вглубь и безропотно спустился в узилище.

Чуть позже, пожалуй, через какой-то десяток минут, прибыли фрукты и вино. На этот раз к ним добавилась мясная подливка. Он принял все это, опрокидывая миски в рот и жадно зарываясь в них лицом.

Вскоре после еды его начало рвать — отчаянно, болезненно, к тому же вертикальное положение затрудняло процесс. Рармон понял, что в вино или мясо было подмешано какое-то рвотное зелье. Когда спазмы утихли, он, стоя среди своей рвоты и прочих телесных выделений, начал мечтать о смерти — страстно, как не мечтал ни о чем другом.

На какое-то время это заполнило его сознание, загнав вглубь иные страхи и желания. Но затем стремление к смерти утихло, уступив место другой страсти, менее возвышенной, но столь же нестерпимой. Жажде. Его тело было обезвожено рвотой.

Рармон пытался бороться, отгоняя жажду еще старательнее, чем раньше — порыв к смерти. Он призывал прежние кошмарные воспоминания, чтобы заслониться ими от всего, как прежде. Но ничего не вышло. Жажда победила.

Ему начало казаться, что если он заговорит со стражниками наверху, они могут дать ему воды — чистой, без всяких снадобий. Рармон знал, что это не так. Но его голос отказался повиноваться разуму, он что-то хрипел и рычал сам по себе.

Затем вдруг жажда исчезла. Мгновенно. Он просто не хотел пить.

И снова его подняли наверх. Когда они поставили его на каменный пол возле расселины, Рармон свалился набок, напряженный и окоченевший, как дерево. Тогда его просто поволокли. На этот раз не было ни ванны, ни визита к Катусу. Какой-то человек, стоящий против света факелов, заявил, что они просмотрели его лживые писания, но лорд Катус милостиво дает ему еще одну попытку. Вот перо и бумага. Теперь от него ждут правды.

Рармон написал: «Вы получили правду в прошлый раз. Она остается правдой». Ему казалось, что его рука с пером отстоит от глаз на целую милю.

— Нет, — произнес человек. — Так не пойдет.

Рармону предложили вина, но он никак не отреагировал.

Затем он опять вернулся в расселину. Как всегда, его спустили мягко и осторожно. Когда ноги Рармона погрузились в густой зловонный слой разнообразных нечистот, уже изрядно заполнивших расселину, он подумал: «Я должен просто существовать и помнить свои прежние показания. Они выглядят вполне здраво. Я могу повторять их снова и снова, и рано или поздно они поверят. Или можно каждый раз писать новую версию, совершенно лишенную смысла. Тогда, может быть, они убьют меня».

Однако прежнее жгучее желание умереть не возвращалось.

Вскоре сверху спустилась миска с молоком. Ему хватило сил оттолкнуть ее головой, чтобы молоко пролилось прежде, чем он кинется пить его. Конечно, оно могло быть и хорошим, не содержащим никаких примесей. Возможно, оно таким и было. Возможно...

Затем жажда вернулась с удвоенной силой. Он почти вопил, катался по расселине, бился головой об камень, желая разбить себе череп.

И вдруг камень подался. Рармон замер в удивлении.

Там была тьма. А в этой тьме, где-то очень далеко — слабое пятнышко света.

Рармон подался назад. Он глядел в трещину, расколовшую камень, и невозможный свет в ее глубине. Это было видение. Реальной была лишь жажда.

Однако свет начал быстро приближаться, и Рармон не мог отвести от него глаз. Но тьмы вокруг не стало меньше, ничто не осветило расселину. Вскоре он понял, в чем тут дело — это был не свет, а белизна. Затем она приняла форму. И превратилась в девушку.

Она стремительно шла к нему из камня, где ее никак не могло быть, и по мере приближения увеличивалась в размерах. Ее светлые волосы мерцали в темноте, подол платья бледным облаком вился у щиколоток.

Еще немного — она оказалась в каком-то шаге от него и протянула миску, полную воды.

Она была невысокой и юной — лет шестнадцати-семнадцати. На ее лице застыла печаль. Ее глаза были как два солнца. Она... она покачала головой и подняла миску к его губам.

Рармон ожидал грязи и зловония, как если бы девушка решила зло подшутить над ним. Он в свою очередь помотал головой и улыбнулся ей. Что толку пить воду, которая всего лишь видение? Но она не уходила, все так же держа миску на вытянутых руках. Наверное, они у нее уже затекли. Непроизвольно он склонился к миске. Теперь для этого хватало места, так как стена подалась назад. Вода оказалась у самых его губ — прохладная, манящая, такого же вкуса, как в источниках, маленькими водопадами сбегающих с гор под Истрисом. Не переставая упрекать себя, Рармон начал пить. Он почувствовал, как вода скользнула внутрь, сладкая и чистая, делая чище и его самого. Миска опустела — но жажда покинула его еще раньше...

— Рарнаммон, — сказала дочь Кесара, девочка из Анкабека, которую он так долго искал.

— Я знаю, что тебе всего девять лет, — ответил он.

— Нет, — возразила девушка. — Вспомни, как долго я лежала в чреве Астарис. А затем как долго я ждала мира, но не в мире. Я дожидалась срока, чтобы прийти во чрево Вал-Нардии. Я одних лет с тобой, Рарнаммон.

— Девять лет, — упрямо повторил он. — И ты не можешь быть здесь.

— Но это так. Я символ твоих желаний. Тебе дана сила воплотить их, но ты влил эту силу в мою форму, так же, как другие изливают свою внутреннюю энергию в образ Анакир. Или любого другого божества, в которое они верят. Если только их сила такова, чтобы оживить именно его.

— Ты хочешь сказать, что боги — творения людей?

— Нет. Боги — это сами люди. Но, боясь поверить в собственное величие, они отсылают свою силу наружу, а затем придумывают ей новые имена.

Рармон стоял в закорианской расселине, придуманной для пытки, ожидая смерти и ведя философскую беседу с духом, которого сам придумал. Они говорили не словами. Но перед ним были ее глаза — море и пламя, свет и тень. Все и Ничто.

— Ашни, — позвал он.

— Я здесь, — пришел ответ. И больше он не мог спорить.

— И что же дальше?

— Идем, — сказала она. — Поверь в себя.

— Да, — он закрыл глаза, чтобы дать им отдых, но продолжал видеть ее сквозь веки, ибо знал, что может это. — А потом?

— Потом ты снова придешь в себя. В нужный час.

— А есть еще вода? — спросил он, и не потому, что хотел пить. Но она ушла.

Рармон открыл глаза. Стена расселины снова стала гладкой и целой. Запах нечистот по-прежнему был очень силен, но жажда исчезла. Он был спокоен. Он размышлял.

Ральднор и Астарис. Они перешли из мира в духовный ад, сверкающие, исчезнувшие навсегда. Ребенок в ее чреве не был частью этого — или не хотел быть.

Анакир.

Небезызвестный остров Анкабек. Ждущий ребенка, и не какого-то другого в нужном облике — нет, того самого ребенка.

Что там говорила Беринда в своей лачуге на холме?

«Когда ты снова нашла меня?» — спросила ее дочь, и Беринда ответила: «Когда моя утроба снова наполнилась». — «А где же я была до этого?» — «Летала в воздухе».

Вот оно. *Летала в воздухе*. Третьему ребенку Ральднора эм Анакир не суждено было родиться из чрева Астарис. Он освободился. А затем дух ребенка не исчез, оставшись витать в воздухе, в неких земных измерениях — и все же не совсем на земле. Он ждал срока, когда возникло нужное сочетание расы, плоти и души в двух людях. Двое, которые были одно.

Он сам смог увидеть это, отринув условность нормы.

«Что дальше?» — спросил он. И она ответила ему, четко и ясно.

Рармон не думал о ней, как о женщине, ибо женщины никогда не задевали его по-настоящему. Он не думал даже о том, что она вообще-то приходится ему сестрой.

Вода, будь она иллюзией или магией, смочила ему горло, позволив издавать звуки. Сначала это было трудно — отпустить себя на волю. Вместо крика из его глотки вырывалось какое-то мычание. Но затем, когда он услышал, как стражники наверху отодвигают камень и обращаются к нему, Рармон нашел в себе мужество изгнать из себя разумного человека и впустить безумие, которое являлось воплощением бога.

И его сознание затопил свет, подобный солнцу.

— Похоже, твои элисаарские зелья оказались чересчур крепкими, — усмехнулся Йил.

— Рвотное и слабительное. Ничего более, — ответил Катус, стараясь скрыть раздражение. Однако Йил, подобно дикому зверю, нутром чуял чужие эмоции. — Тем не менее, мой король, он все еще годится для того действа, которое я рекомендовал.

— Провести по Йилмешду, чтобы его забросали камнями? — Йил потрогал свои драгоценные зубы. — Да ты, выходит, ненавидишь его.

— Вовсе нет. Мне жаль, что его рассудок сломался. Я не ждал подобного, но сомнений быть не может. Это не симуляция. Рармона тщательно обследовали, можно считать его безумие доказанным. Я начинаю думать, что Кесар подозревал в нем подобный надлом.

— Ну да. — Та же рука, что трогала зубы, легла на обнаженную грудь наложницы, стоящей на коленях рядом с ложем Йила. — А он у нас не умрет?

— Чем дольше он проживет в столь постыдном состоянии, тем поучительнее окажется пример для других.

Йил уже запустил руку между ног рабыни.

— Стало быть, ты его не ненавидишь? — произнес он, хитро прищурившись. — Или ненавидишь только отца, как весь Вольный Закорис?

Катус поклонился и отбыл.

С открытого заднего двора доносились дикие вопли безумца. О да, другие доказательства были не нужны. Надо распорядиться насчет утяжеленных цепей. Йил принял решение отослать Рурма на свою любимую Южную дорогу, нескончаемый путь, расчищаемый в сторону Вардийского Закориса и Дорфара. Прикованного к повозке, сына Ральднора должны были возить по всей стройке ради устрашения и вразумления рабов. Излагая свои планы, Йил наблюдал за советником с ленивым любопытством: ты в самом деле не ненавидишь его? И как сильно ты его *не ненавидишь*?

Катус помедлил, прислушиваясь к воплям безумца. Амрек не оценил его по достоинству. Ральднор обманывал Катуса раз за разом. Теперь его обманул и Рармон. Одного Ральданаша еще не было в этом списке.

Ненавидеть их? Слишком много чести для столь примитивных людей. Его вкусы куда более утонченны. И все же то чувство, которое с годами вошло в его плоть и кровь, порой отвергаемое и всегда безответное, было именно ненавистью — ненавистью к этой нескончаемой игре.

18

В холодные месяцы заря приходила в заснеженный Истрис со стороны скованного льдом залива. Но город под этим белым покровом вовсе не спал, продолжая жить напряженной жизнью. Время снега при Кесаре всегда было временем обновления и подготовки. Нынешняя зима не стала исключением — город лихорадило.

Вертеть толпой так же просто, как ветру — крутить флюгер. Для этого годятся слухи, публичные выступления, внезапные проявления щедрости. Торговцев всегда можно подкупить. Верхушка власти тоже продается и покупается. Правда, попадались слишком алчные глупцы, а также честные люди, которые с содроганием следили за полным разворотом Лилии в сторону Закориса. Пока по столице ходили только слухи, но слухи надежные, ведущие прямо к дворцу и хорошо оплаченные. А потому даже самые неосведомленные осознавали, что едва ближайшая весна отомкнет восточные моря, на них обрушатся вся мощь и все самолюбие Черного Леопарда, неважно, будет тот врагом или союзником.

Донесения из Ланна, как обычно, задерживались. Скорее всего, ничего не придет до самой оттепели, ибо правление Ральднора эм Иоли отличалось заторможенностью и плохой организацией.

Делая Ральднора центральной фигурой «миссии милосердия» в Ланне и Элире, Кесар преследовал двойную цель. Во-первых, восточные земли требовалось запугать, показать им кнут — и Ральд-

нор справился с этим как нельзя лучше. Его действия оказались именно такими, как и ожидалось, — резкими, непредсказуемыми и несправедливыми. Теперь, когда грязная работа сделана, можно поставить более мягкого наместника. Покоренное население требовалось успокоить некоторым количеством бальзама на раны и тем усыпить его бдительность.

В то же время данный расклад позволил выманить Ральднора из Кармисса, где он слишком высоко взлетел на крыльях удачи. В отсутствие хозяина назначался временный управляющий его владениями, что было разумно и привычно для Истриса. Эта традиция давала возможность провести детальную проверку дел Ральднора, против которой он, собственно, и не возражал. Более того, он явно подготовился к такой проверке. Во всяком случае, сколь тщательно Кесар ни рылся в его владениях, он не смог обнаружить ничего, что можно поставить в вину. И это было странно. Уж он-то знал, как обычно пользуются властью люди, подобные эм Иоли. Этот факт наводил на мысль о заблаговременной и основательной подчистке дел, предпринятой ради покрытия более серьезного проступка.

Приговор Ральднору был уже вынесен. В этом тоже не было ничего необычного: каждый, кто попал в круг приближенных, готовился рано или поздно принять наказание. Но пока эм Иоли находился далеко за морем, к тому же, как свойственно многим, впадал зимой в подобие спячки и не ждал никаких неприятностей.

Последний час Кесар провел в зале Совета. В числе прочих был решен вопрос об отставке Ральднора с поста в Ланне. Разногласий здесь не возникло. Никто из членов совета не столкнулся с неприметным проходимцем ланнской наружности на ступенях задней лестницы, ведущей в королевские покои. Кесар же никогда не забывал о пользе этой лестницы.

Он вообще мало что забывал. Он запоминал лицо любого жителя второго континента лучше, чем, к примеру, Сузамун — лицо какого-нибудь Виса. Однако все шансарцы, вардийцы и ваткрианцы, занимавшие ключевые посты в армии Кесара, в совете и при дворе, постоянно задабривались и подкупались. Будучи все до одного продажными, они всегда были готовы припомнить своему королю, что он наполовину их крови.

Не забывал король и богиню, невзирая на то, что в Вольном Закорисе считали иначе. В дни своего регентства Кесар укрепил Ее культ и восстановил Ее дом, который Она разрушила в гневе на семью Сузамуна. Новая статуя почти полностью воспроизводила ту, что когда-то установили шансарцы. Она стала лишь чуть поменьше и еще более красноречиво женственной. Поскольку это была богиня-женщина, то неудивительно, что в первую очередь ей поклонялись женщины. Благодаря обнаженной груди, которая наводила на мысль о священной проституции, ее стали соотносить с Ясмис. В этом тоже не было ничего удивительного — довольно долго богине пришлось обитать в ее храме. Где-то на третьем году правления Кесара в нижнем городе богиню стали называть Ашьясми. По ее примеру и другие

божества восстановили свои храмы в Истрисе. Кесар, который не верил ни в кого из них, тем не менее всем преподносил щедрые дары. Ашаре-Ашкар-Анакир-Ашьясми он подарил черный жемчуг. Его так густо вплели в ее золотые волосы, что при взгляде снизу они казались черными.

В противовес обычной ланнской лени, к полудню пришли донесения от разведчиков на западе. Правда, в них говорилось не столько об Йиле, брюхе Леопарда, сколько о его элисаарских мозгах. Сообщалось, что после появления Катуса с Вольным Закорисом стало возможно иметь дело.

Из Дорфара ничего не было. Корабли, вышедшие из Тоса на Континент-Побратим, ожидались обратно до окончания снегов — в южных морях погода не столь переменчива. Вот тогда, и не раньше, могут появиться новости. Поддерживая лицемерную идею нерушимого братства с Шансаром, Кесар отправил туда же своего личного посла.

Под всеми этими донесениями лежало запечатанное письмо без всякой печати.

Она уже писала ему примерно с полмесяца назад. Ее почерк был совсем не таким, как у его сестры: твердые, прямые буквы к концу письма делались размашистее и злее. Она снова просила отпустить ее к Ральданашу, словно тот готов был принять ее обратно.

Кесар взял в руки письмо. Теперь он стал старше и умнее. Писать ей он не станет ни при каких обстоятельствах.

И никогда не пожалеет о том, что захватил ее. Эта женщина принадлежит ему, поэтому она здесь. А все остальное — преходяще.

Он сломал воск и принялся читать послание.

На миг ему показалось, будто всплыло откуда-то из глубин памяти, что он уже переживал подобное — или думал, что переживает. Но то ли это ускользнуло от него, то ли вовсе никогда не было. Спросить было не у кого, кроме отражения в зеркале.

Дорога до деревни заняла у него две трети зимнего дня, еще час ушел на то, чтобы добраться до самого дома. Это была хорошо обставленная усадьба с садом и высокой оградой — одно из многочисленных сельских поместий принца Джорнила.

С утра подъезд к дому был расчищен, но снегопад и поднявшийся ветер снова все замели. Он оставил зеебов и своих людей у входа и пешком пошел к дому. Ему снова вспомнился Анкабек — светильник, трепещущий на сквозняке у двери, темный коридор за ней. И еще умирающий цветок у нее на подушке, его подарок, почему-то источающий аромат Вал-Нардии, а не свой собственный.

Он подождал в гостиной, пока слуга бегал звать пленницу.

Менее чем через три минуты спустилась Улис-Анет.

В прошлую встречу она встретила его в старом платье и без краски на лице. Теперь же все было на месте, включая цветную эмаль на ногтях и алмазные звезды в прическе.

Они были почти неотличимы — и все-таки совсем не одно и то же. Чем больше Улис-Анет походила на Вал-Нардию, тем меньше она являлась ею. Анкабекский цветок погиб безвозвратно.

Сразу же подали вино.

— В комнате достаточно тепла для вас, мой лорд? — спросила Улис-Анет вместо приветствия.

— Не имеет значения, — ответил он. — Мы будем в вашей постели.

Она подняла на него испуганный взгляд — впервые с момента появления.

— Подождите, — прошептала она. — Пожалуйста, не спешите.

— Я ждал. Но вы сообщили мне, что ожидание закончилось.

Кесар взял бутыль с вином и направился к лестнице. Она стояла у него на пути. На ходу подхватив ее под локоть, он увлек Улис-Анет за собой наверх. Она не сопротивлялась, но свободной рукой вцепилась в его рукав.

— Дайте мне время.

Кесар замер, уже поставив одну ногу на ступеньку из великолепного мрамора с прожилками. Прежде ему никогда не доводилось бывать в этом доме. Он повернулся к ней. На это лицо он смотрел всю свою жизнь, так или иначе.

— Что было в вашем послании?

— Что мне... мне одиноко здесь

— Одинокая фраза. Словно шлюха, прижатая к стене.

— Да, — опустила глаза Улис-Анет. — Я уже стыжусь этого.

— Однако это запечатлено на бумаге.

— Я боюсь, — она смотрела мимо него, куда-то за спину. — Позвольте мне объясниться. Давайте поговорим.

— Нет.

Кесар пошел вверх по лестнице, а она — за ним. Никто из слуг не показывался. Улис-Анет первая вошла в изысканную спальню и услышала, как дверь плотно затворилась за ее спиной.

Он сам подобрал для нее этот дом. Выбор, без сомнения, делался наугад, но неожиданно оказался удачным. Уединенное и очаровательное жилище позволило Улис-Анет успокоиться. Первым делом она принялась составлять для него письма, в которых просила отпустить ее домой, отказываясь от чести стать вдовой, которая унаследует его владения. Еще Улис-Анет напоминала, что он собирался успокаивать и развлекать ее, но пока этого что-то не видно. Она отправила лишь одно такое письмо — и сразу же пожалела об этом. Ральданаш никогда не восстановит ее в правах. Да и в Зарависс ей путь закрыт. Слишком хорошо она знала отца — он не примет ее обратно.

Однако прошедшие дни помогли ей вернуть самоуважение. Улис-Анет могла бы избегать своего похитителя, пока ему не надоест ждать и он не выбросит ее из головы. И все же она чувствовала, что этого не случится, и рассчитывать на это не стоит.

Она решила, что ей нельзя сдаваться. И вслед за этим — сдалась.

Однажды настал вечер, когда снега, казалось, высыпалось столько, сколько возможно лишь за целый год. Она выпила лишний кубок белого вина, которое делали прямо в поместье, и написала совсем другое письмо: «Мне так одиноко здесь». И это письмо доставили ему. С чего бы ей бояться Кесара? Она так страстно желает этого мужчину, почти как в Застис. Чего она боится? Что его умершая сестра вернется и будет тревожить ее? Но Улис-Анет не верила в призраков.

Когда письмо ушло в Истрис и стало слишком поздно что-то менять, Улис-Анет, как и следовало ожидать, пришла в ужас и начала изводить себя. Она твердила себе, что Кесар не может покинуть столицу, однако каждый день наряжалась, готовясь к его приходу. Это бесплодное ожидание лишало ее сил. И теперь он был здесь, а она тряслась от страха.

Она видела лишь один способ защиты — и воспользовалась им. Неторопливо расстегнув платье, надетое не более двух часов назад, она позволила ему стечь на пол и вышагнула из груды шелка, затем разорвала завязки на сандалиях и стряхнула их с ног. Обнаженная, в одних только драгоценностях, она прошла к постели и легла.

— Что ж, я готова быть покорной и выполнить то, для чего вы меня предназначили, — произнесла она, глядя в потолок, который за все бессонные ночи стал знаком ей до последней трещинки. — Я ваша шлюха, мой лорд, как вы и сказали. Продажная женщина. Ваша плата сверкает на моих запястьях, блестит в волосах. Сделка совершена. Делайте со мной, что хотите.

Но пока Улис-Анет упивалась самоуничижением, тяжелая сладкая волна вдруг захлестнула ее тело, разведя костер меж бедер. Она закрыла глаза и не открывала их, пока не почувствовала совсем рядом жар его тела.

Он уже был обнажен, и его матово-смуглая нагота, казалось, светится изнутри, оттененная роскошными волосами цвета черного янтаря — дань смешению кровей. Несколько шрамов ничуть не портили этого великолепного тела, а лишь свидетельствовали, что оно не раз бывало в схватках и оказалось достаточно умелым, чтобы уцелеть. Ей и раньше приходилось видеть, как мужчина желает ее, но вид его полной готовности почему-то заставил ее отвести взгляд. Она подняла взгляд — и увидела сосредоточенное лицо. Даже в пламени близости Кесар полностью контролировал себя.

Внезапно все ее прошлые сомнения и мучения перестали что-либо значить. Так же, как он, она могла отбросить их и оставить валяться на полу вместе с ненужной одеждой.

Улис-Анет не спрашивала его, похожа ли она в своей наготе на Вал-Нардию. Она и так знала ответ.

Тонкая фигурка этой девушки, бледное золото кожи — Вал-Нардия никогда такой не была — глаза темнее, да и волосы тоже. Вал-Нардия, но увиденная сквозь янтарное стекло.

Ее руки обвились вокруг него — ласковые, обнимающие.

Он отыскал ее губы, мочки ушей, шею, пальцы. Прекрасная юная грудь совершенной формы — именно такой он ее и помнил, — и затвердевшие соски, словно медовые жемчужины.

У него было много разных женщин, темных и светлых. Но эта девушка пахла точно так же, как она. Гладкость пальцев, шелк плоти, зовущие губы — все было ее. И другие губы, скрытые в алых завитках — наполненные, принимающие. Ее.

Приподнявшись, Кесар увидел, как по ее телу волной прошла долгая судорога, глаза утратили выражение и закрылись, крылья век затрепетали, а шея выгнулась дугой — все, все, как у Вал-Нардии! Он снова ощутил мертвую хватку ее рук и бедер, пульсацию лона. Даже последний, мучительный вскрик был ему знаком.

Она затихла, и он тоже успокоился, глядя на нее. Когда он попытался снова поднять ее, она была ленивой, почти безвольной — снова как Вал-Нардия. А потом вдруг снова ожила, загорелась даже сильнее, чем прежде, вознося его на вершину — подъем и одновременно падение...

Из всего, чего жаждал Кесар, близость, пожалуй, занимала последнее место. Но он ценил обладание. Эта ночь была нужна ему. Впереди его ждут другие эпизоды страсти. И сравнения. Он заставил себя пообещать ей участь Верховной королевы всех его земель, чтобы упрочить ее положение. Драгоценность в драгоценности. Он не смог бы оторвать глаз от этого соединения своих возлюбленных. Он владел бы миром и знал, что это не обман.

Однако сама по себе Улис-Анет не заботила его. Ее слова, ее мысли, сама ее жизнь были ему совсем неинтересны.

На рассвете он ушел от нее.

Объятая холодом без его тепла, Улис-Анет стояла у окна, глядя в ледяное безмолвие. Среди белизны снега и яркости рассвета силуэты мужчин и зеебов стали совсем черными.

Теперь она поняла, чего так боялась. После сегодняшней ночи Кесар увидел, как мало он нуждается в ней, как она сама отдает ему в рабство свою плоть. Все это не имело бы значения, будь он другим человеком. Но Кесар обратил против нее разрушительную силу своей личности, как и против любого, кого хотел использовать.

Улис-Анет не видела восходящего солнца. Темнота этого человека закрыла, запятнала ее небо.

Она презирала свои чувства и не питала никаких надежд. И все это было до ужаса пошло, как в какой-нибудь песенке из таверны.

А по Амланну разносились кармианские песни из казарм под знаком Саламандры, которые теперь занимали чуть ли не половину Дворцовой площади. Днем местные жители обходили их по большой дуге. Ночью же, после комендантского колокола, улицы и дороги пустели, наступало время патрулей.

Одинокий путник, который только что счастливо разминулся с одним из них, поскребся в дверь таверны. В смотровую щель выглянул хозяин.

— Мы не работаем. Иди домой, пока эти отродья Эарла не схватили тебя.

— Басьяр здесь?

— Да. А кто его спрашивает?

— Лар-Ральднор, сын Яннула.

— Святые богини! Подождите! Сейчас открою.

Лар-Ральднор вошел в таверну и тут же был подвергнут пристальному осмотру теми, кто мог знать его. Не получив от него ответа на свои вопросы о Дорфаре, они проводили его в дальнюю комнату, где сидели за выпивкой несколько человек. Из тридцати свечей в люстре горели всего четыре — кармианцы ввели режим жесткой экономии. Один из этих мужчин, самый крупный, и был заравийцем Басьяром. Он поднялся и уединился с Лар-Ральднором в боковой нише.

— Вижу, ты нашел мою записку под очагом, — произнес управляющий.

— Да, в том месте, где Медаси выдвигала камень. Во имя Анак... — Лицо Лар-Ральднора, и без того не слишком смуглое, залила совершенно Равнинная бледность, словно из него выпустили всю кровь. Сейчас он казался испуганным мальчишкой не старше пятнадцати лет, но взгляд его был взглядом старика.

— Не бойся, — торопливо заговорил Басьяр. — Они живы, все трое. Яннул решил, что разумнее будет уехать, и с ним трудно не согласиться, глядя, во что превратили имение эти кармианские подонки. Слава богиням, мне удалось продать почти весь скот еще до того, как они наложили на нас свою проклятую лапу. Все деньги в целости и сохранности — я переслал их в Зарависс, туда эта свора еще не добралась. Единственное, чего лишился твой отец — это земля.

— Он любил свою землю.

Басьяр горестно пожал плечами — характерный заравийский жест.

Лар-Ральднор добирался домой долго и непросто. Слугу он оставил в Дорфаре — у того не было здесь семьи, и он совсем не желал подвергаться ланнским опасностям. С ним путешествовать было бы легче, но что поделаешь... Корабли, заходящие в Оммос, оказались мифом, и Лар-Ральднору пришлось отправиться к заравийской границе. Неподалеку оттуда на него напали семеро и ограбили до нитки. В ближайшем порту Лар-Ральднор оказался без единой монеты в кармане и надолго застрял там в поисках способа заработать денег на проезд. В конце концов, когда он уже был готов сам кого-нибудь ограбить, кто-то сжалился и позволил ему плыть матросом на парусной плоскодонке. Это суденышко рисковало совершать рейсы в Ланн, доставляя шлюх для тамошних солдат. Всю дорогу море не давало им пощады. Девицы лежали вдоль борта, измученные тошнотой, и мечтали о смерти. Лар-Ральднор греб или вычерпывал воду, тоже страдал от морской болезни, мерз и проклинал океан.

Когда они достигли берега, он сразу же отправился к родной усадьбе и долго бродил там среди воплощенного кошмара. От дома остались только стены. Крыша сгорела, в углах нагажено, во дворе — следы торопливого забоя оринксов. Снег не скрывал ничего.

Все светлые детские воспоминания Лар-Ральднора, связанные с домом, были безжалостно растоптаны и уничтожены. Он оплакивал мать, отца и брата, считая их погибшими. Хорошо, что ему пришло в голову заглянуть под очаг...

Басьяр молча слушал Лар-Ральднора, сочувственно кивал и, деликатно отводя глаза, давал ему выплакаться.

— Где они сейчас? — наконец спросил юноша, утерев слезы рукавом, как в детстве.

— Они ушли с вардийским караваном, это я знаю точно. Яннул собирался отправиться на Равнины, скорее всего — в Хамос. Я послал ему письма туда.

— Мать так не хотела возвращаться на Равнины, — сквозь зубы выговорил Лар-Ральднор. — Будь проклят Кармисс!

— С удовольствием выпью за это.

И они выпили.

На следующий день, снабженный деньгами и бумагами с печатями, которые достал ему Басьяр, Лар-Ральднор торопливо покинул Амланн. Он направился на юг, как и его отец. Обойдя стороной Ланнелир, Ольм и Зор, юноша двинулся сквозь снега к Элиру и Равнинам-без-Теней.

У его частичного тезки Ральднора, кармианского наместника в Ланне, в планах на эту зиму не значилось никакого путешествия.

К началу времени снегов под его началом находились три с половиной тысячи кармианцев, распределенные между портом и Амланном. И пусть Ральднор не умел околдовывать их голосом и взглядом, как Кесар, солдаты любили своего командующего. Он разрешал им делать все, что хочется, более того, поощрял специальными «премиями». Источником премий служил повсеместный грабеж и вымогательство, но это не слишком беспокоило Висов и полукровок, находящихся под началом Ральднора. Капитаны, стоящие в других областях Ланна и Элира, тоже питали огромную приязнь к эм Иоли. Он умел подольститься и не забывал платить, закрывал глаза на все их преступления и прощал любое мошенничество. Немалую роль также играл вопрос снабжения. Стараниями Ральднора создавалось впечатление, что Кесар отправил свою армию в Ланн, не потрудившись обеспечить ее продовольствием. На самом же деле эм Иоли придерживал все поставки и затем выдавал в виде своих личных даров. Он следил, чтобы солдаты не знали недостатка в женщинах и вине. И хотя при таком положении дел дисциплина в армии хромала, а ситуация в стране постоянно была на грани мятежа, Ральднору удавалось перекладывать вину на далекого Кесара.

Раздался резкий стук в дверь. Эм Иоли, возлежащий на кушетке, щелкнул пальцами. Ланнский мальчик-паж бросился открывать.

Снеся на пути и его, и занавес на двери, в комнату ввалился один из кармианцев Ральднора. Вчера он находился в портовом гарнизоне и сегодня явился в заснеженном плаще и сапогах.

— Наместник, во льдах залива застрял корабль из Истриса. Все, кто там есть, пытаются выбраться на лодках. А этот пакет для вас.

С дурным предчувствием Ральднор сломал печать Кесара.

Письмо вроде бы не содержало ничего существенного, но Ральднор умел читать между строк. Увидев его помертвевшее лицо, посыльный обеспокоился:

— Что-то случилось, наместник?

Помимо всего прочего, эм Иоли прощал солдатам пренебрежение субординацией.

— Меня отзывают в Истрис. — На самом деле письмо содержало еще кое-какие сведения, и все они были тревожные. — Новое командование должно быть на корабле.

— Там никого не видно, — сержант огорчился. Он привык паразитировать на единоличном правлении Ральднора, и такие перемены его отнюдь не радовали.

— Разумеется. Они, наверное, сейчас уже на полпути сюда.

Повисла неловкая пауза.

— Ребята огорчатся, что вы уезжаете, — наконец выдавил сержант.

Ральднор лихорадочно размышлял, взвешивая положение — и в конце концов бросил свою жизнь на одну из чаш весов.

— Будь все проклято! — принял он решение. — Я никуда не еду.

* * *

Когда Эмелу было семь лет, его как-то разбудили среди ночи, одели и доставили в зал с картой, где собирался Совет Истриса. Лорд-смотритель дал ему конфету и позволил досыпать дальше. Но когда Кесар преклонил перед ним колени, он поднялся и, как шептались потом его няньки, выглядел очень достойно.

Сегодня в его спальне тоже зажглись огни среди ночи. Эмел проснулся и увидел, что в дверях стоит Ральднор, его покровитель. И снова ему пришлось спешно подниматься, одеваться и идти неизвестно куда — от него ждали каких-то общественно важных действий, как тогда, много лет назад. С той только разницей, что Ральднор отнюдь не обладал мягкосердечием женщин, и, хотя все было обговорено и отрепетировано заранее, повязки на груди жали, а мужская одежда казалась предательски неудобной. Этой ночью в Амланне Эмел страшно испугался, гораздо больше, чем раньше, в Истрисе, и знал, что у него есть для этого очень веская причина.

В девять лет ему довелось спать иным сном, пока его тело кромсали оммосские ножи. После этого его баловали и нежили. Зелья помогли преодолеть боль, кроме того, мальчик не успел познать здоровые чувственные порывы, а потому не слишком горевал об утрате своей мужественности. С того времени прошло больше шести лет. Он привык к своему новому положению, считая его почти нормальным, и лишь иногда, в Застис, ощущал некоторые неудобства. Эмел, который

был Меллой, так и не узнал, что все его любовники немедленно умирали, как только покидали его, только огорчался, что ему не позволяют еще раз увидеться ни с одним из них.

Именно Ральднор учил юношу пользоваться его новым бесполым телом с непригодной для дела мужской оснасткой и маленькой девичьей грудью. Причем он старался, особенно здесь, в Ланне, воспитывать своего подопечного так, чтобы Эмел — если ему удастся когда-нибудь вернуть свои права и свое королевство, — снова мог играть роль мужчины. Ради маскировки он заставлял его плотно бинтовать грудь, доставал ему лекарства, которые при регулярном приеме уменьшали эти женские признаки и делали гуще пушок на безбородом лице. Учил должным образом ходить, стоять, сидеть, говорить и вообще быть. Ральднор без конца, с молчаливой ожесточенностью, повторял и повторял свои инструкции — и Эмел на примерах убедился в своем несоответствии. Ему было противно девчоночье имя Мелла. Он ненавидел Ральднора и ненавидел Кесара, причем Кесара даже больше, потому что когда-то любил его. Но теперь все это отдалилось — уроки, ненависть, лекарства, перевязки и маскировка. До слез уставший, Эмел хотел лишь одного — домой, в Иоли. Его уже не привлекала роль мужчины и короля.

Однако ее требовалось исполнить именно сейчас — намного раньше, чем рассчитывали.

Сперва он впал в неуправляемую истерику, но Ральднор отвесил ему три звонкие пощечины, и Эмел притих, понимая, что никто ему не поможет. Хлюпая носом, он стал делать все, что ему велели, и делать хорошо.

А Ральднор даже не похвалил его.

Дома вдоль Дворцовой площади, которые сейчас превратились в городские казармы кармианцев, тоже пробудились. Люди толпились во дворах, заполняли каждый клочок свободного пространства — залезали на стены, деревья, крыши и временные стойла для зеебов. Это была шансарская традиция — общие собрания. В просторных залах Истриса она была вполне уместна, но здесь огромное количество солдат сгрудилось так тесно, что об удобстве и речи не шло. Факелы дымили, холод пробирал до костей. Воздух, казалось, уплотнился от тяжелых запахов, ссор и ругани. В пять минут страсти накалились до предела — все ждали, что же произойдет.

Внезапно во дворе появился лорд-наместник с телохранителями и каким-то слугой, укутанным в плащ. Двое или трое стоящих ближе удивились, разглядев под капюшоном лицо большеногой любовницы из Иоли.

Ральднор не был Кесаром и не пытался ему подражать. Но он понимал, что поздний час и ужасающая давка уже сделали за него полработы. Он знал также, что сейчас его войска превратились в толпу, а толпой легко управлять.

Его шумно приветствовали — кричали, аплодировали, колотили кулаками в щиты и копьями в булыжную мостовую. Сол-

даты любили Ральднора, ведь он всегда поощрял их, доставлял им вино, шлюх и деньги, позволял им буйствовать и называл молодцами и опорой родной земли. Когда он говорил, они внимательно слушали, ибо Ральднор всегда говорил то, что им было приятно слышать.

Сейчас эм Иоли начал с того, что Кесар — тот самый Кесар, который не позаботился обеспечить свою армию провиантом, — отзывает ее командующего в Истрис. Солдатам это не понравилось, и они выразили свое несогласие громким шумом. Поблагодарив их, Ральднор перешел к объяснению, почему он решил не ехать — очевидно, Кесар раскрыл его секрет. Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Он, Ральднор, все последние годы ходит по лезвию меча, разумеется, во имя справедливости.

Рассуждая, Ральднор заметил, как по рукам ходят чаши с вином, «чтобы не мерзнуть». Они были уже готовы и ждали продолжения, как дети, слушающие сказку.

Он зацепил их — не своим обаянием, но неким чутьем. Ральднор выложил им все про регентство и чуму, про заговор против принца-короля Эмела и собственный бунт, когда он не захотел убивать ребенка. Он описал им план спасения и даже порадовал той подробностью, что всегда возил Эмела с собой, переодетым в женское платье. Он не сказал лишь, что в ближайшем будущем эта хитрость грозит обернуться провалом в некотором общем смысле, оставив за скобками оммосские ножи.

Этот Эмел, символ старого шансарского правления, был препятствием и всегда им оставался. Но и сам Ральднор имел смешанную кровь, а здесь, в Ланне, любовный роман Кесара с армией раздражал даже Висов. В конце концов, суеверное отношение к обладателям белой кожи и светлых глаз и волос должно было склонить чашу весов.

Что бы ни менялось, Ральднор по-прежнему оставался тем приспособленцем, который добрался до грязного Ксаи и бросил кости на стол перед Кесаром. Он был умным и проницательным человеком, но именно его ум и проницательность порой не давали ему видеть и понимать.

— Господа, — сказал он, обращаясь к нестройной толпе головорезов, теснящейся перед ним. — Я в ваших руках. И истинный король Кармисса тоже в ваших руках. Мы зависим от вас, от вашего понимания чести, вашей любви к родине, ваших верности и милосердия.

Затем он обернулся к закутанной фигуре, стоящей у него за спиной, и произнес так, чтобы все его слышали:

— Не бойтесь, мой повелитель. У этих людей благородные сердца. Они не принесут вам вреда.

Плащ упал. Рядом стоял Эмел — послушный, забывший о сценах. Совсем юный, с чистым лицом и подрезанными волосами, в приличной мужской одежде. Его побежденный страх обернулся гордостью. В мареве чадящих факелов и винных паров он ничем не напоминал Меллу — наоборот, походил на своего отца-короля. Визгливый же голос юноши не мог никого смутить, ибо Ральднор не дал им возможности его услышать.

— Перед вами — Эмел, сын Сузамуна, — провозгласил Ральднор и преклонил колено у его ног по старинному обычаю кармианских Висов.

Последовало долгое-долгое молчание, во время которого эм Иоли смог перевести дух. Затем один за другим, группа за группой, отделение за отделением, все двухтысячное войско разразилось аплодисментами.

Новый наместник, присланный Кесаром, в сопровождении тридцати человек вошел в ночной Амланн, не заметив на улицах никакого беспорядка. Городской гарнизон бодрствовал и был неплохо организован, в отличие от безобразия в порту. Его поприветствовали и проводили во дворец. Однако когда он направился по коридору в покои эм Иоли, двери внезапно распахнулись, и на него набросилась толпа солдат. Охрана нового наместника мужественно пыталась сражаться, но недостаток места, ошеломление и усталость после зимнего пути сыграли против них. Да и кто мог предположить, что весь внутренний гарнизон пойдет за Ральднором? Чем он мог их привлечь? Наверное, с подобными вопросами они и умерли...

Удивительным образом ставленник Кесара уцелел в этой схватке. Его разоружили и заперли в одной из комнат. Затем от его имени было подготовлено донесение, которым Кесар извещался об успешном выполнении задачи. Ральднор потребовал, чтобы пленник подписал послание.

— И как долго вы предполагаете хранить это в секрете? — спросил тот.

— Достаточно долго. До оттепели.

— Если я подпишу это — я мертв.

— Вы умрете так или иначе. Разница только в способе.

Несостоявшийся наместник подписал письмо. Двумя ночами позже его бездыханное тело было разрезано на куски и разбросано по холмам.

Тем временем кармианский корабль отчалил от заснеженного ланнского берега и отправился в неспешное обратное плавание, имея на борту лишь донесение, но не пассажиров.

За этим последовал период ужасающих зверств в Амланне. Гуляющие солдаты на радостях ударились в грабежи, насилие и поджоги, готовые проткнуть копьем все, что движется.

Ральднор не вмешивался. Он планировал свое выступление, результатом которого должно было стать овладение всем Кармиссом-в-Ланне.

Через десять дней после своего звездного часа Ральднор прогуливался по королевскому саду, когда вдруг на него с визгом выскочил ланнец, вооруженный ножом. Прежде чем телохранители, изрядно разболтавшиеся при установленных наместником порядках, приняли меры, нападавшему удалось скрыться. Операция была проведена вполне грамотно, хотя само по себе это выглядело безрассудным нападением. На самом деле насмник предполагал убить эм Иоли

по дороге в порт, как указал Кесар. Однако Ральднор и не подумал отправляться туда, а убийце положено быть изобретательным. В любом случае это выглядело деянием отчаявшегося патриота, что и требовалось Кесару.

Ральднор эм Иоли лежал на снегу, глядя на солдат, приближающихся к нему. Поначалу они думали, что он снова заговорит с ними. Но взгляд Ральднора остановился, и он замолчал навеки. Он уже сказал все, что мог.

В торжественном молчании они отнесли в дом его тело, так не вовремя лишенное достоинства, после чего шумно устремились с этой новостью к королю Эмелу.

19

На границе Ланнелира и Элира произошло нечто странное.

На ночь он укрылся в опустевшем имении. Его не пугали кармианские патрули — в такую погоду прочесывать местность могли лишь настоящие маньяки. Но наверху в холмах он заметил какой-то неяркий отсвет, который вполне мог быть заревом горящей деревни. Поэтому Лар-Ральднор решил не рисковать и еще затемно покинул это место.

Незадолго до рассвета он встретил двух волков. Их глаза горели красным светом, красные пасти исходили паром, челюсти сомкнулись на добыче. Но, присмотревшись к тому, что капало на снег из пасти ближайшего зверя, Лар-Ральднор осознал, что они поглощают не чью-то плоть, а малиновое пламя, которое, падая, уходит в землю. Он скорее удивился, чем испугался, и продолжил наблюдать за волками, но вскоре они скрылись, а с ними исчезло и пламя.

Сын Яннула решил, что слишком долго шел один среди снегов, и от этого у него вполне могли случиться видения. Но это зрелище не шло у него из памяти — огненные лепестки, падающие на землю из волчьей пасти, невредимые и не причиняющие вреда.

По некоторым сообщениям, Кесар направил на восток не более восьми тысяч человек. Другие насчитывали десять тысяч. Как бы то ни было, проходя через Элир, Лар-Ральднор почти никого не встретил. Деревни стояли пустые, встречая его хлопающими на ветру дверями домов и разбитыми горшками, полными свежего снега. Люди ушли куда-то в потаенные места — полые холмы, древние башни. Один раз он услышал скрип колеса прялки, какие использовались здесь и на Равнинах, но оказалось, что колесом играет ветер. Если ему удавалось найти какую-нибудь еду, он съедал немного, не все, и оставлял под камнями очага плату на случай, если хозяева когда-нибудь вернутся. И каждый раз он ощущал ужас. Мир вокруг был ввергнут в хаос и тьму. Кто сможет прекратить это? Зазвучат ли здесь снова голоса людей?

А ведь еще прошлым летом он мечтал встать на пути тени и прогнать ее прочь, победить ее силой своей страсти. И именно

Рэм-Рармон, который почему-то ушел, отдалился от него, показал Лар-Ральднору тщету его мечты. Меч порождает лишь меч, и так без конца. Но с другой стороны, опустить меч тоже означало умереть, просто другим образом.

Была и более прозаическая вещь, повергавшая его в отчаяние — отсутствие регулярного морского сообщения между Зарависсом и Ланном. Без этого ему придется проделать бесконечно-долгий путь, описав почти полный круг — север Равнин, Хамос и, возможно, снова вернуться к заравийской границе.

Это путешествие отнимало у Лар-Ральднора последние душевные силы. Его сердце разрывалось от неизменной картины — холод и белое безмолвие на многие мили вокруг. Он ехал на жалком истощенном зебе под тусклым серебром полуденного неба, а белизна и пустота выжигали ему глаза.

К тому времени он уже дошел до того, что начал разговаривать с зебом. Вот и сейчас он произнес:

— Мне их не найти.

Так он и ехал — бесконечно долго — в полной пустоте, ощущая жгучие поцелуи ветра на своем лице, не двигаясь, лишь снова и снова повторяя: «Мне их не найти».

Добравшись до места, где он собирался повернуть на запад, а потом на север, Лар-Ральднор вдруг почувствовал, что ничего там не найдет. В той стороне лежал Хамос и еще один Равнинный город, названия которого он не помнил. Но на каком-то иррациональном уровне он знал — его семьи там нет.

Что-то неодолимо тянуло его на юго-запад. Это тоже выглядело довольно бессмысленным: там не было вообще ничего. Кроме, конечно, старого Равнинного города, куда они никогда бы не вернулись. Медаси просто не вынесла бы этого. И все же...

Когда-то этим путем ехал Яннул, возвращаясь на войну Равнин из родного Ланна. Он скакал сквозь снежные заносы и вез заявление о нейтралитете: со стороны Ланна не последует ни помощи, ни противодействия.

Лар-Ральднор повернул на юг.

Он заставил себя это сделать. Просто потому, что не видел других вариантов.

Но город оказался еще одним призраком. Иногда он видел его: полупрозрачная чернота, колеблющаяся на ветру, на фоне белой земли.

Увы, признаки человеческого обитания представали его глазам куда реже, чем видения снежной пустыни. Как-то раз он набрел на жалкую лачугу, на пороге которой стояла старуха. Лар-Ральднор попросил у нее какой-нибудь еды, если есть, и она протянула ему два куска хлеба с ломтем мяса между ними. Его попытку расплатиться старуха молча отвергла. Она вообще ничего не говорила, как истинная чистокровная степнячка. Лар-Ральднор подумал, не является ли мысленная речь единственным доступным ей способом общения. Когда-то,

еще в детстве, ему удавалось говорить так с матерью. Затем в отрочестве, этом возрасте скрытности, незримая дверь между ними практически захлопнулась. Лишь мгновения чистой радости или сильной боли приоткрывали ее. С посторонними же Лар-Ральднору вообще никогда не доводилось пользоваться мысленной речью.

Он спросил старуху про город.

Она, все так же безмолвно, указала на юго-запад. И он снова пустился в путь.

После обеда началась снежная буря. И никакого укрытия.

Сначала Лар-Ральднор пытался ехать дальше, но его зееб спотыкался, выбиваясь из сил. Снежная крупа безжалостно секла лицо, залепляла глаза. Зееб мог попросту не выдержать и пасть, да и сам Лар-Ральднор был на волоске от смерти. Спешившись, он обмотал свой плащ вокруг головы животного, завязал себе глаза и двинулся вперед, ведя за собой зееба. Незрячий человек шел, преодолевая безумие льда и ветра.

Какое-то время спустя боль исчезла. Он больше ничего не чувствовал. Вскоре по телу разлилась приятная теплота, предвестница замерзания — он знал об этой примете из рассказов, совсем не страшных, когда сидишь у теплого очага... Когда зееб упал, Лар-Ральднор гладил его, уговаривал, пытался поднять, но тот неподвижно лежал у него на руках. Если остаться здесь, снег занесет их обоих. Зееб, судя по всему, больше не мог идти, но еще оставалось тепло его тела, его угасающая жизнь, так необходимая Лар-Ральднору. Вскоре зееб умер рядом с хозяином — очень тихо, почти не сопротивляясь. Лар-Ральднор поднялся и, бросив седло и дорожный мешок, побрел прочь — с завязанными глазами, не сознавая, куда идет.

Медаси должна будет почувствовать, если он умрет. Он продолжал ощущать связь со своей матерью — пусть недоступной, надежно спрятанной, будто за неодолимой каменной стеной. Лар-Ральднор не мог найти ее, не мог дать знать о себе, но верил, что если проклятый снег убьет его, она ощутит — как там говорилось об этом? — тишину, как если бы умолк низкий тихий звук. Или темноту, словно внезапно погас ровно горевший светильник, привычный и незаметный раньше. Не исключено, что и Яннул поймет тоже. Не сразу. Может быть, лишь через несколько месяцев.

А Рэм? Он поймет? Между ними никогда не возникало даже намека на мысленную связь, ведь Рэм всегда был настороже — даже в уме, даже в сердце...

Лар-Ральднор полюбил Рэма-Рармона, как члена своей семьи, и все-таки это было чувство иного рода — его нельзя спутать с любовью к человеку, с которым состоишь в родстве. Но это не было и плотской любовью-влечением, которую Рармон узнал бы и с радостью принял. Лар-Ральднор потерял Рармона еще на пути в Дорфар. В самой Анкире он убедился, что чувства его друга нацелены теперь на другого человека, который, по сути, был его истинным внутренним двой-

ником. Невероятно, но Рармон делался все более похож на Повелителя Гроз, так что при всем внешнем различии в них легко было угадать братьев. Это было подобно тому, что говорил Яннул о Ральднорe эм Анакир: простой смертный постепенно уходит и проявляется дремавший в зародыше герой или божество.

Сквозь повязку на глазах сын Яннула увидел какую-то картину: первобытный лес, а за ним, до горизонта — замерзший залив. Еще дальше, он знал, лежало море, тоже скованное льдом. Льдом были покрыты и черные стволы деревьев, а тропическая листва, засохшая прямо на ветках, превратилась в скелеты листьев, одетые в снежные перчатки. Он знал это место из чужих описаний: Леса Грани Мира, последнего предела на юге. Ландшафт, более не соответствующий климату Междуземья, но каким-то немыслимым образом уцелевший, невзирая на жестокий холод. И у него на глазах внутри этого пейзажа метался по белизне красноглазый тирр, несообразный, плохо приспособленный для выживания — и все-таки выживающий. Символ.

Земля качнулась под ногами, и Лар-Ральднор упал прямо в обжигающий сугроб. Внутреннее видение исчезло. Он барахтался, пытаясь выбраться, но потерпел поражение. Вскоре мысль о том, чтобы полежать спокойно, перестала вызывать в нем ужас.

Прошел миг или час, прежде чем он пришел в себя от того, что кто-то его откапывает. Лар-Ральднору показалось, что он вернулся откуда-то издалека.

Он сделал попытку обратиться к своим спасителям — почему-то казалось, что их несколько — но уста его были немы и совершенно бесполезны. Он смог только приподнять руки и стянуть с лица повязку, которой защищался от снега.

Встер утих, буря прошла. С неба лилось какое-то подобие дневного света. Однако его хватило, чтобы Лар-Ральднор разглядел вокруг себя пятерых волков: они молча работали, отвоевывая себе добычу у снега.

Лар-Ральднор с трудом протянул руку к ножу на бедре. Он должен попытаться отогнать волков, хотя тело его казалось лишенным костей и совершенно непослушным. Он смотрел на них, скорее подавленный, чем напуганный, и ждал.

Волки были пепельно-серые, двое — почти белые. Звериного запаха от них почти не ощущалось, наверное, из-за мороза.

Лар-Ральднор выскочил из сугроба внезапно, словно какая-то пружина подбросила его снизу. Двое волков приблизились к нему, он закричал и попытался подобрать свой нож. И тут на его запястье легла длинная узкая лапа. Это было столь неожиданно по-человечески, что Лар-Ральднор замер. Он глядел в темно-золотые глаза, не в силах оторваться. Лапа исчезла. Пара волков осторожно потянула его куда-то за сугробы, и он послушно последовал за ними. Так они подошли к небольшому ледяному холму, и там Лар-Ральднор увидел шестого волка.

Он заплакал и не мог остановить обжигающие слезы, ибо этот волк был прекрасен. Размером с шансарскую лошадь и совершенно белый — как снег, похоронивший его. И еще это была часть легенды.

Пятеро волков столпились рядом, дергая и подталкивая Лар-Ральднора. С удивлением юноша обнаружил, что в состоянии держаться на ногах. Он понимал, чего от него хотят, точно так же, как волки понимали, что человек слаб и ждет помощи. Большой белый волк лег на землю, Лар-Ральднор вскарабкался ему на спину и почувствовал, как сила зверя перетекает в его тело.

Это не было иллюзией, что доказывалось теплом волчьего тела, колкостью шерсти и особенно здоровым звериным духом, идущим от его спасителя.

Затем волк побежал.

Он бежал долгие мили. Солнце село и опустилась ночь; блеклая белизна перешла в тень, а тень — в черноту. Местность стала понижаться, переходя в неглубокую долину. Вокруг стояли деревья странной формы, скованные льдом, а за ними темнело что-то, более осязаемое, чем небо. Стена, а в ней пролом. Луна вышла из-за туч, и Лар-Ральднор мимолетно заинтересовался, что это такое, но тут же вспомнил... И уже не удивился, увидев в проломе полуразрушенный дворец.

Там разгорался какой-то свет явно искусственного происхождения. Лар-Ральднор не соотнес увиденного с теми рассказами, которые слышал о древнем городе на Равнинах, а потому отсвет напугал его.

И вдруг он мягко и безболезненно скатился с волчьей спины, упав прямо перед дверью, обшитой досками. Волк, которого он видел во всех деталях, поднялся на задние лапы, так что коснулся лбом притолоки, и, снова совсем по-человечески, протянул лапу и постучал в дверь — раз, другой. Ошеломленный, Лар-Ральднор лежал под изогнутым волчьим телом, как под аркой, и смотрел на это чудо. Затем арка исчезла. Повернув голову, Лар-Ральднор увидел, как силуэт белого волка мелькнул меж домами и скрылся.

Дверь открылась. За ней стояли люди — Лар-Ральднор сразу опознал в них заравийцев, даже по походке. Они удивленно воскликнули, увидав его, а затем воскликнули еще громче, разглядев, что снег вокруг испещрен гигантскими волчьими следами.

Уже теряя сознание, Лар-Ральднор отметил, что заравийцы не выказали ни страха, ни недоверия — лишь благоговейный трепет и ликование. Сам он испытывал совершенно те же самые чувства.

Они бережно ухаживали за Лар-Ральднором. В течение двух дней он сидел с ними в круглом зале, осознавая всю романтичность положения, в котором оказался. Это была жизнерадостная компания торговцев, в основном бродячих. У одного из них имелась хорошенькая дочка с кожей цвета меда, которой очень понравился гость. После Йезы у него не было ни одной женщины — не хватало ни времени, ни желания во время странствий через половину Виса, которые завершились здесь чародейством и потрясением.

Никто не брался обсуждать удивительные волчьи следы, словно память о них оказалась заперта в сознании. Лар-Ральд-

нору казалось, что это чудо лежит на нем, словно какое-то бремя — и он оказался прав.

На третий день в дверь постучали.

Заравийцы сидели у огня и развлекались настольной игрой. Лар-Ральднор просто отдыхал. Завтра он обещал нарубить им дров — единственная плата за гостеприимство, какую он пока мог предложить хозяевам. В комнату вошел дядюшка, который ходил открывать, очень напряженный, и с ним — двое эманакир.

Все встали. Лар-Ральднор последовал их примеру, не испытывая особого почтения, но и не желая неприятностей своим новым друзьям. Он до сих пор помнил городской рынок в Лин-Абиссе, женщину с Равнин и толпу, расступающуюся перед ней и подносящую дары, будто она была богиней, а не обычным человеком. В Дорфаре ему довелось видеть и других выходцев с Равнин. Некоторые из них были совсем белые, как и та, вплоть до глаз. Ледяной облик и такие же ледяные души. Они проходили мимо, подобно холодному сквозняку. Молва награждала их многими сверхъестественными силами, помимо мысленной речи и той спокойной безжалостной стойкости, что стала неотъемлемым признаком Равнин. Йеза как-то рассказывала, что некоторые из эманакир являются оборотнями, а также умеют исцелять смертельные раны и даже летать. Тогда Лар-Ральднор высмеял ее — большинство заравийцев, даже самых образованных, были чересчур доверчивы. Но тем не менее ее рассказы застряли у него в памяти.

Посетители не приблизились, не заговорили — просто стояли посреди комнаты и ждали Лар-Ральднора. То, что они пришли именно к нему, было совершенно очевидно. Заравийцев оттеснили назад к очагу, впрочем, довольно мягко. Затем они и вовсе ушли.

Лар-Ральднор подошел поближе к степнякам. Оба мужчины, очень светлые, но глаза обычные, не белые. Они смотрели на него без всякой угрозы — впрочем, и без всякого иного выражения.

— Если вы пытаетесь говорить со мной в мыслях, то я этого не умею, — предупредил Лар-Ральднор.

— Однако ты уже делал это, — возразил один из эманакир.

— Только со своей матерью. — Это было слишком личное, чтобы обсуждать его с ними. И в то же время Лар-Ральднор чувствовал себя уязвленным — в нем тоже текла Равнинная кровь, и ему хотелось это доказать.

— Да, с Медаси. Ты сын Медаси.

— А также, как, наверное, сообщили вам мои хозяева, сын Яннула, — воинственно добавил Лар-Ральднор.

— Ты уже поправился? — поинтересовался другой.

— А куда вы хотите меня отвести? — вопросом на вопрос ответил Лар-Ральднор.

И тут он отшатнулся и шумно выдохнул, потому что получил ответ в виде картинки, возникшей в его мозгу, но лишь на миг: терраса, дворец с обломками колонн, в просветах — открытое пространство...

Наконец юноше удалось совладать с собой.

— Зачем? — спросил он.

В ответ — ничего: ни картинки, ни малейшего шевеления чужой мысли в его мозгу.

— Когда-то ты хотел сражаться, — произнес затем один из степняков.

— Что? Вы опять собираете армию? И с кем хотите воевать — с Вольным Закорисом или с Кесаром?

— Не армию, — ответил один.

— Но тем не менее воевать, — улыбнулся второй. Лар-Ральднор впервые обратил внимание, что оба мужчины ненамного старше его самого. Теперь, когда глаз его привык к гостям после темных заравийцев, они выглядели уже не такими льдистыми. В них обнаружилась та же игра светотени, какую он любил в матери и младшем брате. Сам Лар-Ральднор был ослепительно бледным — зима, как всегда, изгнала с его кожи легкую дымку загара, — но и только. И еще он рано научился пользоваться цветом своих глаз, сужая и расширяя зрачки.

Он отстранился, чтобы получше разглядеть посетителей.

— Мы не враги вам, — сказал тот, что был бледнее. — Некоторые из нас предпочли отстраниться, мы же остались. Этот мир для нас — как мать, а Анакир — его душа. Нам нестерпимо видеть, как мир снова погружается в войну, как открываются старые шрамы и появляются новые. Закорианская ненависть — это безумие, а кармианская алчность не знает пощады. Вот наши враги. Не люди, нет, но их злые помыслы и устремления.

Лар-Ральднор почувствовал усталость и опустошение. Он вспомнил свои элирианские мысли, ощущение безысходности, которое было даже хуже, чем страх или гнев. Мир катится в хаос, и никто не может помочь...

— О да, — произнес более бледный степняк, подхватив невысказанные мысли Ральднора. — Но даже сейчас есть иные пути, кроме обреченного угасания. Ашни проходила мимо нашей деревни, и вот мы пришли сюда. Очень многие пришли сюда.

— Как и в прошлый раз, — добавил второй мужчина с усмешкой. — Во времена Ральднора. Но ведь она — дочь Ральднора.

— Ашне'е? — переспросил Лар-Ральднор.

— Ашни, — они повторили имя, и он уловил разницу в звучании.

— Пойдем, и ты увидишь, — сказал тот, что бледнее.

— Ту женщину, о которой вы говорите?

— Нет, она уже ушла, куда-то на север. Все до единого хранилища мировой силы надлежит пробудить и заставить излиться. Теперь ее зовет Корамвис.

И тут Лар-Ральднор наконец увидел, какими глазами они смотрят на него, и похолодел.

— Вам рассказали про огромного волка.

— Да.

— Вы ждали, что я приду сюда, как вы сами до меня. Но почему?

Напрасный вопрос — он сам знал ответ.

И никто, даже заравийцы, не удивился, когда эманакир выразили ему свое почтение древним жестом Равнин-без-Теней,

приложив руку сначала ко лбу, а затем к сердцу. Такое приветствие предназначалось владыкам или жрецам, избранным Анакир. Хотя, если вдуматься, этим жестом никогда не приветствовали тех, кто, как Ральднор, Ашне'е или Ашни, являлся воплощением той или иной стороны богини. Все правильно: богиня не просит ничего, потому что ни в чем не нуждается, ибо она — все.

Они вышли на улицу, где их ждала толпа с факелами. В этом сборище не чувствовалось ничего мрачного или зловещего. Наоборот, все лица были веселыми и оживленными, как у людей, собравшихся на свадебный пир.

Заравийцы тоже последовали за ними.

Так они и шли — сотни людей, по заснеженной дороге, направляясь к разрушенному дворцу и чудесному колодцу.

Позже, на рассвете, уже проваливаясь в сон, Лар-Ральднор подумал: «Может ли это быть так просто — и так бесхитростно?» И откуда-то — то ли из тайников его сознания, то ли из блуждающего древнего разума черного города — пришел утвердительный ответ.

Люди — капли в океане жизни, но безбрежный океан — всего лишь собрание мириадов капель. Достаточно одной мысли, одного слова: «Да будет так!» — или наоборот: «Не бывать этому!» И огромный океан переменится.

Что-то подобное произошло и с ним. Они сказали ему что-то важное, но не словами. Он лишь по привычке пытается облечь это в слова, которые на самом деле уводят от сути.

От горящих факелов во дворце стало теплее. Что же произошло? Они ступили на древний мозаичный пол и испили желтого вина, про которое говорили, что его достают из старого колодца. Там были заравийцы, элирианцы, даже дорфарианцы, и, конечно же, полукровки всех мастей. А среди них мелькали эманакир, словно прошивая эту толпу серебряной нитью.

Лар-Ральднор с рождения был наделен мысленной речью, присущей Равнинам. И теперь те, кого назначили ему в учителя, приступили к работе. Им не пришлось тратить много усилий. По сути, это было не обучением, а восстановлением старых умений.

Наверное, именно происхождение сделало Лар-Ральднора важным и необходимым этим людям. Равнинная кровь принесла с собой способность *говорить разумом*, кровь же Яннула сблизила с героическим прошлым. Не случайно он отмечен славным именем Ральднора — которое всегда принадлежало и будет принадлежать ему, как бы ни пытался один из сыновей Ральднора отнять у него это право.

Сон сомкнул над ним свои крылья.

Лар-Ральднор лег один, без заравийской девушки, ибо сейчас так было надо. Он должен собрать магическую энергию близости и направить ее в нужное русло. Странно, но все это время он не желал ни ее, ни кого-то еще. Порой он возвращался мыслями к Йезе или другим своим подружкам, но не мог возродить былого накала

чувств. Это были рассудочные воспоминания, никак не волнующие плоть.

Само собой, холод и одиночество долгого путешествия, лишения, ощущение потерянности и близость смерти — все это подготовило Лар-Ральднора к восприятию сверхъестественной ауры города руин. Очищение мага перед деланием.

Он плыл, словно на облаках. Его окружали беззвучные шепотки и незримые огоньки множества свечей, и все это шло из глубины его самого...

Ему припомнилось, как Ашни прошла мимо них. Теперь ему казалось, что уже тогда, когда он выбивался из сил в Зарависсе и никак не мог отправиться в Ланн, его подсознание улавливало отблески какого-то сияния, оставшиеся непонятыми... Что же это было? Мужчины и женщины, идущие сквозь остывающую медь последних летних дней и уходящие в звездные холмы; что-то, похожее на отдаленную музыку или неслышную песню, невидимые сполохи и радуги, танцующие волки, дикие кошки и змеи. И неувядающие цветы в длинных желтых волосах... А может быть, просто группа странников, бредущих по пыльной дороге, повозки, катящиеся мимо деревень и тревожащие чуткое ухо ночи. Что это было: иллюзия, пророческое видение, истинно происходящее? Или все это одно и то же? Возможно ли, чтобы события, никогда не случавшиеся, но готовые случиться, посылали разуму предвестия, видимые не глазами?

Лар-Ральднор вспомнил заснеженный первобытный лес, простоявший века там, где его не могло существовать.

Он спал, и во сне, глядя не глазами, оглядывался, ища Медаси. И наконец нашел ее.

Она сидела перед ним, словно они встретились в какой-то маленькой комнатке, озаренной ярким солнцем. Но он знал, что этот образ — лишь неточная форма, плоть, которой чувства облекают суть, так же, как произносимое слово — неточная форма для родившейся в сознании мысли.

Лар-Ральднор коснулся ее разума, словно легонько тронул за плечо — он хотел привлечь внимание Медаси, и ему это удалось. Похоже, ее вовсе не смутило присутствие рядом с нею сына, живого, здорового и вплетенного в Сон Анакир. Однако ее радость при виде сына показалась ему его же собственным воспоминанием.

Они стояли рука об руку в залитой светом комнате, улыбаясь друг другу и купаясь в любви. Так бывает лишь тогда, когда людей не разделяет никакая дверь, пусть даже и приоткрытая.

Он допускал, что никогда больше не увидит мать, и она тоже догадывалась об этом. Пламя, коему должно пробудиться, теперь было в миллионы раз сильнее, чем бывало когда-либо прежде — оно уходило в самое небо пылающим вихрем. Пробуждение Змеи легко могло погубить их всех. Анкабек стал первой жертвой — ненужной, непрошеной, но принесенной без страха. Богиня не хотела ничьей смерти за этот мир, но, возможно, кому-то *придется* умереть.

Это будет победа через страсть, как ему и грезилось в самом начале — но совсем через иную страсть, не ту, которой он когда-то хотел служить с мечом в руке и яростью в сердце.

Лар-Ральднор скользнул еще глубже в сон, отпустил руку Медаси, и та тихо исчезла.

Теперь он находился на золотой барке с одним-единственным светящимся парусом. Это была его жизнь, он мог управлять ею по собственному желанию — и он поплыл по сверкающим водам навстречу утру.

Яннул Ланнец, приподнявшись на локте, смотрел, как его жена улыбается во сне. Она выглядела такой молодой — моложе, чем тогда, когда они только встретились. Затем она пробормотала его имя и открыла глаза.

— Что такое? — спросил Яннул.

— Я видела во сне Лар-Ральднора.

— И что это был за сон? — в его словах слышался суеверный страх и страстное желание разделить ее радость.

— Сначала... сначала там стояла какая-то тень, и мне было страшно. Но он оказался рядом и заговорил со мной. Это был не просто сон, Яннул. Мысленная речь... Теперь я знаю, что мы можем не беспокоиться о нем.

— Хорошо, — рассеянно отозвался Яннул. Он осознал, что такое количество сверхъестественного утомляет его. То же самое бывало и рядом с Ральднором из Сара. Только его усталость выражалась тогда по-другому, характерным для юноши образом.

Медаси уже снова уснула. Яннул лежал рядом с ней и смотрел, как занимающийся рассвет окрашивает стенки фургона.

Он напомнил себе, что это зорский рассвет. Вот уже полмесяца, как они живут в Зоре, пройдя туда под горой.

После чудесного явления Анакир Ланнской — назвать это иначе было невозможно — кармианские солдаты убрались прочь, все еще пребывая в трансе. Затем случился обвал, перегородивший дорогу. Неизвестно, пострадал ли при этом кто-то из кармианцев, но хотелось верить, что нет. Сила богини на сей раз была явлена в милосердии, хотя и в довольно жесткой форме.

От обвала дрогнула дорога под ногами, вслед за тем начали сыпаться камни и у них за спиной. Но через какое-то время все успокоилось. Люди начали выходить из оцепенения, истерика и безумная радость по поводу спасения понемногу улеглись. И тогда подняла шум зорская девушка Вашту, стоящая чуть в стороне. От волнения ее речь стала совсем невнятной, пришлось подойти поближе — и самим увидеть проход, образовавшийся в горе. Путь в долину Зора был открыт.

Это было, как и говорила Вашту, отчасти пещерой, отчасти тунелем, похоже, рукотворным. На дальнем его конце горы спускались вниз каскадами, которые местами разрывали белые беспокойные занавесы водопадов.

Спуск оказался совсем непрост — вниз вело несколько дорог, но все они были не слишком надежны. Они потеряли двух человек и козу. Это несколько охладило мистический пыл путников, которые после чуда на дороге, похоже, уверились в своей неуязвимости. Но горы оставались горами с их природными трудностями и ловушками.

Так или иначе, они достигли места, откуда горы более плавно спускались в долину. К этому моменту очарование чуда совсем померкло. Все выглядело не совсем так, как им представлялось. Снова пошел дождь, гром грохотал в небе. Вид у спасенных был жалкий, словно у детей, которым пообещали сладостей, а затем выставили во двор без ужина.

Сафка, с черными кругами вокруг воспаленных глаз, вела людей за собой, подбадривая, уговаривая, издеваясь, — лишь бы те не сдавались. Сама она стойко и мужественно карабкалась и барахталась в грязи, преодолевая спуск под проливным дождем. Если в Ольме ее благородное происхождение вызывало недоверчивые усмешки, то здесь она была истинной дочерью короля — с безграничными возможностями и легким налетом безумия. Под стать ей была и Вашту, полная дикой радости от возвращения на землю предков. Мокрая, как рыба, с отчаянной усмешкой на лице, она карабкалась вверх и вниз по каменной гряде. Поймав взгляд Яннула, она что-то крикнула ему, и тот вежливо кивнул в ответ, но лишь значительно позже разобрал и понял ее слова. Вечером он в некотором замешательстве сообщил Медаси:

— Вашту говорит, что здесь никогда не бывает снега — только дождь.

Они убедились в этом весьма быстро — уже утром небеса потемнели и набухли, и вершины гор, оставшиеся у них позади и слева, скрылись за густой снежной пеленой. Здесь же на землю пролился дождь. Похоже, долина лежала очень низко, ниже восточной снеговой черты, словно гигантская чаша с гранитными стенками, которые надежно защищают дно от холодных ветров. Беглецы могли вымокнуть до нитки, но не замерзнуть.

Ночь они провели у костров, снова распевая песни. Люди наконец-то поверили, что их мечта — не обман, не морок, а нечто реальное.

Еще до того, как спуститься в речную долину, они обнаружили плоды на деревьях и кустах, а также животных, которые бродили повсюду и обещали мясо на стол.

Вскоре показалась и река, на берегу которой высились каменные постройки. Это был городок ланнского типа — похожий на Амланн, только значительно меньше. По дороге им встретились лишь отдельные хижины и пара заброшенных деревень, погребенных под палой листвой и ползучими растениями. Видимо, все жители перебрались в городок у реки.

Яннул поинтересовался, не тот ли это увиденный во сне город, о котором до сих пор не смолкали рассказы, но Вашту

с ним не согласилась. Ее мать была родом из этого места, а Древний город лежал на северо-востоке, за рекой.

В городке было достаточно жителей, его система управления была сходна с элирианской — таинственная и основанная на странных обрядах. На подступах к нему навстречу им вышла группа темноволосых людей и вступила в переговоры. Пришлось использовать Вашту в качестве переводчика — настолько местный диалект отличался от привычной висской речи. Новые слова и непривычное построение фраз мешало зорцам и людям из Ланнелира понимать друг друга.

Тем не менее прибывшим удалось выяснить, что Зор больше не считает себя частью королевства и не имеет желания ею быть. Но Свободных ланнцев готовы были принять, лишь попросили соблюдать некоторое расстояние между их будущим поселением и уже существующими угодьями. В то же время им не возбранялось искать убежища в городе. Там имелось достаточно зданий, которые можно приспособить под жилье, или же занять пустующие дома, чьи владельцы временно отсутствовали — естественно, уважая владельцев и их уклад. Долина была плодородна и могла прокормить всех.

Само собой, зорцы не вполне доверяли пришельцам — на то они и зорцы. Но так или иначе им выделили землю под обустройство, взаимопонимание было установлено и понемногу углублялось. Пережив все ужасы кармианского вторжения, Свободные ланнцы прекрасно понимали настороженность местных и потому старались вести себя честно и покладисто.

В первый же вечер Вашту позвала всю верхушку беженцев в пустующий дом, стоящий на сланцевом берегу реки. Это было ее родовое гнездо, которое она заняла по праву. Были и другие родственники, имевшие права на него — дядья и двоюродные братья ее матери, которые сейчас путешествовали по долине или находились за горами, но всегда могли вернуться. Поэтому за длинным каменным столом, накрытым Вашту для ее гостей, оставалось пять незанятых мест, и рядом с каждым костяной нож, свеча и каменная чаша, отполированная сотнями губ и пальцев — все это появилось на свет из старых сундуков. Таков был зорский обычай. Похожая традиция имелась и в Ланне, но здесь возможность появления гостей в любой момент ощущалась гораздо сильнее.

Свободный Ланн обосновался на берегу реки — возражений не было ни у кого. Возможно, к лету возникнут иные возможности, и придется уйти из долины, чтобы разведать новые места. Но сейчас у них за плечами был длинный путь. Они обрели желанную свободу и вместе с ней надежду на выживание. Пока этого было достаточно.

— Но мне надо в Древний город, — сказала Сафка.

Ланнцы слушали ее с почтением. Сафка была их жрицей, той искрой, что зажгла восстание в Ольме, фокусирующим зеркалом для Анакир, позволившим отогнать врагов и открыть ворота в Зор. Люди не хотели терять Сафку и, отдай она приказ, готовы были последовать за ней. Однако она не стала этого делать, только объявила о своей потребности и спросила, кто хочет сопровождать ее.

Ее приближенный офицер — тот самый, что готовился умереть, задерживая кармианцев, если бы Сафка с Яннулом согласились на это, — нахмурился и спросил, почему ей надо продолжать путь и откуда она знает, что город существует.

— Просто знаю, — ответила она. — И знаю, что должна быть там.

— Но для чего, госпожа? — Он заметил, что вокруг них собрались люди. — Вы увели нас из Ланна. Вы призвали богиню, и Она встала перед нами...

Он умолк, ибо понимание поглотило и сделало ненужными все вопросы.

Сафка густо покраснела, глаза ее сверкали. Ей нравилось быть любимой, ведь раньше ей доставалось так мало любви.

— Это богиня сказала мне, что я должна идти, — произнесла она, когда шум вокруг слегка умолк.

Наступила тишина. Подобные доводы не оспаривались.

— Мы последуем за вами, — послышался голос офицера.

— Нет, — возразила Сафка. — Я приглашаю только тех, кто, как и я, чувствует необходимость добраться до города. Другие будут бесполезны для богини. Ей нужны только те, кто отвечает Ее замыслу.

— Но в чем Ее замысел?

Сафка простерла руки. Ветер трепал ее волосы. В такие минуты она делалась прекрасной, но не как женщина, а как может быть прекрасен горный пик или горделивое дерево.

— Не знаю. Но чувствую, что я часть его. Ашни сделала меня этой частью.

Им уже было поведано про Ашни, богиню-ребенка, ту, что неузнанная жила среди них в Ольме...

На том собрание и кончилось. На следующий день Сафка собрала обоз из здешних повозок — очень легких, украшенных резьбой, крытых цветным полотном, пропитанным воском. В долине не было зеебов, не говоря уже о лошадях. Зорцы запрягали кастрированных баранов, и свите Сафки пришлось поступить так же. Когда она пересекла один из дощатых мостов через реку, с ней шло меньше двадцати человек.

— Зачем мы туда потащились? — спросил Яннул.

— Меня тянет туда, — ответила Медаси. — Именно так, как говорила Сафка.

Она старалась объяснить ему эту свою тягу, но он не мог понять, а может быть, и не хотел. Тем не менее Медаси твердо решила последовать за Сафкой на северо-восток, и он пошел с нею. Зато их сын наконец-то был счастлив. У него появился друг, ланнский мальчишка тех же лет, который тоже принял участие в экспедиции. Сейчас они вместе ехали на тележке, запряженной двумя жирными, но резвыми свиньями.

Дождь, начавшийся несколько дней назад, шел, не переставая.

Яннул, промокший до костей, проклинал в душе эту затею. Он не верил ни в какой город, хотя тому и придавалось столь важное мистическое значение.

Лежа на спине в трясущейся повозке, он продолжал размышлять. Его правая рука, некогда разбитая Ригоном *, ныла от сырости и скучала по оружию от воспоминаний о кармианцах. Захватчики не причинили ему никакого вреда — просто выгнали, как собаку. И он слишком устал, чтобы гневаться, страдать, бояться или скучать... Когда снаружи раздался какой-то шум, Яннул соскочил с подстилки, схватил нож и бросился вон. И чуть не свалился на голову младшему сыну, который стоял у повозки и окликал его.

— Все в порядке, отец. Это не война.

Яннул встряхнулся, пытаясь согнать с себя остатки дремоты. Спрятав нож, он подумал, что его сын явно находит своего отца и героическим, и достойным любви, и в то же время смешным. Ему самому одновременно хотелось обнять и отшлепать его.

— Так что же там?

— Пойдем, сам посмотришь.

Яннул позволил себя увлечь. Они прошли с четверть мили, и тогда он в самом деле увидел.

Лес, через который они ехали весь вчерашний день, расступился и открыл на востоке панораму зари с переливами красок, приглушенными легкой дымкой. Под этим великолепием протянулась лента другой реки с отраженным в ней небом. А за рекой, под пологом зари, высился таинственный Древний город Зора.

Разрушенный город, как сломанный меч...

Чтобы достичь его, им следовало перебраться через вторую реку. Весь ее берег, насколько хватало взгляда, был усеян россыпью деревень. Где-то они лепились друг к другу, где-то отстояли на мили. Похоже, люди считали нужным жить поблизости от разрушенного города, но не в нем самом. Довольно странное размещение. В поисках моста или брода им пришлось пройти между двух таких поселений, затем по отмели, и снова через деревни... Мужчины, женщины, дети и овцы выходили из домов и долго глядели им вслед. Яннул и несколько других ланнцев пытались заговорить с местными жителями, но бесполезно — теперь с ними не было переводчика. Их не понимали, однако охотно показывали дорогу *туда* — вверх по течению. Все знали, что незнакомцы стремятся попасть в Древний город, и помогали, как могли.

Наконец они набрели на большую весельную лодку, привязанную к дереву. Что ж, это тоже был способ переправиться.

Четверо ланнцев взялись опробовать ее. Сев на весла, они прошлись по реке туда-сюда и остались довольны. Плыть было недолго, но подготовка к переправе отняла много времени, ведь требовалось перевезти не только людей, но и растревоженных блеющих животных, а также добро из повозок, которые пришлось оставить на берегу. Вполне возможно, что жители ближайших деревень поживятся их брошенным имуществом.

---

* Подробнее об этом — в романе «Повелитель Гроз».

Вдруг все разговоры стихли. Нечто, хранящееся под стенами зорского города, дотянулось до сознания людей и вымело оттуда все мелочные мысли. Наступила тишина, нарушаемая только завыванием ветра вокруг каменных выступов.

С этого берега город смотрелся единой темной массой, высоким бастионом из черного камня, увенчанным черной верхушкой башни.

На расстоянии город выглядел совершенно целым, хотя люди знали, что этого не может быть. На самом же деле так было и в то же время не было. Стены зияли множеством проломов, а кое-где и совсем рухнули, но за ними вырастали новые стены из обломков, которые лежали так плотно, что пройти было невозможно.

Они бродили вдоль стен — маленькая группа людей, пытающаяся найти вход.

— Я здесь, с тобой, — Яннул положил руку на плечо Медаси. Она улыбнулась в ответ, и он понял, что в ее глазах нет страха, хотя этот город был точной копией Равнинного. Но не нынешнего, а такого, каким тот был века назад.

Наконец один из детей, убежавший дальше других, нашел ворота. Наверняка где-то были и другие. Самих ворот не сохранилось, осталась только арка.

От нее ступенями спускались широкие террасы. Улицы разбегались в разные стороны. Башни вздымались в небо. На возвышении стояло здание с колоннами, в котором светилось высокое окно. И, что удивительно, цветное стекло в нем было целым.

— Сафка! — позвал Яннул, но Медаси покачала головой — их ольмская госпожа была уже далеко впереди, притягиваемая зовом беззвучной песни Города. Она шла на этот зов, а они следовали за ней.

Разбитые башни наверху были как тени, отброшенные в небо.

«Боюсь ли я?» — спросила себя Сафка.

«Нет», — мягко ответил голос внутри нее. Это была та половина, что подобно матери или учителю вела за собой всю ее сущность. «Нет, не боишься. Сила этого места очень велика. Но у тебя есть цель, и это тоже сила. Ты сама чувствуешь это».

Что-то подталкивало, вело ее вперед, и Сафке было очень легко следовать этому зову.

Сколько уже она идет по городу? Наверное, несколько часов. Все остальные давно выбились из сил — она же не чувствовала усталости.

Внезапно она поняла, что прибыла на место назначения. Сафка огляделась. Подсознательно она ожидала увидеть нечто величественное — может быть, колоссальную статую или какое-то возвышенное здание, что-то подавляющее и пугающее. Ничего подобного. Перед ней была маленькая дверь, вырубленная в стене. Сафка толкнула ее и была очень удивлена тем, что дверь тут же подалась.

Она заглянула в огромное око бассейна. Наверное, под древней улицей имелась пещера, предположительно соединенная с подземным руслом реки. Услышав вокруг себя восхищенные возгласы, Сафка

осмотрелась и поняла, чем они вызваны. Последние отблески угасающего дня осветили клад — украшения, изделия из драгоценных металлов. Это было сокровище из тех, о которых говорят легенды...

По наклонному входу Сафка вошла внутрь, завороженная не столько ценностью находки, сколько самим ее фактом.

За ней и остальные потянулись в пещеру. Они ударяли кремнем, высекая искры, напрягали зрение. Неверный свет падал на тускло мерцающие груды бриллиантов и рубинов. «Вот богатство, чтобы вооружить Ланн против врагов!» — шепнул кто-то. «Нет, это священный клад, — возразил другой шепоток. — Он принесет несчастье тем, кто его разграбит. Разве ты не видел, что на двери вырезано изображение Богини-Змеи?» Сафка удивилась — сама она как-то пропустила эту деталь. Наверное, бассейн настолько привлек ее внимание, что она сразу же вошла внутрь, не обратив внимания на дверь.

— Зажгите надежный свет и принесите сюда, — велела она.

Кто-то исполнил повеление, и при свете горящей лампы они заглянули в бассейн. В его дно, сделанное из громадного светлого камня, были врезаны ряды букв, тянущиеся один за другим. Гигантская книга. Вода как-то сохранила ее, хотя способна разглаживать камень не хуже ветра. Письмо было висское, так что они могли прочитать каждую строчку.

Когда спустилась ночь, такая же черная, как сам город, они отыскали на холме большой старый дом с колоннами. В прошлом чей-то дворец, он сохранился почти нетронутым. Никто не жил в городе, никто не ходил по его улицам. Норы тирров стояли пустые и высохшие, даже зловоние давно выветрилось. Кстати, им не доводилось видеть тирров и в долине. Похоже, эти немыслимо уродливые твари с ядовитыми когтями вымерли здесь давным-давно.

Люди развели огонь, приготовили ужин и поели, затем открыли и пустили по кругу мех с ольмским вином. Они достигли своей цели. После того, как уснули немногочисленные дети, наступила тишина — та тишина, что была в каждом из них, а сейчас просочилась наружу сквозь кожу, выглянула из глаз. Только тихо потрескивало пламя, да отсветы его плясали на волосах и женских бусах.

Сафка ушла за каменную перегородку, которой, наверное, было сотни лет, и лежала там неподвижно, слушая тишину, со всех сторон окружавшую эту перегородку меж нею и остальными.

Она воздерживалась с самого времени Застис. Забавно. Она знала, что там, в горах, могла выбрать любого из своих капитанов, и они почли бы за честь лечь с ней. Вряд ли когда-нибудь до того у нее были мужчины, которые так ее желали, — ибо теперь она была особая женщина. Святая. Но в этом же крылась и причина ее воздержания. Близость перестала быть необходима ей.

А теперь...

Она смотрела на высокий потолок, на стропила из черного дерева, вырезанные не меньше чем за тысячу лет до ее рождения.

Хватит ли у нее сил, чтобы вместить огонь, чьего прихода они ожидают? Она знала Ашни, это правда. Но ведь сама по себе она была простой смертной женщиной. Она могла умереть.

Опять же замысел богини может и не воплотиться... Нет, нельзя позволять себе так думать. Нет ничего превыше веры. А вера Сафки была безгранична.

За перегородкой, в длинном зале, Яннул и еще один мужчина задавали корм скотине, привязанной к колоннам. Животные тоже были удивительно тихими. Обернувшись, Яннул увидел перед собой сына и его друга, мальчика чистой висской крови. Очевидно, где-то во время долгого пути они побратались на крови — Яннул разглядел белые шрамики на руке у каждого. Оба мальчика смотрели ему в глаза.

— Так это правда? — наконец спросил у него сын.

— А что сказала твоя мать?

— Сказала, что правда, и велела спросить у тебя.

— Значит, правда.

Дети снова повернулись к огню.

— Такая магия должна быть очень мощной. И что же теперь случится?

— Не знаю. Пожалуй, что-то вроде явления на дороге, но во много раз сильнее.

— Как под Корамвисом, где ты был с Ральднором эм Саром?

— Не знаю, — снова повторил Яннул.

Странно, что знание все это время хранилось здесь. Он подозревал, что оно совсем в другом месте, но, скорее всего, уже утеряно или разрушено. Некоторые строки на каменном полу бассейна были лишены смысла, другие представляли собой воспоминания, легенды. Эм Дорфар всегда гордились тем, что спустились с небес в утробах бледных драконов, дочерна спаливших землю своим огненным дыханием. Надписи на камне говорили о том же. Там сообщалось, что сперва, в незапамятном начале, все до единого люди на этом континенте были бледнокожими и светловолосыми, как на Равнинах. Но затем пришла темная раса Висов, алчных и умных людей. Откуда — неизвестно, но, скорее всего, не с небес. Потом случилось что-то, о чем на камне не удалось вычитать никаких подробностей. Произошло падение с пика силы, как некогда с неба. Каким-то образом Висы выродились, утратив свои силы, не колдовские, но все же сверхъестественные. Но светлая раса к тому времени тоже миновала свой зенит. В отличие от Висов, она была наделена магией, но злоупотребляла этим даром и в конце концов загубила его. Она уступила захватчикам, а те, в свою очередь, уступили собственной слабости.

Эти сведения были весьма своеобразны, впрочем, как и положено мифам. Далее надпись на камне повествовала об иных вещах, излагая предание о том месте, где они сейчас находились, месте сдвига настоящего.

— Люди Равнин всегда в это верили, — сказала ему Медаси, когда огонь почти догорел. — Места силы, что-то вроде колодцев, из которых можно черпать, и силовые линии, связу-

ющие эти места. Они невидимым рисунком проходят по всей земле, воде и воздуху.

— А сообщается, где можно найти эти самые колодцы?

— Некоторые жрецы должны это знать. Всегда считалось, что один из них где-то около Корамвиса. Истории говорят о потаенном храме в тех местах, созданном еще тогда, когда та земля принадлежала желтоволосым людям.

Корамвис. Каменная рукопись в бассейне называла его Сердцем Дорфара. Второе место — здесь, имя ему — Зор эм Зор. Третье — степной город руин, который на камне был назван Анак-на-Равнинах. Четвертое — еще какое-то место, именуемое Мемон. Далее упоминалась некая южная страна за морем Эарла — очевидно, расположенная на втором континенте. Там таилось пятое место силы, камень называл его Ваттаком. Яннул предположил, что это Ваткри, первая страна, куда они с Ральднором эм Анакир прибыли после того, как их изверг океан, и где был зачат и рожден беловолосый сын Ральднора. Вдобавок он понял, что обреченный корабль, на котором их сквозь бури и огонь, мятежи, убийства и отчаяние принесло к этим чужим берегам, все время двигался вдоль незримой силовой линии, соединяющей Ваттак-Ваткри с Корамвисом, Сердцем Дорфара.

От гнева Яннул не знал, смеяться ему или плакать. Всевышний автор, который подхватил его и швырнул сквозь зеркало судьбы — это чудовище продолжало цепко держать его. Оно никогда его не выпустит. И никого из них — ни живыми, ни мертвыми.

Он постарался скрыть раздиравшие его чувства за практическим вопросом:

— Интересно, где может быть этот Мемон? Среди больших городов, и живых, и разрушенных, такого нет. Даже о маленьком городке с таким названием я не слыхал. Может быть, какая-то деревушка, где варят этот духовный суп. Да помогут им все боги!

Он подбросил дров в огонь. Они оказались сырыми и начали трещать и плеваться смолой. Не исключено, что духовная сила планеты будет вести себя так же.

Отсюда, из долины, мир с его снегами, кармианским вторжением и подготовкой к войне выглядел не так уж страшно. Но Лар-Ральднор, его старший сын, был там, в самой гуще этого кошмара. А также два сына Ральднора эм Анакир.

— И еще она, — произнесла Медаси, читая его мысли с точностью, которая его уже не удивляла. — Ашни.

Палкой, зажатой в правой руке, Яннул мрачно пошевелил дрова в костре. Искры взвились фонтаном огня, и от этого стало светлее.

20

От востока до Междуземья холода погрузили мир в заклятый белый сон. Сквозь эту белизну, по сугробам и алебастровым ущельям пробивалась кучка отчаянно борющихся людей. Их колесницы застревали на перевалах, скакуны проваливались в снег по грудь,

а то и по горло. Но люди не останавливались. Они спешили в Дорфар, в Анкиру. Прибыв во Дворец Гроз Верховного короля, они испугали придворных красными обветренными лицами, тусклым взглядом и грязными повязками на обмороженных руках и ногах. Один из них даже лишился двух пальцев.

Эти люди принесли Ральданашу новости — такие же тяжелые, как и их путешествие.

Элисаар, завоеванный Шансаром в войне Равнин, долгое время был проверенным союзником Повелителя Гроз, сына человека, который когда-то впервые привел Шансар на Вис. И вот теперь Элисаар объявил о своем нейтралитете. Формальное уведомление еще не поступило, но его ожидали со дня на день.

Дорфарианцы, доставившие это известие, обрисовали положение так: «Похоже, что Кесар потихоньку нащупывает почву для укрепления кармианского трона. Он наполовину шансарец, хотя не любит это подчеркивать. Шансарский же Элисаар — по определению союзник Шансарского Кармисса. Сейчас, когда Кесар обхаживает Вольный Закорис, элисаарцы боятся шевелиться — с одной стороны, у них под боком Вардийский Закорис, а через Внутреннее Море лежит Междуземье; с другой — Вольный Закорис без труда может дотянуться до них. А тут еще Кесар с его подарками и клятвами в нерушимой любви — и все это из захваченного Ланна. В общем, повелитель, Элисаар будет сражаться лишь за себя. Любой, кто двинется в его сторону, натолкнется на яростное сопротивление. Это в равной степени касается и Вардийского, и Вольного Закориса. И Дорфара тоже».

Новости, пусть и тяжелые, никого не потрясли. По всему Вису уже прокатилась волна добровольных отставок среди высших офицеров шансарского происхождения.

Взяв слово перед смешанным советом Анкиры, Венкрек повел речь об элисаарской проблеме и путях ее решения. Он пользовался языком Висов, но приправлял его множеством популярных слов, пришедших из его родного Ваткри.

— Мы послали гонцов на Континент-Побратим, — начал свою речь лорд-правитель. — Но все идет к тому, что нам предстоит краснеть до самой весны. Я уверен, господа, вы уже поняли, что если Кесар считает осмысленным идти на союз с Шансарским Элисааром, значит, договор с самим Шансаром он подтвердил уже давно.

В этом месте совет загудел, хотя все до единого знали, что грядет.

— Если Кармисс, все еще уверяющий нас в своей дружбе, хотя мы уже не верим его словам, — безжалостно продолжал лорд-правитель, — так вот, если Кармисс сохранил договор с Шансаром-за-Океаном — а мы полагаем, что так оно и есть, — то Шансар обязан стать на его сторону. Кесар заигрывает с заклятым врагом Дорфара — Вольным Закорисом, Черным Леопардом. При данном раскладе второй континент поведет себя так: шансарцы станут врагами народа Повелителя Гроз в Ваткри, а также Вардата, который держит королевство Старого Закориса на Висе. Если очень повезет, Шансар всего лишь откажется помогать Дорфару, своему прежнему союзнику. В худшем же случае шансарцы объявят

войну Дорфару и Вардийскому Закорису, а через них — самим Ваткри и Вардату, и Тарабанну в придачу. В условиях такого кризиса глупо ожидать, что вардийцы и ваткрианцы пошлют войска к нам на выручку и оставят без защиты свою собственную землю. Таким образом, господа, нам не приходится рассчитывать на помощь второго континента. Все, что нас ждет впереди, — это разрастание единожды начатой войны, опустошение на юге нашего родного континента и полное разорение Виса.

— Своей двуличностью и грязными маневрами Кесар весь мир поставил с ног на голову! — выкрикнул кто-то после окончания речи Венкрека. Других замечаний не последовало. Наступила гнетущая тишина.

Это был обычный хаос, сопутствующий обострению соперничества, как и в прежних конфликтах. Но на этот раз во всем мире не осталось места, куда можно было бы сбежать. Бедные и богатые, хозяева и слуги — все они попали в одну ловушку.

Любые приготовления были заранее обречены — Рармон выдал их Вольному Закорису. Ральданаш сидел перед своим советом, как холодная мраморная статуя.

Где теперь все герои?

В маленькую комнату вползли сумерки, полные теней и неслышных звуков. За высоким окном вырисовывались холмы, встающие над городом, а еще дальше — смутные горы, почти сливающиеся с темнотой неба.

«Ты не наш, — шептали ему горы. — Ты сын не нашего утра, ты зачат в иной сени. Мы не скроем тебя, не станем тебя беречь».

Ральданаш, восприимчивый к чуждым очертаниям и особой выразительности здешних мест, за долгие годы много раз прогуливался верхом по этим горам, глядя на Корамвис со стороны. Сейчас же он смотрел изнутри, но его взгляд сразу же устремился прочь из Дорфара, прочь с Виса...

Он вспоминал Ваткри-за-Океаном, его мягкие зимы, время ветров, а не снегов, и жаркие месяцы, когда долины золотились от зерна. Он видел город за красными стенами, корону башен, вздымающихся над равниной почти на девяносто футов, и краснокаменный дворец. И все эти стены, долины и тенистые сады казались ему драгоценной камеей, чьей белоснежной сердцевиной была его светлая мать, при жизни носившая имя Сульвиан.

Она была прекрасна, и свою красоту он унаследовал от нее. У них были одинаковые белоснежные волосы, столь непохожие на зимы второго континента. Он рос и привыкал, что у них нет никого, кроме друг друга. Раньше у Сульвиан был любимый брат — он мог бы заменить ему отца, но дядя Джарред ушел на войну вместе с Ральднором и сгинул в горящем море, не оставив никаких следов, ничего, что можно было бы оплакивать. А Ральднор — его родной отец, Избранник богини — тоже не вернулся и никогда не видел своего сына. Но Сульвиан всегда тешила себя надеждой, что когда-нибудь еще раз обнимет мужа, и обещала Ральданашу, что он увидит Ральднора в стенах родного дворца.

Когда после войны Равнин в Ваткри стали просачиваться слухи об исчезновении Ральднора, его метаморфозах и преображении, Сульвиан долго гнала от себя эти россказни. Он еще появится в Дорфаре. Он столько перенес, чтобы завоевать его, — как он может не вернуться? Ральданашу исполнилось пять или шесть лет, когда он начал замечать, что позиция матери изменилась. Очень осторожно и постепенно, как отлучают от груди ребенка, она стала освобождать его от мечты, которую сама же в нем посеяла и прежде разделяла с таким воодушевлением. Теперь ребенку внушали, что когда-нибудь ему придется покинуть родной дом и поплыть за море в чужое королевство, чтобы стать его наследником. Именно там Ральданаша будет ждать его отец Ральднор. Порой Сульвиан говорила, чтобы отогнать тайные дурные предчувствия сына: «Ты не будешь одинок, твой отец будет рядом». Но в конце концов отца рядом так и не оказалось.

Даже в детстве Ральданаш понимал, что мать эта история ранила куда больше, чем его самого. Сульвиан всегда осознавала, что ее использовали, — династический брак, скрепленный рождением ребенка мужского пола. Она полюбила Ральднора, но безответно. Тогда она обратила всю свою любовь на сына. Увы, это дало ей лишь временное утешение. В раннем отрочестве Ральданашу пришлось уехать.

Сейчас, сидя во дворце, он вспоминал мать такой, какой она была в вечер его отъезда.

Он впервые разлучался с нею, и его сердце сжимала тревога. Что поделать, он был еще мальчишкой. Сульвиан, женщина, пережившая свой расцвет, стояла у колоннады, и звездное небо за ее спиной служило обрамлением для ее белых волос, перевитых драгоценностями.

«Я пришлю за тобой», — сказал ей Ральданаш, маленький мальчик, который хотел казаться старше.

«Я всегда с тобой, — улыбнулась мать. — Здесь, там и где угодно».

Несколько дней спустя Ральданаш стоял на борту корабля и со вздохом глядел, как скрываются вдали родные берега. И тут он почувствовал, что слова матери таят зловещее предзнаменование. Скоро она умрет. Будь это в его власти, он повернул бы корабль обратно. Но сдержанность, присущая царственному положению Ральданаша и вообще пожизненная, уже глубоко укоренилась в его характере, научив его сопротивляться и терпеть. Поэтому Ральданаш пережил весь долгий путь до Виса, гоня от себя тоску и дурные предчувствия. Он пережил действо по случаю своего прибытия в чужой город, торжественное и одинокое, закончившееся дрожью земли, словно сама твердь его нового королевства приносила ему ужасную присягу. Он пережил последующие дни непрерывного труда во имя того, чтобы соответствовать чужим запросам, — без отдыха, без прибежища в чем бы то ни было, даже во сне думая о своей стране и о том, каким человеком он должен стать, чтобы править ею. И наконец он пережил тот день, когда ему доставили известие о смерти Сульвиан, — принесли и положили у его ног, словно цветок, в присутствии пятидесяти свидетелей. Ему было всего четырнадцать лет.

Двор считал Ральданаша холодным, замкнутым и бездушным. Его достоинство и сухие глаза оскорбляли самые устои Висов. Здесь женщины неистово рыдали над мертвыми, а похоронные процессии превращались в волнующее зрелище. Этот же юный чужеземец даже не прикрыл глаза рукой, произнося скупые фразы сожаления. Однако Ральданаш не хотел устраивать театр для своего окружения. Он был ранен в самое сердце, истекал кровью внутри, но никому не было дозволено увидеть это.

Холодный король Равнин. Эманакир.

Отца он тоже любил, но довольно своеобразно — скорее саму идею Ральднора-избавителя, восходящего солнца, как ее донесла до него мать. До этого часа ему удавалось живо воспроизвести в памяти лицо Сульвиан, ее голос, ее настроение, когда она рассказывала ему о Ральднore. С ее смертью связь прервалась. Окончательно лишиться отца, вновь и вновь переживать в душе потерю матери — это стало для Ральданаша непосильным грузом, пусть даже и осталось незамеченным для окружающих.

Как и Рармон, он знал, что отец никогда не дорожил им. Это знание являлось частью его наследства, и оно не облегчило Ральданашу вступление в наследственные права.

В конце концов он пришел к тому, что образ и даже само имя Ральднора на каком-то глубоко личном уровне причиняли ему боль и лишали покоя. Осознав это, он запретил использовать имя отца в своем ближайшем окружении — слишком велик был соблазн перенести отвращение к имени на его носителя. Но люди, попавшие в такое положение, не понимали и не могли понимать истинных мотивов Ральданаша, а потому обижались и оскорблялись, как сын Яннула.

За окном совсем стемнело. Кто-то из слуг вошел зажечь светильники, а за ним последовал обмороженный гонец из Элисаара.

— Я очень сожалею по поводу твоей руки, — сказал Ральданаш.

Гонец был смущен и сбит с толку. Ему говорили, что король никогда не проявляет простых человеческих чувств.

— Это моя собственная вина, Повелитель Гроз. Я был неосторожен. Благодарение богине, это не правая рука.

— У тебя есть еще какое-то дело ко мне?

Гонец помялся в нерешительности и приступил к своему рассказу, словно нырнув в ледяную воду. Он по-прежнему сомневался. Все это казалось ему таким неуместным...

Он отирался в Оммосе, разведывая перемещения тамошних войск и собирая реакцию на слухи об ужасном Вольном Закорисе, которые сам же помогал распространять. Когда мороз начал обгладывать его пальцы, лазутчик нашел убежище в Хетта-Паре, где Хранитель-эманакир руководил постройкой нового города и сносом старой столицы, догнивающей под снегом.

Из Зарависса уже доползли кое-какие слухи относительно таинственной Равнинной то ли жрицы, то ли колдуньи — это зависело от личности рассказчика и места, откуда он происходил. К примеру, существовала крестьянская история о духе или даже богине,

которая двигалась на север. Одни говорили, что она ехала на золотой колеснице, влекомой белыми волками, другие упоминали повозку, увешанную светящимся янтарем. Одному-двум рассказам не стоило придавать значения — в тяжелые времена безумные россказни о сверхъестественном цветут пышным цветом. Боги и умершие герои разгуливают по дорогам, тут и там рождаются телята с двумя головами, хлеб кровоточит, а вода превращается в вино или мочу. Но истории о беловолосой жрице имели слишком много схожего. В конце концов стал складываться образ некой святой женщины, с высокой вероятностью направляющейся в Дорфар.

А потом, прогуливаясь как-то вечером по омерзительной нижней части старого города, дорфарианский разведчик увидел меж горами щебня и остовами горелых домов какое-то движение и отсветы факелов. Мигом сообразив, что на этом конце Хетта-Пары находится небезызвестная позорная яма, гонец спустился вниз и смешался с толпой.

Он решил последовать за народом к яме и выяснить, что к чему. Вначале ему показалось, что местные жители посмели возродить культ Зарока — двоюродного брата закорианского огненного бога. Статуя, которой полагалось валяться как попало, теперь снова стояла вертикально, мало того, ее чрево-печь было раскалено докрасна. И лишь когда толпа ненароком подтолкнула его поближе, гонец сумел рассмотреть, что божество в яме было вовсе не тем Зароком, чьи изображения ему доводилось видеть раньше.

— Я не могу объяснить этого, мой повелитель, но он больше не казался мне уродливым. Черты лица как-то изменились... и зубы тоже. Он стал непохож сам на себя, — при этом воспоминании гонец потряс головой. — Но это еще не все, мой повелитель. Там, прямо за статуей, сохранилась часть разбитой стены футов в шестьдесят высотой. И во всю эту стену была какая-то отметина, словно выжженная, неотчетливая. Но затем стену осветили факелами, и я увидел, что ожог имеет форму гигантской анкиры: хвост, торс и руки вверх от локтей... их было восемь.

Гонец, который также был шпионом, против обыкновения, не смог ничего разузнать в толпе. Он просто постоял в яме вместе со всеми, а потом вместе со всеми покинул ее.

К тому времени, как он достиг северной границы и встретился со своими товарищами, его коллекция слухов значительно пополнилась. Оказывается, жрица-колдунья устраивала чудеса. Некоторые из них включали явления огромной Повелительницы Змей — восьмидесятидевяноста футов в высоту. Кое-кто объявлял эту женщину дочерью Повелителя Гроз Ральднора. Дорфарианцы пока не видали ее. Однако сам гонец считает, что она со своими спутниками — ибо она путешествует со свитой, и хорошо, если в ней нет огромных волков, змей и ручных тирров — могла уже прибыть и сюда, в Дорфар.

Отпустив гонца, закончившего свой рассказ, Ральданаш тоже покинул комнату. Он пересек весь дворец, его залы и дворы, и вышел на заснеженный склон дворцового сада. Повелитель Гроз

направлялся в свой личный храм, который десять лет назад выстроили по его повелению.

Роща была вся засыпана снегом, храм темным пятном выделялся на его фонс. Войдя внутрь, Ральданаш невольно припомнил, как привел сюда Рармона, чтобы подтвердить его происхождение. Сдавило виски. Теперь Рармон, как и сам Ральданаш, покоится в самой верхней длани Анакир.

Как всегда, горел одинокий светильник. Ральданаш простерся на каменном полу и приготовился перейти в состояние, близкое к трансу, которое сопутствовало медитации. Его учили этому ваткрианские жрецы, а позже и сами эманакир.

Долгое время он, как и многие эманакир, настраивался на нависшую угрозу. До нынешнего часа она была довольно обобщенной, но теперь...

Какое-то время, освободив свой разум, он старательно всматривался внутренним зрением сквозь туман. И наконец разглядел слабое сияние — тускло-золотое, как глаза некого необъяснимого создания из иного измерения.

Там, где река, тяжелая и замерзшая подо льдом, изгибалась и разделялась на рукава, стояла древняя сторожевая башня, отмечающая северо-западное начало границы меж Дорфаром и Оммосом. Теперь от нее остался лишь каменный остов. Недалеко от этого места почти тридцать лет назад в страну проник предатель Рас, целью которого было расстроить Равнинное наступление. Из одной ненависти к Ральднору он подарил — даже не продал — свой народ лорду-советнику Амрека по имени Катаос, который сейчас носит чуть-чуть иное имя на службе у Йила эм Закориса.

В башне и рядом с ней была устроена небольшая стоянка. Три-четыре фургона прятались с подветренной стороны грубых каменных стен. Люди и зебы укрылись внутри башни, откуда в дымное небо поднимался жидкий дымок костра.

На первый взгляд, здесь не было никакой магии или колдовства, ни малейшего намека на чудо. Никаких волков, танцующих на снегу. Ничем не примечательный и не слишком-то удобный лагерь.

Хойт Вардийский, его слуга и мужчина-степняк из Мойи, который присоединился к ним недалеко от Зарависса, возвращались с охоты. Им не повезло — они снова остались без добычи. Овцы давно были съедены, за исключением двух, способных давать молоко. Убийства происходили очень своеобразно — девушка касалась лбов животных, и они беспробудно засыпали, не просыпаясь даже тогда, когда нож пронзал их плоть. Сама Ашни не ела мяса. Питалась она каким-то таинственным образом — может быть, травой и кореньями, а сейчас, похоже, одним снегом. За время путешествия она похудела так, что светилась, но на ее здоровье это никак не сказалось.

Бредя по заснеженным дорфарианским склонам, они рассказывали друг другу о своей родине. Степняк — о Мойе, расположенной на берегу Внутреннего моря, Хойт — о прекрасном заокеанс-

ком Вардате с его голубыми стенами. Они помнили время, когда были обыкновенными людьми, пока Ашни не изменила их. Но с ней в их жизнь вошло великое спокойствие. Они беседовали на разных языках, каждый на своем родном, но это им не мешало — слова рождались прямо у них в сознании.

Любые странности давно сделались для них привычными.

Приближаясь к своему лагерю, они увидели поднимающийся дымок и еще кое-что. Вернее, кое-кого, призраком скользнувшего мимо них по снегу. Они не стали ни останавливаться, ни пытаться его удержать.

«Тот, кого она призвала», — подумал вслух уроженец Мойи.

«Или тот, кто ее ищет», — ответил Хойт.

Туманный закат просвечивал сквозь пришельца, его волосы казались покрытыми изморозью. Именно по ним охотники и узнали его.

«Дух Ральднора?»

«Его сын».

Охотники направились к лагерю на почтительном расстоянии от гостя. Он был королем, но не это главное. Они хотели увидеть ту трепетную струну, что в течение жизни привязывает душу к телу, и, похоже, им это удалось.

Оказавшись в нематериальном состоянии, Ральданаш не удивился, только отметил, что никогда раньше его дух не улетал так далеко от тела, да еще сохраняя внешний облик. Силы, потребные для этого, явно превышали его собственные. Должно быть, он подпитался от девушки ее магнетизмом, подобным тому, что исходит от янтаря.

Он ясно ощущал не только присутствие мужчин за своей спиной, но и их готовность принять его. Правда, они казались ему призраками — так же, как, наверное, и он сам для них. Весь мир вокруг сделался призрачным. Твердым и надежным был лишь золотой огонь впереди, идущий от девушки.

Ральданаш еще раньше, без всякой подсказки, уяснил о ней все, что смог. Душа дочери Ральднора в оболочке тленной человеческой плоти, но старше этой плоти и переделывающая ее, чтобы приблизить к своему истинному возрасту. Теперь она выглядела как юная женщина лет восемнадцати, а ее сознание было еще старше. Старше даже самого себя, ибо каким-то непостижимым образом она сохранила те знания, которые душа забывает на путях своих бесконечных странствий. То, что помимо всего прочего, она еще и его сестра, он даже не вспоминал. Из всех причин, которые толкали его к ней, эта была наименьшей.

Дух Ральданаша вошел в скорлупу, оставшуюся от башни. Краем глаза он замечал пламя, мужчин, женщин и животных. Некоторые — родом с Равнин, — в свою очередь, видели его, но никак не реагировали. Похоже, она так и хотела — чтобы они воспринимали его без всякого показного шума. Поэтому Ральданаш спокойно прошел сквозь них и стал подниматься по винтовой лестнице.

На самом верху сохранилась небольшая часть зала — открытое со всех сторон пространство. На фоне темнеющего неба ее свет горел ровно и ярко.

Ашни. Она поднялась ему навстречу и странным мягким жестом взяла его руки в свои. Кроме ее прикосновения, во всем мире не было более ничего реального — только холодное серебро, текучая вода и ветер.

Ее красота сильно отличалась от его собственной, равно как и от красоты Ральднора, Сульвиан или Астарис. Эта была красота, какая бывает в фантазиях, не сводимая к жемчужно-белой коже и волосам цвета топаза. Ее глаза казались не глазами, а окнами, за которыми горит лампа. И еще — Сила. Сходную силу он ощущал в Рармоне, но у того она была рассеянной, у нее же — сосредоточенной, даже избыточной. Для пробуждения такой силы нужно было что-то иное, не воля. Если Рармон был мечом, то Ашни — клинком огня. А сам Ральданаш... теперь он понял, что его сила совсем другая. Она была зеркалом, бронзовым или стеклянным, улавливающим и умножающим солнечный свет и тепло. Ральданаш увидел это зеркало — увидел, как оно ослепительно вспыхнуло, а затем покоробилось, треснуло, раскололось. Такова судьба зеркала. Он должен умереть.

Ее прикосновение дарило ему расслабленный покой, но без всякой жалости. Она сообщила ему только то, что он и сам давно знал, — еще там, на равнинах Ваткри и в холмах Дорфара. Пословица гласит: «Иные люди, как свечи — светя другим, сгорают сами».

Почему-то ему вспомнился дядя Джарред, сгинувший в пылающем море.

Ашни держала его, и ужас отступал. Она начала говорить с ним, но не словами и даже не образами. Непонятно как, но знание, идущее от нее, сразу наполняло его зрение, слух и сердце. Она воскрешала для него прошлое: он видел Ральднора и Ашне'е, былую славу Корамвиса и многое другое из прежних эпох, что изумляло, восхищало, а затем забылось.

К концу этого разговора смерть уже стала для Ральданаша чем-то незначительным. Он поднял глаза — внутренние глаза своей души — и не удивился, узрев Ашни в ее истинном облике, золотом, как лето. Она была выше небес, чьи звезды вплелись в Ее волосы; Ее глаза казались двумя солнцами; чешуйчатый хвост уложен такими тесными кольцами, что походил на башню. Ашнезеа, Ашкар, Анакир.

И тогда Ральданаш нашел слова, чтобы говорить с богиней. Точнее, всего одно слово: «Почему?»

Ответ расцвел в глубине его души:

«Я — только символ и имя. В Оммосе меня зовут Зароком. В Закорисе — Зардуком и Рорном. За пределами мира у меня другие имена. Я — то, что видят во сне, о чем мечтают. Я — символ пробуждения после смерти».

«Но что есть это пробуждение?» — спросил он, хотя ему уже был показан ответ.

 «Ты сам», — ответила богиня.

* * *

В это время в Зоре Сафка видела во сне колонну света, который сиял, не обжигая. Но Лар-Ральднору в Равнинном городе снились два чудовища, черное и алое, и еще Рэм, охваченный пламенем, с кричащим черепом вместо лица.

21

В шести милях к юго-востоку от Йилмешда местность повышалась и становились совсем непроходимой из-за душных, полных испарений джунглей с хриплыми птичьими голосами и цветами, поедающими ящериц. Даже зимой сюда не приходили холода. И здесь же начиналась Южная дорога короля Йила, который спал и видел, как в один прекрасный день его люди и колесницы ринутся по ней на Дорфар и Вардийский Закорис.

Однако эта сказка не очень-то стремилась стать былью. Люди делали свое дело, а джунгли — переделывали по-своему. Похоже, сражениям суждено было произойти на других, более доступных направлениях. Пока что дорога служила для устрашения дорфарианцев и вардийцев, а также каторгой для тех, кого не устраивали порядки Вольного Закориса.

Где-то в топких болотах на первых двадцати милях дороги команды рабов занимались расчисткой подлеска.

Пару лет назад дорогу здесь выложили каменными плитами, однако они уже успели прорасти побегами ползучих растений. Обнаженные рабыни в одних кожаных набедренных повязках пололи и рубили их от зари до зари. Жара выжимала воду и соль из их тел, спины багровели рубцами от бичей надсмотрщиков. Когда какая-нибудь из них падала без сил, ее поднимали пинками. Если же это не помогало, несчастную просто сталкивали в ров на обочине. Охране запрещалось развлекаться с рабынями, ибо те все равно умрут, не сегодня, так завтра, а расточать семя впустую противозаконно. Надсмотрщики даже не трудились перерезать горло умирающим — время и без них сделает свое дело.

Дальше в глубину леса, где были выкорчеваны гигантские папоротники и лианы, как муравьи, трудились мужчины-рабы, укладывая новые каменные плиты.

А еще дальше прямо посреди дороги росло дерево. Его обвязали веревками, которые продели в железную упряжь двух огромных палюторвусов — гигантских зверей, обитающих в болотах Закориса и на границе Таддры. Один из них был цвета ржавчины, второй — чернее ночи. Твари тупо тянули, их шерсть струилась, как вода, тела вздрагивали от хлестких ударов, словно от укусов насекомых. Дерево скрипело, сопротивляясь, но в конце концов поддалось, цепкие корни полезли прочь из земли. Немного в стороне, прямо в душной тени у дороги, тоже было на что посмотреть. Бродячий святой, явно помешанный, предсказал, что скоро будет дождь, и сейчас бился в судорогах, призывая его. Стража не смеялась над ним. Если у нее возникало желание позабавиться, то для этого имелся другой безумец.

У обочины стояла телега с колесами, застопоренными с помощью камней. Солнечный свет с беспощадной яростью выставлял напоказ того, кто на ней находился.

Часа два перед этим он завывал, но сейчас вроде бы заснул. Его голова склонилась на грудь, черные волосы и борода скрыли лицо. Медная кожа со следами кнута лоснилась от пота и грязи. Телега тоже была грязна, хоть и украшена увядшими гирляндами, и хранила множество отметин от камней, которые толпа в Йилмешде швыряла в нее и в сидящего на ней человека. Безумец был опутан неестественно тяжелыми цепями, которые крепились к циббовому столбу, вбитому в телегу. К нему же, прямо над головой человека, был прибит кусок дерева с выжженной надписью. Не все могли прочесть, что на нем написано, но догадаться было нетрудно. «Я — принц Рармон эм Дорфар, сын Ральднора, сына Редона. Воззрите на мой триумф!»

Они взирали на это уже почти месяц. И слушали тоже. Правда, речь у безумца была невнятная, зато легкие великолепные. Еще больше развлекало их, когда он начинал греметь цепями, не в силах освободиться. Его ярость и гнилостный запах от его ран доставляли Вольным закорианцам исключительное удовольствие. Вот что они сделают со всем Дорфаром, а также с проклятыми желтыми народами, которые посрамили их.

Пленнику регулярно давали пить и время от времени кормили его. Йил желал, чтобы Рурм эм Ральнар прожил долго.

Когда по ночам он выл на луну, его пытались унять с помощью кнута, но это не помогало. Единственный человек, который решился подойти к нему, чтобы почесать об него кулаки, кончил очень плохо — безумец бросился ему на горло и прокусил вену. Через минуту стражник испустил дух, захлебнувшись кровью. Теперь, когда Рармон начинал вопить, его осыпали проклятиями, но не решались ни на что иное.

В пятидесяти шагах от него огромное дерево наконец-то вырвалось из земли, обдав всех фонтаном камней и грязи. Палюторвусы замерли, и пленник на телеге вскинул голову. Глаза у него были желтые, как у его бабки, степной колдуньи Ашне'е.

Сначала Вольные закорианцы хотели его ослепить, но Йил, точнее, Катус, не разрешил его калечить, заявив, что намерен показывать его во время войны, а потому он должен остаться узнаваем для врагов.

Подлесок вдоль дороги полагалось выжигать. Далеко на юге, в перенаселенных долинах меж гор, освоенных еще Старым Закорисом, огонь был главным средством остановить наступление леса. Передовой отряд расчистки продвинулся так далеко, как только можно, в основном ради того, чтобы заставить шпионов Повелителя Гроз бить тревогу. Однако на всем протяжении дороги оттуда до здешнего участка буйство джунглей сдерживалось с неимоверным трудом.

Зима в Таддре была порой дождей, а потому выжигание производилось именно в это время года. Глубь леса под пологом листвы всегда оставалась влажной и полной испарений, но здесь, на открытом пространстве, солнце высушивало деревья, и они вспыхивали как щепки от любого случайного огонька.

За последнее время безумец в телеге, если он вообще замечал что-либо вокруг, уже дважды наблюдал этот процесс. Сначала воздух наполнялся искрами и пламенем, затем следовал раскат грома, стена ливня и клубы густого удушливого дыма, знаменующие окончание пожара. Тринадцать дней назад команда рабов, работавшая в гуще джунглей, оказалась отрезана и сгорела заживо — в тот раз гроза пришла слишком поздно, чтобы помочь им. Но если вопли несчастных и пробудили какие-то иронические воспоминания во взбаламученном мозгу безумца, то он не подал виду — просто молча стоял и позвякивал своими цепями.

От палюторвусов такого смирения ждать не приходилось — эти болотные твари ненавидели огонь. Поэтому всякий раз, как небо между деревьями начинало темнеть и хмуриться, кто-нибудь забирался повыше и накидывал мешки на головы зверей. Их волосатые тела натирали сильно пахнущей мазью, чтобы перебить запах гари, а кроме того, отвлекали их от происходящего разными лакомствами. Для полуголодных рабов это зрелище было невыносимо. Здесь работали элисаарцы, искайцы и таддрийцы. Раньше здесь имелась и команда полукровок, но они быстро вымерли. Люди с примесью светлой крови недолго выдерживали на такой работе под беспощадным западным солнцем.

Блаженный, который предсказывал дождь, вдруг поднялся, жадно принюхиваясь, и вскинул руку, показывая три пальца:

— Вот столько времени, не больше.

Небо потемнело и набухло, нависая над самыми верхушками деревьев. Закорианцы приняли решение и разошлись вдоль цепи рабов. По их команде и мужчины, и женщины кинулись вперед, поджигая лес факелами. Внезапно будто невидимая волна прошла по джунглям, и пламя стремительным драконьим броском взметнулось вверх на тридцать футов. Посыпались головешки. Рабы с воплями отскочили назад и столпились посреди дороги. Стаи птиц с пронзительными криками взмыли в небо.

В тот же миг, словно по точному расчету, белый росчерк молнии прорезал облака.

Ударил гром. Палюторвусы в волнении трясли закутанными головами — они были немыми и не могли выразить беспокойство криком. Невзирая на все предосторожности, они учуяли запах пожара.

По обеим сторонам дороги выросли сплошные стены огня. Рабы, сбившись в плотную кучу, вразнобой молились и причитали. Бродячий святой топтался на месте, воздевая к небесам свои тощие лапки. Даже надсмотрщики в ужасе начали взывать к богам. Но дождь все не начинался.

Снова раздался раскат грома, на этот раз прямо над головами. Две ослепительные молнии, похоже, столкнулись в небе и обрушили свою объединенную мощь на какое-то дерево, в глубине джунглей, но достаточно сухое, чтобы в небо взметнулся еще один столб огня. Пылающий ствол рухнул поперек дороги. Это вызвало новый взрыв отчаяния в толпе рабов. Надсмотрщики орали, требуя

откупорить бочки с водой, чтобы хоть как-то сдержать огонь. Но пламя пожирало эту воду, выплевывая облака пара.

Огонь был повсюду. Даже небо изливалось огнем, а не дождем.

Спасаясь из этого ада, один из Вольных закорианцев запнулся о телегу безумца. Бросив взгляд наверх, он встретился с темно-золотыми глазами, в которых отражались молнии, и в ужасе отпрянул. Он вспомнил, к какому роду принадлежит этот человек, о чем говорила и надпись над его головой — Повелителя Гроз.

И тут, будто мало было горящего леса и изрыгающего огонь неба, вырвался на свободу еще один кошмар Южной дороги, черный, как ночь.

Должно быть, второпях палюторвусов не слишком надежно привязали, и теперь тот зверь, что был помоложе, порвал упряжь. Ничего не видя из-за накинутого мешка, слыша лишь громовые раскаты у себя над головой и чуя лишь ужасающий запах гари, палюторвус взбесился и в панике заметался по дороге. Люди бросились врассыпную. Один из них, недостаточно проворный, был раздавлен, смят, как гнилой плод, когда гигантские ноги протопали по нему.

Опаленный, незрячий, ничего не соображающий от ужаса, палюторвус сметал все на своем пути. Молнии по-прежнему били в лес, и под их вспышками зверь казался огромным, как гора. В отчаянии рабы прыгали в сторону, прямо в огонь, но сейчас он казался им едва ли не предпочтительнее. Единственной неподвижной преградой на пути палюторвуса была закрепленная телега с закованным пленником.

Зверь не мог видеть и потому налетел на нее со всего маху. От удара борта телеги разлетелись, колеса покатились по камням. Закрепленный циббовый шест вырвался из настила, попав между ног несущемуся великану. Казалось, Рурм эм Ральнар будет растоптан, как прежде закорианец. Но случилось иначе. Его цепи, соскользнув с упавшего шеста, зацепились за свалявшийся подшерсток палюторвуса и за остатки упряжи, болтавшиеся у того под животом.

Не имея возможности освободиться от этой бессмысленной ноши, повисшей у него под брюхом, словно детеныш-сосунок, палюторвус резко развернулся и кинулся в сторону, слетев с дороги, но перед тем окончательно доломав телегу. Обезумевший и совершенно утративший чувство направления, зверь бросился прямо на стену огня и исчез за ней. В горящих джунглях, сам с горящей шерстью, палюторвус продолжал неловко бежать, волоча за собой шест с прикованным человеком, пока не скрылся из глаз.

Наконец пошел дождь, обрушившись с неба тяжелым серым занавесом. Безумец лежал под ним, впитывая влагу всем своим телом.

Животное, за которое он зацепился, протащило его многие мили, словно огромная безмолвная машина. Тело, поросшее густой шерстью, стало отличным укрытием и от леса, и от огня. Джунгли расступались перед зверем, и даже огонь в конце концов сдался — в чаще, переполненной влажным туманом, быстро умирали отдельные немногочислен-

ные пожарища. Где-то по пути палюторвусу удалось сбросить свою ношу, а может быть, ее содрали с него цепкие когти джунглей.

Большую часть пути человек провел в оцепенении — все эти удары, дым и бешеная скорость окончательно помутили его нетвердый разум. Только сейчас, лежа под ливнем, он осознал, что все еще жив. Тогда он инстинктивно перевернулся на бок — лежа на спине под неистовым ливнем северо-запада, нетрудно захлебнуться. Потом он догадался открыть рот, чтобы напоить дождевой влагой свою плоть и кости.

Безумец по-прежнему оставался безумцем. Для него не существовало ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Его сознание состояло из кусочков, как мозаика. Здесь выплывал из памяти лик девушки с волосами цвета рубинов, там — что-то, похожее на черную стену, а за нею море. Или же торговец, умоляющий о пощаде с клинком у горла. Или вращающаяся серебряная монета. Все эти образы кружились в его мозгу, не надоедая и не утомляя, лишенные начала и конца, имени и цели, ничего от него не требующие.

Но сейчас, хотя человек еще не восстановил способность рассуждать, наметились какие-то странные изменения. Что же это было?

Безумец поднялся на ноги и огляделся. Вокруг него стоял сумрачный лес, омытый дождем, словно океаном.

Когда дождь утих, он пошел по этому лесу, не особо разбирая, куда идет. Иногда он трогал заинтересовавшие его деревья, иногда с таким же любопытством ощупывал свое лицо. На его руках сохранились обрывки цепей — при ходьбе они позвякивали, но никак не стесняли движений. Безумец не пытался осмыслить происходящее. Как вывороченный шест разорвал и размотал его цепи, так же бездумно и сам человек завершил это дело, вываливаясь из-под брюха огромной твари. Связующие звенья уже подались, и все, что ему оставалось — выпутаться из них, как он выпутывался из лиан, свисающих с деревьев.

В числе прочего человек позабыл и про закорианцев.

Рдеющее послегрозовое солнце клонилось к закату за левым плечом человека, но он не замечал этого. Черные обезьяны с мордочками, похожими на белых бабочек, наблюдали за ним с высоты в шестьдесят футов из своего укрытия в ветвях. Безумцу же виделась то маска, наполовину черная, наполовину белая, то человек с черными роскошными волосами, то черная жемчужина.

Затем рядом появилась какая-то особенная тень, очень длинная и плотная. Безумец не распознал ее как следует, но почувствовал что-то знакомое.

Это был палюторвус. Он как-то освободился от мешка на голове и теперь брел меж деревьев, пощипывая сочные листья. Слишком долго пробывший в неволе у людей, он чувствовал себя потерянным и печально вздыхал.

Увидев перед собой знакомое небольшое создание, зверь направился к нему, ожидая привычного руководства — плети или лакомства. Он был приучен возить на себе людей, и даже сейчас, страдая от многочисленных ожогов, привычно опустился на колени. Чело-

век не спешил залезать на него, просто стоял рядом и трогал зверя, но потом все же вскарабкался на широкую спину, цепляясь за лианы, чтобы помочь себе.

Палюторвус поднялся, успокоенный и удовлетворенный.

Какое-то непроизвольное движение человека было принято за приказ, и животное тронулось с места.

Сидя на спине первобытной твари, безумец задремал, и сны его состояли из такой же мозаики. А джунгли вокруг были полны луной.

Дни и ночи сменяли друг друга.

Палюторвус все шел и шел вперед, иногда останавливаясь, чтобы пожевать листьев. Безумец тоже ел листья и траву. Одни были ароматными и вкусными, другие — вонючими или горькими, и такие он выплевывал.

Он видел змею, словно покрытую голубой эмалью, обвившуюся вокруг темно-синего дерева. Он видел солнце и думал, что это ребенок, у которого есть крылья. Ночами он глядел на луну, и она казалась ему лицом юноши с закрытыми глазами.

Когда им попадались водоемы, безумец пил, а палюторвус входил в воду по шею и купал их обоих. Человек ощущал, что зверь грустит, и жалел его, но не знал, что это называется жалостью.

Дни и ночи.

Казалось, что он уже сотни лет живет в этих лесах.

Безумцу снилось, что он на реке. Какой-то человек наносит ему ножом неглубокую рану, которая скоро заживает, но человек снова режет его.

Затем на шестой день — во сне — он услышал оклик. Он не знал пароля, просто стоял и смотрел на троих людей, воспринимая их не только глазами. Те потрясенно выругались, увидев, какого цвета его волосы — во сне они были почти белыми, — и сказали, что возьмут его туда, куда он захочет.

Проснувшись, безумец рассмеялся. А палюторвус все жевал свои листья.

Они прошли пятьсот миль, хотя ни один их них даже не подозревал об этом. И продолжали идти дальше.

Когда-то Рарнаммон, король и герой, построил в Таддре город, ныне лежащий в руинах.

Джунгли коварно подкрались к долине, где стоял город, и вползли на его улицы. Некогда он был белым и сияющим, но джунгли сделали его темным. Даже название его затерялось в веках. Если верить полузабытым древним сказаниям, Рарнаммон, чье имя изначально было просто Рарн, назвал его в честь места, где родился. В разных версиях это звучало то как Мон, то как Эммон. А может быть, Мемон...

Теперь, спустя века, город стал прибежищем изгоев и грабителей.

* * *

Туаб-Эй, растянувшийся по-кошачьи на высокой крыше и попивающий вино, загородился от солнца, желая убедиться, что это не видение.

Вниз по склону, по широкому проходу через тридцать сломанных стен, и в самом деле медленно двигался кусок джунглей. Он приблизился, и оказалось, что это не фантастическое движущееся растение, а не менее фантастическое животное.

— Взгляни, Галуд! Что это такое?

Галуд, в отличие от Туаба, на редкость некрасивый мужчина, недовольно выглянул из-под самодельного навеса. В нем текла тарабинская кровь, поэтому он избегал солнца, но помимо этого, неведомый отец-моряк наградил его прекрасным дальним зрением.

— Клянусь моими полоумными богами, это палюторвус!

— Я думал, что эти звери уже вымерли, — небрежно произнес Туаб-Эй.

— Дальше к югу болота прямо кишат такими тварями. Вольные закорианцы используют их как тягловую скотину. — Галуд и его товарищ сплюнули, как всегда делали таддрийские головорезы при упоминании о Закорисе-в-Таддре.

— Он выглядит большим, — равнодушно отметил Туаб-Эй. — И вроде бы идет сюда. Может, сбежим?

Его люди рассмеялись шутке своего юного предводителя. Он был младше, чем большинство из них, но при этом яростен, как калинкс, и не менее очарователен. Высокий и стройный, он имел в своей крови изрядную дорфарианскую примесь. В прорехах его разбойничьих обносков проглядывало сильное тело с плотными мышцами. Гладкую кожу цвета корицы почти не портили несколько тонких, едва заметных шрамов. На ярком полуденном солнце его волосы едва уловимо отливали медью — должно быть, среди его предков имелся и кто-то с Равнин, хотя глаза молодого человека были черны, как деревья за разрушенным городом Рарнаммона. В его ухе болталась новая серьга, выточенная из зуба таддрийского уродца ростом вдвое меньше самого Туаба. Он убил этого получеловека в драке в одном из северных городов. Правда, после этого шайка предусмотрительно отступила, поскольку уродец был в дружбе с местным мелким царьком.

— У этого чудовища на спине кто-то сидит, — произнес Галуд.

— Похоже на то, — согласился Туаб-Эй.

Палюторвус легкой рысцой пробежал под разрушенной аркой и снес большую часть стены на другом конце. Проковыляв в сад, некогда бывший местом услады принцев, он принялся объедать дикий виноград. Человек, возлежащий на его спине, выглядел безразличным ко всему. Он даже не глядел на дорогу. И он был нездешним. Все изгои, окопавшиеся в безымянном Мемоне, держались за определенный участок. Не далее как два дня назад людям Туаба пришлось схватиться с соперничающей шайкой, заявившей свои права на их полуразрушенный дворец. Теперь трупы наглецов валялись в ближайшем пересохшем колодце — как раз в том саду, где сейчас пасся палюторвус.

Туаб-Эй направился к лестнице. Галуд и другой заместитель по прозвищу Одноухий последовали за ним, предупредительно отстав на полшага.

— Твое животное объедает мои угодья, — заявил Туаб-Эй, глядя наверх, где, как на высоком холме, сидел пришелец. — Я полагаю, ты собираешься заплатить мне за это.

— Ты что, не видишь, Туаб? — тихо спросил Галуд. — Он безумен.

Туаб-Эй уже и сам начал это понимать. Таддрийцы очень суеверны в отношении безумия. Наказанные богами — так они называют сумасшедших. Но дорфарианская изощренность мышления, свойственная его отцу, проросла в Туабе насмешкой над всем и вся. Поэтому, предоставив Галуду и Одноухому дергаться по поводу суеверных примет, Туаб-Эй презрительно крикнул незнакомцу:

— Ты собираешься спускаться? Или мне сбить тебя камнем?

Безумец обернулся и с высоты своего положения посмотрел на Туаба.

Лицо его заросло бородой, черные вьющиеся волосы спускались ниже плеч. Темный загар не мог никого обмануть — пришелец явно не относился к народу короля Йила. У Вольных закорианцев не бывает золотых глаз. Даже в этих диких местах к желтым расам относились с опасливым уважением, ведь их богиня может вырасти до верхушек гор, чтобы устрашить своих врагов. Если повезет — если очень сильно повезет, — Она может разбить Черного Леопарда этих проклятых закорианцев.

— Давай, — произнес Туаб-Эй. — Я жду.

Однако тон его стал несколько мягче. Золотые Равнинные глаза безумца привели его в замешательство, а подобное случалось нечасто.

Незнакомец переменил позу. Истолковав это как желание сойти на землю, палюторвус опустился на колени, чем еще сильнее впечатлил разбойников. В свою очередь, безумец принял это за разрешение сойти вниз. Он так и сделал.

Их потрясла гибкая сила его движений — в них проступала грация хорошо обученного воина, которую они не могли не распознать. Встав рядом с ними, безумец оказался выше Туаба, а значит, и всех остальных. Даже сейчас, покрытый слоем грязи и ошметками леса, он был внушительным, хорошо сложенным и прекрасно владеющим своим телом. Одноухий узнал его набедренную повязку, ибо сам по неосторожности провел месяц в команде рабов у Вольных закорианцев. Он шепотом сообщил об этом предводителю — но тот словно не услышал.

— Дай мне того вина, — наконец потребовал он, пристально глядя на безумца.

Одноухий отцепил от пояса флягу. Туаб-Эй, по-прежнему не отводя взгляда, откупорил сосуд и протянул его безумцу. Тот, помедлив немного, принял ее, немного отпил и вернул владельцу.

Со времени появления он не произнес ни слова, но что-то неуловимо изменилось в его облике — он уже не казался безумным. Скорее, просто необычным.

— Что ж, идем, — бросил Туаб-Эй. Его отец, в прошлом аристократ, был вынужден бежать из Дорфара после одной не очень красивой истории, и время от времени в поведении Туаба проглядывала его порода. — Будь нашим гостем. Пошли в дом. И не беспокойся, твое, э-э... средство передвижения будет в сохранности. Не думаю, что кто-то из соседей покусится на него. Говорят, мясо у него ужасное.

Он повернулся и пошел прочь, сопровождаемый своими заместителями. Безумец последовал за ними.

* * *

Закат выкрасил огненно-розовым стены просторного зала во дворце, который присвоил Туаб-Эй, но, видимо, сумеркам этот цвет не понравился — они перекрасили их в голубовато-серый. Древним очагом давно уже нельзя было пользоваться, поэтому огонь разводили прямо на мозаичном полу, а дым вытягивало через многочисленные проломы в крыше. Очень удобно. Правда, во время дождя костер то и дело заливало.

Здешние зимние ночи были довольно прохладными, поэтому змеи и ящерицы заползали сюда греться у огня. Туаб не разрешал своим людям убивать этих тварей, ибо они развлекали его. Как-то к ним заглянуло целое племя обезьян, но Туаб-Эй, подражая их вожаку, желающему подраться, начал рычать и подпрыгивать на месте, и непрошеные гости в страхе удалились.

Сейчас Туаб-Эй сидел, скрестив ноги, и наблюдал за безумцем, который устроился немного поодаль и от разбойников, и от огня. Ему предложили еду — плоды и мясо от вчерашней охоты, но он поел совсем немного и не притронулся к мясу. Затем его проводили к надтреснутому баку во дворе, полному свежей дождевой воды. Здесь разбойники плескались время от времени, когда у них было такое желание, Туаб же, как сын аристократа, принимал ванну каждый день. Безумец влез в бак и охотно вымылся. Ему принесли одежду одного из тех, что были убиты два дня назад — высокого и крепкого мужчины. Безумец принял ее, не заметив ножевого разреза на груди или не придав ему значения.

Сейчас, одетый по-разбойничьи и греясь у разбойничьего костра, он, казалось, чувствовал себя как дома — сидел, глядя в пустоту и прозревая в ней какие-то невидимые знаки.

Туаб-Эй подошел и уселся рядом с гостем.

— Если ты хочешь сбрить бороду, то у меня есть мазь и бритва, — сказал он. Безумец не ответил. Предводитель разбойников продолжал наблюдать за ним.

— Наш Туаб влюбился в Стукнутого богами, — усмехнулся один из его подручных.

— Каждому свое, — тут же отозвался молодой человек. — Этот фриз с голыми девками, под которым ты валяешься, играя сам с собой в тихие игры, — он в пятом дворике или в седьмом?

Разбойники рассмеялись, и пошел обычный мужской разговор о том, какие у кого были женщины или мальчики.

Когда безумец поднялся и вышел из зала, все посмотрели ему вслед, но и только. Лишь Туаб, сверкнув усмешкой, тонкой, как отточенное лезвие, последовал за ним.

Подобно калинксу, он бесшумно шел за гостем по бесчисленным залам дворца, по разбитым лестницам, вдоль внешних террас. Когда тот останавливался, Туаб-Эй тоже замирал. Потом они двигались дальше.

«Рарнаммон», — шептали камни безымянного Мемона.

«Рэм, Рарн, Рармон, Рарнаммон», — взывал город всеми своими высотами и глубинами, из каждого оконного проема или балкона.

«Рарнаммон», — вздыхал ветер в кронах деревьев и слуховых оконцах башен.

В каждом из залов для него оживали стенные росписи. Вставали картины давних оргий: чаши с вином — достаточно большие, чтобы в них искупаться; женщины в прозрачных платьях, а на мужчинах, поверх гладких темных шелков или просто на голое тело — кожаные куртки без рукавов, но с множеством ремешков и пряжек, изысканные намеки на доспех. Он слышал жалобные звуки неведомых музыкальных инструментов и сладострастные стоны сотен пар, занимавшихся любовью в подушках, — звук, не меняющийся от века. Он наблюдал, как приносят жертвы богу с драконьей головой, держащему молнии в руках. Перед ним по главной улице города, словно призраки в броне, шли войска: гремела военная музыка, и свет призрачного солнца играл на копьях и колесницах. Рарнаммон завоевал весь материк, именуемый Вис, и сделал всех его жителей своими подданными. Он первый носил титул Повелителя Гроз. Но его глаза были глазами людей Равнин.

Безумец был Рарнаммоном. Висом с золотыми глазами.

Ему воздавались почести: бесчисленные толпы людей — коленопреклоненных или павших ниц, груды драгоценных камней, плиты золота и серебра, оружие, рабы... В прохладе ночи он чувствовал на своей коже жар полуденного солнца, грубые прикосновения простой одежды казались нежнейшей лаской шелка.

«Повелитель Гроз», — неслось отовсюду.

Но он прошел сквозь колоннаду и заглянул в окно. Там сидела женщина и покачивала колыбель — без особого удовольствия или любви, просто от нечего делать. Ребенок глядел на мать, и его взгляд был под стать ей самой — недоверчивый и отчужденный. Это была Лики, но совсем молодая, а ребенком — ребенком был он сам. Затем он увидел ее опять, но уже в другой обстановке — она забилась в угол какого-то шатра, прижимая к себе ребенка. В этом объя-

тии была и привязанность, и ненависть. А человек, возвышающийся над ними, говорил:

— Если я скажу тебе, Лики, что сохраню твою жизнь при одном условии — я возьму твоего ребенка и разрублю его этим мечом, — ты позволила бы мне сделать это, ибо такова твоя сущность.

Говорящий был Ральднором, его отцом.

— Твоя смерть ничего не даст, — прибавил он. — Поэтому ты не умрешь.

А потом был дождливый день. Он вошел в ворота красного дома на Косой улице в Кармиссе.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы пройти через весь дом в маленькую переднюю, а оттуда — в спальню Лики. Торговца не было — то ли в отъезде, то ли просто куда-то вышел. Лики лежала на кровати и выглядела словно вылинявшей — ее смуглая кожа и даже черные волосы утратили живость и стали какими-то бесцветными. Ее пальцы теребили край покрывала, рот ввалился и запал — по крайней мере, так ему запомнилось. Несколько мгновений Лики выглядела совсем старой и дряблой — казалось, она вот-вот упадет с берега жизни, и ненасытное море предъявит свои права на нее. Но затем она увидела сына и оживилась.

— Так, — произнесла Лики. — Так, значит. Ты ожесточился, отказался от всего святого в жизни — и все-таки пришел сюда. Никогда бы не подумала, что это случится. Деньги, о да... Я полагала, что стыд и чувство вины вынудят тебя послать их, но чтобы ты тратил на меня свою драгоценную персону... Удивил, что и говорить.

Он стоял над ней и узнавал свою мать. Ничего не изменилось.

— О да, — продолжала она с лицом, искаженным гримасой злобы и возбуждения. — Какая честь! Личный прихвостень принца Кесара эм Ксаи, и вдруг в моей спальне! Может быть, ты принес мне еще несколько анкаров? А то мой врач никуда не годится. Он прописывает мне то одно, то другое, но ничего не помогает. А *он,* — Лики имела в виду своего покровителя-горговца, — ушел в таверну. Уверяет, что от моей болезни ему хуже, чем мне самой. Так всегда. Ни один мужчина никогда не относился ко мне хорошо. И ты, мой сын, тоже никогда не любил меня. Никогда.

Он подошел поближе к кровати, глядя на мать. Она умирала. Он уже видел такое выражение на других лицах — сосредоточение на чем-то внутри себя, самоуглубленность, которая, собственно, и есть смерть.

— Ты кажешься старше, — неожиданно выговорила она. Казалось, это ее испугало. — Что они с тобой сделали? Почему ты выглядишь старше? Не далее как в Застис ты был здесь, опозоренный, высеченный — я не видела тебя больше года, и тут ты приползаешь, тошнишь прямо мне на пол, вводишь меня в расходы...

— Мама, — негромко сказал он, но она тут же умолкла, словно услышала в его голосе нечто, чего там раньше никогда не было. Он и сам не вполне понимал, что вложил в это слово. Сочувствие, может быть, снисхождение. Но не жалость. И не ненависть.

Лики заплакала. Слезы градом катились из ее глаз, а он удивлялся, откуда у нее берутся силы плакать.

— Я била тебя, — приговаривала она. — Ты рос злым ребенком и заслуживал этого, но... я била тебя! Я не должна была этого делать. Мне не следовало тебя обижать!

— Эманакир говорят: то, что мы совершили — прошлое. Мы либо вновь и вновь переживаем его, либо позволяем ему уйти.

— Нет. Я била и обижала тебя. И буду за это наказана...

— Ты была наказана прежде вины, — сказал он. — Ты помнишь его — Ральднора, сына Редона, Избранника богини? Помнишь ту ночь в шатре под Корамвисом, накануне последней битвы? Тогда он сказал тебе слова, которые вряд ли прежде доводилось слышать кому-то из смертных. Он сказал, что разглядел в тебе зло — словно ты была единственной носительницей зла во вселенной. И именно потому, что он дал тебе почувствовать твою ничтожность, порочность и себялюбие — а это есть в каждом из нас, мама, и в нем, в Ральдноре, тоже было, пока он оставался человеком... Так вот, потому, что он ткнул тебя носом в те вещи, какие большая часть людей старается не видеть, чтобы не умереть от безнадежности, ты перестала надеяться на лучшее в себе и для себя, став лишь тем, о чем он говорил.

Лики смотрела на него сквозь слезы. Рот ее был открыт, словно она не слушала, а вдыхала его слова.

— Не имеет значения, что ты делала со мной, — прибавил он. — Ты дала мне жизнь. А что потом сделал со своей жизнью я сам — это уже мое дело, не твое, и если что-то не так, ты в этом не виновата. Но я благодарю тебя за твой дар.

— Рэм, — сказала она, — я умираю.

— Куда бы ты ни ушла, ты освободишься от всего этого.

— Ты мертвый? — шепотом спросила мать. — Скажи, Рэм, ты пришел за мной?

Он понимал — по тому имени, которым она его звала, и по тому, каким назвала Кесара, по комнате, по общей обстановке и времени года, — что перенесся в прошлое лет на восемь или девять. Она давно уже умерла в Кармиссе, и он тогда не знал о ее смерти. В тот миг, когда Лики окончила свое сражение с жизнью, он мчался в Анкабек по поручению Кесара. Должно быть, это всего лишь воображение. Нельзя вернуться в прошлое. Лики умерла в одиночестве.

И все же он сказал:

— Здесь нечего бояться. Оборотная сторона жизни — всего лишь иная жизнь.

Лики нахмурилась, обдумывая его слова. Так она и испустила последний вздох — пытаясь разгадать загадку. Но затем ее лицо разгладилось, как будто она все поняла. Он прикрыл ей глаза. Губы ее по-прежнему остались полуоткрытыми, но больше не выглядели ни сморщенными, ни ввалившимися.

Он пошел прочь и увидел Дорийоса, стоящего у колоннады и предлагающего ему чашу с вином. Но когда он принял ее, это

был уже не Дорийос, а Лар-Ральднор, сын Яннула. Он поднес чашу к губам, но ощутил вкус не вина, а воды.

«Ты снова придешь в себя, — сказала ему Ашни, — в нужный час».

Ему показалось, что его кожа рвется, и тело расползается на части. Это расчленение было безболезненным, но всеобъемлющим. Затем все это поднялось в воздух и исчезло.

Он ничего не потерял, кроме той преграды, что стояла меж ним и бытием. Он полностью сознавал, кто он такой и как сюда попал, помнил все, что происходило с ним раньше, в чем он участвовал, включая смерть Лики.

И еще он понимал, кем был изящный разбойник, стоящий рядом с ним у колоннады, под дождем. Поэтому он выпил вино со вкусом вина и кивнул:

— Спасибо, Туаб-Эй.

— Ох ты, — выдохнул молодой человек, расширив глаза от удивления, но тут же дерзко добавил: — Кто ты такой, Эарл тебя побери?

— Твой гость.

— А звать-то тебя как?

— Здесь, где мы стоим, ты можешь не воспринять мое имя.

— А ты попробуй, — бросил Туаб-Эй с таким видом, словно собирался ждать вечно.

И тогда, вновь становясь собой, он спокойно произнес:

— Я сын Ральднора эм Анакир, брат Ральданаша, дорфарианского Повелителя Гроз.

Шире раскрыть глаза было уже невозможно, поэтому Туаб, наоборот, прикрыл их.

— Я слышал о тебе, Рармон эм Кармисс.

— Мое имя Рарнаммон, — возразил он. — В честь короля, построившего этот город.

— Значит, ты упустил свою жертву, Катус.

— Нет, мой повелитель. Его упустил Вольный Закорис.

— Закорис это не слишком-то волнует, — заявил Йил.

Катус сохранял непроницаемый вид. Если он бывал разочарован, то умел скрывать это разочарование. Он упустил Рурма, сына Ральнара, в тот момент, когда помрачился его рассудок. Воющее и бьющееся тело, которое отправили в джунгли Таддры, было пустой формой.

Когда дождь унял буйство пламени, все, кто еще мог двигаться, отправились на поиски. Вначале было очень хорошо видно, где прошел палюторвус, по оставленным им разрушениям, но потом их стало меньше, и каким-то следом служили лишь обрывки цепей и обломки шеста. В конце концов на большой поляне след окончательно потерялся. По приказу Йила надсмотрщиков высекли розгами, но отнюдь не до смерти. И это вполне внятно говорило, что король не слишком-то огорчен данным несчастным случаем.

— Наверное, мой Катус, тварь забрела в свои родные болота, и принц утонул там.

— Вероятно.

— Посмотрим, что будет, когда Дорфар получит весточку о его кончине. Не так ли?

Катус неохотно кивнул.

Они дошли до конца одного из каменных коридоров, проходящих под дворцом в Йилмешде. Сбоку виднелась крепкая дверь, вырубленная из цельного ствола и окованная бронзой. Король с советником вошли в пещерный храм Рорна.

Вольный Закорис решил соблюдать все старые обычаи.

В бассейн с морской водой перед алтарем доставили троих рабов. Королю не полагалось лично совершать ритуал, ибо это была не слишком важная церемония.

Коренастые жрецы, обнаженные до пояса, в длинных кожаных юбках, вошли в бассейн. Они силой окунули в воду отчаянно отбивающихся рабов и удерживали их там, среди вспененного хаоса, пока те не затихли. Катаос эм Элисаар смотрел на это с непроницаемо вежливым видом.

Жестокость убийства ничуть не угнетала его, и он не обременял себя религиозными предрассудками. Однако Вольные закорианцы оскорбляли его эстетическое чувство, а также еще кое-какие струны души. У них он изрядно опустился и сам сознавал это.

К моменту, когда возня в воде улеглась, он лениво размышлял — стоит ли Дорфар таких бездумно-жестоких деяний, и получит ли он вообще свой приз, когда все будет сказано и сделано? Один раз, в прошлом, его слишком затянувшаяся игра уже провалилась. Почему бы этому не повториться? И не было ли невероятное происшествие в джунглях предвестием неудачи, как уже случилось тридцать лет назад?

В нем накопилась некая усталая инертность, но, игрок и интриган по натуре, он не видел других путей. Жить по-другому он попросту не умел, а потому был обречен.

Побрившись, хотя и отказавшись подрезать волосы, человек с королевским именем, заявивший, что он сын и брат королей, начал снова обретать себя. Он с легкостью вошел в мир разбойников, хотя они признавали его превосходство — никаких новых проблем, кроме тех, что уже были, он им не создал. Если все, что он рассказал Туабу, было правдой, то его стоило привлечь к руководству. Не сразу, с неохотой, но они согласились с этим. Когда ему выделяли комнату, кое-кто недовольно ворчал, но до серьезной ссоры дело не дошло. Во-первых, исцеление от безумия само по себе было чудом, во-вторых, он явно знал, что делать, если запахнет дракой. Совместными усилиями они научились управляться с палюторвусом, который теперь стал знаком их престижа в глазах недругов и вскоре превратился в своего рода домашнего любимца.

Сам Рарнаммон проводил с ними не так уж много времени.

Чаще всего он бродил по разрушенному городу, словно что-то разыскивая. Это очень интересовало шайку. Может быть, здесь

имеется клад, о котором знает он и не знают они, — золото, драгоценные камни, оружие? Но видя, что Туаб-Эй ходит за гостем по пятам, а неподалеку держится еще и Галуд, разбойники успокоились.

В первые дни, когда Рарнаммон начал обследовать город, Туаб-Эй вызвался быть его проводником, поскольку неоднократно бывал там раньше — в одиночку или с шайкой. Местность тут была неровная — то повышалась, то спускалась в долину, и древним городским улицам приходилось следовать всем ее изгибам. Повсюду были разбросаны разбойничьи гнезда — дома, а порой и целые усадьбы, занятые уже достаточно давно, чтобы обзавестись табличками с именами главарей — Вилла Пугала, Стена Джорта. Возвращались они к ужину, когда над дворцом поднимался вечерний дымок. На западе, где джунгли вторглись в город особенно бесцеремонно, и из буйства зелени торчало лишь несколько кирпичных остовов, располагалась небольшая колония прокаженных. У них имелся собственный колодец, и они были обязаны пользоваться исключительно им под страхом немедленной смерти. Бесплотные фигуры в охристо-желтом двигались по белым аллеям — умирающие тени без лиц.

Как-то в полдень, сидя на высокой террасе, Туаб-Эй показал на одинокий цветок, что упорно пробивался сквозь каменную мостовую.

— Зиме конец, Рарнаммон. Лед в горах скоро начнет трескаться и сходить.

— И океан расчистится, — добавил Галуд, который в этот момент справлял нужду прямо на колонну. — Вот тогда-то Леопард и двинет сразу на север, запад, юг и восток.

— Война придет и сюда. Но ты вроде бы собираешься встречать ее в Дорфаре? — спросил Туаб.

— Нет, — покачал головой Рарнаммон.

— Но ведь ты нужен своему сиятельному братцу, — лениво заметил Туаб. — Разве не так?

— Да. Но не для того, чтобы быть рядом.

— Загадка.

— Увы, не загадка, а факт.

— Очень хорошо. Ты ведь у меня в гостях, не забыл еще? Тогда рассказывай.

Рарнаммон лишь молча улыбнулся, неспешно окидывая взглядом город внизу. Вопрос Туаба остался без ответа.

Галуд недовольно постоял рядом с ними и вышел вон. Он подозревал, что эти двое уже стали любовниками, и мучался ревностью, хотя его личные постельные склонности были совсем иного свойства.

— Что ж, так ничего и не расскажешь? — Туаб-Эй растянулся на солнцепеке.

— Я найду подходящее место и останусь там один. Буду ждать.

— Ждать чего?

— Пока не знаю. Мне самому известно ровно столько, сколько я тебе сказал.

— Да ты, я вижу, мистик.

— Все может быть.

Туаб-Эй перевернулся на живот и, опираясь на локти, стал смотреть на Рарнаммона, пока тот не почувствовал его взгляд и не обернулся.

— Ты говоришь — «один». А можно мне тоже пойти с тобой и играть твоего пажа, лорд королевский сын?

Он не знал, как поведет себя Рарнаммон в ответ на его предложение, и испытывал непривычную неловкость, чуть ли не переходящую в благоговение. Но тут Рарнаммон усмехнулся, и усмешка сделала его совсем молодым.

— Мистикам, между прочим, рекомендовано воздержание, — ответил он. Туаб-Эй поймал себя на том, что тоже улыбается во весь рот, спровоцированный или очарованный чужой улыбкой. Затем Рарнаммон снова отвернулся к северу.

— Последний раз моего отца видели в Таддре, — сказал он. — Если он не перевоплотился в чистое пламя или что-то подобное, то он все еще здесь. Может быть, как один из камней, или как темный свет в ветвях деревьев...

Туаб-Эй содрогнулся на ярком полуденном солнце.

— А моему собственному папаше, — произнес он, — в связи с его побегом пришлось иметь дело с работорговцем по имени Бандар. Я видел этого Бандара еще в детстве — толстый и неотесанный тупица. У него имелась одна история, которую он всем обязательно рассказывал. Якобы он переправлял Астарис в Таддру как рабыню — разумеется, не по своей воле, — и она была беременна ребенком Ральднора.

Рарнаммон не глядел на него, но внимательно слушал, и Туаб-Эй, уловив его интерес, продолжил:

— А еще была история о волчьем ребенке где-то в северных лесах. Будто бы волки стащили откуда-то младенца и потом воспитали его, как волчонка. Правда, по эту сторону гор волки почти не водятся. Скорее уж дикие собаки. Но рассказывают, что этот ребенок был сверхъестественный — белый, как жемчужина, с крыльями, а еще со звездой во лбу...

Он замолчал, потому что услышал тихий смех Рарнаммона.

— Я тоже никогда не верил ни слову, — с готовностью кивнул Туаб-Эй, снова поудобнее устраиваясь на солнце.

22

Лед на востоке ломался с таким звуком, словно раскалывалась на части сама земля.

По мере того, как отступал мрамор зимы, люди в Дорфаре стали активнее перемещаться по своим надобностям. Сквозь грязь и молочно-белые дожди к Анкире шел маленький караван. Однако, обогнув столицу, он двинулся дальше, в холмы Корамвиса, к озеру Иброн, где, по слухам, лежала очень могущественная статуя — Спящая Анакир... Простые фургоны сопровождались солдатами Повелителя Гроз, посланными, похоже, специально для этой цели. Во встречных деревнях и городках обратили внимание на знак Змеи и Тучи,

и он стал предметом обсуждения. Время от времени всплывали странные слухи. К примеру, что отравленный колодец снова стал чистым, когда возле него остановился караван. Женщина, вышедшая оплакивать своего мертвого, избавилась от своей печали. Какой-то больной исцелился после того, как на него, сидевшего у дороги, упала тень то ли повозки, то ли змеи.

Была замечена группа эманакир, направляющихся к холмам над Анкирой.

В городе и по всей равнине случилось слабое землетрясение. Однако ничто не пострадало, многие даже не почувствовали толчка.

— Ральданаш, объясни мне наконец эти рассказы о жрице, которой ты дал эскорт, чтобы подняться в руины! — взмолился Венкрек. Он был доверенным лицом короля, с которым тот проводил время еще с тех времен, когда они были детьми в Ваткри, и лишь наедине позволял себе такую фамильярность.

— Рассказы правдивы, — коротко ответил Ральданаш.

— И кто она?

— Жрица, как ты и сказал.

— Но народ говорит...

— С народом такое случается, — Ральданаш позволил себе редкую искорку юмора.

Он ненавязчиво подвел лорда-правителя к большому столу, на котором была изображена приблизительная карта Виса, и они перешли к обсуждению стратегии предстоящей войны. С помощью костяных палочек по этой карте можно было двигать крохотные модели галер, фигурки пеших и конных воинов. Разработанные прежде планы атаки приходилось пересматривать в связи с предательским бегством — или похищением — принца Рармона. Правда, шпионы доносили, что он мертв, но и это вполне могло быть неправдой.

Любопытство Венкрека осталось неудовлетворенным, но лорд-правитель не умел противиться обаянию Повелителя Гроз. И хотя часть его души, искушенная и недоверчивая, посмеивалась над этим, Венкрек все равно испытывал огромное удовольствие от таких игр в войну наедине с Ральданашем. Как ни неловко было сознаваться, но это и впрямь очень напоминало мальчишескую игру в солдатики. Прихлебывая подогретое вино и легко маневрируя кораблями, лорд-правитель соглашался сыграть для Повелителя Гроз Дорфара за Вольный Закорис, а иногда и за Кармисс. Проиграв, Венкрек по-мальчишески возмущался, но отделывался шуткой: «Будем надеяться, во имя Ашкар, что они сыграют так же бездарно, как и я!» — и слышал смех Ральданаша, который был еще большей редкостью, чем его остроумие.

Он по-мужски любил этого человека. Здесь не было и примеси желания. Скорее — любовь к его крови, благородству и неизменной честности сына Ральднора.

И позже, когда утомленный Ральданаш уснул перед камином с колоннами, Венкрек растроганно смотрел в его прекрасное нечеловеческое лицо и почти сердился на себя за то, что так не доверял своему королю.

* * *

Дорфарианские гарнизоны в Оммосе были значительно усилены. По приказу Повелителя Гроз там разместили еще четыре с половиной тысячи солдат. Туда же было направлено почти двухтысячное подразделение полукровок и несколько отрядов наемников — ваткрианцев и тарабинцев. Чистокровные шансарцы предпочли устраниться.

Оммос был напуган.

Война Равнин прошлась по их земле железным скребком. Подобно Закорису, оммосцы были раздавлены и смешаны с грязью. Но в отличие от неутолимого стремления Йила взять реванш, здесь воцарилась тихая ненависть, разъедающая дух народа не хуже кислоты. Оммос страшился призванных ему на помощь войск Континента-Побратима, так же, как боялся своего собственного Хранителя с Равнин и беловолосого короля Дорфара. Герой Ральднор предал эту землю проклятию — теперь никто не любил Оммос, и Оммос не любил никого. Лишь в отдаленных уголках, которых война коснулась лишь мимоходом, настроение так или иначе было более уверенным и спокойным. По узким улочкам Хетта-Пары ходили рассказы о неком длинноволосом жреце — то есть юноше, мечтательно переводили местные, — который поражал их своей добротой и терпимостью. Их родной Зарок начал проявлять себя с иной стороны. Облик Анакир, с которым познакомились оммосцы и который, по слухам, впечатался в стены города, каким-то таинственным образом стал также и Зароком, точнее, его женской ипостасью. В такой подаче стало возможным принять Анакир в качестве одной из личин бога.

Однако эти очаги уверенности и понимания были слишком малы и разъединены. Оммос никогда не был подходящей почвой для созданий света. Земля огнепоклонников, теперь она утратила даже свет своих костров, которые оказались залиты кровью. И в этом Оммос тоже был очень похож на Вольный Закорис.

Заравийский король Тханн За'ат, в отличие от своего деда, не имел ни малейшего желания безмятежно дожидаться, когда прыгнет закорианский кот.

Опять же скандал, последовавший за бегством Улис-Анет с ее начальником охраны, создал вполне понятные затруднения. И хотя За'ат не до конца согласился с предложенным толкованием событий, заявив, что возможны и другие варианты (какие? Улис-Анет непонятным образом замучила Ральданаша, и ее потихоньку удушили?), он был обязан следовать законам дипломатии. Именно поэтому ему всем своим поведением приходилось вымаливать прощение Повелителя Гроз. Он сразу же перевел армию в боевую готовность и в знак вассальной верности отправил четыре тысячи своих людей в Дорфар, чтобы Ральданаш располагал ими по своему усмотрению. Заравийцы отправились еще до того, как сошел снег. Подбадривая себя звуками медных рожков, они быстрым маршем проследовали сквозь бесконечный дождь оттепели. Тридцать человек утонуло в бурной реке

на границе с Оммосом. Но это было нужно, чтобы успеть до наступления весны.

У Тханна За'ата не хватало воображения, чтобы задумываться о цене проигрыша. Он прагматически подходил к самому понятию войны, а его двор, очевидно, придерживался той же линии.

Но снаружи, в хрустальном городе, в его театрах, увеселительных домах и винных лавках, разговоры были более честными, а может быть, основанными на большей осведомленности о положении дел. Пьесы, которые ставились на подмостках, в основном фарсы, имели очень нелицеприятную мораль. Уличные акробаты разгуливали по проволоке над голодными тиррами, символизируя уход от жизни, танец со смертью. Люди с тревогой обсуждали надвигающуюся опасность. Пророки на улицах кричали о близком конце света — и никто не смеялся. Очень скоро весь этот мир будет раздавлен, залит кровью и засыпан пеплом.

И бежать было некуда.

Тем не менее, как только весна сделала дороги проходимыми, все — и нищие, и аристократы — устремились прочь: на виллы, на фермы, в удаленные долины и уединенные холмы. Каждого грела мысль, что здесь (или там) черная когтистая лапа не дотянется до них. Что характерно, большинство из них громко рассуждало о победе Дорфара и Междуземья, но никто по-настоящему не верил в нее.

Вольный Закорис жаждал добычи, и он ее получит. Чужой, непредсказуемый Кармисс готовился к прыжку, чтобы вцепиться в горло или куда-нибудь пониже.

Несколько кораблей были частным образом посланы к Континенту-Побратиму. Однако от них не поступало никаких вестей, что при неустойчивой погоде наводило на мрачные раздумья. Никаких вестей не было и от тех, что выплыли из Тоса в конце лета.

Далее следовал южный предел Виса — Равнины, все еще укрытые снегом, как белым плащом. Они по-нрежнему представляли собой пустынную местность. Деревни на широких просторах жили своей жизнью, как и века до того — тесные, неторопливые, замкнувшиеся за своими частоколами, без страха ждущие весны и чуждые политике. Ближе к Зарависсу Равнинные города — прославленный Хамос, прибрежная Мойя и недостроенный Хибрел — давно уже создали свои армии, проникнувшись веяниями с севера. Дорфарианские и ваткрианские военачальники всю зиму натаскивали их войска в каменных дворах. Даже около двух тысяч неистовых шансарцев все еще оставались здесь, встав лагерем где-то в миле от Мойи. Кроме того, тут же, прикованный льдом к берегу, стоял небольшой шансарский флот — тридцать лебединых кораблей. Но ходили слухи, что, как только вскроется море, и морские, и сухопутные силы отбудут в Шансарский Элисаар.

Примерно в то же время ожидалось прибытие дорфарианских войск для размещения в Мойе. Город оказался ключевой позицией на западном направлении — именно здесь нападение было наибо-

лее вероятно. Поэтому предполагаемая численность войск старательно замалчивалась.

О таинственном городе руин сказать было нечего. Считалось, что он не представляет интереса ни для закорианского Леопарда, ни для кармианских шакалов. Уже давно разрушенный, не таящий никаких сокровищ, даже не занимающий стратегического положения, город был предоставлен самому себе, своему безмолвию.

Согласно донесениям, некоторые деревни на крайнем юге в полном составе снялись с места и направились к древнему городу, как тридцать лет назад — по всей видимости, в поисках убежища.

Бродячий охотник, прибывший в Мойю с юго-востока и тут же зачисленный в одну из ваткрианских частей, путаясь в воспоминаниях, рассказывал своим товарищам — степнякам, людям со второго континента, полукровкам и заравийцам — о том, что видел близ разрушенного города, и в конце концов был жестко допрошен своим ваткрианским капитаном.

— Не могу сказать точно, ваша честь, — крестьянин с Равнин, хоть и знакомый с языками темных рас, он все же с детства привык мало говорить, чаще пользуясь мысленной речью, а потому сейчас пребывал в затруднении. — Тогда стоял рассвет, лучи солнца освещали город сбоку... А может, и не город, а что-то другое — было очень далеко, ваша честь, не разглядеть. Может, это были просто скалы или деревья. Но выглядело это как большие золотые башни.

Ваткрианец, который был моложе охотника и относился к войне с куда большей яростью и нетерпением, готовый рубить все, что видит, недовольно ответил:

— Мы здесь для того, солдат, чтобы противостоять демонам из плоти и крови. Нам не нужны видения, сны и пустые фантазии. Нам нужно мужество и оружие. Еще ни один снежный мираж не выиграл войны. Ясно?

— Так точно, ясно, — по всей форме ответил охотник, ставший солдатом.

Лишь позже ваткрианец сообразил, что, сам того не замечая, говорил на своем родном языке, незнакомом охотнику, и тот воспринял смысл прямо из его сознания.

Над Внутренним морем стоял Элисаар, оплот Шансара, и озирал окрестности во всех направлениях. Резные корабли бороздили его воды, как заводные игрушки, туда и сюда, снова и снова. Как водится, снег легкой сахарной пудрой присыпал лишь его восточные и южные пределы, зато жестокие зимние ветры хлестали страну, словно плети спину раба. Шансарцы не вылезали из храмов Ашары, пытаясь разобраться в пророчествах и гаданиях. Умножились и тайные богослужения — элисаарские Висы возвращались к своим родным богам, если вообще когда-либо отходили от них.

Сопредельный Старый Закорис, кусок, отхваченный Сормом Вардийским в войне Равнин, тоже укреплял свои границы. Три

небольших области — Иска, Отт и Корл — двадцать пять лет назад были повязаны вассальной присягой и, по сути, находились под вардийским влиянием, но Элисаар на юге беспокоил своей непредсказуемостью. К северу же сторожевые башни Вардийского Закориса глядели прямо на таддрийские рубежи — горы и леса. Основной опасностью на этом направлении казалась Южная дорога Йила.

Горные проходы между Дорфаром и Вардийским Закорисом с обеих сторон охранялись войсками. С дорфарианской стороны проходы держали несколько частей из Ваткри, и это оказалось невольной провокацией со стороны Повелителя Гроз — те все время переругивались и устраивали мелкие стычки с вардийцами Сорма. Сейчас это уже забылось, но у себя на родине ваткрианцы и вардийцы издавна враждовали между собой.

Темная раса в Старом Закорисе процветала под властью Сорма. Он не ущемлял ее верований, поэтому здесь поклонялись и богу огня, и богу воды. Запрещены были только самые жестокие обряды. И все же Закорис оставался Закорисом. В его жилах текла одна кровь с Черным Леопардом Закориса-в-Таддре. Скоро их призовут убивать братьев по народу, а в некоторых случаях и настоящих, родных братьев. Они не перешли на сторону Йила, что с точки зрения Леопарда было непрощаемым преступлением. Если он победит, пощады ждать не придется. Исконное государство будет разрушено, да так, что не останется камня на камне и ни одна шкура не уцелеет на костях.

Очевидно, именно эти соображения подтолкнули часть закорианцев к запоздалому побегу. Как-то проскользнув мимо дозоров и патрулей, перейдя через горы или пробравшись сквозь джунгли, они поспешили под знамя Йила. Были и такие, кто просто сбегал в Элисаар или Дорфар, где их быстро выдавали местным властям и задерживали. Те же, кто направился в Таддру, бесследно исчезли, что было в таддрийских обычаях.

В общем, все сводилось к одному: на этот раз бежать некуда. Война была катящейся волной, а мир — открытым берегом, не способным выдержать ее удар.

Море в Таддре вовсе не отличалось упрямством. Снег же здесь, как и в Закорисе, видели лишь изредка — на вершинах далеких-предалеких гор.

Леопард принюхивался к пряному весеннему ветру и потягивался, выпуская когти.

Два крупных флота — из ста трех и ста двадцати семи кораблей — разминались на глубокой воде в предвкушении дальнего плавания. Далее к северо-востоку пятнадцать кораблей-разведчиков стояли на страже в нетерпеливом ожидании. С наступлением более устойчивой погоды всем им предстоял путь в восточные моря.

Рабы, эти живые трупы, продолжали чистить Южную дорогу. Однако не было никакой возможности уложиться к нужному сроку, хотя бичи надсмотрщиков хлестали без устали, пламя

пожирало все новые и новые деревья, а сгоревшие птицы объявлялись жертвами Зардуку.

В Йилмешде минуло время не слишком важных церемоний.

С помощью специального клапана пещера Рорна была затоплена и запечатана вместе со всеми находившимися там людьми и животными, которые теперь разлагались во славу божества. Один из молодых жрецов Рорна, надышавшийся воскурений и вдохновленный криками и гонгами, бросился в море с высокого уступа. Такая независимая жертва должна была очень понравиться богу, и это стало добрым знаком.

В час, когда тяжелый закат опускался на Йилмешд, король Йил вошел в храм Зардука через городской вход.

В самой пещере круглые сутки стояла полночь, но когда вошли жрецы, факелы вспыхнули ярким пламенем, похожим на длинные красные листья. Сразу за ними шествовал Йил в сопровождении многочисленной родни и военачальников. Замыкал шествие длинный хвост рабов и черный лакированный ящик в рост человека.

Главный же огонь предстал взгляду, когда отдернули черный занавес, и явился сам Зардук, каменное изваяние двенадцати футов в высоту, ярко подсвеченное собственной пылающей утробой. Он похорошел — совсем недавно его позолотили и увешали золотыми кольцами. Это была его доля в анкабекской добыче.

Здешний Зардук вовсе не был так уродлив, как его древний собрат из Оммоса. Помимо головы он обзавелся плечами и торсом. Его руки напряженно лежали вдоль подола длинного одеяния, обрамляя, точно обнимая, топку в чреве.

Процессия привела с собой десять болотных леопардов, и десять человек тут же перерезали им глотки. Кровь стекала на пол, распространяя острый запах.

Йил, тоже облаченный в шкуры черных леопардов, с рубиновым ожерельем и широким оплечьем из ониксов и сардониксов, взошел на каменное возвышение перед божеством. Приняв нож от жреца, он сделал надрез на своей руке и дал крови стечь в зашипевшее пламя Зардука.

Гул одобрения прокатился под сводами храма. Жрецы тут же подошли перевязать рану.

Йил остановился рядом со статуей, и жрецы подали ему маску из тонкой кованой меди, которую он был обязан надеть. Когда Йил украсил себя этой маской, слился с ней, он стал воплощением бога, своим собственным жрецом. Именно так и видели его собравшиеся, приветствуя почтительными поклонами. Йил сделал знак, и приблизился раб, держащий в руках огромный топаз. Камень был грязным или, может быть, затуманенным изнутри. Он не блестел в отсветах факелов или печи Зардука и сохранил свой вид, даже когда его опустили на пол у ног статуи.

Йил пролил на камень вино, словно желая обмыть его. Топаз не изменился.

Король сделал еще один знак. По нему черный закрытый ящик был поднесен и поставлен на пол. Его створчатые дверцы распахнулись.

Через несколько мгновений из ящика появилась фигура.

Юноша был молод — не старше шестнадцати лет, стройный и сильный. На первый взгляд это был чистейший закорианец — с бархатно-черной кожей, такими же глазами и волосами. Однако его черты носили отпечаток такого типа красоты, какого почти не попадалось среди закорианцев. Его нос не имел характерной скошенной формы, позолоченные ноздри были гордыми и широкими. Губы — на удивление полные и чувственные, что было уж совсем нетипично для этого народа. И никаких шрамов.

Он был обнажен, если не считать золотых браслетов на щиколотках, запястьях и выше локтей. Его взгляд — мечтательный, невидящий, явно под действием дурманных зелий — был устремлен в никуда.

Ударили барабаны. Из-за фигуры Зардука появились две девушки. Отблески огня плясали на их волосах и гладкой, словно полированной коже. Они принялись танцевать — извиваясь, приглашая. Приблизившись к обнаженному юноше, они ласками уложили его у подножия статуи.

Закорианцы наблюдали за этим в полном безмолвии. Это тоже был старый ритуал Старого королевства.

Одна из девушек скользнула под него, разметавшись волосами по топазу, испачканному кровью и вином. Юноша раздвинул ее бедра и вошел в нее. Он бился на ней, и вместе с ним билось красное пламя Зардука, отсветами лежащее на его спине, ягодицах, ногах. Другая девушка вытянулась поверх его тела, повторяя движения юноши, ее пальцы и губы неумолимо подводили его к самому краю.

Юноша выгнулся в экстазе, обе девушки выгнулись вместе с ним, и две странные тени метнулись рядом с его силуэтом. Пик наслаждения, выброс магической энергии. Когда он поник, девушки выскользнули, откатились в сторону и исчезли, словно тоже были тенями, вернувшимися в породившую их темноту.

Его семя было священно. Девушка, которую он избрал для соединения, будет должным образом освидетельствована, и если окажется, что она зачала — это тоже будет благим знамением.

Но сейчас двое жрецов подошли и перевернули юношу лицом к потолку пещеры. Он оставался неподвижен, будто спал.

И снова жрецы подали Йилу нож, на этот раз более широкий, чем прежде.

Когда он вонзился в тело жертвы, та, несмотря на свое одурманенное состояние, вскрикнула, но от испуга или боли, определить было невозможно. Первый удар не был смертельным — и не должен был им стать, — и крики продолжились, неестественно отстраненные и почти нечеловеческие. Как и все остальное, это был ритуал, древний, как само имя Закориса. Перепутанные внутренности юноши вывалились в чрево Зардука — причудливое сопоставление. Крики начали затихать, затем и вовсе прекратились.

Однако умирающее тело продолжало содрогаться, когда его поливали ароматическими маслами. Жизни полагалось

еще теплиться в жертве, а Йил был опытным исполнителем. Бросили факел, и тело жертвы стало одним сплошным сгустком пламени.

Лишь сейчас закорианцы разразились торжествующими криками. Они достойно чествовали Зардука и надеялись, что он тоже не забудет их.

А за горящим телом жертвы, напротив горящего чрева статуи, закопченный дымом и покрытый запекшейся кровью, взирал на это топаз, который был Оком Анакир.

В Кармисс пришла весна. Мелкие золотые цветочки в саду тянулись вверх, чтобы напиться дождя. Улис-Анет, склонившаяся над цветами, знала, что гавань Истриса, находящаяся в половине дня пути, должна уже быть открыта.

У нее было предчувствие, что Кесар придет сегодня или, может быть, завтра. За долгое время снегов он приехал лишь один раз, и это было так давно... Тогда она не ждала его, валяясь среди дня в постели и уже с привычным отчаянием прислушиваясь к себе, не в силах принять то непонятное, что разрасталось внутри нее. Сначала к ней забежал один из слуг. А потом он сам вошел в комнату и, словно гроза, заполнил ее своей наэлектризованной темнотой.

— Оставайтесь там, где вы есть, — проговорил Кесар. Он даже улыбался. — Что может быть лучше?

Он был изголодавшимся, умелым и требовательным, как и прежде. Собственный голод и освобождение от него, казалось, уничтожили Улис-Анет — жажда смерти, присущая близости. Когда она проснулась ночью, его уже не было. Она поднялась и разразилась проклятиями в его адрес — настоящими, грубыми, заравийскими. Он прислал ей кучу подарков. Она отыскала последние из них и разбросала по комнате. Несколькими днями позже, не дождавшись женской крови, она решила, что ждет ребенка, и страшно перепугалась. Хотя, возможно, это был не испуг, а торжество — она и сама не знала. Однако спустя еще какое-то время кровь все-таки пришла. Когда оттепель освободила землю из плена, Улис-Анет начала строить планы подкупа слуг и бегства. Она отправится на Равнины и найдет убежище в каком-нибудь малоизвестном храме Хамоса или Хибрела. Вал-Нардия в свое время тоже решила стать жрицей.

Но затем она почувствовала, что он вернется, не сегодня, так завтра. Очень странно, но Улис-Анет ощущала мысленную связь со своим поработителем, хотя и одностороннюю. Кесар не только ничего не чувствовал, но даже не догадывался о ней.

Там, в Дорфаре, как раз перед тем, как его люди похитили ее, она видела кошмарный сон — море на закате, ледяной берег и она сама у него на руках. Теперь, когда ее кармианские слуги привыкли к ней, Улис-Анет услышала много нового. Один из солдат рассказал ей, что Кесар вернулся из Анкабека с мертвой сестрой на руках и держал тело так, будто она просто спала.

Когда он появится, она поприветствует его со всей холодностью, на какую способна. И не ляжет с ним. А если он возьмет ее силой, не выкажет ни малейшего удовольствия, как бы предательски ни трепетало ее тело. Скорее всего, ему плевать на ее уловки. Но символически, в собственных глазах, это как-то искупало ее вину. На мгновение.

Во время бесконечного зимнего одиночества Улис-Анет подумывала завести любовника. Какого-нибудь привлекательного конюха или стражника. Но Кесар обнаружит это и, возможно, рассердится. Он может наказать или даже казнить этого человека... Нет, ей не хотелось обременять себя виной за подобное.

Часто она с тоской задумывалась о Ральданаше. Или Айросе. Что-то подсказывало ей — Айроса уже нет в живых.

Теперь она знала о Вал-Нардии вполне достаточно. Улис-Анет даже не была уверена — сама ли постоянно расспрашивает о ней, или слуги и без того рвались все ей рассказать?

Однажды она подумала, что могла бы попытаться убить Кесара. Но эта мысль слишком отдавала мелодрамой, как и все остальное, и Улис-Анет с раздражением отбросила ее.

Большую часть дня она простояла у окна, глядя в сторону Истриса. Небо окрасилось в тусклый рыжеватый цвет, и она уже не думала, что он может приехать. Однако через пятнадцать минут после того, как зажгли светильники, по дому, как сквозняк, пронесся переполох. Улис-Анет спустилась, чтобы встретить гостя. Сегодня ночью он не найдет в ней ни желания, ни даже уступчивости.

Она приготовилась и, когда Кесар вошел, подумала: «Смотри, он всего лишь мужчина. Ты одержима им, но он не позволяет тебе влюбиться в себя. Это можно превозмочь». И тем не менее она старательно избегала его взглядов и прикосновений.

Обед был подан прямо в гостиной. Они вели бессвязную беседу на общие темы: повседневные домашние нужды, погода... Если Кесар и был удивлен, то не подавал виду. Он смотрел на нее, иногда мельком, иногда — долгим заинтересованным взглядом, с которым Улис-Анет изо всех сил заставляла себя не встречаться.

Узнав так много о Вал-Нардии, она, зачастую неосознанно, стала подражать ей.

Обед закончился, но Кесар не проявлял признаков нетерпения. Он прошел к очагу и растянулся там, прихлебывая вино.

— Завтра я отплываю в Ланн, — сообщил он.

— Ланн? — вежливо переспросила она, будто впервые слышала это название.

— Похоже, там назревают проблемы.

Она не ответила, никак не проявляя своего внимания. Он вторгся в Ланн, и было бы очень странно, останься Ланн доволен этим.

— Вижу, предстоящая война больше вас не интересует, — с иронией произнес Кесар. — На улицах говорят, что закорианцы могут разрушить Истрис за какой-то час. А весь остров — за шесть дней.

— У вас же любовь с Вольным Закорисом.

— Слушайте больше.

— Я буду молиться, чтобы во время вашего плавания море оказалось бурным, — бросила Улис-Анет.

— Чтобы меня погубить, нужно кое-что посильнее, чем соленая вода, — усмехнулся Кесар. Он осушил свой кубок, и Улис-Анет подошла, чтобы снова наполнить его. — Вал-Нардия часто укладывала волосы точно так же, как вы сейчас. Вам говорили об этом?

Вскинув голову, Улис-Анет встретила его взгляд — и спокойно произнесла, сама не зная, зачем это делает:

— Ее тень приходит ко мне и учит, как поступать, чтобы больше походить на нее.

— Осветлить кожу и сказать мне «нет», — отозвался Кесар столь же спокойно.

— Именно это я и собиралась вам сказать, — кивнула она.

В его черных глазах что-то мелькнуло, будто он и вправду увидел бледную текучую тень, опустившуюся на Улис-Анет, как покрывало.

— Как досадно проделать такой долгий путь лишь ради ужина, — пожал он плечами.

— Что ж, в доме есть несколько хорошеньких девушек. Одна из них даже красит волосы в красный цвет.

По губам Кесара скользнула усмешка.

— Или я все-таки заполучу вас, но несколько иначе, — произнес он, дразня ее. — Иногда мне нравится встречать сопротивление.

— Прекрасно. Тогда делайте все, что пожелаете.

— В чем-то главном вы совсем не похожи на нее, — уронил он. — Впрочем, и во всем остальном тоже. Когда отказываете мне и когда соглашаетесь. Если вы начинаете напоминать мне Вал-Нардию, я говорю себе, что это воспоминание, и более ничего.

— Зачем тогда я здесь? — Он не ответил, и она продолжила: — Могу понять. Человек потерял очень ценный камень из своего кольца и заменил его другим, пусть не совсем таким, но подходящим. Да, он ценит его меньше, но надо же как-то носить кольцо!

— А еще она никогда не додумалась бы выразить это столь остроумно, — Кесар допил остатки вина. — Вы знаете, где я собираюсь лечь, если не с вами. Пришлите мне какую-нибудь девушку. Полагаюсь на ваш выбор.

Часом позже Улис-Анет сама вошла в комнату для гостей.

Утром она сказала себе, что и это ничего не значит. Кривить душой не имело смысла. Ее тело получило удовольствие. Почему бы и нет?

Но она больше не доверяла себе — той лгунье и предательнице, которой стала. И допустить такое, вдруг поняла она, было лишь еще одним проявлением предательства.

Они завтракали вместе. Ей не нравилась обыденность этого действия, закрепляющая за ней титул любовницы Кесара со всеми его печальными последствиями. К тому же она уже слышала, как внизу суетятся его люди, готовясь к отъезду.

И что будет дальше, когда он умчится прочь? Еще один бесконечный перерыв, бок о бок с призраком его сестры, и тяжесть в голове от множества пустых планов?

— Скажите, вы хоть иногда вспоминаете меня, когда уезжаете? — спросила Улис-Анет.

Он любезно уступил ей. Это был обычный женский вопрос, и Кесар, похоже, собрался прикинуться, что не понимает его истинной сути.

— Да, Улис. Вы мое прибежище.

— И от чего же? От государственных трудов и забот? Но ведь вы влюблены в них. — Она чистила фрукты маленьким ножом и сейчас глядела на разрез мякоти с семенами, похожий на цветное стекло с крапинками, словно прозревая в нем некое знамение. — Наверное, мне положено дать вам что-нибудь на память. Например, прядь волос. Вроде той, которой заманили на смерть Айроса... О да, вам пришлось потрудиться, чтобы заполучить меня. Я и в самом деле стою этого?

Кесар поднялся из-за стола. Он поклонился, сообщил, что она прекрасна, но ему надо уезжать, и распорядился, какие изменения надо сделать в доме в его отсутствие.

И тут произошло нечто совершенно нелепое.

— Убирайся! — выговорила она сдавленным голосом, задыхаясь от ярости, и схватила со стола маленький нож для фруктов.

Ей удалось привлечь его внимание. Он остановился в замешательстве. Она сделала это... она — или опять Вал-Нардия?!

Но затем он все же развернулся и направился к двери. И тогда Улис-Анет швырнула нож ему вслед. Это был безумный, отчаянный жест, без надежды нанести серьезную рану. Нож пронзил его левый рукав и, не удержавшись, упал на ковер.

Кесар остановился. Даже не взглянув ни на испорченный рукав, ни на нож, он медленно повернулся и пошел к Улис-Анет. Чувствуя, что вышла из роли, она растерянно стояла, ожидая, что он попросту ударит ее. Но Кесар не тронул ее и пальцем, только уничтожающе посмотрел и холодно сказал:

— Укротите свой нрав, госпожа. Разговор окончен.

— Я не собиралась этого делать, — произнесла Улис-Анет, стараясь, чтобы ее слова не прозвучали как извинение. — В этом нет никакого смысла.

— Ни малейшего.

Это были его последние слова. Дверь захлопнулась, и Кесар ушел.

Три кармианских корабля, поймав насыщенный дождем ветер, шли с хорошей скоростью. Когда показалась береговая линия Ланна, узкая, как клинок, они развернулись в сторону теней, идущих с севера. К ним неслась тройка хищных остроносых закорианских галер. Кармианцы подняли штандарт с Лилией. Закорианцы вообще обошлись без флага, но их паруса больше не отмечали Двойная луна и Дракон Старого королевства и старого пиратства. Теперь на каждом из них был знак Черного Леопарда.

— Ждать сражения, мой повелитель? — спросил Кесара капитан, стоя на носу корабля.

— Ты забываешь, что Лилия и Леопард связаны крепкой дружбой.

Корабли мирно приветствовали друг друга и направились под защиту скалистого берега — в последнее на сегодня плавание.

Позади них садилось оранжевое солнце, отбрасывая на морскую гладь багровый влажный отсвет. Прямо по этому багрянцу к ним гребла закорианская шлюпка. Гостей приняли на борт галеры Кесара.

— Мы думали, что ваш король будет здесь, — заметил командир прибывших.

— Не имеет значения, — ответил Кесар, закованный в доспехи без всяких украшений и гербов. — Я облечен королевской властью.

Закорианец не был дураком и понимал, с кем имеет дело, но спорить не стал. Высокий, зверского вида, он имел запоминающуюся примету — на место выбитого левого глаза у него был вставлен полированный кусочек опала.

— В таком случае король Йил передает через вас приветствия вашему королю.

— Благодарю, — ответил Кесар. — Я не забуду передать.

— Я уполномочен предложить вам помощь.

— В каком объеме?

— Имеют мéсто некоторые неудобства в Ланне, — пропущенная сквозь закорианский акцент, эта язвительно-вежливая фраза прозвучала почти смешно. Но Кесар не рассмеялся.

— Какие неудобства вы имеете в виду?

— Кармианские войска в Ланне восстали против короля К'сара.

— Король К'сар, — подчеркнул Кесар, — будет очень удивлен, узнав об этом.

На это закорианец не знал, что ответить. После короткого молчания он произнес:

— Мои галеры готовы сопровождать вас в порт Амланна.

— Нет, — отказался Кесар, улыбаясь, но глаза его оставались серьезными. — Кармисс удерживает Ланн. Заход военных кораблей Вольного Закориса в его гавани в такое время может быть расценен королем как акт агрессии против самого Кармисса.

Похоже, его собеседник и не ждал другого ответа. Они обменялись неуклюжими любезностями, и закорианцы отбыли.

Перед самым закатом, когда корабли с Лилией подгребали к ланнскому берегу, за ними следовали три тени — слишком далекие, чтобы быть опознанными и вызвать нарекания, неявная, но вполне ощутимая угроза.

По официальным донесениям, ситуация в Ланне выглядела вполне безобидно. Власть перешла к новому командованию, Ральднор эм Иоли был свергнут и, следовательно, не представлял угрозы. Однако позже стали поступать иные сведения, невзирая даже на снег и лед, — их добывали наблюдатели Кесара. Детали подлежали уточнению, но в целом выходило, что, хотя Ральднор и погиб, ему удалось склонить на свою сторону войска, по крайней мере, в самом Амланне и в порту. Сейчас у власти был правитель-марионетка, свет-

ловолосый шансарец, каким-то образом пленивший нехитрое воображение солдат.

Потеря позиций в Ланне накануне войны могла оказаться роковой для Кесара. Он нуждался в этой стране для большей устойчивости. Даже его прославленный флот, стратегическим превосходством которого он хвастался перед Дорфаром и, через третьих лиц, перед Вольным Закорисом, не возместил бы этой потери.

А Вольные закорианцы через своих шпионов, изрядно поумневших с тех пор, как руководство ими перешло к элисаарцу Катусу, уже учуяли запах разложения.

Три с половиной тысячи солдат просидели в Амланне все время снегов. При таком раскладе входить в город, имея за спиной менее трехсот человек, было для Кесара изрядным риском, но одновременно и необходимостью.

Этот жест был призван посеять серьезные сомнения среди Вольных закорианцев. Никто не идет на столкновение с такими малыми силами. Может быть, их сведения неверны? То же самое должен был подумать и Кармисс-в-Ланне — это совсем не выглядело карательной экспедицией. Кесар собирался не штурмовать их, а уговаривать. Может быть, они вспомнят, что никто не способен лучше сыграть роль просителя.

В каюте на верхней палубе врач освободил руку Кесара от доспехов и осмотрел неровный воспаленный порез на предплечье.

— Рана совсем неглубокая, но почему-то не хочет заживать. Она беспокоит вас, мой повелитель?

— Да, беспокоит.

— Я думаю, здесь пошло нагноение. Вы говорите, нож был испачкан фруктовым соком? Очень жаль, но придется прижигать.

— Так действуй.

Весна обещала Ланну новые волнения, но и сейчас, на излете времени снегов, уже никому не было скучно.

Смерть Ральднора Иолийского, павшего от рук то ли сумасшедшего патриота, то ли наемного убийцы, повергла Амланн в полное замешательство. Юный принц-король Эмел, сын Сузамуна, встретил печальную новость с явной тревогой. Он проливал слезы в присутствии солдат, которые поначалу отнеслись к этому снисходительно. Все-таки он был еще мальчиком, а Ральднор заменил ему отца. Однако рыдания не прекращались, и Эмела заперли подальше, да так и оставили взаперти. Войска делались своенравными.

В первые же дни после убийства был создан совет, куда вошли несколько капитанов из числа приближенных Ральднора. Стоит ли говорить, что возникли неминуемые ссоры и разногласия? Еще до конца месяца они вылились в открытые столкновения и уличные сражения между частями того или иного военачальника.

В последний день месяца один из членов совета был найден

мертвым в заброшенной винной лавке. В первые дни нового месяца возмездие настигло еще нескольких капитанов — причем один из них нашел свой конец в овечьей поилке, что породило многочисленные стишки армейских рифмоплетов.

Это с неизбежностью привело к смене власти. Двое офицеров захватили ее, были убиты, еще двое были избраны воодушевленной толпой на Дворцовой площади. Эти какое-то время держались, пока в один прекрасный день в Амланн не прискакал человек с юга. С ним прибыла тысяча кармианцев, частью изначально бывших с ним, частью приставших по дороге. Он осадил город, захлопнувший ворота перед его носом.

Но уже на вторую ночь кто-то открыл ворота и впустил вновь прибывшего с его людьми. Наверное, сыграла роль полная неустойчивость в самом Амланне. Этот же человек служил еще в тайной гвардии Кесара и, казалось, до сих пор хранил на себе отсвет власти хозяина.

Вскоре после того, как Бийх вернулся со своим королем из Дорфара, его направили в Элир с небольшим отрядом — для разведки и возможного подкупа. У него не было честолюбия, по крайней мере, он сам так считал. Преданная собака хозяина, простой парень, он годился для любой службы — и телохранителем, и солдатом, и посыльным. Как справедливо заметил принц Рармон, Бийх так и не поднялся по жизненной лестнице.

Однако беспорядки в Ланне, эта цепь заговоров, переворотов и незаконных убийств роковым образом толкнула его к случайному возвышению. Жизнь поманила его высоким постом, и он решил воспользоваться случаем. Возможно, желание двигаться наверх проснулось в Бийхе еще и при виде взлета старого приятеля Рэма.

Войдя в Амланн, он арестовал офицеров, бывших тогда у власти. Бийх собирался всего лишь посадить их под замок, но его люди оказались в опасном настроении и попросту растерзали тех прямо на площади.

После этого Бийх начал приводить в порядок город, пребывающий в прискорбном состоянии. Он сумел угодить всем, щедро распределяя пиво, вино и женщин, а также выдвинув Эмела как номинального правителя (в необходимости такой фигуры Бийх был твердо уверен). Это помогло ему обрести славу честного и благородного начальника.

Он даже посетил короля и королеву Ланна. Бледные, невзирая даже на темный цвет кожи, брат и сестра приняли его в своих покоях. Бийх искренне обрадовался, обнаружив, что в своем вынужденном изгнании они имеют вполне достаточно еды и прочих удобств. Коренные ланнцы нуждались в своих собственных номинальных правителях, и Бийх приходил в ужас при мысли, что мог застать их валяющимися на ковре после двойного самоубийства.

Однажды вечером он зашел к своему ставленнику Эмелу и задержался дольше обычного. Мальчик с самого начала выглядел испуганным и угнетенным, а оставшись с ним наедине, Бийх нагнал на него еще больше страху.

— Сейчас тяжелые времена, мой повелитель, — начал Бийх, никогда не умевший говорить банальности с покровительственным видом. — Но вы должны держаться. Вспомните своего отца. Народ любит вас. Кармисс будет ваш.

Бийх ни на минуту не верил в то, что говорил. На самом деле он собирался, как только позволит погода, вернуться к Кесару и вручить ему все, включая самого Эмела, обеспечив таким образом свое будущее.

Эмел, который, естественно, ни о чем не догадывался, снова начал плакать. Бийх склонился к юноше, сочувственно поглаживая его по плечу, и вдруг с некоторым изумлением осознал, что от того, пусть и едва уловимо, пахнет женщиной.

Припомнив, каким образом эм Иоли удавалось прятать мальчика, Бийх исполнился нездорового любопытства. На следующее же утро он под каким-то предлогом вошел в спальню Эмела. Несчастный юноша, который с момента смерти Ральднора жил в состоянии непрерывной паники, был больше не в состоянии таиться. Бийх рассмеялся. Что-то в его смехе приободрило Эмела — он уже слышал такое раньше, причем не где-нибудь, а тоже в спальне...

— Не волнуйся, я сохраню твою тайну, — вовремя произнес Бийх, присаживаясь к нему на кровать. Не прошло и получаса, как он уже был в этой самой кровати.

Так уж случилось, что его вовсе не оттолкнула двойственность Эмела. К тому же, в отличие от Ральднора, он обладал хорошими манерами в постели.

Эмел обнаружил, что его ласкают и балуют. Вот он — единственный любовник, который никуда не исчезнет, единственный покровитель, который не презирает его, не ругает и не собирается от него избавиться. Неужели он наконец-то в безопасности?

Когда Кесар еще был ничем для этого мира, он возвратился в столицу из Тьиса на бронзовой колеснице, в сверкании клинков, осыпаемый цветами — и Истрис отдал ему свое сердце. Теперь, будучи королем, он вошел в Амланн своими ногами.

Плавание выдалось спокойным. Должно быть, Улис-Анет плохо молилась, как-то подумал Кесар — или же его смерть так и осталась на лезвии ножа. Тем не менее три черные тени держались поодаль, и когда корабли с Лилией причалили, встали на якорь у горизонта. В данный момент это представлялось неопасным, возможно, даже полезным — иметь в тылу поддержку Вольных закорианцев.

Порт был набит войсками. Обстановка прояснилась шесть дней назад, еще на корабле, благодаря дополнительным сведениям, которые доставил с берега шпион Кесара, оказавшийся хорошим гребцом. Теперь он знал всю последовательность сменявших друг друга временщиков; последним из них стал Бийх, некогда один из Девятых, чья изначальная тысяча в Амланне разрослась до трех с половиной.

Со сходом снегов прочие области страны поддержали Бийха —

а может быть, Ральднора, до сих пор не зная о его смерти. Пресловутый же король-марионетка, по словам шпиона, был сыном Сузамуна или очень удачным его двойником, которого удалось где-то откопать.

Пока легкая лодка несла его к берегу, Кесар прикинул, что бронированная фаланга, закрывающая пристань, насчитывает не менее двух тысяч человек. Они пока не отрезали ему путь, но эти смертоносные челюсти могли сомкнуться в любой момент.

Кроме всего прочего, они сомневались, что это сам Кесар. Не может же он быть таким дураком!

Лодка причалила, и он ступил на глинистый берег, местами еще схваченный льдом, затем поднялся по ступеням на набережную.

В толпе стал нарастать невнятный шум — дисциплина здесь была хуже некуда. Большинство солдат знали Кесара в лицо, некоторым доводилось беседовать с ним (или они так полагали) еще в Кармиссе, когда ланнская кампания только набирала ход.

Постепенно шум стих. Толпа пристально глядела на своего короля, враждебная и злопамятная — металл и лица, и металлические лица щитов. Они больше не любили его. Причиной тому стали и наветы эм Иоли, и мятеж, и оторванность от дома, и холодное безумие зимы.

Кесар одиноко стоял посреди толпы. Своих людей он оставил на судне. Они тоже считали, что он сошел с ума, однако восхищались этим. Им было известно, на что он рассчитывает, и они говорили друг другу, что за таким человеком пошли бы в огонь и в воду. По крайней мере, так они думали, сидя на корабле.

Сегодня на нем не было привычного черного, лишь алая с золотом саламандра все так же пламенела на груди и спине — отличная цель. Тонкий, но прочный стальной панцирь был совсем незаметен под одеждой. Для толпы же Кесар был беззащитен и безоружен: ни меча, ни кинжала, ни даже потайных ножей в рукаве или сапоге, без которых не обходилась ни одна подобная история. Они знали, где смотреть, но ничего не высмотрели.

Он стоял перед ними, совсем молодой и почти веселый, в светлых одеждах, и не торопился приветствовать их — только обводил твердым взглядом лица, одно за другим. Кто-то мрачнел, другие отводили глаза. Но Кесар не обвинял своих людей и не бросал им вызов. Его взгляд был испытывающим, взыскующим, но в меру.

Минуты истекали, и ничего не происходило. Наконец двое из только что назначенных капитанов Бийха вышли вперед и отдали честь королю.

Они не знали, что ему сказать. Да и что тут скажешь? Они открыто подняли оружие против своего повелителя, а теперь он стоял перед ними — спокойный, царственный, безоружный.

— Чего вы хотите, мой лорд? — наконец выпалил один из капитанов.

— Моя цель — город, — ответил Кесар.

— Я не могу отвечать за людей, — предупредил второй. — Ваша жизнь на остриях двух тысяч мечей. Почему бы вам не вернуться на свой замечательный корабль? Я уверен, что вам не станут препятствовать.

Эти слова услышали многие — в холодном воздухе слышимость была отличная. По толпе прошел нехороший насмешливый шум, металл звякнул о металл. Когда все это смолкло, Кесар снова заговорил. Через головы капитанов он обращался к двухтысячной армии, которая ненавидела его ненавистью обманутого любовника. Его сценический голос, отточенный многократным применением, легко достиг каждого из них.

— Эти люди — кармианцы, как и я. Я не боюсь своих братьев. Можно ли мне пройти?

Он и впрямь пошел вперед, и челюсти начали смыкаться. Но таким образом Кесар вступил с толпой в естественный контакт. Он обладал великолепной памятью и теперь пользовался ею. Он припоминал имена, личности, звания и события жизни людей, которых встречал много лет назад, перекинувшись с ними не более чем парой слов. Он оживлял те смутные бесцветные дни, и его алая саламандра пламенела, как маяк, привлекая людей отовсюду. Когда они напирали, Кесар не боялся касаться их. Его руки, надежные, успокаивающие, трогали их, как любимую лошадь или зееба. Толпа сомкнулась еще плотнее, но теперь в этом не было ненависти — люди сами желали прикоснуться к нему. Вдалеке карабкались на стены, чтобы разглядеть Кесара.

И лишь теперь зазвучали обвинения, ибо они поняли, что могут говорить с ним, и он услышит.

Уже по дороге в Амланн эта огромная толпа, оставившая порт почти без защиты, стала обращаться к нему на шансарский лад — «Кесар» или «король». Не осталось и следа отчуждения. Это была та близость, которая принята в обращении к богу.

«Почему?» — спрашивали они. Почему не присылал продовольствия? Зачем запер их здесь? К чему эти заигрывания с Вольным Закорисом?

Кесар снял с себя все обвинения и объяснил им смысл идущей игры. Ланн — это оплот. Вольный Закорис — средство для достижения цели. Главный же приз — весь Вис.

Его голос достигал окраин, проникал во все закоулки — и воодушевлял людей. Его сила и уверенность, и особенно доверительность раскрывали сердца. Каждый чувствовал себя советником короля, доказывал, приводил доводы. Все это время Кесар был в гуще народа. Чувствующий себя виноватым не войдет вот так, без страха и без защиты, в клетку со львами. И если бы он не любил их, то разве стал бы так доверять?

По дороге попался пригорок с плоской вершиной, и Кесара заставили подняться туда.

Он стоял, возвышаясь над дорогой и металлической тучей, и говорил с ними запросто, словно каждый из них был его хорошим знакомым. Солнце рдело в небесах, и этот теплый отсвет ложился на холмы, на лед, на него самого.

Кесар шутил, а они смеялись и колотили кулаками в щиты.

Он не принижал их. Не обвинял, не стыдил, не нападал. Им мерещились горы сокровищ, рядом с которыми все «премии»

Ральднора выглядели кучей мусора. А чародей, который обещал им все это, каким никогда не был ни Ральднор, ни любой другой, стоял перед ними.

Но затем кто-то протолкался вперед и прямо из толпы выкрикнул Кесару в лицо:

— Сузамун! Сузамун!

— При чем тут он? — недоуменно поднял бровь Кесар.

— Его сын, — продолжал хрипло выкрикивать солдат. — Ты убийца...

— Нет, — твердо ответил Кесар.

Как ни отмахивайся от этого, но господство светлых народов было основано на вполне реальной силе — и силой этой были предрассудки и суеверия.

Стоя под ярким солнцем, все две тысячи его братьев-солдат — и кармианские Висы, и полукровки, и несколько десятков шансарцев, к которым относился и сам обвинитель — ощутили, как мороз пробежал у них по коже.

— Я всегда считал, что Эмел, сын Сузамуна, умер от чумы, — спокойно произнес Кесар. — Так говорил мне Ральднор, а он умел лгать. Вы сами были обмануты им — так же, как и я. Эмел был лишь пешкой в его руках. Если это действительно Эмел.

— Да, это Эмел! Истинно Эмел! — разом начала выкрикивать толпа, желая оправдаться перед ним за свой мятеж, придать ему оттенок законности.

И снова Кесар выждал. Когда установилась тишина, он окинул взглядом их всех. Все было, как обычно — его обходительность и его высокомерие. Их бог смотрел на них.

— Я очень хорошо помню Эмела, — заговорил Кесар, и им пришлось слушать. — Мощь богини... Она сокрушила династию Сузамуна, оставив одного лишь Эмела. Недаром говорят, что наш мир — лишь сон богини. Мы все — картинки в Ее сознании. Если Эмел жив, то королевская власть — его по праву. Кармисс принадлежит ему так же, как вы и я, господа, принадлежим ему, — он бросил взгляд на шансарца и добавил на родном языке двора Сузамуна: — Как Она этого хочет.

Большую часть пути в город он прошел пешком вместе с солдатами, а в полдень разделил с ними трапезу на обочине дороги. В какой-то момент королевский агент, крутившийся в толпе, презрел ранги и вернулся в порт.

— Еще не победил, но уже побеждает, — сообщил он тем, кто остался на кораблях с Лилией.

Это начинало напоминать дешевую пьесу и изрядно сбивало Кесара с толку. Мало того, где-то в глубине души или сознания это прямо-таки приводило его в ярость. Опять все то же самое — борьба и неизбежная плата завоевателям, Избранникам богини. Один из них случайно обронил семя, из которого вырос он, Кесар. Отец, которого он никогда не видел, — только несчастную, исходя-

щую слезами женщину из Ксаи, черноволосую кармианскую принцессу, уязвленную и униженную, как приблудная сука. Она не сумела даже повеситься как следует, и Вал-Нардия споткнулась об ее похолодевшие ноги. Их мать, будь она проклята. Она хорошо понимала колдовскую силу светлой расы и позволила ей себя уничтожить. Но он, Кесар, вырвал эту легенду с корнем — только для того, чтобы она снова дала ростки. Змея в Тьисе... Змея, которая была мечом.

Кесара снова начало лихорадить, но не сильно — ровно настолько, чтобы слегка помутить его сознание. Это не могло быть опасным.

Наверное, врач на корабле оказался не слишком опытным и держал раскаленное железо недостаточно долго, и теперь заражение снова пошло по его левой руке. Значит, операцию надо повторить.

Когда на дороге эти идиоты в доспехах в конце концов подхватили его на руки и так понесли в город, уже вся рука отозвалась волной мощной боли. Кесар справился с собой, поскольку знал, что обязан это сделать. Но он готов был убить каждого, кто имеет неосторожность схватить его за руку. В городе, на верхней площадке лестницы на Дворцовой площади, где раньше принимали посетителей брат-король и сестра-королева, он сделал над собой усилие и еще раз устроил им самый настоящий театр. И снова завоевал их.

Сейчас они принадлежали ему — все четыре или пять тысяч амланнских войск.

Осталось разобраться с Бийхом. Здесь Кесар не ждал особых сложностей, ибо еще раньше, в прибрежной деревне, получил довольно невнятное послание, в котором тот выражал свое почтение и преданность.

И затем, в завершение этого проклятого дня, неизбежное признание — все на той же лестнице, в тесной близости к своре грязных упившихся солдат — принца-короля Эмела.

Хорошо, что грядет война. Где-нибудь среди ее тягот Эмелу снова суждено умереть. Это не подлежит сомнению.

Но ведь все это не было неизбежностью. Эта западня, Ральднор, перехитривший сам себя, Сузамун, трижды проклятая Ашара-Анакир...

— Это должно помочь вам, мой повелитель.

Второй врач — первый отлеживался после порки — выпрямился, закончив свою работу. Рана, теперь покрытая слоем мази, казалась онемевшей, но легче не стало.

— Зайди сегодня вечером и прижги ее снова, — распорядился Кесар. — На этот раз как следует.

— Не беспокойтесь, мой повелитель. Я видел, что стало с моим предшественником.

— Ради этого оно и случилось. Что это у тебя?

— Настой, чтобы уменьшить вашу лихорадку.

— И нагнать на меня дремоту? Ты полагаешь, я могу позволить себе спать здесь? — Кесар резко оттолкнул чашу, так что она упала на пол. Такое насилие было необычно для Кесара — как правило, он бывал очень вежлив с нижестоящими. Кармианские

виноделы, занимавшиеся своим промыслом под покровительством короля, обожали его, превознося его великодушие и энергию. Те самые презренные люди за стенами в этот миг с радостью отправились бы сражаться за него с Вольным Закорисом. В прежние времена это тоже было частью его чар. Даже те, кто понес наказание, чувствовали себя отмеченными.

Рэм... Почему он думает о Рэме-Рармоне эм Дорфар, сыне Ральднора? Он скачет где-то с его поручением, разыскивая ребенка Вал-Нардии... Или это он сам спешит в Анкабек, которого больше нет. И ребенок... Нет, ребенок — это не более чем ночной кошмар. Ничего этого на самом деле не было.

Второй врач, который пришел всего час назад, поклонился и, незамеченный, вышел вместе с остальной свитой.

Следующим посетителем стал Бийх. К тому времени Кесар уже взял себя в руки.

Все прошло должным образом: выражение почтения, попытки подольститься, соглашения. Несомненно, Бийх по-прежнему оставался верен ему. Он заслуживал награды и получит ее еще до наступления лета. Нож между лопаток по самую рукоять. Впрочем, объяснений здесь и не требовалось.

Нож... Эта безмозглая заравийская кобыла! Неужели ее нож был чем-то смазан?

Никакие его раны, даже полученные в бою, не воспалялись. Тот осколок в морском сражении под Кармиссом, который должен был лишить его глаза, свернул со своего пути и оставил на память лишь маленький аккуратный шрам.

Только змее в Тьисе удалось его отравить, да и то по его собственному усмотрению. Тот шрам до сих пор хорошо заметен. Он лежит на три пальца выше того места, куда вонзился нож Улис-Анет.

Вал-Нардия, хотя и угрожавшая ему таким же ножичком, не посмела пустить против него в ход даже свои ногти. Убить себя ей оказалось проще.

— Ты хорошо потрудился, Бийх, — сказал Кесар. — Не стану преуменьшать твоих заслуг. Ты заслуживаешь по меньшей мере должность наместника Ланна.

Бийх, не сообразивший, что не получил в награду ничего нового, расплылся в дурацкой улыбке.

— А Эмел, мой лорд?

— Он боится, что я могу разделаться с ним? Если верить Ральднору, однажды я уже пытался это сделать.

— Да, мой лорд.

— Переубеди Эмела, — посоветовал Кесар. — Он мой король. Думаю, он оставит мне управление армией. Я солдат. Пусть каждый занимается тем делом, к которому лучше всего приспособлен.

Бийх изменился в лице. Помимо всего прочего, он был одним из Девятых. Он видел, как работает разум этого человека, знал кое-какие тайны девятилетней давности. И знал, что Кесару прекрасно известно о его знании.

— Есть еще одна вещь, мой лорд, — Бийх колебался, кусая губы. Но Кесар не выказал ни малейшего желания помочь ему, и он решился: — Ральднор сделал еще кое-что, желая обезопасить Эмела. А может быть, себя самого.

— Одевал мальчишку в женскую одежду и привил ему повадки шлюхи. Мне известно об этом.

— На самом деле, мой лорд, кое-что больше...

Черные безжалостные глаза со странным матовым блеском — лихорадка, говорят, какой-то убийца пытался зарезать его в Истрисе — с такой силой впились в Бийха, что он поежился. Лучше сразу все сказать, а заодно сделать подарок хозяину. Кесар и сам по себе рано или поздно поймет, что это не предмет для торга, а также увидит, как сказалась на армии вся эта кровавая круговерть. Он всегда был талантливым магом и постановщиком эффектных зрелищ...

— Ральднор привлек оммосских хирургов, и они сделали операцию того рода, какими славится их страна. — Кесар взглянул на него невидящими глазами, не понимая. — Да, мой лорд. Принц больше не мужчина. Его кастрировали. Он не отвечает статусу короля, во всяком случае, по меркам Висов — не будем пока о шансарцах. Вряд ли есть смысл сейчас поднимать шум по этому поводу, они так обидчивы. Но вот в совете Истриса...

Повисла тишина. Кесар медленно отпил вина.

— Откуда ты узнал? — внезапно спросил он.

Бийх пожал плечами. Мудрее будет во всем сознаться.

— Не думаю, что им это понравится... Я видел его без одежды. И спал с ним, — повисла новая пауза, однако Бийх почувствовал себя спокойнее, чем в последние дни, и добавил: — Вы могли бы оставить его в живых, мой лорд. Или нет — это на ваше усмотрение. Но этот бедный маленький евнух никому не принесет вреда.

Эта часть разговора прошла мимо Эмела. Зато он услышал все остальное.

Проведя долгие месяцы взаперти в амланнском дворце, он разведал некоторые его потайные щели. Так, иногда, замирая от возбуждения и отвращения, он наблюдал за извращенными постельными играми Ральднора, пробравшись на редко посещаемую верхнюю галерею, где было выломано несколько плиток. Кесар же стараниями своих капитанов расположился в бывших покоях Ральднора. Совсем нетрудно было пройти проторенным путем.

С момента появления кармианских кораблей Эмел ощущал, как на его шее неумолимо затягивается смертельная удавка. Потом Кесар вошел в город, и солдаты веселились почти так же громко, как в ту ночь, когда Ральднор в свете факелов предъявил им свою страховку. Эмел хотел где-нибудь запереться, но люди наводнили весь дворец. Теперь это место принадлежало Кесару — не только его личные покои, но и каждый темный уголок.

Эмелу понадобилась вся его смелость, чтобы решиться на подобный шаг. То, что он услышал, отнюдь его не успокоило, даже принимая во внимание прежние заявления Кесара. Обещания

оставить его в живых и сделать королем таили в себе зловещий подвох. Разве не все они обещали это ему? Бедный юноша горячо молился — не Ашаре или какому-то другому божеству, но своему личному, неоформленному богу, — чтобы Бийх оказался в состоянии защитить его. Он верил в преданность своего нового друга. И был потрясен, услышав, как Бийх без всяких колебаний отказался от него.

Эмел вернулся в свою спальню. От Ральднора он перенял склонность к жестокости, и теперь, прихватив жучка с двери, обрывал ему лапки, плача от страха. Заслышав в коридоре шаги, которые вполне могли быть шагами его палача, Эмел торопливо раздавил каблуком остатки чужой жизни.

Новый ослепительно-оранжевый закат озарял новую церемонию на дворцовой лестнице. Лучи заходящего солнца ложились на яркие стены и переходы дворца, на его крепкие деревянные колонны, расписанные ярко-синими и красно-коричневыми лотосами, на изящные летящие капители. По настоянию Кесара на церемонии присутствовали король и королева — они сидели за его спиной, на верхней площадке, в своих креслах из слоновой кости, их руки украшали браслеты из того же материала. Королева выглядела очаровательно, но ее брату-мужу все еще явно нездоровилось. Кесар поинтересовался его здоровьем.

— Ничего страшного, лорд король Кармисса, — ответила королева.

— С того момента, как мои войска вошли в Ланн, он все слабеет и слабеет, — возразил Кесар.

— О да, мой лорд. Он и я — это Ланн. Боль нашей земли отзывается в нас болезнью.

— А вы сами? Я бы рискнул сказать, что вы цветете, мадам.

— Просто очень хорошие краски для лица, лорд король. Разве вам не говорили? Даже ланнцы знают, что это обман зрения.

Он снова подумал о Вал-Нардии. Сестра и жена.

Он вышел под лучи заката, за ним последовали кресла из слоновой кости и прочие участники действа. Толпа забила всю площадь, солдаты свешивались с деревьев и крыш. Надо думать, здесь были и амланнцы, пришедшие взглянуть на редкое зрелище. Пожалуй, восстановление светловолосого руководства, этой подделки, станет горькой насмешкой и для Ланна тоже.

Казалось, свет над площадью дрожит от дыхания собравшихся людей. До предстоящего повторного прижигания оставалось чуть меньше часа.

Наконец Эмела доставили к подножию лестницы. Завидев его, тысячи солдат начали кричать и колотить в свои щиты.

Этот грохот отозвался болью внутри черепа Кесара, но он заставил себя спуститься на несколько ступеней, чтобы приветствовать мальчика, который, по сути, не был мальчиком. Так, ошибка, которую невозможно исправить до возвращения в Кармисс.

Эмел смотрел вверх, слишком напуганный, чтобы укрыться от гипнотических глаз Кесара. Рука, тронувшая его за плечо,

осталась прежней, не растеряв своей силы за минувшие годы. Когда-то эта рука подсаживала его в седло и на колесницу, вела и направляла его. Как-то зимой, когда ему довелось обморозиться, именно эти руки растирали и согревали его детские ручонки, возвращая их к жизни. Эмел боготворил Кесара. Человека, который хотел его убить.

Казалось, Кесар изучает юношу, глядя строго и в то же время сочувственно. Затем он обернулся к солдатам, и голос его без труда разнесся по всей площади:

— Это действительно Эмел. Сын моего короля и мой король.

И когда толпа взвыла от восторга, Кесар опустился на колени перед мальчиком.

Он сделал это иначе, чем Ральднор, но в точности так же, как тогда, в Истрисе, в зале с картой. Эмел смотрел на коленопреклоненного человека. Закат угасал, его свет делался гуще и тяжелее, кровавыми отблесками ложась на блестящие черные волосы и окрашивая светлые одежды в цвет крови.

Эмел развернулся к солдатам, желая лично говорить с ними. Небывалый случай. Они зашикали друг на друга, и внезапно разноголосица стихла. Словно образовалась пустота, заполненная лишь зловещим красным светом заката.

Юноша смотрел на свой народ, а он — на него, с сочувствием и одобрением. Казалось, солдаты подбадривают его взглядами. Они всегда так делали — должно быть, они любят его. И их так много. А Кесар, его враг — один.

Внезапно Эмел принял отчаянное решение. У него имелось всего несколько секунд, чтобы выполнить его, и он знал об этом. Простирая руки к толпе, он закричал своим высоким девичьим голосом:

— Это все ложь! Он убьет меня! Кесар хочет убить меня! Не дайте ему... пожалуйста, спасите меня! Помогите мне...

Снова и снова одни и те же фразы вылетали из его уст. Его крик возвысился до пронзительного визга, и его мука красноречиво говорила даже тогда, когда слова были неразличимы. Передние ряды кармианских солдат отреагировали мрачным и неуверенным гулом, от них в глубину площади покатилась волна вопросов и отрицаний.

Все это могло перегореть само по себе. У Эмела была не настолько крепкая глотка, чтобы вопить дольше. Но тут Кесар поднялся. Он глядел на этого визжащего кастрата, и его всегда холодная кровь малопомалу закипала.

— Успокойся, — жестко произнес он.

Однако Эмел и не подумал успокаиваться — он отскочил в сторону и принялся громко рыдать, отбиваясь и всхлипывая.

В его поведении чувствовалось не только отчаяние, но и злость. Именно она толкнула мальчика на эту выходку. Навредить тем, кто его предал, даже пытаясь уберечься от них! И поэтому, когда Кесар потянулся, чтобы схватить его и успокоить, Эмел развернулся, и сквозь его полудетскую истерику прорвалось рычание. Он набросился на Кесара, колотя его и царапая, стараясь удержать на расстоянии.

Эмел ничего не знал о маленькой пульсирующей ранке на руке врага. А если бы знал, то, может быть, инстинктивно пытался бы не задеть ее.

Но его атака, уже почти сошедшая на нет, повторно обрушилась туда, именно туда... Боль взорвалась внутри тела Кесара, пронзила мышцы, кость и покатилась дальше — в грудь, горло, по всем жизненно важным органам. Эмел же, видя, как отпрянул его враг, продолжал снова и снова бить в эту точку.

Солдаты вокруг, не очень понимая, что происходит, начали откровенно посмеиваться, позабавленные бессильными ударами мальчика-короля. И тут Кесар сам ударил его.

Наверное, все ждали чего-то вроде отцовского шлепка. Но это оказался отнюдь не шлепок.

Те, кто стоял здесь, были бойцами, и именно поэтому почти все они похолодели, ибо осознавали, что подобный удар призван сломать шею юноше. Так и произошло.

Эмел рухнул, словно что-то в нем разлетелось на куски, и покатился по лестнице, прямо на первый ряд солдат у ее подножия. Над ним склонились, потрогали и оставили в покое. Теперь гул поменял свой оттенок и стал куда быстрее распространяться по толпе.

Тем временем свет почти померк. Последние красноватые отблески освещали убийцу, так и стоящего на той ступени, до которой он дошел, встречая своего короля.

Он не двигался, не говорил ни слова. Но не боль, не лихорадка или гнев обратили его в камень. Может быть, это была ирония или что-то подобное ей, но более жестокое. До сих пор Кесар использовал смерть так часто и так умело — но втихомолку. Сейчас же он не мог не понимать, что, проделав это при большом стечении народа, сам подписал себе приговор.

23

— Что-то горит, — сообщил Дхакер Опаловый Глаз, вглядываясь сквозь наползающую ночь в далекое побережье. И не ошибся.

Поймав попутный ветер, три закорианских галеры по широкой дуге направились к ланнскому берегу. Еще издали они разглядели зарево пожарищ, которое все объясняло. Большая часть амланнского порта была охвачена огнем.

Часть авангарда закорианского флота, корабли Дхакера отнюдь не утратили пиратской сноровки. У них имелись причины для захода в чужой порт, причем вполне дипломатического свойства, ибо К'сар эм Кармисс, совершенно явно ввязавшийся в схватку с кармианскими мятежниками в Ланне, был союзником короля Йила. Но долгие зимние скитания вдоль Таддры и бесплодного, но хорошо охраняемого дорфарианского севера так и толкали их в драку. Несомненно, там их ждала богатая добыча — целый город, полный выпивки и женщин, ибо кармианцы еще не успели употребить все это добро.

Шлюпки направились к берегу, обходя кармианские якорные стоянки, которые, впрочем, были странно пустынными.

Когда они высадились, сражение в порту уже закончилось — их встретили горы трупов, пожарища и разрозненные мародеры. Амланнцы тоже куда-то делись, скорее всего, в холмы, ибо горы и холмы были душой Ланна.

Дхакер распределил своих людей. Часть из них осталась зачищать порт и присматривать за своими галерами. Остальные двинулись по дороге в Амланн.

Когда они приблизились, отсветы над городской стеной ясно сообщили им о поджогах в самом городе. Их миссия постепенно меняла свой характер.

Ибо, невзирая на все договоры, Вольный Закорис ненавидел Кесара. В нем текла кровь желтых людей, а кроме того, всю молодость и начало зрелости он потратил на небезуспешные попытки втоптать Вольный Закорис в грязь. Теперь же он сам падал к ним в руки, как перезрелый плод. Несомненно, короля Йила порадует такой пленник. Да и Кармисс вместе с востоком расслабятся — и станут легкой добычей.

Мятеж в Амланне начали шансарские войска. Основание для этого лежало на поверхности — Эмел был из их народа. Когда Кесара схватили и, как преступника, препроводили во дворец, тут же был созван совет. Время солдатского правления не прошло даром, и шансарцы ждали, что убийцу законного короля выдадут им на расправу. Страсти кипели. Люди светлой расы проклинали Кесара, называя его проклятым Висом, мерзавцем и черным шакалом, и очень быстро перешли на его ближайшее окружение. Солдаты-Висы, которым тоже пришлась по вкусу независимость, и не только здесь, в Ланне, но и в висском Кармиссе под властью Кесара, решительно оскорбились. Прочие встали на ту или иную сторону. По большому счету, в амланнском гарнизоне давно не осталось никакой дисциплины. Ральднор и его преемники разрушили ее; Кесар же, который мог бы восстановить порядок в армии, был отстранен. И люди, завывая, вцепились друг другу в глотки: Висы против шансарцев, полукровки против тех и других, отряд на отряд. Пока события в городе набирали ход, гонцы и отдельные маньяки принесли в порт эти сведения, а за ними и кровавую баню. Остатки эскорта Кесара, поспешившие ему на помощь с кораблей под Лилией, были перехвачены по дороге.

Один небольшой яростный отряд прогрыз себе путь сквозь безумных шансарцев и рычащих истрийцев, через охваченный огнем город и потоки ланнских беженцев — вперед, к воротам дворца. Он был последним и единственным местом, которое еще было защищено. Его охраняли уцелевшие кармианцы, во главе которых стоял ошеломленный, плохо соображающий Бийх.

— Ваша честь, сюда идут три посудины Вольных закорианцев!

— Адские бездны! — выругался Бийх — и был недалек от истины. Закорианцев не набиралось и шести сотен, однако они были бесцеремонными, энергичными и сохраняли боевой порядок.

Порт стоял беззащитный, с широко распахнутыми воротами. Установить хоть какое-то единство в кипящем водовороте было невозможно. Это смог бы сделать только Кесар. Но он сейчас сидел в погребе, куда его отвел лично Бийх.

— Мой повелитель, — твердо сказал он, разрываясь между нервной дрожью, ошеломленным удивлением, и извращенным удовольствием, — ради вашей же безопасности я обязан оставить вас здесь. Связанным и под охраной.

Кесар лишь усмехнулся, а, может, оскалился, как делает перепуганный пес. Но Бийху было уже не до этого. Он поспешил наверх и окунулся в текущую неразбериху.

Собрав семь десятков человек, Бийх расставил их у дворцовых дверей. Он также попытался приставить к делу ланнцев из казарм под знаком Саламандры. Но большинство из них разбежалось или было занято спасением своих семей из этого кромешного ада.

В конце концов отряд Опалового Глаза прорвался к входу в амланнский дворец. Большинство уличных бойцов вовсе не искало драки и перебегало с места на место в поисках убежища понадежнее. Ничего удивительного, что они просмотрели отряд закорианцев. Защитники дворца сопротивлялись храбро, но недолго. Их изрубили на куски под стенами, меж колонн и на галереях. Вскоре закорианцы были уже во дворце. Они не ставили целью удержать его, просто шли вперед, хватая добычу, однако не устраивая поджогов. Они вели сосредоточенный поиск. Король и королева, по настоянию своих телохранителей, бежали. В общей суматохе их удалось успешно вывезти из города.

В конце концов люди Дхакера все-таки ворвались в погреб, перешагнув через выпотрошенные тела пятерых кармианцев, и обнаружили там Кесара — со связанными руками, как они и мечтали.

— Вот он, — произнес Опаловый Глаз, — тот, который больше не король. Эй, слышишь? Ты больше не король, К'сар эм Кармисс.

Справиться с Кесаром, не только закованным, но и сломленным лихорадкой, не составило труда. Убивая здесь и грабя там, они пробились обратно на дорогу, затем в порт и на свои корабли.

Их рабы гребли к северу, оставив на горизонте тлеющие угли Амланна.

Дхакер сам прижег зараженную рану на руке своего пленника. Он раскалил железо добела и прижимал его к плоти Кесара ровно столько, сколько было надо, может быть, несколькими мгновениями дольше. Дхакер не хотел, чтобы его добыча померла до того, как он воссоединится с флотом Йила. К тому же отцу Дхакера довелось оказаться в Тьисе.

Дом, обычно такой безмятежно и бесплодно спокойный, внезапно наполнился криками. Заслышав в коридоре чьи-то стремительные шаги, Улис-Анет обернулась навстречу вестям.

— Госпожа...

 — В чем дело?

Ей рассказали.

Дочь заравийского короля развернулась и ушла в сад. Она не хотела участвовать во всей этой суматохе. Белые голуби, возмущенные неожиданным шумом, взмыли в кусочек неба, ограниченный стенами цвета красной розы.

Из Ланна вернулись корабли с Лилией. Другие корабли готовились отплыть из Истриса, чтобы вывезти из Ланна остатки кармианских войск. Говорили, что там по всей стране носятся гонцы на зеебах, собирая своих с холмов и утесов, из всех долин и деревень. Каждый кармианец обязан был вернуться на родину. Ланн, использованный и растерзанный, бросали как кость Вольному Закорису — пусть грызет, если хочет.

Черный Леопард стремительно подбирался к самому Кармиссу. Больше не союзник — захватчик. Все соглашения и договоры были перечеркнуты.

Кесар, безумец и убийца королей, находился в руках Вольного Закориса.

Недавно ей снился сон. Улис-Анет не могла в точности вспомнить его, но в нем присутствовала змея, чьи зубы блестели, как ножи. Это было страшно. Улис-Анет заплакала во сне и проснулась в слезах. Теперь она поняла, к чему этот сон, и снова заплакала.

Она не любила его — и любила его. Ему суждено умереть, и Кармисс погибнет, а она будет винить себя, потому что все было показано ей во сне, но она не смогла понять, что к чему.

— Госпожа, вы замерзнете так! Вот ваш замечательный плащ с мехом калинкса, который он вам подарил.

— Нет, — пробормотала Улис-Анет. Но ее все равно подняли с травы и осторожно повели обратно.

— Полно, госпожа! В Истрисе небезопасно. Город полон сумасшедших солдат, и корабли все прибывают. Лорд-правитель вводит комендантский час. А булочник говорил, что на закате видели черные галеры Леопарда...

— Мы уезжаем вглубь страны, — раздался мужской голос. — Поторопитесь, госпожа, вы нас задерживаете.

Улис-Анет была сбита с толку. Она подумала, что ее хотят продать как рабыню.

— Но Кесар... — начала она.

— Забудьте о нем, госпожа. Кесара разрезали на кусочки и скормили рыбам.

— Тише! Оставьте ее, — вмешался кто-то из женщин.

Ночь принесла видимость успокоения. Она уснула на руках у своих девушек.

Звезды выткали узор по небесной черноте.
Они находились среди холмов Кармисса.

Улис-Анет глядела на звезды, и ее заполнили мысли о мироздании. В молитвенном жесте она воздела руки к небу. Здесь это выглядело нелепо, но элирианские астрологи поняли бы такие причуды.

Это была маленький постоялый двор. Когда взошло солнце, Улис-Анет оказалась там совсем одна. Даже ее анкары и украшения куда-то подевались, а роскошный плащ из черно-белого меха, видимо, разделился на живых зверей, которые просочились под дверь.

Над ней нависал хозяин постоялого двора.

— Ну, прекрасная госпожа — прекрасная шлюха! Как вы будете расплачиваться со мной?

Он изнасиловал ее. В любое другое время столь ужасная вещь вызвала бы у нее омерзение, возможно, свела с ума. Но сейчас она уже перешла эту грань. Все оскорбления, которыми осыпал ее мужчина, скользили по ее сознанию, не проникая вглубь.

— Этого недостаточно, — сказал хозяин.

Он велел ей почистить камины и натаскать воды, обещая высечь за нерадивость. Неужели ее все-таки продали и даже не сообщили об этом?

— Я любовница короля! — бросила она ему в лицо, поднимаясь с постели.

— Король! Нас порвут в клочья из-за этого короля. Вон! Я жалею, что запачкался о тебя, шлюха с красными волосами.

Дорога стелилась длинной лентой. Она вела в Иоли, где Улис-Анет никогда не бывала. Казалось, люди из всех городов и деревень снялись с места и пустились в путь, туда или сюда — дорога была забита всем, что способно двигаться. Повозки и фургоны, мычащий скот и дребезжащая утварь, увязанная кое-как. Старики, слишком слабые, чтобы передвигаться, обреченно сидели на обочине, дожидаясь смерти.

Улис-Анет шла в потоке беженцев, при всем своем многообразии представляющем собой единое существо. Она не знала, куда идет. Было ли безопасно в Иоли? Вряд ли. Куда же тогда? Наверное, на запад, прочь с острова. В Дорфар, где их всех защитит Повелитель Гроз. Кесар — не более чем падаль, которую уже рвут вороны. Хорошо одетая старуха, видимо, из приличной семьи, упала на дороге прямо перед фургоном, который был вынужден остановиться с проклятьями и причитаниями. Улис-Анет помогла ей подняться, припомнив свою бабушку из Зарара, где даже во времена снегов дворец согревало по-весеннему жаркое солнце. Приличная старуха вцепилась в девушку мертвой хваткой. Улис-Анет оказалась в безвыходном положении — она не могла выкинуть на произвол судьбы ту, кого только что спасла.

— Кесар... он был моим любовником, — сказала тогда Улис-Анет. Старуха плюнула в нее, и ее плевок заблестел на солнце. Брошенный кем-то камень поранил ей руку. Изменники! Еще три дня назад они любили его. Когда она сама не любила.

Не доходя до Иоли, Улис-Анет пристала к временному лагерю. Она грелась у огня и, когда спустилась тьма, разглядывала звезды.

У костра развлекались жутковатым представлением — о том, как придет смерть и никого не пощадит.

— А здесь стоит Вольный закорианец с огромным окровавленным мечом и говорит мне: «Куда я его положу?» А я молю своего товарища, чтобы он наконец раскрыл свой проклятый рот и сказал хоть что-нибудь...

У другого костра пели: «Нет больше Утренней звезды, чтоб вывести нас из тьмы...»

Какой-то мужчина попытался пристроиться рядом с Улис-Анет.

— Кесар, — сказала она. — Он...

Мужчина побил ее, но не сильно. Она была отверженной — он не хотел пачкаться.

По слухам, на одной из стоянок находились дорфарианские корабли, собирающиеся отплыть. Каким-то образом Улис-Анет прибилась к семье, которая подкармливала ее, а сейчас тащила на эти корабли.

Она представила себе, как окажется в Дорфаре и жалкой просительницей бросится под колеса колесницы Ральданаша, когда тот отправится на войну.

— Почему ты смеешься? — спрашивали ее дети.

— Оставьте ее. Она сумасшедшая, несчастная сучка.

Когда они прибыли на берег, там не было никаких кораблей. Семейство сбежало куда-то на запад, оставив эту помешанную, которая приносит несчастье.

Улис-Анет побрела вдоль берега вместе с солнечными бликами на волнах. Утомившись, она уселась на камень и стала смотреть на море.

Волны набегали на берег, но эта картина не приносила ей покоя. В молчании моря ей виделся Кесар и то, что способны сделать с ним Вольные закорианцы. Она была наслышана о его первом подвиге в Тьисе и о той морской битве, что случилась год назад. Улис-Анет очень боялась увидеть это наяву — внутренние преграды падут, и сознание Кесара хлынет в ее мозг. Его пытки, его смерть... она переживет это вместе с ним и ничего не сможет сделать.

Затем произошло нечто, чего Улис-Анет так и не поняла — только ощутила последствия. Позже она иногда сомневалась, иногда верила в случившееся.

Кесар не умер. Еще нет. Она узнает о его смерти. Наверняка.

Незадолго до заката грозовая туча проплыла над морем и ушла куда-то на северо-восток. Улис-Анет поднялась со своего камня, зашла по колено в прибой и провожала глазами черное облако, пока оно не растаяло на горизонте.

Примерно час спустя на краю неба появилась еще одна туча — на этот раз черная с краснеющим краем. Сначала Улис-Анет решила, что эта краснота — отблеск зашедшего солнца. Потом ей почудилось, что она видит ночной кошмар, ибо темным облаком были закорианские галеры, а красным отсветом — вспышки огня.

Не разбирая дороги, она бросилась бежать примерно в ту же сторону, куда раньше удалилось семейство, — на запад, словно желая убежать от наползающей ночи.

В темноте она разглядела вдали какие-то огни и приняла их за пожар, но затем поняла, что это огни факелов. Они маячили в неглубокой бухточке, где несколько грубо сколоченных, протекающих лодок бились друг о друга на волнах.

Там были люди — не очень много, как выяснила Улис-Анет, когда подошла поближе.

— Смотри, у нее волосы цвета лепестков улиса, — воскликнул один из них. — Добрая примета.

До сих пор она служила лишь дурной приметой.

— Куда вы направляетесь? — спросила она у них.

— На остров.

Она непонимающе взглянула на них. Какой остров? Кармисс сам по себе остров.

— К святому алтарю, — пояснил другой мужчина. — Однажды Леопард уже разгромил это место. Он не вернется туда снова. Там безопасно.

Под покровом безлунной ночи они двинулись в сторону Анкабека, прихватив с собой Улис-Анет — за ее счастливые волосы.

Люди Водона бросили Ее в море со скалы — анкабекскую богиню, Ашару-Анакир. Там она и лежала, погруженная в сон, так же, как в Иброне над Корамвисом. Ибо сказано: «Однажды она увидела наш мир во сне».

Траурный силуэт на траурном небе, заслонивший звезды, остров понемногу вырастал из моря.

«Разве я уже не проделала этот путь раньше? В мгновение ока, мертвая?» — спрашивала себя заравийка. Но нет, и это тоже сделала Вал-Нардия.

За прибрежной полосой вздымался остров, однако деревня была опустошена Леопардом. Говорят, на острове не осталось ни одной живой души, теперь тут обитают лишь призраки — убитая жрица и ее народ... Но кто ходил проверить это?

Они вошли в деревню и расположились, как смогли. Остатки стен укрывали от порывов ветра. Люди достали и натянули какие-то шкуры, чтобы развести костер под их защитой. Они увидели на скале ящерицу, маленькую серую драгоценность, живую, несмотря ни на что. Приготовили скромный ужин. Их состояние было неподдельно радостным, но здесь, на тихой пристани, всегда останется запах утраченного, того, что творится во внешнем мире. Они даже не упоминали о Висе.

Думая о Кесаре, Улис-Анет не могла есть.

— Мне кажется, ты кого-то потеряла? — участливо похлопала ее по руке одна из женщин.

Улис-Анет посмотрела на землю, на звезды в небе — и эти звезды увели ее прочь, по каменистой тропе, через какой-то

жутковатый лес. Темнело, но тут и там можно было разглядеть ветви и сучья, сохранившие жизнь и теперь выплескивающие ее наружу маленькими смолистыми почками, наполнившими воздух сладостью. Она шла по этой тропе почти час.

Храм стоял на самой высокой точке острова. Приоткрытые ворота зияли узкой высокой щелью — двери были разбиты, а их механика прямо-таки выдрана с корнем. На стенах чернели старые отметины. Но, хотя внизу путь был буквально проломлен, верхнюю часть храма, где располагалась святилище, по-прежнему надежно запирала круговая стена.

Улис-Анет подошла к камню и припала к его прохладе ладонями и лбом.

Вал-Нардия повесилась. «Не для того ли и меня доставили на Анкабек?» — подумалось ей.

Снаружи, в сожженной роще, запела ночная птица. Жизнь среди смерти.

О, Кесар, Кесар...

Улис-Анет упала на колени, прижимаясь губами к непроходимой стене. Откуда-то, должно быть, из детства, выплыла старая молитва эманакир. Она произнесла ее слова, не понимая ни их значения, ни цели, и слезы ее были теплее, чем опаленный камень.

— Не то, чего не хватает, и не то, чего желаю, — дай мне лишь то, что я есть!

Через миг камень подался. Часть стены перед Улис-Анет медленно отодвинулась. Стена была подобна флейте, но нужные точки располагались так низко, что нажать на них можно было, только опустившись на колени. Флейта отзывалась на дыхание самого разного вида, оформленное звуками речи. Все молитвы, а их было более сотни, являлись ключами, и Улис-Анет случайно нашла один из них.

Святилище за отодвинувшейся стеной было в таком виде, в каком оставили его пираты, и погружено во тьму. И все же Улис-Анет шагнула вперед. Она боялась, понимая, что стена снова закроется. Лишь оказавшись заключена внутри, девушка увидела выход — через одну из внутренних дверей, тоже взломанных людьми Водона, и далее, по лабиринту подземных переходов...

Она стояла во тьме, с хрустом давя ногами то ли какие-то черепки, то ли человеческие кости, не видя даже статуи богини, которая могла бы ее успокоить.

И все же богиню можно было вызвать. Она была здесь для всех, кто взывал к Ней, — не о том, чего не хватало, не о том, что было желанно, но о том, что являлось его сутью.

Нет, перед ней парил вовсе не призрак Вал-Нардии. Это была женщина, о которой они шептались в лодке, — жрица Эраз.

— Помоги мне, — взмолилась из темноты Улис-Анет.

«Помощь в тебе самой. Ты сама должна помочь себе».

— Да, — кивнула Улис-Анет. — Помощь во мне. Я обязана помочь себе.

* * *

Послание из Вольного Закориса в Кармисс было весьма сжатым. Ваш король у нас. Собираетесь ли вы платить выкуп? Лорд-правитель Истриса поинтересовался его размерами. Ему ответили: выкуп — Кармисс. Таковы были закорианские шутки. Кесар уже подарил Леопарду принца Рармона, брата Повелителя Гроз. Но Леопард желал иметь самого Кесара и теперь получил его. Точно так же он получит и Кармисс — отданный или завоеванный. Они уже пометили эти берега, как свои.

Дни становились все теплее, черные грозовые тучи ежедневно собирались на небе и изливались дождем на Вис.

На севере дорфарианские корабли с баллистами начали мало-помалу выходить в недружелюбное море. Это были несерьезные походы — в основном, чтобы отвлечь врагов от королевства Ральданаша, где накапливались войска и вооружение. Как-то ночью группа дорфарианцев подплыла и подожгла четыре закорианские галеры. Пока на верхних палубах бушевал пожар, дорфарианцы через пролом проникли в трюмы и, разбивая цепи, освободили почти всех рабов. Их доблестный подвиг воспели в песнях, но как-то позабыли, что в это же самое время пятьдесят закорианских кораблей вошли в главное русло реки Окрис. Таким образом, перед ними открылась широкая дорога в самое сердце Дорфара. Дельту реки удерживал гарнизон в семь тысяч человек. Они мужественно сопротивлялись закорианскому нажиму, который, похоже, и не думал ослабевать. Появлялись все новые черные галеры, в ответ все новые части, в основном заравийские и дорфарианско-ваткрианские, подтягивались к устью ускоренным маршем или крались на восток к блокированному побережью.

На берегах Оммоса было прямо-таки черно от кораблей. Оммосскую оборону в который раз пробили в Карите, этом неизменно слабом месте. Но дорфарианские войска, направленные сюда как раз на подобный случай, устроили удачную засаду, разбили и отбросили силы Йила обратно в море.

Из Зарависса поступили донесения о схватках в порту города Илах. Далеко на севере его дозорные башни озаряли небо малиновыми вспышками, словно там дышал дракон.

На востоке замер в безмолвии смешанный с грязью Ланн. Никто пока не приходил его завоевывать, но опустевшие деревни говорили сами за себя. Дым от старых пожарищ рассеялся, на холмах распустились цветы, однако все жители словно переселились куда-то на луну.

На западе Вардийский Закорис вместе с союзными королевствами Иской, Корлом и Оттом провел всеобщий призыв. Элисаарский флот, включающий сто двадцать два корабля, курсировал взад-вперед вдоль их изрезанных берегов. Шансарские корабли, тридцать резных лебедей со змеиными головами, вышли из Мойи и взяли курс на запад.

Стратегия Йила была очевидна: он собирался перебросить свои основные морские силы с запада на юг против Элисаара и Старого Закориса, затем по Внутреннему морю между Элиса-

аром и Зарависсом пройти к Оммосу, уже изрядно разоренному, и отсюда уже нацелиться в самое чрево Виса — Дорфар.

Леопард и не скрывал своих планов. Он наносил удары то здесь, то там, он был повсюду. Сил хватало — более двадцати лет Закорис готовил корабли и людей, чтобы ударить нынешним летом.

Лесной пожар выжег джунгли на северо-западе Вардийского Закориса, и теперь трехтысячное войско с колесницами, катапультами и осадными устройствами, которые тащили палюторвусы — чудовища болот, нагонявшие ужас на тех, кто прежде их не видел, — прорвалось к сторожевым постам Сорма у подножия разделяющих гор. Вольный Закорис взирал на Закорис завоеванный. Закорианские защитники отказывались подчиняться вардийским офицерам, убивали их и дезертировали. Разбитые наголову, силы Сорма отступили, оставив приграничные области в руках Йила, и установили новую границу, очень боясь, что Леопард не остановится на этом и повиснет у них на хвосте.

В северо-восточную Таддру Леопард вторгся по рекам. Вольные закорианцы заняли стратегически важный Тумеш под высокими пиками Драконьего хребта Дорфара. Выше, на горных перевалах, пришли в боевую готовность дорфарианцы.

Когда-то давным-давно океан, простирающийся на юг и юго-запад от материка Виса, не представлял особой ценности, ибо не зря именовался Морем Эарла. Как выяснил Ральднор эм Анакир, причиной этого названия стало множество подводных вулканов к западу и югу от Элисаара. Но с тех пор торговцам удалось найти новые, менее смертоносные пути на второй континент.

К тому же угасание Погибели Эарла открыло пути во Внутреннее море в обход Элисаара; в былые же времена ни один корабль не рисковал спускаться южнее Саардоса. Разумеется, Вольные закорианцы использовали и эту широкую дорогу.

Путешествие на юг, если огибать западное побережье Виса, занимало у крупного флота больше месяца. Но по земле прохода не было вообще. Там щетинилась джунглями и разливалась десятками безымянных болот Таддра — край, не имеющий никакой цены, никого не интересующий. Там, где эта омерзительная местность мысом вдавалась в море напротив Элисаара, на скальном выступе был торжественно установлен большой маяк. Мелкие суда шли мимо этой области на веслах, наблюдая добрую половину соседних стран.

Сюда уже выдвинулся большой флот. По самому точному подсчету он включал в себя сто шестьдесят пять кораблей, набитых людьми так плотно, как умеют только Вольные закорианцы — примерно восемнадцать тысяч бойцов.

Их рабы гребли не только скованные, но и с повязками на глазах — на случай, если им доведется встретить соотечественников, и их охватит прилив патриотизма или надежда на спасение. Такие меры вызвали недовольство — небольшая кучка рабов взбунтовалась. Их пытали на палубе, а остальные, слепые, но не глухие, вынуждены были грести под их стоны. Только когда жертвы потеряли голос, их вы-

швырнули за борт. Тут же из джунглей выскользнули какие-то твари, похожие на огромных ящериц, и накинулись на угощение.

Как-то на рассвете передовые галеры заметили стеклянную башню, плывущую над водой. Это был айсберг, влекомый ветрами и непонятными течениями на запад, чтобы медленно растаять под жарким солнцем.

Вольных закорианцев не слишком заинтересовало это чистое холодное творение. Они утверждали, что у него было женское туловище с грудями.

Дорфарианский флот стоял на якоре у Тоса.

Люди Междуземья редко сражались на море. Со времен Рарнаммона сила Дорфара заключалась в людях, колесницах и, может быть, в стенах. Даже во время войны Равнин они отвергли корабли Континента-Побратима и вели битву на суше до тех пор, пока земля сама не заколыхалась, как море, и тем не прекратила сражение.

Людьми кораблей были ваткрианцы, и все суда строились в ваткрианском стиле — прекрасные и высоконосые. Белые паруса сияли, украшенные ржаво-черным Драконом Дорфара, черно-золотыми Змеей и Тучей и бело-янтарными на белом знаменами Анакир Дорфарианской. Ваткрианские корабли сверкали голубыми символами Ашкар и выглядели нарядно, как на празднике. Тарабинский флот, заранее выкрашенный в цвет крови, отбрасывал на волны отсветы цвета вина. Однако вся вместе эта красота не насчитывала и сотни судов. С родины не пришло ни подкрепления, ни даже вестей. И хотя кармианское бряцание оружием вдруг обернулось ничем, было уже слишком поздно. Все союзы рассыпались, как труха. Людям Междуземья предстояло биться в одиночку, как они и предполагали зимой.

Когда на закате Ральданаш прибыл в Тос, весь город вышел его чествовать. Доспехи блестели в последних солнечных лучах, цветов распустилось уже достаточно, чтобы с головой засыпать и Повелителя Гроз, и его воинов. Кто знает, останется ли в следующем году у жителей этого города хоть немного солнца и цветов?

Начальник портового гарнизона, слишком пожилой, чтобы воевать самому, но отдавший во флот двоих сыновей, поклонился и удалился, оставив короля беседовать со своими военачальниками.

Однако после обеда разговор увял. Большинство мужчин стремилось поскорее уединиться с обезумевшими тосскими женщинами. Чуть ли не все девушки города выстроились в очередь, горя желанием отдать девственность герою или просто другу. Если их возьмут силой Вольные закорианцы, они хотя бы будут помнить, как это бывает на самом деле...

Когда взошла луна, Ральданаш одиноко сидел без сна в спальне, увешанной кричаще яркими шелками, которую уступил ему на эту ночь начальник гарнизона.

— Мой повелитель, ваше место здесь, в столице, — говорил ему в Анкире Венкрек. — Не стоит отправляться на эту

прогулку с риском наткнуться на Вольный Закорис где-нибудь у входа во Внутреннее море...

— Гораздо западнее, — с отсутствующим видом поправил Ральданаш.

— Неважно. Вы думаете, что Йил спит и видит что-то иное? Вы — там, а Леопард врывается сюда, через Окрис или из Оммоса. Ральданаш, Оммос висит на ниточке — это может случиться в любой день.

— С твоей безупречностью и здравым смыслом ты сумеешь защитить Дорфар, — спокойно произнес Повелитель Гроз.

— Дорфар, лишенный сердца. Лишенный короля, — не удержавшись, Венкрек подкрепил эти слова резким ваткрианским ругательством.

— Народ Дорфара ждет, чтобы я сделал то, что уже делаю, преградил путь силам Леопарда на море еще большей силой. Мы не имеем права сидеть и праздно ждать, пока их сто шестьдесят кораблей сами придут к нам.

— Мой повелитель, я никогда не подозревал, что вы способны ринуться в такую авантюру.

— Если бы Рармон был здесь...

— То он немедленно сорвал бы с вас корону и бегом помчался к Йилу делить ее, — зло докончил Венкрек.

— Нет, — отрезал Ральданаш. — Меньше слушай закорианскую пропаганду.

— Для чего ты это делаешь? — спросил Венкрек, перейдя на ваткрианский язык.

— Я уже ответил тебе, — отозвался Ральданаш на том же языке.

— Нет, мой повелитель, вы не ответили.

Ральданаш посмотрел на него, и Венкрек, внезапно отодвинув в сторону все военные атрибуты, прошел к королю через всю комнату и обнял его, как будто они снова были детьми в долинах Ваткри. Такое бурное проявление чувств, как любви, так и гнева, потрясло Ральданаша, но он постарался не подать виду.

— Если бы не твоя доброта и поддержка... — произнес он спокойно, когда Венкрек отпустил его.

— Я слышал, что на королевской галере будет двадцать жрецов-эманакир, — сказал Венкрек, возвращаясь к своим бумагам. Ральданаш ничего не ответил. — Могу ли я знать, зачем?

— Чтобы призывать Ашкар-Анакир.

Помолчав, Венкрек заговорил:

— Мой повелитель, мне тоже известны некоторые легенды. Например, о силовых линиях, которые предположительно пересекают Вис. Одна из них тянется от храма богини над Корамвисом до Ваткри. Догадываюсь, что вы хотите встретиться с кораблями Леопарда на этой линии, там, где укажут ваши картографы и теологи.

— Что ж, вы имеете право на догадки.

Венкрек отвернулся и снова обрел прежнюю учтивость.

— Ясно, — сказал он на языке Висов. — Очевидно, я ошибаюсь. Я знаю, мой повелитель, что вы с детства склонялись

к жизни жреца и все еще желаете этой участи. Однако вы никогда не были настолько глупы, чтобы бросить ради этого Дорфар.

После этого они обговорили кое-какие военные приготовления. И уже у двери Венкрек тихо сказал:

— У вас не остается наследника. Что будет с нами, если вы погибнете?

— Амрек тоже не оставил наследника, — ответил Ральданаш. — Об этом позаботилась богиня.

Сейчас, в Тосе, при ярком лунном свете, Ральданашу вспомнилась мастерская в ваткрианских холмах, где они изготовили полукруглый лук, и десятилетний Венкрек, бегущий с этим луком среди высокой травы, радостно кричащий. А затем — террасы, поднимающиеся к храму, прохладная эмаль живой змеиной кожи, тени и слова: «Когда ты станешь королем всего Виса, кем буду я?» — «Моим советником». Венкрек нахмурился: «Но я хочу сражаться, вести в бой твои армии». — «Все войны позади», — ответил тогда Ральданаш, и они согласились, что лучше всего быть советником.

Позже в лунном свете возникла Сульвиан, и ветер развевал ее белые волосы. Но это видение тут же было поглощено каким-то образом из памяти его отца, символом, заложенным в его сознание еще при рождении, — Сульвиан рассыпалась в сверкающий пепел, а потом дуновение ветра унесло этот пепел в ночь.

Утром нарядные корабли поймали ветер в свои паруса.

Они плыли на юг, так что укрепленные берега постоянно оставались по левую руку. Ступенчатые уступы Оммоса, плоские равнины Зарависса, где на дозорных башнях расцветали голубые дымные цветы. Мягкий попутный ветер нес корабли вперед.

Двадцать пять дней спустя флот Повелителя Гроз достиг спокойных, как стекло, вод между Зарависсом и границей, отделяющей Элисаар от Старого Закориса. Здесь поперек залива, связуя дозорные башни на обоих берегах, был выстроен заслон из заравийских и дорфарианско-ваткрианских судов. Изначальный план предполагал другое место действия — южнее, где морской проход еще более сужался. Но выход Элисаара из союза не позволял использовать его как западный столб для крепления цепи через весь океан, да и сейчас уменьшал прочность этой цепи. Двадцать три галеры, до отказа набитые военными машинами, стояли наготове. То же самое можно было сказать о двух береговых гарнизонах. Но все это могло успешно сработать лишь при победе в иных местах и известной удаче. В противном случае, если силы Йила прорвутся на север, заслон мог обеспечить всего-навсего задержку закорианцев, и не более того.

За северным рубежом Элисаара море снова распахивалось необъятным простором. Зарависс истаивал в закатных облаках. Флот Повелителя Гроз развернулся на юго-запад, лицом к водам, откуда должна была прийти война.

* * *

Поход по каменистым предгорьям и подъем на плато занял у таддрийца почти два дня. В этом было что-то символическое. Мало-помалу равнинная Анкира с ее показной воинственностью, толпами солдат и испуганно-безразличными жителями осталась позади. В руинах Корамвиса приходилось делать остановки, чтобы передохнуть и разведать дорогу. Надежной переправы через широкую реку не сохранилось, но ему удалось отыскать небольшой плот, наверняка принадлежащий разбойникам, и он погреб на другой берег. Там обнаружился так называемый Торговый тракт для путешественников, спускающихся с гор, — проект, заброшенный прежде, чем его дотянули до южного берега, и теперь понемногу ветшающий.

Когда он наконец вырвался из неподвластного времени очарования руин, холмы по обе стороны дороги распахнулись перед ним, словно пчелиные соты. Крупная птица вспорхнула перед ним и долго летела впереди, взмахивая широкими крыльями.

Солнце уже садилось, начали сгущаться сумерки, когда он увидел внизу блестящий глаз дракона — озеро Иброн, подобное жемчужине.

Они не поднялись к храму, точнее, к тому месту, где был храм до землетрясения. Они праздно сидели среди проросших травой валунов.

Сначала он разглядел людей с Равнин, светловолосого заравийца и вардийца, играющего в кости с товарищем. Тут же бродила в поисках клевера пара мелких рыжих ланнских овец. В стороне, на фоне мягко светящейся полоски неба стояли, словно роща в снегу, эманакир. Они глядели на него с видом потревоженных богов. Но таддриец смотрел мимо них и видел лишь то, ради чего он пришел. Он пришел к Ней.

Он не выразил ей никакого почтения. Она являлась частью богини, перед которой он вставал на колени лишь по требованию ритуала, но не в сердце своем, ибо это не было правильно.

Она молча, без слов, велела ему сесть, и он сел перед нею.

За ее спиной блестело озеро. Он отметил выверенное совершенство композиции — как на старинной гравюре. Но больше всего его радовало, что Она была реальна и доступна. Казалось, в центре этой реальности меняется сам воздух. Небо, море, весь мир, прекрасный и изменчивый, были подобны открытой книге, которую мог читать даже ребенок. В этом и заключалась истина великой Силы.

Он был здесь единственным чистокровным Висом. Догадка о том, что он был приглашен сюда, начала приобретать новый, странный смысл. В этом имелась некая странная устойчивость. Он торопливо извлек из своего жреческого одеяния лоскут ткани и развернул его на камне перед Нею. Внутри оказались осколки разбитого янтарного кольца. Солнечные лучи заставили их засиять. Даже эманакир покинули свое возвышение и подошли посмотреть.

Таддриец — тот самый, который некогда наблюдал, как Ральднор и Астарис удалились в северные леса, — был своего рода гончей, чующей не запахи, но мистику. Именно благодаря своему чутью он узнал Рармона, который на самом деле был Рарнаммоном, а потом, много позже, прошел по его следам до того места в

Корамвисе, где его пленили враги. Разбитое кольцо так и осталось валяться здесь. Таддриец тщательно собрал все осколки. Не то чтобы этой работы потребовала от него Ашни — скорее он сам хотел сделать это для нее, ибо был для этого предназначен. То же происходило на Равнинах, когда богине предлагали плоды или какие-нибудь украшения. Как ни трудно, но ей приходилось воздерживаться от проявлений благодарности, даже если подарок доставлял ей удовольствие, ибо это была потребность дарителя, а не принимающего дары.

Ашни взяла осколки в свою ладонь.

Когда-то это кольцо носила женщина, которая сейчас находится в Зоре. Ашни была следующей. Рарнаммон тоже носил его. Еще один, сын Яннула, держал его недолгое время, хотя оно и обожгло его. И связь окаменевшей смолы с плотью, которой она касалась, никуда не делась.

Все кусочки были на месте.

Последний луч солнца, словно змея, обвился вокруг осколков. И тогда они вновь соединились, образовав целое, словно никогда не разбитое кольцо.

Он слышал дыхание людей, собравшихся в круг и не сводящих глаз с этого чуда. Но таддриец усмехнулся — и она улыбнулась ему в ответ.

— Да, ты знаешь, — без слов сказал он ей в своем сознании. — Я из тех, кто подвергает сомнению нужность чудес. И до этого дня не видел причины, почему бы Ральднору и Астарис не жить неузнанными в какой-нибудь забытой богами таддрийской деревне. Обычной счастливой, скрытой от всех жизнью. Я могу обозначать все это красивыми словами, принятыми среди жрецов, — выход за пределы, огненная колесница, возносящая божество на небеса, и тому подобное. Но по мне, все намного проще и куда более присуще этому миру. Чудеса — ничто, пена жизни. Распускающийся цветок, невидимая жизнь, выходящая из чрева ребенком, смола, обращающаяся в янтарь, — все это чудеса, и никак иначе. Но за чудом стоит суть. Камень под серебряным озером. То, что мы есть, и то, чем должны стать. Вот причина и окончательная правда, ответ на все вопросы и все мольбы. Разве не так, Ашни-которая-Анакир?

И он получил ответ в тот миг, когда кольцо сверкнуло на ее пальце. А солнечный свет так и сиял у нее в глазах, хотя солнце давно уже зашло.

24

Белая башня на фоне ярко-синего неба.

Под ней — руины заброшенного города.

А за ними — неоглядные таддрийские джунгли.

Когда-то эту башню, предшественницу башен Дорфара, венчала огромная чаша. Со временем кирпичная кладка обрушилась, уцелела лишь одна комната с наполовину обвалившимся потолком и высокими окнами без ставен. Туаб-Эй, словно кот, прокрался в эту комнату — и замер, глядя во все глаза.

Рарнаммон стоял в центре комнаты и смотрел на гостя, как будто давно ждал его.

— Я говорил, что не приду в твое новое... жилище, — произнес Туаб-Эй. — Но вот я здесь. А теперь расскажи мне, чем ты занимался все эти дни и ночи. Творил заклинания и призывал таинственные силы? Кое-кто видел, как огни влетали в эти окна, будто птицы.

Рарнаммон очень медленно покачал головой. Туаб-Эй так и не понял, что это должно означать — отрицание или насмешливое удивление. Судя по всему, за последнее время сила Рарнаммона изрядно выросла. Он стал менее проницаемым, чем любая другая вещь, и словно светился — день изливался через его глаза...

— Ты чародей, признай это, — сказал Туаб-Эй. — Я не верю в магию и просто посмеюсь, а затем, наверное, смогу и впредь ладить с тобой, могущественный лорд. Наша свора собирается на север или восток, бить Вольных закорианцев. Кто-то из свиней Джорта вернулся и рассказывал, что по всем северным рекам сплошь плывут мертвые...

— Будь так добр, Туаб-Эй, — велел Рарнаммон, — спустись к подножию башни. Посторожи ее для меня и не пускай сюда остальных.

— Зачем?

— Магия, о которой ты рассуждал, вот-вот проснется. Заклинания, призывы... это не совсем то. Но молния, поразившая башню, может оказаться еще пустяком.

— А ты не говори загадками, если хочешь, чтобы я что-то делал для тебя. Ладно, я посторожу вход. По крайней мере, ребята будут снаружи, если что-нибудь случится. Но *что* может случиться? Помимо молнии?

— Не знаю. Я уже говорил тебе прежде. Есть же в тебе капелька Равнинной крови. Думаю, ты сгодишься для поддержания равновесия, — последняя фраза была произнесена с оттенком дружелюбия. — Прости, если доставляю неудобства. Но поторопись. Спускайся, если согласен, Туаб-Эй.

Спустившись на одну ступеньку, юноша собрался с духом и выговорил:

— Когда ты вот так стоишь здесь, ты похож на бога. Ты это знаешь? И должен ли я поклоняться тебе?

Рарнаммон направился к нему в полосе дневного света, падающего из окна. Казалось, свет стелется за ним, как лента или шарф.

Поэтому Туаб-Эй не удивился, когда Рарнаммон потянулся и легко, без нажима положил свою руку на его — при этом свет протек по ней и перелился в Туаба.

Рарнаммон протянул вторую руку, чтобы поддержать юношу.

— Сила, — только и смог выговорить Туаб-Эй, пытаясь унять дрожь. — И что мне с ней делать?

— Держать врата.

Туаб-Эй покорно двинулся вниз по лестнице, придерживаясь за стены. Он нес этот свет вниз, чтобы держать врата.

* * *

День был жаркий, подернутый дымкой. В этом не было ничего необычного. Однако он знал, что это — последний день.

Отсчет начался, когда он только пришел в башню — возвышенное место, как оговаривалось в любом своде знаний. Даже не ведая того, Рарнаммон внутри себя двигался к этому моменту, как ребенок учится ходить, не сознавая, что ходит.

Он пережил мечты, галлюцинации, чувство опустошенности, ощущение падения на землю с лестницы без всякого толчка. Теперь осталось лишь осознание переломного момента.

Рарнаммон был не одинок. Другие стягивались, и вместе с ними стягивались силы. Казалось, мир замер, затаив дыхание.

Когда день пошел на убыль, он понял, что башня замкнулась вокруг него. Блеск и жар в окнах затвердел, образовав подобие экрана там, где только что ничего не было. Случайные шумы, доносившиеся из разрушенного города, стихли.

Вполне возможно, что он умрет. Но, если на то пошло, он мог умереть уже сотни раз — в те времена, когда был разбойником, на службе у Кесара в Тьисе, сопровождая караваны в Ланне, в Дорфаре, в плену у Вольных закорианцев. Каждый миг его жизни являлся подарком. С тех пор, как Рарнаммон пришел в себя здесь, в заброшенном городе, его тело из плоти стало значить для него не так уж много. Он ощущал себя частью какого-то целого, ветвью великого древа.

Рарнаммон лег на пол, и огни скрестились над ним в воздухе. Через пролом в потолке влетела птица с желтыми, точно гофрированными крыльями.

Это стало последним посланием от внешнего мира. Он закрыл глаза и ушел в себя. Он научился этому через безумие, через опыт отречения от телесной оболочки. Подобно своему сводному брату Ральданашу, Рарнаммон тоже стал причастным.

Его сознание начало угасать, перешло куда-то в другое место и в результате поднялось на ступень.

Казалось, у него открылось одно огромное око, лишенное зрения, но тем не менее все видящее. Прочие органы чувств подключились к нему и перестали действовать сами по себе.

Этим оком он видел Туаба, сидящего внизу, у входа в башню. Там была еще какая-то фигура — человек, Галуд. Он наклонился, спрашивая, что происходит. Туаб-Эй отослал его, и Галуд неохотно повиновался.

Сплетение цвета с сиянием обернулось рекой, полной теней, солнцем и лесом. Каждая тварь, каждое насекомое в этом лесу светилось и сверкало. Среди бесплодных костей города жизнь чуть поблескивала, словно крылья мотыльков.

Под городом же, сквозь покров почвы, камней и скал, сиял глубокий источник — уже пробудившийся и говорящий сам с собой. Башня впадала в него, как вена в сердце.

Своим невидящим оком Рарнаммон прозревал другие пылающие сердца за сотни миль от него, но в то же время близкие, как его собственные руки — ненужные, лежащие на полу.

Он не боялся. В этот миг лишь какая-то частица его помнила об отце — Ральдноре, который в одиночку породил все это. А до Ральднора — Ашне'е, явившаяся началом, первой искрой, блеснувшей во тьме.

Затем он воссоединился с другими огненно-звездными сердцами — может быть, преждевременно, не будучи готов как следует. Но эта поспешность не помешала ему. Рарнаммон взмыл вверх, опаленный, крутящийся вокруг своей оси. Но он знал силу своих парящих крыльев и мог нестись, идти шагом или мчаться со скоростью ветра.

Одноухий поймал Галуда, который спешил куда-то со своими людьми, и потряс за плечо.

— Посмотри на небо! — прошипел Галуд.

Они стали смотреть.

Солнце уже садилось, но все небо пульсировало с необычайной силой. Казалось, что обнажились все его жилы, либо небо сейчас извергнет наружу часть самого себя.

— Что это за звук? — спросил Галуд. Они прислушались, но звук шел не из города, его вообще нельзя было услышать. Так они и стояли, ловя этот неслышный звук, так же, как остальные жители разрушенного города, забыв о своих делах.

В лепрозории безликие твари-прокаженные в страхе забивались в щели, пытаясь укрыться от неведомой угрозы.

На многие мили в лесу разом оборвался птичий гомон, замерли ящерицы, вода перестала журчать, а лианы обвисли, подобно змеям.

Солнце почти уже скатилось за южный город руин. Сумерки легли на террасы и колоннады, чья юность пришлась на эпоху Ашнезеа.

Рынок на Лепасине выглядел пустынным. Лишь легкий ветерок играл в пыли обрывками бумаги и лепестками.

Дома вокруг были заперты, окна задернуты занавесками — ни лучика света.

На возвышенном месте темного дворца среди обломков колонн стояли семь фигур с развевающимися волосами, белых до такой степени, что, казалось, в них нет ни капли крови. Это были стражи, как повелевал обычай. Их бледные глаза, напоминающие лунный свет, сделались голубыми и безумными.

Внутри на полу со старинной росписью шелестели принесенные цветы, маленькие клочки лимонного и гранатового цвета. Ветер, как море, омывал весь дворец.

Лар-Ральднор лежал в темноте на полу, его черные шелковистые волосы рассыпались по древней мозаике. Люди Равнин, его родня, обучили его. За этим он сюда и пришел — ему надо было так много узнать и понять. В конце концов он стал бояться, что ему не хватит силы, и его слабость разомкнет цепь.

Но теперь все это было позади.

Его тело лежало, как труп. Эманакир охраняли его, словно он был умершим королем. Они никому не позволили бы проникнуть сюда. Сцепив свое сознание с сознанием Лар-Ральднора, они ограждали его и укрепляли его дух.

Воспарив, он убедился, что силовые линии, рождающиеся на поверхности дворца, были чистыми, как серебряные ленты. Этот серебряный поток очерчивал контуры города, впитывая его молитвы, тихо пел и беззвучно шептал.

Лар-Ральднор был готов отдать свою жизнь, и не просто так, а в битве. Ибо то, чему предстояло случиться, было именно битвой. Но время мыслей прошло. Вместилище под городом уже отдавало свою жизненную силу — толчками, как сердце.

Уже весь город стал серебряным. Далеко отсюда он встречался с золотой тенью. То был Рарнаммон.

И еще одна тень на востоке, подобная расплавленной бронзе...

Степнячкой, державшей врата в Зоре, была Медаси.

В темноте ночи она ждала у входа виллы. Яннул видел, как она стоит на посту, зная свою задачу из каких-то древних преданий, а может, просто глубинным чутьем; волосы и полы плаща развеваются на ветру — не женщина, но сверхъестественное создание небес и земли. Он повернулся и вместе с другими ушел в условленное место за несколько улиц отсюда.

Вначале Яннул протестовал. Он должен быть под рукой! Ладно, пусть в этом месте будет изливаться сила планеты, но вдруг на нее нападет какой-нибудь дикий зверь! Однако Медаси была уже отдельна от него и, скорее всего, даже его не услышала. Она ушла так быстро, словно умерла — так почувствовал это Яннул. Младший сын взял его за руку и увел прочь. Здесь не может возникнуть никаких зверей или иных помех, объяснил он отцу. Медаси даже не являлась тем аспектом, на который возложено бремя Силы. Для этого избрали Сафку, и энергия пойдет через нее. Медаси же призвана стать стражем, неким символом или составной частью равновесия.

Яннул, как и все другие, почувствовал миг, когда шевельнулась Сила города. Это выглядело ужасно, прекрасно, непередаваемо.

Ему хотелось ослепнуть и оглохнуть.

Он не желал, чтобы Медаси становилась «избранной» даже ради такого дела. Разве она еще недостаточно пострадала из-за своих сверхчувственных способностей? Ему снова вспомнилась равнина под Корамвисом и струна огромной арфы, снова и снова беззвучно вздрагивающая.

Зорские деревни на другом берегу реки тоже не спали — там наблюдали за городом, который испускал мощное сияние, и проводили свои ритуалы в поддержку этой запредельной ночи. Но Яннул не хотел видеть происходящего. В конце концов он ушел от всех, даже от сына, в тень города и сидел там, молясь, как когда-то давно, только о жизни — правда, теперь это была жизнь Медаси.

Женщина Равнин, золотая эманакир, которой была Медаси, держала врата у виллы на холме. Еще одно возвышенное место, извергающее свой временный огонь.

Сафка, крутившаяся вокруг себя где-то на крыше — мимолетно она усмехнулась, представив себя голубем, — почувствовала, как бронзовый свет ауры города начинает размывать окружающий мрак.

«Как я пришла к этому? — спрашивала себя Сафка. — Я же ничто».

Однако она помнила о браслете на своем левом запястье и о том, *что* он был призван скрывать. Эта отметина была у нее с рождения — иной браслет, отвратительный, а может быть, и прекрасный, кольцо из бледных металлических чешуек, стянувшее ее темную руку. Мать Сафки не всегда жила в Ольме. Родившись в Ланнелире, она долгие годы провела в Дорфаре, среди роскоши корамвисского двора, распространявшейся и на нее, рабыню-фаворитку. Освобожденная с приходом степняков, она вернулась в Элир и Ланн, но сохранила дорфарианские суеверия — надо думать, по причине, заслуживающей уважения. Ее увидел наместник Ольма, сделал своей наложницей, но слишком быстро потерял к ней интерес. Ребенок, родившийся до срока, оказался никому не нужен. На смертном одре мать легонько похлопала по браслету Сафки, скрывающему под собой изъян. «Это от твоего отца», — сказала она девочке. Единственное упоминание, и все. Она никогда не говорила, чьей любимой рабыней была в Корамвисе, кто спал с ней, а потом освободил, чтобы она могла спастись. И конечно же, не уточняла, что уже носила ребенка под сердцем, когда легла в постель наместника. Уделом Сафки стали мечты — она никогда ничего не знала наверняка.

Но сейчас она была свободной и сильной. Ее крылья бились и поддерживали ее, и, как гигантское пламя, внутри нее вырастала торжественная песнь радости, беззвучный гимн, разрывающий ей сердце. Сафка верила, что может быть тем, на что намекала ее мать, и несомненно, ее судьба проистекала именно отсюда. Этот миг она ощущала как свое второе рождение. Рождение, которое зовется смертью.

И материя камня, и небо рухнули. Медаси, как гладкая холодная бусина, лежала внутри того огненного ада, который вознес Сафку ввысь.

А на северо-западе цветок белого огня скреплял собой порыв исступленного восторга и безумия.

Бронза, золото и серебро — узоры света вплетались в ту белизну, которая была Корамвисом, его холмами и оком спящего озера.

На этом возвышенном месте врата держал смуглый таддриец, страж, черная нить в светлой гармонии. Будучи жрецом, он вполне осознавал мистический и символический смысл процесса, и у него были свои особые таланты. Его страх не значил ничего, или он не хотел с ним считаться.

Под собой он видел группу бледных мужчин и женщин, держащих собственное равновесие. Они стояли, обернувшись лицом к гребню холма, на котором застыла она — крошечная фигурка, похожая на куклу.

Таддриец же, даже стоя спиной, знал, что сейчас свет восходит в небо прямо через нее. Он видел свою тень, лежащую прямо перед ним, непроглядно-черную в свете той белизны, которая разгоралась на пригорке.

Ночь, как глубокая вода, накрыла Вис — каждый его закоулок, каждый лоскуток земли. Звезды следовали своим обычным путем. Луна уже зашла. Шел последний час перед рассветом, и над морем стояла тишина.

Корабли, стоящие на якоре в пяти милях от Элисаара, напоминали стаю спящих птиц со сложенными крыльями. Если элисаарские патрули заметили их, то никак не могли не заметить и дипломатичное расстояние, на котором те встали, а потому не проявляли к ним интереса. К тому же у Элисаара имелись более неотложные дела.

Маяк у самой кромки западного массива джунглей был хорошим знаком для тех, кто внимателен. Тридцать пять галер Вольного Закориса возникли ниоткуда, будто из морской тины, и быстрым ходом двинулись на северо-запад — то ли для того, чтобы потревожить Саардос, то ли к берегам Иски и Корла.

Согласно донесениям, больший флот Леопарда, который продолжал двигаться к Внутреннему морю, вдруг, как по волшебству, вырос до ста семидесяти шести галер. Очевидно, прибрежные джунгли таили десятки заливов, не отмеченных на карте, где эти корабли укрывались, пока не пришла пора присоединиться к означенному флоту или направиться еще куда-нибудь для боевых действий.

Говорили, что восточный Кармисс подвергся нападениям и сейчас лежит в крови и пожарищах. Дым над Истрисом предупреждал об опасности лучше любого маяка.

Горному проходу из Таддры в Дорфар предстояло стать дорогой войны.

Перевалы над Вардийским Закорисом, где люди Йила уже ходили, как у себя дома, дорфарианцы намеревались перекрыть обвалами. Если этот прием и не даст желаемых результатов, то все равно Леопарду будет не так просто заново разгрести их. С затоплением дельты Окриса дела обстояли еще проще. Последнее сообщение гласило, что все рукава реки наводнены войсками, заросли тростника уже горят, а каменные башни изрядно побиты ядрами катапульт. Ветер нес на Анкиру тучи пепла и стоны отчаяния — последние в иносказательном смысле, но от этого никому не было легче.

В Зарависсе войска Тханна За'ата вынуждены были отступить из порта Лин-Абиссы, оставив доки в огне. Отряды заравийцев покинули Мойю и проследовали обратно к границе, к Драконьим Вратам и Сару.

Такое же дезертирство случалось и в других местах — люди самовольно покидали армию и возвращались домой.

За час до рассвета королевский корабль стоял в море, когда-то названном Морем Эарла. Те на корабле, кто не спал, могли видеть, как Ральданаш бродит по открытой палубе. Тут и там раздавались негромкие приветствия. Белизна его волос и одеяния светилась в ночи, как само море в лунных заплатах. Стоя у поручней на носу судна, Ральданаш беседовал с капитаном.

Они выжидали, поглядывая на запад.

На восходе корабли должны были прийти в движение. Им предстояло встретиться с главным флотом Йила, превосходящим их едва ли не вдвое. Место встречи определил некий жрец-эманакир, ибо здесь преследовались еще и религиозные цели.

Конечно же, богиня будет с ними во время битвы. По просьбе короля капитан оставил его в уединении, может быть, последнем в его жизни. Сам капитан, родом из дорфарианского города Марсак, никогда особо не верил в Анак, хотя не забывал ни молиться ей, ни делать приношения. Над черной водой он видел призрачные знамена Ашкар на ваткрианских галерах. Поддавшись внезапному порыву ярости, он сплюнул прямо в океан — на случай, если Она в самом деле существует и может видеть, как он оценивает Ее недостаточность.

Ральданаш, сын Ральднора, смотрел на море с заплатами из огня, которые не горели.

Вскоре ему предстояло вернуться в каюту на верхней палубе и примерить свои нематериальные доспехи. То, что король задержался здесь, было всего лишь проявлением человеческого начала. Он привел в порядок все свои дела, сейчас же ему просто хотелось попрощаться.

Незримая, неслышная и неощутимая дрожь уже начала сотрясать мир. Час или чуть больше, и она дойдет сюда. Если им не хватит сил, или твердости, или веры, все пойдет прахом.

Значит, должно хватить — и сил, и веры, и твердости.

Ральданаш отметил нервозную ненависть и демонстративную ярость капитана из Марсака, так как был способен выделить из окружающего сумбура все мысли, поступки и желания, относящиеся к нему самому. Вообще его восприимчивость сильно возросла. Он ощущал даже морских тварей под днищем корабля, огромных рыб, мечущихся внутри океанских течений, время от времени всплывающих из своего чуждого и непонятного бытия. Ральданаш страстно желал уйти к ним, освободиться от разума и груза ответственности — но не мог и не имел права.

«Вот так же был одинок мой отец в ту ночь под Корамвисом», — вздохнул он.

Те, кто смотрел на него поверхностно, видели прежде всего красивое лицо и королевское достоинство — владыку, в чьих жилах струится пламя богов. Именно от таких поверхностных людей проистекали чувства полного доверия королю и сомнительной надежды. Им казалось, что такому совершенству, как он, под силу сотворить чудо.

Ральданаш обнялся со своей жизнью и затем оттолкнул ее — возможно, навсегда.

Когда один из эманакир бесшумно подошел к нему и позвал без слов, Ральданаш, Повелитель Гроз и Король Драконов, повернулся и пошел по палубе, дабы подготовиться к тому, что произойдет.

В данный момент главный флот Вольного Закориса поворачивал на восток, пользуясь приливным течением и утренним ветром, и знать не знал о какой-то линии, пересекающей море.

Вчера на закате, когда солнце удалялось в свои чертоги, было совершено служение Рорну. После того, как отзвучали короткие грубые молитвы, на носу каждого из ста семидесяти шести кораблей расцвел голубоватый дымок священного фимиама.

Йил лично командовал этим соединением своего флота. Он стоял рядом с фигурой Рорна на королевском корабле, а за его спиной вздымалась громада охристо-желтого паруса с изображением Черного Леопарда. Ранняя заря окрашивала лица закорианцев. У них были основания считать, что навстречу им могут выйти вражеские корабли. Однако они готовились встретиться с Шансарским Элисааром или Зарависсом, но никак не с дорфарианцами и королем Дорфара.

Что же до силовой линии, то она была невидима и, очевидно, нематериальна.

Все, что заметили закорианцы, — странные завихрения в мерцающей воде на расстоянии пятидесяти весел от себя.

— Взгляните, мой повелитель, из глубин выпрыгивают огромные рыбы, — указал Йилу его капитан. В рядах воинов раздались возгласы. Рыб было так много, что закорианцам даже пришлось замедлиться, чтобы пропустить их.

Когда изгибающиеся змееобразные силуэты исчезли и всплески успокоились, из-за солнца неожиданно вышла тень.

Пропели вахтенные рожки, и закорианские галеры ринулись на боевые позиции, даже не успев распознать эмблемы Дорфара.

Гремела медь, в утреннее небо поднимались свежие клубы дыма. Метательные орудия подтягивались и закреплялись в нужной позиции скрипящими цепями.

— Они не начинают, мой повелитель.

— Увиливают? Тогда мы сами пойдем к ним, — заявил Йил. — Дорфар и сын Ральнара будут сокрушены нашим кулаком.

Флот Повелителя Гроз стоял, не нарушая своих порядков, — линия кораблей сомкнута, весла подняты. Они не трогались с места.

— Повелитель, — произнес капитан из Марсака.

Ральданаш возвышался над ним, стоя у поручней. Каким-то образом группа эманакир оказалась между ним и его офицерами.

И сразу же сам воздух вокруг начал меняться. Казалось, его воспламенило солнце, выскользнувшее из-за тучи, хотя небо с самого утра было совершенно чистым.

Капитан не стал повторять свой оклик. Он облизал губы и потер виски, пытаясь понять, только ли он испытывает необычные ощущения. Но все вокруг, поначалу украдкой, повторяли его действия. Больше всего это напоминало опьянение на пустой желудок. Все вокруг внезапно наполнилось прозрачностью, которая одновременно затуманивала. Сворачивание... Выход наружу...

Море подернулось рябью. Длинные волны, как перед штормом, побежали и разбились о борта кораблей. Но ветра при этом не было. Небо оставалось девственно-чистым.

Затем море вспучилось и опало. Они увидели стаю огромных рыб — неужели они всплыли опять, под каждым килем?

Люди забегали, послышались отрывочные приказы. Потом снова воцарилась тишина. И все же присутствовал какой-то звук. Было похоже на то, что он, минуя уши, возникает прямо в мозгу.

И над всем этим на носу корабля стоял Ральданаш, не шевелясь, ничего не предпринимая. Его волосы были словно белый огонь, и бегущее пламя очерчивало его силуэт, словно горела человеческая фигурка, вырезанная из пергамента.

Люди в ужасе закричали.

Яркое сияние объяло корабль, отражаясь в беспокойном бурлящем море.

Передовые галеры Вольных закорианцев неслись на врага на полной таранной скорости, когда море вдруг поднялось стеной и пошло на них.

Когда первые волны достигли кораблей, весла заплескали по воде, потеряв ритм, а затем и вовсе сломались, как сухие прутики. С гребной палубы донесся потрясенный вой. Водяная пыль дождем оседала на палубе, люди скользили на мокрых досках и падали. Огромная катапульта медленно поехала под уклон и рухнула в воду.

— Во имя Зардука! — пытаясь удержаться на ногах, Йил вцепился в шею капитана.

— Там... там что-то бьется в море! — указал тот с ошалелым видом.

Между разогнавшимися, сбитыми в полете закорианцами и неподвижными силуэтами кораблей Дорфара ударили фонтаны воды. Черные струи вздымались ввысь и падали обратно, разбрызгиваясь облаками водяного пара и скрывая оба флота из видимости друг друга.

Там и в самом деле что-то билось — какая-то громада, возможно, живая, восставала, проталкиваясь со дна океана...

Эарл, место подводных вулканов! Этот образ одновременно всплыл в тысячах сознаний. Люди говорили об этом друг другу, охваченные ужасом...

А затем океан с ревом и пеной раскололся надвое.

В воздух взметнулись стены воды высотой в сотню футов, а может, и больше. За ними стояла темнота. Море само готовилось сокрушить их своим кулаком.

Однако вода не обрушилась на корабли, не разметала их в щепки и не поглотила целиком. Море повисло в воздухе, словно трепещущий и блестящий занавес, сквозь который просвечивало солнце. Капли высыхали в его лучах и поднимались прямо в небо.

Ральданаш стал зеркалом — из бронзы, серебра, золота и белого света. Казалось, его разум отделился от тела, за ним последовало сознание.

Он парил в воздухе невесомой морской птицей и видел под собой корабли, светлые и темные, словно фигурки с анкирского стола для игры в войну. А между кораблями вздымалось море.

Пламя с севера проложило себе дорогу — словно Рармон-Рарнаммон сам встал рядом с Ральданашем, плечом к плечу изготовился к бою, сомкнув щиты. Хотя тот находился за мили отсюда, Ральданаш воспринимал его именно так. Связь между ними не требовала слов и не укладывалась ни в какие рамки — понимание возникало мгновенно и так же внезапно исчезало.

Два других, меньших огня находились ближе — на юге и на востоке. Они возникали и изменялись, вырастая и поднимаясь вверх. Ральданаш ощущал людей, сгорающих в этом пламени: мужчина и женщина. Они соприкасались друг с другом, с ним и с золотым светом Рарнаммона. А за ними скрывался четвертый огонь, такой бледный, но с черным стержнем в своей сердцевине. Ашни Рассветная. Утренняя звезда.

Ральданаш, или сознание Ральданаша, стало меняться — он чувствовал, что самоуничтожается в этом вселенском пожаре, покорно, без страха или боли. И по мере того, как он умирал, возник и вырвался наружу, прямо в зенит, пятый луч звезды — внутренняя духовная энергия высочайшего наслаждения.

Пылающие нити протянулись из каждой точки к центру, а также между всеми точками. Огонь тек по ним к центру, где перекрещивался с другим огнем, и снова возвращался в точку выхода, чтобы затем опять устремиться к центру. Плотность линий увеличивалась — нитей становилось все больше, словно над Висом работал гигантский ткацкий стан, они искрили и потрескивали, и из них рождалось нечто новое.

Море поднялось в небо. Затем оно оформилось в фигуру, упирающуюся головой в небеса.

Дорфарианцы узрели Анакир.

Она вздымалась, как башня. Она парила. Ее плоть была белой горой, змеиный хвост — огненной рекой в половодье. Восемь рук простирались в традиционных жестах. Ее глаза были ярче, чем два слепящих солнца. Она заговорила с дорфарианцами — как обычно, без слов, прямо в сознании — и сказала им: «*Все кончено*».

Однако закорианцы не видели Анакир, ведьму Равнин, которую они ненавидели. Им явился Рорн, их собственный бог — черный, с водорослями, вплетенными в угольно-черные волосы, и

драгоценными камнями, сверкающими в Его ладонях. Протянув одну из этих гигантских ладоней к кораблям Леопарда, он бережно, но твердо оттолкнул их. Он не повредил закорианских галер, ведь Он был их богом и заботился о своем народе.

Рорн говорил словами. Его голос был грохотом бури, а дыхание — соленым:

«Вы отвоевали себе землю. Гордитесь своим королевством, вырезанным из тела Таддры, и довольствуйтесь им. Остальное — не ваше, и вам не взять его. Это говорю вам Я, РОРН».

В зубах Его сверкали голубые камни, и буря была Его короной. Закорианцы пали ниц перед своим богом, да так и остались лежать.

Когда они осмелились поднять глаза, то увидели только белую тень его черноты, которая медленно таяла в свете дня. Они оказались отодвинуты на многие мили, словно фигурки рукой игрока. Дорфарианского флота нигде не было видно. Небо затянуло тучами, готовыми прорваться грозой, поверхность моря покрывал ковер мусора: обломки корабельного дерева, а также осколки железа и угли, почему-то не ушедшие на дно. Были там и сломанные мечи, расколотые строго посередине.

Но все корабли остались целы, и закорианцы не потеряли ни одного человека.

Внизу шумели рабы, в громком хоре то и дело поминались имена различных богов.

Трепещущий Йил упал на колени перед маленькой фигуркой Рорна, установленной на носу корабля. Над его головой все так же реял охристо-желтый парус, но знак Черного Леопарда войны и мщения исчез с него, словно растертый некой огромной дланью в бесформенное пятно.

В тот день боги разгуливали по всему Вису.

В десяти милях от Саардоса Рорн явился перед закорианской эскадрой из тридцати пяти кораблей, сделал ей выговор и завернул ее обратно. Он стоял одной ногой на далекой земле, дуя в закорианские паруса и направляя галеры к югу. Элисаарский флот тоже повстречался с Ним. Когда люди, обезумевшие от Его вида, попытались убить себя в Его честь, Рорн сказал, что Ему не нужны эти смерти. Однако шансарские моряки уверяли, что видели Ашару, стоящую на рыбьем хвосте. Ее груди были прекрасны, и солнце играло в Ее золотых волосах. Богиня напомнила им о родине.

То же самое напоминание, но уже от лица Ашкар, получили вардийцы, тарабинцы и ваткрианцы в Зарависсе, на Равнинах и где бы то ни было.

В окрестностях порта Лин-Абиссы Она размотала свой хвост вдоль дороги. Кожа Ее была цвета меда, змеиный хвост сделан из красной меди, а волосы — цвета вина. А Вольные закорианцы видели там же Рорна, шагающего среди обугленных кораблей, и дым стелился у Него по плечам.

В Таддре это был Зардук, который повернул войска Йила от пограничных крепостей Вардийского Закориса. И Зардук же вырос из камней в горном проходе за Тумешем. Солнце сияло не в Его глазах, а образовывало живот, скрывая его мужественность за своим сверкающим диском. Черным и великолепным был этот Бог, с жарким и благовонным дыханием, подобно ветру разметающим дорожную пыль.

Дорфарианские пастухи в горном ущелье увидели Дракона, своего мифического прародителя. Он летел низко в небе, опасные лучи били из его пасти и из каждой чешуйки. Оба дорфарианца приготовились к немедленному испепелению — но никто не пострадал, ни здесь, ни в другом месте.

Зардука видели и в дельте Окриса.

Ложки катапульт отломились от своих креплений. Черные корабли содрогнулись. Зардук стоял в реке, которая едва доходила Ему до колен. Его огненное брюхо ослепило их (или должно было ослепить). По левую руку от Него стояла Анакир, или некое очень похожее на Нее создание.

Божество, виденное в Оммосе, было двойственным, воплощая в себе и мужское, и женское начало — Зарок-Анакир.

В Йилмешде, столице Йила в Таддре, золотое сияние залило подземные обиталища, распространяясь из пещерного храма огненного бога, что вызвало некоторую панику.

Говорили, что жрецы, прокравшиеся внутрь, обнаружили, что топазовое Око из Анкабека, горящее ярче любого светильника, переместилось в одну из глазниц Зардука. То, что закорианский бог отныне будет смотреть наполовину Равнинным взором, показалось всем настолько важным на фоне прочих легенд этого дня, что позже стало считаться, будто это сам Йил, а не боги, устроил так после возвращения.

Ашара объявилась в разрушенном Кармиссе, выросла над Иоли, подобно луне на дневном небе. В Истрисе бог Рорн потряс город — очень мягко, точно стряхивая крошки с ковра.

Отбившиеся корабли Леопарда, пробираясь в Ланн, наткнулись на Него, сидящего на океанских волнах. Он сказал, что они должны повернуть в Таддру, и корабли послушались Его.

Вариантов было бесконечное множество, и все разные. Десять людей, находившихся в одном месте, могли увидеть десять разных видений. Падали звезды, двигались горы, в море звонили колокола.

Но слова, входившие в каждое ухо, мозг, сердце, значили одно и то же.

А разбитые баллисты и сломанные мечи покрывали землю, как цветы. Они лежали там, где могли бы гнить мертвые тела.

Четыре огня соединились вокруг пылающего зеркала в подобие янтарного кольца и сейчас испускали свет.

Каждый понемногу отступал, стягиваясь в невыносимо яркую точку. Соединяющая их паутина начинала тускнеть и постепенно гасла.

Ослабление главного сияния позволило разглядеть другие, меньшие источники света. Повсюду светились маленькие огоньки — маленькие кусочки надежды и веры этого мира, молитвы, направленные на сохранение, а не разрушение. Они послужили подпиткой для главного пламени, но теперь и они потихоньку тускнели. Все, кроме одного.

Расколотое зеркало, в котором фокусировалась воля Ральданаша, сейчас едва тлело остывающим угольком. К нему все еще тянулись едва различимые нити связующих огней. Одна из них вела на северо-запад, к человеку одной с ним крови, другая — на северо-восток, к рассвету Ашни. Но тлеющий уголек был не в состоянии поддерживать эти связи. Огненные следы постепенно исчезали. Вскоре осталась лишь одна слабая полупрозрачная линия, едва видимая в свете еще пылающих больших огней.

Этот последний огонь все еще не увял.

Его нижняя точка, расположенная на силовой линии, идущей от Корамвиса к Зору, соответствовала месту самого первого жертвоприношения — Анкабеку.

Она чувствовала его умирание, редкие искры в остывающей лаве. Ральданаш, который был ее мужем, находился ужасно далеко — за многие мили во времени и пространстве.

Она сделала это открытие в крутом и безвидном подсознательном туннеле, куда добровольно вошла после того, как дверной механизм запер ее в Святилище. Оказавшись взаперти, она легла на великолепный мозаичный пол, которого совершенно не видела в полной темноте. Мало-помалу после некоторой борьбы ее личность и ее имя покинули ее.

Улис-Анет, Вал-Нардия, Астарис. Она была каждой из них. И ни одной.

Она поверила, что Эраз поведет ее, если она сама будет идти, и поступала именно так. Она очень устала, хотя выбрать эту дорогу и следовать по ней было не так уж трудно.

Пока она плыла в лодке по черной ветреной реке, работала шестом, спала или бодрствовала, она еще не была уверена. До поры это и не заботило ее.

Ее разум заполнялся постепенно. Сокровенные мечты, осознание, отрешенность. Она сама шла в последнюю очередь — в хвосте своих мечтаний, внутренней себя.

Наконец открылся глаз ее духа, и она стала одной из частиц мировой воли. И когда эта воля, творя свое таинство, излилась вовне, она ощутила Ральданаша и его смерть.

Будучи простой смертной, она ненавидела своего мужа за его непреднамеренную жестокость. Сегодня подобная мелочность казалась ей неуместной. Теперь, после своего очищения, она понимала его и могла оценить, *что* давал ей Ральданаш, не требуя ничего взамен. Она сама была лишена особого внутреннего дара, но, как и любое

живое существо, воспринимала магию жизненной силы. И вокруг нее были камни Анкабека, места богини, взывающего к Анакир.

Из чистого себялюбия, желая избавиться от своей боли через осознание ее малости, она протянула ему светильник Анкабека, самый слабый из огней.

Боль и в самом деле стала чем-то незначительным. Она ощутила всплеск далекой радости, словно этот чужой человек, который был ничем для нее и для которого она сама была ничем, все-таки услышал ее и ответил. Он потянулся через бесконечные расстояния, чтобы принять ее подарок — свет Анкабека.

Дорфарианские корабли кружили в водовороте волн и ветра.

Лишь эманакир рискнули подойти к Повелителю Гроз и поднять его. Ральданаша положили в каюте.

Не вникая в суть происходящего, его люди все же понимали, что он был центром и главным условием случившегося чуда. Однако сейчас, сражаясь с бурей, они не находили ни времени, ни желания, чтобы заостряться на этом.

Некоторые плакали, но соленая вода и без того текла по всем лицам.

Пока судно переваливалось на штормовых волнах, Ральданаш лежал на королевской кушетке.

Эманакир стояли рядом. Они не оплакивали его. Жесткие и безжалостные в своей вере, эти люди, несомненно, жили вечно. Что такое смерть? Всего-навсего урок, который они давно выучили. Однако жизнь тела тоже была священна, и ее надлежало сохранить.

Вскоре они почувствовали внутреннее шевеление в Ральданаше, обернулись и увидели его открытые глаза — золотые на темном лице.

Он медленно возвращался из места, которое уже забыл.

Его тело — выпитое досуха, слабое и вялое — отказывалось повиноваться или хотя бы признавать его. Но искра жизни сохранялась в нем, словно семечко, из которого может вырасти новое дерево. Мозг Ральданаша уже ожил.

Ему припомнился тот самый миг падения, когда он понял, что они победили.

Символы были символами, не более того. Боги — всего-навсего знаки, подобно тому, как язык — средство выражения бесплотной мысли. Они просто используют силу, твердость и веру человечества. И этого достаточно. Мир рухнул и снова возродился.

«И я — тоже — живу», — пронеслось в его сознании усталым отсветом.

Люди на черных галерах, качавшихся на волнах неподалеку от Ланна, не видели ничего запредельного, а потому были сбиты с толку.

Весь день их трепал шторм, не характерный для этого времени года, ветер, казалось, дул сразу со всех сторон. Однако с

приходом ночи настало совершеннейшее, неестественное затишье, какое обычно предшествует самой жестокой буре. В тяжелом черном небе спокойно сияли звезды, луна взошла из пустынного океана. Казалось, наступил закат многовековой истории.

Экипажи двух галер под началом Дхакера Опалового Глаза пребывали в сомнениях: люди прислушивались к пустоте, вглядывались в звезды. Третий их корабль уже отбыл в Карит, когда Дорфар сбросил Вольных закорианцев назад в море. Дхакер получил приказ направиться вместе со своими командами в Кармисс. Подчиняться ему не хотелось, ибо на его корабле находился некий кармианец, о котором было доложено Йилу, — фигура, имеющая прямое отношение к нынешним затруднениям этой страны. Соотечественники могли попытаться выручить или, по крайней мере, захватить этого человека. Однако Дхакер не имел ни малейшего желания раскрывать имя своего пленника, а со своей скрытностью не смог ничего поделать с упрямством Вольных закорианцев, зализывающих раны у оммосского побережья. Таким образом, его корабли повернули к Кармиссу, но заходить не стали, а обогнули его. Дхакер принял решение присоединиться к силам Леопарда в дельте Окриса.

Испортившаяся погода захватила их менее чем в пятидесяти милях от цели. Они упорно пытались пробиться сквозь шторм, но ветер смел их и отнес на восток.

Гроза окутала корабли пугающим роковым ореолом — холодный огонь стекал по мачтам и реям. Однако Дхакеру и прежде доводилось видеть подобные чудеса. Он старался, чтобы никто из его солдат не сидел без дела, и щедро поил их вином и пивом. Он даже послал пива вниз, рабам. Вечером шквал чуть не разъединил галеры, но внезапно море успокоилось, и корабли снова сошлись.

Не осталось ничего, кроме темноты и открытого моря.

Несколько часов спустя среди рабов поднялся шум. Кому-то приснился дурной сон, и вскоре паника охватила всех, подобно чуме. Однако свист плетей быстро заставил умолкнуть рыдания и причитания.

— Они твердят, что Рорн разгуливает по океану — великан с луной в руке...

— Я его не видел, — отрезал Дхакер. — Даже своим несуществующим глазом.

Внезапно его потянуло нанести визит своему пленнику.

Здесь и днем стояла ночь, но без единой звезды. Эта палуба, самое низкое и тесное место на корабле, лежала ниже ватерлинии, даже ниже гребных палуб, уравновешивая высокую верхнюю часть. Ее использовали под грузовой склад или под тюрьму — как в данном случае. Пленник, прикрытый лишь своими волосами и нечистотами, лежал неподвижно, пока лампа закорианца и хороший пинок не вывели его из этого состояния.

— Как вам этот шторм, мой повелитель? — с издевкой произнес Дхакер.

Кесар, весь в ссадинах и кровоподтеках, закованный в ржавые цепи, которые во время маневров галеры, очевидно, снова

и снова били и колотили его обо все выступы, молча посмотрел на закорианца. Черные глаза по-прежнему горели холодным пламенем. Следовало бы завязать их, если только не выколоть.

Палач Дхакера вырвал пленнику ресницы, но, невзирая на это, сквозь запекшуюся кровь пробивался тот же горящий тяжелый взгляд.

Дхакеру даже нравилась эта неутолимая ненависть. Сломить Кесара было не так просто — но тем интереснее, и тем приятнее будет наконец убить его.

— Последняя новость, которую я слышал, — Истрис стал кучей обломков, — сообщил Дхакер. — Это тебя не огорчает?

Однако эмоции Кесара были скованы не менее надежно, чем его тело.

Закорианец ударил его по губам — слегка, для забавы. Один из боковых зубов был сломан еще раньше, мочки ушей тоже отрезали с разрешения Дхакера. Их он отослал в подарок Йилу вместе с известием о захвате в плен кармианского короля. Пожалуй, на сегодня достаточно...

Дхакер пошел наверх, по пути отметив, что гребцы после вразумления проявляют куда больше рвения.

Следующая ночь была просто прекрасна, а Дорфар — уже сравнительно близко.

Уже перевалило за полночь, когда взвыли рожки дозорных.

Прямо по курсу показались двадцать закорианских кораблей. Они выглядели изрядно потрепанными штормом и почему-то держали путь на северо-запад.

Две галеры Дхакера поспешили навстречу собратьям.

Их поразили тишина и безмолвие на палубах приближающихся кораблей. Большая часть парусов была убрана, но тут и там с рей свисали клочья, в которые, судя по всему, превратила их буря. Носовые огни галер Дхакера осветили эти останки, покрытые какими-то грязными пятнами, в которых никак нельзя было узнать Леопарда войны.

Дхакер подошел ближе к передовому кораблю. Как и прочие, он был очень скудно освещен. Люди на его палубе стояли столбами или делали свою работу столь медленно, словно их опоили каким-то зельем.

— На Дорфар? — крикнул Дхакер, не утруждая себя приветствиями.

Прозвучавший ответ потряс его до глубины души.

Вольные закорианцы шли отнюдь не на Дорфар. Война была... *прекращена.* Они возвращались домой, в таддрийское королевство Йила.

— Вы что, с ума сошли? — взревел Дхакер. Он ухватился за причальный канат и чуть не опрокинулся, но тут на палубу встречного корабля вышел капитан и жестом приказал бросить канат.

— Мы не безумны, — веско произнес он. — Боги говорили

— Боги? Ты имеешь в виду какое-то знамение?

— Рорн и Зардук. Они доставали головой до солнца. Я сам это видел. Он говорил со мной, и весьма громко... Мы должны жить в Таддре. Так нам сказали. Меч сломан.

— Безумие! Это какое-то безумие, — Дхакер повернулся к своим людям, которые в священном ужасе взирали на безмолвные корабли, непреклонно возвращающиеся в Таддру.

На том и закончился этот бесплодный разговор. Галеры Дхакера отошли прочь, и призрачный черный флот с парусами, лишенными знаков, двинулся дальше, безмолвный и одержимый, как ночь, в которой скрылся.

В мире по-прежнему существовали дни, сменяющиеся временем, когда не светит солнце, часы и минуты, происшествия и их последствия, а также погода. Но здесь, на нижней палубе, ничего этого не было. Только темнота, оковы, смрад, невыносимый вкус этого смрада, а может быть, крови, и глухие шумы корабля. Удары о грубую ребристую внутренность узилища означали какие-то военные столкновения или шторм. Вспышки света случались редко и всегда — от лампы. Вначале разнообразные пытки позволяли сохранять само понятие времени: нарастание боли, затем ее медленное ослабление. Но теперь боль стала всеобъемлющей и непрерывной, хотя и разнообразной — гложущая в сломанном зубе, саднящая от цепей на незаживающих ранах... Она больше ничем не могла помочь ему.

Спасти могли лишь частые потери сознания — как у больного или впавшего в спячку животного, и Кесар использовал этот прием. Даже пробуждаясь, он не приходил в себя полностью и делал это сознательно. Сдаваться он не собирался. Кесар надеялся пережить этот зигзаг судьбы, хотя не рассчитывал на то, что кто-то неожиданно спасет его, включая богов, в которых не верил. Но и внутри себя он не чувствовал бога, а потому не предполагал себя способным на какой-то подвиг, который принесет ему избавление. Оптимизм Кесара, если здесь вообще было уместно это слово, по сути, не имел никаких оснований.

Его сопротивление порождалось одной только волей, но сейчас эта воля была сильнее, чем все прочие черты его характера. Он отказывался найти свой конец здесь и таким образом. Просто не мог принять этого.

Разговор, случившийся ночью между кораблями Леопарда, никак не мог быть отмечен пленником внизу. И все же он ощутил некое нематериальное дуновение. Вскоре сквозь настил палубы просочилось еще кое-что: рабы-гребцы замерли, подняв весла, видимо, в волнении или ужасе, затем донеслись их пронзительные крики под почти неслышными ударами кнута.

В следующие пять дней, невидимых и неосознаваемых, там, наверху, у галер Дхакера случались и другие встречи. Несколько — с Вольными закорианцами, держащими путь прочь от Кармисса, как велел им Рорн. Они невнятно лепетали о чуде и шли дальше.

Позже у какого-то мыса показался строй кораблей Кумы, ибо побережье Дорфара уже появилось в поле зрения. Малочисленные, но жаждущие боя, галеры Дхакера развернулись для атаки, однако дорфарианцы уклонились от драки и ускользнули.

Заходила речь о набеге на первую же прибрежную деревушку, но наверняка она окажется либо опустевшей, либо хорошо защищенной.

Люди Дхакера были озадачены и напуганы. Теперь напряжение держало в своих когтях не только рабов, и его следовало хоть как-то ослабить. Дхакер начал верить в безумные истории, рассказанные прочими встреченными закорианцами. Даже если они и не были правдивы, то на их действенности это никак не сказалось.

На пятый день им встретилось стадо морских быков, плывущих ровным строем. Взревели рожки, и на галерах началась паника. Люди переговаривались, что Рорн восстал из глубин океана, пока Дхакер не утихомирил их лично.

Требовались какие-то действия. Дни сменялись ночами, время утекало, погода менялась, и наконец предводитель решился.

Когда Кесара доставили в освещенную факелом каюту, Дхакер изучил его с особым удовольствием.

Тело пленника, разукрашенное язвами и ссадинами от оков, все еще не выглядело изнуренным. Глаза после долгого пребывания в темноте болезненно щурились, но ледяное пламя все так же неумолимо изливалось из черных зрачков. Королевская кровь Кармисса соединилась в Кесаре с неистовой шансарской примесью и стала чем-то большим. Он не только не был сломлен, но даже не выпал из своего привычного образа.

Принесли еду и питье, Дхакер жестом предложил пленнику пообедать. Кесар, все так же не говоря ни слова, стал есть и пить. В нем не ощущалось отчаяния или той недоверчивой пытливости, которую проявил бы в таком положении любой другой человек. «Он верит, что выйдет отсюда живым», — подумал Дхакер, и сама эта мысль потрясла его. Даже сейчас воля пленника была сильна, и у закорианца на миг закралось сомнение: неужели у Кесара есть какая-то неведомая ему возможность освободиться?

Сверху доносился смутный шум — там выполняли его приказы. Дхакер снова обрел уверенность. Побег Кесара невозможен.

— Вот как ты меня любишь, — сказал он пленнику. — Ты даже уверен, что я тебя не отравлю.

— Чтобы оставить ни с чем Йила? — тут же парировал Кесар, спокойно доедая обед.

— Увы, Йил потерял вкус к убийству, — сообщил Дхакер. — Я слышал, что он провалил свое великое начинание. Его корабли вышли против Ральнаша Дорфарианского, но так и не достигли Внутреннего моря. Говорят, боги отправили его обратно домой вместе с остальными.

Кесар никак не отреагировал на это сообщение.

— Или он мог вспомнить о договоре, который заключил со мной и с Шансаром-за-Океаном в моем лице, — сказал он вместо этого.

— Вряд ли, лорд К'сар. Не думаю, что он вообще помнит о тебе. Вис сошел с ума. А в краю безумия человек с нормальной головой должен делать то, что считает нужным.

Кесар смотрел на него, и в глазах его пылал мрачный свет. Дхакер сполна ощутил необыкновенную силу этих глаз.

Они продолжали молчать, словно оба не были готовы к продолжению разговора. Наконец Дхакер поднялся.

— Вот лежанка. Можешь отдохнуть и поспать.

— Вы наметили на утро что-то мучительное, — скорее сказал, чем спросил Кесар.

— Мой отец погиб в Тьисе, — отозвался Дхакер. — Я знал его. Он был добр ко мне. Не уверен, что мы доберемся до родной гавани — в мире все перепуталось.

Глаза, подобные вороненой стали, не дрогнули. Дхакер коротко поклонился и вышел. Дверь каюты надежно охранялась, хотя он и не ожидал от Кесара проявлений героизма. Даже быстрая смерть вряд ли привлекала его, поскольку он, похоже, вообще не верил, что способен умереть. Сейчас он будет спать, накапливая выносливость. И в агонии, утратив последнюю надежду, будет цепляться за жизнь, уверенный в своем праве на нее, пока последняя капля этой жизни не просочится у него меж пальцев.

Незадолго до рассвета Опаловый Глаз снова наведался в каюту и взглянул на спящего человека, на его сильное тело, которому вскоре предстояло стать его самым страшным врагом. Рана на левом предплечье, которую прижег Дхакер, невероятно быстро зажила — о ней напоминал лишь шрам вроде того, что остался после змеиного укуса.

— Берите его прямо сейчас, — приказал Дхакер своим людям. — Пусть очнется уже там.

Они выполнили приказ, вытащив Кесара в перламутровую пустоту — лишь небо, море и корабль. Тающие звезды осветили скованного человека на палубе, чьи руки были подняты и закреплены в таком положении при помощи острых клиньев, вбитых в оковы. Затем столб подняли и установили рядом с главным парусом. К тому времени человек полностью проснулся и все осознал. Это был старый способ казни — очень простой, обычный для всех западных стран. В Дорфаре им издавна пользовались для наказания рабов.

Жертва подвешивалась за руки, при этом ее пятки находили небольшую опору и судорожно цеплялись за нее, пытаясь перенести вес тела. Это стоит мучительных усилий, но человек будет делать эти усилия. Такой же небольшой выступ имелся на уровне ягодиц, и его тоже можно было использовать — неловко и с еще большим трудом. Без этих условных поддержек висящий человек не сможет дышать, а потому будет за них цепляться, постоянно соскальзывая и снова отыскивая их — и так до бесконечности.

В теле, лишь подвешенном за запястья, без этих опор, кровь не достигает легких, и наступает спазм. Задохнувшись, осужденный вскоре теряет сознание, и смерть может наступить еще утром. Но этот способ считался легким — в отличие от того, что был уготован

Кесару. К тому же его воля, его неистребимая тяга к жизни продлят битву и за гранью беспамятства. Будучи на три четверти трупом, он все равно продолжит бороться, соскальзывая, сражаясь, ловя глоток воздуха, цепляясь и проигрывая свою жизнь — шаг за шагом, миг за мигом.

Ему будут давать воду и даже пищу, пока он будет способен есть.

Это может продлиться долгие дни.

Теперь в его жизни присутствовали свет и тьма, восход солнца, просвечивающий сквозь огромный парус, и закат за спиной, бросающий перед ним на палубу его тень. Закорианцы старались не наступать на нее, ибо это было дурной приметой.

Чуть позже Кесар перестал все это замечать.

Он задыхался. Чтобы сделать вдох, нужно было изо всех сил прижать к столбу пятки и нижнюю часть спины. Тогда руки слегка освобождались, и кровь с головокружительным ощущением приливала к легким, позволяя им расшириться. Он сохранял это положение, пока мучительная боль в напряженных ногах и спине не лишала мышцы сил. Затем снова повторялись все этапы агонии.

Очень скоро разные виды боли перестали отличаться для него. Приподняться и вдохнуть, превозмогая боль, — или обвиснуть и задыхаться в боли...

Он пил воду, глотал жидкую кашицу и смотрел в небо.

Море было спокойным, палуба слегка покачивалась, как танцовщица. Люди двигались вокруг или стояли, наблюдая за ним. Но они были призраками и не имели значения, так же, как небо и море. Значение имела лишь боль, и этим значением была жизнь.

Когда солнце взошло в четвертый раз, он позабыл свое имя.

Он слышал разговоры там, снизу. Один человек, с ярким отблеском в левом глазу, подошел и потрогал его ноги — мягко, почти заботливо.

— К'сар, ты все еще жив? Четвертый день, К'сар эм Кармисс. Не знаю никого, кто протянул бы так долго, — и затем: — У него сочится кровь изо рта. Легкие кровоточат.

Кесар повернул голову. Небо было малиновым, свет дробил парус на осколки. Что-то приблизилось и коснулось его лица. Миска, поднятая на палке. Вода. Он потянулся к ней губами.

— Нет, — прозвучал тихий голос девушки у самого его уха, а может быть, прямо в мозгу. — Не пей ее, Кесар. Не пей.

— Пошла вон, сука, — прохрипел он. Его язык нашел воду.

— Нет, — настаивал голос. — Не пей.

Вода была безвкусная, ему не хотелось ее, невзирая на жестокую жажду. Его тело сделало попытку кашлянуть, и немедленно острая боль пронзила ребра. Тогда ее руки обняли и поддержали его. Прохладные, ароматные руки — лучше любой воды.

— Послушай меня, — снова произнесла она. — Кому еще мы с тобой могли доверять с самого детства, кроме друг друга?

— Я должен жить, Вал-Нардия, — прошептал он. — Вернуть то, что они отняли у меня. И если ты хочешь, чтобы я жил,

я буду жить — ради тебя. Яд, болезнь, рана в любом бою — все это ничто. Я пройду сквозь огонь, воду и небесный гром... Вал-Нардия?

— Я здесь.

— Я буду жить, — повторил он. Прядь ее красных волос шевельнулась в красном небе, когда она склонилась, поддерживая его. Это была Вал-Нардия и никто иной. Ее облик не изменился. Голова Кесара легла ей на грудь.

— Тогда живи, — сказала она. — Дай себе уйти и живи.

Внизу пошевелился Дхакер, придерживая свой опаловый глаз.

— Он не принимает воду, — ткнул пальцем закорианец, поднимавший миску наверх.

— Он мертв, — склонил голову Дхакер.

Они не отдали его Рорну и не предали сожжению по обычаю желтых народов. Просто оставили на столбе — разлагаться или стать кормом для морских птиц. Задолго до того, как корабль прибыл в Таддру, от короля Кармисса не осталось ничего, кроме костей — которые могли быть костями любого другого умершего.

25

Среди полуденного жара высоко на золотом камне сидела женщина и смотрела вдаль, через реку. За ее спиной вздымались черные разрушенные стены. Летнее солнце обожгло ее почти до черноты, всю, кроме серебряного браслета на левом запястье, который, если приглядеться, был вовсе не браслетом, а кольцом серебряных чешуек, растущих прямо из руки.

Яннул, вышедший из древнего зорского города, остановился под валуном и тоже посмотрел за реку. Люди на том берегу занимались своими повседневными делами, как и весь последний месяц.

Та ночь, заря Силы, когда весь мир звенел, словно колокол, давно прошла. Жители заречных деревень, очень легко относящиеся к сверхъестественному, быстро перестали вспоминать о ней, как о чем-то вполне обычном.

— Сафка, — позвал Яннул через какое-то время.

— Да, — ответила она. — Я знаю, ты возвращаешься домой.

— В свою усадьбу в Амланне, — подтвердил Яннул. — Медаси считает — нам обязательно надо вернуться. Она говорит, что наш старший сын придет туда. Мы не знаем, где он сейчас, но она уверяет, что в безопасности.

— О да, — подтвердила Сафка. — С твоим сыном все в порядке.

Ее голос был отстраненным и очень красивым. Поначалу он и не осознавал, какой у нее прекрасный голос. Возможно, это доказательство ее королевской крови. Она ведь текла и в ее жилах тоже, разве не так?

— Да, — снова подтвердила Сафка, — во мне есть эта кровь.

— Мне совершенно не хочется, чтобы кто-то читал мои мысли, — уронил Яннул.

— Прости. Твои тайные мысли скрыты вполне надежно, но кое-что пробивается, словно лай собак. Я все еще не знаю, Яннул, правда ли это.

— То, что ты дочь Амрека? Ты не похожа на него. Но эта отметина на твоем запястье...

— Это проклятье Анакир.

— Может быть, не проклятье, а всего лишь символ, — возразил Яннул. — Оно ведь ничем не повредило тебе. Мог ли Амрек неправильно понять смысл своей меты?

Она посмотрела на него сверху вниз. Ее глаза были черными глазами Висов — как у Повелителя Гроз Амрека? Сафка очень сильно изменилась. Теперь казалось не так уж важно, в самом ли деле принадлежит она к этому роду, или нет. Будь у нее такое желание, она могла бы править здесь. Ланнцы, которые последовали за Сафкой, без всяких вопросов сделали бы ее своей королевой. Но она была еще и жрицей, причастной, и, наверное, преходящая власть ничего не значила для нее.

В этом году Застис пришла поздно, и ее уже заждались. Маленький лагерь в разрушенном городе был охвачен нетерпением и напряжением, и то же самое творилось в деревнях за рекой. Даже Медаси, по мнению Яннула, ничуть не изменилась, пройдя сквозь этот новый ад, — она по-прежнему была живой женщиной, а не воплощением божества. Безрассудные, как юные любовники, они падали в объятия друг другу в дикой роще под стенами города, а потом обменивались упреками, не скрывая довольной усмешки. Однако Сафка, на которую глядел с вожделением добрый десяток мужчин, никак не обнаруживала своих желаний. Вот и сейчас она восседала на своем камне, как львица, никуда не торопясь, и с равным удовольствием смотрела на небо и на мужчину у своих ног... Если она и уловила эту мысль Яннула, то не стала отвечать на нее.

— Ты останешься здесь, в городе? — спросил он вслух.

— Все места одинаковы, — ответила Сафка, и он почувствовал, что она и впрямь так считает. — Но для других есть город, который мы унаследовали, и Ланн за горами, который снова стал доступным. Проходы по ущельям открыты.

— Я знаю.

— Оттуда не было никаких вестей, — произнесла она, по-прежнему бесстрастно глядя вдаль. — Как ты узнал об этом?

— От мысленной речи никуда не денешься.

Сафка улыбнулась.

— Я вижу твоего сына, — сказала она. — Лар-Ральднор спешит назад с Равнин. Ты должен гордиться таким наследником.

— А что еще ты видишь? — Что-то в ее словах очень задело Яннула.

— Много самых разных вещей.

Он понял, что она не ответит ему или скажет только то, что он имеет право знать. Та ночь и то утро были далеки, как звезды, но он пытался, может быть, сам того не желая, вернуть их.

— Ты часто видишь Анакир? — спросил он.

— Мы все Анакир. Она повсюду.

— Значит, никаких доказательств. Все это было как сон — война, сломанный меч...

— В Элире на башнях ждут звезду, — неожиданно сказала Сафка.

— Они ее скоро увидят, — усмехнулся он.

— Нет, не Застис, Яннул. Не вечернюю звезду желания, но утреннюю звезду мира.

Он снова бросил взгляд за реку.

— Я помню Корамвис, — медленно сказал он. Но женщина на скале возразила:

— Прошлое осталось в прошлом.

Ее сознание вплелось в сознание Яннула, и тогда он тоже увидел Лар-Ральднора, едущего верхом под лучами солнца. За его спиной остались еще одни черные руины, а между ними лежали все просторы Равнин и маленький край по имени Элир. Лар-Ральднор напевал старинную песню. Яннул отчасти даже помнил ее, и вдруг поймал себя на том, что тоже беззвучно повторяет ее слова.

— Да, отец, — сказал Лар-Ральднор и рассмеялся под огромным небом, — я знаю, что ты слышишь меня.

Это было то, к чему он никак не мог привыкнуть. Став частью качественно новой сущности, рожденной из сплетения сознаний, он в то же время никак не мог освоиться с повседневным употреблением мысленной речи. Для него это было все равно что заниматься любовью и видеть, как сквозь бархатную кожу просвечивает скелет.

Теперь он понимал, почему Континент-Побратим, набирая силу в торговле, начал сдерживать свою мысленную речь.

Сейчас корабли второго континента стояли в Мойе и по всему Шансарскому Элисаару. Некоторые нацеливались на Вардийский Закорис, Дорфар и Кармисс. Похоже, они сохранили свое сообщество там, на юге, и решили подождать с суждением о войне на Висе. Таким образом, прежние союзы выстояли. Сейчас они разыгрывали братьев по оружию в местах, где возбуждение мало-помалу спадало. Хотя, скорее всего, в Кармиссе шансарское предложение братства примут с распростертыми объятиями. Истрис пострадал, и говорили даже, что он разрушен. Власть, разумеется, пока была у лорда-правителя, но шансарское владычество предполагалось восстановить еще до конца года. Богиня с рыбьим хвостом совершенно вытеснила Лилию. Ашьясми снова стала Ашарой. Что до знамени с Саламандрой, то его сожгли — насмешка судьбы по отношению к огненной ящерице. Однако конец самого Кесара не был отмечен столь же очевидно.

Подумав о Кесаре, Лар-Ральднор не смог не вспомнить о Рармоне. Но опять же, он знал все и о нем — и то, что случилось, и то, что лишь предстояло ему. Судьба, подобно плоти какого-нибудь небесного создания, была прозрачной и позволяла смотреть вперед.

Кстати, с заравийской девушкой, которая, естественно, не умела читать мысли, не возникло проблем. Она, конечно, плакала, когда Лар-Ральднор прощался с ней, и обещала назвать своего будущего сына его именем. Но он знал, хотя и не стал разочаровывать девушку, что она так и не зачала от него ребенка.

Он ехал обратно, напевая песню ланнских холмов, которой давным-давно научил его отец. Магия заняла в его жизни свое место, но кроме нее, было много всего остального. Он знал, что молод, а земля прекрасна. А также то, что он и вообще все будет жить вечно.

 Но это он знал еще с трех лет, от Медаси.

* * *

— Значит, прощаешься с Таддрой, не так ли? И со мной, который рисковал своей драгоценной шкурой у врат этой проклятой башни? — говорил Туаб-Эй, сидя в винной лавочке Тумеша. — Ну что тебе может дать этот Дорфар? Легкую жизнь, милость короля, хорошую еду и много выпивки... Что все это в сравнении со здравой жизнью, которую ты мог бы вести здесь, с нами, в джунглях, поедая недожаренного оринкса под дождем!

— Пойдем со мной, — ответил Рарнаммон. — Ты заслужил все, что я могу тебе дать.

— Покорнейше благодарю. Здесь я сам себе лорд, а среди лордов буду дерьмом, и знаю это. — Туаб-Эй поковырял кинжалом в подливке. — Там, в башне... какое-то божество прошло через нас. Я чувствовал его крылья. Теперь я верю в богов. Но я пережил это. Галуд говорит, что башня неистовствовала, как живая.

— Возможно, Галуд мудрый человек.

— А еще прокаженные — они почти все исцелились. Даже Джорт подтверждает это.

— Возможно, Джорт...

— Тоже мудрый человек? Ну да. А ты — перчатка на руке богини, — начал злиться Туаб-Эй. — Жрец-король. Герой. Идем со мной, и будь человеком!

Темноволосый человек с желтыми Равнинными глазами смотрел на него, пока Туаб-Эй не опустил взгляд с какой-то неловкой застенчивостью.

— Прощай. Желаю преуспеть в Таддре, — наконец сказал Рарнаммон.

— А тебе — в Дорфаре, ты, ублюдок королевского ублюдка!

Снаружи солнце изливало зной на старую рыночную площадь. Под навесом шла торговля рабами. На миг Рарнаммону, стоящему в тени двери, показалось, что он видит среди них красноволосую женщину. Но, говорят, когда Бандар выставил здесь на продажу Астарис, ее волосы были перекрашены в черный цвет.

Пока Рарнаммон седлал своего зееба, Галуд не спускал с него глаз.

Проехав через весь город, он направился к предгорьям. Мысли его крутились вокруг многих вещей. Где-то далеко сын Яннула едет верхом, как и он сам. А еще где-то сидит на обломке скалы та женщина, которую он встречал в Ольме, — Сафка, дочь Амрека. Но эти видения-откровения постепенно отступили, а может быть, оказались скрыты от него чьей-то более мощной силой личности.

Город Рарнаммона исчезал за спиной Рарнаммона, сына Ральднора. Его трепет угасал, терялся в пройденных милях. А впереди уже слышался барабанный бой Дорфара.

Иногда ему хотелось не слышать этого зова. В другие дни он тревожил его. Время чуда миновало, никто не может всю жизнь оставаться на такой высоте. Разве он не размышлял когда-то в Ланне о том, что там ему нечего делать, а в нем самом нет ничего, позволяющего задавать вопросы о смысле жизни? Видения,

которые открыли ему так много, странным образом оставили его близоруким в других отношениях. Глупо теперь упрямиться или уходить в сторону. В Дорфаре всегда присутствовало колдовство.

Ральднор сбежал от собственной легенды — но то был Ральднор.

Леса отступили, нахлынула синева гор. И никаких следов Вольного Закориса, если не считать обломков осадных орудий, валяющихся на склоне.

В течение семи дней он проезжал мимо мощных каменных изваяний, высеченных вдоль ущелья, чтобы ознаменовать явление дракона перед дорфарианскими солдатами. Скульптуры были сработаны грубо и неумело, хотя и с большим чувством. Этим, наверное, и объяснялись их диковинные формы — не драконы, а скорее гигантские черепахи, с челюстями и лапами, торчащими из-под чего-то вроде дисковидного панциря.

Он не задавал солдатам вопросов об этих творениях. Они, в свою очередь, не признали его, — он сам не допускал этого. Только когда он удалился, поползли слухи и домыслы. Но в конце концов солдаты пришли к выводу, что тот, кого они вспоминали, выдал Леопарду планы Дорфара, а потому вряд ли рискнет вернуться обратно.

Рарнаммон продолжал ехать по горному проходу, когда пришло время Застис. Звезда вынырнула из-за луны и окрасила склоны гор своим красноватым светом. Рарнаммон был один и старался похоронить во снах свои мечты и желания, которые, как и горы, были окрашены Звездой. Он вспомнил предание, что Застис — это дворец, построенный богами в облаках для своих любовных утех, в котором хранится огонь. Будучи вечным, этот огонь никогда не иссякнет. Потому-то в пору своего пребывания на небосклоне Звезда вызывает в людях любовное желание.

Сами по себе его мечты были беспредметными. Проснувшись, он просеивал свои воспоминания, но теперь и они казались ему какими-то неуместными. Его затягивало в водоворот, который был то ли болью, то ли наслаждением, то ли жаждой близости.

По мере того, как проход врезался в земли Дорфара, начали встречаться караульные посты. Солдаты там были мало восприимчивы к Застис, хотя и в их жизнь Звезда вносила беспорядок — некоторые делались излишне властными, другие ударялись в религию.

Наконец Рарнаммон спустился с гор. Путь его пролегал меж огромных глыб, которые свалились во время великого землетрясения и остались здесь навечно.

Теперь он пробирался над озером, которое называли Иброн. Ему казалось, что вокруг нет ни души, если не считать стаи парящих птиц. Поэтому он удивился, когда на склоне холма перед ним возникло нечто ослепительно-белое.

Когда-то в этом месте в озеро упал человек, выпав из мчащейся колесницы. Рарнаммон различил что-то перекрученное, а позади него — нескольких эманакир.

Некоторое время они стояли неподвижно, не делая попыток вступить в общение с ним. У Рарнаммона тоже не возникало

желания пользоваться мысленной речью или впустить их к себе в мозг. Он был достаточно силен, чтобы пресечь подобное вторжение, считая его посягательством на свою целостность. Наконец, потеряв терпение, он заговорил с ними вслух:

— Как вы понимаете, я — не мой отец. Говорите, что вам нужно, или уходите с пути.

Они не нравились ему — такие бледные, такие холодные. Почти неприличная, неземная чистота. Это были уже не люди, пусть и с Равнин, а нечто совершенно новое и чуждое. Белые глаза встретились с его взглядом и снова неохотно опустились. Похоже, их не заботил ни сам Рарнаммон, ни тот факт, что именно его, а не их, приняли в тот великий вихрь, сложенный из сознаний. Они ревниво желали быть богами — на прежний лад. То есть людьми, обладающими сверхъестественным превосходством и в силу этого претендующими на господство над всеми остальными.

— Сын Ральднора, ты держишь путь в Анкиру? — произнес один из них.

— Куда же еще? — пожал плечами Рарнаммон.

— Ральданаш наш, — сказали они, ибо казалось, что все они говорят одним и тем же голосом — какой-то неустранимый сбой в мысленной речи. — Мы признали Ральданаша, хотя у него темная кожа смертного.

— Это что, своего рода предостережение?

— Да, — ответили они.

— Объяснитесь.

— Ты не наш. И мы никогда не будем твоими.

— Отлично, я вас выслушал. Где Ашни?

— Она ушла за холмы. И часть людей с нею.

— Но не вы, — заметил Рарнаммон. — Вам, должно быть, обидно.

Не успел он пришпорить своего зееба, как эманакир улетучились со склона холма. Это могло быть каким-то трюком, но Рарнаммон так не думал. Возможно, они освоили искусство передавать свой образ на расстоянии.

Продолжая свой путь в город, он убедился, что больше никто его не узнает. Других эманакир ему не встречалось.

Чтобы пробраться через руины к реке, Рарнаммон воспользовался недостроенным Торговым трактом. Какой-то вор оборудовал там переправу и перевез его на другой берег.

Когда через одни из белых ворот Анкиры он вступил в жаркую, пахнущую ржавчиной столицу, ему показалось, что его накрыло огромной чашей из чистого стекла. Это было уже не просто отсутствие имени, в которое он заворачивался всю дорогу, как в плащ — он словно отвел всем глаза.

В городе, на время уберегенном от разорения, повсюду обсуждали колдовство и чудеса богов — и повсюду пренебрегали ими. Все были заняты торговлей и иным деланием денег. Мужчины спорили, взбивая ногами пыль. Две девушки с визгом дрались у винной

лавки. Храмы источали запахи благовоний и дребезжание гонгов. Пять священных блудниц, Дочери Анакир, пересекали центральную улицу под охраной храмовой стражи. Они были обнажены до пояса, лишь соски обведены золотом. Золотом же были расшиты их прозрачные желтые юбки, волосы выбелены, а в ушах и пупках блестели топазы.

Рарнаммон обернулся и посмотрел им вслед в каком-то тоскливом изумлении — и изумляла его не только нелепость этого мира.

— Итак, вы здесь, как он и обещал, — произнес Венкрек, лорд-правитель Анкиры. — Ваша маскировка должна быть безупречна, раз она позволила вам пройти по городу.

— А где Ральданаш? — спросил Рарнаммон.

— Лежит в Мойе, там же, где встал флот. Теперь туда прибыли и ваткрианские корабли с нашей родины.

Дворец Гроз был прохладен и благоухал цветущими деревьями и кустами, а также дорогими женскими притираниями. Здесь все дышало Застис: томные жесты, запахи, поведение.

— Совет соберется только через час, мой лорд, — доложил Венкрек. — У вас достаточно времени. Мы открыли и подготовили королевские покои — как он и велел.

— Что предполагается говорить Совету? — поинтересовался Рарнаммон.

— То же, что и городу. Повелитель Гроз послал вас в Закорис-в-Таддре с тайным заданием. Вы с честью исполнили свою миссию, что позволило довести войну до логического конца, а ваша доблесть обеспечила вам место у самого трона, в качестве главнокомандующего Ральданаша.

— А вы-то согласны с этим?

— Он написал мне, — ответил Венкрек. — Здесь у меня все его письма и воззвания, и на последнем еще не сломана печать. Он принял решение, полностью доверяя вам, значит, я не могу поступить иначе.

— Как раз вы вполне можете поступить иначе, — усмехнулся Рарнаммон.

— Да, именно это, без сомнения, вы получили бы от Кесара. Очень надеюсь, что пираты Йила скормили его рыбам.

На это Рарнаммон ничего не ответил, выжидая.

— Полагаю, что Ральданаш посвятил вас во все свои планы? — спросил он через какое-то время.

— Мне достаточно того, что он посвятил в них *вас*, мой лорд.

— Это так.

— Но каким образом?

— Я думал, что у вас в Ваткри мысленная речь между братьями вполне обычна, — осторожно пожал плечами Рарнаммон.

Венкрек побледнел под своим легким загаром. Он и сам не знал, почему. Тому могло быть много причин.

— В таком случае мы оба знаем, что Ральданаш хочет отказаться от короны Дорфара, — произнес он. — Официально

отречься и отправиться бродить по холмам Ваткри, как какой-нибудь тощий бродячий жрец.

— Почему бы и нет, если это даст ему покой? — возразил Рарнаммон. — Он никогда не хотел править.

— В то время как вы — всегда хотели.

— Может быть, и так. Я не откажусь от того, что мне предназначено. Помимо всего прочего, я сын Ральднора. Кем он был? Жрецом и королем. Видимо, я — та его часть, что жаждала славы в глазах людей. А Ральданаш — жрец, ему предназначены медитация и родные холмы. Итак, что вы намерены делать, Венкрек? Ральданаш отдал мне свой голос. Если вы не можете это переварить, вам придется уйти.

— Я это переварю, — отозвался Венкрек. — Для меня холмы не более желанны, чем для вас. Вы увидите, сколь успешно я это переварю. Я сумею заслужить вашу благосклонность, мой повелитель, — вскинув белую голову, ваткрианец усмехнулся. — Посмотрим, сумеете ли вы заслужить мою.

Позже, когда Совет с его криками и разногласиями завершился — разве сам Ральднор не отверг этот же сан сразу после победы? — по городу отправились гулять оплаченные слухи, призванные поддержать их дело, совсем как несколько лет назад в Истрисе. Мнением народа всегда можно управлять. Совет тоже поддается управлению. Традиционные взятки работали здесь так же надежно, как и везде. Рарнаммон, которого когда-то звали Рэмом, хорошо знал все эти способы и был способен их применить. А самое главное, у него в запасе имелся указ Ральданаша.

Все обсуждали то, что Ральданаш, подобранный полумертвым на палубе корабля, лежит, погруженный в Сон богини, в Равнинном порту Мойя. А ваткрианские корабли маячили в закатных водах, словно знак судьбы.

А Рарнаммон очень желал Дорфар. Это было несомненно.

По истечении должного количества суток, в которые ему выносился окончательный приговор, он во главе процессии проехал через весь город на колеснице, украшенной драгоценными камнями. На площади Верховных королей, стоя на помосте под огромной статуей того, в честь кого был назван, он обратился к народу с речью, используя все приемы, подсмотренные у Кесара, — и весьма удачно. Он завоевал толпу и услышал приветственный рев в свою честь — крики взлетели в небо, как стая птиц. Рарнаммон знал, что королевская власть — это нечто большее, чем триумф. Однако королевская кровь, полученная от Ральднора и Редона, помнила крики, которыми народ приветствует своего владыку, и с радостью принимала их.

— Коронация будет в последней четверти Застис. Вы также можете взять себе всех его жен, — объявил Венкрек. Если в этом высказывании и имелся выпад, то очень умело смягченный. — Каждый король Виса обязан присутствовать сам или прислать своего представителя. Похоже, Йил прибудет лично. Королевство Закорис-в-Таддре больше не строит боевых галер. Он обещает прислать вам рабов и бивни палюторвусов.

— А нет ли каких-то новостей о человеке по имени Катус, родом из Элисаара?

— По возвращении Йил казнил всех своих советников. Он заявил, что они пошли против воли богов, толкая его к противостоянию, неугодному высшим силам. Но один человек сумел ускользнуть от наказания, и это был элисаарец.

Итак, он снова бездомный. Лис Катаос, вечно бегущий и уже уставший убегать. Катус-Катаос, который презирал все культы и не верил ни в одного бога, — и был вечно стеснен в своих действиях этим несчастным континентом с его идиотской набожностью. Однажды он умчался в единственный просвет на небе — но этот свет оказался иллюзией. Или же иллюзией была реальность, с которой никак не удавалось сторговаться.

— А Кесар эм Кармисс кормит рыб, — спокойно произнес Рарнаммон.

— Это работа пиратов, — подтвердил Венкрек. — Они отказались от клятвы верности Йилу, когда тот отступил, разделались с Кесаром, а теперь снова бороздят море, сбившись в шайки. Еще до снега придется провести зачистку океана на севере и востоке. Как видно, мой повелитель, даже чуду не под силу прекратить все на свете сражения.

Теперь при дворе больше не было эманакир. Они ушли в холмы над Корамвисом. Люди говорили, что Ашни по-прежнему там, но Рарнаммону так не казалось. Лучи сознаний-маяков угасли в его разуме, и он более не ощущал подсознательной связи с сыном Яннула или дочерью Амрека в Зоре. Ральданаш теперь был настроен только на внутреннюю волну. Что до Ашни, то ее всеобъемлющий свет окружал их со всех сторон, но не имел четко выраженного источника.

— Есть некая жрица, за которой могли последовать эманакир, — произнес Венкрек, отслеживая мысли Рарнаммона через какую-то своеобразную связь сознаний. Похоже, к мысленной речи можно было приучиться. — А еще снова появилась жрица в Анкабеке.

— О да, — откликнулся Рарнаммон, почти не слыша его. Музыка пробивалась отовсюду. Деревья за колоннадой, казалось, сплетаются ветвями в свете Застис. Время, когда всеми овладевает жажда близости, — не лучшая пора для важных бесед...

— Некоторые называют ее Астарис, — настойчиво продолжал Венкрек.

— Астарис больше не существует, — отмахнулся Рарнаммон.

— Вы помните заравийскую принцессу, дочь За'ата?

В Кармисс пришел Праздник Масок. На востоке, где снова отстраивался Истрис, все строительные леса были увешаны светильниками, полотнища ткани скрывали дома, пострадавшие от огня. Когда появились «Вольные закорианцы», запах дыма дотянулся даже до Иоли — но теперь это был всего лишь дым факелов. Пиво и вино, как водится, лились рекой — на случай войны были сделаны огромные запасы, а следующий год обещал быть очень удачным для вино-

делия. Кстати, теперь этот сорт назывался «Саламандра» — по крайней мере, виноделы сохранили свою прежнюю любовь.

Текущее положение в Кармиссе обсуждали в кратких промежутках между выпивкой и поцелуями. Лорд-правитель покинул остров, и теперь всем заправлял шансарский регент из-за океана. Новый король был избран из осколков дома Сузамуна. К выбору подошли с умом: мальчик родился от кармианской матери и имел медную кожу, выгодно оттеняющую его светлые волосы. И, само собой, не был евнухом.

В Дорфаре же избрали нового Повелителя Гроз. Его мать была из кармианских Висов, поэтому Истрис пил за его здоровье на повозках, звенящих колокольчиками, и в ярко освещенном порту. Если здесь и знали, что прежде этот человек был одним из приспешников Кесара, то предпочли об этом забыть. Слухи множили подробности великолепного шествия через весь Дорфар, по суше и по реке. Теперь дорфарианские корабли держались в стороне от Тьиса. Регент-шансарец съездил на коронацию и обменялся рукопожатием с Рарнаммоном, сыном Ральднора. Тогда же было получено обещание восстановить Анкабек, владения богини, разрушенные Леопардом.

Поговаривали, что остров одержим призраками. Но во время праздника в Истрисе и Иоли хватало собственных призраков — в причудливых нарядах и совершенно пьяных.

Королевские биремы встали примерно в миле от Анкабека. Их осеняли богиня и Дракон Дорфара — личной эмблемы будущий Повелитель Гроз еще не избрал. Со стороны острова корабли выглядели очаровательными игрушками, только взглянуть на них с этой стороны было некому. Люди, когда-то избравшие Анкабек своим убежищем, уже давно получили добрые вести с большого острова и вернулись через пролив в Кармисс. Теперь здесь обитали лишь морские птицы, которые важно разгуливали по песчаным отмелям и взмыли в воздух, завидев, как из океана приближаются лодки с людьми на веслах.

Вскоре на глинистом берегу вырос шатер. Отряд ваткрианцев и дорфарианцев двинулся в глубь острова, чтобы осмотреть деревню, опустевшую уже во второй раз. Тут и там слышались шутки и смех или обрывки богословских споров. Один человек отделился от отряда, углубился в обгорелую рощу и вскоре скрылся из виду.

Не все деревья погибли после пожара. Здесь прутик, там ветка, а кое-где и целый молодой побег проросли листвой, даже летом окрашенной в цвет пламени. С некоторых сучьев, как живых, так и мертвых, свисали металлические диски, блестящие и закопченные, подрагивающие, но не звенящие в безветренном воздухе.

Прогулка заняла столько же времени, как и обычно. Но когда он добрался до вершины острова и увидел пустую скорлупу храма, память пронзила его, как игла. Все это случилось здесь. Теперь все ушло.

Остались только стены, деревья, еще с трудом порождающие почки и листья, и оправа из неба и моря — безликая, ни с чем не связанная.

Именно по этой причине люди Равнин предпочитали сжигать мертвые тела, уничтожая память о жизни плоти, которая стала бесполезной, отдав все ценное душе. Душа же продолжает существовать и без этой оболочки. Вот только тем, кто оставался позади, было очень трудно принять это...

Рарнаммон — а это был именно он — будил призраков в обители смерти, ища среди обгорелых деревьев нечто совсем иное. Он не был уверен, что найдет ее здесь, хотя в разуме Ральданаша имелось подтверждение ее присутствия — его угасающая сила возродилась через Анкабек благодаря искренней поддержке этой женщины.

Она сидела на земле под деревом, одетая в храмовое одеяние — такое же тускло-черное, как горелые стволы, а ее красные волосы перекликались с пламенем листвы. Весьма странное зрелище.

Он тихо пошел к женщине, стараясь не потревожить ее во время медитации — именно так он определил ее состояние. Не доходя десяти шагов, он замер. Женщина чуть вскинула лицо в солнечный луч, ее глаза приоткрылись. Это была Улис-Анет, почти такая же, как прежде — и в то же время Вал-Нардия. Впечатления смешались — на миг ему почудилось ожерелье с черным жемчугом, которое обычно носила при дворе сестра Кесара.

Внезапно женщина распахнула глаза, и он понял, что она видит его. А может быть, не только его, но и тех нематериальных личностей, что стояли вокруг?

— Улис-Анет эм Зарависс, — осторожно спросил он, — ты помнишь меня?

— Рарнаммон, — ответила она. По тому, что она назвала его полным именем, которым он стал пользоваться лишь после своего возвышения, он понял, что она вполне осведомлена обо всем, что творится в мире. Очевидно, она получала сведения лишь ей известными путями. Довольно долго она просто смотрела на него.

— Я не жрица, мой повелитель, — произнесла она наконец. — То, что я здесь — дело случая. Наверное, вы находите меня странной. Я провела здесь какое-то время в полном одиночестве. Искупление, самопознание... Чего вы хотите от меня?

— Возможно, ничего, — проронил он.

Улис-Анет легко поднялась на ноги, протянула руки, и свет пробился сквозь ее волосы и меж пальцев.

— Сначала, когда я подняла глаза и увидела вас, — выговорила она, — мне показалось, что передо мной Кесар. Затем темнота... а потом возник Ральданаш. Ваши глаза... вы понимаете меня? Но вы похожи на него. Точнее, на них обоих. — Неожиданно она расплакалась, медленно и задумчиво, будто не чувствуя горя. Рарнаммон молча стоял и наблюдал за ней. Но вскоре Улис-Анет прижала ладони к мокрым щекам, утирая слезы.

— Позвольте показать вам великолепие здешних мест, — сказала она, повернулась и направилась вглубь острова. Он покор-

но последовал за ней. Ее красота, которую он как-то не замечал прежде, струилась за ней, подобно тени меж стволами деревьев.

К западу от храма роща выводила к обрыву с несколькими обгорелыми дубами, под которым плескалось море. Среди травы стояла маленькая каменная Анакир — грубое самодельное изображение. Рарнаммон удивился, кто и зачем мог его поставить.

Улис-Анет прошла к самому обрыву.

— Странно, — сказала она, — я никогда не выясняла, где это место, и, может быть, ошибаюсь. Но как раз в этот час, когда солнце клонится к закату, оно и происходит.

— Что именно? — мягко спросил Рарнаммон. Он особо не задумывался о ней, но почти боялся подойти к ней слишком близко, ненароком задеть ее рукой или рукавом, обеспокоить громким голосом, словно она могла исчезнуть от этого. Казалось, близкое соседство способно причинить боль этой женщине.

— Вон, — указала она куда-то вниз, в воду, прервав его размышления. Вдруг там что-то блеснуло, и из глубины на поверхность моря пробился янтарный луч.

Оба замерли на месте, ошеломленно глядя на это чудо, затем посмотрели друг на друга — и снова вниз. Вскоре сияние начало понемногу гаснуть.

— Они сбросили статую Анакир вон с тех скал, — пояснила Улис-Анет. — Может быть, это какое-нибудь украшение. Ее волосы... или драгоценный камень.

— Перед этим Вольные закорианцы вынули Ее глаза, — вспомнил Рарнаммон. — Но один из кораблей Леопарда пошел ко дну. Возможно, камень принесло обратно течением.

Они еще долго глядели в воду, уже сомневаясь в том, что видели.

Затем Рарнаммон предложил Улис-Анет еды и вина, которые принес с собой. Они уселись под дубами на обрыве, чтобы разделить эту нехитрую трапезу.

Он вспомнил, что когда-то здесь вот так же сидели Кесар и Вал-Нардия. Чувство времени полностью исчезло, торопиться было некуда. Но под этим таилось ожидание перемены, чего-то беспокоящего и безответного.

Один раз мимо них скользнула в траве золотистая змейка. Все змеи богини выжили, и теперь остров принадлежал им.

Мужчина и женщина сидели и буднично беседовали о необычных вещах.

Тени сгущались на скалах, на отмелях вдоль берега. Запад зарделся, и, словно его отражение, тускло зарделся восток, где всходила Звезда.

— Ты не собираешься оставаться здесь, — сказал Рарнаммон. — По-моему, ты не склонна к жизни послушницы или отшельницы.

— Я обдумаю это. Но мне нужен ваш совет. Вы же были одним из тех, кто соткал великую сеть Силы. Богом, или его частью.

— Нет, — покачал головой Рарнаммон.

— По крайней мере, одну ночь и один день. Краешек этого огня коснулся и моего острова. Я свидетельница — вы были

богом. Так что дайте совет, мой повелитель, куда мне направить стопы и как лучше провести жизнь. Вы ведь знаете, что *он* погиб из-за меня.

— Кесар погиб только из-за Кесара.

— Я могу справиться со своим чувством вины и со страхом. Анкабек научил меня этому. Но не тому, как жить дальше. Анкабек говорит только одно слово: «Жди».

— Тогда возвращайся в Дорфар. Он говорит куда громче и с более великой целью.

— Но ни слова для меня.

Солнце уже опустилось за море, и мир состоял лишь из багряного света и густых теней. А на востоке Звезда выдавливала розовый сок из-за линии горизонта, словно вся земля была огромным плодом.

— Улис, — произнес Рарнаммон, — в бездну этот разговор о богах... Если на Истрисе я и бывал в публичном доме, то весь сжимался от отвращения. Я получал то, чего хотел. И никогда это не была женщина. А теперь мы сидим здесь, в руинах, на скале с горелыми деревьями. Сквернее ложа не придумаешь... И я хочу тебя.

Пока он говорил, ее лицо оставалось совершенно пустым и невыразительным — и вдруг эта пустота отступила под напором смеха.

— Повелитель Гроз извиняется перед своей служанкой за неудобную постель?

— Скорее за недостаток опыта. Который идет в одной упряжке с его годами.

— Застис, — очень тихо прошептала Улис-Анет. — Это идет Застис. А я все это время была здесь совсем одна. До сегодняшнего дня.

В последних лучах солнца он нашел ее губы, и они показались ему сладостной неизведанной страной, сотворенной закатом.

•

А где-то в холмах над Корамвисом таддриец наблюдал, как появляются звезды и среди них Красная Луна. Последней взошла Звезда, краснее, чем отсвет костра на камнях.

Застис волновала таддрийца, но он привык к этому и научился справляться со своим телом.

Чтобы отвлечься, он развел костер пожарче, но это не помогло. Вдалеке лежало озеро, над ним смутной стеной высились горы. Вершина холма, где они находились, странным образом выпадала из мира, одновременно находясь внутри него. Неподалеку сидели эманакир, чуть золотистые и совсем льдисто-бледные. Они были погружены в медитацию, некоторые читали молитвы.

Таддриец подумал о чуде, которое они сотворили, но затем отбросил эту мысль. Таинство завершилось. Теперь его подтачивала тоска по храму на равнине, бывшему его домом, даже по толстому верховному жрецу с его винными бочками и тайными подружками на это время года. И конечно, по замечательным свиткам и картам, по ритуалам, столь же пустым, сколь и приятным. Ему не хватало самых заурядных вещей, и, изголодавшись по ним, он позабыл свою любовь к человечеству.

— *Уже скоро.*

Он поднял глаза и увидел Ашни, стоящую напротив у костра. Ее улыбка была такой чудесной и таила в себе ту бесконечность, что не ранит и не ужасает человека, — небо, звезды, свет.

— Вы уходите, госпожа? — спросил он. Это был риторический вопрос, он не ждал ответа — и не получил его.

Постепенно все глаза, даже те странные, мертвенно-бледные, обратились к ней. И она сказала им, кратко и, как всегда, без слов, что сейчас намерена оставить их.

Никто из ее Равнинной свиты не возражал. Они приняли это со своей обычной гордыней — Избранная раса, дети богов. Он же ощутил, как одиночество подкрадывается к нему, словно волки с гор. Неужели больше никто не чувствует этого одиночества?

Она просто девочка, тупо подумал он. Лет четырнадцати-пятнадцати, с длинными шелковыми волосами и лилейной кожей... Но тут он снова встретился с нею взглядом. Нет, она была не просто девочкой. Совсем нет! Перед ним была таддрийская легенда о волчьем ребенке. Зеркальное отображение предсказания. Чем же еще она может стать?

А она уже шла прочь быстрой, скользящей походкой, как всегда ходила, и волосы ее взлетали, словно крылья бабочки... Чему суждено случиться на этот раз? Вверх по холму. Там, примерно в ста шагах отсюда, стояла скала. Она направилась прямо к ней, в три прыжка забралась наверх и уселась там. Он мог видеть ее снизу. Они все могли...

Что случится теперь?

В мозгу у него возникло что-то вроде легкого журчания ручейка или детского смеха... Его личная вера запрещала принимать это последнее преображение. Ральднор и Астарис скрылись, уехали в джунгли на повозке. И Ашни следовало в какой-то миг этой ночи уйти одной меж холмов.

Когда незадолго до рассвета он очнулся, скала была пуста. Таддрийский жрец дорфарианской Анакир понял, что именно это она и сделала.

Он начал ворошить угли, чтобы достать колбасу, которую положил туда печься, но вдруг какая-то странность заставила его снова вскинуть голову.

Небо уже почти раскрылось, восток был золотым, в легкой хрустальной дымке. И вдруг на этом золоте родилось крошечное серебряное солнышко со струящимся хвостом.

Таддриец вскочил на ноги, схватил покрытую золой колбасу и замахал ею в сторону эманакир, пока они — кто проснувшись, а кто прервав свое бдение — не поднялись на холм.

Чтобы разглядеть, как в утреннем небе сверкает звезда.

Теперь в Элире, в уединенных башнях, пойдут перешептывания и разговоры... Они предсказали появление этой звезды, ее рождение и уход, и станут поклоняться ей, как знаку мира, лучу неиссякающей надежды.

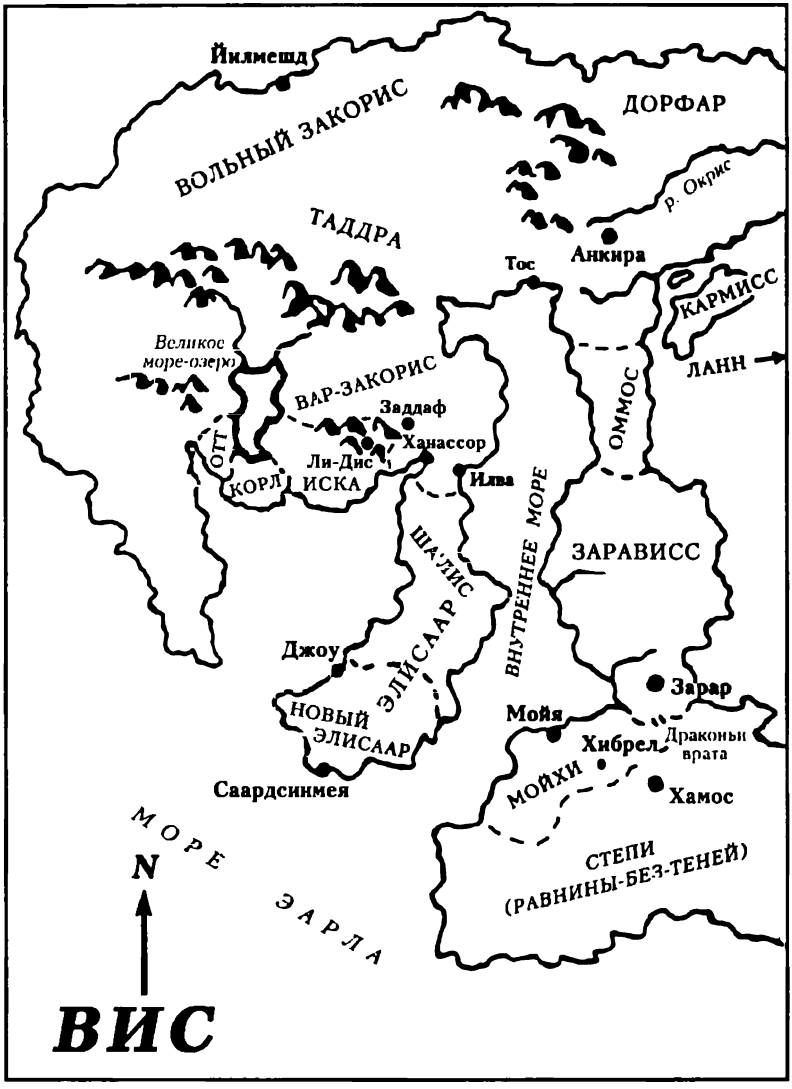
По всему Ланну, на голубых вершинах и в затерянных долинах, люди увидят ее. Юноша, который спешит в Амланн в цокоте копыт, сын Яннула, посмотрит поверх крыш, увидит ее и присягнет ей в душе, зная, что вся его семья тоже смотрит на эту звезду. А Сафка, стоя в темной бойнице зорской башни, словно какая-то элирианка, будет следить за нею совсем по-детски — вытянув палец и приставив его к звездочке в небе. Далеко в море, на пути в Ваткри, Ральданаш, лежа на корме корабля с голубыми парусами, увидит ее, услышит удивленные возгласы моряков — и улыбнется этой звезде, так похожей на слезу. По всему Вису люди увидят ее, проснутся и увидят. А двоим в Анкабеке, мужчине и женщине, герою и героине, эта звезда покажется еще одним серебряным диском, запутавшимся в обгорелых ветвях. Их тела все еще рядом, и они снова отвернутся, чтобы искать и находить свет друг в друге.

Вскарабкавшись на скалу, таддриец обнаружил, что дальний ее конец представляет собой обрыв, по которому никто не смог бы спуститься без крыльев. Он положил на этот обрыв свою колбасу, словно приношение. Ашни проскользнула мимо, пока все они, даже бессонные эманакир, сопели, как дети. Она ушла, чтобы быть крестьянкой в Таддре. Или бегать с волками.

Он усмехнулся прямо в небо, чуть не плача от радости.

— А кроме того, Ашни, — произнес он, — теперь ты еще и Утренняя звезда.

Белая змея

Йилмешд
ВОЛЬНЫЙ ЗАКОРИС
ДОРФАР
р. Окрис
ТАДДРА
Тос
Анкира
КАРМИСС
ЛАНН
Великое море-озеро
ВАР-ЗАКОРИС
Заддаф
Ханассор
Ли-Дис
ОТТ
КОРЛ
ИСКА
Илва
ОММОС
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
ШАТИС
ЗАРАВИСС
ЭЛИСААР
Джоу
НОВЫЙ ЭЛИСААР
Зарар
Мойя
Драконьи врата
Хибрел
МОЙХИ
Хамос
Саардсинмея
СТЕПИ (РАВНИНЫ-БЕЗ-ТЕНЕЙ)
МОРЕ ЭАРЛА
N
ВИС

МЕЧ ЗАКОЛДОВАН!

С первого удара Регер почувствовал, что противник не представляет угрозы. Бой будет легким, и, если повезет, ему удастся сохранить юноше жизнь.

И тут мир превратился в хаос. Внезапно Регер потерял контроль над мечом в своей руке. Клинок ожил и противился любой попытке поднять его. Он был холоден как лед, но полон энергии, силы, противостоящей воле хозяина. Регер похолодел — и не от страха, а от чистейшей жути.

Колдовство! Заклятье превратило оружие во враждебное существо. Вместо верного металла в его руке, все еще сжимающей рукоять, судорожно билась жизнь. По всей длине клинка меч стал змеей, неистово пытающейся освободиться от остатков стальных оков. Она была белая, как молоко, жесткая чешуя платиной сверкала на ее теле, а белые глаза бесстрастно взирали с плоской головы.

Регер знал, чья сила сотворила заклятье. Это была колдунья-эманакир, и она хотела его смерти!

ИСКА

Глава 1. Снег

В конусе пурпурного света на белом снегу стояла молодая женщина и звала собак мужа. Горы, окрашенные закатом и угасающие вместе с ним, пристально следили друг за другом через долину, а меж ними была лишь бесконечная мешанина широких сверкающих пластов снега. Долина располагалась в самом сердце зимы, хотя иногда снег подтаивал даже здесь, на западе. Куски льда срывались с горы и разбивались где-то внизу. Утром Тьиво заметила одинокий цветок, поднявший головку вопреки суровости природы, сорвала его и поставила в кувшин за очагом. Полупрозрачный, словно видение, цветок будет радовать ее, пока его не растопчет Орбин. С утра, пользуясь тем, что солнце ненадолго выглянуло из-за туч, свору выпустили из сарая и позволили ей убежать в долину, где можно поймать зайца или неосторожную горную крысу. Однако днем тяжелые серые тучи снова легли на горные вершины, и Орбин отдал раздраженный приказ. Тьиво пришлось оставить горшки и идти звать собак. Звонкий напряженный женский голос далеко разносился по Искайскому нагорью.

Вскоре собаки примчались, одна за другой. Ласково разговаривая с ними, Тьиво считала пробегающих мимо животных. Никто из них не принес добычи, но, может быть, им удалось кем-то перекусить. Когда восемь собак вбежали в загон, Тьиво окинула горизонт внимательным взглядом и снова принялась звать. У Орна было девять собак, и одна из них, черная сука по имени Тьма, не вернулась со сворой.

Иногда в горных долинах выходит на охоту застигнутый зимой тирр, и вряд ли собака сможет выстоять против его ядовитых когтей. Да и сильного снегопада ей не пережить. А Тьма — очень полезная и умная охотничья собака, к тому же приносит крепких щенков. Тьиво беспокоилась за нее. Кроме того, в случае пропажи кого-то из животных виновата будет она одна. Извинений Орбин не примет, просто жестоко побьет ее.

Спустя четверть часа после того, как упали сумерки, снег прекратился. Тьиво закрыла загон, сняла лампу с крюка над дверью, зажгла ее и стала осторожно пробираться через пастбище, окликая собаку.

Солнце расплавило наст, и он еще не успел схватиться заново.

 Наученная годами опыта, Тьиво знала, какая неровная повер-

хность прячется под покровом глубокого снега. Она знала и то, что жизнь женщины ценится дешево, что Орбин ненавидит ее, а Орн... по поводу того, что думает Орн, переживать бесполезно.

Ее выдали замуж десяти лет от роду. Помимо нее, родителям надо было кормить ораву буйных сыновей и рабски покорных дочерей, так что в родной семье она не знала особого счастья, зато рано познакомилась с нищетой. О хозяйстве же Орна люди говорили с завистью. Отец Орна не так давно осел в деревне Ли, и его сыновья даже имели право носить имена королей. Ко времени свадьбы отец Орна уже умер, но мать — дряхлая, не способная двигаться, выжившая из ума старуха — все еще жила и нуждалась в ком-то вроде Тьиво, чтобы ухаживать за ней. Других женщин, кроме матери, в семье не было. Две жены Орбина умерли одна за другой, и он оставил новые попытки, ибо стало очевидно, что в этом деле он не знает удачи. Меж тем Тьиво обнаружила, что Орну требуется от нее не так много. Он был довольно нежен с нею, но в брачную ночь, когда они легли вместе еще в венках из цветов и виноградной лозы, обнял ее — и тут же исторг семя прямо на ее тело, удовлетворившись без настоящей близости и даже без ласки. То же самое раз за разом происходило в пору Застис, пока его желание не угасло окончательно. Девять лет Тьиво оставалась бездетной. Все вокруг думали, что она бесплодна, и не ждали никаких изменений в будущем.

В общем, стоила она немного, и лучше бы поскорее найти собаку, чья ценность, без сомнения, много выше.

Низкая стена из камней ограждала пастбище, где летом паслись принадлежащие Орну синие свиньи и куры. Куча камней и несколько мандариновых деревьев с листьями, сожженными холодом, отмечали собачий проход в стене. Деревья служили доказательством, что зима не всегда приносила снег в горы Иски — но Тьиво видела снег столько, сколько помнила себя. Люди говорили, что таково проклятье богини-змеи.

— Тьма! — снова позвала Тьиво.

Последний свет померк разом, словно кулаки облаков насухо выжали его из неба. А затем Тьиво с облегчением услышала, как собака жалобно воет и тихо поскуливает где-то за грудой камней.

— В чем дело, моя девочка? Что с тобой случилось?

Тьма не решалась оставить что-то, скрытое от глаз. Или, упаси Ках, она поранилась?

Подняв повыше лампу, Тьиво пошла на звуки. Ей не нравилось это место, даже летом, когда она приходила сюда собирать плоды. Здесь ферму закрывали от глаз горы, сейчас, под снегом, выглядевшие совершенно одинаковыми. Она подумала о баналиках, мифических демонах, пьющих кровь и живущих в горах.

Собака отрывисто залаяла — совсем недалеко слева. Тьиво повернулась на звук и взвизгнула от ужаса — что-то крепко вцепилось ей в ногу. Ледяной захват сомкнулся как раз над ее башмаком.

— Молчи, — произнес голос мужчины, и она осознала, что ее схватила обычная мужская рука.

Ужас сменился испугом. Тьиво передвинула лампу и увидела его. Зажав сильное тело животного между бедрами, он одной рукой удерживал морду собаки, чтобы управлять ее лаем, другой же ухватил Тьиво. Похоже, он был очень силен. Казалось, он способен держать их, пока все трое — мужчина, девушка и собака — не превратятся в ледяные статуи или не высохнут от голода до костей. Тьиво решила ударить его лампой по голове. Тогда он выпустит либо собаку, которая может добраться до его горла, либо Тьиво, которая может добежать до фермы по ненадежному снегу, прежде чем он снова ее поймает...

— Не делай этого, — произнес он, словно прочел ее мысли, как люди Змеи. — Иначе плохо будет нам обоим. А я не хотел бы причинять тебе боль.

Ни один мужчина никогда не говорил Тьиво ничего подобного. В жизни, которую она знала, все мужчины в той или иной степени причиняли боль большинству женщин. Ее первым воспоминанием был удар, полученный от отца. Таков порядок вещей.

— Вижу, ты озадачена, — продолжил мужчина. Голос его звучал странно, с чуждым для Иски акцентом. — Я не хочу вредить тебе. Недавно со мной случились сильные неприятности. Когда я пробирался через снега, на меня напали разбойники. Может, это были твои друзья? Оттепель спасла мне жизнь... молитвы к Анак не пропали даром. Но скоро снова повалит снег. Так что буду краток. Я всего лишь хочу получить надежную крышу на ночь или две, и еще кого-то, на ком можно передвигаться — эти западные снега, к сожалению, почти непроходимы. Но думаю, что о хорошем вьючном животном здесь можно только мечтать. Если я смогу добраться до Ли-Дис, то направлюсь в столицу или куда-то еще. Я заплачу тебе. Они не нашли мои деньги — или не поняли, зачем они нужны. Ты-то хоть знаешь, что такое деньги?

Тьиво внимательно слушала. Если мужчина говорил, она никогда не перебивала его независимо от обстоятельств — даже если это был враг, от которого надо защищаться. Но она не могла понять. Желтый свет лампы падал на его лицо, мир вокруг них что-то недовольно бормотал... Он был молод и красив, хотя не той красотой, к какой привыкла Тьиво. Бронзовая кожа Висов в Иске делалась бледнее, его же тело было темным, как у людей Дорфара или Элисаара, однако не таким черным, как у закорианцев. Его волосы спадали на плечи густым свинцовым шелком — искайские же мужчины коротко стригли их, а в жаркую пору брили наголо.

Ей казалось, что мужчина тоже изучает ее широко раскрытыми черными глазами.

Внезапно незнакомец отпустил их обеих. Тьма змеей вывернулась из его рук, лязгнув зубами, и Тьиво бросилась к нему, чтобы оттащить собаку.

— Видишь, — произнес незнакомец, — я тебе нравлюсь, несмотря ни на что.

С этими словами он закрыл глаза и вздохнул. Его голова бессильно поникла. Тьиво поняла, что тот очень слаб, а в сле-

дующий миг заметила, что даже на холоде он истекает кровью, которая пропитала густую черную шерсть собаки.

— О Ках! — воскликнула Тьиво, быстро сотворив охранительный знак богине. Собака зарычала, припав к земле. Медленно упали первые снежинки и тихо растаяли в тепле лампы.

Едва распахнулась дверь в снежную тьму, Орбин поднял голову и хитро прищурился.

— Ох, Тьиво, — вкрадчиво произнес он. — А где же твой цветочек? Рассказать тебе? Ты так долго шлялась где-то без дела, и нам понадобилось что-нибудь подкинуть в огонь. Так что пришлось взять вместо дров твой цветочек. Правда, не слишком-то ярко он горел.

Он следил за тем, как Тьиво мельком глянула на пустой кувшин, а затем перевела глаза на очаг. Но Тьиво никогда не оправдывала его ожиданий — не хныкала и не унижалась, как другие женщины. Даже когда он бил ее, она падала и молча вставала. А Орбину приходилось часто бить ее, раз Орн оказался слишком туп для этого. Орбин даже был вынужден сам готовить их свадьбу, хотя обычно мужчины не занимались такими делами. Однако благодаря здравому руководству Орбина никто не замечал, насколько неповоротлив его старший брат. Ферма и все хозяйство принадлежали Орну, носившему имя королей Элисаара. По закону и сам Орбин принадлежал Орну. Что ж, это была хорошая шутка. На деле же все принадлежало Орбину — все, кроме королевского имени. Что до потаскушки, то Орбин мог бы иметь и ее, но он никогда не видел большой пользы в женщине. В пору Красной Луны, когда он испытывал возбуждение, имелись более надежные способы, чем пользоваться законной женой брата. Она могла забеременеть, и тогда неизбежно возникнут вопросы, ибо время от времени в деревне высказывали сомнения в отцовских способностях Орна, даже когда называли Тьиво бесплодной нахлебницей. Орбин поклонялся Ках, делал ей регулярные приношения и не хотел лгать перед ее статуей, боясь того, что она может с ним сделать. Поэтому он оставил Тьиво в покое и предпочитал ходить к храмовым девицам — тупым толстухам, ни на что более не годным.

А с другой стороны, ни религия, ни обычай ничего не говорили о том, имеет или не имеет мужчина право спать с женой брата.

— Все собаки вернулись? — спросил Орбин.

— Да, брат-хозяин, — Тьиво остановилась, почтительно опустив глаза. Что еще ей надо? Соврала насчет собак? — Брат-хозяин, можно ли мне говорить?

— Что за чушь ты можешь сказать? Ладно, болтай. Вы, женщины, никогда не можете заткнуться.

— Там мужчина. Тьма показала мне его.

— Какой мужчина? — встрепенулся Орбин.

— Чужой. На него напали грабители. Он ранен и может умереть.

— Ну и оставь его, — решил Орбин.

Он внимательно посмотрел на нее, желая увидеть, что та будет делать, но она спокойно отошла к очагу подбросить дров. От шума проснулся Орн, дремавший на скамейке рядом с огнем. По другую его сторону в кресле спала старуха, пуская слюни и теребя одеяло. Орн улыбнулся Тьиво, подошел к ней и погладил одну из ее тонких черных кос, перевязанных тесьмой. Тьиво носила волосы разделенными на двенадцать косичек, каждая из которых спускалась до пояса и заканчивалась медным кольцом. Кольца потускнели — она совсем ими не дорожила, хотя они служили знаком ее замужнего положения. Зато ее волосы блестели, ибо Тьиво постоянно мыла, расчесывала и переплетала их. У нее были и другие бесполезные привычки — она собирала цветы и травы, и еще беседовала с собаками. Подобные действия раздражали Орбина, но он не мог к ним придраться, поскольку Тьиво никогда не пренебрегала своими обязанностями.

— Где этот человек? — наконец поинтересовался Орбин.

— Во дворе, хозяин Орбин, — Тьиво уже успела поставить на огонь железный котел и снова принялась чистить горшки.

— Во дворе? Истекает кровью и собирается умереть во дворе Орна?

Услышав свое имя, Орн издал какой-то звук, копируя Орбина. Эта способность к подражанию, которой он давно выучился, часто помогала ему выглядеть нормальным перед деревенскими жителями.

Тьиво чистила горшки, всем видом выказывая смирение и признание вины. У нее имелась причина для этого — с помощью Тьмы ей удалось перетащить чужестранца, то и дело терявшего сознание, к ним на двор. Несмотря на то, что ломкая наледь хранила глубокий отпечаток любого следа, начавшийся снегопад помог скрыть ее проступок. Все это время незнакомец дергался, бессмысленно бормотал, падал в обморок и повисал на ней, так что она едва могла его удержать. Конечно, она была сильной — такой ее сделали четырнадцать лет непрерывного труда. Дотащив незнакомца до собачьего загона, она уложила его на солому посреди удивленных зверей, чтобы они грели его. Ей не хотелось уходить. Ее заворожило тело чужака, его сложение и запах — она никогда не видела ничего подобного. Тьиво разрезала рубашку незнакомца, чтобы перевязать ножевую рану на его руке, не рискуя пока использовать что-то из своей одежды. Она боготворила его тело — именно с таким чувством, как говорится в старой песне, взирала Ках на своих любовников. Тьиво не могла спорить с этим, ранее неведомым чувством. Ее захлестнуло неодолимое желание и тоска.

Он не должен умереть — она не допустит этого. Она разбирается в травах. И с детства научилась притворяться ради самосохранения.

Так что Тьиво вернулась к своим горшкам, столь же глупая и беспечная, как всегда. И дождалась своего: Орбин, придирчиво расспросив об истории мужчины, о его одежде и чужеземном происхождении, послал ее в загон сквозь завесу снегопада.

* * *

Когда двадцать пять дней спустя пришла новая оттепель, незнакомец уже выздоровел и помогал Орбину на ферме.

Орн никогда не отличался сметливостью. Поэтому переговоры вел Орбин, а Орн стоял рядом и улыбался, издавая в нужных местах подходящие звуки. Изучив чужестранца, Орбин потребовал у него денег — будет вполне справедливо заплатить за то, что Орн предоставит ему крышу, лечение и еду, пока тот не поправится. Но Орбин предположил, что незнакомец отдал ему не все свои деньги, и оказался прав. Он приказал, чтобы Тьиво обыскала чужака, когда будет ухаживать за ним во время очередного приступа лихорадки, и она принесла Орбину пригоршню мелких монет. Вернувшись, она застала мужчину в горячке — очнувшись, он сам признал, что был в очень тяжелом состоянии. Утром ему давали кусок хлеба или тарелку грубой каши, днем — миску супа или рагу, обычно без мяса. Лечебные снадобья Тьиво готовила тайком.

— Он живучий, этот бродячий наемник, — заметил Орбин со смесью ленивого презрения, опасения и легкой зависти в голосе. — Он вылечится. Если мы сумеем задержать его здесь до начала Большой оттепели, он поможет нам во время весенней пахоты. Тогда Орну не придется тратить деньги на временных работников.

Их ферма была не столь зажиточна, чтобы содержать работников зимой, поэтому было необходимо задержать незнакомца как можно дольше, и в любом случае выбить из него деньги — это принесло бы огромную выгоду.

Он был жителем восточных земель, ланнцем. Его имя, пропущенное сквозь тягучий искайско-лидийский диалект, прозвучало как что-то вроде «Йимес». Он назвался солдатом, и это вполне могло оказаться правдой, так как его тело было телом воина, закаленным и стройным, а на обеих руках имелись мозоли от меча, хотя с собой он имел только нож. Да и тот отобрал Орбин, заявив: «На ферме Орна он тебе не понадобится».

Впрочем, у незнакомца не было особых причин покидать место лечения. Деревня Ли находилась примерно в дне пути по снегу, и то если знать правильный путь. Ли-Дис, о котором Йимес постоянно твердил в бреду, располагался в семи днях пути, и пока не придет весна, был совершенно недоступен. Вьючные скакуны — большие сильные животные, способные, в отличие от упряжных дорфарианских, нести на спине крупного мужчину — здесь существовали только в легендах, как и сказочные лошади южных земель.

Было чудом, что он вообще смог добраться сюда. Незнакомец рассказал Орбину, что отправился в путь с вардийским отрядом, перешел с ним через границу, где по каким-то загадочным причинам повернул на запад, а затем попал в руки горных разбойников, которые отобрали его выносливого зееба, всю поклажу и снаряжение, а самого бросили истекать кровью на холоде.

— Все это россказни, — заявил Орбин. — Но кому какое дело? Он будет работать на нас.

Едва поднявшись, Йимес сразу был приставлен к делу. По указаниям Орбина он чинил полуразрушенные постройки фермы, чистил нескольких тощих коров в хлеву, таскал и рубил дрова — о последней работе он говорил, что это прекрасное упражнение, не позволяющее рукам ржаветь. Он совершенно не возражал против того, чтобы трудиться на своих хозяев. Возможно, он и не ожидал другого обращения.

— Я буду следить за тобой, — пригрозил Орбин Тьиво, в одиночку вынимающей из кресла старуху, которая при этом бормотала и слабо сопротивлялась. — Он много работает, так что тебе стало совсем нечем заняться. Ках знает, что в семье Орна и без тебя есть своя неряха и бездельница — вот эта старая сука, — он кивнул в сторону матери.

Тьиво заботливо дотащила старуху до аккуратной соломенной подстилки, где та снова уснула. По законам своей страны она действительно не отработала этот отдых — родила пятерых сыновей, однако выжили лишь двое из них. Ее муж умер, и в прежние времена ее давно бы уже выгнали вон. Но теперь... все-таки она его мать, пусть от нее и остались лишь жалкие развалины. Вы только посмотрите — она снова обмочила сиденье! Орбин зло заорал на Тьиво, приказывая отнести кресло во двор и хорошенько оттереть снегом.

Вытряхнув тюфяки и вычистив кресло, Тьиво отправилась взглянуть на трех коров в хлеву.

Полуденное небо все еще было по-зимнему бледным, но с сосулек вдоль крыши хлева капала вода. Вряд ли эта оттепель продлится дольше двух дней.

Сейчас в хлеву жили только коровы и собаки, так как кур и свиней в конце лета либо продали, либо зарезали. Тьиво не любила забой животных, но к тушам, висящим в кладовке позади хлева, относилась как к любой другой пище, запасенной на зиму. Она зашла в темное помещение, порылась среди туш, оторвала мясистое крыло и затолкала его в карман передника.

Затем она вошла в хлев, где ланнец сгребал навоз с грязного пола, складывая его в кучу у одной из стен. Когда навоз высохнет, его можно будет использовать как топливо для очага. Или для жаровни чужестранца, установленной в загоне, о чем Орбин даже не подозревал.

Тьиво подошла прямо к ланнцу, вынула крыло и протянула ему. Он без слов взял подарок и спрятал под тунику так, чтобы его придерживал пояс.

С самого начала она тайно носила ему еду, а иногда, по случаю, и темное пиво. Она научила его выдаивать молоко у тех коров, которые еще давали его, так, чтобы жесткая струя из желтого соска попадала прямо в рот.

Ее не удивляло, что он не знает этих маленьких хитростей, ибо он пришел из иного мира.

Тьиво стала засыпать еду в кормушки, а Йимес продолжал сгребать навоз. Сначала он пытался помочь ей таскать тяжелый

корм, но она мягко оттолкнула его, с удовольствием коснувшись его тела. В первый день, когда он лежал в загоне, у него целые сутки был сильный жар. Он ныл, как ребенок, требуя воды, которую Тьиво тут же подавала ему, прижимая его голову к своей груди и ласково гладя по волосам. Она трогала его тело и позже — тогда, когда он спал. Тьиво не знала нужных слов для происходящего, но в ней проснулись чувственность и материнский инстинкт. Отрицая и то, и другое, она все же искала возможность любоваться его прекрасной мужественностью. Но теперь чужестранец был здоров и совершенно не зависел от нее.

Она сосредоточилась на своем занятии, заметив, что он подошел ближе.

— Тьиво, — негромко позвал он. Он произносил ее имя по-новому, а вот у нее не получалось выговорить его имя так, как он хотел. Но ей нравилось его необычное произношение.

— Да, хозяин?

— Не зови меня так. Я же не какой-то искайский болван, который может ударить тебя.

— Йне... — в который раз попыталась она. — Й-ине...

— Йеннеф, — терпеливо поправил он.

— Йинез.

Он вздохнул, хотя происходящее позабавило его. Он всегда так делал. Ей нравилась его манера смотреть на нее и улыбаться.

— Тьиво, дорогая моя девочка, завтра на рассвете я уйду. Ты понимаешь?

— Ох, — ее глаза широко распахнулись. Внезапно она ощутила огромную пустоту внутри. Конечно, она знала, что однажды он уйдет. Но не так же скоро!

— Тьиво, эти деревенщины будут ругать тебя, не так ли?

«Разумеется», — подумала она. Но вслух сказала:

— Не будут.

— Анак! — воскликнул он. — Мне стоило бы забрать тебя с собой из этого маленького грязного ада, но пока лежит снег, это невозможно. А может быть, ты и сама не хочешь идти со мной? Я же совсем не знаю тебя, знаю только твою доброту. Ты очень умная, правда? Ты рассказала мне, как добраться до Ли, и о больших собаках, которых жрецы используют для упряжек. Ты заботилась обо мне, пока я болел. Ты украла мои деньги вот этими нежными руками, но оставила мне достаточно, чтобы целый год жить в Ли-Дис как король. Умная, мудрая, милая Тьиво.

Она обернулась и украдкой посмотрела на него.

Он был красивым мужчиной. Она даже не могла представить, что где-то живут такие люди. Прекрасный, как луч юного солнца на резных вершинах гор — но все-таки человек. Далекий от нее. Другой.

Ее мысли, слова и желания для него все равно, что падающий дождь для воздуха.

Опустив глаза, она подбросила коровам корма. И одновременно показала ему, где спрятан в соломе его нож.

* * *

В ясную полночь свет зимней звезды проник в небольшую дырочку под крышей. Он разбудил Тьиво, дотронувшись до нее хрустальным пальцем. Теперь она знала — или осознала свое знание.

Без тени сомнения Тьиво выскользнула из-под покрывал, поднялась с большого, набитого травой тюфяка, на котором из года в год ночь за ночью лежала рядом с мужем-идиотом. Орн не шевелился. Ему и не полагалось шевелиться — как и Орбину. Вчера, торопясь приготовить ужин — требуху, тушеную с клецками и сливами — она случайно забыла у очага два кувшина пива, извлеченные из неприкосновенного запаса. Однако пиво ни в коем случае не стоило оставлять на виду, потому что Орбин увидел кувшины и захотел выпить, а в ответ на протест ударил Тьиво по голове. Открыв кувшин, он начал пить, не забыв поделиться с Орном — как-никак это было его пиво. Выпивка понравилась им обоим, так что спать они будут глубоко и долго.

Наверное, она схитрила уже тогда, когда выставила пиво на видное место.

Тусклый красный свет еще теплился в очаге. Старуха спала на своей соломе, иногда бормоча что-то во сне. Тьиво оставила на огне большой котел с водой, и та все еще была горячей. Взяв из укромного места заветный горшочек с мылом, Тьиво вымылась с головы до ног. Мыло продавали в храме, и хотя Орбин громко отрицал его необходимость, но все же предпочитал мыло птичьему салу и никогда не выбрасывал его. Храмовые шлюхи тоже мылись подобным составом. Тьиво набирала полные пригоршни мыла и наносила на свое тело. Растворенное в воде, оно стекало по ней, оставляя дорожки, и Тьиво вздрагивала — ей было щекотно. Отблеск умирающего огня играл на ее коже, как в огромном зеркале.

Она вытерлась, вынула из кос медные кольца, знак замужества, и распустила волосы, черные, как ночное море, которого она никогда не видела.

Потом Тьиво сняла с гвоздя плащ, укрывшись только им от холода зимней ночи, бесшумно открыла дверь и босиком пошла по тонкому серому льду. Четвертушка луны застыла на небе среди звезд, освещая ей путь.

* * *

Йеннеф, заблудившийся в искайской глуши, Йеннеф, в чьих жилах текла королевская кровь — кровь свергнутого и опозоренного короля, — готовился продолжить свой путь. Он поджарил и съел часть курицы, из остатков сварил жирный суп и вскоре вытянулся, мгновенно уснув. Встать надо было очень рано.

Будучи приучен, он проснулся тихо и мгновенно, задолго до рассвета. Тлеющая жаровня слабо освещала дымный загон и холмики собачьих спин. Прямая фигура скользнула сквозь темноту прямо к нему. Кто — слюнявый дурак или негодяй Орбин, все-таки решившийся ограбить его?

Йеннеф лежал без движения и ждал. При необходимости он мог убить и голыми руками.

Затем темнота шелохнулась, словно ветер вздохнул в кроне дерева. В первый миг он даже не понял, что перед ним Тьиво. Просто обнаженная женщина, стройная, как элирианская ваза, сверхъестественная и прекрасная, словно невероятное видение Застис, посетившее его в самом сердце зимы. Рубиновые блики гаснущего огня играли на ее теле, волосы струились по спине языками черного пламени.

— Тьиво?

— Тиш-ше, — прошептала она, опускаясь на колени рядом с ним. Он уловил исходившую от нее безумную смесь запахов благовонного мыла, кожи, волос, ночи и желания.

Все происходящее казалось совершенно нереальным и сказочным — не надо было размышлять, решая, что разумно здесь, в этом грязном закутке, что возможно и правильно. Прежде чем он успел дотянуться до нее, ее тонкие руки, покрытые отметинами нелегкой жизни, но все еще нежные, как мех котят, обвили его шею, а к губам прижались теплые губы.

С самого Зарависса у него не было женщины. Он был голоден, но и она вела себя столь же нетерпеливо. Он ласкал ее тело, а она вторила его движениям, шепча слова любви, которых он не понимал. Обнаружив, что она девственница, он не растерялся. Искайские законы, глушь и сделанное открытие заставили его сдержаться, и он остановился, чтобы открыть, почувствовать ее. Ей принадлежала его безграничная благодарность, даже его жизнь. Ему было мало лишь вернуть ей удовольствие, которое она решилась подарить ему. И она отзывалась на его уроки со стоном наслаждения, рвущимся из груди, вздыхая, плавясь, окуная его в языки яркого черного огня...

— Я принял тебя в этой тени за твою богиню, Ках, — сказал он чуть позже. Он хотел одобрить ее, похвалить. В какой-то миг, возможно, это даже было правдой. Но она сотворила быстрый охранительный знак. Быть принятой за Ках — богохульство. И все-таки, лежа рядом с ним и греясь его теплом, нарушив свои обеты, Тьиво впервые ощущала свое тело значимым и живым. Может быть, Ках и в самом деле завладела ею, приказав насладиться его красотой. Почему же еще могла она нарушить законы и совершить грех, почему же еще познала такое удовольствие?

Оранжево-розовые блики нарождающегося рассвета, просочившись сквозь щели и трещины загона, раскрасили солому разноцветными пятнами. Собачья стая, привыкшая к Йеннефу так же, как к Тьиво, ночью мирно спала, но с рассветом собаки стали беспокойными, чувствуя, что оттепель продолжается, и стремясь поскорее вырваться в долину.

— Я вернусь за тобой, — повторил Йеннеф. Впервые он сказал это после того, как они соединились в третий раз, когда Тьиво закричала в его руках, больше не пытаясь скрыть удовольствие

из страха, что ее услышат в доме. — Разве можно оставить тебя здесь? Я вернусь, Тьиво.

Но она знала, что он не вернется, и ничего не говорила в ответ. Промолчала она и сейчас. Он подумал, что все мужчины, которых она знала, были если не полными идиотами, то отъявленными лгунами, и обрадовался, зная, что она ни на миг не поверила ему. Потому что, конечно же, он не вернется. Для него она — дикий придорожный цветок, и ничего более. Тьиво заплела волосы, приготовив их для колец. Она не приказала ему уйти, не сказала, что любит его, не заплакала, не улыбнулась. Она просто стала такой, как всегда. Благодарение обоим их богам. Она вела себя так, словно ничего не произошло.

Невзирая на это, он поцеловал ее у дверей и протянул ей элисаарский дрэк из сплава золота и меди — такие высоко ценились в городах Иски.

— Я не пытаюсь заплатить тебе, — уговаривал он. — Возьми. Может быть, твоя богиня и дальше будет оберегать тебя.

Тьиво опустила глаза.

Когда Йеннеф вышел, собаки, толкаясь, вырвались наружу и понеслись по пастбищу. Тьма, которая, пока он лежал в бреду, внимательно наблюдала за ним, вылизывая из шерсти его кровь, ткнулась носом ему в руку, прощаясь на свой собачий лад.

Он обернулся только один раз. Девушки не было видно. Она знала, чего хочет, попросила об этом и получила. Подобно белым людям Равнин, она решилась заглянуть в пустоту, лежащую за гранью вседневной жизни.

Когда Орбин вошел в комнату, Тьиво — одетая, обутая, в переднике и с кольцами в волосах — стояла у каменной плиты, готовя жидкую кашку для старухи.

Его голова и живот сильно болели после вчерашней попойки, так что он лишь к полудню обнаружил исчезновение чужестранца. Убедившись в справедливости своих подозрений, Орбин решительно пошел в дом, горя желанием наказать эту тупую неряху, которую взял в жены брат. Он бил ее по голове, пока та не упала, что, как всегда, произошло довольно быстро. Молодая женщина лежала, а он поливал ее бранью. Наконец она с трудом поднялась и молча вернулась к своим делам.

Орн всегда плакал, когда Орбин бил Тьиво, а старуха вопила и дрожала. Когда Орбин ушел посмотреть, не оставил ли ланнец в загоне чего-нибудь ценного, Тьиво успокоила мать и сына.

В голове у нее звенело. Но она умела встать так, чтобы уклониться от большей части побоев, и всегда падала до того, как получит слишком сильные повреждения. Орбин не заподозрил ее в соучастии, просто счел растяпой. Да и вообще в случае любой неприятности он отыгрывался на Тьиво. Когда капуста портится, она ведь тоже вырезает сгнившую часть.

Тьиво почти не вспоминала о Йеннефе, таскаясь туда-сюда по дому и двору. Лишь вечером, когда свет начал меркнуть и

холодное дыхание снегов окутало ферму, она представила, как он покупает в Ли храмовых собак и сани.

Весь день по ее телу, все еще распаленному, бежало вино его страсти. Только это он и оставил ей — мужское богатство, которого никто никогда не считает. Когда его семя покинет ее тело, не останется вообще ничего.

Глава 2. Воля Ках

Храм Ках, стоящий на высоком холме, нависал над деревней. Большая оттепель и следующие за ней дожди каждый год превращали Ли в грязное болото. Жилища, построенные прямо на земле, разрушались и обваливались. Дорога становилась бурым месивом, в котором вязли ноги и колеса. Повсюду валялись утонувшие крысы и камни для восстановления домов. Однако храм на центральном холме покоился на облицованной камнем террасе, и его ящики для приношений даже в промозглые дождливые дни источали запах пряностей и крови.

Ках создала мир. Кто говорил иное — ошибался. Вера не была предметом обсуждений, она просто была. Будучи женщиной, Ках совершила огромное множество ошибок и в конце концов позвала богов-мужчин, своих любовников, править в ее владениях. Еще она научила женщин их основному назначению — вынашивать в животах новых людей. Всем известно, что Ках благоволит делам, связанным с продолжением рода, и поэтому отдает предпочтение мужской сущности. Почитаемая по всей Иске, а в землях Корла именуемая Коррах, она поддерживала главенство мужчин и никогда не допустила бы власти женщин, которую, упаси небеса, могла занести сюда змеиная богиня светлых народов.

Каждый год в Большую оттепель Орбин отправлялся в Ли, чтобы в храме принести жертву Ках. Иногда он брал с собой Орна, еще реже — Тьиво, оставляя старуху под охраной свирепых собак. Орбин не пользовался повозкой — встав до рассвета, они шли в Ли пешком по грязным горным тропам. Теперь, когда снег сошел, дорога занимала всего три или четыре часа, и они успевали вернуться до темноты. Путь считался вполне безопасным. Разбойники редко забирались так далеко на север, ибо у здешних жителей было почти нечего отнять, хищные же звери с наступлением поры дождей отправлялись на равнину.

Тем не менее в эту оттепель Орбин решил вооружиться и полез под тюфяк за ножом чужака с востока. Возможно, он просто хотел покрасоваться в Ли со стальным клинком на поясе. Однако нож исчез, и Орбин, потратив некоторое время на поиски, пришел к выводу, что ланнец каким-то образом выкрал свое оружие.

Судя по всему, Тьиво не очень-то желала идти в Ли, поэтому Орбин приказал ей отправиться вместе с ним, а полного надежд Орна оставил сторожить дом. Печальный Орн угрюмо смотрел, как они уходят в мокрое темное утро.

Тьиво шла строго в положенных восьми или десяти шагах позади Орбина, неся за спиной их припасы. Орбин шагал

впереди. Солнце встало. Горные тропы в эту пору были раскисшими, скользкими от воды, но самая страшная опасность подстерегала того, кто остановится передохнуть. Растаявшие глыбы льда срывались на тропу, бегущую меж причудливыми вершинами. Галька летела из-под ног, проносясь по склону более шестидесяти футов, пока не останавливалась на каком-нибудь выступе внизу. Через час такой дороги путники стали спускаться, их обступили холмистые склоны. Вскоре снова начался дождь, но никто не обратил на него внимания. Такова была здешняя жизнь.

Облачения жрецов Ках были самыми яркими вещами, которые когда-либо видели в Ли: разноцветные, коричнево-красные и охристо-желтые, украшенные отшлифованными латунными дисками, костяными ромбами и бусинами из молочной смолы. Одеяние Верховного жреца было отделано еще и перьями, а во время обрядов в храме он надевал маску в виде птичьей головы. Но женщинам не разрешалось присутствовать при совершении обрядов. Исключение составляли только храмовые шлюхи, которые принимали в них участие.

Орбин купил свинью из храмового загона и пошел внутрь посмотреть, как ей перережут горло на алтаре. Иногда, после длительного воздержания зимних месяцев, Орбин мог зайти к одной из святых девиц. Наблюдая за его поведением, когда они шли мимо окон, где две или три из них, как обычно, сидели на виду, Тьиво поняла, что на этот раз так и будет. Пока вершилось жертвоприношение, она смирно стояла среди коротких колонн. Она не видела особой разницы между этим обрядом и забоем свиней в конце осени, тем более что мясник, который приходил к ним на ферму, обучался в храме.

Когда свинья умерла и ее кровь обильно пролилась, Орбин что-то сказал жрецам, после чего они вместе ушли в тень за алтарем. Теперь Тьиво могла приблизиться к богине.

В помещении витал резкий запах крови, но в храме он не отталкивал Тьиво, ибо являлся неизъяснимым символом как жизни, так и смерти. Она остановилась в трех шагах от алтаря, так что ее башмаки испачкались в крови, перелившейся через край стока. Тушу забрали, чтобы разрезать на куски. Из кровавой лужи на полу в глаза Тьиво и в ее сердце глядела Ках.

Женщины не могли приносить богине дары или жертвовать животных. Они не владели имуществом, а попытка принести что-нибудь тайком расценивалась их мужчинами как воровство. Лишь одним женщина могла заслужить благоволение Ках — выносить ребенка. Так совершали приношение женщины.

Богиня, на гладком каменном теле которой сотни лет назад высекли лицо и груди, лоснилась от благовонных масел, смешанных с кровью, дым искажал черты ее лица. От дыма, крови и благовоний она почернела, хотя, как все верили, в этой смеси и была ее сила. В неверном свете масляных ламп глаза богини, сделанные из темного янтарного стекла, казались полными жизни.

Молодая женщина не говорила ни слова. Она просто стояла, позволяя Ках заглянуть в себя и все увидеть. Ее благодарность была ее единственным даром. Ведь сам по себе любой дар — лишь знак благодарности. Тьиво и не думала просить о помощи и защите. Богиня — это сама Жизнь, а жизнь защитит ее так же, как отыскала ее.

Закончив общаться с богиней, Тьиво вышла из храма на террасу. Спокойно усевшись под небольшим навесом напротив окон храмовых шлюх, она стала ждать Орбина.

Тот вышел напряженный и мрачный, каким всегда бывал после близости. Он сказал Тьиво, что намерен встретиться в пивной с несколькими крестьянами, но успеет вернуться так, чтобы попасть домой засветло.

— А ты поброди, — кивнул он. — Может, сменяешь на что-то путное грязь со своего подола. А то, если будешь сидеть здесь, тебя примут в святые девицы. Ты и так уже растолстела, скоро станешь, как они, лентяйка.

Он вернулся из пивной много часов спустя, и когда они пустились в обратный путь, уже стемнело. Дождь хлестал по скалам наотмашь, как меч. Теперь, на пути вверх, Тьиво шла впереди, освещая путь Орбину. Он спотыкался и ругал ее.

Когда они добрались до дома, Орн спал, а старуха сидела в мокром кресле. Орбин, протрезвев по дороге назад, разозлился, ударил Тьиво и выругал ее за полную бесполезность, назвав жирной тупой сукой.

Именно в этот день он впервые заметил, что она начала полнеть в талии.

Тьиво хотелось, чтобы ребенок лежал низко. Ее мать считала это верным знаком, что родится мальчик.

Год начался с возвращением солнца. Наступили теплые дни. Золотое сияние накрыло долину.

Начали подходить мужчины, желающие получить работу. Договорившись с хозяином, они шли в небольшой неопрятный лагерь в конце пастбища.

Выводок кур бродил по двору, старательно выклевывая что-то из травы, как и прочие выводки, бывшие до него.

В день начала пахоты Тьиво встала за два часа до рассвета, чтобы напечь хлеба для работников. С рассветом Орбин вошел в комнату и, поставив Орна к стене, вколотил ему, какие звуки он должен издавать, как стоять и двигаться на поле перед посторонними людьми. Орн, сначала пытавшийся усвоить его урок, под конец испугался.

Тьиво поставила на стол кашу и хлеб, и Орн тихонько начал есть. Когда она наклонилась, чтобы покормить старуху, Орбин подошел к ней и шлепнул по боку.

— Что это? — Тьиво посмотрела на него и опустила глаза. — Я спрашиваю, что это? Отвечай!

— Что, Орбин-хозяин?

— Этот огромный комок плоти. Это брюхо.

Тьиво сосредоточилась, запихивая ложку жидкой каши в рот старухе.

— Я жду ребенка, — обронила она.

Орбин едва не задохнулся от ярости.

— Ты беременна? — прошипел он. — Каким образом? Дай-ка я догадаюсь.

Тьиво утерла губы старухи.

— Кто это сделал, ты, грязная гнилая кобыла? — Орбин схватил Тьиво за волосы и встряхнул.

Тьиво подняла глаза — черные глаза искайских Висов, заглянувшие в глаза Ках.

— Брат-хозяин, это был мой муж, — ответила она.

— Орн?! — воскликнул Орбин, заходясь гневом. Уловив интонацию, Орн тоже издал гневный звук в подражание брату. — Нет, не Орн, клянусь сосками Ках! Какой-то гость, не так ли? Кое-кто с востока. Но не Орн, не правда ли?

Тьиво посмотрела ему прямо в глаза. Орбин не привык к тому, что женщина осмеливается смотреть на него. Этого не делали даже храмовые девицы.

— Кому же еще? — спокойно спросила она.

— Я сказал, кому.

— В таком случае это мог быть только ты.

Орбин посмотрел на нее и задумался. Тьиво поняла, что он размышляет, и умолкла, чтобы не мешать ему. Потом он начал ругаться. Как всегда, она не прерывала его. Когда же он остановился, Тьиво произнесла:

— Если решат, что Орн тут ни при чем, то начнут расспрашивать меня — и тебя, хозяин. Ты поклянешься, что не прикасался ко мне. А я скажу, что прикасался. К жене своего брата. Меня закидают камнями. Но тебя кастрируют и, может быть, тоже закидают камнями. Человек с востока вряд ли говорил в Ли о том, что был здесь, боясь, что у тебя есть друзья в деревне. Других доказательств нет. И других мужчин здесь, со мной, тоже нет. Только ты и Орн. Я молилась Ках, и Ках услышала меня. Орн всегда ложился со мной, как полагается мужу, но я была бесплодна. Теперь Ках наполнила мою утробу. Это чудо.

Орбин застыл с открытым ртом. Тьиво опустила глаза. За свою взрослую жизнь она никогда не говорила так долго, и у нее перехватило дыхание. Повернувшись, она снова стала кормить старуху.

Орн разорвал хлеб, снова подражая Орбину. Орбин уселся на настил и бессмысленно уставился в пространство.

Мандариновые деревья покрылись листвой, вслед за пахотой пришло время охоты. Птицы летали над долиной, свободные птицы, ограниченные лишь погодой и судьбой. Пара черных орлов день за днем кружила на высоте нескольких миль в небе, меняющем цвет от голубого до индиго.

Тьиво расцветала и наливалась вместе с землей, плод в ее животе туго натягивал кожу.

Орн, видно, помнил что-то о беременности матери, так как радовался и проявлял интерес. Иногда он очень осторожно

трогал этот холм плоти. Он отгородил для жены специальное место в их постели. Когда ребенок шевелился, Тьиво давала Орну почувствовать это, приложив его ладонь к своему животу. Орн смеялся. Может быть, вопреки всякой логике, он верил, что в самом деле свершилось чудо и этот ребенок — от него.

Орбин редко разговаривал с Тьиво и никогда — о ней. Только когда она появлялась среди наемных рабочих, разнося еду или еще по какому-то делу, он вел себя нормально. Мужчины поздравляли Орна. Орбин грубо хохотал и кивал, а Орн подражал ему.

В доме, если Орбин хотел чего-то, то указывал или совал предмет ей под нос. Когда ему приходилось обращаться к ней, он делал это обходными путями и кричал, однако больше ни разу не побил ее. Отчасти это было из-за беременности. Будь Орбин менее религиозен, он с силой ударил бы ее в живот, чтобы у нее случился выкидыш, но он не смел. Хотя закон о прелюбодеянии был суров, и ребенок, даже если родится мальчик, будет незаконным — любая беременная женщина несла на себе печать Ках.

Со своей стороны Тьиво продолжала вести хозяйство, как всегда. Беременность совсем ее не ограничивала. Даже если она уставала или плохо себя чувствовала, то никогда не выдавала этого и не садилась отдохнуть.

Жара крепчала, иссушая землю. Застис воцарилась в ночном небе, и Орбина почти все время не было дома. Потом Застис ушла, а Орбин вернулся. Год начал желтеть.

В надлежащее время собрали урожай и забили скот. Двор наполнился зерном, клубнями и кочанами, кровь пропитала землю.

Жрец, резавший животных, посмотрел на Тьиво, затем на Орна.

— Мы делали много подношений, — поспешил разъяснить ему Орбин. Тьиво слышала его слова, доставая воду из колодца. — Он всегда получал удовольствие полной мерой, но я подозревал, что она бесплодна. Благословение Ках, это удача.

И он отдал жрецу большую, чем обычно, долю мяса, желая показать, как семья благодарна богине.

Срок беременности у висских женщин — десять месяцев, десять долгих месяцев. Зачатый вскоре после середины зимы, ребенок должен был родиться в начале следующего холодного сезона.

Тьиво размышляла об этом на исходе жарких дней, собирая среди камней оранжевые мандарины. Она может умереть, рожая. На ферме нет ни одной женщины, которая могла бы помочь ей. Она останется одна с двумя идиотами и врагом.

Но, возможно, ее беспокойство напрасно: она родит и останется жить. Орбин не посмеет тронуть ее, ведь родильница тоже принадлежит Ках.

Ей, такой большой, теперь было непросто собирать плоды, но она справлялась. На закате Тьиво подняла последнюю корзину и внезапно увидела на земле, среди камней и деревьев, странный светлый ручеек.

Раз или два она уже видела в этом месте такие блики. В холодную погоду земля почти полностью обнажалась, но жара снова затягивала ее покровом. Местами грунт обвалился, и это позволяло разглядеть глубоко внизу некую своеобразную подкладку. Что-то лежало там посреди корней, камней и плодородной почвы, гладкое, как сталь, и темно-белое, как старинный фарфор.

Тьиво не хотелось выяснять природу этой белизны. Она совершенно отчетливо боялась ее.

Скоро начнется время бурь, затем выпадет снег и спрячет от глаз эту странность.

Подняв корзину, Тьиво пошла обратно через пастбище, выкинув из головы память об увиденном и бездумно наблюдая, как мир вокруг из меди становится бронзой, а из бронзы — железом.

Роды начались рано.

Шел град, рассыпаясь по долине, осколки солнечного света дробились о вершины гор. Тьиво разбивала корку льда в колодце, когда из самой глубины ее тела поднялась волна боли. Она закончила свои дела быстро, почти бегом, торопясь скорее укрыться там, где боль дозволена.

Тьиво ничего не сказала Орбину, просто подала ужин и лишь после этого отправилась в собачий загон, где давно уже, словно кошка, приготовила место для родов, заранее принеся все, что может понадобиться. Она решила рожать там, где зачала, в свете и тепле все той же жаровни.

Большая часть собак не обращала на нее внимания. Только суки, Тьма и Злюка, чувствуя внутреннее родство, время от времени подходили к ней, заглядывали в глаза и лизали руки.

Боль навалилась разом. Тьиво билась и стонала, сжимая в руках и снова отпуская веревку, которую обмотала вокруг талии. Веревка натягивалась и расслаблялась в такт потугам, на миг врезаясь в тело и отвлекая от разрывающей боли внутри. Старая хитрость искайских женщин, которой их тоже обучила Ках.

В какой-то момент ей показалось, что Орбин пришел и подслушивает под дверью загона.

— Ках! Ках, помоги мне! — в изнеможении громко шептала Тьиво ритуальные слова. Она в безопасности, Орбин не тронет ее. Она принадлежит Ках.

После нескольких часов мук боль вспыхнула, как костер, и рванулась прочь из ее тела. Крича от ужаса и радости освобождения, Тьиво увидела головку ребенка, прорвавшуюся в мир. Вскоре вышло и тело. Тьиво поняла, что родила превосходное живое существо. Она поспешила обрезать и перевязать пуповину, протереть рот и кожу ребенка.

Он плакал и дышал, незрячий, как щенок. Тьма подошла и осмотрела ребенка, ткнувшись в него носом, так что Тьиво пришлось мягко оттолкнуть ее. Измученная, она прижала к груди свое дитя. Ее единственное достояние, он жил, как и она сама, но, в отличие от матери, был мужчиной.

Глава 3. Обретенный и потерянный

Катемвал эм Элисаар, борясь с простудой и болью тела, затекшего в седле, окликнул задержавшихся на тракте людей, приказав пропустить похоронную процессию.

Путешественник по сути своей, он не мог обходиться без поездок и никогда не уставал от них. Во время странствий Катемвал становился свидетелем самых разных событий. В числе прочего он имел представление об искайских обычаях и не удивился, увидев на холоде одних женщин — это значило, что умерла женщина. В прозрачном ясном воздухе глухой звук бронзовых гонгов слышался с расстояния двух миль.

Они спустились на тракт, темнея на первом снегу, мягком и пушистом — снег западных гор, даже в худшие годы, не шел ни в какое сравнение с зимами Междуземья, Дорфара и Зарависса, не говоря уже о далеком Ланнелире на востоке.

Наиболее суеверные из его людей сотворили охранительные знаки. Один, искаец, отвернулся и смотрел в другую сторону. Жители гор считали, что наблюдать за женскими обрядами нельзя — это отпугивает удачу.

Четыре женщины несли гроб, кое-как сколоченный из грубых кусков дерева. Для таких гробов редко требовалось более четырех носильщиков — бедная жизнь высокогорья не давала располнеть людям обоего пола. Впрочем, мужчины и женщины Иски сильны и выносливы, потому-то элисаарец и забрался сюда. Он возвышался над процессией на огромном черном скакуне — животном, какого здешним селянам прежде явно не доводилось видеть. Однако женщины даже не взглянули на него и проследовали мимо, ударяя в гонги. Пальцы на их голых руках покраснели от холода.

Его внимание привлекла одна из женщин, судя по всему, главная плакальщица, идущая сразу за гробом. Катемвал провожал ее глазами, пока та не скрылась за поворотом. В ней было нечто особенное, что-то, что лет двадцать назад стоило немалых денег. Теперь уже слишком поздно — жизнь выжала ее, словно виноград под прессом, как выжимает всех людей. Таких надо забирать детьми, если хочешь пересоздать их по своему замыслу.

Тракт спускался вниз и уходил в белесый день. Процессия следовала по нему на фоне смутно различимых призрачных вершин, отделяющих Иску от Закориса. Звон гонгов продолжал слышаться даже тогда, когда сами женщины скрылись из глаз.

— За мной, — приказал Катемвал. — Или вы хотите замерзнуть в седлах?

Шутка вышла так себе. Надежно защищенный морем с юга и востока, Элисаар никогда не знал снега, так что даже слабые морозы запада становились ужасным испытанием для элисаарца или человека с Искайской равнины, лежащей ниже линии снегов.

Катемвал тронул поводья, и скакун выбрался на тракт, ступая более уверенно. Хотелось надеяться, что сведения верны. Юность, здоровье и бедность. Иначе это путешествие окажется совсем бессмысленным.

К ночи он должен вернуться в Ли, к завтрашнему дню — добраться до Ли-Дис, где оставил остальных детей, и затем спуститься в столицу, к портам, прежде чем их накроет высокогорная зима. Для столь маленькой страны Иска имела весьма долгие дороги — ибо ни одна из них не была прямой.

Вскоре они въехали в долину. Ферма, если можно было так назвать эти жалкие строения, съежилась в ее глубине. Дымный теплый воздух дрожал над домом и собачьим загоном.

Когда Катемвал подъехал ближе, навстречу ему вышли двое мужчин. По пятам за ними шли три крупных охотничьих собаки.

— Добрый день, — вежливо произнес Катемвал.

— Ха, — отозвался более низкий и мускулистый мужчина, стоящий ближе.

Катемвал позволил им рассмотреть свои меха и высокие сапоги из кожи овара, зеебов его людей, скакуна, стоившего, пожалуй, больше, чем вся ферма. Мужчина позади, похоже, был слабоват на голову.

— К делу, — обратился Катемвал к первому мужчине с хитрыми, глубоко сидящими свиными глазками. — Я слышал, что здесь есть ребенок, от которого вы не прочь избавиться.

Они молча уставились на него. Он сказал не совсем то, что слышал — ему лишь сообщили, что здесь есть ребенок. Но дети не всегда желанны, и что-то в том, как рассказывали об этом ребенке, подсказало ему — в данном случае так оно и есть.

— Семь серебряных элисаарских дрэков, — продолжил Катемвал. — Конечно, если ребенок подойдет мне.

Их женщины рожали детей так же, как их собаки приносили щенков. Слишком много ртов, которые надо кормить, и совсем не трудно наделать еще, если понадобится. Иногда они поднимали вой, кричали что-то о своем семени и спускали собак.

Но не в этот раз. Нет.

— Продать тебе мальчишку? — переспросил человек с хитрыми глазами. — Зачем?

— А ты как думаешь? Я беру их для рабских домов в Элисааре. Ничего грязного. Девочки для развлечений и представлений, мальчики для сражений. Они живут хорошо и зачастую становятся богатыми. Я не лгу. Но решать тебе. Сколько лет твоему сыну?

— Ему? Около четырех...

Хорошо. Это совпадает с его сведениями.

— А его мать, где она? — поинтересовался Катемвал. Всегда лучше видеть обоих производителей, и отца, и мать. Можно многому научиться, разбираясь, из какой породы какие дети выходят. Мужчина, отец, выглядел достаточно хорошо. Женщина, по крайней мере, была здорова, раз и мать, и ребенок выжили. Однако после некоторого размышления мужчина ответил:

— Она... Она умерла.

Что ж, похоронная процессия двигалась как раз с этой стороны. Значит, хоронили ее?

— Тогда ты будешь рад сбыть мальчишку с рук. Приведи его и дай мне на него взглянуть.

Неожиданно второй мужчина захныкал. Первый повернулся к нему и быстро сказал что-то на напевно-бормочущем местном наречии. Элисаарец, говоривший совсем иначе, не улавливал тонкостей этого варварского говора, в котором к тому же имелся отчетливый закорианский отпечаток. «Только жители Искайской равнины еще умеют говорить более-менее правильно», — пронеслось у него в голове.

Но для ищущего взгляда такая глушь куда ценнее городских трущоб. Здесь, на кучах навоза, среди мертворожденных и придурков порой расцветают дикие орхидеи.

Первый мужчина резко послал дурачка в дом и повернулся.

— Жди. Я приведу его, — бросил он через плечо.

Катемвал, охотник за рабами, остался ждать.

Никто не уследил, когда умерла старуха — просто однажды днем жизнь покинула ее. Ее смерть была очень тихой. Именно тишина и дала понять, что она мертва. В последние годы, находясь в бессознательном состоянии, она почти постоянно издавала какие-то звуки. Когда Тьиво подняла ее костлявое дряхлое тело, мышцы расслабились, и труп в последний раз намочил кресло.

Похороны женщины — женское дело. Мужчины не обязаны присутствовать на них, а мальчикам это вообще запрещается. Тьиво не хотела оставлять сына, но у нее не было выбора.

Она отправилась к своим ближайшим соседкам, которых не видела более полугода, потратив почти целый день, чтобы добраться до их фермы, хотя дома ее ждали обычные дела. Эти соседки оповестили остальных. Жизнь стоит дешево, но смерть — событие, заслуживающее внимания. Спустя шесть дней женщины собрались, принеся поминальные дары для Орна и Орбина, пироги, пиво и грубо сделанный ящик для тела — каждую доску или кусок ветки прибивала новая женщина. Их собиралось достаточно, чтобы прибить все части по отдельности.

Погребальное поле находилось за деревней Ли и предназначалось для мужчин со всей округи — единственное допустимое место для их упокоения. Женщин хоронили иначе. Процессия двигалась через снега, стуча в похоронные гонги и внимательно осматривая окружающие опасные склоны в поисках должной приметы. Ею могло стать все что угодно, важное или незначительное.

Двигаясь вместе со всеми, Тьиво осматривалась и стучала в маленький гонг, но думала о сыне. Снова и снова ее мысли возвращались к нему. Она не хотела оставлять его — но у нее нет выбора...

Все эти четыре года он почти всегда находился рядом. Он спал в их супружеской постели — Орн не возражал против этого. Надо сказать, что Орн с самого начала полюбил ребенка, играл с ним, заботился о нем. Его же брат милостью Ках не делал ничего, поскольку с самого начала смотрел на мальчика как на будущего работника, рассчитывая, что тот станет приносить пользу, едва начнет ходить.

— Ты будешь хорошим помощником, не так ли? — приговаривал над ним Орбин. — Будешь поднимать и таскать. Ты отработаешь свое содержание.

Ребенок рос ловким и быстрым. Он не выказывал непослушания, не делал ошибок. Орбин лишь иногда слегка шлепал его, да и то редко. Зачем портить то, что может принести большую выгоду? Его ланнский отец не оплатил свое содержание. Что ж, его ублюдок отработает.

На второй год жизни мальчика Застис пришла рано. В красноватом свете луны Орбин прижал Тьиво к стене кухни и, задрав ей юбку, приступил к делу так, что стены хрупкого строения сотрясались от его усилий. Закончив, он сказал Тьиво:

— Когда я тебя захочу, я буду тебя иметь. Если ты можешь рассказывать сказки, значит, могу и я. И если ты потолстеешь от моего ребенка, это снова будет работа Орна, не так ли?

Тьиво оправила одежду, ничего не сказав. В следующий раз повторилось то же самое. Но, даже поставив на своем и удовлетворив свои потребности, Орбин не сумел отомстить жене брата. Насиловал он ее изредка, только в месяцы Звезды, и Тьиво не беременела. К тому же на третий год он обнаружил, что после того, как он проведет с ней время, его мужское достоинство болит и горит. Орбин испугался, что ланнец наградил Тьиво какой-то болезнью, и когда боль прошла, оставил ее в покое. Он забыл, что она разбирается в травах, или просто не связал свое состояние с ее познаниями.

Она согрешила с любовником. Однако грешить с Орбином было не только против закона, но и против воли Ках. Орбин не доставлял ей удовольствия, а его семя оказалось бесплодно.

Но ребенок...

Она назвала его не именем короля или героя, но древним именем нагорий, которое на ее диалекте звучало как Райэр.

Когда ему исполнится пять лет, он станет одним из них, мужчин. Его пометят кровью в храме и сделают еще что-то, о чем Тьиво понятия не имела. Она боялась этого срока и ждала его.

Как-то на исходе третьего года она обнаружила, что сын, ненадолго отделавшись от Орбина, лепит причудливые фигурки из размытой дождем грязи. Тьиво остановилась, наблюдая за ним, ибо никогда не видела, чтобы ребенок делал что-то подобное. Фигурки получались кривые и странные, однако в них можно было различить людей и животных — вот свинья, а вот женщина с грудью и длинными волосами. Нерешительно — все-таки он был сыном, мужчиной, к тому же, как она теперь поняла, умным мальчиком — Тьиво набрала цветных камешков и принесла ему, чтобы он мог сделать глаза или украшения. Он терпеливо взял их и отложил в сторону. Они не были нужны ему.

Позже пришел Орбин, ударил Райэра и растоптал фигурки. Ребенок, поведением похожий на мать, просто отошел и без всяких вопросов начал подметать двор.

Ах, ребенок...

Он походил на нее, это правда. Но на отца он походил больше. Даже в возрасте полугода его ноги уже обещали стать

куда длиннее, чем обычно у искайцев. Его густые волосы казались плотным и гладким черным шелком, а глаза, обрамленные черными ресницами, раскрывались, как распускаются цветы.

И он делал фигурки из грязи. Он пел тоненьким птичьим голосом, работая для Орбина — мелодии словно приходили к нему прямо с неба, ведь он никогда не слышал ни одной песни, кроме тех, которые мать пела ему во младенчестве. Однажды она увидела его скачущим по долине верхом на сговорчивой Тьме. И тогда зрение Тьиво помутилось. Она увидела высокого мужчину с синими, как гроза, отсветами в волосах, верхом на черном звере, с вересковым копьем в руках, а ветер в горах шумел, словно голос огромной толпы...

...Она не должна была его оставлять!

Всадники на тракте, видимо, знавшие обычаи, отступили в сторону, пропуская процессию. Животные, на которых они ехали, были зеебами — Тьиво раз или два видела их в Ли. Но она никогда не видала ничего похожего на другого зверя — угольно-черного, с длинной узкой головой.

Однако ни Тьиво, ни другие женщины не слишком-то рассматривали всадников и их животных. Они нашли свой знак. Эти всадники и есть знамение. Им мог стать заяц или солнечный луч, ком снега или упавший камень — что угодно, живое или нет.

Получив знак, теперь они просто должны дойти до ближайшего крутого обрыва, где скалы поджидали холодную бесприютную жертву. Хорошо изучив этот край, женщины знали, что такое место расположено не более чем в получасе пути вверх по уступам, примерно в миле от тракта. Ках, посылающая мужчин совершать обряд в такой дали, проявила великодушие, позволив женщинам провести ритуал так легко.

Они подошли к безветренному горному кряжу на краю огромной пропасти. Гонги смолкли. Женщины опустили деревянный гроб на край обрыва, и каждая положила на него руку, каждая из тех, кто забивал гвозди — за исключением родственницы, Тьиво.

Вытолкнутый на край ущелья, а потом и за край, гроб оказался в воздухе и полетел в разверстую ледяную пасть. Ниже и ниже падал он, отталкиваясь от пустоты, пока далеко внизу не разбился об уступ и не пропал из виду, взрыхлив глубокий снег.

Женщины стояли и смотрели на Тьиво. Теперь она должна оплакать свою потерю.

Тьиво откинула голову и завыла в серое низкое небо. Женщины наблюдали за ней, приготовившись ждать. Жалоба должна быть длинной, ведь умерла мать ее мужа. И только после этого — долгий путь домой.

Никакого выбора.

Что может сделать Орбин в ее отсутствие?

На этот раз он нашел орхидею. Более того, львенка.

Каким-то образом чутье Катемвала привело его к цели в самый подходящий момент. Находка. Лет десять назад такое случалось гораздо чаще.

Да, он спешился лишь ради этого ребенка.

Элисаарец соскочил на землю и подошел к мальчику, разминая мышцы после седла. Стоя рядом с неуклюжим отцом, мальчишка разглядывал пришельцев, зеебов, скакуна. Пока его вели от дома, он крепко и доверчиво держался за шерсть черной собаки, которая ростом была больше него самого. Он смотрел без страха и смущения. Черные живые глаза светились умом и чистотой.

— Ну что ж, дорогой, — сказал Катемвал, опускаясь, чтобы заглянуть ему в глаза. Положив руки на плечи ребенка, он ощупал его. Мальчик был здоровый и чистый — даже маленькие ноги в заляпанных грязью башмачках. Вокруг его левого запястья тянулся нитеобразный бледный шрам, но, какая бы причина ни оставила его, вполне хорошо залеченный — мышцы и сухожилия не повреждены. — Скажи-ка, у тебя уже все зубы выросли?

Мальчик кивнул и позволил заглянуть себе в рот. Зубы у него были здоровые и очень белые.

— Какую самую далекую вещь ты видишь?

— Горы, — мальчик взглянул на него, затем через долину. Катемвал внимательно вслушивался в его произношение.

— Что-нибудь поменьше.

— Тогда птицу на дереве, — тут же ответил мальчик.

Катемвал, который сам не мог пожаловаться на зрение, глянул ему через плечо и далеко в долине увидел птицу на умершем стволе циббы, испятнанной снегом.

— Хорошо, — похвалил элисаарец. — Как тебя зовут?

— Райэр.

Катемвал поднял брови и встал.

— Подходит, — подвел он итог и жестом приказал одному из своих людей принести сумку с деньгами.

— Постойте, — возразил его неотесанный папаша. — Я еще не ответил... я не уверен...

— Семь серебряных дрэков, я сказал, — отрезал Катемвал.

— Девять, — мужчина облизнул губы.

— Нет.

Далеко на земле мальчик наблюдал, как они спорят над его головой. Его судьба болталась между ними, как невесомый лист.

— Восемь, — отозвался мужчина. — Дай мне восемь.

— Я дам тебе семь, как и собирался. Вот, — Катемвал развязал ремешки и высыпал в его лапу семь трехгранных монет. Новенькие, прекрасные и совершенные, их острые грани сверкали белым светом. Рука мужчины дрогнула, он машинально сжал пальцы.

— Я сообщил о своих торговых намерениях твоим жрецам в Ли, — сказал Катемвал. — Ты понимаешь меня? Сделка совершенно законна. Теперь ребенок мой.

— Он принадлежит мне, — внезапно оскалился папаша. — Если я потружусь вытряхнуть из него кишки, он никогда не вырастет.

Однако Катемвал уже утратил интерес к мужчине. Он снова посмотрел вниз на мальчика.

— Ты поедешь со мной. Мы отправимся в путешествие. Я возьму тебя с собой через море в гордую страну с городами из камня — хорошее приключение. Ты не будешь испытывать нужды ни в чем. Есть здесь что-то, что тебе хотелось бы забрать с собой? — Катемвал был не злым и довольно чувствительным человеком.

Но ребенок молча смотрел на него. Понимает ли он, о чем его спрашивают?

Катемвал поднял его и перенес на скакуна, посадив в седло перед собой. Ребенок не беспокоился, не боялся зверя или зеебов, как не испытывал страха перед собаками с фермы.

Деревенский чурбан снова и снова пересчитывал серебро. Он не заметил или не хотел замечать их отъезд. Но черная охотничья собака залаяла. Мальчик изогнулся и уставился на нее. Когда Катемвал ударил шпорами в бока скакуна и пустил его быстрым галопом, ребенок внезапно вытянулся в его руках, дернувшись к собаке, и заплакал без слов и звуков, страдающий и отчаявшийся.

— Тише, маленький лев. Боги любят тебя. Ты уезжаешь к новой жизни, и она будет куда лучше, чем вечный голод в свинарнике. Верь Катемвалу, он знает, о чем говорит. Дни славы, сила, которая таится в тебе. Не растрачивай ее, живи ею. Ты станешь всем.

Однако, несмотря ни на что, Катемвал почему-то надеялся, что на обратном пути не встретит зловещую похоронную процессию. Он не знал, что женщины поднялись выше и им необходимо еще не меньше часа, чтобы завершить обряд.

Сумеречный свет окутывал Тьиво, которая в одиночестве шла домой, отделившись от остальных плакальщиц. Никакой болтовни между женщинами не было — такое поведение не дозволялось, тем более что беседа задержала бы их. Каждой предстоял долгий путь домой, где их ждали нужда, тяжелая работа и голодные раздраженные мужчины.

С темнотой поднялся ветер, разбиваясь об острые скалы вокруг и барабаном гремя в ушах Тьиво. Поэтому она не слышала собачьего воя, пока не подошла совсем близко.

Тьиво остановилась. Ее ушей коснулся плач боли, подобный тому, который она сама издавала по покойнице до тех пор, пока ее горло не отказалось работать. Но собака не стала бы выть по старухе.

Она побежала. Через острые скалы, мягкий снег и тени на холодный каменный двор — и снова остановилась. Вой сотрясал собачий загон. Тьма неистово оплакивала кого-то.

Тьиво открыла дверь в дом.

Комнату заливало тепло. Орн спал по одну сторону от очага, а по другую в кресле матери сидел Орбин. Тепло, но не безопасно. Все изменилось. И где же, где же, где Райэр, который должен был вернуться с наступлением темноты?!

— Эй, Тьиво, — вкрадчиво обратился к ней Орбин. — Пока ты там драла глотку с этими бабами, я позаботился о ферме.

У нас совсем нет денег, подумал я. И тут как раз приехал человек. О, тебе бы он понравился. Еще один чужестранец. Ты, пожалуй, не отказалась бы впустить его в себя, но он искал не шлюху. Он хотел купить кое-что другое. За элисаарское серебро. Вот оно, смотри. Сказать тебе, Тьиво, что он захотел взамен?

В этом году холодное время выдалось особенно тяжелым. Время смертельной ледяной пустоты. Животные умирали в хлевах. Люди умирали, просто упав в снег в нескольких шагах от дома. Когда начались дожди, снег все еще падал, смешиваясь с водой, и казалось, что избавления не будет. Многие стекались в Ли принести жертву Ках в надежде на лучший год, чтобы хоть как-то выжить. Орбин, видя, что Орн потерял за зиму двух коров, как обычно, отправился в Ли с серебряными монетами в кармане, оставив идиота и потаскушку дома.

Дорога была отвратительная, грязь и лед перемешались, по голове и плечам хлестал снег, разбавленный дождем. Но Орбин медленно и неуклонно шел вперед, мерно помахивая рукой. Впереди его ждали религиозное забвение, быстрое удовлетворение похоти и долгое пьянство. Богатый, как никогда в жизни, он мог позволить себе остаться на ночь на тюфяке в пивной. Он даже может сделать особое подношение Ках, чтобы умилостивить ее, если будет необходимо. Но он считал, что нужды в таком приношении не возникнет. Он поступил честно, продав незаконного ребенка — точно так же Орн мог бы продать свое собственное отродье, или сам Орбин — свое, если уж на то пошло. Потаскушка молчала об этом. Ни слова за всю зиму — совсем не то, чего можно было ожидать. Впрочем, она знает, что не вправе требовать возмещения или говорить об этом, и в любом случае виновата сама. Если бы она приносила пользу, делая что-то по хозяйству или для него лично (она даже не умела доставить наслаждение мужчине!), возможно, он поступил бы иначе и защитил ее права. Хотя теперь Орбин даже радовался, что она валялась в хлеву с ланнцем — ему понравилось серебро, и он получил удовольствие, рассказав ей о том, куда дел ее щенка. Правда, он ощущал себя слегка неловко, не зная, как она воспримет новость. Она могла начать протестовать или что-то в этом роде...

Услышав какой-то звук на вязком тракте позади, Орбин оглянулся посмотреть, что это такое. Что-то серое в молочной пелене дождя — он подумал о демонах, баналиках. С замершим сердцем он оглянулся еще раз и не слишком-то обрадовался увиденному.

— Что ты здесь делаешь, тупая свинья?

Тьиво не ответила. Она шла к нему с вытянутыми руками — Орбин решил, что она хочет показать ему что-то, и посмотрел на них. Но он не угадал ее намерений.

Он все еще кричал на нее и пытался понять, что она ему несет, когда Тьиво со всей силы толкнула его. Орбин был довольно крупным мужчиной, однако после долгих лет размеренной жизни не ждал удара, к тому же под ногами у него был лед. Несколько мгновений он с воплем скользил и барахтался, размахивая руками, затем на-

клонился и рухнул в разверстую скальную пасть — совсем как труп его матери тремя месяцами ранее. Правда, в отличие от матери, Орбин кричал, пока падал. Но недолго.

Главная проблема с таким красивым ребенком — уберечь его от когтей публичного дома. Катемвал уже наловчился избегать их, равно как неуемных богачей и иных падальщиков, охочих до детей. На этот раз, чтобы избавиться от непрошеных претендентов, ему потребовалось некоторое время — но не больше, чем он потратил на бестолковую возню в Ли-Дис и других городках. С одной стороны, поездка в высокогорье принесла ему ребенка, но с другой, создала проблему — он задержался и не успел уехать до наступления штормов. А плохая погода влекла за собой новое промедление и еще худшую погоду впереди. Поверенный Катемвала в столице Иски описал ситуацию в следующих словах: «Они говорят, что никогда еще не было таких бурь. Здесь нет капитана, который рискнет выйти в море до весны».

— Ах, они не рискнут? Посмотрим, что скажет невеста, — решительно заявил Катемвал и отправился к самому южному порту. Но там выяснилось, что невесте нечего сказать. Взглянув на яростно беснующееся море своими глазами, Катемвал утратил всякое желание спорить.

Поэтому они остались зимовать в столице. Пришлось снять половину комнат на постоялом дворе и нанять женщин, которые занимались детьми. К тому же в столице было намного теплее.

Дети хорошо питались, даже когда сам охотник за рабами ел кое-как и отбивал пятки о бока скакуна, скитаясь по Иске. Окруженные заботой и получившие возможность есть и спать сколько угодно, маленькие рабы прямо-таки расцвели. Многие совсем забыли своих родных или отказались от них.

«Но не лидиец, — подумал Катемвал. — Он младше, чем остальные, и, скорее всего, скучает по матери». Правда, смерть отняла ее еще до того, как элисаарец забрал мальчика из дому, так что, возможно, ребенок соединил одну потерю с другой.

Охотник за рабами строго следил за собой, не позволяя этому особенному мальчику стать любимцем. Привязаться друг к другу очень просто, но потом неизбежная разлука ранит их обоих.

Наконец после долгих дней ожидания на утреннем небе появилось солнце, неистовый океан понемногу успокаивался. Обнаружив ребенка у верхнего окна детской комнаты, Катемвал показал ему корабль, стоящий на якоре в порту. После долгого зимнего отдыха, отремонтированное и ухоженное, судно выглядело очаровательной игрушкой.

— Смотри, на чем мы поплывем в Элисаар. Вот на этом корабле.

— Да, — кивнул мальчик.

— Скажи, Регер, кем ты собираешься стать в Элисааре? — спросил Катемвал. Он прекрасно знал, как должно звучать имя мальчика, но специально изменял его на элисаарский лад.

— Человеком славы, — ответил мальчик так, как учил его Катемвал. Торговец надеялся, что ребенок верит в сказанное.

— Всегда помни об этом, дорогой, — проговорил Катемвал. — Ты станешь львом, властителем, известным человеком. Твоя жизнь будет подобна сиянию солнца, а смерть — трагична и прекрасна... Что ты делаешь? — перебил он сам себя, заметив, что ребенок согнулся над чем-то. Мальчик проявлял явную склонность к искусству, находившую выражение в фигурках, которые он лепил из снега и грязи или вырезал кухонным ножом из дерева. Катемвал понятия не имел, сохранится ли в нем эта склонность и будет ли полезна в будущем. Но сейчас, даже зная об этом, он все равно был заинтригован.

Не упираясь и не пугаясь, мальчик разжал руку — левую, украшенную шрамом вокруг запястья. Увидев то, что лежало на маленькой ладони, Катемвал удивился — трехгранная сверкающая монета, практически из цельного золота, лишь с очень небольшим добавлением меди, чтобы укрепить металл.

— Где ты взял это, Регер? Неужели стащил?

— Нет. Мне дала это мать. А ей — мой отец.

Катемвал был озадачен. Однако если бы мальчик сам совершил кражу, торговец удивился бы не меньше.

— Где ты ее прячешь?

— Здесь, — мальчик поднес руку к шее и за шнурок вытянул из-под одежды мешочек из тонкой кожи, в каких обычно хранят бесполезные талисманы. Боги, стоимость этой монеты в десять раз превышала то, что он отдал за ребенка!

— Спрячь ее обратно, Регер, и не показывай никому. Кто-нибудь может захотеть забрать ее себе.

— Ты захотел? — спросил мальчик с прямым и невинным взглядом, снова стиснув монету в кулачке.

— Конечно же, нет, малыш! — Катемвал, добросердечный работорговец, рассмеялся, слегка задетый его словами. — Теперь она твоя. Вспоминай свою мать, глядя на нее.

— Да, — отозвался Регер. Он никогда не говорил о своей матери и, несомненно, не собирался поддерживать эту тему и сейчас.

Но, учитывая все обстоятельства, оно и к лучшему. Через пять дней они выйдут в море. А через месяц для Регера эм Ли-Дис, рожденного в хлеву, начнется настоящая жизнь.

Едва дожди ненадолго прекратились, прибыли трое жрецов, чтобы поговорить с Орном и Тьиво.

Жрецы редко ходили пешком. Пока лежал снег, они передвигались на собачьих упряжках. Теперь же храмовые слуги пронесли трое носилок по размытому тракту через всю долину и остановились во дворе фермы.

Подойдя к двери, Тьиво встала на колени прямо в весеннюю грязь и склонила голову.

Одни за другими носилки опустились на землю, и из них вылезли жрецы, сверкая желто-красными одеяниями, латунью и бусинами.

— Встань, женщина. Где твои мужчины?

Тьиво встала.

— Мой муж Орн в доме, — ответила она, по-прежнему не поднимая головы. — Мне позвать его?

— Где брат твоего мужа? — спросил тот же жрец.

— Не знаю, жрец-хозяин. Разрешите сказать?

— Разрешаю.

— Несколько дней назад Орбин-хозяин отправился в Ли, чтобы сделать подношение Ках. Сюда он не вернулся. Он взял деньги и мог задержаться. Он говорил, что хочет пополнить запасы, ведь Орн потерял в холода двух коров.

— И никто не искал Орбина?

— Мой муж не приказывал мне. Без его разрешения я не могу. Я только походила поблизости, посмотрела, но там Орбина не было.

— Довольно, — изрек жрец. — Я скажу тебе, где он.

Тьиво выслушала его со склоненной головой. Когда он закончил, она запрокинула лицо к небу и издала оглушительный вопль — но это была лишь положенная дань обычаям. Жрецы спокойно ждали, когда она прекратит завывать. Орн, разбуженный и испуганный, подошел к двери и тоже взвыл, дергая Тьиво за рукав.

Мужчина из другой долины шел в Ли и увидел Орбина, лежащего на спине на дне скалистого ущелья. Добраться до него было невозможно. В любом случае вороны-падальщики оказались на месте раньше и успели пообедать — именно их шумное карканье привлекло внимание путника. Тело было видно плохо — мешали вороны, да и ущелье было довольно глубоким, — но человек, рассказавший о находке в Ли, уверял, что узнал Орбина по башмакам. Потом, когда все прочие крестьяне собрались в Ли ради жертвоприношений или выпивки, среди завсегдатаев не оказалось лишь Орбина. Потому-то жрецы и навестили жену Орна.

Без приказа мужа Тьиво действительно не могла выйти за пределы фермы и отправиться на поиски. Но возможно, что Орн попросту не был способен отдать такой приказ. Люди догадывались, что Орн не совсем нормальный, и спорили лишь о том, до какой степени он не в себе. В таком случае обстоятельства гибели его брата выглядели весьма туманно. О том, что на ферме родился ребенок, знала вся Ли. О том, что ребенка продали в начале зимы — тоже. Элисаарцы останавливались в Ли и вернулись туда с ребенком, хотя его, закутанного в меха, никто толком не разглядел — куда больше внимания привлек огромный черный скакун предводителя элисаарцев.

Способен ли Орн продать своего сына за деньги? Или мальчика продал Орбин? Значило ли это, что он был незаконно зачат Орбином, а не Орном? И значило ли это, что Тьиво сошла с ума и напала на Орбина?

Мужчины поскальзывались и гибли в горах, но это случалось редко — вырастая, они все время таскались туда-сюда по опасным горным тропам и привыкали к этому. Однако женщины сходили и сходят с ума, потому что богиня создала их из несовершенного материала.

— Ты должна пойти с нами, — решил жрец. — Ты пойдешь и ответишь перед Ках в храме. Но сначала принеси нам пива и какого-нибудь сладкого пирога.

Она совершила грех и понимала это. Тьиво осознавала, что сделанное ею незаконно — так же, как тогда, когда она легла с отцом своего сына. Ее мысли возвращались к тому дню, когда она убила Орбина. Всю зиму она ждала подходящего момента. Возмездие. Именно тогда, когда он сообщил ей, что сделал, в тот самый миг она и решила забрать его жизнь. Но, обдумав все, она поняла — убить надо так, чтобы спастись самой. Должен же кто-то заботиться об Орне. Да и самой ей хотелось жить.

Однако совпало слишком много случайностей, и жрецы заподозрили ее. С самого начала Тьиво знала, что это возможно, но не отступилась от своего решения. И после убийства она не переменила своего мнения. Орбин не имел права оставаться в живых.

Странно, но почему-то Тьиво не испытывала отчаяния при мысли о Ках, невзирая на то, что преступила границы всех строжайших запретов. Но так ли это? Это Орбин провинился перед Ках, бесчестный Орбин, который отдал чужеземцам дар, посланный богиней.

Так что, следуя за носилками в сопровождении двух храмовых слуг, Тьиво не дрожала и не медлила. Она не споткнулась в том месте, где Орбин полетел вниз, и не оглянулась, когда они миновали это место, а увидев на горизонте деревню, ускорила шаг.

* * *

— Говори свободно. Вспомни все, что ты видела и слышала. Ках слышит. Ках видит. Ты родила ребенка после многих лет бесплодия...

В храме стояла почти полная темнота, лишь несколько ламп тускло тлели. Возможно, так соблюдалась святость допроса — или просто не хватало масла, поскольку сезон выдался бедный. Сквозь бархатистую темноту проступала статуя богини, неровности ее лица, выпуклости грудей. И лишь глаза ее, поймав луч света, горели, словно светильники.

Жрецы торжественно обращались к Тьиво, которая стояла у алтаря.

Они верили в ее вину. Они не сомневались, что по окончании ритуала распахнут двери храма и отдадут ее жителям Ли, чтобы те забили ее камнями до смерти.

Сам Верховный жрец почтил храм своим присутствием, желая наблюдать за происходящим. Его голову украшала маска с большим клювом хищной птицы. Нарушив закон, женщина становилась важной персоной.

Но Ках тоже была здесь. Тень Ках и ее глаза. Она смотрела и слушала.

Ках...

— Женщина Тьиво, скажи нам, кто отец твоего ребенка?

Тьиво вдохнула тяжелый воздух храма, пропитанный ароматом крови, притираний и дыма — запах Ках. Пришли слова — и она ответила им:

— Отец моего ребенка — человек, данный мне Ках.

Тьиво ждала, искры напряжения пробегали по ее коже, казалось, пронизывая даже кости. Солгала ли она? По закону Ках дала Тьиво Орна. По воле магии и желания Ках дала Тьиво Йимеса, чужеземца. Тьиво всегда верила в это. Остается ли грех грехом, если его предложила богиня? Если же она ошиблась, то сейчас богиня ударит Тьиво и повергнет ее наземь.

Но Ках не ударила Тьиво.

Темнота наполнилась тишиной, нарушаемой только шепотом жрецов и потрескиванием масла.

— Ты сказала, что зачала и выносила ребенка законно?

— Я выносила его согласно воле Ках, — твердо ответила Тьиво, полная триумфа и уверенности. Теперь она знала, что так оно и есть.

— Женщина Тьиво, Орбин упал с тропы и умер, — снова прозвучал голос жреца. Спрашивал ли он или просто отмечал случившееся? — Что ты знаешь об этом?

— Я этого не видела, — сказала она, и это была правда. Пока он скользил и падал в пустоту, она отвернулась и отошла, но не от отвращения или ужаса — просто не хотела, чтобы Орбин видел ее лицо, словно это могло как-то помочь ему. Может быть, Ках подсказала ей и тогда? Так что теперь она может спокойно заявить, что *не видела* его смерти.

— Ты говоришь, что не виновна в смерти Орбина?

— Хозяева, я всего лишь женщина, — ответила Тьиво. — Орну пришлось продать сына, потому что у нас не было денег. Орбин отправился в Ли закупить припасы и сделать подношение Ках, чтобы она помиловала нас. И теперь Орбин мертв. Это большое горе.

— Но ты *виновна*, женщина?

— Всегда ли женщина виновна, если что-то происходит с ее мужчинами?

Слова шли от Ках. Ках советовала, Ках учила ее. Она не должна смущаться. Законы неправильны. А может быть, Ках создала новый закон для Тьиво, и та лишь следует ее желанию.

Жрецы шептались и бормотали во тьме, позвякивая украшениями. Затем через птичью маску глухо зазвучал голос Верховного жреца:

— Ты глупа, женщина. Но ты обязана следовать обычаю. Если ты невиновна, приложи правую руку к стопе Ках. Иначе лучше сознайся сразу.

Тьиво заколебалась. Она не понимала, что все эти месяцы находится в своего рода трансе. Это состояние нахлынуло на нее в тот миг, когда Орбин, развалясь в кресле у огня, сообщил ей о продаже Райэра. Не приходя в себя, Тьиво выполняла обычные домашние дела, работала, прислуживала, ела скудную пищу, спала краткие часы. Находясь в таком состоянии, она не плакала и не жаловалась, не рвала волосы, не раздирала щеки ногтями, не падала на

пол, рыдая. Нет. Она только ждала, пообещав себе, что отомстит Орбину. И хотя задуманное было исполнено, она все еще пребывала в трансе — и он поддерживал ее.

Однако слова Верховного жреца вызвали в ясном сознании Тьиво сцену из детства. Мать и сестры взяли ее с собой в Ли. Придя в деревню, они смешались с толпой у подножия храмового холма. Стояло жаркое лето, земля и солнце обжигали. Неожиданно из храма донесся приглушенный крик, двери открылись, служители выволокли женщину и толкнули к подножию холма. Она совершила прелюбодеяние. Позже из перешептываний сестер Тьиво узнала даже точную дату этого события. Когда в воздух полетели камни, мать и сестры решительно швырнули свои. Тьиво тогда была еще слишком мала, чтобы присоединится к ним. Она заметила, что правая рука женщины ранена, но не понимала, *что* это значит. Еще до того, как первые камни задели ее, женщина упала и выла в агонии, а когда началась казнь, попыталась закрыться. Тьиво помнила, как камень попал прямо в лоб женщине. Та упала и затихла. Однако казнь заканчивалась лишь тогда, когда один из жрецов выходил на террасу, устанавливал факт смерти и подавал знак.

Но Тьиво — не прелюбодейка. Она действовала по воле Ках.

Несмотря на испуг, воспоминания придали ей сил. Почти радостная, она повернулась, встретившись взглядом с тлеющими угольками янтарных глаз богини, и смело приложила руку к основанию статуи.

Никогда в жизни Тьиво не получила бы разрешения коснуться ее, живи она, как все. Богиня была холодна, как слежавшийся снег, хотя в ее глазах горел огонь. Внезапно тело Тьиво пронзила сладкая вспышкая. Подобное ей довелось испытать лишь в объятиях любовника, и она не смогла сдержать крик любви и наслаждения.

Жрецы схватили ее и грубо оттащили прочь. Развернув Тьиво, они схватили ее за правую руку, желая рассмотреть ладонь. На пике упоения Тьиво на миг перестала воспринимать окружающее. Но наслаждение не могло длиться вечно, или она была неспособна долго его выдерживать. Она пришла в себя, стоя одна посреди круга нервно бормочущих мужчин.

— Чудо богини, — донесся из-под маски гнусавый глухой голос Верховного жреца.

К Тьиво пришло какое-то знание. Она глянула на свою руку, все еще не решаясь сомкнуть ладонь. Ту слегка покалывало, словно она в самом деле коснулась ледяного снега. Увидев чистую кожу и осознав, что покалывание почти исчезло, Тьиво ощутила и другое — обжигающий жар, исходящий от изваяния богини позади нее.

Изваяние нагревалось во время допроса. Преступник, дотронувшийся до Ках, обжигался, и таким образом вина считалась доказанной. Но это происходило не само по себе. Под алтарем и статуей имелась печь, и в подобных случаях ее специально разжигали, пока полый камень статуи не становился обжигающе горячим. Если предполагалось, что обвиняемый невиновен, то печь разогревали не сильно, так что камень становился всего лишь теплым. Если подозревали вину,

разводили очень сильный огонь. Но некоторые обвиняемые, обычно женщины, все же пытались задержать руку на поверхности.

Сегодня топку под Ках раскалили добела. Но Тьиво, положившую руку на камень, оттащили от статуи невредимой. Вряд ли они испугались или задумались, ибо все же верили в силу Ках. Мир устроен просто. Подобные вещи можно лишь принять.

Выйдя на террасу перед храмом, Тьиво увидела людей, собравшихся под холмом.

— Ках судила, что она невиновна, — провозгласил высоким голосом жрец, вышедший вместе с ней.

Тьиво направилась вниз по холму. Холм был покрыт грязью, но улица оказалась еще грязнее. Люди молча смотрели на оправданную. Один из мужчин схватил ее за руку, изумленно уставился на нее, показал остальным и, выругавшись, отпустил.

Теперь ей оставался лишь долгий четырехчасовой путь назад на ферму.

Когда она покидала Ли, снова хлынул дождь. Его капли били по голове и плечам Тьиво не хуже камней.

Огонь почти погас. Орн спал, подрагивая во сне, и забыл подбросить в очаг заранее приготовленные женой дрова. Пятьдесят лет назад это было бы трагедией, но теперь даже на высокогорье Иски появились трут и кремень. Тьиво снова разожгла огонь. Извечный символ смерти, пламя разгорелось и взволновало ее. Но она очень устала. Устала, как никогда в жизни.

Она сидела у очага, поглаживая голову Тьмы, и смотрела, как огонь возвращается к жизни. Тьиво взяла в дом обеих сук. Ни одна из них не принесла щенков после зимы, но в тепле дома они могут появиться. Орн не возражал — он с детства любил собак.

Когда муж проснулся, Тьиво встала и принялась готовить еду. Ее сознание было пустым, темным и сосредоточенным, будущее скрылось, как долина под глубоким туманом, спустившимся с гор. Что бы ни произошло, оно уже закончилось.

— Ешь, хозяин, — сказала она Орну, ставя на стол тарелку.

Она будет заботиться о нем. Он — единственный ребенок, который у нее остался.

Глава 4. Огненные скачки

В небе над городом шла утренняя ястребиная охота. Птицы замирали, падали и снова поднимались, терзая добычу когтями, все время в движении.

Одинокий ястреб замер, пошел вниз и продолжал падать — пока, пронизав кольца света и цвета, почти невидимый, не рухнул в мусор на аллее.

Человек, приплывший этим утром из Вардийского Закориса, был итогом смешения крови на протяжении четырех поколений. Его кожа была черной, волосы — светло-каштановыми, а глаза изменились от черного или желтого цвета, присущего его предкам, до странного, редко встречающегося серого. Но, невзирая на все это, он не выделялся. Всего лишь еще один купец с одного из двух десятков иноземных кораблей, стоящих в порту.

Новый Элисаар привлекал выходцев из Вардийского Закориса, ибо самим им приходилось терпеть абсолютную власть светловолосых правителей. Новый Элисаар все еще платил дань королю Шансара на севере, но в остальном, едва ли не единственный из всех, был полностью самостоятельным висским государством. А среди рубиновых городов Элисаара королевой по праву считалась Саардсинмея. Девять лет ушло на ее постройку, на то, чтобы проложить длинные бульвары и бесчисленные аллеи. Красная плитка покрывала город, словно чешуя дракона. На переговорах Саардсинмею представлял трехвостый дракон — знамя основателя королевства. Северную половину Элисаара, по-прежнему лежащую под властью Шансара, здесь со злым легкомыслием называли Ша'лис.

Для того, чтобы посетить город, закорианец выбрал самое подходящее время — вечером должны были состояться великие летние гонки, именуемые Огненными скачками. В Саардсинмее, блистательной в своей жажде крови и полной неизвестных опасностей, процветали дикие и горячие азартные игры.

Торговец смешанных кровей размышлял обо всем этом, сидя под навесом на крыше таверны. Погрузившись в расчеты, он не

забывал и о чаше, которую держал в другой руке, так что вскоре та опустела. Таверна считалась одной из лучших на всей Пятимильной улице, и вар-закорианец был вправе рассчитывать на превосходное обслуживание.

— Эй! — крикнул он, стуча чашей по столу.

Полуденный час — напряженное время, однако три девушки-разносчицы не торопились к посетителям под навесом, то и дело останавливаясь поболтать и пококетничать. Все три были чистокровными Висами, с черными, как нефть, волосами и глазами, с прочной бронзовой кожей, которая так и манила погладить, ущипнуть или ударить. Однако гость явно гордился своими светлыми глазами и волосами. Когда ближайшая девушка неторопливо подошла, он окинул ее свирепым взглядом, который заставил бы поторопиться любую висскую женщину на его родине. Но эта просто стояла с кувшином вина на бедре и, что еще хуже, глядела на него, выгнув густые брови, превратившиеся в две черные дуги.

Он толкнул к ней свою чашу.

— Кувшин пуст, — уронила она.

— Так пойди и наполни его, ленивая кошка.

Девушка была хорошо одета, на руках ее позвякивали золотые браслеты, а волосы украшал цветок. Она посмотрела на вар-закорианца, не проявляя ни малейшего намерения выполнить приказ.

— Говори вежливо, когда просишь.

— Не испытывай на мне свою дерзость, — вскипел торговец. — Займись своим делом — или хочешь, чтобы я придал тебе скорости, свиное рыло?

— У тебя поганый рот, — отозвалась та. — Сомневаюсь, что наше вино сможет отмыть его.

В ответ торговец вскочил, левой рукой схватил девушку за плечо, наслаждаясь этим моментом, а правую занес для удара. К его изумлению, она успела первая ударить его коленом в живот. С трудом глотая воздух, торговец согнулся вдвое и услышал, как смеются посетители на скамьях, видимо, позабавленные происходящим. Саардсинмея — твердыня Висов, ее давно пора поучить хорошим манерам. И лучше всего начать с этой девицы.

Она почти добежала до лестницы, когда вар-закорианец догнал ее. Желающих помешать ему не нашлось, лишь кто-то насмешливо предостерег девушку. Торговец вцепился в ее висские волосы и повернул ее к себе. Она попыталась ударить его своим кувшином, но он перехватил ее руку и ударом кулака поверг девушку на пол. Кувшин, гремя, полетел в сторону. Падая, она негромко вскрикнула. Удар пришелся ей точно под левый глаз, разноцветный синяк надолго останется ей в память о торговце — а ведь он еще не закончил. Но едва он замахнулся ногой — она уже ясно представила себе силу пинка, — как кто-то произнес:

— Остановись-ка на минутку.

Торговец замер, поднял голову и заметил, как вокруг неожиданно стало тихо. До такой степени тихо, что крышу заполнили грохочущие звуки улицы — можно было расслышать перестук каблуков и звон бубенчиков, доносимые легким ветерком

Человек, стоящий неподалеку, только что поднялся по лестнице. Торговец успел разглядеть, что вновь прибывший значительно выше среднего роста, крепко сложен и вдобавок чистокровный Вис, как и девять десятых населения города. Затем последовало неуловимое стремительное движение — и вар-закорианец с ужасом обнаружил, что болтается в воздухе. Он ударил со всей силы, но без толку — слишком слабо для ужасающей мощи, которая держала его с таким равнодушием.

— Послушайте, как ноет Грязноволосый!

— Скинь его с крыши, Лидиец!

— Сделай это, а мы скажем, что он споткнулся о своего маленького дружка.

Хор веселых голосов и аплодисменты заглушили несколько разочарованных криков. Обернувшись к лестнице, высокий человек, которого назвали Лидийцем, с высоты дюжины ступеней сбросил свой вопящий груз во внутренний дворик. Там вар-закорианец ударился о горшки и остался лежать и стонать.

Внизу и вокруг него зашевелились люди, наблюдая за его состоянием. Но Лидиец уже отвернулся и встал на колени перед девушкой. Та села, опираясь на его плечо и прижимая ладонь к поврежденной щеке.

— Дай посмотрю, Велва, — он заботливо повернул к себе ее лицо, внимательно разглядывая синяк.

— Этот ублюдок изуродовал меня на всю жизнь? — спросила девушка с яростью.

— Ничуть, но все же покажись кому-то знающему. Вот, держи, — он вложил деньги ей в ладонь. — Сходишь к врачу на улице Мечей.

Девушка порывисто обвила руками шею молодого человека и поцеловала его, опутав волной прекрасных волос.

— Оставь его, Велва, — крикнул кто-то. — Хочешь, чтобы он забивал себе голову *перед скачками*?

Лидиец рассмеялся, мягко высвободился из объятий девушки и поднялся на ноги.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Стоило заработать синяк от этого борова, чтобы оказаться в твоих объятиях.

Он лишь вздохнул и, кивнув ей, ушел на другой край крыши. Вряд ли в Саардсинмее нашлась бы женщина, которая не шептала Лидийцу подобных слов — пусть даже только в мечтах...

Ближе к вечеру двери лавок вдоль Пятимильной улицы плотно закрыли, то же самое произошло на прилегающих улицах. В ход шли не только обычные замки и решетки — иногда фасады домов заколачивали досками. После Огненных скачек часто случались уличные драки, и никто не сомневался — так будет и в этот раз, хотя бы потому, что среди участников было трое свободных светловолосых людей из Ша'лиса.

Поздним вечером густой медовый свет затопил городские кварталы. Город наполняла своеобразная тишина — затишье перед бурей.

С нескольких сотен карнизов, колоннад и портиков вдоль знаменитой гоночной трассы свисали гирлянды цветов и флаги, застывшие в неподвижном горячем воздухе. Преобладал трехвостый дракон, а кроме него, множество гербов тех купцов и хозяев постоялых дворов, которые помогли устроить летние состязания. В гирляндах и лентах, развешанных в окнах, обвивающих деревья и волосы девушек, было представлено большинство цветов, принадлежащих соперникам. И красный Саардсинмеи затмевал все остальные.

Приносящие удачу знамена с изображением бога Дайгота, покровителя бойцов, акробатов и колесничих, украшали фонарные столбы или протянулись через улицу от здания к зданию. Ближе к берегу и вдоль всей портовой стены, до Высоких Божественных врат и Прибрежной дороги, изображения Дайгота уступали место флагам морского бога Рорна.

Зрители начали собираться еще с полудня. По мере того, как закат из меда делался кровью, они сбивались в толпы, забивая лестничные пролеты принесенными скамейками, взбирались на крыши, балконы и все возвышенные поверхности на протяжении пятнадцати миль.

В начале Пятимильной улицы располагался огромный стадион Саардсинмеи, всегда переполненный. Люди, желающие видеть все своими глазами и судить обо всем в числе первых — а может быть, просто поволноваться и покричать, — занимали места вдоль трассы. Но те, кто имел возможность заплатить цену, высокую, как никогда в году, предпочитали узреть рождение славы и ее смерть на финише гонок — на стадионе. Даже невзирая на долгое ожидание, когда можно судить о происходящем лишь по мельканию отдаленных огней в лабиринтах города, доносящимся крикам и рассказам специально посланных гонцов, чьи сведения не слишком-то достоверны.

Когда первые звезды в догорающем чистом небе протянули серебряные лучи к Новому Элисаару, Саардсинмея замерла, и слышно было лишь тихое биение общего пульса.

Когда-то огромное стеклянное зеркало в когтистой раме из черного дерева, покрытого золотом, находилось во дворце Саардоса, прежней столицы, теперь же покоилось в зале под стадионом Саардсинмеи. Мужчины, понемногу стирающие позолоту своими прикосновениями, порой покрытые шрамами не меньше, чем туманная поверхность, облаченные в великолепие убийства и смерти, застывали здесь на миг и пристально вглядывались в глубину. Этот взгляд мог стать последним — в глазах отражения видели всю полноту жизни, всю свою жизнь. Великой удачей считалось дотронуться до зеркала в тот миг, когда оно удерживает тебя, и приказать отражению: «Оставайся, пока я не вернусь».

Обычно зеркало возвышалось над теми, кто заглядывал в него. Лишь один человек точно подходил ему по размеру — Лидиец.

На нем была короткая открытая туника колесничего из искусно выделанного льна рубиново-красного цвета Элисаара. Тунику

прикрывал кожаный доспех, покрашенный в алый цвет и перехваченный золотым чешуйчатым поясом. Его предплечья и икры также облегала кожа, стянутая золотом, а черные волосы были убраны назад и схвачены широким золотым кольцом. Стоя перед зеркалом, Лидиец казался сотворенным целиком из золота, из золота и крови.

Безупречными пропорциями тела он был обязан упражнениям на стадионе, начавшимся с раннего детства — они формировали его, возводили, как гениальный мастер возводит дворец. Он сам стал собственным ваятелем. Но его голова и черты лица были столь же совершенны. В них отражалась не только сила, но ум и дух. Большие ясные черные глаза, глаза мечтателя, вводили противника в заблуждение, пока гордые очертания губ и подбородка или попросту смертельный удар меча не приводили его к верным выводам. Уже пять или шесть лет в Саардсинмее говорили: «Яркий, как солнце, и прекрасный, как Лидиец».

Саардсинские профессиональные бойцы приходили в эти залы детьми и, вне зависимости от расы и заслуг, даже став богатыми и уважаемыми, даже выиграв множество состязаний или проиграв их, оставались рабами. Только смерть могла освободить от подданства Дайгота. Но с другой стороны, рабство здесь было совсем не то, что в других местах.

Вот и Регер эм Ли-Дис, стоящий в этот миг перед гладью зеркала, в которой некогда отражалась элисаарская знать, не походил на раба. Он выглядел как король.

Протянув руку, Лидиец быстро коснулся стекла:

— Оставайся, пока я не вернусь.

Давно известно, что людей, владеющих лучшими местами на стадионе, почти никогда не бывает на состязаниях.

Катемвала посетило предчувствие. Если, конечно, это можно было так назвать.

Покинув свой очаровательный дом на улице Драгоценных Камней, он раздвинул занавески носилок, разглядывая закатную улицу. Двери всех лавок до самого общественного фонтана были заперты и заколочены. Уже сейчас фонтан окружали ряды военной стражи. Затем глаза Катемвала уловили что-то странное — какое-то холодное ослепительное пятно среди теплого света и теней.

Катемвал резко повернул голову — женщина в белой накидке мелькнула напротив у стены сада. Белый цвет в Новом Элисааре считался немодным из-за своего расового значения. Но Катемвал успел понять, что под белой накидкой женщины скрываются очень светлые волосы.

Они проследовали мимо. Катемвал уже готов был остановить носилки, но заурядное чувство брезгливости помешало ему, и он опустил занавески.

У нее молодое лицо, значит, волосы белы от рождения, как и кожа.

Он был уверен в этом. Ни возраст, ни белила или притирания не дадут столь светлого оттенка. Такая бледность присуща только

чистокровным жителям Равнин, лежащих на юге Виса, степному народу, который будоражит мир. Он слышал рассказы о таких обесцвеченных созданиях, называемых *эманакир*, то есть принадлежащие Анакир — детях Змеиной богини.

Неожиданно он снова отдернул занавески и выглянул. Но они уже свернули за угол, к фонтану, и та часть улицы исчезла из виду.

Была в этом происшествии какая-то мелочь, расстроившая Катемвала. На западе существует обычай изображать смерть как худую бесцветную ледяную женщину с когтями...

Смерть всегда бодрствует. Она неотвратима. Но что с того? Пока живешь, значение имеют лишь дары жизни. Смерть — это конец. Не меньше, но и ничуть не больше.

Он наблюдал за боями и состязаниями Регера, если позволяли торговые дела. В последние годы, редко путешествуя, Катемвал регулярно посещал стадион.

Он видел, как Регер сражается, участвует в скачках, борется и побеждает. Слава, как и золото, доставалась ему полной мерой. Но смерть тоже всегда стояла рядом с ним, и лишь дурак не знал об этом. Зачем же беспокоиться?

В восемнадцать Регер поскользнулся на влажном от крови песке. Меч кандийского юноши, с которым он сражался, рассек воздух с ужасным блеском, вонзившись в грудь Регера сразу под плечом. Тогда конец был близок. Катемвал помнил, как толпа, которая уже преклонялась перед Лидийцем и сливалась с ним воедино, пока он сражался, застонала, замирая в предсмертном ужасе. Но Регер, запятнанный своей же кровью, собрался и, когда противник снова приблизился, вернул удар, попавший кандийцу прямо в сердце. Годом позже с выигрышей по ставкам, по саардсинмейскому обычаю желая таким образом выразить свою любовь к этому бойцу, Катемвал купил себе дом на улице Драгоценных Камней.

Людей со светлой кожей на стадионе тоже хватало. Возможно, они прибыли в Элисаар, чтобы посмотреть кулачные бои, сражения на мечах или гонки колесниц. И конечно же, чтобы полюбоваться на Лидийца, которого Катемвал спас от грязи и нищеты в далекой Иске.

Стоило ли ему тогда, в самом начале, пытаясь определить судьбу мальчика, говорить: «Расти для славных дней и чистой прекрасной смерти»?

«Перестань думать об этом», — суеверно упрекнул себя Катемвал, пока носилки протискивались сквозь толпу, ломящуюся в ворота стадиона. Сгущались лихорадочные сумерки. Тут и там бывшего охотника за рабами приветствовали дружелюбные возгласы: «Вот едет отец Лидийца!» Старая и необидная шутка. Отец дарует жизнь.

Пока носилки двигались сквозь ворота, Катемвал от чистого сердца произнес обещание Дайготу:

— Двадцать белых голубей и двухгодовалый бычок. И самое превосходное вино, чтобы залить зажженное приношение. Если он выживет... — он кивнул и добавил, как водилось у жителей метрополии: — И победит.

* * *

В этом году в Огненных скачках участвовало десять желающих. Хотя правила допускали тринадцать участников, зачастую только семь или восемь человек решались испытать судьбу. Приз был определен в давние времена — двадцать слитков золота. Но больше, чем золото, притягивала слава.

В течение трех долгих сезонов отборные рабы тренировались под покровительством и при денежной поддержке процветающих городов Нового Элисаара — или иных мест. В состязаниях принимали участие и свободные люди, которые не чувствовали никакой неловкости от соседства с подобными рабами — полукровки, Висы, желтоволосые люди с Континента-Побратима. Эффектные кармианцы, как с темными, так и со светлыми волосами; хитрые заравийцы, чьи очаровательные колесницы спускали с кораблей, словно куртизанок, убранных цветами; суровые оммосцы; горделивые дорфарианцы — их колесницы были украшены черными эмблемами грозы и змеями в золотой чешуе. Приезжали претенденты и из Вардийского Закориса, хотя вардийские завоеватели на подобных состязаниях, как и на войне, придерживались своих обычаев. Шансарские завоеватели, колесничие кораблей, прибывали из Ша'лиса по суше, на своих знаменитых лошадях, чтобы проиграть и завидовать, хотя за многодневный переезд могли бы в совершенстве научиться править хиддраксами — животными, которых на Висе запрягали в колесницы и использовали для скачек со времен Верховного короля Рарнаммона.

Этим вечером набор участников был обычный.

Таддриец, свободный человек и, похоже, благородный разбойник, цвета — коричневый и охра. Отт, свободный человек, смелый и хитрый купец — темно-кремовый. Закорианец из Вольного Закориса, прозванного сражающимся леопардом — разумеется, черный. Человек из Корла, мелкий князек — цвет стали.

От Элисаара выступали весьма уважаемый раб-колесничий из Кандиса — цвета красный и розовый; аристократ из Джоу, явно один из племянников тамошнего наместника — красный и черный. И претендент из Саардсинмеи, раб, за три года не проигравший ни одного состязания, но еще ни разу не испытавший жребий Дайгота в данном виде гонок — Лидиец, красный и красный.

Из Ша'лиса, как водится, явились неприятности. Двое полукровок, оба свободные, так как по закону ни один человек, имеющий светлые волосы, кожу или хотя бы глаза, не мог быть рабом. Цветом одного из них был ярко-желтый, другого — желтый с голубым. И напоследок — шансарский лорд, владеющий поместьями в Ша'лисе и Кармиссе, цвет — белый.

Белый. Вот и ответ загадки. Устроившись в ложе, Катемвал заглянул в программку, аккуратно скопированную и доставленную ему стадионным писцом, и почувствовал временное облегчение. Если проклятый шансарец мог притащить с собой десять совершенно не нужных ему лошадей, почему бы ему не захватить любовницу-эманакир, чтобы она поскакала на нем самом после Скачек?

Уже полностью настала ночь, небо над стадионом сделалось темным, как чаша чернил, пронизанная звездами. Лампы вдоль трибун светили тускло, их фитили специально подрезали или накрыли дымчатым стеклом.

Напряжение сгущалось вместе с темнотой, обещая прорваться бурей.

Завыли стадионные трубы.

Мощный единый крик взлетел над рядами и эхом прокатился по широкой артерии Пятимильной улицы.

В дымном свете факелов под стадионом выстроились в ожидании колесницы. Тройки хиддраксов, запряженных около четверти часа назад, уловив напряжение ночи, били копытами и трясли длинными головами. Свет играл на ухоженных блестящих шкурах, металлических украшениях и лентах.

Бросок медных костей Дайгота определил положение каждого из соперников. Жрецы шли вдоль линии чужеземцев, свободных людей и рабов. Первый предлагал им чашу Дайгота, специальный сорт вина, второй же произносил ритуальную фразу:

— Ты принадлежишь богу. Иди и сам будь богом.

Стоя восьмым, Регер слышал, как снова и снова повторяются эти слова. Отт, джовианец, таддриец, кандиец и Вольный закорианец выпили и выслушали их. Независимо от своей личной веры этой ночью они принадлежали Дайготу, и этой ночью они сами станут богами. Но когда жрец приблизился к желтой колеснице шалианца, тот решительно отказался:

— Нет. Я почитаю единственную истинную богиню.

Жрец пошел дальше, не отвечая. Но корл, который стоял следующим, слева от Регера, громко рассмеялся.

— Единственная истинная богиня — Коррах. Ты ее имеешь в виду? — спросил он у человека из Ша'лиса.

Корл не привлек особого внимания, его замечание было вполне понятным. Шалианец сделал вид, что не расслышал его. Желтую колесницу украшал традиционный знак — жезл с обвившейся вокруг него золотой змеей. Их упряжки нервничали и трясли кисточками на поводьях, косясь друг на друга. Жрец подошел к корлу. Тот отпил из чаши, принял благословение и снова обратился к шалианцу:

— Вот этими копытами и колесами Коррах раздавит ползущую по навозу змею твоей богини-шлюхи.

Шалианец не двигался, словно окаменел, сдерживая храпящих животных с застывшей на губах усмешкой ярости.

Чаша дошла до Регера. Он склонил голову и отпил глоток легкого сладкого вина.

— Ты принадлежишь богу, — сказал ему жрец. — Иди и сам будь богом.

Не умея противиться энергии магической формулы, Регер ощутил, как она пронзила его насквозь, и на мгновение прикрыл глаза, содрогаясь от истинности ее силы.

Придя в себя, он осознал, что шансарец, стоящий с другой стороны от него, говорит:

— Я борюсь за Ашару-Анак. Твой Дайгот — призрак.

Однако еще один шалианец, стоящий последним, выпил из чаши и выслушал благословение, не возражая. Даже в Ша'лисе человек может чтить богов по своему выбору, если помимо этого совершает приношения и шансарской рыбозмееженщине.

Голос труб стал выше.

— Коррах! — воскликнул корл.

Регер увидел, что по всей линии по обе стороны от него люди быстро складывают руки в охранных знаках, взывая к своим богам или судьбе.

Но десять колесниц уже тронулись с места. Истосковавшись по движению, хиддраксы резво проскакали вверх к широко распахнутым воротам. За воротами расстилался стадион, словно пасть, наполненная чернотой, еще более темной, чем тьма, скопившаяся под сводами пещеры, которую они покидали.

Регер не боялся смерти, он привык к ней. Она стала неотъемлемой частью наслаждения. Здесь каждый с ранних лет знал, что еще за три дня до состязаний ни один разумный человек не выпьет ни глотка — ибо пьянил сам воздух. Оказавшись на песке стадиона, в тот же миг станешь пьянее, чем после десяти чаш вина.

Они выехали. Черный купол неба расстилался над головой, вытянутые кольца каменных террас спускались с него, наполненные живой волнующейся массой, издающей оглушительный шум — буря вырвалась на свободу. И, перекрывая все крики, похвалы и приветствия, глухой барабанной дробью гремело:

— Ли-ди-ец! Ли-ди-ец! Ли-ди-ец!

Так мог бы чувствовать себя король, если когда-либо его приветствовали с такой искренней страстью. Человек, который не возгордится, ощущая себя в этот час владыкой и богом — безмозглый бессердечный кусок дерева. Такие недолго остаются колесничими.

Они проехали прямо, с востока на запад, развернулись под ливнем лент, флагов и цветов, и торжественно вернулись обратно, с запада на восток, к ложе наместника города.

Одному из них часто доводилось видеть этого важного человека — тот любил состязания на стадионе. Но сейчас он был ничем, лишь частью огромного *этого*, частицей ночи, шума и приближающегося огня.

Мальчики несли огонь, символ и материальное воплощение этих скачек. Десять детей на площадке стадиона — когда-то сам Регер был таким мальчиком и исполнял такую же службу для других. Миллион лет назад. А миллион лет спустя один из них, возможно, встанет на его место, когда-нибудь в далеком будущем, когда от него и этого мгновения останется лишь пыль. И имя, которое помнят.

Ребенок держал предназначенный Лидийцу горящий факел. Лицо его пылало с не меньшей силой.

— Победи для своего города, — сказал мальчик согласно ритуалу. Лидиец засмеялся.

— Иди со мной в своем сердце, — ответил он, усмехаясь, поднял факел высоко, чтобы видели люди и боги, и вставил его в позолоченный стальной держатель на передке колесницы. Пропитанный жиром и смолой, он не погаснет даже от неистовой скорости состязающихся и злого морского ветра.

Дети убежали. Наместник кивнул. На каменном постаменте перед его ложей зажгли фитиль в масле, и, казалось, весь мир затаил дыхание.

Упала первая искра. Порыв алого пламени взвился к небесам. Толпа взорвалась криком.

Словно десять громадных зверей, порожденных огненной ночью, колесницы одна за другой рванулись с места.

Первые три круга по стадиону редко отражали то, как распределятся места впоследствии. Стадионная трасса прочная и чистая, из препятствий — лишь центральная платформа, которую во время других состязаний опускали под землю с помощью машин. А Пятимильная улица, очищенная от помех и озаренная факелами — все равно что гладкий пол танцевального зала по сравнению с неровной Прибрежной дорогой, ждущей претендентов после улицы. Почти десять миль, освещенных только фонариками зрителей, звездами и факелами колесниц.

На первом витке те, кто волей Дайгота попал во внутренний круг, получают преимущество, и, как и следовало ожидать, отт и джовианец резко вырвались вперед и возглавили гонку. Но охристо-коричневый таддриец, правивший упряжкой с меньшим мастерством, чем основные силы, направил колесницу по диагонали к двум головным, зажав колесницу отта, так что та накренилась и столкнулась с кандийцем, идущим сзади. Напряженный возничий из Элисаарского Кандиса, правящий красно-розовой колесницей, не хотел рисковать, стараясь лишь удержать скорость. Он протиснулся между колесницей отта и центральной платформой и оказался позади таддрийца и джовианца. Тем временем желтый шалианец, рвущийся на пятое место, пока принадлежащее Вольному закорианцу, нахлестывал упряжку, чтобы набрать скорость и миновать неожиданную свалку. Но когда он поравнялся с закорианцем, тот хладнокровным ударом борта толкнул желтую колесницу и опрокинул ее.

Полукровка, почитающий единственную истинную богиню и совершивший огромную ошибку, потеряв самообладание перед скачками, полетел в пыль. Под насмешки толпы Висов он быстро вскарабкался на платформу, которая была единственным безопасным местом. Его извивающиеся и ржущие хиддраксы, прикованные к упавшей громаде колесницы, которая чудом не сбила их с ног и не обожгла укрепленным факелом, вынужденно свернули с центрального круга влево, создав первое временное препятствие в гонке.

Оставшиеся колесницы прошли второй поворот с западной стороны платформы и теперь с грохотом неслись по прямой. Во

главе шли джовианец и таддриец, расстроенный отт натянул поводья и теперь стал третьим. Позади них, вытянувшись почти в идеальную линию, свободным галопом двигались кандиец, закорианец, корл и Лидиец. В хвосте держались второй шалианец и белый шансарец. Было бы огромной глупостью развить полную скорость на стадионе, в самом начале Огненных скачек. Решиться на это можно не раньше, чем окажешься на улице. Однако каждый год находились неразумные и излишне самонадеянные соперники, которые сталкивались и боролись за места на первых кругах, как сейчас джовианец и таддриец. Когда они снова добрались до восточного поворота, красно-черная джовианская колесница совершила маневр, известный как «Неблагосклонная девушка». Презрев свое выгодное положение во внутреннем круге, джовианец резко свернул к приближающемуся второму колесничему, сильно отбросив таддрийца. Удар разбил бок охристо-коричневой колесницы, она отлетела в сторону, и благородного разбойника стиснуло в ее сверкающей золотой пасти. Но когда джовианец вильнул обратно, чтобы вернуть себе удачное положение, отт прорвался во внутренний круг, снова став первым.

Черный закорианец сломал линию, оказавшись позади трех лидеров, которые уже миновали место крушения шалианской колесницы. Одно из крайних животных сумело освободиться от обломков, теперь его держал только недоуздок, прикрепленный к перекладине дышла. Никто, кроме закорианца, не обратил на это внимания. Зрители, наблюдавшие за ним, увидели, как он выхватил узкий кинжал, который участникам состязаний разрешалось использовать в случае жизненной необходимости, и стал кричать и ругаться на хиддракса, чтобы тот двинулся с места. Проносясь мимо обломков, закорианец нагнулся, проявив смелость и мастерство, и перерезал недоуздок, удерживающий животное.

В Старом Закорисе скачки долгие века были кровавым и жестоким искусством. Все знали, что любой колесничий Вольного Закориса хранит в себе доблести былых времен. В Элисааре, где дорожили скаковыми животными, подобные выходки не находили одобрения.

Тем не менее это был ловкий прием. Перепуганный хиддракс с истерическим ржанием понесся прочь от обломков в сторону колесниц кандийца и корла.

Кандиец ушел влево, обогнув и животное, и обломки. Корл, держась поодаль от кандийца, под напором других колесниц взял правее, бешено лавируя, пока перед ним выплясывал неуправляемый хиддракс. Неожиданно тот метнулся прямо к его упряжке, пытаясь пробежать между животными. В следующий миг пугливые хиддраксы взбесились. Серо-стальные щиты, прикрывающие колеса корла, взмыли в воздух — и опустились не на землю, а прямо на обломки шалианской колесницы. Объятые ужасом, животные корла бросились в разные стороны.

У корла был единственный шанс на спасение, и он его не упустил. Перекрывая гул трибун, он неистово выкрикнул имя своей богини и, имея лишь мгновение, чтобы справиться с хиддраксами,

ударил кнутом, беспощадно, не отдергивая, но направляя их сквозь панику прямо по останкам погибшей колесницы, чью гордость и честь, как он и обещал шалианцу, сокрушили копыта и колеса.

Общеизвестно, что ноги хиддраксов очень хрупки, хотя и созданы для бега. Подкованные и укрепленные металлом, подгоняемые хлыстом и огнем, они спотыкались, но скакали. И даже когда разбитая колесница под ними загорелась, они прорвались через ее обломки — обезумевшие, растерянные, с трудом приходящие в себя, но все же бегущие туда, куда надо.

Над стадионом взлетел безумный вопль в честь корла — теперь его цвета нравились всем. Он был самым молодым участником гонок, красивым юношей, а храбрость и находчивость в Саардсинмее редко остаются без похвалы и восхищения.

Желтый шалианец стенал, пойманный в ловушку платформы. Его колесница горела в огромных клубах дыма, его упряжка лежала рядом, дожидаясь уничтожения.

Кинув взгляд через плечо, Лидиец увидел позади шансарца и желто-голубого шалианца. Корл, черный силуэт на фоне пламени, оказался за ними — на последнем месте, но живой благодаря руке Коррах.

Когда восточный поворот был пройден в третий раз, в толпе уже кричали: «Двери! Двери!», приказывая открыть и без того распахнутые настежь южные ворота, за которыми застыла в ожидании улица, словно кто-то мог пропустить их.

Южные ворота удобнее всего проходить, находясь на правой стороне круга. Завершая западный поворот, отт-авантюрист резко рванул вправо, неосторожно пройдя перед носом у джовианца и таддрийца. Такой глупый и неуклюжий маневр, совершенный менее храбрым и умелым, придирчивая толпа признала бы ошибкой. Отт пережил несколько острых мгновений. Таддриец же, разъяренный тактикой и расчетливостью джовианца, тоже попытался проделать нечто подобное, протаранив борт красно-черной колесницы под шипение и ругань трибун.

Колесница джовианца качнулась, но не сбилась с курса. Аристократ или нет, джовианец слушал проклятья разбойника, пока упряжки мчались плечом к плечу. Затем, не выдержав напряжения, таддрийская колесница отступила, словно потеряв надежду на преимущество. Однако когда джовианец начал поворачивать направо, таддриец снова пошел на таран. На этот раз от удара красно-черная колесница накренилась, встала на одно колесо, закрутилась и упала. Трибуны взревели с элисаарской жаждой мести. В клубах пыли и сполохах света джовианец, казалось, сгинул, попав под копыта, но когда он появился снова, рев трибун удвоился. Прыгнув в колесницу таддрийца, племянник наместника Джоу принялся кулаками вбивать в разбойника стадионные правила приличия. Красно-черная колесница грудой лежала на трассе, а охристо-коричневая понеслась наискосок (кандиец, закорианец и Лидиец чудом не столкнулись с ней) и врезалась в ограждение, однако мужчины в ней продолжали драться под пронзительное, как девичий визг, ржание хиддраксов.

Отт уже достиг западного поворота, далеко справа, когда закорианец, дождавшись подходящего момента, проскочил мимо него в изящную арку, украшенную орнаментом. За ним последовали кандиец, Лидиец, шансарец. Удивленный отт обнаружил, что позади остались только шалианец — самый левый — и корл.

Южные ворота на Пятимильную улицу стояли широко распахнутыми. За ними виднелся огромный бульвар, а по обе его стороны застыл в ожидании город.

Ревя хвалебную песнь разрушительного упоения, стадион смотрел, как одна за другой сверкающие огненные колесницы завершают поворот, мчатся по прямой и исчезают в воротах, стараясь догнать идущих впереди.

Желтый шалианец, таддриец и джовианец вышли из игры: три сломанных колесницы, погибшие животные, живые, но израненные и озлобленные люди. Трибуны наполнились вздохами сожалений, скрежетом зубов и разговорами о грядущих утром самоубийствах неудачливых азартных игроков.

Желто-голубой шалианец дважды толкнул его во время гонки на стадионе — отнюдь не великое событие, почти не привлекшее внимания зрителей на фоне других катастроф. Теперь шалианец остался позади, так же, как и корл, а шансарец в золотом и эмалево-белом приближался.

Регер не тратил времени ни на них, ни на торговца-отта, которому стоило бы сидеть дома с тюками и корзинами. Впереди перекрывали путь кандиец и непредсказуемый закорианец, пыль из-под колес и искры своего же факела летели ему в лицо.

Казалось, Пятимильная улица ограждена драгоценными узорами, сотканными из огней и криков. Флаги и знамена неслись мимо нескончаемым потоком, все смешалось в стремительном ветре гонки. Расстояние, которое во время неторопливой прогулки преодолевают за час, они миновали за минуту, не более — их неимоверная скорость складывалась из энергии колесниц и упряжек, из биения сердец животных и трепета разумов людей. Все проносилось, подхваченное потоком ночи.

Улица слегка изгибалась с востока на запад — случайность, послужившая к вящей гордости Саардсинмеи. Далеко впереди высилась темная громада портовых ворот, украшенная огнями. А сразу за ними находился опасный поворот направо, хотя пока все повороты шли по левую руку, как на стадионе.

Лидиец достиг Высоких Божественных врат, наращивая скорость, наконец-то заставив животных выложиться по-настоящему. Возможно, теперь шансарец перестанет дышать ему в затылок.

Он ощутил, что шансарец отстал, но не сильно. Видимо, чужеземец с Континента-Побратима владел кое-какими навыками, необходимыми для этой схватки.

Ворота повернулись, гудя, как гигантский колокол, и остались позади. Хиддраксы парили, стремясь достичь звезд. Ко-

лесница кандийца, казалось, уже взлетает к ним. Неясные призрачные голоса на протяжении долгих миль звали: «Лидиец! Лидиец!»

За воротами поджидала чернота, огромная пасть ночи, разбавленной лишь светом мелькающих окон и фонарей на стоящих в порту кораблях. От крытого рыбного рынка поднимался тяжелый запах и смешивался с соленым дыханием моря.

Закорианец, размытое пятно факельного света, исчез за поворотом в четверти мили впереди. Идущий следом кандиец красиво вписался в тот же поворот. Регер достиг поворота и прошел его, словно приласкал возлюбленную, еще красивее. Издалека к нему летели призрачные голоса: «Победи за свой город... Иди со мной в своем сердце...»

Они вышли на Прибрежную дорогу. Вверх стенами поднималась почти непроглядная темнота, все мерцание исчезло. Теперь колесницы вступили в борьбу с ухабами, ямами и камнями, подпрыгивая и грохоча. Здесь не было ни единого широкого места, ни малейшей возможности для того, чтобы одна колесница обогнала другую.

Пламя факела рвалось назад, огненные языки обжигали Регеру шею и подбородок.

На уступах наверху справа мелькали лампы и фонари. Слева узкая полоска земли вклинивалась в море длинным мысом, на котором высились сторожевые башни. От огней одного или двух кораблей вода казалась горящей — еще немного света для тех, кто мчится...

Кандиец отступил назад, прямо в объятия Регера. Дым красно-розового, звон соприкосновения, когда одна упряжка поравнялась с другой. Какое-то время они шли вровень, потом Регер обошел соперника, и огонь второй колесницы возник в темноте позади. С высоты балконов и крыш зрители выкрикивали название своего города и имя своего колесничего. Кричали и кандийцу, который пытался вернуться на утраченную позицию, догнать и перегнать — но для этого не хватало даже его весьма высокой скорости. Хиддраксы Регера, которых он воспитывал два года, летели без всяких крыльев.

Земля пошла вверх и выровнялась. Поверхность дороги — нет. Теперь впереди только закорианец.

(А в миле позади — еще одно пламя крушения. Отт все-таки столкнулся со скалой. Шалианец висел у него на хвосте и, видимо, помог ему в этом.)

Почти исчезнувший шум кандийской колесницы снова приблизился. Но нет — кандиец не смог бы снова догнать Регера. Это шансарец возник из темноты, как до него сам Лидиец.

Закорианец обернулся. Сократив расстояние, Регер оказался достаточно близко, чтобы видеть жестокое выражение его полускрытого тенью лица и длинный язык кнута, взметнувшегося для удара. Он услышал древний крик колесничих: «Хайя! Хайя!»

Животные закорианца напряглись, не пытаясь ловить звезды, а лишь выполняя свою работу. Головокружительная скорость уносила черную колесницу дальше и дальше — и Регер распахнул крылья силы, развернул скрученную кольцом энергию, сливаясь воедино с хиддраксами, с их сердцами. «Теперь лети, душа моя...»

И подумал: если раньше казалось, что они летят, то теперь они летят в самом деле.

Ночь сгустилась, словно вода. Пламя в лицо — мир уносился прочь. Закорианец, затянутый вихрем, продержался какой-то миг и тоже растворился.

Теперь перед ним лежали лишь скрученные изгибы дороги, мелькая в сполохах факела, ухабистые, дребезжащие, не более чем легковесная реальность на огромной скорости. Дорога стала лентой, пересекающей небо. Освещенная башня, на галерее которой сгрудились зрители, выпрыгнула из темноты, оглушила приветственными криками и пропала. Огоньки превратились в тонкие золотые нити — фонари наверху, огни кораблей внизу.

И шансарец белой тенью позади.

Удар белого крыла... Они мчались бок о бок по дороге, теперь достаточно широкой, на скорости, заставившей замереть мир.

Словно во сне, навеянном силой, Лидиец обернулся и увидел лицо шансарца, смотрящего на него, тоже запертого в магии сна. В этот короткий миг они были братьями, и, как братья, могли убить друг друга за право первородства.

Шансарец занял внутреннюю позицию рядом с поднимающимися земляными террасами. Его атака была превосходно рассчитанной, но рискованной. Он точно выбрал место — участок дороги, где неровности земли оттеснили Лидийца на край. Теперь мимо неслись лишь камни (о любой так легко споткнуться!), зев ночи и вода. Если шансарец вдобавок к хитрости и коварству еще и подл, вот наилучший момент, чтобы проявить это свойство.

Словно в подтверждение подобных мыслей с затерянных во тьме утесов донесся жалобный звук. Скрежет железа и бронзы, лязг столкновения и шорох падающих камней, предсмертный девичий крик хиддраксов, летящий вдоль сторожевых башен, оповещая пригороды, что одна из колесниц нашла смерть на камнях залива. По тону крика стало ясно, что потеряна колесница Элисаарского Кандиса.

Но это произошло в другом мире. Здесь и сейчас существовали лишь две колесницы, и борьба шла только между ними.

Ни один из мужчин не смотрел на другого. Никто не пытался искусством или хитростью выбить колесницу соперника с дороги. Они шли голова к голове, факел к факелу, плечо к плечу. Когда кнуты взвивались, рассекая воздух высоко над спинами животных, они щелкали, как один. Слово какого-то из богов — Дайгота, Рорна или чешуехвостой госпожи светловолосого — связало их воедино. Теперь каждый старался, нажимая, настоять на своем, добравшись до высшей точки наслаждения чистейшей скоростью, мощь которой сметет противника и дарует победу.

Дорога начала сворачивать с утесов, забирая вправо, на северо-запад. Через три минуты, или даже меньше, кварталы и стены города вновь поглотят их. Возвращаясь домой, они помчатся по широким улицам, специально расчищенным для них, в ореоле дыма, жара и пены, летящей с животных, сквозь ревущую толпу, по внеш-

нему кругу — к громаде стадиона, и снова через южные ворота ворвутся на песок меж трибун, где ждет треть Саардсинмеи...

И тут глубоко в ночи раздался новый голос. Отнюдь не плеск моря или стон смертельного падения.

Животные пронзительно заржали от ужаса, но, даже объятые ужасом, продолжали бег. Оба мужчины, светлый шансарец и темный Вис, обернулись и без колебания заглянули в колодец пустоты, где кружился звездный рой.

Голос раздался снова. Он доносился от океана, но это был не океан, не волнение воздуха и не рокот камней под колесами.

В хрониках Элисаара сохранилось упоминание о том, что сто или более лет назад бог Рорн торжественно вышел из воды. Тогда было время беспорядков и войн, а в такую пору делается возможным любое великое событие. Шагая по волнам, Рорн доставал лбом до небес — что ж, могло быть и так...

«Аааурроууу», — настаивал голос. Приглушенный, свистящий, мяукающий звук разрезал ночь.

Затем земля, уподобившись колесницам, кинулась вскачь. Раньше казалось, что дорога уносится из-под копыт и колес — теперь она сама складывалась, бросалась вверх, пинала их, пытаясь вытолкнуть прочь.

Регер услышал, как шансарец кричит на чужом языке — на языке своей родины, но имя богини Ашары разобрать было нетрудно.

Колесницы больше не летели. Снова став бренными вещами из дерева и металла, они боролись с восставшей землей. Упряжки хиддраксов с пронзительным ржанием и выступившей на губах кровавой пеной держали темп, толкая друг друга боками, сражались сами по себе и вместе с тем в одной команде.

Ночь наполнилась ревом, подобным крику десяти тысяч глоток на стадионе.

Тусклая горячая вспышка слетела с неба в море, раздался ужасающий гром, после чего все остальные звуки потонули в тишине, словно умер кто-то могущественный.

Земля успокоилась и выровнялась. Тряска прошла. Только камни еще срывались с откосов, недолго кувыркались в воздухе и без вреда проносились мимо, падая в море. Где-то наверху на склоне у чьего-то великолепного дома упавшая лампа подожгла деревья. В свете этих дополнительных факелов стало видно мертвеннос лицо шансарца. Его сон кончился.

Обе колесницы изрядно потеряли в скорости, но продолжали двигаться, громыхая.

Кнут Лидийца прошел над согнутыми шеями животных, не задев, подхлестнув лишь резким звуком. Под его сопровождение Регер запел хиддраксам любовные слова, молитву нахлынувшего упоения. Увидев толпу близ пылающего сада, упряжка напряглась и оживилась. Они восприняли приказ Регера как благословение — ведь он спал в их стойлах, кормил их с рук, учил их и заботился о них... «Вперед, душа моя!»

Зрители наверху закричали и захлопали, не обращая внимания на горящий сад.

Шансарец, совершивший какую-то ошибку, проклинал его.

Чувствуя по натяжению поводьев, что его снова накрывает волной безумной скорости, сильной и глубокой, как близость, Лидиец смеялся над противником, и хиддраксы, колесница, весь мир смеялись вместе с ним.

— Скажи им там, в Шансаре-за-Океаном, что Рорн разгневался на тебя! — крикнул он.

И снова они помчались прочь, словно их тянули за веревку из ревущего огня. Взяв точно на север, они рванулись в город, чтобы одолеть последние две мили под ливнем лепестков и криков и через ворота вернуться на стадион к овациям, триумфу, золоту и славе на час.

Землетрясение, которое впервые за восемьдесят лет сотрясло прибрежный Элисаар, осталось почти не замеченным в волнении скачек — так разыгрались страсти в Саардсинмее. Тряхнуло не очень сильно, и позже, когда рассказы со сторожевых башен и виноградников над морем достигли города, говорили, что колесница шансарца потеряла скорость из-за наводящих ужас боевых рогов элисаарского Рорна, звучащих из-под воды, так что даже пугающее явление природы превратилось в часть праздника.

Лидиец, победивший для Саардсинмеи, получил свой богатый приз — двадцать брусков золота. Они были не так уж и нужны ему — в Саардсинмее Клинки Дайгота получали все бесплатно в любом случае.

В огненном ливне стадиона его украсили цветами, словно юного бога, люди впряглись на место хиддраксов и протащили колесницу целый круг, а затем понесли победителя на плечах. Они действительно любили его. Аристократы Саардсинмеи, ставшие его содержателями и приятелями с тех пор, как он начал сражаться и выигрывать для них, столпились, приветствуя его, обвешивая своими драгоценностями и, если он не был против, своими телами.

Раб из Кандиса погиб, его тело с немалым трудом выловили из залива. Хитрый, но неразумный отт не пополнил число могильных плит, однако ему никогда больше не править колесницей — он ослеп и переломал кости. Закорианец расплатился за свои бесчестные выходки: горожане поймали его, побили камнями и, выколов на груди надпись «Убийца кандийца», отправили обратно в Вольный Закорис, привязав к зебу вверх ногами. Шансарца, который пришел вторым, толпа освистала, и он поспешил скрыться с глаз. Наградой корлу, занявшему третье место, стали молодость, храбрость и обнадеживающие доброжелательные взгляды. Второй шалианец был четвертым и не получил ничего.

Этой ночью Лидиец отправился поужинать и выпить в дом знати на улице Мечей — особняк, который Регер считал почти своим домом.

Первое вино и пряная пища за многие дни. А немного погодя — первая женщина за месяц. Существовал обычай: перед дей-

ством на стадионе зайти в одну из приятных тебе таверн и выпить символический глоток чего-нибудь хмельного, так что, если погибнешь, там смогут сказать: «Он выпил с нами последнюю сладкую чашу своей жизни».

Девушка, которая в эту ночь лежала в его объятиях, укрывая его прядями рубиново-красных, как Застис, шелковистых волос и изгибами шелкового тела, была принцессой древнего королевского рода.

— Погибни ты, я, наверное, хвасталась бы, что ты узнал свою последнюю сладость именно здесь, — сказала она ему. — А может быть, и нет. Ты веришь, что я могла дать обет безбрачия, если бы ты погиб, возлюбленный мой? Я так рада, что ты жив!

Вернувшись из храма, где он оставил дощечку с обещанием приношения Дайготу, Катемвал обнаружил, что тоже получил подарок. В его отсутствие посыльный, которого никто не видел, принес шкатулку из циббового дерева.

Когда раб открыл ларец, Катемвал обнаружил в нем двух странных забальзамированных птиц. Ястреб с застрявшим в груди осколком камня сжимал в когтях голубя. Под ними лежал лист тростниковой бумаги. Надпись на нем гласила:

«Победа недолговечна. На эту ночь город твой — передай ему это».

Глава 5. Элисаарская ночь

— И что это такое? — спросил Регер.

Он лежал на мраморном ложе в купальне стадиона, и раб растирал его тело подогретым маслом. Весь день он провел во дворе, упражняясь с мечом, копьем и ножом, или среди канатов и перекладин на акробатической площадке. А предыдущие две ночи и день — под крышей особняка и в постели с принцессой.

— Кто-то хочет предостеречь тебя или даже угрожает. Будь осторожнее.

— Осторожнее? Это ты говоришь победителю Огненных скачек? — насмешливо бросил Регер, откидываясь на спину и закрывая глаза.

Катемвал кивнул, понимая его иронию. Он рассматривал обнаженного юношу профессиональным взглядом работорговца и знатока состязаний. В этом взгляде не было ни малейшего желания, даже, наверное, ничего чувственного. Только преклонение перед животной силой жизни, только гордость за свою расу и за то, что он открыл столь великолепный образец, сочетающий эти аспекты.

Два уже заживающих следа огненных поцелуев факела колесницы украшали подбородок и горло Регера. Несколько шрамов на теле не уродовали его и не являлись знаком слабости. Но сознание его не хранило отметин. Регер сохранил свою чистоту и первозданную невинность. «Я сделал это для него, — подумал Катемвал и тут же одернул себя: — Не слишком-то гордись. Прежде это сделали для него боги».

Он вспомнил фигурки — детское увлечение Регера. Мальчик уже тренировался на стадионе — занятия начались сразу же. Тем не менее в свободные минуты ребенок лепил из глины фигурки: миниатюрных ящериц, оринксов, маленькие упряжки хиддраксов с крошечными людьми на крошечных замысловатых колесницах, которые он видел лишь однажды, да и то мельком. Когда Регеру исполнилось семь, его работы отличала точность и четкость, лежащая на грани красоты — и тут он резко все бросил. Он перестал украшать внешний мир и ушел в работу над собой.

Раб закончил массаж. Регер кивнул, и он удалился. В овальном бассейне за аркой плескался и плавал другой Клинок Дайгота.

Должен ли он сказать больше? Катемвал колебался. Но теперь шкатулка с мертвыми птицами и зловещий лист, исписанный изящным почерком, не имеют силы. Дайгот принял его подношение. Скачки выиграны, впереди другие состязания. И приближается Застис.

Катемвал увидел, что Регер уснул. Высокая дуга ребер и плоский живот с ровными квадратами мышц равномерно вздымались и опадали. Он дышал бесшумно и легко.

Он в безопасности на руках у Матери Элисаара. Что ж, пусть все идет своим чередом.

Огненная танцовщица была черна, как леопард Закориса — истинная закорианка, но более древней, а может, более молодой породы. Лицо ее было прелестным, а губы свежи, как цветы.

Она шла по мозаичному полу между длинными праздничными столами. На ее руках позвякивали браслеты из белой кости. Покрывало из полупрозрачного многоцветного газа окутывало девушку от шеи до ступней.

Свет приглушили, в комнате царила тишина.

Танцовщица вскинула руки, полупрезрительным щелчком пальцев подзывая слугу, вручившего ей пару зажженных факелов. Она не глядела ни на кого из собравшихся аристократов, их гостей и слуг. Ее глаза смотрели внутрь, на богов и искусство.

Факелы, тоже украшенные костяными держателями, мягко и уверенно легли в ее руки. Пальцы сомкнулись на рукоятках. Слуга отступил. Девушка вскинула голову. Ее волосы скрепляла небольшая башенка из золота, с вершины которой они спадали, как хвост вороного жеребца.

Из тени донеслись голоса флейт, арф и барабанов.

Танцовщица начала двигаться. Она текла и изгибалась, подобно воде, подстраиваясь к изгибам музыки. И вот зажатый в правой руке факел скользнул по ее телу.

Огонь охватил газ, пропитанный благовониями, распространяя дым, наполнивший комнату своим ароматом. Девушка отвела факел, откинула голову назад, и ее волосы водопадом устремились к полу. Резко воздев факел, как делали участники Огненных скачек перед началом состязания, она снова бросила его вниз, коснувшись пламенем ткани.

Газ, укрывавший ее, засыпал искрами и задымил. Куски ткани растворялись в огне, исчезали один за другим, истаивали удушливым дымом. Словно восход черной луны, взорам зрителей открылась одна грудь цвета ночи, совершенной формы, украшенная бриллиантовой звездой.

Гости одобрительно загудели. Но танцовщица ничего не видела и не слышала.

Факел, зажатый в левой руке, сверкал вокруг нее, то на плече, то на бедре. Волнообразные движения ее тела все убыстрялись, словно она заигрывала с огнем или обольщала его. Текучий газ на мгновение вспыхивал тут и там, мерцал, завораживал, таинственным образом исчезал, полосы цвета перетекали друг в друга, и все сильнее пахло благовониями. Ритм барабана ускорился до галопа, флейта забиралась то вверх, то вниз. Огонь вонзил зубы во все покровы, скрывающие девушку, и в какой-то миг начало казаться, что она полностью горит. Некоторые из зрителей, испугавшись, громко закричали. Но пламя, достигая черных волос, слетало с них пылающими цветами. Она была обнажена уже до пояса, оставались только бриллианты. Натертая маслами кожа переливалась в свете факелов. Пупок танцовщицы горел камнем цвета угасающих углей. С неохотой любовное желание и огонь начали ослабевать. Танцовщица пребывала в трансе, музыка подчинялась ее капризам, гудели барабаны... Она окуналась в пламя и вылетала из него. Девушка наклонилась, согнулась, легла на мозаику и выпустила из рук кость, увенчанную огнем, перехватив и сжав ее ступнями. Прозрачная, тягучая, словно черная патока, она встала на ладони. Сильные ноги с тонкими ступнями подняли два огня и дразняще провели ими вдоль позвоночника. Внезапно она вспыхнула, превратившись в шар, состоящий из чистого пламени, в котором кувыркались блестящие колеса диких огней. Шар, вращаясь, опустился на камень и снова стал женщиной.

Невредимая танцовщица стояла перед зрителями, слегка прикрытая лишь легкой пеленой дыма. Бриллианты блестели на груди девушки, обвивали ее бедра, а вокруг талии темным огнем пылали гранаты. Свет факелов защищал ее, застывшую в холодной отрешенности. Она стояла как статуя, никого и ничего не видя, пока музыка не окончилась.

Хвалебные возгласы пронеслись по комнате. Она не обратила внимания на звуки, не остановилась перед драгоценностями, которые не бросили, а положили к ее ногам. Три принца вошли в круг и обступили танцовщицу, пока рабыня заворачивала ее в шелковый плащ.

— Пандав, я никогда не видел никого лучше. Ты воплощаешь собой всю силу Звезды, — элисаарский аристократ поклонился танцовщице. Так, согласно обычаям Саардсинмеи, знать выказывала уважение, признавая равенство таланта и высокого происхождения. — Ты вернешься на ужин, когда оденешься? Скажи, что согласна.

— Я не вернусь, — она впервые взглянула на него и усмехнулась.

— Ты приводишь нас в отчаяние.

— Меня ждут в другом месте.

— Тогда, может быть, завтра?

— Может быть...

В хорошо освещенной комнате, предоставленной в ее распоряжение, Пандав вымылась и облачилась в роскошные одежды. Нижнюю часть лица она прикрыла полумаской из тонкого кованого золота. Эта маска, ставшая ее отличительным знаком, была скорее данью привычке, поскольку весь город знал ее или о ней, да и ее крытый, по-закориански черный экипаж всегда узнавали по эмблемам Двойной луны и Дракона, когда-то являвшимся исключительным знаком мятежников и пиратов.

Девушка-рабыня собрала вознаграждение танцовщицы. Как и другие представители артистической элиты, она всегда получала больше всякой меры. Воины и колесничие становились в Саардсинмее королями, акробатки и танцовщицы — королевами, их приветствовали и чествовали везде. Желающий убедиться в этом мог в любой день заглянуть на Могильную улицу, где погребения людей зрелищ затмевали своим богатством саркофаги Повелителей Гроз Дорфара.

Но, даже пользуясь таким успехом, Пандав не удостоилась высшей награды — публично зваться по месту своего рождения, Ханассору. Она поклялась на алтаре Зардука, закорианского огненного бога, добиться такого признания, которое уже заслужили другие — тот же Лидиец.

У ворот ожидал в готовности известный всем экипаж. Пандав вошла в него и увидела кого-то прямо перед собой. Женщина, явно знатная, закутанная в плащ с капюшоном и, без сомнения, немало заплатившая возничему. Что ж, уже почти пришло время Застис, когда такие вещи случаются сплошь и рядом. Закорианка не испытывала отвращения — все зависело от того, какое предложение последует за сорванной оберткой.

— Добрый вечер, госпожа, — произнесла Пандав сквозь маску. — Я обещала быть во дворце Стражи перед заходом луны и могу уделить вам лишь несколько минут.

— Ханассор, — вкрадчиво ответила другая женщина. — Ты ничего не знаешь о нем. Они никогда не говорили тебе, к примеру, что твое искусство танца, которое здесь делает тебя знаменитой, там не стоит ничего? В кабаках закорианской столицы женщины сжигают свои лохмотья за несколько медяков, и это самое обычное дело, а не исключительное умение. Неловкие часто обжигаются. И каждую такую танцовщицу к тому же можно взять как шлюху. Отправляйся прямо сейчас в Вольный Закорис — и узнаешь цену женщины.

Пандав задержала дыхание. Ее рука скользнула к груди, где в перламутровых ножнах прятался кинжал. Незваная гостья умела читать мысли. Она могла проникнуть даже в мозг Виса, хотя сами Висы не обладают такими способностями.

— Да, — подтвердила женщина. — Я могу говорить изнутри. И довольно точно считывать.

— Значит, ты из Шансара, — Пандав произнесла это с холодным высокомерием элисаарского Виса.

— Нет. Шансарцы не столь искусны. Я — эманакир.

— Степнячка! — бросила Пандав, словно выругалась.

— Эманакир, я сказала. Есть разница.

Теперь стало понятно, почему возничий пустил женщину в экипаж. Если завоеватели из-за моря порой наталкивались на сопротивление, то с жителями Равнин никто ничего не мог поделать. Они, несущая разрушение свора змеиной ведьмы, могли сотрясать основания городов и вызывать богов из-под моря.

— Чего ты хочешь? — спросила Пандав. Было ясно, что цель женщины не имеет отношения к Застис. Впрочем, оно и к лучшему, ибо ее белая кожа вызывала неприязнь у танцовщицы.

— Лидийца, — ответила женщина. — Дети Дайгота знают о делах друг друга. Расскажи мне, как сблизиться с ним.

— Ты меня удивляешь, — уронила Пандав. — Откуда мне знать? Иди на стадион. Умоляй его, как другие. Пошли подарок.

— Ты неправильно поняла мои слова. Мне нужно поговорить с ним наедине.

— Стадион. Мольба. Подарок, — с мрачным удовольствием повторила Пандав.

— Закорианка, — голос белой женщины охладил даже жаркую предзастианскую ночь, — от моего внимания не отказывается никто.

— Тогда и он тебе не откажет. Зачем ты пришла ко мне?

— Чтобы облегчить путь. Так, теперь я вижу. Он на званом ужине, но скоро уйдет, так как через четыре дня ему сражаться на стадионе. Как ясен твой разум! И какую же дорогу к дому он выберет для одинокой прогулки элисаарской ночью, Пандав эм Ханассор?

Увидев, как легко гостья читает ее неосторожные мысли, Пандав попыталась окружить стеной свои знания об улицах города. Разумеется, без всякого толку.

— Благодарю тебя, — промолвила сука-эманакир, нежная, словно несущие смерть снега.

Сразу после полуночи группа саардсинских Клинков спустилась с крыльца особняка на Колонную площадь. Они смеялись и прихлебывали вино, окруженные блеском молодости, силы и богатства. Среди них шел и Регер эм Ли-Дис.

Когда они проходили через многоколонную галерею, направляясь к улице Мечей, кто-то окликнул Лидийца. Его спутники, ничего не заметив, пошли дальше, но Регер заколебался и взглянул назад. Бледная тень, женщина, появилась меж колонн.

— Не сегодня, красавица, — сказал он, почти отвернувшись от нее. — Я сражаюсь в первый день Застис.

И тут он понял, что никто ничего не говорил. Его имя прозвучало прямо внутри его черепа.

Все светлые расы гордились способностями к мысленной речи, однако большая часть чистокровных Висов питала отвращение к малейшему намеку на подобное. Регер снова повернулся и подошел к женщине. Неподалеку горел уличный фонарь, но свет шел из-за ее спины, и он мог разглядеть лишь белизну ее плаща. Он

остановился рядом, старательно изгоняя следы гнева с лица и из голоса, прежде чем обратиться к ней:

— В Новом Элисарре тебя могут побить за такие фокусы. Не делай так даже в шутку, — он огляделся и добавил: — Где твоя свита?

— У меня ее нет, — ответила женщина. Теперь она пользовалась нормальным голосом, который был прохладным и отнюдь не призывным.

— Это неразумно, — предостерег он. — В следующий раз возьми с собой слугу или раба.

— О, на этих улицах в полной безопасности лишь победитель, — произнесла она с ноткой издевки. — В Саардсинмее даже убийцы делают ставки на скачках.

— Ни один человек не рискнет напасть на меня, — отрезал Регер. — Он понимает, что я могу убить его.

Он не хвалился, просто говорил то, что есть. Но она возразила:

— Ни один человек не осмелится напасть на меня. Это равносильно смерти.

Отступив на шаг, прямо под свет фонаря, она откинула капюшон.

Регер никогда не видел такой белизны. Пожалуй, только мраморные статуи могли сравниться с ней. Белая кожа и волосы, лишь смутная тень на бровях и слабый цвет на губах, но, возможно, она подрисовала их. Ее нечеловеческие глаза отталкивали — белые глаза змеи. Ему не хотелось видеть ни их, ни ее самое.

Говорили, что вся ее раса владеет магией. Регер поверил в это, едва увидев ее.

— Зачем ты остановила меня? — спросил он.

— Ты неохотно согласился. Я могу остановить любого человека и отвести его, куда пожелаю. Так чего же я хочу? Ты признаешь, что сейчас моя раса попрала твою.

— Я воин и колесничий. Я ничего не знаю о твоем народе.

— На Висе нет никого, кто не знал бы о нас.

— Я раб, собственность города. Мое мнение вряд ли что-то значит для тебя. Мы уже долго разговариваем, госпожа, так что прости меня. Спокойной ночи.

— Я не позволяла тебе идти.

— С вашего позволения или нет, леди, но я вас покидаю, — он отвернулся и направился на улицу Мечей.

— Какое противоречие, — бросила она. — Раб, который король. Лидиец.

— Что тебе нужно? — раздраженно произнес он, обнаружив, что снова остановился.

— Приходи ко мне домой завтра вечером.

— Снова приношу извинения, но я обязан быть в другом месте.

— Ты без труда найдешь мой дом. Спроси на улице Драгоценных Камней, и любой скажет тебе, где остановилась эманакир.

Он быстро пошел прочь, оставив ее под фонарем. Колонны стройными рядами проплывали мимо, некоторые были исписаны изречениями, стихами или именами работающих здесь шлюх.

Он знал этот город почти всю жизнь. В девятнадцать лет он стал знаменит и освободился от власти прошлого. Но иногда в памяти всплывали воспоминания о другой земле. Искайские горы. Женщина, лица которой он не помнил — лишь ее черные, наполненные жизнью волосы. Порой он думал о ней, своей матери. Иногда он даже носил в ухе вместо подвески или драгоценного камня золотой конус монеты, дрэк, которым его отец заплатил матери за проведенную вместе ночь. Он не горевал о своем прошлом, но и не сторонился его обрывков.

Однако куда отчетливее слов и лиц он помнил, как в той стране один из мужчин постоянно избивал женщину, его мать. Теперь ни один мужчина, находящийся в здравом уме, не посмеет поднять руку на женщину в присутствии Лидийца... Столкнувшись с белоглазой Равнинной ведьмой, Регеру пришлось напомнить себе об этом правиле, ибо во время разговора он ощутил, как закипает в нем неодолимая жажда крови, что изредка случалось с ним на стадионе. Ему показалось, что он хочет ее смерти.

Глава 6. Удача Чакора

Звезда поднялась над горизонтом, и ночь пылала. На кораблях у берега, на широких аллеях во время прогулок, в роскошных покоях дворцов и в хижинах на холме за Могильной улицей люди предавались любви. Но во дворах Дайгота мужчины, которым завтра предстояло сражаться, лежали напряженные и неудовлетворенные. Сила желания должна полностью перелиться в меч — потому-то в первые дни Застис поединки всегда очень хороши.

Еще до восхода, до того, как ястребы, оглашая криками небо, поднялись над городом, чтобы позавтракать, бойцы уже упражнялись на стадионе.

— Корл влюбился в Регера. Скачек ему недостаточно — решил вернуться и получить еще.

— Что может против Лидийца эта куча навоза? Хотя иногда неизвестным новичкам везет. Может быть, он выиграет какой-нибудь бой и получит немного денег.

Воины-рабы гордились собой. Свободные люди стоят дешево. Никто не преклоняется перед ними до такой степени, чтобы содержать их. Часто они приходили сюда, желая испытать судьбу, болваны, противопоставляющие свои руки героям Саардсинмеи. Обычно они покидали стадион в повозках, вперед ногами.

Те, кто тренировался с Регером, знали, что Лидиец, как и они сами, способен без труда прикончить любого корла, если тот выйдет против него. Застис вошла в силу, и каждый мужчина, упражняясь на рассвете, смешивал слова и невысказанные токи желания с иронией по поводу убийства. Ни один саардсинец не вправе выйти против другого — это тоже был закон Дайгота. Они будут испытывать судьбу в споре с клинками из других городов. Так что о смерти говорилось легко. Брат не пойдет против брата. А кто собирается дожить до старости?

Солнце встало, и тренировочный двор опустел. Воздух наполнился шумом утреннего города. Небо над высокими стенами стадиона налилось яркой синевой.

Появились рабы с корзинами песка и совками. Центральную платформу опустили — теперь весь овал стадиона представлял собой ровную площадку. Рабы плотно посыпали арену мелким белым песком, делая стадион похожим на пляж. Только море, которое омоет этот песок, будет алого цвета.

В полдень ворота стадиона широко распахнулись. Толпа повалила внутрь, наполнив трибуны пестрыми красками. От запаха духов, пота и фруктов воздух стал густым. Но вскоре мясной запах крови, пропитавшей песок, перекроет все прочие ароматы.

Будучи свободным человеком и любителем, не входящим в касту и не обязанным следовать обычаям стадиона, корл по имени Чакор провел ночь с двумя девицами. Это отнюдь не было случайным свиданием — он специально искал их, чтобы освободиться от первой жажды Застис и в бою сохранять тело и ум свежими. Идея, что можно ограничить себя и направить желание как оружие, совершенно не привлекала его. Это проделывали со своими рабами-гребцами закорианские пираты, приковывая их в пору Красной Луны так, чтобы они даже не видели друг друга, и гребля оставалась для них единственным способом разрядки.

Кроме того, удача на скачках — ведь он уцелел и даже пришел к финишу не последним! — подтолкнула Чакора проявить и другие умения. Честно говоря, дома его никто не ждал. Он ушел из Корла, взяв с собой лишь свою богиню. В маленьких городках Отта, Иски и несвободного Вардийского Закориса он состязался с местными умельцами. Но его манили города Нового Элисаара с их устоявшимся кодексом поединков и сражений, признанных публичными играми. Возможно, он жаждал славы даже больше, чем богатства, но от этого слитки чистого металла и мешки дрэков не теряли своего очарования.

К тому же мыслями молодого человека завладел Лидиец, и Чакор желал сразиться с ним. Лидиец был рабом, королем, богом и старшим мужчиной. Как трехлетние жеребцы стремятся занять место вожака стада, так Чакор стремился вызвать Лидийца, сразить, повергнуть противника — или столкнуться с силой сильнее себя, которая не отступит. Зависть и восхищение смешались в нем. Кроме того, сознательно не рассчитывая на это, на каком-то глубинном уровне он понимал, что Лидиец при всем его превосходящем мастерстве не убьет свободного, которого тоже любит толпа. Безрассудная храбрость искателя приключений не позволяла чувству опасности проникнуть в сознание корла. Он искренне благодарил Коррах за то, что у него есть шанс вытащить жребий на поединок с лучшим бойцом Саардсинмеи. Поскольку Коррах и Ках, богиня Иски, были одно, Чакор решил, что, возможно, она, как любая примитивная мать дикой страны, желает свести в схватке обоих своих сыновей. Еще менее сотни

лет назад элисаарские принцы до смерти сражались друг с другом за королевство. В Вольном Закорисе продолжали так делать и сейчас, да и в некоторых областях запада этого обычая придерживались как знатные люди, так и крестьяне.

Чакор был уверен, что следуй его семья подобному обычаю, он с легкостью разделался бы со всеми своими законными братьями и унаследовал небольшой деревянный дворец отца, стоящий в болотистых лесах Корла. Но вместо этого Коррах предназначила ему судьбу странника и привела его сюда для поединка с Лидийцем. Убежденный в том, что не погибнет, корл думал: «Если он все-таки убьет меня, это тоже слава».

Первыми вышли акробаты, одетые чудовищами или персонажами мифов, и исполнили трюки — рискованные, эффектные и подчас непристойные. Затем прошли шуточные состязания, пародия на Огненные скачки — упряжки ковыляющих оринксов тащили хрупкие позолоченные повозки. Яростно храпя и испражняясь, оринксы бешено понесли. Колесницы опрокидывались и сталкивались, колесничих расшвыривало во все стороны. Победитель получил благосклонность обещанной девушки, но лишь попытался обнять ее, пока избранница качалась на шесте вниз головой. После нескольких попыток незадачливого любовника, сопровождаемых смехом и советами из толпы, девушка убежала с обезьяной.

За акробатами последовал парад зверей из стадионного зверинца. Здесь были болотные леопарды в ошейниках из драгоценных камней, хищные птицы с султанами из перьев на оголовьях, прайд вардийских львов с золотом в ушах и ноздрях, ржущие шансарские лошади, полосатые калинксы и обезьяны, столь же высокие, как люди.

Иногда зверей отбирали для боев, но в основном их обучали для участия в религиозных процессиях или волнующих сценах нападения в театральных представлениях. Горожане, как всегда, все взвешивающие, измеряющие и оценивающие, радовались, разглядывая свое имущество, и бросали цветы львам.

Когда парад окончился, а стадион, где было необходимо, подмели и присыпали свежим песком, зазвучали медные трубы.

В этот миг, когда все глаза жадно прикипели к арене, по восточным рядам прокатилось слабое волнение. Кто-то опоздал и внезапно вошел в ложу слева от той, что принадлежала наместнику. Эта секция была специально предназначена для высокопоставленных женщин. Ее прикрывал навес с бахромой, и повсюду стояли экраны, за которыми зрительницы могли частично скрыться. Те дамы-аристократки, которые посещали состязания в одиночку, находились в ложах со свитой и телохранителями.

Больше месяца назад прошел слух, что в городе появилась эманакир. Теперь она была здесь. Одетая во все белое, с волосами цвета льда, в которых сверкали серебряные украшения, она вошла в ложу без охраны, даже без раба, и села.

Наместник города был в отлучке, решая политические вопросы. Его советник, занявший центральную ложу, развернулся, пристально глядя на белую женщину и привлекая ее внимание. Когда та обернулась к нему, он с вежливым уважением бросил ей упрек, не одобряя ее дерзость и образ жизни. Но холодные, ледяные глаза ничего не ответили ему. Она смотрела так, словно не видела его или видела, но не придавала значения. Ее взгляд также обратился на арену.

На песок выходили Клинки. Восточные ряды тут же забыли про белую женщину.

Восемнадцать пар бойцов. Восемнадцать саардсинцев сошлись с восемнадцатью претендентами, воинами-рабами или свободными со всего Виса. Их расположили на стадионе так, чтобы с каждого участка трибун можно было видеть отдельные поединки или, по крайней мере, их начало. Как и ожидалось, наиболее известных Клинков поставили на участке арены под местом наместника и ложами богатых и благородных.

За Лидийцем, на расстоянии пятнадцати шагов, стояли два бойца, рожденных в Закорисе — Йиланец, совсем недавно получивший право зваться по месту рождения, и человек постарше по прозвищу Железный Бык, прославленный за искусное владение топором и дубиной.

Толпа кричала и размахивала руками. Цветы падали перед прекраснейшими из опаснейших людей, как до того перед опаснейшими из прекраснейших зверей.

Бедра, правое предплечье и икры бойцов защищала броня, головы прикрывали шлемы, а глаза глядели сквозь прочные забрала. Почти забывшись в жарком дурмане Застис, ослепленные блеском песка, связанные любовным партнерством с противниками, которые застыли перед ними в ожидании Свадьбы мечей Дайгота, мужчины не смотрели ни на ряды трибун, ни на ложи.

Чакор принял веление судьбы. Жребий свел его не с Лидийцем — его парой на северной стороне стадиона стал Клинок, рожденный в Элисааре. Однако ничего еще не потеряно. Повергнув элисаарца, Чакор получит право избрать для новой Свадьбы любого из саардсинских бойцов, столь же успешно разделавшихся с противником. И так будет продолжаться, пока лишь одна из сторон — Клинки Саардсинмеи либо чужеземные поединщики — не останется на ногах. Самые долгие и утомительные состязания из придуманных в Элисааре. Но когда сражался Лидиец, город побеждал независимо от предсказаний. Он никогда не покидал места боя иначе как на своих ногах, иногда израненный, но никогда — поверженный.

После выигранных скачек от него сильнее, чем обычно, ждали новой победы, и ставки делались с удручающим перевесом.

Опытные азартные игроки и раньше видали юношей, подобных Регеру. Как орхидеи, они быстро росли и несколько лет горели во всем своем великолепии. А потом боги, которым не может долго противиться ни один человек из плоти и крови, срезали молодой побег и бросали на землю.

Запели трубы, и элисаарская сталь водяной молнией метнулась, чтобы до кости разрубить руку Чакора. Но тот уже был далеко. Он усмехнулся и ударил в ответ, нанося грубый безумный удар, который со свистом рассек воздух, в то время как элисаарец переместился, брезгуя парировать его. Меч Чакора, как и все остальные, отполированный до слепящего блеска, оставил нитку крови на ребрах элисаарца.

Северные трибуны заметили возвращение нахального корла и приветствовали его воплем яростной радости. Он был удачлив, что ценилось в Элисааре, и на него ставили.

Противник, не обращая внимания на кровотечение, сделал ложный выпад, который корл оставил без внимания, поймав настоящий удар продолговатым стадионным щитом. Затем, резко опустив щит, он далеко оттолкнул меч противника, который в это время парировал своим щитом удар, направленный в его незащищенный живот.

— Дурак, — заметил элисаарец.

— Коррах прокляла тебя, — огрызнулся корл.

Разговаривать во время схватки — большая ошибка, однако для поединков свободных людей в отдаленных землях это было обычным делом.

— Чего-чего? — поддразнил элисаарец.

Пока Чакор радостно повторял сказанное, да еще с парой словесных украшений, меч элисаарца сверкнул слева, справа, опять слева, гремя наверху, сталкиваясь со щитом. Через три вздоха корл обнаружил, что его правое плечо оцарапано, а на левой руке наливается синяк от медного обода щита. О таких мелких повреждениях, далеко не смертельных, не принято даже упоминать. Однако любое кровотечение укорачивает время бойца на песке.

По северным трибунам прокатился сдавленный вздох, перешедший в непочтительный вой. Человек слева, не саардсинец, упал. (Судя по всеобщему ликованию, такая же судьба постигла и противника Лидийца на восточном конце стадиона). Обозленный ошибкой и мгновенно поумневший, Чакор теперь изо всех сил желал, чтобы в его жизни не было предыдущей ночи, проведенной с девицами. Из-под забрала он видел в глазах элисаарца странный свет, доказывающий, что воздержание имеет свою цену.

Затем элисаарец нанес удар, почти отделивший от тела руку Чакора.

Стремительно отступив назад, ведомый паникой и инстинктом выживания, Чакор поскользнулся на чем-то влажном. Саардсинец слева прикончил своего противника, и кровь лилась рекой. Чакор потерял равновесие и упал. Кровавый песок обжигал ему плечи, а сверху тучей навис элисаарец, смеющийся и готовый убить. Да, в пору Звезды убивают часто. Чакор прочел это в глазах противника. А вокруг стонала и раскачивалась толпа, охваченная смертельным кровавым желанием Застис.

Когда меч противника пошел вниз, Чакор поднял щит, изо всех стараясь выдержать удар. Желание убивать столкнулось с жаждой жить. Металл щита прогнулся, деревянная основа, обтяну-

тая кожей овара, не выдержала и подалась. Когда кончик меча показался сквозь обломки, Чакор откатился в сторону. Настроенный на убийство элисаарец, потеряв равновесие, на мгновение застыл в воздухе с застрявшим на конце меча сломанным щитом. Корл вскочил на ноги, скользя и цепляясь за что попало.

В гробовом молчании он сильно ударил склонившегося мужчину. Когда элисаарец рухнул, Чакор, который за все время своих странствий еще ни разу никого не убил, снова упал, оседлав противника, и с силой, на половину длины, вогнал свой меч в плоть, мышцы и бьющееся сердце.

Саардсинец умер, содрогнувшись, но не издав ни звука.

Трибуны неистовствовали. Проклятия и женские шарфы осыпали Чакора, пока он вставал — дикий, одержимый, беззащитный. Глядя на восточный конец стадиона, он подхватил щит элисаарца и кинулся бежать между сражающимися парами, потрясая окровавленным мечом и выкрикивая имя того, кого желал.

Лидиец не убивал. Двое, которых он поверг, двигались, но временно вышли из строя. Они лежали у ограждения трибун, истекающие кровью, полубессознательные, ожидая конца поединков, когда их отнесут к врачу. Убийство — совсем другое дело. Он не хотел убивать. Возможно, это разочаровало толпу, но вскоре блистательная работа его меча заставила ее рукоплескать. И все-таки зрители подталкивали его к большей жестокости. Бывало, что во время сражений на стадионе, и не всегда в пору Застис, Регеру тоже хотелось убивать. Такие моменты непредсказуемы. Когда такой порыв накатывал на него, он подчинялся — и убивал. Только и всего. Он никогда не вел счета убитым, не запоминал, как иные, имя, страну и день смерти жертвы: «Нынче утром я убил истрийца; на этих гонках я свернул шею полукровке».

Слева Йиланец ранил одного и убил второго. Регер не видел, как это произошло, но слышал, краем сознания уловив поднявшийся, как морская волна, рев толпы, которая приветствовала удар.

Находившийся справа Железный Бык сам был ранен. Он продолжал сражаться, приканчивая противников, но движение его неумолимого клинка замедлилось. Будь он разумным человеком, ему было бы самое время разыграть обморок. Толпе понравился этот боец, так что он мог бы отлежаться и победить в другой день.

Когда Лидиец разобрался с третьим противником — рассек ему кожу от колена до пестрого широкого оплечья, кончавшегося как раз над соском, без труда отправив в беспамятство усталого и неопытного бойца, — кто-то выкрикнул его имя. Не с трибун, откуда оно доносилось непрерывно, а с арены.

Регер обернулся и увидел перед собой мальчишку-корла. Меч вскинут, приглашая к сражению, лицо искажено боевым безумием.

По его виду было легко понять — только что он впервые забрал жизнь. Ощущение, сопоставимое с потерей девственности. Сам Регер был ранен, царапина на правом плече кровоточила, од-

нако не мешала ему. Корл не тренировался специально, но, как говорится, страстно желал прикоснуться к солнцу.

На скачках корлу улыбнулась удача. Но на ее благосклонность нельзя рассчитывать вечно.

Юноша, наверное, был моложе Регера года на три или четыре, в любом случае — младший. Он еще не перестал расти и был ниже, чем Лидиец, но на свете вообще не так уж много столь высоких людей. Сам Регер с двадцати лет не встречал никого вровень с собой.

Корл усмехался, сжигая его взглядом. Так охотник вглядывается в свою жертву, так женщина рассматривает мужчину, который, как она надеется, будет обладать ею.

Трибуны смеялись над безудержным бегством юноши с места предыдущей схватки, над его жаждой схватиться с Лидийцем, но сейчас они даже приветствовали его доблестную глупость. В конце концов, он может оказаться не так уж плох в бою, и тогда им не придется жалеть, что они уделили ему внимание.

Регер двинулся достаточно медленно — пусть мальчишка успеет понять, что его вызов принят, — и схватка началась.

В первый раз корл ответил прекрасно, ловко скользнув мечом, однако, мгновенно отследив изящный, почти вежливый контрудар Регера, встретил его тупым замахом. Регер отступил на шаг, словно игнорируя этот бессмысленный и некрасивый выпад.

Значит, вот как сражается корл. Раз — художник, другой — болван. Катемвал сказал бы, что будь мальчишка еще в детстве продан на стадион, со временем из него вышел бы толк. Но он — свободный, и сейчас уже слишком поздно.

И тут... И тут мир превратился в хаос.

Это было настолько немыслимо и невероятно, что в первый миг Регер, не ждавший ничего подобного, не обратил внимания на происходящее. Только ощущения в руке, сжимающей меч, подсказали ему, что происходит нечто крайне противоестественное.

Еще несколько мгновений он осознавал то, что произошло и все еще продолжало происходить. Это было невозможно, и он не имел власти над этим...

Он полностью потерял контроль над мечом в своей руке. Меч ожил. Он дергался, извивался и рвался из пальцев, противился любой попытке поднять его, пощелкивая по всей длине. Холодный, как лед, он наполнялся энергией, силой, противостоящей воле хозяина...

Еще до того, как в сознании Регера уместились все эти факты, тело его покрылось холодным потом — и не от страха, а от чистейшей жути.

Колдовство. Заклятье. Он мог поверить в такое. Но чья это работа? Корла? Он не похож на человека, обладающего подобной силой...

Лидиец боролся с враждебным существом, которым стало его оружие, поэтому ему пришлось потрудиться, отражая настойчивую атаку мальчишки. Зрители, решив, что их любимец притворяется, желая подразнить юного корла, закричали и захлопали.

Но корл отступил и упал. От волнения он побледнел под темным висским загаром. Его глаза не отрывались от заколдо-

ванного меча. Таким образом Регер получил короткую передышку и смог взглянуть сам.

Люди называли это шансарской магией. Трюк из храмов Ашары. Катемвал, видавший, как проделывают такое в Ша'лисе, приписывал это видениям, навеянным дурманящими курениями, либо особым свойствам гибкого металла. Змеи становились мечами, а мечи змеями.

Вместо верного металла в его руке, все еще сжимающей рукоять, судорожно билась жизнь. Рукоять превратилась в крутящуюся спираль, рвущуюся и подрагивающую.

По всей длине клинка меч стал змеей. Неистово содрогаясь, она пыталась освободиться от остатков стальных оков. Она была белая, как молоко, и жесткая чешуя платиной сверкала на ее теле. Абсолютно белые глаза бесстрастно взирали с плоской головы... Теперь он знал, *чья* сила сотворила заклятье.

Змея пыталась рывком освободиться от него. Ненависть к тварям, которых выращивали люди змеиной богини, была присуща всем Висам. Змея, завладевшая мечом, будь то реальность или иллюзия, вызывала судороги в животе и лишала воли.

Должно быть, *она* хотела его смерти. И не просто смерти, а преждевременной и позорной. Регер почувствовал на себе взгляд ее холодных глаз.

И тогда меч вернулся к нему, словно колдунья-эманакир разглядела его страх и гнев и удовлетворилась ими. Змея исчезла. На ее месте опять сверкал металл. Стройный и сбалансированный, меч снова стал верным слугой, продолжением руки. Но надолго ли? Теперь он не мог положиться на свой клинок. Внутри стали жила белая змея — он видел это. Не исключено, что поняв истинную сущность своей природы, он в любой миг может захотеть вернуться к ней.

Все это уложилось в несколько мгновений. Толпа не заметила ничего, кроме притворной насмешливой беспомощности Лидийца, отступления корла и короткой заминки, порой возникающей в бою перед решающим ударом.

Рука, сжимающая меч, онемела. Тяжелые удары сердца сотрясали грудь. Он уже был выше страха или стыда, оцепеневший, как рука на рукояти меча. Что ж, так тому и быть — сегодня он убьет.

Корл сражался с ним, но Регер выпустил из поля зрения его лицо, наполненное ужасом и яростью. Юноша не понимал этого, но чары уже захватили его и сомкнули зубы у него на горле.

Какая-то часть сознания Лидийца отмечала по крикам толпы, сколько саардсинских Клинков пало или победило и каков их общественный статус, сколько людей ранено или обездвижено. Трое или четверо еще продолжали сражаться, пока не останется лишь один из них. Тогда все закончится.

Неожиданно Регер сорвался с места. Когда подобное оцепенение окутывало его, словно плащ, все неудачи и тени уходили куда-то прочь. Это чувство было весьма странным, но он уже хорошо знал его.

Змеиный меч ушел влево, отвечая на удар, и щит корла упал к ногам. Это больше не имело отношения к искусству. Ревущая толпа плыла под ногами Регера.

Он увидел глаза молодого человека, прекрасные, как у девушки, расширенные от потрясения и страха. И тогда Регер опустил меч, подобный огню богов, сходящему с неба, и рассек тело противника от левой стороны шеи до грудной кости.

Столь сильный удар, перерубивший ключицу, заслуживал высочайшей оценки. И все-таки это была работа мясника. Трибуны, изумленные стремительностью развязки и ее ужасной красотой, взорвались. Визжали женщины. Что ж, неудивительно — корл нравился им.

Регер не обращал на них внимания. Меч вырвался из его руки, а он стоял и наблюдал, как перед ним умирает потерявший сознание юноша.

Когда прозвучала песнь труб в честь тех, кто выжил и мог бы это сделать, Регер, как во сне, поднял руку, принимая восторг и восхваления. Он не стал высматривать в ложах эманакир и даже не взглянул на врачей, приехавших подобрать убитых и покалеченных.

Покинув арену, он ушел в комнаты под стадионом, где сбросил с себя металл и кожу доспехов и полез в бассейн, чтобы отмыться от пыли, пота и чужой крови.

Компания аристократов, зашедшая поздравить Лидийца, обнаружила, что он лежит на ложе в верхней спальне, подложив руки под голову, словно спит.

— Простите меня, — глухо промолвил он.

Все хорошо знали, что порой после своих самых эффектных поединков Клинки становятся мрачными, и львиная орхидея из Ли-Дис — не исключение. Аристократы немного подокучали ему болтовней о поэтах и женщинах, вручили подарки, увенчали его венком из золотых маков и ушли.

Тогда, и только тогда, он позволил себе зарыдать.

У входа в ад неподвижно стоял человек.

— Прошу извинить меня, госпожа, — сказал он, — но ты не можешь сюда войти.

В скудно освещенном факелами коридоре, проходящем под стадионом, было очень темно. Но под сводами, простирающимися за спиной этого человека, царила своя, особая темнота. Женщина мерцала во тьме, чересчур белая и призрачная, как дурное знамение.

— Ты видишь, кто я, — произнесла она, поймав его взгляд глазами, подобными мерцающим зеркалам. — Отойди.

— Да, вижу. Я уверен, что вполне почтителен. Но ни одна женщина не пройдет сюда. Даже шлюха, которая хочет сказать последнее «прости».

Словно для того, чтобы подчеркнуть сказанное, за его спиной раздался крик агонии. Это был иллумит, последний, кого сразил Железный Бык. Хирургическая палата — не место для любопытных, неважно, грозят ли они карами или предлагают взятки.

— Корл, — произнесла женщина.

— О да.

— Он еще жив, — продолжила она.

— Да, но не спрашивай меня, каким образом. Это известно одним его богам. В любом случае, когда из него вытащат сталь, он истечет кровью и умрет.

— Пропустите меня к нему, — потребовала она.

Как и все Висы, этот человек знал, на что способны эманакир и как рискованно не прислушиваться к их словам. Но иллумит, которого разделал Железный Бык, снова начал кричать, останавливаясь лишь для того, чтобы перевести дух.

— Почему бы тебе, госпожа, не пойти отсюда? — сказал ей привратник, теряя терпение. — Найди свою богиню, а когда найдешь, заползи в ее нору и сиди там.

Нечто, сходное по воздействию с огромным кулаком, ударило его в грудь. Удар отшвырнул привратника в дверной проем. Пока он, задыхаясь, корчился на полу, женщина-эманакир спокойно прошла мимо.

В темной комнате, полной запахов раскаленного металла, крови, разложения и лекарств, кипела работа. При свете тусклых ламп врачи склонялись над телами. Стайки мальчиков носились с кипяченой водой для инструментов, крюками, скальпелями и пилами для костей. Еще один бродил туда-сюда с кувшином вина. Он уставился на белое существо, к которому подошел, и сотворил охранительный знак.

Крик иллумита оборвался — он умер внезапно, словно резкий порыв ветра захлопнул дверь.

Хирург выпрямился, ополоснул руки в тазу, который принес один из мальчиков, и развернулся к кушетке, где лежал еще один покалеченный. В мякоти его груди и плеча, между осколками ключицы, застрял меч.

Зная анатомию, врач был впечатлен силой удара. Может быть, в ключице уже была слабина?

— Будем тащить, — озабоченно произнес он. — Не дадим ему умирать долго. Осталось немного, но все-таки подержите его.

Никто не сдвинулся с места. Хирург поднял голову и увидел женщину, подошедшую к изголовью кушетки.

— Госпожа, вам здесь не место. Уходите.

Мальчики в страхе забормотали, услышав, как он разговаривает с белокожей степнячкой. Однако женщина не придала этому значения.

— Госпожа, — повторил он, — я сочувствую вам, если он что-то значил для вас, но он отбегался. Разве вы желаете ему лишних страданий? Уходите, или хотя бы отойдите, а то вас забрызгает кровью.

С этими словами он ухватился за меч. Но до того, как он успел сделать что-либо, небольшая рука женщины легла поверх его рук. Цветом она была как снег и на фоне его собственной кожи цвета темной меди выглядела особенно отталкивающей. Он предполагал, что ее кожа холодна, но она оказалась теплой.

— Я сделаю это, — произнесла она.

— Глаза Дайгота! — яростно бросил врач. — Не будь дурой, женщина!

— В сторону, — только и ответила она.

Тишина затопила просторное помещение. К своему изумлению, хирург понял, что отходит в сторону, как ему велено.

И тогда на глазах у всех, кто был в комнате, эманакир с легкостью вынула меч из тела корла, словно из шелковых ножен.

Поток крови окатил тело раненого и кушетку. Сталь оставила по себе неровную пурпурную полосу, рассекающую тело от основания шеи до середины грудной клетки. Выпустив меч, женщина наклонилась вперед, пряди ее серебряных волос упали на тело корла, скрывая то, что она делала. Когда же она подняла руки и голову, на теле корла ничего не осталось. Лишь медленно сползала вниз одинокая капля крови.

Не проронив ни слова, эманакир вновь перссекла застывшую в безмолвии комнату и удалилась.

Глава 7. Королевский знак

Закат повис над городом, словно алый навес. Сегодняшний день на стадионе завершился закорианской борьбой и тремя гонками колесниц по девять кругов, в каждой из которых определился свой победитель. Игроки радовались или зализывали раны.

От компании к компании пошел гулять странный слух: якобы юный безумец-корл, совершенно явно обреченный на смерть на глазах огромной толпы, был невероятным образом спасен хирургами.

О Лидийце, который немедленно забыл о наваждении Застис, вынудившем его убить корла, ничего нового не говорили.

В час, когда солнце садилось, роняя на землю лужицы красного света, Регер находился в стойлах хиддраксов близ стадиона, с северо-западной стороны. К двадцати двум годам каждый достойный возничий получал свою упряжку и колесницу, сделанную лучшими мастерами Элисаара.

Хиддраксы, принимавшие участие в Огненных скачках, брали фрукты с ладоней Регера и трогали губами его плечи, словно целуя.

На гудящий портовый город опускался вечер. Несколько конюших приступили к своим обязанностям, наполняя кормушки, хиддраксы разворошили солому и принялись есть. Слева от лошадиных стойл, доносился неясный шум. Сегодняшние скачки были на лошадях, и ценных животных еще не завели в стойла.

— Слушайте, хорошие мои, — говорил Регер хиддраксам. — Слушайте, какой шум они подняли. Но разве могут они мчаться так, как вы, словно ветер и огонь? Самые лучшие в мире, мои любимые...

Конюший провел через двор черного верхового скакуна и остановился под аркой, где упряжные хиддраксы уже не могли видеть его.

Вскоре вышел Регер. Сегодня ему предстоял обед у именитого купца, который два сезона назад подарил ему этого огромного зверя. Регер подошел к свету, проверяя, как подковали скакуна.

— Ты должен знать, Лидиец, — обратился к нему конюший. — Этот юноша-корл — он жив.

— Да, но это ненадолго, — Регер помедлил, поднимая следующее копыто.

— Что-то произошло. Туда пришла женщина, одна из этих белых с Равнин. Она знала какую-то хитрость, и они смогли вылечить его.

— Нет, — уронил Регер. Он отпустил последнее копыто, выпрямился и потрепал верхового скакуна по шее.

— Да, Лидиец. Клянусь. Весь стадион знает, спроси любого. У него даже шрама не осталось.

Регер вскочил в седло, вывел скакуна через арку в лучи заходящего солнца и по обсаженной деревьями аллее, с которой был виден далекий океан, направил его на юг, к городу.

В этот сезон Застис в Саардсинмее палила неистовее, чем обычно. Он не проехал и мили, а ему не менее десяти раз успели сообщить, всегда почтительно, но со странным чувственным оттенком, что корл жив.

За час, который он ехал по Дороге Нового кинжала, он почти поверил в это. Он убил корла. После таких ударов не выживают. Регер чувствовал себя виноватым из-за того, что не выдернул клинок сам, разом прекращая мучения юноши. Но он был не в силах снова взяться за меч, который превращался в змею.

Как сказал конюший — белая женщина с Равнин. Колдовство, способное на один трюк, способно и на другой — почему бы и нет? Неужели оживить мертвого труднее, чем сделать живым клинок?

Регер, все еще с маковым венком победителя на голове, задремал в седле от усталости. Ему привиделась содрогающаяся земля, падающие колонны и горы. Белое сменилось красным и обрушилось в пустоту черного. Люди Равнин разрушили древнюю столицу Дорфара, вызвав землетрясение. Они призвали богов из моря...

— Лидиец! Лидиец! — в розовсющих сумерках окликнули его трактирные девушки, звеня колокольчиками, вплетенными в волосы. — О, Лидиец, ты радуешься или жалеешь, что тот юноша выжил?

— Он выжил?

— О, да-да.

— Где он? — он улыбался им, а они улыбались ему, вплетали цветы в гриву его скакуна, стыдливо касались его ног и прижимались грудью к животному, желая всадника.

— С *ней*, — ответила одна из них. — С белой. Она исцелила его Равнинной магией. Наверное, теперь он ее добыча. Он же такой красивый, Лидиец... — она заглядывала ему в глаза, не в силах сдержаться.

Он мягко отстранил их и поскакал вперед. Они отпустили его и остались стоять под факелом, чтобы поговорить о нем.

Неподалеку от дверей купца Регер пустил скакуна рысью. Он проскакал по улице Мечей, миновал Колонную площадь и через путаницу узких улочек продолжил путь на юг.

У фонтана на улице Драгоценных Камней он натянул поводья. Из богатой винной лавки навстречу ему с распростертыми объятиями выбежал человек.

— Спасибо за мою победу, Лидиец, да хранят тебя боги и дальше! Не порадуешь ли этот дом, выпив с нами? Хорошее вино, ласковые девушки...

— Может быть, следующим вечером, — ответил Регер, и, вспомнив, что сказала ему девица у таверны, спросил: — Говорят, женщина-эманакир живет на этой улице?

Руки мужчины опустились, на лице появилось разочарование. Казалось, он сомневается.

— За кружевницами, — наконец сказал он. — Высокий дом с черепичной крышей.

Окруженный стеной дом стоял на аллее, позади дома кружевниц. За воротами, украшенными колючим железным узором, лежал сад, поросший сухой травой. Звезды трогали своими лучами стоячую воду пруда. Первый этаж здания казался заброшенным и необитаемым, но через решетки окон наверху сочился свет.

Регер привязал скакуна, вошел в дом через открытую дверь и поднялся на второй этаж. Над дверью висели лампа и колокольчик, как принято в Элисааре.

Прошла минута — он ни о чем не думал и ничего не делал. Он снова потянулся к колокольчику, и на этот раз дверь открылась. У служанки, смуглой девушки-полукровки, глаза были такого цвета, какой появляется лишь через три-четыре поколения смешивания кровей — карие, не темные и не светлые, своим оттенком напоминающие крепкое пиво. Она ничего не сказала, просто отступила, пропуская его внутрь, и через переднюю провела гостя в комнату для приемов.

Здесь тоже горели лампы с разноцветными стеклами, и от них по всей комнате плыли цветные тени. Обстановка была простая — все для удобства, но никаких роскошных вещей, которые Регер привык видеть в домах богатых женщин. Ничего подобного не попалось ему на глаза.

На столике стоял хрустальный кувшин и чаши для вина. Девушка-служанка наполнила одну из них, хотя Регер не просил об этом. Желтое вино Равнин — раньше он никогда не видел такого. Регер долго разглядывал его, а потом жестом приказал унести. Однако девушка не сделала этого. Она поставила чашу на стол и тихонько вышла из комнаты.

Одетый ради ужина в роскошный наряд, Регер в ожидании расхаживал по комнате с изяществом воина. Корла здесь не было. Он знал это. Только она. В воздухе витал запах духов, но не обычных, разлитых в склянки, которыми освежают десны.

Наконец поднялся занавес, и в комнату вошла эманакир.

— Будь как дома, — сказала она и поклонилась. Бессмысленная Равнинная вежливость. Или разрешение.

— Благодарю. Разрешишь ли ты также подойти и убить тебя?

— Ты уже совершил свое убийство, — отозвалась она. —

— Да, и был обманут в этом, если верить слухам. Лгут ли они? Я знаю, что корл мертв.

— Он жив.

— Это только твои слова.

— И слова всего города, который рассказал тебе об этом.

— Нет, госпожа, — отозвался он. — Я хочу получить ответ именно от тебя. Ты уже поиграла со мной сегодня.

Она наблюдала за ним через всю комнату, расплываясь в разноцветных бликах.

— Зачем? — спросил Регер. В его голосе слышалась только растерянность. Он не мог ударить ее или как-то иначе излить свой гнев, ибо не смел поступить так ни с одной женщиной в мире. Что ему оставалось? Она была невысокой, даже для своего пола, и тонкой. Хрупкое, почти нечеловеческое тело. Он подошел к ней — лишь это было в его силах, — словно близость могла заставить ее дать ответ.

— Вы лед на солнце, — сказала она. — Ты — и все люди. И этот город.

— Если ты проникнешь в мой разум, то не найдешь ничего полезного для себя, — произнес он.

— Ты слишком скромен.

— Тогда сделай это. Не в моей власти остановить тебя. Но какой смысл в этом, или в том, что ты вытворила с мечом? Или в спасении жизни мальчишки?

— Это мой долг. Я была виновата в том, что ты причинил ему такой вред.

От нее исходил аромат духов. Да нет, не духов — это был запах ее кожи и волос. Венец на ее голове едва доставал ему до плеча. Совсем девичье лицо — она казалась не старше мальчишки, которому спасла жизнь.

— Да, это так, — ответила она на его мысли. — На мне и внутри меня есть сила. Ты никогда не встречал такую силу на арене, где только кровь и железо. Веришь ли ты, Лидиец, что я, совсем одна, могу прервать твою жизнь в мгновение ока?

— Может быть, — отозвался Регер.

— Смотри, — произнесла она, вытянула руку — и та засияла. Он видел ее кости и белый огонь там, где должна быть плоть. Потом сияние пропало. Просто рука, белая, как лилия. Ее обнимал браслет из белой эмали чуть темнее ее кожи, изображающий змею с бесцветными цирконами вместо глаз.

— Храмовое колдовство, — сказал он. — Но что тебе до меня?

В ее волосах сверкали розовые жемчужины, а на лбу над бровями лежала нитка кремового янтаря, священной смолы Равнин. Она была прекрасна, но не так, как бывают живые существа, а искусственной, точно нарисованной красотой. Избыток совершенства делал ее нереальной. И все же она жила — он чувствовал ее дыхание, ее тепло, такое близкое сейчас, на пике ночи.

На самом деле он видел только ее глубокие глаза. Бездонную, бесконечную глубину.

— Зачем? — снова спросил Регер и еще ближе придвинулся к ней, будто слово могло разомкнуть ее губы. — Я редко сражаюсь с теми, чьи имена знаю. Суеверис Клинков, если ты слышала. Побоишься ли ты назвать мне свое имя?

— Меня зовут Аз'тира, — проговорила она. — Назвать тебе твое?

— Назови.

— Амрек! — ее голос зазвенел ненавистью. — Враг, заклейменный за убийство Анакир. Тиран и чудовище.

Регер застыл в испуге. Он никогда не слыхал этого имени, или слыхал, но оно ничего ему не говорило — какой-нибудь король, умерший сто лет назад или еще раньше...

— Что это у тебя на запястье? — спросила она.

— Это? — ответил он спокойно, хотя сердце его так и колотилось. — Шрам. Я помню его с самого детства.

— О да, это врожденное клеймо. Ее мета. Ее проклятие на него и на тебя — от отца к дочери и снова к сыну.

Регер с трудом отвел от нее глаза и взглянул на тонкое серебристое кольцо вокруг левого запястья, такое знакомое и забытое. Потом он снова взглянул на нее.

Неожиданно она отвернулась и зарыдала с той же узнаваемой беззвучной силой.

Его небогатый опыт подсказывал, что женщины плачут отнюдь не по любому поводу. В основном они проливают слезы, когда не надо. От влюбленности или ревности, чтобы скрыть свои чувства, над незначительными вещами — потерей любовника или серьги. В его ограниченном мире ни одна женщина не плакала, страдая или испытывая боль — побитые рабыни, старухи-попрошайки, сбившиеся в кучку на искайском снегу... его мать, брошенная ударом на грязный пол лачуги — глаза ее сухи.

И все же, каким-то внутренним чувством ощутив силу ее страдания, он испытал жалость.

Почти не помня, о чем шел разговор до того, Регер принялся нежно и мягко успокаивать ее. Он видел темный металл своих ладоней на белом шелке ее волос и кожи, бронзу на мраморе — и вдруг его тело, истомленное Застис, охватил внезапный приступ неистового желания. То, что так не нравилось ему прежде, теперь бежало по его жилам.

Он не удивился, что она резко отстранилась от него. Ее взгляд был холоден. Она не хотела, чтобы он видел ее слезы — довольно того, что он слышал их, — и отошла к окну, пряча лицо в тенях сада.

— Я жестоко ошиблась, — глухо проговорила она. — Во всем. Слепой, любопытный ребенок. Уходи, Клинок. Иди к тем, кого ты не боишься. Ибо я пугаю тебя и пугаю их, элисаарцев, твоих черных Висов. И людей моего народа тоже пугаю, и сама боюсь их, — она вцепилась обеими руками в железо решетки и вдруг закричала: — О, Регер, предупреди их! Предупреди этот город! Скажи им...

Она упала на колени, все еще держась за решетку, как делают узники или умирающие. Он не мог вынести ее ужасных рыданий. Музыка смерти, торжествующая печаль...

Невозможно было даже думать о том, чтобы расспросить ее. Регер мог утешить ее лишь силой Застис, но она ненавидела эту силу и питала к ней отвращение, поэтому он сделал так, как она сказала — ушел.

В эту ночь купец не дождется гостя на свой обед. Но сейчас пора Застис. Герои, умеющие защититься от убийц, беззащитны перед соблазнами, поджидающими за каждым углом...

Регер направился в таверну на Пятимильной улице, которую посетил перед скачками, испив там «последнюю сладкую чашу». Когда-нибудь чаша действительно окажется последней... Он уже побывал здесь прошлой ночью. Вернуться сюда после сражения на стадионе значило проявить любезность, которую хозяева не могут не оценить.

Он не полез на крышу, а повернул в небольшой задний дворик, откуда открывался вид на море. Место встреч, сейчас пустующее, предназначенное для любовных свиданий. Лидиец не хотел восхвалений, не хотел шумного праздника, даже не хотел выпивать.

Девушка, вышедшая к нему из тени виноградных лоз, была его знакомая, Велва. Ее кожа цвета темного меда была гладкой, на лице не осталось и следа от удара, нанесенного вар-закорианцем — целитель на улице Мечей знал свое дело, пусть и не умел воскрешать мертвых...

Она глубоко вздохнула, увидев мужчину под лозами. Ее аромат проник в его сознание. Ее волосы, как и его, украшали золотые маки.

— Что я могу дать тебе? — прошептала она.

— Себя, — он достал несколько монет и вложил ей в ладонь, крепко сжав ее. — Если, конечно, можешь и хочешь.

— Да, — ответила она. Ее глаза пламенели светом Звезды.

— Только не здесь, — прибавил он. — Пойдем со мной на берег. Отдай деньги хозяину и скажи, что я взял тебя на всю ночь.

— Не надо денег... только не от тебя — он не возьмет...

— Надо. И еще больше — тебе самой.

— Нет, — снова возразила Велва, но все же понесла монеты хозяину таверны, как проявление вежливости. Ее ножные браслеты позвякивали. Возвращаясь, она шла, опустив глаза.

Она позволила ему вывести ее из дворика и посадить на черного скакуна.

Пятимильная улица была заполнена людьми и огнями. Тут и там кто-нибудь поздравлял победителя, но вскоре они свернули в боковые проезды, ведущие к рынку.

У стены, ограждающей гавань, двое часовых пожелали им хорошей ночи. Часовые прекрасно знали, кто этот всадник, но не позволили себе никаких замечаний. Если, невзирая на связи с обитателями дворца и знатью, он захотел привести на берег девчонку из таверны, то это его дело. Этот человек — раб, а такие рабы не ищут свободы. Он — дитя своей судьбы, что еще может дать ему рабство? Боги стадиона развлекаются так, как им вздумается.

Спускаясь в широкую манящую красную тьму ночи и моря, он начал ласкать ее. Уже сама езда верхом стала для них лаской — их тела двигались в такт друг другу, его руки обнимали ее, сжимая поводья. Звезда опалила морскую гладь. Выжженная Красная Луна висела над городом. К небесам и Застис поднимался длинный холм, покрытый могилами...

Под скалой, на кромке прибоя Лидиец лег рядом с Велвой в объятия атласного песка. Ее плоть горела светом, ее груди, пахнущие пудрой, корицей и океанской солью, распускались под его губами, как цветы. Она ни на миг не оставалась в покое, угольные кольца ее волос рассыпались по песку, а руки блуждали по его коже. Каждая его мышца и сухожилие отзывались на ее прикосновения. Она взлетела на вершину еще до того, как он проник в ее залитую морем пещеру. Он улыбался ее наслаждению, нависая над ней и ведя ее к еще большему. Когда он взял ее, она уже кричала, тонко и свободно, как морская птица. Он достиг пика блаженства, источник жизни открылся в нем, подвергая его сладостной пытке на грани смерти. Вокруг валялись раздавленные золотые маки из их венков.

Во время краткой передышки, пока Звезда снова не приказала ему, Регер слышал волны, бьющиеся о берег Элисаара, как слышал их уже восемнадцать или девятнадцать лет. Вечная вода. Человечество ничего не значит для нее. В такие минуты понимаешь это, хотя и не придаешь значения.

Он приехал в этот южный город, чтобы обручиться с девушкой, которую никогда не видел. По слухам, она была необыкновенно прекрасна. Это его не особенно радовало — его мать тоже была красавицей и при этом сукой из сук. Дорфарианка, покрывавшая свою кожу белилами. Зачем? Чтобы отличаться от прочих висских женщин? Или по какой-то тайной причине, связанной с ним самим? Так или иначе, это лишний раз проворачивало нож в его ранах.

Из окна дворца он видел снег, ложащийся на город, тоже белый.

По городу ходят люди Равнин. Несмотря на все его распоряжения, на все указы. Даже на жестокость.

Затянутая в перчатку и украшенная кольцами, его рука лежала в проеме окна. Достаточно снять большое кольцо с изуродованного мизинца, чтобы разглядеть все, как есть. Правая рука — обнаженная, правильной формы, гладкая и очень темная — подкралась к левой. Снять перчатку и взглянуть... Нет, не стоит — он знал все с самого детства, с первого сознательного часа. Он вспомнил, что лишь однажды, в Корамвисе, долго рассматривал обнаженную левую руку в свете светильника. Тогда собственная рука показалась ему удивительной вещью, почти произведением искусства — она была как будто серебряная, ее покрывала точеная чешуя, испорченная только у запястья, где чешуйки вкривь и вкось легли на старые шрамы, словно серебряные монетки, уложенные рядами внахлест. Чешуя дракона, не змеи. Не змеиное проклятье, наложенное на него Анакир, богиней Равнин...

В дверь постучали. Женщина, хозяйка его девиц для удовольствия. Он приказал ей привести ту, которую взяли солдаты — Равнинную тварь.

Дверь снова открылась, рабыня исчезла, а вместо нее в комнату втолкнули степнячку.

Он сразу заметил, что та испугана. Отлично. Она слишком боится, чтобы видеть его страх. Он часто замечал этот страх других перед Верховным королем, Повелителем Гроз. Они падали на колени и не видели его собственной дрожи.

Он обратился к ней. Что он сказал? «Так это и есть женщина Равнин? Снимай свои жалкие обноски и покажи мне, какая ты».

Но она лишь стояла, хватаясь за воздух и тяжело дыша.

Он начал говорить с ней, ругать ее, и вдруг понял, что больше не может удерживать себя — его собственный ужас овладел им и обратился к ней. Она боится его руки, *этой* руки? Что ж, в этом есть справедливость. Порча, наведенная ее проклятым народом, вернется к ней в виде насилия.

Его возбуждала ее белизна, ее кожа, похожая на снег, ее льдистые волосы. Восставший и очарованный, алчущий и нетерпеливый, он притянул ее к себе и положил ей на грудь свою руку, осквернённую чешуей, ощутив, как бьется ее сердце, словно существо, попавшее в сеть. И вдруг биение пропало — под его рукой и губами не было ничего. Она умерла, совсем умерла. Он выпустил ее и смотрел, как она лежит на полу. Ребенок. Мертвый ребенок.

Он медленно опустился на колени, склонился над ней, желая, чтобы она ожила, чтобы это оказалась не смерть, а всего лишь обморок. Он гладил ее по лицу. Он взял ее руки и снова уронил их, затем ударил ее.

Он не хотел ее смерти. Ни в ней, ни в нем не осталось ничего светлого. Он хотел использовать ее. Может быть, не только так, как провозгласил. Только боги, которые его ненавидят, знали, что он хотел сделать на самом деле. Но убить ее — на такое он был не способен.

И это глупо, ибо он не выносит ни одной из ее породы. Он должен быть свободен от них. А эта... одной меньше, только и всего.

— Это всего лишь сон.

Регер вгляделся в смуглое лицо девушки, обрамленное черными волосами и ночью, на фоне пылающего от Звезды океана.

— Да, — кивнул он. — Только сон.

Но Велва все еще лежала сверху, изучая его широко распахнутыми глазами.

— Что с тобой? — спросил он.

— Равнинная ведьма, — прошептала она так, что он сдва расслышал. — Ты все время говорил — «женщина Равнин, женщина Равнин».

Блеснула красная молния, отразившись в глади южного моря.

— Нет, я говорил только «Велва», — Регер перевернул девушку и поцелуями заставил ее умолкнуть.

Приподняв ее, он позволил оседлать себя, помогая ей своей силой, пока она не застонала от пронзительного наслаждения.

Но пока тело изгибалось в волнах упоения, его сознание витало далеко. Его сознание было в дворцовых залах Корамвиса и Лин-Абиссы, глядя глазами Амрека, Верховного короля всего Виса, жившего более ста тридцати лет назад.

Катемвал завтракал во внутреннем садике дома на улице Драгоценных Камней. В водоеме плавали ручные водяные птицы и хватали упавшие крошки.

Когда вслед за рабом появилась обласканная солнцем фигура Регера, старик испытал острейшую радость. Герой пришел к своему создателю... Их встречи случались нечасто, но значили много больше, чем простые знаки внимания, которые Лидиец оказывал товарищам по мечу, городской знати, хозяевам таверн, толпе.

«Я все еще являюсь для него мерилом истины, — подумал Катемвал. — И он это знает. Вот он, здесь, с вопросом, готовым слететь с губ. Он спрашивал меня о самых разных вещах — давно, много лет назад, когда я рассказывал ему легенды и истории о своих путешествиях и других землях. Элисаар — его земля, он никогда не уедет отсюда и не захочет этого. Но мое сознание — это его библиотека. Мы будем биться с таддрийцами, тебе приходилось бывать в Таддре? Мне предложили упряжных животных из Дорфара, как ты думаешь, чего они стоят?»

— Садись, ешь и пей, — пригласил Катемвал. — И спрашивай меня.

— Что, так заметно? — усмехнулся Регер. С его плаща сыпался морской песок. Он оделся для вечерней трапезы, но провел время на берегу.

— Безусловно, не принцесса, — заметил Катемвал.

Регер бросил взгляд на песок, который пытались клевать водяные птицы. Он взял маленькое печенье, покрошил его птицам, и те принялись хватать крошки, грациозно изгибая синие радужные шеи.

— Нет, не принцесса. С морем было что-то странное. На рассвете, когда мы возвращались к портовой стене, прибой отступил так далеко, как я никогда не видел. Паре кораблей за бухтой пришлось нелегко, они разгружались в страшной спешке. Она испугалась моря, сказала, что может случиться плохое. Ты же знаешь, какими порой бывают девушки.

— Помню.

— А рыбаки бегали по пляжу, размахивая руками. В грязи осталась куча рыбы. Они говорили, что Рорна замучила жажда, и он выпил море.

— Воды вокруг Элисаара всегда были со странностями. Легенда гласит, что они текут к преисподней — Эарлу, Всемертвию. Потом торговцы начали заплывать все дальше в земли белых людей, и Эарл вроде бы убрал свои ловушки. Но можно встретить моряков, плавающих на юго-запад, чьи волосы стали седыми, и рыбаков, которые ходят на лов к берегам Ханассора — соль Эарла выбелила их кожу, а может быть, и разъела мозги. В ночь Огненных скачек все вокруг тряслось. Земля дрожала, море тоже выделывало непонятные вещи. Но ты хотел расспросить меня не об этом.

— О да, Катемвал.

Вернулся раб с блюдом горячих пирожков, медового творога и изюма. Он убрал молоко, которое Катемвал не тронул, а дети Дайгота вообще не пьют. Регер поблагодарил раба и, выждав, пока тот уйдет, спросил:

— Кто такой Амрек? То есть Повелитель Гроз. Я правильно произнес это имя?

— Правильно. Амрек, сын Редона, последний чисто висский Верховный король. Он заявил, что выскребет всю Равнинную грязь с лица земли. Но Ральднор, наполовину Вис, наполовину человек Равнин, незаконный сын Редона и, как уверяет легенда, воплощение Анакир по матери, заключил договор с народами другого континента, белокурыми людьми Ваткри, Вардата и Шансара, а потом поднял степняков и объяснил им, что они маги. Вооружившись таким образом, он свел Амрека в могилу намного раньше срока. Землетрясение разбило на осколки Корамвис, а Анакир восседала на горе и хлопала в ладоши, как леди на стадионе. Около сотни лет назад опять случилось нечто подобное, но с иным исходом — Вольный Закорис очень хотел повоевать, однако войны не получилось. Боги остановили ее. Если, конечно, ты веришь во все это.

— А ты?

— О да, если я рассыплю соль, то прошу у богов прощения, как какая-нибудь деревенская служанка. И регулярно приношу жертвы в храмах. Даже делаю подношения женщине-змее в шалианском храме рядом с Могильной улицей — просто так, на всякий случай. Но в богов, ходящих по воде, я никогда не поверю. Я вообще не знаю, верю ли в богов. Да простят они меня, если они есть.

Регер негромко рассмеялся, но его глаза смотрели куда-то вдаль. Созерцание безмерной красоты человека, сидящего в солнечном свете за простым столом, наполнило Катемвала неожиданным беспокойством. Нельзя искушать судьбу. Годы сражений и побед, венец победителя скачек — и ни одной отметины, никакое уродство не исказило черты, достойные несуществующих богов.

— Но почему именно Амрек? — спросил Катемвал.

Регер разглядывал нарядных птиц. Катемвал тоже глянул на них, неожиданно вспомнив шкатулку с ястребом и голубем. Иногда таким способом стрелки из трущоб добывали себе ужин — осколок кремня в груди хищника указывал на них. Но потом кто-то иной выпросил или отобрал их добычу. Как выяснилось, тела птиц не были забальзамированы, сохраняясь от разложения каким-то иным образом. Их выбросили на кучу мусора за домом, но даже там, как сказал раб, они не разлагались. И никакой зверь не попытался тронуть мертвых птиц.

— Вчера мне пытались внушить, что я происхожу из рода Амрека, — произнес Регер.

— Ты искаец. В этом нет никаких сомнений, — быстро ответил встревоженный Катемвал. «Каждый пытается заглянуть в тебя», — подумал он. Хвала богам, о да...

— Ладно, Катемвал. Мой отец лишь переспал с моей матерью, но он не был искайцем. Он оставил ей этот золотой дрэк,

помнишь? Она рассказывала мне, как он выглядел — высокий, сильный, с темной кожей. Должно быть, он был богат. Еще она говорила, что он был родом из Ланна. Это возможно? Есть ли какое-то упоминание о ланнской ветви дома Амрека?

— Так, погоди-погоди... — Катемвал забарабанил по столу так, что на блюде запрыгали изюминки. — Ланнелир — как раз во времена не случившейся войны. Там имелась жрица, которая претендовала на происхождение от Амрека эм Дорфара. Она вышла замуж за кого-то из королевского дома в Амланне. Не ради ланнского трона, сам понимаешь — там признают только кровосмесительные союзы брата с сестрой или матери с сыном... — неожиданно он осекся, выпрямился и посмотрел на Регера, понимая, что юноша — теперь уже мужчина — за все годы их дружбы, которая, по большому счету, не была дружбой, прежде никогда не придавал значения этим важным обстоятельствам жизни своих родителей. Не успев овладеть собой, Катемвал растерянно спросил: — Ты не доверял мне до такой степени, чтобы рассказать об этом? Оберегал честь матери, да?

Регер поднял глаза. В них промелькнул блеск, а потом они смягчились, как бывало, когда он смотрел на женщину или зверя. Потрясенный, Катемвал не успел отреагировать — Регер дотянулся и ласково сжал его запястье. Затем минута нежности миновала. Регер нетерпеливо покачал головой.

— Я считал, что неважно, кем он был. И никогда не говорил тебе, поскольку для меня это ничего не значило.

— А что это значит теперь? — поинтересовался Катемвал. — Ты — Клинок Саардсинмеи.

— Раб, о да, — небрежно бросил Регер. — Но я хочу знать, есть ли во мне королевская кровь. В самом ли деле мать зачала меня от потомка королевского рода?

— Отлично, — резко сказал Катемвал. — Прогуляйся по аллее Трех грошей, найди какую-нибудь гадалку или ведьму и спроси ее.

— Именно ведьма и сказала мне об этом, — произнес Регер.

Старый работорговец подумал о белом силуэте у стены, о послании, предвещающем падение, о слухах по поводу воскрешения мертвых...

— Если это женщина-эманакир, не ходи к ней, — предостерег Катемвал. — Ни в коем случае.

— Боюсь, что мне придется.

— Нет, я сказал. Разумеется, она ведьма. И, кроме шуток, смертельно опасная — как и вся ее белая раса. Рассказывают, что у них есть поселение на северо-западе, в джунглях за Закорисом. Там они взращивают свою болезненную холодную магию. Предупреждение, о котором я тебе сообщил, как раз в их стиле. Несомненно, оно от нее.

Лицо Регера накрыла тень. Предупреждение с костями внутри. И, вдобавок ко всему, его мета...

— Ты видел мой последний поединок, Катемвал?

— Я всегда прихожу посмотреть, когда ты сражаешься.

— Убил ли я корла?

— Да, убил. И половина города уверяет, что *она* вернула его к жизни. Но кто видел этого воскресшего юношу? Ужасная нелепица, однако с *нее* станется. Они используют магию. Но, правдивы слухи или нет, там нет ничего, на что стоило бы смотреть.

Регер поднялся на ноги, бросил на Катемвала долгий пристальный взгляд, и в его глазах промелькнула тень.

— Мне пора. К середине утра я должен быть на тренировочном дворе, сражаться в квадрате.

— Конечно, — кивнул Катемвал. — Будь осторожен.

Когда Регер вышел, работорговец сел, неожиданно ощутив себя очень старым. Однако вскоре он поднялся на крышу и стал смотреть, как Лидиец едет по улице на угольно-черном скакуне. Катемвал проводил его взглядом до фонтана, где дорога поворачивала — к змее, живущей на этой же улице, в ветхом доме, покрытом черепицей. Регер не оглянулся. Но он никогда не оборачивался, уезжая от Катемвала.

Он вполне мог пренебречь сегодняшней тренировкой, включая сражение в квадрате, невзирая на то, что сказал Катемвалу. Уж он-то знал. В таких вещах победители сами себе закон.

Но он жаждал боя, тяжелого испытания. Близость не очистила его. Море и ночь, взбудораженная красными сполохами, отступившая вода. Это Застис. Он происходит из рода умершего короля. В его сознании смешалась память о белой девушке, лежащей на полу, и о белой девушке, вцепившейся в железную решетку.

Восемь квадратов, каждый из четырех человек, по двое, спина к спине. Солнечный свет падал и струился по клинкам мечей и кинжалов, порождая отблески, высвечивая, смешивая, размывая.

И еще этот корл, который жив. Где он? Куда может пойти человек, которого сразили, а потом возродили? В публичный дом? В храм?

— Ты медлителен, Лидиец, — усмехнулся Йиланец, стоя лицом к лицу с ним в соседнем квадрате и делая ритмичные выпады. — Сколько раз ты взял ее прошлой ночью, ту, с кем ты был? Шесть или семь? Наверное, после этого она была вся бледная?

Во время схватки не разговаривают. Разве что на тренировочном дворе.

— Прошлой ночью я молился, — бросил Регер и сделал ответный выпад, ударив Йиланца по шлему плоской стороной меча. Йиланец упал, люди из его квадрата с проклятиями отступили.

«Игра слов, — подумал Регер. — Вся бледная... Он явно имел в виду эманакир».

Их наставник добрался до квадратов, хмурясь и призывая Дайгота.

Регер ждал, пока Йиланец поднимется.

«Снимай свои жалкие обноски», — приказал он испуганной девушке в покрытом снегом Зарависсе.

Йиланец уже был на ногах, тряся головой, как поверженный

Амрек. Регер. Сны и воспоминания носились в его крови...

Воин рядом с ним, молодой здоровенный оммосец, который через год станет еще сильнее, если сумеет прожить столь долго, нанес удар напарнику Йиланца. Тот сумел увернуться, лишь слегка задетый, и вернул удар, ткнув оммосца кинжалом под ребра.

— Вот это тебе понравится, любитель мальчиков.

Оммосец повалился на землю рядом с Регером. Тот отскочил. Йиланец, теперь работая кинжалом, попытался поднырнуть под меч Лидийца, но Регер легко отвел удар, перекинул меч в левую руку, а в правую взял кинжал. Меч в левой руке столкнулся с клинком Йиланца и выбил его — кинжал отлетел далеко во двор. Йиланец зарычал, теперь уже разозлившись по-настоящему. Как правило, на тренировочном дворе бьются тупым оружием — но только не сегодня. Сейчас Застис, когда остры не только чувства, но и клинки...

Кинжал и меч Лидийца снова поменялись местами. Он проделал это еще дважды.

— Значит, смог только три раза, — усмехнулся Йиланец. — Берег силы для меня?

Неожиданно оммосец, который все еще катался по земле, вцепился зубами в ногу человека, который его ударил. Раздались хохот и брань, наставник заворчал и топнул ногой. За грязный бой положено снимать привилегии. Придется оммосцу обойтись этой ночью без мальчиков...

Что с того, что в нем течет кровь королей? Сейчас эта кровь может пролиться, а он — раб Саардинсмеи... Осторожнее с мечом. Мечи могут оказаться замаскированными змеями.

«Я пугаю тебя. О, Регер, предупреди этот город...»

Кто-то закричал, сильно и звучно, но далеко отсюда — какая-то тварь в недрах планеты... Регер вскинул голову — солнце мешало видеть. Его левая рука безжизненно повисла.

— Ты позволил мне ранить тебя, — на лице Йиланца застыло изумление.

Кровь королей покидала его.

Мгновенно оказавшись рядом, наставник приподнял его руку, чтобы осмотреть. Лидиец позволил это. Рука, с открытой раной от локтя до запястья, больше не принадлежала ему. Она принадлежала городу.

Остальные квадраты продолжали сражаться.

— Глубоко задето. Старый шрам на запястье смягчил удар — хоть в этом повезло. Боги ослепили меня, Лидиец. Я не помню, чтобы ты позволял так глупо поранить себя с одиннадцати лет.

Регер ушел со двора. Он старался удерживать кровь Амрека в себе, но она все равно сочилась на землю сквозь его пальцы.

— Выпей, — хирург указал на чашу с вином. — И расслабься.

Эхо утренних слов Катемвала.

Регер сделал так, как было сказано. Хирург шесть раз проткнул его кожу серебряной иглой, стягивая края раны ниткой из кишок, ученик врача наложил повязку.

— Ты не сможешь сражаться десять дней. Пропустишь два состязания, они все истомятся по тебе. Сейчас я объясню, какие упражнения тебе делать нельзя, а какие можно.

— Ты знаешь что-нибудь о корле? — спросил Регер, когда поток наставлений иссяк.

— Вчера меня тут не было. И уверяю тебя, Лидиец — я не знаю никого из стадионных хирургов, кто был здесь вчера.

На улице к нему подошла хорошенькая шлюха, одна из тех, что держали для услады молодых Клинков. Она хитро усмехалась, приспуская платье с плеч.

— Говорят, Йиланец задел тебя? Вижу, так оно и есть. Я-то все знаю! Раз ты допустил это, значит, можешь быть с той женщиной, не так ли? Провести все дни и ночи Застис только с нею.

Регер пришел туда своими ногами, закутавшись в плащ с капюшоном. На миг он замер — кто-нибудь мог узнать его по росту.

Но три факельщика, которые всегда приветствовали его, не обратили на него внимания, двигаясь по главному бульвару Саардсинмеи и помогая распуститься желтым цветам огня на столбах. Девушки тоже не подходили к нему, также, как хозяева лавок и аристократы, которым он помог выиграть.

Несколько шумных гуляк прохаживались по улице Драгоценных Камней, кто-то танцевал перед фонтаном, молодые женщины трясли бусами и юбками. Двое офицеров из войск наместника обсуждали новость: Лидийцу рассекли руку на тренировке, да так, что он не сможет сражаться дней тридцать, а может быть, и вообще никогда. Дайгот пожевал его и выплюнул. Интересно, как теперь будут делаться ставки?

Ее дом стоял в темноте. Даже из сада не было видно ни одного освещенного окна. Регер поднялся на верхнюю ступеньку — лампа не горела. Забыв про колокольчик, он несколько раз ударил кулаком в доски.

Когда девушка-полукровка распахнула дверь, ему стало неловко.

— Все в порядке, сладкая. Я всего лишь хотел, чтобы меня услышали.

Она ничего не ответила, не попыталась его остановить — просто отошла в сторону. Он молча вошел в дом, закрыв за собой дверь. Повсюду лежали тени, в комнате никого не было. Но Регер чувствовал ее аромат, повисший в воздухе, как пыльца.

Он подошел к решетке, у которой она стенала. За окном лежал сад, погруженный в безмолвие. Взошла луна, висская луна времени Застис, красная, как волосы красноволосой принцессы — а в холодные месяцы белая, как эманакир. Его рука ныла и горела, пальцы утратили гибкость. Хирург не сказал ему, что даже при самом лучшем лечении в рану могла попасть какая-нибудь зараза, и рука может нагноиться.

Рука... Теперь она потеряна для него. Кто-то выбирает жизнь, чтобы подметать двор, чистить уборные, наполнять массажным

маслом кувшины в бане... бегать по поручениям Клинков... Кто-то возвращается на стадион и вскоре умирает там, жалкий и осмеянный, но превозносимый после смерти. Такова милость Дайгота — быстро убить искалеченного.

— Аз'тира, — прошептал Регер во тьму и ароматную пустоту. Он пересек гостиную и попытался открыть двери в смежные комнаты. Все они оказались незапертыми. Во многих комнатах не было даже мебели. В некоторых имелись некие темные формы, ничем не оживленные.

С балкона, опоясывающего дом, на крышу вела лестница. Он начал медленно подниматься.

«Прежде я исцелялся от всех своих ран, — думал он и возражал сам себе: — Я был моложе. А эта рана — не чета прежним».

На крыше были высажены садовые деревья, только с юго-западной стороны открывался вид на пляшущие огни улицы и аллею, словно охваченную пламенем. Ему показалось, что он слышит шум моря, как если бы снова оказался в таверне или на берегу, погруженный в золотую плоть Велвы. Равнинная девушка сидела на парапете, бледнея сквозь тьму. Распущенные волосы, лишенные украшений, ниспадали вокруг нее на крышу, точно водопад. Она не обернулась.

— Твое имя Аз'тира? — произнес он.

Она не ответила.

— Аз'тира, ты должна исцелить меня, как исцелила корла. Сегодня меня ранили в руку, и это твоя вина, — он подошел ближе, но она даже не взглянула на него. Над восточными деревьями повисла луна, роняя лучи ей на лоб — уже не красная, всего лишь цвета розового янтаря. — Кроме того, я принес вещь, которую мой отец оставил моей матери. Это монета. Знающие способны что-то прочесть с вещи о ее прежнем владельце. В Элисааре это могут или говорят, что могут. Я хочу расспросить тебя об этом человеке — если ты согласна взять монету и рассказать мне. Его звали Йеннеф. Моя мать никогда не могла правильно выговорить его имя. И я не мог, пока не оказался здесь, — он стоял совсем рядом с ней, а темнота вокруг тревожила и нашептывала. — Ты слышишь, Аз'тира? И еще есть сон, который мне очень надо разгадать...

Она обернулась. Когда она встала, ее волосы растеклись серебряным дымом. Ее глаза казались звездами, отраженными в воде. Она подняла руки, ее пальцы легли на плечи Регеру. В нем билась сила, страстная и горячая, как вино. Все раны и проблемы куда-то отступили. Он обнял ее за талию и приподнял, пока ее серебряные руки не обвили его шею, пока ее сердце не забилось напротив его, пока их губы не встретились.

Глава 8. Проданная и купленная

О храме не шло и речи. Корл направился прямиком в публичный дом.

Где-то остался кошмар смерти. Где-то. Но здесь не стоило думать о нем.

Чакор проиграл, потерял себя и покинул комнаты под стадионом. Чтобы утолить досаду, он пришел сюда, в дом у берега моря. У него еще осталось немного денег. Когда они утекут сквозь пальцы, его выбросят на пахнущую рыбой гальку. Хозяйка будет ругаться, девицы опечалятся. И только тогда он уйдет.

— Я принц Корла, — говорил он девицам. Они не верили ему. Но им нравилось его красивое лицо и крепкое мужское достоинство. — Пойдем ко мне во дворец. Будь моей королевой Корла.

— Ах, отстань, — отвечали они.

Ложе было усыпано темными элисаарскими бархатцами, гранатовыми анемонами и крапчатыми топазовыми лилиями, растущими в холмах. Слуги накормили его, принесли вина и белого кармианского спирта, который заставляет думать, что ты умеешь летать. («Летим со мной в Корл». — «Отстань».)

В первую ночь, около рассвета, его разбудило огромное стадо вьючного скота, мычащее откуда-то из-под воды. Но откуда там взяться стаду?

Девушка закричала, лежа на его животе и вцепившись ему в плечи. Он добрался до вершины чуть раньше нее и, открыв глаза, увидел сквозь ее искаженное лицо другое, белое, как череп. В его груди каталась боль, от шеи к грудной кости. Лидиец нанес ему удар щитом. Это ошеломило его. Ладно...

— Теперь я, — сказала другая девица, проскальзывая к Чакору.

— О, Коррах, нет. Я умер.

Они тоже слышали те самые слухи, но не поверили им, хотя верили в любое проявление запредельного — в дурной глаз и несчастливые вещи, в чары, в призраки и демонов.

— Ах, Чакор. Солнце садится, восходит Звезда. Взгляни, что это?

Он почувствовал, как поднимается его плоть в тонких ласковых руках. Когда она погрузила его в себя, он был на редкость живым.

* * *

Закутавшись в черный шелковый плащ с отложным воротником, расшитым черными агатами, Пандав стояла и смотрела. Мужчина-полукровка, одетый бедно в сравнении с ее роскошным рабским нарядом, снова потряс открытыми мешками.

— Пять сотен слитков, обычный расчет. Попробуй их на вес, если угодно.

— Ты ее слуга, — произнесла Пандав. Она щелкнула пальцами своей служанке, приказывая следовать за нею через крытый двор, в здание театра.

— Нет. Но она вправе приказать мне. Ее милость всегда может сделать это.

— Я вижу. Возвращайся и скажи ей — пусть побережет свои деньги.

— Они тяжелые, — мужчина бросил взгляд на мешки.

— Ах, я плачу кровавыми слезами.

Мужчина обозвал ее черной закорианской шлюхой. Пандав развернулась и угрожающе подошла к нему. Она могла убить его без всякого оружия, одними руками и ногами — ее тоже учили бороться на стадионе, как и любого профессионального танцора-акробата в этом городе. Но это вышло бы за всякие рамки. Он был полукровкой, одним из тех, кому Ясмат оборвала орудие между ног. И мальчиком на посылках у эманакир.

Танцовщица устала от этой эманакир. Достаточно и одной встречи. Что дальше?

Когда Пандав зашла за кулисы театра, ее ждало новое открытие.

— Она здесь, — с презрительным выражением на лице управляющий нервно оглядел сцену, заставленную реквизитом и окруженную любопытными.

— Кто — «она»?

— Твоя змеиная женщина.

— Она не моя, — твердо заявила Пандав.

— Неважно. Я отвел ее в комнату художников. Иди и поговори с ней, во имя всех богов.

Развернувшись, Пандав направилась в комнату художников.

— Должно быть, ты влюблена в меня, — с порога бросила она эманакир. — Можно ли мне отказаться? Те, кто тренируется на стадионе, избегают пить молоко.

— Я хочу только того, о чем сказала тебе.

— И на что я не согласилась, как ты знаешь. Иначе почему ты здесь, когда твои грязные деньги встретили меня снаружи?

— Назови свою цену, закорианка.

Пандав едва сдержала поток бурных слов. Но помимо всего прочего, ею овладело любопытство. Сегодня вечером эманакир была облачена в одежды разных светлых оттенков, словно хамелеон. Ее сказочные волосы и даже лицо скрывала газовая вуаль.

— Зачем ты хочешь купить ее? — спросила Пандав.

Эманакир вздохнула — прозрачная ткань всколыхнулась, — но не произнесла ни слова.

— Думаешь, она понадобится тебе? — настаивала Пандав. — Причем раньше, чем мне?

— Именно так.

— Пожалуй, мне не стоит радоваться этому, а то ты можешь сразить меня. Я слышала, твой народ умеет убивать молнией из разума. Но где ты будешь потом? К тому же мой камень черен, госпожа.

— Люди Равнин используют черный камень.

— И сжигают своих мертвых.

— Здесь я живу не по своим законам. Я уважаю обычаи стран, которые посещаю. Они влияют на меня.

— Ты чего-то не договариваешь, — произнесла Пандав. Ее блестящие глаза, словно сделанные из такого же агата, какой украшал ее воротник, сощурились.

— А что ты хочешь услышать?

— Почему именно моя?

— Это суть равновесия, закорианка, которую ты не в силах понять. Кроме того, твоя — одна из лучших, гордость каменщика. Самая крепкая.

— Ты боишься, что саардсинцы взломают ее и осквернят?

По движению вуали танцовщица угадала, что эманакир усмехнулась.

— Перед Застис ты пришла ко мне и спрашивала о Лидийце, — продолжила Пандав.

— Если угодно, это была прелюдия к сегодняшнему разговору.

— Но ты уже встретилась с ним. Об этом знают все на стадионе и в Женском доме — то, что вы вместе зажгли Звезду. Ты околдовала его и едва не искалечила на тренировочном дворе, чтобы он провел с тобой всю пору Застис. Почему бы тебе не попросить его помощи и в этом вопросе?

— Он никогда ни о чем не заботится впрок. А это важно, Пандав. Женщины, которые менее защищены от любой опасности, думают о ней в первую очередь, — эманакир умолкла. Затем она подошла к закорианке и откинула вуаль с лица. Она глядела на Пандав снизу вверх, ибо жители Равнин уступали Висам в росте. Но эта хрупкость и невообразимая юность белой девушки взволновали танцовщицу, плотски и эмоционально, и поэтому заставили ее беспокоиться.

— Прости меня, Пандав, — тихо произнесла она. — Моя раса заносчива и жестока. Я умею только требовать. Разреши мне вымолить твое прощение и просить снова. Пожалуйста, Пандав эм Ханассор, я умоляю тебя — позволь мне выкупить твою черную гробницу на холме. На те деньги, которые я тебе дам, ты выстроишь еще лучше. Хотя я обещаю, что она тебе не понадобится. Твои дни будут долгими.

— Но не твои? — Пандав охватила дрожь. — Да, я вижу. Потому ты и торопишься.

— Скоро ты услышишь, что я умерла. Тогда радуйся, если захочешь. Продай мне гробницу. И прими мое благословение в ответ на твои проклятья.

* * *

Велва вошла в Соляной квартал, переплетение узких улочек и развалин, расположенное между торговой частью города и восточными трущобами. Хозяину таверны она сказала, что ее снова хочет Лидиец. Он не возразил и не потребовал денег вперед, не подозревая, что это ложь.

Она шла по кривой грязной улице, извивающейся сквозь весь квартал. Не ведущий ни к какому важному месту и отвратительный на вид, этот путь тем не менее пользовался в городе прекрасной — точнее, дурной — известностью. Иногда из каких-то темных щелей к девушке тянулись руки, пытаясь достать ее плащ или коснуться лица. Но это были слабые, неуверенные попытки. Обычная похоть уже не ускоряла течение ночи.

Не оглядываясь, Велва оставляла позади дверные проемы и разверстые пасти переулков, похожие на пещеры открытые витрины, полные того, что когда-то было живым, а теперь стало смертельным. На этой улице, подобной следу червя, продавались все виды снадобий — настойки, эссенции и эликсиры, зелья, дарующие сон или смерть, по рецептам многих земель. Здесь можно было купить даже «Поцелуй Эарла», который теперь был известен всему Вису — сок желтых плодов с таинственного острова, лежащего в море вдали от берегов Элисаара и в стороне от обычных торговых путей. Говорили, что его открыл Ральднор, светловолосый Повелитель Гроз, во время своего плавания, закончившегося на Континенте-Побратиме. Если съесть такой плод, то опьянеешь. Очищенный от кожуры и протертый, он делает все вокруг прекрасным, открывая врата в царство богов — а затем убивает, быстро, но в немыслимых мучениях. Однако, отжав и разбавив сок, любой мог умеренно потреблять его в течение многих лет и получать столь же умеренное наслаждение — или, если будет угодно, познать куда больший экстаз, но сгореть за несколько месяцев. Те, кто пьет этот сок десятки лет, отрицают, что он убийца. Они любят его, как друга, цепляются за него, как за возлюбленных, и в конце концов соединяются с ним. Те же, кто желает познать удовольствие во всей полноте, не страшатся смерти — разве жизнь может предложить им что-то более впечатляющее?

В темном дверном проеме Велва дернула за шнур. Она не услышала звонка, однако дверь приоткрылась на ширину двух пальцев.

— Чего тебе? — спросил хриплый голос.

— «Поцелуй Эарла».

— Будешь платить или принесла вещи на обмен?

— У меня есть деньги.

— Дай-ка взглянуть на них.

Воспитанная улицами Саардсинсмеи, Велва позволила ему увидеть лишь отблеск ярких дрэков. Она сохранила деньги Лидийца, думая вернуть их ему. Но он больше не приходил к ней. Его околдовала ведьма.

— Заходи, — произнес кто-то невидимый. Он схватил ее за руку, но она оттолкнула его.

Из темноты тянуло морской сыростью и грязью. Лампа еле горела — ни продавец, ни клиент не стремились быть увиденными. Велва почти не боялась, что ее изнасилуют и ограбят, поскольку живая она была куда полезнее для них. Они знали, что та придет снова — раз попробовав это зелье, все возвращаются к нему.

— Какой именно? — спросил человек, которого она не могла разглядеть.

— Не обычную смесь. Неразбавленную. Из мякоти.

Вот теперь она не в безопасности. Такой особый состав пьют только один раз — и обычно не сами.

— Это не так просто, — произнес человек. — Зачем тебе именно она?

— Мой любовник, — Велва чуть отвернулась, ибо он придвинул лампу, желая разглядеть посетительницу. — Он стар и болен. Обычный сок уже не действует на него.

— Хочешь, чтобы он загнулся, да?

— Мне нужны его деньги, — спрятав лицо под капюшоном, она вытащила флакон. — И наполни еще одну склянку разбавленной — для меня.

Торговец хмыкнул, готовый услужить. Теперь, явно приученная к зелью старшим партнером, она полностью в его власти. Молодая и здоровая, она будет ходить к нему еще долгий десяток лет.

Стояло зимнее утро, когда работорговцы пришли в рыбачью деревню в миле от Ханассора. Темный конус утеса, содержащий в себе город, закрывал солнце, но море так и сверкало. В Закорисе никогда не бывает настоящих холодов.

Тетка, заменявшая Пандав давно умершую мать, чистила рыбу и вывешивала ее сушиться на шестах. Она была пышногрудая и с большим животом, вечно ждущая ребенка, как в старину, когда мужчины деревни считали всех своих женщин общими. Прочие женщины в поте лица работали на каменистом берегу, выгружая из сетей рыбу, которую мужчины наловили еще до восхода солнца. Над хижинами вился дымок.

Пандав, чье имя в те дни произносили как что-то вроде «Пенгду», каталась кувырком, не желая мыть горшки в бадье с водой. Тетка-мать проклинала ее, называя Ненавидимой Зардуком. Трехлетняя Пенгду, утирая слезы, поскольку теткины удары были весьма чувствительными, отчищала грязь. Она еще не знала, что уже совсем скоро, в ином мире, синяки от побоев исчезнут навсегда.

Уже век, с самой войны Равнин, Закорис был вардийским и звался Вар-Закорис. Мощь Ханассора ушла в прошлое, теперь у страны имелась новая столица — в глубине материка, с иным названием. Иногда близ деревни появлялись светлокожие люди с желтыми волосами. Они никого не радовали, но и не раздражали. Боги сказали слово, Зардук покарал свое древнее царство, а душа земли ушла в Вольный Закорис, за горы.

Увидев приближающихся всадников, тетка-мать Пенгду позвала остальных женщин. Речь всадников была похожа на вардийскую или тарабинскую, но они не принадлежали к светлой расс. Тогда, наверное, дорфарианцы, любимые вардийцами и тарабинцами.

Однако они не были и дорфарианцами.

Они пробирались среди камней. Женщины стояли, готовые драться, если понадобится. Их мужчин, отдыхающих после ночной ловли, нельзя было беспокоить.

Затем пара всадников объяснила, что им нужно. Дети. Достаточно маленькие. Разумеется, девочки — мальчиков в Ханассоре не продают. Мальчики все еще считаются там воинами и продолжателями рода. Но девочки были вполне ходовым товаром. Особенно такие, как Пенгду, чья мать умерла родами и могла передать эту нестойкость дочери.

Пенгду слышала торг над своей головой и поняла, что ее продают, как рабыню. Когда они подошли, чтобы осмотреть ее, она отчаянно отбивалась. Но никто не заступился за нее. Никто не знал, кто ее отец, и она никогда не представляла ценности для деревни.

Вскоре ее увезли в Элисаар. Она думала, что все это случилось с ней потому, что она плохая. Потому что она кувыркалась. Это ее наказание. Только на стадионе, в зале для девочек, в нее постепенно, мучительно и бесповоротно вколотили, что ее взяли за красоту и силу, теперь ее имя Пандав, и она станет танцовщицей и принцессой славы. В то время как в деревне ее участью было бы чистить горшки, разделывать рыбу и раздвигать ноги, впуская мужчину в себя или выпуская наружу новорожденного — и так до конца дней.

Сейчас Пандав стояла на верхней ступени перед сценой, размышляя обо всем этом. Неужели это воспоминание о том, как она начинала, является знамением? Не солгала ли белая женщина, заявив, что гробница не понадобится Пандав, ибо она будет жить долго? Значит ли это, что над танцовщицей висит рок, и смерть ее окажется столь неожиданной, что хоронить будет нечего?

Уничтожение в пламени или в воде было постоянным жутким страхом для Пандав. Для жителей Равнин с их верой в вечное обновление — чуждой танцовщице, как и все прочее в них — смерть тела была ничем. Может быть, потому *она* и была так спокойна? Но для закорианцев имело силу только правильное захоронение или принесение в жертву — обо всех жертвах боги заботятся так же, как о воинах, павших в бою. В смертном покое тень умершего, лишенная привязки к телу, потеряет форму и память. А если тело не похоронено, где найдет прибежище тень? Смерть — темная мрачная страна, и там пригодится любая помощь.

Театр почти опустел, репетиции закончились. Под алой крышей одна за другой гасли лампы, которые тушили мальчишки, влезая по колоннам, как обезьянки. Декорации разбирали на части и катили по желобкам за кулисы. Колеса под ними скрипели всю репетицию, вызывая у актеров смех и замечания, что управляющий совсем безнадежен.

Рядом с Пандав осталось лишь огромное полудерево-полуколонна, оставленное на сцене до утра — выдолбленный срез высокого и крепкого древесного ствола, стянутый кольцами из позолоченной бронзы и раскрашенный. Он одиноко стоял, скрепленный шарнирами. Пьеса включала в себя хитрый трюк — явление богини любви Ясмат. Магическое дерево, вырезанное на колонне, озарялось божественной молнией, а потом появлялась сама богиня, окруженная ласкающимися к ней леопардами и птицами, и своим танцем показывала могущество плотской любви. Богиня ни разу не говорит — это было бы богохульством, она лишь воплощает собой совершенную красоту и исключительный талант. Пандав согласилась исполнить эту роль за безумную плату. Уважая ее достоинства, колонну укрепили особенно тщательно и продумали все оформление. Однако кран, поднимающий колонну, неожиданно сломался. У всех случилась очень беспокойная ночь.

И эта ночь все еще не кончилась.

На авансцене появился ведущий актер элисаарской труппы. Он быстро поднялся на верхнюю площадку к Пандав и тут же обнял ее.

— Ясмат, — простонал он ей в ухо.

— Подожди чуть-чуть, — сказала она. — Мы можем пройти в раздевалку.

— Нет. Давай сделаем это здесь. Да, прямо в колонне. Вполне удобно. Черное на черном, моя Ясмат. О, не дли мое ожидание...

Стояла пора Застис, и нервы у обоих были натянуты. Пандав позволила затолкать себя в темную полость колонны, прислонить к стене и закрыть створки...

Однако, пока они тонули, бешено сцепляясь друг с другом в тесноте и тьме, ей пришло в голову, что они занимаются любовью в могиле. Когда кончатся все дела этой ночи, ей надо будет умилостивить Ясмат за то, что ее легкомысленно назвали именем богини.

Ночь шла своим ходом — с несчастными случаями и удовольствиями, с любовью и свадьбами. С тайными посланцами, несущими вести из публичных домов и таверн, с уличными драками близ доков. С роскошным ужином во дворце наместника, где можно было увидеть и местных принцев-купцов, и пару аристократов из Ша'лиса, и колесничих, и философов...

К рассвету усталая ночь бросила все это на берегу, как ненужный хлам, и ушла на запад вместе со Звездой.

Ранним утром по улице Драгоценных Камней шла цветочница. Вокруг не было почти никого, только несколько рабов. Женщины брали воду из фонтана. В одной-двух винных лавках подметали пол. Высоко в небе кружили ястребы, голуби чистили крылья на крышах домов. Из открытых окон доносились голоса:

— Торговец рыбой сказал, что море снова откатилось, и еще дальше, чем в прошлый раз.

— Как откатилось, так и вернется. Просто приливы стали выше.

— А ночью оно поет. От Высоких врат это хорошо слышно.

— Да ладно тебе. Пусть море делает, что ему угодно.

— Эй, девушка, продай мне цветов! Сколько возьмешь за эти лилии?

— Они не продаются, — девушка покачала головой, скрытой капюшоном. — Я сама только что купила их.

Ее лилии в самом деле были прекрасны — свежие, сорванные с росой на рассветных холмах, очевидно, за Могильной улицей, где многие собирают цветы.

Почему никому не придет в голову, что цветочница не сорвала сама ни единого бутона, а заплатила за корзину лилий, роз и белого алоэ однорукой женщине, живущей у шалианского храма?

Велва проявила расточительность, расставшись со всеми до единого дрэками.

Свернув на аллею у дома кружевниц, она подошла к воротам в стене и уселась перед ними. Вскоре она услышала перестук копыт зееба и голос торговца, предлагающего товар. Он остановился, видимо, встретив покупателей, а потом, как и Велва, свернул на аллею. Терпеливый зееб нес на спине бочонок из циббового дерева, а рядом шел мужчина с подвешенным к поясу медным ковшом, с которого в пыль падали белые капли. Это был продавец молока. С тех пор, как Велва занялась изучением привычек хозяйки этого дома, она интересовалась всем, что видела. Было несложно выяснить, что раз в три дня ей доставляют молоко.

— Чистое молоко, сладкое молоко, — продавец подмигнул Велве, сидящей в обнимку со своими цветами.

Сегодня оно будет сладкое, изумительно сладкое, так что никто ничего не заподозрит. В жаркую погоду в молоко часто добавляют сахар или соль, чтобы оно не скисало.

— Здешняя госпожа любит цветы? — спросила Велва у молочника.

— Очень может быть.

— Могу ли я пройти с тобой и спросить служанку? Смотри, цветы такие свежие, их можно поставить в вазу или сплести из них венок.

— О, ты тоже слышала, что здесь бывает Лидиец, — молочник встал рядом с нею и надавил пальцами ей на живот. — А что я получу взамен, если представлю тебя служанке, и ты продашь свои цветы?

— То, что обычно получает в Застис достойный мужчина, — ответила Велва, глядя на него прищуренными глазами.

Когда они вошли во двор, мужчина выкрикнул приветствие. Зееб начал жевать сухую траву сада, и Велва, сжалившись, потихоньку от молочника скормила ему два своих драгоценных цветка.

Что-то необходимо уничтожить, чтобы жило другое. Это закон богов.

На атласной спине черного жеребца, в объятиях Лидийца, она была счастлива и цеплялась за это счастье, зная, что это еще не конец. Она надеялась, что он вполне может желать ее и дальше,

хотя бы время от времени. Но ему поклонялся весь город. А она всего лишь разносчица вина в таверне, и, может быть, за всю жизнь ей не выпадет ничего, кроме этой ночи.

Ее отвергли, но она любила.

Она слышала, что он оказался в постели у ведьмы. Слухи носились из конца в конец города, обрастая подробностями и деталями — Лидиец испорчен степнячкой, потому что надменная Равнинная кобыла истомилась по нему. Но это значит, что она сошлась с ним в Застис еще до того, как он взял Велву. Да, он спрашивал дорогу к дому ведьмы... но той не оказалось на месте, и Лидиец решил заменить ее кем-нибудь менее важным. Следующим звеном стала история о ране на тренировочном дворе, наполнившая Велву ужасом. Женщина Равнин — сама Смерть. Так огромная змея способна убить крохотной капелькой яда — вот какова ее сущность. Она высосет и уничтожит его, и он умрет до срока, в полном ничтожестве, осмеянный людьми и покинутый богами.

Но этого не будет, если сегодня Велва сделает то, что намерена.

На лестнице послышался тихий стук сандалий — девушка-служанка спускалась с кувшином в руках.

— Ты не увидишь *его*, если думаешь об этом, — с усмешкой сказал Велве молочник. — Этой ночью он был не с ней. Наместник давал ужин в его честь, и он не мог отказаться.

Велва знала об этом ужине — как и о том, что Клинки не пьют молока.

Девушка-полукровка спустилась во дворик, и молочник принялся наполнять ее кувшин. Велва отошла чуть вперед. Служанка даже не взглянула в ее сторону. Велва незаметно толкнула мужчину в бок, тот усмехнулся.

— Это моя двоюродная сестра, — сообщил он служанке. — Сегодня ей не повезло. На рассвете она набрала этих свежих цветов для одной коровы, но та переживала размолвку с любовником и не стала покупать букет, — он помедлил, не торопясь брать деньги, протянутые служанкой. Было видно, что он очень старается. — Может быть, их захочет купить твоя госпожа? Как ты думаешь, ее можно спросить об этом? Это было бы доброе дело. Уверен, что моя сестрица не забудет оставить тебе кое-что из того, что даст твоя хозяйка... конечно, если этого будет достаточно, — его ладонь наконец-то сгребла плату за молоко.

Полукровка повернулась к Велве.

— Взгляните, девушка, какие они красивые! — с надеждой произнесла та, боясь заглянуть в ее желто-карие глаза. — Эти розы — нет ничего лучше для постели влюбленных.

Необыкновенные глаза заглянули в корзину с цветами. Велву затрясло. У нее в запасе имелось несколько уловок, и все рискованные, но она была готова пойти на что угодно — даже опрокинуть кувшин с молоком.

— Пожалуйста, девушка, может быть, вы отнесете цветы госпоже? Они понравятся ей. Лилии приносят удачу влюблен-

ным. Сделайте это. Я могу подержать молоко, пока вы ходите с корзиной, — с этими словами Велва сунула прямо в руки служанке корзину, полную цветов с каплями росы на лепестках, и привычным движением разносчицы вина взялась за ручку кувшина. Если полукровка откажется, придется придумывать еще что-то. Но служанка спокойно отдала кувшин, приняла цветы и двинулась с ними по лестнице, как заводная кукла из Зарависса.

— Благословение Ясмат, — Велва заставила себя неторопливо, с улыбкой повернуться к молочнику.

— Именно его я и должен получить, — отозвался он.

— Деревья у ворот, — бросила Велва. — Там прохладно, и никто не увидит. Иди туда, а то она решит, что нам еще что-то надо от нее. Я приду через минуту.

— Да уж, тебе лучше прийти, — кивнул он, довольный милостью висских богов, и повел зеева через сад. Едва он отошел, Велва достала из-под плаща флакон с ядом, отвинтив крышку, окунула палец в жидкость, а потом погрузила его в глубину кувшина с молоком.

Когда полукровка вернулась, молоко уже было спокойным, а палец сухим. Вместо цветов в руках у служанки болталась щедрая связка дрэков.

— Да хранят тебя небеса, — с невинным видом Велва вручила полукровке две монеты и направилась к деревьям у ворот, где ждал своего удовольствия молочник. За все должно платить, и это тоже закон богов.

Молодой солдат из войск наместника обнаружил, что Лидиец смотрит ему в затылок и терпеливо ждет чего-то под палящим западным солнцем.

— Зайди, если угодно, — произнес солдат. — Но если хочешь знать последние новости, то они дурные.

Лидиец ответил, что готов слушать, и солдату пришлось рассказать все как есть.

— Прости, что сообщаю тебе об этом, и не вини меня, — сказал он в заключение. — Ты все еще хочешь пройти в дом?

Регер кивнул и, поблагодарив его, прошел через ворота в сад.

Стояло жаркое предвечерье, небо слепило глаза странным мерцанием. Дом словно вымер, тени покинули его. Солдаты, дежурившие на лестнице, тоже пропустили Регера, сочувствуя ему. Один из них спросил его о состоянии руки и без всякого смущения поинтересовался, когда тот снова сможет сражаться.

— Шлюха обворовала ее и сбежала, — уронил другой. — Будут проблемы с Ша'лисом, запомни мои слова.

Судя по всему, сегодня она приказала принести ей на выбор несколько образцов кружева. Таким образом, именно кружевница с двумя помощницами нашли ее — и бросились вон, в испуге зовя стражу. На полу в гостиной валялся отрез кружева, забытый в

панике — весьма ценный, сплошь из золотой нити, газовую основу под которой выжгли раскаленным утюгом. Наверное, кружевница решила, что ее заказчица погибла от злого умысла — хотя кто осмелится пойти против эманакир? Однако кто-то осмелился...

Все дверцы и ящики шкафов были настежь раскрыты, шкатулка с драгоценностями — разломана и пуста. Полукровка ограбила свою госпожу, возможно, ради этого и убив ее. Иногда слуги восстают против хозяев. А что до Шансарского Элисаара — Ша'лиса, то он вечно беспокоится о шансарском союзе с Равнинами больше, чем сам Шансар, полностью смирившись с властью светлой расы. Убийца — служанка-полукровка, других предположений нет.

Она лежала на кровати рядом с окном, тем самым, у которого плакала. Несмотря на то, что полукровка сняла кольца с ее пальцев и драгоценные застежки с платья, эманакир лежала так мирно, словно спала. Ее немыслимо светлые волосы поблескивали в лучах солнца. Глаза были закрыты, но губы чуть приоткрылись — свежие, едва подкрашенные, словно у статуи. Суеверие не позволило воровке тронуть ни янтарную каплю на лбу, ни эмалевую змею на запястье. Глаза змеи тускло блеснули, когда Регер пересек комнату. Больше ничего не шелохнулось.

Он видел смерть много раз, заглядывал ей в лицо и сам нес смерть. Но *она* не выглядела мертвой. Регер опустился на колени перед эманакир, заслонив солнце, падавшее ей на лицо.

Да, такой она была во сне. Он уже видел ее столь безмятежной и тихой. Мертвые, что бы там ни писали поэты, никогда не выглядят так. Они выглядят иссохшими, словно нечто сошло с них, как кожа со змеи, и ускользнуло прочь. Но она лежала, готовая пробудиться для жизни — только жизнь уже не вернется к ней.

Перед сумерками его слуха коснулось, что ему пытаются изложить подробности, будто они имели какое-то значение. Яд, обнаруженный в стоящей тут же кружке с остатками молока, уже определили. Хотя запах был очень слабым, оба врача, посланных наместником, легко узнали снадобье, ибо навидались людей, умерших от него. Было очень жарко, и она выпила весь кувшин. Ничто в мире не могло бы ее спасти, таким крепким оказалось зелье. Удивляло, что она выглядела столь спокойной — отравление этим ядом вызывает сперва эйфорию, а потом жестокую боль... А кроме того, каким-то образом предугадав свой конец, она подготовила и положила рядом все необходимые бумаги и распоряжения. Их воровка тоже не тронула.

Эманакир удивила всех, высказав желание быть похороненной, а не сожженной. Обряды предполагалось исполнить в шалианском храме Ашары, а для захоронения предназначалась гробница, недавно купленная у танцовщицы Пандав. Еще больше удивляло то, что документы были заверены и скреплены печатью лишь прошлым вечером.

По всем этим признакам можно было заподозрить самоубийство. Но это выглядело нелепо — ведь она была молода, здорова, принадлежала к народу, считающему себя благословенным бо-

гами, и вдобавок являлась любовницей мужчины, которого желала каждая женщина в городе.

Мертвым нельзя ничего сказать. Они все равно не услышат. Регер захотел произнести ее имя — «Аз'тира», — но не стал делать этого. В полной тишине было слышно, как на дереве в саду запела птица.

Глава 9. Падение ястреба

Регер снимал комнату над оружейной лавкой на улице Мечей. Для Клинков и танцовщиц из Женского дома в этом не было ничего необычного. Так они обретали уединение, которого не могли предоставить им стадионные спальни, необходимое, чтобы встретиться с любовником и просто побыть в одиночестве. Регер всегда считал, что надо вовремя платить за комнату и ее приведение в порядок, и его деньги подстегивали рвение уборщицы, присылаемой оружейником. На белых стенах — ни единого пятнышка, ковры выбиты, постель проветрена и заправлена. Сегодня вечером уборщица зачем-то положила на подоконник крапчатые лилии. Точно такие же цветы облаком поднимались над фигурной вазой в *ее* гостиной...

Он появился бесшумно, поднялся по задней лестнице лавки и отпер дверь. Солнце все еще не зашло. Между ним и новым днем лежала бездна времени — так ему казалось. Он не знал, что делать с этой ночью, с Застис, с грузом ужасной неожиданности и с чувством, которое он не мог ни измерить, ни определить как-то иначе, ни сгладить до обыденности, ни возвысить. Суеверие подсказывало Регеру, что рассвет унесет прочь все сомнения. Или его учителем станет ночь, заполнив его целиком. Он почти боялся учиться. Пока что он пришел сюда в поисках одиночества. Давно он уже не жил во дворах Дайгота так долго...

Не прошло и трех четвертей часа, как в дверь комнаты кто-то поскребся. Регер решил, что пришла рабыня или жена оружейника, спросить, не надо ли принести чего-нибудь — ужин или вина. Не желая отвечать, он помедлил, но, решив не опускаться до неучтивости, подошел к двери и открыл ее.

Никого не было. Через двор протянулись тени от раскидистого дерева и его молодых побегов. На дальней стороне двора, подобно гневному сердцу, глухо стучал по наковальне молот. На пороге лежал свернутый и перевязанный лист тростниковой бумаги, прижатый вложенным камнем.

Может быть, какая-то девушка? Но уединение победителей принято уважать. Обычно любовные послания приходят на стадион или в винные лавки...

Регер поднял письмо. Зайдя внутрь, он сел, с бумагой в руке взглянул на лилии в лучах заходящего солнца и только потом потянул за шнурок.

На стадионе детей учили грамоте, но там не слишком часто находилась возможность для чтения. Бойцы, акробаты и танцовщицы жили телом, а не умом. Что же до любовных записок, то

они бывали короткими, а более долгие не требовали внимательного изучения.

Бумагу покрывали слова, выведенные четким и красивым почерком. Письмо начиналось так:

«Регеру эм Ли-Дис, сыну Йеннефа, сына Ялена, принца королевского дома Ланна из рода Амрека, короля Дорфара, Повелителя Гроз всего Виса».

Лишь один человек мог обратиться к нему таким весьма необычным образом. Та, что поднялась среди ночи, покинув его объятия ради того, чтобы своей магией исследовать дрэк из золота с примесью меди. Та, подобная идолу из белой кости, что, пока не догорела лампа, крутила монету и рассказывала ему о его матери, которую никогда не видела, и об отце, которого никогда не видели ни он, ни она. И об отце его отца. О незаконности и глупости, о рождениях и странствиях, о тех мелких деталях, которых она просто не могла знать. Она описывала ему жалкую ферму в Иске и город Амланн. Она поведала ему о жрице, дочери Амрека... В конце концов он слез с кровати и вернул ее назад к своей жаждущей плоти. Стояла Застис, и прошлое с будущим могли подождать.

«Друг мой, — гласило письмо, — когда до тебя доберется это послание, я буду мертва, и ты уже узнаешь об этом. Смею думать, что ты немного интересуешься моей судьбой, но не настолько, чтобы это сильно поранило тебя — разве что поцарапало. Приложи бальзам к ране, и пусть она заживет быстро и без последствий. Что до меня — я люблю тебя, наверное, с того мгновения, как увидела. Я не рассказывала тебе подробностей своей жизни, но, как и тебя, меня рано забрали от родных. А эта любовь, если вдуматься — дар, который Она преподнесла мне. Мстить нет нужды.

Моя служанка, которая принесла тебе это письмо, изменила внешность согласно моим указаниям. Ей также было велено забрать мои драгоценности. Она знает, что должна делать, хотя за ней будут охотиться, предполагая, что она убила меня. Конечно же, она не виновата. Виновный будет наказан в должное время, если вообще потребуется наказание.

Осталось сказать тебе лишь две вещи, и надо торопиться. С помощью того, что ты называешь колдовством, я могу изгнать боль, но все равно времени почти нет. Наверное, это тщеславие, но я не хочу умирать некрасиво. Они найдут меня лежащей на кровати, словно я заснула. Если не случится непредвиденных ошибок, ты тоже найдешь меня. Я жалею, что мы больше не вместе. Но, так как настоящей смерти нет, я верю, что мы снова встретимся.

Установив связь с монетой, я, как и обещала тебе, смогла приоткрыть будущее: когда ты получишь возможность искать отца, то найдешь его на Равнинах, в провинции Мойхи. На самом деле других сведений тебе и не надо. Думаю, тебе предназначено узнать его. Сыновья героя Ральднора никогда не видали своего отца. Он считает, что его сын умер. Висы говорят — «судьба», а мы, люди Анакир, должны всегда поддерживать равновесие там, где следует. Знание придет к вам обоим в нужный час.

Буду краткой. Итак, я приглашаю тебя на свои похороны — хотя, скорее всего, они будут скучными и ничуть не приятными — чтобы ты увидел меня на моем ложе из черного камня, на вершине холма. Храм Ашары позаботится обо мне, но мне хочется, чтобы кто-то шел за моими носилками. Сделай это ради привязанности ко мне, Регер. Я полагаюсь на тебя.

Сейчас я доползу до кровати и лягу на нее.

Будь счастлив. И, пожалуй, вспоминай меня иногда. Иначе как ты меня узнаешь, когда мы встретимся снова?»

Подписано письмо было без всякой торжественности, подобной той, что начинала его. Просто — «Аз'тира».

Хозяйка лично явилась, чтобы выставить Чакора. Ее широкие бедра заполнили дверной проем, а ее запах — комнату.

— Так скоро, — произнес он.

— У нас чистый дом высокого уровня. В грязных заведениях деньги текут медленнее, но принц из Корла вряд ли захочет туда.

— Я лишился вашей милости вместе с моей последней монетой.

— Лишился? Едва ли, судя по тому, что я слышала. Ты достаточно хорош собой, чтобы совратить всех моих девушек совсем за другую плату. Даже моя гордость, Тарла, так кидается на тебя, что теряет свои лепестки, и только Ясмат знает, нет ли у этой дурочки чего в утробе и не пора ли звать врача. Конечно, если ты не хочешь выкупить это, чтобы помогало тебе править Корлом.

— Останься у меня какие-то деньги, я отдал бы их тебе как возмещение, — ответил Чакор, деликатно вкладывая в руку хозяйке помятый бархатец и целуя ее в густо напудренную щеку. — Но того, что у меня есть, хватит лишь на чашу дрянного вина.

Насвистывая, он спустился по лестнице. Девицы перегибались через галерею, поругивая его за слишком быстрый уход или за свист, и желая удачи.

Снаружи стемнело, узкий переулок выглядел мрачно. Чуть поодаль он раздваивался — можно было идти вниз, к рыбному рынку, либо вверх, к Высоким Божественным вратам.

Чакор подумал о том, как однажды Тарла ушла, причитая об упругом «лепестке» из мягкой коровьей кишки, который должна была вставить внутрь перед близостью, но в порыве страсти забыла его на умывальнике. В сельском Корле женскую дорогу закрывали куда проще — листом, прилепленным на пупок.

События вроде того, что случилось на арене стадиона, и дикие слухи вокруг них вызывали всеобщий интерес не более чем три дня и сейчас должны бы уже забыться. Так или иначе, сейчас для скитальца было подходящее время, чтобы снова пуститься в путь. Коррах указывала дорогу разными способами. У него все еще хватало денег, чтобы оплатить проезд на какой-нибудь плавучей посудине. А куда плыть, не так уж и важно. Он может поймать свою удачу где угодно.

Лучше свернуть к гавани, пока не закрылись все ночные заведения и грабители не вышли на промысел.

Едва Чакор повернул к рынку, впереди раздался женский вопль.

Разнообразные вопли не были редкостью в этой части города. Однако затем из сгустившейся темноты прямо на него вылетела сама кричавшая. Чакор тут же решил, что это воровская уловка, и подобрался, но женщина пронеслась мимо и пропала. За ее спиной развевались волосы и плащ, в глазах горела паника. Получив это предупреждение, Чакор отступил к глухой стене какого-то дома, ожидая появления шайки мужчин или женщин — в общем, преследователей. Но то, что явилось из темноты, не было человеком.

Сначала корл подумал, что это несет лампу какой-то запоздалый прохожий. Но на самом деле лампа двигалась сама по себе — бледно-синее солнце, призрачное, но достаточно яркое, чтобы окрасить стены своим цветом. Рука Чакора сама собой поднялась и сложилась в охранительный знак, призывающий защиту Коррах. Призрачное солнце медленно плыло по переулку вслед за сбежавшей женщиной. Положив руку на нож, он мог лишь наблюдать, как оно поравнялось с ним и поплыло дальше.

Нож бесполезен. Без сомнения, он стал свидетелем чего-то сверхъестественного. Что могла совершить эта женщина, если ее преследует столь ужасная смерть?

Ошеломленный и обеспокоенный, Чакор продолжил путь к гавани, гадая, что же предвещает этот знак. Переполненный своими переживаниями, он погрузился в себя. Он не замечал, что вечер полон предчувствием беды, а весь прибрежный район взволнован, пока не оказался в самом центре событий.

Обычно в день большого улова рынок озарялся факелами и продолжал работать даже в темноте, но в таких случаях рыбой пахло куда сильнее обычного. Сейчас же воздух был полон совсем иным — запахом страха и электрическим треском огня. Ночь стала неожиданно светлой. Корл рассеянно подумал, что завтра отплывет при ясном небе, но тут на него наткнулся один из бегущих мимо людей.

— В чем дело? — спросил Чакор.

— Ты что, ослеп?

Только тогда Чакор обратил внимание на происходящее. Ночь посветлела не от факелов и не от звезд. «Рановато для восхода луны» — пронеслось у него в голове. Нет, не луна... Должно быть, в бухте загорелся корабль.

Он пошел взглянуть на него вместе с кричащей и толкающейся толпой.

Рынок заканчивался у ограждения порта. Отсюда открывался вид на залив, отлогие берега и границы гавани, обозначенные линией сторожевых башен. Слева, в четверти мили ниже стены, за лесом мачт галер, торговых судов и красноглазых кораблей с высокой надстройкой, стоящих на якоре в заливе Саардсинмеи, качалось какое-то небольшое суденышко. Вся разумная деятельность в порту утонула в сумятице. Благодаря острому зрению Чакор разглядел, как на борту одного из кораблей у причала люди указывают на что-то или в страхе борются друг с другом. Это «что-то» горело — но не корабль, а само море.

Ему доводилось слышать, что порой в юго-западных океанах на воде вспыхивают синие огоньки. Во время плавания на второй континент в море весьма часто наблюдается это явление. Его называли Каймой Рорна, бахромой его мантии, и считали добрым знамением, не приносящим вреда.

Но если *это* и исходило от Рорна, то лицезреть его не было ни малейшего удовольствия.

Оно начиналось сразу за гаванью. От берега до берега вода залива стала жгучим немилосердным огнем, то и дело ударяя в небо то ли струями, то ли лучами. Один такой язык пламени взмыл вверх как раз тогда, когда Чакор протолкался к ограде. Послышались вопли отчаяния.

— А я говорю, что это масло разлилось, — произнес рядом с Чакором крупный, толстый, хорошо одетый мужчина, сжимающий цветок, но забывший о том, что его надо нюхать. — Кто-то из перевозчиков пролил масло в море, и оно вспыхнуло от искры.

Однако никто не согласился с этим предположением, его слова никого не убедили.

— Смотрите! Снова они! — раздался новый крик. Толпа, как один человек, повернула свою общую голову, и Чакор сделал то же самое. Через миг он увидел еще два призрачных огненных шара, плывущих через рынок. Один из них внезапно вспыхнул и взорвался, другой же исчез в аллее.

Над морем раскатился гром. Разгневанные своеволием воды, небеса грозили бурей. Море еще ярче вспыхнуло навстречу тяжелым массам воздуха. Синие и красноватые молнии с шипением разрывали облака, раскалывая их, как яичную скорлупу.

Человек, стоящий позади Чакора, обратился к нему, как к брату по несчастью:

— Уж я-то знаю, что думаю. Это женщина-эманакир. Она и ей подобные насылают такое, чтобы отомстить. Что ж, у них есть на то причина. Они ненавидят нас, мы ненавидим их с их белой кожей и отвратительными змеями. Кто бы ее ни убил, никто не жалеет об этом. Но она не успокоится, пока...

— Эманакир? — прервал его Чакор. — Ты хочешь сказать, что...

— Что ее будут хоронить этой ночью. В такую жару пришлось поторопиться. Но никому от этого не легче.

— Ты говоришь, что она умерла?

Но человек, обрушивший на него удар судьбы, уже исчез. Насмотревшись на зловещее действо в заливе, толпа растеклась во все стороны в поисках совета или утешения. Тускло-красная луна, смутно поблескивая, застыла у горизонта, но все еще не поднялась.

Перед глазами Чакора встало белое лицо девушки, полускрытое серебряными волосами. Серебряная рука легла ему на плечо, и что-то темное шевельнулось у него внутри. Кровь вытекала из него по капле, словно понижался уровень воды в огромных часах, и когда он опустится до земли, наступит час его смерти. Но серебряная рука пронзила его тело лучом света, и механизм жизни снова заработал. Тело

вздохнуло и начало оживать. Он поднимался на волне прилива, ведомый этой рукой, и вот кровь побежала по сосудам, появился пульс, чресла вздрогнули, а из глаз потекли слезы.

Чакор сполз по ограде. Воздух вспыхивал и кололся. Он был почти на грани обморока...

Теперь он знал. И зная, больше не мог прятаться в безразличии. Он был так же близок к смерти, как были близки к дереву его пальцы, стиснувшие столб. Но она, эманакир, исцелила его. Неужели их поклонение богине было не ложным? Она вывела его из темной бездны. И пока он валялся с девицами в публичном доме, доказывая себе, что жив, его провожатая сама обрушилась в колодец бесконечной ночи. Была отравлена, как он понял из того, что говорили вокруг об убийстве и мести Равнин.

Чакор сжал в ладони острое железное навершие столба, и резкая боль привела его в себя. Когда он выпрямился, призрачная луна уже поднялась над пылающим морем.

Шалианский храм стоял позади Могильной улицы, в циббовой роще. Двери храма, также сделанные из циббового дерева, были отполированы и выложены позолоченной бронзой. Все остальное было каменным — темным, как принято на Равнинах, однако с облицовкой из песочного и белого мрамора. Так что, несмотря на небольшие размеры, здание было дорогим, и доступ в него открывался не так просто. Даже цветное стекло высокого алтарного окна стискивали черные железные рамы. Рисунок на окне представлял собой тучу цвета крови, пронзенную и обвитую золотой змеей на пурпурном основании — мотив, ставший обычным для Равнин и Дорфара после прихода к власти сыновей Ральднора.

Поначалу в городе имелось несколько шалианских святилищ, возведенных в угоду немногим живущим тут шансарцам. Когда же Элисаар разделился и его юг стал полностью висским, из всех храмов уцелел лишь этот, получавший поддержку из Ша'лиса, но время от времени по ночам кто-то выцарапывал на его мраморе изречения, которые так и оставались там.

Однако сейчас никому бы и в голову не пришло царапать на мраморе что бы то ни было. Скромный эскорт, посланный наместником, прибыл сюда заранее: десять крепких мужчин, вооруженных до зубов, их капитан — и тело в закрытых длинных носилках, в каких обычно перевозят больных или женщин на сносях. В храме зажгли подобающее освещение. Должно быть, странное сияние над морем сбило с толку птиц, гнездящихся в циббовых ветвях — решив, что внезапно наступил рассвет, они закричали громче, чем обычно, и поднялись в воздух. Большая часть птиц в Саардсинмее поступила так же, тогда как люди стекались к набережной, желая взглянуть на зрелище. Те же, кто уже насладился им, по большей части устремились в свои собственные храмы, где сейчас молились и приносили жертвы богам.

С Могильной улицы можно было видеть океан, но не залив, который заслоняли шпили города. Гроза бушевала над гладью воды, мерцающей сполохами, однако дождь так и не пошел. До храма донесся слабый отзвук грома. Воздух стал плотным, как вода, и только молнии рассекали его.

Верховой скакун, на котором схал капитан, забеспокоился. Зсебы его людей лягались и ржали. Сами же люди почесывались, чихали и ерзали в седлах.

Шалианские жрецы, среди которых не было шансарцев, только полукровки, казались безразличными и к электрическому напряжению ночи, и к тому, что делают. Они осмотрели тело в задней комнате.

В письменных указаниях, оставленных покойной, она требовала лишь омыть себя. Очистительный огонь она предпочла обычный, а не окрашенный и не пахнущий благовониями на висский лад. И никакого особого облачения — пусть ее хоронят в том платье, в котором она умерла. Пусть смерть увидит ее такой, какая она есть. Такова воля Анакир. Этими словами, если не чем-то иным, она обеспечила себе полное содействие.

Похороны тоже предполагались скромные, за час до восхода. Люди наместника, призванные обеспечивать безопасность, не рассчитывали, что за ее носилками пойдет кто-то, кроме них самих и жрецов.

Поэтому они были весьма удивлены, увидев мужчину, поднимающегося через рощу. Они еще не знали, что чуть погодя им придется удивиться во второй раз.

* * *

Чакор эм Корл обнаружил, что оказался в обществе Лидийца, после того, как почти три часа мерял шагами двор храма, ибо ему не хотелось находиться внутри. Ему не нравился образ Ашары, впрочем, как и Анакир — неважно, рыба или змея, но она пугала и оскорбляла юношу. Правда, на миг он подумал, что его мнение не вполне соответствует истине, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы он смог оставаться вблизи. Кроме того, он называл ее имена...

Сперва с ним были только солдаты. Они обыскали его на предмет чего-либо оскверняющего и рассеянно поинтересовались, что он тут делает. Терпение у них было коротким, зато языки — длинными, и вскоре в обмен на свое упорство Чакор услышал всю историю и всю путаницу догадок.

— Должен же идти за ее носилками хоть один порядочный человек! — упирался он.

— Да, мы знаем, что у тебя с ней ничего не было, — кивали они. — Не во время состязаний.

— Ты корл-колесничий, — произнес подошедший капитан. — Тот, кто почти умер. Только это ложь. Взгляни на себя. Какая-то легкая рана, я видел такое раньше — кровь, и ничего более. Тебя исцелила эта ведьма, да?

— Да, — ответил он и задрожал.

— Что ж, — усмехнулся капитан, — если ты хотел отблагодарить ее, как подобает в Застис, то проиграл в третий раз.

Они спрашивали, зачем он здесь, но Чакор и сам не знал этого. Дрожа от гнева, он не мог понять, что это значит. Разносящуюся вокруг похоронную песнь он тоже не разобрал, как-то пропустив даже ее имя, а может быть, и не желая его узнавать.

Так или иначе, был ли он всего лишь легко ранен или тут крылось нечто иное, но стражи явно не хотели обидеть его и позволили ему пройти в храм. Корл нашел жреца — шансарцы держались мужского начала, в отличие от канона Равнин, который был смешанным, женским и мужским, признавая жриц определенного назначения. Жрец оказался смуглым полукровкой.

Чакор осведомился о времени погребения. В самом деле, о чем еще он мог спросить? Он не решался подойти ближе к ее телу, даже если бы ему позволили. Видел ли он ее как следует живой? Эта белизна, словно не лица, а черепа, и прикосновение руки света...

Во дворе стоял небольшой алтарь, совершенно лишенный каких-либо изображений — лишь пламя, полыхающее в стеклянной чаше. Оно вздымалось очень ровно и спокойно. Чакор обошел вокруг него, затем опустился на скамью и провалился в сон, пока некий шум со стороны солдат не разбудил его. Тогда он поднялся и снова стал бродить.

Когда кто-то вошел во двор у него за спиной, Чакор решил, что жрец пришел предупредить его о начале шествия или о необходимости уйти и ждать в роще. Он обернулся, чувствуя, как нарастает в нем раздражение, и увидел меж двух колонн Лидийца, наблюдающего за ним и спокойного, как пламя на алтаре.

В этот миг каждый из них, казалось, пытался понять, что делает здесь другой. Но ни один не произнес ни слова и не усомнился в правах второго.

Лидиец кивнул ему, словно человеку, с которым обменялся несколькими незначащими фразами на каком-то званом ужине. Подойдя к скамье, он плавным движением опустился на нее и замер, невыразительный и прекрасный, как резная статуя, присыпанная золотом и зачем-то облаченная в хороший простой плащ.

«Этот человек убил меня. А здесь лежит тело той, что вернула меня к жизни», — подумал Чакор и громко рассмеялся, что по меркам Корла было неуважением к обряду. Подумав об этом, он рассмеялся еще сильнее. Затем у него в голове пронеслось: «А нашему герою тоже нет дела до шалианской богини».

Отсмеявшись, Чакор ушел ждать в циббовую рощу, встав на некотором расстоянии от солдат.

Статуя Ашары привлекла внимание Регера лишь на несколько мгновений. Он часто видел изображения богов в городских храмах: Рорн с гривой черных морских волн, Зардук, в животе

которого горел огонь, и Дайгот у входа на стадион — воин с мечом в руке и победой на челе. Изредка на рынке ему случалось пройти мимо маленьких изображения Ашары-Анак. Он помнил форму статуи, и здесь была именно она, только где-то на локоть выше его. Ее белая кожа выглядела ненастоящей. Ее волосы были желто-золотыми, а глаза — двумя дисками из цитрина. Восемь рук делали ее плечи неестественно широкими. Ее рыбий хвост происходил из Шансара, но был покрыт узором, подобным змеиной чешуе, и густо усажен драгоценными камнями. Должно быть, она стоила несколько мешков монет. На свой лад она была даже красива. Но Регер не мог признать, что она — само Сущее, как идолы его расы, всегда скопированные с мужчин или женщин.

Ашара-Анак даже отдаленно не напоминала Аз'тиру.

Она не сообщила ему, когда будут ее похороны, поэтому он прогулялся через весь город к шалианскому храму и выяснил это там. Затем, поскольку у него еще оставалась масса времени, он вернулся на стадион, чтобы вычистить и накормить упряжку хиддраксов и усиленно потренироваться в одиночестве. Его рука работала превосходно. Рана затянулась и теперь выглядела как десятидневный рубец здорового темного цвета. Регер не стал показывать ее хирургу со стадиона, который мог понять, что все зажило слишком быстро. Сегодня утром надежный человек с улицы Мечей без лишних вопросов снял ему шов.

Похоже, обладания ею хватило, чтобы исцелиться. Хватило ее очарования, ее любви. Но в отличие от корла, у Регера, похоже, останется шрам. В память о ней.

Увидев Чакора в храмовом дворе, Регер понял, почему тот здесь, но не выразил удивления неожиданной компанией, как этот мальчишка. Когда корл засмеялся, Регер, припомнив гонки колесниц, подумал: «Он делает так, когда чувствует уверенность в сердце сомнения. В чем же он уверен?» Там, на арене, корл видел, как меч превратился в змею. Забыл ли он это? Или вспомнил? И не над этим ли он смеется?

На верхних улицах говорили, что в заливе горит море. Группы людей отправлялись взглянуть на это, некоторые — с флягами вина и корзинами еды, собираясь провести ночь на берегу или на стене. Те, кто возвращался оттуда, выглядели куда менее радостными. Регер не придал этому особого значения, отметив лишь сияние неба, затмившее даже Застис, и грозу, не выходящую на берег.

Когда корл ушел, Регер снова встал, подошел к пустому алтарю и уставился в пламя. Аз'тира, по-видимому, поклонялась змеиной богине. Он дотронулся до поверхности алтаря.

— Будь для нее тем, в чем она нуждается больше всего, — сказал он в тишине. — Завтра, госпожа, я принесу тебе кое-что. Не то, что приносят остальные. Я попрошу и принесу тебе кое-что хорошее.

Он не смог бы сказать это изваянию в храме, пока на миг, отбросив нереальность образа, не предположил, что Она слышит его.

Когда он повернулся, меж колоннами появился жрец и жестом пригласил его за собой. Время пришло.

* * *

Проходя над городом по вершинам холмов, Могильная улица постепенно пролагала себе путь сквозь годы. Богатые саардсинцы, застолбившие там места под свои посмертные обиталища, приказали вымостить ее и содержать в порядке. Повсюду были высажены тенистые деревья и благоуханные кусты, а меж гробниц, поверхность которых украшали сцены веселья, стояли статуи, алтари и памятники. Между тем на нижней, юго-западной стороне разбивали шатры и строили лачуги из скверного кирпича астрологи, чудотворцы, маги и служители темных культов. Город Смерти разрастался.

Могильная улица начиналась сразу за циббовой рощей. Участники погребальных церемоний неизменно бывали потрясены, вступив на одну из аллей знати, загадочно тихих, но отнюдь не темных — множество больших мавзолеев освещали фонари, горящие в высоких портиках или в какой-нибудь мраморной руке. Сторожа Могильной улицы честно отрабатывали свое жалованье.

Гроза над морем утихла. Время от времени в просветах между деревьями и камнями бесшумно сверкали далекие молнии. Город наконец-то погрузился в глубокую тень и скользил по ее снам в предчувствии рассвета. Застис замерла в небе. Отсветы фонарей вдоль берега и на пристани обменивались своими обычными знаками. Одно-два одиноких окна и факелы на крыше храма Зардука сверкали во тьме, словно желтые жемчужины. В старой столице, Саардосе, каждую ночь загорались огни маяков, предупреждая плывущих по западному океану, что надо зайти в порт, пока Эарл не поглотил их. Но теперь Эарл стал легендой — или состоянием души.

В ночи витало какое-то особенное безмолвие. У подножия холма залаяли несколько собак, отовсюду донеслись отклики. Но в тишине их голоса звучали нелепо, и собачий хор быстро умолк, задушенный ночью.

Шалианские жрецы несли факелы и негромко звонили в колокольчики. В самой их гуще двигались носилки с телом, завернутым в ткань. Факелы чуть дымили. Ветер утих. Солдаты наместника, чувствующие себя лишними и обиженные, но готовые ко всему, тащились следом, поскольку по этому пути не позволялось ехать верхом. Они не скрывали недовольства тем, что кто-то явился на эти похороны, и в особенности тем, что один из этих людей — Лидиец. Но несмотря на это он и корл молча шли сзади, плечом к плечу.

Погребения людей зрелищ располагались на самом верхнем конце улицы. Они занимали свой особый квартал в этом городе смерти — расписные гробницы-дворцы знаменитых куртизанок с вырезанными на дверях розами, павильоны победителей, украшенные колесами колесниц и расколотыми щитами. Факелы выхватывали из тени деревьев многообещающие эпитафии: «Ты жив, а я умер, но моя жизнь была лучше твоей», «Я поцеловал солнце. Этого достаточно». Или, не менее сладостно, золотыми буквами на табличке у ног бронзовой танцовщицы, среди опавших листьев: «Меня любили».

На гробнице Пандав, стоящей далеко вверх по склону среди цветущего алоэ, не было надписей. Купол из черного камня вызывал в памяти у любого, кто его видел, город-улей на утесе, Ханассор.

Дверь склепа, массивный камень, двигающийся по желобам, была открыта. Жрецы с носилками, факелами и колокольчиками вошли внутрь.

Тишина легла на улицу мертвых, словно одеяло. На мили вокруг не слышалось ни звука.

— Что-то не так, ваша честь, — внезапно подал голос один из солдат.

— Да, позади кто-то есть, — добавил другой. — И, судя по шуму, поднимается к нам.

Они прислушались. Там, в ночи, в некотором отдалении, по Могильной улице галопом скакали хиддраксы или даже лошади. И доносился еще какой-то звук, словно они тащили за собой нечто тяжелое и грохочущее.

— Смею думать, это за две или три мили отсюда, — заметил капитан.

Его отряд застыл с руками на рукояти мечей, прикидывая, какова возможность пустить их в ход. Это была их работа, которую они хорошо знали. И тут стук копыт и грохот пропали так же внезапно, как и начались. Вся упряжка как будто провалилась в никуда. Один из солдат помянул богов.

— Призраки, что ли? — он посмотрел на Лидийца, который много раз приносил ему выигрыш в ставках.

Все замерли в ожидании — десять солдат, капитан, принц Корла и герой стадионов Саардсинмеи, в то время как от гробницы струился неясный свет и доносились отрывки чуждых молитв.

Затем неистовые всадники снова явились на Могильную улицу. Стук копыт приближался к ним. Через пару мгновений все осознали, что не так в происходящем — топот и грохот колесниц доносятся у них из-под ног, из недр земли.

И тогда земля дернулась.

Чувствуя себя подавленным, Катемвал был рад возможности посидеть за вином со старыми друзьями. Как и он, они сами добились всего от жизни благодаря удаче и мастерству, торговле и приключениям, в которых прошла их молодость. Вместе с саардсинским торговцем зерном Катемвал однажды охотился на волков. А путешествуя с добытчиком мехов из Кандиса, стал свидетелем двух законных, но от того не менее диких поединков между пятью братьями, делившими добро погибшего отца. Лишь один из братьев посмел пойти на убийство — этот заговорщик не умел проигрывать.

Вспоминая об этом и об иных делах прежних дней, приятели прогуливались, отослав носилки, по пути заглянув в пару приличных таверн, чтобы поужинать и выпить. Несомненно, ближе к утру Звезда и искры воспоминаний о молодости приведут их в публичный дом, где они и закончат эту ночь.

В самом начале своей прогулки друзья тоже прошлись до гавани, чтобы взглянуть на океан. Множество народу поступило так же, а кое-кто даже устроил пикник на берегу. Однако большая часть собравшихся выглядела отнюдь не радостно. Наделенные мудростью путешественников, повидавших много чудес, и размягченные вином, приятели решили, что пылающий океан любопытен, но не представляет угрозы. Они успокаивали растерянных людей — это какая-то причуда воздушных потоков, из-за которой передний край грозы спустился непривычно низко. О да... Над поверхностью моря все еще качался один из огненных шаров. Хотя среди них были моряки, которые клялись, что эта штука — порождение демонов, многие склонны были считать его всего лишь редкой разновидностью молнии. Придя к такому выводу, друзья двинулись дальше по нелегкой тропе удовольствий.

Незадолго до утра, ощутив, что жар молодости иссяк, а самочувствие ухудшается, Катемвал нанял мальчика с факелом и направился домой.

Со стороны моря к небесам все еще поднимались внушающие страх потоки света, ясно различимые между по-южному высоких крыш и стен садов.

Может быть, боги тоже решили немного развлечься — на свой лад. Они живут вечно и, наверное, скучают. Людей же избавляют от скуки мысли о краткости своего бытия. Катемвалу должно было исполниться семьдесят шесть, а Висам случалось прожить и подольше. Его отец умер ста пятнадцати лет от роду, но к тому времени его совсем замучили болезни. «Что ж, дорогой, еще несколько таких ночей, и ты рискуешь не встретить семьдесят шестой день рождения», — подумал Катемвал, следуя за ярким светлячком факела.

Но он сам не верил в это. Сон и кружка молока с пряностями приведут его в порядок. Тем более что рана Регера каким-то образом зажила, а ведьма мертва — он был уверен в этом, как если бы сам видел ее мертвой.

Они дошли до лестницы, ведущей к улице Драгоценных Камней, мальчик с факелом прыгал впереди, когда с берега неожиданно донесся ужасающий грохот. Он расколол ночь, заставляя глохнуть уши.

— Что там такое в порту? — воскликнул Катемвал. — Перевернулся один из кораблей с маслом?

Испуганный мальчик, уронив факел на ступени, обернулся в сторону моря, сейчас скрытого от них домами. Катемвал тоже обернулся. Позади в окнах домов заплясал свет.

«Нет, не пойду смотреть на это. Мне нужно в постель...» — пронеслось в мозгу у Катемвала.

Затем он упал.

Он не мог объяснить, почему это случилось. Ударившись о ступени, он ушибся головой и тупо подумал: «Больно, как ни крути, где же справедливость?» Но затем камень, на котором он лежал, пронизал его тело ритмичной дрожью, и Катемвал снова упал. Новый удар ошеломил его, и мир смешался, став безумной и загадочной вселенной, где стены подпрыгивают до неба, а потом накатил

ужасающий сумасшедший звук, смешанный со звоном колоколов и криками ужаса, стирая, раскалывая и дробя в осколки все на своем пути...

Поскольку кран до сих пор не починили, колонна-дерево все еще возвышалась на сцене. Она стала осью вечернего разлада в театре, вместе с леопардами, которые во время выступления в танце Ясмат нервничали и не слушались. Сама Пандав невозмутимо отработала обычную программу — тело подчинялось ей, словно черная веревка. Когда закончилась репетиция, ночь уже почти уступила место дню. Однако актер, бывший любовником Пандав, уговорил ее снова уединиться в барабане колонны.

— Ты никогда не издаешь никаких звуков, только вздыхаешь, — недовольно заметил он, когда все закончилось. — Неужели тебе не нравится то, что я делаю?

Будучи вежлива в близости, Пандав задумалась над ответом, который мог бы смягчить его павлинью душу. Но тут необходимость в ответе отпала сама собой.

— Соски смерти, какая-то свинья крутит нас этим разломанным краном! — завопил павлин, разрываясь между гневом и страхом. — Кто-то пытается убить меня... этот Эпос, который хочет занять мое место! Эпос! Чтоб ты провалился в Эарл, грязный пес!

Барабан раскачивался туда-сюда. Любовников швыряло то в руки друг другу, то на мягкую внутреннюю обивку. В конце концов колонна завертелась. Сквозь тошноту двое почувствовали, что их пристанище опрокидывается. Как и в других случаях, он шумел куда больше, чем она. Падение было сильным, но не смертельным — их защитил барабан, смягчивший удар. Теперь они катились. Актер кричал и размахивал руками.

— Уймись, безмозглый, — резко приказала Пандав. — Если ударишь меня еще раз, я выцарапаю тебе глаза.

— Ты, закорианская свинья, не смей прикасаться когтями к моему лицу!..

В этот миг, содрогнувшись, колонна со скрежетом остановилась.

Все это длилось меньше минуты. Задыхаясь, актер, жалкий в своей ярости, возился поверх Пандав, пытаясь повернуть петли барабана. После некоторых усилий он достиг успеха и вывалился в темноту театра. Что-то хрустнуло под его коленом. С удивлением он понял, что это обломок лампы, упавшей с потолка. Возможно, колонна задела ее, крутясь в воздухе.

Только тогда до него дошло, что воздух наполнен колючей пылью. Он закашлялся, одновременно ругаясь, что это причинит ущерб его голосу. Кашляя, он совершил еще одно открытие: в городе, за пределами театра, звучала причудливая музыка, слагающаяся из голоса труб и дикой причитающей песни десяти тысяч глоток. Непроизвольно он бросил взгляд наверх и сквозь облака охры увидел, как в крыше что-то сверкнуло и вспыхнуло. Это была молния, ибо крыша превратилась в небо...

— О, Пандав! — воскликнул он с трагической интонацией, в которой вековой вызванной неподдельным чувством. В ответ раздался рычащий гром, пронизавший недра земли и небесные выси. Мир снова начал содрогаться. Актер рухнул, ударившись лицом.

Пандав в свою очередь вслушивалась в музыку Саардсинмеи. Магия этих звуков заворожила ее до спазмов в животе. Пока она лежала, замерев, земля затряслась, и гром ударил во второй раз. Теперь ноги ее спутника в отчаянии судорожно били в распахнутую створку колонны. Зрительские ряды сорвались со своих мест и медленно поплыли вниз к сцене.

В маленьком закутке Велвы в таверне на Пятимильной улице хватало места только для постели, небольшого шкафчика и бронзового зеркала на стене. Для землетрясения места уже не оставалось.

Большая часть таверны обвалилась, стены рухнули на улицы и в окружающие дворы. Но одноэтажное крыло, отведенное рабам и девушкам-разносчицам, словно забилось в складку вставшей дыбом земли, и многие в нем пережили оба толчка. Однако внутри царила неразбериха, полная вгоняющих в напряжение плачущих звуков, которые, казалось, зависли в городском воздухе вместе с пылью.

Велва не спала. События прошлого утра и быстро разлетевшиеся слухи об этом происшествии вогнали ее в подобие оцепенения. Она выполняла свою работу обычным порядком, но едва закончились ее вечерние обязанности, девушка пошла в свой закуток и легла на постель, полностью одетая, прямая как шест, с руками, сложенными на груди — поза умершего при погребении.

Ее не тревожили ни угрызения совести, ни страх быть обвиненной. Она чувствовала, что стала всего лишь инструментом чужой сильной воли. Может быть, именно ощущение пребывания внутри эпической картины убийства и было тем, что скрутило ее сейчас. Она не задумывалась о естественном воздаянии за содеянное. Когда земля наклонилась, выкинув ее из постели и одновременно из апатии, она лишь испугалась, не более.

Первый толчок потряс мир — и прошел. Минуло тридцать секунд, наполненных треском и падением, людскими воплями боли и страха. Второй толчок был гораздо слабее, но, ударив по ослабленным первым толчком городским строениям и разрушив их, показался куда сильнее. И тоже прошел.

Балка оторвалась от потолка и упала на постель. Не будь Велва выброшена оттуда, ее раздавило бы в лепешку. Но сейчас воображение девушки молчало, оберегая ее душевный покой.

Мальчик сбежал. Ничего удивительного, но он не ожидал такого от Регера. Нет, разве этот мальчик — Регер? Регер — мужчина, а Катемвал сейчас лежит на мостовой улицы Драгоценных Камней и размышляет над случившимся. Потом, раскрыв глаза

шире, он увидел, что мальчик, который не был Регером, не бросил его. Поток камней, рухнувших на ступени с ближайшего дома, убил его на месте. На миг Катемвала затопила острая печаль. Затем краем ускользающего сознания он осознал, что такое же горе переполняет все вокруг.

Катемвал кое-как привстал на коленях и обернул край плаща вокруг нижней части лица, защищаясь от пыли, которой переполнили воздух разбитые камень и штукатурка. С каким-то безразличным приятием он обнаружил, что теперь может видеть море с улицы Драгоценных Камней, ибо разрушены все стены и дома между ним и гаванью.

Занимался рассвет, беззаботно окрашивая восток. Он пронизал жарким светом крутящиеся столбы пыли, которые скрывали и искажали расстояния. Тут и там, словно лампы под водой, разгорались огни, мягко меняя цвета от тусклого через розовый к чисто белому. Казалось, весь город кричит, как один человек.

Катемвал ощутил гнев. Он взглянул на небо, блеклую пародию на морскую гладь. У него есть что сказать против богов! Но земля снова встряхнулась. Громыхающий раскат явился издалека и обрушился на него. И как побитая собака, он склонился перед палкой.

Затем перед ним вырос бог, подобный сверкающей алой башне. Или солнце поднялось не в свой срок, словно выброшенное из-за южного моря за восемь миль отсюда, и окрасило небо кровью.

На этот раз блистающее море отступило на целых две мили, бежало от Саардсинмеи, словно испугавшись земной дрожи. Отступив, вода оставила волнистую грязь, сияющий песок, усыпанный трепещущими морскими жителями, и грязные сети водорослей.

Из кораблей, стоящих в гавани, разломанных и побитых сотрясшимся мирозданием, уцелели только некоторые, да и те теперь оказались на земле — бесполезные, похожие на огромные игрушки.

Среди выживших после землетрясения лишь немногие обратили внимание на бегство моря.

Это ждало под океаном долгое время, может быть, тысячи лет. Раз или два, играючи, оно поворачивалось во сне, и тогда берега Элисаара содрогались. Но никакой сон не вечен. Почувствовав оживление наверху, оно пробудилось и поднялось из тьмы в день.

Оно явилось с треском, подобным гласу рока, и те, кто мог, застыли в ужасе перед этим видением: бриллиантово-белый зев в черноте, похожей на головку молота, а дальше — красный, красный цвет Нового Элисаара, цвет роз, огня и крови, разрывающий небеса и низвергающийся вниз водопадом.

Земля сжалась, пытаясь убежать от *этого*. Небо отшатнулось. Исчез любой намек на рассвет.

Теперь черное и красное смешались, и, поднимаясь, породили извивающихся серебряных змей, которые обвились вокруг грозовых туч, сжимая их, словно в попытке задушить и не выпустить.

Подводный вулкан — брат или дитя бесчисленных огненных гор, расположенных вдали от берегов на юго-востоке и наделивших те океаны славой преддверия преисподней — в безумии ответил пламенем на пламя небес, так что вода, попадая в огонь, закипала и испарялась. Пар и магма, жидкий камень, соль и кипящий дым ударили в воздух на четверть мили. Вулкан насиловал небо. Вода вспенилась, пойманная в ловушку между движущейся землей и огнем. Море пришло в себя и, отторгая фаллос Эарла, бросилось назад к земле.

Шестнадцатилетняя Тарла, в разорванной одежде, с лицом, испачканным свежей грязью, трогательно сидела на окне в комнате, у которой, по сути, уже не осталось стен. Она была одна среди мертвых женщин, лежащих вокруг нее в подушках и обломках, и сквозь расстилающийся перед ней хаос, некогда бывший десятью оживленными проездами, рынком и спускающимися террасами, уводящими в пустоту, видела бога Рорна, выходящего из моря. Или думала, что видит.

Вздымающаяся огненная туча с ее молниями, подобными белым змеям, не имела для Тарлы никакого смысла, как и землетрясение. Это был ночной кошмар, из которого никак не получалось вынырнуть. Лишь час назад она боролась с надеждой на то, что семя странника-корла заронило зародыш в ее чрево... Теперь эти мысли ушли. Она вцепилась в оконную раму и зарыдала, а красное небо неистовствовало и трескалось.

И тогда из глубин вышел Рорн.

Он не имел той формы, которую приписывали ему мифы — нет, он был просто водой. Взбираясь сам на себя, он заливал небо, пока оно не исчезло. Он заслонил собой даже огненные горы и отсвет их пламени. Мир стал черным. Но сама вода накалилась и блестела, как рулон шелка, натянутого на крышу мироздания.

От удивления девушка даже перестала плакать. Ее плач уже ничего не значил.

Мгновение назад океан расстилался блестящей скатертью, далекий, невероятный, но реальный — и вот ты видишь его курчавую белопенную голову, покрытую морщинами, бурун высотой в двести футов...

Он выглядел почти ласковым, таким плавным было его продвижение. Так же ласково и нежно он накатился на гранитное ограждение порта, последние пятидесятифутовые камни, что еще стояли на месте. Огромной чашечкой ладони, по-матерински надежной и искусной, он сгреб галеры и торговые суда, башенки и сам базальтовый слой...

Тарла успела увидеть, как все это, целиком или по частям, смешалось в небе. Иглы свежих морских брызг царапнули ей лицо. Когда она вздохнула, готовясь закричать, дыхание Рорна наполнило ее рот и забило легкие. Бесчисленные тонны воды, поднятые невероятной приливной волной, прошлись по берегу, словно щетка, сметая город, улицы и ее незначительный протест, заставляя умолкнуть все на своем пути.

• • •

Когда земля дрогнула, люди повалились на землю, словно под действием магического заклинания в какой-нибудь театральной комедии. Когда земля дрогнула во второй раз, они упали снова. Повсюду валялись вырванные с корнем деревья, их листья и цветы, повергнутые в пыль, впечатляли. От гробниц отлетали камни, а в пятидесяти шагах раскололась на куски статуя с лампой в руке, и огонь лампы поджег кусты.

Однако городу пришлось куда хуже. Пыль и дым смешались в воздухе, заволакивая все вокруг, мешая видеть и увеличивая хаос. Звуки, наоборот, стали слышнее во много раз. Гремело и грохотало, звенели колокольчики и раздавался низкий рев, который не собирался кончаться — казалось, он ходит по кругу в пустой скорлупе земли.

Затем в море у линии горизонта плеснуло красным, словно прорвался гноем взрезанный нарыв.

Мир полыхнул багрянцем, затем снова погрузился в черноту ночи, и даже те, кто уже начал пробираться сквозь завалы разрушенного города — замерли.

За все это время никто не произнес ни одной связной фразы. Они встречали происходящее богохульствами, проклятиями, мольбами и бессловесными восклицаниями, а иные и просто молчанием. Шалианские жрецы, отбежавшие от гробницы в страхе, что та обрушится на их головы, вели себя ничуть не лучше, чем непросвещенные солдаты, проклятый корл, поклоняющийся мертвому камню, и Лидиец, который сражался за жизнь, как всегда, молча.

Черная гробница Пандав устояла, выдержав оба толчка. Дрожь, расходящаяся из адской пасти океана, здесь несколько стихла. Судьба дала им возможность выжить.

— Смотрите, в небе змеи, — негромко произнес кто-то из солдат.

Но не прошло и минуты, как змеи перестали быть видны. Что-то поднималось между пылью, накрывшей землю, и плевками вулкана.

Они не могли понять, что это такое, кто еще вмешался. Двое из них пытались расспрашивать друг друга.

— Я слышал о таком. Это вода... море... — выговорил один из солдат. Неожиданно он закричал, повернулся и бросился прочь по улицам, наполненным смертью, спотыкаясь о вывернутые камни мостовой и перелезая через поваленные деревья. Остальные же лишь стояли неподвижно, глядя, как приближается это невозможное блестящее явление — водная стена, что выше самого высокого из шпилей Саардсинмеи.

— Что оно делает? — произнес Чакор так же негромко, как перед тем солдат.

— Ее ничто не остановит, — отозвался капитан. — Смотрите, она идет к земле.

— Но как же город? — воскликнул другой солдат, и добавил очень тихо, словно стыдился выдать тайну: — Там мой сын. И мать. Если она успеет вовремя спуститься в погреб, как вы думаете... Нет, оно затопит погреб. Эта волна сметет все, что наверху, и утопит

все, что внизу. Нет, этого не может быть... Вонючие кишки Рорна, этого не может быть!

Некоторые из солдат зашептали что-то, торжественно и искренне. Они стояли, расправив плечи, глядя в лицо смерти, и молились. Жрецы Ашары молчаливо застыли позади. Они тоже ждали, пытаясь убедить себя в правильности одной из важнейших заповедей Шансара и Равнин: «Смерть хороша, ибо жизнь вечна».

Шум воды приближался. Он был похож на глубокий хрипящий вздох. Все остальные звуки утонули в нем, как скоро утонет вообще все.

— Гробница... — раздался позади голос Лидийца. — Она крепкая, и вода пройдет поверху. Это наш шанс.

Люди повернулись, хотя и не все, и воззрились на него, недоумевая, как он смеет противиться богам.

— Он прав, — поддержал его Чакор. — Пошевеливайтесь, — и подтолкнул двоих солдат, стоящих перед ним.

Внезапно все кинулись назад к гробнице. Последними шли жрецы.

Они продрались сквозь спутанные заросли алоэ. Никто не замешкался на пороге. Лишь один солдат чуть помедлил, чтобы позвать сбежавшего товарища, но тот уже исчез из виду и не ответил, а шум моря усиливался. Когда внутрь вошел последний, они напряглись, задвигая дверь. Таинственным образом та подалась, однако открыть ее изнутри будет гораздо сложнее. Но, возможно, им и не потребуется делать это.

Овальный мавзолей делился на внутреннее и внешнее помещения. Факелы жрецов осветили резной узор, покрывающий стены. Все эти листья, леопарды и смеющиеся луны казались сейчас чистейшим безумием.

За дверью темнела внутренняя часть гробницы, но у них не было необходимости входить туда. Даже здесь, в преддверии, они находились далеко от воды, под защитой двойных каменных стен, безопаснее которых не может быть ничего. Во тьме метались лихорадочные блики факелов. Бледный отсвет лег на помост, озарив еще одно проявление безумия, которое они видели, но не замечали, охватив взглядом, но не имея времени на осмысление...

Земля содрогнулась еще раз, со стен посыпалась мелкая черная пыль. Шум огромной волны превратился в устойчивое завывание. И сквозь этот невероятный вал они услышали наверху шаги Рорна...

Если они замечали друг друга, если помнили о своих семьях или богах, то ни один не показал этого. Каждый встал перед лицом смерти, как стояли до него миллиарды иных умерших — один, без спутников.

Факелы мигнули и погасли. Ночь зевнула. Раздался грохот. Колеса гигантского сверла обрушились на них с маху. И лишь затем с резким свистом нахлынула вода.

«Я забыл ее предупреждение, — подумал Регер. — Тогда она сказала мне об этом. Потому она и плакала, что знала, о чем говорит. А ее смерть привела меня сюда. Но не для того, чтобы

умереть. Это не исотвратимый меч, не прерванный полет колесницы. В этом нет никакой славы, Катемвал... Амрск, где он? Под какой грудой камня и земли на равнине близ Корамвиса с ненавистью вслушивается в шаги людей наверху?»

Он почти различил, как она что-то шепчет ему — мертвая девушка с лицом, закрытым газовой вуалью. Но он не мог слышать ее...

«Ешь, пока он не видит», — мать вложила ему в руку плод.

Он ехал на собаке по имени Тьма, и толпа приветствовала его. Приветственные крики пробились сквозь толщу камня. У плода оказался вкус соленой воды.

Глава 10. Лишенный прав

Ужас, огонь, вода и тьма встали над миром. После краткой эпохи неизвестности, когда все вокруг грохотало и перемешивалось, как в маслобойке, а потом было сметено прочь, медленно проступил свет, зловещий и запредельный. Тишина была плотной, точно весь мир оглох, и хранила в себе непостижимые звуки, известные лишь глухим — неожиданные протяжные свистящие ноты, внезапные удары, хруст, словно ломается кость, слабый трепет, глубокий вздох...

За мили отсюда вулкан, разверстый зев Эарла, испускал тусклый темно-красный свет. Огромный столб дыма над ним казался неподвижным, но понемногу расплывался пурпурным облаком, нависающим, точно зонтик, и кое-где обведенным дымным мерцающим огнем. Где-то, в других странах, над землей взошло солнце — уже настал полдень. Но здесь на небе встал вечный закат, окрасивший все вокруг темной кровью, ржавчиной и тяжелым пурпуром разложения. Море стало почти черным, и последние вспышки гаснущего вулкана не могли разогнать этой черноты.

Черный дождь упал на город, словно оплакивая его слезами, смешанными с пеплом. Вместе с ним на землю падали мертвые птицы. Падала черепица с уцелевших крыш, и силы уцелевших падали тоже. Волна отступила, унеся с собой в океан сокровища города и взамен оставив земле свое достояние. С деревьев свисали рыбы. Водоросли застряли в дверных косяках и обвили опоры арок. Саардсинмея больше не была городом, местом, где стоят дома — она превратилась в пейзаж, скопление осыпей и торчащих камней.

Лишь изредка на развалинах мелькали какие-то проблески сознания. Время от времени можно было видеть, как движется что-то живое, или услышать чей-то оклик — но такое случалось нечасто.

Прекрасный и нетронутый, со стройными мачтами, с отверстиями для весел в длинных бортах и вардийским львом на носу, сверкающим позолотой в неверном свете дня, корабль бросил якорь на крыше храма Зардука, на высоте почти сорока пяти футов над землей.

Внизу, в стороне от массивных внешних стен и колонн в десять обхватов, уцелело не так много. Но все-таки он остался зацепкой

в окружающем хаосе. Подножие его лестницы было завалено множеством причудливых обломков. И ни единого человека на тридцать улиц.

— Это рука Коррах, — выговорил Чакор. — Или другого оскорбленного бога.

С неверием и смятением он уставился на вынесенное морем мертвое создание — синее, вздувшееся, с запавшими глазами, длиной в половину человеческого тела.

Сравнить было нетрудно, ибо тут же лежал образец — закорианец, жрец храма. Волна изломала ему руки и разбила лицо о камни, выбив перед тем душу — с той же легкостью, с какой расплющила о колонну морскую тварь.

Чакор был подавлен и полон ужаса.

Из храма выскочил человек, мокрый и грязный, но с узлом на плече. Он бросился к телу жреца, словно крыса, и попытался стянуть с запястья золотой браслет, но тут Чакор плашмя ударил его кинжалом.

Элисаарец взглянул на Чакора и на его кинжал, помедлив в нерешительности.

— Ты его знал, да? Это ему уже не поможет. Давай, он твой.

Чакор прыгнул к вору, готовый ударить уже по-настоящему, острием, но тот, стянув потуже узел, мгновенно исчез меж холмов из битого камня, с которых тут и там свисали тела с волосами, спутанными, как водоросли, и водоросли, похожие на волосы...

Как удалось выжить этому элисаарцу? Чакор знал это. Такой же прихотью судьбы, как и ему самому.

Море огромной рукой ударило по гробнице Пандав, но не кулаком, а так, как бьют женщины — раскрытой ладонью.

Все факелы погасли. Это знамение. Посмотрим, что будет дальше.

Упав навзничь и сильно ушибившись об одно из украшений гробницы (будь проклято тщеславие этой танцовщицы!), Чакор скорее услышал, чем увидел, как расступились стены. Вода захлестнула его, заполнила рот. Он успел подумать, что это омерзительный способ смерти...

Когда корл пришел в себя, продрогший и мокрый, его рвало морем. Он осознал, что кто-то поддерживает его — это был один из солдат. От счастья, что рядом с ним есть другой живой, Чакор заплакал. Солдат тактично сделал вид, что слезы из Чакора выжала исключительно тошнота. В Элисааре плакать считалось недостойным мужчины, а в Корле, как и в Закорисе, плачущих мальчиков старше шести пороли.

Солдаты уцелели все до единого и выбрались из гробницы, справившись с дверным механизмом. Трое из шалианцев были убиты, прочие понесли их тела вниз, к храму, если от него еще что-то осталось. Все остальные стояли на склоне чуждой земли, покрытой грязью, обломками камней и ветками, словно наломанными для костра. Гробница высилась единственным знакомым островком в неузнаваемом пейзаже. Жилища мертвых выстояли против смерти лучше, чем пять тысяч домов живых.

Свет небес был багровым, словно в аду, но и его то и дело закрывали черные тучи. Грязный моросящий дождь нес с собой отвратительный запах. Все это полностью скрывало от них вид города, что было только к лучшему, позволяя радоваться собственному спасению.

Солдаты собирались вернуться в Саардисинмею — они продолжали называть так руины внизу — и доложить обо всем в казармах. Они не задавались вопросом, а существуют ли еще эти казармы. С другой стороны, дворец наместника и прилегающие к нему здания остались целыми и торчали из мглы. Определить, сохранилось ли еще что-нибудь, было невозможно. Во мраке различался разве что храм Зардука, застрявший меж зубов у Рорна, и что-то сверкающее на его крыше — может быть, маяк...

— Где Лидиец? — резко спросил Чакор.

Несколько солдат уже спустились к шалианскому храму, посмотреть, что стало с их скакунами, и теперь возвращались — пешие и с очень мрачными лицами. Чакор подумал, что Лидиец мог уйти с ними.

— Уцелели только двор и одна стена, — доложил солдат капитану. — Наш Рорн как следует потоптался по их богине. Они готовят погребальный костер для своих, как будто здесь еще осталось что-то сухое, что может гореть. Я посоветовал им отвезти тела к огненной горе. Пожалуй, мне не стоило так говорить. Но, проклятые кишки Рорна, здесь, должно быть, тысячи мертвых!

— Можете взглянуть с этой стены, кое-что видно, — добавил другой солдат. — Там живого места нет.

— Где Лидиец? — снова спросил Чакор.

— Что? А, наверное, уже на стадионе. Он давно ушел.

Вскоре солдаты построились правильным походным порядком и двинулись вперед, то оскальзываясь, то увязая в грязи. Они хотели в город, и эта мысль сплотила их. Однако Чакора она не вдохновила. Он решил, что пойдет за Лидийцем или хотя бы в том же направлении.

Чакор сам не знал, почему, и не смог бы объяснить, зачем оборачивается назад, к холму, сквозь красно-черный дождь вглядываясь в гробницу, где на ложе, омытом соленой водой, осталась лежать белая женщина.

Он не смог найти стадион. Он вообще ничего не мог найти. Повсюду валялись бесчисленные каменные обломки и куски штукатурки. В проломах домов виднелись стулья, колонны, парикмахерские инструменты, печи для хлеба, блестящие зеркала, мертвые тела. Иногда попадались дерево или колонна, рухнувшие и проломившие стену. Иногда попадались и те, что стояли по-прежнему. Он видел собак, хиддракса и лошадь, подвешенных за шеи на сучьях или карнизах, словно на живодерне. Он видел слишком много.

Один раз Чакор услышал крик женщины — или ему почудилось? Он попытался добраться до нее, но не смог сдвинуть обломки огромной мраморной арки с безголовой статуей наверху. Вскоре он перестал ее слышать.

По пути к стадиону он дошел до храма Зардука и со священным трепетом осмотрел корабль без команды, севший на мель. Первой мыслью Чакора при его виде было: «Бог хорошо поработал». Исчезнувший вор казался нереальным, а больше в храме не было ни души. Несколько раз Чакору казалось, что он видит женщину с волосами, развевающимися на полном пепла ветру — или просто отблеск на узоре стены...

Неожиданно он обнаружил Пятимильную улицу. Ее было легко узнать — море пронеслось по ней, как по ущелью, почти беспрепятственно, оставив после себя лишь руины и лужи, полные плавучего мусора.

Чакор шел по улице, глядя прямо перед собой, то и дело перелезая через завалы. Услышав шум, он старался не замечать его. Дважды ему чудился стук подков. Он отражался эхом, заполняя собой каждую новую полость и отскакивая от сотен поверхностей, пока весь строй всадников не умчался прямо в небо. Но это был еще не повод обращать на него внимание. Впереди, где прежде были пристани, что-то горело — возможно, огонь, не залитый волной, или зловещее отражение вулкана, теперь едва различимого сквозь дым и тень. Может быть, даже уцелело несколько кораблей, вынесенных волной на берег, как тот, на крыше храма, и там мог остаться в живых кто-то из команды...

Из завалов на расстоянии ста шагов вышел человек. Чакор, явно поглупевший от увиденного, даже не взглянул на него. Когда человек замер в ожидании, Чакор, вспомнив о встрече с вором, выхватил кинжал. Определить его рост в этом безумном пейзаже было не так легко, и только подойдя ближе, Чакор понял, что перед ним Лидиец.

— Куда идешь? — спросил тот. Он говорил спокойно, без той властности, с какой приказал двум десяткам людей прятаться в гробнице.

— В гавань. Кажется, я видел там маяк, — Чакор поколебался и, как будто мир вокруг них все еще располагал к светским беседам, добавил: — А ты?

— Пытаюсь найти одного человека здесь, на улице.

— Бесполезно.

— О да. Его дом разрушен. Он так гордился им. Он купил его с выигрыша, поставив на меня.

Лидийца покрывала кровь, что весьма редко случалось с ним на стадионе. Его руки выглядели так, словно он работал на укладке кирпича, вены эмалевыми штрихами проступили на темном золоте кожи.

Он больше ничего не прибавил к сказанному и вообще казался скорее опечаленным, чем страдающим или потрясенным.

Чакор повернулся, и Лидиец последовал за ним. Вместе они направились к гавани.

Что ж, они всегда жили со смертью. Каждый их день мог стать последним. Один из них был свободным, но в какой-то мере оба они были и рабами, и королями — королями мечей рубиновых городов Элисаара...

— Что ты будешь делать? — спросил Чакор. — Как ты считаешь, теперь ты свободен?

— Думаю, что нет, — отозвался Лидиец.

Такие не стремятся к свободе. Им она не нужна. Погибнув, Саард-синмея дала свободу — и лишила всего.

— Идем в Кандис. Говорят, ты сражался там. Или в Джоу, — предложил Чакор. — Как, по-твоему? Ты же не можешь пойти на север и наняться к шансарцам в Ша'лисе.

В конце пятимильного пути Высокие Божественные врата обвалились и перегородили дорогу. Пока они обходили их и руины вокруг, пока шли к порту мимо разбитых кораблей, огонь ярости в душе Чакора угас. Даже вулкан, казалось, замер или уснул. И только небо, налитое янтарем и кровью, все горело и горело.

Эрн-Йир, судовладелец из Мойи, портового города на Равнинах, в это лето уже десяток раз без проблем выходил в море на своей «Красотке». В этот раз ему было слегка не по себе, поэтому перед тем, как снова поднять парус, он, будучи полукровкой, принес жертву Зароку и горячо помолился Анакир. Но, видимо, у обоих богов нашлись дела поважнее...

Они спокойно перешли Внутреннее море, но не успели повернуть к северному Элисаару, как на корабль налетел шторм редкостной силы. Надо сказать, что «Красотка» была хороша не только собой — сильная и выносливая, она выдерживала любой натиск непогоды. На рассвете, когда море успокоилось, они осмотрели корабль и выяснили, что он невредим. Но шторм отогнал их на мили к югу, а они уже истратили половину припасов, к тому же на борту имелся груз. Эрн-Йир предложил своим людям выбор: вернуться в Мойю или зайти в ближайший порт Нового Элисаара, где их по преимуществу желтые волосы, безусловно, не подарят им любви местных жителей.

Матросы выбрали Элисаар, заявив, что, если потребуется, выкрасят волосы в черный цвет, как когда-то сделал бог-герой Ральднор, и рассмеялись. Эрн-Йиру, на три четверти уроженцу Равнин, но имевшему бабку родом из Оммоса, не слишком понравилось их решение. Однако на кораблях Мойхи царило такое же народовластие, как и в ее городах, поэтому «Красотка» повернула к Новому Элисаару.

Поначалу матросы сочли сплошной облачный покров и звенящий воздух последствиями шторма. Но потом приборы корабля начали вести себя странно, а небо сделалось ненормально серым. Через некоторое время, не видя берега, лишенные луны, звезд и солнца, они сдались и вверили себя воле богов.

Под утро они услышали чудовищные взрывы на юго-западе.

— Кто-то с кем-то воюет, — произнес Эрн-Йир, приняв шум за грохот баллист и раскалывающихся кораблей. В последнее время пираты Вольного Закориса в основном отирались на северо-востоке, так что это могло быть только какое-нибудь столкновение между Шансаром и Элисааром, которое если и могло доставить кому-

то неприятности, то уж никак не потрепанной «Красотке». Светловолосые или нет, члены команды уже начали представлять себе верфи и рынки Саардсинмеи.

Разгорелся эффектный закат, темное, словно металлическое, небо начало раскаляться. Появились птицы, и команда радостно приветствовала их, ибо они означали, что берег уже недалеко. Некоторые из них даже ненадолго сели на корабль, и это сочли добрым знаком. Стоял штиль, парус был бесполезен. Гребцы сели на весла, и корабль устремился на запад, ведомый светом солнца.

Разглядев в закатных лучах берег, все вздохнули полной грудью. Через четыре часа они будут в Саардсинмее. И никаких признаков войны.

Краски заката становились все ярче, и команда позволила себе полюбоваться ими...

Затем взошла луна. Стояла Застис, и все знали, как должен выглядеть лунный диск в эту пору. Но на этот раз он не был красным. Из беспредельной киновари востока поднялся пылающий оранжевый шар, окаймленный пурпурным ореолом, который, казалось, сверкает, как само солнце.

Запад тоже был окаймлен красным факельным светом. Океан поглощал краски и превращался в огонь.

По левому борту они увидели стелющийся дым и решили, что загорелся чей-то корабль. Дымное облако лежало на воде, словно искусно выточенная скала, и медленно плыло на запад.

Любая звезда в небесах казалась каплей крови, Застис вообще не была видна. Закат длился уже три часа.

Моряки гребли к элисаарскому городу, ибо он был порождением людей, чем-то понятным и доступным. Так они думали, пока не увидели его своими глазами.

Корабль из Мойи замер в миле от берега, пока его команда смотрела на Саардсинмею.

— Это не шансарцы, — прошептал палубный офицер Эрн-Йиру. — Это сделали не люди и не какое-то земное оружие...

— Боги, — отозвался Эрн-Йир. — Это сделали боги.

И не гадая, каким орудием боги вызвали тяжелый черный хаос, нависший над морем, команда направила корабль к берегу, испытывая ужас и сострадание, но вопреки всему надеясь, что еще сможет чем-то помочь.

Глава 11. Истинное рабство

Она была во чреве Ясмат, в руке судьбы. Она была в темноте, которая раскачивалась туда-сюда.

Но темнота оказалась неоднородной, она состояла наполовину из воды, наполовину из воздуха. Затем она распахнулась, словно разрезанная длинной раскаленно-красной вспышкой. Запахло солью, илом и смолой. От свежести воздуха у нее закружилась голова. Она жадно глотала его, словно пытаясь напиться, протягивала к нему руки...

То ли из-за этого движения, то ли повинуясь собственному порыву, огромное чрево, где она находилась, внезапно перевернулось. В миг рождения, падая в море, Пандав непроизвольно оттолкнулась, прыгнув в огненную волну, как черный дельфин. Она сама не знала, почему сделала так.

Упав в воду, она ударилась о нее. Соленая масса накрыла ее с головой и толкала вниз, словно сильная рука. Внизу она видела бездну. Но дерево-колонна богини, с которого она спрыгнула, держалось на воде, только раскрылось на две выдолбленные половинки ствола, накрепко связанные скобами.

Подняв руки, Пандав устремилась к поверхности, пробившись сквозь преграду моря в красный свет, и втащила себя на качающуюся в волнах колонну.

Ее тело было избитым и измученным, словно над ним потрудились мастера пыток. Каждая его часть, даже зубы и лоно, отзывалась пронзительной болью. Она прижалась лицом к внутренности колонны, безвольно опустив руки, одна из которых свесилась в воду. Без этого бочонка из дерева, краски и бронзы она была бы выброшена из времени и пространства и сдалась на милость пустынного моря крови.

Пандав лежала, погрузившись в кроваво-красную дрему. Но даже сквозь дымку беспамятства она заметила восход лиловой луны и появившийся на его фоне силуэт корабля.

Даже когда крюк с глухим стуком зацепил колонну, девушка не вскинулась. У нее не было сил на это.

Ее медленно поднимали на корабль.

Пандав видела под собой его отражение в воде, а над собой — единственный высокий парус. Корабль принадлежал Ша'лису и потому был построен по шансарским образцам. Над поручнями она разглядела грязные лица мужчин со светлой кожей, которые уставились на свою добычу.

— Надо же, какая черная висская рыбка!

— А может, это ее огоньком припекло до такого цвета?

Когда двое из них начали спускать ей крутящуюся веревку, Пандав представила, как сейчас соскользнет с колонны и позволит себе провалиться в вечность на дне моря... Ее удержала от этого только упрямая жажда жизни, выработанная на стадионе.

Мужчина грубо поднял и ощупал ее. Изломанная болью, она застонала, и это ее спасло.

— Так ты еще жива? Надо же, живая! — с этими словами они бросили ее на палубу. Над ней навис владелец корабля, он же капитан. Светлые волосы, черные глаза. Плохо. Полукровки часто бывают весьма нетерпимы.

— Ты спасена, — сказал капитан-полукровка. — Ашара сжалилась над тобой, Уголек. Ты с какого-то другого корабля?

Она с трудом разомкнула губы, чтобы обругать его. Возможно, тогда он ее убьет. Но слова не пришли. Снова желание жить — или она просто забыла, как говорят?

Капитан указал на свою каюту, неказистое сооружение посреди корабля. Его люди отнесли ее туда и бросили на койку хозяина. Вскоре он вошел, тщательно задвинув за собой кожаный полог у входа, и они остались наедине.

— Не бойся, я тебя не трону, — начал полукровка. — Не хочу пачкаться. Но кто-то из этих может. От Звезды у них все время зудит, и они готовы на все, хоть друг с другом, хоть со скотиной. Они — грязь. Видит Ашара, торговля — это мое проклятие. Но теперь ты моя рабыня. Поняла? — он уставился на нее глазами Виса, смотрящими с грязного и небритого светлого лица. — Отдыхай. Вечером можешь поесть, а потом расскажешь мне, кто ты такая, — он склонился к ней: — Видишь ли, если у тебя богатая семья, она сможет заплатить мне выкуп, и ты вернешься домой.

— У меня нет семьи, — голос вернулся к Пандав. — Я рабыня, принадлежащая городу Саардсинмее, — она чуть усмехнулась, что далось ей с трудом.

— Которого больше нет, — отозвался капитан. — Мы подошли и полюбовались на него, когда утих шторм. От твоего проклятого города ничего не осталось.

— Землетрясение, — произнесла она.

— И в придачу огромная волна из океана. Ваш Рорн прихлопнул тот рубиновый мусор, что остался от твоей Саардсинмеи. Не слишком ли много для тебя?

— И никакой прибыли для тебя, — спокойно откликнулась Пандав.

— В таком случае я продам тебя, как только мы доберемся до Иски.

Когда он оставил ее одну, девушка заметила, что небо и море все еще отсвечивают красным. Хотя она не вникла до конца в то, что сказал капитан о Саардсинмее, знание уже заняло место в ее мозгу. На каком-то уровне она прекрасно понимала, что с ней произошло — запертая в колонне, она потеряла сознание, колонна покатилась, а потом отступающая волна унесла ее в море в своей пасти. Чудесное спасение. Однако нечто внутри нее говорило, что если город погиб, то она погибла тоже, ибо рухнуло все, чем она была в этой жизни. Однажды с ней уже случилось такое — в Закорисе, в день, когда ее забрали из деревни. Она никогда не жалела о той, первой своей жизни. Но теперь и жизнь рабыни-императрицы уплывала от нее все дальше.

Ей хотелось знать, что из себя прежней она потеряла, и кто такая она сейчас. Роясь в себе сквозь пелену физической боли и душевной апатии, она обнаружила внутреннее пространство за гранью мыслей и чувств и спряталась там с умиротворяющим сознанием, что на самом деле ничто не имеет значения — ни то, что она потеряла, ни то, что разрушено; даже ее имя и суть утратили смысл. Пандав уснула.

«Овар» был кораблем из гаваней северного Ша'лиса, а его команда — отбросами с северных причалов. Порой торгуя и по возможности пиратствуя, корабль болтался по морским путям между мелкими портами шансарской провинции и Вардийским Закорисом, лишь иногда заходя южнее, к Новому Элисаару. В ходе выполнения одного из таких редких заказов — доставки в Иску элисаарского железа и племенных свиней — шторм застиг «Овара» недалеко от берега. Гонимый ветром под светом недоброго заката, его капитан решился зайти на юг дальше обычного в поисках тех, кто не смог справиться с бурей. В скверную погоду часто можно поживиться легкой добычей.

Тем не менее, взглянув на море и землю вокруг великого южного города, корабль свернул со своего пути. Позже в тот же день, встретив корабли, оставшиеся невредимыми, они услышали новости о колоссальном землетрясении, огненной горе, пробудившейся у самой Саардсинмеи, и волне, заслонившей небо.

— Наконец-то богиня устала терпеть их, — бросил капитан, обычно равнодушный к любым богам.

Закат в этот день был столь же зловещим, как и тот, что предвещал бурю, и зарево не погасло даже ночью. Через час после его начала, когда по правому борту возник берег Нового Элисаара, они увидели в море что-то плавучее. Невеликое сокровище — какой-то раскрытый бочонок, и на нем черная висская женщина. В Иске ее можно будет продать, но, честно говоря, они зря проделали весь этот путь.

Она стала собственностью капитана, но он сообщил ей, что, пока у него есть хоть какой-то выбор, ей не придется пожинать плоды такого положения. Он звал ее Угольком и испытывал отвращение при мысли о том, чтобы коснуться ее черной кожи, не

осознавая, что ей столь же противна его бледность. Ни ее высокомерия, ни учтивости он не замечал, оставаясь невозмутимым.

Странности с закатами и рассветами шли на убыль. По мере их исчезновения гигантская волна и землетрясение казались людям с «Овара» все более нереальными, словно и не было ничего подобного. Лишь закорианская девушка, видевшая меньше всех, помнила о них.

Ее гордость никуда не делась, несмотря на то, что она больше не была Пандав. Когда спросили ее имя, она с осторожностью назвалась Пенгду. Они решили, что для их языков это слишком сложно, как когда-то имя «Пандав» для нее самой, и остановились на кличке «Уголек». Вместе с гордостью в ее прекрасно сложенном теле сохранились и некоторые желания — хорошо есть и двигаться. Первое было недоступно не только ей, но и прочим на «Оваре», второе же могло стать искушением для команды, распаленной Звездой, поэтому она свела занятия к минимуму, вставая на мостик и делая растяжку у свиной загородки, в последних лучах солнца, когда жизнь на корабле замирала. Ее ушибы зажили очень быстро, и сейчас тело ныло лишь от желания двигаться. Спалось ей плохо, но бессонница была для девушки чем-то новым и не угнетала ее. Сидя в углу каюты, Пандав слушала, как ворчит и храпит капитан, и развлекала себя несложными планами его убийства. Но он был ее защитником, и она не могла позволить себе избавиться от него.

В Иске ее продадут в рабство. Она и не сомневалась в этом, и не верила до конца.

Она носила потрепанную рубашку, которую выдал ей капитан. Рубашка пахла несвежим телом, пока девушка не выполоскала ее в море. Под рубашкой, свисая с шеи, прятался небольшой нож, благодаря перламутровым ножнам принятый за безделушку. Неужели настанет час, когда она пустит его в ход против другого человека — или себя?

Все чаще, забывая про мир, она удалялась в безмыслие, в тот внутренний уголок своего сознания, который вел ее тело во время танца. Но иногда она думала, что, наверное, удары о внутренность колонны лишили ее разума, иначе почему же она стала такой кроткой и не заботится ни о чем?

Наконец корабль прибыл в убогий порт Иски. Вести о падении Саардсинмеи, искаженные и обросшие эффектными подробностями, уже достигли этих берегов, пройдя по пути через Ша'лис. Новые слухи были выгружены с корабля вместе со свиньями и железом. Желтоволосые моряки-полукровки гордо расхаживали по городу, укрытые, словно плащом, силой Ашары-Анак, и свысока глядели на темных искайцев.

— Раздевайся, — приказал Пандав владелец корабля. — Здешним ты не режешь глаза, а так понравишься им еще больше. Можешь даже станцевать для них. Я видел, как ты это делаешь — очень неплохо.

— Не буду я раздеваться, — дернулась Пандав. — И не буду танцевать ни для тебя, ни для них.

Капитан подошел к ней и замахнулся. До сих пор он не бил ее, не желая портить товар перед продажей.

Перед внутренним взором Пандав пронеслась вереница картин. Она могла бы убить этого хама, сбежать через порт и потом найти убежище или поселиться где-нибудь. Но что-то остановило ее. Иска не питала любви к закорианцам, которые грабили ее, где только могли, а теперь были еще и прокляты Анак, богиней, чей гнев признавался опасным.

— Ты сможешь продать меня, не заставляя обнажаться и без всяких представлений, — объяснила Пандав капитану. — В таких местах, как здесь, рабы нужны только для работы.

— Или для постели, — добавил он.

— Или для этого. Так позволь им заплатить тебе за возможность увидеть и получить.

Он пожал плечами.

— Распусти волосы.

Пандав заплетала волосы в косу и укрепляла на голове ремешком от рубашки. Она подумала, что теперь он решил использовать в качестве приманки ее длинную гриву. Но когда она выполнила приказ, капитан вытащил нож и обрезал ей волосы по самые уши.

— Продам изготовителю париков, — соизволил пояснить он.

Она ощутила, что желание убить его снова встает в ней, как волна... волна над ее городом, которую она не видела, но все эти дни пыталась вообразить. То, чем она была, ушло от нее безвозвратно.

Рынок рабов открывался с наступлением вечерней прохлады, когда наиболее состоятельные выходили прогуляться к причалам. На взгляд Пандав, они совершенно не уважали себя и на юге сошли бы за уборщиков улиц. Что же до рабов, то они выглядели столь жалко, что капитан так и просиял, увидев, насколько его товар превосходит все остальное.

Пока они ждали своей очереди у помоста, сквозь толпу покупателей пробилась небольшая процессия.

— Жрецы-безбожники, — капитан и его второй помощник сплюнули на пыльную землю.

Это были приверженцы Ках, узнаваемые по своим темно-красным и охристым одеяниям. Впереди шел Верховный жрец, и даже в сумерках мальчик нес над его бритой головой зонтик из перьев. В нескольких шагах позади этого явления следовало еще одно — толстая женщина, закутанная в газ, но с обнаженной тяжелой грудью. На ее руках позвякивали браслеты. Без сомнения, это была хозяйка храмовых шлюх.

Капитан тут же начал обсуждать со своим помощником недостатки этой особы. Они рассмеялись, но не слишком громко, ибо здесь благоговели перед своими жрецами, похожими на идолов, и даже толстые святые девицы получали часть этого благоговения.

Зажглись факелы. Настала очередь Пандав выйти на помост. Она стояла там, глядя исключительно в небо, еле видное сквозь

неразбериху огней и крыш. Взирая на непоколебимые звезды, она слышала, как описывают ее предполагаемые достоинства — силу, гибкое тело, безупречное здоровье.

Блеск меди привлек внимание Пандав, и она наконец опустила взгляд к толпе. Она увидела расплывшуюся женщину, которая указывала на нее украшенной браслетами рукой. Пандав тоже понимала, кто такая эта женщина. Во дворах Дайгота имелись две или три танцовщицы из Иски.

Следом за женщиной протолкался к помосту и жрец. Показав на девушку, он протянул деньги. Капитан «Овара» выругался — со жрецами не торгуются. Он схватил за руку продавца рабов и начал протестовать, но без толку — деньги были уплачены, жрец уже отвернулся. Пандав поняла, что ее продали в местный храм. А поскольку среди служителей Ках не было иных женщин, кроме святых девиц, значит, ее приобрели, чтобы сделать шлюхой.

Храм съежился на каменном возвышении. Его окружали черные деревья, на которых вечно сидели птицы-падальщики, привлеченные смрадом жертв на алтарях. Позади в ограде располагался публичный дом Ках.

В первую ночь ее опоили дурманным питьем, отказаться от которого она не смогла — слишком была измучена жаждой. Утром две девушки, уже изрядно обросшие лишним жиром, принесли ей блюда с едой.

Пандав съела немного. Пища не понравилась ей — сладкая густая липкая каша и приторные серые хлебцы.

Ее обиталище было каморкой размером не больше уборной на стадионе. Дверь ее открывалась во двор. Пандав уже успела заметить, что вдоль стены и у всех выходов из храма стоит стража.

В полдень толстые девушки вернулись и принесли еще больше еды. Стараясь растягивать слова на искайский манер, чтобы ее поняли, Пандав спросила, как ей справить нужду. Одна из девушек молча указала на глиняный сосуд в углу, накрытый крышкой. Каморка не только имела размер уборной — она ею и была.

Пандав съела еще меньше. Она сделала несколько упражнений, вскидывая ноги на стену и наклоняясь к ним, но места было слишком мало, и это раздражало ее даже больше, чем моряки, подглядывающие за ее занятиями на палубе «Овара».

Вечером принесли еще еды.

Когда сквозь решетчатое оконце двери начали сочиться сумерки, подкрашенные Звездой, святая хозяйка решила посетить Пандав, возвещая о своем приближении звоном браслетов и тяжелым дыханием. Она встала в дверном проеме, возможно, опасаясь застрять навсегда, если войдет в узкую каморку. От нее пахло сладостью, духами и недовольством.

— Ты должна есть, — обратилась она к девушке.

— Чтобы набирать вес? — усмехнулась Пандав.

— Именно так. Чтобы стать привлекательной.

— Похоже, мужчины в твоем городе любят валяться на женщинах, как на перинах.

Хозяйка, поняв ее, скривила губы. Она была меднокожей, темной для Иски, но светлой рядом с Пандав, с жесткими черными волосами, плотно заплетенными в косы и унизанными бусинами. Былая красота смущенно проглядывала из ее тела, расплывшегося от сладкой каши, но глаза смотрели остро.

— Кому ты поклоняешься? — спросила она.

— Зардуку, богу огня. И Дайготу, покровителю воинов.

— Ты из Закора. Вольного или под властью светлых?

— Ни то, ни другое. Я элисаарская рабыня.

— Ты знаешь имя Ках?

— Я не ссорилась с этой богиней, — отозвалась Пандав.

— Ках купила тебя. Ках требует от тебя службы. А чтобы служить, ты должна стать пышной.

— От вашей еды меня тошнит. Я не могу ее есть, даже если голодна. Посмотри на меня. Это тело привыкло к упражнениям. Я танцевала с огнем, — в этом месте хозяйка издала шипящий звук. — Если держать меня вот так, я заболею, и деньги вашей богини пропадут зря, — убеждала Пандав, а кровь стучала у нее в ушах.

— Ничего, ты привыкнешь к такой еде. Голодай ты с самого рождения, ты была бы рада этому, как другие девушки. Это беспечная жизнь.

Пандав больше не могла сдерживаться — ей слишком долго пришлось делать это.

— Будь проклята твоя беспечность, жирная свинья! Чтобы я стала такой же, как ты? Да лучше я буду голодать. Лучше я умру! Забери меня отсюда и убей.

Она вспомнила о своей роскошной гробнице, которую отдала белой суке-эманакир. Без сомнения, волна разнесла ее склеп на куски. А сука-ведьма обещала ей долгую жизнь, так что в нем не будет нужды...

Но толстая женщина уже шла прочь, а ее сопровождающий закрывал дверь.

Пандав опрокинула тарелки с тяжелой пищей. На миг она подумала о том, как справиться с храмовыми стражниками, но их было слишком много. Она стояла, положив руки на стену. Она пылала неистовым, но бесплодным гневом, и сделала то немногое, что могла, желая излить его — прижавшись головой к неровной штукатурке, замолотила кулаками в стену, проклиная все на свете.

Отбив руки, Пандав бросилась на соломенный тюфяк. Реальность мстительно накрыла ее. Лишь сейчас она в полной мере осознала конец Саардсинмеи и утрату всего, чем она была, впервые ощутила это со столь мучительной болью, и постепенно сквозь пустоту ночи скатилась в неверие и отчаяние.

Она не стремилась в Закорис. Свободная или пленная, она хотела лишь славы в Элисааре, что значило заслужить право зваться эм Ханассор. Мир, который принадлежал ей почти все то время, что

она помнила себя, исчез — но на самом деле не этот мир принадлежал ей, а она — ему. Теперь же она не принадлежала ничему.

Незадолго до рассвета Пандав уснула. Проснувшись, она ощутила на щеках корку засохших слез, но не смогла вспомнить сон, который их вызвал. И тогда она решила, что если не принадлежит ничему, то для нее сгодится любое место. Поднявшись, она отшвырнула тарелки и стала ждать святых девиц.

Они пришли втроем, осторожно открыв дверь и нервно разглядывая Пандав из-под накрашенных век.

— Скажите хозяйке, что я предлагаю сделку, — обратилась к ним Пандав. — Я стану есть эту гадость, если она позволит мне упражняться во дворе. Иначе я умру.

Они уставились на нее так, словно она говорила на незнакомом языке. Тогда Пандав бросилась вперед и вытолкала всех троих за дверь. Испугавшись ее, словно леопарда, вырвавшегося из клетки, они кинулись наутек, оставив танцовщицу на свободе.

Двор был не слишком большой, мощеный камнем, с двух сторон обнесенный храмовой оградой, а еще с двух — высокими стенами, покрытыми желтоватой штукатуркой. Несколько тускло-розовых и серых неаккуратных линий складывались в подобие узора, тут и там стояли горшки с цветущими кустами. И все же на двор падал солнечный свет, а только что политые цветы благоухали свежестью и надеждой.

Пандав не медлила. Она не могла знать, сколько времени ей отпущено, поэтому начала наклоняться и выпрямляться, делать растяжку, «колечко», «ласточку» и прочие акробатические упражнения.

Несколько раз медленно пройдясь колесом по двору, она вспомнила побои в Ханассоре, которыми закончилось ее детство.

Выпрямившись, она остановилась, чтобы перевести дыхание, откидывая с лица обрезанные волосы. И увидела, что все проемы выходящих во двор дверей забиты толстыми святыми девицами, которые взирают на нее с изумлением. Кроме того, на лестнице у западного конца ограды стояла хозяйка и пристально смотрела на девушку, жуя засахаренные фрукты.

Усмехнувшись, Пандав отдала ей безрассудный пламенный салют стадиона.

— Они передали тебе мои условия? — крикнула она.

Хозяйка ничего не ответила, лишь подарила девушке долгий взгляд, повернулась и ушла в свои покои, задернув занавески со звоном медных браслетов.

Никто не пришел, чтобы загнать Пандав назад в узилище, никто не наказал ее.

Она немного поела, потому что нельзя же совсем не есть, но при этом тщательно вычистила тарелки, выбросив их содержимое в горшок с крышкой, а потом вытряхнув его в глубокий бак для отходов.

Если она будет есть или, по крайней мере, делать вид, что ест, то, может быть, ей дадут и другую пищу, особенно если поймут, что она не «пышнеет». Пандав скрутилась, как черная змея, подняла ноги и обошла двор на руках.

* * *

Днем девицы, если не выполняли свои обязанности на подушках в храме, то, развалясь, сидели во внутреннем дворе. Большинство из них поднималось поздно, особенно после дня служения, и полуденная жара снова погружала их в сон во внутренних помещениях. Иногда они придумывали себе дела, занимаясь шитьем, нанизывая ожерелья из бусин или тщательно укладывая свои волосы. Пять или шесть девочек, еще не достигших возраста посвящения в служение Ках, регулярно приносили им чаши с конфетами.

Вечером, когда делалось прохладнее, как раз перед ужином, в кустах за оградой начинали петь сверчки, тени птиц пересекали двор, и святые девицы оживали. Они одалживали друг другу украшения, вплетали цветы в прически, болтали. Они даже позволяли себе сравнивать своих покровителей. Ках дорожила способностью мужчин доставлять наслаждение, и поскольку у большей их части это свойство отсутствовало начисто, шлюхи имели полное право высказывать недовольство. В этом отношении Застис приносила и хорошее, и плохое. Мужчины торопились, переполненные похотью, но довести дело до конца получалось только у каждого десятого.

У Пандав, привыкшей к коротким и энергичным разговорам девушек в женских залах стадиона, эта медленная корявая болтовня вызывала лишь раздражение.

И все-таки она делала свои упражнения во дворе, понимая, что шлюхи смотрят на нее, кто-то прямо, кто-то из-под полуприкрытых век, замкнуто, но очарованно. Во вселенной, где с мужчинами так же ничего нельзя было поделать, как с погодой, женщина, проявляющая мужские качества — физическую свободу и силу, высокомерие и самодостаточность, — вызывала почтение.

Среди девушек оказалась одна, которую полнота ничуть не портила. Хотя ее тело было большим и одним из самых тяжелых, она двигалась с совершенным изяществом, легкая, как пушинка. Ее кожа блестела, а в огромных глазах, если удавалось поймать ее взгляд, сверкал ум. Вместо двух кос с медными колокольчиками на концах, которые были знаком служения Ках, она носила волосы распущенными, словно прекрасное расчесанное облако. Ее звали Селлеб.

В отличие от других девушек, Селлеб не бездельничала. В комнате за покоями хозяйки стоял ткацкий станок, на котором она ткала полотно для зимних храмовых одеяний. Она не оторвалась от своего занятия, даже увидев проявившегося на пороге черного леопарда.

— Какая красота, — Пандав подошла к ней поближе и дотронулась до сверкающего облака. — Работорговец, который обрезал мне волосы, сошел бы с ума, увидев эту роскошь.

— Когда меня продали сюда, отец тоже обрезал мои волосы, — безмятежно отозвалась Селлеб, управляя станком.

— Ты когда-нибудь жалела, что оказалась здесь?

— Нет. На ферме у отца я голодала. Я родилась крупным ребенком, поэтому они решили, что могут кормить меня корками и воздухом. Живот постоянно сводило от голода.

— Что ж, тебе удалось это исправить, — тонкая рука Пандав скользнула на налитое плечо девушки.

Селлеб продолжала ткать.

— Но мне эта еда не подходит, — продолжала Пандав. — Сама видишь, я такая же, как была — кожа да кости.

Селлеб улыбнулась, но ничего не сказала.

— Мясо, — произнесла Пандав, выгнув брови. — И фрукты.

— Каждые десять дней нам дают полное блюдо мяса, — наконец ответила Селлеб. — Свежие фрукты можно купить, но лучше попросить покровителя, который постоянно проводит с тобой время.

— Я слишком худая, чтобы просить, — загадочно пояснила Пандав. — У меня пока нет покровителя. Ты же очаровательна, и наверняка у тебя много поклонников, которые предпочитают твою постель.

Селлеб снова улыбнулась. Пандав обняла ее за талию, насколько смогла обхватить.

— Мне нужно еще больше мяса, — прошептала она, склонившись к уху девушки. — Есть ли возможность достать что-то с алтарей? Я могу есть его даже сырым, если понадобится.

— Возможность-то есть, Панндау, — ответила Селлеб, произнеся закорианское имя лучше, чем многие, кто пытался его выучить. — Но чем ты отплатишь мне за помощь?

— Я стесняюсь...

Селлеб тихо рассмеялась.

— В Элисааре я выучилась кое-каким приемам любовной игры, — наконец сказала Пандав. — Я могу научить тебя им, если ты согласна. Ты сможешь применять их в служении Ках, чтобы увеличить свое удовольствие и удовольствие своих покровителей, и тем заслужишь одобрение богини.

Хозяйка шлюх вошла в келью Верховного жреца и опустилась на колени, тяжело дыша. Он важно восседал в кресле, пока она не отдышалась достаточно, чтобы произнести:

— Позволь сказать, Высший.

— Говори, — кивнул он.

— Высший, помнишь ли ты женщину, которую я, недостойная, выбрала для постели Ках?

— Черная закорианка.

— Именно так, Высший. С ней возникли кое-какие трудности, — Высший ждал. Хозяйка прилагала усилия, ибо ей было тяжело оставаться в этом положении. — Она вроде бы ест, но не набирает вес. Может быть, она выбрасывает еду, или все выходит из нее в отхожем месте. В обычном случае я наказала бы девку и заставила проглотить пищу при мне. Но она — танцовщица из Элисаара. Похоже, она знает какие-то трюки для удовольствия в постели и обучает им девушек, по крайней мере, одну из них, так что покровители остаются в выигрыше. Об этом уже говорят. Как мне поступить, Высший?

Верховный Жрец потер бритый подбородок и посмотрел на сопящую хозяйку публичного дома долгим и мрачным взглядом.

— Женщина, нигде в канонах Ках не сказано, что двое должны получать удовольствие иначе, чем обычным способом, — наконец произнес он. — Обычаи Элисаара касаются только его. Разумеется, ты выбрала плохую рабыню. Эта Пендоу непослушна и забыла, какое место полагается женщине. Она не научит девушек ничему хорошему. Думаю, нам надо избавляться от нее. В новолуние мы продадим ее прислуживать в порту.

Хозяйка кивнула и с одышкой встала.

— Еще одно дело на будущее, — добавил Верховный жрец. — Из столицы к нам едет Наблюдатель. Здесь нет ничего, чего ему не стоило бы видеть и упоминать в докладе Материнскому храму. Но он приедет еще до конца Застис. Так что проследи, чтобы твои подопечные привели себя в порядок и выложились как можно лучше — он может пожелать какую-то их них.

Весть о приезде Наблюдателя и возможном его посещении вызвала необычайный подъем среди девиц Ках. Такие жрецы обычно сочетали важный пост с молодостью, поскольку по долгу службы совершали тяжелые путешествия. Они переезжали с места на место, проверяя храмы богини, чтобы убедиться в правильном отправлении ритуалов, а также в надлежащем ведении прочих храмовых дел, таких, как забой скота или ростовщичество. Налоги из всех городков и больших деревень посылали в столицу Иски, в Материнский храм, но собрать их было делом везения. Никто не рассчитывал, что в земле, которая отнюдь не славится богатствами, на камни алтаря может пролиться много крови.

«Наблюдатели не приезжали сюда уже три поколения», — сообщали друг другу девушки, и их сонные тусклые голоса оживлялись и становились бодрее. Они старательно ели, мылись, натирали маслами тела и волосы, укладываясь на солнышке, словно толстые гладкие кошки со сверкающим мехом.

— Так он облечен властью, этот жрец? — спросила Пандав у Селлеб, когда они в полночь легли бок о бок.

— Ты гадаешь, какую выгоду можно из этого извлечь, — пробормотала Селлеб.

— А ты чересчур умна, — отозвалась Пандав. — Почему у тебя не каша вместо мозгов, как у остальных?

— Я слышала, что он должен будет совершить путешествие в горы. Какой-то городок или деревня в тех местах привлекли внимание Материнского храма. А еще я слышала, что он большой любитель женщин.

— Тогда, скорее всего, он возит женщин с собой. Как ты думаешь?

— Нет. Они быстро утомляют его, и он бросает их или продает за деньги.

— Да, — вздохнула Пандав. — Я тоже имела привычку использовать любовников по мере надобности.

* * *

Эруд, Наблюдатель Ках, въехал в один из мелких портов Иски, куда привел его долг, на исходе Застис, по жаре предвечерья. Он три дня пробирался по извилистым тропкам, в пыли, без женщин и ванны. Он отбил о седло всю нижнюю половину тела, поскольку от щедрот столицы ему выделили зеебов, чесался, искусанный насекомыми, его глаза воспалились, а характер испортился. И от мысли, что дальнейшая дорога будет еще длиннее, жарче, грязнее и непроходимее, а в конце его ждет еще более жалкий муравейник, настроение отнюдь не улучшалось.

Дрянной порт не привлек внимания Эруда. Его скакун протрусил мимо, четверо сопровождающих его слуг с поклажей прогромыхали следом. Люди на улицах уступали ему дорогу и кланялись, выражая свое почтение. Храм с некрашеными колоннами и воронами, сидящими вокруг на деревьях, оказался больше, чем ожидалось. На своем пути он уже видел пяток подобных.

Верховный жрец вышел приветствовать Эруда, затем последовала церемония в храме перед главным алтарем. Эруд с радостью отказался бы от участия в ней, но кто посмеет оскорбить Ках? После этого его ждала комната, в которую по трубам была проведена горячая и холодная вода, а затем ложе в странных треугольных покоях. До чего он докатился, если получает удовольствие от таких мелочей...

Измученный, страстно мечтающий о сне, Эруд лег в постель — и не смог сомкнуть глаз. Он с возмущением подумал о завистниках из Материнского храма, которые послали его в эту миссию — вроде бы для того, чтобы он все осмотрел и заслужил повышение. Но на самом деле такие поездки издавна были способом отделаться от непопулярного и честолюбивого служителя. Он уже посетил пять храмов, и обычно это считалось вполне достаточным. Но поездка в горные долины, в городишко, который платил налоги не чаще, чем раз в десять лет, без сомнения, была утомительной и тягостной. До столицы дошли слухи, принесенные бродячими торговцами и разбойниками, о странных событиях, которые творятся в тех местах. Без сомнения, эти рассказы — не более чем нелепица, однако Наблюдателя попросили разобраться в этом... Сначала они заставили его проехать много миль по берегу, чтобы перед наихудшей частью путешествия он пришел в бешенство. Почти полмесяца непрерывной пытки. А подъем наверх займет еще больше времени.

Выругавшись, Эруд перевернулся на живот. Он был вполне привлекательным молодым человеком, с еще не сбритой копной упругих вьющихся волос. Ках посрамит его завистливых очернителей! И Застис все еще в небесах... Он смирил свое раздражение. Здесь есть девицы, большие мягкие подушки, набитые женской уступчивостью. Ему предложат удобства, и он снова поправится, ибо стоит ему плохо отозваться о них в столице, Ках избавится от них.

Забыть о проклятом путешествии и о подъеме к грязному городишке, торчащему в своих горах, как прыщ...

Засыпая, он думал о гордости отца, пристроившего в храм второго по старшинству сына. Он думал о Ках, в которую верил,

но отстраненным математическим образом. Эруд был из тех, кто придерживался новых убеждений. Конечно же, не еретик, но искатель истины. Ках — окончательный символ, а посвященные ей ритуалы — хороший способ держать в рамках тех, кто нуждается в том, чтобы ими управляли. Он склонялся перед черным камнем статуи Ках, но не считал, что богиня находится исключительно в нем. Она — везде и во всем, как основное начало жизни... Что же до чудес в горах — их нет. Или им есть разумное объяснение, или все это ложь.

Эруд уснул, и во сне кровать под ним превратилась в женщину.

После ужина, который подали раньше, чем обычно, святые девицы столпились во дворе и на внутренней лестнице, ведущей в храм. Прекрасно организованный дом простых радостей еще с прошлого заката был закрыт для обычных посетителей. Каждая девушка тщательно вымылась, подкрасилась, надушилась и обвешалась массой побрякушек из бронзы и меди, зачастую украшенных эмалью.

У Пандав не было никаких украшений и лишь одно бесцветное газовое платье-рубаха, которое выдала ей хозяйка. Она не просила никаких побрякушек и не выставляла себя напоказ. Однако в заключении ее черные волосы довольно быстро отросли и сейчас уже были чуть ниже плеч. Она перевязала талию витым красным шнуром, который нашла валяющимся у ткацкого станка Селлеб. Пандав была совсем не похожа на прочих девушек: слишком странно держащаяся, слишком черная, слишком гибкая и стройная, она если и выставляла что-то напоказ, то свою независимость. Разозлившись, одна или две девицы были вынуждены ущипнуть ее и прошипеть, что ей лучше встать под свет лампы, иначе ее вообще никогда не заметят.

Они вышли в коридор, где шлюхи сидели или стояли днем, предоставляя себя для выбора. Каждая встала в любимую позу, облокотившись на что-нибудь, положив руку на пухлое бедро или поигрывая косами и локонами. Масляные лампы с несколькими фитилями давали неяркий мерцающий свет.

Затем донесся звук шагов, огромные тени пробежали по рядам женщин, свет ламп затрясся, разбивая всю картину на осколки.

Впереди шла хозяйка, шлепая плоскими ступнями, с жезлом официального предложения в виде медного бутона, имеющего отчетливое сходство с мужским достоинством. Она глядела на своих девиц без всякого выражения. За ней шел Наблюдатель, а рядом с ним — Верховный жрец. Наблюдатель рассматривал шлюх, они же не смели смотреть ему в лицо, потому что он был мужчиной. Но Пандав не отвела глаз. Встретив ее смелый взгляд, Верховный жрец был озадачен и даже испуган, похоже, не ожидая увидеть ее среди женщин для выбора — раньше ее никогда не ставили в их ряд, считая негодной. Однако Наблюдатель заколебался.

Эруд тоже подался назад, увидев среди нежных голубок черную закорианку, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Пандав удивлялась сама себе. Она встала в ряд своей волей, без приказа хозяйки. Никакого четкого плана у нее не было, и она не рассчитывала вступать в близость. Но еще длилось время Застис, и ей не хватало Селлеб — она предпочитала проводить время с мужчинами. Этот жрец-Наблюдатель был молод и даже хорош собой, хотя тело его, не прошедшее обработки во дворах Дайгота, должно оказаться таким же мягким, как у ее любовника-актера или принцев, которым она благоволила. Пандав ощутила, как разгорается в ней искра желания. Удерживая его взгляд, она слегка опустила длинные черные ресницы, без подобострастия, но с обожанием, позволив ему понять, что он притягивает ее как мужчина.

В следующий миг он продолжил свой путь вдоль ряда коричневых тел. В конце коридора он остановился и, переговорив с Верховным жрецом, ушел. Узнав его выбор, хозяйка вернулась в коридор, покачивая жезлом.

— Иди в трехстенные покои, — холодно сказала она, остановившись рядом с Пандав. — Послужи Ках и подари ему удовольствие, — и, протянув руку мимо танцовщицы, коснулась жезлом плеча Селлеб.

* * *

Когда за час до рассвета в дверь осторожно поскреблись, Пандав не откликнулась, хотя проснулась уже давно. Непонятный, мелочный гнев, вызванный отказом жреца, тлел в ней целую ночь.

Селлеб проскользнула в комнату, и Пандав притворилась, будто очнулась лишь сейчас. Тоже мелочно...

— Ну как, ты подарила ему удовольствие? — с легкой иронией спросила она.

— Величайшее.

— А он тебе?

— О, прикосновения мужчин мало значат для меня. Я всего лишь творю обряд перед Ках, — проговорила Селлеб и добавила: — Он пробудет здесь и следующую ночь.

— У него хватит соображения позвать тебя снова, или он выберет один из этих комков жира?

— Он был очень задет моими умениями, и я рассказала ему, от кого переняла их.

— Что-о? — воскликнула Пандав.

— Его голод все еще силен. Чем больше я говорила о тебе, Панндау, и о том, чему ты меня научила, тем больше он разгорался. Он сказал, что ты не похожа на женщину, и если он захочет, тебя могут наказать за то, как ты на него смотрела.

Пандав рассмеялась. Напряжение отпустило ее. Кажется, началось...

— А не захочет ли он познакомиться с моими приемами, так сказать, из первых рук? — она потянулась, поймав пригоршню волос Селлеб, и вздохнула. — В Саардсинмее я даже не взглянула бы на него дважды. Ему пришлось бы добиваться моего располо-

жения, а для этого требовалось быть богатым, умным или поэтом. Как низко бросает гордых Зардук, на самое дно...

Когда Селлеб ушла, на небе проступил первый перламутр рассвета. «Не жди весь день вызова, которого может и не быть», — сказала себе Пандав. Но долгими искайскими днями нечего делать, кроме как ждать.

Так или иначе, зов пришел после полудня, в самый жаркий час. Хозяйка вразвалку вышла во двор и кивком вызвала Пандав из прохладной комнаты.

— Вымойся и приготовься.

— Зачем? — кровь так и закипела в жилах черной девушки.

— Пойдешь на ложе Наблюдателя.

— Я? Тощая непривлекательная тварь из Закора? — воскликнула Пандав, особо выделив последнее слово.

— Оставь дерзость, иначе я прикажу побить тебя. Давно уже пора было сделать это. Постарайся изо всех сил послужить Ках, а то Высший хочет в новолуние продать тебя в прислуги.

Не удостоив ее ответом, Пандав пошла готовиться к служению Ках.

Одна из девочек провела ее к трехстенным покоям, где расположился гость. Дневной свет, хотя и приглушенный в большей части храма, стал плотнее. Это время поэты Элисаара называли Часом золота.

Девочка указала на дверь и убежала прочь. Ее мать, одна из шлюх, сказала ей, что закорианка — демон, как и весь ее народ, и если девочка будет неосторожна, та откусит ей еще не налившуюся грудь.

Пандав постучала в дверь.

— Войди, — нетерпеливо и властно прокричали изнутри.

Пандав скривилась, уговаривая себя успокоиться, и распахнула дверь. Она ступила в золотое марево — поток яркого света, струящегося сквозь большое решетчатое окно. Тень от узора железной решетки падала на все, в том числе и на самое Пандав. Ее поразило изображение сломанных лучей, которое она уже видела в коридоре с лампами, и она захотела узнать, что оно означает.

Затем она бросила взгляд на Эруда, лежащего на ложе. На нем была длинная свободная рубаха из отбеленного льна и более ничего, кроме серебряного браслета, некогда полученного в награду, который он никогда не снимал. Пандав, на которую в свое время дождем лились драгоценные камни и металлы, угадала по этой примете его тщеславие. Кроме того, она разглядела плоский живот и ноги хорошей формы. С годами этого плотного тела будет все больше, но пока он еще вполне строен. Снова ощутив прилив желания, Пандав пристально взглянула на него сквозь золото в воздухе, а затем, подражая храмовым шлюхам, опустила глаза. Одновременно с этим она сбросила накидку, одолженную у Селлеб. Под накидкой на ней был лишь алый пояс-шнур на талии, который подчеркивал черноту ее эбеновой кожи.

Она слышала его дыхание. Какое-то время он разглядывал ее, затем произнес, по-искайски коверкая слова:

— Иди сюда.

Кротко, не поднимая век, Пандав подошла к нему. Когда она достаточно приблизилась, Эруд протянул обе руки и схватил ее, опуская рядом с собой.

— Вижу, они объяснили тебе, как надо смотреть на мужчину?

Он провел пальцами по ее волосам, покрыл груди жадными поцелуями, затем одна его рука оказалась под ее ягодицами, а другая — меж бедер. Жрец перекатился, оказавшись сверху, и сразу вошел в нее — не силой, но и не уделяя должного внимания. После нескольких толчков он зарычал и рухнул на нее, содрогаясь.

Пандав лежала на спине и ждала.

— Я слышал, ты знаешь какие-то приемы, — вскоре обратился он к ней. — Но при этом плохо умеешь возносить хвалу Ках.

— Ты имеешь в виду — предлагать ей мое наслаждение?

Он утвердительно хмыкнул.

— Я ничего не получила, — сказала Пандав. — Или получила, но самую малость. Ты думаешь, это случается силой магии? Или это тайна?

— Ты слишком нагло смотришь и слишком много болтаешь.

— Но как я смогу обучить тебя моим приемам, если должна молчать?

— Ты можешь показать мне. За минуту или около того.

— Тогда ты должен подчиняться мне.

— Подчиняться? — он вскинул голову, изумленный и такой притягательный в своем замешательстве.

— Я должна руководить тобой, — пояснила Пандав. — Ты ведь тоже крадешь у Ках свое удовольствие. Ты думаешь, для нее имеет цену то, что ты делаешь меньше, чем минуту?

— Богохульство, — произнес Наблюдатель, все еще в замешательстве, но при этом продолжая разглядывать ее. Когда она посмотрела ему в лицо, он усмехнулся: — Ты так черна, что я с трудом могу разглядеть твои черты. Только глаза и губы, накрашенные золотом.

Она потянула его голову вниз и поцеловала, одновременно поглаживая его всем телом, тратя время на то, чтобы ему начало нравиться это. Даже самые простые ласки рубинового города стали для него открытием.

Вскоре Эруд восстал и снова захотел ее. Но он уже стал более податлив, любопытен и вместе с тем ленив. Он позволил ей лечь сверху, и, приняв его в себя, она замедлила его неистовство уверенными движениями бедер, натренированных танцем. Она работала, ступень за ступенью вознося его на вершину неуправляемого наслаждения, и когда оно пришло, он громко застонал.

Когда они соединились в третий раз, золотой свет сменился красным, а над горизонтом появилась Застис. Теперь он двигался медленнее. Задыхаясь и иногда смеясь, он по ее указанию лег так, как ей нравилось. Глубоко внутри его не покидало ощущение нелепости. В этот раз сознательными усилиями Эруда собственное желание Пандав наконец-то было насыщено, и лишь получив свое, она позволила излиться и ему. Вспомнив волю Ках, она выразила удо-

вольствие стонами и вздохами. Предоставленный самому себе, он тут же последовал за ней, еще более шумно, и откинулся назад, опираясь рукой на ее талию.

Позже к двери принесли еду. Эруд разделил со своей партнершей ужин — печеную рыбу, сыр, инжир и вино. В противном случае она подралась бы с ним за пищу, и, похоже, он угадал это по выражению ее глаз.

После того, как он успокоился, его искайский выговор стал более отрывистым. Конечно же, он приказал ей остаться на ночь.

Она предвидела это. Чем дольше она будет желанна для него, тем больше у нее шансов.

И все же она начала верить в него. Она дарила ему нежность, какой никогда не испытывала ни к одному мужчине, но иногда притворялась, что утратила влечение. Она играла на его теле, как на музыкальном инструменте — жадно, но отзывчиво. Она предлагала ему постельные игры танцовщиц и воинов, легкие, но изобретательные извращения двора Саардсинмеи. Он проглотил все. Он умел получать удовольствие и к тому же оказался способным к обучению. И разумеется, не хотел ничего знать о ней самой.

В конце концов он с трудом уснул. Она лежала рядом, размышляя о том, как воспринимают в храме его уединение с неправильной рабыней из «Закора». Но она всего лишь женщина и, невзирая на свою дурную кровь, не способна преодолеть волю Ках, одарившую мужчин всевластием. Вероятно, они так думают...

Задремав под утро, она ощутила, как он проснулся и подошел к горшку помочиться. Когда он вернулся, она осознала, что Эруд лежит на боку и смотрит на нее. Ей хотелось прочесть в этом взгляде не только желание, но что там было еще, она не смогла бы сказать.

Она притворилась только что проснувшейся. Он положил руку на ее тело, слегка приласкав. И затем произнес самые лучшие слова, какие только возможно:

— Чрево Ках, я был бы рад забрать *это* с собой!

— Сделай это, — отозвалась Пандав. — Здесь тебе не откажут.

Он стал немного внимательнее. Она осторожно продолжила:

— Мне говорили, что тебе предстоит долгая поездка по горам. Женщины в тех краях — ничто. Тощие, как палки, хуже меня. И не умеют и половины того, что умею я. Кроме того, ни у какой святой девицы не хватит выносливости на путешествие с тобой. Но я крепкая. Мое тело готово к тяжелым испытаниям, — в этом месте голос Пандав сделался бархатным. Она назвала его ласковым прозвищем, встала на колени, прижимая его к себе, и прошептала ему в самое ухо: — Я люблю тебя. Меня сразила Ках. Позволь мне стать твоей собственностью. Не бросай меня здесь на потеху простолюдинам, ведь моя плоть познала твою. В конце концов, если ты устанешь от меня, и я начну раздражать тебя, ты можешь продать меня по дороге.

— Ты лгунья, чернокожая девка, и подлая тварь, — когда Эруд неожиданно произнес это, она не могла видеть его лица, но была в состоянии представить его выражение. — Продать в

дороге — если ты не сбежишь до того. Ты знаешь о награде, положенной за беглых рабов? Сбежавших из храма? За тех, кто раздражает жреца богини?

Пандав отодвинулась от него, села на пятки и заглянула ему в глаза.

— Неужели ты ценишь себя столь низко, если думаешь, что ни одна женщина не может тебя полюбить?

— Что такое любовь женщины? Чепуха, ничто.

— Ты посвящен Ках, святой матери, — лукаво промолвила Пандав. — Разве даже твоя мать не любила тебя?

Он открыл рот — и снова рассмеялся. Подняв руку, он вскользь ударил ее по щеке. Пандав отскочила на пол, ее рука потянулась к ножу в перламутровых ножнах — но к счастью, она сняла их перед тем, как пошла к нему. Ее глаза были глазами леопарда. Она могла бы убить его голыми руками. Но тогда храмовая стража схватит ее и сделает с ней то, что делает с рабынями, раздражающими жрецов Ках.

Что же до Наблюдателя Эруда, то он сгорал от возбуждения. Ей следовало простереться перед ним и вымаливать прощение. Но это создание даже не думало о чем-то подобном. Не женщина, а какая-то смесь болотной кошки, демона и тонкого прекрасного мальчишки с грудями. Его мышцы до сих пор пели от того, что она делала с ним. Он уже снова хотел ее.

— Ты непокорная тварь, — произнес он. — Ках не творила тебя. Где ты родилась? — с этими словами он повернул ее к себе. Понятно, зачем. Но Пандав вырвалась.

— Я не лягу с тобой снова, пока ты не обещаешь мне именем Ках, что возьмешь меня с собой, — сказала она.

— Я могу взять тебя так или иначе.

— Попробуй, — ответила она. В этот жаркий миг у нее мелькнула мысль, что, хотя последствия будут хуже смерти, она могла бы отыграться на нем за все: за храм и храмовую еду, за шансарского работорговца, за волну, уничтожившую город...

— Да, — резко произнес он, ложась обратно. — Тогда иди прочь. И передай хозяйке — пусть пришлет мне другую девушку.

Пандав пожала плечами. Жаркая ярость уже покинула ее. Она подошла к ложу и скользнула на него. Когда она наклонила голову, шелк ее волос накрыл живот и бедра Эруда. Древний способ из историй и легенд, но, во имя лилий Ясмат, в этих обстоятельствах он давал надежду.

Когда он начал корчится и выгибаться дугой, она оторвалась от него.

— Обещай мне именем Ках.

— Нет, сука!

— Тогда заканчивай сам.

Он беспомощно развалился на ложе, разгневанный, но ослабевший от неудовлетворенности.

— Я прикажу им содрать с тебя кожу.

— Ты все еще можешь закончить сам.

Все в нем противилось нелепой мысли, что она победит. Она видела напряженную борьбу на его пылающем лице.

— Ты поедешь со мной в горную грязь, — прорычал он ей в лицо. — Никого на многие мили вокруг. Ты пройдешь всю дорогу пешком и будешь есть то же, что и зеебы. Если ты будешь мешать мне, я продам тебя или сброшу с утеса. Клянусь в этом именем Ках, и да услышит она мои слова. Теперь давай...

Она покорно вернулась и дала ему все, чего он хотел. Прилив его упоения, морская волна... Она купила себе возможность освобождения. Своим телом. Впервые в жизни она использовала себя так. В эту ночь сделок она окончательно осознала, какова ей цена здесь, в публичном доме Ках.

Глава 12. Поддельная магия

Застис ушла с небес на первом отрезке их пути. Этой ночью в палатке Эруд заявил, что продаст ее в первой же достаточно зажиточной деревне.

— Ты с легкостью сможешь убежать оттуда, — прибавил он.

— Куда я пойду по этой каменистой пыльной пустоши? — возразила она.

— Лучше сейчас, чем потом. Там, куда я отправляюсь, и деревни, и скалы гораздо хуже.

— Почему бы тогда просто не отпустить меня на волю? — поддразнила его Пандав. — Ты же ничего не заплатил за меня храму.

— Нет, ты еще слишком мало прошла по камням. Я поклялся Ках, что накажу тебя. И ты знаешь, что если сбежишь от *меня*, то моя свита быстро вернет тебя на место. Ей это понравится. А затем...

— Я обожаю тебя, — отозвалась Пандав. — И никогда от тебя не убегу.

Оба рассмеялись. Это была злая и рискованная игра, причем для Эруда риск был куда больше, чем для его рабыни. Теперь у нее была возможность перерезать ему горло в темноте и убежать до того, как поднимется крик и начнется переполох. Но, как она и говорила, вокруг лежала не слишком гостеприимная земля. Дороги здесь были пыльными тропами, а реки — тонкими мутными ручейками. Впереди уже показались горы, неподвижные бурые громады, издалека отливающие сиреневым. Пандав поменяла одно узилище на другое, но, по крайней мере, последнее находилось на открытом пространстве. Хотя вопреки своим словам Эруд, к неодобрению свиты, то и дело позволял ей сесть на зееба, долгие пешие переходы сами по себе были прекрасной тренировкой. На привалах она тоже упражнялась и иногда танцевала для жреца, однажды даже с парой горящих факелов, хотя и обнаженная — ее одежда состояла из простых и удобных повседневных вещей, не подлежащих сожжению. Эруд восхищался ею. Как истинный сын Иски, он не хвалил ее вслух, но взывал к Ках снова и снова. Несмотря на это, Пандав решила, что потеряла форму, и ее дар уходит. Ничего другого она и не

ожидала, но все равно такие мысли приводили ее в ярость. Этой ночью под одеялом разразилась буря.

Перед его слугами и жителями деревень она придерживалась правил, установленных в Иске для женщин. Пандав не хотела злить жреца и к тому же, испытывая к нему снисходительную привязанность, не желала причинять ему неудобства. О свободе она не слишком-то задумывалась. Она никогда не станет свободной, приходится это признать. Возможно, рабство вьелось в нее насквозь, хотя прежде она никогда не думала о себе как о рабыне. Как она сама сказала — если убежать от Эруда, то куда? Гораздо проще остаться с ним. Может быть, даже слишком просто. Но так или иначе жизнь сама подскажет ей выход. Он может продать ее или даже отпустить на свободу. Или же его увлечение продлится, она будет сопровождать его в горах и вместе с ним вернется в столицу. И тогда, несомненно, произойдет что-то, что развеет ее сомнения.

В любом случае она уже никогда вновь не окунется в истину огненного танца. Уже никогда не станет эм Ханассор.

Тщательно соблюдая диету и упражняясь, в городе она оставалась бы танцовщицей еще пять или семь безупречных лет, может быть, даже больше, если держать тело в строгости. После этого, безусловно, пришлось бы уйти в отставку. Тогда она могла бы сделаться дорогим инструктором на стадионе или, возникни желание, куртизанкой, отличающейся от святой девицы так же, как орхидея от сорняка. Однако такая жизнь ей тоже не подходила. Она могла бы предпочесть самоубийство зависти, сожалениям и утрате первенства. Правда, пока это время далеко. Очень и очень далеко.

Но ее тело, подвижное, текучее и прекрасное, уже поддалось, предало ее в глупом танце на поляне, перед распираемым страстью жрецом, который был уверен, что у нее потрясающий дар. Самое время плакать...

Поздно ночью, когда Эруд крепко заснул, она выскользнула из палатки, прошла между деревьями, сложила из камней маленький жертвенник и сожгла на нем немного масла. Один из слуг подошел, желая взглянуть, чем она занята, но, увидев, что она молится, оставил ее одну.

Она возвратила Зардуку дар, который был смыслом ее жизни, ибо еще одна неудачная попытка исполнить огненный танец могла оскорбить бога, и попросила у него что-нибудь, способное заполнить зияющую пропасть в ее душе.

Они поднимались по тропам в горы Иски. Неблагодарное занятие. Вверх и вниз, вниз и вверх, с вершин в долины, утопающие в пыли.

После того, как ушла Звезда, Эруд овладевал ею не так уж часто. Но ему нравилось, как она ухаживает за его волосами и разминает его тело в конце утомительного дня. В такие минуты он начал разговаривать с ней, в основном высказывая удовольствие от того, что она с ним. Она опускала глаза на искайский манер, пряча свое презрение. Может быть, именно в этом и был смысл данного ритуала. Если бы женщины давали понять, что они думают о своих мужчинах, то, скорее всего, мужчины убивали бы их на месте.

* * *

— Полагаю, ты веришь в магию и чудеса? — обратился Эруд к Пандав утром, когда она шла позади его зееба. Это был первый раз, когда он поинтересовался ее мнением по какому-то вопросу. Но Пандав не позволила сбить себя с толку.

— В каком смысле? — уточнила она.

— В той дыре, куда я направляюсь, по слухам, творятся вещи, которые не должны происходить.

Ровным шагом следуя за зеебом, Пандав уважительно внимала, но молчала. Запутавшись в образах искусства, она больше не боялась никаких действий.

— Этот городок лежит недалеко от границы с вами, — продолжал Эруд, который до сих пор ничего не разузнал о ее прежней жизни и, видимо, был уверен, что она из Вар-Закориса. — Ты что-нибудь слышала о нем? Он называется Ли-Дис.

Пандав ощутила нечто, чему не знала названия. Она продолжала идти, но ее тело словно обдали кипятком.

— Слышала, — отозвалась она. — Я знала человека, который родился в деревне поблизости от него.

— Он был твоим любовником? — внезапно Эруд бросил на нее взгляд с высоты скакуна.

Наконец-то личный вопрос. Пандав почувствовала себя так, словно ее пощекотали. Он пришел к мысли, что в дни свободы ее мог выбрать другой мужчина.

— Нет, не был, — образ Регера эм Ли-Дис возник перед ее внутренним взором, словно наяву. «Яркий, как солнце, прекрасный, как Лидиец...» Она знала его не слишком хорошо, во всяком случае, не как мужчину. Он был одним из героев, как и она. Ее брат с тренировочных площадок, дитя огромной семьи.

— Так что тебе за дело до него, если вы не были любовниками? — бросил Эруд.

Но он не захотел выслушать ее историю. Да и она не желала ничего рассказывать ему. Регер не мог не сгинуть. Его раздавило и унесло прочь вместе со всем остальным. Он, как и она, умер раньше срока.

Они добрались до Ли-Диса под летней грозой — сухой, полной грома, пыли и ветра. Оголенные кости молний рвали небо над вершинами гор. Горы вздымались, словно готовые отразить атаку воздушной стихии. Городок Ли-Дис раскинулся в более низких отрогах, по уступам которых путники однообразно карабкались сорок дней. Эруд постоянно повторял, что со стороны столицы дорога к Ли-Дис и короче, и легче.

Накрытый грозой, городок у края грязной долины казался простым нагромождением камней. На улицах им попалась лишь горстка попрошаек, жмущихся к тому, что здесь считалось дверными проемами. Храм, как и дом местного правителя, стоял на единственной мощеной площади с колодцем и помостом рядом. Здешняя оби-

тель Ках была уменьшенной копией храма в портовом городе, однако источала куда более сильный запах. Тянуло кровью, маслом, благовониями, но все перебивал запах пыли, которой швырялся в них ветер. Лицо Эруда вытянулось, хотя, судя по тому, что он твердил Пандав все эти сотни миль, он ждал худшего.

Извещение послали задолго до прибытия Наблюдателя, но оно могло и не дойти. Разумеется, никто не вышел встретить их. Эруд послал одного из слуг в храм, чтобы объявить об их прибытии, и оставил зеба под террасой, в пыли бури, в окружении багажа, эскорта и своей чернокожей шлюхи, готовясь получить то, что ему причитается.

Местный Верховный жрец принял Эруда в пустом каменном зале. Старик, который выглядел и двигался так, словно ему уже исполнилось девяносто, надел свое церемониальное облачение — балахон, расшитый металлическими дисками и черными перьями, и птичью маску. Эруд, которому предписывалось заверить жреца в своем глубочайшем почтении, согнулся и преклонил колени с затаенным презрением во взгляде. Последний столичный послушник, по его мнению, стоил больше, чем этот жрец.

Никакого угощения, даже напитка, никаких ритуалов у жертвенника. Здесь относились к Ках запросто, да и с припасами тут было куда тяжелее.

После того, как покончили с учтивостью, стало очевидно: здешний Высший беспокоится, что же намерен делать гость после того, как соберет налог. Эруд объяснил, что не имеет никакого отношения к налогам и проверкам, раскашлялся и попросил воды, чтобы промыть горло от пыли. В воде, которую ему принесли, плавала мутная взвесь.

— У меня другое дело, — сказал Наблюдатель, допив. Глаза птицы выпучились и остекленели. — Проявления дикарской магии. Исцеления и колдовство.

Верховный жрец не пошевелился. Голова птицы тоже не сдвинулась с места. Снаружи послышался треск молнии, похожий на удар кнута.

— До столицы дошли слухи и россказни. Как бы то ни было, Наивысший счел это достаточно серьезным. Я здесь для того, чтобы расспросить тебя об этом.

Снова тишина.

— Я хотел бы услышать твои слова, отец, — повторил Эруд.

— Мы не слишком-то говорим об этом, — птичий клюв опустился и склонился к полу, шишковатые старые руки стиснули подлокотники кресла.

— Вы думаете, что это недостойно вашего внимания?

— Мы хотим сделать его таковым.

Ответ заставил Эруда подскочить.

— Так не делают, Высший. Ты должен сейчас же все рассказать мне. Я хочу расспросить тебя о странных происшествиях. И про женщину.

До сих пор он удерживался от того, чтобы сказать «женщина». Суть же заключалась в том, что рассказы крутились вокруг существа женского пола. Иногда в народе появлялись ведьмы, но они ограничивали свое влияние другими женщинами, помогая или вредя им. Это было незаконно, но не богомерзко. Однако эта женщина, по слухам, имела власть над мужчинами. Эруд не верил этим слухам. Он тоже предпочел бы не говорить об этом, не обращать внимания на лживые сплетни и дать им сойти на нет. Но Материнский храм прислал его сюда ради прямо противоположного. Поэтому он прочел старому Верховному жрецу проповедь о вреде умолчания и предоставления событий самим себе, закончив словами:

— Неужели это правда? Не то, что она имеет какие-то способности — не сомневаюсь, что она не может ими обладать, — а то, что все это проистекает от женщины?

— Это так выглядит.

— И выглядит не слишком-то хорошо, отец. Нет, ты должен немедленно послать за этой женщиной. Пусть ее приведут. А перед тем, как ее доставят, я, возможно, успею вымыться и...

— Не здесь, — с оттенком злости произнес Верховный жрец. — Я имею в виду, что эта женщина не в городе. В наших местах часто путаются с названиями. Она в деревне Ли, вот где.

Эруда передернуло от осознания, что его ждет новый путь. Он поперхнулся пылью и мутной водой.

— Где это место и сколько до него ехать? — просипел он, прочистил горло.

— Пять-шесть дней по горам, — Верховный жрец указал наверх. — Ты прибыл в удачное время. Зимой или во время дождей пришлось бы добираться намного дольше.

Восхождение длилось семь дней. Воздух стал прозрачнее. С перевалов падали обломки скал. Пришла и ушла гроза. Не хватало только дождя, чтобы смыть их назад, к кучам камней и вымощенной площади. Но дождя не было. В часы закатов далекие горы походили на раскаленную бронзу.

На ночных привалах Эруд лежал, трясясь от гнева и легкого недомогания, а Пандав омывала ему лицо и разминала ноги. Ее тело оказалось куда выносливее, чем его, и Пандав заметила, что делается незаменимой.

Жители Ли наслаждались излетом лета. Груды отбросов у дверей источали зловоние. Над панорамой деревни нависал дом Ках, стоящий на возвышении — еще меньше, чем храм в городке, но столь же пахучий.

Внимание на улицах привлекли только зебы и закорианка Пандав. Грязный и небритый Эруд, чья одежда за время пути окончательно пришла в негодность, сопровождаемый точно такими же

запущенными слугами (которых к тому же стало меньше, ибо двое пропали у Ли-Диса), не удостоился и взгляда.

Храмовые прислужники, вышедшие на террасу встретить Эруда, склонялись к тому, чтобы не признать его притязания. Ему пришлось показать им тайные знаки своей веры.

Когда наконец его провели во внутренние помещения, доведенные до отчаяния слуги собрали животных вместе и направились к замеченной неподалеку пивной. Пандав вместе с поклажей осталась на террасе. Осмотревшись, она увидела квадратное окно, из которого на нее глядели два безликих создания. Святые девицы. Увидев, что она заметила их, обе отвели глаза и сотворили охранительные знаки против «твари из Закора». Но Пандав еще больше напугала и поразила их, пройдя внутрь дурно пахнущего храма.

Крышу поддерживали толстые столбы, из-за темноты принимающие причудливые очертания. В порту Пандав никогда не заходила в залы храма и не наблюдала таинств перед жертвенником.

Скорее сюда. Алтарь, обычная колода мясника, все еще дымился от свежего приношения, желоб под ним переполняла кровь. Над всем этим высилась статуя, если увиденное можно было так назвать.

Ках была черна, как сама Пандав, но почти бесформенна. Выпуклости грудей и выпуклость лица с вставленными в нее двумя кусками янтаря.

В этом изображении Пандав почудилось нечто странное. Что это? Эти глаза — желтые, как у змей или людей Равнин... Сквозняк качнул тусклые светильники. Огни, горящие в четверть силы, затрепетали, а янтарные Равнинные глаза сверкнули и остановились на Пандав.

Есть ли какая-то жизнь в этой колоде, лишенной всякой красоты? Присутствует ли в ней богиня, или хотя бы сходит в нее иногда? Камень выглядел очень старым. Пандав сделала приветственный жест перед чужим божеством, но его глаза продолжали — да, именно всматриваться в нее.

— В чем твоя загадка, госпожа? — прошептала Пандав. — Ты чего-то хочешь от меня?

— Иди прочь, ты, закорская свинья! — резко крикнул из тьмы какой-то мужчина. — Ты оскверняешь алтарь.

— Я забыла, госпожа, что ты ненавидишь собственный пол, — обратилась к камню Пандав. — Прости.

Она склонила голову в знак извинения и отступила назад к колоннам.

Кричавший не стал преследовать ее. Смертельно усталая Пандав сползла по колонне, села на пол, опираясь о нее спиной, и позволила векам сомкнуться.

Ей приснилось, что она в Саардсинмее, в здании театра, и перед ней стоит белая женщина-эманакир.

«Думаешь, моя гробница понадобится тебе раньше, чем мне?»

«Именно так».

Сейчас на ней не было вуали. Все-таки ее бледность была утонченной, а глаза походили на яркое серебро.

«Разве я не говорила, Пандав, что тебе не понадобится гробница?» — спросила она.

«Но я мертва. Я больше никогда не смогу танцевать с огнем».

«Жизнь — это Огонь, — промолвила эманакир. — Мы постоянно танцуем с ней и сгораем в ней, подобно лоскутам ткани. Она обжигает нас, пока мы учимся танцевать и постигаем смысл танца».

«Он был твоим любовником, — произнесла Пандав. — Регер. Сейчас я в его родных местах, а он мертв».

«Нет, он жив, — возразила девушка. — Я отдала себя смерти. Регер сопровождал меня в погребальном шествии к твоей крепкой и прочной гробнице. Он был в ней, Пандав, когда волна обрушилась на Саардсинмею. Я так и знала, что склеп устоит перед напором воды. Но это так ужасно! Я должна была спасти этот город, а спасла только человека, которого полюбила. Женская слабость, Пандав...»

Закорианка вздрогнула и широко раскрыла глаза. Кто-то стоял над ней. Снова этот храмовый крикун? Нет, молодая женщина, ее лет или чуть постарше.

Пандав смешалась, словно увидела кого-то знакомого, но последний раз виденного много лет назад. Однако она не знала эту женщину. Это была искайка, чья-то жена, ибо носила прическу, предписанную замужним — двенадцать кос с медными кольцами на концах. Ее одежду сплошь покрывали заплаты, а ноги были босы и заляпаны грязью.

Однако ее красота была чем-то особенным. Красота, явившаяся на смену очарованию белой девушки, так остро воссозданному во сне, должна была оказаться прямо-таки сказочной. Такой она и была. Глаза, средоточие этой красоты, взглянули на Пандав, словно вопрошая о здоровье или горестях сердца.

— Не бойся меня, — сказала Пандав. — Я рабыня, наложница жреца-Наблюдателя. Хорошо приученная, — и мрачно усмехнулась, отрицая этой усмешкой только что сказанное. Но искайская женщина не отшатнулась. Еще миг-другой она смотрела на закорианку, затем повернулась и прошла к кровавому жертвеннику.

Некоторое время она стояла там, спиной к залу и лицом к затененному лику Ках.

Пандав пристально разглядывала ее. Исходя из виденного и слышанного раньше, ей казалось, что в норме искайским женщинам не позволяют подходить к богине так близко. Но никто не закричал.

Вскоре искайка покинула жертвенник, пересекла зал и, не глядя по сторонам, вышла в дверь храма.

Пандав поднялась на ноги. По какой-то причине она решила последовать за искайкой, но зачем — не знала.

Выйдя на террасу, закорианка сразу же заметила ее. Искайская женщина медленно шла по уличной грязи, спекшейся на солнце. Ее руки безвольно висели вдоль тела, что само по себе было необычно. Все остальные женщины, даже девочки шести лет, что-

нибудь несли — корзины, кувшины или котомки. Однако люди на улице не обращали внимания на девушку. Они не глядели на нее, не здоровались с ней, не избегали встречи и не уступали ей дорогу — но во всем их поведении имелось четкое осознание ее присутствия. Они походили на плохих актеров, играющих сценку, в которой один из них ходит между остальными, якобы невидимый.

Затем ей заступил дорогу огромный мужчина зверского вида. Она остановилась, и вся деятельность на улице замерла. Теперь они могли ее увидеть, вообще могли смотреть. Повисла такая тишина, что стали слышны голоса птиц и звон насекомых.

— Я порезал руку. Вот здесь, — разнесся в этой тишине голос мужчины, который потряс перед девушкой-женой большим кульком мятой грязной повязки.

— Ты позволишь мне взглянуть, хозяин? — мягко произнесла девушка. Как у любой другой искайской женщины, в ее голосе словно звучала мольба о неоценимой помощи.

Пандав невольно сжала кулаки. И снова разжала. Здесь все шли по этому пути, и она тоже, насколько была способна.

Девушка уже разматывала повязку. Ее движения были ловкими. Ей оказана честь, и она должна показать, чего стоит.

Пандав не поняла, что та сделала с рукой и с раной — это произошло за несколько мгновений. Мужчина фыркнул, затем, изгибая ладонь, вскинул руку над головой. Другой рукой он слегка ткнул девушку-жену.

— Хвала Ках, — произнес он. На его руке остался шрам через запястье — синеватый рубец, с виду десятидневной давности.

Во время лихорадки Эруд часто упоминал колдовство. И даже однажды обозначил колдуна «она».

Девушка пошла дальше, и толпа сомкнулась вокруг нее. Пандав же после случившегося застыла как вкопанная. Что за хитрость? Она никак не могла разглядеть открытый порез. Мужчина со счастливым видом проталкивался к пивной. Может быть, там его рассказ услышат слуги Эруда, если оторвутся от своих чаш.

Тем временем под храмовой террасой собралась кучка женщин, которые переговаривались, глядя в ту сторону, куда ушла девушка. Пандав быстро подбежала к ним и тронула одну за плечо. Вся компания тут же отшатнулась от нее, чуть ли не показав зубы.

— Кто это? — спросила Пандав, с трудом заставляя себя говорить ровно и непринужденно.

— Кто? — переспросила одна из женщин. Остальные замолчали.

— Целительница, — ответила Пандав.

Говорившая женщина покачала головой. Она, как и все остальные, была замужем, и двенадцать колец в ее прическе звякнули друг о друга.

— Да. Я видела, как она это сделала. Если только это не обман.

Женщины, стоявшие с краю, начали потихоньку отходить. Неожиданно две из них бросились бежать, но Пандав рванулась и схватила ту, которая говорила.

— Мой хозяин — Наблюдатель Ках, — сказала она. — Сейчас он в храме с вашим Высшим. Он хочет знать имя этой женщины. Ему вы тоже посмеете отказать?

— Ее зовут Тхиу, — ответила ей другая женщина.

— И она живет здесь, в вашей деревне?

Ответа не последовало, и это значило — нет.

В этот момент на террасу вышел Эруд, объявив о своем появлении ревом:

— Панду! Вот ты где, сука!

Было понятно, что он сильно возбужден. От его крика женщины разбежались кто куда. Пандав вернулась к нему.

— Он все отрицает! — неистово вопил Эруд, кипя оскорбленным самолюбием. — «Здесь нет ведьмы», «здесь ничего не происходит»... Старый недоумок в вонючей птичьей шапке!

— О, хозяин, — произнесла Пандав. — Я только что видела, как это произошло.

— Что произошло? — переспросил Эруд с перекошенным лицом.

— Я расспрашивала этих женщин, когда ты спугнул мою удачу своим ревом и разогнал их. Но я видела ее за работой, твою колдунью.

Эруд не произнес ни слова. Как искайская женщина цепляется за своего мужчину, так он ухватился за ее слова. Догадавшись, как правильно звучит имя колдуньи — одна из искайских девушек-акробаток несколько раз упоминала при ней свою покинутую сестру, которую звали точно так же — Пандав произнесла с безупречным элисаарским выговором:

— Ее зовут Тьиво. Она живет за пределами деревни. Но если ты пройдешь в пивную, то я смогу показать ее жертву, то есть человека, которого она исцелила.

Эруд воскликнул что-то не вполне пристойное и тут же торопливо извинился перед богиней.

А Пандав ужаснулась, ощутив удовлетворение от этой мелкой победы над мужчиной.

* * *

Женщин в пивную не допускали, и прислуживали там мальчики. Словно собака, Пандав ждала у двери в тени навеса, образованного выступом кровли. Указывать на исцеленного человека не было нужды — избавившись от страданий, он вел себя шумно, и двое из свиты Эруда даже купили ему кувшин пива.

После того, как до сознания мужчины довели высокий ранг Наблюдателя, тот сообщил, что женщина Тхиу, должно быть, уже ушла домой, на ферму мужа. Рано утром она пришла в деревню, чтобы продать овощи, и осматривала женщин. Пандав услышала, как Эруд сказал:

— И тебя тоже.

— Да, я позволил ей. От моей женщины никакого толку, она ничего не может сделать правильно. Когда вернусь домой, то приложу ее покрепче. Теперь у меня имеется для этого отличная ладонь.

Пандав уставилась в пыль и пожелала его руке отсохнуть целиком и на месте.

— А не объединился ли ты с женщиной Тхиу, чтобы одурачить храм? — спросил Эруд.

Мужчина вскинулся, разозленный и напуганный обвинением. Он благочестив. Он принес жертву Ках всего два дня назад, почему и находится здесь. А что до объединения с женщиной, то неужели мужчина способен на это? Это все равно, что сговариваться со своей коровой. Но Ках дала этой неряхе силу, благодаря которой она может приносить пользу деревне Ли. Их плотские желания сильны, поэтому богиня благоволит им.

— Когда это все началось? — в конце концов прервал его Эруд.

Никто из мужчин в пивной не смог ответить точно. Годы назад. Во время долгого снега. Во времена плохих урожаев — разве тогда она не остановила пожар? Однажды ее заподозрили в прелюбодеянии, но это было раньше. Один из ее мужчин, брат мужа, упал с обрыва в пору дождей, но Ках показала, что на женщине нет вины. Потом, может быть, пятью годами позже, во время Большой оттепели — точно, вот когда это случилось, — она спасла сына соседа, когда мать чуть не убила его, пытаясь родить вперед ногами.

Сын самой Тхиу был продан, помните? Заезжим работорговцам, элисаарцам. Тогда ферма Орна была такой бедной, что ему пришлось продать собственного сына. Этого Орна никогда не считали полноценным мужчиной. А женщина после этого снова стала бесплодной.

Пандав, стоящая у дверей, облокотилась о косяк. Что-то в этой истории насторожило ее...

— Вы хотя бы можете сказать, когда здесь побывали работорговцы? — взмолился Эруд.

— Двадцать лет назад или больше. Точно, больше.

— Значит, эта женщина немолода?

— Нет, — отозвался кто-то из крестьян. — Но все еще пригодна для мужчины.

В этих горных долинах женщина в тридцать лет часто выглядит, как городская в шестьдесят. Однако женщина Тхиу — то есть Тьиво — казалась ровесницей Пандав. Она сохранила молодость. Но если она родила ребенка, которого увезли в Элисаар работорговцы... Пандав нашла объяснение. Нет, не чудесной молодости Тьиво, но тому, что занимало ее мысли некоторое время назад. Она поняла, почему Тьиво кажется ей смутно знакомой. Ибо она была матерью Регера.

Эруд снова разозлился. В его голосе звучала жажда крови, и Пандав услышала, как он стукнул по столу.

— Вас всех допросят в храме, перед Ках, — заявил он. Повисло нехорошее молчание. — Кроме того, я хочу знать, в каком направлении находится ферма этого Орна, мужа женщины.

* * *

— Еще одна проклятая поездка, — пожаловался Эруд, выйдя из пивной. — Но прежде мне надо выспаться, Пендау. Я поеду завтра. Она и ее колдовство могут подождать.

Пандав двинулась к храму в нескольких шагах позади него. Она должна идти за зеебом к ферме Орна. Но Эруд может не захотеть, чтобы она сопровождала его. Значит, она обязана доказать свою пользу, как следует омыв ему ноги и расслабив спину после целого дня в седле. Возможно, он будет вынужден провести на ферме всю ночь, и ему стоит иметь рядом свою служанку, не доверяясь хозяйственности ведьмы.

Пандав чувствовала острую необходимость, прямо-таки жажду снова увидеть Тьиво. Это напоминало любовь. Как странно, что незнакомая искайская женщина стала для нее единственной связью с прошлым, последним образом Саардсинмеи, отголоском дней, полных жизни.

Глава 13. Ведьма

Вверх и вниз по тропам, через извилистые и опасные перевалы — единственный способ перемещения в здешних краях. Северные утесы казались вырезанными из полупрозрачной бумаги. По ту их сторону лежал Закорис, но Пандав никогда не задумывалась об этом.

Ферма располагалась на дне горной долины-чаши, в небе над ней парили три черных орла.

Бедность и убожество этого места просто потрясали. Тем не менее во дворе бегала домашняя птица, на выгоне щипала траву пара коров, а посреди каменистой пустоши раскинулась целая рощица мандариновых деревьев, уже покрытых свежими оранжевыми плодами. Среди них виднелось еще одно низкое строение, какая-то белизна, сияющая среди стволов и камней. Что может сиять на ферме?

Во дворе на скамейке сидел пожилой, с виду здоровый мужчина, у его ног свернулась черная собака. Оба, человек и собака, дремали на солнышке, но едва путники подошли ближе, собака, услышав их, подняла голову и начала лаять. Мужчина тоже проснулся, задергался, замахал руками и убежал в хижину.

— Благослови нас Ках, дурак от рождения, — выругался Эруд. — Чашка для плевков.

Он въехал во двор, за ним последовал один из слуг, выбранный для этой поездки по жребию, а замыкала шествие Пандав, идущая в трех-четырех шагах позади. Собака начала рычать и скрестись в дверь хижины, которую загораживала. И лишь тогда вышла девушка.

— Молчать, Тьма, молчать. Ну же, — сказала она. Собака замолчала.

Эруд потребовал в храме новую мантию, которая была соткана из грубой шерсти, плохо окрашена и небрежно сшита. Увидев, что приехал не простой человек, а жрец, Тьиво упала на колени прямо во дворе, среди куриного помета, и склонила голову.

«Ночь Эарла! — пронеслось в голове у Пандав. — Если у нее есть сила, зачем ей преклонять колени?»

— Встань, — сказал Эруд, слезая с зееба. — Ты — женщина Тхиу?

— Да, жрец-хозяин.

— Та Тхиу, которую называют ведьмой?

Тьиво ждала, опустив глаза на кур, клюющих мусор.

— Отвечай, — настаивал Эруд. — Ты?

— Нет, жрец-хозяин.

— Однако вчера ты исцелила человека с порезанной рукой, — еще одна пауза. — Ты будешь отрицать это?

— На то была воля Ках, — Тьиво подняла глаза, но лишь до уровня нового одеяния Эруда, не выше.

— Ты добавляешь к своим грехам еще и грех богохульства.

— Если я богохульствую, пусть богиня покарает меня.

На минуту оба застыли, словно и впрямь пораженные молнией.

— Я не хочу сказать, что ты лгунья и мошенница, — уточнил Эруд. — Я только спрашиваю, как ты, женщина, обрела способность исцелять и колдовать, которую тебе приписывают. Ну? Ты посмеешь сказать мне, что тебя посетила богиня?

Все утро Эруд опрашивал в храме жителей деревни. Он не подвергал их никаким испытаниям — они и без того боялись, отвечая невнятно и путано. Ведьма могла словом остановить пожар, начавшийся в полях. Она могла вызвать огонь в лампе или очаге. Из-за нее разная скотина вдвое чаще приносила двойню. Женщины, рожая или просто заболев, звали только ее. Бесплодные женщины становились плодовитыми после ее забот (интересно, что же она не помогла самой себе?). Она могла отогнать грозу и вызвать дождь. Она...

— Я снова спрашиваю, и ты ответишь мне, женщина: посещала ли тебя Ках?

— Нет, хозяин. Но однажды меня допрашивали перед Ках. Они позволили мне положить руку на нее. Я думаю, что тогда это и началось.

«Она верит, — ужаснулась Пандав. — Она думает, что магия перешла к ней из камня, не выходя за рамки понятий этой земли. Она готова пасть на колени перед жрецом-мужчиной и прислуживает своему дурачку, будто королю, хотя он всего лишь ее муж. Она не слишком похожа на Регера. Но глаза...» Думая о Регере, Пандав вспоминала его доброту, скрытую за грубой варварской силой, и странную невинность, которую раз или два замечала на его прекрасном лице. Никакой глупости, наоборот — глубина. Глаза ребенка, живущего сотни лет, но не способного научиться рассудочности взрослых. У Тьиво был такой же взгляд.

— Я заберу тебя в храм, чтобы допросить снова, — сказал Эруд. — Но только не сейчас. Пусть Ках позволит мне передохнуть. Присматривай за собакой, держи ее подальше от меня. И напои наших животных.

Он прошел в хижину с ее особым безнадежным запахом блох, несвежего мяса и горького пива.

Девушка Тьиво оставалась у двери, пока он и слуга не вошли. Зеебов привязали к столбу. Тьиво набрала воды из колодца и налила им в поилку. Пандав слышала, как она обещает покормить их, шепча им в уши, словно своим тайным друзьям.

Тьиво ничем не показала, что узнала Пандав.

«И все же она и вправду обладает колдовскими способностями, — думала закорианка. — Не ведая обо мне и моих обстоятельствах, она знала, что я имею для нее какое-то значение. Ибо я видела ее сына в дни славы».

Хижина строилась как одна большая комната, но теперь делилась двумя деревянными стенами на главное помещение и две маленьких спальни позади. Тьиво перетащила из большей спальни в меньшую тщательно выбитый тюфяк, который благоухал травами и ароматом мыла. Судя по всему, она отдала жрецу свою собственную постель. Ее полоумный муж спал в той же комнате, что и сама Тьиво, но на другом тюфяке. Сегодня мужу и жене придется разделить ложе, ибо жрецу нужен хороший отдых.

Эруд дал слуге указание охранять вход в спальню и разбудить себя через три часа. Усевшись у входа, тот провалился в сон почти столь же быстро, как и жрец.

Муж успокоился и вышел прогуляться с черной собакой. Со двора фермы было видно, как они бегают по долине, играя с палкой.

Тьиво продолжала заниматься своими делами, не обращая внимания на гостей. Она ничего не предлагала Пандав, но и ни в чем не отказывала ей. Пандав тоже набрала воды и выпила две чашки. Она долго смотрела на Тьиво и наконец решилась с ней заговорить.

— Ты не боишься? Я имею в виду допрос в храме. Эруд очень настойчивый.

— Не боюсь, — ответила Тьиво, ныряя в сарай. Вскоре она вновь вышла оттуда с кормом для зеебов.

— Ведьм у вас побивают камнями, не так ли? — поинтересовалась Пандав.

— Да.

— Но ты не ведьма.

— Я подчиняюсь Ках.

— А почему ты так долго смотрела на меня в храме?

— Из-за твоей черной кожи, — ответила искайская женщина.

Пандав замялась. Возможно, и вправду дело только в цвете ее кожи. Она последовала за Тьиво в дом и, сев напротив, стала смотреть, как та замешивает тесто у очага.

— Жаль, не могу помочь тебе в этих женских делах. Видишь ли, меня никогда не учили им.

Тьиво не ответила.

— Твоего хозяина-жреца лихорадит, — внезапно сказала она. — У меня есть травы, которые могут снять жар.

— Он мне не хозяин. Хотя он сам вправе думать так. Но как бы то ни было, маленькая искайская дикарка, он мне полезен. Я не дам тебе отравить его.

Тьиво снова не ответила и больше ничего не предлагала. Тогда, напрягшись, словно струна, Пандав резко произнесла:

— В Ли говорили, что твой сын был продан в рабство около двадцати лет назад. И я знаю имя твоего сына, — она чуть помедлила, настраиваясь на местное узнаваемое произношение. — Его звали Райэр.

Руки Тьиво окаменели в гуще теста. Отсветы пламени очага лежали на ее молодом красивом лице и полуприкрытых глазах.

— Но он был не твой. Ты сейчас не старше, чем должен быть он.

— Да, но он был моим сыном, — нарушила молчание Тьиво.

Воздух стал колким. Происходящее напоминало схватку, но не между врагами, даже не учебный поединок между сестрами.

— Я знала его, — объяснила Пандав. — Он и я блистали на аренах Саардсинмеи, в Элисааре. Но он сиял ярче всех. Там его называли Регером Лидийцем. Он был великим колесничим и воином, лучшим из всех и прекрасным, как бог.

Тьиво подняла голову, и на Пандав глянули огромные глаза, полные памяти о прошлом, беспокойства и невыразимой боли. Внезапно в этих глазах полыхнул гнев, и прилетевший от нее всплеск силы заставил Пандав подскочить. Но в следующий миг искайка укротила и свою силу, и свои чувства, успокоила их, как собаку у дверей. Посмотрев куда-то мимо Пандав, хижины и всей долины, она сказала:

— Не сейчас. Если хочешь, поговорим об этом позже. Сначала я должна ответить твоему хозяину.

— Я уже сказала, что он мне не хозяин, — с трудом выдавила из себя потрясенная и смущенная Пандав.

— Какая разница? — отозвалась искайка, все еще глядя в иной мир. — Мы здесь, а здесь такие обычаи.

— Твои обычаи... Этот твой повелитель, хозяин и муж, у которого вместо мозгов начинка для пирога — неужели он подарил тебе благословение Ках? Сомневаюсь, что он зачал Регера. Чего он вообще стоит?

— С тех пор, как я вышла за Орна, у меня не было нужды в других мужчинах.

— Своей магией ты можешь выхолостить любого мужчину в деревне. Клянусь Огнем, минуту назад я почувствовала, что тебе это под силу. Ты воистину ведьма. Почему же ты остаешься рабыней?

Но Тьиво снова занялась податливым тестом.

Все пришло к развязке быстро и неожиданно. Незадолго до заката Эруд проснулся в ужасном настроении и первым делом отругал храпящего охранника.

— Здесь так воняет, что у меня болит голова, — заявил он Пандав, что было неправдой — хижина содержалась в порядке, и ничем особенным в ней не пахло.

Эруд потребовал пива и еды, но когда Тьиво подала ему тушеного мяса с пряностями, лишь слегка обмакнул в него кусок хлеба. Он подозревал, что его хотят отравить, поэтому ел только то, что не требовалось готовить, и вскоре стал думать о чарах ведьмы. Пандав, которая предложила ему пробовать пищу, была вынуждена съесть всю тарелку мяса. Правда, оно оказалось очень нежным, да и горячие пирожки с яйцом и диким луком были на редкость вкусны. Эруда все еще лихорадило, как и предсказывала Тьиво, и он чашу за чашей пил пиво Орна, пытаясь утолить жажду, вызванную жаром.

Муж-идиот ел в отдалении от них, иногда подкармливая собаку — черную суку, старую, но без следов седины в шерсти, ясноглазую и активную. Она держалась настороженно, готовая в любой миг броситься на них. Видимо, Тьиво не могла распространить свою молодость на собаку, но все же помогала ей оставаться здоровой. Пандав вспомнила, как Орн играл с собакой. Нет, его ни в чем нельзя обвинить. Он смотрел на Тьиво с любовью и восхищением, не свойственным мужчинам Иски. Она была ему матерью, а не женой.

Эруд откинулся от стола, потребовал еще пива и уселся в деревянное кресло перед очагом. Лихорадка трепала его — в одну минуту ему хотелось согреться, в другую у него выступал пот. Тьиво наполнила его чашу, как он и требовал. Внезапно он вскочил и схватил ее за руку. Идиот захныкал, собака зарычала.

— Все хорошо. Тише, — не сопротивляясь, обратилась к ним Тьиво.

— Ничего хорошего, — возразил Эруд. — Как он будет тут управляться, когда тебя побьют камнями?

И тогда Тьиво подняла на него глаза. Всего на два-три мгновения, но этого хватило. В самом начале Эруд несколько раз ударял Пандав, но всегда несильно, и после первого раза она была в состоянии сдержать себя. Позже он и вовсе перестал поднимать на нее руку. Сейчас же он как следует замахнулся, чтобы в полную силу нанести удар, способный сломать Тьиво челюсть. Пандав, разбирающаяся в таких вещах, бросилась к нему, схватила за отведенную назад руку и дернула. Наблюдатель упал спиной на грязный пол, в полете зацепив горшок, который тоже упал и разбился. Нелепый, сыплющий проклятиями, жрец лежал среди черепков, глядя на Пандав обезумевшим взглядом, в то время как слуга, выхватив нож, начал приближаться к закорианке. Она замахнулась, удерживая его в отдалении одним этим драматическим жестом.

— Хозяин, ты не должен бить ее, пока она не предстанет перед Ках, — обратилась она к Эруду. — Не надо.

Эруд что-то пробормотал, пытаясь сесть. Слуга сделал выбор и кинулся помогать ему, чтобы не сталкиваться с напугавшей его женщиной.

— Хозяин, — льстиво проговорила Пандав, — я всего лишь хотела спасти тебя. Если Ках действительно с ней, тебе не стоило поднимать руку против богини.

— Ках... — выдохнул Эруд, поднимаясь на ноги и стараясь справиться с головокружением. — Нет никакой богини... Ках — это всего лишь жизнь...

— Заткни уши, — сурово приказала Пандав слуге, который растерянно моргал и делал охранительные жесты. — Ты неправильно понял его слова.

— Жизнь воплощается в Ках, как в символе! — возопил Эруд, страстно желая все им объяснить.

Пандав усадила его назад в деревянное кресло и ладонью зажала ему рот, что было уже где-то на грани скандала. Затем она отошла в центр комнаты и приняла боевую стойку, покачиваясь на ступнях. Закорианка осмотрелась. Все замерли в ожидании, даже идиот, спрятавшийся за скамейку, и рычащая собака.

— Есть только один способ проверить, обманщица эта женщина или отмеченная богиней, — четко сказала Пандав. — Ты можешь сделать это прямо сейчас, хозяин-Наблюдатель. Этот человек и я станем свидетелями. Прикажи ей проявить свои способности, — она взглянула на Тьиво. — Прикажи ей вызвать огонь.

Эруд несколько пришел в себя. Дрожа, но сохранив способность рассуждать, он резко приказал слуге наполнить чашу.

Собака перестала рычать. Все затихло, лишь потрескивали дрова в очаге да пиво с плеском лилось в чашу.

Тьиво стояла, опустив глаза. Она ждала. Она ничего не будет делать, пока жрец не прикажет ей.

— Хорошо, — сказал Эруд и шумно отхлебнул. — Покажи нам, как ты это делаешь. Вызови огонь, раз люди говорят, что ты умеешь делать это.

В хижине снова воцарилась тишина, густая, как сироп, нарушаемая только треском очага. И тогда они услышали дыхание Тьиво — глубокие, захлебывающиеся вздохи, похожие на те, что женщина издает в объятиях возлюбленного...

«Она сделает так. Это невозможно, но она сделает так, — думала Пандав. — Не мошенничеством, а вправду. Пламенем Зардука».

Тьиво простерла левую руку. Глаза ее закатились, остались видны лишь белки, и сразу исчез звук дыхания. Закорианка увидела, как левая грудь Тьиво засветилась сквозь одежду, словно факел. Свет перетек в плечо, в верхнюю часть руки. Предплечье покраснело, как роза, стала видна кровь под кожей, проступили темные кости. Затем левая рука Тьиво превратилась в факел, и из ее пальцев выстрелили пять струй живого огня.

Слуга завопил. Эруд уронил чашу, и Пандав услышала, как она катится по полу. Только идиот и собака продолжали с интересом смотреть, не выказывая ни малейшего страха, точно это было для них привычным зрелищем. Собака даже завиляла хвостом.

Ударив в пол, потоки пламени скакали и извивались. Огненный танец... Затем Тьиво вздохнула и снова начала дышать, а ее рука, плечо и грудь внезапно потемнели, как затухающие угли.

— Это не настоящее, — подался вперед Эруд. — Иллюзия... ай! — он отдернул обожженные пальцы и заколотил по обуглившемуся краю своего одеяния.

 Тьиво посмотрела на огонь.

— Успокойся, — негромко сказала она, словно мужу или собаке. — Вот так.

И пламя погасло.

— Оно обожгло меня, — сказал Эруд и упал. Стоявшие по бокам слуга и Пандав еле успели подхватить его.

— Он так спокойно спит. Что это за трава?

— У нее есть только наше, горное название. Но я могу показать ее тебе.

Пандав давала Эруду настой. Через полчаса после приема он обильно потел и снова погружался в сон. Слуга устроился в изголовье постели, карауля внезапное пробуждение. Он скалил зубы в усмешке, а на коленях у него лежал нож.

Пандав и Тьиво вернулись к очагу. Орн тоже уснул, сидя на скамейке, дремала и собака, положив голову ему на колени.

— Значит, эта жизнь подходит тебе, — внезапно промолвила Пандав.

— А какой другой жизни я должна желать?

Пандав обдумала ее слова. В той же мере они подходили и к ней, мало того, она уже говорила их. Кроме того, сегодня вечером, даже чувствуя отвращение к его действиям, она защищала Эруда. Закорианка обнаружила, что тянется к нему, испытывает сдержанную привязанность, скрытую глубоко внутри. Она уже могла исподволь учить его чему-то. Сделано многое из возможного, чтобы не изменить его, но позволить ему стать тем мужчиной, которого она пару раз смогла мельком увидеть из-под завесы нелепой грубости пополам с нерешительностью. Ее немного угнетали эти чувства, возникшие к искайскому жрецу. Но значит, такова судьба, данная ей богами. Позволил же Зардук, которому она поклонялась в высоком храме Саардсинмеи, пасть проклятью-благословению своего огня на чужеземку, которая даже не почитает его...

— Как бы то ни было, — снова заговорила Пандав, — мы собирались поговорить о твоем сыне. О Регере — так произносят его имя в Элисааре. Начнем с того, что твой Орн — не его отец.

Тьиво смотрела на языки обычного пламени, сотворенного при помощи кремня и огнива.

— Однажды сюда пришел мужчина.

— И стал твоим любовником.

— На одну ночь. Его послала мне Ках. Я думала, что он ничего мне не оставил, но забеременела от него.

Пандав продолжала молчать, однако больше Тьиво ничего не сказала. Тогда она сама стала рассказывать о юности и зрелости Клинка по имени Регер во дворах Дайгота. Сначала рассказ шел только о нем, потом начал переплетаться с ее собственной историей, с тренировками, через которые она прошла... Затем огромная картина этого утраченного мира открылась перед Пандав, и она нырнула туда вместе с Тьиво, завернулась в нее, как в пестрый ковер. Здесь сплелись

испытания и поражения, достижения и награды, и все это, как золотой нитью, было проткано городом, его улицами и площадями, восторгом толпы и шумом прибоя. Она рассказывала о датах их празднеств и сезонах их календаря, о ночи Огненных скачек и о том, как Регер победил в них. Она воссоздала Регера, словно сама была ведьмой, и представила здесь, в хижине, перед его матерью, во всей красе и гордости. Пандав сама возложила ему на чело последний венок. Она сотворила его из ночи, из которой он и состоял отчасти — символ желания для Саардсинмеи...

Она говорила больше часа. Под конец, когда очаг уже начал затухать, пришло время рассказать о конце города и гибели Регера. И лишь тогда Пандав вспомнила сон, который увидела в храме Ках в Ли. «Твоя крепкая и прочная гробница, — сказала ей девушка-эманакир. — Он был в ней, когда обрушилась волна». И, рассказав о разрушении (которого никогда не видела) своего города, так и не захотевшего принадлежать ей, и о женщине, которая изрядно понимала в колдовстве, если умела хотя бы половину того, о чем подозревала Пандав, закорианка осознала, что говорит:

— Но кое-кто уверял меня, Тьиво, что твой сын пережил потоп. Это может оказаться и неправдой. Ты — ведьма. Может быть, ты способна выяснить, жив ли он.

Однако Тьиво продолжала смотреть в угли очага. В этой новой тишине Пандав ощутила изнеможение. Ее выжало досуха. Она исповедалась и очистилась, стала пустой. Напоследок можно было бы расплакаться, но что-то внутри нее выжгло все слезы. Она всегда была огнем, а не водой Закориса.

Когда Тьиво встала, Пандав взглянула на нее со смутным удивлением.

— Согласна ли ты пойти со мной? Я хочу показать тебе кое-что, — произнесла та.

Ни звука о своем сыне, ни отблеска боли и мучительной ярости, что прежде проступали на ее лице. Ничего. Слышала ли она вообще что-нибудь, эта искайская подстилка, заметила ли драгоценный ковер города, который раскинули перед нею?

— Где это? — поднялась на ноги Пандав.

— Снаружи, недалеко.

— Если хочешь, — кивнула Пандав, хотя у нее мелькнуло подозрение.

Они вышли из дома. У двери Тьиво взяла фонарь и зажгла его.

— Бог будет доволен, что ты не растрачиваешь его огонь на пустяки, — едко заметила Пандав. Но Тьиво, разумеется, не ответила.

Они прошли сквозь летнюю ночь, через выгон, где под стройными деревцами, точно валуны, лежали коровы. Каменная стена по большей части осыпалась, и, перешагнув через нее, они вышли к мандариновым деревьям и стоячим камням.

Свет фонаря больше мешал, чем помогал видеть, и когда он осветил купол, увиденное показалось обманом зрения. Но вот свет стал ровным. Его успокоило то, к чему они шли.

— Что это? — спросила Пандав, при взгляде на сияющую верхушку предмета вспомнив их приезд на ферму.

— Это всегда было здесь, внизу, — спокойно объяснила Тьиво. — Но деревья растут, и корни разрывают землю. Прошлым летом земля слегка тряслась, и оно поднялось.

Слушая ее, Пандав изучала светлое гладкое нечто, поблескивающее, как рыба, из разлома, вызванного землетрясением. Оно еще не полностью показалось над землей, а было зажато между каменными стенами. Тем не менее формой оно все-таки напоминало рыбу. Материал, из которого оно было сделано, походил на металл, но без единой царапины или вмятины. Вообще никаких отметин.

— Когда подойдешь ближе, появится проход, — сказала Тьиво.

Они пошли вперед — очень медленно. Фонарь жадно охватывал все перед ними, оставляя позади долину.

Как и было предсказано, в боку рыбообразного холма появился проход. Такие механизмы не были чем-то необычным, и Пандав доводилось слышать, что новые храмы змеиной богини часто снабжены такими дверями. Правда, ее насторожило то, каким образом отошла дверь — не в сторону, вверх или вниз, а каким-то образом повернувшись... За дверью не было видно ничего, кроме темноты.

— Ты заходила внутрь, Тьиво?

— Никогда.

— Боишься?

— Да. Там вечность, мне никогда не нравилось здесь находиться.

— Ты чувствительная. Должно быть, это и вправду плохое место.

Пандав забрала у нее фонарь, подошла ближе и посветила внутрь, разгоняя темноту. Их взорам открылось овальное помещение без единого угла, и она снова подумала о белой расе, вспомнила рассказы о круглых залах в их разрушенном городе на юге Равнин. И тут же фонарь высветил подтверждение этой догадки. На гладкой стене был вырезан узор — свернувшаяся кольцами змея, белая на белом. Ее нельзя было спутать ни с чем. Закорианка отошла назад, и внутренность холма снова погрузилась во тьму.

— Это храм. Народ Равнин понастроил их везде, и они разбросаны по всему Вису, даже в землях Дорфара есть такое. Должно быть, ему столько же лет, сколько горам.

Она чувствовала, что ее трясет — но не от страха. От змеиного храма исходил поток энергии, сверхъестественная сила, которой хотелось избежать, что бы ни говорила на этот счет Тьиво. Пандав отскочила, и электрическое ощущение исчезло.

— Зачем ты привела меня сюда? — спросила она.

— Здесь Ках, — ответила Тьиво.

— Нет, Ках — богиня Висов, — возразила закорианка, еле удержавшись от ругательства. — Твоя. Может быть, моя. А эта штука там — магия желтоволосых. Их богини, Повелительницы Змей, Анак.

— Ках простила мои грехи, — возразила Тьиво. — Ее рука все время протянута ко мне. Когда эта вещь поднялась из-под земли, ее наполняла Ках. Мне здесь страшно, но страх не имеет зна-

чения. Здесь я и получила способность исцелять и вызывать огонь. Я никому больше не рассказывала. Это место Ках.

— Это *их* место, — разозлилась Пандав. В оцепенении она почему-то подумала о спортивных состязаниях между танцовщицами Саардсинмеи и светловолосыми девушками Ша'лиса. Неуместное, но всеобщее чувство — расовая неприязнь. Вечный поединок, война, не утихающая никогда, проявляясь как в больших делах, так и в мелочах. Разве Шансар не пел, накатываясь на Свободный Элисаар белой вопящей волной?

Пандав закрыла глаза — и увидела пылающую звезду, падающую с небес. Она разбилась о грудь земли, выжигая и раскалывая камень, прорубив туннель и похоронив себя в его глубине. Когда улеглись разорванные облака и тучи пепла, дымящаяся звезда лежала во рву, прорытом ею в долине посреди гор.

— Здесь, — Тьиво положила руку на плечо Пандав. — Ты видела звезду? Я тоже. Это воспоминания небесной колесницы Ках о том, как она упала.

— Магия Равнин, сила полета, — прошептала Пандав.

Тьиво взяла ее за руку и повела прочь от сверкающего куполахолма, храма, упавшей звезды и времени-рыбы, между мандариновых деревьев, на обычный выгон, где лежали и мирно жевали коровы.

Кости в ногах Пандав словно превратились в воду. Она села на жесткую траву, чтобы не зашататься.

— Мне там не понравилось, это не для меня, — сказала она, дрожа. — Но, конечно же, это имеет значение.

Тьиво спокойно дождалась, пока закорианка поднимется. Они вернулись в хижину и больше не разговаривали друг с другом.

Лежа рядом с Эрудом на тюфяке Тьиво, Пандав увидела во сне Саардсинмею после удара волны.

Она смотрела на нее сверху вниз, ибо парила на крыльях высоко над разрушенным городом. Далеко внизу простиралась пустыня с изломанными монолитами и грудами водорослей на остатках зданий. Она не узнала бы город, не будь в этом сне вооружена знанием его былого имени. Кружа над городом, как когда-то ястребы на охоте, она спускалась вниз сквозь ветер, бьющий в лицо.

Во сне крылатая Пандав оставалась бесстрастной. Вид руин города не трогал ее сердце.

На крыше храма Зардука, убранство которого вынесло наружу, все еще оставался корабль. Она подлетела к этому кораблю, покружила среди колонн и улетела прочь. Дальше располагался стадион, уничтоженный, как и почти все остальное. Теперь там зияла бездна — арена была завалена обломками самых разных вещей.

На северо-востоке лежал основной массив руин, увитый водорослями, с осколками ракушек на ступенях, крышах и мостовых, и усеянный всеми мыслимыми следами разом побежденного человеческого общества.

Снова подул ветер, очищая воздух своим дыханием, и прижал Пандав ближе к земле, хотя она все еще оставалась высоко над городом. Она зависла над тем, что, на ее взгляд, прежде было Могильной улицей.

Все покрывала грязь. Даже мрамор, казалось, по большей части обратился в грязь. Она с трудом различила среди развалин маленькую группу людей, которые сползлись сюда, словно нищие в трущобы после сбора подаяния.

Незримая Пандав парила среди грязных холмов и смотрела на них с легкой жалостью, не чувствуя родства. Она была далека от них во всех отношениях. Кто-то копался у камня, белизна которого еле проступала из слоев ила, и пытался вытащить за ноги чье-то тело. Остальные просто сидели и ничего не делали.

Душу Пандав (она была уверена, что витает здесь лишь душой, без плоти) снова понесло ветром. Она поднялась к усыпальницам здешних королей и королев — людей зрелищ. Высоко на склоне вздымался черный улей ее собственной гробницы, омытый дождем и окруженный поломанным алоэ.

Дверь была распахнута. Она вспомнила, что здесь нашел убежище Регер, а может быть, и другие. Один из этих выживших, видимо, задержавшийся внутри, как раз появился в дверях — белый силуэт на черном фоне.

Не одна Пандав наблюдала за этим явлением. Две женщины, бродившие неподалеку по склону, застыли в своей неумолимой бесцельности. Они выглядели испуганными, словно увидели призрак, не понимая, что это еще один уцелевший, такой же, как они сами.

В силуэте не было ничего тревожного. Просто девушка в белом платье, с головой, тоже укрытой белым покрывалом. Она не стала стоять, оглядываясь вокруг, а сразу пошла вверх по склону, прочь от черной гробницы. Однако на вершине холма она замешкалась и бросила взгляд назад, словно осознавая присутствие еще одного наблюдателя — Пандав.

Белизна ее одежд почти не отличалась от цвета волос и кожи. Та, что спаслась в гробнице, была эманакир.

Во сне Пандав уже знала достаточно, чтобы правильно сложить вместе все куски. Накануне возмездия, избегая театральных сплетен, она не услышала об отравлении Равнинной ведьмы, а ее любовник-актер был слишком занят другими делами, чтобы утомлять ее уши рассказами об этом. Так что Пандав не знала ни об убийстве, ни о погребении, пока не увидела другой сон в храме Ли. «Я отдала себя смерти...» Былой сон пришел, смешался с текущим и внес в него новое толкование.

Эманакир умерла и благодаря своей смерти обрела уверенность, что у Регера будет убежище. Прошло несколько дней, Регер давно ушел. И тогда, поднявшись из смертной тени, исцеленная, как не умиравшая, белая девушка вышла в мир. Опустив вуаль на лицо, она перешла через гребень холма и исчезла из виду.

Крылатая и бестелесная, Пандав не смогла последовать за ней.

Вместо этого она проснулась, против воли и с ужасом, снова втиснутая в свое тело, не зная, где она и что произошло. И в ее подсознательном сражении за себя и свою память, за то, чтобы сердце билось, а легкие дышали, этот сон, подобно иным, остался незаконченным и отлетел, уплыл прочь, погрузившись в глубину за пределами видимости и сознания.

— И что я скажу им там, в Материнском храме, чтобы их это устроило? — Эруд выговорил свои опасения вслух лишь двенадцать дней спустя, когда они оставили за спиной скопление вороньих гнезд под названием Ли-Дис, раскинувшееся среди однообразных гор.

«Теперь он и в самом деле спрашивает моего совета», — подумала Пандав.

— Есть выход, — уронила она.

— Что, в самом деле? И какой же?

— Дай им знать, что слухи чрезмерно преувеличены. Она — целительница, которая разбирается в женских недомоганиях и владеет древним искусством разжигания огня с помощью двух кусков дерева. Само собой, она не совершает ничего, не призвав Ках, и в их храме ее признали добродетельной. Кроме того, она замужем, а ее муж не позволит ей совершить ничего недозволенного.

— Это ложь, женщина. Я должен опуститься до того, чтобы солгать перед богиней?

— Но ведь Ках — только идея... воплощение и символ жизни...

Двое слуг ехали достаточно далеко, чтобы слышать их беседу, а та пара, что исчезла в Ли-Дисе, так и не вернулась.

Эруд не упрекал Пандав. Вероятно, он вспомнил, как та защищала его, когда он в лихорадке наговорил лишнего, и как сослалась на то, что в ночь допроса слуга был запредельно пьян. Все — к его пользе...

— Кое-кто в Материнском храме думает так же, — наконец сказал он, смирившись с неопределенностью. — Не боги, но их сущности. В столице насаждают осторожность... Даже Наивысший уверяет, что Ках есть все. Источник существования, а не просто камень с грудью.

— Я слышала, что жители Равнин точно так же говорят об Анак.

Эруд насторожился.

— Ках единственная истинная богиня.

— Тогда поверь, что маленькая искайская женщина действует лишь Ее именем. Тьиво искренне верует, так оставь ее в покое. Какое дело до нее храму? И тебе? Ты сам хочешь лишь одного — оказаться дома.

— Да, — он поднял взгляд. — У меня есть дом на холме. Летом его обдувает ветер. Цветущие виноградные лозы. Бассейн с рыбками. Голубые стены. Тебе там понравится.

«Значит, я побываю в его доме», — сделала вывод Пандав.

Она подумала об их любви в минувшую ночь — страстной, изменчивой и очень искусной. Огненный танец закончился. После всего она стала наставницей и куртизанкой.

А кроме того, она не имела возможности предохраниться. Или, наверное, ей не следовало просить богов наполнить смыслом ее дни. Вот Ясмат и вмешалась, пошутив на свой лад.

— Эруд, — окликнула она, и он наклонился, ибо, обратившись к нему по имени, она явно хотела сказать что-то личное.

— Что еще?

— Я ношу твоего сына.

Казалось, жрец обдумывает услышанное. Несколько минут он молчал.

— Ладно, но откуда ты знаешь, что это будет мальчик?

— Знаю.

В Закорисе, в прибрежной деревне, ей была уготована именно такая участь — принять мужчину в себя, затем вытолкнуть наружу. Но она была слишком порывиста и полна жизни. Беременность не успокоит ее. Ребенок родится в конце весны или в начале лета.

Да, она сильная. Сила любого партнера стала бы излишней для нее. Ни один из ее любовников, делавших комплименты ее танцевальному дару, носивших титулы, слагавших песни или наделенных познаниями о звездах, не смог стать спутником ее души.

А воину нужна война. Иска будет одним большим сражением. Она громко рассмеялась.

— Ты рада, закорская девушка, что носишь моего сына? — спросил на это Эруд.

— Единственная моя радость — порадовать тебя, хозяин.

— Ты станешь хозяйкой в моем доме. Впредь не беспокойся об этом.

Кто-то должен забыть о насмешках. Быть щедрым и учить щедрости. И, наконец, хранить молчание.

Он посмотрел сверху вниз и увидел, как она шагает рядом, прямая и гордая, черная, как ночь. Ее волосы развевались на ветру, словно знамя. У нее не было прошлого, но он дал ей настоящее. Эруд остановил зееба и посадил ее перед собой. Это было совсем не по-искайски, и слуги удивленно воззрились на него.

Глава 14. Свадьба в Мойе

В отличие от большей части Виса, на Равнинах свадьбы не были привязаны к времени Алой звезды. Любой знал, что по всему континенту степняки неподвластны Застис. Как полукровкам, так и дорфарианцам, заравийцам и прочим пришельцам на Равнинах не приходилось подолгу ждать жарких месяцев. На юге излюбленным временем свадеб было самое начало лета — после дождей, перед приходом жары.

В провинции Мойхи, состоящей из двух городов-государств с прилегающими землями — прибрежной Мойи и континентального Хибрела, — уже шестьдесят лет царили покой и процветание. Находясь под верховной властью Повелителя Гроз Дорфара, мойхийские города управлялись выборными советами, которые состояли в основном из судовладельцев и торговцев, терпимых к любым богам, но обязательно чтущих Анакир, Повелительницу Змей. В законах и обычаях Мойхи не было расового, религиозного или сословного разделения. По идее, любой мог быть принят как друг, придерживаться своих верований и занять такое положение, какое было ему по нраву и способностям. Не попав в кипящий котел гонений и избегнув наковальни двух великих войн, Мойхи поднялась на том, что отвергла обычные пути Равнин. Там не было ни пассивного и неорганизованного фатализма, все еще держащегося на большей части юга, ни ксенофобии «чистых» эманакир, одна из твердынь которых, город Хамос, лежал всего в пяти днях пути от окрестностей Хибрела, отгородившись стеной холодности, присущей этому народу. Таким образом, непримиримое упорство замкнулось в себе самом, а в шумную Мойхи стянулась деятельная часть народа Равнин вместе с полукровками. Здесь были представлены почти все возможные смеси висской и светлой кровей.

Поэтому свадебные обряды в Мойхи отличались многообразием.

Но некий жених, идущий по Мойе под вечер, не слишком-то задумывался над этим.

Пышно одетый и привлекательный, этот молодой человек явно не был сыном Равнин. Его волосы и глаза были чернее черного, кожа отливала темным металлом. Оттененный этой темнотой, на нем особенно хорошо смотрелся белый с золотом, как принято в Мойе, свадебный наряд.

Когда она увидела его в первый раз, он выглядел значительно менее изысканным.

Жених улыбнулся. Он радовался, но и немного волновался из-за чужих ритуалов, которые должен будет безупречно исполнить на закате. Ради нее, конечно.

Он пытался вспомнить — что же он подумал о *ней*, когда увидел впервые? Когда он попал в гавань Мойи, то был полуослеплен, как бы ни готовил себя к увиденному. Оказавшись среди сливочно-белых кораблей, расписных стен, над которыми высилась позолоченная Анакир, и людей с льняными волосами, толпящихся в порту, он ощутил страх или даже отвращение. Он тоже боялся чужаков. Плавание далось ему нелегко. Что-то в нем истосковалось по таким же, как он... А тем временем сквозь толпу на пристани к ним спешили две дочери Эрн-Йира со своей служанкой.

Аннах, старшая, была выше сестры, с фарфорово-белой кожей и косой цвета спелого зерна, уложенной вокруг головы. С востока уже пришли новости о разверзшейся пасти Эарла, великой волне и невероятной буре. Мойю тоже настигли странные рассветы и закаты. «Красотку» Эрна ожидали с нетерпением, и получив от поверенного весть, что корабль отца входит в залив, дочери поспешили встречать его. Элисси, младшая, увидела его первой. Эрн, радующийся возвращению, лично представил обеих девушек своим спутникам.

Элисси была маленькая и хрупкая, светлокожая, но позолоченная летним солнцем. Ее волосы были такими светлыми, что, развеваясь на ветру, казались шарфом из белого огня. Но кровь прабабушки-оммоски давала себя знать — глаза Элисси, как глаза жителей Оммоса, Элисаара или Корла, были цвета черного янтаря.

Может быть, именно ее черные глаза утешили Чакора — позже, когда он пришел заглянуть в них.

Ему следовало быстрее сбежать, как бешеной собаке, в Зарависс, в Дорфар или даже на родину. Он принял доброту открытых сердец Мойи, на которую собирался ответить по мере возможности, точно расплачиваясь за припасы, взятые в долг. Он знал, что люди здесь живые, наделены характером, разумом и, может быть, даже душой. Но несмотря ни на что, они оставались для него призрачным народом.

Их устрашающий дар чтения мыслей отнюдь не был явным и очевидным. Эманакир очень гордились своей тайной внутренней речью, однако в торговой Мойе эта способность, то ли из-за ремесла, то ли из обычной вежливости, была ограничена семейным кругом. На «Красотке» команда старалась не беспокоить пассажиров-Висов зрелищем своих безмолвных разговоров. В доме Эрн-Йира между родственниками время от времени происходили беседы без слов, но по возможности в личных покоях.

Однако в городе порой можно было наблюдать проявления мысленной речи. Часто дети, играющие в парках, разом затихали, обсуждая план игры, а потом вдруг разражались радостными криками.

Чакор встречал на улицах Висов — нескольких ланнцев, дружелюбных дорфарианцев из береговой крепости, заравийских

торговцев, астролога-элирианца в лавке недалеко от гавани. Даже полукровка, помолвленный с Аннах, до того походил на Виса, что Чакор удивился, услышав его резкий ваткрианский выговор. Но почему-то все они лишь смущали корла, заставляя держаться отстраненно. Ему не хватало темных людей. Воистину, находиться здесь было невероятной глупостью.

Неиссякающее милосердие и чувство юмора Эрн-Йира стали очевидны еще на корабле. «Красотка» пострадала в шторм и потеряла много груза. Пришлось возвращаться домой без прибыли, да еще и встать на ремонт. Но Эрн не оплакивал неудачу и потратил на пребывание в порту со своими поверенными меньше времени, чем на то, чтобы показать город Чакору.

Корл уже давно понял, что Регер не годится ему в товарищи. В Мойе имелась Академия оружия. Регер ушел туда рано утром, намереваясь как-то применить умения, вынесенные со стадиона. Он продал золотые запястья и украшения с пояса, чтобы вернуть деньги Эрну и его жене, но те отказались принять какую-либо плату. У Чакора же не осталось ни денег, ни чего-то, что можно продать, кроме самого себя. Но найти работу в Мойе значило задержаться в Мойе, а этого Чакор не хотел. В Мойхи никто не бросал денег уличным акробатам, а ставки здесь делали только на состязаниях лучников и скачках шансарских лошадей.

На пятый день Эрн-Йир, который уже показал Чакору рынки и залы гильдий, внешний вид храма Анакир с позолоченной крышей и гоночную трассу, повел своего гостя на улицу Богов. Корл с искренним испугом смотрел по сторонам, где среди синталевых деревьев в желтом цвету стояли храмы всех главных божеств Висов. Здесь был храм оммосского бога огня, бок о бок с его закорианским братом, и беседка заравийской Ясмис, над которой вился дымок благовоний. Чуть дальше обсидиановые драконы отмечали храм древних таинственных богов грозы из Дорфара. У его подножия, на ступенях, привычно играли в кости три дорфарианских солдата. Имелся даже постамент с синебородым Рорном.

Чакор что-то недовольно пробормотал и поинтересовался у Эрн-Йира: если люди Равнин так благочестивы и преданы Анакир, зачем все эти святотатства прямо у нее под носом? Эрн-Йир объяснил ему здешние нормы терпимости. Он и сам не пренебрегал Зароком своих предков.

— Тогда где здесь Коррах? — спросил Чакор.

Эрн-Йир словно ждал этого вопроса и показал на тропинку. Корл, все еще не веря, пошел по ней и вскоре обнаружил храм Коррах, а рядом, по соседству — обиталище Ках. Чакор зашел с корлского входа и отдал одну из своих последних монет, чтобы совершить подобающее подношение масла. Он чувствовал себя неуютно, желая спросить у своей богини — что она делает в этой стране?

В этот вечер Регеру удалось найти в Мойхи прибыльную работу.

В доме судовладельца с почтением относились к вечерней трапезе. Хотелось этого или нет, но так или иначе пришлось одолжить чистое одеяние, принарядиться и с венком на голове оказаться за столом, накрытым снежно-белой скатертью, вместе с семьей и восемью близкими ей людьми. Не надо проявлять неотесанность, наоборот, следует делать все возможное для великодушных хозяев. Не успел Чакор подумать об этом, как у него перед глазами, словно наяву, возник корабль Эрн-Йира, выплывающий из кровавого тумана у берегов Саардсинмеи. Трудно поверить, что это было лишь месяц назад. Кем был Эрн-Йир в тот день, когда шел к ним через руины на берегу с красной пеной черного моря, застывшей на сапогах? Его светловолосые матросы, покачав головами и протянув им вино, отправились в развалины города — и вернулись в молчании на алой заре, которая, казалось, никогда не погаснет... Эрн-Йир и его люди были частицей человеческого в ночи, нависшей над миром.

Младшая дочь хозяина, Элисси, сидевшая слева от Чакора, протянула засахаренную дольку мандарина запоздалой гостье — на удивление маленькой мартышке серебристого цвета. Изящно поедая угощение, обезьянка окидывала стол глазами цвета индиго.

— Ах, обезьянья принцесса, — произнес мужчина, сидящий по левую руку от жены Эрн-Йира. — Надеюсь, вы в добром здравии?

Обезьянка что-то пискнула.

— Увы, — сказал мужчина. — Она говорит, что этим летом ее мучал кашель. А сейчас как вы, дорогая?

Засмущавшись, мартышка обеими руками схватила свой хвост и прикрылась им, пытаясь спрятаться.

— Она говорит, что если бы ее не так сильно тискали, то все было бы гораздо лучше.

Послышался смех.

— Как жестоко говорить неправду, да еще и при всех! — обратилась к принцессе Элисси. — Ты неблагодарная мохнатая тварь. Кроме того, ты съела жемчужину из моей серьги. Потому тебя и мучает кашель!

Мужчина, который разговаривал с мартышкой, перед тем представленный как мастер Вэйнек, был невысоким сухощавым человеком из Гильдии художников и скульпторов. Он заметил, что пожирательница жемчужины — еще образец совершенства, и обрисовал подвиги других членов ее племени, которых привел в свою мастерскую на Мраморной улице, чтобы нарисовать. Они перегрызли прутья клетки, съели брусок чистого воска, несколько палочек краски и даже парик из кладовки.

— Однако мы всегда испытываем нужду в хороших живых моделях, — прибавил Вэйнек, переведя взгляд на Регера, сидящего напротив.

Тот лишь мрачно усмехнулся.

— Я не хвастаюсь... как всегда говорят хвастуны, — продолжил Вэйнек. — Однако трое сыновей младшего принца Дорфара позировали мне для моих работ. Это все знают.

— Фриз с воинами в большой библиотеке, — кивнул Эрн-Йир. — Да, об этом знают все. Они сами хвастались. Твоя мастерская прославлена.

— Мой отец, — обратился Вэйнек к Регеру, — был пастухом на равнинах под Хибрелом. Здесь мы живем так, как нам нравится. Это достоинство Мойхи. Ни один человек здесь не устыдится назвать другому свою цену, — Вэйнек оторвал виноградину и начал играть ею. — Мы собираемся пойти на великую авантюру — создать статую богагероя Ральднора. Это заказ из Зарависса, для зимнего дворца самого короля. Мы обязаны проявить себя с наилучшей стороны, и ты не станешь спорить с этим.

Повисла пауза. Все уже догадались, о чем речь, разве что мартышка, глупее которой не было на всем юге, пребывала в неведении.

— Что ж, Регер эм Элисаар, я обещаю тебе шестьдесят анкаров золотом по мере Мойхи и Зарависса, если ты согласишься поработать у меня.

Впечатляющая сумма вызвала оцепенение.

— Какую работу вы предлагаете мне, господин — скульптора или модели? — забавляясь, переспросил Регер.

За столом снова рассмеялись. Вэйнек лукаво взглянул на Регера:

— За работу скульптора ты получил бы больше, но я уже нашел человека. Нет, я имел в виду работу модели.

— Но я слышал, что лик короля-мессии Ральднора увековечен, — вежливо возразил Регер, снова дразнясь. — Я не похож на него, честное слово.

— Это спорный вопрос. Подобие может проявляться по-разному. Так Ральднор походил на своего предка Рарнаммона, а его сын, второй Рарнаммон — на отца, хотя тот и сгинул где-то двадцати пяти лет от роду. Не хочу тебя смущать, молодой человек, но модели необходима привлекательность как лица, так и тела. И выносливость — позировать часами не так-то легко. Я слышал, что в Элисааре ты был гладиатором?

— В Элисааре я был рабом, — бросил Регер.

— В Мойхи не признают рабства, — уже серьезнее произнес Вэйнек. — Любой раб, пересекающий наши границы, становится свободным, как и все люди перед лицом богини. Ну как, ты принимаешь предложение?

— Да, — кивнул Регер, — и благодарен за него.

— Благодарить станешь, когда все будет закончено. А теперь, Элисси, дай мне обнять мартышку-принцессу. Мне пора идти. Друг мой Эрн и вы, госпожа, примите мои извинения, но вы знаете, каковы мои вседневные труды. Регер, мастерская открывается с первыми лучами солнца.

Регер кивнул. Его лицо, как и голос, осталось спокойным.

Аннах и ее похожий на Виса ваткрианец предавались сдержанным ласкам в гуще лоз, поэтому Чакор свернул на другую тропинку среди синталевых деревьев.

Регер сидел у водоема. Луна уже взошла, и рыбы, днем золотые, как глаза людей Равнин, выпрыгивали из водоема, чтобы полюбоваться на нее.

В тишине сада повисло дыхание поздней городской ночи. Тьма под стенами была испятнана светом, падающим из окон. Откуда-то с улиц доносилась музыка или приглушенные голоса. Иногда до сада даже долетал шепот океана. Было не время и не место для ссор. И, несмотря на все сходство — это не Саардсинмея.

— Значит, ты решил остаться здесь и стать эм Мойя.

Регер поднял глаза. Еще одна рыба разорвала отражение луны в водоеме, а может быть, упал цветок синталя — им уже пришло время опадать.

— Я думаю, что предложение Вэйнека надо принять.

— А я думаю, что его подготовили заранее.

— Да, — вздохнул Регер. — Как мы уже заметили, Эрн-Йир — великодушный человек.

На корабле они почти не разговаривали. Не потому, что Лидиец избегал корла — он оказывал ему внимание, но в ответном внимании не нуждался. Это не было похоже на товарищество выживших, каким представлял его Чакор. Регер не доверился ему. Он слушал и отвечал, но чаще искал одиночества. И чем ближе они подходили к светлым берегам чуждой страны, тем больше Чакор скучал и ждал чего-то.

Впрочем, он с самого начала чего-то ждал от Регера. Превзойти его или оказаться превзойденным. Превознести, повторить, отшлифовать умения... Последние события сделали их неразговорчивыми — или это сделала *она*?

Они оба шли за ее носилками. Вместе нашли убежище в ее гробнице. Вместе покинули город.

— Это правда? — вдруг спросил Чакор.

Регер не задал вопроса: «О чем ты?» Он воспринял это так же естественно, как рыбу, всплывшую из водоема, падение цветка, нарастание и убывание луны, рождение и смерть.

— Я думал, что убил тебя. Это ужаснуло меня — раньше я никогда не убивал *так*. Ты знаешь, почему так случилось? Сдается мне, что ты это видел.

— Трюк жрецов Анак. Меч, превращенный в змею.

Еще одна частица причастности к *ней*... Чакор прислонился к дереву. Ему уже казалось, что все это случилось не с ним — смертельный удар, исцеление. Безумно его равнодушие или мудро? Может быть, лучше считать, что его память ошибается. Когда он говорил об этом, ему приходилось заставлять себя. Не то чтобы его каждый раз обдавало ужасом, но он не мог поверить в какие-то неизвестные стороны своей личности или проявления богини. Он должен принести Коррах достойную жертву. Если кто-то и спас его, то это Коррах. А кроме всего прочего, эманакир была мертва.

Послышался какой-то шум, и снова воцарилась тишина, живая тишина сада и ночи. Возможно, в гуще лоз происходил какой-то разговор, но без слов.

— Перед смертью Аз'тира сказала мне, что в Мойхи я встречу своего отца, — произнес Регер. — Когда придет время. Я никогда не знал своего отца. Но есть причины, по которым хочу знать.

Как Регер не спросил «О чем ты?», так и Чакор не уточнил: «Значит, Равнинную ведьму звали Аз'тира?»

— Она была точна в подобных вещах?

— О да.

Они были любовниками. А ему не досталось такой причастности.

— Я собираюсь на север, — сказал Чакор. — По слухам, в Зарависсе бывают неплохие состязания. Или в Дорфар. А то я уже стал пахнуть по-оммосски. Жаль, что останусь должен нашему дорогому судовладельцу.

— Не могу даже представить, как Эрн подсчитывает, кто и сколько ему должен.

По отражению луны на воде проскользнула рыба, более крупная, чем прежние. Постоянное разрушение света... Он разрушился, он не мог не разрушиться.

— Обязательно приду посмотреть, как твою статую Ральднора привезут в Зарависс под звуки труб и на повозке, украшенной золотом, — проговорил Чакор.

* * *

Часом позже, идя по Янтарной улице, Чакор услышал по-волчьи осторожные шаги, пытающиеся слиться с его собственными. В Мойе не ждешь нападения разбойников, но это не значит, что в городе их нет совсем. Выхватив кинжал, Чакор развернулся и встретился взглядом с нареченным Аннах.

— Ты держишься, как воин, — сказал последний. — Еще не тянет ко сну? Послушай, прости за откровенность, но не хочется ли тебе девицу? Тут недалеко есть один неплохой дом, рекомендую. Они хорошо меня знали до того, как я сложил себя к ногам Аннах. Девушки в основном из Зарависса, хорошенькие. А насчет денег не беспокойся, я заплачу.

— Это еще почему? — воинственно спросил Чакор.

— А почему бы и нет? — пожал плечами жених Аннах. — Просто сегодня я счастлив.

Его звали Джериш. Он был капитаном сотни в гарнизоне Мойи и говорил на языке Висов с акцентом, полученным от отца-ваткрианца, язык же второго континента был для него родным — дома говорили на нем. Но у Чакора имелось подозрение, что по-ваткриански отец Джериша говорил, наоборот, с висским акцентом.

— Знаешь, что неправильно у вас в Мойе? — спросил Чакор.

— Нет, а что же?

— Вы слишком много даете просто так.

Они не спеша пошли на северо-запад, к улочкам за гоночной трассой. В разноцветной Мойе, освещенной по ночам уличны-

ми лампами, никогда не бывало темно. Подойдя к синталевым деревьям, которые росли в каждом парке и саду города, они почувствовали теплый аромат, плывущий над улицами.

— Через два дня мой отряд выйдет в крепость. Можешь поехать с нами, если угодно. Мы убережем тебя от разбойников на границе.

— А если мне захочется, ты поможешь мне попасть в армию, которой всегда нужны здоровые способные мужчины любой расы и веры.

— Это правда. Не выдам тайны, если скажу, что обычно на нас нападают с моря. И мы хотим показать Новому Элисаару, что сделать это не так-то просто.

— Какая удача для вас. Теперь вы можете забыть об Саардсинмее.

Они разошлись у скотного рынка, мерзкий запах от которого чуть не довел Чакора до обморока. Когда он шел обратно мимо гоночной трассы, то зло сорвал с ворот расписание скачек на завтра.

Даже Анак давала просто так.

В следующий полдень, еле встав с кровати после бессонной ночи, он поставил остатки своих денег на шансарского всадника в черном и выиграл двадцать серебряных парингов по курсу Мойхи.

Потом, подойдя к храму Коррах, Чакор увидел, как на его крыльцо восходит Элисси, и окаменел, решив, что сошел с ума. Ее молоденькая девушка-служанка, стоя у колонны, качала обезьянку на руках, как ребенка. Чакор отошел ко входу в храм, расположенный напротив, и в неистовом бешенстве стал ждать.

Примерно через треть часа Элисси вышла из храма. Бриллиант сверкнул на ее медовой щеке — и тут же потускнел, когда Чакор заступил ей путь.

— Что ты делаешь здесь? — спросил он. Девушка смотрела на корла и молчала, и он добавил: — Или ты ходишь сюда постоянно, чтобы плюнуть на алтарь из ханжества?

— Нет.

— Тогда зачем?

— А ты как думаешь? — стыдливое выражение на лице Элисси сменилось раздражением. — Сюда ходят, чтобы совершать подношения.

— *Что?* Верующая в Анак-Змею пришла в грязное капище неверующих, чтобы сделать подношение? — Чакор намеренно забыл про Эрна и его бога огня. Он видел, как она изо всех сил пытается быть спокойной, словно взрослый, поучающий неразумного капризного ребенка, и поэтому сказал еще громче: — Это женщина-змея от зависти надоумила тебя?

Люди оборачивались на них с доброй усмешкой, не улавливая сути, возможно, считая это обычной ссорой влюбленных. Элисси в замешательстве покраснела, но подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза.

— Анакир не знает зависти. Анакир есть все, — твердо сказала она. — Анакир — имя, которым мы называем самую суть жизни, существование тела и души, земли и вечности. А вы дали

этой сути имя Коррах. И потому я пришла к твоей Коррах и поднесла ей жертву, ибо Анакир не нуждается в жертвах, а кроме того, она *не твоя*.

Чакор мог только смотреть на нее. Она тоже не отводила пылающих агатовых глаз.

— Зачем? — наконец спросил он еще раз.

— Затем, что она сочувствует тебе, если можно так выразиться. Я обратилась к ней, словно выбирала для человека язык, который ему понятен, и просила, чтобы она подарила мир твоей душе.

Он поблагодарил, упустив основной смысл ее слов.

— Но для тебя и твоих людей Коррах не существует.

— Существует все. Посмотри на камешек, который лежит вон там. Ты можешь назвать его «умх», а я — «омм». Но от этого он не перестанет быть камешком и не сдвинется с места. Не так ли?

Неожиданно Чакора захлестнуло волной успокоения. Девушки из Мойхи хорошо владеют искусством спора. И как прекрасна эта, тронутая солнцем почти до искайского оттенка кожи, с огнем в глазах и с волосами, словно раскаленный белый свет, каких нет ни у кого...

— Пощады, — произнес Чакор, употребив термин из элисаарских правил поединков. — Опусти меч, госпожа, ты победила. Приношу свои извинения. Твой отец тоже приносит жертвы Зароку, не так ли?

Она рассмеялась, а он вдруг вспомнил, *зачем* она приносила эту жертву.

Вскоре они оказались в городском саду под желтыми кустами. Обезьянья принцесса забралась на дерево, а служанка убежала купить ягодного сока.

Они говорили об обычных вещах, не только о религии, и Чакор больше не спрашивал ее о подношении. Из призрака Элисси стала для него реальным существом. Внезапно до юноши дошло, что она любит его — но не так безудержно и требовательно, как другие молодые женщины, встреченные им в скитаниях.

Чакор обнаружил, что ему трудно удержаться от хвастовства, ибо хочется стать в ее глазах значительным и красивым. Но он должен был проявлять осторожность. Это рискованно. Она не придорожный цветок, а дочь человека, который оказал Чакору много любезностей и был очень добр к нему.

Но даже каким-то образом сдерживая себя, он все же рассказал ей о своих корнях и о том, что он принц, давно покинувший родной Корл. Он сидел рядом с Элисси под деревьями и рассказывал о гибели Саардсинмеи. Он позволил ей ощутить ту тень, которая была с ним и поныне, когда на его сердце словно упал мертвящий крик миллионов отчаявшихся сердец.

День клонился к закату. Лето тоже клонилось к своему концу. На его ладонь упал цветок с дерева, и он вставил его в волосы девушки. Он надолго замолчал, она тоже. Глядя на них, любой прохожий подумал бы, что в Чакоре есть немного крови Равнин, и они говорят друг с другом без слов.

— Синталь рос в древнем городе на юге, — произнесла Элисси. — На древнем языке это слово значит «волосы богини».

— Как твои, — отозвался Чакор и тут же удивился, как не откусил себе язык.

— Мы считаем, что мы тоже часть Анакир, ибо Анакир во всем, — только и сказала на это Элисси. — В каждом из нас есть частица бога, Чакор.

— Вы верите в то, что души приходят назад, чтобы родиться снова, и на самом деле смерти нет.

— Даже если это и не так, ужас и страх Саардсинмеи ушли. И боль ушла вслед за ними. Если боль приходит к тебе, Чакор эм Корл, позволь ей стать частью тебя — но не становись сам частью этой боли.

Они пошли назад в нарождающемся вечере — еще одна пара среди многих других, — прихлебывая охлажденный сок и расхваливая обезьянку за то, как она вышагивает рядом с ними. Служанка встретила своего возлюбленного, извозчика с Мраморной улицы, и ей позволили погулять до ужина.

Он запретил себе любые вольности. Он даже не взял ее за руку.

За ужином Чакор переговорил с Джеришем, дав согласие выйти в Зарависс вместе с солдатами, и попросил зеева, за которого теперь мог заплатить. Он попытался предложить Эрн-Йиру десять серебряных парингов, но получил твердый отказ.

Позже, выйдя в сад в поисках Элисси, Чакор не нашел ее там. Он расстроился, но и успокоился тоже.

После двух с половиной дней пути до крепости Джериш и его сержант соблазнили Чакора солдатской жизнью. Это было нетрудно, ибо он и без того вскоре после выезда начал в замешательстве раздумывать — зачем ему нужны именно Зарависс или Дорфар, что он там найдет? Он еще раз окинул внимательным взором все свои умения. Чакор всегда был бродягой и считал драку своим ремеслом, но в Элисааре узнал кое-что о колесницах, о хиддраксах и зеебах, о мастерстве меча. Служба в армии показалась ему той же дракой, только в лучших доспехах, и он решил присоединиться к Джеришу и его людям. Волки Равнин, как они себя называли, были жизнерадостной компанией, на три четверти состоящей из желтоволосых людей Мойи и на четверть — из всех прочих. Кожа цвета темной бронзы не лишала права на командование, что подтверждал пример Джериша. В то же время капитан крепости, руководящий дорфарианскими силами мирного времени, имел почти белые волосы.

Кроме того, по истечении оплаченного срока Чакор всегда мог покинуть службу. Как заверил его Джериш, если только Новому Элисаару или Оммосу вдруг не вздумается испробовать на Мойе свои метательные орудия, препятствий к этому не будет.

Оказавшись в казарме и приступив к потогонной военной подготовке, корл сразу же пожелал удрать. Но было поздно. Новобранцам в Мойхи выдавалось жалованье за два месяца вперед,

поэтому за ними хорошо приглядывали. Так что Чакор решил пока не слишком задумываться об этом. Он начал изучать своих собратьев, с которыми мог меряться силой и боевым мастерством так часто, как хотел, а по вечерам отправлялся с ними выпить в деревню близ крепостных стен.

Иногда ему доводилось возвращаться в город, но гораздо чаще он пересекал границу с заравийским Саром, городом ветров, происхождение из которого когда-то приписывал себе герой Ральднор. Чакор потерял связь с Регером, однако Джериш сообщил, что Лидиец все так же работает на Вэйнека. Однажды корл съездил к Эрн-Йиру, но тот снова ушел в плавание, и Чакору не удалось увидеться с ним — равно как и с *ней*...

В последнюю оттепель перед временем долгих снегов проводилась охота на тирров. Эти мерзкие твари прямо-таки кишели в здешних местах, их следы и помет часто встречались на дорогах и тропинках, и ходили истории о бродягах и деревенских детях, отравленных их когтями. Тирров ненавидели даже сильнее, чем волков. Но Чакор, уже охотившийся на них в Корле, знал несколько хороших уловок, которые принесли ему удачу. Они разорили три логова и принесли домой одну неповрежденную голову, плоскую и безухую, и связку когтей — разумеется, лишенных яда, — чтобы украдкой подсовывать их офицерам в блюдо с ужином.

Зима выдалась суровой, и они всемерно проклинали ее, почти ритуально жалуясь на погоду и трудности путешествия до Мойи и Зарависса. Тут и там горели костры. Ночное небо было по-зимнему чистым, так что дозорные на башнях могли бы наблюдать за звездами на элирианский лад. Залив замерз, море сделалось ровной ледяной поверхностью. Вокруг крепости расстилались бескрайние белые поля. Чакор попал в милость к девушке-полукровке из Сара, но та была такой же, как и прочие свободные девушки, с которыми ему довелось встречаться. В пору дождей оттепели их страсть уже изрядно поблекла, и встречи стали реже.

Весной, когда Волки Равнин снова вернулись в городской гарнизон, Джериш и Аннах поженились. За минувшие три месяца Чакор продвинулся по службе и теперь был сержантом отделения, подчиненного непосредственно капитану Мойи. Это означало новый срок заключения в крепости. Но с наступлением приличной погоды, когда открылись дороги на Зарависс, Чакор и сам уже был не прочь остаться там. Теперь ходили истории уже не о тиррах, а о разбойниках на границе. Корла это устраивало, ибо в нем поселилось беспокойство, требующее выхода в бою.

Пока что он поехал на свадьбу. Джериш пригласил его в Отряд налетчиков (так по здешнему обычаю именовалась компания друзей жениха), куда также входили его двоюродные братья из Ваткри, друзья детства и соратники по оружию. Чакор не мог отказаться.

В шуме и веселье он не мог разглядеть Элисси, пока не начались танцы. В Мойхи имелся тип танца, еще не распространившийся на землях Висов, когда мужчина и девушка, взявшись за руки,

вставали в пару, а пары выстраивались в ряд. Элисси образовала пару с солдатом из отряда Диких Котов. Она казалась спокойной и улыбалась, но ее лицо не было таким живым, каким запомнил его Чакор. Он видел, как зима высветлила ее кожу. Мед Иски стал снегом эманакир.

За вечер они перемолвились друг с другом лишь парой слов, желая радости новобрачным.

Прошло много времени с того дня, когда он последний раз жертвовал Коррах вино и масло. Кровавые жертвы любому из богов считались в Мойхи устаревшими и недостойными, кроме специальных случаев, когда туши убитых животных тут же делили на куски и раздавали нуждающимся. Но Анакир никогда не приносили такую жертву. Насколько Чакор знал, ей вообще никогда и ничего не жертвовали.

На следующее утро он выехал назад в крепость, зачем-то решив напоследок проехаться по улицам.

Вдруг в лавке ювелира в Овечьем переулке он увидел Элисси, стоящую в окне — примерно в локоть высотой, сделанную из серебра. Чакор осадил зееба и уставился на нее. В конце концов он решился войти в лавку. Навстречу ему вышел заравиец, и Чакор с удрученным видом указал на статуэтку.

— Хотите купить? — с сомнением произнес заравиец. — Она стоит недешево.

— Кто ее сделал?

— Вижу, вы ценитель. Буду с вами честен, — при этих словах он прямо-таки засветился надувательством, — это работа не мастера. Всего лишь подмастерья, но из прославленной мастерской — из студии Вэйнека. Многообещающий ученик, согласитесь. Иначе разве я взял бы ее на продажу?

Странное подозрение заставило Чакора медленно произнести:

— Элисаарец.

— Готов поверить. Из того несчастного города, который провалился в преисподнюю в прошлом году.

Рассмотрев статуэтку поближе, Чакор понял, что сходство мимолетно. То ли память подшутила над ним, то ли моделью в самом деле была девушка, похожая на Элисси — но только телосложением и прической.

— Очень хороша, — в изумлении произнес корл.

Он покинул лавку, ничего не купив, и заравиец так поклонился ему вслед, что в соседних лавках сдавленно засмеялись, однако Чакор уже не слышал этого.

Разбойник согласился показать убежище своего главаря, прекрасно понимая, что иначе будет под конвоем доставлен в Сар. В Мойе снисходительно относились к преступникам — с них взимали штраф или заключали их в тюрьму. Но в заравийско-дорфарианском Саре разбойникам обычно отрубали руку либо распинали их на террасе перед святилищем богов ветра.

Из двадцати пяти своих людей Чакор отослал пятерых назад в крепость вместе с пленными. Он предвидел засаду в каменистом ущелье. Устроить ее было несложно — сама местность располагала к этому. Убитых разбойников сожгли, как требовал обычай Мойхи, где всех жителей после смерти ждал огонь.

В этой вылазке отряд не потерял ни одного человека, зато местные разбойники оставили в пыли каждого десятого из своих. Чакор и его люди были довольны, хотя в Мойе убийство не считалось поводом для похвальбы.

Теперь крепость осталась в нескольких днях пути. Новые сведения погнали их на северо-восток. Если верить карте Равнин, они уже вышли за пределы Мойхи, разбив лагерь в прямой видимости заравийской границы. До разбойничьего укрытия они доберутся завтра утром, но Чакор опасался ночного нападения, ибо главарь разбойников мог послать кого-то из своих на разведку.

Едва над костром с едой поднялся ленивый дымок, как дозорный заметил какое-то движение на пустынной местности в трех милях от лагеря. Время от времени там кружилась пыль, подсвеченная солнцем, но лишь в одном, четко определенном месте.

— Там что, пыльная буря? — нервно спросил Чакор, еще не привыкший к жизни на Равнинах.

— Нет, ваша честь, — отозвался солдат. — Слишком рано для этого времени года. Еще слишком мало пыли.

— Шутишь? — усмехнулся Чакор. Как и дозорный, он был покрыт пылью с головы до ног.

Тот усмехнулся в ответ.

— Если я не ошибаюсь, ваша честь, то там, где пляшет пыль, стоят приграничные Драконьи врата.

Чакор уже несколько раз видел Врата, проезжая сквозь них по дороге в Сар. Они вызывали в нем суеверное чувство, заставляя взывать к Коррах — но и только. Заявив, что обязан поехать туда и посмотреть, он распорядился не привлекать к лагерю внимание возможных наблюдателей и вместе с тремя людьми ускакал на север. По левую руку от него медленно садилось солнце.

Чем дальше они ехали, тем больше Чакору казалось, что в вечере есть нечто зловещее. У него не было объяснения этому — разве что красный свет заката, долгий утомительный переход и обрывки команд, крутящиеся в голове во время скачки плечом к плечу с другими солдатами. Или, может быть, что-то, связанное с погодой. Они слышали о летнем граде и наводнениях далеко на севере, о подземных толчках в Дорфаре, которые уже стали там привычны и не вызывали тревоги, ибо ни один из них не был столь вредоносным, чтобы заставить население кинуться в храмы. Однако его чувствительность не была чрезмерной. Даже если клубящаяся пыль имела отношение к главарю разбойников (в чем Чакор сомневался) — четверо вооруженных людей, в доспехах, на верховых зеебах, смогут постоять за себя.

Когда они преодолели последнюю милю и сквозь пыль, словно призраки, проступили очертания Врат, кожа Чакора по-

крылась мурашками. Жители Равнин, не задумываясь, назвали бы это чувство «присутствием Анакир», как они называли любое странное незнакомое ощущение.

Затем они услышали крик — человеческий, но гневный и полный отчаяния. А следом — протяжный утробный рык тирра.

Двое из солдат были вооружены длинными копьями. Чакор отдал приказ, и они понеслись сквозь пыль.

Им открылось устрашающее зрелище: каменистый склон, сожженные солнцем деревья и никем не запряженный фургон, скользящий по склону в клубах пыли, готовый опрокинуться. Два человека пытались удержать его от падения, одновременно отбиваясь дымящими факелами, чье пламя было почти неразличимо на фоне заката. Шесть тирров припали к земле или драли когтями стены фургона. Время от времени та или другая тварь встречалась с огнем факела и отползала в сторону.

— Анак! — воскликнул полукровка с копьем.

Никто не медлил. В следующий миг железо пригвоздило к земле двоих тирров. Третий зверь развернулся и бросился на них. Чакор ударил зеева и направил его прямо на тирра, видя только смертельно отточенные когти и налитые кровью монеты глаз. В последний момент корл уклонился, его меч полоснул по шее твари. Зверь рухнул, и Чакор еле успел отдернуть зеева от его смертоносных когтей. Он обернулся и увидел, что один из копьеносцев взял на копье четвертого тирра, а пятый готовится прыгнуть на спину солдату без копья, который не рискует пронзить его мечом. Этот зверь был самкой с торчащими из меха желтоватыми сосками. Что ж, больше ей не кормить щенков.

Последняя тварь пригнулась к земле, озлобленная и лишенная сил. Тот, кто охотился на них, знает, что тирры предпочитают убивать, а не защищаться. Имея возможность убежать, они зачастую не делают этого, если считают, что еще могут ранить. Даже здоровые мужчины редко выживают после удара лапой тирра, если не очистить рану за пять минут. А для хрупкой женщины или ребенка и вовсе нет никакой надежды.

Чакор смотрел в красные глаза твари, в которых было что-то неестественное. Интересно, могли бы он и его люди пожалеть это животное? Неожиданно Чакор вспомнил имя, которым Регер назвал свою любовницу-эманакир — Аз'тира. Оно было созвучно другому слову — тирр. Эта мысль была неуместной и беспокоящей.

— Кончайте его! — выкрикнул Чакор.

Копье в четвертый раз обрушилось на зверя. Тирр, уже готовый кинуться на человека и смять его, тяжело завалился на спину и упал замертво. Один из прочих тирров все еще бился в судорогах. Однако никто не подходил, чтобы добить его из жалости — это продолжало оставаться опасным.

Двое в фургоне перестали шуметь и погасили факелы. Один из них, заравиец, выпрыгнул наружу и с помощью солдата-полукровки застопорил колеса камнями. За ним из укрытия вылез другой человек. Он не был заравийцем, но тоже имел темную кожу и волосы Виса, пусть и покрытые пылью Равнин.

— Вы солдаты из мойхийской крепости, не так ли?

— Совершенно верно, — ответил Чакор.

— Что ж, сержант, сегодня вечером вы спасли нам жизнь. Но смею думать, мы заслужили это. Что за день у нас был! Сначала нас ограбили — мы лишились зеебов и оружия, не говоря уже о невосстановимых образцах моего нанимателя. Потом на нас напали тирры. Не иначе ваша великая богиня послала вас нам на помощь!

«Богиня Коррах», — решительно подумал Чакор, но склонил голову. Его люди занимались тушами зверей. Последний умирающий тирр испустил дух. Спешившись, Чакор подошел к высокому человеку средних лет, но удивительной живости и энергии. Когда мужчина повернулся и тоже сделал шаг к нему, протягивая руку в приветствии, Чакор остолбенел. Над ним разверзлось полыхающее небо. Человек из повозки был Регером, но Регером через двадцать лет. Сержант Мойхи ответно протянул руку.

— Чакор эм Корл, — дружелюбно произнес он, чувствуя, как пьянеет от нахлынувшего понимания.

— Йеннеф эм Ланн. Но сейчас уже кажется, что родом отовсюду.

Примерно в сотне шагов от них поднимались ввысь, теряясь в наползающих сумерках, две огромные, белые, ничем не украшенные колонны Драконьих врат.

— Наше приключение случилось в историческом месте, — заметил Йеннеф, отец Регера, взглянув на них. — Говорят, первые короли Висов, прилетев в животах драконов, опустились на землю именно здесь?

— Это мифы Дорфара, — пожал плечами Чакор. — А мы сейчас на Равнинах. Идемте в наш лагерь, выпьем за то, чтобы грабителям недолго оставалось здравствовать.

Они в очередной раз поужинали жареными сусликами и сухим печеньем с неплохим вином из деревни близ крепости, разбавленным водой.

Когда стемнело, а над головой обильно высыпали лучезарные звезды Равнин, все сели беседовать у костра. Йеннеф производил впечатление очень общительного человека. Он много путешествовал и не без основания говорил о себе «я отовсюду» — бывал в Ланнелире, Междуземье, Вардийском Закорисе... и в Иске, отметил про себя Чакор. Это был истинный странник, каким мог бы стать — или еще станет — Чакор. Йеннеф тоже «немного служил в юности». Сейчас же он добывал себе хлеб как посредник торговой гильдии Зарара, и, конечно, его хозяин не обрадуется тому, что Йеннефа ограбили. Чакор коротко описал свой план налета на разбойников, и Йеннеф немедленно предложил свою помощь.

— Если ты выделишь мне скакуна и меч, клянусь, я еще могу сражаться, особенно после сегодняшнего.

— И подчиняться приказам? — уточнил Чакор.

— Думаю, что никогда не служил под началом такого молодого офицера, когда сам был молод. Но буду слушаться, —

ответил Йеннеф. Однако заравийца он не захотел взять с собой. Он был его слугой и, по его словам, не отличался силой, а храбрость в сражении с тиррами проявил исключительно от отчаяния.

Время Застис еще не пришло, луна тоже не взошла. Через час Чакор послал своих людей разведать склоны, где они обнаружили погруженное в сон разбойничье логово. Ему детально описали это место, и новые сведения совпали с полученными ранее. Собрав людей, оставив заравийца и двоих часовых поддерживать видимость стоянки в лагере, окруженном кольцом огня, они отправились.

Отряд пришел на место к полуночи и быстро расправился с разбойниками, застав их спящими. Копья пригвоздили часовых к земле, и схватка перешла в рукопашную. Логово находилось под насыпью, на вершине которой сохранились развалины старых стен. Около тридцати негодяев были сброшены с гребня холма или выкурены из своих нор. Трое-четверо из них оказались полукровками, а у их предводителя были светло-серые глаза. Бой кончился быстро, исход его был ясен заранее, так как разбойники привыкли иметь дело с безоружными горожанами. Однако выяснилось, что Йеннефа ограбила совсем другая шайка, и никто не знал, куда делись эти паразиты, не умеющие убивать, вместе с заравийскими товарами. Но все же в этих грязных норах они взяли кое-какую добычу, и Йеннефу, который проявил себя достойно, обещали выдать возмещение, чтобы успокоить его хозяина.

Еще до рассвета всех сдавшихся повязали и заставили готовить костры для своих мертвых. В отряде Чакора оказалось лишь три серьезных ранения. Так как фургон Йеннефа направлялся в крепость, было решено перевезти в нем раненых и добычу.

Йеннеф ехал на запад рядом с Чакором. Вечером у костра он снова рассказывал истории и всю дорогу вел себя дружелюбно и отзывчиво. Но когда Чакор, отдав ему обещанное и отчаянно желая привезти его в Мойю, предложил ему и дальше ехать вместе, Йеннеф отказался.

— Фургон тащится медленно, даже если запрячь в него прекрасных зеебов из вашей крепости. Мы будем вас задерживать.

Чакор, которому, как и прочим Висам северо-запада, было крайне отвратительно мужеложство, невольно подумал, уж не любовники ли Йеннеф и его скромный слуга-заравиец и потому не хотят, чтобы кто-то мешал им. Но поскольку человека, зачавшего Регера, было сложно заподозрить в чем-то подобном, видимо, дело заключалось в какой-то другой тайне.

— Ладно, — сказал он, когда они входили в крепость. — Ты знаешь, где остановишься в Мойе?

— О, на каком-нибудь постоялом дворе.

— Не сочти меня надоедливым, просто я отвечаю за это возмещение, которое выдал тебе. Мне надо будет встретиться с тобой в городе.

— Ах, возмещение... В таком случае, сержант, есть ли у вас в городе славная винная лавка под названием «Ножка с янтарным браслетом»?

— Конечно. На Янтарной улице. Я сам готов ее рекомендовать. Там выпивают многие дорфарианцы.

— Правда? Мне рассказал о ней заравиец. Заходи туда и спрашивай обо мне. Когда я получу твое послание, то сам найду тебя.

Чакору, у которого тоже не было постоянного жилья в городе, показалось, что они играют в какую-то игру.

— Тогда так: зайди в «Ножку» в первый вечер следующего месяца.

— Уже придет время Застис. Ты уверен, что не пойдешь еще куда-нибудь?

— Уверен.

Йеннеф окинул его странным взглядом. Неужели теперь *он* подумал, что ему хотят что-то предложить?

— Ты слишком великодушен, — заметил ланнец. — Не много ли заботы в ответ на несколько кривых ударов взятым в долг мечом?

— Это закон Мойи, — ответил Чакор. — Даже испытывай я к тебе тайную ненависть, друг мой, я все равно поступил бы так же.

Он мчался в город на полном скаку. За полмили до цели, видимо, для пущего драматизма, небо стало лиловым, и на него обрушилась летняя гроза невероятной силы.

Прибыв в город, он первым делом направился в мастерскую Вэйнека на Мраморной улице.

Над Мойей тоже лился дождь, и ради этого на крыше стояли ведра и ковши — дождевая вода, если только не дул соленый ветер с моря, подходила для нужд мастерской лучше, чем взятая из общественных емкостей. Вэйнек отсутствовал, подмастерья тоже разбежались — мастерская пустовала. Лишь у прилавка снаружи стояли слуга и какой-то богатый лентяй смешанных кровей, перебирающий резные вещицы из кости в поисках «чего-нибудь такого». Не было и Регера. Приказчик, торопясь на обед, сообщил Чакору, что о Регере можно спросить в доме Эрн-Йира.

Чакор снова вскочил в седло и под проливным дождем понесся по улочкам, превратившимся в реки.

От Джериша, который, женившись, жил с Аннах на Янтарной улице, он знал, что ее отец ушел на «Красотке» вдоль заравийских берегов и далее к Оммосу. Привратник в передней сказал Чакору, что жены Эрн-Йира сейчас тоже нет дома — она ушла вышивать к подруге. Самое время было разузнать о местонахождении Регера, как вдруг в дверях встала младшая дочь Эрн-Йира.

Привратник замолчал. Чакор и Элисси так же молча уставились друг на друга.

Возбужденный после быстрой скачки и вымокший насквозь под дождем, что все еще стучал по крыше, он горел как огонь. Она была ослепительно красива с садовыми цветами в руках — она расставляла их в вазы, — уже обласканная летним солнцем, но сейчас неестественно бледная.

— Спасибо, — поблагодарила она привратника и обратилась к Чакору: — Не зайдешь ли сюда?

Встреча потрясла его. Он думал об Элисси, постоянно вспоминал ее в связи с множеством самых разных вещей. Сейчас, как и

всегда в ее присутствии, на него нахлынула волна успокоения. Он, в свою очередь, поблагодарил ее и прошел в комнату, окна которой выходили в сад.

Девушка положила цветы на стол. Она стояла и смотрела на него, все ее тело напряглось в одном вопросе.

Озабоченный своим собственным вопросом, Чакор не подумал, как будет выглядеть в ее глазах его появление. Она видела, что он примчался издалека, сквозь дождь, гонимый страстной целью. И так как она хотела оказаться этой целью, то разве могла решить иначе?

— Элисси, я надеюсь, что ты простишь мой вид и поспешность, но это дело большой важности... — начал он.

Она продолжала стоять и смотреть на него. Что-то промелькнуло меж ними, но Чакор не мог в один миг взять и развернуть в сторону то, что двигало им последние несколько дней.

— Мне нужно поговорить с Регером Лидийцем, — сказал он. Она побледнела еще сильнее, став почти белой. — Я... мне сказали, что он здесь... — закончил Чакор, не слыша, что говорит. Только сейчас он наконец понял, о чем она могла подумать.

Она опустила глаза и подошла к столу, на котором оставила цветы.

— Я очень сожалею, Чакор, но его здесь нет. Разве Джериш не сказал тебе, что он снимает квартиру близ Академии? Если его нет в мастерской Вэйнека, то...

— Элисси, — перебил ее Чакор.

Она расставляла цветы в вазе, и ее руки не дрожали.

— Конечно же, он приходит в гости к отцу. Но сейчас отец в плавании.

— Элисси...

Она осеклась, посмотрела на него и покачала головой, словно говоря: «Это глупая ошибка, ничего не случилось».

Чакор вдруг понял, что, возможно, даже не предстоящая поразительная встреча Йеннефа эм Ланна с Регером эм Ли-Дис заставила его мчаться сюда, в Мойю, в разгар грозы. Конечно, Джериш говорил ему, что Регер живет около Академии оружия, где все еще занимается тренировками — сейчас юноша вспомнил об этом. Приказчик Вэйнека тоже сказал, что мастер вернется через полчаса или час, Чакор мог бы дождаться его. И не приказчик, а он сам сказал себе, что Регера можно найти в доме Эрн-Йира. Приказчик сказал лишь, что там можно спросить о нем. Излишне. В этой неразберихе главным для него было — примчаться сюда...

Сама судьба предстала перед Чакором на Равнинах, воплощенная в отце Регера, в согласии со сверхчувственным пророчеством, сделанным почти год назад. Судьба — если угодно, можно звать ее Анакир — в самом деле существовала. Может быть, он всегда предполагал это, хотел этого чувства поддержки, понимания, что по жизни тебя несет на чьей-то ладони. Все, что ты делаешь или чувствуешь, можно отпустить от себя и отдаться в руки судьбы. Падать и плыть в другой мир...

Склонившись над цветами, укрытая тенью, Элисси напомнила ему серебряную статуэтку.

— Я пришел не за тем, о чем сказал тебе, — отчаянно выговорил Чакор. — Разве что сначала, но сейчас уже не так. Если я поговорю с твоим отцом, он не выкинет меня из самого верхнего окна?

— О чем? — спросила она бесцветным голосом. Неужели она не услышала, как над домом ударила молния?

— О тебе. Разве у вас не в обычае просить позволения у отца девушки?

— Что ты сказал, Чакор? — она снова оставила цветы, но не повернулась к нему.

Что он сказал? Раньше он говорил: я умру за тебя, позволь обладать тобой. Иногда даже добавлял лживое признание в любви. И тогда мягкая постель или теплый склон холма принимали их в свои объятия.

Он привел мысли в порядок и, не желая позорить себя сладкими словами, которые говорил когда-то, произнес вместо них древний свадебный обет принцев Корла:

— Перед богиней я беру тебя, чтобы обладать тобой сейчас и до конца дней. Ты — моя, как плоть моя. Как кости мои нужны мне, так и ты мне нужна. Я отдам свою кровь за тебя. С тобой я пойду за магией дарения жизни. Богиня — женщина. Она слышит мои слова. И не быть мне более мужчиной, если я отступлю от них.

Он был стар, этот обет — едва ли не так же стар, как джунгли и болота, как первые люди, умеющие говорить и знающие, что принадлежат Коррах. Чакор много раз слышал эти слова от своего отца, когда тот женился еще на одной женщине. Вседневная жизнь Корла обесценила их. Но они оставались Словами, и он вручил их ей, бледной девушке Равнин. Пылающий и гордый, удивленный и воодушевленный, он добавил:

— По законам Корла я взял тебя в жены. Но по законам Мойи, я знаю, мы должны обручиться. Если только твой отец дозволит мне обладать тобой, прекрасная Элисси.

Она дождалась, пока он замолчал. Взяв еще один цветок, она опустила его в вазу. Гроза закончилась, дождь постепенно стихал. Чакор остыл.

— Скажи мне наконец «да», — поторопил он.

— Нет, — ответила Элисси.

Месяцы спустя она уверяла его, что это не было мелкой женской местью. Поворот случился столь внезапно, что она ему не поверила. Она ответила так, боясь, что он может пожалеть о своих словах. А может быть, на нее просто снизошло озарение. Ведь Чакор был воином и охотником, и согласие, полученное так легко, без борьбы, не имело бы для него цены. Она же дала ему погоню и сражение. Оттолкнув его, она поселила в нем уверенность, что он желает только ее и пронесет это желание сквозь всю пору Застис.

Во второй половине дня пришло сообщение, что на берег высаживаются элисаарские пираты, и Чакор был отозван в крепость.

 Дело с Регером и его отцом приостановилось. То ли человек,

которого Чакор послал в «Ножку с браслетом», упустил Йеннефа, то ли ланнец просто не появился там.

Чакор был уверен, что известит Регера, как только кончится боевая тревога, и он выловит Йеннефа. Но когда тревога кончилась, его одолела неуверенность. Все ли так просто, как ему кажется? Возможно, он сам вообразил это сходство. Чувство судьбы, перечеркнутое отказом Элисси, ослабело и отступило.

Она дала согласие незадолго до прихода зимы, когда цветы синталя начали осыпаться с деревьев, источая приторный аромат, от которого рыбы в пруду Эрн-Йира совсем опьянели. Эрн, вернувшийся из удачного плавания, был заранее согласен. Найти Регера так и не удалось, а Йеннеф стал всего лишь наваждением, которое помогло найти любовь.

— Да, я люблю тебя, — сказала Элисси.

Она обвила руками его шею, и Чакор целовал, целовал девушку, думая, что на всей земле нет ничего более сладостного, живого и святого, ибо она вынудила его так долго ждать этого... Любовники, что истинно любят, сами как боги — так говорили поэты в Свободном Элисааре.

— Конечно, — кивнула она, — это тоже Анакир.

Так Чакор понял, что сочетается браком с Мойхи, с Равнинами, со сном змеиной богини. Это была воистину мойская свадьба.

Глава 15. Замысел Анакир

Отряд налетчиков двигался походным маршем вверх по Янтарной улице под грохот барабанов, звон гонгов и жужжание трещоток, размахивая факелами. Толпы жителей Мойи высыпали на вечерние улицы, хлопая в ладоши, желая им удачи и замечая, что жених на редкость красив.

Чакор, что почти два года назад пришел в город, не имея ни друзей, ни занятия, теперь был капитаном, командиром сотни, и в свадебной процессии, придавая ей еще больше сходства с военным отрядом, рядом с ним шли двое других капитанов и майор — Джериш. Они задыхались от смеха, обменивались жестами и, как велел обычай, угрожали предать огню дом Эрн-Йира, если тот откажет им. Поглощенный игрой, вжившийся в роль и сходящий с ума от того, что идет к девушке, которую из-за проклятого обычая не мог видеть почти семь дней, Чакор меньше всего думал о Регере, которому мимоходом передал приглашение на пир, или о человеке, которого некогда встретил у Драконьих врат.

В «Ножке с янтарным браслетом» кипела жизнь, и когда через открытые двери увидели Отряд налетчиков, толпа пьющих с криками вышла на улицу, предлагая проходящим выпить из их чаш. Это тоже было частью обычая, и пока молодые люди подкреплялись, крики не умолкали.

— Ты заставишь этого негодяя отдать ее! Спали ему дом, если он не захочет!

Девушка, разносящая вино, подбежала к Чакору и поцеловала его. Когда она отодвинулась, он увидел, что в пяти шагах от него стоит Йеннеф эм Ланн.

Чакор встретился с его глазами, отнюдь не горящими радостью встречи, и громко кашлянул. Ланнец мгновенно исчез, видимо, скользнув обратно в таверну.

— Джериш, Баэд и прочие мои друзья, — произнес Чакор. — Здесь человек, которого я приглашал на свою свадьбу, но он не пришел.

— Должно быть, друг ее мерзкого папаши! — воскликнул капитан Баэд, распаляясь все больше. — Держи его!

Йеннеф оказался не настолько быстрым, чтобы вырваться, когда со всех сторон на него шумно навалились гуляки из таверны.

— Не пошел на его свадьбу? Бей урода!

— Новая приятная встреча, — усмехнулся Йеннеф, когда его доставили к Чакору. — Как я понял, ты идешь требовать невесту, сержант?

— Я уже капитан, дружище, — ответил Чакор, обнимая Йеннефа. — Со мной ты будешь так счастлив...

— До предела. Что еще? — спросил ланнец. Но Чакор уже повернулся к Джеришу.

— Его-то я и имел в виду. Кроме шуток, не дайте этому человеку удрать.

— Тише, — положил ему руку на плечо Джериш. — Ты должен думать только об Элисси.

— Ну да. Но это касается Анакир.

Джериш вскинул брови. Слова Чакора удивили его, но как бы то ни было, он сказал Баэду:

— Мы должны присмотреть за тем человеком. Это серьезно, понял?

Баэд с готовностью кивнул. Когда Отряд налетчиков двинулся дальше, Йеннеф оказался в его середине.

— Открывайте двери! Открывайте двери!

Соседи высыпали на балконы и, свешиваясь через перила, бросали им ленты и цветы.

— Открывайте, или мы подожжем вас!

Двери распахнулись. Увешанный знаками отличия, с обнаженным мечом в руке, в зале стоял Эрн-Йир.

— Вы не получите мою дочь.

— Я поклялся, что она будет моей, — звенящим голосом ответил Чакор, наслаждаясь действом. — Я клялся в этом своими богами. И Анакир, — добавил он, глядя в лицо Эрн-Йиру.

— Нет, — возразил Эрн-Йир. — Моя дочь останется со мной. Она — моя драгоценность.

— Она будет моей, — настаивал Чакор. — Вы со мной, друзья? — обратился он к Налетчикам. Те завопили и затопали ногами. Слуги Эрн-Йира заполнили зал, широко усмехаясь и потрясая дубинами.

Затем со ступеней лестницы заговорил жрец.

— Мужчины, теперь послушайте голос женщины.

И по лестнице спустилась Элисси.

На ней было мойхийское свадебное платье, поколениями переходящее от матери к дочери, от сестры к сестре, от тетки к племяннице — свободное одеяние из полотна, протканного золотой нитью, перетянутое под грудью поясом из белого шелка. С прически невесты спускалась сверкающая вуаль, желтая, как цветы синталя. Как и положено невесте, она казалась более прекрасной, чем сама жизнь.

— Отец мой, ты дорог мне, — произнесла она. — Но это естественно, что я должна уйти от тебя. Вот мужчина, которого я выбрала.

Эрн-Йир опустил меч и притворно заплакал. А Чакор, на родине которого мужчине не дозволялось проливать слезы ни по какому поводу, уже забыл о нем в ожидании, когда Элисси ступит на пол и возьмет его за руку, что она и сделала.

За ней спустился жрец в темном облачении, тоже с каймой из золота, и перед лицом всех свидетелей возложил на их руки меч, брошенный Эрн-Йиром, осененный незримым присутствием то ли того, чему нет имени, сущности богини, то ли их собственных душ, а может быть, звезд, поднявшихся над крышей дома.

Свадебный пир, для которого соединили три смежные комнаты, сняв с петель тяжелые двустворчатые двери, плыл сквозь ночь, подобно сияющему кораблю.

С некоторым интересом Вэйнек обнаружил рядом с собой жениха, очаровательного и не вполне трезвого.

— Где ваш подмастерье, мастер Вэйнек?

— Какой?

— Очень одаренный. Тот, чье серебряное литье попало в Овечий переулок.

— Мы уже достигли большего... — произнес Вэйнек, растерявшись. — Ты говоришь о Регере эм Ли?

— Только не говорите, что его тут нет.

— Смею думать, что он здесь, если ты приглашал его. Попробуй вот эти соленые сливы.

— Очень нежные. Но я должен найти его, пока не забыл о нем окончательно.

— Хм, — протянул Вэйнек и подозвал другого мужчину со странно искаженными пропорциями тела — его мускулистые шея, торс и руки опирались на короткие кривые ноги карлика. — Ты не видел Лидийца?

— В окружении женщин, — мирно ответил тот. — Он обсуждал цены на бронзу с палубным офицером Эрна.

Он провел Чакора через три комнаты, представившись по пути как скульптор Мур. Имя было произнесено с застенчивостью, заставившей Чакора заподозрить, что Мур хорошо известен в Мойхи.

У него хватило житейской мудрости поблагодарить скульптора за то, что тот пришел на его свадьбу.

Последняя комната выходила на лестницу, ведущую в сад. Там стояли Регер, две мойские красавицы — одна черноволосая, другая с гривой цвета шафрана, — палубный офицер Эрна и еще несколько человек.

Мур замер, осматривая сцену, и указал на Лидийца, словно Чакор не знал его.

— Какой Ральднор! — произнес он спустя мгновение. Его лицо выражало восхищение, не имеющее ничего общего с чувственным. — Он профессионально сражался в Саардсинмее. Клянусь богиней, он вряд ли смог бы сделать свое тело лучше, даже изваяв его, — Мур дернул себя за губу. — Вы слышали о происшествии?

— В крепости мы мало что слышим...

— Это была статуя в два его роста, высеченная из лучшего мрамора. Я сам руководил обтесыванием блока. Я работал день и ночь. С таким камнем и такой моделью это не труд, а истинное наслаждение. Оконченная, она казалась мне одной из лучших моих работ, кроме выражения лица — тут я никогда не примирюсь с собой.

Чакор обеспокоенно взглянул через плечо Мура. За три комнаты отсюда цвела Элисси. Коррах-Анакир, ускорь его рассказ!

— Черты лица у него совершенно королевские. Здесь у меня не было проблем. Это не то что взять тело от одного, а голову от другого — к Эарлу такую работу. Но возникла какая-то трудность. Пойми я, в чем она заключается, я мог бы преодолеть ее... — Мур сделал знак левой рукой, отгоняя дурные мысли. — В общем, статуя была закончена в срок, невзирая на мои придирки. Затем ее под охраной повезли в Зарависс. Но в паре миль от зимнего дворца в Зараре буквально с чистого неба разразилась странная гроза. Река вышла из берегов и хлынула на процессию. Зеебы взбесились, когда их затопило до подпруг. Людей накрыло так, что они едва не утонули. Платформа перевернулась, и голова статуи разлетелась на осколки.

Чакор быстро помянул богов. Такой дурной знак охладил даже его горячее нетерпение.

— Регер знает об этом?

— Да. Но он воспринял это благоразумно. Колесничие говорят: если человек на трассе шарахается от каждой тени, то выбывает из скачек на первом же круге.

— А что король Зарависса?

— Отказался от статуи и любого возмещения. Сказал, что боги против. Но все еще расплачивается с нами.

В этот миг Регер повернулся и увидел их.

Да, он мог быть королем. Его не раз называли так в Элисаарс, в любовных речах. Он не изменился: тело, закаленное упражнениями, все еще было совершенством во плоти — необыкновенно высокий рост, идеальное сложение, ничего лишнего. Но больше он не одевался как лорд — это время кончилось. Его наряд, лишенный украшений, был таким, какой подобает хорошему ремесленнику в праздник. Король в чужом обличье...

Он подошел к Чакору.

— Мои искренние поздравления.

— С удовольствием принимаю их. Наполни чашу. Я хочу, чтобы ты встретился с одним из моих гостей.

Женщины на лестнице опечаленно вздохнули, когда Чакор увел Регера обратно в дом.

Они снабдили высокого привлекательного ланнца какой-то едой и заперли наверху в приемной. Знал ли об этом Эрн — неизвестно. Время от времени неподалеку мелькали то Джериш и Аннах, то светлокожий желтоволосый брат Джериша и его оммосская жена, точно отлитая из меди. Один раз из-за двери донесся какой-то стук. Сквозь шум пира его почти не было слышно, однако оммоска подошла к двери и твердо сказала: «Господин, хоть вы и ланнец, не стройте из себя героя Яннула. А ну тихо!»

— Он там, — сообщил Чакор, проводив Регера к двери. Видимо, он считал, что тот уже знает, о ком идет речь, ибо они оба действовали внутри замысла богини.

— Кто это? — спросил Регер.

— Последний из приглашенных на мою свадьбу.

— А зачем ты его запер? Он что, не в себе?

— Возможно, сейчас это уже так. Поэтому я и привел тебя сюда, Клинок. Разберись с ним.

Чакор отпер дверь и пропустил Регера к проходу. Помедлив, тот вошел в комнату. Чакор тут же закрыл дверь за его спиной и запер ее. Мгновение он прислушивался, пытаясь различить шум борьбы, но внутри было тихо, и он увел своих сообщников прочь.

Йеннеф пил вино и ел ароматные хлебцы.

— Полагаю, объяснений ждать бесполезно, — заметил он, взглянув на вошедшего. — Помимо всего прочего, это же свадебный пир.

Вошедший был темным Висом, возможно, даже чуть выше самого Йеннефа. Сильный, уверенный в себе, манеры почти дорфарианские. Но когда он заговорил, его выдало произношение Свободного Элисаара.

— Возможно, почтенный, ты согласишься принять как объяснение и извинение тот факт, что ты — мой отец.

Йеннеф сощурился и посмотрел на него более внимательно, затем отпил вина из чаши.

— Что ж, я то и дело сталкиваюсь с подобными обвинениями. Правда, обычно они исходят от женщин.

— Моя мать живет в Иске. Или уже умерла. Но это не обвинение. Это факт, как я уже сказал.

— А откуда известно, что я бывал в Иске? — ланнец окинул его холодным и сдержанным взглядом.

— Бывал. Это случилось зимой. Она говорила, что тебя ограбили.

— О нет, дорогой мой, — возразил Йеннеф. — Это случилось прошлым летом в здешних краях. Разбойники у Драконьих врат.

— Тогда у тебя есть склонность попадаться грабителям, почтеннейший. Она нашла тебя неподалеку от фермы, истощенного, с ножевой раной на руке, и уговорила мужчин дать тебе убежище в собачьем загоне, — в этом месте Йеннеф зло выругался. — Когда ты восстановил силы, то ушел с фермы своим путем, но прежде взял мою мать. Ее звали Тхиу.

— Взял? Ты хочешь сказать, что я изнасиловал ее?

— Она пришла к тебе. Она предложила себя, и ты принял.

— В самом деле? Похоже, в искайских горах человек оказывается в отчаянном положении. Если я там был.

— Ты оставил ей знак.

— Что ж, человек находит то, что ему нужно. Без сомнения, ты нашел его.

— Элисаарский дрэк из золота, крепленого медью.

— О, должно быть, она оказалась пылкой любовницей. В те дни у меня редко водились деньги.

— Так ты вспомнил это время?

— Нет, — отрезал Йеннеф. — Но судя по твоему виду, это произошло около двадцати пяти лет назад.

— Немного больше.

— Ах, немного больше, — Йеннеф сделал еще глоток вина. — Ты из Элисаара. Не пытайся врать.

— Мужчины с фермы продали меня в рабство, и меня увезли в Элисаар.

— Ты совсем не похож на раба.

— Я был Клинком Саардсинмеи.

— А вот в это я верю, — под нарочитым безразличием Йеннефа мелькнула завороженность. — Я насмотрелся на бои и гонки. Саардсинмея всегда оказывалась лучше всех — и проиграла лучше всех. Должно быть, сама Анак держала тебя в руках, если ты пережил свой город.

— Здесь считают, что Анакир держит в своих руках все, что только есть.

— Ее рук на это хватит, — легкомысленно заметил Йеннеф. Его разум норовил ускользнуть. Всякий раз, когда ланнцу случалось выпить желтого вина, ему казалось, что он провалился в иные годы и места. Конечно же, он бывал в Иске, в Корле и в Вар-Закорисе. Тогда он был безумным путешественником, злым, молодым и немного наивным, верящим в истории о сокровищах. Он мало что мог вспомнить — бесплодная авантюра, долгие странствия... Бессчетные смелые вылазки и почти столь же бессчетные женщины — темные и смуглые, с гладкой кожей и волной ночных волос...

— Так ты попросил своих друзей схватить меня на улице, поскольку претендуешь на то, что я твой отец?

— Нет, — ответил молодой человек. — Я был столь же поражен, увидев тебя здесь. Но не сомневаюсь, что они узнали тебя.

— Понятно. Все потому, что мы похожи. Это должно наводить на какие-то догадки.

— Разве у тебя нет шрама от ножа на левой руке? — спокойно спросил молодой человек. Он оставался вежливым, несмотря на все попытки Йеннефа задеть его.

— Два или три, — с этими словами Йеннеф допил вино. — Хочешь, подниму рукав? А ты сам выберешь тот, который получен в Иске.

— Как видишь, у нас нет никаких дел друг с другом, — сказал молодой человек. — Кроме нескольких вопросов, которые мне хотелось бы задать.

— Я не богат. В любом случае в Дорфаре у меня есть законная жена и три законных сына.

— Мои вопросы не относятся к твоему имуществу, почтеннейший.

— Йеннеф. Зови меня по имени. У меня же нет древней седой бороды, — вино уже ударило ланнцу в голову. — Предпочитаю быть твоим ровесником, а не столетним старцем. У моих сыновей гораздо меньше уважения ко мне, уверяю тебя. А моя жена — жадная сварливая крыса.

— Тогда я не стану простить тебя поднять рукав, — настойчиво и спокойно продолжил молодой человек. — Я подниму свой.

Положив руку на плетеный кожаный браслет — знак Гильдии художников Мойи, знакомый Йеннефу, — он развязал и снял его. Приблизившись, молодой человек в свете лампы показал худую тренированную руку и мускулистое предплечье профессионального бойца, которое обвивал единственный шрам, заканчивающийся на запястье. И там, где он кончался, на месте, обычно скрытом браслетом, прямо из кожи росло кольцо тусклых серебряных чешуек.

— Непохоже на шрамы от ножей? — спросил он. — Ответь мне, Йеннеф, есть ли у тебя такая отметина?

У Йеннефа закружилась голова. Наконец пелена лет спала. Внезапно он вспомнил горную долину, бело-голубой смертельно острый снег и теплую красавицу, тонкую, как кость, которая нашла его среди скал в обнимку с собакой.

— У меня — нет, — ответил он. — Но у моего отца был такой же нарост. Как и у тебя, на левой руке. Только он был шире и спускался ниже, до основания большого пальца. И он никогда не прятал его. Он им гордился, даже носил одежду с чуть укороченным левым рукавом, чтобы его было видно. Ты знаешь, что это?

— Знак змеи, мета рода Амрека, Повелителя Гроз.

Йеннеф встряхнулся, пытаясь выбраться из одного измерения в другое, из прошлого в настоящее.

— Кто тебе рассказал об этом? Твоя мать?

— Нет, не она. Ведьма с Равнин.

— О да, — Йеннеф посмотрел на сына и увидел себя в далеком прошлом, словно в золотом зеркале. Ни один из его дорфарианских отпрысков, которых он знал едва ли лучше, чем этого, не стал так похож на него. Они были подобием породившей их самки, унаследовав ее тупую склонность к пустому блеску.

— Все вернулось ко мне, — проговорил он. — Я имею в виду то, что я оставил твоей матери. Тьиво — так ее звали, верно?

— Да. Тьиво. На искайский лад — Тхиу.

— Ты говоришь, что не знаешь, жива ли она?

— Там тяжелая жизнь, — так же тихо и рассудительно ответил молодой человек. — И с ней плохо обращались. В тех местах женщины редко живут долго.

— Я не задумывался об этом, оставляя ей ребенка. А потом эти тупые болваны продали тебя. Сколько же лет тебе было? Ты попал на стадион, значит, не больше пяти-шести...

Внезапно Йеннеф отвернулся. Он отошел и сел на жесткий стул, уронив голову на руки.

— Ты привел меня в смятение, — выговорил он миг спустя. — Я не знаю тебя и не знаю, что тебе сказать.

— Мое имя Регер. В Элисааре меня также звали Лидийцем.

— Это почет, нет, настоящая слава — зваться по месту рождения... Груди Анак, я слышал о тебе! Я даже ставил на тебя... три или четыре года назад, когда был в Джоу. Я видел тебя лишь издали, с недорогого места. Но ты выиграл. Меч и копье. Сотня серебряных дрэков. Мне стоило рискнуть большим...

— В конечном счете ты возместил себе то, что отдал Тьиво, — заметил Регер.

Йеннеф поднял взгляд, затем встал и выпрямился.

— Я не жду и не хочу от тебя сыновней заботы, Клинок.

— Мы чужие друг другу, — согласился Регер. — Но мне интересна моя история, а ты можешь мне ее поведать.

— Ты хочешь хвастаться происхождением от Амрека, Проклятого Анакир, на улицах Ее города Мойи?

Регер улыбнулся, как улыбались принцы, виденные Йеннефом, когда желали избавиться от его общества. Глаза — совсем как ее глаза... если бы Йеннеф мог вспомнить, как она выглядела. Но конечно же, он не мог.

Только то, что она была прекрасна и стала для него счастливой находкой. В его памяти сохранился лишь один образ — почти сверхъестественный, мечущийся меж теней и алых языков пламени, когда она пришла к нему, и он подумал (или только сказал), что ему явилась сама богиня Ках...

— В кувшине больше нет вина, — произнес Йеннеф. — А этот проклятый закорианец, или кто там этот жених-шутник, снова запер дверь.

Но попробовав открыть дверь, они обнаружили, что кто-то уже повернул ключ. Они были свободны.

Глава 16. Колесничий

Регер ехал по городу на черной боевой колеснице, среди солдат и знамен, под небом, пылающим голубизной. Толпа кричала, женщины бросали из окон пожухшие венки и шелковые ленты цвета крови. Грохот марширующих ног, колес, барабанов и трещоток звучал раскатами наползающей грозы, голосом грядущего боя и смерти.

Он стоял, закованный в чешуйчатые латы, но его мысли оставались в храме богов на берегу реки.

Засуха выпила Окрис. На ступенях храма гнили лилии и умирало извивающееся речное существо. Легкая дымка легла на реку — дымка благовоний, воскуряемых в храме. Из нее возникали боги с телами людей и головами драконов, поблескивая в отсветах сумрачного пламени.

«Не бойтесь, великие, — сказал он. — Я ни о чем не прошу вас, ибо хорошо знаю, что вы ничего мне не дадите».

Но нет, у них имелось кое-что для него.

Из тени выступила его мать, Тьиво. Она была одета и причесана, как королева Дорфара, по изысканной моде Корамвиса. Но ее кожа была накрашена белым, словно лица его врагов.

«Человек с Равнин убьет тебя, Амрек», — произнесла она.

Она называла ему имена и отчаянно бранила его. Она боялась. Как и все этим утром, они раскачивались на краю мироздания, и падения было не избежать. Но когда он захотел уйти, она остановила его. Конечно, она — не Тьиво, а Вал-Мала, женщина, чья душа была так молода, что почти слепа и полубезумна. Ее сутью был чувственный, злорадный, эгоистичный ребенок. А сейчас она стала диким ребенком, коварным даже в своем детском смертельном испуге, прячущим в рукаве отравленный нож.

«Выслушай от меня правду», — сказала она и поведала ему, что зачала его от одного из любовников, деливших с ней постель. Он не сын короля, не Повелитель Гроз, не потомок Редона — как Ральднор, который убьет его. У него нет родословной. Он самозванец, боги Дорфара отреклись от него и скоро его низвергнут.

Когда она замолчала, он ничего не сказал ей. Не выспрашивал подробностей и не отрицал ее слова. Ни в его жизни, ни в текущем мгновении не было ничего, что подтолкнуло бы его к этому.

И очень скоро, влекомый колесницей судьбы, войны и смерти, он покинул город, застывший на грани мироздания, умчавшись в страну, где нет войн, нет городов и рек, титулов, богов и имен.

Как обычно, его разбудила предрассветная возня на скотном рынке за два часа до того, как небо утратило висскую черноту. Его повседневность была давно устоявшейся, но допускала варианты. Сегодня он позавтракает здесь, у ворот рынка, среди стойл и жаровен с углем, с погонщиками скота и стражей. Но будь сегодня день утренних занятий, он прошел бы три улицы до Академии оружия. Из своего заработка за месяц он выделял деньги на утренние или вечерние упражнения с лучшими в Мойе мастерами клинка, обучавшимися в Дорфаре. В ответ те, видя, что работают с профессионалом, иногда приглашали его поучить других и обещали платить ему за это.

Условия в здешних гимнастических залах почти не отличались от условий стадиона. Кроме того, в Академии можно было воспользоваться купальней, услугами брадобрея и массажиста, а

если угодно, узнать судьбу у предсказателя, сделать ставку или развлечься с девицами.

Мойхи оставалась верна себе во всех проявлениях, так что в Академии спокойно можно было встретить нежных сынков городских богачей, с трудом отбивающихся от гарнизонных солдат или заключающих пари с крепкими портовыми грузчиками. Вскоре все здесь узнали историю Регера и стали звать его не иначе как Лидиец — даже цвет Гильдии колесничих, говоривших со своими лошадьми, как с любовницами.

Но в час, когда небо выцветало до Равнинной бледности, Регер всегда был на Мраморной улице.

Однако ночь свадьбы Чакора Йеннеф и Регер провели между Мраморной улицей и Академией, в небольшой винной лавке «Пыльный цветок». Они просидели напротив друг друга до третьего часа утра. К досаде хозяина, они не только выпили немного, но и говорили так, что ничего нельзя было услышать.

Их беседа была неестественно откровенной, однако то и дело спотыкалась. Между ними стояла какая-то неприязнь, нежелание быть вместе — и в то же время боязнь расстаться. Они ни разу не коснулись друг друга. Их отбрасывало в разные стороны, точно воров, задумывающих кражу или встретившихся, чтобы напомнить друг другу о ней. После этой встречи Регер не думал, что еще когда-нибудь увидит своего ланнского отца.

Для сна оставалось меньше часа. Но Регер все же заснул — и увидел сон, скорее всего, навеянный словами Йеннефа...

— Родословная довольно проста, я помню ее наизусть. Была такая женщина, жрица и пророчица, по имени Сафка — дочь Амрека от наложницы, сбежавшей в Ланнелир, когда война Равнин подступила к Дорфару. Эту Сафку не принимали во внимание, но у нее была змеиная метка на запястье... В пору потрясений, выпавших на ее время, Сафка стала чем-то вроде святой. Когда наступил мир, она вышла замуж в младшую ветвь королевского дома Ланна. За всю жизнь она родила лишь одного сына, и то довольно поздно — Ялена, принца с такой же, как у нее, отметиной на руке, который носил одежду с обрезанным левым рукавом, желая выставлять напоказ клеймо Анак... В сорок шесть он прижил незаконного ребенка от одной служанки на деревенском постоялом дворе. Это случилось во время охоты. Он часто говорил, что той весной добыл за холмами семь волчьих шкур и Йеннефа...

Ланнец рассказывал о себе без всякой горечи. Если там и была злость, то давно перешла в насмешку.

— Девушка с холмов прошла всю дорогу до столицы и в День приемов вручила принцу Ялену вопящего младенца, завернутого в передник. Он снизошел до нее. Он пожаловал ей таверну в городе, а меня забрал к себе. У него имелись законные наследники, кроме того, в Ланне считается, что чем ближе кровная связь, тем ценнее потомок.

Для этого старик женился на своей сводной сестре. Отродье же прислуги не имело никакой ценности. И тем не менее он был

честен со мной. Мне дали имя, какое часто дают в подобных случаях — «дар богов». Вот что значит имя Йеннеф. Добыча, за которой Ялен вряд ли гонялся.

Он рос в постоянном раздражении, уже не помня, когда оно началось. В тринадцать лет он сбежал из дому на заравийском корабле. Это стало началом его скитаний.

— В тот год он добыл семь шкур и Йеннефа. У меня даже нет отметины богини. Но я — тоже звено в цепи. Ты запомнил ее? От Амрека к Сафке, от Сафки к Ялену, от Ялена к Йеннефу, а от Йеннефа — к Регеру эм Ли-Дис, — и Йеннеф добавил: — Заведи сына. Пусть передается дальше. Такова обязанность жизни.

В приглушенном освещении «Цветка» его лицо разгладилось и сияло, движения стали уверенными, чистый голос звенел усмешкой молодой злости, и Йеннеф казался совсем молодым человеком.

— И имей в виду: есть догадка, что Амрек рожден не от семени Повелителя Гроз Редона. Якобы королева-сука Вал-Мала завела его от королевского советника, чтобы сохранить свое положение — говорят, что Редон не мог пропахать ее, ибо она так его застращала, что его семя стало водой. Может, это правда, а может, и нет. Эта злобная и безмозглая шлюха могла просчитаться или даже солгать назло — она ненавидела своего единственного сына...

О да, она ненавидела Амрека. Регер чувствовал удар ее ненависти, словно отравленную сталь под ребрами.

И Амрек поверил ей. Или же он не знал ничьей любви. Иногда такое случалось на арене — там попадались люди, так же стремившиеся к встрече со смертью.

Но Амрек ушел в прошлое. Слыша звуки рынка под окном — громкий привет от настоящего, — Регер вдруг почувствовал сильнейший напор времени, уносящего прочь все на свете. Аз'тира обещала, что он встретит своего отца в Мойхи. И вот они встретились, но какой в этом смысл? Регер был крестьянским мальчиком из Иски, потом стал Клинком Элисаара. Но эти жизни прошли, как и жизнь Амрека.

В это утро ему не надо было идти на тренировку в Академию. Пока солнце поднималось над восточными окраинами города, он не спеша прошелся до Мраморной улицы. Лавки с резьбой по камню на ее нижнем конце уже были открыты. Он видел дым, слышал удары долота, врубающегося в мрамор, и звон отлетающих осколков. Менее чем за два года Мойя стала хорошо знакома ему. Этот небольшой город мог бы уместиться внутри Саардсинмеи, как яйцо на блюде. Желтый янтарь рядом с рубинами запада.

Грохот прекратился. В саду запела птица. Он подумал о Чакоре и Элисси, проснувшихся на любовном ложе, и на миг вспомнил белые волосы женщины на своих губах, руках и груди.

Повернув голову, Регер окинул взглядом улицу. Меж домов прокралось солнце, освещая бронзовые скульптуры на площади перед главным залом Гильдии художников. Избранные работы тех, кто этой зимой был принят в гильдию и получил браслет на руку.

Только пятеро — из многих десятков отвергнутых. Поначалу он, словно мальчишка, вместе с четырьмя остальными каждый день ходил любоваться, как солнце лежит на бронзе, словно отсвет славы.

Статуя, по древнему стандарту, размером с волка, возвышалась на постаменте высотой в пять локтей — колесница и упряжка, мчащаяся на полном скаку. Его предостерегали от этой темы. Вэйнек уверял, что невозможно найти столь дерзкую и бесстрашную модель. Но у Регера имелась его память.

Скульптурная группа была далека от совершенства. Даже отливка, когда остыла, не вполне оправдала надежды Регера. Однако этого оказалось достаточно для принятия в гильдию. И вполне достаточно, чтобы через три дня после того, как ее установили на площади, получить десять предложений о покупке, а спустя месяц — еще шестнадцать. «Пойми, — сказал ему тогда Вэйнек, — люди платят только победителям».

«Колесничего» обсуждали все, кто хоть немного интересовался искусством. Он весь был сплошной порыв, сплошное стремление. Неподвижный, он все-таки двигался. Взмывшие хиддраксы казались единым целым, как нахлынувшая волна. Колесница словно парила, лишенная веса. Колесничий с волосами, стянутыми на затылке — лишь одна непокорная прядь выбилась сбоку — склонился над бешено несущейся упряжкой. Поводья, как звездные нити, тянулись из его сжатых ладоней прямо к сердцам скакунов, колеса гнал ветер. Опираясь на постамент, композиция наполовину взмыла в воздух. Знатоки уверяли, что только бывший колесничий мог создать такую статую. Вэйнек не говорил: «Они хотят купить ее и дали тебе браслет из-за того, кем ты был прежде». Гильдия — не благотворительное заведение, и Вэйнек уже упоминал об этом.

А началось все с того, что Регер, уже три недели позируя для статуи Ральднора, однажды под вечер вдруг взял совок теплого воска и слепил из него фигурку.

Мур оставил шлифовку и пошел во двор проверить печь. Выдался дождливый вечер, горели лампы. Вэйнек вышел из своей комнаты и молча смотрел. Регер смял воск в комок и снова начал раскатывать его.

— Ты уже делал это раньше, — произнес Вэйнек.

— В детстве. В Иске хватало грязи, а сушило их солнце, — он не стал добавлять, что потом приходил его дядя и разбивал фигурки в куски. Вэйнек вернулся к себе.

Когда Мур перестал нуждаться в Регере, тот без труда нашел подобную работу в ближайших мастерских. Большинство из них были менее престижны и известны, чем мастерская Вэйнека, но Регер уже привык стоять почти обнаженным, пока зрители поедали его глазами. Только один раз он не выдержал. Однажды его пригласили в студию, где он обнаружил не учеников или художников, а небольшую группу здоровых полукровок без инструментов в руках. Несмотря на это, он все-таки разделся и спокойно стоял, пока одна из женщин не подошла и не провела рукой вдоль его ребер, к бедру. После этого он так же спокойно сошел с помоста, оделся и покинул студию.

Мур, видя, что Регер интересуется работой, поручал ему грубую полировку и заботу о литейной утвари. Отдыхая, скульптор учил Регера своему искусству, показывая то и это, и с радостью отметил, что молодой человек способен и быстро схватывает. Он заметил: стоит ему один раз показать что-то, Регер уже способен это повторить. Мур рассказал о занятиях Регера Вэйнеку. И как-то Регер, выйдя на возвышение, как на сцену, сказал без предисловий:

— Я не хочу платы. Возьмешь ли ты меня в подмастерья, мастер Вэйнек?

— Ты слишком стар для этого, — ответил Вэйнек. — Видел моих мальчиков? Им по десять-двенадцать лет.

Он помедлил, склонив голову. Вэйнек был своеобразным человеком — его язык мог хлестать не хуже кнута и ошеломить, как ведро ледяной воды, но при этом он спасал мух, угодивших в теплый воск. Он экономил лучины и масло для ламп, но зимой давал любому, кто попросит, обрезки сланца для топки.

— Ты начинаешь обучать их так рано, чтобы они успели нарастить мышцы, — сказал Регер, видя, что мастер ждет. — У меня они есть.

— Согласен, — усмехнулся Вэйнек. — По крайней мере, у тебя есть спина и плечи для работы.

— И даже при том, что я могу заплатить тебе, я останусь твоим должником.

Скривившись, Вэйнек показал на одну из рабочих скамей, не занятую учениками.

— Иди и сделай что-нибудь.

У него вышла довольно грубая поделка — борец, упавший на одно колено. Проволочный каркас держался не слишком хорошо, и когда Вэйнек ударил по фигурке, у той отвалилась рука.

— Ужасно, — сказал Вэйнек. — Но мы научим тебя делать лучше. Я уже говорил, что раньше ты умел это.

— В детстве.

— Ты просто забыл, — отозвался Вэйнек. — Мы, люди Равнин, верим, что человек проживает множество жизней, — он произнес это с насмешкой, словно вера была ветошью, которую он брезгливо держал двумя пальцами. — Я хочу сказать, что ты делал это в своей предыдущей жизни, мой прекрасный Лидиец из Иски. Итак, это всего лишь вопрос воспоминания. Но Мур поможет тебе вспомнить. Не сомневаюсь, что он каждый раз воплощается художником. Наверное, его душа воспринимает лишь такую форму.

Он не признавал их веру. Даже целуя свою любовницу, он не думал о ее вере. Пусть навыки скульптора придут к нему как медленное вспоминание, сказал Вэйнек, и разобьют стены памяти. И однажды во дворе, снимая «шкуру» с изъеденного ветрами мрамора, окруженный осколками, чувствуя во рту вкус мраморной пыли, забившейся даже в поры кожи и под ногти, он вспомнил — но совсем иное. Вспомнил, как, раздвигая груды обломков, пробился к дому Катемвала на улице Драгоценных Камней и нашел лишь водяную птицу со скрученной шеей, тело служанки и любимое кресло работорговца, чудом

уцелевшее, но пустое, плавающее в луже, оставленной волной. И в этот миг, в Мойхи — точнее, вне времени и места — ему показалось, что прикосновение к мрамору не станет спасением, а вернет его в прошлое, гораздо более древнее, чем его тело, сердце и разум...

Но мгновение ушло. И он позволил ему уйти.

Йеннеф пересек двор «Ножки с браслетом» и подошел к столу под лозами. Уже настал полдень, но дорфарианец сидел здесь, как должен был сидеть прошлой ночью. Он вскинул глаза и усмехнулся уголками рта.

— Что задержало тебя, Йеннеф?

— Мой личный повод, — Йеннеф сел.

— В самом деле? Я пришел первым. Вылез из постели женщины с улицы Любви. Очень страстной, очень нежной и с очень светлыми волосами. Но несмотря на это, я вырвался из ее объятий и поспешил на нашу встречу, опоздав на каких-то полчаса. А ты обманул меня. Я не терял надежду до полуночи. Бесполезная трата времени.

— Я тоже собирался ждать до полуночи, — произнес Йеннеф, одновременно подзывая разносчика вина. — А потом меня похитили.

Дорфарианец изучал его, сощурив глаза цвета стали, резко выделяющиеся на бронзовом лице. Помимо небольшого роста, это было единственное доказательство Равнинной примеси в его крови. Когда люди Чакора брали сероглазого главаря степных разбойников, он напомнил Йеннефу Галутиэ эм Дорфара.

— Похитили? И кто же?

— Так ли важно? Свадебная процессия. Женихом был тот самый солдат-корл, который спас меня из когтей тирра. Я рассказывал тебе об этом.

— Ну а дальше?

— Ничего. Я пришел на свадьбу и не мог уйти оттуда, пока не встало солнце. Тогда я прикинул, когда ты придешь еще раз, и отправился спать. Полдень был вторым вариантом встречи, и вот я здесь.

— Ну ты и врун, Йеннеф, — Галутиэ отпил розового сладкого вина из Вардата. — Зачем ты притворяешься? От тебя прямо-таки пахнет молодым человеком. Никогда не думал, что у тебя такие вкусы, но что с того?

— Ты следил за мной.

— Я послал кое-кого следить за тобой.

— Значит, вот как ты веришь мне после стольких месяцев бок о бок.

— Все должно быть в разумных пределах.

— Позолоченные груди Анак! — выругался Йеннеф. — Это был мой сын.

Галутиэ посмотрел на него долгим нехорошим взглядом калинкса.

— Мой, мой. Правда, незаконный. Он друг жениха-корла, потому-то меня и поймали.

— Что, он хотел знать, зачем ты обесчестил его мать, где лежит его наследство или еще что-то в этом роде?

Йеннеф пожал плечами и отхлебнул вина. Сложив руки за головой, Галутиэ обратился к небу:

— Это я дурак или он? Или он думает, что я дурак? Или Сну богини слишком тесно у него в голове?

Йеннеф не ответил и на это. Галутиэ использовал его или, по крайней мере, пытался использовать.

— На пристани говорят о землетрясении в Вольном Закорисе, — попытался он сменить тему. — Эту новость принесли корабли из Тоса. Но, возможно, в разговорах преувеличивают его последствия.

— Я знаю об этом землетрясении, Йеннеф. Для жителей столицы Дорфара это не более чем ничтожная дрожь. Меня интересует другое — попытаешься ли ты защитить его, своего сына от любовницы?

Йеннеф снова подозвал разносчика, чтобы тот долил ему вина.

— Мои сыновья в Дорфаре. А с этим меня ничто не связывает, — уронил он.

— Ну да, поэтому ты ничего не знаешь о нем. Ты хотя бы выяснил, как его зовут?

— Да, я знаю его имя.

— И я знаю, Йеннеф. Регер Лидиец, раб, один из лучших бойцов Элисаара. Клинок Саардсинмеи. Один из немногих выживших.

— Ты должен понимать, что я не слишком-то занимался этими мнимыми случаями колдовства, — Йеннеф со стуком поставил чашу на стол. — Меня нанимали в качестве политической ищейки.

— В Дорфаре политика и магия эманакир всегда были тесно переплетены.

Йеннеф, который побывал в эманакирском Хамосе, прошел за стену льда и вышел оттуда, не приобретя особой мудрости, но изрядно остудив голову, заподозрил, что Галутиэ тоже таскался туда и вернулся со старыми суевериями в новой обертке.

— Выходки погоды, землетрясения, вулкан и волна в Саардсинмее — все это неизбежные опасности, — сказал Йеннеф успокаивающим тоном. — Я считаю их связь вымыслом, рожденным из всеобщего беспокойства. Людям свойственно видеть знамения в таких вещах.

— И ты гонишь от себя мысль, что Сила детей Анакир предъявляет права на власть. История показывает, что ты не прав.

Возражать Галутиэ с его фанатизмом было бесполезно. Именно близость этого человека удерживала Йеннефа от ухода с должности агента Дорфара. С какими бы честными намерениями ни пытался он выйти из игры, он рисковал обнаружить нож Галутиэ у своего горла. Уже больше двух лет они шли в одной упряжке, как преступники, скованные одной цепью. Ничто не объединяло сильнее. На юге Равнин это сочли бы странным, но здесь, в Мойхи... мало ли у кого какие деловые или родственные отношения? Свои тайны они тщательно скрывали даже друг от друга. А в такой твердыне, как Хамос, разве можно надеяться узнать что-то, не умея подслушивать вездесущую внутреннюю речь?

Галутиэ поднялся из-за стола с умильным и манерным видом.

Не старше Регера, но не такого героического сложения и роста,

он был ярым приверженцем богини, и из-за его пояса всегда торчал прутик с листьями из красной бумаги — подношение, принятое в храме Анакир. Галутиэ совершал такое приношение раз в девять дней, и не в благоговейном восторге, как считалось правильным в простой и естественной Мойхи, но с истовой преданностью. На диком просторе Галутиэ даже ловил крыс и змей и приносил жертвы кровью и огнем. Чисто дорфарианское поклонение.

— Идем со мной, мой дорогой Йеннеф. Я хочу показать тебе чудо.

Йеннеф понял, что возражения не должны доходить до крайностей. Он встал и последовал за Галутиэ.

— А пока мы идем, — добавил невысокий дорфарианец, — я расскажу тебе историю, которая ударит тебя на три пальца ниже спины.

Йеннеф путешествовал по Зарависсу и Равнинам, пользуясь личиной торгового посредника. Лишенный грабителями у Драконьих врат части своей маскировки, он снова набил фургон в Мойе и направился в Хамос. Во время этой короткой поездки его беспокойный слуга-заравиец исчез, и Йеннеф пока не знал, кем заменить его. Тем временем Галутиэ, прибыв в Мойхи на сезон позже Йеннефа, обзавелся целой сетью платных осведомителей.

Именно один из них, наблюдая за «Ножкой с браслетом», увидел, как Отряд налетчиков похитил Йеннефа. Позже, отираясь у дома Эрн-Йира, наблюдатель выследил, как Йеннеф вышел оттуда с каким-то молодым человеком, и незаметно последовал за ними в «Пыльный цветок».

Что-то в спутнике Йеннефа заставляло соглядатая держаться подальше, поэтому он не разобрал ни слова из их беседы. Пришлось применить к охраннику таверны старый, как мир, прием.

— Я пошел. Кстати, я, кажется, знаю вон того парня. Он мне должен деньги.

— Какого именно?

— Высокого, в углу. Который помоложе. Он обобрал меня в Зарарс, да так, что я вряд ли возмещу убыток.

— Не волнуйся, — махнул рукой охранник. — Я его знаю, он никогда не бывал в Зарарс. Это Регер, элисаарец.

— Да нет же, говорю, это тот плут из Зарависса.

— Говори что хочешь. Но я-то знаю, что это Регер. Он был гладиатором и колесничим, и как-то выжил в Саардсинмее. Если хочешь, пройдись до Гильдии художников и посмотри на бронзовую статую его работы. Колесница и хиддраксы. Говорят, что он просто находка и через год-два станет лучшим в гильдии. Пойди сам и посмотри, а потом скажешь, мог ли он тебя обобрать.

Все это было надлежащим образом доложено Галутиэ.

Тот, не чуждый интереса к искусству, уже успел взглянуть на выставку бронзы. Он был одним из тех, кто предложил свою цену за эту статую, ибо тоже увидел в ней дыхание гениальности.

 Соискатели в гильдию не ставят имен под своими работами,

и на «Колесничем» стояла подпись «Подмастерье мастерской Вэйнека».

Когда обе половины сведений сошлись воедино, Галутиэ, как он уверял Йеннефа, так и подскочил, словно ударенная котом птица.

Йеннеф смотрел на напарника, сохраняя каменное выражение лица.

— Прошлой ночью он назвал мне свое имя. И сказал, что он из Саардсинмеи.

— И больше ничего? И никакая струнка не дрогнула вдалеке? Могу ли я верить тебе, голубь мой Йеннеф?

Они уже вышли на площадь перед гильдией, и пять бронзовых скульптур выстроились перед ними в ряд, сияя на полуденном солнце.

— Вот она. Какое литье! Я жажду обладать этим прямо сейчас. Скажу своим людям, пусть поднимут цену.

Йеннеф смотрел на статую работы своего сына. Он видел лишь то, что она очень хороша, но затем его кольнуло в сердце нечто иное. Эта вещь создана плотью от плоти его, с которой он встретился и снова расстался. Знание о том, кем он был и кем стал, о его юности и возмужании, его крови, его предках — все перелилось в эту бронзу. Йеннеф протянул руку и погладил шеи хиддраксов, провел ладонью по колесу и плечу возничего. Солнце раскалило металл, казалось, он тихонько гудит, как рой пчел. Он жил жизнью Регера. Жизнью Регера, которую, в свою очередь, создал Йеннеф...

— Эй, вылезай из своего транса, — раздался голос Галутиэ. — Мы идем в мастерскую Вэйнека.

Рука Йеннефа упала назад в неподвижный воздух.

— Ты хочешь сказать, что мой сын связан с безумными шансарскими трюками, которыми ты занимаешься?

— Да, мой драгоценный, — широко усмехнулся Галутиэ. — И ты до сей минуты не задумывался об этом.

— Оставь его в покое, — попросил Йеннеф. Но Галутиэ уже медленно шел по Мраморной улице. Как всегда, волей-неволей Йеннефу пришлось последовать за ним.

Лавка при мастерской была открыта, внутренние помещения охранялись. За прилавком два приказчика украдкой жевали пирожки.

Мастерская, огромная комната, освещалась жаровнями, подвешенными к стропилам и прикрытыми стеклом, на котором был слой налета от дыма и пыли самого разного происхождения. Обнаженная девушка-модель с кожей чуть темнее молока лежала на кушетке перед очагом и разговаривала с неподвижными учениками. Дальняя стена открывалась во двор, где стояла гигантская печь. Тут и там высились каменные блоки в разной степени обработки.

Галутиэ задумчиво воззрился на девушку, но та в полном безразличии не обратила на него внимания.

— Регер здесь? — спросил он.

Один из учеников поднял голову и указал в сторону лестницы. Галутиэ направился туда, Йеннеф — за ним. Вдоль узкого кори-

дора располагалось несколько дверей, и из-за одной доносился мягкий шорох пемзы. Открыв эту дверь, дорфарианец просунул голову внутрь.

— О, — произнес Галутиэ, переступая порог.

Регер поднял глаза и увидел, как в комнату вошел мужчина. Без сомнения, он был Висом, но из-за пояса у него торчали храмовые листья. Он подошел к столу, разглядывая Регера.

— Скажи мне, где ты научился делать такие восхитительные вещицы?

Регер остался на месте, позади небольшого куска белоснежного мрамора, который он полировал. От двери мрамор казался бесформенным продолговатым блоком, на котором вырисовывались очертания груди.

— Я подмастерье этой мастерской, принадлежащей мастеру Вэйнеку.

— На Равнинах? — казалось, посетитель удивлен. — Далековато от дома. Ты из Дорфара, не так ли?

— Во мне есть дорфарианская кровь, — отозвался Регер, краем глаза заметив за дверью еще одного человека.

— Да, каждый рад заявить, что происходит от высшей расы Виса. А что еще?

— Элисаар. Любой, кто знает меня, скажет тебе.

— Саардсинмея.

Регер промолчал.

— Убивать людей — прибыльное дело? — продолжал интересоваться Галутиэ. — Теперь ты еще и нашел своего отца. Что за радостные дни у тебя! А что, не хочешь ли ты отправиться в путешествие?

— Зачем?

— Действительно, зачем? Да потому, что тебе придется. Я настоятельно попрошу тебя. Так я и заслужил свою славу — тем, что безошибочно чую, где добыча.

Прямо над ними с безоблачного неба прогрохотал гром. В комнате дрогнули стены, и тут же дождь застучал в окно тысячей бусин с порванного ожерелья.

Оба отвлеклись, и в этот миг Йеннеф пересек комнату и схватил один из остро отточенных инструментов. Он подошел к Галутиэ со спины, обхватил его и приставил резец к горлу.

— К сожалению, все обстоит так, как он сказал, — обратился Йеннеф к Регеру. — Но если поторопишься и нигде не задержишься, то успеешь уйти от своры его крыс, ищущих твое тело.

— А как насчет моего тела, эй? — Галутиэ расслабился в руках Йеннефа.

— Никак, — ласково произнес Йеннеф и чуть сильнее прижал тонкое лезвие к сухожилиям шеи. — Если только ты не спровоцируешь меня прямо сейчас, возможно, я сжалюсь и отпущу тебя, но позже.

— Но он и не думает убегать, как ты ему велел.

— Немедленно, Регер, — повторил Йеннеф. — Уходи. На корабле или другим способом, но уезжай из Мойхи.

— Можно, я объясню? — снова влез Галутиэ и обратился к Регеру: — Видишь ли, все дело в белых степняках, они же Лишенные Тени — *чистых эманакир*. Союзные земли думают, что они снова готовятся к войне с нами. И твоя особенная белая госпожа, будучи одной из них, играет в этом не последнюю роль.

Что-то в лице Регера изменилось.

— Не слушай эти безумные измышления, — перебил Йеннеф. — В Шансарском Элисааре ходит история, что белая эманакир была убита в Саардсинмее и восстала из мертвых. Ее любовником был Клинок из Висов, и она спасла ему жизнь, спрятав в своей гробнице над городом. Эти расчетливые нечестивцы думают, что если ты Клинок Саардсинмеи и выжил, значит, был любовником эманакир. Они собрали шайку и охотятся на тебя в Дорфаре или в шансарских и вардийских владениях, чтобы допросить. Шансарцы называют такой допрос Тремя Испытаниями, сам догадайся, что это значит. Уходи. Я убью этого кровопийцу и позабочусь обо всем.

— А твой отец любит тебя, — заметил Галутиэ. — Он знает, как накажут его наши хозяева, если он сделает что-то подобное.

Регер обошел стол.

— Я заберу у него резец, — обратился он к Галутиэ. Легким, почти невидимым движением он выхватил острый предмет из ладони отца и освободил дорфарианца из его рук.

Йеннеф застыл, потрясенный, и выругался. Галутиэ, отскочив в сторону, усмехнулся в лицо обоим.

— Я не забуду твою милость, Регер эм Ли-Дис. Как и твою, Йеннеф. Не шипи, котик, — с этими словами он выскользнул за дверь, и его шаги загрохотали по лестнице.

— Ты достоин всего того, что он хочет сделать с тобой. Проклятый глупец! — выдохнул ланнец.

— Может быть, Йеннеф. Но это не россказни — я в самом деле прятался в гробнице. Спроси Чакора, если хочешь. Он тоже был там.

— И ты не видел, как женщина вернулась к жизни?

— Она умела воскрешать мертвых. Вряд ли это правда — но я хочу услышать, что говорят на этот счет в Шансарском Элисааре.

— Еще услышишь. Под пыткой и в огне. Сейчас желтые — шансарцы, вардийцы и ваткрианцы — не меньше, чем Висы, боятся того, на что способны люди Равнин. Мы пытались как-то повлиять на мнение торговцев-южан, ибо даже Повелитель Гроз, в чьих венах течет несравненная кровь богини, готов обмочить подштанники, едва слышит слово «эманакир». Маги Равнин сражаются не оружием и не людьми, а грозами, землетрясениями, волнами и извержениями вулканов. На своих колесницах они могут подняться к звездам и убивать пламенем из глаз или пальцев. А тебя угораздило сыграть в нитку и иголку с одной из них. Да поможет тебе Анак, но надо было дать мне убить его!

— Он не должен отдавать свою жизнь ни мне, ни тебе, — рассеянно произнес Регер.

— Равнинные речи. Расплата за прошлые жизни? Долги в будущих?

— Йеннеф, иногда на арене я узнавал людей, которые явились, чтобы я убил их.

— Она научила тебя этому в постели?

— Или это была жажда крови. В любом случае я уже достаточно убил. Тебе лучше куда-нибудь деться, пока не вернулся твой дорфарианец.

— Да, он таких вещей не забывает.

— Сожалею. Не думай, что я не благодарен тебе, Йеннеф. Но тебе не стоило рисковать собой.

— Ты — мой сын, — ответил Йеннеф. Его голос потеплел, и он снова медленно повторил: — Мой сын. Мой первый сын, насколько мне известно.

Глава 17. Тьма и свет

— Мы ищем элисаарца.

— У меня есть письмо, которое он оставил вам, — Вэйнек, один в мастерской, спокойно протянул пяти головорезам-полукровкам лист тростниковой бумаги.

«Галутиэ эм Дорфару или его капитанам. Буду ждать вас в четыре часа пополудни на площади перед залом Гильдии художников. Я приду один. Готовый содействовать вам, Регер эм Ли-Дис».

Умеют ли они читать? Как выяснилось, один умел. Вэйнек повторил написанное для остальных и добавил:

— Он обученный боец, вы не забыли об этом?

— Нас десять человек или около того, — резко заметил самый неприятный из пришедших. — Посмотрим, как он справится.

— Кто докажет, что он сделает, как сказал? — возразил другой.

— Мы все равно поймаем его, не сейчас, так потом, — проворчал первый.

Тем не менее они захотели обыскать мастерскую. Вэйнек позволил это, поскольку чуть раньше отослал из дома всех лишних. Видимо, попав под действие холодного услужливого равнодушия, с которым Вэйнек наблюдал за ними, головорезы из отряда Галутиэ не стали устраивать в доме большого беспорядка и вскоре убрались обратно в город, чьи улицы все еще исходили паром после недавнего дождя.

Письмо, которое Регер оставил для Вэйнека, оказалось немного длиннее. Регер извинялся и приложил к письму деньги (к неудовольствию мастера, это была полная плата за обучение). «Если я смогу вернуть их, я это сделаю». Но, казалось, он ожидает вызова от повелителя, который позовет его прочь и не позволит вернуться. Он благодарил Вэйнека, и изъявления благодарности выглядели еще более нелепо, чем извинения. «Имей я возможность остаться, ты знаешь, что я остался бы. Но это невозможно».

Читая между строк, Вэйнек через скрытую внутреннюю связь получил ответ на невысказанный вопрос, чувствуя все, но не

имея возможности описать или как-то подтвердить это. Тогда он выгнал всех из мастерской и стал ждать тех, о чьем возможном приходе так сожалел Регер.

Третье письмо предназначалось для корла. Вэйнек без колебаний счистил воск и прочел наилучшие пожелания Чакору, прощание и совет — быть осторожнее, рассказывая кому-либо подробности их спасения в Элисааре. Похоже, белые люди Равнин утратили всякое доверие.

Яростный напор дождя снова разметал город. На улицах слышались недовольные голоса, навесы дрожали от ударов воды.

Заложив засов и заперев дверь мастерской, Вэйнек поднялся по лестнице.

Неоконченная работа по мрамору стояла на обычном месте, закрытая тканью, как Регер всегда оставлял ее. Уже больше года ученик Вэйнека работал над этим камнем, непрерывно очищая и полируя, лишь иногда откалывая понемногу. Он сам выбрал кусок и обработал его, следуя указаниям Мура, не пытаясь добиться власти над камнем, а стараясь освободить душу, запертую внутри.

Вэйнек сорвал покров так же бестрепетно, как недавно сломал воск на третьем письме.

От дверей изменения были совсем незаметны. Но ближе к стройному камню обнаружилось начало тайны. Лицо, изящная шея, фонтан волос проступали, освобожденные из каменного плена.

Серебряные девушки, которых продавали в Овечьем Переулке, чем-то походили на нее. Но они словно пребывали в сладостной дремоте — а замершее в мраморе создание стояло на пороге пробуждения. Прекрасная нечеловеческая девушка, вырванная из замерзания в снегах, вся белоснежная, с кожей, волосами и глазами, как у женщины-эманакир, одной из Лишенных Тени, восставшей из зимней земли.

Белизна Хамоса — она так и стояла у Йеннефа перед глазами в тот день, около четырех.

Это был черный город, построенный из местного камня. Белый мрамор привозили с севера, и здесь он не использовался. Белизна заполняла его изнутри — предметы обстановки, украшения, одежды и сами обесцвеченные горожане. Сейчас в Хамосе и окрестностях не осталось жителей Равнин с волосами темнее, чем самые светлые из белокурых. Несколько чаще встречались золотые глаза — но намного реже, чем глаза цвета льда. Змей в Хамосе было едва ли не больше, чем людей. Резные, они обвивали колонны и притолоки; сделанные из эмали — украшали шеи, запястья и шиколотки. А живые клубились в трещинах стен, выползали на мостовые погреться на солнце. Для любого Виса, убившего змею, существовало особое наказание — ему отрубали палец на той руке, что нанесла удар. Это была своеобразная шутка — у героя Ральднора, как известно, не хватало одного пальца.

Иногда в Хамосе можно было увидеть и Виса, но все они бывали тут проездом. Здесь имелось лишь несколько постоя-

лых дворов, готовых разместить их, и им разрешалось посещать только определенные места города. Для тех, кто хотел поклониться Анакир, в храмах были предусмотрены внешние дворы с постаментом без статуи. Ходил слух, что в Хамосе и других святых местах больше не осталось изображений богини. Здесь воспринимали ее силу и волю через пламя, горящее перед алтарем.

Равнины по большей части не выглядели скованными страхом перед воинственностью эманакир, который стал обычным во всех прочих местах. Что же до Хамоса, то он не принадлежал миру. Хотя говорили, что тут существуют оккультные школы, они скрывались, и если колдовством и пользовались, то признаков этого не было заметно. Здесь отсутствовали даже шансарская магия и ваткрианская мистика, распространенные в храмах богини в Междуземье, равно как в Вар-Закорисе, Кармиссе и Ланнелире...

Написав три письма, Регер сразу же отправился на квартиру, которую снимал. Йеннеф пошел за ним. По молчаливому согласию они прекратили обсуждение пыток и других тревожащих вещей. Йеннеф строил планы, как отделаться от Галутиэ, но тоже не говорил об этом. У Регера оставались дела, которые надо было завершить до отъезда.

В последующий час они обменивались рассказами о землях, где бывали, и событиях прошлой жизни, которых было много больше, чем они решились доверить друг другу во время первой встречи. Им больше не казалось неправильным оставаться вместе, но это еще не стало естественным.

— Оставь браслет гильдии на руке, он скроет змеиную мету. На севере имя Амрека все еще проклинают.

Йеннеф числился на службе у Высшего совета Дорфара. Он совершил многое, но ничто не стало вехой в его жизни. Прогулка по горам около Ли-Диса была одной из его давних утрат. Йеннеф собрал несколько вариантов легенды, которая привела его туда, и повторяемость манила его сильнее, чем вера.

— Говорят, что там, в одной из горных долин, разбилась небесная колесница эманакир. Эту историю можно услышать даже от вардийских солдат на границе, когда они изрядно выпьют. Я знаю, я там служил. Это древняя сказка и явно заимствованная. Представь себе — магическая колесница в небесах! Крылатая, может быть... В Дорфаре тоже есть подобные рассказы. Драконы, которые принесли Висов на землю и сделали их королями. Ладно, я не верил в это, но мне казалось, что у дерева выдумки должен быть какой-то корень. Я хотел поймать за хвост свою удачу, найти драгоценный клад. Месяцами я лазил вверх-вниз по этим забытым богами утесам, а потом все же нашел свое сокровище — Тьиво. Но так и не отыскал никакой колесницы...

«Никаких вех, кроме одной», — думал Йеннеф. Плоть и кровь. Все странствия и дела окончились неудачей. Годы улетали, как кости, брошенные в игре. И теперь уже сам Регер играет в собственные игры, потому что однажды был очарован девушкой с Равнин и попал в ловушку другой легенды, дырявой, как решето.

Но они оба должны пережить все это. И снова Йеннеф не возражал. Он помнил, как его собственный отец в тех редких случаях, когда им удавалось поговорить, только и делал, что пытался навязать ему свой опыт.

Ланнец ушел на час раньше Лидийца. На прощание мужчины пожали друг другу руки. Тщетный жест, ведь им было не дано поддержать друг друга. В конце концов, они и так сделали больше, чем могли.

«Его мать мертва. Я не должен отвечать за него перед ней, — со злой иронией подумал Йеннеф. — Ни за кого, ни перед кем».

Регер сидел на скамье перед Залом Гильдии художников.

После дождя полдень вступил в силу и навалился на Мойю, словно пытаясь наверстать упущенное. Небо полыхало ярким цветом, белые ломти жары и черные тени исполосовали площадь. То же чувство сходства — или восстановления, — которое настигло его в мастерской Вэйнека, когда дорфарианец ворвался в верхнюю комнату...

Когда медный колокол гильдии пробил четыре часа, Регер увидел одинокую фигуру, которая, насвистывая, шла к нему неторопливой легкой походкой. Но нет, это была поступь настороженного кота, и там, под аркой, ждали около зеебов еще около десяти подонков.

— Регер, — сказал Галутиэ, приятно удивившись. — Надо же, Регер из Ли-Диса.

Регер встал, и тот сразу стал ниже. Но Галутиэ, долго имевший дело с Йеннефом, умел использовать это.

Береговая дорога вела на север, мимо крепости, к границе. На мили пути в обе стороны она просматривалась солдатами. Поэтому нищий продавец горшков на пегом зеебе не пытался выбраться на дорогу, пока ворота Мойи не закрыли на ночь.

Йеннеф, разбросавший по всему городу ложные улики, не имел не малейшего желания двигаться к горизонту и попасть в объятия дорфарианца. Тем не менее незадолго до полуночи, устав продираться сквозь ветки и шипы, он с удовольствием заметил огонь лагеря не более чем в трехстах шагах от обочины.

— Сладких снов, — пожелал Йеннеф, обращаясь к извращенной душе спящего Галутиэ. И почувствовал, как скатились с плеч два десятка лет, словно он мог вернуться назад. Но ему оставался только путь вперед, в горы, и стыд, что Тьиво выросла худой и высушенной, растратила жизнь и умерла в Иске.

* * *

Вэйнек проснулся с наступлением темноты. Он уснул в кресле, которое принес наверх, поставив около неоконченной работы по мрамору. Было еще не слишком поздно. За окном мастерской

горели освещенные окна, шум засыпающего города убаюкивал своей равномерностью. Такая же ночь, как и любая другая.

Но белый мрамор поблескивал в темноте, мучая его. Он сел, чтобы подумать над ним, и уснул.

Вэйнек поднялся из кресла, притягательного, но не слишком удобного, и зажег в нише светильник со стеклянной крышкой. Взяв его в руки, он позволил свету и тени поиграть на белой девушке, упрятанной в лед. Но внутренний шепот вещи исчез. Он уснул и не смог удержать его. Как легко тело побеждает разум...

Теперь лишь отсвет огня бился, словно пчела, на мраморном лице.

Вэйнек снова накинул покрывало, как всегда делал Регер, чтобы защитить работу от пыли. Долго ли ей ждать, брошенной создателем?

Огонь в лампе успокоился, выровнялся. Вэйнеку вспомнился мойхийский детский стишок:

Задуй лампу —
Где же пламя?
Зажги лампу —
Вот и пламя.
Пламя, пламя,
Где ты таишься?
Откуда приходишь,
Куда возвратишься?

Без сомнения, Элисси будет разучивать этот стишок со своими детьми. Он видел ее за девять сумерек до свадьбы, идущую вместе с желанным Чакором в храм Анакир, чтобы сделать приношение.

Пламя, пламя, где ты таишься?

Каждая жизнь распускается свежим побегом и потом вянет. Но огонь в лампе загорается снова и снова, рождаясь из другой искры.

Пламя, пламя...

Прекрасно зная лестницу и весь дом, а потому не нуждаясь в свете, скуповатый Вэйнек задул лампу.

Глава 18. Сделки

В сумерках окованные медью створки Синих ворот Заддафа закрывались под пение труб. Каждый раз на закате производилась эта церемония, а на рассвете ворота открывали с такой же торжественностью. Это был вардийский обычай, ибо Заддаф, новая столица Старого Закориса, был насквозь вардийским городом. Теперь здесь правил наместник, а короли уплыли домой, за море. Однако ворота оставались памятником завоевателям — их украшали пятидесятифутовые статуи могучих Ашкар, вардийских Анакир, а поверхность стены, выложенная плиткой с фиолетовой глазурью, была видна с расстояния двух миль в обе стороны.

При желании путники могли безопасно заночевать, не входя в ворота. Вокруг столицы широко раскинулись пригороды, и вдоль Южной дороги Заддафа имелось достаточно вилл, храмов и таверн. Болота осушили, однако быстрорастущий лес все еще продолжал вторгаться на островок, застроенный человеком. Даже сквозь мостовые на улицах без конца пробивались щупальца зелени, которые вырывали или обрезали, а корни выжигали. Любой дом на окраине, оставленный без присмотра, съедали джунгли, и он разрушался за десять дней или даже меньше. Душными ночами жарких месяцев в глубинах Заддафа, окруженного каменной стеной, квакали лягушки и стрекотали сверчки, а большие насекомые путались в газовых пологах над кроватями и умирали там, становясь похожими на тускнеющие драгоценности.

Но всадники, только что подъехавшие к воротам, не проявили желания идти на ближайший постоялый двор. Въехав под арку ворот, глава отряда ухватился за цепь, свисающую с бронзового колокола, и позвонил. На площадке сверху показались двое солдат.

— Эй! Что ты себе позволяешь?

— Зову вас, чтобы впустили меня внутрь.

— Перелетай через стену. Или жди до утра. Еще раз дотронешься до колокола, получишь плетей.

— Как бы вам их не получить, — огрызнулся Галутиэ эм Дорфар. — У меня дело к лорду-правителю и совету.

— По какому праву?

— Подойдите и увидите.

Через некоторое время трое разозленных солдат и офицер, оторванный от ужина, спустились по лестнице. Галутиэ предъявил печати. Они произвели впечатление: богиня Высшего совета Дорфара, подлинные золотые змея и скипетр Шансарского Элисаара и лев, оседлавший дракона — символ самого Заддафа.

Тон часовых изменился. Они приоткрыли боковую дверь и позволили Галутиэ и его спутникам проникнуть в город.

Оставив на улице свою свиту из головорезов, Галутиэ с важным видом шел через зал совета Заддафа. Здесь почти никого не было, лишь писцы что-то переписывали за конторками. Семья прочила Галутиэ такую же карьеру, но тот оказался более честолюбив. Он работал, втирался в доверие и пролагал себе дорогу наверх. Сероглазый Галутиэ не был чистой помесью Равнин и Дорфара (наиболее почетный вариант) — со стороны матери в нем имелась изрядная доля таддрийской крови.

Что же до связи его родословной с Равнинами — или вторым континентом, — то никто не мог сказать, где именно она произошла. Галутиэ сам придумал себе прадеда с Равнин и часто говорил, что почти верит в это.

Когда в комнату вошел советник Сорбел, Галутиэ обрадовался. Получивший свое имя в честь вардийского короля, Сорбел был правой рукой лорда-правителя Заддафа. Как бы то ни было, советник казался оживленным.

— Чего ты хочешь, Галут? — Галутиэ поморщился, услышав таддрийский вариант своего имени. — И что за безобразие ты устроил у ворот? Никто здесь не злоупотребляет своими привилегиями так, как ты.

— Мой лорд, свои привилегии я получил за рвение на службе. Мне показалось, что в данном случае срочность не является неподобающей.

— И почему же?

Галутиэ объяснил причину. Сорбел изменился в лице, насторожился и подобрался.

— Эта история о женщине-эманакир... — неожиданно произнес он, помедлил и закончил вардийским выражением: — ... слишком хрупкая мачта, чтобы удерживать парус.

— Даже если и так, — Галутиэ сделал вид, что понял фразу дословно, — когда совет Дорфара послал меня изучать Равнины, я был посвящен в эту, как вы выразились, историю. А потом мне пришло в голову, что здешний Совет куда больше нуждается в моих изысканиях... Раз они так считали, смею думать, это важно. Неужели нет?

— Не будь нахален.

— Прошу прощения, лорд Сорбел, долгая дорога портит манеры. Пятьдесят три дня по суше и морю.

— Где этот человек?

— В безопасности. Заперт на постоялом дворе в пяти милях отсюда по Южной дороге Заддафа.

— Хорошо. Подожди здесь.

Сорбел вышел, и Галутиэ сел. Через минуту вошел слуга с блюдом пирожных и бодрящим вардийским вином.

Большой жук, сверкающий, как капля крови кого-то из богов, стучался жвалами в оконное стекло. Один из троих мужчин, находящихся в комнате, подскочил к нему, занося рукоять ножа, чтобы раздавить насекомое.

— Почему бы не позволить ему жить? — спокойно сказал третий. Это были первые слова, произнесенные им за долгое время, поэтому, услышав его, человек с ножом остолбенел.

— Какое тебе дело?

— Ты все равно не сможешь остановить его, — заметил второй. Ибо третий был прикован к столу за железный браслет на правом запястье.

Белокурый полукровка, которого выводило из себя разнообразие насекомых, лишь увеличивающееся по мере их продвижения на северо-запад, поднял рукоять еще выше. За окном звенела и урчала черная ночь.

— В Элисааре считалось дурной приметой убить любое существо перед поединком или боем, — Регер говорил так же спокойно, как прежде. И, как и прежде, другой помедлил. — Ибо боги сразят тебя точно так же — внезапно, без причины и жалости. Как жук, ты можешь не заметить, откуда пришел удар.

Беловолосый головорез Галутиэ уставился на жука и неохотно опустил нож.

— Анакир защищает нас, — произнес он ритуальные слова. Он почитал всех богов и ни одного.

Он вернулся на дальний конец стола, где хохотал второй страж Регера — смуглый полукровка-оммосец.

— Испугался гладиатора? Жди, пока он разорвет цепи. Или он недостаточно силен?

Галутиэ приобрел кандалы сразу же после того, как они сошли с заравийского корабля в приграничном порту, и «настоятельно попросил» Регера принять их как необходимость. Тот не спорил. Когда его сковали, другой конец цепи намотал на руку самый огромный из людей Галутиэ, немой с каштановыми волосами и безумным взглядом. «В конце концов, тебе должно быть все равно, — сказал Галутиэ Регеру, когда это случилось. — Ты ведь раб, не так ли?»

Въехав в Зарависс, они не знали ни минуты покоя, пока не сели на корабль. Галутиэ явно подозревал какой-то хвост за собой, но решил обмануть преследователей, создав видимость того, что они отправились в Дорфар или, по крайней мере, в один из северных заравийских городов. На самом же деле они пересекли Внутреннее море в самом узком месте и достигли рубежей Шансарского Элисаара. В бухте на границе торчало несколько полусгнивших рыбачьих корабликов, и хозяин одной из этих посудин согласился доставить их

на побережье Закориса. Стояла безветренная погода, команда гребла, люди Галутиэ бездельничали среди смрада гниющих водорослей, иногда рыбача или ловя водяных змей с бортов. Закорианские моряки почти не обращали на них внимания.

Наконец по левому борту показался Закорис, страна, непроходимая во всех отношениях — джунгли высились в несколько ярусов, заслоняя солнце и даже спускаясь в море. В эти дни Регер обходился без оков, лишь с наступлением темноты цепь прикрепляли к железному кольцу на мачте. Когда второе плавание — двадцать душных, бездумных дней и проведенных на якоре ночей — закончилось в Илве, одном из портов Вар-Закориса, Галутиэ привел откуда-то несколько маленьких лошадок. Цепь удлинили, и немой с Регером смогли ехать рядом. Во время ночных привалов Галутиэ, не доверяя немому, сам перехватывал цепь Регера. «Можно я лягу с тобой, дорогой?» — спрашивал он в своей обычной издевательской манере. Но и тогда, как прежде, Галутиэ не удостоил его и нескольких слов. Разве что ворчал по утрам: «Как чудесно ты спишь! Ни храпа, ни кошмаров. Научи этому остальных, а то их стоны и сопение нагоняют на меня бессонницу».

На Южной дороге Заддафа, в деревнях и пригородах, люди принимали Регера за преступника — а может быть, не его, а немого, скованного с ним цепью. Однажды из придорожного храма появились несколько чернокожих жрецов и начали чистить дорогу, по которой проехал отряд — как от конского навоза, так и от оставшейся после них недоброй ауры. В общем, покоренные закорианцы казались менее интересными, чем вардийские завоеватели. Вардийско-закорианских помесей почти не встречалось, однако народ не выглядел угнетенным. Ближе к столице завоевателей закорианцы соблюдали больше вардийских обычаев, одевались и вели себя в основном как вардийцы, и владели двумя языками. Тут и там встречались изображения черной Ашкар-Анакир, но никогда — белокожих Зардука или Рорна.

В Заддафе имелся закон относительно нарушителей спокойствия после полуночи. Поэтому на постоялом дворе стояла полная тишина, и стук копыт с дороги был слышен вполне отчетливо.

— Наши возвращаются, — сказал беловолосый полукровка и, расслабившись, метнул нож, затрепетавший в деревянной стене.

Свет факела ударил в окно, о которое незадолго до этого бился жук. Но когда дверь распахнулась, за ней не оказалось ни Галутиэ, ни его свиты. Там стоял подтянутый вардийский офицер с пятью стражниками-закорианцами. Вардиец потребовал, чтобы ему выдали Регера, и люди Галутиэ подчинились.

— Вижу, ты честный человек, — сказал офицер во дворе. — Если поклянешься богиней, что не попытаешься сбежать, то можешь ехать до города свободным.

— Я не поклоняюсь богине, — ответил Регер с правдивостью хорошего ребенка, как подумал вардиец, предпочитая держать это мнение при себе.

— Что ж, искренний ответ. Поклянись именем любого бога, которого предпочитаешь, или просто дай слово — думаю, этого хватит.

— Хорошо, — кивнул Регер. — Считайте, что я его дал.

Зал без окон освещали лампы. Широкое отверстие в потолке прикрывал холст. Мотыльки все еще сыпались вниз мелким дождем. Кроме Регера и Галутиэ, в зале не было людей, не принадлежащих к народам богини. Светлые волосы, янтарные глаза, бледный загар, свойственный людям Равнин, шансарцам и вардийцам. Если у кого-то в роду и имелись смешанные браки, на потомках это не сказалось.

Лорд-правитель Заддафа опустился в резное кресло, Сорбел встал позади. Рядом с Сорбелом стоял другой человек, высокий и хорошо сложенный, одетый, как шансарский принц. Лорд-правитель немедленно повернулся к нему.

— Что скажешь?

Шансарец устремил на Регера пристальный взор хищной птицы. Желтые глаза вспыхнули, рот искривился, унизанные кольцами руки разошлись в стороны в знакомом жесте — так держат поводья колесницы. И тогда Регер вспомнил шансарца. Конечно, не лицо и не имя — но его самого и час встречи с ним.

— Он заявляет, что он раб из Элисаара, именуемый Лидийцем, — подал голос Сорбел.

— Да, ваши ищейки выше всяких похвал, — произнес шансарец, не спуская глаз с Регера. — Мы мчались ухо в ухо, Лидиец. Но я не стал говорить в Шансаре, что Рорн разгневался. Ибо на самом деле гневалась Анакир.

Лорд-правитель откашлялся. Шансарский принц, владеющий поместьями в Ша'лисе и Кармиссе, который однажды ездил в Элисаар для участия в Огненных скачках, повернулся и сказал:

— Повелитель, мы бок о бок мчались с ним по утесу над морем. Он тоже это помнит. Там он вместе с Рорном, их несуществующим морским божеством, сделал из меня посмешище, когда после того, как затряслись земля и вода, его колесница обошла мою. Я мог выиграть скачки, если бы не этот раб.

— А что скажешь ты? — осведомился лорд-правитель у Регера.

— Он тоже участвовал в Огненных скачках, как и говорит. Тогда мы были ближе друг к другу, чем сейчас.

— И ты выжил во время разрушения Саардсинмеи? — лорд-правитель, как и прочие в зале, с некоторым упрямством отказывался верить. — Но как?

— В убежище на Могильной улице, — ответил Регер.

— Ты доверился гробнице?

— Он участвовал в похоронных обрядах по своей возлюбленной, — вмешался из угла Галутиэ. — По *ней*.

Вардийский офицер за спиной Регера отшатнулся.

— Молчи, Галутиэ. Ты считаешь себя слишком умным, — заметил на это Сорбел и обратился к Регеру голосом, прозвучавшим как резкий скрежет: — Тебя просили описать, как ты спасся.

— Готов успокоить вас, лорды. Если вы боитесь, не восстал ли я из мертвых, то скажу вам — нет, — произнес в ответ Регер.

Великолепный выпад. Это ощутили все, кто находился в зале.

— Был слух о человеке с арены, которого исцелили, — сказал Сорбел.

— Женщина, о которой вы говорите, действительно эманакир, — отозвался Регер. — Но в Элисааре считают колдунами всю вашу светлую расу.

— Галутиэ обещал нам, что поймает тебя и приведет сюда как пленника, — резко произнес Сорбел. — Пожалуйста, объясни, как в этом свете расценивать твои слова и действия.

— Я шел с Галутиэ по собственному согласию.

— Но на тебе были цепи.

— Вардийский офицер сохранил цепь. Может быть, он вернет ее на меня, — попросил Регер.

Не задавая вопросов, вардиец быстро надел на Регера оковы и цепь.

Регер защелкнул оковы на кисти и, продолжая держать в другой руке конец цепи, медленно потянул ее из браслета. Через несколько мгновений звенья цепи изменили форму, словно размягчились в горне. Люди в комнате молча наблюдали за этим зрелищем, пока цепь не выскочила из браслета и Регер не сбросил ее на пол. Еще быстрее он сломал запор на браслете и тоже сбросил его вниз.

Шансарский колесничий неловко захлопал в ладоши.

— Висский пес принес свой стадион в Заддаф. Славьте его. Давайте сделаем ему венок.

— Давайте сначала выясним, что за венок он желает, — прервал его Сорбел. — У нас есть вопросы к нему, но у него есть собственные вопросы. Взгляните на него. Этот человек — не раб. Мы думаем, что ему известна какая-то тайна. И он презирает наши подозрения. Думаете, растянув его на углях, или выпоров и искалечив, мы добьемся согласия? — Сорбел взглянул на Регера. — В тебе есть кровь Равнин?

— Насколько мне известно, нет.

Сорбел положил свою узловатую руку на его горло.

— А есть ли в тебе, насколько тебе известно, кровь Ральднора эм Анакир?

Зал заволновался. Лампы заколыхались и замигали от неровного дыхания собравшихся.

— Разве я дал повод считать меня потомком Ральднора? Моя мать — искайская женщина с фермы, выданная замуж за крестьянина из горной долины.

— Тогда чего ты хочешь? — потрясенно выкрикнул Сорбел, в водовороте чувств утративший самообладание опытного дипломата.

— Так сложно догадаться? — вопросом на вопрос ответил Регер. — Мне знакома женщина Аз'тира. Как и вам, мне интересно, может ли она жить во плоти после смерти. И если это так, куда она ушла.

* * *

Как и в древних дворцах Висов, в залах Совста Заддафа имелась подземная часть. С верхних этажей, заполненных протоколами, чиновниками, формальностями и тайными поздними заседаниями, коридоры спускались в провал высохшего речного русла. Там не слышался даже назойливый звон насекомых — но иногда там раздавались совсем иные звуки.

Камера, освещенная двумя глиняными лампами, была не слишком тесной, в ней даже имелась жаровня для защиты от сырости и холода. Вдоль одной из стен лежал чистый соломенный тюфяк. Тюремщик, занимавшийся обеспечением камер, обещал вскоре принести щепки для растопки, масло и еду. А если понадобится, он мог бы достать вина и даже женщину.

— Не унывайте, господин, — сказал он в заключение. — Я не знаю ни одного человека, который задержался бы здесь дольше, чем на шесть месяцев.

Регер уселся на тюфяк и стал ждать.

Он думал, плавно прослеживая последовательность этапов жизни, о путях опыта, которые привели его сюда. Переплетение нитей в ткани, гобелены с изображениями колесниц, мечей и шумящей толпы, огонь, вырывающийся из воды, словно металл из ножен — и мраморная пыль. А у кромки в искайских сумерках — его мать, не имеющая лица. И через все тянется хрупкая нить, белая, как сердцевина пламени в лампе.

«Вспоминай меня иногда». Так написала ему эманакир перед тем, как погиб город. Живая или мертвая, она притягивала его. Он вспоминал. Он помнил ее.

Пока он вспоминал, другой человек подошел к двери камеры и заглянул сквозь решетку. В неверном свете янтарный шансарский глаз увидел статую задумавшегося короля, сделанную из позолоченной бронзы.

Шансарец щелкнул пальцами, и тюремщик пропустил его в камеру Лидийца.

Регер не поднялся ему навстречу и таким образом стал королем, дающим аудиенцию, не поднимаясь с ложа. Очевидно, он не печалился, не сомневался и не беспокоился о себе. Ни ему, ни для него уже ничего нельзя было сделать. Кроме того, он был честен. Он все сказал.

Шансарский принц посмотрел вниз, на сидящего короля.

— Значит, Огненные скачки все еще свежи в твоей памяти? Останься твой город на месте, я вернулся бы на следующий год и победил тебя.

— Возможно.

— В этом зале наверху ты видел собрание союзников, которые не доверяют друг другу и вообще всему на свете, — продолжал шансарец. — Меня призвали от провинции Элисаар. Я расска-

зал им то, что мне известно, славную историю. Ты тоже хочешь, чтобы я рассказал ее?

— Затем я сюда и пришел.

— Я не собираюсь ничего приукрашивать. Я не платный шпион Вардата, как этот дорфарианец Галутиэ, который лижет им пятки. Я почитаю богиню. Моя страна за океаном первой присягнула в братской верности Ральднору и Равнинам. Ваткрианцы претендуют на то, что первыми были они, но они лгут — первым был Шансар. Теперь же Равнины разделились на две расы, и одна из них — враг. А история такова. Незадолго до конца времени Красной Луны через северный Элисаар проезжала девушка-эманакир. Ее сопровождали двое или трое слуг, которые служили ей так, как всегда служат белым. Молодой лорд из шансарской провинции увидел ее на улице и вспомнил, как блистала ее красота в Саардсинмее, где он искал успеха в некоторых делах. Он отправил к ней домой вежливое послание, интересуясь, она ли та госпожа, и если это так, поздравляя с тем, что она успела покинуть город перед уничтожением, как и он. В ответном послании говорилось, что она стала свидетельницей трагедии или ее последствий. Принц пришел к ее дверям, но они были закрыты. Кто рассердил эманакир? Ему пришлось уйти.

— Ты и есть этот принц? — спросил Регер.

— Я, — шансарец сделал изящный жест. — Казарл эм Шансар.

— Ты встречался с ней в Саардсинмее.

— Наблюдал за ней, после колесниц. Но с тех пор она принадлежала тебе. Или говорила так.

— И все же ты видел ее достаточно часто и близко, чтобы узнать во второй раз, на севере.

— Я в этом клялся? Та женщина на улице была под покрывалом. Однако, знаешь ли, женщина, которая завладела твоим воображением... посадка головы, походка, движения — все это застревает в памяти.

Регер ждал. Некоторое время Казарл эм Шансар изучал его, затем протянул:

— Неужели ты не понял? Она похвалялась передо мной, когда посылала письмо с заявлением, что выжила.

— Я понял это.

— Она и перед тобой хвалилась силой своего народа? И тем, что он может повергнуть гордый город черной расы, чтобы дать пример?

Регер не ответил. В его памяти был упавший ястреб и надменная Аз'тира, стоящая на коленях и рыдающая в ужасе. Не только ее народ, но и она сама тоже разделилась надвое. Как ему казалось, это и побудило ее, коварную ведьму, позволить убить себя.

— Сейчас дикие россказни ползут по Элисаару и провинции, словно сорняки, — продолжал Казарл. — Возможно, с ее же подачи. Женщина из Саардсинмеи задумала убить ее и сделала это, ее видели в могиле. А после землетрясения и волны эманакир возродилась в своем теле, которое излечила от смерти ее магия.

— Люди Равнин верят в то, что жизнь неугасима.

— Но не плоть, которая подвержена тлению. В Шансаре есть легенды о героях, которые возвращались в собственные тела, если возникала нужда в них. Считается, что Ральднор сделал это во время не-войны с Закорисом.

Одна из ламп вдруг протекла, и ее свет стал красным. Словно это было сигналом, шансарец опустился на пол напротив Регера.

— Теперь я поведаю тебе вторую историю. В Таддре существует чудесный город. Или за Таддрой, в лесах далеко на западе. Это настолько далекая и забытая земля, что даже Вольный Закорис не жаждет заполучить ее. Этот город построили эманакир. Отчасти с помощью магии, отчасти благодаря труду рабов-Висов.

— И кто бывал в этом городе?

— Может быть, и никто. Слухи ползут вдоль рек. В Дорфаре говорят — вымысел. Потомок Рарнаммона — трус и вольнодумец. На его личном гербе изображен дракон, то ли обнимающийся, то ли борющийся со змеей. Он будет повелителем гусей. Все же он платит ищейкам, таким, как Галут, чтобы прояснить кое-что. Но Галут выяснил, что Висы могут лишь соперничать друг с другом в мелочах, а жители Равнин ослепили их или украли глаза. Никто не видел города эманакир... кроме их самих.

— Она ехала на запад?

— Так мне сказали. Она пропала, словно белый дым. Хотя по всему Вар-Закорису теперь ходит легенда о воскресшей богине. В некоторых закорианских деревнях, далеко в лесах, ты найдешь ее алтари. Сейчас появился новый план — послать на запад людей, миссию обреченных. Леса непроходимы. Сердце Таддры всегда было землей потерянных. Даже боги и герои пропадают там навсегда. Джунгли крайнего запада глубже, чем самые глубокие моря. Тем, кто туда входит, нужны крылья. Но это значит, что эманакир летают, — неожиданно заключил Казарл. — Она говорила тебе об этом?

Треснувшая лампа погасла. Другая тоже, но без всякого предупреждения.

— Духи подслушивают, — раздался в темноте голос шансарца. — Или у тебя есть сила. Да, я уверен, что это так. Во время скачки по утесам я чувствовал это.

— Колесницы живут собственной жизнью. Это тебе скажет любой настоящий колесничий.

— Это и есть Сила. Но вы, Висы, всегда приписываете ее внешнему миру. Ваши боги печальны, но опасны, потому что вы вкладываете в них слишком много, — Казарл склонился вперед. Его голос понизился до шепота: — Вардийцы могут убить тебя — настолько велик их страх.

— Меня предупреждали об этом.

— И ты все равно пришел сюда? Значит, это *она* позвала тебя. Выйдя на свободу, пойдешь ли ты в город на западе, который то ли существует, то ли нет?

— Если это зов ведьмы, наверное, у меня нет выбора, — ответил Регер, помолчав мгновение, и добавил: — Но что я должен тебе?

Судя по звону драгоценностей на запястьях и поясе, Казарл встал.

— Было одно мгновение, когда мы бок о бок неслись на колесницах. Подумал ли ты тогда: «Братья, которые сражаются за право первородства»?

— Да.

— Ты владеешь мысленной речью. Совсем чуть-чуть, слабым прикосновением. Не настолько, чтобы твой висский мозг сошел с ума. Сейчас в темноте мы заключаем сделку. Не спорь, Регер эм Ли-Дис. Некоторые вещи в этой жизни обязаны случаться. Наверху Сорбел весь изошел на пену, но я уговорю лорда-правителя. Мы пойдем на запад, ты и я.

Вторая лампа, недавно угасшая, вспыхнула и с шипением начала светить. Когда Казарл стукнул в дверь камеры и вышел, она снова ярко загорелась.

— Его спрашивали долго, и он отвечал открыто. Писцы занесли его рассказ на бумагу. Но он Вис. Как можно подумать, что он сообщник эманакир?

Сорбел стоял, заслоняя рассвет в высоком окне лорда-правителя.

— Его не допрашивали с пристрастием, мой повелитель.

— Не знал, что тебе нравится пытать людей.

— Мы вступили в войну, мой повелитель, и вам это известно. В войну против магов. Сначала мы считали себя частью избранных и друзьями белой расы, такими же светлыми, как и они. Но эманакир — альбиносы и присвоили себе знак белой змеи. Даже их собственный народ-прародитель, люди Равнин, стал чужим Лишенным Тени. Поэтому выходит, что мы подвергаемся риску наравне с темными людьми Дорфара и Элисаара и почти не способны защитить себя.

— Я уже усвоил все эти истины, Сорбел.

— Они могут напасть на нас так и тогда, когда пожелают. И они *нападут* на нас, потому что это враждебный и высокомерный народ, к тому же наделенный Силой. Разве мы, находясь в таком положении, можем оставить без внимания даже песчинку?

— Как заметил этот Регер, тебя, Сорбел, тоже могли бы счесть колдуном на юге, востоке и в Междуземье.

— А Казарл — шансарец и сумашедший, как и весь его народ.

Лорд-правитель слегка рассмеялся. Он очень устал и мечтал о простых радостях жизни — завтраке и сне.

— Да, Казарл — шансарец.

— С другой стороны, мой повелитель, мы знаем, что он богатый искатель приключений. Если неистовство толкает его к городу на западе...

— Возможно, город существует. Возможно, что он его найдет. Это может обернуться нам на пользу.

— Найдет с помощью Регера Лидийца.

— Обдумай все, Сорбел, — произнес лорд-правитель. — Если

 Регер был ее любовником, причем любимым до такой степени,

что она спасла его — а похоже, что так оно и было, — то, скорее всего, она хочет, чтобы он вернулся. Возможно, если разрешить ему беспрепятственно добраться туда, установится сверхъестественное равновесие. Тебе, Сорбел, должна быть известна ценность таких сделок.

— Мне снятся сны, — отозвался Сорбел. — Жена говорит, что я кричу, пока она не разбудит меня. Я лежу в ее объятиях, как ребенок, содрогаясь от ужаса, и не могу вспомнить, почему так, где я побывал и что видел.

— Казарл отправится в свое путешествие вне зависимости от решения совета Заддафа. Так пошлем Лидийца с ним. Они никогда не вернутся из лесов, потому что оттуда никто не возвращается. Возможно, через десять лет мы будем все так же обсуждать этот вопрос. А может быть, наши страхи по поводу эманакир — всего лишь дурной сон. Богиня разбудит нас, и мы будем лежать в ее объятиях.

Сорбел отвернулся от окна. Свет восходящего солнца обтекал его.

— Когда при мне в Совете пересказывали сплетни о чародеях, которые теперь способны возвращаться после смерти, я отмахивался от глупой болтовни, — проговорил он, черный на фоне света за спиной. — Но здесь, в личной беседе, я могу сказать, что верю им. Словно кто-то шепчет мне в ухо, ночью, в темноте: против сверхъестественного врага, который ненавидит нас и умеет не умирать, любая борьба безнадежна. Или нет?

— Борьба зачастую бесполезна, — ответил лорд-правитель. — А надежда, как злая гадюка, соблазняет лишь для того, чтобы больнее укусить. Но даже если так, должно быть какое-то иное состояние — не отчаяние, не надежда и не борьба. Какая-то вера или знание, не имеющее имени, но определенное. Зацепись за него, Сорбел. Или позволь ему поймать себя и унести.

Дорфарианский агент Галутиэ воссоединился со своими людьми на постоялом дворе. Злобно размахнувшись, он швырнул золото на стол, и пока головорезы ругались и дрались из-за него, объявил:

— Недодали. Эти ублюдки урезали нам плату.

Он был возмущен покровом секретности, под которым действовал совет союзников в Заддафе. Правда, обходными путями ему удалось выяснить, что Регер в тюрьме, но это не слишком обеспокоило Галутиэ. Дорфарианский таддриец, имеющий призрачного прадедушку с Равнин, отнесся к этому философски и перевел свой взгляд на другой предмет.

Он разрешил своему отряду развлечься в городе этим вечером. Завтра они должны были вернуться по Южной дороге в Илву, где он рассчитывал встретить кое-кого — точнее, Йеннефа. Пока они плыли через море от Зарависса, Галутиэ догадался, что за ними следует не кто иной, как Йеннеф. Скорее всего, ланнец посчитал, что они направятся прямо в Дорфар, поскольку Дорфар платил им обоим. Галутиэ позаботился, чтобы тот нашел доказательства этому. Желая иметь что-нибудь в запасе, он даже оставил далеко на севере послание для Йен-

нефа на случай, если тот до сих пор не понимает, в чем дело. Но Галутиэ был уверен, что в конце концов Йеннеф направится на вардийский запад, где законы Дорфара не слишком-то способны помочь или защитить. А шпион не забыл хватку ланнца и острый металл у горла.

Пока его люди развлекались со шлюхами и напивались, он совершил приношение в храме Анакир-Ашкар. Это была кровавая жертва, которая разрешалась здесь. Он просил богиню даровать ему право на месть, что казалось ему вполне допустимым. Из всех ее восьми воздетых рук — каждая из кости палюторвуса, добываемой в Заддате, с янтарными браслетами, золотыми пальцами и топазом на ладони — он смотрел лишь на руку возмездия.

Сквозь дым Галутиэ привиделось, что богиня улыбнулась ему.

Он чтил и восхвалял ее, она была его божеством, и он давал ей то, что ей нравится. Она не должна оставить без внимания его просьбу.

Глава 19. Огонь, вода и сталь

Все дороги кончались через сорок миль к западу от Заддафа. Дальше был лишь лес и то, что принадлежало лесу или чему он позволял существовать. Порой наверху по нескольку дней нельзя было увидеть небо из-за полога сомкнувшейся листвы. Поднявшись на высокую земляную террасу, удавалось разглядеть, как на юге зеленый покров разрывают горы, чьи склоны казались полупрозрачными, а вершины таяли в небе. На прогалинах темнели неподвижные лужи чернильной воды, над которыми клубился туман из мелкого гнуса и летали стрекозы. Изредка попадались деревни, отвоевавшие себе место. Некоторым не удалось устоять, и их останки едва виднелись среди ползучих растений и корней, поглотивших дома. Сквозь лес пробивались тропинки, проложенные людьми и животными. Вдоль таких проходов, привлеченные светом, на земле или в десятках локтей над нею распускались огни летних цветов. Ночью лес звенел, словно арфа. Внезапные грозы ударяли по листьям, и вместе с дождем вниз сыпались ящерицы.

Страна джунглей была самым древним местом Виса. Она существовала задолго до вардийцев, задолго до людей. Может быть, где-то в здешней земле лежали сокровища: бруски белой кости, помятые золотые маски ритуалов Зардука незапамятных веков или украшенные драгоценными камнями зубы странников. Но люди Казарла, по большей части вардийские закорианцы, не пользовались картами или магией лозоискательства и не копались в земле в поисках подобных вещей.

Вместе с десятью вар-закорианцами с ними шли двое шансарцев, слуги семьи Казарла, и повар из Кармисса. Каждый из них по шансарскому обычаю поклялся в верности Казарлу и соблюдении тайны на мече, стоящем в раскаленных углях. В старину им полагалось сжать металл в левой руке, чтобы ожоги стали знаком их намерений и напоминанием о верности. Казарл дважды напоминал об этом, прежде чем предложить измененный обряд. Но от Регера он не потребовал клятвы. «Ты и так связан», — заявил он.

В лесу время измерялось только сменой дня и ночи, но когда путь становился особенно труден, считался каждый час. Было невозможно провести вьючных животных в глубь джунглей, поэтому каждый нес на себе часть поклажи. Порой приходилось прорубать путь, и тогда каждый из пятнадцати работал до изнеможения.

Они почти не вели разговоров, которыми часто скрашивают время безделья. Вечером у костра кармианец, у которого оказался прекрасный голос, иногда пел жалобные песни своей родины. Закорианцы играли в раскрашенные вардийские кости. Казарл выдавал задумчивые монологи о Шансаре-за-Океаном, легендарной войне Равнин, богах и Анакир. Во время этих рассуждений он подзывал Регера, но тот всегда очень недолго поддерживал разговор.

— Расскажи мне побольше о Саардсинмее, — попросил как-то вечером Казарл.

— Она уничтожена, — ответил Регер.

Однажды утром не досчитались двоих закорианцев. Вскоре были найдены их останки. Судя по следам в подлеске, обоих раздавила гигантская змея, но съела только одного, оставив лишь металлические пряжки и башмаки. Другим позавтракали птицы и ящерицы. Цветы, на которые попала кровь, жадно подняли головки.

Некоторые испугались. Сейчас змея была не столько физической, сколько моральной угрозой.

— Тогда возвращайтесь, — сказал Казарл, стоя над змеиным следом с королевским пренебрежением. — Дорогу знаете? Клянусь Ашкар, я так не думаю. Так что идем с нами дальше.

Той ночью он сказал Регеру:

— Люди Равнин сжигают своих мертвых. Этот обычай соблюдают, чтобы дух мог улететь, освободившись от тела. Но теперь я думаю, что причина в другом — пламя не дает им восстановиться.

Теперь отряд состоял из тринадцати человек. Они установили дежурство по ночам.

Шансарские слуги, естественно, считали невыносимой изнуряющую влажную жару. Казарл в гневе заявил, что в Ша'лисе быть выносливым куда проще. Прошло полтора месяца с тех пор, как они покинули Заддаф.

Они перешли болото по старому закорианскому мосту, частично разрушенному. На краю болота валялся огромный скелет палюторвуса или какой-то еще более древней твари. Лихорадка подкралась к их лагерю, добравшись до обоих шансарцев и троих закорианцев со смешанной кровью. Они слегли на день или два. Но жар спал, и клятва осталась в силе.

— Что там? — сонно спросил Регер, открывая глаза.

— Не змеи, — заверил его Казарл. — Идем, покажу тебе кое-что.

В стороне от бдительного часового спал лагерь, не потревоженный даже гнусом. Занималась заря, пробиваясь с той стороны, откуда они пришли.

Сквозь папоротники и вьющиеся растения Казарл продрался под нависающий свод деревьев. Как они и предполагали накануне, здесь находилась еще одна опустевшая деревня. В отличие от прежних, она была заброшена недавно, и зелень еще не до конца затянула ее. Хижины заросли кустарником, но каменная печь-колонна, самый древний вид алтаря огненного бога, все так же высилась на подставке из спекшейся глины. Казарл указал на ее подножие, предварительно очищенное от растений. Там в землю было вбито что-то вроде деревянного столбика, обмазанного белым. У столбика имелось подобие лица и покрывало — или грива — из высветленных человеческих волос.

— Алтарь Зардука и алтарь Аз'тиры, — сказал Казарл. — Видишь там, снизу, следы на глине? Они приносили ей дары. Сжигали мясо.

Рассвет, обтекая тело Регера, пришел в заброшенную деревню. Он смотрел на выбеленную деревянную Аз'тиру. В ночь ее похорон он стоял перед алтарем в шалианском храме и обещал сделать приношение богине-змеерыбе за упокой ее души. Он так и не совершил этой жертвы. Вместо этого жертвой стала вся Саардсинмея, возложенная на алтарь и отданная морю во имя очищения.

Медленная буря ненависти уже привычно шевельнулась у него внутри. Это началось на корабле Эрн-Йира, однако в мастерской Вэйнека напряжение спало, лишь иногда отдаваясь тупой болью, какой никогда не беспокоил его шрам на руке. Но третья жизнь, жизнь скульптора в Мойе, тоже отдалилась от него. По мере продвижения на запад ненависть снова разрасталась и углублялась, и сейчас, пожалуй, целиком овладела им.

— Она проходила здесь, — уронил он.

— Явно — кивнул Казарл. — Иначе эти дикари никак не могли бы узнать о ней.

«Что до меня — я люблю тебя, наверное, с того мгновения, как увидела».

Картина вернулась к нему, через нынешнее деревянное подобие и через ту, которую он сам высекал из мрамора — образ ее прекрасной смерти на ложе, будто она спала. Ненависть охватила его, словно желание.

— Осторожнее, Регер, — предостерег Казарл. — Я предупреждал, что мысленная речь не совсем незнакома тебе. Твой мозг грохочет, как гром, и оглушает меня.

— А какими словами?

— Без слов. Разве кричащему ребенку нужны слова?

Регер вскинул глаза и посмотрел сквозь деревню, которую заволокло зеленью.

— Когда в Заддафе тебя неожиданно спросили, не происходишь ли ты из рода Ральднора, — вдруг произнес Казарл, — ты с педантичностью ответил, что не считаешь себя его потомком. Это увертка?

— Прочти в моем мозгу, — предложил Регер. — Если сможешь.

— Нет необходимости. Я просто сложил воедино два красноречивых факта. Ты схож обликом с потомками первого Рарнам-

 мона, дорфарианского Повелителя Гроз. Ты не ведешь свой

род от Ральднора. Значит, ты происходишь от его сводного брата Амрека.

— Об этом сказала мне *она*, — Регер отвернулся от деревни.

Поначалу она внушала ему отвращение. Эта белизна... Он никогда не причинял боли женщине, но она не была человеком. Он вырезал ее из мрамора, лепил из воска стройный контур ее шеи...

— Скульптор из Мойи использовал меня как модель для статуи Ральднора, — ответил Регер Казарлу. — Статую везли в Зарависс, и по случайности она упала. Все черты лица оказались разбиты.

Меч превращается в змею, а змея в женщину. Змея, которая сбрасывает кожу и выползает из темного логова под камнем... она так прекрасна...

Регер наклонился, выдернул из глины побеленный столбик и отбросил куда-то в деревню.

Позади раздавались обычные звуки пробудившегося лагеря. Повар гремел горшками и напевал.

— Согласно традиции, мы враги, Регер эм Амрек, — заявил Казарл. — Ты это знаешь и уже сказал об этом.

— Тогда сразимся, шансарец. Так и тогда, когда ты пожелаешь.

— Богиня укажет место и время.

— Твоя богиня — демон воздуха. Время и место укажет твоя воля.

Казарл поклонился, несмотря ни на что, соблюдая законы чести Кармисса.

Ни птица, ни насекомое не смели подать голос в листве вокруг них. Заключив договор, они легко пошли к лагерю, словно ничего не произошло.

Первая полоса дикой местности закончилась в городках и деревнях, на расчищенном, но полном болот и промоин западе Вар-Закориса. Здесь имелись кое-какие виды, главным из которых были горы, тянущиеся до самого южного горизонта.

Во времена Старого Закориса к Великому Морю-озеру не было путей. Корл и Отт использовали этот отгороженный кусочек океана для торговли рыбой и пиратских нападений друг на друга. Но теперь по берегу вились две вардийские дороги.

Отряд Казарла снова уменьшился. Невзирая на данную клятву, пятеро закорианцев пропали в первом же городке за лесом.

— Когда треснувший металл проверяют в огне, он ломается, — заметил на это Казарл. — Не стоило тащить этих паразитов в дебри Таддры.

В рыбацком порту на озере один из слуг Казарла нашел капитана отта, который собирался вести свою двадцативесельную галеру через Оттамит и Пут. Казарл кинжалом нарисовал на песчаной земле подобие карты: «Здесь и здесь города Отта, а здесь, или здесь, река, которая течет через горы на север, куда мы идем». Так они обосновались на корабле.

Вода Моря-озера блестела, как стекло, под лучами солнца в зените, вдалеке играла рыба. Капитан и его люди сочли это

благим знаком и немедленно поспешили на галеру. Казарл и Регер поднялись на борт, но остальные, бродившие по порту, чуть не остались на берегу. Кармианский повар ругал оттов, называя их дикарями. Но их уши огрубели от местного наречия, и они, предпочитая не обращать внимания на рожи, которые он корчил, улыбались, болтали и кивали в ответ.

Оттамит, столица, состоял из деревянных домов, крытых тростником и выкрашенных в алый, розовый и кремовый цвета. Сверкающие синие молы непонятного, возможно, религиозного назначения врезались в голубизну волн где-то на полмили. Прибой бился о берег, но озеро оставалось спокойным, с воды дул сильный ровный бриз. Путешествие заняло чуть больше дня. У Оттамита галера повернула на север, прижимаясь к берегу. Маленький оттский корабль рвал местные сети и продвигался, опутанный обрывками, через Море-озеро, пока его не поглотило широкое устье реки. Здесь располагался Пут, тоже деревянный и тростниковый, рдеющий стенами домов и ощетинившийся молами. Дикие попугаи гнездились на крышах и оглашали воздух пронзительными криками. За городом снова высились смутно различимые, но всемогущие черные джунгли. Устье реки, болото, окаймленное огромными зарослями тростника, было забито песчаными отмелями, островками и горячими источниками, из которых в небо вздымались дрожащие струи пара. Пройти через него было возможно, лишь перетаскивая легкое суденышко через преграды, пока не достигнешь основного, чистого русла реки. Но ни у кого из оттов не возникало желания идти таким путем, хотя некоторые умели обращаться со всеми видами лодок.

Ящерицы размером с двухлетнего ребенка сидели на камнях и наблюдали, как низкие коренастые отты с бегающими недобрыми глазами ведут переговоры, большей частью на языке жестов, с высокими шансарцами и закорианцами. Попугаи верещали и скребли когтями.

Перед рассветом все закорианцы, кроме одного, сбежали. Один из шансарцев снова свалился в лихорадке, и его забрали в приют у священного мола. Кармианец, который был в родстве с этим человеком, впал в уныние и в конце концов выпросил у Казарла позволение остаться и готовить для больного, «чтобы спасти его желудок от путской мерзости». На следующее утро, едва зашевелились попугаи, четверо оставшихся путешественников вышли из Пута с легкой гребной лодкой на плечах.

Через пятнадцать миль вверх по течению река расступалась в заводь, где росли пурпурные лилии, внезапно возникшие из густой коричневой воды.

Горные берега западной Таддры приближались к ним, как сон.

Горы расступились и пропустили их. На покатом склоне между горами и руслом реки теснился лес, спускаясь к самой

воде, а порой и вторгаясь в ее пределы. Громадные деревья запустили в реку корни, и вода, наталкиваясь на них, яростно пенилась. А вершины гор, возвышавшиеся над лесом, словно великаны над лугом, стояли, с одинаковым безразличием глядя в прошлое и будущее.

Стиснутая джунглями, река разделилась на несколько проток и сузилась, но все еще оставалась глубокой. В этот день они продолжали путь, задевая веслами стволы и огромные папоротники. Ветви смыкались над головой, образуя туннель.

С полудня повисла предгрозовая нехорошая тишина, нарушаемая только дыханием работающих людей, шумом лодки и воды. Сам воздух стал преградой, еще одним препятствием на пути непослушной лодки.

Незадолго до заката великолепное небо поднялось на мили вверх от лиственного полога. Воздух накалялся. Через час с невероятного расстояния донесся удар грома, ворча, словно лютый голод в пустых желудках долин, ударясь о горы и отскакивая. Лесные твари ответили воплями, визгом и сверканием распахнутых крыльев. Затем вернулась тишина, тяжелая, как свинец.

Люди положили весла вдоль бортов. Вода в протоке шла рябью, выравнивалась и поднималась, плотная, как агат, только теперь она вздымалась перед лодкой и казалась наполовину иллюзией.

Молния пронеслась по лоскуткам неба среди листвы. Раздался отдаленный треск, словно что-то взорвалось, и снова ударил гром, так, словно с небес посыпались каменные блоки. Ветер, как коса, пронесся по речной долине, сгибая деревья и заставляя лодку прыгать на жесткой воде.

Люди сжались. Вар-закорианец начал волноваться, шансарский слуга, наоборот, впал в транс.

Ветер выкрикивал незнакомые слова. С плачущим шипением снова ударила молния и поразила какую-то вершину над навесом листвы не более чем в тридцати шагах от лодки. Мир вывернулся наизнанку, когда вверх взметнулось полотнище живого пламени. Агатовая река стала золотой. Вниз обрушился ливень горящих листьев и ветвей, а гул огня заглушил все.

Когда лодка загорелась, Регер бросился в воду.

Под тремя или четырьмя слоями горящей поверхности в глубине узкой реки царила темнота. У нее не было дна, лишь здесь и там торчали глухие выступы земли и другие преграды.

Вскоре Регер вынырнул, чтобы глотнуть воздуха. Лодка лежала в некотором отдалении, охваченная огнем, среди пылающих обломков деревьев и отсветов в воде. Огонь был повсюду, вокруг и наверху. Никого из других людей не было видно. Он снова нырнул.

Теперь вниз просачивался красный свет, а речные боги запустили клыки в его ступни. Во второй раз он поднялся намного позже. Огонь суетился выше по течению, но так и вспыхнул, словно торопясь к нему.

Один из речных богов обхватил Регера за талию и снова потащил в глубину, сжав стальными человеческими руками.

Там, в тусклой красноватой тьме, он различил светлые одежды шансарца, бледность его тела и волос. Светлые глаза Казар-

ла широко раскрылись, светлые зубы сжались в усмешке — даже дыхание неохотно раздвигало их. Отпустив Регера, Казарл повис перед ним в воде, словно небесное создание, отдыхающее в полете. В руках шансарца не было оружия, он показывал пустые ладони, намереваясь пользоваться только своим телом, как тренированный на стадионе боец.

Похоже, Казарл решил, что богиня создала условия. Время для сражения...

Когда шансарец рванулся к нему, намереваясь вцепиться, Регер проскользнул под ним, отталкивая все дальше и дальше узел его тела и ног, извивающийся в толще воды.

Они вырвались на поверхность еще раз, всего в двенадцати шагах друг от друга, ограниченные протокой. Огонь хлестнул их, от мокрых волос пошел пар. Воздух обжигал, но они жадно глотали его. Шансарец смеялся, не дыша и беззвучно, глаза его пылали, как лес. Традиционное боевое безумие его народа. Он вынырнул и в огромном скачке, словно рыба-прыгун, через всю протоку обрушился на Регера, увлекая его вниз. Одна из его рук сомкнулась на горле Лидийца.

Когда они снова погрузились, пальцы Казарла сдавили вены, выдавливая жизнь, принося темноту в глазах и полубессознательное состояние, однако достойную статуи шею Клинка, как и все тело, защищала броня из мышц. Регер стал безжалостно разжимать хватку Казарла, шансарец сломал захват и попытался развернуться и оттолкнуть противника. Но теперь уже Регер схватил Казарла, отворачивая перекошенное лицо, руками и ногами удерживая его и одновременно выгибая его тело дугой, чтобы сломать позвоночник.

Но толща воды снова обманула и отдала преимущество другому. Шансарец внезапно метнулся назад, добровольно изгибаясь аркой. Оба закружились друг вокруг друга, словно вращающиеся колеса, и таким образом освободились, повиснув отдельно, но не успокоившись.

Горящая ветка из леса наверху, не сразу погаснув, пронеслась мимо них над рекой, словно пылающая комета. С их губ срывалось серебряное пламя дыхания.

Здесь сражались не люди — огнедышащие порождения неба. Утратив все человеческое, шансарец впал в боевое неистовство ритуалов своей родины. В его глазах не осталось ничего, кроме голода и жажды. Его руки были напряжены и готовы к сражению. К Регеру вернулась жажда крови, знакомая по Саардсинмее, но не подлинная, не идущая изнутри, ибо он сохранил способность трезво мыслить — замена, подделка, попытка выплеснуть ноющую ненависть.

Багровая комета пронеслась мимо, словно старое вино пролилось в пропасть. Далеко ли ей падать?

Двое мужчин, в сильных легких которых осталось еще немного воздуха, самозабвенно спешили вернуться к своему единению, словно два разделенных любовника, и набросились друг на друга, не отпуская.

Рот Казарла исказился в усмешке удовольствия, он начал рвать, давить, уничтожать врага. Но Регер, медленно, с ужасной

невыразительной силой сжимал противника, свободной рукой выдавливая остатки воздуха из его легких. Левая рука шансарца оказалась зажата. Он понял это и удвоил усилия правой руки — но Регер перехватил ее и начал выкручивать, медленно, почти изящно, в сторону и назад...

Ужасная боль в этой руке, идущей по кругу и почти уже вырванной из сустава, лишь подогрела неистовство шансарца, но крик — отчасти боевой ярости, отчасти нестерпимой боли — вырвал остатки воздуха из его легких. Его ребра прогнулись под тяжестью ладони Регера, и беспомощные судороги, подобные страшной икоте, сотрясли тело, вместо воздуха глотающее воду.

Наконец, полузадушенный, шансарец стал тонуть.

Он барахтался, начиная бороться, потрясающая живучесть неистового воина все еще подталкивала к битве, словно молоты пытались сокрушить непреклонную бронзу.

У самого Регера потемнело в глазах, его легкие натянулись из последних сил, как кожа на барабане, но он держал Казарла, как огромного бьющегося безумного ребенка, который постепенно засыпал, успокаивался, шаг за шагом, миг за мигом переставая бороться...

Сцепившись, медленно вращаясь, они погружались все ниже.

Регер почувствовал, как тяжелая голова упала на него, ноги и унизанные браслетами руки обвисли, словно водоросли — чувствовал, но уже не мог видеть. А скоро не сможет и чувствовать...

Он повернулся в воде, отталкиваясь от выступов речного русла — корней и камней, которые царапали его, пока он падал. Придерживая Казарла лишь за роскошную пряжку пояса, Регер тащил их обоих наверх, неловкий, незрячий, почти несуществующий, вдоль боковой стенки русла. Используя ее как опору, Регер поднимал себя и смертельно тяжелого и одновременно невесомого Казарла — *наверх*...

Темнота. В воде, в глазах, в сознании. Темноте или тени нет конца. Как и воде. Наверное, под поверхностью воды протока расширяется, и они оказались под скалой, погребенные в камне реки.

Белизна полоснула его по лицу. Воздух ворвался в легкие, как нож. В воде он не мог глотать его, а теперь не мог вдохнуть достаточно. Зрение еще не проснулось... Они все еще в воде, только теперь она падает сверху и колет его... Это дождь. А огонь утих.

Под дождем и угрюмым небом, застрявшим меж остатков лесной крыши, Регер перевернул шансарца лицом вниз и начал выгонять реку из его легких и кишок.

Жажда крови, почти стоившая ему жизни, отступила. Должно быть, легче продолжать падать в забвение и ночь. Но только теперь, вытащив их обоих к жизни, он осознал, как в самом деле это было просто.

Казарл эм Шансар лежал на боку, глядя на Регера горящими возбужденными глазами.

— Это не конец, — с трудом выдавил он.

Регер не стал отвечать ему. Лодка пропала. Нигде не было видно ни шансарского слуги, ни вар-закорианца. Шел дождь. Небо протекло, как когда-то лампа в камере.

— Три Испытания, чтобы отличить виновного от невиновного, определить победителя или сущность того, что должно быть, — снова прохрипел Казарл. — Огонь, вода, сталь. Не обязательно в этом порядке. Герой Ральднор проходил через них — сталь наемного убийцы, потом буря, наконец, вулкан.

— Побереги себя, — ответил Регер. — Нам предстоит дорога, как мне кажется.

— Я говорю не о фактах, но об истине.

— О шансарской истине.

— Огненные скачки — это был огонь, который повторился здесь, с нами обоими. А для тебя был еще огонь в море, как у Ральднора, и волна, которая накрыла твой рабский город — вот твое испытание водой. И сталь — любой из твоих поединков на потеху толпе. Но пусть сталь испытает тебя еще раз — со мной, — Казарл вернулся в свое тело еще не до такой степени, чтобы изменить положение и уменьшить неудобство.

— Говоря твоим языком, я убил тебя в реке, — заметил Регер. — Ты побежден. Твоя богиня-рептилия отдала тебя мне, — при этом его лицо и глаза оставались спокойными, он говорил без злости или радости.

— Ты убил меня и воскресил, — возразил Казарл. — Ты сохранил меня для стали, как она сохранила тебя.

— Кто — она? Анакир?

— Да, Анакир.

— Если она существует, твоя богиня, и действительно такова, как утверждают твой и ее собственный народы — она есть все, она во всех временах и местах, в этой земле, в этой погоде, во всех людях, в тебе и во мне, — негромко и отчетливо проговорил Регер, — тогда мы более чем виновны, шансарец. Мы портим мир. Мы делаем его плохим и неправильным, а в ответ получаем беды и страдания. Вставай. Пойдем туда, куда, как ты считаешь, мы идем. Даже если твоя философия точна, какое это имеет значение?

Казарл лишь кивнул и довольно твердо встал на ноги. Его драгоценности потускнели, но глаза снова превратились в полированный сверкающий янтарь.

— Зачем дети играют в игры? — спросил он. — И разве хорошо и правильно запрещать им играть, даже если они ушибаются или порой ранят приятелей? Дети должны играть. А почему мы так думаем?

Регер ждал. Казарл вяло указал на запад, вверх по реке. И они пошли вдоль берега на запад, под дождем, меж обугленных останков леса.

Спустя мили и дни после пожара деревья снова сомкнулись над рекой. Лишь иногда показывались вершины гор, которые, казалось, принадлежат не земле, а небу.

В грязных, илистых местечках, оставшихся от реки, удавалось ловить ящериц. Доступная вода оказалась полна солей, и

они по большей части надрезали стебли папоротников и пили их кислый млечный сок.

Указателями пути были иногда возникающие горы и свет дня, порой пробивающийся под полог леса.

Без необходимости они не говорили друг другу ни слова, не мерялись выносливостью и скоростью. Они срослись в странном союзе. Словно так было подстроено (если, конечно, в этом не заключался план Анакир), все покинули их, и наконец стало очевидно, что цель существует и они достигнут ее. Несмотря на драку под водой, они не пытались вредить друг другу и не устраивали даже умственных состязаний. Общее жестокое чувство дикости опустилось на них.

В середине дня, предположительно пятнадцатого или шестнадцатого после пожара (а может быть, и позже), Лидиец, идущий впереди, пробился сквозь непрекращающиеся лесные дебри к расчищенному месту, настолько широкому, что его дальний край пропадал из виду. Но это был отнюдь не конец джунглей — вдалеке они снова поднимались к солнечному свету, словно холмы голубого тумана, а над ними нависали призраки гор — с юга, не с севера.

На расчищенном месте стоял город или большая деревня.

Долгое время пробавляясь редким безвкусным мясом и соком папоротников, нетрудно было приписать ее странное появление простому обману зрения.

Здесь обитало таддрийское племя, родственное оттам. Земляные постройки нарастали друг над другом, как соты. На тростниковых крышах стояли резные деревянные птицы, видимо, приносящие удачу. Затем одно из изваяний подняло крыло — это нелетающая курица охраняла свое гнездо. Казалось, городок не имеет никакой связи с джунглями. Люди здесь не глазели на двух путников, а лишь изредка бросали взгляды.

На площади имелся рынок, где они, на удивление, смогли достать еды за деньги.

С одной из сторон площади, не обращая внимания на торговлю, за длинным столом шла традиционная для оттов Мертвая трапеза. На почетном месте сидел забальзамированный труп, одетый в лучшие одежды, и наблюдал за пирующими из-под синих век. Отты пили за мертвого и приглашали проходящих утолить жажду. Регер и Казарл оказались в их числе. Крепкое пиво ударило им в голову. В любом случае ничто из этого не казалось им любопытным или настоящим.

Когда дневной свет начал растворяться в сумерках, на широком куполе небес над равниной показалась алая звезда. Настала первая ночь Застис.

— Все еще огонь, — заметил Казарл.

Они сидели на крыше таверны, под навесом, сплетенным из листьев. Налетевший ночной ветер испытывал навес, заставляя листья трепетать, словно крылья. Они могли бы жить в этом городке долгие годы.

Внизу на площади начали расходиться участники похорон. Появилась фигура Смерти — мужчины, одетого, как женщина, и

во всем белом, — чтобы проводить умершего к могиле с шутками и радостными песнями.

Светлая голова Казарла запрокинулась, чтобы лучше разглядеть Звезду.

— Твоя Застис не влияет на таких, как я. Мы не испытываем особой жажды. Любой шансарец скажет тебе то же самое, устремляясь к дверям публичного дома. Нет-нет, столь явное желание — примета Висов.

Регер наблюдал за окончанием погребальной церемонии. Волнение в его крови было не столь уж сильным, но он готовился к нему последние дни, предчувствуя приход этой поры. Он привык сдерживаться или находить заменитель. Бой в реке, хотя и случился давно, был слегка окрашен предвкушением Звезды.

— Застис — это дом, где боги Висов предаются любовным утехам, преданный огню и вечно пылающий в небесах, — заявил Казарл, который уже опьянел. Впрочем, их обоих нельзя было назвать трезвыми. — Или, — продолжал рассуждать шансарец, — Застис — это одна из таинственных летающих колесниц людей Равнин или висских Королей Драконов. Это пылающая магия, неспособная сойти на нет, ее чувственное влияние осыпается на нас, словно алый снег...

— Если тебе хочется женщину, иди и найди, — отрезал Регер.

— Посмотри вон туда, — сказал Казарл и показал через розовеющие в сумерках кровли на другую крышу не так далеко от них. На ней сидели две женщины, одна укладывала волосы другой в прическу. Они сияли в сгущающихся сумерках, ибо, хотя обе женщины имели смуглую кожу, их длинные косы были высветлены. Одна из сидящих заметила, что Казарл смотрит на нее с интересом, улыбнулась сама себе и отвела взгляд. Другая продолжала делать ей прическу, но при этом стала напевать низким приглушенным голосом.

Добраться до тростниковой крыши женщин оказалось легко — все кровли соединялись краями.

Женщины приветствовали их любезно, словно старых друзей семьи. Они оказались очень скромными, даже застенчивыми. Разница диалектов не предполагала долгих обсуждений.

Казарл увлек младшую девушку вниз по лестнице. Регер же улегся со старшей на крыше, в гнезде из тростника, под звездами, которые расправляли крылья и проносились по вечному своду небес.

— Эти люди утверждают, что никогда не ходили ни на север, ни на восток. Им не интересно, что находится за границей джунглей — да, где-то есть море, но кто до него доходил? Лес ловит и ест путешественников, и только призраки возвращаются назад. Моя женщина, всхлипывая от ужаса, рассказывала мне истории об этом и так напугала сама себя, что мне пришлось ее успокаивать.

— И все же в этом городке пользуются монетами, — заметил Регер.

— В горах на севере и востоке есть другие поселения, — объяснил Казарл. — Так они говорят. Торговцы приезжают из

мелких королевств Таддры, из далекого Закориса и с дорфарианских дозорных постов.

— А как насчет легендарного города? Они о нем слышали?

— Если и слышали, то никогда не прислушивались.

Они стояли у границы городка, на кладбище. Могилы здесь были утрамбованными холмиками, прямо на которых росли ползучие растения и цветы. Они выглядели весело и беззаботно, и там, где они высились, цветы лишь распускались пышнее.

— Город окружен джунглями и находится между этой местностью и берегом, — пояснил Казарл. — Мне уже начала сниться Ашнезия. Я упоминал, что этот город так называется?

— Опиши свой сон, — отозвался Регер.

— Белый свет, звенящий в полночь и огонь глаз.

— Ты тоже начал говорить, как жрец.

— Все шансарцы — жрецы. Жрецы-воины. Сегодня мы снова сразимся, ты и я.

— Но как я найду дорогу в Ашнезию, если убью тебя? — возразил Регер.

— Ты рассчитываешь, что я могу отвести тебя туда?

— Она дала тебе направление, — настаивал Регер. — В Саардсинмее или в Ша'лисе.

— Она? То есть эманакир? Это ты так думаешь.

За кладбищем начинался лес. Солнце позолотило его первые деревья, но в глубине царила темнота.

— Ты признаешь магию, по крайней мере, в виде сна, — наконец сказал шансарец. — Ты говоришь себе — ничто не таково, каким кажется.

— Я понимаю, тебе очень хочется, чтобы я думал так.

— Как мы будем сражаться? — поинтересовался Казарл. — Где мы возьмем мечи? Хочешь, поищу их? Я могу пойти в лес и поймать пару змей. Каждая превратится в стальной клинок.

— Именно этот трюк она проделала со мной, — мягко ответил Регер.

— Кто ты? — вопросил шансарец. — Ты знаешь себя? Может быть, ты умер в Саардсинмее. Может быть, я умер в реке.

— Здесь и сейчас, — произнес Регер в ответ, резко повернувшись.

Он перепрыгнул одну из осыпающихся могил и пошел к Казарлу, выхватив нож, который ему дали в совете Заддафа взамен того, что отобрал Галутиэ. Нож был испытанный, он легко разрубал тростник, лианы и плоть ящериц. Все обычаи стадиона утратили силу — даже воздержание от близости перед боем. Он провел ножом вдоль ребер Казарла, и брызнула кровь, красная, какой не бывает ничто, кроме нее.

Блеснул кинжал шансарца — шалианской работы, со змеерыбой, выгравированной на лезвии, и драгоценным камнем в навершии рукояти. Казарл даже не обратил внимания на порез на боку.

Регер стоял, ожидая. Когда шансарец бросился на него, он блокировал удар, потом еще один, и оттолкнул от себя Казарла, считая ниже своего достоинства ранить его еще раз.

Солнечный свет окутал землю. Но сражение было тяжелым и бессмысленным. Пользуясь отточенной реакцией, выработанной безжалостными тренировками на стадионе, Регер обнаружил, что его тело стало странным. Оно двигалось не так, как он помнил, и само было обижено этим. На арене кладбища не было гудящей упоенной толпы, не было причины и не было приза.

Шансарец откатился и стремительно бросился на него, снова и снова. Регер встретил его удар, сам ударил сбоку, снизу, в никуда, затем плавно перешел в нападение, вынуждая Казарла защищаться.

Первая и единственная рана шансарца кровоточила. Порез не лишил его боеспособности, но ему и без того не хватало боевого духа. Сейчас он не выкладывался так, как в реке.

Регер перебросил нож Заддафа из правой руки в левую, шагнул вперед и правым кулаком нанес удар в челюсть шансарцу. Когда тот покачнулся, Регер пнул его ногой. Казарл рухнул в цветы, шалианский кинжал отлетел в куст.

— Ты умер в реке, как и сказал мне, — уронил Регер.

— Амрек! — воскликнул шансарец. — Убей меня или позволь встать, чтобы сразить тебя.

Регер стоял над ним.

— Братья в Элисааре боролись за право первородства. А за что сражаться нам?

— За весь мир. Это продолжение вражды Ральднора. Кто-то должен возобладать, — он дотянулся до щиколотки Регера и потянул вниз, но Регер оторвал руку Казарла от своей ноги.

— У тебя идет кровь, эм Шансар. Иди в поселок к женщине и попроси осмотреть твою рану.

— Кто возобладает? — повторил Казарл. — Твоя раса или моя?

— Или эманакир. Если я пойду на запад, я найду город.

Казарл распластался на земле. Внезапно порез на боку начал причинять ему боль.

— Я был ее слугой в северном Элисааре — Ша'лисе. Я видел ее без вуали. Это была Аз'тира. Она умерла и снова ожила. Я лгал тебе, — он прикрыл глаза от солнца, его лицо стало загадочным и серьезным.

— Она говорила, что ее магия заставит меня последовать за ней?

— Она ничего не говорила о тебе. Она забыла тебя, Лидиец.

— Значит, она говорила только о городе.

— Кое-что и о городе.

— Но достаточно, чтобы ты смог найти дорогу туда.

— О да...

— Почему ты не сделал этого раньше?

Казарл снова открыл глаза. Его лицо сделалось гордым, высокомерным и совсем незнакомым.

— То одно, то другое. Или мне самой судьбой было предназначено стать твоим проводником.

— Только до этого места.

Медленно и осторожно Казарл сел, затем, опираясь о могилу, встал на ноги.

— Ашара-Анак, — только и произнес он.

Не спеша, так же прямо, как после боя в реке, он пошел назад в поселок. Он даже не вспомнил о дорогом кинжале, оставшемся в кустах, и больше ничего не сказал Регеру.

Лидиец прошел через кладбище и вошел под своды джунглей. Утренний свет остался позади, запад лишь угадывался за чащей леса. Вскоре, как, по словам Казарла, рассказывали люди, лес сомкнулся за ним.

Вокруг царила ночь. Ночь днем. Здесь не было дня. Равно как и направлений, севера или юга, востока или запада. Полный холодной ярости, опьяненный разочарованием и прозрачностью тьмы, он отдался воле судьбы, или Анакир, или желанию и памяти женщины по имени Аз'тира.

Казалось, в лесу нет ничего живого, кроме него и невероятно разросшихся деревьев. Было очень жарко и влажно. Когда его мучила жажда, что случалось не так часто, он пил росу с листьев. Он шел до тех пор, пока не падал с ног от нечеловеческой усталости. Тогда он спал, а когда просыпался, снова пускался в путь.

В нем проснулось что-то детское. Он возвышался над другими людьми, но в бесконечной ночи под деревьями его личность стала не нужна.

Если бы он измерял время, то, наверное, прошло около пяти дней, когда он подошел к колонне.

То ли ее белизна, то ли что-то другое освещало эбеновый лес. Она поднималась над самыми высокими деревьями, на восемьдесят локтей или даже выше. Если подойти ближе, можно было увидеть силуэты птиц и кошек, драконов и змей, вырезанных в непорочном белом камне.

За колонной начиналась прямая, словно прорезанная ножом сквозь лес, немощеная дорога, на которой без труда разъехались бы две колесницы. На ней не было ни малейшей грязи и никакой поросли. Она шла вдаль, пока темнота не проглатывала ее. Без сомнения, она куда-то вела. Она вела к последнему видению, городу эманакир. К Ашнезии.

Глава 20. Смерть и жизнь

Это было место темноты, бесформенной ночи, более гладкой, чем поверхность воды. Но вот в темноте появился огонек, собрался с силами и разросся.

Затем он обрел плоть, превратившись в женщину неестественного роста, белую, как снег на вершинах гор.

Белое тело и восемь белых рук, простертых, как лучи... Внизу тело оканчивалось хвостом огромной змеи, кольцами алебастра с зубчатыми рядами чешуек, сверкающих так ярко, будто они все время шевелились.

Выше, с бледного лица, обрамленного снежным облаком волос, которые одновременно были клубком извивающихся змей, сбегающих по плечам, взирали глаза, полные бесцветного льда. Или бесцветного огня.

Лицо Аз'тиры.

Затем сияние ее образа стало нестерпимым — и исчезло. Осталась только бесформенная темнота, более гладкая, чем поверхность воды.

Когда она выходила из храма, поднялась луна. Звезда уже взошла, и на западе и востоке небеса покрывал багрянец, сгущаясь в темноту ночи только к зениту.

С высоты храмовой террасы молодая женщина могла видеть весь город, вплоть до кольца стен. За пределами этих стен плоская местность растворялась в небытии. Сам город выглядел произведением искусства, кучкой игрушечных домиков на доске для какой-нибудь военной игры Висов. Свет Звезды и окрашенной ею луны делал его похожим на охваченную огнем кость.

Девушка покинула возвышение, спустившись по широкой мощеной лестнице, идущей по садовому склону с подстриженными деревьями, прудами и фонтанами.

Ее белизна мерцала в жарких сумерках уже не так подчеркнуто, как в храме. Возможно, кто-то стал свидетелем того, как она создала здесь, на алтаре, образ своей внутренней Сути в виде богини, хотя тишину храма не нарушило ни единого вздоха. Это было ее

духовным упражнением, составляющей частью жизни, подобно вечерним и утренним прогулкам по широким проспектам Ашнезии или по равнине за пределами города, где иногда из джунглей дул теплый солоноватый ветер, а порой крадущийся тирр приходил припасть к ее ногам и униженно возил в пыли кошмарной головой. Она никогда не испытывала страха перед тиррами, ибо была одной из лучших в городе своего народа, первой среди равных.

У подножия храмовых террас под циббовым деревом стояли двое мужчин-эманакир и смотрели на нее — возможно, преднамеренно. Их белизна, подобно ее собственной, сверкала в ночи под тенью деревьев.

«Приветствуем тебя, Аз'тира», — они не сказали это вслух, а использовали мысленную речь, причем без четких слов. Она отозвалась в той же манере и продолжила путь меж бледных дворцов по одной из мраморных дорог, не имеющей имени.

Над городом висела тишина. Словно у самых примитивных созданий, у этих людей не существовало голосового общения. Звуки очень редко срывались с их губ. Они передвигались почти бесшумно. Среди них была редкостью склонность к музыке, и, наверное, никто никогда не пел. Их немногочисленные дети, с рождения проходившие отбор и растущие под жестким контролем, вели себя так же тихо, как и взрослые.

Вдоль дороги стояли одни дворцы, перемежающиеся обелисками или святилищами. Такие места, сейчас тающие в свете ламп, были украшены парками и рощами. Кроме них, в Ашнезии почти ничего не было. Но под особняками и лужайками, под улицами город пронизывали переходы и комнаты, в основном сделанные людьми, где крутились колеса вседневной жизни. Ашнезию обслуживали рабы, и построили ее тоже рабы. Когда-то смуглые таддрийцы, отты, корлы и более темные закорианцы были объединены в смешанную, специально выведенную расу, уже несколько поколений которой выросли на положении рабов для выполнения рутинной работы в городе.

После получасовой прогулки, не встретив более никого, Аз'тира пришла к себе. Ее дом располагался на возвышении, не огороженный, лишь окруженный двором, выложенным мозаикой. Около лестницы находилось высокое сооружение с колоннами — Святилище Ральднора, по которому и узнавали дом Аз'тиры.

Она поднялась по ступеням, прошла по мозаике, вошла в открытые двери. За неосвещенной передней, штукатурка которой была покрыта смутно различимыми фресками, лежал круглый расписной зал дворца эманакир. Под высоким потолком на тонких цепях раскачивались призрачные светильники-лотосы. Ни один раб не пришел, чтобы зажечь их.

Аз'тира пересекла зал, поднялась еще на несколько ступеней и вошла внутрь башни, в большую пустую комнату с единственным окном из дымчатого стекла. Перед этим окном, выходящим на восток, она замерла. Ее неподвижность была совершенной, как у статуи, казалось, она даже не дышит.

Ее чистое сознание собралось в самом центре разума. Она прислушивалась, но не к звукам.

* * *

Местом ее рождения была Равнинная деревня из пяти хижин. Она появилась на свет с белыми глазами, и, наверное, даже ее матери не нравился их взгляд. Когда на головке девочки начали прорастать волосы, похожие на серебряный лен, о ней узнали и забрали в храм.

Ее родители, исчезнувшие в первый год жизни и забытые, чистокровные золотоволосые жители Равнин, постоянно пользовались мысленной речью. В остальном это были невежественные, закоснелые люди, живущие обособленно. Именно в подобных семьях обычно и появлялись дети-альбиносы.

Еще до того, как научилась ходить или говорить словами (даром мысленной речи дети Равнин наделены с первых месяцев жизни), Аз'тира попала в Хамос, этот избегающий чужаков город на юге Равнин. Здесь она росла среди таких, как она сама, хотя их не связывали кровные узы, и проходила обучение, как все подобные ей дети, во время которого среди них волей случая выявлялся лучший, наиболее безупречное порождение Анакир.

Для любви и добра в этом замкнутом круге не оставалось места. Но Аз'тира не утратила ни любви, ни доброты, ибо никогда не видела вокруг жестокости или несправедливости. Здесь не могло быть лжи. Хотя их обучали пользоваться разговорным языком Виса, а также светлого Континента-Побратима за морем, в общении сохранялись сотни тысяч оттенков мысленного диалога. Дети рано учились тому, как отбиваться и защищаться от проникновений и сигналов разума. В отличие от торговцев Вардата и Мойхи, они не давали угаснуть ничему из своего сверхъестественного дара. Эманакир также называли себя детьми Истины.

Они были *холодным* народом — так их всегда называли не только Висы, но даже золотоволосые люди, их дальняя родня. Но зачем им была нужна теплота? Страсти и душевные излияния — соль и сахар, которыми слепые разумом приправляют мясо отношений. Эманакир просят то, что желают, и отказываются от того, что не могут оплатить. Теперь, когда они стали могущественными и самодостаточными, когда их легенда пропитала весь Вис, когда они поверили, что являются богами, они не слишком тосковали по человеческому.

Что такое честолюбие? При желании легко одержать превосходство. И что такое любовь... плотское влечение, в жителях Равнин превратившееся в результат приказа, или всего лишь следствие страха — страха перед одиночеством или смертью, практически истребленного в чистых жителях Равнин и почти неизвестного эманакир.

Душа вечна. А плоть (как подсказывало предчувствие, подобное мягкому дуновению) можно восстановить.

Когда ей исполнилось двенадцать, через год после того, как она впервые закровоточила, Аз'тира обнаружила в себе способность к исцелению. Когда один из ее приятелей упал и повредил кожу, она свела края раны вместе и утянула шрам в воздух, как дым. Ей удалось это, потому что она сопереживала боли. Ключ к этому дару был в ней самой, она родилась с умением исцелять. На самом деле

она совершила несколько легких исцелений еще до того, даже не осознавая, что делает.

У нее имелись и другие способности. В Хамосе, особенно в его внутренней части, они являлись нормой.

В Женском доме, куда Аз'тира вошла, покинув своих опекунов, не имевших с ней никакого кровного сходства, она изучала духовные искусства древних храмов. Она развила в себе то, что на всем остальном Висе считалось фокусами жрецов-магов или содержанием мифов.

Она подготовилась к миру, лежащему за пределами камней и печатей ее Равнинного города. Иногда она видела настоящих Висов, жителей этого отверженного мира. Они были так же чужды ей, как и она им — и внешностью, и манерой держаться. Она привыкла к представителям своего народа, темнота Висов даже беспокоила ее. Ее учили, что некогда темные народы были владыками планеты — во времена, последовавшие за эпохой, когда все было иначе. Она относилась к Висам как к смертным.

Жрица потаенного святилища, ученый умный ребенок, она дожила в Хамосе до семнадцати лет, не испытав ничего иного. Она познала трех любовников, прочитала множество книг и освободила в своем теле силы, которые не встревожили и не изменили ее представления о себе. Она усвоила основополагающую суть тех, кто звал себя Эманакир.

Среди эманакир существовало разделение обязанностей и предназначений полов — но не преимущество одного пола над другим. В древние времена на Равнинах поддерживалась власть женщин. Пока такие, как Мойхи, по-обезьяньи подражали Висам, избирая для управления совет из мужчин, сердцем Хамоса правил совет, поровну состоящий из мужчин и женщин.

Перед этим советом и предстала Аз'тира. Ей было всего семнадцать лет, и она не чувствовала страха или сомнений ни по какому поводу. Она стала одной из лучших посвященных эманакир в Хамосе, и пришла пора, когда о ее существовании должны были узнать в Ашнезии.

С помощью мысленной речи она уже перехватывала эфирные потоки связи с Западным городом.

Теперь ей рассказали, с четким указанием местонахождения, все о постройке города и его тайных путях. Обобщение позволило ей представить реальность. Ашнезия была одновременно городом и королевством, но, более того, целью. Однажды, в прежние времена, мощь Равнин пришла в упадок. После этого тиран Амрек почти стер с лица земли все следы их существования. Память об Амреке, которой на Висе сторонились где только можно, с черной свежестью выжила среди народа Аз'тиры. В их мифах он стоял рядом со спасителем Ральднором. Ральднор был источником жизни, дарованным Анакир, Амрек — противоположностью жизни. Но, если вспомнить о Равновесии, по сути, они были одно. И если сейчас люди Равнин

снова приняли прежнее название своего народа на языке Висов — Лишенные Тени, то Амрека называли — Тень. Несмотря на то, что его тело и личность ушли в прошлое, его дух еще присутствовал в старой ненависти и неприязни между расами. Из Нового Элисаара, отложившегося, но все еще платившего дань завоевателям из Шансара, из Йилмешда, столицы Вольного Закориса на северо-западе, и из самого Дорфара, сияющего средоточия Виса, где всеобъемлющее божество Анакир, исказив, свели к идолу — отовсюду проступала, разрасталась и подкрадывалась Тень. В каждом клочке кожи цвета меда, цвета бронзы или черного янтаря, в каждой пряди черных волос и каждом темном глазу таилась в ожидании Тень.

Чтобы противостоять этой Тени, и воздвигли Ашнезию.

Крепость. Высеченный в камне образ иной, единственно сущей Сути. Меч из снега. Строгое соответствие второй половине бесконечного Равновесия. Белая змея, жалящая собственный хвост.

Внутренне Аз'тира приняла Ашнезию стихийным детским представлением. В этой идее содержалась симметрия, которую никто из ее народа не мог отрицать.

Само название этого города магически воздействовало на нее, подобно шороху спящего моря, о котором она тоже только слышала. *Ашнезеа* — истинное название древнейшего города ее расы, ржавого клинка, оставшегося лежать на дальнем юге Равнин.

На строительство нового воплощения Ашнезии согнали рабов-Висов. Оно находилось глубоко в густом меху на спине черной твари — в джунглях на северо-западе. И близко к злобной ненависти Закориса, что тоже являлось частью будущего Равновесия.

Так пойдет ли Аз'тира в Ашнезию? Это было предложено ей как испытание, которого она в своей юности жаждала всей душой.

К Ашнезии надо было стремиться. Как когда-то давно стремились к Ашнезеа.

Месяц спустя Аз'тира вышла через северные ворота своего города — одна и пешком, как в основном и путешествовали эманакир.

Она изучала Зарависс. Стояло лето, повсюду на земле распускались алые цветы, похожие на закат долгого дня. Крестьяне выходили предложить ей фрукты или хлеб, чаши супа или вина с венками, положенными на края. Она принимала то, в чем нуждалась. В городах солдаты расталкивали толпу, чтобы расчистить ей путь. На постоялых дворах и в тавернах мгновенно освобождались лучшие комнаты, но, как правило, она выбирала открытые покои с выходом на крышу или в сад. Ее никогда не беспокоили. Деловые, шумные хрустальные города Зарависса мелькали, как спицы в колесе. В них не было ничего от ее города на Равнинах.

На узкой земле Оммоса, теоретически принадлежащей Равнинам, девушка, которую приняли без особой любви и почти не поддерживали, встретилась с ужасом и отвращением. В городах никто не смотрел на нее, все отворачивались или убегали. В Оммосе

прижилась уродливая сторона Висов. Присоединившись на побережье к группе полукровок, она села на их корабль до Дорфара.

Дорфар не произвел на нее впечатления.

В первом городе ее встретили церемонией и дарами, и она отвергла их. Не дрогнув, они предложили ей колесницу со скакунами и возничим, чтобы проехать по улицам. Неустрашимо пройдя пешком все расстояние до этого города и предпочитая такой способ передвижения, несмотря на кажущуюся хрупкость, она была выносливее и крепче здорового мужчины и не нуждалась в повозке или слуге. Но она согласилась проехать в колеснице небольшую часть пути. Ей стало любопытно взглянуть на город Анкиру.

Следующая делегация встретила эманакир посреди дороги, на этот раз — мощеного главного тракта. Мужчины в золотых нарядах с тяжелыми украшениями, стоя под знаменами с ее богиней, спросили ее, не нужна ли ей свита, и осведомились, не хочет ли она встретиться с Повелителем Гроз, который, по их словам, примет ее со всем почтением. Ее не интересовал их Верховный король — полукровка, потомок незаконного сына Ральднора. И хотя она высказалась не столь откровенно, они восприняли отказ без сомнений, не выгибая бровей.

У подножия драконьего хребта гор раскинулась Анкира, выставляя напоказ мраморные улицы, множество храмов Анакир с большегрудыми позолоченными шлюхами, дорфарианцев с обесцвеченными волосами, богатых ваткрианцев и высоких надменных Висов.

Обращаясь к ней, все, от принцев в колесницах и до босоногих побирушек в трущобах, говорили — жрица. Но время от времени всплывало иное обращение — «богиня».

Она прожила в Дорфаре год — на холмах между Анкирой и руинами древнего Корамвиса. Один из лордов построил там виллу для нее, знать теснила друг друга, спеша поучаствовать. Ей служили рабы-полукровки. На деревьях вили гнезда ручные голуби, но питомник охотничьих калинксов лорду пришлось убрать — богиня-эманакир не испытывала склонности к травле зверей.

Если в этой стране, по соседству, и имелись какие-то другие белые эманакир, то никак себя не проявляли, и о них ничего не говорили.

Важнее всего в Дорфаре было сочетание двух разных городов — руин наверху и возрожденного города у подножия. Один из них замер, чтобы поглотить дым чужой внутренней жизни или отдать другому дань не совсем понятного уважения. Это место было колодцем Силы, глубоким и нестабильным, как и весь подверженный землетрясениям пласт земли.

Аз'тира сравнила его с другим местом, игрушкой эманакир, которое, словно маленький приглушенный огонек, маяком сияло в ее мозгу. Ашнезия вздымалась только *над* землей. Под ее поверхностью не было накопления мистической и жестокой энергии. Она имела значение сама по себе.

За все это время, время путешествий и отдыха, ни одна часть Аз'тиры не дрогнула. Ни одно из ее убеждений не пошат-

нулось и не изменилось. Смертные Висы оставались для нее чужими и интересовали ее меньше, чем их памятники. Ничего не боясь, зная, что сильнее всех, и повсюду пользуясь почтением, она не задавалась вопросами о своем превосходстве и, удерживая в поле внутреннего зрения маяк Западного города, беспокоилась о своей цели не больше, чем о лесах и морях, окружавших ее.

Отдохнув год, надышавшись воздухом Дорфара, Аз'тира снова отправилась в путь. Она прошла по побережью в другом направлении, на корабле отплыла из Тоса к югу и пересекла Шансарский Элисаар. Там она обнаружила, что почтительность шансарцев такова же, как и в других странах, и их смущение тоже вполне сравнимо с ранее виденным.

Она встретила в Ша'лисе свои восемнадцать лет, когда медленные ментальные удары с запада ускорили ритм.

Неторопливое путешествие вело ее в Ашнезию, поэтому Ашнезия уже предъявила права на нее. Аз'тира была не более чем выбившейся нитью, частицей планов и замыслов города. Она вполне могла обходиться без внешнего мира и поэтому, наполняя впечатлениями глаза, уши и чувства, никогда не исследовала аналитически обыденную реальную жизнь разбросанного повсюду человечества. Но внезапно без особой причины она, словно положив руку на какую-нибудь статую и почувствовав биение пульса, ощутила истинную жизнь мира и всей массы людей в нем, волнующуюся и кружащуюся со всех сторон. И только тогда она осознала, что Ашнезия тоже чувствует это волнение и кружение.

Подобно зверю, очнувшемуся после глубочайшего сна, Ашнезия подняла веки и раздула ноздри...

Ползущая белая змея... Аз'тира почувствовала то, что уже давно чувствовала Ашнезия — ужасную хватку бьющейся живой массы, обвившейся вокруг. И змея-Ашнезия собралась в одном месте.

Первый раз за всю жизнь Аз'тиру посетило неоформленное, ужасающее сомнение. Она не поняла, что это такое, потому что не знала такого чувства.

Пылающими звездными ночами северного Элисаара, не в состоянии заставить себя спать, девушка-богиня мерила шагами дворы и переходы дома, который предоставил ей какой-то шансарский аристократ. Ее подсознание, чувствуя безразличную хватку внешней жизни, не давало ей покоя, давило на нее. Пробудившееся чутье Ашнезии было сродни ее собственному.

Змея-меч хотела нанести предупреждающий удар, чтобы отвратить опасность.

Теперь она ощущала Ашнезию как кожу, обтягивающую ее кости, как волосы, развевающиеся на голове. Она должна была желать того же, чего желала Ашнезия. Воля стала общей и неделимой.

Когда она объединилась с этой силой, в ее сущность вошло некое, доселе не испытываемое чувство, в равной мере плотское и духовное.

Оно не имело названия, но вызывало в ней стыд, отчего она решила, что это чувство и есть стыд.

Шансарский принц с кармианскими манерами, набожно посылавший ей вино, цветы и драгоценности, собрался на юг, в прославленный «свободный» Элисаар. Его тянули туда знаменитые — печально знаменитые — гонки колесниц. С ним должна была отправиться большая часть шалианских слуг и множество лошадей.

Аз'тира сообщила этому человеку, Казарлу, что должна поехать с ним, но не выставляя себя на обозрение. Упав на колени, тот сказал ей, что подобное предложение — честь для него.

Она не знала, что за порыв толкнул ее на юг, в Саардсинмею, город у океана. Может быть, ее вело внутреннее предчувствие. Она подчинилась этому порыву, поскольку прежде всегда могла доверять себе.

В Новом Элисааре испытывали отвращение к белым людям Равнин, требовали за все денег (расплачивался Казарл) и посмеивались сквозь пальцы — но и там перед ними испытывали страх.

Аз'тира взяла у Казарла деньги, но из прислуги — только одну девушку, полукровку с карими глазами. Кроме того, в этом прибрежном городе она окончательно лишила шансарца свободы. Он не отставал от нее и вел себя покровительственно, собственнически, словно был ее любовником, хотя она ни разу не ложилась с ним. Он осыпал ее ноги жемчугом, и однажды она отослала его прочь.

Во время последнего переезда из Ша'лиса, путешествуя в занавешенных носилках, Аз'тира дошла в своих сомнениях до внутреннего разлада. За время путешествия это пришло к ней, как блистающий клинок, как символ возмездия. Она сама обратилась в предвестницу бури.

Целью меча эманакир стала Саардсинмея. Она была олицетворением все возрастающего высокомерия Висов. Можно ли придумать что-то более подходящее, чем уничтожение подобного предмета гордости? Не надо ничем угрожать, ни о чем заявлять. Послание, заключенное в самом событии, без всяких слов будет понятно каждому разумному существу на Висе. И воды моря Эарла, зоны океанских землетрясений, полной спящего пламени, ураганом пройдутся по берегу Саардсинмеи... Проходя по улицам столицы, выложенным рубиновой плиткой, Аз'тира постоянно испытывала желание разрушить их рукой или разумом. Вот для чего она приехала сюда — для того, чтобы насладиться отвращением и предвидением.

Она оделась в белое и прикрыла свои белые волосы белоснежным покрывалом. И отдалась пламенной сладости гордыни, ходя по городу живых мертвецов.

Расовая ненависть копилась в ней, как яд, пока не начала обжигать. Аз'тира и не думала сопротивляться ей или задавать какие-то вопросы. Она шла, наблюдая, и ждала первых признаков разрушения. Она не могла уйти, не увидев, как это начинается.

И с этой высоты, испытывая упоение, она вдруг услышала имя, которое повторяли снова и снова. Она слышала его даже

от Казарла — имя смертного бога смертных Висов. «Лидиец», — повторяли все. Лидиец, Лидиец, Лидиец.

К этому времени сквозь исступление Силы все в мире для нее возвышалось или, наоборот, сжималось до символов. Аз'тира оценила мощь этого имени и сказала ему: «Город сделал тебя своей душой». Лидиец был самой сутью Саардсинмеи. Она подумала, что в роковой день этот человек погибнет вместе с городом.

И тогда она начала искать его, но в видениях. Разумеется, она не положила на него глаз. Как бы то ни было, внезапно, каким-то сверхъестественным способом, она нашла его. По выражению Висов, она была ведьмой. Она посмотрела на Лидийца не глазами — и увидела.

В мире могли иметься и другие, разбросанные по свету, отродья дворцовых женщин и освобожденных рабынь. Но здесь, на этом витке истории, плотность знаков дошла до предела. Смерть преисполненного высокомерием города принесет смерть и роду Тирана.

Лидиец, самая суть Саардсинмеи, был Амреком, Тенью.

Она лишь мгновение наблюдала за знаменитыми гонками с балкона, почти в конце Пятимильной улицы — колесницы промчались в ночь неистовой рекой, с криками и огнями факелов, и скрылись.

Он будет победителем. Она уже знала это.

В таверне у аллеи были куплены две птицы, зарезанные к ужину. Содрогаясь от прикосновения своих белых рук к падали, она отослала их туда, где, как знала, их не смогут не заметить, с посланием для Лидийца: «Победа недолговечна. На эту ночь город твой — передай ему это».

Землетрясение в море дало знать о себе еще раньше, словно обещание. Меч повис в звездном небе, и она являлась его посланницей...

Это был пик полета.

Мгновение спустя она рухнула ниже надира.

Она тоже умерла в Саардсинмее. Но не в волнах потопа. Ее смерть явилась раньше.

Она проснулась на рассвете. Розовые лучи-лепестки солнца сверкали на постели, где она лежала — в старом доме за кружевницами, на улице, которую называли улицей Драгоценных Камней...

И тогда неслышно надвигающуюся на город смерть разорвал низкий крик, который был ее собственным.

Ей еще не исполнилось девятнадцати. В тишине и одиночестве, на розовой заре, она сражалась внутри своего разума, пытаясь отогнать смерть прочь. Но огромный черный ястреб снова упал в ее сердце и устроился там, сложив крылья. И она решилась.

Она ясно, в деталях, представила, как это будет и как ее кончина отразится на нем — Лидийце, Тени. Он был ее смертью, а она — его, но в то же время, что странно, она была и его жизнью.

В трансе она встала и начала свой обычный день. Когда вечер ступил на улицы, она бесцельно бродила по городу без всякой охраны, выискивая способ. Она знала, что не может не найти

его. Способом оказался экипаж стадионной танцовщицы, угольно-черной закорианки. Равновесие — это всегда тьма рядом со светом.

«Лидиец...расскажи мне, как сблизиться с ним».

Закорианка уклонилась от ответа. В ее мозгу все перемешалось и запуталось, и Аз'тира без труда проникла в него. «Благодарю тебя», — промолвила она, ледяная, словно несущие смерть снега.

Задержавшись под полночной колоннадой близ улицы Мечей, она увидела, как уверенно он идет, освещенный уличными фонарями. Регер, Лидиец.

Едва глянув, она распознала в нем совершенство. Дикость леопарда и льва — и мягкость голубя, спокойствие глубокой воды — и неистовая мощь огня. Но было и нечто незавершенное, что-то неправильное. Жизнь началась, но не шла по положенной дороге, подобно звезде, сорванной с небосклона. О, как пылает звезда... Ее пронизало насквозь его великолепие, и она осталась стоять, опаленная.

Амрек, Вис, смертный, бронзовый почти до черноты... свет из Тени...

«Что до меня — я люблю тебя, наверное, с того мгновения, как увидела».

Хотя он отверг ее, он должен будет прийти к ней. И, считая это неизбежным, она забыла о смерти.

(Аз'тира стояла, как статуя, перед застекленным окном башни в Ашнезии. Луна поднималась над крышей. Равнина за пределами городских стен была морем мрака.)

Затем они стали любовниками, и жизнь смешалась со смертью. Аз'тира заполучила его фокусами жрецов, в детской злобе своего безумного желания, наполовину заворожив себя признанием в страхе. Она выиграла его для себя через сделку со смертью. Она спасла Чакора, их жертву, чтобы не быть у него в долгу, вернула юношу назад после удара меча Регера, как вытащила бы животное из глубокой ямы, куда оно провалилось, напуганное ее голосом. Она испытывала три чувства — стыда, надменности и любви. Ее бросало с одной вершины на другую или в бездну, и все это она отчетливо показала Регеру, но не через мысленную речь, а обычными женскими способами.

Наконец она смогла стать для него только женщиной. Ей открылся мир счастья. Битва завершилась. С чувством неизбежности она отринула судьбу города и не прислушивалась к шагам собственной смерти.

Но даже в таком состоянии она распознала ее. И тогда поняла, как можно развязать затянувшийся узел, как в объятиях вихря ее смерть сохранит жизнь Регеру.

Она купила гробницу Пандав. Черное вместилище для своей белизны.

Пандав должна выжить. Аз'тира знала это так же хорошо, как и то, что в этот день в молоке окажется яд. Она щедро оплатила свое убийство, отсыпав монет за лилии и яд. Она была согласна.

И даже когда она писала письмо ему, своему любовнику, своей любви, то гордилась своей силой эманакир, отгоняющей боль. Она находилась в возбуждении от того, что больше не боялась

умереть. Безвольно лежа на постели, она позволила себе свободно уплыть, как ей казалось, в огромное небытие, похожее на сон, ощутимое и обнимающее ее.

Благодаря ей он будет жить, теперь он не сможет забыть ее. Она оставила позади святилище из серебра и золота и могла спать спокойно.

Но, о, что произошло затем...

— Нет, — вслух произнесла женщина у окна.

Ужас, который она пережила там, в черной гробнице, пустой и залитой водой, нельзя было вспоминать. От ее крика, наполненного болью, беззвучно задрожала башня.

Сейчас там, в ночи, за пределами окна, террас и стен города, за пластами земли и темноты, ее возлюбленный искал ее. Не потому, что она позвала его, и даже не потому, что услышал стук ее сердца и шепот ее мыслей, здесь, в лесах на западном краю света.

Может быть, им было предназначено снова встретиться лишь из-за того, кто они такие. Из-за того, что каждый стал для другого ярким маяком посреди хаоса.

Для путешественника одолеть такую утоптанную дорогу без препятствий было делом нескольких дней. Когда перевалило за полдень второго дня, он вышел на расчищенное место, не похожее ни на одно из встреченных ранее. Лес, первобытный, густой, населенный разной живностью, обрывался там, как вода у берега. Для внимательного глаза граница начиналась слишком внезапно. За краем леса тянулась равнина.

Тому, кто ее видел, это пространство в самом чреве джунглей напоминало ровную поверхность южного Виса — Равнин, юга Мойхи. Правда, эти псевдо-Степи выветрились, располагаясь в другом климате.

Звуки здесь звучали громче и богаче, порой виднелись островки буйной растительности и даже леса.

Дорога обрывалась одновременно с лесом, и здесь, на грани с равниной, стояла арка высотой в семь футов, точеная, как фигурка для игры, и белая, как и прямое лезвие тракта шириной в пять колесниц, который начинался сразу за ней.

Тракт был вымощен большими плитами. В городах Дорфара, Кармисса, Зарависса или Элисаара такая дорога выглядела бы вполне обычно. Через равные промежутки по ее сторонам стояли белые мраморные обелиски с навершиями в форме золотых листьев, отражающими солнце.

На дороге не было ни следа, словно ее вымостили не более часа назад. Ничто не касалось ее. Ни колесо, ни копыто, ни нога, не пробегала ящерица, не садилась птица, не ложился лист, даже ветер не трогал ее.

Сужаясь к горизонту, она уводила к низким горам, вздымающимся над равниной в семи-восьми милях отсюда. У подножия гор, вершины которых светились снегом, находился город.

* * *

Город.

Его воздвигли на скальной платформе, и сверкающие снегом утесы стали его башнями и вершинами стен. Падающие лучи солнца отражались в зеркалах огромных окон. Сам по себе город был не очень большим.

Дорога взбегала на высокую насыпь, но там, где она подходила к платформе города, не виднелось никаких ворот или иного прохода. Стена выглядела абсолютной.

Там, где начиналась насыпь, у дороги высилась небольшая роща, также похожая на те, что росли на Равнинах. Здесь Регер сошел с вымостки и стал смотреть, как солнце закатывается за платформу и медный закат превращает белизну города в темноту.

Город казался ненастоящим. Он напоминал изображение или видение легендарного дорфарианского Корамвиса, разрушенного до основания Ральднором.

С запада на равнину подул ветер, впервые за все эти дни — теплый и тяжелый, пахнущий джунглями, за которые закатилось солнце. Ветер не принес с собой ни аромата духов, ни записки, ни отзвука голосов. Поднималась Застис.

Звезда тоже уронила красные лучи на плоскость равнины. Они мигали и переливались, как светящиеся ночные розы. Но на самом деле это была темная волна горящих глаз, скользящая над землей, как ветер.

Человек мог забраться на дерево — но и они тоже могли это... Кроме того, его смутила их медлительность, похожая на видение сна. Их запах оказался не таким, какой он помнил по зверинцам в Элисааре. В Мойхи на них охотился Чакор, но не Регер. А однажды, еще в искайском детстве, Тьиво подхватила его на руки, Орбин несся далеко впереди них, и косы матери били по его шее, пока она бежала к ферме с ним на руках...

Сегодня на запредельной равнине собралось пятьдесят или шестьдесят этих тварей — сильных, стелющихся над землей, как волна, без мерзкого запаха и воплей.

Они достигли рощи, вошли в нее и повернули десятки голов, чтобы посмотреть на него огненными впадинами глаз. Один из них положил передние лапы на ствол дерева и выпустил чудовищные когти.

Злые очертания головы этого зверя озадачили Регера, ее форма оказалась не такой, как он представлял...

Он не особенно тревожился, не делая ни одного движения, которое могли расценить как опасное, и не обнажил нож, оставив его спокойно лежать в ножнах. Когти тирра тоже остались на месте.

Аз'тира. Ее имя напоминало их название.

Тирр снова положил передние лапы на ствол поваленного дерева. Ветер пошевелил листья на деревьях, но больше не раздавалось ни единого звука.

Затем появился неслышный шум, что-то вроде свиста в ушах — или прямо в черепе. Тирры отозвались на него — сби-

лись в стаю и отошли за стволы деревьев, откуда их глаза не прекращали мерцать и мигать.

Из-за деревьев вышли двое людей, сверкающих, как перламутр. Видимо, они удерживали тирров при помощи мысленной речи.

Регер не говорил и не думал. Если эманакир захотят покопаться в его мозгу, им придется потрудиться.

— Ты приблизился к городу, — разомкнул губы один из пришедших.

— Люди твоего рода не входят в Ашнезию, кроме тех, кто входит сюда как раб, — произнес другой таким же глухим, редко используемым голосом.

— Ашнезия, — повторил Регер. Его чувствительность обострилась, и ему казалось, что его мысли вылетают наружу стрелами гнева и великой ненависти. — Я слышал, что это одно из названий вашего города.

Словно слепые статуи, они повернули к нему свои змеиные взгляды. За рощей вставала луна, состоявшая с ними в родстве в любое время, кроме поры Застис. Они должны были чувствовать его гнев, сплетающий меж ними линии силы.

— Иди за нами, — сказал первый.

Когда они вышли на дорогу, тирры растворились в ночи, словно сама ночь создала их, позволила им двигаться, наделила их глазами, подобными звездам, а сейчас забрала их обратно.

Глава 21. Очаг

Ворота Ашнезии показались Регеру святилищем или гробницей, расположенной на вымощенной скальной платформе. Белые люди подули на них, и они раскрылись — он слышал о таких приспособлениях в их храмах. Проход закрылся за ними.

Под землю уходила лестница, ведущая в вырубленные людьми переходы, тускло и странно освещенные далекими факелами и дрожащим свечением, идущим непонятно откуда. Проход на первый этаж медленно поднимался вверх. Они вышли в закрытый двор-колодец. Горячая луна заливала один из его углов.

Город безмолвствовал.

Другой крытый переход, уводящий со двора, закончился тонкой дверью из циббового дерева. Внезапно послышался звук текущей воды. За дверью, на этот раз раскрывшейся от прикосновения, плавно разливался розовый лунный свет, разбивающийся в струях большого фонтана. Они спадали вниз каскадом, как занавес, заслоняя дорогу. Но рядом нашелся кусочек сухого пространства, через который пролегала дорога в сад.

Белый человек пошел впереди, не оборачиваясь, словно позабыв о варварском животном, которое они привели с собой.

Регер все же помедлил, желая осмотреть город эманакир. Он раскинулся на три стороны, озаренный луной и сотворенный из луны... Ряды домов с колоннами разделяли дороги, подобные

замерзшим рекам, среди скоплений деревьев высились стройные башни, увенчанные изображениями морд несуществующих зверей. И хотя в прудах отражался свет окон и уличного освещения, город казался некрополем, весьма изящно построенным, но лишенным присутствия людей и вообще жизни, движений и звуков.

Белый человек замер на вершине садового склона, под стеной особняка. Рядом высилась башня, увенчанная головой змеи, в чьих глазах-окнах холодно пылал лунный свет.

Вслед за ним Регер поднялся на террасу и подошел к стене.

— Это ее дом?

Они посмотрели на него.

— Вы привели меня к ней, — сказал он. — К Аз'тире.

Он не научился читать в их умах. Просто им больше некуда было его вести.

Один из них поднял руку в указующем жесте, и Регер увидел еще одни ворота — железные, искусной ковки, раскрывшиеся в белой стене. Здесь не любили говорить вслух, если этого можно было избежать.

Затем они оставили его в одиночестве. Они не подозревали его ни в чем. Или *она* не подозревала его. Или они ценили себя выше, невзирая на то, каковы его замыслы и характер.

Регер не спеша прошел в ворота, которые послушно пропустили его, и спустился на лужайку. Там, стоя на траве в ее саду, в ночь Застис, он вспомнил дом за кружевницами и то, как он тогда впервые пришел к ней.

Однако в Ашнезии даже воздух пах совсем по-другому — сухостью и пустотой, как в заброшенных руинах, кое-где разбавленный хищным, но надоевшим ароматом орхидей.

Он положил руку на железные ворота.

Он должен войти в здание через дверь в задней части башни, там, где по камню взбираются виноградные лозы. От двери коридор проведет его в ее зал, огромный правильный овал с выложенным мозаикой полом. На стенах нарисованы низкие холмы и танцующие девушки в светлых одеждах, застывшие на пшеничном поле, сейчас залитом светом ламп-лотосов. На очаге, где в холодные месяцы вечерами иногда расцветал огонь, в беспорядке лежали цветы, распространяя пыльно-сладкий запах. Огромная серебряная змея с глазами из сливочного янтаря, свернувшись, охраняла очаг. Другой обстановки почти не было.

Аз'тира ждала у очага, рядом со змеей. Она надела платье того же цвета, что и одеяния девушек на настенной росписи, и не добавила к нему ни одного украшения.

В тишине дома хорошо были слышны шаги Регера, легкие, словно поступь льва. И то, что он ни разу не останавливался.

Глаза девушки вспыхивали огнем, но лишь в той же мере, как у неживой змеи. Если она и дышала, внешне это никак не проявлялось.

Тяжелый занавес у входа со звоном отлетел в сторону.

Он не остановился даже на пороге, а стремительно пошел через комнату, по узорному полу. Его глаза видели только Аз-

'тиру и ничего больше. Даже змея не привлекла его внимания. Он ступал под лампы, и они озаряли его золотом, одна за другой, пока, наконец, в десяти шагах от нее его путь не подошел к концу.

Он пришел в город богов как бродяга. Очарование и оковы Саардсинмеи сгинули, прошло два года, лес сопротивлялся и терзал его. Но под грузом всего этого сейчас он более, чем когда-либо, оставался, нет, сделался королем. Его черные глаза сосредоточились на ней, и в них было все, что она помнила: красота, сила и прозрачность. Та чистота, которая сама по себе является силой.

Девушка, стоящая перед очагом с цветами, протянула ему руку ладонью вверх. На белоснежной ладони лежал треугольник матового металла.

— Монета, которую твой отец оставил твоей матери, — сказала она. — Дрэк, который ты дал мне для считывания. Мое доказательство на случай, если оно понадобится.

— Доказательство чего? — переспросил он.

— Того, что я жива.

— О, госпожа, мне известно, что ты жива, — произнес он, стоя в золотой тени.

— Так же, как и то, что я умерла?

— Да. Ты умерла и проснулась, и вот ты здесь. Богиня Аз'тира.

Она продолжала протягивать ему дрэк Йеннефа. Но он не подошел ближе, чтобы принять его.

— Я взяла его с собой в могилу, чтобы утешиться, — сказала она, но ее рука упала, сомкнувшись на монете.

— Подобные тебе живут вечно, — проговорил он. — Зачем тебе понадобилось утешение?

— Потому что я была там без тебя, — ответила она.

Он промолчал. Теперь он стоял совершенно тихо, как до того она, и как сам город.

— Выслушай и поверь в услышанное, — заговорила Аз'тира. — Я предвидела свою смерть, но и только. Я предсказала убийство и свой конец. Я умоляла тебя прийти на мои похороны, поскольку посчитала, что гробница выдержит землетрясение и напор воды. Для меня это был единственный возможный выход. Но, умирая, я радовалась, веря, что ты выживешь.

— Спасибо тебе за это, госпожа. Но ты не дождешься благодарности от Саардсинмеи.

— Я не склонюсь и не буду унижаться перед тобой, — резко отозвалась она. — Если я чего-то стыжусь, это мое дело. Если это зло и мой грех, то они опять же мои и не касаются того, что между нами. Я думала, что умру — о да, душа бессмертна. Но тело и душа — чужие друг другу. Я... От меня не должно было ничего остаться. Ты думаешь, вернуться из телесного разложения так просто? Ты сказал, что я проснулась. Нет, Регер. Это был не сон. Я надеюсь рассказать тебе об этом, но не сейчас.

— Возможно, этого никогда не случится. Ты позвала меня сюда каким-то колдовством?

— Не магией и не силой воли или разума. Только моей памятью о тебе. Тем, что порой плакала о тебе. Но я вижу, ты не намерен слушать.

— Мне было приказано помнить о тебе. Я так и делал. С тех пор, как я оставил Элисаар, не было дня или ночи, когда я не думал о тебе. Ты стояла рядом, Аз'тира, как зловоние исковерканной плоти и морской грязи, как сотни битых камней.

— Хватит, — сказала она. — Ты не можешь убить меня, чтобы отплатить за преступление моего народа.

— Видимо, не могу.

— Тогда что ты намерен делать?

— В мыслях, госпожа, я жестоко убивал тебя множество раз, — ответил он. — Так, как Висы топчут змей. Ломал тебе шею. Это картина снова и снова приходила ко мне.

— А в этих мыслях тебе никогда не виделось, что я восстаю из мертвых и убиваю тебя молнией? — она повысила голос. Теперь она словно горела ледяным огнем, ее белизна стала мертвенной. Внезапно она перевела глаза на очаг, слегка подняв руку. На камнях, но не на цветах, вспыхнуло пламя, выстрелило вверх, устремившись лучом света в трубу, и озарило кровавым светом ее бледность и серебро змеи.

Он почувствовал жар огня на своем теле, но тут снова стало прохладно. Цветы все так же лежали на очаге, и лишь свет висящих ламп золотил все вокруг.

— Ты никогда не сможешь убить меня, Регер, и, очевидно, я пожалею тебя. Что дальше?

— В Вар-Закорисе и Дорфаре люди спорят о том, существует ли этот город, — ответил он. — Им понравится, если кто-то сумеет вернуться и рассказать о нем.

— Платный шпион. Как и твой отец.

— Это ты тоже считала с монеты?

— Другим путем. У меня нет времени рассказывать тебе обо всем, чему я училась. Но ты встретился со своим отцом.

— Именно эта встреча направила меня на дорогу в Ашнезию.

— Сожалею, что ты не смог получить от нее большего, — Аз'тира повернулась, подошла к стене, украшенной изображением дерева с бледными красноватыми листьями, и коснулась одной из его ветвей. Слабый шепот пронесся вдоль стен и пола. В тот же миг в другом дверном проеме возникла фигура. Регер видел богиню этого города, пришло время встретиться с рабыней.

Вошла низенькая женщина с темно-коричневой кожей и гладко зачесанными волосами, в льняной рабочей одежде. Она поклонилась, согнувшись, словно засохшее растение.

— Вот господин, о котором я говорила тебе, — сказала Аз'тира. — Проводи его в отведенные покои и прислуживай, как тебе приказано.

Она говорила отстраненно, не как хозяйка с рабыней, а как лунатик с призраком. Хотя рабы и существовали, они не воспринимались как что-то реальное — лишь как частицы разума хозяина. Обратившись к Регеру, эманакир словно заговорила на другом языке.

— Ступай с ней. Тебе будет удобно. Завтра ты сможешь уйти той же тайной дорогой, какой пришел. Те двое, что привели тебя, или один из них, придут с первым светом. Приготовься. Ты видел, что Западный город существует. Возможно, в Вар-Закорисе тебя вознаградят за твое открытие. Или назовут лжецом. Или, возвращаясь, ты расплатишься с лесом. Пойми, Регер, что именно связь, которая существует между нами, привела тебя сюда сквозь все преграды. Не моя скорбь и не какая-то магия. Ты мечтал найти меня живой и убить, зная, что если я живу, убить меня вряд ли возможно. Ты встал на этот мрачный путь потому, что тебе ничего больше не оставалось.

Он стоял и пристально смотрел на нее, не говоря ни слова — статуя с темными задумчивыми глазами. Позади него, тень за тенью, склонив голову, ждала девушка-рабыня.

— Ты оплакиваешь Саардсинмею не только из-за ее разрушения, но и потому, что воспринял ее лживые цели. Гладиатор и король, твоя свобода пришла бы к тебе лишь со смертью. Ты погиб бы самое большее через пять лет.

— Я верил в это, — наконец выговорил он.

— Ты смирился с этим. Но твоя истинная жизнь, которую ты выбрал и начал в Иске, прервалась из-за человека, который увез тебя. Он уверял, что дает тебе блистательный дар и дни славы, этот Катемвал, охотник за рабами. Но на самом деле он обрезал нить твоей жизни, той, которой хотела твоя душа...

— Я не верю в жизнь души, Аз'тира. Ты знаешь, до какой степени.

— А в Мойхи было уже слишком поздно снова поймать призрак некогда начатого, — продолжала она, не обращая внимания на его возражение. — Или *созидание вещей* оказалось не единственным занятием, которое интересовало тебя. Поэтому ты так легко отказался от последней великой победы, которую одержал над камнем на Равнинах, во время ученичества, и вместо этого кинулся охотиться за призраком меня, — она медленно отвернулась к очагу, двигаясь так, словно была невесома, и приказала: — Иди с рабыней.

— Аз'тира, — позвал он.

— Что еще?

— Если люди твоей расы верят в множество жизней во плоти, неужели они не боятся однажды возродиться мужчиной из Элисаара или женщиной из черного Закориса?

К его удивлению, она легко рассмеялась, и в этом смехе прозвучала вся ее молодость.

— Да, — ответила она, — они боятся этого. Они говорят, что это было бы наказанием самих себя. Почему же еще мы заботливо оберегаем одно тело от смерти, если не из страха перед такой участью?

Веселье и ирония оставили ее так же внезапно, как пришли.

— Теперь уходи, — сказала она. — Ты уже достаточно получил от меня.

Когда он повернулся, склоненная рабыня выпрямилась и повела его из башни в особняк.

Глава 22. Город змеи

По потолку комнаты проплывали облака, нарисованные на молочной лазури. Они не выглядели как настоящее небо, но в сумеречном свете рассвета и вечера казались плывущими, тогда как синева становилась глубже — видимо, менялось состояние краски, если дело было не в чем-то ином. Стены покрывал вьющийся узор, который стекался к змеиной голове у двери. При нажатии на один ее глаз дверь открывалась, при нажатии на другой появлялась одна из рабынь с невыразительным лицом цвета мореного дерева. Довольно высоко располагались решетки, через которые проникало немного света и свежий воздух, но и только. Вся обстановка комнаты состояла из кровати, уже застеленной для гостя, с пологом, который вряд ли был нужен — насекомым из джунглей Виса редко удавалось пробраться в Ашнезию. К спальне примыкала комната с ванной и туалетом, то и другое превосходило лучшие образцы в богатых домах Элисаара. На ночь зажгли алебастровую лампу на мраморной подставке.

Он не был готов уйти на следующее утро после прихода.

Пока он лежал в просторной пещере для сна, что-то нашло на него, как порой находило после гонок или боя. Создания, обитающие в доме, как-то знали об этом и не тревожили его. Проснувшись в полдень, когда солнце висело прямо над решетками, он увидел, что изысканная еда, принесенная вчера и оставшаяся нетронутой, убрана. Позже, когда он коснулся змеиного глаза, принесли завтрак.

Регер не пытался расспрашивать городских рабынь. Как и их владыки, они, похоже, не имели склонности к устной речи. Когда одна их них попыталась попробовать его пищу, он покачал головой, и она ушла. Он не рассчитывал, что ведьма может добавить в пищу яд или иное зелье. Видимо, отдавая рабыне подобный приказ, она хотела показать свою боль, гнев или пренебрежение.

Поскольку спальня была просторной и пустой, он упражнялся в ней, словно был узником и не имел права посещать другие комнаты особняка или сад, который, как ему показали, был вполне доступен. Улицы города — другое дело. Не то чтобы ему запрещали ходить туда, просто рабы не имели к ним отношения.

Вторую ночь он провел без сна, ворота просторной пещеры плотно захлопнулись за ним. Винно-красные лучи Застис окрасили решетки. Регер не просил дом ведьмы дать ему женщину, не желая их постельных служительниц, хотя те были услужливы и податливы. Он вспомнил светловолосую оттскую таддрийку с тростниковой крыши в поселке, сосредоточился на ней, а когда желание стало нестерпимым, перевел свою память на образ смерти с площади внизу, белой мужчины-женщины, шутками провожающей труп к могиле.

Когда взошло солнце, он спустился с верхнего этажа особняка во двор и в ее сад, откуда открывался вид на город. Бесцветные безжизненные здания скалами проступали сквозь мягкий утренний туман, казалось, что звериные головы на башнях вытягивают морды, желая понюхать воздух.

Все цветы в саду были белыми или пастельных тонов. Белые голуби ворковали на дереве, и можно было различить шум фонтана, который располагался внизу, в саду на склоне. Никакие иные звуки не тревожили холм. Однако в четверти мили, поднимаясь вровень с деревом голубей, имелось здание, из которого прорастали ветви дыма. Может быть, храм Повелительницы Змей, где все еще поддерживали огонь на алтаре из уважения к богам, поклоняться которым больше не было нужды.

Когда тихий голос коснулся его ушей, Регер не пошевелился. Так Аз'тира заговорила с ним в самый первый раз, назвав его по имени прямо в мозгу. Теперь он почувствовал лишь давление ее внимания, подобное легкому прикосновению пальцев, и то на несколько мгновений. Потом оно исчезло, словно вздох.

Он подошел к краю сада, обнесенного невысокой стеной. Далеко внизу жители города поодиночке или парами неторопливо прогуливались по туманному бульвару меж изваяний и огромных домов. Как и город, все они были сплошь белыми. Цирконы цвели на запястьях женщин, тунику одного из мужчин скрепляли на плечах серебряные пряжки. Никто не поднимал взгляда, чтобы увидеть, как кто-то наблюдает за ними из сада наверху. А если бы и сделали это, то приняли бы его за раба, смуглого слугу из дома Аз'тиры, который по какой-то причине не прячется в крысиных туннелях под лужайкой. Но без сомнения, они не станут лазить в его мозг, чтобы понять, почему это так, ведь он не вполне человек и не заслуживает внимания.

Он уже имел представление о проходах для незримого перемещения рабов. Два или три раза он замечал, как они появлялись из тайных дверей в штукатурке, колоннах и лестницах и уходили туда же.

Что до горожан, то они неторопливо двигались вдоль бульвара и исчезали на прилегающих улицах.

Позже утром на склоне холма, покрытом сочной зеленью, он увидел еще одну группу горожан. Со стороны их действия выглядели, как некая медленная и расчетливая игра, ритуал или даже танец — но без музыки и песен.

Он сможет подробно рассказать об этом в Заддафе... если вернется туда.

Регер подумал об Амреке, который хотел стереть эту расу с лица земли, и снова посмотрел через город.

Он довольно давно, уже в последнем поселке в лесу, признал, что у него не осталось никакой иной цели, кроме как достичь этого города.

Это чувство было сродни чему-то из детского опыта, когда человек по имени Катемвал забрал его из Иски. Оно вернулось к Регеру, разя, как нож. Словно ребенок, он внезапно заплакал, утратив что-то. То ли черную собаку, то ли черные волосы матери — все, что он мог вспомнить, помимо ее по-разному произносимого имени... Обида, такая маленькая и ни с чем не связанная, теперь разрослась и билась в его груди, заключенная и ошеломленная человеческим телом.

Не Йеннеф, не Катемвал, даже не Тьиво. Стадион стал его родителем и создателем, а Дайгот, божество бойцов, акробатов и колесничих — Дайгот был его богом.

Но его мать поклонялась Ках. Низменной, кровавой и самой черной на свете...

Его вела не гордость, не ненависть, ярость или любовь. Допросив себя, он понял, что ни разу не испытывал в полной мере ни одного из этих состояний, дозволенных человеку. Что же двигало им, если не одно из них?

И стоя на вершине холма в нереальном и все же существующем городе, он осознал, что навсегда потерял себя. Регер, как и Амрек, ушел в прошлое.

Весь долгий второй день она просидела, скрестив руки и прислушиваясь к волнам борьбы в нем. Ее сила давала ей возможность не только сделать, но и выдержать это.

Когда тень полностью покрыла пол в ее комнате, она отринула все это и пошла искать его.

Она любила его, но помимо любви к нему у нее оставалась собственная судьба и суть ее народа — Анакир. Ей приходилось одновременно быть двумя женщинами — любовницей и чародейкой.

В рассеянном закатном свете она появилась на пороге его покоев. Он стоял, замерев в центре комнаты, словно ходил туда-сюда. На нем была одежда, которую принесли ему рабы по ее приказу — белая, как любая хорошая одежда в этих местах. А в его мыслях на поверхности лежала картина: другой мужчина в Мойхи, темный Вис, одетый в белое ради своей свадьбы. Кто был этот мужчина, она не могла сказать.

— Заддаф или Дорфар захотят услышать все, что ты можешь рассказать о моем городе, — произнесла она.

Почему его глаза пусты? Их чернота утратила глубину, превратившись в ставни из обожженного железа.

— Пойдем со мной, — мягко позвала она. — Сегодня ночью в Ашнезии может произойти кое-что интересное для советов Закориса и Междуземья.

— Ты так много знаешь обо мне, — и в голосе его тоже звучала пустота. — Все.

— Ничего, дорогой мой. Совсем ничего. Я не знаю, все ли еще ты осуждаешь меня.

Сейчас, в одной из комнат своего дворца, она могла разобрать лишь нестабильность его восприятия, словно морские валы накатывались и разбивались о берег. То, о чем он размышлял в глубине себя, сделалось неоформленным, но устойчивым, словно ребенок в нем наконец дорос до старости.

— Ты приглашаешь меня выйти с тобой на улицы твоего города, — ответил он через мгновение с ужасающей серьезностью. — Если таково твое желание — да, богиня.

— Богиня? Прежде тебя не затрагивали суеверия глупцов.

— Теперь затронули.

— Регер, — произнесла она.

— Я не узнаю имени, которым ты меня называешь, — возразил он. — Этот человск, Лидиец, ушел вместе с Саардсинмеей. Я усвоил твой урок.

— Ты неправильно понял это! — неожиданно и отчаянно воскликнула она, лгунья и любовница. Тогда он подошел к ней и нежно дотронулся рукой до ее лица. Она так хорошо помнила теплоту, силу и сдержанность его успокаивающей ласки, несравненную грацию льва, поднимающую ее, словно лист, не причиняя вреда...

«Что же я наделала?» — подумала она, как самая простая женщина.

— Ты думаешь, что не вернешься в Заддаф с новостями, — произнесла она вслух.

— Мне кажется, вряд ли. Но я пойду с тобой, Аз'тира.

Она положила ладонь поверх и отодвинула его руку.

— Ты должен идти в шаге или двух позади меня, — сказала она, скрепя сердце. — Прости, что прошу тебя об этом.

— Конечно, — он улыбнулся ей. Она видела, что он спокоен. Он смирился. Величие короля, которого ждет публичная казнь. И снова ей пришлось обуздывать страсти и скорбь.

— Никто не подумает, что ты раб, — уточнила она. — Здесь, в Ашнезии, мы редко храним что-то в тайне. Кое-кто уже осведомлен о госте, поселившемся в моем доме, и даже о твоей родословной. Когда тебя увидят, знание распространится среди них, словно пожар. Само по себе это не опасно.

— Нет.

— Ты можешь почувствовать на себе плеть этого знания. Но ты в состоянии защититься.

— Мне известно и об этом.

— Необычная способность для Виса. Род первого Повелителя Гроз, Рарнаммона, хвастался своими Равнинными корнями. Но сейчас среди дорфарианцев он совсем пришел в упадок.

Она пошла через дом впереди него.

Сквозь высокие решетки и окна полыхал яркий алый свет заката. Но запад, вид на который открывался из передней, окрасился более нежно, полыханием янтаря на шелке. Святилище за домом поймало солнце в ловушку своей золотой крыши. Все остальное чернело, словно туча.

Женщина спустилась с террас и пошла на восток. Ее белизна сияла в сумерках, пока она вела его по безымянным улицам Ашнезии.

Каменная лестница привела в небольшую низину. Ночь уже почти спустилась сюда, заполнив чашу травы и деревьев, словно дым. Над этой мглой возвышались громады башен, блестя рдяными, как медь, куполами в виде голов калинксов и тирров, вытянутых собачьих морд или хищных клювов птиц. В каждой маске горела пара глаз — хрустальных окон, недобро окрашенных умирающим солнцем.

Белея среди рощи, собирались эманакир. Их здесь было около двух сотен — может быть, все население города. Среди них имелось немного детей и подростков, но большая часть на вид пребы-

вала между двадцатью и тридцатью годами, что для Виса считалось входом в долгую взрослую жизнь, а для жителя Равнин — расцветом. Старше никого не было. Мужчины, женщины и дети перемешались друг с другом, но никто не придерживался твердо кого-то иного. Их лица, все, как одно, безупречные и, если вдуматься, прекрасные, были столь же невыразительны, как вырезанные из мрамора лица зверей-башен или даже лица выведенных ими рабов с кожей цвета дерева и глазами цвета грязи.

На некоторых деревьях висели лампы, появились звезды, и, наконец, сама Звезда поднялась над краем долины, алая в красном, словно рубин в вине.

Аз'тира поднялась на вершину лестницы, Регер шел следом.

Все эманакир, Дети Богини, вскинули головы, напомнив ему тирров, охранявших равнину за городом.

Ему не требовалась мысленная речь для того, чтобы услышать бормотание, окатившее долину, словно назойливое жужжание над лужей, и почувствовать, как оно обрушилось на девушку, которая привела его сюда. Что она отвечала, он не знал. Он позволил дрожащим пронзающим иглам закружиться вокруг себя, накрытый ими, словно скала во время прилива — «Амрек, Амрек». Возможно, это явился демон, которого они призвали, или что-то еще более трудноуловимое, более смертоносное. Если они признают его человеком, он перестанет быть догадкой. Для них он был самой сутью Висов. Но для самого себя он был только гранитом, а море их интеллекта и магии омывало его, бессильное сделать что-то еще.

Миг спустя море отступило, оставив его в покое. Аз'тира начала спускаться, и он пошел за ней.

С того момента, как он впустил их, Регер начал осознавать ее любовь и, как раньше, ее невероятную мощь. Такое сочетание заставило его усмехнуться. Каким-то образом отчаянность этой силы вызывала сочувствие.

Когда она сошла к подножию лестницы, люди разошлись, чтобы пропустить ее. Они двигались между стенами тел, одежд и деревьев — он и она. Стены закончились у башни. В тридцати футах над ними в сгущающейся тьме светлела собачья голова, и бешеный блеск ее глаз сменился холодком.

В башню вела овальная дверь, покрытая белым лаком. Аз'тира положила на нее руку, и та открылась внутрь.

За дверью находилась круглая комната, стены которой были покрыты фресками — сельскими видами, танцорами, и над всем — сияющий солнечный диск из золота. Как и во дворце, помещение освещалось лампами, подвешенными над внутренней лестницей.

По ее расположению в роще и причудливой отделке он наконец понял, куда они пришли — на кладбище, а эта башня — одна из их могил. Однако собрание снаружи не было погребальной церемонией.

Аз'тира взглянула на него, прошла через круглый зал и исчезла в лестничном колодце. Он, и только он один, последовал за ней.

* * *

На верхнем этаже башни белизна мрамора кончалась на пороге угольно-черных покоев. Здесь на постаменте в черной чаше горел огонь, как в их храмах. В свете пламени не было видно ничего, кроме серебряного ложа и лежащего на нем человека.

Он мог быть одним из эманакир, которые ждали внизу. Сейчас их безупречные лица слились для него в одно, мужское и женское, повторяющееся снова и снова, исключая одну ее.

Человек на ложе дышал. Примерно раз в минуту его плечи и резкие линии ребер подергивались.

Аз'тира снова взглянула на своего спутника. Она подняла руку, как тогда, когда возвращала его ласку, но теперь рука останавливала его.

Приблизившись к смертному одру, она встала над ним. На вид она казалась сестрой дышащего трупа — так похожи они были.

— Урван, — громко позвала она.

Его веки дрогнули.

Она говорила внутри. И все же покои звенели от ее внутреннего голоса — мольбы, утешения, требования.

Глаза человека раскрылись, вылезая из глазниц. Он пронзительно закричал. Это был вопль арены, когда меч проходит меж пластинами доспеха, прямо в живот. Крик смерти, паники и неверия, ярости и отрицания.

— Урван, — снова произнесла она вслух, пока водоворот мыслей и энергий метался по черной комнате — и огонь в черной чаше, вспыхнув, загорелся ровно.

Женщина склонилась над своим борющимся братом. Ее руки легли ему на лоб и горло. Его тело дергалось и выгибалось. Он одиноко лежал на ложе смерти, словно умирал еще раз, но теперь дышал размеренно.

Через некоторое время Аз'тира распрямилась. Когда она сделала это, человек медленно сел на постели. На его лице обозначилось недоумение, но вскоре это выражение сошло. Он приходил в себя. Он был эманакир. Они смотрели друг на друга, разговаривая в умах. А комната пела.

Пламя застыло в агатовой чаше. В собачьих глазах окон стояла полная тьма.

Вскоре мужчина-эманакир поднялся с ложа. Он мельком взглянул на Регера, но его глаза скользнули по темному человеку в белой одежде без особого внимания. Перед Аз'тирой эманакир склонился в почтительном жесте Равнин, коснувшись рукой брови и сердца. Затем без иных слов и церемоний он прошел мимо нее и спустился по внутренней лестнице.

Мужчина и женщина остались лицом к лицу в покоях смерти и молчали, пока из скрытого ночью кладбищенского сада внизу не раздался единый воздушный толчок, оглушающий, как любой крик.

— А ты была одна, — наконец произнес он.

— Не просто одна, но еще и в Элисааре.

 — Это всегда так жестоко?

— Разве легко родиться? — отозвалась она. — Урван отказался от жизни двадцать дней назад в обмен на возвращение. Это наше последнее испытание. Те, кто решился пройти через это и возродить себя, становятся избранными Ашнезии. Сейчас нас тут только десять, но на самом деле каждый должен встретиться со смертью и перехитрить ее. В башнях рядом лежат другие, которых смерть поймала на год или даже больше. Их плоть остается прежней. Это залог того, что они вернутся. Как только начинает мерцать искра жизни, мы приходим к ним, как посланники, кто-то из тех, что уже прошли через это раньше, — ее глаза были прикованы к темноте за окнами. — Я переносила восстановление в одиночестве, но, по крайней мере, обошлась без самоубийства. Меня убила девушка из таверны, чтобы спасти тебя от моего яда. Я всего лишь приняла от нее кувшин. Она даже украсила его лилиями для меня.

— Тебе и в голову не пришло попросить меня о другой заботе, — перебил он. — Подождать тебя.

— О нет, — воскликнула она. — Нет.

— Так как, по твоим же словам, ты думала только о смерти.

— Да, может быть, я поступила нечестно. Все подобные мне получают предупреждение. Некоторые из посвященных моего народа способны вернуться за одну ночь. Но тогда... — она посмотрела вниз, на пустое серебряное ложе. — Как все неудачно сложилось.

Он ждал ее сейчас, если не смог сделать этого в Элисааре.

— А еще ты не хотела свидетелей своему возвращению в муках, — в конце концов сказал он.

— Я вопила и царапала себя ногтями, — ответила она. — Я не знала, как меня зовут, кто или что я такое. Я считала, что я животное, рыба, змея, думала, что жизнь — это смерть. Я умирала, кровь текла у меня изо рта, я в совершенном ужасе пыталась разорвать путы. Нет-нет, я не хотела, чтобы ты видел все это. Тело стало свинцовым, глаза ослепли. Пытаясь кричать, я немела, а дыхание *удушало*. Страдание, агония... Умирать было проще. Однажды я могу умереть совсем и уйти. Но сейчас — как я могу быть в чем-то уверена? Жизнь — это наше наказание и наше благословение. Ибо ты справедливо обвиняешь меня. Мы уже не люди — мы боги.

Она откинула голову, волосы блестящей волной окутали ее, глаза наполнились бескровным огнем. Сила текла сквозь нее, словно лучи зимней луны. То, о чем она говорила ему несовершенным языком людей, было не более и не менее чем фактом.

— В конце концов мы станем теми, кем были, какими остались в своей истории. Есть память. Она говорит, что мы были крылаты. Я почти уверена, что это возможно. У нас есть обычаи из земель над небом, и говорят, что мы ушли из этих мест на колесницах, подобных звездам, и вернемся туда, чтобы вернуть себе множество королевств. Мы видим это в снах. Я тоже. И когда я сплю... там совсем другие цвета, которые я даже не могу описать. И во всех этих мирах будет править моя раса. Без милосердия и жалости, пока мы

не падем или не будем низвергнуты с нашей высоты. Наши крылья сломаются, и наше время кончится. Мы излечиваемся от смерти. Но родится смерть, которую даже Лишенные Тени не смогут исцелить. Поэтому нас станут очень бояться и так же сильно ненавидеть. А до восхода этой смерти наш путь лежит вверх. Чаши с пламенем будут гореть перед нашими бессмысленными алтарями, и имена тех, кому мы поклоняемся, будут нашими собственными. Мы боги. Но Анакир не богиня. Анакир — это все, а боги — лишь часть этого.

Сумерки пришли в ее глаза, но не окрасили их — или окрасили теми неописуемыми цветами, о которых она не могла поведать ему.

— Нам завидуют и презирают нас, — закончила она. — И ты знаешь об этом.

Он склонил голову.

— Вис содрогнется, но в конце концов нам же станет хуже от этого. В конце мы проиграем, — она протянула к нему руки через смертное ложе своего восставшего родича. — И все-таки сейчас мы живы, ты и я.

Когда он подошел к ней, она опустила голову ему на грудь, словно устала и хотела спать.

— Перед рассветом ты должен уйти из этого колдовского нечистого города. Я покажу тебе безопасную дорогу. К морю. Это не так далеко, Регер, любимый мой. Ты доверяешь мне, чтобы сделать, как я говорю?

— Да. Но это будет утром.

— Ты читаешь мои мысли, — прошептала она.

Сухость равнины сгустилась в запахе этого вечера, как аромат отдаленного звездного неба, перекрывая беспредельные людские грязь и зловоние, и земля набухала измененной растительностью Ашнезии.

Они шли по складкам и ущельям города.

По дороге она показывала ему громадные памятники и позолоченные алтари, прекрасное навершие храма с цветком внутреннего огня. Там, где во дворцах светились окна, в них порой двигались тени. Но большая часть домов здешней знати была еще не занята. То и дело по саду, словно ожившие статуи, проходили белые эманакир.

Они находились в постоянном единении и в то же время были отдельны друг от друга.

Дважды Аз'тира выходила навстречу собратьям, и в полной тишине происходил обмен приветствиями.

Неприязнь этого места настигала его как подсознательная музыка, он не мог не слышать ее. Она сказала, что он должен уйти до наступления нового дня. Он наблюдал за ними в их святилище, ему позволили присутствовать на ритуале нового воплощения — а он был Амреком и сутью Висов.

Но их непереносимость была ничем перед покоем этого вечера и перед ее беззаконной и беспредельной красотой. Звезда вознеслась на здешние целомудренные небеса.

Они шли и изредка говорили об Элисааре, о Саардсинмее, словно она все еще процветала, освещенная факелами, и на стадионе должны были состояться гонки. Они смеялись вместе. Старые раны затянулись с осознанием смысла времени и чувств.

* * *

В овальном зале особняка Аз'тиры рабы накрыли королевский ужин. Серебряные тарелки с позолотой, украшенные морскими чудовищами, без сомнения, прибыли из Ша'лиса. Красное вино было даром Вардата.

Их ставшая непринужденной беседа растаяла в паузах понимания и желания.

В ее спальню вела маленькая низкая лесенка. Комнату без окон, отделанную как внутренность раковины, озарял десяток свечей.

Ее нагота, когда он внезапно столкнулся с ней, белая, как лед или мрамор, обладала своим внутренним огнем, который он успел позабыть. Изголодавшись, они бросились друг на друга, как леопарды, сойдясь на какую-то минуту. А затем — снова, и земля закружилась и уплыла из-под ног.

Они находились за домом кружевниц. Он даже слышал отдаленный шум движения по Пятимильной улице. Или это была Мойхи и статуя, которая по его молитве стала живой плотью.

— Прости, что воспользовалась тобой, Регер.

— Похоже, в этом мы одинаковы.

— Это не то пользование, какое я имею в виду.

— Я прощу тебе все что угодно, Аз'тира эм Ашнезия. В любом случае ты переживешь меня. Какое это имеет значение?

— Как только ты оставишь меня здесь, я снова стану для тебя призраком, — произнесла она.

В последний темный час, пока они лежали на подушках, она принялась заплетать волосы. Пошевелившись в ее руках, Регер обнаружил, что попал в их сеть. Он поднял три или четыре пряди, встряхнул их и позволил снежным волосам расплестись.

— Ты всегда пахнешь цветами и свежей водой.

— И все-таки ты забудешь меня, несмотря ни на что.

Он начал расплетать еще одну прядь, но она остановила его.

— В Иске... — начала она.

— Что — в Иске?

— Это знак замужней женщины.

— Что это за таинство? — он с любопытством заглянул в ее странно помрачневшие глаза.

— Не беспокойся об этом, — ответила она.

Он припал губами к бледным бархатистым бутонам на ее груди, но желание уже покинуло их обоих. Она звала его эли-

саарским именем, но он может забыть и его, когда покинет ее. Неважно, что он так много знает.

— Начинается рассвет, — наконец мягко сказала она. — Человек будет ждать в саду, под деревом, на которое слетаются голуби — помнишь его? Он провел тебя в город, он же и выведет отсюда. Потаенная река течет через пещеры к берегу. Там, где она пробивается на поверхность, ты найдешь лодку, нагруженную припасами и готовую к плаванию. Но потом тебя ждет открытое море запада. О, Регер...

— В Застис погода хороша для морских путешествий, — успокоил он ее.

Она не плакала. Но, как говорят на Равнинах, глаза ее наполняли слезы.

Они в последний раз отдались любви, медленно плывя, погружаясь и стремительно бросаясь на берег.

Когда рассвет, еще полупрозрачный, затопил спальню, ее дверь раскрылась. Он шел между лучами света, и каждый падал позади него, как меч из сна. Не доходя до конца коридора, он услышал ее слова:

— Не оборачивайся. Есть древние стихи, которые запрещают делать это. Забудь меня и преуспей. Думаю, ты все равно узнаешь меня, когда мы встретимся снова.

Он поднял занавес в конце коридора и, выходя, позволил ему упасть, разделив их.

Белый мужчина встретил Регера эм Ли-Дис под деревом голубей. Они пошли вместе, не обменявшись ни словом, нижней дорогой через сад, мимо фонтана, и спустились в туннель под Ашнезией.

Там странник-Вис увидел Эарл — преисподнюю из легенд своего народа. То и дело в проходе что-то мерцало, вспыхивал свет, точно от горящей лавы... Там и тут тяжко трудились дрожащие фигуры, порождая тени из ночных кошмаров. Рабы Избранной расы занимались делом, смазывая часовой механизм рая наверху, не имея возможности увильнуть. Нижние ярусы города напоминали муравейник.

Регер прошел мимо, почти наступая на пятки своему проводнику, и вошел в отросток освещенной пещеры. Гладкая и узкая речка прокладывала извилистый ход через скальный туннель.

Эманакир меньше минуты смотрел, как Вис идет вдоль берега реки, повернулся и ушел по дороге в ад.

Оставшись в одиночестве, через час Регер наткнулся на группу рабов на речных скалах. Но они не подали вида, что заметили его, хотя он прошел в трех шагах от них. Они ловили рыбу в стальной воде.

Позже, когда впереди показался дневной свет, он снова увидел компанию рабов, сидящих на берегу. Они ничего не делали, видимо, отдыхали. Их лица оставались бессмысленными, но собранными. Наверное, к его появлению они едва успели подготовить лодку и погрузить в нее запас еды и бочонки с водой и вином.

Лодка стояла на мели, но дальше река широко разливалась, а пещера проваливалась в небо, распахнувшись гранитными

склонами. На вершине горы торчала черная копна джунглей, словно гигантские сорняки.

Регер столкнул лодку на стремнину. Коричневую ленивую воду покрывали насекомые, навалилась жара. Он греб, и в лесу на него обрушилось солнце и крики птиц.

Город исчез, а вскоре и выход из пещеры скрылся за поворотом реки. Остались лишь день и гладь воды, лодка и человек, продвигающийся к морским просторам.

Но, работая веслами, он чувствовал в небе над собой взор богини — скорбящий, полный слез, но не жалости.

Он должен добраться до океана. Двигаясь вдоль берега, он сможет понемногу продвигаться на юг. Это будет долгое путешествие, но рано или поздно оно закончится. Подует ветер и наполнит косой парус, рыба будет прыгать из воды, предлагая средства к существованию. Гигантские бронированные чудовища выйдут из джунглей валяться на песчаном берегу, но не посмеют напасть на деревянного зверя с плавниками-веслами и одним хлопающим крылом.

Даже пираты из Вольного Закориса нечасто забредают в эти воды. Им нечем тут поживиться, к тому же они испытывают священный трепет, приближаясь к этим берегам.

На юге, когда он достигнет его, земля сама укажет ему на Элисаар. Мир начнется заново, и кольцо замкнется.

В башне, увенчанной головой змеи, Аз'тира заглядывала вглубь себя и видела жизнь, плывущую по водам. Но это была не жизнь Регера. Он великодушно подарил ей то, что она просила, и ушел.

«Возможно, мне даже не стоило просить у тебя прощения. Это будет соглашение между моей и твоей расой. Между реальностью и высокомерием», — подумала она.

Среди Лишенных Тени, на чистой белизне знамени их и ее собственной гордости, она навсегда оставит темное клеймо. Созданное сейчас и запечатленное в крови, оно будет пронесено сквозь вечность ее потомками. Необычный плод созревает, если на него редко смотрят.

Черная гадюка на древе альбиносов. Постоянная и изменяющаяся тема. В каждом поколении бронзовая кожа, черные волосы и черные глаза пробьются из сердца снегов.

Внутри нее прижилось семя ее любовника, его ребенок. Сын Регера. Но, взрастая в океане ее посвящения и силы, этот мальчик, этот мужчина станет магом и богом, как и она сама. Богом из рода Амрека со змеиной метой на запястье.

Это Равновесие. Это Анакир. Но в той же мере это просто любовь. Должно же быть что-то и ради любви.

Она прижала руки к бокам, всматриваясь в незримое, неведомое и известное.

На запад она не смотрела. Она не думала об этом и не протягивала туда щупальца воли. Даже не умоляла. Над ней не осталось никого свыше, кто мог бы услышать ее молитвы.

Но она чувствовала биение своего сердца, ставшего чужим, как чувствовала его в могиле, когда в смертном ужасе оно призывало ее вернуться.

Вот и все.

Когда сердцебиение отступило и утихшее сердце вернулось на место, она поняла, что круг замкнулся.

В сумерках, когда взошла Звезда, морем овладело невероятное безмолвие, нарушаемое лишь ропотом волн и шелестом ветра.

Лодку несло меж землей, водой и воздухом. Парус был аккуратно закреплен, и несъеденные запасы пищи соблазняли птиц. Вино, пролитое в море, кончилось уже давно.

Больше в лодке ничего не было.

Там, где Звезда пронзала воду, та приоткрывала в своих глубинах непонятные извивы — видимо, обломки затонувшего корабля, а может быть, стайки кормящихся рыб.

Вскоре луна вышла из-за мрачных кулис леса. Наверное, это она небрежно коснулась моря сверкающим пальцем. Но нет, это был танец водяных тварей, которые стремительными искрами поднимались вверх и снова погружались в глубину.

Отражение лодки оставалось темным на лунной глади океана, но померкло, когда луна уплыла прочь. Утром, когда морские птицы спустились покормиться едой из Ашнезии, судно уже сильно накренилось.

Птицы дрались и кричали над едой, желая отвоевать всю ее, прежде чем лодка утонет.

Глава 23. Ках Дающая

Девочка, еще не достигшая двух лет, сидела около бассейна с рыбками и раздевала деревянную куклу. С тупым удивлением, которое порой накатывало на нее, Пандав осознала, что это ее собственная дочь Теис.

Она была хорошенькая, с кожей темной, но все же искайской, однако с такой же, как у Пандав, гривой цвета черного янтаря. Когда девочка вставала, волосы спускались ей почти до колен, сейчас же рассыпались вокруг нее по голубой плитке, обрамляющей бассейн.

Весеннее солнце немилосердно палило, нагревая веранду на крыше. Свет в бассейне дробился на осколки, словно отражаясь от битого стекла, рыба пряталась под камнями. В тени навеса нянька застилала постели, напевая себе под нос.

Наконец Теис раздела куклу и опустила ее в воду. Та сначала покачнулся, затем перевернулась и поплыла к центру бассейна.

Девочка издала резкий вопль. Пандав рванулась вперед и подхватила дочь.

— Плохой котенок. Ты никогда не должна наклоняться к воде.

Вода была глубиной всего в два локтя, но этого вполне хватило бы. Пандав заметила, что снова, как теперь часто бывало, исполняет множество ролей одновременно. Быстро сменяющимися голосами и действиями она обняла и пожурила девочку, сделала выговор няньке и выловила куклу из бассейна.

— В следующий раз получишь три удара розгами. Вот твоя кукла. Не говори, что все время смотрела на ребенка, ясно, что это не так. Я что, должна была ждать, пока она утонет? Зачем ты бросила куклу в бассейн?

Нянька бормотала и кланялась. Теис, уставившись на мать настойчивым всезнающим взглядом, сунула в рот левую ногу куклы.

— Не грызи дерево, котенок. Ты можешь поранить ротик щепками.

Ребенок снова с пониманием глянул на мать — взрослую, уже утратившую врожденную мудрость.

Пандав встряхнула Теис. Та засмеялась. Черной женщине нравилась ее дочь, и она склонялась к мысли, что та будет весьма интересной, когда вырастет. Уже сейчас Теис знала более десятка слов.

Пандав давно смирилась со страстью девочки, как и большин-

ства детей, к вреду самим себе и через это к самоубийству. В Иске была древняя поговорка, которую часто повторяла нянька: «Недавно из утробы Ках и хочет обратно».

Ее нянька вполне справлялась со своей работой, лишь порой бывала медлительна. Но когда подобное происходило, молодая мать-леопард, которая намеренно проводила три четверти каждого дня отдельно от дочери, могла прийти в неистовство.

Закорианка видела, что старая толстая ведьма смотрит на нее из-под морщинистых век, понимая ее мысли и чувствуя, что прощена.

— Теис, иди к няне, — приказала Пандав, снова сажая свое сокровище на голубую плитку.

— К няне, — согласилась девочка. — Теис, — и заковыляла навстречу бусам, которыми нянька махала, чтобы привлечь ее.

Пандав потянулась и прошлась вдоль ограждения, любуясь с вершины холма столицей Иски.

Этот вид принадлежал ей вместе с комнатами в загородном доме Эруда, голубыми стенами и плиткой, некоторым количеством рыбок в бассейне (которое менялось, когда они размножались или ели друг друга) и домашними обязанностями. Она была Пандав, женщина Жреца — таким было ее официальное обозначение, вполне почетное. Служители Ках, даже в более продвинутой столице, не женились, но имели право открыто содержать наложниц и заботились об их положении. Мужчины в городе ни разу не унизили Пандав невежливым обращением. Хотя даже к продавцу масла она должна была обращаться «хозяин», он кивал в ответ и предлагал лучшее.

Если Пандав не следовала позади своего господина в определенные места, то пользовалась носилками для перемещения по улицам. Покрывала она не носила, и не было никого, кто не знал бы Чернейшую.

Хотя Эруд то и дело ложился с другими женщинами, Пандав оставалась его любимицей и надсмотрщицей за домом. Он дал ей невероятную свободу по искайским меркам и по большей части предоставил ее самой себе. Однако Теис он любил по-настоящему. Не только приносил ей дорогие игрушки, но мог даже поиграть с ней в уединении дома, гоняясь за девочкой, изображающей испуг, или катая ее на плечах по комнатам.

По здешним порядкам ему полагалось хотеть сына, которого обещала ему Пандав. Она была абсолютно уверена в том, что у нее будет мальчик, и когда после ночи изнурительного труда увидела, что из ее лона вышла сестра по женскому полу, испытала первый материнский испуг. Сразу после рождения ребенка использование трав и специальных упражнений, которым предусмотрительно обучали любую девушку из дворов Дайгота, вселило уверенность, что Пандав не зачнет повторно.

Ранняя жара выжала из крыш воду-мираж. Деревья на склонах холма подняли изящные кроны. На заднем дворе раб чистил домашний алтарь.

Теперь Пандав совершала приношения Ках как своей богине, поскольку здесь женщинам дали это право. Однако такие взгляды на поклонение, о которых проговорился в горах Эруд, считались непристойными.

Тем не менее она осознавала, что в своем храме Эруд стал влиятельным человеком, частью внутреннего круга избранных, и за последние три года без усилий возвысился до почетного звания Почитателя. Его жреческое облачение украшала тяжелая серебряная кайма, а сосуды из золота или тонкого стекла появлялись в доме почти каждый вечер, словно по воле магии. Удовлетворенный и жизнерадостный, Эруд, которого больше не посылали в путешествия Наблюдателя, прибавил в весе.

Пандав считала, что тоже потолстела. Рождение ребенка и сонная повседневность нарастили лишнюю плоть под ее атласной кожей. Несмотря на это, на фоне прочих женщин столицы, среди которых оставалась в моде «пышность», если не ожирение, Пандав выглядела тонкой как кость. Она ела немного, даже в периоды тоски, и продолжала выполнять танцевальные упражнения в укромном уголке дома.

Отчасти тревожась за свою экзотическую «закорскую» любимицу, отчасти желая выказать пренебрежение к обычаям, Эруд позволил ей ездить на легкой колеснице. По законам Иски она не могла сама править на улицах, но среди холмов отпускала возничего. Лицезрение того, как он, довольный, идет назад, непременно в ближайшую таверну, стало для нее символом праздника. Хиддраксов привезли из других стран, что было лишним доказательством богатства Эруда. Она обучала их летать по тропинкам на склонах, поднимаясь в горные долины, где могла позволить себе поплавать в реках и поспать на траве. Когда девочка подрастет, ее тоже надо будет брать с собой. Эруд не станет протестовать. Холодный на расстоянии, вблизи он оказался вполне податлив. Должно быть, он рассматривал свое великодушие к женщине как одно из проявлений свободомыслия и порой эмоционально рассуждал об этом перед другими жрецами.

Уже сейчас Пандав следила за тем, что ест Теис. Основную сложность представляла нянька, без конца сующая девочке сладости. Мать также учила дочь самым простым движениям акробаток и танцовщиц. От природы Теис обладала способностями, но не могла надолго сосредоточиться. Кроме того, планировать какое-то будущее девочки было настоящим безрассудством. Разве не достаточно трудно воплощать в жизнь любые планы относительно самой себя?

Теперь только факелы сплетались в огненном танце.

Пандав повернулась. Словно двое пауков, нянька и ее дочь плели паутину из бус.

— Будь внимательна, нянька, — жестко приказала Пандав. — Я оставлю ее с тобой до заката. Помни о своих обязанностях перед ребенком Хозяина.

Безошибочные слова.

Увидев, что мать покидает ее, девочка снова засмеялась.

На деле Пандав всего лишь собиралась на рынок.

Завтра святой день, праздник Как Дающей. Эруд ушел в храм на рассвете и не вернется раньше завтрашней полуночи. Еще одна причина для беспокойства Пандав — когда он находился в доме, она так или иначе ощущала его вторгшимся в ее личное пространство.

По закону храма все продажи и покупки должны были прекратиться до захода солнца, и на рынке стоял настоящий сумасшедший дом.

После двух неудачных попыток пробиться возничий остановил колесницу у стада оринксов. Хиддраксы задрожали. Пандав захотелось назвать его дураком и дать подзатыльник. Но вместо этого она лишь заметила медовым голосом:

— Хозяин, скакуны Эруда беспокоятся. Пожалуйста, сверни на ту сторону улицы.

— Невозможно, женщина, — ответил возничий. В ее случае «женщина» было почетным, а не унизительным обращением, произнесеным вполне уважительно. — Смотри, эти свиньи уже почти прошли.

Оринксы продолжали идти мимо них, протирая своей щетиной колеса и левые бока несчастной упряжки, пока мужчины с усмешкой косились на Чернейшую, а другие женщины суетились, как клещи на собаке.

Излишне возражать. В этом вся Иска. Она смирилась, как неподвластная годам огненная колдунья в горах, Тхиу... Ничто не имеет значения. Мы здесь, а здесь такие обычаи. Философия Равнин: мы владеем всем временем, но все может завершиться в одночасье. Потеря одной маленькой жизни — ничто.

Зачем думать о таких вещах? Жизнь лучезарна и совершенна.

Но, возможно, согласиться было бы удобнее. Не только во внешних проявлениях, а дальше, дальше. И что тогда? Есть сладости, отблагодарить Эруда, родив выводок мальчиков, стать пышной и дородной...

Пандав вынырнула из своих мыслей, словно из реки, вернувшись в палящий зной и шум рынка.

Над горбами теснящихся свиней, над толпой гуртовщиков, над палатками торговцев сластями и высокими кувшинами продавцов сладкой воды Пандав увидела в огороженном углу продажу рабов. Ограда была плохая — всего лишь веревка, натянутая между столбиками. На помост вытолкали партию из пяти мужчин, прикованных друг к другу за запястье. Они были обнажены, но кожа всех пятерых отливала металлической темнотой, чуждой Иске. На этом темном фоне выделялись шрамы и разрывы, приметы их прошлого занятия. Это галерные рабы, люди невероятной силы, но непригодные для службы. Всем известно, что, поработав веслом и привыкнув к кнуту, они больше ни на что не способны. Пятым из них был Лидиец. Регер.

Днище колесницы ушло из-под ног, Пандав словно повисла в воздухе. Но здравый смысл мягко схватил ее и вернул на твердую поверхность. Нет, это не Регер, не Саардсинмея и прожитая жизнь. Нет.

Однако если это не Регер, то как похож на него этот человек...

Стройный и мускулистый — иначе бы он не выжил — он был не так безупречно сложен, как сыновья Дайгота, профессиональные Клинки, и вдобавок старше, чем был бы сейчас Регер, останься он жив. Но он был красив, и в его манере держаться, в том, как он освободился от цепи и стоял в одиночестве, проступало что-то королевское. Он стоял и осматривался, в то время как остальные четверо сбились в кучу.

— Сюда, — обратилась Пандав к возничему. — Господину Эруду нужен телохранитель.

— Нет, женщина, — возразил возничий, слегка обиженно и укоризненно — в своей жажде доставить удовольствие своему господину она забыла использовать обращение «хозяин». — Нехорошо. Это какие-то закорские пираты, которых захватили вардийцы. Такое дерьмо годится только для рудников.

Пандав взяла себя в руки.

— Хозяин, позволь сказать тебе — господин Эруд приказал найти именно такого раба.

Не обращая внимания на женскую тупость, возничий не ответил. Одновременно с аукциона до Пандав донеслись голоса, говорящие то же самое. Несомненно, поскольку столичное жречество имеет долю в горных разработках Шансарского Элисаара, сейчас поступят и предложения этого рода.

Даже если он только призрак, его обязательно надо спасти.

Пандав сошла с колесницы. Возничий уставился на нее — женщины не ведут себя таким образом. Мимо этого места они идут, опустив глаза, пешком и без сопровождения. Черный леопард без покрывала, тонкая и прямая, Пандав прошла прямо к ограде, перешагнула веревку и вступила на запретную землю. Несомненное нарушение, но скорее смешное, чем грубое. В тишине, которая придавила брань и усмешки, Пандав подошла к помосту. Мужчины расступались, бормоча вслед оскорбления. Торговец окаменел.

— Прошу прощения, хозяин, — сказала Пандав, высоко подняв голову, но опустив глаза. — Это дело моего господина, жреца Эруда, Почитателя Ках.

— Да, мы знаем, кто держит эту черную суку, — закричал кто-то. Но торговец, бывалый путешественник, осознавая, что времена и обычаи меняются, благоразумно пробормотал:

— И что дальше?

— Он купит пятого раба, — прошептала в ответ Пандав. — Придержи его для господина Эруда. Деньги будут переданы тебе в течение часа. Не прогадай. Ты получишь хорошую прибыль.

— Согласен, — протяжно выдохнул работорговец. — А теперь, во имя Ках, уходи. *Уходи!*

Впервые за все годы в Иске Пандав подняла угол газового рукава и прикрыла им лицо. Она пробиралась обратно сквозь толпу мужчин, жалобно всхлипывая и вздыхая, чтобы успокоить их. Уходя, она ощутила изумленный взгляд пятого раба, то ли обжигающий, то ли холодящий ей спину. Она не была уверена.

Его накормили, вывели вшей, отскребли в ванне, вымыли и привели в порядок его волосы, побрили, обработали и перевязали две-три открытых раны, облачили в льняную одежду домашнего раба — и лишь после этого послали вверх по лестнице.

В голубой комнате на веранде сидела в кресле великолепная черная девушка с рынка и смотрела на него. Он представил ее

с луком при каком-нибудь из дворов Междуземья, чувствуя, что это ей под силу, и удивился.

— Госпожа, твоя доброта превыше благодарности, — произнес он. — Но ты рискуешь. Разве тебя не предупредили, что такие, как я, либо сбегают, либо убивают хозяев в ближайшие два дня?

— Это был пиратский корабль, — ответила она. — Они тебя где-то поймали.

— Нет, меня законно продал им один мой друг. Точнее, выменял.

— А кем ты был прежде, до того, как стал рабом на галере?

— Свободным человеком. Иногда — агентом Дорфара. По рождению — ланнец, связанный с тамошним королевским домом. Меня зовут Йеннеф.

— Йеннез, — повторила она, и еще раз, настойчиво исправляя произношение: — Йеннеф.

Он усмехнулся. Его зубы были белыми, как снег. Он казался звенящим и живым. Но в его глазах светились любопытство и мечтательность, как когда-то в глазах Регера. Ухоженный, он стал похож на Регера более, чем когда-либо. Это было странно.

— Мы здесь чужие, госпожа, в чужой стране. Поэтому ты мне и посочувствовала?

Она не собиралась сообщать ему причину. Для него это не имеет значения, а она не хотела болтать об этом.

— Моему господину и хозяину понадобился телохранитель, — сказала она.

— И ты сочла, что я подхожу, — усмехнулся Йеннеф.

— По размышлении — нет. Я думаю, будет лучше, если я освобожу тебя и отпущу.

Усмешка сползла с его лица. Они смотрели друг на друга. Было прекрасно встретить мужчину, готового на это — глаза в глаза.

— Почему? — спросил он и, вспомнив нравы Иски, добавил: — Ты отдала за меня деньги своего господина. Что скажет он?

— Сейчас праздник Ках, — безрассудно ответила она. — В этот день принято обмениваться дарами, иногда даже освобождать рабов и заключенных. Я скажу ему, что это приношение во славу его благополучия. Он жрец. Это будет выглядеть набожно и покажет, что он богат.

— О нет! — воскликнул он. — Он сдерет с тебя твою шелковую кожу.

— О нет, — повторила она и добавила без всякой гордости: — Обычно я вынуждаю его делать так, как я хочу.

— Но ты все еще выглядишь шелковой, — протянул Йеннеф после некоторого размышления.

Она снова посмотрела на него.

— Если тебе хочется женщину, можешь взять одну из кухарок, прежде чем уйдешь. Я не буду возражать.

— Одну из этих маленьких круглых диванных подушек? Это было бы забавно.

— Я уже послала за писцом, — оживленно продолжила Пандав. — Необходимо быстро написать и скрепить печатью бумагу об освобождении. На закате все дела закончатся из-за праздника.

— И ты воспользуешься печатью своего уступчивого хозяина, как и его наличностью?

— Господин Эруд пробудет в храме еще два или три дня. В его отсутствие я управляю его домом.

— А что будет после того, как придет писец?

— Тебе дадут с собой еды и выведут на нужную дорогу.

— Я забыл, какая дорога мне нужна, — отозвался он.

Внезапно с него слетела вся притягательная небрежность и развязность. Его широкие плечи поникли, голова опустилась. Мгновение он выглядел отчаявшимся и захваченным каким-то невероятным горем. Затем и это сошло с него, словно ему больше не хватало сил выносить их. Она вспомнила, что он старше Регера, наверное, почти в два раза, а последние полгода провел в рабстве на закорианской пиратской галере.

— Садись сюда, — пригласила она, и когда тот послушался, принесла вина и стала прислуживать ему, словно он был искайским хозяином, а она — его подчиненной женщиной. Они больше не говорили, исключая то, что он не по-искайски поблагодарил ее.

Через несколько минут явился писец, неся бумагу и ящичек с чернилами и воском.

Пандав было грустно, и эта грусть перекрывала удовольствие от того, что все закончилось так быстро.

На галере он потерял представление о времени, как и почти обо всех прочих вещах. Это было нормально для места, где надо только выживать. Пиратам его сдал Галутиэ эм Дорфар. Йеннеф не сразу бросился по следам Галута, его негодяев и своего сына, едущего с ними. Он почувствовал ложь в Зарависсе, но не имел возможности перебраться через море, чтобы продолжать преследование. Удача в очередной раз показала свой скверный характер. Затем на пути в Заддаф он столкнулся с кучей мелких препятствий, которые сами по себе не были чем-то невозможным. И все же часть из них могла быть подстроена Галутиэ — хромые скакуны, поваленные деревья, непроходимые тропы... Хотя возможно, судьба просто отвернулась от него. Или все дело было в проклятой Анакир, снова пересоздающей мир в своем сне.

Люди Галутиэ напали на него в непроходимых окрестностях Илвы. Дорфарианец предъявил свой счет к оплате — началось, как всегда, с избиения, затем последовали иные забавы. В конце концов Йеннефа, который едва мог держаться на ногах в головокружении и забытьи от болотной лихорадки, продали черным людям с рублеными лицами, над чьим длинным кораблем с низкой осадкой развевались потрепанные двойная луна и дракон. Как он понял из обрывков разговора, к тому моменту они находились неподалеку от старого Ханассора. Пираты Вольного Закориса. Он попался им в лапы.

Так или иначе, он уже извинился перед Регером за свою бесполезность. Что ж, сын и не рассчитывал от него ни на что. Его сын.

В зловонном трюме черной галеры Йеннефу виделся Регер —

разложенный в пыточной машине; гребущий вверх по горной реке в джунглях; король на колеснице, едущий на войну; стоящий среди башен из белого мрамора...

Наконец Йеннеф поверил в то, что Регер мертв, и после этого большая часть страданий сошла на нет. Разве можно скорбеть и гневаться там, где у тебя нет прав? Кроме того, все еще могло обернуться по-другому. Йеннеф, которого приговорили умирать в недрах галеры, не хотел лишних неприятностей.

Но, питаясь гнилым мясом, червивым хлебом и тухлой водой, ворочая весло в кипящем чреве галеры, где людей вокруг безостановочно хлестали кнутом, жгущим, как огонь, и не приходилось рассчитывать на завтрашний день, Йеннеф выжил. Даже болезнь оставила его или растворилась в нем. А затем настала ночь, когда им пришлось грести с неистовой силой. Закорианец пытался уйти от вардийского патруля, капитан которого, шансарец, выходец из Ша'лиса и опытный моряк, был весьма рассержен. Прижатые к берегу, почти к утесам Ханассора, закорианцы обнаружили, что попали в западню между преследователем и еще одним поджидающим их вардийским кораблем. Пиратов захватили.

Пока галера не затонула, светловолосый мужчина спустился в вопящий ад гребной палубы и разбил оковы.

Выяснилось, что теперь Йеннеф стал собственностью вардийцев. Те знали, что он ланнец, но не прониклись к нему дружелюбием. Они перевезли его в Иску в трюме торгового судна, не заставляя грести, а просто посадив под замок. Из порта его партию вместе с еще несколькими отправили к столице. Они стоили не слишком дорого, и полукровки обращались с ними без всякой жалости. Умирающих оставляли в придорожных канавах. Такова была Иска, где повсюду виднелись стаи ворон.

Попав на рынок, Йеннеф приободрился. У него уже не осталось почти никаких чувств, кроме презрения — к себе и другим.

Он знал, кто такая Ках — о да, прошлое научило его, миллион лет назад, в горной хижине под снегом. И однажды Ках пришла, пробившись сквозь толпу на рынке рабов — черная, как ее вороны, со стройным телом под газовым платьем, с серебряным браслетом и ожерельями из белой кости.

Ках переговорила с продавцом и привела Йеннефа в дом на холме. Собственно, Ках была любовницей высшего жреца, которая могла заставить его делать то, что она хочет. Ках отпустила Йеннефа на свободу. И ее присутствие сломало хребет безразличию.

Сейчас Пандав видела, что с рассудком ланнца не все в порядке. Это было не буйное помешательство, а тихое, сдержанное. Может быть, когда-нибудь оно отступит. Но его причина крылась глубже и дальше, чем рабство на пиратском корабле.

Лучше отправить его рано утром, пока не взошло солнце над праздником Ках. Он сумеет подкупить стражу у ворот, а печать Эруда предотвратит все возражения. Она не могла дать Йеннефу скакуна, но, имея деньги, он, несомненно, сам обзаведется им.

Пандав поверила в то, что он сказал о ланнском королевском доме. Регер выглядел так же по-королевски. Она могла бы предположить, что ланнец и Лидиец — родственники, но Регер родился от связи девушки-ведьмы и странника в теснине искайских гор.

Писец неторопливо писал бумагу на имя Эруда. По закону женщина не могла ничего сделать, но писец, увидев двойную оплату, повел дело так, будто Эруд сам незримо стоял перед ним. Когда все завершилось, Пандав отослала ланнца в одну из гостевых комнат, выходящую во двор с алтарем. Еще одно нелепое проявление благотворительности, как и то, что она купила его и отпустила на свободу. Но это казалось неважным, равно как реакция Эруда на эту новость, которую ему сообщат прямо с порога. Ей с трудом удастся подавить его бешенство, лишь дав ему возможность убедиться в законности записи.

Возвращение Эруда, который придет завтра за полночь, пьяный и ослабевший от храмовых таинств, включающих кровавые жертвы и плотскую оргию, казалось таким далеким, будто его следовало ждать через десяток дней.

Она приказала слугам в доме позаботиться об удобствах Йеннефа. Утром, в нужный час, придет мальчик, чтобы разбудить и выставить его.

Пандав прошла в свои покои, чтобы посмотреть, как укладывают Теис. Красный мяч солнца почти закатился за холм, его горячее сияние падало на девочку, хихикающую в постели, пока нянька рассказывала ей сказки и щекотала ее. Появление Пандав смутило их обеих, и она задержалась в комнате лишь на минуту.

После захода солнца она вышла на веранду на крыше дома. Священное безмолвие опустилось на город, и она слышала, как в саду у подножия холма запела ночная птица. Появились звезды. Вечер был чудесным. Черная женщина стояла посреди неба на крыше дома жреца, тоскуя о том, что забыла или никогда не знала, пока не повеяло ночным бризом. Тогда она упрекнула себя и пошла обратно в дом.

Сквозь верхнее окно неожиданно сверкнула звезда, поднимавшаяся до полуночи, и разбудила Пандав, коснувшись ее лучом между глаз. Или она только решила, что проснулась...

Она немедленно ощутила чье-то присутствие в покоях и замерла, представив себе змей. Но затем она поняла, что это не физическое присутствие. Ничего такого, что можно увидеть или услышать. Однако она отчетливо, как если бы голос заговорил у нее в голове, восприняла фразу: «*Соверши приношение Ках*».

«Кто говорит это мне?» — воспротивилась она.

В этот миг она проснулась по-настоящему и ощутила серьезность того, что ей сказали. В покоях царили безмятежность, тишина и пустота, нарушаемые лишь сухим стрекотом сверчка, живущего под очагом.

Внезапно Пандав встала и набросила накидку. Только ее. Босая, она покинула спальню и вышла в коридор.

В воздухе за окном повис звездный свет. Ступени в конце коридора вели во двор с алтарем.

На домашнем жертвеннике Ках, свежевычищенном и натертом благовониями, в честь праздника пылала плошка с маслом. Дремотно подрагивая, пламя освещало неоформленный камень, изображающий богиню, лишенный лица и даже грудей, однако увенчанный короной из цветов.

Внутренним зрением Пандав видела себя — танцовщицу в венке. Она видела Лидийца, увенчанного после победы в бою.

Хотя она уже не спала — по крайней мере, отчасти, — в ее голову вторгся еще один вопрос, которого она даже не поняла: «Ты хочешь, чтобы вернулась слава твоего героя?» И, подобно ответу на непонятый вопрос: «Только его жизни».

Из двора, открытого небесам, звездный свет сквозь дверной проем лился в комнату для гостей. Ланнец лежал один, неподвижно, но она знала, что он не спит. Его тоже кое-чему учили. Приняв за грабителя или иного вредителя, он мог убить ее голыми руками.

— Тише, — шепнула она, позволяя ему узнать свой голос. Затем она услышала, как он негромко рассмеялся.

— В этот раз из теней ко мне выходит истинная Ках, — проговорил он.

Как во сне, она преклонила перед ним колени. Все казалось видением. Когда он приблизился к ней, ее тонкие руки обвились вокруг его шеи.

Их губы и тела встретились, познавая некий безымянный порыв, подобный влечению в Застис.

Он стал для нее не только Регером и Саардсинмеей, но и всем тем, о чем она тосковала. Он превратился не просто в молодого человека, но в ее собственную молодость, мужское отражение ее плоти.

Его руки шарили по ее коже, груди, бедрам, словно он хотел изучить ее одними прикосновениями, не имея возможности видеть. Когда он овладел ею, его сила сжигала, словно сердце огня. Всегда хранившая молчание в желании или любви, она знала, что обязана закричать. Это не имело значения — в доме подумают, что он с какой-нибудь девушкой...

Ее гнал ритм танца жизни, она не помнила себя. Она не знала его имени и забыла, что ее зовут Пандав.

Ее лоно трепетало, подобно нераскрывшемуся цветку из венка богини (черной Ках с глазами Анакир) — бутон разворачивался в венчик и желал наполниться.

Она вцепилась в него, а он — в нее. Крик рвался из ее груди, и она заглушала его кулаком в страхе, что их услышат... Ее пронизал поток жидкого света. Цветок-лоно наполнился им, сжался и сомкнулся за ним.

Снова воцарились ночь и тишина, подобно упавшей пыли. В этой тишине они лежали рядом, наполняясь теплом друг друга, и звездный свет тек по полу.

— Ты оделила меня щедрым даром, — произнес он.

— Сейчас время давать.

Когда она перекатилась на край тюфяка, снова заворачиваясь в накидку, он сурово спросил:

— Будешь ли ты здесь в безопасности? Я не знаю, чего это стоит мне, но если... — он осекся. Она тоже ничего больше не сказала в возникшей тишине.

Пандав видела сияние звезд в его нежных, безумных глазах, пока он смотрел, как она уходит. А во дворе перед богиней оплывал фитиль.

Не оглядываясь, Пандав прошла по ступеням и по коридору к своей постели, легла на нее и сразу заснула.

Около полутора часов до рассвета она урывками различила скрип калитки во дворе и поняла, что он отправился в путь по дороге, которой не знает, в свое отдельное от нее будущее.

Во второй раз она проснулась поздно утром, слабая и ничего не помнящая. Она подумала, что это сон, но тело доказывало ей обратное. Безумие содеянного ворвалось в ее мозг мыслями о последствиях. Эруд должен что-то заподозрить. Тогда он будет обязан выгнать ее на улицу, где ее забросают камнями — такое случается даже в продвинутой столице. Может быть, ей стоит сразу уйти из дома. Зачем же она до сих пор остается? Есть много возможностей сбежать от этой жизни. Но что-то ее удерживало. То ли ребенок, то ли чувствительная привычка заботиться о толстом жреце, которого она так изменила своими уловками и ради пользы для себя смогла настроить на вольности, которых не принимала мужская часть Иски.

И в ней выросла безмятежность. Корни ее проросли даже на этой неподходящей почве. Пандав расцвела здесь. Она не должна убегать.

Как он сможет что-то узнать? Разве кто-то следил за ними? Святая тишина ночи была почти безумной, в час, когда она вышла во двор, усадьба казалась покинутой, или все ее обитатели были под заклятьем...

Она снова уснула и в конце концов открыла глаза под звуки медных гонгов. Это была праздничная процессия, бьющая в них уже после полудня.

Пандав чувствовала вялость, но поднялась и пошла, преодолевая телесную неловкость, теперь обычную для нее после плотской близости. День был слишком жарким и душным для весны. Она обнаружила, что мышцы подчиняются ей с крайней неохотой, и ощутила себя истощенной.

Имелся еще один выход. Травы, которые доставали ей торговцы, растения, которые она выращивала в своих покоях. Они благоухали — все, кроме одного. Она отговаривалась изяществом его пестрых листьев.

Пандав готовила напиток с некоторым отвращением. Снадобье было верное, но не слишком щадящее. Могла появиться слабость, потом она будет истекать кровью, что не обрадует Эруда, который почему-то после оргий в храме часто хотел ее.

Ладно, это послужит ей, как надо. С тех пор, как она была столь щедра в своей жадности, она сделалась ленивой и одновременно такой беспокойной... Ланнец не так молод, как ее жрец, и потому, может быть, не столь способен к зачатию. Но единственное объятие, которое так воспламенило ее... Нет, лучше уж попить травы. Пара дней недомогания и раздражение Эруда станут достойным наказанием за глупость.

* * *

Зелье было готово. Она задержала дыхание, чтобы не вдыхать его запах и не смотреть на него. И в тот миг, когда в полуденном предгрозовом свете она подняла кубок, с небес обрушился ужасный вопль.

Это был нечеловеческий, сверхъестественный звук. Казалось, он переполнил собой весь воздух, и когда тот больше не смог вмещать его, обрушился на дом.

Она снова была в Саардсинмее, внутри полой колонны, которую швыряло из стороны в сторону. Треск раскалывающегося камня и рев огромной волны смешались в один крик из глотки великана.

Пандав развернуло на месте, и кубок с зельем для выкидыша вырвался у нее из пальцев. Изысканное стекло разбилось о плиты пола, и по ним потек напиток, похожий на кровь ящерицы.

Закорианка кинулась наверх. Лестницы и стены понеслись мимо нее.

Небо над крышей затянуло черно-синими облаками. На фоне этой тьмы шпили города сверкали особенным желтоватым светом.

Две служанки упали перед ней. Оглушительно громко хлопнул навес. Нянька снова завопила.

Пандав добралась до бассейна с рыбками и заглянула в его покрытый облаками глаз. В зрачке, лицом вниз под размытыми чернилами волос, лежал ее ребенок.

Пророчество исполнилось. Круг замкнулся. Избавляясь от нерожденного, ты лишишься родившегося.

Пандав не думала. Она кинулась в бассейн и схватила Теис, не казавшуюся больше чем-то знакомым, сделанным из плоти. Пандав перевернула ее и перекинула через колено, выдавливая воду наружу. Затем она положила девочку, ставшую какой-то ненастоящей вещью, на спину. В горле Теис поселилась рыба. Словно фокусник, Пандав вытащила ее и кинула в бассейн. Чудесным образом рыбка сразу ожила и быстро заскользила над галькой.

Она была дочерью дворов Дайгота и знала много хитрых приемов. Пандав безжалостно ударила Теис по груди, почти с ненавистью, чем снова довела до истерики женщин, взирающих на них, а затем наклонилась к лицу ребенка и с хриплым выдохом поцеловала его в губы, поцелуем, полным любви после полного ненависти удара. (Во всяком случае, так казалось женщине, которая позже описывала это происшествие с благоговейным страхом.) Еще поцелуй — и грудь маленькой девочки, в которую она ударила, поднялась.

Веки ребенка дрогнули, и Теис вернулась, открыв глаза. Она булькала, захлебывалась, вопила, хватаясь за мать. Пандав крепко держала ее. Тем временем гроза расколола небо, как кубок, и вода обрушилась на всех.

Новые листья у растения отрастут лишь через несколько дней. Тогда она сможет снова приготовить зелье — но будет слишком поздно. Нет смысла переживать. Обнимая своего ребенка, Пандав осознала, что носит еще одного, искорку огня, лежащую, как драгоценный камень, в оправе ее живота. Богиня Иски ловко перехитрила ее. Ках не даст пойти против своей воли. Беременность священна для Ках. Да будет так.

* * *

— И все это как раз к моему приходу домой! От тебя у меня одни неприятности, закорская шлюха! — вещал Эруд, меряя покои резкими шагами.

Ночь после грозы была тяжкой и благоухающей, бесконечной, с прохладными звездами. Носилки жреца прибыли через два часа после полуночи. Он не так промок, как носильщики, но был недоволен, считая, что ему выказывают недостаточно уважения. Чем больше увеличивалась его духовная значимость, тем больше он ценил себя и считал, что другие завидуют ему.

Облачение, в которое было завернуто его толстое тело, ослепляло богатством. Знак Почитателя на его груди — оплечье, на котором две золотые фигурки поклонялись диску из агата и топаза — дергался и звякал в такт его раздражению. Его гладкое тело и даже роскошные волосы источали резкий запах благовоний.

Должно быть, сам писец оставил Эруду послание, ожидавшее его на крыльце храма. В нем уведомлялось о покупке и освобождении галерного раба в честь праздника Ках.

Уже почти уснувший, Эруд мгновенно очнулся. Он пошел прямо к ней, этой легкомысленной закорской негоднице, проклятию его дома, и обнаружил ее сидящей в кресле. Эбеновая кожа сияла из-под шелковой накидки, грива черных волос рассыпалась по плечам. Но ее очарование лишь разозлило его еще сильнее.

Пандав выдержала очередную вспышку раздражения. Она привыкла к ним и знала, как лучше всего вести себя. Обаяние, скромный наклон головы и полуприкрытые глаза, руки с кротостью повернуты ладонями вверх, словно для того, чтобы смягчить град упреков. На самом деле Эруд бил ее крайне редко, и никогда — до полусмерти. Только однажды, в горах, он вознамерился сделать это, и то не с ней.

Он и сейчас не сможет ударить ее. И никогда не догадается о правде. Она в руке Ках, хотя он, жрец Ках, пока не понимает этого.

Его выговор иссяк. Затем он взревел, приказывая подать вина, и она принесла его, кроткая, как голубка.

— Что ты скажешь, женщина? Это ложь?

— Нет, мой господин, — она называла его по имени только тогда, когда он бывал трезв, разумен и доволен. Но она предвидела, что в ближайшее время ей не так часто представится возможность звать его Эрудом.

— Не ложь? Изволь объясниться.

Пандав упала на колени и легко, точно лист, положила руку на подъем его ступни. Прикосновение возбудило его. Она уже давно обнаружила, что эта часть ноги у него особо чувствительна.

— Женщина в Иске не может ничем владеть, мой господин. Но я положила все свои украшения вот туда, на столик под лампой. Эти украшения — твой дар мне, но если ты возьмешь их назад, они покроют стоимость ланнского раба.

— Ты еще не сказала, зачем это сделала, — презрительно проворчал он.

— Это приношение Ках.

— Освобождение рабов — мужское дело...

— Оно было сделано от твоего имени, мой господин. Город будет завидовать твоему богатству и поразится широте этого жеста. Это то, что сделал бы ты сам, будь ты здесь...

— Сделал бы я? Ах ты, закорская...

Она рискнула прервать его:

— Потому что я отчаялась, а ты всегда был снисходителен ко мне.

Его мрачное лицо повернулось к ней. Так или иначе она завладела его вниманием. Пока ей это удавалось, и возможно, будет удаваться еще сколько-то лет. Не через желание, так через любопытство.

— Когда ты проник в меня, я дала обет, что подарю тебе сына, — промолвила она. — Но я разочаровала тебя.

Внезапно его черты смягчились. Теис была его талисманом.

— Ках дает то, что дает. Теис — женщина, но я люблю этого ребенка. Она принесла свет в мой дом.

— Я молилась богине, чтобы она дала мне сына. Но ты же знаешь, у меня не получалось зачать.

— Я думал, что тебе это нравится, — прервал он ее с неприкрытой язвительностью, как делал иногда.

Теперь Пандав подняла глаза.

— Я желаю только радости для тебя и хочу сдержать свое обещание, — с этими словами она поднялась грациозным движением танцовщицы, пусть даже не пребывающей более в танце, и наклонилась, заглядывая ему в лицо. — Этот человек стал моим приношением Ках в обмен на плодовитость.

Эруд воззрился на нее. На его лице смешались усталость и волнение. Священные напитки, скачущие смуглые груди храмовых девиц... все воспоминания дня заканчивались одним, приводя его к этому отродью леопарда, женщине-ночи. Он опустил руки ей на талию, тонкую и скользкую, как промасленная веревка, провел по ее бокам, по упругим ягодицам под волной волос — шелку под шелком.

— И ты думаешь, Пандав, что она услышала тебя? — в конце концов он научился правильно выговаривать ее имя.

Она положила ладони ему на грудь. С внезапной смущающей болью она осознала, что ланнец для нее — ничто, и прошлое ушло совсем. И этот мужчина, которого она все еще могла убить одним ударом, этот ограниченный и вспыльчивый человек, преисполненный самодовольства и стремительно полнеющий, этот жрец пророс в ее душе, как семя, которое превратится в ребенка, проросло в ее чреве.

— Если она услышала, то он с тобой, — ответила она.

Пока он приступал к делу со всей искусностью и тщанием, которым Пандав сама научила его, она внезапно подумала: «Может быть, еще одна девочка». Но откуда-то она знала, что этого не случится.

Позже, завтра, когда он как следует отдохнет, надо будет поговорить с ним о няньке. Весь дом обсуждал это происшествие, и будет сложно удержать его от расправы. Но нянька, проспавшая миг, когда Теис свалилась в бассейн, слишком стара, чтобы ее выгнать, и слиш-

ком полезна, чтобы забить ее до смерти. Они хотели вернуться, ее дети, не рожденный и очень маленький, и вступили в заговор ради этого. Они быстро поняли, что мир — плохое место. И пока не поблекнут их воспоминания о том, лучшем месте, откуда они пришли, их надо охранять. Пандав приняла на себя эту обязанность. Ках уверила ее в том, что она должна принять ее.

Эруд напрягался над ней, сдерживаясь, чтобы и она достигла удовлетворения. Усвоив эту его манеру, она выгнулась под ним и издала два долгих крика из самой глубины естества, так же, как раньше кричала в ответ ланнцу. Очень хорошо, что она смогла так закричать для Эруда. Он станет отцом этого ребенка, дара Ках.

Со стоном он выплеснул содержимое своих чресел, и Пандав поддержала его руками.

На третьем месяце беременности, по обычаю, Пандав прибыла в носилках на Женский двор храма, чтобы вознести благодарность.

Материнский храм в столице высился на белоснежном возвышении с лестницей из красного обсидиана. Колонны храма были выкрашены в багряный и черный цвет, а карниз позолочен. От этого дома Ках не пахло гниющей требухой — только свежей смолой и вином из подношений верующих.

В Женский двор вела маленькая дверь, да и сам дворик был невелик. К богине дозволялось приближаться лишь женщинам из зажиточного сословия, и здесь редко собиралось много молящихся. Пандав передала деньги привратнице и прошла внутрь.

Прежде закорианка уже дважды посещала этот двор — удовольствие, за которое платил Эруд. Двор представлял собой коробку без крыши с голыми стенами и мощеным полом, в дальнем конце которой росло несколько апельсиновых деревьев, среди которых стоял алтарь.

Пандав осталась наедине с Ках.

Статуя была нового типа и изображала женщину с роскошными формами, но не толстую, под покрывалом, по последней моде, из дымчатого газа. Сквозь дымку покрывала виднелись глаза из желтого топаза, которые иногда вспыхивали, как пламя. Она была черна, черна настолько, что не удавалось разглядеть, гневается она или одобряет ее порыв.

Черная женщина встала напротив черной Ках и положила на алтарь несколько пирогов, которые, согласно обычаю, испекла своими руками. Однако выпечка Пандав не имела значения, тем более что она не обладала способностями к такой работе. Невзирая на то, что пришла благодарить Ках, Пандав чувствовала себя легко. Ках получила от закорианки то, что хотела. Пирог же — это всего лишь пирог.

Когда она покидала двор, пчелы кружили вокруг апельсиновых деревьев и цветов, увивших стену. Лето было в разгаре. Было приятно, что Застис в этом году пришла рано, и она сможет развлекать Эруда до того, как чересчур разбухнет.

Храм тоже был полон жужжанием пчел. Младшие жрецы торопились в кельи и святилища. Вокруг основания храма звенели

голоса мальчиков, постигающих математику, а из-за храма доносился стук молота со двора каменщиков. В столицу постепенно проникало уважение к учебе и искусствам. Скульптор из храмовой школы создал статую Каха для Женского двора. Начали строить театр. Только обученным в храме мужчинам дозволялось заниматься такими искусствами, как ваяние и изучение звезд, или занимать посты в светской власти. Но сын Эруда мог рассчитывать на такое обучение. Если даже насчет Теис увертливый Эруд постановил, что та должна уметь читать и писать, то что из возможного он не отдаст своему сыну?

Лет через десять или двенадцать Эруд станет Верховным жрецом. В этом Пандав была почти уверена. Не допущенная до настроений во внутренних кругах храма, она без труда угадывала их замыслы по косвенным признакам. Новое мышление Иски, новая статуя в Женском дворе сами по себе раскрывали природу перемен и стоящих за ними людей.

Дома Теис безмятежно играла с заботливой девушкой-служанкой, но, увидев мать, подбежала к ней.

— Как он? — она положила ладошку на живот Пандав, где, как ей сказали, спал другой малыш.

— Ему хорошо.

Теис прижалась ухом к матери, чтобы услышать, не скажет ли он вдруг что-нибудь. Сама она с каждым днем говорила все лучше и лучше. Она не хотела, чтобы на нее посягали.

Лето поднялось по золотой лестнице во дворец нестерпимой жары и мелкой пыли. Когда оно спустилось назад, пошли дожди. Затем с моря налетела белокрылая зима, и на юге Иски снова пошел снег, как и в прошлом году — случай, едва ли отмеченный во всей предыдущей истории.

Приходили известия о землетрясениях на севере и востоке. Говорили, что в Дорфаре молния снесла купол с храма Анак — в Анкире или всего лишь в Куме. Еще дальше к востоку попал в бурю флот Шансарского Кармисса из пятидесяти судов, и не спасся ни один человек. Ходили слухи о чуме в Корле, но приход снега покончил с этими пересудами.

Самой дикой являлась, пожалуй, история из Таддры о белом драконе, рыскающем в джунглях запада.

Для многих это была плохая зима, наполненная знамениями, ложными тревогами и жестокостью морозов.

Но в усадьбе Эруда горели огни. Они одевались в меха и жарили орехи, и даже сверчок продолжал петь в тепле.

Она почувствовала боль среди зимней ночи. Теис в свое время запоздала, этот же торопился в мир.

Пандав видела во сне, что ее дети выросли. Девушка, одетая в яркое платье, стояла на крыше. Теперь над бассейном раскинуло крону дерево, растущее в кадке, а на нем висела клетка

с щебечущей птицей, которую выкормила Теис. Дочь выглядела лет на восемнадцать. Ее волосы, хотя и стянутые повязкой из глиняных бус, почти достигали земли. Блестящая грива делилась на двенадцать тонких косичек, и каждая кончалась сверкающим золотым кольцом. Пандав сделала вывод, что дочь уже замужем.

Сына ее нельзя было спутать ни с кем. Такой же черный, как она, в ее глазах он обладал красотой бога, но унаследованной не от матери. Не стал он, как решила она во сне, и копией Регера. Но глаза его были глазами Регера Лидийца. Спокойный и улыбающийся, он подошел к ней и вложил в ее руки подарок — живую дышащую огненную танцовщицу в прыжке, вырезанную из темного дерева.

— Это тебе в честь праздника Даров. Праздника Ках, — сказал он и добавил, не умоляя и не тревожась: — Она нравится тебе, мама?

Его переполняло счастье. Оно проглядывало не в улыбке, но откуда-то из внутренней глубины глаз. Он был совершенством.

Потрясенная, она повертела танцовщицу в руках, а Теис, заглядывая ей через плечо, сказала:

— Мама, это же ты!

И неожиданно ее тело исчезло, а ее душа, да, именно душа, стала танцевать огненный танец, выжигая всю бессмыслицу тела... Но в этот миг все ее естество сотрясла волна острой боли.

Он рано начал и торопился в мир. Изнемогая, она вспомнила и выкрикнула нужную фразу:

— Ках, помоги мне!

И Ках помогла. В жизнь вырвалась черная, как уголь, голова ее сына. Затем вышли тело и ноги, и Пандав увидела, что родила превосходное живое существо.

Когда Эруд вопреки запретам вошел в комнату, то поднял мальчика на руки и поклялся:

— Твой цвет, закорская женщина. Но глаза — мои. Взгляни, видишь? Мои глаза, мой пол — мужчина, по воле богини!

Изнуренная, Пандав откинулась на подушки. Эруд сунул ей в руку золотые серьги — так же, как вложили туда во сне какой-то другой подарок, но его образ ушел от нее в родовых муках. Затем ей дали ребенка, и она покормила его. К нему перешли глаза Лидийца — точнее, ланнца, но, к счастью, Эруд спутал их со своими. Он станет заботливым отцом. Это будет его сын во всем, кроме плоти и крови.

Она убедит Эруда, что ребенок должен носить искайское имя — старое имя нагорий, которое на искайский лад звучит как Райэр.

Сын задремал у нее на груди. Его лицо было безмятежным и совершенным. Луна выглянула из-за перистых облаков, и в спокойных очертаниях детского личика Пандав увидела невозмутимое лицо спящего мужчины шестнадцати или двадцати пяти лет. Но таким ему лишь предстояло сделаться.

СОДЕРЖАНИЕ

Повелитель гроз 5
Анакир 295
Белая змея 687

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Ли Танит

Повелитель гроз
Анакир
Белая змея

Художественный редактор О. Адаскина
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор Е. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область, г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Танит Ли (р. в 1947 г. в Англии) — одна из ведущих авторов современной «темной фэнтези» и признанный мастер черной мистики, обладатель престижной премии «World Fantasy Award» и номинант «Небьюлы», автор десятков рассказов, повестей и романов, лучшим из которых она считает масштабную фэнтези-трилогию «Повелитель гроз. Анакир. Белая змея» — трилогию, которую критики сравнивают с произведениями САМОГО МАЙКЛА МУРКОКА...

...Молва о славных деяниях Ральднора — мага и меченосца — летит из королевства в королевство.

Уже сейчас ему, герою-одиночке, незаконному сыну короля Перворожденных Висов и жрицы черной Богини-Змеи, нет и не может быть равных.

Но существует смутное предсказание — однажды Ральднор обретет ИСТИННОЕ МОГУЩЕСТВО.

И тогда содрогнется ВЕСЬ МИР!

«Проза Танит Ли — это возвращение к самым истокам фэнтези и оригинальное обновление основы основ этого жанра!»

Майкл Суэнвик

ISBN 5-17-032666-1